

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

THE GENOESE GAZARIA
AND THE GOLDEN HORDE

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

Том 2

Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова

*Под редакцией
С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова*

Казань — Кишинев

2019

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A. KH. KHALIKOV,
TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES
HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

**THE GENOESE
GAZARIA**
and
**THE GOLDEN
HORDE**

Volume 2

In memory of German Fyodorov-Davydov

*Edited by
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov*

Kazan — Kishinev

2019

Печатается по решению Ученого совета
Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,

Под редакцией

С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова

Научные рецензенты:

доктор исторических наук И. К. Загидуллин,
заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

доктор исторических наук, доцент А. Р. Канторович,
заведующий кафедрой археологии исторического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

доктор исторических наук В. В. Трепавлов,
руководитель центра истории народов России и межэтнических отношений,
главный научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук

доктор исторических наук Р. М. Шукуров,
доцент кафедры истории средних веков исторического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова Акад. Наук Респ. Татарстан, Ун-т высшая антропологическая школа ; под ред.: С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков ; науч. рецензенты: И. К. Загидуллин [и др.] ; обл.: Д. А. Топал. – Кишинэу : Stratum Plus ; Казань : Б. и., 2019 (Ф.Е.-Р. «Tipografia Centrală») – . – (Серия «Археологические источники Восточной Европы» = «Archeological records of Eastern Europe», ISBN 978-9975-4272-6-5). – ISBN 978-9975-3198-9-8.

1 disc optic electronic (CD-ROM ; 700 Mb ; 52x) : sd., col.; în container, 15 x 15 cm. – Titlu preluat de pe eticheta discului. – Cerințe de sistem: Windows OS, HDD 64 Mb, PDF Reader.

Том 2. – 2019. – 824 p. : fig. – Tit., text paral.: lb. engl., rusă. – Rez.: lb. engl., rusă. – Bibliogr. la sfârșitul art. – Referințe bibliogr. în subsol. – ISBN 978-9975-3343-0-3.

902/904(4+5)(082)

Г 348

Второй выпуск сборника статей «Генуэзская Газария и Золотая Орда» посвящён памяти выдающегося деятеля отечественной науки, археолога, историка и нумизмата, основателя российской школы золотоордынской археологии, профессора МГУ Г. А. Фёдорова-Давыдова. Освещает вопросы историко-географических исследований территорий и историко-топографического изучения городов и памятников археологии Византийской империи, Монгольского государства, Золотой Орды, Генуэзской Газарии в XIII—XV вв. и государств-наследников этих стран в XVI—XVIII вв. на Евразийском континенте. В него вошли статьи, которые подготовили пятьдесят шесть исследователей из Казахстана, Киргизии, Молдовы, России, Румынии и Украины.

Сборник научных статей предназначен для историков, археологов, этнографов, музееведов, специалистов по истории культурного наследия, студентов гуманитарного профиля обучения и имеет познавательную ценность для краеведов и широкого круга читателей.

ISBN 978-9975-3343-0-3.

- © Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
- © Издательство «Stratum plus» Р.Р., Университет «Высшая антропологическая школа»
- © Ответственные редакторы: С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков
- © Обложка: Д. А. Топал
- Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина
- Технический координатор: Ж. Б. Кроитор
- Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник, Г. В. Засыпкина
- Редактор карт: Л. А. Мосионжник
- Корректор: Г. В. Засыпкина

Printed by decision of the Academic Council
of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov,
Tatarstan Academy of Sciences

Edited by:

Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Reviewed by:

Doctor of Historical Sciences **Ildus K. Zagidullin**,
Head of the Sector of Modern History,
Institute of History named after Sh. Mardjani,
Tatarstan Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor **Anatoliy R. Kantorovich**,
Head of the Chair of Archaeology,
Department of History,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Doctor of Historical Sciences **Vadim V. Trepavlov**,
Head of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations,
leading research fellow of the Institute for the Russian History,
Russian Academy of Sciences

Doctor of Historical Sciences **Rustam M. Shukurov**,
Associate Professor of the Chair of Medieval History,
Department of History,
M. V. Lomonosov Moscow State University

Памяти
Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова
(1931—2000)

In memory of
German Fyodorov-Davydov
(1931—2000)

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдигов (Казань, Россия). Предисловие 15

СИБИРЬ, ЗАБАЙКАЛЬЕ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Н. Г. Артемьева (Владивосток, Россия). Архитектура жилых дворцовых сооружений Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся. 21

Е. И. Гельман (Владивосток, Россия). Очерки истории селадонов 33

О. В. Дьякова (Владивосток, Россия). Позднесредневековые памятники Приморья. 53

А. В. Харинский (Иркутск, Россия), М. П. Рыкун (Томск, Россия), Е. В. Ковычев (Чита, Россия), Н. Н. Крадин (Владивосток, Россия). Монгольский могильник середины XIII — начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты. 69

Н. Н. Крадин, С. Е. Бакшеева (Владивосток, Россия), Е. В. Ковычев (Чита, Россия), С. Д. Прокопец (Владивосток, Россия), А. В. Харинский (Иркутск, Россия). Раскопки Хирхиринского городища в Юго-Восточном Забайкалье 107

П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка (Красноярск, Россия). Наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в развитом средневековье 131

С. Г. Скобелев, А. В. Выборнов (Новосибирск, Россия). Средний Енисей в монгольское время 145

И. Л. Кызласов (Москва, Россия). Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской медиевистики 157

Д. К. Тулуш (Кызыл, Россия). Древнемонгольские города Тувы: обзор современного состояния 179

А. А. Тишкин (Барнаул, Россия). Археологические памятники монгольского времени на юге Западной Сибири и Алтае: результаты исследований и опыт интерпретации 185

С. Ф. Татауров (Омск, Россия). Город Тара и его роль в судьбе сибирских татар в XVII веке 199

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

- В. А. Кольченко (Бишкек, Кыргызстан). Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года) 209**
- А. А. Бисембаев (Актобе, Казахстан). Западный Казахстан в XIII—XIV вв. Историко-географическая ситуация 223**
- М. Д. Калменов, А. Е. Бижанова (Уральск, Казахстан). Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана . 237**
- Э. Д. Зиливинская (Москва, Россия). Новые исследования на золотоордынских поселениях Западного Казахстана. 263**

СРЕДНЯЯ ВОЛГА

- Е. Е. Воробьева (Казань, Россия), М. И. Федулов (Чебоксары, Россия). К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье 289**
- Д. Ю. Бадеев (Москва, Россия). Усадьбы золотоордынского Болгара. . . . 297**
- В. Ю. Коваль (Москва, Россия). Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы. 307**
- К. А. Руденко (Казань, Россия). Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) 325**
- С. И. Валиулина (Казань, Россия). Золотоордынский Биляр. 379**
- Д. А. Сташенков (Самара, Россия). Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды 413**
- А. М. Гайнутдинов, А. Г. Ситдинов, А. С. Старков (Казань, Россия). Арабиграфичные надписные камни из раскопок Казанского кремля 2000-х гг. 433**

НИЖНЯЯ ВОЛГА

- Д. А. Кубанкин (Саратов, Россия). Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища 443**
- Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов (Казань, Россия). Особенности топографии и застройки Багаевского селища 463**
- Е. М. Пигарёв (Казань, Россия). Административно-территориальная структура области Сарай (дельта р. Волга) 483**
- М. В. Цыбин, Н. М. Савицкий (Воронеж, Россия). Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области 509**

З. В. Доде (<i>Ростов-на-Дону, Россия</i>). Ртутный странник: об исследовании одного средневекового погребения	521
И. Ю. Лапшина (<i>Волгоград, Россия</i>). Проблема правления Тинибека	547

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КРЫМ

Л. В. Яворская (<i>Москва, Россия</i>). Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор	553
В. А. Бабенко (<i>Ставрополь, Россия</i>). Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье	569
Ю. В. Зеленский (<i>Краснодар, Россия</i>). Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья	585
Л. М. Носкова (<i>Москва, Россия</i>). Адыгская керамика из археологических памятников XIII—XV веков в фондах Государственного музея Востока	589
А. В. Дмитриев (<i>Новороссийск, Россия</i>), Е. И. Нарожный (<i>Армавир, Россия</i>). Два захоронения воинов-кочевников XIII—XIV вв. из Северо- Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды)	599
А. Н. Масловский (<i>Азов, Россия</i>). Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку	641
А. П. Минаев, Н. И. Юдин (<i>Азов, Россия</i>). Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо- Восточного Приазовья	657
Э. Е. Кравченко (<i>Донецк, Украина</i>). Средневековые поселения на территории Донецких степей	669
В. П. Кирилко (<i>Симферополь, Крым</i>). Культовая архитектура золотоордынского Крыма: версия Э. Д. Зиливинской	691
С. Г. Бочаров (<i>Казань, Россия</i>). Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275—1475 гг.)	741
С. В. Дьячков (<i>Харьков, Украина</i>). Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999—2008 гг.)	771
Л. Бакуменко-Пырнэу, Л. Беженару, С. Рафаилэ-Станк (<i>Яссы, Румыния</i>). Пищевые ресурсы животного происхождения в золотоордынский период на примере Старого Орхея (Республика Молдова)	791
Список сокращений	804

CONTENTS

S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov (*Kazan, Russian Federation*). **Foreword** 15

SIBERIA, TRANSBAIKALIA AND THE FAR EAST

N. G. Artemieva (*Vladivostok, Russian Federation*). **Architecture of Palatial Residential Premises in the Upper Capital City of the Jurchen State — the Eastern Xia** 21

E. I. Gelman (*Vladivostok, Russian Federation*). **Essays on the History of Celadons** 33

O. V. Dyakova (*Vladivostok, Russian Federation*). **Late Medieval Archaeological Sites of Primorye** 53

A. V. Kharinsky (*Irkutsk, Russian Federation*), **M. P. Rykun** (*Tomsk, Russian Federation*), **E. V. Kovychev** (*Chita, Russian Federation*), **N. N. Kradin** (*Vladivostok, Russian Federation*). **The Mongol Cemetery of the Mid-13th — Early 15th Centuries Okoshki 1 in the South-Eastern Transbaikalia: constructive and anthropological aspects** 69

N. N. Kradin, S. E. Baksheeva (*Vladivostok, Russian Federation*), **E. V. Kovychev** (*Chita, Russian Federation*), **S. D. Prokopets** (*Vladivostok, Russian Federation*), **A. V. Kharinsky** (*Irkutsk, Russian Federation*). **Excavations of Khirkhira Town in South-Eastern Transbaikalia** 107

P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka (*Krasnoyarsk, Russian Federation*). **Arrowheads of the Lower Angara Region Population in the High Middle Ages** 131

S. G. Skobelev, A. V. Vybornov (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Middle Yenisei Region in the Mongol Time** 145

I. L. Kyzlasov (*Moscow, Russian Federation*). **Archaeological Signs of State Land Surveying. Methodological Value of the South Siberian Medieval Archaeology** 157

D. K. Tulush (*Kyzyl, Russian Federation*). **Towns of the Early Mongol Time in Tuva: overview of the current state** 179

A. A. Tishkin (*Barnaul, Russian Federation*). **Archaeological Sites of Mongol Time in the South of Western Siberia and Altai: research results and interpretation experience** 185

S. F. Tataurov (*Omsk, Russian Federation*). **The Town of Tara and its Role in the Fate of the Siberian Tatars in the 17th Century** 199

CENTRAL ASIA

- V.A. Kolchenko** (*Bishkek, Kyrgyzstan*). **Christian Cemetery of Mongol Time at Burana Town: according to archival documents on excavations in 1886** . . . 209
- A.A. Bissembayev** (*Aktobe, Kazakhstan*). **Western Kazakhstan in 13th—14th Centuries. Historical and Geographical Situation** 223
- M. D. Kalmenov, A. E. Bizhanova** (*Uralsk, Kazakhstan*). **Topography and Chronology of Medieval Settlements in Western Regions of Kazakhstan** . . . 237
- E. D. Zilivinskaya** (*Moscow, Russian Federation*). **New Research in the Golden Horde Settlements of Western Kazakhstan** 263

MIDDLE VOLGA

- E. E. Vorobeva** (*Kazan, Russian Federation*), **M. I. Fedulov** (*Cheboksary, Russian Federation*). **To the Question about the Russia-Golden Horde Borderlands in Mari-Chuvash Area of the Volga Region** 289
- D. Yu. Badeev** (*Moscow, Russian Federation*). **Homesteads of the Golden Horde Bolgar** 297
- V. Yu. Koval** (*Moscow, Russian Federation*). **Fortification of Bolgar Town in the 14th Century: the current state of the problem** 307
- K.A. Rudenko** (*Kazan, Russian Federation*). **Ethnogeography of the Bulgar Region of the Golden Horde by Archaeological Sources** 325
- S. I. Valiulina** (*Kazan, Russian Federation*). **The Golden Horde Bilyar** 379
- D.A. Stashenkov** (*Samara, Russian Federation*). **Kuzkino Mordovian Burial Ground of the Late 13th—14th Centuries: toward the history of the population of the right bank of the Samara Volga region in the Golden Horde era** 413
- A.M. Gaynutdinov, A. G. Sitdikov, A. S. Starkov** (*Kazan, Russian Federation*). **Stones with Arabic Inscriptions from the Excavations in Kazan Kremlin in 2000s** 433

LOWER VOLGA

- D.A. Kubankin** (*Saratov, Russian Federation*). **Religious and Ethnic Compositions of the Ukek Population. To the issue of the ethnic-confessional topography of the town** 443
- L. F. Nedashkovsky, M. B. Shigapov** (*Kazan, Russian Federation*). **Characteristics of the Topography and Development of Bagaevka Rural Settlement** 463
- E. M. Pigarev** (*Kazan, Russian Federation*). **The Administrative-Territorial Structure of the Capital Sarai Region (Delta of the Volga River)** 483
- M. V. Tcybin, N. M. Savitskiy** (*Voronezh, Russian Federation*). **The Complex of the Golden Horde Sites near Krasnyi Village, Bobrov District, Voronezh Oblast** 509

Z. V. Dode (<i>Rostov-on-Don, Russian Federation</i>). Mercury Wanderer: a study of a medieval burial	521
I. Yu. Lapshina (<i>Volgograd, Russian Federation</i>). The Problem of Tinibek's Reign	547

**THE NORTHERN CAUCASUS,
NORTH BLACK SEA REGION AND THE CRIMEA**

L. V. Yavorskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Concentrations of Animal Bones in the Cities of the Golden Horde: main finds, species, anatomical set . .	553
V.A. Babenko (<i>Stavropol, Russian Federation</i>). Localization of Finds from the Gashun-Usta Stow (Stavropol Governorate, 1890) and the Delimitation of the Golden Horde Possessions in the Central Ciscaucasia	569
Yu. V. Zelenskiy (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Finds of Polovtsian Stone Sculptures as a Source for the Study of Geography of Polovtsian Nomadic Camps in the Kuban Steppe	585
L. M. Noskova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Adygean Pottery from the Archaeological Sites of the 13th—15th Centuries AD from the Collections of the State Museum of Oriental Art	589
A. V. Dmitriev (<i>Novorossiysk, Russian Federation</i>), E. I. Narozhniy (<i>Armavir, Russian Federation</i>). Two Burials of Nomadic Warriors of the 13th—14th Centuries from the North-Eastern Black Sea Region (to the history of the formation of the complex of weapons of the Golden Horde)	599
A. N. Maslovskiy (<i>Azov, Russian Federation</i>). The Topography of Necropolises in the Golden Horde Azak, and their Impact on the Urban Planning	641
A. P. Minaev, N. I. Iudin (<i>Azov, Russian Federation</i>). New Data on the Historical Geography of the Golden Horde Settlements of the Lower Don and the North-Eastern Azov Sea Region	657
E. E. Kravchenko (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Medieval Settlements on the Territory of Donetsk Steppes	669
V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Cult Architecture of the Crimea in the Golden Horde Epoch: E. D. Zilivinskaya's Version	691
S. G. Bocharov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Historical Geography of the Crimean Territories of the Genoese Gazaria (1275—1475)	741
S. V. Dyachkov (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). The Consul's Residence of Genoese Fortress Chembalo of 14th—15th Centuries (by archaeological excavations in 1999—2008)	771
L. Bacumenco-Pîrnău, L. Bejenaru, S. Rafailă-Stanc (<i>Iași, Romania</i>). Animal Food Resources in the Golden Horde Period. Case Study: Old Orhei (Republic of Moldova)	791
Abbreviations	804

Предисловие

Второй том сборника научных статей «Генуэзская Газария и Золотая Орда»¹ посвящён памяти выдающегося деятеля отечественной науки, археолога, историка и нумизмата, основателя российской школы золотоордынской археологии, профессора МГУ Г. А. Фёдорова-Давыдова.

Наше издание направлено на решение нескольких ключевых вопросов в историко-археологических исследованиях Византии, Генуэзской Газарии и Золотой Орды. Первый из них — демонстрация возможностей интеграции различных типов источников при исследовании широких исторических проблем методами археологии; второй — поиск новых подходов к освещению и пониманию различных сюжетов истории евразийского средневековья через материальную культуру; и третий — выявление специфических особенностей в вещественных проявлениях жизнедеятельности как исследуемых государственных образований в целом, так и их локальных регионов.

Статьи, представленные во втором томе издания, большей частью посвящены историко-географическим и археологическим исследованиям обширной империи, образованной монголами и функционировавшей на просторах Евразии в XII—XV вв. Возникнув в XII в., она впоследствии разделилась на ряд новых государственных образований, которые полностью изменили политическую карту Старого Света.

Предыдущий сборник положил начало созданию обобщающего труда по археологии Евразии этого периода на новом современном уровне источниковой базы. В насто-

ящем томе удалось значительно расширить территориальный охват исследований от Дуная до Амура и от Верхней Волги до Чёрного моря. К традиционно рассматриваемым в рамках изучаемой проблематики восточно-европейским территориям Поволжья и Причерноморья добавились исторические регионы формирования монгольского этноса и распространения его государственности на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Сибири и Средней Азии. В западном направлении исследования охватили территории Северного Кавказа, Поднестровья и Подунавья.

Именно такой широкий территориальный охват обусловил рубрикацию второго тома сборника, которая построена по историко-географическому принципу, следуя логике развития Монгольской империи от Прибайкальских областей формирования этноса и государства, ранних завоеваний на Дальнем Востоке до самых западных земель, «куда дойдут копыта монгольских коней». Том состоит из 5 разделов: Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток; Средняя Азия; Средняя Волга; Нижняя Волга; Северный Кавказ, Северное Причерноморье и Крым, которые включают 40 статей, подготовленных 56 исследователями из 6 стран (Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Румыния, Украина). Помимо печатного варианта, второй том сборника научных статей «Генуэзская Газария и Золотая Орда» имеет и электронную версию (<https://www.e-anthropology.com/Katalog/Arheologia>), которая снабжена цветными иллюстрациями. Электронный вариант сборника призван способствовать бесплатному доступу всего круга заинтересованных читателей к публикуемым научным материалам.

Территорию Дальнего Востока очерчивают работы, в которых представлены исследования культурных феноменов, предшествующих возникновению монгольского государства, — чжурчжэньской архитектуры (Н. Г. Артемьева) и бытования селадонов,

¹ Первый том: Генуэзская Газария и Золотая Орда. Под редакцией С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. Серия «Археологические источники Восточной Европы». Казань, Симферополь, Кишинёв: Stratum plus, 2015. 711 с. (URL: <https://www.e-anthropology.com/Katalog/Arheologia/AREE.aspx>).

одной из самых распространённых и узнаваемых групп фарфоровой керамики (Е. И. Гельман). Показаны возможности археологических источников в коррелировке истории функционирования памятников Приморья в монгольское время (О. Н. Дьякова). Новые данные для понимания истории Забайкалья дают результаты недавних археологических исследований Хирхиринского городища и одного из могильников этого памятника (С. Е. Бакшеева, Е. В. Ковычев, Н. Н. Крадин, С. Д. Прокопец, М. П. Рыкун, А. В. Харинский). Впервые в одном сборнике представлен блок работ о специфике археологических памятников монгольской эпохи на всей территории Сибири от восточных до западных ее рубежей. Ряд исследований демонстрирует культурные трансформации, произошедшие в регионах в связи с приходом нового населения в монгольскую эпоху: в Нижнем Приангарье (П. О. Сено-тросова, П. В. Мандрыка), на Среднем Енисее (С. Г. Скобелев, А. В. Выборнов), на юге Западной Сибири и в Алтайском регионе (А. А. Тишкин), вплоть до этнической консолидации татарских групп Западной Сибири в новое время (С. Ф. Татауров). Ценные сведения представляют исследования роли различных типов средневековых археологических памятников как источников для выявления внутренних и внешних региональных границ на территории Южной Сибири (И. Л. Кызласов) и обзор современного состояния городских памятников монгольской эпохи в Туве (Д. К. Тулуш).

В археологии Средней Азии также выявлен целый ряд материальных и культурно-религиозных новаций, появившихся в монгольскую эпоху в Чуйской долине (В. А. Кольченко) и в Западном Казахстане (А. Е. Бижанова, А. А. Бисембаев, Э. Д. Зиливинская, М. Д. Калменов).

Исследования по средневековой археологии Среднего Поволжья отличает разнообразие тематики. Решаются вопросы этнической специфики распределения населения в Булгарском улусе Золотой Орды (Е. Е. Воробьева, К. А. Руденко, Д. А. Сташенков, М. И. Федулов). Ряд авторов рассматривает проблематику связанную с обустройством и функционированием городов Средней Волги в золотоордынский период (Д. Ю. Бадеев, С. И. Валиулина, В. Ю. Коваль). Уделено внимание постмонгольским эпиграфическим памятникам этого региона (А. М. Гайнутдинов, А. Г. Ситдииков, А. С. Старков).

Две статьи маркируют этно-религиозную специфику в составе населения города Ужика и его округа (Д. А. Кубанкин, Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов). Представлен новый взгляд на административное деление ханского «домена» (Е. М. Пигарев). Вводятся в научный оборот материалы археологических исследований уникального комплекса мавзолеев в Воронежской области (М. В. Цыбин, Н. М. Савицкий). В этой же рубрике опубликованы новые данные, полученные при детальном исследовании экстраординарного захоронения воина из Шумаевского курганного могильника (З. В. Доде), а также историческое исследование проблемы передачи власти в Золотой Орде после смерти хана Узбека (И. Ю. Лапшина).

Работы по византийской и золотоордынской археологии Юга России охватывают Северный Кавказ, Причерноморье, включая Крымский полуостров, вплоть до Подунавья, демонстрируют яркое переплетение различных научных тематик. Часть статей посвящена историко-географическим исследованиям значительных территорий (С. Г. Бочаров, Э. Е. Кравченко, А. П. Минаев, Н. И. Юдин). Изучаются вопросы истории архитектуры, топографии городов и специфики исследованных городских некрополей, локализации и атрибуции ярких археологических объектов и явлений (В. А. Бабенко, А. В. Дмитриев, С. В. Дьячков, Ю. В. Зеленский, В. П. Кирилло, А. Н. Масловский, Е. И. Нарожный, Л. М. Носкова). Отдельного внимания заслуживают исследования по экономической истории Золотой Орды, полученные на археозоологических материалах (Л. В. Яворская, Л. Бакуменко-Пырнэу, Л. Беженару, С. Рафаилэ-Станк).

Составители сборника научных статей «Генуэзская Газария и Золотая Орда», стремясь реализовать идею подготовки и написания академического труда по исторической географии Монгольской империи и государств — её преемников, считают второй том издания очередным шагом в формировании научного коллектива для осуществления этого масштабного проекта. Достичь современного уровня в осмыслении истории российской государственности и общности народов, её составляющих, невозможно без фундаментальных обобщающих исследований материальной культуры двух держав, чье влияние на ее формирование несомненно — с одной стороны, византийского наследия, и с другой стороны, наследия золотоордынского.

С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков.

Foreword

The second volume of academic papers “The Genoese Gazaria and the Golden Horde” is dedicated to the memory of an outstanding scholar, archaeologist, historian and numismatic, founder of the Russian School of Golden Horde archaeology, Professor of Moscow State University G.A. Fedorov-Davydov.

By this volume, we wanted to address a few key issues raised in historical and archaeological studies of Byzantium, Genoese Gazaria and Golden Horde. Issue number one: we want to demonstrate possibilities for integration of different types of sources while studying broad historical problems through archaeological methods; number two — searching new ways to elucidation and understanding of different narratives of Eurasian medieval history through material culture; and number three — identification of specific features in material manifestations of vital activities by states, as a whole, and by their local regions, in particular.

The articles collected in the second volume mainly address historical, geographical and archaeological studies of the vast Mongol Empire, which functioned across Eurasia in 12th—14th centuries. Having appeared in the 12th century, it then got divided into a number of new states, which, in their turn, were to cardinaly change the political map of the Old World.

The previous volume lay the beginnings for a fundamental overview of Eurasian archaeology of the mentioned period, using the modern knowledge of sources. With this volume, we have managed to expand the studied territory — from the Danube to the Amur, and from the Upper Volga to the Black Sea. Thus, we have added the historical regions where the Mongol ethnicity evolved and then spread its statehood in Far East, Transbaikalia, Siberia and Middle Asia — to the traditionally studied Eastern-European lands in the Volga and the Black Sea region. In the west, the studies in this volume encompassed territories in the Northern Caucasus, Dniester and Danube basins.

Sections in the second volume were determined by this wide territorial span: it relies on historical geography and follows the logic of evolution of the Mongol Empire, from the Baikal basin where their ethnicity and state were born, through their early conquests in Far East, and to the remote western lands, “wherever the hooves of the Mongol horses can reach”. The present volume includes 5 chapters: Siberia, Transbaikalia and Far East; Middle Asia; Middle Volga; Lower Volga; Northern Caucasus, North Black Sea region and the Crimea, including 40 articles prepared by 56 researchers from 6 countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Russia, Romania, Ukraine). Besides this printed edition, the second volume of the collection “The Genoese Gazaria and the Golden Horde” has an electronic version (<https://www.e-anthropology.com/Katalog/Arheologia>) supplied by color illustrations. The electronic edition will enable free access to the published studies for all interested readers.

The territory of Far East is addressed in papers examining such cultural phenomena predating the emergence of the Mongol state as Jurchen architecture (N.G. Artemieva) and use of celadon — one of the most common and recognizable groups of porcelain ceramics (E.I. Gelman). It is examined whether the archaeological sources can make corrections to the history of function of Primorye sites in Mongol time (O.N. Dyakova). Some recent archaeological studies on the Khirkhira hillfort and one of its necropolises contribute with some new data to a better understanding of the history of the Transbaikalia (S.E. Baksheeva, E.V. Kovychev, N.N. Kradin, S.D. Prokopets, M.P. Rykun, A.V. Kharinsky). A set of papers on specific features of Mongol archaeological sites across the whole territory of Siberia — from its eastern to its western boundaries — are brought together in the same volume for the first time. A number of researchers have demonstrated cultural transformations in the regions due to an inflow of new populations during the Mongol time: to Lower Angara region

(P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka), Middle Yenisei region (S. G. Skobelev, A. V. Vybornov), south of Western Siberia and Altai (A. A. Tishkin), until ethnic consolidation of the Tartar groups of Western Siberia in the Modern Times (S. F. Tataurov). Some precious knowledge is offered by studies into the role played by different types of Medieval archaeological sites as sources helping to distinguish internal and external regional boundaries in Southern Siberia (I. L. Kyzlasov), and by a review of the current condition of Mongol urban sites in Tuva (D. K. Tulush).

Archaeologists who study Middle Asia also identified a number of material and cultural-religious innovations that emerged in Chuya Valley (V. A. Kolchenko) and Western Kazakhstan (A. E. Bizhanova, A. A. Bisembaev, E. D. Zilivinskaya, M. D. Kalmenov) during the Mongol Time.

Studies into medieval archaeology of the Middle Volga region address a variety of topics. Questions are addressed about specific ethnic features of the population in Bulgar Ulus of the Golden Horde (E. E. Vorobyeva, K. A. Rudenko, D. A. Stashenkov, M. I. Fedulov). A few authors examine the issues of organization and functioning of the cities in the Middle Volga region during the Golden Horde (D. Yu. Badeev, S. I. Valiulina, V. Yu. Koval). Several authors addressed post-Mongol epigraphic inscriptions in the region (A. M. Gainutdinov, A. G. Sitdikov, A. S. Starkov).

Two articles examine ethnic and religious aspects in the composition of the population of Ukek town and its environs (D. A. Kubankin, L. F. Nedashkovsky, M. B. Shigapov). A new perspective is offered on the administrative division of the khan's 'domain' (E. M. Pigarev). Materials of archaeological studies on the unique complex of mausoleums in Voronezh Oblast are offered for the academic discussion (M. V. Tsybin, N. M. Savitskiy). The same section contains

a publication of new data obtained through a detailed study of an extraordinary burial of a warrior from the Shumaev barrow cemetery (Z. V. Dode), and a historical review of the transfer of power in the Golden Horde after Khan Uzbek's death (I. Yu. Lapshina).

Works on Byzantine and Golden Horde archaeology of the South Russia encompass the Northern Caucasus, Black Sea region, including the Crimean Peninsula, and up to the Danube region, and demonstrate a remarkable intertwining of various academic topics. Some papers are dedicated to the historical-geographic studies of vast territories (S. G. Bocharov, E. E. Kravchenko, A. P. Minaev, N. I. Yudin). The authors address history of architecture, urban topography and specific issues of studies of urban necropolises, localization and attribution of outstanding archaeological sites and phenomena (V. A. Babenko, A. V. Dmitriev, S. V. Dyachkov, Yu. V. Zelenskiy, V. P. Kirilko, A. N. Maslovskiy, E. I. Narozhniy, L. M. Noskova). Studies in economic history of the Golden Horde based on archaeo-zoological evidence deserve special attention (L. V. Yavorskaya, L. Bacumenco-Pîrnău, L. Bejenaru, S. Rafailă-Stanc).

The editors of this volume of "The Genoese Gazaria and the Golden Horde", while aiming to implement their idea to prepare and write an academic paper on historical geography of the Mongol Empire and its states-successors, believe that this second volume is another step towards building a team of researchers who will be able to implement such a demanding project. It will be impossible to meet modern requirements in trying to understand the history of the Russian statehood and the affinity of its peoples without undertaking a fundamental overview of material culture of the two superpowers, which had an important impact on its evolution: the Byzantine heritage, on the one hand, and the Golden Horde heritage, on the other.

Sergei Bocharov, Airat Sitdikov

**СИБИРЬ, ЗАБАЙКАЛЬЕ
И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК**

Siberia, Transbaikalia and the Far East

Н. Г. Артемьева

Nadezhda Artemieva. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences¹.

Артемьева Надежда Григорьевна. Кандидат исторических наук. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук.

E-mail: artemieva_tg@list.ru

Address: ¹Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation

Архитектура жилых дворцовых сооружений Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся

Keywords: Far East of Russia, Jurchen, Eastern Xia State, architecture, capital city, columns, tiles, bricks, blazonry

Ключевые слова: Дальний Восток, чжурчжэни, государство Восточное Ся, архитектура, столичный город, колонны, черепица, кирпичи, архитектурные украшения

N. G. Artemieva

Architecture of Palatial Residential Premises in the Upper Capital City of the Jurchen State — the Eastern Xia

The archeological excavations of the walled towns dated back to the period of the Jurchens' State — the Eastern Xia (1215—1233) — have been conducted on the territory of Primorye for about fifty years. Archeologists have already found more than five hundreds of different types of buildings, including living units, household buildings, administrative and palatial constructions. The Jurchen people used three architectural technologies: column-frame technique, pillar-supported system and a column method. The construction technology helps to determine type and functions of the building. Column-supported buildings with tiled roof were classified as palaces. Some of the palatial residential premises that were excavated on the territory of the Upper Capital City of the Eastern Xia State (Krasny Yar fort) were constructed with use of column and pillars — this type of architectural technology was previously unknown for the researchers. Although the Jurchen architecture was developing within the mainstream Far Eastern architectural tradition, it had their own specific architectural style within the framework of that tradition.

Н. Г. Артемьева

Архитектура жилых дворцовых сооружений Верхней столицы чжурчжэньского государства Восточное Ся

На территории Приморского края уже около пятидесяти лет ведутся исследования городищ, которые датируются временем существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215—1233 гг.). В настоящее время раскопаны более пятисот жилых, хозяйственных, административных и дворцовых построек. Чжурчжэни при строительстве использовали три конструктивных приема — каркасно-столбовой, свайный и колоннадный, которые могут служить критерием для выделения определенного типа строений. Здания колоннадного типа с черепичной крышей были отнесены к дворцовым сооружениям. На Красноярском городище — Верхней столице государства Восточное Ся исследованы жилые здания дворцового типа, при строительстве которых использовался новый строительный прием возведения стен — колоннадно-столбовой. Чжурчжэньская архитектура развивалась в общем русле дальневосточной архитектуры, образовав в ней своеобразное направление.

На территории Приморского края уже около пятидесяти лет ведутся исследования городищ, которые датируются временем существования чжурчжэньского государства Восточного Ся (1215—1233 гг.). Огромный археологический материал, накопленный

за это время, позволяет углубленно начать разрабатывать исследования довольно конкретных тем, дающих характеристику культуры населения Дальнего Востока в XIII в. К таким направлениям относятся исследования дворцовой архитектуры.

В настоящее время раскопано более пяти-сот жилых, хозяйственных, административных и дворцовых построек. При этом было установлено, что чжурчжэни при строительстве использовали три конструктивных приема — каркасно-столбовой, свайный и колоннадный, которые могут служить критерием для выделения определенного типа строений (Артемьева 1998). При строительстве жилищ всегда использовалась каркасно-столбовая система, которая хорошо прослеживается по ямкам, располагающимся по периметру стен жилищ. Рядом с жилищами располагались хозяйственные постройки в виде амбаров, при строительстве которых применялся свайный строительный прием.

К постройкам, возведенным колоннадным способом, относятся дворцовые сооружения, здания общественно-административного характера и культовые постройки. Все они строились на прямоугольных площадках с цоколем и без него. Колонны, располагающиеся в определенном порядке, поддерживали тяжелую черепичную крышу, опирались на каменные базы. В тех случаях, когда пол здания был недостаточно плотным, под базы выкапывались ямы — забутовки, служившие фундаментом. В таких постройках колонны играли и конструктивную, и композиционную роль. Они, соединенные в верхней части системой кронштейнов с вышележащими балками, держали черепичную крышу. По высоте колонны могли быть неодинаковыми. Их высота уменьшалась от центра к краям сооружения, создавая так называемый «взлет». В композиционном смысле колонны придавали зданию вид павильона. Крайние колонны служили для соединения стен здания. По внутренней планировке здание не расчленялось, хотя колонны не мешали свободной планировке интерьера (Воробьев 1983: 184).

До недавнего времени все здания колоннадного типа с черепичной крышей были отнесены к дворцовым сооружениям (Шавкунов 1990: 82). Отмечалось, что эти постройки не имеют системы отопления, а обнаруженная на них черепица однотипная, состоит из нижних черепиц без орнаментальных отливов. Необходимо подчеркнуть, что постройки колоннадного типа встречаются в социально значимых районах, где сосредоточена администрация города. Размеры зданий — от 90 до 200 кв. м. Количество баз зависело от площади зданий. По расположению баз можно судить, что все здания прямоугольной формы. Поперечные ряды имели от 3 до 5 баз, а продольные — 6, 8, 9, 10, 11. Расстояние между базами — от 0,8 до 3 м. При исследо-

вании этих зданий встречались однотипные находки, что дало основание предположить, что они использовались как государственные хранилища-склады.

С такой же архитектурой обнаружены здания и административного характера. Ярким примером этому служит исследованный комплекс Шаофудзянь на Красноярском городище (Верхней столице государства Восточное Ся), которое относилось к внутреннему управлению императорского двора (Артемьева 2001). Внутренняя территория комплекса архитектурно была разбита на три части двух зданий колоннадного типа и жилого помещения. Все эти сооружения выстроены П-образно. Главное здание находилось в северной части и продольной стороной располагалось по линии восток — запад. С западной стороны от него сооружено второе здание, а с восточной — жилое помещение. Южнее этого ведомства были раскопаны палаты делопроизводителей — четыре здания колоннадного типа, рядом с которыми находились жилые помещения.

На Южно-Уссурийском, Николаевском и Красноярском городищах были исследованы дворцовые сооружения, которые также относятся к зданиям колоннадной конструкции, но отличительная их черта — богато украшенные черепичные крыши.

Среди этого разнообразия зданий дворцового типа колоннадной конструкции особый интерес представляют жилые дворцовые сооружения, которые пока обнаружены лишь на Красноярском городище — Верхней столице государства Восточное Ся, на территории императорской ставки, которая располагалась в центральной части Запретного города (рис. 1). Он обнесен земляными валами, которые, следуя рельефу местности, нарушали стандартные прямоугольные формы, но, несмотря на это, линии валов старались приблизить к квадрату. Пространственно планировочную среду этого места условно можно разделить на две части: северную и южную. В первой располагались административные (официальные) палаты (склады, арсенал и т. д.). Здесь же находились государственные мастерские.

Южная часть была занята резиденцией императора и его семьи. В плане она имеет форму прямоугольника, углами ориентированного по сторонам света, площадью около 9900 кв. м (110×90 м), обнесенного земляными валами (рис. 2). Вся площадь спроектирована за счет искусственно созданных террасовидных площадок, расположенных друг над другом. На каждой террасе были построены

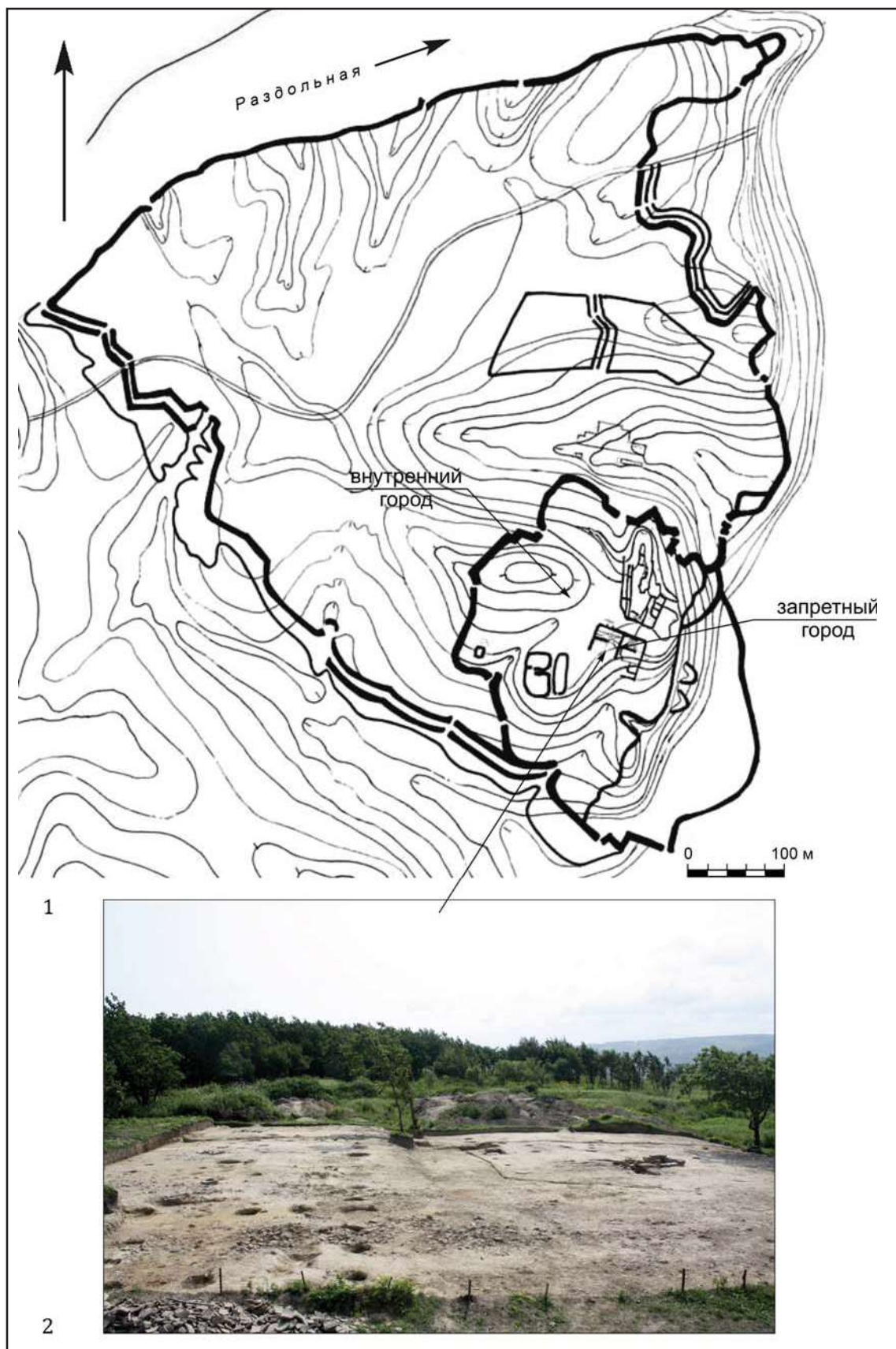

Рис. 1. План Красноярского городища (1) и раскоп на территории Дворцового комплекса, вид с северо-запада (2).

Fig. 1. A ground map of the Krasnoyarskoye walled town (1) and the excavation site on the territory of the Palatial Complex, north-western view (2).

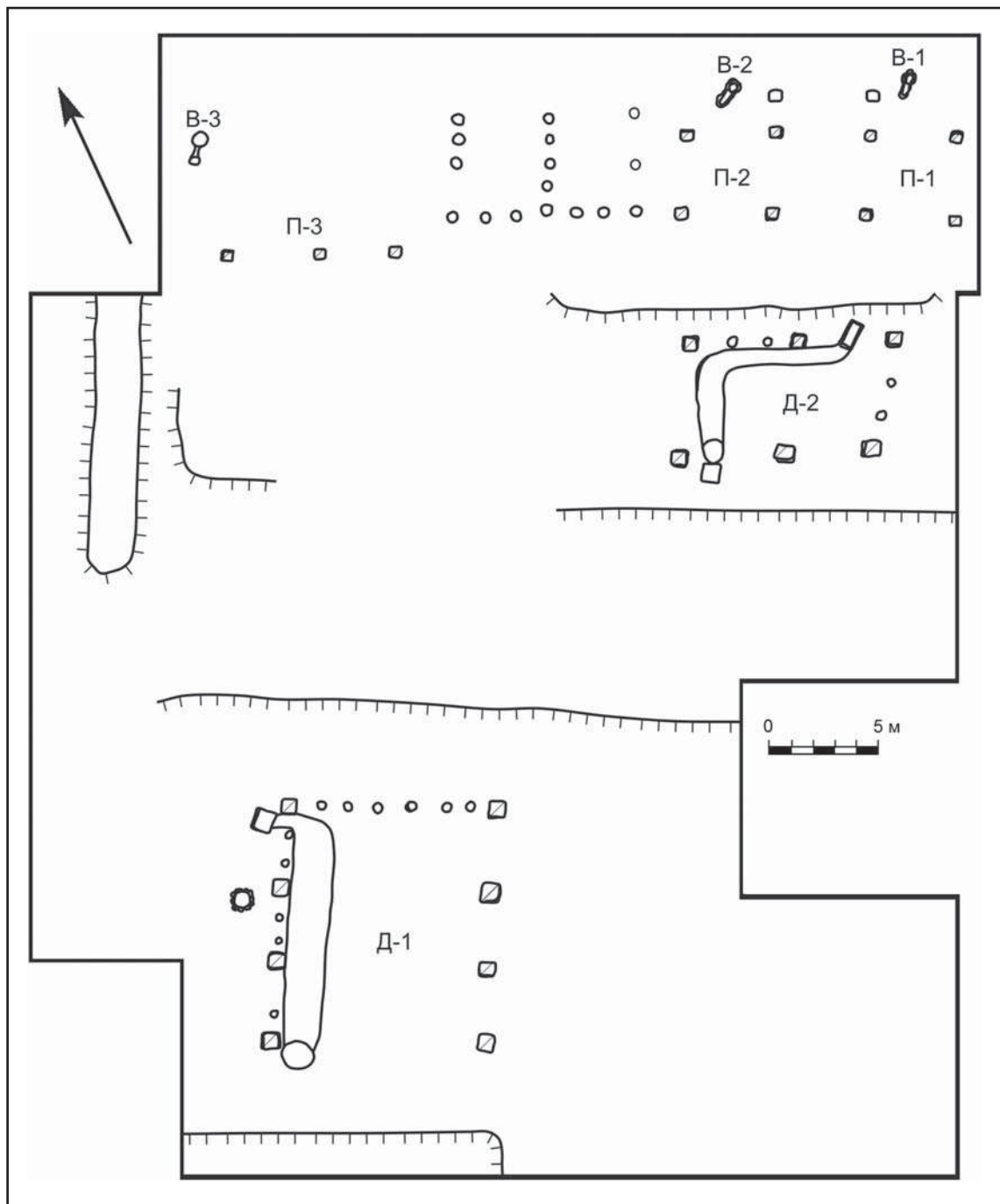

Рис. 2. План Дворцового комплекса. Д — дворец, П — павильон, В — водоем.

Fig. 2. A map of the Palatial Complex. "Д" — a palace, "П" — a pavilion, "В" — a water reservoir.

дворцовые строения, расположенные в шахматном порядке. За счет этого крыша ниже-расположенного здания не перекрывала обзор вышестоящему строению.

В настоящий момент исследована северная часть дворцового комплекса, площадью 2058 кв.м, в которую вошли два дворцовых жилых сооружения и два открытых павильона.

Дворец 1. Это здание было построено на искусственно сделанной террасовидной площадке (22×17 м), врезанной в склон сопки. Оно находилось в северо-западной стороне, не примыкая к краям террасы (рис. 3). Архитектура этого здания отличается от ранее раскопанных зданий колоннадного типа под черепичной крышей. Если черепичные крыши зданий колоннадного типа опирались

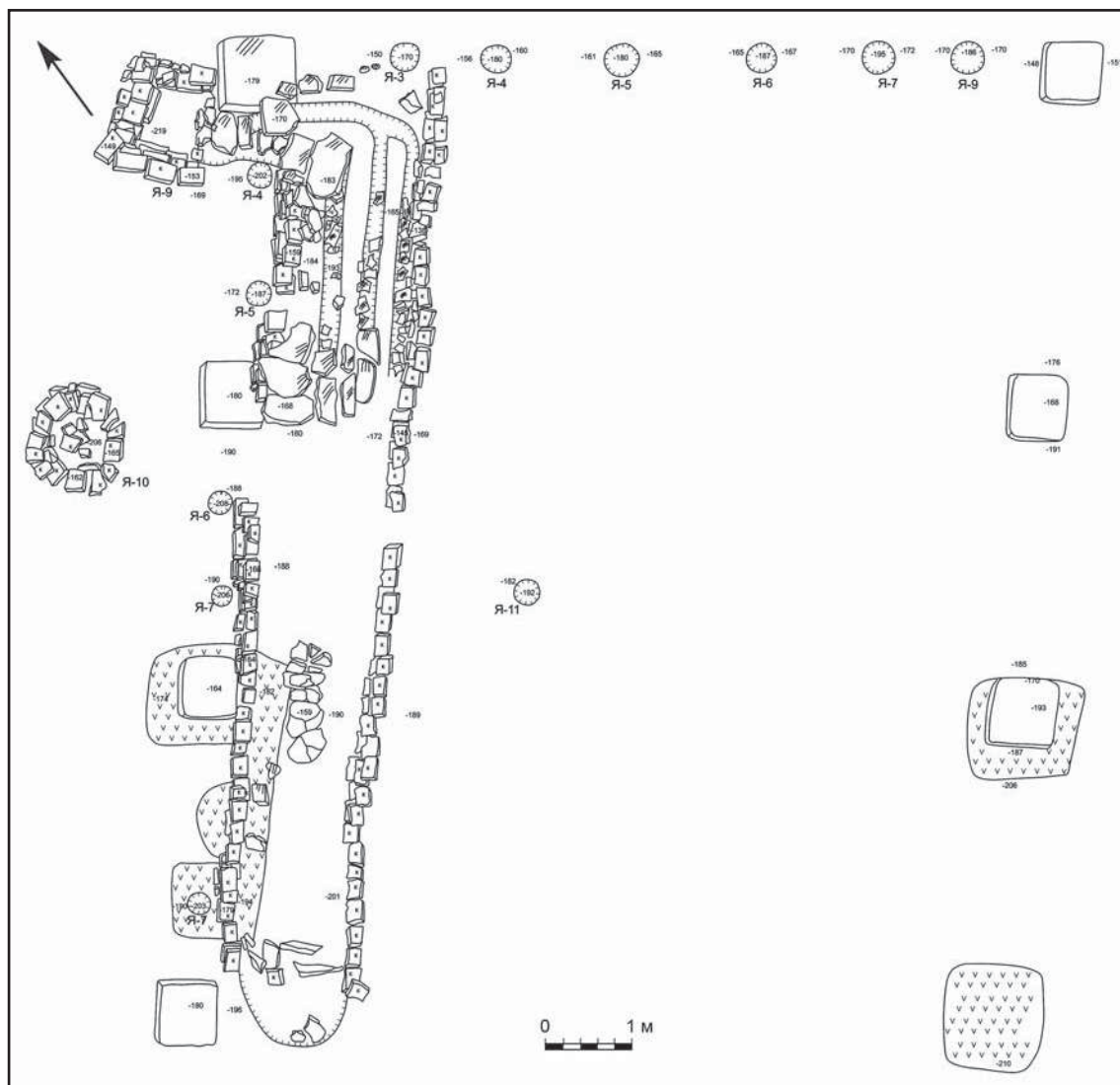

Рис. 3. План Дворца 1.

Fig. 3. A map of the Palace-1.

на колонны, то в этой постройке опорами для нее служили колонны и каркас (рис. 4). За счет этого внутреннее пространство помещения не расчленялось, а имело свободную планировку интерьера. Фасадные колонны в композиционном смысле придавали зданию вид дворцового сооружения, а внутреннее пространство представляло собой жилое помещение, отапливаемое каном.

Площадь здания 132 кв.м (11×12 м). В плане оно почти квадратное, входом ориентировано на юго-запад. По юго-восточной и северо-западной стенам располагались колонны (по четыре с каждой стороны), которые опирались на каменные базы. Базы все стандартные, размерами 65×70×20 см. Расстояние между ними около 3 м. В этих промежутках прослежены ямки от столбов каркаса стен. Северо-восточная и юго-западная сте-

ны крепились на каркас (по шесть ямок каркаса с двух сторон). Расстояние между ямками около метра.

Колонны поддерживали черепичную крышу. После ее разрушения по всей площади здания прослежен черепичный завал мощностью до 30 см. Наибольшее количество фрагментов черепицы обнаружено в северной части постройки. Очевидно, при разрушении здания крыша упала в этом направлении. Здесь собраны фрагменты украшений конька крыши (чивэй) в виде двух керамических панно с головами драконов, четыре головы драконов, которые украшали скаты крыши, и карнизная черепица с орнаментальными отливами.

Среди огромного количества фрагментов черепицы (около 3 тыс. шт.) большая часть представлена нижней черепицей маленьких

Рис. 4. Зачистка северо-восточной стенки Дворца 1. Вид с северо-востока.

Fig. 4. The north-eastern wall of the Palace-1. The cleaning off process. The north-eastern view.

стандартов (длина 15—16 см, хорда широкого края 20 см, хорда узкого края — 19 см, толщина 2—2,5 см), с орнаментальными отливами и без них. Отлив на такой черепице изготавливался за счет утолщения нижнего края (толщина 3,5—4 см), который украшен фестонами и оформлен вдавленными полосками. Орнаментальная зона отлива — два выпуклых валика (0,8 см), между которыми находится углубленная полоса (1,8 см) с выпуклыми четырехугольниками. Такой стандарт черепицы прослежен только на Красноярском городище.

Также были обнаружены фрагменты нижних черепиц обычных стандартов (длина 33—38 см, хорда широкого края — 22 см, узкого — 19 см) с орнаментальными отливами: растительным (в виде трех облаковидных лепестков), косая сетка-штамп, четырехлепестковые вдавленные розетки, ромбы в виде косой сетки. Эти типы черепиц обнаружены в единичных экземплярах, так же как и верхняя черепица.

У левой от входа стены здания находилась отопительная система кан. Он был односторонним, трехканальным, длиной около 12 м, шириной около 2 м. Внешние стенки кана выложены кирпичом, высотой в три кирпича. Нижний ряд сделан из целых кирпи-

чей, верхний и средний — из половинок кирпичей, положенных вплотную друг к другу. Дымоходные каналы перекрывались плоскими камнями. Труба кана находилась за пределами дворца и представляла собой квадратную яму (70×70 см, глубиной 60 см), обложенную кирпичом, на глубину 8 рядов (рис. 5).

В здании обнаружена чугунная форма для отливки, внутри которой сделана выемка в форме «бабочки». Возможно, эту форму использовали для отливки «замков», скрепляющих каменные строения, или серебряных ямбов номиналом в 50 лян.

Уникальная находка была обнаружена за северо-восточной стенкой здания. Это буддийский жезл — ваджра, олицетворяющий буддийский космос. На нем нанесена регистрационная надпись — «Управление чжэн-сы области Линьхуан (фу)». Указанная область находится на территории Внутренней Монголии (КНР), в верховьях реки Шарамурен. Это современный город Балиньцзоци. В этом месте раньше располагалась Верхняя столица киданьской империи Ляо, которая в свое время была завоевана чжурчжэнями.

С западной стороны от здания обнаружен дренажный колодец — яма диаметром около метра, глубиной 0,5 м, оформленная половинками кирпичей.

Рис. 5. Дворец 1. Труба кана. Вид с юго-востока.

Fig. 5. The Palace-1. A kang exhaust. The south-eastern view.

Судя по планировке, площади (более 100 кв. м), внутреннему устройству и богато украшенной черепичной крыше, это здание служило жилым дворцовым сооружением императора.

Дворец 2. Это здание было построено северо-восточнее дворца 1, на выше-расположенной террасовидной площадке (10×20 м) (рис. 6). Оно расположено в северо-восточной стороне террасы. По архитектурному решению постройка полностью совпадает с Дворцом 1. Внутреннее пространство здания не расчленено колоннами. Они проходят лишь по периметру стен. Внутри здания обнаружена отопительная система (рис. 7).

Площадь здания 60 кв. м (6×10 м). В плане оно прямоугольное, входом ориентировано на юго-запад. По длинным сторонам постройки прослежены каменные базы (по три на каждой стороне), размерами 55×55×10—15 см. Они полностью утоплены в земляной пол. Расстояние между ними около 4 м. В этих промежутках прослежены ямки от столбов каркаса стен (по две в каждом промежутке). Расстояние между столбами каркаса 130 см. По узким сторонам постройки по углам прослежены две базы, между ко-

торыми найдены две ямки от каркаса стены. Расстояние между пролетами около 2 м. В центральной части постройки обнаружены две ямки от столбов, которые могли использоваться для поддержки коньковой балки крыши постройки.

По планировке это здание имело двускатную черепичную крышу, остатки которой обнаружены по всей площади здания. Большое количество фрагментов от чивэй — коньковых панно с драконами, зафиксировано в центральной части здания и за северо-восточной стенкой. Фрагменты драконов, находящихся на скатах крыши, обнаружены по углам здания.

Из огромного количества фрагментов нижней черепицы выделяются два стандарта (большой и малый), так же как и во Дворце 1: первый — длина 32,5—38 см, ширина малой хорды 19 см, ширина большой хорды 22 см; второй — длина 15—16 см, ширина малой хорды 19 см, ширина большой 2 см.

Верхняя черепица с хвостовиком имела размеры: длина 32,5—34 см, ширина малой хорды 12 см, ширина большой хорды 14 см.

Гребневая черепица (1/3 часть нижней черепицы) имела размеры: длина 27 см, ширина хорды 8,59 см. Она укладывалась как

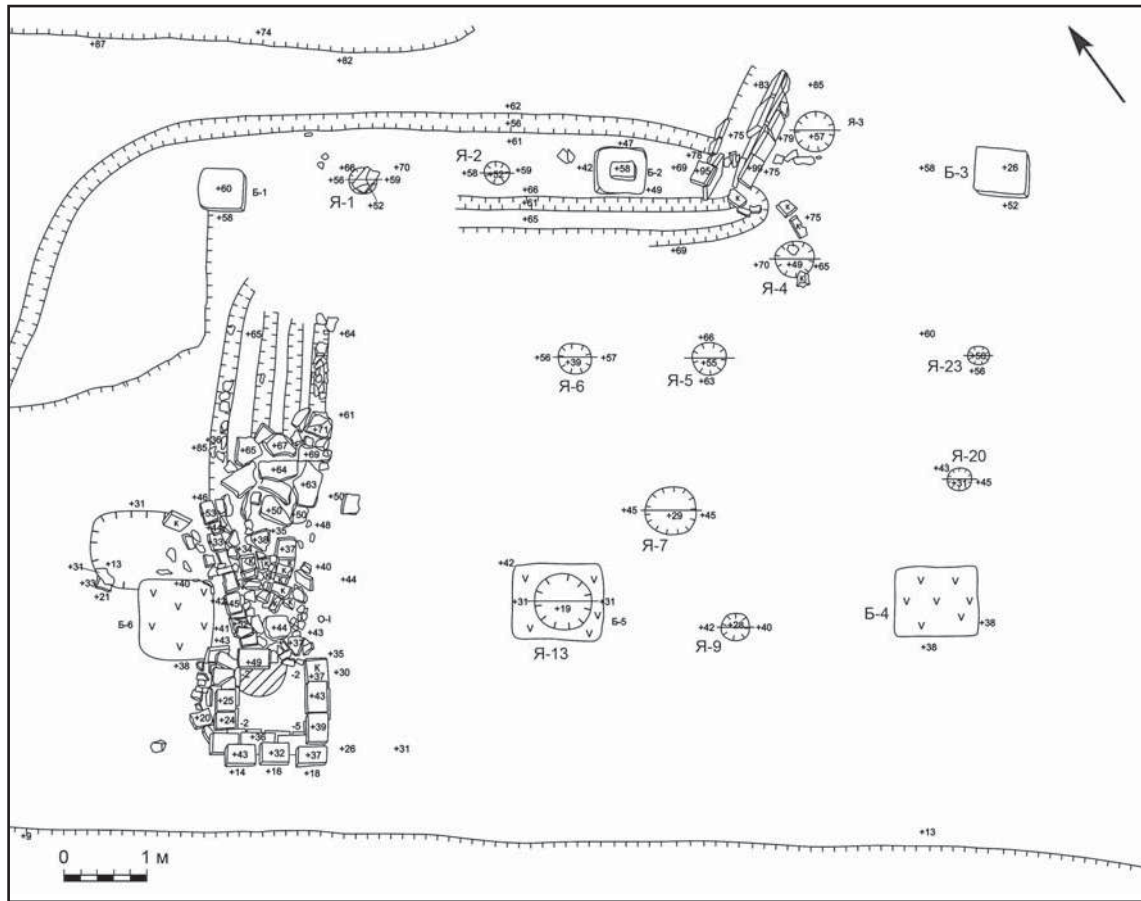

Рис. 6. План Дворца 2.

Fig. 6. A map of the Palace-2.

на гребень крыши, так и использовалась на ес катах.

Фронтонная черепица с орнаментальными отливами — это в основном черепица малых стандартов. По орнаментальному заполнению отливов она делится на четыре вида: 1 — сетка; 2 — вдавленные ромбы; 3 — пальчиковый; 4 — растительный. Орнамент второго вида преобладает. Остальные, скорее всего, относятся к первому строительному горизонту и использовались вторично.

Внутри дворца обнаружена система отопления кан, которая располагалась вдоль северо-западной и северо-восточной стенок. По форме кан был Г-образным, т.е. состоял из двух секций, очага, трубы и предочажной ямы. Предочажная яма находилась за пределами помещения. Она представляла собой колодец (90×90 см, глубина 50 см), обложенный с трех сторон кирпичной кладкой в несколько рядов (рис. 8). Размер кирпичей: 35×23×6 см. Этот стандарт встречается только на территории столичного города. В северо-восточном направлении от предочажной ямы находился очаг (80×60 см, глубиной 45 см), со всех

сторон оформленный кладкой камней и фрагментами кирпичей. Сверху очаг был перекрыт двумя плоскими камнями. Секция кана, выходящая из очага, была трехканальной, длиной 3,5 м, шириной 1,4 м. Северо-восточная секция кана — двухканальная, длиной 6 м, шириной около метра. Эта секция кана заканчивалась трубой, располагавшейся за пределами здания, и представляла собой канал из поставленных под углом в виде «домика» цепочки кирпичей (длина 1,4 м).

Из значимых находок, обнаруженных у входа во Дворец 2, является железная маска индивидуальная защита воина, которая прикрывала нижнюю часть лица, оставляя открытыми глаза и лоб. Такая форма маски хорошо сочетается со шлемом, имеющим налобную пластину, и встречена впервые.

Северо-восточнее Дворца 2 располагалась еще одна террасовидная площадка, площадью 456 кв. м (38×12 м), на которой обнаружены остатки двух строений колоннадной конструкции, напоминающих беседки или павильоны открытого типа (рис. 9). Они квадратные в плане, площадью 25 кв. м (5×5 м).

Рис. 7. Дворец 2. Вид с северо-востока.

Fig. 7. The Palace-2. The north-eastern view.

Рис. 8. Дворец 2. Предочажная яма кана. Вид с юга.

Fig. 8. The Palace-2. A kang pit in front of the fireplace. The southern view.

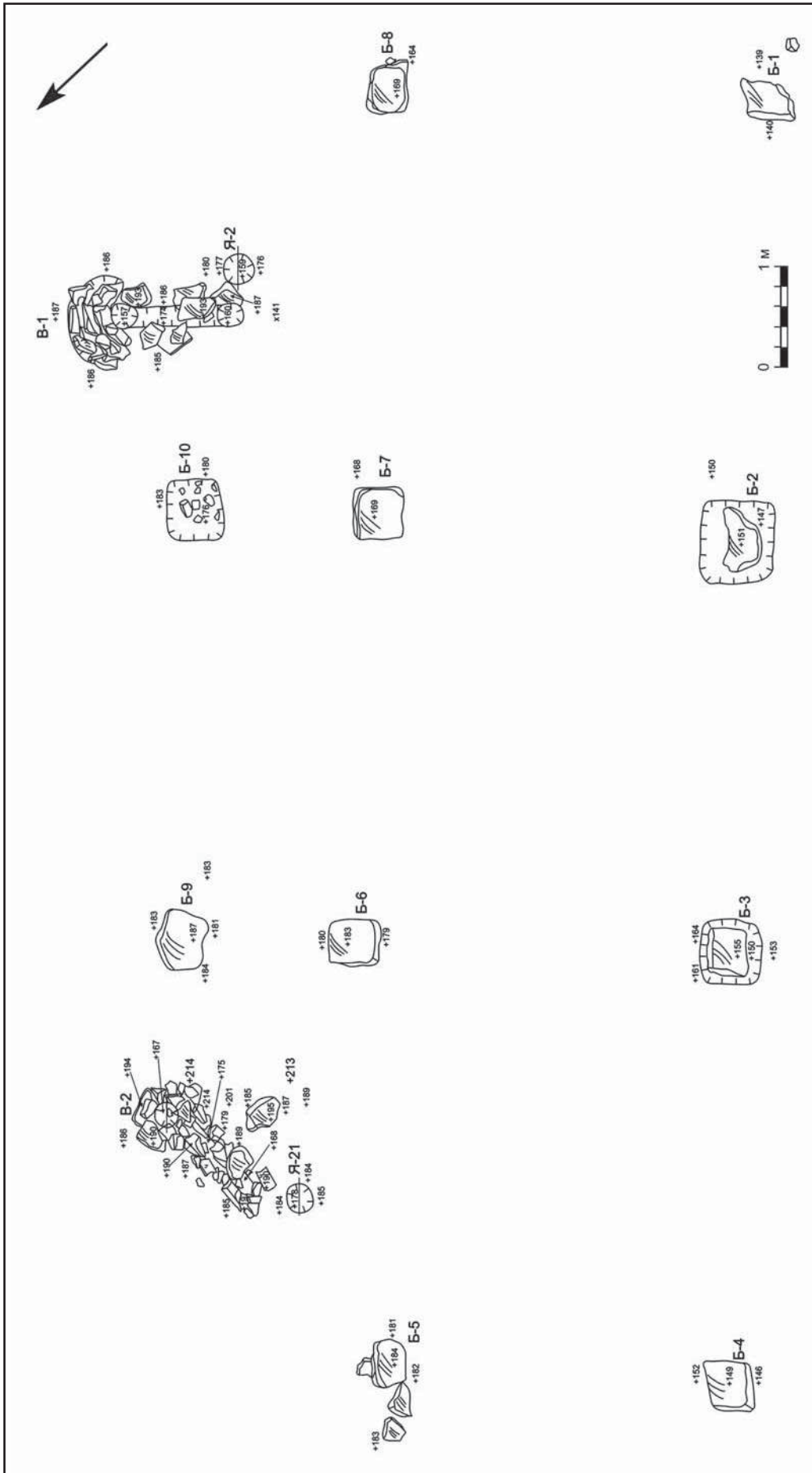

Рис. 9. План павильонов.

Fig. 9. A map of the pavilions.

Рис. 10. Водоем 2. Вид с севера.

Fig. 10. The water reservoir-2. The northern view.

Черепичная крыша поддерживалась на четырех колоннах, опирающихся на каменные базы (плоские камни). Расстояние между этими строениями около 3 м. За пределами построек (в метре от северо-восточных стен) обнаружены остатки двух одинаковых сооружений, выложенных камнями (условно названных колодцами) (рис. 10). Они представляли собой яму (диаметром около 50 см), обложенную камнями в несколько рядов в виде колодца. Диаметр внутренней ямы и глубина 30 см. С юго-западной стороны от ямы отходил канал (длиной 60 см, шириной 20 см, глубиной 10—12 см). Замыкался этот канал ямой диаметром 30 см, глубиной около 20 см. Края канала и ямы были обложены камнями. Рядом с колодцами обнаружены развалы четырех сосудов с прямым туловом в виде трубы, высотой 45—50 см. Венчик, отогнутый наружу, оформлен защипами-фестонами, дно (диаметр 26—28 см) имело отверстие (диаметром 24—26 см). Скорее всего, эти сосуды вставлялись с двух сторон в отверстия колодцев и использовались для омовения в ритуальных или гигиенических целях.

Еще одно подобное сооружение находилось в северо-западной части этой террасовидной площадки, но оно сохранилось плохо.

Здесь зафиксирован такой же колодец, но он был выложен не камнями, а черепицей первого строительного горизонта. Размеры его такие же, как и у вышеописанных, и так же рядом с ним были найдены фрагменты двух сосудов в виде раструбов (высотой около 40 см) с отогнутыми наружу венчиками, край одного из них был оформлен фестонами. Ниже этого колодца найдены три базы от колонн.

В центральной части террасы, между строениями с колодцами, находилась постройка каркасно-столбовой конструкции, прямоугольная в плане, площадью 45 кв. м (9×5 м) (рис. 2). Эта постройка стенкой была разделена на две одинаковые части, в одной из которых обнаружены каменные ступа и пест. Возможно, это помещение использовалось для приготовления пищи или хозяйственных нужд. Сразу за этими строениями находились четыре больших водоема.

По исследуемой части Запретного города можно заключить, что именно здесь находилась резиденция императора и его семьи. Жилые дворцовые здания и павильоны образовывали единый архитектурный ансамбль. При возведении жилых дворцов использовался новый архитектурный прием строительства стен — колоннадно-столбовой. В плане дворцы были прямоугольные. Двускатные крыши

покрывались черепицей. Конек оформлялся керамической плитой (шуби) с головами драконов. Края скатов крыши заканчивались керамическими барельефами в виде голов драконов.

Внутри дворцов находились больших размеров отопительные системы — каны, сделанные из кирпичика и камня, с оригинальными трубами и предпочажными ямами.

Дворцовый ансамбль дополняли открытые павильоны с колодцами (водоемами). Перед дворцами находились большие не застроенные площади, которые создавали открытую объемно-пространственную композицию. По планировке дворцового комплекса Верхней столицы государства Восточного Ся видно, что здесь большое значение имело правило «фэншуй», согласно которому здания располагались в определенном порядке с соответствующей ориентацией. Здания строились по северо-южной оси с обращением главного фасада на юго-восток. В связи с тем, что чжурчжэням приходилось вписываться в ландшафт местности, они использовали прием террасирования склона. Главное по значимости здание, т.е. дворец императора, находился в центре, на возвышенной террасе. В объемно-пространственной системе города, так же, как и в планировке, хорошо видно зонирование города по высоте, регламентация в зависимости от функционального назначения здания или социального положения его владельца.

У чжурчжэней времени существования государства Восточное Ся уже сложились собственные каноны при возведении дворцо-

вых комплексов. Планировка дворцовых ансамблей отклонялась от строгого осевого размещения отдельных зданий, хотя симметрия прослеживалась. Особенность чжурчжэньских дворцовых сооружений заключалась в том, что светские здания строились на высокой платформе и массивном цоколе, а жилые дворцы — на искусственных террасовидных площадках. Отход от канонов замечается в декоративной части. На коньках крыши и скатах появляются глиняные изображения голов драконов.

Пусянь Ваньну, основатель государства Восточное Ся, строил свою главную столицу г. Кайюань, в довольно ограниченный по времени период. Исходя из этого, здесь мы не застаем богатого украшенного архитектурный ансамбль, но прослеживаем подражание столичным городам империи Цзинь (Воробьев 1983: 181). Парадно оформленное дворцовое сооружение было раскопано на территории Южно-Уссурийского городища, которое на последнем этапе своего существования было перестроено чжурчжэнями государства Восточное Ся и, скорее всего, могло являться летней резиденцией императора (Артемьева 2016).

Следует подчеркнуть, что чжурчжэньская архитектура развивалась в общем русле дальневосточной архитектуры, образовав в ней своеобразное направление. Аутентичность цзиньской дворцовой архитектуры сейчас можно проследить только на памятниках в Приморье, т.к. они обладают чистотой культурного содержания и ярко выраженными локальными особенностями.

Литература

- Артемьева Н.Г. 1998. *Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII—XIII вв.)*. Владивосток: Дальпресс.
- Артемьева Н.Г. 2001. Столичное ведомство Шаофуцзянь Восточного Ся. *Вестник ДВО РАН* (3), 91—100.
- Артемьева Н.Г. 2016. Памятники чжурчжэньской культуры на территории Приморья. В: Артемьева Н.Г. (отв. ред.). *Средневековые древности Приморья* 4. Владивосток: Дальнаука, 541—651.
- Воробьев М.В. 1983. *Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.)*. Москва: Наука.
- Шавкунов Э.В. 1990. *Культура чжурчжэней — удиге XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. Москва: Наука.

References

- Artemieva, N.G. 1998. *Domostroitel'stvo chzhurchzhenei Primor'ia (XII—XIII vv.) (House-Building of Jurchens in the Primorye Krai in the 12th—13th Centuries)*. Vladivostok: "Dal'press" Publ. (in Russian).
- Artemieva, N.G. 2001. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia RAN (Bulletin of the Far East Branch, Russian Academy of Sciences)* (3), 91—100 (in Russian).
- Artemieva, N.G. 2016. In Artemieva, N.G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 4. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 541—651 (in Russian).
- Vorob'ev, M.V. 1983. *Kul'tura chzhurchzhenei i gosudarstva Tsin' (X v. — 1234 g.) (Culture of Jurchen and the State of Jin: 10th Century — 1234)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shavkunov, E.V. 1990. *Kul'tura chzhurchzhenei-udige XII—XIII vv. i problema proiskhozhdeniia tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka (Culture of Jurchen-Udighe in the 12th—13th Centuries and the Origin of Tungus Peoples of the Far East)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Е. И. Гельман

Evgeniia Gelman. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences¹.

Гельман Евгения Ивановна. Кандидат исторических наук. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук.

E-mail: gelman59@mail.ru

Address: ¹ Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation

Очерки истории селадонов

Keywords: China, Korean peninsula, celadons, proto-porcelain, stone and semi-porcelain wares, slip, glaze

Ключевые слова: Китай, Корейский полуостров, селадоны, протофарфор, тонкокаменная и фарфоровидная керамика, ангоб, глазури

E. I. Gelman

Essays on the History of Celadons

The article deals with the history of the origin and the main stages of development of celadon what is one of the most remarkable inventions of mankind in the field of ceramic production. The path to the highest heyday of this sort of high-firing ceramics took about 2000 years. Kilns and workshops for their production functioned in North and South China, as well as in the Korean Peninsula. Special raw materials became a necessary condition for their appearance, and potter's craftsmanship, experience and technical thought turned them into real masterpieces in the 8th—13th c.

Ceramic wares with green glaze were spreading along the trade routes to the countries of East and South-East Asia, through Central Asia and the Middle East reached Africa during the Middle Ages. New archaeological discoveries in different regions of Eurasia are constantly expanding the geography of their distribution. After the discovery of celadons in Europe in the 17th c. interest in the technology of their production is constantly growing, and research methods are being improved.

E. I. Гельман

Очерки истории селадонов

В статье рассматривается история возникновения и основные этапы развития одного из самых выдающихся изобретений человечества в области керамического производства — селадонам. Путь к наивысшему расцвету этого сорта высокообжиговой керамики занял около 2000 лет. Печи и мастерские по их изготовлению функционировали в Северном и Южном Китае, а также на Корейском полуострове. Особые сырьевые источники стали необходимым условием для их появления, а мастерство гончаров, опыт и техническая мысль в VIII—XIII вв. превратили их в настоящие шедевры.

Керамические изделия с зеленоватой глазурью в эпоху средневековья распространялись по торговым путям в страны Восточной и Юго-Восточной Азии, через Центральную Азию и Ближний Восток достигли Африки. Новые археологические открытия в разных регионах Евразии постоянно расширяют географию их распространения. После открытия селадонов в Европе в XVII в. интерес к технологии их изготовления непрерывно нарастает, а исследовательские методы совершенствуются.

Введение

Существуют многочисленные версии о происхождении наименования этого сорта керамики, получившего на Западе общее собирательное название *селадон*. По одной из них принято считать, что свое начало термин по-

лучил в XVII веке от имени героя французской пьесы, поставленной по роману Оноре д'Юрфе «Астрея». Сам роман вышел в свет в 1610 г. Главный герой по имени Селадон всегда одевался в бледно-зеленые одежды, очень похожие на цвет ставшей популярной китайской керамики. Существуют и дру-

■ Research is supported by the Russian Scientific Foundation, project no. 14-18-01165 "Towns of medieval empires of the Far East" ■ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока».

© Е. И. Гельман, 2019.

гие объяснения. Так, например, в брошюре, опубликованной в Бангкоке современной компанией по производству селадонов, сообщается, что это слово произошло от санскритских слов, означающих «облаченный в камень». Еще одна часто встречающаяся версия гласит, что это название произошло от имени египетского султана Саладина, пославшего 40 образцов этого изделия султану Дамаска Нураддину в 1171 году. Наконец, это слово можно встретить в VII книге Гомера «Илиада», где оно обозначает название реки (Gomperz 1969: 19—20; Valenstein 1975: 36). Таким образом, происхождение термина *селадон* остается неясным, а употребление до некоторой степени произвольным. Следует добавить, что в китайском языке этот термин звучит как *цин цы* и обозначает «зеленый фарфор», а в японском *сэйдзи*. В настоящее время и в англоязычной литературе все чаще как общий термин для всех селадонов используется название «зеленые изделия».

Целью настоящей статьи является попытка обобщить имеющиеся к настоящему времени исследования селадонов, объяснить условия их появления, рассмотреть общую хронологию развития, дать общую характеристику технологии их изготовления и produkcji основных центров производства.

Китайские селадоны

Протоселадоны

Имеются многочисленные попытки исследовать происхождение китайских селадонов и фарфора (Yuba 2001; Yin et al. 2011). Предполагается, что высокообжиговая глазурованная керамика, которая предшествовала ранним селадонам, раньше всего появилась в современной провинции Хэнань (рис. 1) на памятниках поздней Шан (в районе г. Аньян). Она постепенно совершенствовалась в переходный период от династии Шан (1600—1027 до н. э.) до Чжоу (1045—221 гг. до н. э.). В Европе часто все высокообжиговые изделия доханьского времени называют «протофарфорами» (Yin et al. 2011: 2352). Китайские ученые нередко используют определение «примитивные фарфоры» имея в виду, что эта керамика содержит значительное количество каолина, имеет низкую пористость, похожа на фарфор, а также потому, что глазурь намеренно наносилась на черепок и обжигалась при высокой температуре. Также они полагают, что начало настоящих селадонов связано с эпохой Восточного Хань (25—220 гг.), где в печах Сяосянган и Нинбо

близ города Шаньлу в провинции Чжэцзян производили настоящие селадоны.

Японские исследователи считают, что в начале высокообжиговая керамика очень отличалась и по цвету, и по качеству от фарфора, и ее следует называть «керамикой с пепловыми глазурями» (Yuba 2001: 51, 58—59), которые появились случайно в результате наблюдений гончаров за последствиями оседания пепла на керамике в процессе обжига. Таданорэ Юба, например, также не сомневается, что начало высокообжиговой керамики связано с бассейном р. Янцзы — центром экономической и политической жизни в период между Шан и западным Чжоу, откуда она распространилась на север и юг.

Важной особенностью китайской керамики в целом и селадонов в частности, является использование двух основных типов сырьевых источников для их изготовления. Пространственно они разделены географически, а граница проходит по горным системам Наньшань и Циньлин, которые пересекают Китай с запада на восток, а затем поворачивают к северу от реки Хуай и на запад в сторону Тибета (Yin et al. 2011: 2354). Каолиновые глины Северного Китая представлены остаточными каолинитами и вторичными глинистыми минералами, образовавшимися в результате осадконакопления и процессов выветривания. В них содержится значительное количество оксида алюминия (около 40%), поэтому они пластичны и очень огнеупорны при обжиге. На Юге Китая каолиновые породы в основном образованы из магматических пород, относятся к «кислым» с высоким содержанием кремнезема (так называемый «фарфоровый камень»), богаты остаточным кварцем и имеют низкое содержание глинозема (около 20%), поэтому менее пластичны и менее огнеупорны (Needham 2004: 59—60; Yin et al. 2011: 2353—2354).

Юэяо

Этот сорт восходит к раннеобжиговой керамике из провинции Чжэцзян эпохи Троецарствия (220—280 гг.), которую называют «протоюэ» или «древние юэ». Название печей, которые выпускали керамику «юэ», происходит от названия царства Юэ, которое существовало на территории современной провинции Чжэцзян в эпоху Чуньцзо («Весны и Осени» — 722—481 гг. до н. э.).

В развитии протоюэ произошел очень быстрый прогресс. Уже в период Восточной Хань (25—220 гг.), как показывают анализы черепка и глазури, они изготавливались

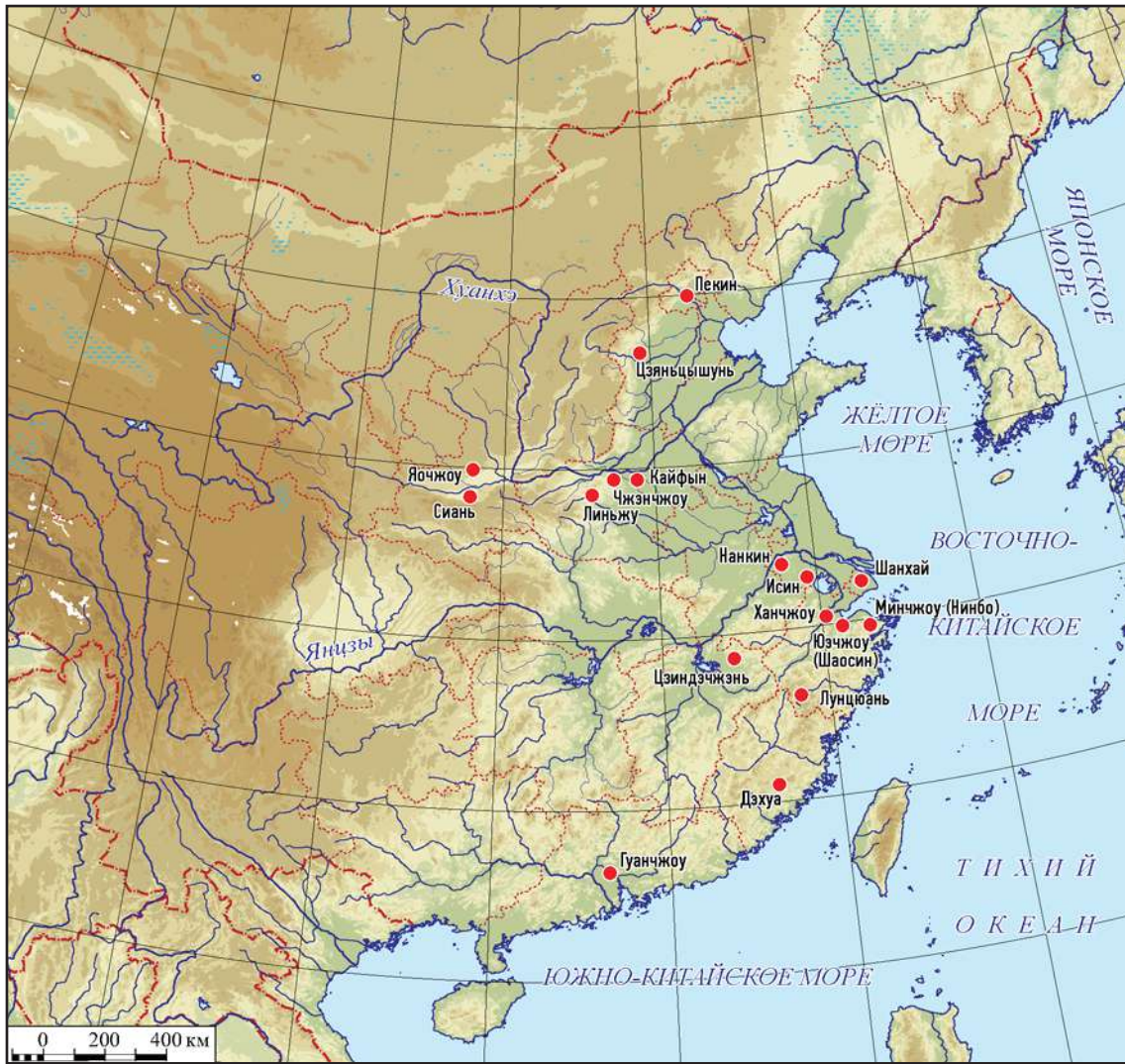

Рис. 1. Административная карта Китая с указанием мест расположения основных печей по производству селадонов.

Fig. 1. Administrative map of China, indicating the locations of the main kilns for the production of celadon.

из глины, месторождения которой были расположены рядом с печами Юэ, черепок характеризовался низкой пористостью, покрывался слоем известковой гладкой блестящей полупрозрачной зеленовато-серой, зеленовато-коричневой, серовато-коричневой глазурью (рис. 2). Температура их обжига могла достигать свыше 1200° (Chinese ceramics 1994: vii). Известковые глазури имеют хорошее сцепление с черепком, твердую поверхность после обжига, что повышает прочность продукции. Они также обладают высокой декоративностью в сочетании с гравированным и штампованным орнаментом, поскольку такие глазури после остывания становятся прозрачными и в углублениях выглядят значительно темнее (Needham 2004: 528).

В этот период наиболее распространенными типами сосудов были изготовлен-

ные на круге блюда, фляги, чаши с закрытым устьем, сосуды в форме животных. Значительную часть продукции этого времени составляли кувшины, увенчанные «петушиными головами» и моделями зданий, которые рассматривают как обиталища духов или зернохранилища (рис. 3). Чаши и кувшины часто имеют петельчатые и вертикальные ручки. Фигурки людей и животных, модели мебели и зданий, изготовленных в печах Юэ, демонстрируют их высокую значимость в погребальном обряде знати. В этих же печах одновременно выпускалась продукция с темно-коричневой и черной глазурью. В период Шести династий (220—589 гг.) погребения сановников становятся еще пышнее, в погребальный инвентарь включается все больше продукции печей Юэ. Изделия становятся более разнообразными по ассортименту и де-

Рис. 2. Керамическая скульптура собаки с зеленой глазурью (высота 30,7 см). Династия Восточная Хань, I—II вв. (по Chinese ceramics 1994: 36, fig. 44).

Fig. 2. Ceramic sculpture of a dog with green glaze (height 30,7 cm). Eastern Han Dynasty, 1st—2nd centuries (after Chinese ceramics 1994: 36, fig. 44).

кору. Традиционная глазурь дополнительно украшалась темно-коричневыми пятнами, наряду с этим керамика юэ нередко покрывалась черной глазурью. В дальнейшем гончары, производившие изделия Юэ, продолжали экспериментировать, глазурь приобрела более стойкие зеленые оттенки, иногда желтоватые в результате окислительного обжига (Chinese ceramics 1994: vii).

Сдержанная красота монохромной глазури подчеркивалась гравированным и штампованным орнаментом. В этот период появились самые изысканные образцы кувшинов «с петушиными головами» (рис. 4). В конце периода Шести династий — начале династии Тан (618—906 гг.) произошли важные изменения — в продукции Юэ стали преобладать изделия для повседневной жизни, в основном столовая посуда (Chinese ceramics 1994: x). Вместе с улучшением качественных характеристик, постепенно возрастал объем выпускаемой продукции, к концу VIII в. керамика печей Юэ достигла своего расцвета и начала поступать на внешний рынок. Ранее считалось, что это произошло только в начале IX в. Однако находки юэяо в Японии на о. Кюсю вместе керамикой местного сорта «Дадзайфу хадзи» (haji — глиняные) из датированных (в том числе благодаря деревянным табличкам с хозяйственными записями) отложений средневекового

Рис. 3. Ваза с селадоновой глазурью (высота 42,5 см, диаметр дна 13,9 см). Юэяо, период Троецарствия — Западной Цзинь, III в. (по Chinese ceramics 1994: 40, fig. 47).

Fig. 3. Vase with celadon glaze (height 42,5 cm, bottom diameter 13,9 cm). Yue ware, the period of the Three Kingdoms — West Jin, 3rd century (after Chinese ceramics 1994: 40, fig. 47).

города-порта Дадзайфу, позволили уточнить, что в качестве привозного товара юэяо появились на Японских о-вах в конце VIII в. (Yamamoto 1994).

Массовое производство юэяо отражало моду танской эпохи на «функциональную», практичную керамику, красота которой заключалась в однотонной глазури и форме сосудов. Встречается керамика юэ как с зелеными, так и коричневыми глазуриями (рис. 5; 6). В первом случае черепок имеет серый цвет, во втором — как коричневый, так и серый. Как показали исследования привозной керамики на о. Кюсю Нобуо Ямамото (Yamamoto 1994: 171—173, рис. 2—5), в период между серединой VIII в. и серединой X в. в формовочной массе грубоватых изделий юэ встречались черные включения, а перед глазурованием часть из них покрывалась ангобом. Ангоб встречался у изделий с зеленой глазурью и коричневым оттенком. После глазурования сосудов целиком глазурь по краю кольцевого поддона счищалась. С середины IX

Рис. 4. Кувшин с петушиной головой (высота 47,2 см). Селадон юэ. Южные династии (420—589 гг.). Музей искусств Идемitsu, Токио (по Celadon 1997: fig. 12).

Fig. 4. Jug with a cock head (height 47.2 cm). Yue ware celadon. Southern dynasty (420—589). Museum of Art Idemitsu, Tokyo (after Celadon 1997: fig. 12).

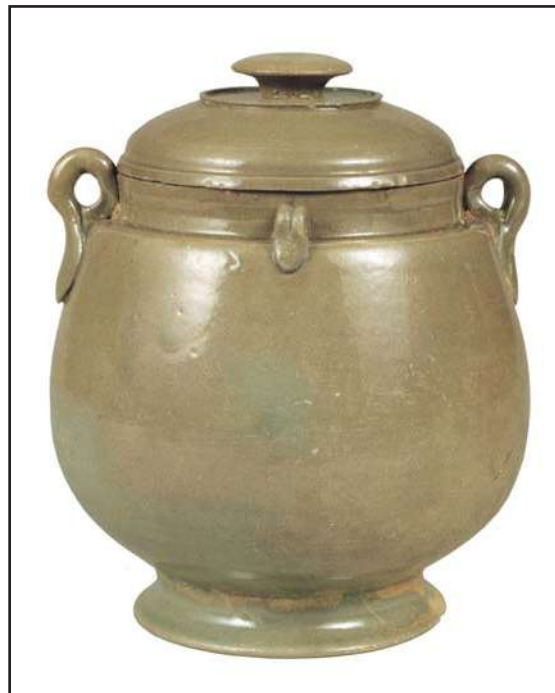
до середины X в. керамика юэ с коричневыми глазурями не имела ангоба.

Значительную часть продукции составляли малые и большие чаши с плоским дном, на ножке или на широком кольцевом поддоне с расходящимися прямыми или округлыми стенками. Венчики у чаш встречаются трех типов: прямые, слегка загнутые внутрь или отогнутые наружу. Следующими по популярности формами сосудов юэ являлись тарелки/блюда, мелкие чашки, кувшины с носиками и вертикальными ручками, горшки (с плоским или вогнутым дном, на ножках в форме лап льва, иногда с петельчатыми ручками на плечиках), круглые косметические коробочки с крышками, лампы-жирники. Чаши

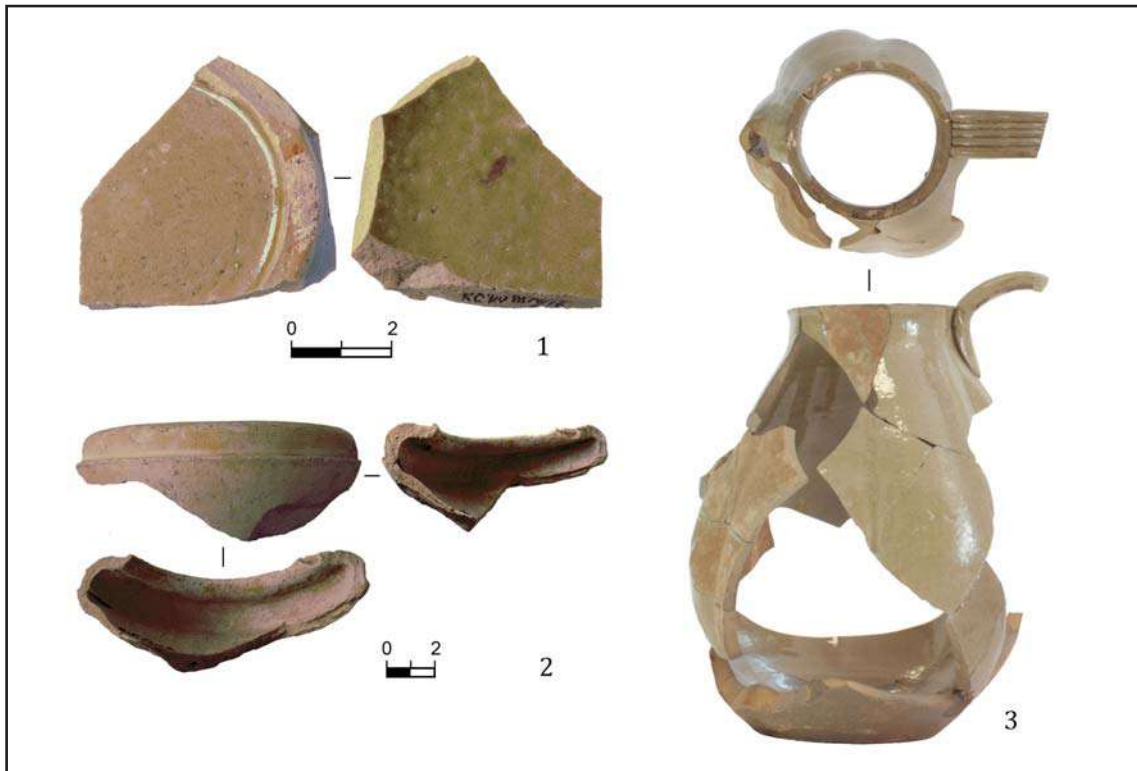
Рис. 5. Сосуд с шаровидным туловом (высота 16,1 см). Селадон юэ. Династии Суй — Тан. Токийский национальный музей (по Celadon 1997: fig. 18).

Fig. 5. Vessel with spherical body (height 16.1 cm). Yue ware celadon. Sui — Tang Dynasties. Tokyo National Museum (after Celadon 1997: fig. 18).

Рис. 6. Сосуд с четырьмя ручками и кольцевым поддоном (высота 22,4 см). Селадон юэ. Династия Поздняя Тан (по Celadon 1997: fig. 25).

Fig. 6. Vessel with four handles and the ring bottom (height 22.4 cm). Yue ware celadon. Dynasty Late Tang (after Celadon 1997: fig. 25).

Рис. 7. Керамика сорта юэ из бохайских памятников Российского Приморья: 1 — фрагмент кольцевого поддона из Новогордеевского городища; 2 — фрагмент сосуда из Краскинского городища; 3 — кувшин с дольчатым туловом из Кокшаровского городища (высота 18 см, диаметр дна 6,5 см, максимальный диаметр тулова 10 см) (фото из личного архива автора).

Fig. 7. Yue ware ceramics from the Bohai sites of the Russian Primorye: 1 — the fragment of the ring bottom from the Novogordecyevsky hillfort; 2 — the fragment of the vessel from the Kraskinsky hillfort; 3 — a jug with a lobed body from the Koksharovsky hillfort (height 18 cm, bottom diameter 6,5 cm, maximum diameter of the body is 10 cm) (photo from the personal archive of the author).

и тарелки, помимо глазури, могли украшаться фестонами по краю венчика и вертикальными гравированными линиями, что вместе придавало им форму цветка. У лучших образцов изделий юэ венчики украшались золотыми и серебряными ободками.

Существенные подвижки произошли в производстве изделий юэ в период с конца X до середины XI в. Формовочные массы и цвет глазури использовались те же, что и в предшествующее время. Однако кольцевые поддоны сосудов стали узкими, они аккуратно обрезались, некоторые из них изготавливались отдельно, а затем крепились ко дну. Есть лишь несколько исключений, когда на кольцевом поддоне присутствовала глазурь. Значительная часть изделий юэ этого времени покрывалась подглазурным гравированным и штампованным цветочным орнаментом. Количество выпускаемой продукции уменьшилось, так же как и доля изделий юэ в общем импорте керамики. В то же время они еще продолжали поступать в самые удаленные уголки мира. В конце XI в. керами-

ка юэ стала исчезать, и в начале XII в. ее место заняли ставшие популярными северные селадоны из печей Яочжоу и южные из печей Лунцзоань. Немаловажную роль в заметном уменьшении продукции Юэ сыграло использование древесины для получения золы, входившей в состав глазури. Подсчеты показывают, что зола составляла 40% веса глазури. В среднем, небольшая чаша весом 200 г содержит 3,5 г золы в глазури, а необходимое для ее получения количество древесины составляет 972 г. (Needham 2004: 528—529). Систематическое использование древесины для получения золы на протяжении почти 2000 лет в провинции Чжэцзян не могло не привести к уменьшению лесных массивов. Из сведений о поставках дани к императорскому двору эпохи ранней Сун из района печей Юэяо известно о количестве отправленных изделий юэ с золотым ободком на венчиках: в 935 г. — 200 экз., в 966 г. — 10000 экз., в 973 г. — 50 экз., в 975 — г. 10000 экз., в 980 г. — 140000, в 983 г. — 7 экз. После этого в общем списке поставленной дани от пе-

чей Юэ стали фигурировать изделия из других печей Северного Китая (Needham 2004: 530). Примерно с этого времени в печах Южного Китая начали использоваться глазури, для изготовления которых стали применять известковый камень вместо древесной золы, а производство Юэяо свернулось.

Изделия юэ распространялись на востоке до Японских островов и на западе до Северной Африки. Также продукция печей Юэчжоу поступала по северному участку Шелкового пути на территорию Российского Приморья, где регулярно встречаются обломки этих изделий (рис. 7).

Северные селадоны

Производство селадонов в Северном Китае начинается в конце эпохи Тан (618—907 гг.), около VIII в. в печах Яочжоу (провинция Шэньси, уезд Тунчуань) (Раскопки... 1965; Ratcli, Wood, Doherti 2002: 179—189). Здесь впервые стали выпускаться настоящие селадоны с зелеными, оливково-зелеными известково-щелочными глазурями с подглазурной резьбой и штампованным орнаментом. Одновременно в этих печах изготавливалась посуда с черными глазурями и свинцовыми цветными (*саньцай*). Популярность северных селадонов в начале Северной Сун (960—1279 гг.) в самом Китае и за его пределами преодолела время, повлияла на производство южных селадонов, подражаний, а также других разных сортов китайской керамики и фарфора. В северносунское время яочжоуские селадоны получили покровительство императорского двора наряду с фарфором *динъяо*. Известность северные селадоны получили благодаря особому цвету, который напоминает нефрит. Печи продолжили работать и в эпоху Цзинь после завоевания Северного Китая чжурчжэнями, и лишь в результате военных действий в начале Юань (1271—1368 гг.) были разрушены, после чего секрет изготовления селадона этого сорта был утрачен (Чжао Гуанлинь, Чжан Нин 1979: 464).

Керамика яо изготавливалась на круге и штамповалась на шаблоне с гравированным орнаментом. После снятия с круга и шаблона детали орнамента дополнительно подрабатывались. В районе печей, в месте, где непосредственно изготавливались изделия, были найдены корчаги с керамической массой, каменный пест для ее измельчения, а также штамп-шаблон с прорезанным орнаментом (Чжао Гуанлинь, Чжан Нин 1979: 464; Valenstein 1975: fig. 35). Северные селадоны

Рис. 8. Ваза с цилиндрическим туловом с подглазурным гравированным декором в виде пионов (высота 16,7 см). Селадон яо. Династия Северная Сун (по Celadon 1997: fig. 36).

Fig. 8. Vase with underglaze engraved peonies decoration on cylindrical body (height 16,7 cm). Yao ware celadon. Northern Song Dynasty (after Celadon 1997: fig. 36).

Рис. 9. Блюдо с гравированным подглазурным декором в виде пионов (диаметр 18,4 см). Селадон яо. Династия Северная Сун (по Celadon 1997: fig. 38).

Fig. 9. Dish with engraved underglaze pion decoration (diameter 18,4 cm). Yao ware celadon. Northern Song Dynasty (after Celadon 1997: fig. 38).

донны представлены в основном чашами, блюдами, вазами, горшками, мисками и трехногими жаровнями (рис. 8; 9). Часто изделия покрывались белым ангобом, подготовленным

из той же глины, что и сами сосуды, но предварительно отмученной.

Как показывают исследования черепка селадонов яо, они содержат высокий процент глинозема (Al_2O_3), в отличие от южных селадонов, что объясняется, как сказано выше, различными сырьевыми источниками. Северный Китай богат настоящими глинистыми минералами и беден наличием природных флюсов. Состав формовочных масс селадонов изменялось от эпохи Тан к эпохе Цзинь (Ratcli, Wood, Doherti 2002: 185, 186). В период Тан и Пяти династий рецептура черепка почти не менялась, а вот в период Северной Сун количество кремнезема и оксида калия увеличилось, а глинозема, оксидов титана и железа — уменьшилось. Это свидетельствует об изменении рецептурного состава северных селадонов. Визуально это также заметно, сероватый черепок приобретает более светлый бледно-серый оттенок. Этот эффект получался без увеличения температуры обжига.

В Тунчжоухуанбао и в Сюньианьжэне раскопаны около 20 печей, выпускавших селадон яочжоу. Они делятся на три типа. У первого типа из Тунчжоухуанбао, раскопанных в 1959 г., нижняя часть печи, построенной из кирпича (вид сверху), имеет подковообразную форму и состоит из устья, топки, обжигательной камеры и трубы. Под обжигательной камеры выше топки, подпрямоугольной формы и составляет в длину 2,16 м, в ширину 3,36 м. При высоте печи 3 м объем обжигательной камеры составляет 21,8 кубических метров, в этом случае в печь одновременно можно было загрузить 2 тысячи чаш или пять тысяч тарелок, уложенных в капсулы (Раскопки... 1965). В печах этого типа найден шлак и обгоревшие куски каменного угля. Группа печей второго типа раскопана в Сюньианьжэне в 1978 г., и в основании они также имеют подковообразную форму. Печи отличаются от первого типа более значительной площадью для обжига изделий, большими размерами топочной камеры по сравнению с обжигательной (под печи также подпрямоугольной формы имеет размеры 4,2×2,2 м). Продукция в печах обжигалась без капсул, устнавливалась на слой кирпичей. У печей третьего типа (также из Сюньианьжэня) под печи выложен огнеупорным кирпичом, имеет полуовальную форму и еще более значительные размеры (5,2×3,58 м), чем печи второго типа.

После завоевания чжурчжэнями Северного Китая печи Яочжоу продолжили работу и до конца государства Цзинь только нара-

щивали объемы производства. Технический уровень цзиньских печей практически ничем не отличался от южносунских. Характерной особенностью яочжоуских печей конца эпохи Цзинь, накануне завоевания монголами, по сравнению с северосунскими печами является увеличение размеров топки относительно обжигательной камеры, стали длиннее поддувала-воздуховоды и между дымоходами появился дымоотводный канал (Ду Баожэнь 1987: 36). Как пишет Ду Баожэнь, раскопки яочжоуских печей эпохи Цзинь показали также, что в этот период выпускали селадон, который отличался от северосунского желтоватым отливом, а также посуду с черной глазурью, с глазурью цвета соевого соуса и посуду белую с черной росписью, как в печах Цычжоу.

В местах расположения печей и источников каолиновой глины имеются месторождения каменного угля, наличие которого способствовало отказу от использования древесины при обжиге селадонов в X в. (Needham 2004: 165). Это привело также к увеличению объемов производства и изменению форм печей, так как у каменного угля короткая длина пламени. Но на сегодняшний день нет убедительных исследований о влиянии использования каменного угля на цвет глазури селадонов, хотя имеются предположения, что обжиг с каменным углем в сочетании с оксидами железа в глазури могло привести к появлению голубоватого оттенка (Ratcli, Wood, Doherti 2002: 192). Однако увеличение продолжительности обжига приводило к усилению кристаллизации и новообразованиям между глазурью и черепком, что способствовало усилению прозрачности и цветового эффекта, с одной стороны, и к отказу от необходимости использовать ангоб, с другой. Именно этот результат мы наблюдали у некоторых фрагментов селадонов из чжурчжэньских памятников Российского Приморья, в которых отсутствовал ангоб, но имела широкая переходная зона между черепком и глазурью (Гельман 1999: 89).

Черепок у сунских изделий был темнее, формовочная масса тонкого помола и очень плотная. У цзиньских, как утверждают авторы, черепок был немного грубее и светлосерого цвета (Ratcli, Wood, Doherti 2002: 192). К тому же, в отличие от сунских, поверхность цзиньских сосудов редко покрывалась ангобом, тогда как у первых он присутствует всегда.

Ангоб использовался для покрытия сосудов в мастерских Яочжоу еще до эпохи Тан и Пяти династий для обжига керамики в окис-

лительном режиме, а затем стал применяться для продукции восстановительного обжига. Для зеленоватой глазури селадонов ангоб был также полезен, так как препятствовал проникновению излишних оксидов железа в черепок из глазури. Ангоб по химическому составу был близок черепку, так как изготавливался из той же самой глины, но дополнительно очищался от грубых частиц. В нем также было заметно больше глинозема и меньше флюсов, но меньше оксидов железа. Наличие оксидов титана придавало ангобу желтоватый оттенок. Это могло придавать желтоватый оттенок и зеленоватой глазури (Ratcli, Wood, Doherti 2002: 187).

Известково-щелочные глазури северных селадонов толще (около 1 мм), чем в юэяо (в среднем 0,25 мм), что приводит к особому визуальному эффекту. На зеленый цвет огнеупорной глазури влияет присутствие оксидов железа. В зависимости от их содержания в глазури и в черепке глазурь может иметь разные оттенки. На результат, несомненно, влияет и восстановительная атмосфера во время обжига (Hetherington 1937; Гельман 1999: 87—88). После обжига черепок приобретает серый цвет — от светло-серого до темно-серого. Это означает, что во время обжига изделий с селадоновой глазурью горение должно быть неполным (задымленным), тогда углерод будет захватывать свободный кислород и восстанавливать оксиды до их металллических соединений. В случае, если горение будет полным (окислительный режим), выделяющиеся газы будут свободно соединяться с кислородом, и металлы в глазури и глине придадут им свой окислившийся цвет (Gompertz 1969: 24). В итоге селадоны будут иметь желтый или коричневатый цвет — с этим явлением постоянно сталкивались китайские и корейские гончары во время обжига селадонов.

При высоких температурах и начальной стадии охлаждения происходит некоторое окисление и, видимо, поэтому у северных селадонов сильнее выражены отличительные черты — окислившиеся неглазурованные венчик и/или дно, закраина кольцевого поддона. Китайцы образно называли их «коричневый рот» и «железная ступня». Понижение количества оксидов железа в формовочной массе может привести к исчезновению такого эффекта, также как и к изменению цвета глазури. Так, например, использование очищенной белой глины в селадонах цинского периода (1644—1912 гг.) из Цзиндэчжэня и у многих современных селадонов привело к тому, что глазурь имеет просто чистейший зеле-

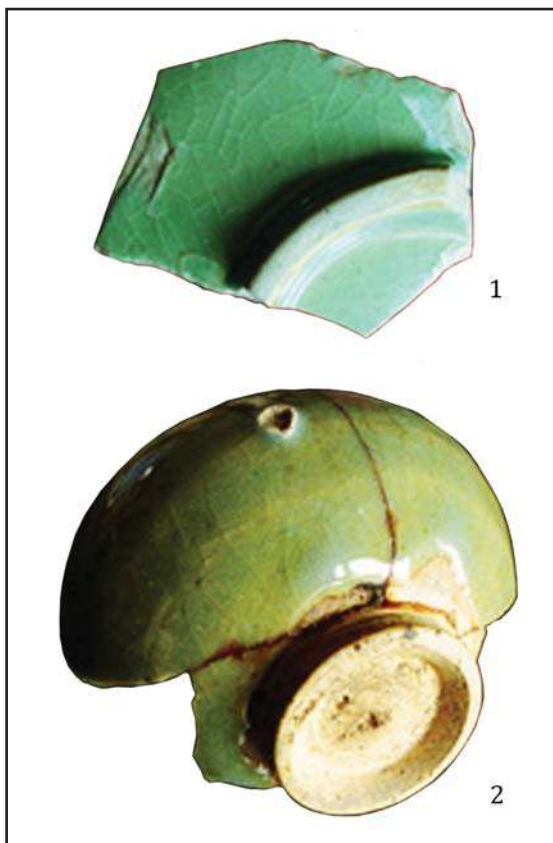
ный цвет. При этом у них сплошь отсутствует «глубина» и «мягкий свет» средневековых селадонов, делающих их подобными нефриту (Гельман 1999: 88).

Селадоновые глазури менее блестящи, чем юэяо, и это способствует прохождению лучей света вглубь глазурного слоя, а значит, отражение их происходит не от поверхности, а от частиц кварца, пузырьков газа и микроскопических кристаллов, содержащихся в глазури и преломляющих и рассеивающих свет. Кроме того, кристаллический слой, образующийся между черепком и глазурью в процессе спекания, тоже отражает свет. Именно эти эффекты делают селадоновую глазурь полупрозрачной, с «шелковистой» структурой, что усиливает сходство селадонов с нефритом (Вандивер 1990: 73).

Качество селадоновой глазури также зависит от размалывания исходного сырья. Например, в Японии предварительное размалывание глазури могло продолжаться в течение 40 часов (Gompertz 1969: 24). К тому же помол не должен быть слишком мелким (тонким), поскольку это уменьшает вязкость глазури, а значит, ее плавление во время обжига будет происходить слишком быстро и приведет к тому, что глазурь «стянется» в капельки или складки, либо местами впитается в изделие, т.е. случится эффект «сухости» глазури (Августиник 1957: 419). Кроме того, в исходной массе, из которой готовится глазурь, необходимым условием является наличие определенных пропорций мельчайших и волокнистых включений (Кинджэри, Вандайвер 1987: 115) и, как утверждает П. Вандивер, перемешивание измельченных компонентов должно быть неполным (Вандивер 1990: 73).

Между глазурью и ангобом, ангобом и черепком, как показывают петрографические исследования, прослеживается переходная или реакционная зона. В этой зоне нередко содержатся муллит, волластонит, анортит — это новообразованные минералы. Они в петрографическом микроскопе выглядят в виде мельчайших иголок и звездочек (Гельман 1999: 89). Кристаллическая фаза в зоне контакта глазури и черепка начинает развиваться при температуре 820° (Августиник 1957: 427). Новообразованные минералы оказывают влияние как на сцепление черепка и глазури, так и на отражательную способность глазури, что очень важно для селадонов (Вандивер 1990: 73).

В зависимости от толщины глазурного слоя, у селадонов имеются вариации в цвете. В тонких местах глазурь почти прозрач-

Рис. 10. Образцы селадоновых изделий яо из чжурчжэньских памятников Приморья: 1 — фрагмент дна из жилища 85 Ананьевского городища; 2 — чаша из Посыетской пещеры. Династия Восточная Ся (высота 4,2 см, диаметр венчика 6 см) (фото из личного архива автора).

Fig. 10. Samples of celadon wares from the Jurchen sites of Primorye: 1 — the fragment of the bottom from 85 dwelling of Ananyevsky fortified settlement; 2 — a bowl from the Posiet cave. Eastern Xia dynasty (height 4,2 cm, rim diameter 6 cm) (photo from the personal archive of the author).

ная, светлая. Там, где слой толще (в том числе и благодаря углубленному декору), глазурь имеет более интенсивную окраску и почти непрозрачная. Толщина глазурного слоя влияет и на образования цека (трещиноватости).

Эта зависимость между толщиной глазурного слоя и цеком хорошо известна в современном производстве глазурованной керамики. Но, как показывают опыты, при этом следует учитывать и влияние атмосферных условий, которые также приводят к появлению цека, но уже вторичного. Дело в том, что пленка глазури содержит как видимые, так и невидимые в микроскоп поры, через которые влага диффундирует в черепок, что вызывает незначительное увеличение объема черепка (0,07—0,1%), вследствие чего пленка глазури разрывается и об-

разуется вторичный цек (Августиник 1957: 421—422).

Что касается характеристики глазури яо цзиньского времени, а именно наличие желтого оттенка, а также меньшего блеска и отсутствия полупрозрачности у цзиньских селадонов, то имеются некоторые сомнения по этому поводу. Возможно, что некоторые образцы и имели такие признаки, но не исключено, что часть продукции могла отличаться и отменным качеством. Судя по находкам многочисленных селадоновых изделий из чжурчжэньских памятников Приморья (в большинстве случаев они имеют признаки, характерные для северных селадонов), по качеству черепка и глазури они не уступают северосунским яочжоуским селадонам (Гельман 1999: 84—99). Но что действительно их отличает, это более скромный орнамент, по сравнению с пышным декором северосунских образцов (рис. 10).

Южные селадоны

Селадоновые изделия выпускались также в печах Южного Китая. Хотя некоторые керамические центры здесь существовали уже в танское время и продолжали работать в период Северной Сун, наибольшую известность и популярность получили в период Южной Сун. Завоевание чжурчжэнями северных провинций Китая пагубно отразилось на их экономике, в том числе и на керамическом производстве. Многие печи временно остановились, а некоторые и навсегда, как, например, печи в окрестностях Кайфэна. Здесь выпускался самый лучший в то время сорт селадона, называемый иногда императорским, так как изделия поставлялись к императорскому двору и составляли конкуренцию другому известному сорту — *диньяо*.

«Императорские изделия», характеризуются черепком серого цвета с красноватым оттенком из-за присутствия в нем оксидов меди (на неглазурованной поверхности), толстой непрозрачной глазурью бледного лавандового оттенка и, как правило, легким цеком (Hobson 1948: 19; Needham 2004: 260—261). После захвата чжурчжэнями в 1127 г. Кайфэна, император Гао-цзун через какое-то время бежал сначала в Янчжоу, а затем, когда цзиньцы подступили к этому городу, 5 марта 1129 г. со свитой из 5—6 человек переправился на южный берег и вскоре добрался до Ханчжоу, ставшего впоследствии столицей Южной Сун (Гончаров 1986: 101—103). После того, как граница была определена, вокруг Ханчжоу были построены новые печи,

Рис. 11. Чаша в форме цветка с трещиной, отремонтированной металлической проволокой (диаметр венчика 15,4 см). Селадон Лунцюань. Династия Южная Сун, XII—XIII вв. Токийский национальный музей (по Celadon 1997: fig. 69).

Fig. 11. Flower-shaped bowl with a crack, repaired by metal wire (rim diameter 15,4 cm). Longquan ware celadon. Southern Song Dynasty, 12th—13th c. Tokyo National Museum (after Celadon 1997: fig. 69).

Рис. 12. Глазурованная курильница. Селадон Лунцюань (высота 9 см, диаметр венчика 13,7 см, диаметр дна 7 см). Династия Южная Сун, XII—XIII вв. Токийский национальный музей (по Chinese ceramics 1994: 123, fig. 180).

Fig. 12. Glazed incense burner. Longquan ware celadon (height 9 cm, rim diameter 13,7 cm, bottom diameter 7 cm). Southern Song Dynasty, 12th—13th c. Tokyo National Museum (after Chinese ceramics 1994: 123, fig. 180).

начавшие производить селадон. Часть гончаров, работавших на них, перебралась сюда вслед за императорским двором. Первые печи были возведены непосредственно вблизи дворца, а уже позднее главным центром по производству императорского селадона стали печи в Цзяотянь, что означает Алтарь Неба. Они находятся у подножия холма Черепахи. Печи были впервые найдены в 1929—1930 гг. и неоднократно исследовались как китайскими, так и японскими и западноевропейскими учеными (Gompertz 1969: 57—58).

Археологические исследования за последние 80 лет на юге провинции Чжэцзян выявили сотни печей, среди которых выделяются несколько основных центров, тянущихся цепочкой к границам провинции Фуцзянь. Но наибольшее количество печей сконцентрировалось в печном комплексе Даяо в уезде Лунцюань. Здесь выпускалось самое большое количество посуды и самого лучшего качества (рис. 11; 12). О размахе производства керамики в этом регионе могут свидетельствовать данные, полученные во время раскопок в Цзиньцуне, где за один раз могло обжигаться 20—25 тысяч экземпляров (Valenstein 1975: 90).

Продукция именно этих печей стала впервые известна в Европе в XVII веке. Фрагменты лунцюаньского селадона были найдены в Самарре на Тигре (Hobson 1948: 23; Gray 1953: 40) в слое IX в. вместе с танским фар-

фором. Начало производства лунцюаньских изделий традиционно относят к периоду Пяти династий. С этого времени и до сегодняшнего дня в окрестностях Лунцюаня выпускалась керамика, принесшая мировую известность китайскому керамическому искусству, неизменно вызывающая восхищение у всех ценителей красоты на протяжении многих веков. У японцев, очень рано познакомившихся с лунцюаньской продукцией, существует культ этих изделий, использовавшихся в чайной церемонии. Они выделяют три группы этого сорта: 1) голубовато-зеленые *кинута* (этот термин означает «деревянный молоток», сосуды в форме деревянного молотка использовались японцами на праздничных церемониях), датирующиеся сунским временем; 2) с мягким оливковым оттенком *тэньрюдэ*, относящихся к периодам Юань и Мин 3) водянисто-зеленые, часто с голубоватым оттенком *ситикан*, начавшие выпускаться с середины Мин (Gompertz 1969: 62; Hobson 1948: 40).

На о. Кюсю селадон из Лунцюаня начинает появляться с конца XI в. В Дадзайфу, служившим перевалочным карантинным пунктом для торговцев, возивших с материка товары на Японские острова, селадонные изделия из Лунцюаня разбиваются даже на 5 хронологических этапов: 1) конец XI — начало XII в.; 2) середина XII — конец XII в.; 3) первая половина XIII в.; 4) середина XII в. — на-

Рис. 13. Глазурованная ваза. Селадон Лунцюань (высота 31,5 см, диаметр тулова 18,3 см). Династия Южная Сун — Юань, XIII в. (по Chinese ceramics 1994: 126, fig. 183).

Fig. 13. The glazed vase. Longquan ware celadon (height 31,5 cm, body diameter 18,3 cm). Southern Song Dynasty — Yuan, 13th c. (after Chinese ceramics 1994: 126, fig. 183).

чало XIV в.; 5) начало XIV — первая половина XV в. (Yamamoto 1994).

С XIII века, как отмечают некоторые исследователи, у лунцюаньских селадонов цвет черепка начинает становиться светлее (Арапова 1977: 31), возможно, что эта тенденция проявилась в некоторых печах уже с начала XIII в. (рис. 13). Цвет глазури у лунцюаньских изделий варьирует в зависимости от содержания оксидов железа как в черепке, так и в глазури, от количества нанесенных слоев на черепок, и бывает от травянисто-зеленого до серого цвета, но обычно «холодных оттенков морской воды». Цвет фарфоровидного черепка также имеет вариации от светло-серого до серовато-белого, причем неглазурованная поверхность черепка имеет тенденцию приобретать коричневый цвет, соприкасаясь с пламенем печи. Изделия из Лунцюаня не всегда

могут иметь цек. Его появление у селадонов, впрочем, как и у других щелочных глазурей, зависит от многих причин. Одной из них является толщина глазурного слоя.

При завышенной температуре обжига создается обстановка, благоприятствующая появлению цека, в то время как при пониженной температуре поверхность глазури остается гладкой, неповрежденной. Кроме того, уменьшение щелочных элементов в глазури и увеличение кремнезема и бора тоже способствует появлению цека. Однако нельзя любую трещиноватость на глазурях называть термином «кракле», его следует употреблять в тех случаях, когда трещиноватость достигалась мастером намеренно, т. е. он руководил этим процессом (Gompertz 1969: 64; Chinese ceramics 1988: 529, 531, 533 etc.). Всякую другую трещиноватость, появившуюся случайно, из-за трудно регулируемого процесса обжига и прочих причин, следует называть цеком.

Гончары эпохи династии Юань (1271—1368 гг.) стали наносить один слой глазури, за исключением лучших изделий, на которые по-прежнему наносилось несколько слоев глазури. Печи Лунцюань стали выпускать продукцию значительных размеров, некоторые образцы могли достигать более метра по высоте или диаметру. Печи для такой крупной продукции также достигали больших размеров, длинные печи назывались «печи драконов», в них помещались тысячи изделий. Они пользовались популярностью у монгольской знати, в Западной Азии, Африке. В эпоху Мин (1368—1644 гг.) лунцюаньская керамика стала более толстой, с грубым декором, но продолжала экспортироваться. Однако после середины XIV в. изделия лунцюаньских печей стали вытесняться продукцией Цзиндэчжэня, где делались копии Чжэцзянских селадонов. Постепенное возвышение фарфоровых изделий с кобальтом из Цзиндэчжэня в конце XV в. привел к потере Лунцюанем большинства рынков сбыта, и лунцюаньские печи постепенно прекратили производство.

Корейские селадоны

Корейский полуостров — это единственное место, где производились селадоны, помимо Китая. Представители корейской элиты начали испытывать большой интерес к китайскому селадону со второй половины периода Объединенного Силла (668—935 гг.). Ценная продукция из Южного Китая поступала в Корею вместе с другими экзотическими товарами. После восстания Ань Лушаня в 755 г.

в Китае начался длительный экономический кризис. Производство селадонов в печах юэяо провинции Чжэцзян к началу X в. пошло резко на спад по экономическим и другим причинам. Часть китайских гончаров переселилась на Корейский п-ов именно в это время, другие отправились в Лунцзюань (Гомперц 1972: 53; Porcellanous stoneware... 1972: 362). В короткое время сразу в 15 местах вдоль юго-западного побережья Кореи появились мастерские и печи для производства селадонов. В результате с конца IX и в X вв. было освоено производство селадонов, и появились уникальные формы корейского сорта высокообжиговых изделий (Koh Choo 1994: 54; The Story... 2004: 37—39).

Поскольку корейские изделия ведут свое происхождение от китайских селадонов из провинции Чжэцзян, ранние селадоны Кореи имеют некоторые характерные особенности техники юэ: ножка или высокая и вывернутая наружу, или низкая с широким основанием кольцевого поддона в стиле «глаз змеи» (острый мысик в центре дна снаружи, образующийся при обточке кольцевого поддона), глазурь вокруг поддона перед обжигом часто счищалась широкой полосой. Эта особенность практиковалась большую часть корейского периода, но не с такой тщательностью, как в ранних селадонах. Неглазурованная поверхность в результате обжига приобретала красноватый цвет из-за присутствия в глине окислов меди (Gompertz 1953: 23). Во время обжига ранние корейские селадоны, так же как и юэ, устанавливались при помощи «шпор», в качестве которых использовались маленькие кусочки глины, следы которых отчетливо видны на готовых изделиях (Haegang ceramic... 1990: fig. 1—5).

Ранние селадоны эпохи Корё (918—1392 гг.) оставались еще грубыми, простыми по форме, толстыми и тяжелыми из-за незрелой техники. Глазурь сначала была тусклая, непрозрачная, темная, голубовато-серого или серовато-зеленого цвета и заметно отличалась от знаменитых поздних корейских селадонов с глазурью «цвета зимородка». Для декорирования использовался в основном цветочный орнамент в виде лотоса и пиона с листьями и травой, реже изображались попугаи. Техники декорирования первоначально были заимствованы от китайских мастеров, но постепенно изменялись и усовершенствовались.

Считается, что самый ранний экземпляр корейского селадона датируется 993 г. (Ewha Centennial Museum 1990: 63). Сделан он довольно грубо, а селадоновая глазурь выгля-

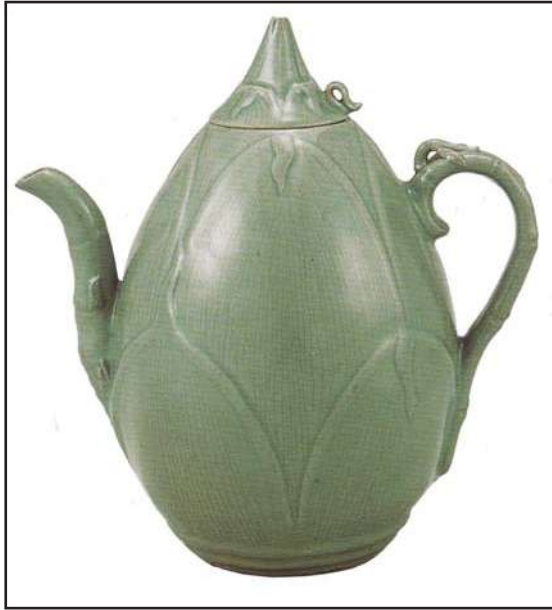

Рис. 14. Селадоновый кувшин (высота 29,1 см). Династия Корё, X в. (по Yonsei University... 1988: 82, fig. 97).

Fig. 14. Celadon jug (height 29,1 cm). Koryo Dynasty, 10th c. (after Yonsei University... 1988: 82, fig. 97).

дит коричневой (рис. 14). На дне имеется надпись, удостоверяющая, что он изготовлен для храма предков в память основателя династии. В «Корё са» есть запись, что строительство храма было начато в 989 г. и закончено в 992 г. Таким образом, на основании этого факта первоначально начало производства корейских селадонов традиционно датировали 1000 г. (Гомперц 1972: 53). Позднее, с учетом исторических источников и археологических данных, история селадонов была детализирована, разделена на четыре этапа в соответствии с корейской историей (Koh Choo 1994: 78): ранний период (918—1046 гг.), средний (1047—1146 гг.), поздний (1147—1274 гг.) и конечный (1275—1391 гг.).

Самое яркое письменное свидетельство о корейском селадоне относится к 1123 г., когда китайский ученый Сюй Цзин посетил Корею, сопровождая китайского чиновника. Пробы там всего один месяц, он написал книгу о Корее «Иллюстрированный рассказ о посольстве в Корё в годы Сюаньхэ» («Сюаньхэ фэнши Гаоли туцзин», XII в.), где содержится много интересных сведений о Корее. В его работе сообщается, что корейцы делают за-

Рис. 15. Селадоновый кувшин в форме побега бамбука с рельефным декором (высота 23,5 см, диаметр дна 8,4 см). Династия Корё, XII в. Национальный музей Кореи (по The story... 2004: 36, fig. 8).

Fig. 15. A celadon jug of a bamboo form with a relief decor (height 23,5 cm, bottom diameter 8,4 cm). Koryo dynasty, 12th c. National Museum of Korea (after The story... 2004: 36, fig. 8).

Рис. 16. Селадоновый контейнер с крышкой с подглазурной росписью на основе оксидов железа (высота 16,2 см, диаметр 12,1 см). Национальный музей Кореи, Сеул (по The story... 2004: 38, fig. 9).

Fig. 16. Celadon container and cover with underglaze painting with iron oxides (height 16.2 cm, diameter 12.1 cm). National Museum of Korea, Seoul (after The story... 2004: 38, fig. 9).

мечательные по форме сосуды и, хотя многие из них подражают формам керамики из Динчжоу, некоторые, как, например, сосуды для вина, очень необычны и отличаются

Рис. 17. Винный селадоновый чайник с изображением мальчика и виноградной лозы, выполненных в комбинированной технике (сочетание ангоба, метода обратной инкрустации, росписи краской на основе оксидов железа) (высота 18,8 см, диаметр тулова 23,4 см). Династия Корё, XII в. Музей восточной керамики, г. Осака (по The story... 2004: 46, fig. 13).

Fig. 17. Wine celadon teapot with the image of a boy and a vine, made in the combined technique (combination of slip, reverse inlay method, painted with paint based on iron oxides) (height 18,8 cm, body diameter 23,4 cm). Koryo dynasty, 12th c. Museum of Oriental Ceramics, Osaka (after The story... 2004: 46, fig. 13).

от китайских. Кроме того, корёсцы научились получать очень красивую голубовато-зеленого цвета глазурь, называемую ими «писэк», что означает «цвет зимородка» (Gompertz 1953: 23—24; Kim 1986: 274—277). Таким образом, имея в виду сведения Сюй Цзиня, можно сделать вывод, что к началу XII в. была получена уникальная, отличная от китайских селадонов глазурь, прославившая мастерство корейских гончаров во всем мире. «Таинственный цвет Гаоли» покорила даже сердца таких искушенных ценителей керамики, как китайцы.

Основной процесс становления селадонов проходил в печах Гангчжин в провинции Чолла, где производилась самая многочисленная и разнообразная продукция, включая декор (Hughes, Matthews, Portal 1999: 288; The Story... 2004: 43). В этих печах начали изготавливаться изделия с разнообразным подглазурным орнаментом, наносившимся кистью (для краски с содержанием оксидов железа), штамповкой, гравированием, дополненные черной и белой краской. Предположительно, смешивание всех видов техник и привело к созданию особой техники *сангам*. Она представляет собой искусство инкрустации методом вдавливания или нанесения кистью цветной глины (белой или коричневой, содержащей окислы железа) на предварительно вырезан-

Рис. 18. Селадоновая бутылка для вина в форме тыквы с инкрустированной надписью цветной глиной на основе оксидов железа (высота 39,3 см, диаметр дна 11,1 см). Династия Корё, XII в. Национальный музей Кореи, г. Сеул (фото автора).

Fig. 18. The pumpkin-shaped celadon wine bottle with inlaid inscription of colored clay based on iron oxides (height 39.3 cm, bottom diameter 11.1 cm). Koryo dynasty, 12th c. National Museum of Korea, Seoul (photo by the author).

ный в черепке рисунок. Существуют две версии возникновения этой техники. Согласно первой, она произошла от подражания насечке проволокой по металлу, чем особенно были известны корейские мастера. Другая версия связывает происхождение техники *сангам* с лаковыми изделиями, инкрустированными перламутром и выпускавшимися в придворных мастерских с конца X в. (Глухарева 1982: 125). Из печей провинции Чолла великолепные селадоновые изделия на кораблях перевозились в столицу Корё г. Кэсон (Северная Корея), где они использовались королевской семьей, знатью и буддийскими монахами в качестве храмовой посуды.

Рис. 19. Селадоновая чаша с изображением хризантем, выполненных путем инкрустации цветными глинами (высота 9,3 см). Династия Корё, XII в. (по Yonsei University... 1988: 88, fig. 105).

Fig. 19. The celadon bowl depicting chrysanthemums made by inlaying colored clay (height 9.3 cm). Koryo dynasty, 12th c. (after Yonsei University... 1988: 88, fig. 105).

Параллельно корейскими гончарами была освоена техника декорирования селадонов с использованием краски на основе оксидов меди, которая после обжига в восстановительном режиме приобретала коричневатокрасный цвет. Вместе создавалось необычайное сочетание с зеленой прозрачной глазурью (техника *чжинса*) (The Story... 2004: 44—45). В подражание китайскому сорту цычжоу была освоена техника росписи селадонов подглазурной росписью краской, содержащей оксиды железа. В этом случае обжиг происходил в окислительной среде. Все упомянутые виды декорирования все время изменялись, смешивались, влияли друг на друга, в результате чего появились выдающиеся образцы корёского селадона (рис. 15—17). В разных печах Корейского п-ова гончары экспериментировали над составами глазурей, поэтому рецептура их несколько различается от одной печи к другой (Koh Choo 1994: 73).

Все упомянутые выше техники декорирования широко распространились на Корейском п-ове в XI в. и достигли пика в своем развитии в течение XII в. (рис. 18—20). Массовое производство инкрустированных селадонов

Рис. 20. Селадоновая ваза с изображением пионов, хризантем и лепестков лотоса, инкрустированных цветными глинами (высота 34,4 см, диаметр венчика 5,6 см, диаметр дна 13,4 см). Династия Корё, XII в. Национальный музей Кореи, г. Сеул (по The story... 2004: 44, fig. 12).

Fig. 20. A celadon vase with the image of peonies, chrysanthemums and lotus petals, inlaid with colored clay (height 34,4 cm, rim diameter 5,6 cm, bottom diameter 13,4 cm). Koryo dynasty, 12th c. National Museum of Korea, Seoul (after The story... 2004: 44, fig. 12).

достигло небывалого размаха. Глазури стали тоньше и менее прозрачны, стали меньше использоваться классические сюжеты с хризантемами и пионами, они утрачивают постепенно свою реалистичность (The Story... 2004: 47). Это произошло еще до нашествия монголов в 1231 г., которое также пагубно отразилось на гончарном искусстве, селадоны хорошего качества стали редки (Pak, Whitfield 2004: 85). И хотя в конце XIII в. отношения с монголами наладились, и экономика страны упрочилась, этот подъем коснулся лишь селадонов, украшавшихся золочением и использованием медной краски. Традиционный же селадон заметно ухудшился (Глухарева 1982: 130; Гомперц 1972: 59; Ксенофонтова 1987: 42). Глазурь часто после обжига приобретала желтовато-коричневый оттенок, а лучшие из-

делия вместо голубовато-зеленого цвета стали ближе к серовато-зеленому.

В коллекции Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток) имеется один экземпляр корёского селадона, найденный на территории разрушенного Южно-Уссурийского городища, относящийся к чжурчжэньскому времени, предположительно, к эпохе Восточного Ся (1215—1233 гг.). Это фрагмент чаши с дольчатыми стенками, декорированной в технике «сангам» (рис. 21). Дно и кольцевой поддон отсутствуют. На поверхности чаши имеется дефект, образовавшийся в процессе обжига в результате нарушения восстановительной атмосферы в печи (Гельман 1999: 99). В ее нижней части глазурь имеет дефект — она вспучилась, стала непрозрачной и приобрела желтовато-коричневый цвет. В этом месте под глазурью с трудом различим инкрустированный декор. Образец чаши, таким образом, соответствует характеристике корёского селадона начала XIII в., эта датировка подтверждается данными стратиграфии и материалами из культурного слоя.

Корёские селадоны представлены самыми разнообразными формами, включая ритуальные сосуды, чаши, блюда, вазы, чайники и тшечницы, подушки, цветочные контейнеры, миниатюрную скульптуру и черепицу. Особую группу селадонов представляют фигурные сосуды, изображающие реалистичных и мифических животных, фрукты. Несомненно, это была продукция, предназначавшаяся для элиты. Тем более, что получить высококачественный селадон было трудно из-за несовершенства печей, загруднявшего возможность постоянно поддерживать восстановительную атмосферу во время обжига (Adams 1986: 31). Ведь даже порыв воздуха может свести на нет все предосторожности. Так, например, у Ли Кюбо в «Полном собрании сочинений Тонгука Ли Сангука», жившего в 1168—1241 гг., упоминается о том, что только одна из десяти селадоновых чаш обладала желаемым эффектом (см. Gompertz 1969: 21 — ссылка на факсимильное издание этого источника: Seoul, 1959, В. VIII, р. 992). Даже в настоящее время на современных заводах по производству керамики и фарфора невозможно достигнуть абсолютно одинаковых условий во всех точках печи. Температура воздуха при обжиге корёских селадонов достигала 1200—1300°. Длина печей достигала 8 м в длину и 1,2—1,5 м в ширину (Pak, Whitfield 2004: 84). Для выдающихся образцов селадонов использовались капсулы, но основная масса изделий обжигалась без них.

Рис. 21. Фрагмент селадоновой чаши с изображением хризантем, инкрустированных цветными глинами, из Южно-Уссурийского городища. Династия Корё, XIII в. (фото из личного архива автора).

Fig. 21. The fragment of the celadon bowl depicting chrysanthemums inlaid with colored clay from the Yuzno-Ussuriisk fortified settlement. Koryo dynasty, 13th century (photo from the personal archive of the author).

Со временем выдающиеся корёские селадоны почти исчезли и сменились более практичной и популярной керамикой сорта пунчхон, которая больше подходила для ежедневного использования в качестве столовой посуды. Однако богатый опыт производства высокообжиговой керамики предыдущих столетий стал основой для появления нового сорта. Иногда исследователи корёской керамики рассматривают пунчхон как разновидность селадонов и называют его селадонем эпохи Чосон (The story... 2004: 55). У него действительно есть ряд орнаментальных элементов и мотивов, которые восходят к селадонам, для него использовалась та же самая глина и техника нанесения декора. Однако, несомненно, что новый сорт испытал очень сильное влияние китайского сорта цычжоу. В свою очередь, пунчхон стал еще одним шагом к появлению корейского фарфора.

Заключение

Селадоны на протяжении всего периода их производства всегда оставались ценной продукцией, которая коллекционировалась и использовалась элитой в разные времена. Эстетическая составляющая нередко подкреплялась представлениями о магиче-

ских свойствах изделий с глазурью, подобной нефриту. Изучение селадонов началось сразу же после их изобретения в Китае. Первоначальной целью являлось изготовление аналогичных по качеству образцов, чтобы приблизиться к исходным эталонам и получить экономическую выгоду. Вторичной целью стало достижение того же совершенства, которого смогли добиться китайские и корейские гончары в эпоху средневековья. Подражая им, новые поколения гончаров изготовили новые виды селадонов.

Их изучение продолжается на протяжении более 300 лет, но только в XX в. были созданы очень удачные копии старинных изделий, чему способствовало использование разнообразных современных естественнонаучных методов исследования. Однако, по-прежнему остается много неизвестного о селадонах, чему также способствуют новые систематические археологические исследования, приносящие новые, ранее не известные образцы и свидетельства эволюции технологии их изготовления. Не менее важным является установление торговых связей между Китаем, Кореей и другими регионами мира, что отражает уровень и интенсивность взаимодействия разных экономик мира на разных этапах их существования.

Литература

- Августиник А.И. 1957. *Керамика*. Москва: Государственное издательство литературы по строительным материалам.
- Арапова Т.Б. 1974. *Китайский фарфор конца XIV — первой трети XVIII в.* Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Москва.
- Вандивер П. 1990. Древние глазури. *В мире науки = Scientific American* (6), 66—74.
- Гельман Е.И. 1999. *Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья*. Владиво-

- сток: Дальнаука.
- Глухарева О. Н. 1982. *Искусство Кореи*. Москва: Искусство.
- Гомперц Г. 1972. Селадон Корё. В: Концевич Л. Р. (отв. ред.). *Корейское классическое искусство*. Москва: Наука, ГРВЛ, 49—64.
- Гончаров С. Н. 1986. *Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127—1142*. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Ду Баожэнь. 1987. Печи и техника обжига в Яочжоуских печах. *Вэньу* (3), 32—37 (на кит. яз.).
- Кинджэри Д., Вандайвер П. 1987. Шедевры керамики: искусство, структура, технологии. *В мире науки = Scientific American* (6), 114—115.
- Ксенофонтова Р. А. 1987. Старинная корейская керамика. В: Решетов А. М. (отв. ред.). *Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ*. Сборник музея антропологии и этнографии XLI. Ленинград: Наука, 32—64.
- Раскопки... 1965: *Раскопки яочжоуских мастерских в уезде Тунчуань провинции Шэньси*. 1965. Пекин. = *Shanxi sheng kao gu yan jiu suo (Xi'an, Shaanxi Sheng, China) = Excavations of Yaozhou kiln sites at T'ung Ch'uan, Shensi*. Peking: Science Press (на кит. яз.).
- Чжао Гуанлинь, Чжан Нин. 1979. Предварительные исследования фарфора эпохи Цзинь. *Каогу* 5, 461—471 (на кит. яз.).
- Adams E. B. 1986. *Korea's Pottery Heritage*. Vol. I. Seoul: Seoul International.
- Celadon 1997: Imai A. 1997. *Celadon*. Chinese Ceramics 4. By supervised by Hasebe G. Japan: Heibonsha Ltd., Publishers.
- Chinese ceramics 1994: *Chinese ceramics. Special exhibition*. 1994. Tokyo: Tokyo National Museums (in English and Japanese).
- Ewha Centennial Museum*. 1990. Catalog for the Grand Opening. Seoul: Published by Ewha Womans University Museum.
- Gompertz G. L. 1969. *Celadon wares*. New York; Washington: Faber&Faber.
- Gompertz G. L. 1953. The "Kingfisher celadon" of Koryo. *Artibus Asia XVI* (1/2), 5—24.
- Gray B. 1953. *Early Chinese pottery and porcelain*. London: Faber.
- Haegang ceramics... 1990: *Haegang ceramics art museum*. 1990. Seoul: Haegang Art Museum.
- Hetherington A. L. 1937. *Chinese Ceramic Glazes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobson R. L. 1948. *Handbook of the pottery and porcelain of the Far East*. London: British Museum.
- Hughes M. J., Matthews K. J., Portal J. 1999. Provenance studies of Korean celadons of the Koryo period by Neutron activation analysis. *Archaeometry* 41 (2), 287—310.
- Kim Won-Yong 1986. *Art and archaeology of ancient Korea*. Seoul: Taekwang Pub. Co.
- Koh Choo C. K. 1995. A scientific study of traditional Korean celadons and their modern developments. *Archaeometry* 37 (1), 53—81.
- Needham J. 2004. *Science and Civilisation in China*. Vol. V. *Chemistry and Chemical technology*. Part XII. *Ceramic technology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pak Y., Whitfield R. 2004. *Handbook of Korea art. Eatherware and Celadon*. Seoul: Yekyong Publishing Co.
- Porcellanous stoneware... 1972: Porcellanous stoneware from Southern China Later Yueh ware (Extract from "Early Chinese Ceramics from the Postan Collection"). *Orient Art XVIII* (4), 362—363.
- Ratclli S., Wood N., Doherti C. 2002. Technological development at the Huangbao kiln site, Yaozhou, in the 9th to the 11th centuries AD — some analytical and microstructural examination. *Scientific and technological insights (ISAC' 2002)*. Beijing: Science Press, 179—193.
- The story... 2004: Jung Yangmo et al. 2004. *The story of Korean Ceramics*. Seoul: the World Ceramic Exposition Foundation (in Korean and English).
- Valenstein S. G. 1975. *A handbook of Chinese ceramics*. New York; Boston: The Metropolitan Museum of Art.
- Yamamoto N. 1994. Shifts in the use of Zhejiang Green glazed wares at Dazaifu between the late eight and fourteenth centuries. In: Chuimei Ho (ed.). *New light on Chinese Yue and Longquan wares: archaeological ceramics found in Eastern and Southern Asia, A. D. 800—1400*. Hong Kong: The University of Hong Kong, 169—186.
- Yin et al. 2011: Yin M., Rehren T., Zheng J. 2011. The earliest high-fired glazed ceramics in China: the composition of the proto-porcelain from Zhejiang during the Shang and Zhou periods (c. 1700—221 BC). *Journal of Archaeological Science* 38 (9), 2352—2365.
- Yonsei University... 1988: *Yonsei University Museum Exhibition*. 1988. Catalogue 1. Seoul: Yonsei University (in Korean).
- Yuba T. 2001. The development of the precursor of the porcelain and the rise of celadon: a re-examination of the problems concerning the dating and areas of the production. *Transactions of the Oriental Ceramic Society 1999—2000*. London, 51—62.

References

- Avgustinik, A. I. 1957. *Keramika (Pottery)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'nyim materialam" Publ. (in Russian).
- Arapova, T. B. 1974. *Kitaiskii farfor kontsa XIV — pervoi treti XVIII v. (Chinese Porcelain of the Late 14th — First Third of 18th Centuries)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Vandiver P. 1990. In *V mire nauki = Scientific American* (6), 66—74 (in Russian).
- Gel'man, E. I. 1999. *Glazurovannaia keramika i farfor srednevekovykh pamiatnikov Primor'ia (Glazed Pottery and Porcelain from Medieval Sites of the Primorye Krai)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).
- Glukhareva, O. N. 1982. *Iskusstvo Korei (Arts of Korea)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Gompertz, G. L. 1972. In Kontsevich, L. R. (ed.). *Koreiskoe klassicheskoe iskusstvo (Korean Classical Art)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.), 49—64 (in Russian).
- Goncharov, S. N. 1986. *Kitaiskaia srednevekovaiia diplomatiia: otnosheniia mezhdur imperiiami Tsin' i Sun, 1127—1142 (Chinese Medieval Diplomacy: Relations between the Jin and Song Empires in 1127—1142)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).
- Du Baoren. 1987. In *Wenwu (Cultural Relics)* (3), 32—37 (in Chinese).
- Kingery, W. D., Vandiver, P. B. 1987. In *V mire nauki = Scientific American* (6), 113—115 (in Russian).
- Ksenofontova, R. A. 1987. In Reshetov, A. M. (ed.). *Koreiskie i mongol'skie kolleksii v sobraniakh MAE (Korean and Mongolian Collections in the Museum of Anthropology and Ethnography)*. Series: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii (Collected Papers of the Museum of Archaeology and Ethnography) XLI. Leningrad: "Nauka" Publ.,

- 32—64 (in Russian).
- Raskopki iaochzhouskikh masterskikh v uезде Tunchuan' provintsii Shen'si. 1965. Peking. = *Shanxi sheng kao gu yan jiu suo (Xi'an, Shaanxi Sheng, China) = Excavations of Yaozhou kiln sites at T'ung Ch'uan, Shensi*. Peking: Science Press (in Chinese).
- Zhao Guanglin, Zhang Ning. 1979. In *Kaogu (Archaeology)* 5, 461—471 (in Chinese).
- Adams, E. B. 1986. *Korea's Pottery Heritage*. Vol. I. Seoul: Seoul International.
- Imai, A. 1997. *Celadon*. Chinese Ceramics 4. By supervised by Hasebe G. Japan: Heibonsha Ltd., Publishers.
- Chinese ceramics. Special exhibition*. 1994. Tokyo: Tokyo National Museums (in English and Japanese).
- Ewha Centennial Museum*. 1990. Catalog for the Grand Opening. Seoul: Published by Ewha Womans University Museum.
- Gompertz, G. L. 1969. *Celadon wares*. New York; Washington: Faber&Faber.
- Gompertz, G. L. 1953. The "Kingfisher celadon" of Koryo. *Artibus Asia XVI* (1/2), 5—24.
- Gray, B. 1953. *Early Chinese pottery and porcelain*. London: Faber.
- Haegang ceramics art museum*. 1990. Seoul: Haegang Art Museum.
- Hetherington, A. L. 1937. *Chinese Ceramic Glazes*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobson, R. L. 1948. *Handbook of the pottery and porcelain of the Far East*. London: British Museum.
- Hughes, M. J., Matthews, K. J., Portal J. 1999. Provenance studies of Korean celadons of the Koryo period by Neutron activation analysis. *Archaeometry* 41 (2), 287—310.
- Kim Won-Yong 1986. *Art and archaeology of ancient Korea*. Seoul: Taekwang Pub. Co.
- Koh Choo, C. K. 1995. A scientific study of traditional Korean celadons and their modern developments. *Archaeometry* 37 (1), 53—81.
- Needham, J. 2004. *Science and Civilisation in China*. Vol. V. *Chemistry and Chemical technology*. Part XII. *Ceramic technology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pak, Y., Whitfield, R. 2004. *Handbook of Korea art. Eatherware and Celadon*. Seoul: Yekyong Publishing Co.
- Porcellanous stoneware from Southern China Later Yueh ware (Extract from "Early Chinese Ceramics from the Postan Collection"). *Orient Art XVIII* (4), 362—363.
- Ratclli, S., Wood, N., Doherti, C. 2002. Technological development at the Huangbao kiln site, Yaozhou, in the 9th to the 11th centuries AD — some analytical and microstructural examination. *Scientific and technological insights (ISAC' 2002)*. Beijing: Science Press, 179—193.
- Jung Yangmo et al. 2004. *The story of Korean Ceramics*. Seoul: the World Ceramic Exposition Foundation (in Korean and English).
- Valenstein, S. G. 1975. *A handbook of Chinese ceramics*. New York; Boston: The Metropolitan Museum of Art.
- Yamamoto, N. 1994. Shifts in the use of Zhejiang Green glazed wares at Dazaifu between the late eight and fourteenth centuries. In Chuimei Ho (ed.). *New light on Chinese Yue and Longquan wares: archaeological ceramics found in Eastern and Southern Asia, A. D. 800—1400*. Hong Kong: The University of Hong Kong, 169—186.
- Yin, M., Rehren, T., Zheng, J. 2011. The earliest high-fired glazed ceramics in China: the composition of the proto-porcelain from Zhejiang during the Shang and Zhou periods (c. 1700—221 BC). *Journal of Archaeological Science* 38 (9), 2352—2365.
- Yonsei University Museum Exhibition*. 1988. Catalogue 1. Seoul: Yonsei University (in Korean).
- Yuba, T. 2001. The development of the precursor of the porcelain and the rise of celadon: a re-examination of the problems concerning the dating and areas of the production. *Transactions of the Oriental Ceramic Society 1999—2000*. London, 51—62.

О.В. Дьякова

Olga Dyakova. Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences¹.

Дьякова Ольга Васильевна. Доктор исторических наук. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук.

E-mail: emelianova49@mail.ru

Address: ¹ Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation

Позднесредневековые памятники Приморья

Keywords: Russian Far East, Primorye, Jurchen, Eastern Xia, Mongol, Yuan, sites, fortified settlements, dating, glass

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморье, чжурчжэни, Восточное Ся, монгольское время, Юань, памятники, городища, датировка, стекло

O. V. Dyakova

Late Medieval Archaeological Sites of Primorye

The author analyzes materials of Jurchen forts in the mountains of Eastern Xia (1215—1234), and settlements and industrial complexes of Jin Empire (1115—1234). The study aims to discover whether they could function during the Mongol time, i.e. after the official defeat of these states by the Mongols. The Mongol time is defined by such archaeological indicators as innovative artisan artefacts and technologies, which appear on archaeological sites in Primorye after the fall of Jurchen states, but are typical for the Karakorum craft centers. One of such indicators is a glass-blowing production of the Eastern Xia state. Works were conducted on imported raw materials, whose chemical composition fully coincides with the raw materials from Karakorum. Due to the difficulties in Jurchen-Mongol relations, trade and economic contacts between them practically did not exist. Therefore, the emergence of traditional Karakoram artisan materials could arise only after the defeat of Jurchen Jin Empire in 1234 by the Mongols. At the same time, as the research showed, the craft centers of mountain forts in Eastern Xia continued to function also during the Mongol time, which is also confirmed by radiocarbon data. These facts made serious corrections to the military, political and economic history of the Far Eastern region during the Mongol time.

O. V. Дьякова

Позднесредневековые памятники Приморья

В статье анализируются материалы горных городищ чжурчжэней государства Восточное Ся (1215—1234), поселений и производственных комплексов империи Цзинь (1115—1234) с целью определения возможного их функционирования в монгольское время, т.е. после официального разгрома этих государств монголами. В качестве археологических индикаторов монгольского времени используются инновационные ремесленные артефакты и технологии, появившиеся на археологических памятниках Приморья после падения чжурчжэньских государств, но характерные для ремесленных центров Каракорума. Одним из таких индикаторов является стеклоделательное производство на территории государства Восточное Ся, начавшее работать на привозном сырье, химический состав которого полностью совпадает с каракорумским. Из-за сложных отношений между чжурчжэнями и монголами торгово-экономические связи между ними практически не осуществлялись. Поэтому традиционные каракорумские ремесленные материалы могли появиться здесь только после разгрома в 1234 году монголами чжурчжэньской империи Цзинь. При этом выявлено, что ремесленные центры горных городищ Восточного Ся продолжали функционировать и в монгольское время. Это также подтверждают радиоуглеродные даты. Таким образом, данные факты серьезно корректируют всю военно-политико-экономическую историю Дальневосточного региона в монгольское время.

В истории Приморья период монгольского владычества относится к числу самых неизученных проблем. Это время от падения империи Цзинь (1115—1234) до династии Юань (1271—1368) включительно, кардинально изменившее всю этно-социально-

политическую картину Дальнего Востока. Об этом периоде историками сделано заключение: «Район Дальнего Востока, являвшийся последним оплотом чжурчжэней в их борьбе с монголами, подвергся особенно сильному опустошению, в связи с чем он надолго утра-

■ The research was funded through the grant of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-40021 ■ Работа выполнена при финансировании гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-40021.

© О.В. Дьякова, 2019.

тил своё былое политическое и экономическое значение, превратившись в далёкую захолустную окраину обширной империи Юань» (Окладников 1968: 402). В письменных источниках сведения о Приморье в юаньское время фрагментарны. До сих пор не установлено, какие административно-государственные органы управления были учреждены на данной территории, всё ли Приморье входило в Юаньскую империю или только частично. Оказались ли приморские земли в полном запустении, как принято считать до сих пор, или всё-таки население сохранилось и его жизнь как-то была организована? Основным источником, способным дать достоверную информацию об этом периоде, являются археологические объекты. Поэтому в представленной работе автор намерен заполнить данный пробел, предложив сводку археологических памятников монгольского времени, и попытаться выяснить, действительно ли государство Восточное Ся (1215—1234), отложившись от чжурчжэньской империи Цзинь, навсегда исчезло с исторической арены после казни вана Пусянь Ванну, или же оно сумело вписаться в новые исторические реалии монгольской политики на северо-восточных землях империи.

Характеристика приморских археологических памятников монгольского времени предлагается в хронологической последовательности, т. е. по времени их выявления и исследования.

Осиновское поселение

В 1955 году Н. Н. Забелиной, членом Дальневосточной археологической экспедиции, руководимой А. П. Окладниковым, в Хлебной пади Михайловского района Приморского края в 2 км к северо-западу от с. Осиновка, на правом берегу одноименной реки, было обнаружено средневековое поселение, получившее название Осиновское (рис. 1: 6). Э. В. Шавкунов, главный специалист по чжурчжэньской археологии, считал, что приморские чжурчжэни после разгрома монголами империи Цзинь (1115—1234) оказались вне сферы чьих-либо интересов и их дальнейшее развитие происходило без каких-либо связей с внешним миром. В 1963 г. Э. В. Шавкунов при повторном обследовании данного памятника обнаружил, что «Под угрозой распадки оказалось одно из средневековых жилищ...» (Шавкунов 1963: 17). В том же году им были проведены раскопки, и исследователь выяснил, что памятник относится ко второй половине XIII в., т. е.

постчжурчжэньскому или раннемонгольскому времени. В 1979 г. стационарное изучение памятника продолжил В. И. Болдин, установивший, что поселение функционировало «довольно продолжительное время» и имело два строительных горизонта. Верхний горизонт исследователь отнёс ко второй половине XII — началу XIII вв., а нижний, «вероятнее всего, непосредственно предшествовал верхнему» (Болдин 1979: 7). В 1987 г. исследования Осинковского поселения возобновил Ю. Г. Никитин, раскопки которого подтвердили наличие двух строительных горизонтов. Из проведенных работ на памятнике полностью опубликованными оказались материалы только 1987 г., в то время как наиболее важные данные, имеющие принципиальное значение для разработки этого «темного» периода, в научный оборот не введены. Поэтому далее предлагается публикация раскопок Э. В. Шавкунова.

Раскопки Э. В. Шавкунова (1963 г.)

Исследования поселения Э. В. Шавкунов начал с прокладки 14-метровой траншеи, ориентированной по линии восток-запад и позволившей установить границы жилища. Затем траншея была превращена в раскоп №1.

Раскоп 1. Внешнее жилище представляло собой небольшое возвышение прямоугольной формы, границы которого чётко прослеживались по выступающим из-под земли камням. Продольной частью жилища ориентировано по линии север — юг. Внутри жилища зафиксирован кан П-образной формы для отопления помещения. «...Поверхность кана была покрыта каменными плитами, которые лучше всего сохранились в северной части жилища, где большие каменные плиты выложены тремя параллельными линиями, т. е. как раз над тремя параллельными линиями дымоходов. Всего в осиновском жилище было три очага. В полу вдоль восточной части кана имелись 4 овальных углубления и одно около западной части кана. Назначение этих углублений непонятно. Прямо против входа, который находился в южной стенке, за первым очагом выявлены остатки каменной кладки, расположенной перпендикулярно западной части кана. Судя по крупнейшему скоплению глиняной обмазки и имеющимся на ней отпечаткам, стены жилища, покрытые с внутренней и внешней стороны толстым слоем обмазки, были сделаны из тонких жердей или плах, которые были скреплены с деревянным каркасом жилища и своим основанием врыты в землю на глубину в 5—10 см, что явствует

Рис. 1. Карта памятников монгольского времени в Приморье: 1 — Куналейское городище; 2 — Малая Пенсау; 3 — Шайгинское городище; 4 — Лазовское городище; 5 — Ананьевское городище; 6 — Осиновское поселение; 7 — Петровка-5; 8 — Шуйфулен; 9 — Ключи; 10 — Новогордеевское городище; 11 — Константиновское поселение.

Fig. 1. Map of sites of the Mongolian period: 1 — Kunaleiskoe fortified settlement; 2 — Malaya Pensau; 3 — Shaiginskoe fortified settlement; 4 — Lazo fortified settlement; 5 — Ananievskoe fortified settlement; 6 — Osinovka settlement; 7 — Petrovka-5; 8 — Shuifuleng; 9 — Klyuchi; 10 — Novogordeevskoe fortified settlement; 11 — Konstantinovka settlement.

из хорошо сохранившейся вокруг жилища канавки шириной в 10 см. Лишь в том месте, где находился вход в жилище, канавка прерывается на 1,2 м, что соответствует ширине двери. По углам жилища, за исключением его юго-западного угла, выявлены большие каменные плиты, служившие основанием для деревянного каркаса жилища. Никаких иных следов или остатков фундамента, в том числе и от внутреннего основного столба, обнаружить не удалось. С внешней стороны жилища вблизи юго-западной части стены выявлено небольшое скопление камней непонятного назначения. Небольшое скопление камней, расположенных полукругом, выявлено вблизи средней части северной стены — вывод-

ное отверстие трубы кана. Почти вся глиняная обмазка, которая толстым слоем покрывала остатки жилища, ярко-оранжевого цвета, с явными признаками пребывания в сильном огне, свидетельствует, что оно погибло от пожара» (Шавкунов 1963: 3—5). Внутри жилища обнаружены находки: круглая стеклянная бусина матового цвета, несколько фрагментов круговой сероглиняной керамики, фрагмент толстостенного сосуда (ваза?) с ярко-зелёной поливой и рельефным узором. Исследователь отметил, что на бохайских и чжурчжэнских памятниках Приморья керамика с такой поливой и декором не встречается, но очень много такой керамики обнаружено во время раскопок Каракорума (Ев-

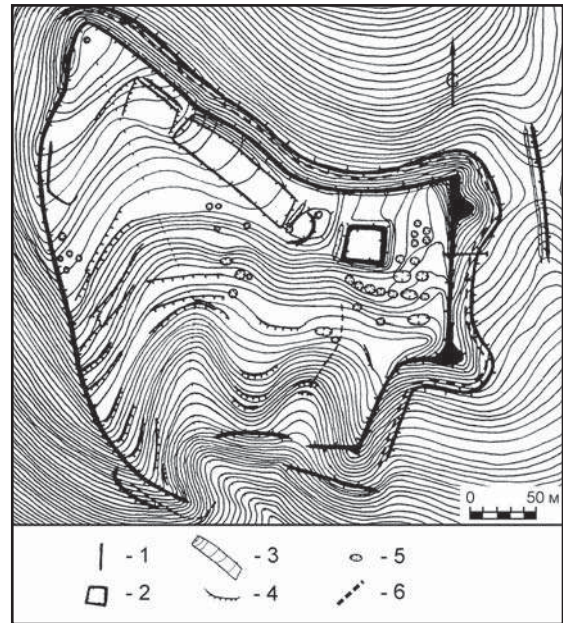

тлюхова 1969: 179—193). Данная аналогия явилась основанием для датировки осинового жилища XIII веком, т. е. периодом, когда Приморье находилось под властью монголов. Кроме того, между камнями кана обнаружены три северосунские монеты XI—XII вв.: «Си Нин юаньбао» 熙寧元寶 («Основная монета годов правления Си-нин»), «Шэн Сун юаньбао» 聖宋元寶 («Основная монета Священной Сун»), «Кай юань тунбао» 開元通寶 («Имеющая хождение монета Начала правления [Династии Тан]»). Исследователь предположил, что сунские монеты продолжали использоваться «...в первые годы монгольского ига населением бывшей чжурчжэньской империи» (Шавкунов 1963: 3—5). Значительное количество находок было собрано на вспаханном поле за пределами жилища: сунская монета «Чун-нин тунбао» (崇寧通寶), кости животных со следами обработки, обломки железных ножей, наконечник стрелы, фрагмент круговой сероглиняной и темно-желтой керамики, несколько фрагментов поливных пиал из красно-бурой глины. «Черепки посуды с оливковой и буро-малиновой поливой, черепок из жилища с ярко-зеленой поливой на территории Приморья встречаются впервые, тогда как на территории монгольских городищ и поселений XIII—XIV вв. они встречаются сравнительно часто, что лишний раз свидетельствует в пользу предложенной выше датировки жилища у с. Осинки» (Шавкунов 1963: 8).

Вывод. Таким образом, раскопки Э.В. Шавкунова впервые для Приморья выявили материал монгольского времени, где маркирующим признаком эпохи Юань послужила посуда с зелёной, тёмно-бурой, оливковой и буро-малиновой поливой. Исследователем были отмечены также особенности раскопанного жилища: наземное, с каменным прямоугольным фундаментом, каркасное, с деревянными стенами (жерди или плахи), с двух сторон обмазанными глиной, с южным входом. Заметим, что в жилище обнаружена круглая матовая стеклянная бусина, имевшая хождение в Каракоруме и тоже подтверждающая монгольское время памятника.

Куналейское городище

Куналейское городище (рис. 1: 1; 2) находится в горно-таёжной зоне Тернейского района Приморского края. Располагается на вершине отрога Сихотэ-Алиня, господствующего над долинами рек Джигитовка и Куналейка и являющегося ключевым стратегическим пунктом в данной местности.

Рис. 2. План Куналейского городища (Тернейский район Приморского края). Условные обозначения: 1 — вал; 2 — редут; 3 — внутренний город; 4 — терраса; 5 — западины; 6 — дорога (по Дьякова 2009: 78, рис. 48).

Fig. 2. Plan of Kunaleiskoe fortified settlement (Ternei district of Primorsky Krai). Legend: 1 — rampart; 2 — redoubt; 3 — inner town; 4 — terrace; 5 — depressions; 6 — road (after Дьякова 2009: 78, рис. 48).

По гребню отрога насыпаны оборонительные валы с незамкнутой конфигурацией. Основной вал опоясывает сопку почти по всему периметру, прерываясь лишь в южной пологой части горы, спускающейся к реке. Его протяженность достигает 657 м. Общая площадь городища 12 га. Фортификации представлены валом с тремя башнями и одной каменной площадкой. С внешней стороны основного вала в 10—14 м тянется дублирующий вал протяженностью 447 м и высотой 1—1,8 м. Возведение фортификации связано с чжурчжэньским государством Восточное Ся (1215—1234). Впервые памятник обследован в 1907 г. В.К. Арсеньевым. В 1973 г. О.В. Дьяковой на памятнике обнаружена черепица с зеленой поливой. С 1997 по 2002 гг. ею же проводились стационарные исследования, зафиксирована многослойность городища. Средневековая эпоха представлена мохэской, бохайской, чжурчжэньской культурами, что подтверждают стратиграфия и радиоуглеродные даты. Выявлен интересный факт: радиоуглеродная дата контрвала показала минское время — 1490 год, т. е. городище функционировало вплоть до этого времени. В ином случае не было бы смысла строить контрвал. Отсутствие следов разрушений и пожаров

Таблица 1.
Радиоуглеродные даты
Куналейского городища

Контрвал	460±30	СОАН-4411	уголь	1490 (Мин)
Ворота редута, кв. 3/14—15	745±45	СОАН-4182	уголь	1205 (Цзинь)
Дворцовый комплекс №1	1030±50	СОАН-4183	уголь	920 (Бохай)

на Куналейском городище, малочисленность находок свидетельствуют, что данный объект был покинут в спокойной обстановке. Куналейское городище находилось на перекрестке сухопутной и морской транспортной магистрали, контролировавшейся крепостью Ключи. Монголы, безусловно, пользовались этой дорожной сетью. Тем более что морская магистраль шла на север до устья Амура, где у монголов были военно-административные структуры (гарнизоны).

Вывод. Куналейское городище функционировало всю средневековую эпоху. На нем зафиксированы слои мохэской, бохайской, чжурчжэньской культур периода империи Цзинь (1115—1234) и Восточного Ся (1215—1234). Фортификацию, приведенные на топографическом плане, сооружены в стратегических целях государством Восточное Ся (1215—1234). Они полностью соответствуют традициям самообеспечивающихся военных горных укреплений, возводимых для контроля над территорией и транспортными морскими и сухопутными магистралями. Куналейское городище продолжало существовать в монгольское время, что подтверждается встреченной на памятнике черепицей с зелёной поливой, радиоуглеродными датами, показывающими мохэское, бохайское, чжурчжэньское (Цзинь и Восточное Ся) время. Заметим, что даты Куналейского городища не калиброваны, но дата ворот редута Куналейского городища аналогична одной из дат Лазовского городища, калибровка которой даёт временной разброс — 1170—1390 cal AD, т.е. не только Цзинь и Восточное Ся, но и Юань. Радиоуглеродная дата контрвала свидетельствует о существовании Куналейского городища при династии Мин (1368—1644 гг.) и о том, что транспортные магистрали в бассейне Джигитовки по-прежнему продолжали функционировать.

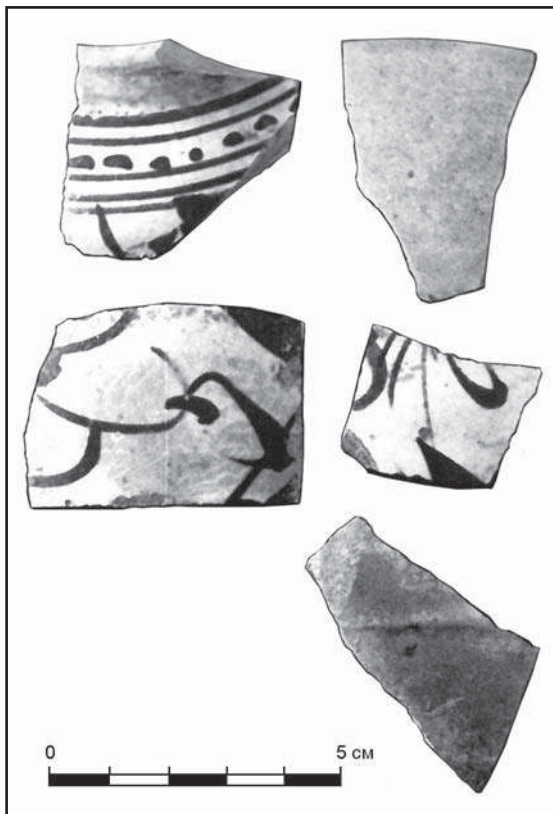
Пещера Малая Пенсау

Пещера Малая Пенсау (рис. 1: 2; 3) находится в Партизанском районе Приморского края на правом берегу р. Малая Пен-

сау, в 3,5 км от её впадения в р. Партизанскую (рис. 1). Располагается в известняковом останце. Обследована в 1974 году В. А. Татарниковым при проведении археологических изысканий. Им же произведены небольшие раскопки (Татарников 1974: 3—6). По определению В. А. Татарникова: «Пещера одноэтажная, горизонтальная. Состоит из одного большого входного грота площадью около 120 кв. м и отходящих от него ответвлений. Высота грота 2—3,5 м. В глубине пещеры потолок опускается до 0,4—0,2 м. Потолок пещеры неровный, ступенчатый. Дно покрыто слоем гумусных отложений» (Татарников 1974: 6). В 60-х годах прошлого века эта пещера посещалась и другими исследователями. Об этом свидетельствуют многочисленные следы раскопок в полу входного грота и публикации археологического материала, отнесённые к эпохе неолита и средневековья (Верещагин, Оводов 1968). Проведённые В. А. Татарниковым небольшие раскопки подтвердили двухслойность памятника, но позволили исследователю внести существенную корректировку в датирование нижнего слоя грота, материал которого был отнесён к железному веку, а не к неолиту, и датирован I тыс. до н. э., с чем вполне можно согласиться. Верхний слой грота, представленный тёмно-серым суглинком, был признан средневековым, предварительно датирован XII в. н. э. без уточнения культурной или государственной принадлежности (Татарников 1974: 4—5). Для средневекового слоя исследователем было предложено подробное описание обнаруженных находок:

«Кв. И-4 — два фрагмента фаянсовой посуды, стенка и венчик, голубовато-серого цвета. Тесто плотное без видимых примесей. Внешняя поверхность в мелких трещинах. Толщина стенок 0,35—0,6 см. Венчик слабо профилированный, отогнут внутрь. Вероятно, это фрагменты чашечки типа пиалы. Два фрагмента лепной керамики (стенки сосуда). Тесто тёмно-серое и буро-красное с примесью песка. Толщина стенок 0,6 см. Фаянсовая керамика найдена в верхней части слоя, лепная в нижней. Присутствовало несколько костей животных;

кв. К-4 — 10 фрагментов двух фаянсовых сосудов (6 фрагментов стенок и 4 фрагмента венчика). Семь фрагментов первого сосуда имеют тесто серо-голубого цвета, без примесей. Поверхность покрыта мелкими трещинами. Толщина 0,3—1 см. Венчик сосуда слабопрофилирован, отогнут наружу. Одна стенка украшена небольшим налепным валиком. Другой сосуд профилированный, венчик

Рис. 3. Материалы пещеры Малая Пенсау (Партизанский район, Приморский край): фрагменты фарфоровых сосудов с коричневой росписью (по Татарников 1974: 17).

Fig. 3. The materials of the Small cave, Pensao (Partizansky district, Primorsky Krai): fragments of porcelain vessels with brown-painted (after Татарников 1974: 17).

сильно отогнут наружу. Тесто белое, без примесей. Поверхность трещиноватая. Толщина стенок 0,5—0,9 см. Венчик снаружи украшен орнаментом в виде пяти горизонтальных параллельных линий, точек и чёрточек, выполненными тёмно-коричневой краской. Два фрагмента стенок этого сосуда украшены криволинейным орнаментом, выполненным тёмно-коричневой краской. Часть фона покрыта голубой краской, изображающей, вероятно, небо. Два фрагмента лепной керамики. Тесто тёмно-серое с песком» (Татарников 1974: 6) (рис. 3). Тщательная фиксация В. А. Татарниковым археологических артефактов, подробное описание и хорошо выполненные иллюстрации позволили автору данной статьи заново проанализировать материал с учетом новых этнокультурных индикаторов, разработанных для юаньских памятников сопредельных территорий, и внести принципиальное уточнение в датировку верхнего слоя пещеры Малая Пенсау и его культурную интерпретацию. По нашему мнению,

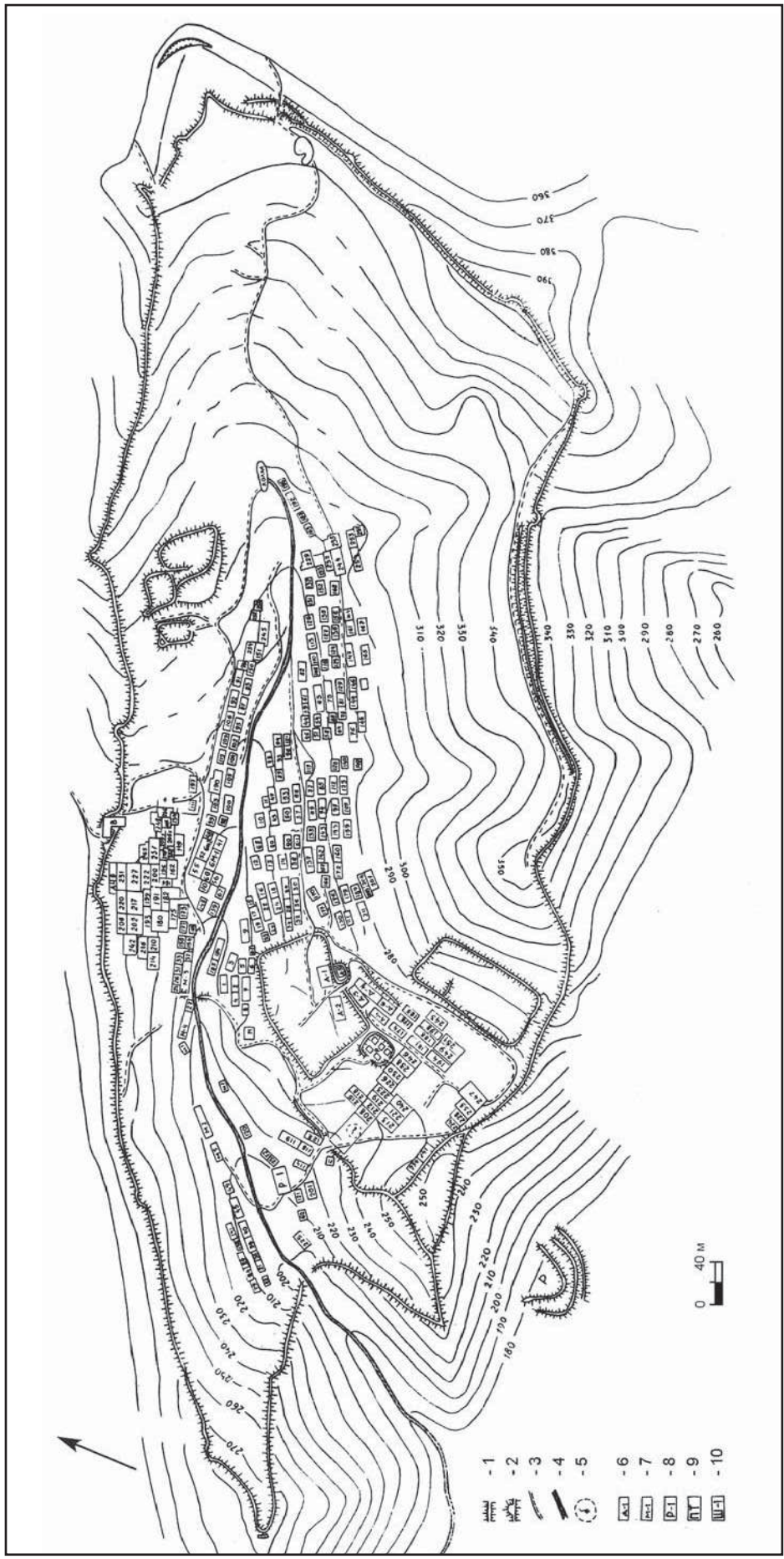
верхний слой пещеры Малая Пенсау относится к юаньскому времени (1271—1368), т.к. в коллекции артефактов присутствуют фарфоровые сосуды с коричневой росписью, выполненной по светлому фону. Такая роспись является одним из главных маркеров керамического искусства монгольской династии Юань. Сосуды таких форм и такой цветовой росписи характерны для юаньских памятников Монголии и Внутренней Монголии.

По типу памятник Малая Пенсау — это пещерное поселение, использовавшееся, видимо, как природно-ландшафтное укрытие. Как правило, пещерные памятники имели культовое, а не жилое назначение. В данном случае пещерное поселение, вероятнее всего, являлось пунктом контроля над пролежавшими в долине р. Партизанской (Сучан) дорожно-транспортными сетями. Как следует из археологических источников, в бассейне р. Партизанской зафиксировано несколько крупных горных и долинных городищ чжурчжэней, которые продолжали существовать после падения империи Цзинь (1115—1234) и государства Восточное Ся (1217—1234).

Выводы. Верхний слой пещеры Малая Пенсау относится к юаньскому времени (1271—1368), что подтверждается материалом — фарфоровыми сосудами с коричневой росписью по светлому фону, являющимися одним из главных маркеров искусства монгольской династии Юань.

Шайгинское городище

Шайгинское городище (рис. 1: 3; 4; 5) находится в Партизанском районе Приморского края в 9 км к северу от п. Фроловка на левом берегу р. Партизанской. Расположено на горном отроге. Обнаружено в 1891 г. горным инженером Д. Л. Ивановым. С 1962 г. по 2001 г. исследовалось Э. В. Шавкуновым (Шавкунов 1963: 7). Площадь городища 46 га, периметр валов 3600 м. Первоначально определено как памятник чжурчжэньской империи Цзинь (1115—1234), позднее как горное городище государства Восточное Ся (1217—1234), обладавшее, согласно находке печати помощника начальника области в жилище №252, статусом областного центра (Ивлиев 2006: 109). Шайгинское городище было оставлено жителями, но не разграблено, об этом свидетельствуют многочисленные ценные артефакты (украшения из цветного металла, полудрагоценных камней, производственный инструментарий из чёрного металла, столовая посуда, предметы вооружения). Первоначальное предположение Э. В. Шавкунова о начале

Рис. 4. План Шайгинского городища (Партизанский район Приморского края) (по Шавкунов 1963: 3). Условные обозначения: 1 — вал; 2 — башня; 3 — дорога; 4 — ручей; 5 — ключ; 6 — здания дворцового типа; 7 — мастерские; 8 — раскоп; 9 — пустая терраса; 10 — шалаш.

Fig. 4. Plan Shaiginskoye fortified settlement (Partizansky district of Primorsky Krai) (after Shavkunov 1963: 3). Legend: 1 — rampart; 2 — tower; 3 — road; 4 — rivulet; 5 — rill; 6 — palace type buildings; 7 — workshops; 8 — dig; 9 — empty terrace; 10 — hut.

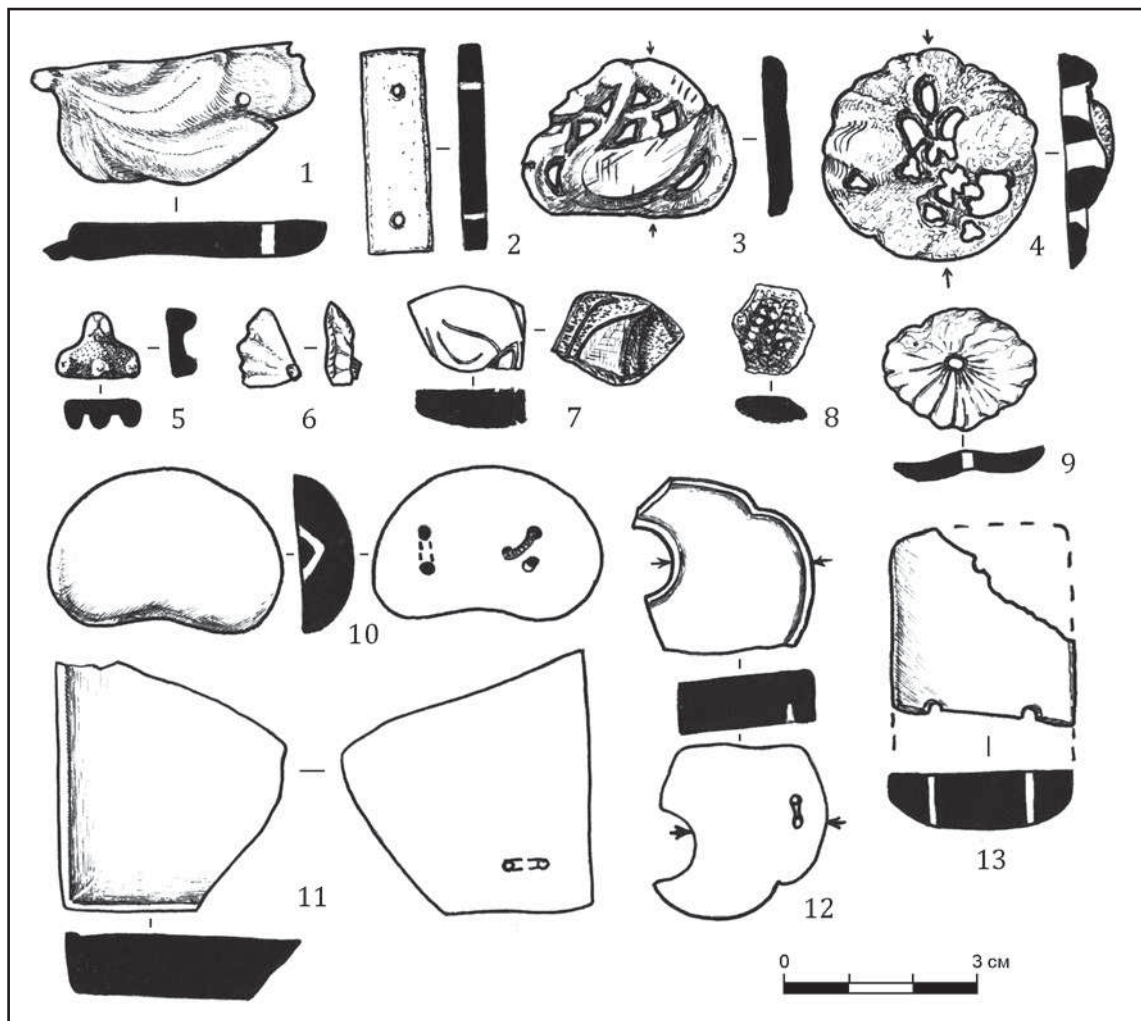

Рис. 5. Стекланные изделия Шайгинского городища (по Силантьев 2017: рис. 71).

Fig. 5. Glassware from the Shaiginskoye fortified settlement (after Силантьев 2017: рис. 71).

функционирования Шайгинского городища задолго до создания государства Восточное Ся вполне справедливо. Это подтверждает керамика с бохайскими, ляоскими, цзиньскими традициями, эпиграфические находки и радиоуглеродные датировки (Дьякова 1993: 114—134; Беляев, Сидорович 2015: 17). Стратиграфия памятника сложнее, чем принято считать в настоящее время, и явно требует нового осмысления и перепроверки.

Какие же археологические материалы свидетельствуют о том, что Шайгинское городище продолжало функционировать после падения чжурчжэньской империи Цзинь и после казни правителя государства Восточное Ся Пусянь Ваньну, т.е. после 1234 г.? В первую очередь, это появление на чжурчжэньских памятниках новых ремесленных материалов, которые из-за враждебных взаимоотношений монголов и чжурчжэней до падения империи Цзинь не могли поступать на эту

территорию. При раскопках Шайгинского городища во многих жилищах обнаружено большое количество стеклянных изделий и полуфабрикатов, аналогичных материалам монгольского слоя Каракорума. Согласно исследованиям Г.Л. Силантьева, изучавшего средневековое стеклоделательное производство Дальнего Востока, это: *стеклянные кольца* (жилища №162, 191, 95, 181, 29, 193, 220, 54, 165, 191, 136, 182, 29, 248, 247, 54, 226, 248, 248, 236, 174); *стеклянные накладки* (жилища №4, 208, 99, 173, 20, 138, 70, 160, 188); *обломки стеклянных колец*, вторично использованные как полуфабрикаты (жилища №211, 13, 68, 53, 57), *серьги* — голубая пастовая серьга (жилище №109); наборная стеклянная серьга; позолоченная серьга с петлей в форме знака вопроса (жилище №121); серьга из чёрного стекла (жилище №50); *стеклянное крыло бабочки* (жилище №161); *нэцкэ* из чёрного стекла (жилище №163); *играль-*

Таблица 2.
Радиоуглеродные даты
Шайгинского городища

Жилище 251	910±45	Ки-3153	уголь	1020— 1220 cal AD
Жилище 251	855±55	ТИГ-242	уголь	1040— 1260 cal AD
Жилище 251	820±50	ТА-2017	уголь	1050— 1280 cal AD
Жилище 255	790±40	Ки-3165	уголь	1170— 1280 cal AD

ный кубик из молочно-белого стекла (жилище №203); поддон сосуда из синего прозрачного стекла (жилище №65); стеклянные пуговицы грибовидной формы (жилище №227); ребристые бусы (жилища №227, 216); стеклянные шпильки (жилища №140, 94, 227а, 186, 68, 25). Как видим, более 50 объектов на городище содержат материалы монгольского времени. И это далеко не полный перечень изделий. Практически стеклянное сырьё и изделия монгольского времени присутствуют во всех ремесленных кварталах Шайгинского городища. Это пламевидные наконечники стрел, ребристые и зонные бусы, поливная и фарфоровая посуда с росписью. Стратиграфия памятника (в частности, небольшая мощность культурного слоя, строгая планировка кварталов) свидетельствует о единовременной застройке Шайгинского городища. При таком строительстве, начиная от возведения фортификации и заканчивая врезом в сопку искусственных террас для жилищ, расчисткой под фундаменты и насыпные «подушки» (платформы) для зданий дворцового типа, обязательно должны были серьёзно пострадать (уничтожиться) более ранние культурные слои, в том числе цзиньские. Следовательно, Шайгинское городище функционировало длительное время: при Ляо, Цзинь. При Восточном Ся оно было полностью перестроено. Такой сюжет подтверждают, помимо археологических артефактов, и радиоуглеродные даты (табл. 2).

Вывод. Функционирование Шайгинского городища в монгольское время подтверждает ряд артефактов и других материалов: 1) пламевидные наконечники стрел; 2) стеклоделательные мастерские с каракорумскими стеклянными плитками; 3) печать помощника начальника области; 4) ребристые и зонные типы бус, аналогичные каракорумским; 5) поливная и фарфоровая посуда с росписью; 6) радиоуглеродные датировки, подтверждающие многослойность памятника и длительность его существования: в 1010 году, т.е. за 95 лет до создания чжурчжэньской импе-

рии Цзинь, функционирование во времена империи Цзинь (1115—1234) и при династии Юань вплоть до 1280 года.

Новогордеевское городище (Круглая Сопка)

Новогордеевское городище (рис. 1: 10; 6) находится в Анучинском районе Приморского края. Впервые обследовано в 1878 году Ф. Ф. Буссе, в 1965—1966 гг. раскопки проводил Э. В. Шавкунов, в 1970—1973 гг. стационарные работы осуществляла Л. Е. Семениченко, в 1986—1987 гг. на памятнике работал В. И. Болдин, впервые выявивший сложную стратиграфию городища (янковская, кроуновская, польцевская, бохайская, чжурчжэньская культуры) и выделивший в чжурчжэньском

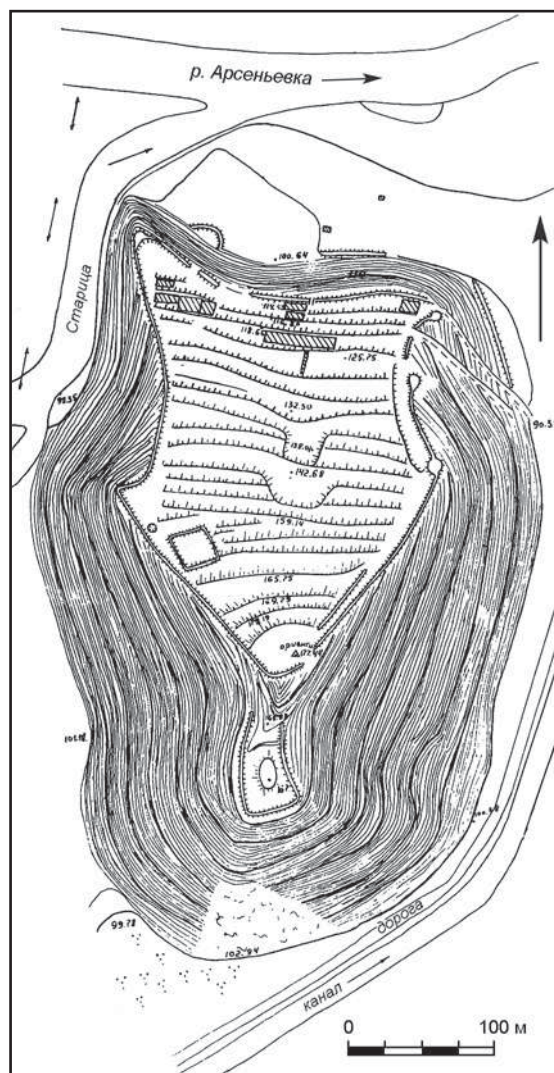

Рис. 6. План Новогордеевского городища (Анучинский район Приморского края) (по Болдин, Ивлиев 2002: 46).

Fig. 6. Plan of Novogordecievskoe fortified settlement (Anuchino district of Primorsky Krai) (after Болдин, Ивлиев 2002: 46).

слое два строительных горизонта. Фортификация и планиграфия городища соответствует горным укреплениям чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215—1234). Протяженность с севера на юг — 230 м, с запада на восток — 190 м. Прослеживаются 24 искусственные террасы для жилищ. Среди многочисленных находок, залежавших в чжурчжэньском слое, встречены стеклянные изделия: пуговица и бусы, аналогичные шайгинским из жилищ №54, 46, 250. Согласно химическим анализам В. А. Галибина, эти изделия аналогичны двум стеклянным кольцам Осиновского поселения (жилище №2), шпильке Шайгинского городища (жилище №217), бусам Ананьевского городища (жилище №13), бусам Прядчинского могильника (Средний Амур, погребения 1—3), т. е. для данных изделий использовалась одна сырьевая база, функционировавшая в монгольское время (Силантьев 2017: 112).

Вывод. Верхний горизонт чжурчжэньского слоя, согласно находкам стеклянных изделий, аналогичных по составу и форме каракорумским, функционировал в монгольское время периода династии Юань.

Константиновское-1 поселение

Константиновское-1 поселение (рис. 1: 11) находится в Октябрьском районе Приморского края, в 2 км к юго-востоку от с. Константиновка. Расположено на правом берегу р. Раздольная. В 1985 г. обнаружено А. Л. Ивлиевым, в 1987 г. стационарно исследовалось В. И. Болдыным. Радиоуглеродные даты и сложная стратиграфия показывают, что поселение возникло в постбохайский период в эпоху Ляо (917—1125), т. е. через 84 года после разгрома государства Бохай, благополучно развивалось при империи Цзинь (1115—1234), функционировало при династии Юань (1271—1368) и сохранялось вплоть до 1400—1430 годов, т. е. до начального периода династии Мин (1380—1644) (табл. 3).

Вывод. Сельское тунгусо-маньчжурское население в данном месте проживало 420 лет, в том числе в юаньское время.

Ананьевское городище

Ананьевское городище (рис. 1: 5; 7) находится в Надеждинском районе Приморского края в 4,5—5 км к юго-западу от пос. Венивитово. Расположено на горном отроге в долине р. Ананьевки (правый приток р. Раздольной). По типу соответствует чжурчжэньским

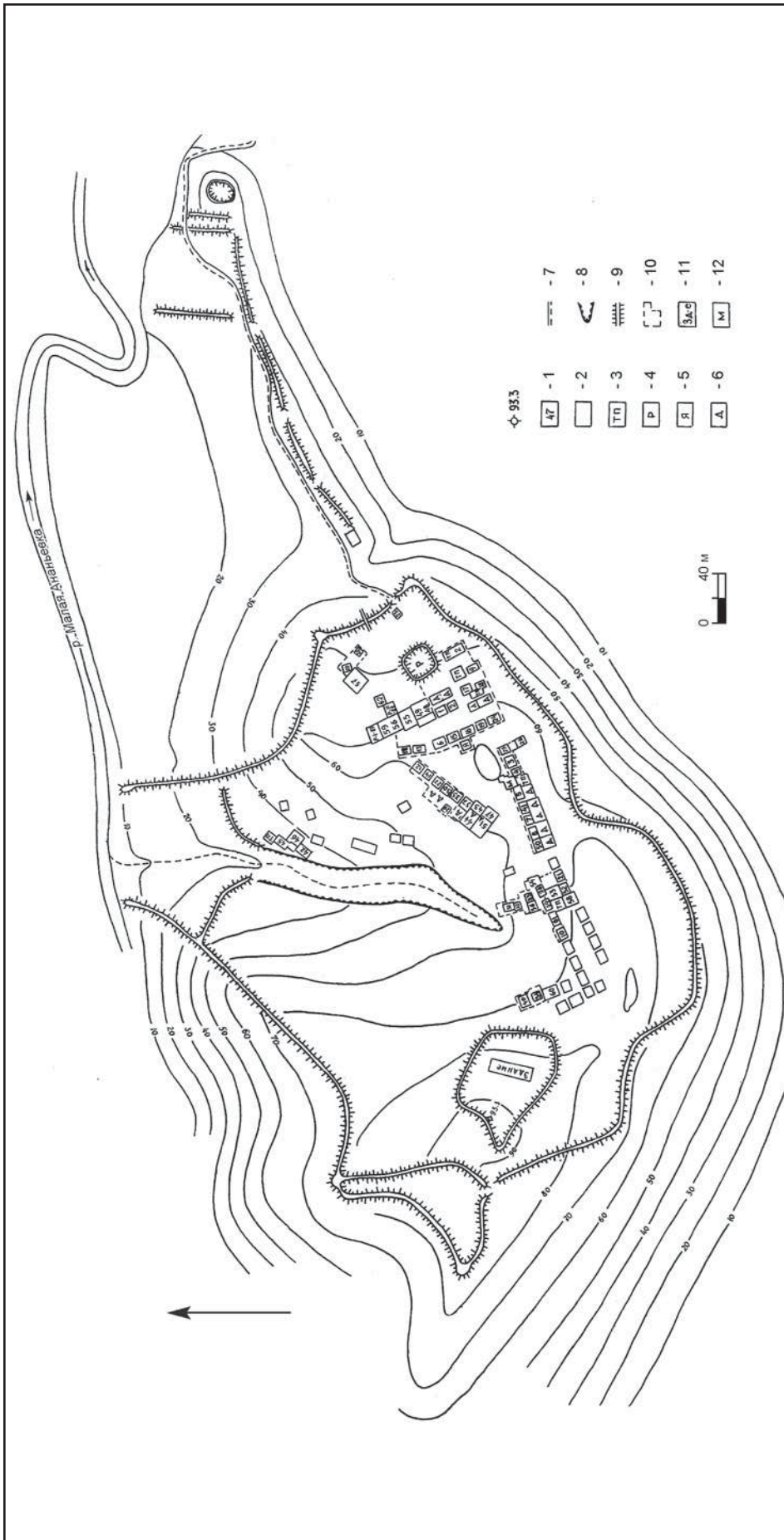
Таблица 3.
Радиоуглеродные даты
Константиновского-1 поселения

Раскоп 2, жилище 1	720±70	ГИН-4969	уголь	1170—1400 cal AD
Раскоп 5, яма	710±40	ГИН-7553	уголь	1230—1380 cal AD
Раскоп 2, жилище 4	730±130	ГИН-5970	уголь	1030—1430 cal AD

Таблица 4.
Радиоуглеродные даты
Ананьевского городища

Ананьевское гор.	1050±40	СОАН-4862	уголь	900—1030 cal AD
Ананьевское гор.	950±30	СОАН-4863	уголь	1020—1160 cal AD
Ананьевское гор.	830±60	ТА-2016	уголь	1040—1270 cal AD

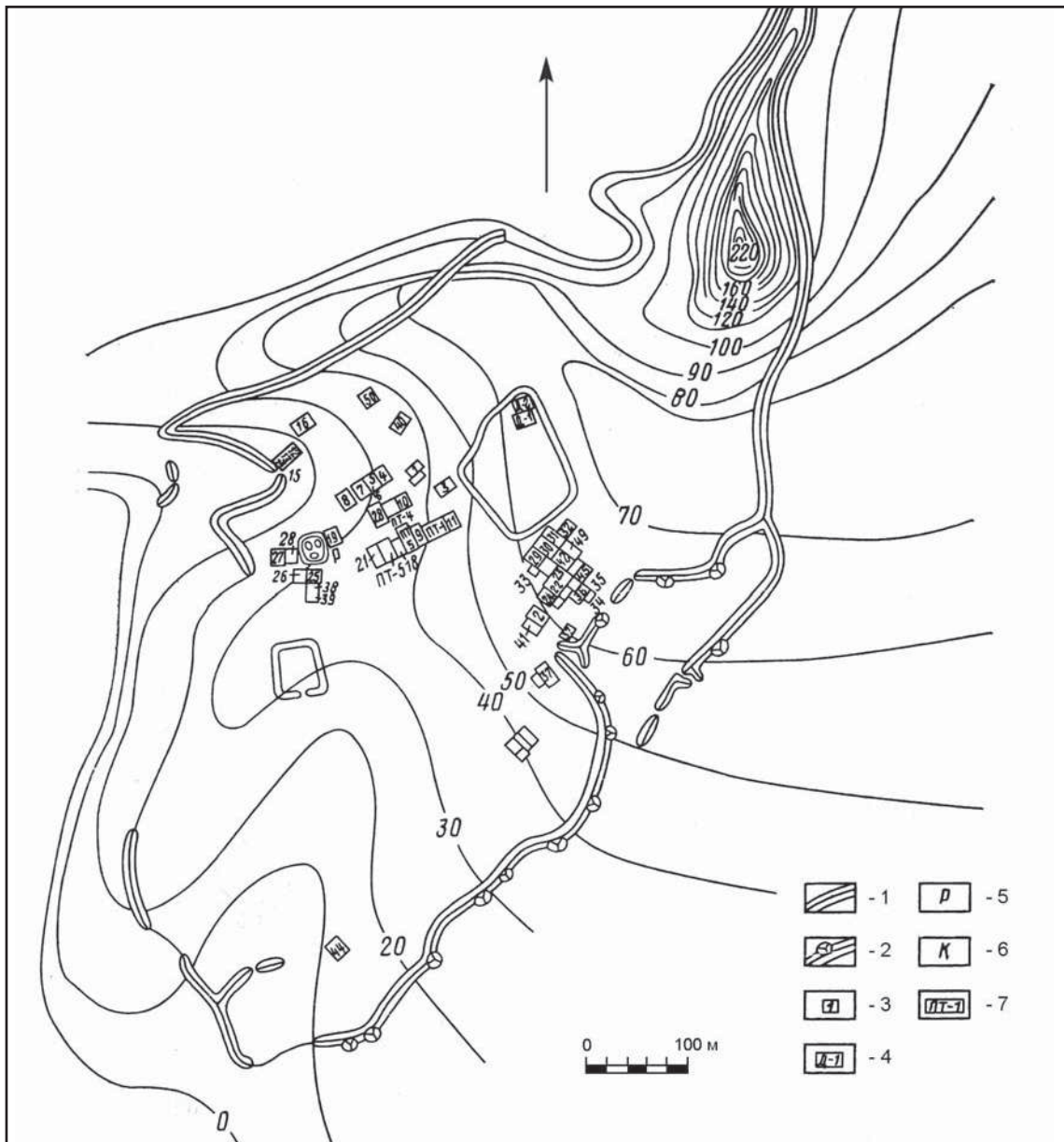
горным укреплениям государства Восточное Ся. В 1972 г. обнаружено В. А. Татарниковым. С 1976 г. стационарно исследовалось В. А. Хоревым. Вскрыто 9164 кв. м (Хорев 2012: 3—5). Площадь памятника 10,5 га, периметр валов 1800 м. Памятник многослойный, с двумя строительными горизонтами. Раскопаны жилые, административные, хозяйственные здания. Верхний горизонт содержал значительное количество ценных уникальных находок и не имел следов разграбления. Об этом свидетельствуют многочисленные металлические ремесленные материалы, в том числе пламевидные наконечники стрел, чугунное навершие булавы, аналогичное Осиновскому; керамические изделия, среди которых фарфоровые чаши (жилище №30), поливной флакон (жилище №85), стеклянные предметы: обломок шпильки из белого стекла (жилище №12); фрагмент молочного стекла, пресованного в форме (жилище №20); 8 фишек синего непрозрачного стекла (жилище №27); стеклянные накладки (жилище №11) (Хорев 2012: 181—183). По форме и химическому составу стекло аналогично осиновским, шайгинским и каракорумским находкам, т. е. у них единая сырьевая база. Юаньское время подтверждают и металлические изделия. Многослойность и одновременность памятника подтверждают радиоуглеродные даты, согласно которым Ананьевское городище возникло в 900 году, за 26 лет до падения Бохая, продолжало функционировать при империи Цзинь (1115—1234) и государстве Восточное Ся (1215—1234) и прекратило существование в 1270 году, т. е. на начальном этапе империи Юань (табл. 4).

Рис. 7. План Ананьевского городища (Надеждинский район Приморского края) (по Хорев 2012: 168). Условные обозначения: 1 — исследованные жилища; 2 — западины; 3 — террасовидные площадки; 4 — редут; 5 — яма; 6 — исследованные свайные амбары и хозяйственные дворы; 7 — древняя дорога; 8 — овраг; 9 — вал; 10 — граница исследованной площадки; 11 — административное здание; 12 — кузнечная мастерская.

Fig. 7. The plan of the Ananievskoe fortified settlement (Nadezhdinsky district of Primorsky Krai) (after Хорев 2012: 168). Legend: 1 — investigated dwellings; 2 — depressions; 3 — terraces; 4 — redoubt; 5 — pit; 6 — investigated piles and bams; 7 — ravine; 8 — oвраг; 9 — rampart; 10 — boundary of the surveyed site; 11 — administrative building; 12 — blacksmith workshop.

Рис. 8. План Лазовского городища (Лазовский район Приморского края) (по Леньков 1978: 77, рис. 3). Условные обозначения: 1 — вал; 2 — башня; 3 — раскопанные жилища; 4 — здание дворцового типа; 5 — «редут»; 6 — завал камней; 7 — пустая терраса.

Fig. 8. Plan of the Lazo fortified settlement (Lazovsky district of Primorye) (after Леньков 1978: 77, рис. 3). Legend: 1 — rampart; 2 — tower; 3 — excavated dwellings; 4 — palace type building; 5 — “redoubt”; 6 — block of stones; 7 — empty terrace.

Вывод. О функционировании верхнего горизонта чжурчжэньского слоя Ананьевского городища в юаньское время свидетельствуют следующие находки: навершие чугунной булавы, аналогичное осиновой, пламевидные наконечники стрел, фарфоровые с росписью сосуды, стеклянные изделия, изготовленные в мастерских, работавших на поставках каракорумских стеклянных плиток. Подтверждают монгольское время радиоуглеродные даты. Население данного городища покинуло его по каким-то причинам достаточно спеш-

но в начале юаньской династии, по сути дела, бросив непогашенные кузни и мастерские.

Лазовское городище

Лазовское городище (рис. 1: 4; 8) находится в Лазовском районе Приморского края в 5 км к северо-западу от п. Лазо, на левом берегу р. Лазовки. Расположено на скалистой оконечности горного отрога. Площадь городища 35 га, периметр валов 2850 м. Обнаружено в 1893 г. Н. А. Пальчевским, с 1974 г.

Таблица 5.
Радиоуглеродные даты
Лазовского городища

Печь 3	790±50	Ки-3155	уголь	1060— 1280 cal AD
Печь 2	780±40	Ки-3161	уголь	1170— 1280 cal AD
Печь 4	740±60	ТИГ-241	уголь	1170— 1390 cal AD
Печь 4	710±40	Ки-3154	уголь	1230— 1380 cal AD
Жилище №60	920±30	ГИН-4920	уголь	1030

стационарно исследовалось В.Д. Ленковым. Вскрыто 12000 кв.м, раскопано 65 жилищ, производственные объекты (печи для обжига керамики), найдены многочисленные ремесленные материалы, в том числе стеклянные плитки из Каракорума. Согласно радиоуглеродным датам (табл. 5), городище возведено в 1060 году, т.е. за 55 лет до создания империи Цзинь, во времена империи Ляо (917—1125). Благополучно развивалось в чжурчжэньский период — при империи Цзинь и Восточном Ся. Продолжало функционировать весь период династии Юань (1280 год) и прекратило существование только в 1390 году, т.е. через 22 года после падения династии Юань и начала правления династии Мин (табл. 5). Лазовское городище, как и Ананьевское, имеет два строительных горизонта. Следов разгрома на нём не обнаружено. Вплоть до последнего момента на городище работали производственные комплексы, в частности, печи для обжига глиняной посуды. Заметим, что печи по типу относятся к длинным корейским. Следовательно, население в данном месте находилось в течение 330 лет и, видимо, плавно переживало смену империй и государств и покинуло его только при династии Мин.

Вывод. Лазовское городище существовало длительное время, в том числе в юаньский период. Кроме радиоуглеродных датировок, монгольское время подтверждают стеклоделательные мастерские, работавшие на поставках каракорумских стеклянных плиток.

Памятник Петровка-5 (гончарная печь)

Памятник Петровка-5 (рис. 1: 7) находится в Шкотовском районе Приморского края, в 9 км от одноимённого посёлка. Располагается на мысовидной оконечности пологого склона сопки. В 2001 г. обнаружен и стационарно исследован В.И. Дьяковым (Дьяков 2001). Гончарная печь возведена на ровной площадке, вымощенной обожжённым кирпичом. В плане печь имела форму подковы размером 2×2,3 м. Южная стенка прямая, остальные — круглые. Топка устроена в северной стене. Ориентирована печь по оси северо-запад — юго-восток. Печь однокамерная. Загружена круговыми керамическими сосудами: корчагами с трубчатым венчиком высотой около 1 м; вазовидными сосудами и изделиями типа сковороды. Печь по форме соответствует китайскому типу.

Вывод. Согласно радиоуглеродной дате, печь работала в монгольский период. Ассортимент круговой посуды и черепица вполне соответствуют ремесленной чжурчжэньской керамике.

* * *

Таким образом, в Приморье в настоящее время выявлено девять археологических объектов, содержащих слои монгольского времени. И это, видимо, далеко не полный перечень. Как видим, горные городища чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215—1234) продолжали полномасштабно функционировать, развивать ремесленные центры и получать из Каракорума необходимое сырьё при династии Юань. Это означает, что Восточное Ся не исчезло с дальневосточной арены не только после падения чжурчжэньской империи Цзинь, но даже после казни вана Пусянь Ванну, а сумело вписаться в новые исторические реалии монгольской политики на северо-восточных землях империи. Таких горных городищ Восточного Ся известно более 30 объектов, и зафиксированы они во всех районах Приморья.

Литература

Беляев В. А., Сидорович С. В. 2015. Две новые эпиграфические находки из Приморья. В: Артемьева Н. Г. (отв. ред.). *Средневековые древности Приморья*. Владивосток: Дальнаука, 114—134.

Болдин В. И. 1979. *Отчет об археологических исследованиях на Осиновском поселении в 1979 году*. Архив ИА РАН. Р-1. №1578.

Болдин В. И., Ивлиев А. Л. 2002. Многослойный па-

мятник Новогордеевское городище. Материалы раскопок 1986—1987 годов. В: Дьякова О. В., Ивлиев А. Л. (отв. ред.). *Актуальные проблемы Дальневосточной археологии*. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН XI. Владивосток: Дальнаука, 46—58.

Верещагин Н. К., Оводов Н. Д. 1968. История фауны

- Приморья. *Природа* (9), 42—50.
- Дьяков В. И. 1999. *Научный отчет о продолжении археологических раскопок памятника Петровка-9, разведочных работах в Шкотовском, Ханкайском районах Приморского края*. Архив ИА РАН. Р-1. №26014.
- Дьяков В. И. 2001. *Научный отчет о продолжении археологических раскопок памятника Петровка-9, разведочных работах в Шкотовском, Ханкайском районах Приморского края*. Архив ИА РАН. Р-1. №26014.
- Дьякова О. В. 1986. Материальная культура населения Приамурья в XIII—XVII вв. В: Волков С. В. (отв. ред.). *История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии 2*. Москва: Наука, 226—243.
- Дьякова О. В. 1993. *Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока*. Ч. II. Владивосток: Дальнаука.
- Дьякова О. В., Дьяков В. И., Сакмаров С. А. 2002. Позднесредневековая гончарная печь памятника Петровка-5 в Приморье. В: Забияко А. П. (отв. ред.). *Традиционная культура востока Азии 4*. Благовещенск: АмГУ, 193—204.
- Евтюхова Л. А. 1969. Древнекитайская керамика из Каракорума. *СА* (3), 179—193.
- Ивлиев А. Л. 2006. О печати чжичжуна и статусе Шайгинского городища. *Вестник ДВО РАН* (2), 109—113.
- Леньков В. Д. 1978. Археологические исследования Лазовского городища. В: Шавкунов Э. В. (отв. ред.). *Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР*. Владивосток: ДВНЦ АН СССР.
- Леонова Н. Б. 2001. *Археологические раскопки памятников Петровка-5, -6, -9 у г. Большой Камень в Приморском крае в 2000 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №26041.
- Окладников А. П. (отв. ред.). 1968. *История Сибири с древнейших времен до наших дней*. Т. 1. *Древняя Сибирь*. Ленинград: Наука.
- Силатьев Г. Л. 2017. *Средневековое стекло Дальнего Востока России*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН.
- Татарников В. А. 1974. *Археологические разведки в Хабаровском и Приморском краях в 1974 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №789.
- Хорев В. А. 2012. *Ананьевское городище*. Владивосток: Дальнаука.
- Шавкунов Э. В. 1963. *Отчет о результатах полевых археологических исследований в 1963 году*. Архив ИА РАН. Р-1. №877.
- Шавкунов Э. В. 1966. Раскопки на Николаевском городище (1960—1962 гг.). В: Окладников А. П. (отв. ред.). *Сибирский археологический сборник 2*. Новосибирск: Наука, 285—289.
- Шавкунов В. Э. 2015. *Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут)*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН.

References

- Beliaev, V. A., Sidorovich, S. V. 2015. In Artemyeva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of the Primorye Kraiy)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 114—134 (in Russian).
- Boldin, V. I. 1979. *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniikh na Osinovskom poselenii v 1979 godu (Report on Archaeological Investigations in the Osinovskoye Settlement in 1979)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 1578 (in Russian).
- Boldin, V. I., Ivliev, A. L. 2002. In Diakova, O. V., Ivliev, A. L. (eds.). *Aktual'nye problemy Dal'nevostochnoi arkhologii (Current Issues of Archaeology of the Russian Far East)*. Series: Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far East Branch, Russian Academy of Sciences) XI. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 46—58 (in Russian).
- Vereshchagin, N. K., Ovodov, N. D. 1968. In *Priroda (Nature)* (9), 42—50 (in Russian).
- Diakov, V. I. 1999. *Nauchnyi otchet o prodolzhenii arkhologicheskikh raskopok pamiatnika Petrovka-9, razvedochnykh rabotakh v Shkotovskom, Khankaiskom raionakh Primorskogo kraia (Scientific Report on the Continuation of Archaeological Excavations on the Petrovka-9 Site, Field Surveys in the Shklov and Khanka Districts, Primorye Kraiy)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 26014 (in Russian).
- Diakov, V. I. 2001. *Nauchnyi otchet o prodolzhenii arkhologicheskikh raskopok pamiatnika Petrovka-9, razvedochnykh rabotakh v Shkotovskom, Khankaiskom raionakh Primorskogo kraia (Scientific Report on the Continuation of Archaeological Excavations on the Petrovka-9 Site, Field Surveys in the Shklov and Khanka Districts, Primorye Kraiy)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 26014 (in Russian).
- Diakova, O. V. 1986. In Volkov, S. V. (ed.). *Istoriia i kul'tura Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Azii (History and Culture of Eastern and South-Eastern Asia)* 2. Moscow: "Nauka" Publ., 226—243 (in Russian).
- Diakova, O. V. 1993. *Proiskhozhdenie, formirovanie i razvitiie srednevekovykh kul'tur Dal'nego Vostoka (Origin, Formation and Evolution of Medieval Cultures of the Far East)* II. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).
- Diakova, O. V., Diakov, V. I., Sakmarov, S. A. 2002. In Zabiiko, A. P. (ed.). *Traditsionnaia kul'tura vostoka Azii (Traditional Culture of Eastern Asia)* 4. Blagoveshchensk: Amur State University, 193—204 (in Russian).
- Evtukhova, L. A. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 179—193 (in Russian).
- Ivliev, A. L. 2006. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk (Bulletin of the Far East Branch, Russian Academy of Sciences)* (2), 109—113 (in Russian).
- Len'kov, V. D. 1978. In Shavkunov, E. V. (ed.). *Arkheologicheskie materialy po drevnei istorii Dal'nego Vostoka SSSR (Archaeological Materials for Ancient History of the USSR Far East)*. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Leonova, N. B. 2001. *Arkheologicheskie raskopki pamiatnikov Petrovka-5, -6, -9 u g. Bol'shoi Kamen' v Primorskome krae v 2000 g. (Archaeological Excavations of the Petrovka-5, -6, -9 near the Bolshoy Kamen Town, Primorye Kraiy, in 2000)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 26041 (in Russian).
- Okladnikov, A. P. (ed.). 1968. *Istoriia Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei (History of Siberia from the Earliest Past to the Present)* 1. *Drevniia Sibir' (Ancient Siberia)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Silat'ev, G. L. 2017. *Srednevekovoe steklo Dal'nego Vostoka Rossii (Medieval Glass of the Russian Far East)*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnogra-

- phy of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Tatarnikov, V.A. 1974. *Arkheologicheskie razvedki v Khabarovskom i Primorskom kraiaikh v 1974 g. (Archaeological Surveys in the Khabarovsk and Primorye Kray in 1974)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 789 (in Russian).
- Khorev, V.A. 2012. *Anan'evskoe gorodishche (Ananyevka Fortified Site)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).
- Shavkunov, E.V. 1963. *Otchet o rezul'tatakh polevykh arkheologicheskikh issledovaniy v 1963 godu (Report on Results of Archaeological Field Investigations in 1963)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 877 (in Russian).
- Shavkunov, E.V. 1966. In Okladnikov, A.P. (ed.). *Sibirskii arkheologicheskii sbornik (Siberian Archaeological Collected Papers)* 2. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 285—289 (in Russian).
- Shavkunov, V.E. 2015. *Pamiatniki smol'ninskoi kul'tury Primor'ia (po materialam raskopok gorodishch Smol'ninskoe i Shaiga-Redut) (Sites of the Smolninka Culture in the Primorye Kray: by Data of Excavations of Smolninskoye and Shayga-Redut Fortified Sites)*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (in Russian).

**А. В. Харинский,
М. П. Рыкун,
Е. В. Ковычев,
Н. Н. Крадин**

Artur Kharinsky. Doctor of Historical Sciences. Irkutsk National Research Technical University¹.
Харинский Артур Викторович. Доктор исторических наук. Иркутский национальный исследовательский технический университет.
E-mail: kharinsky@mail.ru

Marina Rykun. Candidate of Historical Sciences. National Research Tomsk State University².
Рыкун Марина Петровна. Кандидат исторических наук. Национальный исследовательский Томский государственный университет.
E-mail: m_rykun@mail.ru

Evgeny Kovychev. Candidate of Historical Sciences. Transbaikal State University³.
Ковычев Евгений Викторович. Кандидат исторических наук. Забайкальский государственный университет.
E-mail: kovychevgenyi@mail.ru

Nikolay Kradin. Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences⁴; Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences⁵.

Крадин Николай Николаевич. Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.
E-mail: kradin@mail.ru

Addresses:¹ Lermontov St., 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation; ² Lenin Ave., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation; ³ Aleksandro-Zavodskaya St., 30, Chita, 672039, Russian Federation; ⁴ Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; ⁵ Sakhyanova St., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

Монгольский могильник середины XIII — начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты

Keywords: Mongol Empire, Mongols, Transbaikalia, funerary ritual, gravestone, grave pit, human remains

Ключевые слова: Монгольская империя, монголы, Забайкалье, погребальный ритуал, надмогильная кладка, могильная яма, человеческие останки

A. V. Kharinsky, M. P. Rykun, E. V. Kovychev, N. N. Kradin

The Mongol Cemetery of the Mid-13th — Early 15th Centuries Okoshki 1 in the South-Eastern Transbaikalia: constructive and anthropological aspects

The cemetery Okoshki 1 is located in South-Eastern Transbaikalia, in the valley of the Urulyunguy river. Majority of these burials belong to the middle of the 13th — the beginning of the 15th centuries. The Khirkhira town, located at the distance of 1.5 km to the south-east of the cemetery Okoshki 1, is dated by the same time. For several decades, Okoshki 1 was the cemetery for the residents of this ancient town founded by Yesünggü, a nephew of Genghis Khan. The people buried on the cemetery belong to different social groups. Their burials differ by the form of tumulus, grave chambers and sizes of grave pits. The largest funerary structures are found in the south-western part of the burial ground and are represented by ground barrows with a diameter of 11—14 m and 0.7—1.2 m high. Stone barrows with a diameter of 4.7—6.0 m and 0.3—0.4 m high are localized in south-western and central parts of the burial ground. Flat stone structures, 2—8 m in diameter, are located in the central and south-eastern parts of the necropolis. So far, Okoshki 1 yielded 14 Mongol burials of the imperial period. All examined skulls typically belong to the Central Asian anthropological type. Judging by features of the funerary ritual and anthropological data, the people of lower social status, those who worked hard, were buried in the north-eastern part of the cemetery, while the south-western part of the necropolis was reserved for the elite.

A. V. Харинский, М. П. Рыкун, Е. В. Ковычев, Н. Н. Крадин

Монгольский могильник середины XIII — начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты

Могильник Окошки 1 расположен в Юго-Восточном Забайкалье, в долине реки Урулюнгуй. Большая часть захоронений некрополя относится к середине XIII — началу XV вв. Этим же времени датируется Хирхириное городище, находящееся в 1,5 км к юго-востоку от могильника. Окошки 1 на протяжении нескольких десятилетий являлись кладби-

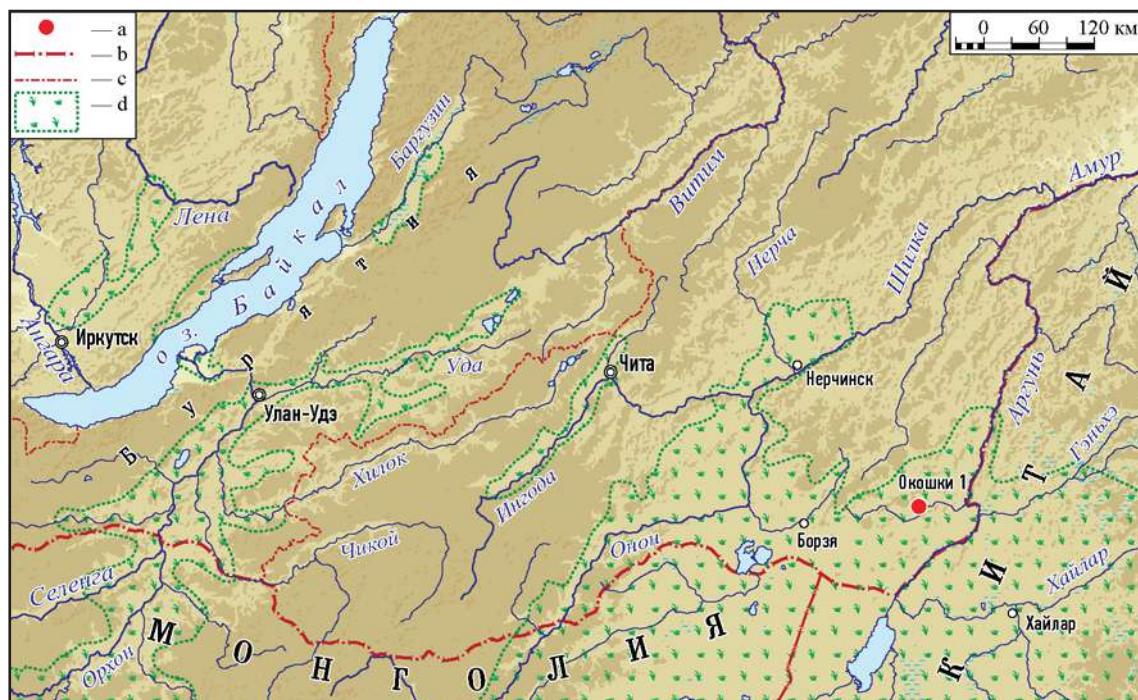
щем для жителей этого городища, основанного племянником Чингис-хана — Есунке. Погребенные на могильнике люди относятся к разным социальным группам. Их захоронения отличаются формами надмогильных конструкций, размерами могильных ям и внутримогильными камерами. Наиболее крупные погребальные конструкции находятся в юго-западной части могильника и представлены земляными курганами диаметром 11—14 м и высотой 0,7—1,2 м. Каменные курганы диаметром 4,7—6,0 м и высотой 0,3—0,4 м локализуются в юго-западной и центральной частях могильника. Плоские каменные кладки диаметром 2—8 м располагаются в центральной и юго-восточной частях некрополя. К настоящему времени на Окошках 1 вскрыто 14 монгольских погребений имперского периода. Все обследованные черепа имеют черты центральноазиатского антропологического типа. Судя по особенностям погребального ритуала и данным антропологии, в северо-восточной части могильника были погребены люди с низким социальным статусом, выполнявшие тяжелую работу, а в юго-западной части некрополя располагались захоронения элиты.

Введение

Юг Забайкалья вместе с примыкающей к нему с юга и юго-востока территорией Китая и Монголии с X в. был заселен преимущественно монголоязычными общностями. Не ощущая на протяжении XIII—XIV вв. (имперский период монгольской истории) сколько-нибудь серьезного инокультурного влияния, жители Забайкалья сохраняли в этом регионе и свои антропологические особенности, и устойчивые традиции погребальной практики. Характеризуя её, исследователи, как правило, выделяли несколько культуроопределяющих элементов, к которым можно отнести следующие: деревянную внутримогильную конструкцию, положение умершего вытянуто на спине, ориентацию погребенного головой на север — северо-восток (Дебеч 1926; Хамзина 1970; Ковычев 1984; 2004; Харинский 2001), а также наличие в захоронении остатков голени барана (овцы) (Именохоев 1988; 1989; 1992; Коновалов 1989). Выстраивается своеобразная «иерархия» этих признаков с выделением в погребальной практике монголов элементов первого, второго и третьего порядков. К числу первых относятся те, которые зафиксированы во всех захоронениях: а) сооружение могильной ямы с вертикальными стенками; б) наличие каменной конструкции (малослойные невысокие кладки, овальной или округлой формы), перекрывающей могильную яму; в) индивидуальные захоронения — в могильной яме один погребенный, под каменной конструкцией одна яма; г) трупоположение вытянутое на спине, руки вдоль туловища. К элементам второго порядка, отмеченным в более чем 80% захоронений, следует отнести: а) наличие деревянной внутримогильной конструкции (колода, ящик, рама); б) ориентировка погребенных на север или северо-восток. Наличие в погребениях костей барана (кости голени, лопатка, позвонки) отмечено почти в 50% захоронений, что позволяет считать этот элемент погребального ритуала третьестепенным (Харинский 2013; 2015).

Отсутствие единства в вопросах выделения важнейших элементов погребального обряда монголов имперского периода способствовало возобновлению комплексного изучения захоронений XIII—XIV вв. При выборе объектов исследования приоритет отдавался тем районам, где на протяжении первой половины II тыс. н. э. проживали древние монголы, не подвергавшиеся, как мы отметили, существенному культурному воздействию со стороны других народов, в том числе и посредством заключения смешанных браков. Одним из таких районов является Юго-Восточное Забайкалье, где с 2009 г. производятся раскопки на могильнике Окошки 1, большую часть погребений которого составляют захоронения XIII—XIV вв. (Харинский и др. 2010; 2011; 2012; 2014; 2016). Наличие на некрополе погребений, относящихся к разным половым, возрастным, имущественным и, возможно, правовым группам позволяет считать изучение этого могильника очень важным для понимания структуры древнемонгольского общества. Систематизация археологического и палеоантропологического материалов предоставляет возможность определить физические особенности, антропологический состав и состояние здоровья древних монголов, реконструировать их внешний облик, а также детально охарактеризовать древнемонгольский погребальный обряд, с учетом его социальной и территориальной специфики. Наличие этих данных позволит оценивать вклад монголов в формирование широкого спектра культур и антропологических особенностей народов, вошедших в состав созданной ими империи.

Влияние, которое древние монголы оказали на формирование внешнего облика жителей Евразии, хорошо прослеживается по антропологическим материалам. Работы антропологов показали, что антропологический тип современных монголов сложился в начале I тыс. н. э. (Тумен 1985: 18). Современное население Монголии, так же как и ранние кочевники средневековья, антропологически сходны и относятся к центральноазиатско-

Рис. 1. Карта расположения могильника Окошки 1: а — памятник Окошки; б — государственные границы; с — границы республик в составе РФ; д — границы степей.

Fig. 1. Map of the location of the cemetery Okoshki 1: a — Okoshki 1 site; b — state borders; c — borders of republics of the Russian Federation; d — steppes.

му типу североазиатской расы (Дебец 1951; Тумэн 1985). По данным краниологии, например, у средневекового населения Западной и Южной Сибири зафиксировано наличие центральноазиатской примеси, истоки которой происходят с территории Монголии. Значительная выраженность черт центральноазиатской расы была, например, прослежена по материалам средневекового могильника Телеутский Взвоз I (Лесостепной Алтай), особенно для мужской части населения (Поздняков 2002: 180—182).

География и история исследования могильника

Могильник Окошки 1 располагается на вершине горы под названием Окошки (Тартельгуй) в 8 км к северо-западу от поселка Юбилейный. К северо-востоку от горы протекает река Кир-Кира (Хирхира), впадающая в 5 км к востоку от некрополя в реку Урулунгуй (левый приток Аргуни) (рис. 1). Гора покрыта степными ассоциациями растений. Со всех сторон от неё располагается пашня, с западной стороны вплотную подступающая к территории могильника. С юго-востока на северо-запад гору пересекает проселочная дорога. В западной части могильника фиксируются обломанные опоры линии

электропередач. У северо-восточной оконечности памятника находятся остатки бетонного ДОТа — долговременной огневой точки, сохранившейся от периода 40-х гг.

Могильник Окошки 1 открыт в середине XIX в. горным инженером А.И. Павлуцким. По словам исследователя, «...к западу, в одной версте от городка (Хирхирино-го городища) лежит холм, на котором я нашел до 40 могил, обложенных большей частью по основанию их насыпи гранитными камнями, достигающими иногда до 40 пудов весом» (Павлуцкий 1867: 502). Им были раскопаны одна большая и одна малая могилы. В малой найдены только кости животных и человека, зато в большой могиле, сохранившей сверху три воронкообразных углубления (провала), вместе с костями животных обнаружены два железных наконечника стрел, медная монета и небольшой обломок тонкой костяной пластинки с изображениями «различных, как бы геометрических фигур». Каждый из провалов на кургане соответствовал одному человеческому захоронению, но от скелетов в погребениях сохранились только отдельные кости, «смешанные с углем». А.И. Павлуцкий предположил, что «вся насыпь могильного кургана первоначально выстлана была кирпичом», о чем свидетельствовали его обломки, находящиеся во все стороны от раскопок, прямо

под дерном. При вскрытии же самих могил «встретилось большое затруднение от огромных гранитных валунов, достигающих иногда около 20 пудов весом, которыми внутри облицованы были самые могильные ямы, а также покрыты и сверху камнями». Такое же строение имели и другие курганы некрополя (Павлуцкий 1867: 503).

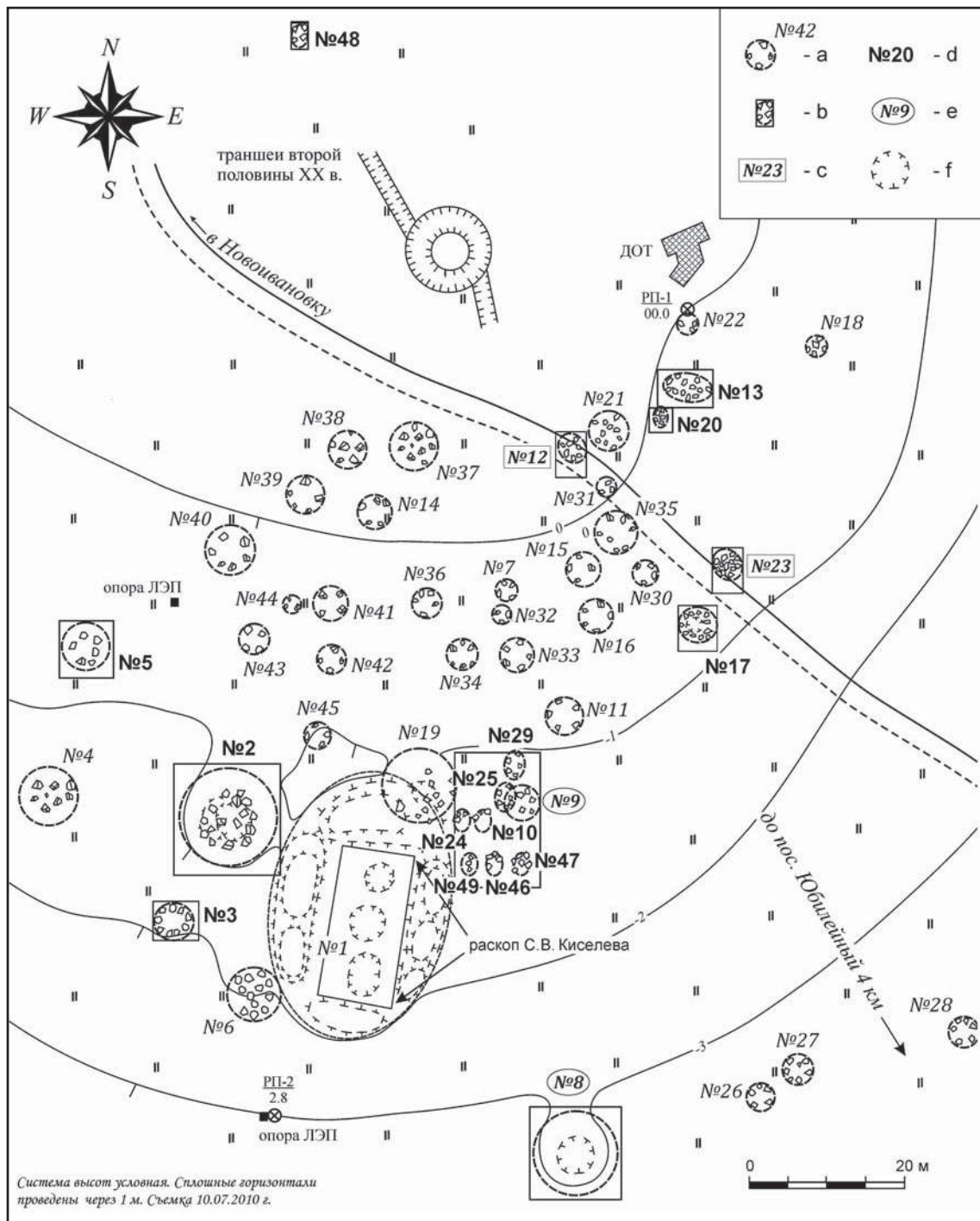
Раскопки на могильнике Окошки были продолжены в 1959 г. Монгольской археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева. Им раскопан самый большой курган (№1) некрополя (Киселев 1965: 57; Баяр 1999). В нём обнаружены расположенные по центральной оси с севера на юг три ограбленных погребения, в которых найдены фрагменты шелковых узорчатых тканей, лаковые изделия, резные предметы из слоновой кости. Четвертое погребение уцелело полностью. Сохранился дощатый, окованный железными полосами гроб, на котором лежали седло с костяными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. В обтянутом шелком гробу уцелели останки мальчика примерно 6 лет, в шелковой шапочке, крытой шелком шубе, шелковой рубашке, в штанишках и сапожках. Кроме того, на нем была юбка ламского типа. Шуба также отличалась ламским покроем. Поверх шубы был положен пояс с серебряными бляхами и кошельком с кресалом и трупом. На правой стороне груди умершего обнаружена серебряная чаша типа буддийской «габала»; на дне ее имелся рельефный знак — сложная санскритская лигатура (Киселев 1965: 57).

Хотя расположение могильника Окошки указано у А.И. Павлуцкого и С.В. Киселева по-разному: по А.И. Павлуцкому — в одной версте на запад от Хирхирина городского городища, а у С.В. Киселева — в 2 км на север, но, скорее всего, исследователи раскапывали, не только один могильник, но и один и тот же курган. «Это предположение тем более вероятно, что С.В. Киселев отмечает на кургане остатки какой-то ямы, возможно, следы прежней деятельности А. Павлуцкого, который, как известно, не вскрывал его полностью, а врезался тремя узкими колодцами. Естественно, поэтому С.В. Киселеву достались в кургане три «ограбленных» (а скорее всего, вскрытых А. Павлуцким) погребения и одно целое» (Асеев и др. 1984: 9). Исследователь считал, что могильник на горе Окошки — это некрополь Хирхирина городского городища, которое он датировал XIII в. и считал центром улуса Джочи-Касара и его сына Исункэ (Киселев 1965: 49, 57—58).

В 2008 г. рекогносцировочные работы на могильнике проводились археологическим отрядом под руководством А.В. Харинского (Харинский 2009). В исследованиях принимала участие группа специалистов-археологов, в которую входили Н.Н. Крадин, Е.В. Ковычев, А.В. Луньков, Д.Е. Кичигин и Л.К. Полоцкая. На памятнике проведена инструментальная топосъемка с фиксацией всех искусственных конструкций. Высоты отсчитывались от основания ДОТа, у которого был установлен временный репер, принятый за нулевую отметку. К нему привязывались все высотные отсчеты. В районе могильника понижение склона идет в юго-восточном направлении. Своей север-западной частью холм примыкает к основному горному массиву. С помощью GPS-навигатора было уточнено взаимное расположение отдельных захоронений могильника и его соотношение с Хирхириным городищем.

В последующие годы А.В. Харинский продолжил работы на некрополе (Харинский 2016). На могильнике зафиксировано 49 искусственных конструкций, которые предварительно определяются как надмогильные сооружения. На плане могильника они обозначены как комплексы, каждый из которых имеет свой номер (рис. 2). Часть надмогильных конструкций хорошо видна на поверхности земли. Они представлены земляными насыпями с включением камней, или плоскими каменными кладками, плохо различимыми на поверхности земли. Первый номер закреплен за комплексом, раскопанным С.В. Киселевым. Контуры раскопа, заложенного на его месте, хорошо видны. Размеры раскопа 10 × 20 м, длинными стенками он ориентирован по азимуту 10° (N 50°19'00,3"; E 118°16'30,1"). Внутри раскопа фиксируются три ямы, вероятно, соответствующие захоронениям, раскопанным под курганом. С четырех сторон от раскопа располагаются отвалы, оставленные участниками экспедиции 1959 г. Они образуют насыпь овальной формы, размером 24 × 35 м, окружающую раскоп.

Некрополь находится в 1,5 км к северо-западу от Хирхирина городского городища, открытого в 1724 г. Д.Г. Мессершмидтом (Messerschmidt 1966: 136—137), то есть располагается посередине между точками, указанными в работах А.И. Павлуцкого и С.В. Киселева. На протяжении нескольких лет на городище проводились археологические раскопки, в начале С.В. Киселевым (Киселев 1958; 1961; 1965), а затем А.Р. Артемьевым (Артемьев 2001; 2003; 2005; 2005а) и Н.Н. Крадиным

Рис. 2. План могильника Окошки 1. Условные обозначения: а — искусственная каменная кладка и её номер; б — каменная кладка и границы раскопа, заложенного на её месте; с — комплексы бронзового века; d — комплексы XIII—XIV вв.; e — комплексы XVII в.; f — следы ям.

Fig. 2. Plan of the Okoshki 1 cemetery. Legend: a — artificial stone masonry with its number; b — stone masonry and borders of a dig, laid in its place; c — complexes of the Bronze Age; d — complexes of 13th—14th cc; e — complexes of the 17th c; f — traces of pits.

(Крадин и др. 2016). Памятник расположен на низкой надпойменной террасе в приустьевой части р. Хирхира (Кир-Кира). Хирхиринское городище представляет собой открытое поселение, состоящее из нескольких десятков усадеб и около 100 отдельных жилищ.

Оно вытянуто по линии запад-восток почти на два километра и примерно на 700 м по линии север-юг. В западной части памятника усадьбы расположены отдельно друг от друга, в восточной — объединены в сложную систему кварталов, улиц и проулков.

Считается, что Хирхириновское городище было ставкой хана Есунке — сына родного брата Чигис-хана Хасара. Основанием для этого является надпись на найденной неподалеку каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже. Это древнейшая надпись на старомонгольском языке (1224—1225 гг.) (Крадин и др. 2016).

В результате раскопок на Хирхириновском городище под руководством С.В. Киселева в 1957—1959 гг. исследованы дворец Есунке и несколько жилищ с канами. На памятнике обнаружено значительное количество строительных материалов (черепица, кирпичи), предметы труда и быта, вооружение, украшения (Киселев 1965: 23—58). С.В. Киселев датировал памятник XIII в. и предположил, что дворец погиб в результате пожара. По мнению А.Р. Артемьева, древнемонгольский город был возведен на месте уйгурского города. Древнейшая часть города (вторая половина XIII в.) находилась в восточной части памятника. В дальнейшем (сер. XIV — нач. XV вв.) городское ядро перемещается к западу от места первоначальной застройки (Артемьев 2005: 18). Раскопки под руководством Н.Н. Крадина в 2013—2014 гг. проводились на одной из усадеб, расположенных в западной части города. В результате работ были вскрыты остатки здания колоннадного типа на насыпной платформе. Находки фарфора с синей кобальтовой росписью подтвердили время существования памятника, в том числе и на протяжении XIV в. (Крадин и др. 2016; Крадин 2017).

Структура и датировка могильника

На могильнике зафиксировано 49 искусственных конструкций из камня и земли, которые предварительно определяются как надмогильные сооружения. По конструктивным особенностям они разделяются на группы (рис. 2): 1) земляные курганы диаметром 11—14 м и высотой 0,7—1,2 м (4 кургана); 2) каменные курганы диаметром 4,7—6,0 м и высотой 0,3—0,4 м (6 курганов); 3) плоские каменные кладки диаметром 2—8 м (39 кладок). Каменные кладки над могилами ямами сооружались из камней в 1 слой. Иногда в их центре фиксируется два слоя камней. Каменные курганы в разрезе имеют форму сегмента, в центре которого камни уложены более чем в два слоя.

Отдельные искусственные сооружения, отмеченные на могильнике, со всеми наземными и подземными компонентами, имену-

ются нами комплексами. До начала раскопок бывает сложно определить функциональное назначение того или иного искусственного сооружения, поэтому термин «комплекс» в этом случае использовать более правомерно. Так, например, изначально предполагалось, что комплекс №12 — это захоронение, а заметные на поверхности земли камни — это его надмогильная кладка. Однако после раскопок под каменной кладкой не было обнаружено следов человеческого захоронения, а только угли и изделия из камня, что позволило характеризовать комплекс №12 как поминальник бронзового века.

На могильнике наблюдается определенная закономерность в расположении погребальных конструкций, относящихся к разным группам и, вероятно, отражающих социальный статус погребенных в них людей. Плоские кладки находятся в центральной, юго-восточной и северо-восточной частях памятника. Все земляные курганы тяготеют к его юго-западной части. Каменные курганы локализуются вокруг земляных курганов в юго-западной части могильника и в его центре. Судя по расположению надмогильных конструкций, захоронения, в которых были погребены люди с более высоким социальным статусом, располагались в юго-западной части некрополя. Погребения рядовых членов общества находились в центре и восточной части могильника (Харинский и др. 2012).

С 2009 г. на могильнике было вскрыто 18 комплексов, обозначенных на поверхности земли искусственными каменными кладками. Два из них (№12 и 23) относятся к эпохе бронзы и располагаются в северо-восточной части могильника. Еще два из раскопанных на могильнике комплексов (№8 и 9) датируются XVII—XVIII вв. и могут быть соотнесены с проживавшими на территории Юго-Восточного Забайкалья конными тунгусами (Туголуков 1975). Оба захоронения были подхоронены к более ранним погребениям. Под остальными четырнадцатью надмогильными конструкциями, вскрытыми на могильнике, располагались захоронения середины XIII — начала XV вв. Три из них находились под каменными курганами (№3, 5 и 17), одно под земляным курганом (№2-1), одно впущено в земляной курган (№ 2-2), десять под каменными кладками (№10, 13, 20, 24, 25, 29, 46—49).

Датировка захоронений основывается на особенностях погребального ритуала, погребальном инвентаре и радиоуглеродных датах, полученных по костным остан-

Таблица 1.

Радиоуглеродные даты по могильнику Окошки 1

№ комплекса	Материал	Лабораторный №	Даты по ^{14}C	Калиброванная дата по 2 σ (95,4% вероятности)
5	кости погребенного	СОАН-7956	690±70 л.н.	1215—1410 гг.
8	кости погребенного	СОАН-7957	245±50 л.н.	1488 (25,9%) 1604 гг. 1609 (34,1%) 1691 гг. 1728 (26,7%) 1811 гг. 1923 г. (8,8%) ...
9	кости погребенного	СОАН-8832	310±45 л.н.	1465—1660 гг.
17	человеческий зуб	Ua-50438	529±33 л.н.	1318 (21,7%) 1352 гг. 1390 (73,7%) 1442 гг.
20	кости погребенного	СОАН-8264	710±35 л.н.	1247 (80,5%) 1312 гг. 1358 (14,9%) 1388 гг.
23	человеческий зуб	Beta-453105	2950±30 л.н.	1260 (3,2%) 1241 гг. до н.э. 1236 (92,2%) 1051 гг. до н.э.
47	кости погребенного	СОАН-8833	720±40 л.н.	1221 (84,2%) 1310 гг. 1360 (11,25%) 1387 гг.
48	кости погребенного	СОАН-8832	690±35 л.н.	1261 (65,4%) 1319 гг. 1352 (30%) 1391 гг.

кам из восьми захоронений. Судя по ним, могильник существовал с двумя перерывами с XIII в. до н.э. по XVIII в. н.э., хотя дата по комплексу №8 указывает и на возможность более продолжительного времени использования горы Окошки для погребения умерших (табл. 1).

Радиоуглеродные даты по образцам из могильника получены в разные годы в трех научных центрах — Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минерологии СО РАН (г. Новосибирск, Россия), в лаборатории Ångström (Ангстрем) при Уппсальском университете (Швеция) и Beta Analytic testing laboratory в Майами, Флорида (США). В Уппсале и Майами даты получены с использованием технологии Accelerator Mass Spectrometry (AMS). Впоследствии даты и их промежутки погрешностей были калиброваны в программе Oxcal 4.2 (Bronk Ramsey 2009) при помощи базы данных IntCal13 (Reimer et al. 2013). Все калиброванные промежутки дат представлены в значении «лет до н.э.» (BC) или «лет н.э.» (AD) (табл. 1).

До начала раскопочных работ идентифицировать захоронения бронзового века, монгольские погребения имперского периода и могилы тунгусов было проблематично. Надмогильные каменные кладки комплексов №23 (бронзовый век) и №9 (тунгус) даже после расчистки кардинально не отличались от надмогильных конструкций захоронений середины XIII — начала XIV вв. Лишь в ходе расчистки останков погребенного из комплекса №23 выяснилось, что умерший распо-

лагался на спине с согнутыми в коленях ногами, развернутыми в левую сторону, чего никогда не наблюдалось в монгольских захоронениях.

В комплексе №9 были обнаружены предметы, датирующиеся в пределах XVII—XVIII вв., что указывало на поздний возраст захоронения. При этом было хорошо видно, что при сооружении погребальной конструкции комплекса №9 было разрушено монгольское погребение XIII—XIV вв. (комплекс №25). Разрушение более раннего погребения было зафиксировано и при раскопках комплекса №8. Из земляного кургана были извлечены останки более раннего погребения, а вместо них захоронен тунгус. С ним находились вещи, относящиеся к XVII—XVIII вв. Умерший был ориентирован головой на запад, что не свойственно монгольским захоронениям, имеющим северную ориентировку с отклонениями на северо-восток и северо-запад. В «Сибирском вестнике», издававшемся Григорием Спасским, следующим образом описывают захоронение конных тунгусов в начале XIX в.: «Тунгусы покойников своих одевают в лучшее платье и зарывают в яму в выдолбленную колоду, головою на запад, закрыв сперва гроб крышкою, потом берестою. Подле умершего полагают лук, колчан (сайдак) со стрелами, седло с прибором, нож и огниво. Причем убивают любимую лошадь его, с которой содрав кожу с головой и ногами развешивают над могилой, а мясо, изрубив в мелкие части бросают на съедение птицам и собакам» (Забайкальские тунгусы 1822: 319—320).

Захоронения середины XIII — начала XV вв.

Большая часть выявленных на могильнике комплексов вскрывалась индивидуальными раскопами, стенки которых ориентировались по сторонам света. Всего на некрополе заложено 10 раскопов (рис. 2). Это было связано с тем, что они располагались на значительном удалении друг от друга. Для раскопок выбирались захоронения, расположенные в разных частях памятника и имеющие различия в надмогильных конструкциях. Подобная методика проведения исследований позволяла выявить локальные и конструктивные особенности погребений. Единым раскопом были вскрыты комплексы №12 и 20, которые находились близко друг от друга. Также единым раскопом вскрывались компактно располагавшиеся комплексы №9, 10, 24, 25, 29, 46, 47 и 49. При этом комплекс №49 был выявлен лишь после снятия в раскопе дернового слоя. Основные элементы погребального ритуала могильника приводятся в таблице 2.

В районе могильника отмечена схожая стратиграфическая ситуация. Сверху фиксируется дерн мощностью 4—6 см. Его подстилает серый суглинок с дресвой, мощностью 20—37 см. В западной части могильника этот геологический слой толщиной 12—14 см подстилает слой серо-бурого суглинка с дресвой, мощностью 18—20 см. Коренные породы на горе Окошки представлены желтым суглинком с дресвой, который в разных раскопах был вскрыт на глубину от 0,35 до 0,85 м. Могильные ямы погребений середины XIII — начала XV вв. заложены из нижней части слоя серого суглинка.

Антропологический материал, обнаруженный в захоронениях середины XIII — начала XV вв., был представлен костями черепа и посткраниального скелета 11 взрослых индивидов (3 мужчин, 8 женщин) и 6 детей. Половозрастные определения выполнялись на основе морфологических особенностей черепа и костей посткраниального скелета по общепринятым палеоантропологическим методикам (Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966). Для взрослой части населения оценивались облитерация швов черепа (Meindl, Lovejoy 1985: 57—66), стертость зубов (Scott 1979: 214), морфологические особенности лобкового симфиза (Bass 1987: 193—199; Brooks, Suchey 1990: 228—238) и ушковидных поверхностей тазовых костей (Lovejoy et al. 1985: 15—28). При определении возраста детей, прежде всего, учитывались сроки появления молочных и постоянных зубов

(Builkstra, Ubelaker 1994: 51), а также продольные размеры диафизов длинных костей конечностей (Scheuer, Black 2000: 289, 299, 308, 394, 416, 426). Длина тела взрослых индивидов определялась по таблицам М. Тротер и Г. Глезер (Алексеев 1966: 234—235, 239), вес тела вычислялся по регрессионным формулам на основе размеров головки бедренной кости (Ruff et al. 1991; McHenry 1992; Crine et al. 1995). Помимо этого анализировались также палеопатологические признаки: маркеры механического стресса посткраниального скелета, состояние здоровья зубо-челюстной системы, признаки анемии (поротических изменений, *cribra orbitalia*), неспецифических воспалений и холодового стресса (Бужилова 1995: 7—55).

Комплекс №2 располагался в юго-западной части могильника, вплотную примыкая с северо-западной стороны к отвалам, расположенным возле раскопа С.В. Киселева. На его месте заложено раскоп площадью 14×14 м. Диаметр кургана 14 м, высота 1,3 м (рис. 3: 1). Верхняя часть курганной насыпи состоит из земли и крупных камней. В юго-восточной части кургана находится воронка грабительского шурфа. Ее диаметр 4,5 м, глубина 40 см. К югу, западу и северу от воронки фиксируется выброс земли из грабительского шурфа высотой до 35 см.

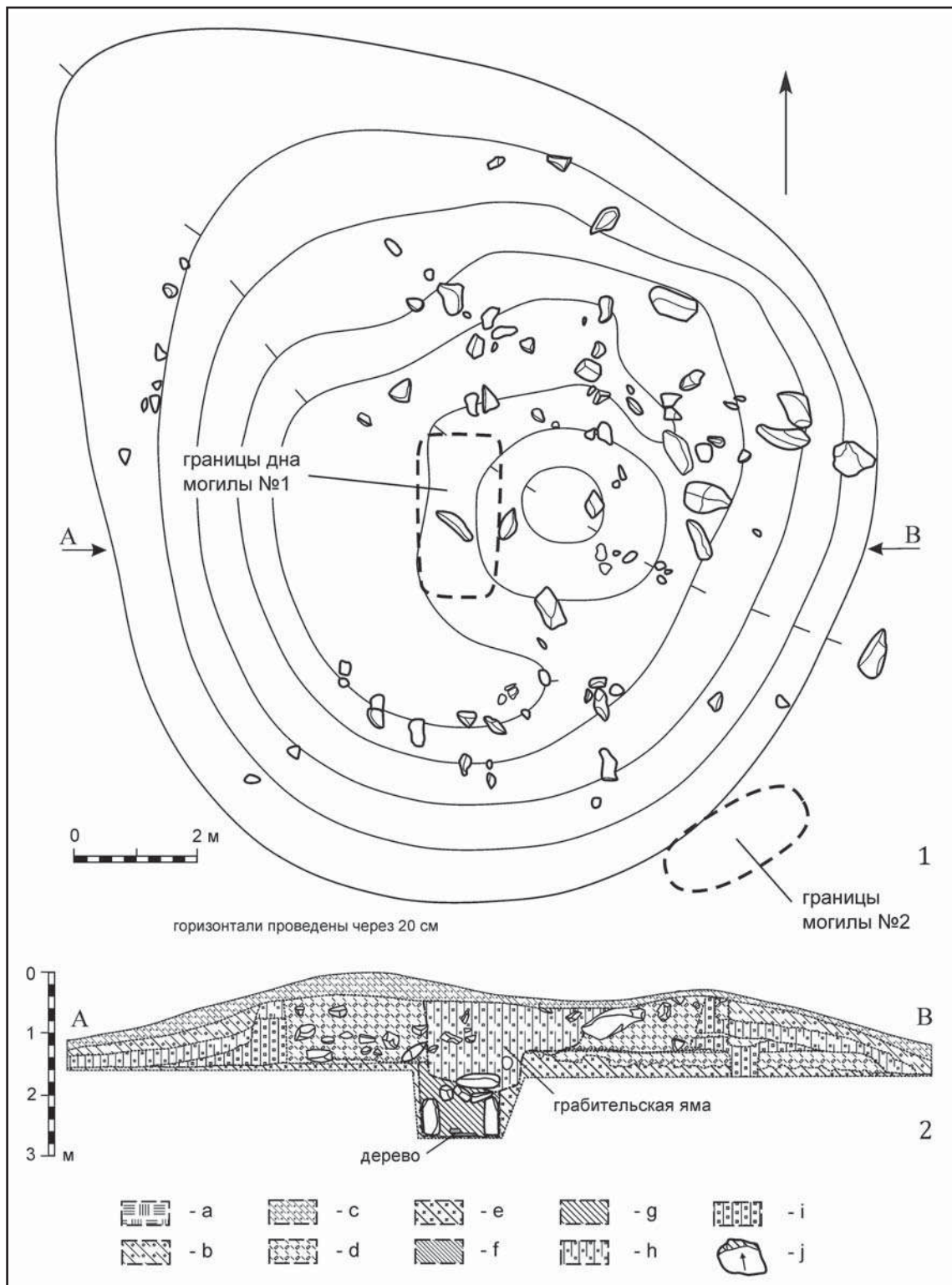
В курганной насыпи обнаружены кости животных, серьги, колокольчик и украшение конской сбруи, возможно, выброшенные из могилы. Под насыпью располагалась конструкция из крупных камней в виде каменного ящика размером 2,0×2,9 м, сооруженного на древней поверхности земли (рис. 4). Ящик, ориентированный длинной осью по линии север-юг, состоит из установленных на боковую грань крупных камней. Западную стенку образуют четыре примыкающих друг к другу камня. Южная стенка состоит из одной плиты длиной 1 м, высотой 70 см (30 см были вкопаны в землю) и толщиной 30 см. Северная стенка образована камнем размером 90×105 см и высотой 77 см (рис. 5). Восточная стенка ящика разрушена грабителями (рис. 6: 1).

Ниже основания камней надмогильной конструкции (каменного ящика) фиксировалось овальное пятно светло-серого карбонатизированного суглинка с дресвой (грабительский шурф), ориентированное по линии север-юг. Его размеры 1,7×3,3 м. С северной и восточной сторон грабительский подкоч примыкал к могильной яме. На глубине 20—25 см от основания надмогильной конструкции фиксируется перекрытие погре-

Таблица 2.
Элементы погребального ритуала могильника Окошки 1

№ комплекса	Форма надмогильной конструкции	Форма ямы	Ориентировка погребенного	Внутримогильная конструкция
2*, погребение 1 (женщина)	земляной курган: диаметр 14 м, высота 1,3 м	с вертикальными стенками, 1,5 × 3,0 м, глубиной 1,2 м, на дне четырехугольная погребальная камера из каменных плит, установленных вдоль стенок на ребро	головой по Az 0°	фрагменты деревянной конструкции (ящик?)
2*, погребение 2 (ребенок)	впускное, сверху перекрыто мелкими камнями	с вертикальными стенками, 1,3 × 3,0 м, глубиной 20 см	головой по Az 38°	нет
3* (женщина и ребенок)	каменный курган: диаметр 4,5 м, высота 0,3 м	с вертикальными стенками, 0,6 × 2,0 м, глубиной 1,3 м	головой по Az 40° (?)	фрагменты деревянной конструкции и бересты
5* (женщина)	каменный курган: диаметр 6 м, высота 0,3 м	с вертикальными стенками, 0,65 × 2,0 м, глубиной 2 м	вытянуто на спине, головой по Az 0°	деревянный четырехугольный ящик из досок толщиной около 3 см, сверху перекрытый крышкой
10* (женщина и ребенок)	кладка диаметром 2,5 м, высота 0,12 м	с вертикальными стенками, 0,6 × 1,4 м, глубина 0,95 м	головой по Az 0°	фрагменты деревянной конструкции и бересты
13* (ребенок)	кладка овальной формы, размер 3,4 × 5,6 м, высота 0,2 м	с вертикальными стенками, 0,65 × 1,6 м, глубина 0,3 м	головой по Az 330°	нет
17* (мужчина)	каменный курган: овальной формы, размер 4 × 5 м, высота 0,4 м	с вертикальными стенками, 0,9 × 2,2 м, глубиной 1,6 м	головой по Az 356°	деревянный трапециевидный ящик из досок, сверху закрытый крышкой
20 (мужчина)	кладка овальной формы, размер 0,6 × 1,7 м, высота 0,12 м	с вертикальными стенками, сужающаяся книзу, 0,7 × 2,5 м, глубина 0,6 м	вытянуто на спине, головой по Az 0°	нет
24* (ребенок)	кладка диаметром 2,5 м, высота 0,2 м	с вертикальными стенками, сужающаяся книзу 0,7 × 1,3 м, глубина 0,95 м	головой по Az 0°	фрагменты деревянной конструкции
25* (мужчина? и ребенок)	кладка овальная, 0,85 × 3,0 м, высота 0,15 м	с вертикальными стенками, 1,6 × 3,8 м, глубина 1,2 м	головой по Az 345°	фрагменты деревянной конструкции, бересты и войлока
29** (женщина)	кладка овальная, 1,9 × 2,4 м, высота 0,2 м	с вертикальными стенками, 0,85 × 1,75 м, глубина 0,45 м	вытянуто на спине, головой по Az 5°	четыреугольный ящик с дном
46* (ребенок)	полоса камней, вытянута по азимуту 290°, 1,3 × 3,1 м, высота 0,12 м	с вертикальными стенками, 0,73 × 1,20 м, глубина 0,25 м	головой по Az 0°	фрагменты деревянной конструкции
47** (женщина)	овальное кольцо размером 2,1 × 2,5 м, высота 0,19 м	с вертикальными стенками, 0,9 × 2 м, глубина 0,30 м	вытянуто на спине, головой по Az 0°	фрагменты деревянной конструкции
48** (женщина)	кладка овальная, 1,0 × 3,5 м, высота 0,12 м	с вертикальными стенками, 0,5 × 1,8 м, глубина 0,5 м	вытянуто на спине, головой по Az 20°	фрагменты бересты
49 (ребенок)	кладка овальной формы, размер 0,5 × 0,9 м, высота 0,1 м	с вертикальными стенками, 0,56 × 1,26 м, глубина 0,8 м	вытянуто на спине, головой по Az 0°	колода длиной 117 см, шириной в изголовье 38 см, в ногах 30 см, сверху крышка — доска толщиной 1 см
Всего 15, из них: 2 неразрушенных (13,3%), 3 частично разрушенных (20%)	земляной курган — 1 (7%) каменный курган — 3 (21,5%) каменная кладка — 10 (71,5%)	с вертикальными стенками (100%)	вытянуто на спине (100%) головой на С (338°—22°) — 12 (80%) головой на СВ (23°—67°) — 2 (13,3%) головой на СЗ (293°—337°) — 1 (6,6%).	деревянная конструкция — 11 (73,3%)

Примечание: * — разрушенное захоронение; ** — частично разрушенное захоронение.

Рис. 3. Могильник Окошки, комплекс №2: 1 — курган; 2 — стратиграфический разрез комплекса по линии запад-восток (а — дерн; б — серый суглинок с дресвой; в — темно-серый суглинок с дресвой; д — серо-бурый суглинок с дресвой; е — желтый карбонатизированный суглинок с дресвой со следами полигонального растрескивания; ф — чёрный суглинок; г — темно-серый суглинок; х — светло-серый карбонатизированный суглинок с дресвой; и — белый плотный суглинок со щебнем; ж — вертикально стоящий камень).

Fig. 3. The cemetery Okoshki 1, complex no.2: 1 — barrow; 2 — stratigraphical section of the complex along the line west-east; а — sod; б — gray loam with dressing; в — dark gray loam with dressing; д — gray brown loam with dressing; е — yellow carbonated loam with dressing with traces of polygonal cracking; ф — black loam; г — dark gray loam; х — light gray carbonated loam with dressing; и — white dense loam with rubble; ж — upright stone.

Рис. 4. Могильник Окошки, комплекс №2, стратиграфический разрез кургана по линиям север-юг и запад-восток, вид с северо-запада.

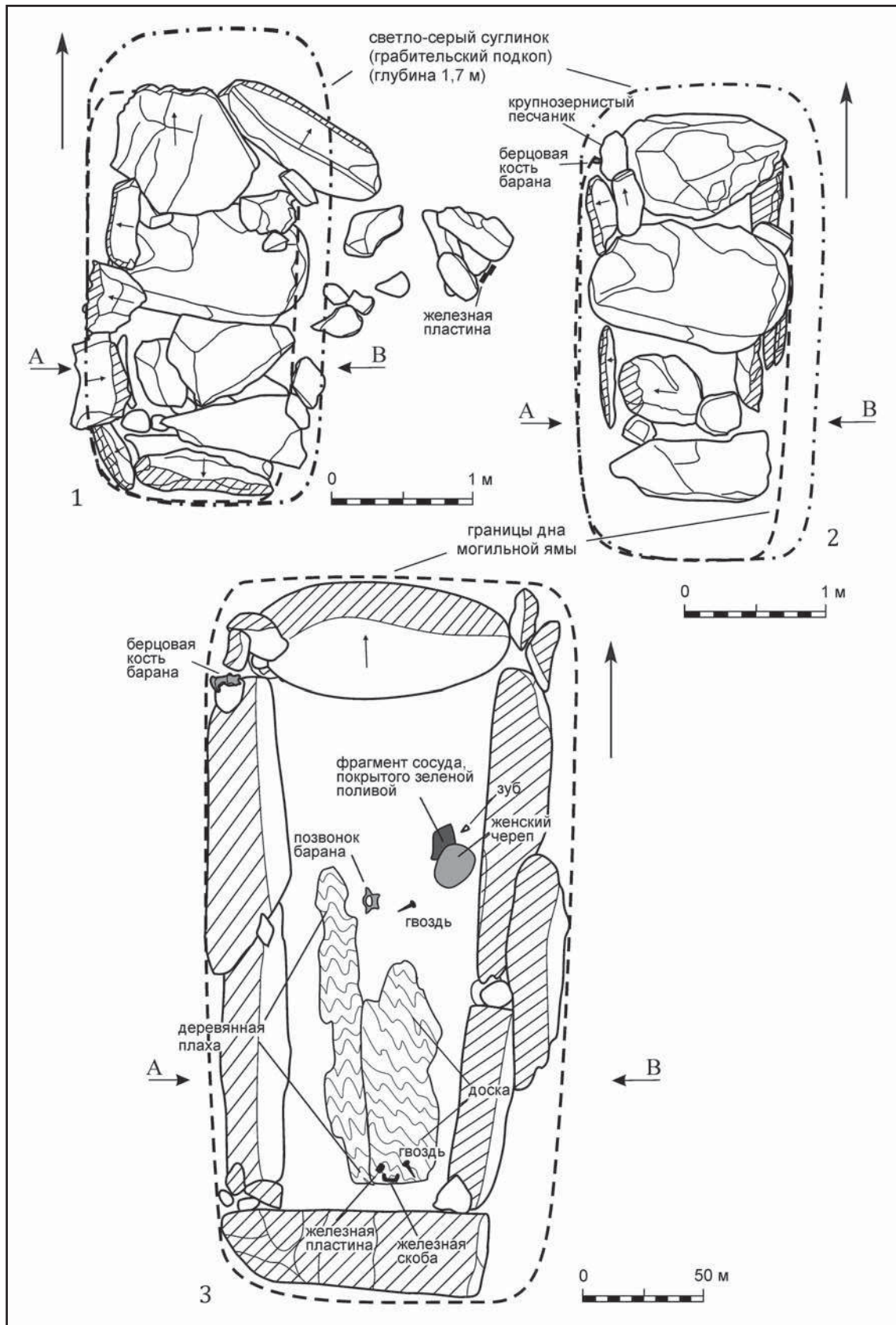
Fig. 4. The cemetery Okoshki 1, complex no.2, the stratigraphical sections of the barrow along the lines north-south and west-east, view from the north-west.

Рис. 5. Могильник Окошки, комплекс №2, надмогильная конструкция, вид с юго-запада.

Fig. 5. The cemetery Okoshki 1, complex no.2, the stone structure above the grave pit, view from the south-west.

Рис. 6. Могильник Окошки, комплекс №2: 1 — надмогильная конструкция; 2 — перекрытие погребальной камеры; 3 — дно могильной ямы с останками погребенного.

Fig. 6. The cemetery Okoshki 1, complex no.2: 1 — the stone structure above the grave pit; 2 — the stone overlap of funerary chamber; 3 — the bottom of the grave pit, burial level.

Рис. 7. Могильник Окошки, комплекс №2, перекрытие погребальной камеры, вид с юга.

Fig. 7. The cemetery Okoshki 1, complexno.2, the stone overlap of funerary chamber, view from the south.

бальной камеры, состоящее из крупных камней (рис. 6: 2). Первоначально оно состояло из четырех камней, но во время ограбления один из камней был удален грабителями. Северный из камней перекрытия имеет размеры 76×120 см и толщину 35 см. Следующий за ним к югу камень размером 90×145 см и толщиной 48 см. Третий к югу камень был удален грабителями. На его месте находится пространство размером 70×100 см, заполненное камнями, самый крупный из которых размером $50 \times 58 \times 30$ см (рис. 7).

Под камнями перекрытия располагалась могильная яма прямоугольной формы, размером $1,5 \times 3,0$ м. Глубина могильной ямы от древней поверхности земли, на которой установлена надмогильная конструкция, 1,2 м. На дне могилы зафиксирован прямоугольный ящик (погребальная камера) из установленных вдоль стенок ямы каменных плит, ориентированный по линии север-юг. Высота стенок погребальной камеры 58—62 см. С торцов погребальной камеры установлено по одному каменному блоку, с боков по два блока. В углах конструкции находятся более мелкие вертикально установленные камни (рис. 6: 3). Внутреннее пространство погребальной камеры имеет размеры $0,9 \times 2,1$ м.

На дне погребальной камеры обнаружены остатки деревянной внутримогильной конструкции. Они представлены доской шириной около 30 см (дно деревянного ящика) и расположенной к западу от неё плахи шириной 20 см (стенка ящика). У восточной стенки погребальной камеры найден череп женщины, под которым располагался фрагмент керамики с зеленой поливой. Остальные человеческие кости отсутствовали. В центре погребальной камеры на полу найдены позвонки барана и железный гвоздь. У южной стенки камеры зафиксирован гвоздь, фрагмент железной пластинки и скоба. У северо-западного угла ящика обнаружены кости голени барана¹, сохранившие вертикальное положение. Голень была установлена снаружи северо-западного угла погребальной камеры и возвышалась над ней на 25 см. Она была развернута нижней частью вверх.

Череп принадлежал женщине 20—25 лет (возрастная категория *adultus*). Черепная коробка короткая, широкая, средневысокая, по указателю брахикранная, овоидной формы, без заметного развития рельефа. Верти-

¹ Анализ костей животных проведен Т.Ю. Номоконовой (Харинский и др. 2014).

кальный фацио-церебральный индекс большой (56,7), что характерно для монголоидных групп. Лобная кость длинная, средневьпуклая, узкая, с типично монголоидными значениями угла поперечного изгиба (151,9).

Лицо высокое и широкое, ортогнатное, уплощенное в горизонтальной плоскости. Орбиты широкие, высокие, по указателю гипсиконхные. Нос высокий, широкий, нижний край грушевидного отверстия антропинный, передненосовая ость выступает средне. Переносье средней ширины, низкое, носовые кости выступают средне. В целом, череп характеризуется монголоидным обликом.

На юго-восточном склоне кургана комплекса №2 обнаружено впускное захоронение, обозначенное как **погребение 2**. Кости ребенка возрастом около двух лет обнаружены в могильной яме овальной формы, размером в верхней части 1,3×3,0 м, ориентированной по азимуту 38° (рис. 3: 1). Её контуры были зафиксированы на глубине 20 см от поверхности земли. Центральная и северо-западная часть могилы перекрывалась небольшими камнями размером от 6×7 см до 15×50 см. Среди камней отмечен четырехугольный кирпич. Глубина могильной ямы 20 см. Стенки наклонены к центру конструкции.

Анатомический порядок человеческих костей нарушен. В могиле обнаружены фрагменты черепа: верхней челюсти, височной кости, лобная кость (в верхней стенке орбиты зафиксированы поротические изменения — *cribra orbitalia* слабой степени), нижняя челюсть. Посткраниальный скелет представлен диафизами длинных костей, ребрами. Остатков внутримогильной конструкции и находок в захоронении не обнаружено, поэтому уверенно утверждать на данном этапе исследования, к какому времени относится впускное погребение, проблематично. Судя по пропорциям ямы, изначально умерший располагался вытянуто, головой на северо-восток. Из трех хронологических групп захоронений, обнаруженных на некрополе, данное захоронение ближе всего к монгольским погребениям имперского периода.

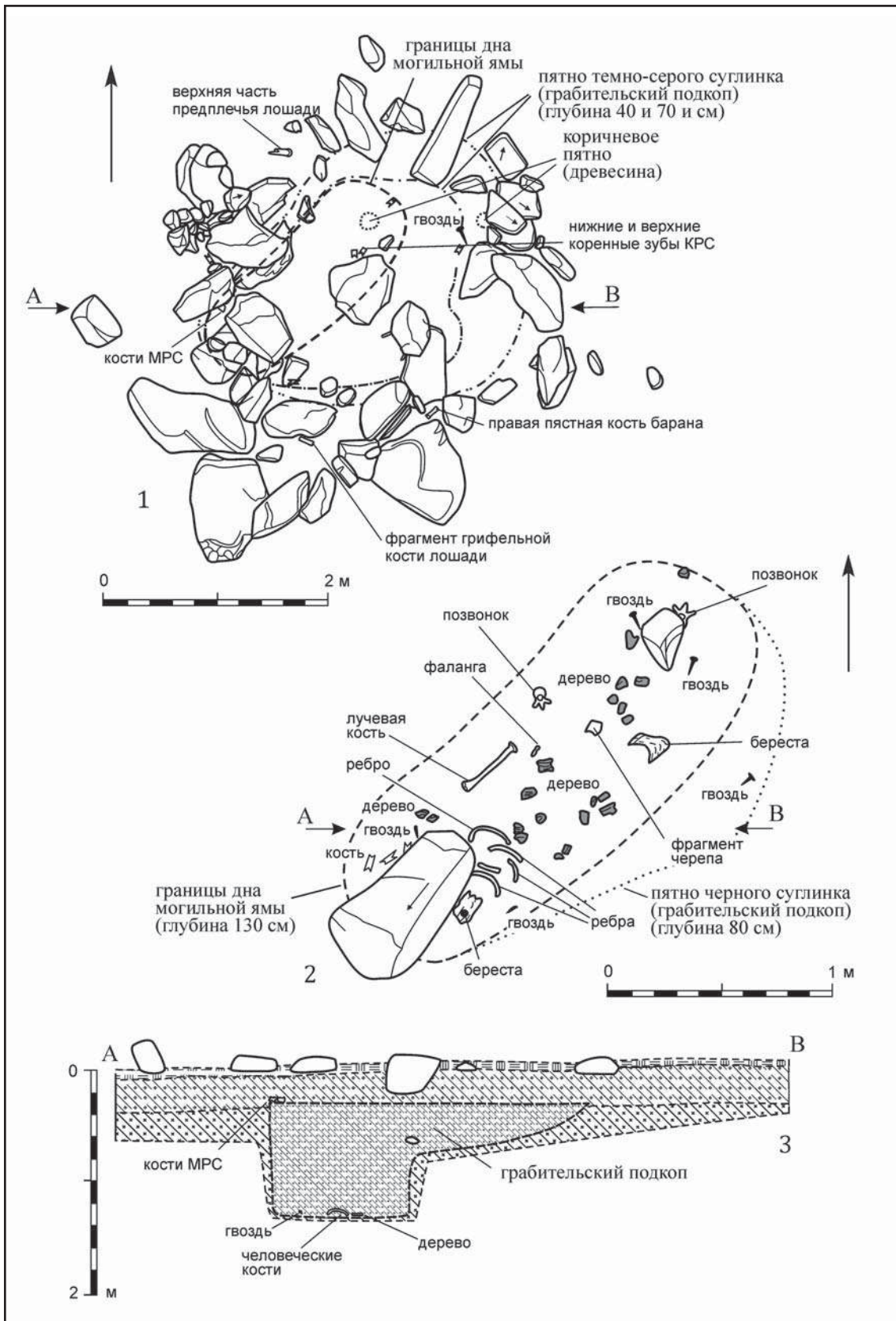
Комплекс №3 располагается в юго-западной части могильника. На его месте заложен раскоп 5×6 м. В центре кладки земля слегка просела. После расчистки выяснилось, что кладка овальной кольцевой формы, размером 4,3×5,0 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. В центре конструкции зафиксировано два камня. Пространство, свободное от камней, имеет вид круга диаметром

2 м (рис. 8: 1). После снятия камней кладки под центральной частью конструкции, на глубине 40 см, отмечено грушевидное пятно темно-серого суглинка, заполнявшего могильную яму. Его размер 2,4×3,0 м, оно ориентировано приотстренной частью на юго-запад. Столь странная форма пятна образовалась в результате грабительского подкопа, который велся с восточной стороны. На глубине 30 см его размер уменьшается до 1,8×0,9 м. Пятно сужается с северо-восточной стороны. Дно грабительского хода плавно понижается в юго-западном направлении.

Среди камней, в слое серого суглинка с дресвой, найдены остатки фауны. Кладка была разрушена в древности, поэтому неясно, как кости животных соотносятся с самим захоронением. В кладке найдено 18 костей, из них три кости лошади, зуб коровы, астрагал и пясть овцы или козы. Последняя располагалась в юго-восточной части кладки, на глубине 14 см, в слое серого суглинка с дресвой. Судя по состоянию сроста дистального эпифиза на пясти, особь старше 2,5 лет. В южной части кладки, в 18 см от поверхности земли, найден фрагмент грифельной кости лошади. В центре кладки, на глубине 17 см, обнаружены верхние и нижние коренные зубы крупного рогатого скота. В северо-западной части кладки, на глубине 13 см, зафиксирована верхняя часть предплечья лошади. Еще одна неопределимая кость найдена на глубине 7 см в западной части конструкции.

Стенки могильной ямы практически вертикальные (рис. 8: 3). С восточной стороны к яме примыкает грабительский подкоп, углубляющийся в стенку ямы на 0,5 м. Глубина ямы 1,1 м. Её дно ровное. Расчистка ямы проходила послойно. Каждый уровень расчистки соответствовал мощности одного слоя камней. Всего в могильной яме выделено 4 уровня зачистки.

Первый (верхний) уровень зачистки могильной ямы зафиксирован на глубине 0,4 м от поверхности земли. На этом уровне вскрыто основание каменной кладки захоронения. Оно включает 14 камней размером от 6×7 см до 40×66 см. Камни преимущественно располагаются вокруг пятна темно-серого суглинка, заполняющего могильную яму и грабительский подкоп. В юго-западной части пятна могильной ямы зафиксирован вертикально стоящий камень, основание которого располагалось на дне ямы. Размер вершины камня 40×80 см. Она ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Высота камня 131 см. Его основание находится на дне могилы. В основании первого уровня зачистки ямы обнаружено два круглых

Рис. 8. Могильник Окошки, комплекс №3: 1 — кладка после расчистки; 2 — дно могильной ямы с останками погребенного; 3 — стратиграфический разрез комплекса по линии запад-восток.

Fig. 8. The cemetery Okoshki 1, complex no.3: 1 — masonry after clearing; 2 — the bottom of the grave pit, burial level; 3 — stratigraphical section of the complex along the line west-east.

пятна коричневого цвета, содержащие следы разложившейся древесины. Их диаметр около 12 см, мощность около 10 см. Одно из пятен зафиксировано в северо-восточной части могильной ямы на глубине 50 см от поверхности земли, а второе — в восточной части грабительского подкопа на глубине 64 см. Возможно, они свидетельствуют о вертикально установленных кольшках или жердях.

Как при зачистке верхней части надмогильной кладки, так и в ее основании обнаружены кости животных. У юго-западного края могильной ямы на глубине 32—40 см от поверхности земли найдены левая таранная кость и позвонок барана, фрагменты черепа МРС. В восточной части могильной ямы на глубине 55—65 см обнаружен фрагмент ребра и четыре фрагмента неопределенных костей животных. В восточной части грабительского подкопа на глубине 44 см от поверхности земли найден железный гвоздь. Еще один изогнутый гвоздь обнаружен в юго-восточной части грабительского подкопа на глубине 57 см.

На втором уровне зачистки (глубина 0,7 м) могильной ямы её размер остался прежним, а размеры грабительского подкопа уменьшились. На третьем уровне расчистки (глубина 0,8 м) размеры ямы остались практически прежними. Грабительский подкоп сократился в восточной части до 60 см в ширину. В юго-западной части ямы на глубине 78 см от поверхности земли зафиксировано два фрагмента неопределенной кости. В нижней части грабительского подкопа обнаружен железный гвоздь.

Дно могильной ямы размером 0,9 × 2,2 м, овальной формы, ориентировано по линии с азимутом 43° (рис. 8: 2). В юго-западной части ямы вертикально стоит крупный камень. Вероятно, он был установлен в неё в таком положении изначально, а не занял его в результате разрушения погребальной конструкции.

Костяк не сохранил анатомического порядка. Отдельные человеческие кости, принадлежащие, скорее всего, женщине, скончавшейся в возрасте 40—45 лет, разбросаны по всей яме. У северо-западной стенки могилы обнаружена ее правая лучевая кость. В северо-восточной части могилы зафиксировано два позвонка. Наряду с женскими костями в могиле обнаружены останки младенца в возрасте около 6 месяцев. В центре ямы найдены фрагменты его черепа. В юго-западной части могилы, у подножия вертикально стоящего камня, найдена правая часть нижней челюсти, большеберцовая кость, правая локтевая кость, ребра и часть подвздошной кости.

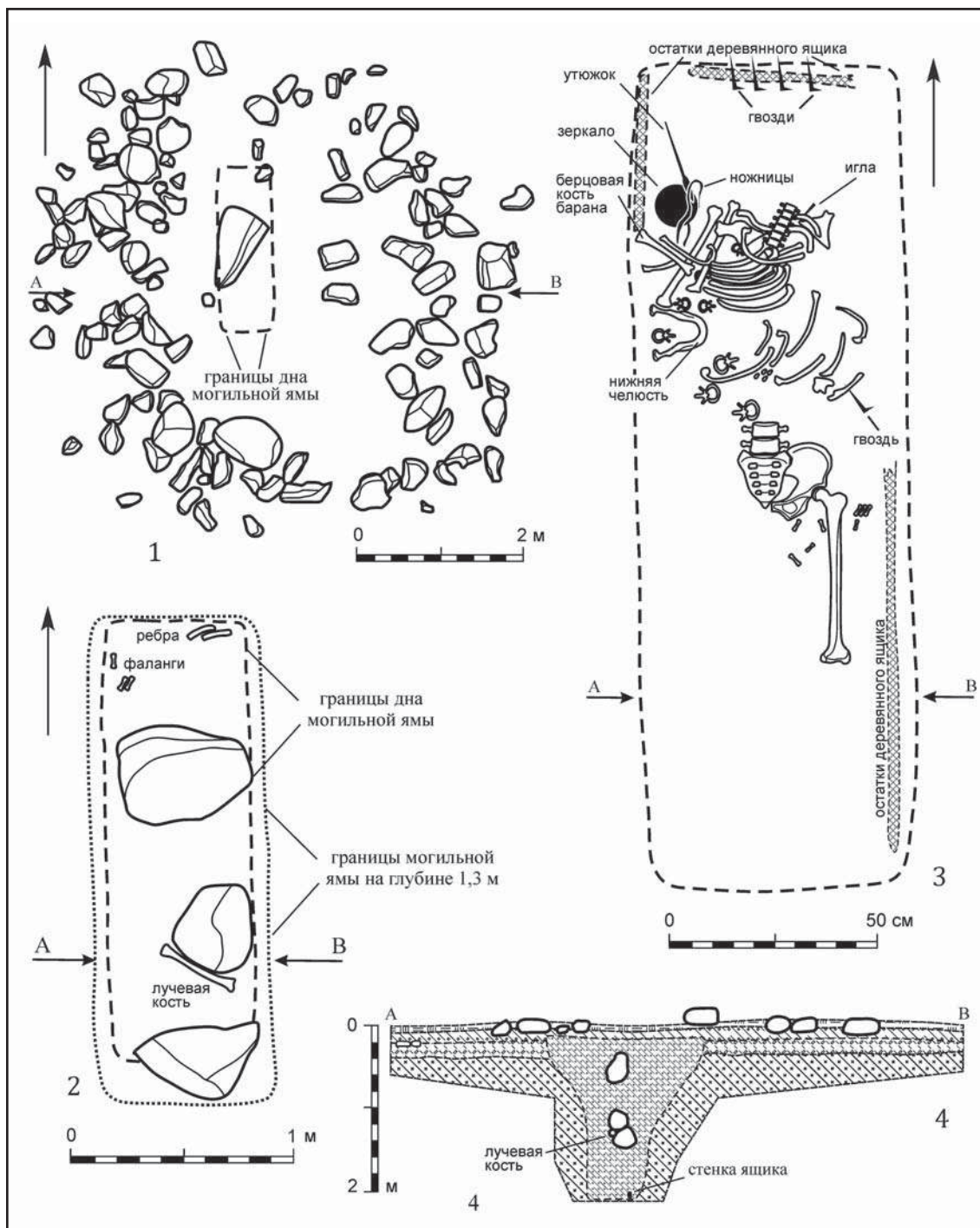
На дне ямы выявлены фрагменты древесины и бересты. Вероятно, они составляли внутреннемогильную конструкцию из дерева, скрепленную железными гвоздями. Возможно, внутри она выстилалась берестой. Не исключено также, что в берестяной чехол был завернут погребенный младенец. Рядом с костями младенца у основания вертикально стоящего камня найдены обломки двух железных гвоздей. В северо-восточной части могильной ямы, под небольшим камнем, найдено еще два гвоздя длиной 6,3 см и 8,6 см.

Комплекс №5 располагается в западной части могильника. В центре кладки камни отсутствовали, и земля слегка просела. После расчистки выяснилось, что кладка сложена из камней размером от 2 × 4 × 4 см до 20 × 50 × 80 см. В центре конструкции камни практически отсутствуют. Пространство, свободное от камней, имеет вид овала размером 2 × 4 м, ориентированного по линии ЮЮВ-ССЗ (рис. 9: 1). После снятия камней кладки под центральной частью конструкции, на глубине 60 см, отмечено овальное пятно темно-серого суглинка, заполнявшего могильную яму. Его размер 1,9 × 2,5 м, оно ориентировано по азимуту 350°. В ходе расчистки пятна, в его южной части, на глубине 60 см обнаружен двойной седельный торок. В 40 см к западу от ямы, на глубине 60 см, найден одинарный седельный торок. В 1 м к северу от пятна, на глубине 47 см найден кирпич, стоявший на ребре.

В верхней части могильная яма имела вид конуса, сужающегося книзу приблизительно до глубины 1 м. Наиболее сильный уклон стенки отмечался с юго-восточной стороны. Ниже метровой глубины стенки становились более отвесными. Западная и северная стенки в нижней части ямы практически вертикальные. Южная и восточная стенки имели небольшой наклон. Дно ровное (рис. 9: 4).

В плане яма овальной формы и вытянута по линии север-юг. Расчистка ямы проходила послойно. Каждый уровень расчистки соответствовал мощности одного слоя камней. На втором уровне зачистки могильной ямы, на глубине 0,6 м от поверхности земли, размеры ямы составляли 1,2 × 2,6 м. В южной части её отмечен один маленький камень. В северной части ямы зафиксировано два маленьких и два больших камня, самый крупный из которых размером 35 × 60 см, был отмечен еще на первом уровне зачистки.

На третьем уровне зачистки (глубина 0,7 м) размеры ямы остались прежними. Два наиболее крупных камня в северной ча-

Рис. 9. Могильник Окошки, комплекс №5: 1 — кладка после расчистки; 2 — могильная яма на глубине 1,3 м; 3 — дно могильной ямы с останками погребенного; 4 — стратиграфический разрез комплекса по линии запад-восток.

Fig. 9. The cemetery Okoshki 1, complex no. 5: 1 — masonry after clearing; 2 — grave pit at a depth of 1.3 m; 3 — the bottom of the grave pit, burial level; 4 — stratigraphical section of the complex along the line west-east.

сти ямы были отмечены ещё в вышележащем слое. Рядом с ними найдено три маленьких камня. Два камня средних размеров обнаружены в средней части ямы. На четвертом уровне расчистки (глубина 0,9 м) длина ямы уменьшилась до 2,2 м, а ширина осталась прежней. В северной части ямы сохранились

два крупных камня. В средней части ямы отмечены два крупных камня, на которых лежал камень средних размеров, а к северу от него мелкий камень.

На пятом уровне расчистки (глубина 1,1 м) ширина ямы уменьшается до 0,8 м, длина оставалась прежней. В южной части ямы за-

фиксировано три маленьких камня, а в средней и северной частях по одному большому камню. У северной стенки ямы найдено две фаланги человеческих пальцев. У восточной стенки ямы, в квадрате 25 обнаружен одиночный торок.

На шестом уровне зачистки (глубина 1,3 м) размеры ямы оставались такими же, как и на пятом уровне. В северной и южной части ямы были зачищены верхушки двух крупных камней. Камень средних размеров зафиксирован в средней части ямы. К югу от него обнаружена лучевая кость человека. В северо-западном углу ямы найдены три фаланги человеческих пальцев, в северо-восточном углу — обломки человеческих ребер (рис. 9: 2).

На седьмом уровне зачистки (глубина 1,7 м) размеры ямы оставались такими же, как и выше. В северной и южной части ямы были полностью расчищены два крупных камня размерами $0,7 \times 0,5 \times 0,9$ м и $0,7 \times 0,5 \times 0,5$ м. В средней части ямы обнаружен обломанный железный гвоздь.

На восьмом уровне зачистки (глубина 2 м) размер ямы составил $0,8 \times 2,1$ м. Северная половина ямы была закрыта семью камнями средних размеров. К югу от камней обнаружены локтевая и плечевая кости человека. Локтевая кость лежала поперек могильной ямы в центре и была развернута верхним эпифизом на запад. К востоку от нее располагалась плечевая кость, ориентированная нижним эпифизом на восток. К западу от локтевой кости найдены две фаланги человеческих пальцев. Еще четыре фаланги обнаружены у южной стенки ямы. В южной части ямы зафиксированы фрагменты досок от внутримогильной конструкции. Вероятно, они сверху перекрывали ящик с погребенным. Один из обломков доски ориентирован поперек могильной ямы, а другой вдоль нее.

Дно могильной ямы размером $0,65 \times 2,00$ м, четырехугольной формы, со слегка скругленными углами, ориентировано по линии северо-юг (рис. 9: 3). Погребенный располагался в деревянном четырехугольном ящике, от которого сохранилась часть левой стенки и торцевая стенка со стороны головы. Ящик сделан из досок толщиной около 3 см, сверху он перекрывался крышкой. В торцевой стенке ящика найдено четыре железных гвоздя, вбитых в нее изнутри на расстоянии 5—6 см друг от друга. Один гвоздь обнаружен у боковой стенки гроба.

Костяк потревожен, значительная часть костей отсутствовала. Анатомический порядок сохранили лопатки, правая ключица, пра-

вая плечевая кость, крестец с тремя нижними позвонками, левая часть таза и левая бедренная кость. Судя по ним, погребенный располагался вытянуто на спине, головой на север. Рядом с правой плечевой костью, к востоку от нее, находилась лучевая кость, ориентированная верхним эпифизом на север. Верхняя часть позвоночника с ребрами была смещена к северу. Между тазовыми костями и плечевой костью в беспорядке располагались позвонки и ребра. Над нижним эпифизом плечевой кости располагалась нижняя челюсть, развернутая ветвями на запад. К северу от нее находились левая большая берцовая кость, астрагал и пяточная кость барана. Большая берцовая кость ориентирована по линии СЗ-ЮВ и, вероятно, утратила свое первоначальное положение в результате разрушения могилы. Верхним эпифизом кость развернута на северо-запад. Он упирается в стенку ямы и располагается на 10 см ниже, чем нижний эпифиз. Видимо, изначально кость стояла вертикально у стенки в северо-западной части могильной ямы. Нижний эпифиз кости был обращен вверх, а верхний — вниз.

Череп в могильной яме не обнаружен. Судя по костным останкам, погребение принадлежит женщине зрелого возраста (старше 50 лет). На поясе верхних конечностей погребенной и в поясничном отделе позвоночника можно отметить следы повышенных физических нагрузок. Женщина была ростом около 163 см, весом 60—61 кг.

К северо-западу от плечевой кости погребенной найдены железные шарнирные ножицы и железный утюжок. Немного ниже них, в сумочке располагалось бронзовое зеркало с четырьмя иероглифами — «Цзя-чан-гуй-фу». У левой лопатки погребенной обнаружена железная игла. В северной части могильной ямы найден фрагмент медной сунской монеты с легендой «Чуннин чжунбао», выпущенной при императоре Хуй-цзуне, который правил с 1102 по 1106 г. под девизом «Чуннин».

Комплекс 10 находился в средней части могильника. Вместе с комплексами №9, 24, 25, 29, 46, 47 и 49 он вскрывался единым раскопом №7, размеры которого составляли 11×17 м. Комплекс находился в центре раскопа (рис. 2). Надмогильная кладка диаметром 2,5 м, высотой 0,12 м, состоит из разрозненно расположенных камней размером от $6 \times 8 \times 16$ см до $10 \times 28 \times 47$ см. Могильная яма находилась под западной частью кладки. В верхней части она имеет грушевидную форму и развернута узкой частью на юг. Ее

размеры 0,95×1,90 м. В верхней части ямы зафиксировано несколько камней, утративших свое первоначальное положение в результате ограбления захоронения. В средней части ямы, ближе к южной стенке, отмечена расположенная наклонно каменная плита размером 9×28×30 см. Под ней располагались диафиз правой бедренной кости и фрагмент левой тазовой кости женщины возраста *adultus-maturus* (около 40—50 лет).

Стенки могильной ямы слегка наклонены, и ко дну ее размеры уже составляют 0,6×1,4 м, глубина 0,95 м. Она приобретает форму трапеции размером 0,38—0,46×1,60 м, обращенной узкой частью на юго-восток. В юго-восточной части ямы обнаружен камень размером 8×20 см. Третий (нижний) уровень зачистки могильной ямы зафиксирован на глубине 35—45 см от поверхности земли. На этом уровне расчищено дно могильной ямы. Оно имеет практически такие же размеры, как и на вышележащем уровне. Яма ориентирована по линии с азимутом 325°. В яме обнаружены разрозненные кости зрелой женщины (*maturus*) (рис. 10: 2): 3 шейных и 2 грудных (поврежденные) позвонка, правая ключица, фрагмент левой тазовой кости, третий нижний коренной зуб (стертость 3—4 балла), фрагменты двух шейных позвонков, левая ключица и обе человеческие лопатки. О большой физической нагрузке на шейный отдел позвоночника может свидетельствовать деформация тел позвонков (остеохондроз). В северной части могильной ямы на глубине 47 см обнаружен железный гвоздь длиной 6,6 см с обломанной шляпкой.

У западной стенки ямы найдена серьга в виде знака вопроса. В юго-западной части могилы выявлено три железных гвоздя, в ее северной части найдено еще два гвоздя. На дне могильной ямы обнаружены два поясничных позвонка и левая лопатка от взрослой особи барана. Позвонки лежали в центре ямы среди костей ребенка, к западу от них обнаружена лопатка барана.

Комплекс №13 локализуется в северо-восточной части могильника. На его месте заложен раскоп 5×7 м, ориентированный длинными стенками по линии запад-восток. В районе раскопа наблюдается слабое понижение склона в юго-восточном направлении. В центре кладки земля слегка просела. После расчистки выяснилось, что кладка овальной формы, размером 3,1×6,1 м, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ. Камни располагаются разрозненно и не образуют плотной конструкции (рис. 10: 1).

Стенки могильной ямы слегка наклонены внутрь, в результате чего происходит расширение могильной ямы кверху (рис. 10: 3). Глубина ямы 0,3 м. Ее дно ровное. Расчистка ямы проходила послойно. Всего в могильной яме выделено 3 уровня зачистки.

Первый (верхний) уровень зачистки могильной ямы зафиксирован на глубине 15—25 см от поверхности земли. Верхняя часть могильной ямы имеет овальную форму и размеры 0,95×1,75 м. В юго-западной

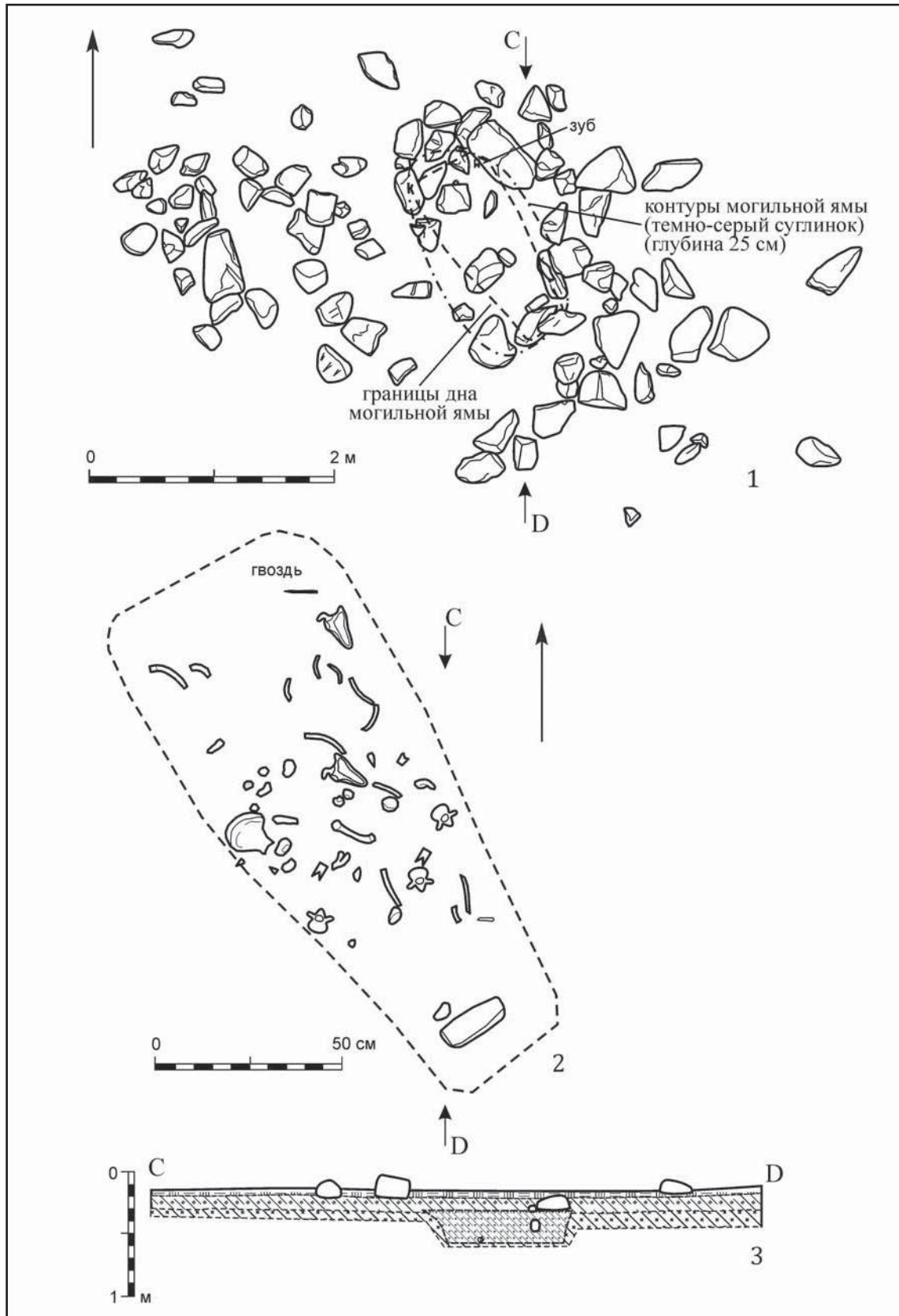
части ямы фиксируется овальное рыжее пятно размером 12×50 см и мощностью 10 см. Сверху могильная яма перекрывалась тремя крупными (15—18×26—45 см) и четырьмя более мелкими камнями (8—12×16—20 см). Два крупных камня располагаются в юго-восточной части ямы и один в западной. В северной части могильной ямы на глубине 20 см обнаружен человеческий зуб.

Второй уровень зачистки могильной ямы зафиксирован на глубине 25—35 см от поверхности земли. На этом уровне могильная яма приобретает форму трапеции размером 0,38—0,46×1,60 м, обращенной узкой частью на юго-восток. В юго-восточной части ямы обнаружен камень размером 8×20 см.

Третий (нижний) уровень зачистки могильной ямы зафиксирован на глубине 35—45 см от поверхности земли. На этом уровне расчищено дно могильной ямы. Оно имеет практически такие же размеры, как и на вышележащем уровне. Яма ориентирована по линии с азимутом 325°. В яме обнаружены разрозненные кости зрелой женщины (*maturus*) (рис. 10: 2): 3 шейных и 2 грудных (поврежденные) позвонка, правая ключица, фрагмент левой тазовой кости, третий нижний коренной зуб (стертость 3—4 балла), фрагменты двух шейных позвонков, левая ключица и обе человеческие лопатки. О большой физической нагрузке на шейный отдел позвоночника может свидетельствовать деформация тел позвонков (остеохондроз). В северной части могильной ямы на глубине 47 см обнаружен железный гвоздь длиной 6,6 см с обломанной шляпкой.

Комплекс №17 располагается в центральной части могильника. На его месте заложен раскоп размером 5×6 м, ориентированный длинными стенками по линии север-юг. Каменная кладка комплекса курганообразная, кольцевая, овальной формы, размером 4×5 м, ориентирована длинной осью по линии с азимутом 120° (рис. 11). Камни уложены в 1—4 слоя, мощность конструкции 40 см. Размер внутреннего пространства кладки, в котором находятся лишь отдельные камни, 2,0×2,5 м. Размер камней кладки от 4×8×9 см до 16×50×76 см. С юго-восточной стороны к кольцевой конструкции примыкает овальная каменная кладка размером 1,2×1,7 м, ориентированная по линии север-юг. Камни в конструкции плотно прилегают друг к другу, некоторые из них установлены наклонно. Среди камней кладки найдены кости лошади и коровы. К югу от нее обнаружен кирпич.

Рис. 10. Могильник Окошки, комплекс №13: 1 — кладка после расчистки; 2 — дно могильной ямы с останками погребенного; 3 — стратиграфический разрез комплекса по линии север-юг.

Fig. 10. The cemetery Okoshki 1, complex no. 13: 1 — masonry after clearing; 2 — the bottom of the grave pit, burial level; 3 — stratigraphical section of the complex along the north-south line.

На глубине 40 см от поверхности земли под северо-западной частью кольцевой кладки обнаружены контуры могильной ямы. Она овальной формы, размером 1,1×3,4 м, ориентирована по линии север — юг. Расчистка могильной ямы осуществлялась в несколько приемов с фиксацией заполняющих ее камней на пяти уровнях. Глубина могильной ямы 1,6 м. В верхней части ямы (на глубине 60 см от поверхности земли) обнаружено 5 камней, расположенных в разных ее частях. В центре ямы найден человеческий позвонок.

На втором уровне зачистки (на глубине 70 см от поверхности земли) зафиксировано скопление камней в южной части ямы, один из которых располагается наклонно. Один камень размером 20×40 см зафиксирован в северной части ямы. На третьем уровне зачистки (на глубине 1 м от поверхности земли) в средней части ямы зафиксировано два крупных камня, а у южной стенки пять мелких камней. На четвертом уровне расчистки (на глубине 120 см) появились контуры четырехугольной деревянной внутримогильной конструкции (гроба), ориентированного по азимуту 356°. Он был вплотную прижат к западной стенке могильной ямы, размеры которой в нижней части составляли 0,9×2,2 м. Сверху на гробу находились камни — два небольших в северной части могилы и один крупный, размером 15×38×45 см, в южной части (рис. 13). К югу от камня находилась малая берцовая кость человека со следами перелома.

На пятом уровне расчистки была зачищена верхняя часть гроба. Он трапециевидной формы, длиной 198 см. Ширина северной стенки 64 см, южной — 38 см. Высота северной торцевой стенки 40 см, южной — 31 см. Сохранилась лишь часть крышки гроба в виде продольной доски шириной 10—20 см, приколоченной с помощью 4 гвоздей к восточной стенке гроба. Кроме этого, в северной части гроба доска дополнительно крепились металлической полосой. Внутри гроба провалилось три камня. Самый крупный из них размером 6×30×55 см находился в центре.

На дне гроба располагались кости мужчины 25—30 лет, не сохранившие анатомический порядок (рис. 14). Вероятно, первоначально умерший располагался вытянуто на спине головой на север, о чем можно судить по форме гроба и основываясь на аналогиях из других захоронений имперского периода. У западной части гроба обнаружен череп погребенного с нижней челюстью, развернутый лицевой частью на запад. Под ним находились правые бедренная и большая берцовая

кости. Под них заходила левая большая берцовая кость. А сверху, поперек правой большой берцовой кости, находилась лучевая кость. Вторая лучевая кость найдена у восточной стенки гроба. В северной части гроба обнаружены малая берцовая кость, два позвоночника и грудина. Еще несколько позвоночников и фаланг пальцев выявлено в средней части гроба.

Череп погребенного короткий, широкий, высокий, гипербрахикранный по указателю. Черепная коробка характеризуется небольшой асимметрией, в вертикальной норме имеет форму, близкую к сфероидной. Лоб узкий, покатый, угол его поперечного изгиба в пределах монголоидных значений. Лицо высокое, широкое, мезогнатное, с сильно уплощенным горизонтальным профилем. Вертикальный фацио-церебральный указатель средний. Орбиты широкие, средней высоты, по указателю мезоконхные. Высота носа на верхней границе средних значений, ширина большая, пропорции мезоринные, нижний край грушевидного отверстия антропинный, передненосовая ость выступает слабо. Переносье широкое и низкое, угол выступления носовых костей слабый. Зафиксирован перелом в верхней части диафиза правой большеберцовой кости погребенного и симметрично на правой малой берцовой кости. Длина тела около 160 см, вес примерно 59 кг.

В северной, средней и южной части гроба обнаружены фрагменты золотой посуды. В средней части гроба найдено несколько фрагментов костяной трубочки. У западной и восточной стенок гроба обнаружены изделия из бересты в виде прошитых треугольников. В юго-восточном углу могильной ямы в небольшой нише найдена селадонная чаша. Между ней и юго-восточным углом гроба обнаружены остатки деревянной чаши, покрытой лаком.

У северо-западного угла гроба в могильной яме располагалась вертикально установленная берцовая кость барана. Стегно барана установили в яму верхней частью вниз еще до того как туда поместили гроб. Под его тяжестью кость сломалась, и часть ее оказалась под гробом. Под восточной стенкой гроба найдено несколько железных пластинок и кольцо. Под центральной частью гроба зафиксировано три поясничных позвонка барана.

Комплекс №20 локализуется в северо-восточной части могильника, в 1 м к юго-западу от комплекса №13. На месте кладки заложен раскоп 3,0×3,5 м, ориентирован

Рис. 11. Могильник Окошки, комплекс №17, кладка после расчистки, вид с востока.

Fig. 11. The cemetery Okoshki 1, complex no.17, masonry after clearing, view from the east.

Рис. 12. Могильник Окошки, комплекс №17, контуры могильной ямы, вид с севера.

Fig. 12. The cemetery Okoshki 1, complex no.17, the contours of the grave pit, the view from the north.

Рис. 13. Могильник Окошки, комплекс №17, нижняя часть могильной ямы, верхняя часть гроба, вид с юга.

Fig. 13. The cemetery Okoshki 1, complex no. 17, the lower part of the grave pit, the upper part of the coffin, the view from the south.

ный длинными стенками по линии север-юг и примыкающий с юга к раскопу комплекса №13. После расчистки выяснилось, что кладка овальной формы, размером 1,7×2,2 м. С восточной и южной сторон конструкции камни располагаются разрозненно. В северо-восточной части конструкции располагается плотная двухслойная выкладка из камней размером 0,6×1,7 м. Она перекрывает среднюю часть могильной ямы, ориентированную по линии север-юг (рис. 15: 1). Среди камней на глубине 10 см обнаружен фрагмент трубчатой кости животного. Размеры могильной ямы 0,7×2,5 м, глубина 0,6 м. В отличие от других захоронений могильника, в этом погребении не найдены остатки деревянной внутримогильной конструкции. Стенки могильной ямы практически вертикальные, дно ровное (рис. 15: 3).

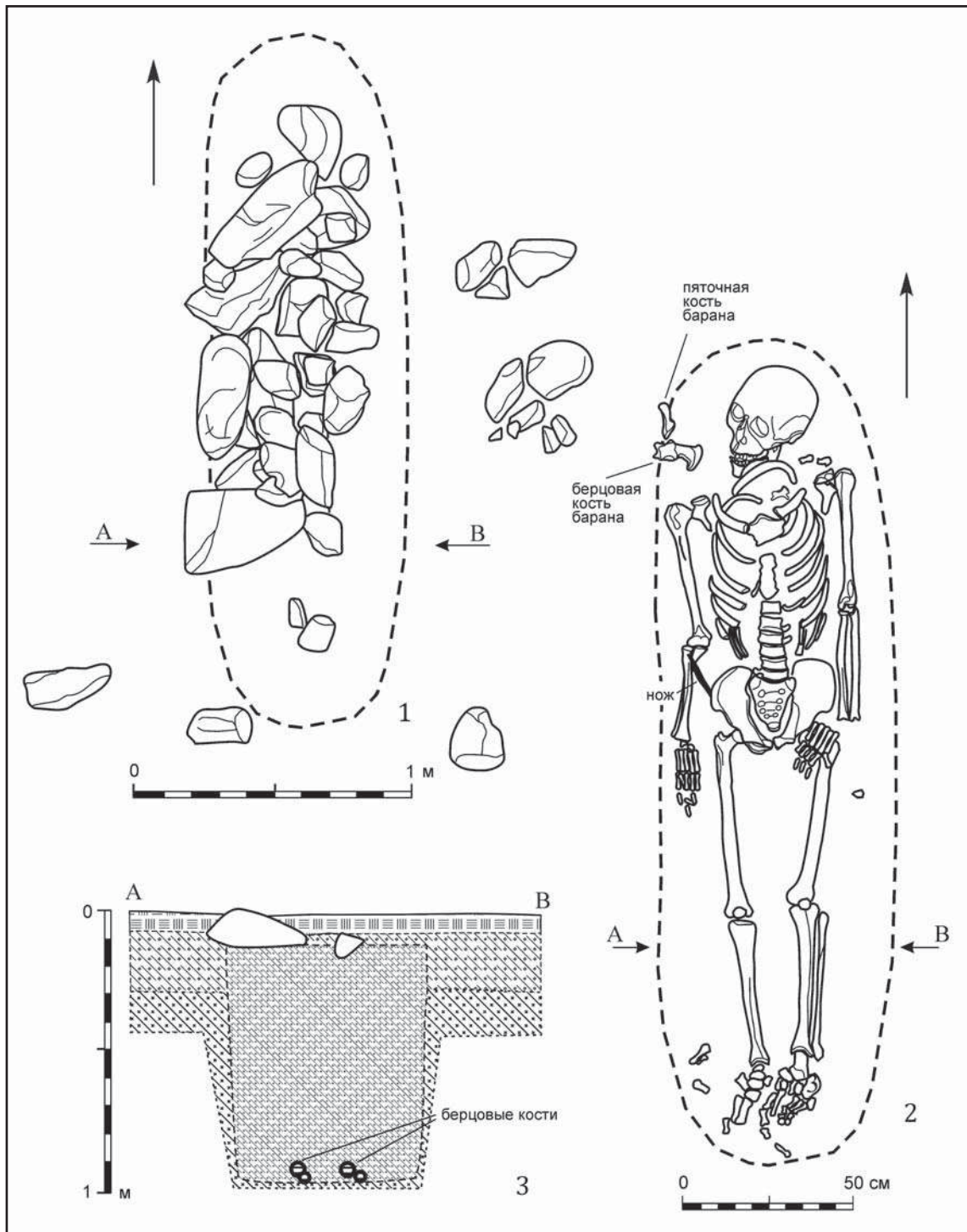
Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на север, лицо слегка повернуто направо (рис. 15: 2). Костяк, сохранивший анатомический порядок, принадлежал мужчине старше 60 лет. Правая рука умершего вытянута вдоль туловища, кисть левой руки лежала на бедре. Между тазовыми костями и правой лучевой костью располагался железный черешковый нож, который, вероятно, находился в ножнах и был подвешен на пояс.

Мозговая коробка черепа погребенного средней длины (183), очень широкая и низкая, по указателю гипербрахиокранная, сфе-

Рис. 14. Могильник Окошки, комплекс №17, гроб с останками погребенного, вид с востока.

Fig. 14. The cemetery Okoshki 1, complex no. 17, the coffin with remains of the buried, view from the east.

Рис. 15. Могильник Окошки I, комплекс №20: 1 — кладка после расчистки; 2 — дно могильной ямы с останками погребенного; 3 — стратиграфический разрез комплекса по линии запад-восток.

Fig. 15. The cemetery Okoshki 1, complex no.20: 1 — masonry after clearing; 2 — the bottom of the grave pit, burial level; 3 — stratigraphical section of the complex along the line west-east.

роидной формы, с развитым рельефом. Лоб средней ширины, покатый, угол поперечного изгиба лба (152,6) самый большой среди исследуемых черепов. Лицо очень высокое и широкое, прогнатное, сильно уплощенное на верхнем уровне горизонтальной про-

филировки. Орбиты очень широкие и высокие, по указателю гипсиконхные. Нос высокий, широкий, нижний край грушевидного отверстия образует передненосовые ямки, передненосовая ость выступает слабо. Переносье средней ширины и низкое, угол

Рис. 16. Могильник Окошки I, комплекс №20, останки погребенного, вид с юга.

Fig. 16. The cemetery Okoshki 1, complex no.20, burial level, view from the south.

выступания носовых костей малый (22) (рис. 16).

У погребенного отмечаются патологические изменения в опорно-двигательном аппарате, что свидетельствует о больших физических нагрузках на позвоночный столб (поясничные позвонки с признаками грыжи), пояс верхних конечностей, а также кисти рук в области запястья. Признаки сильного остеохондроза и остеоартроза шейного отдела позвоночника говорят о затруднении поворота головы, резких болях при наклонах вперед и назад. Работа на открытом воздухе с пониженной температурой привела к воспалительному процессу в области левой части шеи (шейные позвонки). Это повлекло за собой осложнения, в области пояса верхних конечностей и всего позвоночника. Сильные боли в области шейного плечевого сплетения приводили к болям всей левой руки, поэтому мужчина работал больше правой рукой, что привело к компенсаторному разрастанию акромиального конца правой ключицы и к образованию остеофитов на суставной поверхности акромиального отростка лопатки. В результате — артроз акромиально-ключичного

сустава. Длина тела около 164 см, вес 67—68 кг.

С правой (западной) стороны от черепа погребенного располагалась вертикально стоящая левая большая берцовая кость барана (с астрагалом и пяточной костью, которые, видимо, до этого были в сочленении). Она не утратила своего первоначального положения в могиле. Нижний эпифиз кости (дистальный) располагался сверху, а верхний (проксимальный) — снизу. Он находился на 25 см выше дна могильной ямы. Кость была развернута задней (каудальной) стороной (местом сочленения с пяточной костью) на северо-восток. Эпифизы на большой берцовой и пяточной кости были уже полностью сросшиеся, что указывает на относительный возраст животного — старше 3—4 лет.

Комплекс 24 находится в центральной части некрополя, в 1 м к западу от комплекса №10, в западной части раскопа №7. Каменная кладка комплекса неплотная и сложена в один слой камнями размером от 5×11×17 см до 20×50×58 см. По своим пропорциям она напоминает кольцо диаметром 2,5 м и высотой 0,2 м, с юго-западной и северо-восточной стороны которого имеются разрывы. В южной части надмогильной кладки между камней найдены 2-я правая плюсна лошади и правая пясть представителя семейства коз и овец. Плюсна лошади — с видимыми следами от долгого нахождения на поверхности земли (эрозия). Пясть *Caprinae* принадлежала только что родившейся особи.

Под камнями кладки фиксируется пятно могильной ямы овальной формы, имеющей в верхней части размеры 0,95×1,48 м. В верхней части ямы, ближе к её северной стенке, находится пять крупных камней. Еще четыре камня располагаются за пределами ямы и, вероятно, были выброшены из нее грабителями в юго-восточном направлении. В яме обнаружен железный гвоздь и халцедонный скребок на отщепе. Стенки могильной ямы сужаются книзу. Размеры дна 0,7×1,3 м, глубина 0,95 м. Яма ориентирована по линии север-юг, видимо, так же был ориентирован помещенный в нее умерший.

На дне ямы фиксируются остатки деревянной внутримогильной конструкции, возможно, колоды. Они представлены фрагментами древесины и древесной трухи коричневого цвета, которые образуют четырехугольное пятно длиной 1 м. Ширина южной стороны пятна 31 см, северной 36 см. В яме найдено 6 железных гвоздей и железная пластина. У западной стенки ямы обнаружено 5 желез-

ных наконечников стрел арбалета (?). В разных частях ямы выявлены фаланги и кости правой нижней конечности ребенка в возрасте около 3 лет (по размерам длинных костей).

Комплекс 25 локализуется в центральной части могильника, в северной части раскопа №7. Юго-восточная часть погребения перекрыта более поздним комплексом №9 с останками женщины, для сооружения погребальной конструкции которого использовались камни комплекса №25. Кладка комплекса утратила свою первоначальную форму и по своим пропорциям напоминает овал размером 0,85 × 3,0 м и высотой 0,15 м. Камни размером от 7 × 10 × 18 см до 10 × 24 × 43 см располагаются разрозненно в один слой.

Под камнями кладки комплекса фиксируются следы могильной ямы, сужающейся книзу, глубиной 1,2 м. В нижней части могилы имеет грушевидную форму. Ее размеры 1,6 × 3,8 м. Она ориентирована широкой частью по линии с азимутом 345°. На дне ямы зафиксированы фрагменты деревянной внутримогильной конструкции. От нее сохранилось 9 железных гвоздей. Вероятно, внутри она была выстлана войлоком. Его фрагменты обнаружены в южной и северо-восточной частях ямы, а в южной и северной частях найдены фрагменты бересты. В средней части могильной ямы под войлоком обнаружено бронзовое зеркало.

Разрозненные человеческие кости, найденные в могиле, представлены лобной костью ребенка 2-х лет (у восточной стенки), а также нижней челюстью и зубами, скорее всего, мужчины 20—25 лет.

Комплекс 29 находился в центральной части некрополя и северной части раскопа №7. Надмогильная кладка овальная, ориентирована по линии север-юг, размером 1,9 × 2,4 м и высотой 20 см, состоит из разрозненных камней размерами от 7 × 10 × 10 см до 24 × 44 × 66 см. В средней части кладки обнаружена человеческая фаланга и коленная чашечка. Под камнями в южной части кладки зафиксировано овальное сажистое пятно размером 20 × 30 см.

Под камнями кладки фиксируются контуры могильной ямы с вертикальными стенками. Ее размеры 0,85 × 1,75 м, глубина 0,45 м. На среднем уровне могильной ямы в ее средней части обнаружено пять человеческих позвонков, три фрагмента черепа и четыре ребра. В северной части могилы под камнем

размером 20 × 14 см расчищены остатки раздавленного черепа.

На дне могилы находились останки женщины 30—40 лет, которые располагались в деревянной внутримогильной конструкции — четырехугольном ящике с днищем. От него сохранилась южная торцевая стенка длиной 36 см, толщиной 4 см и высотой 12 см, а также фрагмент доски днища шириной 10 см и длиной 44 см, лежащий вдоль могилы у восточной стенки. Часть костей скелета сохранила анатомический порядок. Судя по ним погребенный располагался вытянуто на спине, головой ориентирован по азимуту 5°.

Фрагментированный череп погребенной повернут налево. Лицевая часть находилась отдельно, к северо-востоку от черепной коробки. Анатомический порядок сохранили шейный и грудной отделы позвоночника, правые ключица и лопатка, кости рук, часть ребер, берцовые кости и кости стопы. На шейном отделе позвоночника зафиксирована раковина каури.

Лицо погребенной очень высокое. Углы горизонтальной профилировки лица имеют средние значения. Орбиты малой ширины и высоты, по указателю мезоконхные. Нос высокий, средней ширины, с антропным краем грушевидного отверстия, передноносовая ость выражена очень слабо. Переносье средней ширины, низкое, угол выступания носовых костей очень маленький. Длина тела средняя (155 см).

Комплекс 46 находится в центральной части некрополя в 3 м к юго-востоку от комплекса №10, в южной части раскопа №7. Вместе с комплексами №47 и 49 он образует единый ряд могил. Кладка комплекса не сохранила первоначальной формы. Она представлена полосой камней, вытянутой по линии с азимутом 290°, размеры которой составляют 1,3 × 3,1 м. Камни размером от 4 × 6 × 10 см до 13 × 15 × 25 см располагаются разрозненно в один слой. Возможно, часть из них не относится к комплексу №46.

Могильное пятно зафиксировано к северу от восточной части полосы камней. Оно овальной формы, размером 0,73 × 1,20 м, ориентировано по линии север-юг. Стенки могильной ямы вертикальные, глубина 0,25 м. В ее верхней части зафиксировано два камня, располагавшиеся по центру ямы, размерами 6 × 10 × 13 см и 17 × 24 × 26 см. В яме обнаружены фрагменты деревянной конструкции и пять железных гвоздей.

На разных уровнях ямы найдены кости животных. Астрагал барана и поясничный по-

звонок *Caprinae* (со следами разделки на ventральной стороне) найдены в верхней части ямы. Правые большая берцовая и пяточная кости овцы (*Caprinae*) и фрагмент еще одного поясничного позвонка небольшого парнокопытного зафиксированы на дне ямы.

Человеческие останки представлены фрагментами черепа и верхней челюстью с зубами. Посткраниальный скелет содержал плечевые (левая и правая) кости, локтевую (правая) и обе лучевых кости, левую ключицу, позвонки, подвздошную и седалищную кости. Судя по ним, в могиле был похоронен ребенок в возрасте около 18 месяцев.

Комплекс 47 локализуется в центральной части некрополя, в 2 м к востоку от комплекса №46, в южной части раскопа №7. Вместе с комплексами №46 и 49 он образует единый ряд могил. Кладка комплекса не сохранила своего первоначального вида. Она представлена несколькими разрозненными камнями размером от 2×5×9 см до 12×25×63 см. По своим пропорциям конструкция напоминает овальное кольцо размером 2,1×2,5 м, в восточной и юго-западной частях которого камни отсутствуют. У западного края кладки обнаружен железный гвоздь.

Под центральной частью кладки зафиксированы следы могильного ямца. Могила овальной формы с вертикальными стенками, размером 0,9×2,0 м, глубиной 0,30 м. В верхней части ямы зафиксировано 4 камня, самый крупный из которых, размером 12×23×37 см, располагался в южной части могилы. У западной стенки ямы найдено два железных гвоздя.

На дне ямы находились останки погребенной. Анатомический порядок сохранила верхняя часть костяка. Длинные кости нижних конечностей отсутствовали. Скелет принадлежал женщине, скончавшейся в возрасте около 25 лет (рис. 17). Погребенная располагалась вытянута на спине, головой ориентирована на север. Лицо слегка было повернуто налево. Руки вытянуты вдоль туловища, левая слегка согнута в локте. В юго-западной части ямы найдены кости стоп.

Мозговая капсула погребенной малой длины, средней ширины, низкая, брахикранная, овальной формы. Лоб средней ширины, величина поперечного изгиба лба попадает в категорию значений, характерных для метисных групп. Лобная кость очень малой длины, слабывыпуклая. Лицо низкое, узкое, мезогнатное. Величина назомаллярного угла средняя, при малых значениях зигмаксиллярного, в целом лицо средне-профилированное. Ор-

Рис. 17. Могильник Окошки I, комплекс №47, останки погребенного, вид с юга.

Fig. 17. The cemetery Okoshki 1, complex no.47, burial level, view from the south.

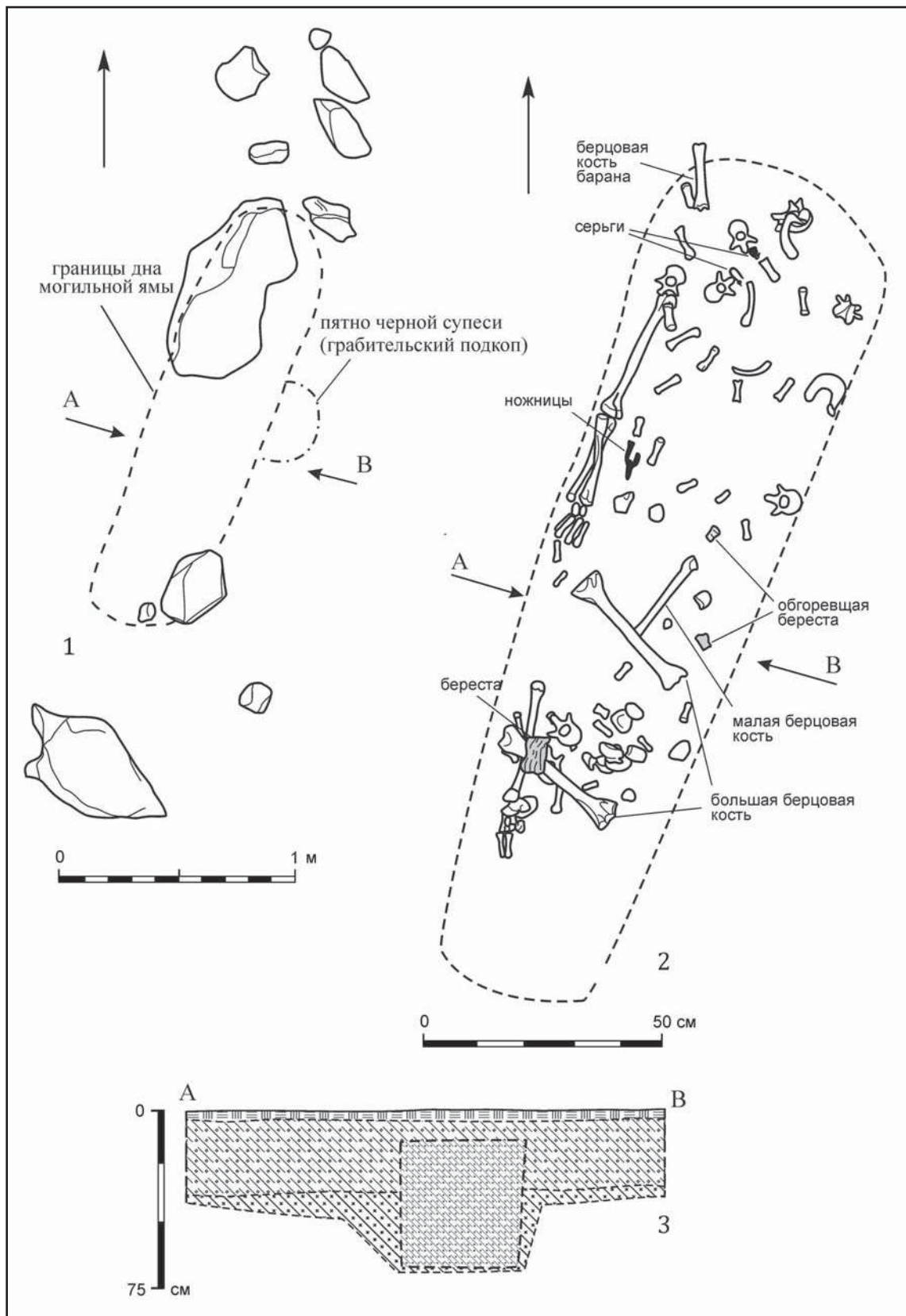
биты средней ширины, низкие, по пропорциям мезоконхные. Нос средней высоты, широкий, по указателю хамеринный, с инфантильным краем грушевидного отверстия и слабо выраженной переднеушной остью. Переносье средней ширины и высоты, носовые кости выступают средне. Признаки смешения монголоидного и европеоидного типов.

От посткраниального скелета имеются поврежденные кости верхних конечностей, позвонки, левая тазовая, поврежденный крестец. Что-либо о нагрузках и заболеваниях сказать трудно, тем более что отсутствуют кости нижних конечностей. Длина тела средняя (153,0).

У стен могилы обнаружены железные гвозди: один у южной, два у западной и один у восточной. Справа у черепа найдена бронзовая серьга с кусочком кожи.

Комплекс №48 локализуется в северо-восточной части могильника, в 51 м к северо-западу от бетонного ДОТа. После расчистки выяснилось, что кладка не имеет четко выра-

Рис. 18. Могильник Окошки I, комплекс №48: 1 — кладка после расчистки; 2 — дно могильной ямы с останками погребенного; 3 — стратиграфический разрез комплекса по линии северо-запад — юго-восток.

Fig. 18. The cemetery Okoshki 1, complex no.48: 1 — masonry after clearing; 2 — the bottom of the grave pit, burial level; 3 — stratigraphical section of the complex along the line north-west-south-east.

женной формы. Она состоит из двух больших (37×75 см и 46×78 см) и восьми более мелких камней размером от 8×8 см до 25×32 см. Один из крупных камней сверху перекрывает северо-восточную часть могильной ямы, а другой, более мелкий, располагается к юго-западу от могильной ямы (рис. 18: 1).

Могильная яма овальной формы, размером $0,5 \times 1,8$ м, ориентирована по линии с азимутом 20° . Глубина ямы 0,5 м. С юго-восточной стороны к могильной яме примыкает грабительский подкоп размером 25×32 см. Стенки могильной ямы практически вертикальные, дно ровное (рис. 18: 3).

На дне ямы обнаружены человеческие останки, большая часть которых не сохранила анатомического порядка. Они принадлежат женщине в возрасте около 20 лет, небольшого роста (144,5 см). Кости располагаются по всему дну могильной ямы, залегая в два слоя. Верхний слой костей располагается на глубине 60—65 см от поверхности земли. В юго-западной и центральной частях ямы обнаружены большие берцовые кости. Они располагались поперек ямы, на расстоянии 30 см друг от друга. Кость, найденная в юго-западной части ямы, повернута верхним эпифизом на юго-восток, а обнаруженная в центральной части ориентирована верхним эпифизом на северо-запад. Между большими берцовыми костями локализовались фаланги пальцев погребенной, кости стопы и позвонок. Под большую берцовую кость, находившуюся в центре ямы, заходил нижний эпифиз левой малой берцовой кости, ориентированной по направлению ямы. К северо-востоку от нее найдены фаланги пальцев, кости пястья и один позвонок. В северо-восточной части ямы зафиксированы человеческие позвонки, фаланги пальцев, ребра, фрагмент лобкового симфиза.

Нижний слой костей располагался на глубине 65—68 см от поверхности земли. В нем в непотревоженном состоянии обнаружены кости правой руки погребенной и кости правой стопы с малой берцовой костью. Они располагались вдоль северо-западной стенки и, вероятно, не были затронуты грабителями, подкоп которых располагался с юго-восточной стороны ямы. К юго-востоку от них обнаружены находившиеся на дне ямы фаланги пальцев, позвонки и кости стопы. В центре ямы найдены две кости пясти, в её северо-восточной части — фаланга и позвонок. Судя по расположению непотревоженных костей, первоначально умершая была уложена вытянуто на спине, головой на северо-восток.

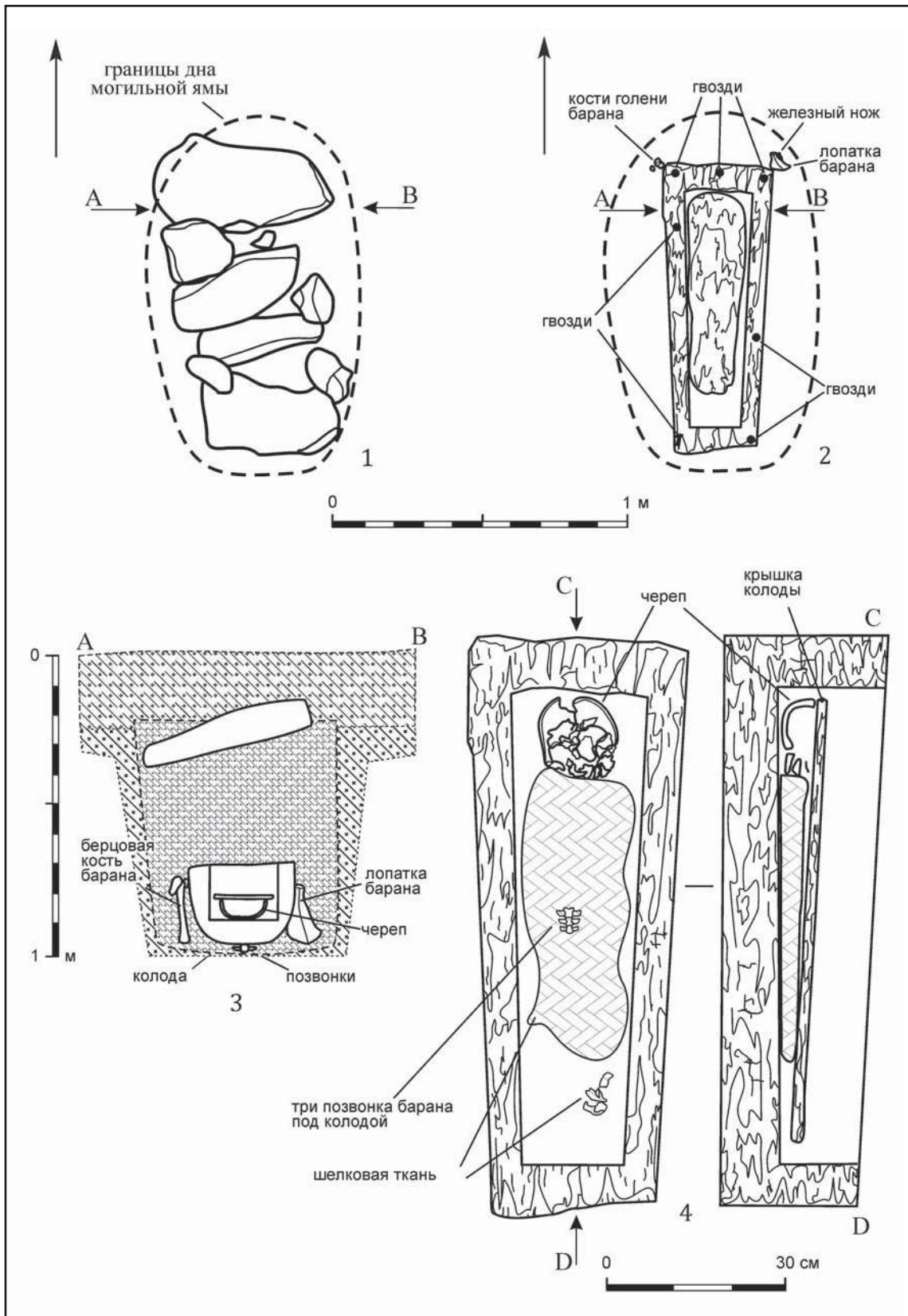
В северо-западной части ямы найдены левые большая берцовая и пяточная кости овцы. Берцовая кость была установлена вертикально у стенки ямы, нижним эпифизом вверх (глубина 60 см от поверхности земли). Эпифизы на большой берцовой и пяточной костях в несросшемся состоянии. Относительный возраст животного, возможно, 1—1,5 лет.

К востоку от правой лучевой кости на дне могильной ямы на глубине 67 см обнаружены фрагментированные остатки железных шарнирных ножниц. Они располагались параллельно костям руки, острыми концами на юго-запад. В северо-восточной части ямы на глубине 67 см обнаружены две серёжки с медными проволочными дужками в виде знака вопроса.

На дне могильной ямы, среди костей погребенной, обнаружены фрагменты бересты. Возможно, они были частями берестяной внутримогильной конструкции, разрушенной грабителями, или могли являться фрагментами какого-то предмета, помещенного вместе с умершей в могилу. Остатков древесины в могиле не найдено, поэтому можно предположить, что деревянная внутримогильная конструкция в погребении изначально отсутствовала.

Комплекс №49 находится в центральной части некрополя в 2 м к западу от комплекса №46, в юго-западной части раскопа №7. Вместе с комплексами №46 и 49 он образует единый ряд могил, вытянувшийся с запада на восток. На поверхности земли каменная кладка комплекса не была видна и стала различима лишь после снятия дерна. Размер кладки 50×90 см, она ориентирована по линии север-юг (рис. 19: 1). Она состояла из четырех каменных плит, уложенных поперек могильной ямы в один ряд. Самая крупная из них находилась в северной части, её размеры 33×60 см. Между плитами находилось пять мелких камней. Под кладкой располагалась яма овальной формы глубиной 0,8 м с вертикальными стенками (рис. 19: 3), размером $0,7 \times 1,2$ м, ориентированная по линии север-юг.

На дне могильной ямы обнаружена колода, сделанная из ствола лиственницы, опиленного с двух сторон. Внутри колоды находились останки ребенка не старше 3 лет. Его туловище было накрытого шелковой тканью (рис. 19: 4). Череп полностью раздавлен. Остальные кости практически не сохранились. Умерший был похоронен вытянуто на спине, головой на север, лицо обращено вверх. В могильной яме у северо-западного

Рис. 19. Могилиник Окошки I, комплекс №49: 1 — кладка после расчистки; 2 — могильная яма с колодой; 3 — стратиграфический разрез комплекса по линии запад — восток; 4 — колода с останками погребенного.

Fig. 19. The cemetery Okoshki 1, complex no. 49: 1 — masonry after clearing; 2 — grave pit with a deck; 3 — stratigraphical section of the complex along the line west-east; 4 — deck with remains of the buried.

угла колоды вертикально располагалась берцовая кость барана. У северо-восточного угла колоды найдены вертикально стоящие лопатка барана и железный нож. Под колодой располагались три позвонка поясничного отдела барана.

Антропологическая характеристика материалов могильника

Для расово-диагностического анализа материалов с могильника были пригодны два мужских черепа с нижними челюстями (комплекс №17 и 20), один женский череп с нижней челюстью (комплекс №47) и один череп без нижней челюсти (комплекс №2-1).

У мужчин из могильника Окошки 1 зафиксирован комплекс признаков, для которого характерна широкая, низкая черепная коробка, узкий лоб, высокое, ортогнатное и уплощенное на верхнем и нижнем уровнях горизонтальной профилировки лицо, с широким, слабо выступающим переносьем и носовыми косточками. Данное сочетание признаков наблюдается у представителей центральноазиатской расы. Вертикальный фацио-церебральный указатель очень большой (54,3; 59,2; 73,9), что также характерно для монголоидных групп.

Черты типичного представителя центральноазиатского типа зафиксированы у мужчины из захоронения в комплексе 20. Это очень крупная черепная коробка, очень большие размеры высоты и ширины лица, уплощенность лицевого скелета, низкое переносье, малое выступание носовых костей, крупные орбиты. Вертикальный фацио-церебральный указатель имеет самое большое значение — 73,9.

Женские черепа по строению мозговой коробки и фацио-церебральным пропорциям также демонстрируют монголоидные особенности. Они характеризуются низкой брахи-кранной черепной коробкой, широким и высоким лицом, уплощенным на обоих уровнях горизонтальной профилировки, большим вертикальным фацио-церебральным индексом (56,7), низким, среднешироким переносьем, средне или слабо выступающими носовыми костями. В одном случае на женском черепе (комплекс 47) менее выражены монголоидные черты.

При исследовании посткраниальных скелетов были зафиксированы: подвывихи и переломы конечностей, остеохондрозы и остеоартрозы. Патологические изменения у мужской части населения, скорее всего, были

связаны с тяжелой физической работой при низких температурах, с поднятием тяжестей. У женщин обнаруженные изменения в строении посткраниального скелета могли быть обусловлены высокими мануальными нагрузками.

Наличие такого дефекта развития в области крестца, как незаращение дужек позвонков (*spina bifida*), требует дальнейшего исследования материала. Если данный дефект будет встречаться часто, то можно говорить о близкородственных браках.

По росту мужчины и женщины попадают в категории размеров «ниже среднего» или «средний», т.е. невысокие. Лишь одна из женщин (комплекс 5) выделяется высоким ростом.

При предварительном осмотре материалов (8 женских, 3 мужских) на предмет наличия патологий зубочелюстной системы выявлено: отложение зубного камня, прижизненная утрата зубов, альвеолярный абсцесс, микротравмы эмали, кариес, эмалевая гипоплазия.

Отложение зубного камня зафиксировано практически у всех взрослых. Этиология образования зубного камня сложная и в большой степени зависит от особенностей диеты, от сбалансированного наличия витаминов и микроэлементов, от консистенции пищи (вязкая, кашеобразная), но основной причиной его образования является белок, т.е. высокое содержание мяса в рационе.

Кариес в исследуемой части населения встречается лишь в двух случаях (1 у мужчины, 1 у женщины).

Отмечены случаи альвеолярного абсцесса (у 2 индивидов), микротравм зубной коронки (3), прижизненной утраты зубов (4).

Эмалевая гипоплазия (множественная) отмечена на резцах верхней челюсти у женщины около 25 лет из захоронения в комплексе 47. Появление эмалевой гипоплазии связано с неблагоприятными воздействиями среды, а именно с нехваткой белков, витаминов, острыми инфекциями в раннем детском возрасте, когда закладываются коронки постоянных зубов. В данном случае стрессовое воздействие среды фиксируется в период от 1 года до 3 лет.

Все исследованные детские скелеты относятся к возрастной категории *infantis* I (раннее детство, от рождения до 7 лет). Чаще всего смерть в этом возрасте наступает от инфекционных либо воспалительных заболеваний.

Обнаруженные поротические изменения в верхней стенке орбиты (*cribra orbitalia*) у двухлетнего ребенка (комплекс 2, погребе-

ние 2) могут быть связаны с железодефицитной анемией, развивающейся, как правило, при хронических инфекционных и паразитарных заболеваниях, а также при локальных воспалительных процессах. Распространение этого признака зависит от плотности населения и природных условий. В северных районах он наблюдается реже, чем в южных; в горах реже, чем на равнинах; в сухом и прохладном климате реже, чем в теплом и влажном. Маркеры анемии отражают не только дефицит железа в микроэлементном составе пищи, но и общее содержание беззетворных организмов в окружающей среде.

Состояние зубо-челюстной системы и патологические изменения на костях посткраниального скелета отражают некоторые особенности образа жизни исследованной группы населения.

Известно, что антропологический тип современных монголов сложился в начале I тыс. н. э. (Тумэн 1985: 18). Однако уже в эпоху бронзы и раннего железного века на территории центральных и восточных областей Монголии проживали племена североазиатской расы, характеризующиеся комплексом признаков байкальского и центральноазиатского антропологического типов (Тумэн 1985: 19). По антропологическим материалам могильников Усть-Иша и Иткуль у неолитического населения Верхнего Приобья зафиксирован монголоидный компонент восточного происхождения (Дремов 1986: 57), и его присутствие в составе населения Евразии прослеживается на обширном антропологическом материале в широком хронологическом диапазоне (Дебеч 1948; 1951; Гохман 1980; Дремов 1997; Багашев 2000; Рыкун 2013; Чикишева 2012; Поздняков 2002 и др.).

Погребальные конструкции

На могильнике Окошки представлено 15 монгольских погребений имперского периода. Большинство из них разрушено, поэтому установить положение погребенного, форму внутримогильной конструкции не во всех случаях возможно. Но такие показатели, как погребение всех умерших в могильной яме с вертикальными стенками и наличие над всеми могилами конструкции из камней или земли, установить удалось. Форма и размеры каменной надмогильной конструкции после разрушения могил могли пострадать, поэтому к их параметрам надо относиться с определенной долей условности. Тем не менее, следует отметить наличие преимущественно двух видов надмогильных

конструкций — каменные кладки у 66,6% захоронений и каменные курганы у 20%. Большие размеры некоторых кладок, вероятно, следует рассматривать как результат разрушения более компактных кладок или каменных курганов. Каменные курганы, основываясь на данных неразрушенных погребений, имели диаметр 3,0—4,5 м и высоту около 0,3 м. Хотя не исключено, что сооружались курганы и более крупных размеров (Харинский 2013: 129—130). Надмогильная конструкция в виде земляного кургана со сложной внутренней структурой, зафиксированная над погребением №2 могильника Окошки 1, на других могильниках этого времени Южного Забайкалья и Монголии пока не отмечена. Для этого периода времени не характерны также и впускные погребения, аналогичные захоронению, раскопанному в насыпи комплекса №2.

Сооружение комплекса №2 происходило в определенной последовательности. После засыпки ямы над могилой возводился курган (рис. 4). Первоначально он имел четырехугольную форму. Вначале по его периметру выстраивалась стенка высотой 90 см и толщиной в основании 60 см. Кверху она сужалась до 40 см. Для ее строительства, вероятно, сооружалась деревянная опалубка, внутри которой засыпался белый суглинок со щебнем, который утрамбовывался, после чего на него засыпался следующий слой суглинка. О сооружении стенки в несколько приемов свидетельствуют прослойки серо-желтого, светло-серого и темно-бурого суглинка, перемежающиеся с белым суглинком. Внутреннее пространство, окруженное стенкой, засыпалось камнями, темно-бурым и белесым суглинком. Засыпка происходила послойно с дополнительной утрамбовкой. Заполненная камнями внутренняя часть кургана имела форму четырехугольника размером 7,5×6,5 м. Длинными сторонами эта конструкция ориентировалась по азимуту 80°, а короткими по азимуту 350°. С юга к четырехугольному кургану подходил пандус длиной 3 м и шириной 80 см, расширяющийся к югу (книзу) до 2,2 м. Пандус ориентирован по азимуту 350°. Он сложен из горизонтально уложенных каменных плит. Высота пандуса в северной части 90 см. Он примыкает к середине южной стенки кургана.

Размеры надмогильных конструкций и глубина могильных ям, как уже отмечалось на материалах могильника Окошки 1 (Харинский и др. 2012), зависели от социального статуса погребенного. Глубина ям варьировала от 0,3 до 2,0 м. В 73,3% захоронений

на дне ямы устанавливалась деревянная внутримогильная конструкция. В 5 захоронениях удалось определить её форму. В 1 случае это колода (комплекс №49), перекрытая сверху доской. В 4 захоронениях обнаружены остатки четырехугольного ящика (рамы) из досок. В комплексе №2 (погребение №1) зафиксирован фрагмент доски дна и часть плахи боковой стенки. В комплексе №5 обнаружена торцевая стенка и фрагмент боковой, а также, возможно, фрагменты доски крышки. В комплексе №29 найдены фрагмент торцевой стенки и дна деревянной внутримогильной конструкции.

Длина колоды из комплекса №49, в котором погребен ребенок, — 97 см, ширина северного конца 38 см, южного 28 см (рис. 19: 2). Высота колоды в северной части 28 см, в южной 22 см. Внутри колоды находится полость для покойника длиной 80 см. В северной части её ширина 23 см, в южной 16 см. Высота полости в северной части 18 см, в южной 13 см. Сверху колода закрывалась крышкой — доской толщиной 1 см, прибитой железными гвоздями к стенкам колоды. Три гвоздя вбито в широкую торцевую стенку колоды, два в узкую торцевую стенку и по одному в боковые стенки. Края крышки разрушились, вследствие чего её вдавило внутрь полости колоды. Размер сохранившейся части доски 17 × 70 см.

Практически полностью сохранилась внутримогильная деревянная конструкция в комплексе №17 (рис. 14). Она трапециевидной формы. Более широкая северная сторона (64 см), та, где располагалась голова и более узкая южная, та, где находились ноги (38 см). Высота северной торцевой стенки 40 см, южной торцевой — 31 см. Высота боковых стенок уменьшается с севера на юг с 40 см до 31 см. Северная стенка состоит из трех продольных досок: верхняя шириной 14 см, средняя 8 см и нижняя 14 см. Южная стенка состоит из двух продольных досок: верхняя шириной 14 см, нижняя — 14 см. Западная стенка включает три продольные доски: верхняя шириной 13 см, средняя шириной 11 см и нижняя с южной стороны 3 см, а с северной 12 см. Восточная стенка по своей конструкции аналогична западной. Дно гроба состояло из 3 продольных досок: западная доска шириной от 19 см до 26 см, средняя — от 20 см до 23 см и восточная — от 5 до 15 см, все три с расширением в северной части.

Доски дна толщиной 4 см, толщина стенок и крышки 3 см. Боковые и торцевые стенки гроба установлены на дно. Торцевые стенки упираются в боковые. Крышка гроба

приколачивалась гвоздями и сверху крепилась металлической полосой-стяжкой. Торцевые стенки крепились с боковыми стенками соединением «в лапу». С двух концов боковых стенок имелось по два паза, в которые вставлялись зубья торцевых стенок. Дополнительно соединение скреплялось с помощью гвоздей. По два гвоздя забивали со стороны торцевой стенки в боковую, и по три гвоздя со стороны боковой стенки в торцевую. Днище прибивалось снизу к торцевым и боковым стенкам.

Остатки деревянной внутримогильной конструкции не зафиксированы в 3 погребениях могильника Окошки 1, расположенных на северо-восточной окраине некрополя, и во впускном погребении в курган комплекса №2. Возможно, в этой части могильника хоронили людей, относящихся к особой группе населения, что и выразилось в специфике погребального ритуала.

В некоторых захоронениях были обнаружены небольшие фрагменты бересты, что свидетельствует о том, что она также использовалась при сооружении внутримогильной конструкции. Не исключено, что берестой могли выстилать внутреннее пространство колоды или гроба, или оборачивать ею снаружи деревянную внутримогильную конструкцию. В могильной яме комплекса №48 не обнаружено остатков деревянной внутримогильной конструкции, но найдены фрагменты бересты. Возможно, в этом захоронении они были частями берестяной внутримогильной конструкции, использовавшейся самостоятельно, без деревянного обрамления.

В 5 захоронениях удалось установить положение погребенного. Во всех случаях он располагался вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Для тех захоронений, в которых кости погребенного не сохранили анатомического порядка, реконструировать положение и ориентировку погребенных можно по пропорциям могильной ямы. Судя по ним, высота вероятность того, что в большинстве разрушенных могил погребенные располагались вытянуто на спине. В 80% могил погребенные ориентированы головой в северном направлении (в диапазоне от 338° до 22°), в 13,3% — в северо-восточном (в диапазоне от 23° до 67°) и в 6,6% — в северо-западном направлении (в диапазоне от 293° до 337°). В трех захоронениях вместе с костями взрослых индивидов найдены останки детей. В комплексах №3 и 10 их обнаружили с костями женщин. В комплексе №25 они отмечены, вероятнее всего, с останками мужчины.

Заключение

Из трех групп погребальных конструкций, раскопанных на могильнике Окошки I, первая — захоронения под земляными курганами — не была зафиксирована на других могильниках XIII—XIV вв. на территории Монголии и Южной Сибири. Вероятно, она отражает влияние иных погребальных практик, возможно, имеющих китайское происхождение. Захоронения под невысокими каменными курганами и плоскими каменными кладками являются преобладающими среди монгольских захоронений имперского периода. Вместе с остальными компонентами погребального ритуала, встреченными в этих группах захоронений, они могут выступать как элементы, идентифицирующие монгольскую культуру этого времени.

К этой же категории культуруопределяющих элементов могут быть отнесены и деревянные внутримогильные конструкции. Полностью реконструировать большинство из них не удалось, но, судя по имеющимся материалам, значительная их часть была представлена деревянными трапецевидными ящиками — гробами; меньшая — колодами. Это, возможно, было связано с дефицитом подходящей древесины. Вследствие этого подобрать древесный ствол для сооружения детской колоды, как в комплексе №49, было проще, чем для взрослого покойника. В Юго-Восточном Забайкалье преобладают степные пространства, а небольшие перелески встречаются лишь на горах. При этом не у всех деревьев, растущих там, достаточно толстый ствол. Не исключено, что древесину для внутримогильных конструкций в долину Урулюнгуя и в другие остепненные районы, в которых проживали монголы, привозили с севера, где лесной ландшафт был преобладающим. Дефицит древесины отражался и в погребальной практике. В могилах, расположенных в северо-восточной части некрополя, в которых захоронены люди с низким социальным статусом, деревянные внутримогильные конструкции отсутствуют.

О том, что в северо-восточной части могильника погребены люди с низким социаль-

ным статусом, выполнявшие тяжелую работу, свидетельствуют и данные антропологии. Мужчина из комплекса №20 имел патологические изменения в опорно-двигательном аппарате, что свидетельствует о больших физических нагрузках на позвоночный столб (поясничные позвонки с признаками грыжи), пояс верхних конечностей, а также кисти рук в области запястья. Большие физические нагрузки на шею испытывала женщина из комплекса №13, о чем свидетельствует деформация тел позвонков её шейного отдела (остеохондроз).

Значительное разнообразие погребальных конструкций и их деталей на могильнике Окошки 1 свидетельствует о достаточно пестром составе населения Хирхирина городского типа. Родовые связи, формирующиеся, в том числе, и на представлениях о родовой территории и месте погребения представителей рода, у населения города в основном были утрачены. Вероятно, большую часть его жителей составляли люди, не связанные своим происхождением с долиной Урулюнгуя. Отсутствие возможности похоронить умершего на родовой территории привело к созданию вблизи города Есунке кладбища, на котором погребали представителей разных социальных групп, отличающихся как по своему положению в обществе, так и по происхождению. Подтверждением этому служат останки женщины из комплекса №47 с признаками смешения монголоидного и европеоидного типов.

Время существования могильника определяется серией радиоуглеродных дат. Самая ранняя из них, полученная по человеческим костям из комплекса №5, в западной части могильника, соответствует 1215—1410 гг. (калиброванный возраст). Наиболее поздняя дата, по костям из комплекса №17 в центральной части некрополя, соотносится с 1318—1442 гг. (калиброванный возраст). Таким образом, время существования могильника можно определить серединой XIII — началом XV вв. К этому же времени относится и существование Хирхирина городского типа, что в очередной раз подтверждает синхронность существования этих двух археологических объектов.

Литература

- Алексеев В.П. 1966. *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.
 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.
 Артемьев А.Р. 2001. Новые исследования горо-

да монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII—XIV вв.). В: Артемьев А.Р. (ред.). *Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай*. Материалы междунар. науч. конф. Владивосток: ДВО РАН, 253—165.

- Артемьев А. Р. 2003. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья. В: Корусенко М. А., Тихонов С. С., Томилов Н. А. (отв. ред.). *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Сборник научных трудов. Омск: Наука, 134—136.
- Артемьев А. Р. 2005. Древнемонгольские города Восточного Забайкалья XIII—XV вв. В: *Динамизм людей, вещей и технологий на северо-востоке Азии в средние века 2*. Материалы международного симпозиума. Владивосток, 2005. Токио: Chuo University, 11—30.
- Артемьев А. Р. 2005а. Новые исследования средневековых поселений Забайкалья. *Вестник ДВО РАН* (2), 3—18.
- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. 1984. *Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья*. Новосибирск: Наука.
- Багашев А. Н. 2000. *Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа*. Новосибирск: Наука.
- Баяр Д. 1999. *Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшиг судалсан нь (Исследование могил представителей золотого рода)*. Улаанбаатар хот (на монг. яз.).
- Бужилова А. П. 1995. *Древнее население (палеоантропологические аспекты исследования)*. Москва: ИА РАН; РГНФ.
- Гохман И. И. 1980. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов. *СМАЭ* 36, 5—34.
- Дебец Г. 1926. Могильник железного периода у с. Зарубино. *Бурятоведение* (2), 14—16.
- Дебец Г. Ф. 1948. *Палеоантропология СССР*. ТИЭ IV. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Дебец Г. Ф. 1951. *Антропологические исследования в Камчатской области*. ТИЭ XVII. Москва: АН СССР.
- Дремов В. А. 1986. Измерения черепов и скелетов из неолитических могильников Усть-Иша и Иткуль (Верхнее Приобье). *Проблемы антропологии древнего и современного населения Северной Азии*. Новосибирск: Наука, 56—73.
- Дремов В. А. 1997. *Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк)*. Томск: ТомГУ.
- Забайкальские тунгусы. Окончание. 1822. *Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским*. 1822 год, кн. 19—20. Санкт-Петербург: Типография Департамента народного просвещения, 311—320.
- Именохоев Н. В. 1988. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде (предварительные результаты исследования). *Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье*. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 108—128.
- Именохоев Н. В. 1989. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии). В: Михайлов Т. М. (ред.). *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века*. Новосибирск: Наука, 55—62.
- Именохоев Н. В. 1992. Раннемонгольская археологическая культура. В: Коновалов П. Б. (отв. ред.). *Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии*. Новосибирск: Наука, 23—48.
- Киселев С. В. 1958. Древние города Забайкалья. *СА* (4), 107—119.
- Киселев С. В. 1961. Город монгольского Исункэ в Забайкалье. *СА* (1), 103—127.
- Киселев С. В. 1965. Город на реке Хирхира. В: Киселев С. В. (отв. ред.). *Древнемонгольские города*. Москва: Наука, 23—58.
- Ковычев Е. В. 1984. *История Забайкалья (I — сер. II тыс. н. э.)*. Иркутск: ИРГУ.
- Ковычев Е. В. 2004. Далекое прошлое Поононья. В: Кулаков В. С. (науч. ред.). *История и география Оловянинского района*. Чита: Поиск, 4—95.
- Коновалов П. Б. 1989. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья. В: Михайлов Т. М. (ред.). *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века*. Новосибирск: Наука, 5—20.
- Крадин Н. Н. 2017. Кому принадлежали города монгольского времени в Забайкалье. В: Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе 2*. Барнаул: АлтГУ, 117—120.
- Крадин Н. Н., Харинский А. В., Бакшеева С. Е., Ковычев Е. В., Прокопцев С. Д. 2016. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье. *Stratum plus* (6), 7—43.
- Павлуцкий А. 1867. Краткое описание т. н. чудских древностей, имеющихся вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника. *Записки СОРГО* 9—10. Иркутск, 475—507.
- Поздняков Д. В. 2002. Антропологический тип населения Лесостепного Алтая (по материалам могильника Телеутский Взвоз-1). Приложение I. В: Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А. *Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время*. Барнаул: АлтГУ, 168—199.
- Рыкун М. П. 2013. *Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры)*. Барнаул: АлтГУ.
- Туголуков В. А. 1975. Конные тунгусы (этническая история и этногенез). В: Гурвич И. С. (отв. ред.). *Этногенез и этническая история народов Севера*. Москва: Наука, 78—110.
- Тумэн Д. 1985. *Вопросы этногенеза в свете данных палеоантропологии*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Хамзина Е. А. 1970. *Археологические памятники Западного Забайкалья*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство.
- Харинский А. В. 2001. *Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. — сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация*. Иркутск: ИРГТУ.
- Харинский А. В. 2013. Погребальная практика монголов в XIII—XIV вв. В: Константинов М. В. (ред.). *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири II*. Мат-лы IV междунар. науч. конф. Чита: ЗаБГУ, 125—131.
- Харинский А. В. 2015. Монгольские погребения XIII—XIV вв. на территории Байкальского региона. В: Мандрыка П. В. (ред.). *Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири 2*. Хух-Хото: Музей Внутренней Монголии, 531—537.
- Харинский А. В. и др. 2010: Харинский А. В., Ковычев Е. В., Крадин Н. Н., Томор-Очир И., Литвинцев А. Ю., Луньков А. В. 2010. Погребальный ритуал населения Юго-Восточного Забайкалья во II тыс. н. э.: по материалам могильника Окошки. В: Цибиктаров А. Д. (отв. ред.). *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 247—250.
- Харинский А. В., Ковычев Е. В., Крадин Н. Н. 2011. Монгольские погребения XIII—XIV вв. из При-

- байкаль: общие и локальные черты. В: Макаров Н.А., Носов Е.И. (отв. ред.). *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда 2*. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: ИИМК РАН, 198—199.
- Харинский и др. 2012: Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Номоконов А.А., Литвинцев А.Ю. 2012. Могильник Окошки в Юго-Восточном Забайкалье: структурные особенности. *Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соёл = Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири* 3 (2). Улаанбаатар, МУИС-ийн Хэвлэх үйлдвэр = Улан-Батор: Монгольский государственный университет, 467—473.
- Харинский и др. 2014: Харинский А.В., Номоконова Т.Ю., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. 2014. Останки животных в монгольских захоронениях XIII—XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье). *РА* (2), 62—75.
- Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. 2016. Могильник Окошки I в юго-восточном Забайкалье и некоторые аспекты идентичности монголов в XIII—XIV вв. В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus, 65—68.
- Чижишева Т.А. 2012. *Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Bass W.M. 1987. *Human osteology: A Laboratory and Field Manual*. Missouri: Missouri Archaeological Society, 193—199.
- Bronk Ramsey C. 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radio-carbon* 51 (1), 337—360.
- Brook S., Suchey J. 1990. Skeletal Age Determination Based in the Os Pubis: a Comparison of the Acsadi-Nemesskeri and Suchey-Brooks Methods. *Human Evolution* 5 (5), 227—238.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. 1994. *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains*. Arkansas Archaeological Survey Research Series 44. Fayetteville.
- Grine et al. 1995: Grine F.E., Jungers W.L., Tobias P.V., Pearson O.M. 1995. Fossil Homo femur from Berg Aukas, northern Namibia. *American Journal of Physical Anthropology* 26, 67—78.
- Reimer et al. 2013: Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliadason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0—50,000 Years cal BP. *Radiocarbon* 55 (4), 1869—1887.
- Lovejoy et al. 1995: Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P. 1995. Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology* 26, 15—28.
- McHenry H.M. 1992. Body size and proportions in early Hominids. *American Journal of Physical Anthropology* 87, 407—431.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O. 1995. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of Skeletal Age Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology* 68, 57—66.
- Messerschmidt D.G. 1966. *Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 3. Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 — Februar 1725*. Berlin: Akademie Verlag.
- Ruff C.B., Scott W.W., Liu A.Y.-C. 1991. Articular and diaphyseal remodeling of the proximal femur with changes in body mass in adults. *American Journal of Physical Anthropology* 86, 397—413.
- Scheuer L., Black S. 2000. *Developmental Juvenile Osteology*. London: Academic Press.
- Scott E.C. 1979. Dental Wear Scoring Technique. *American Journal of Physical Anthropology* 51. doi: 10.1002/ajpa.1330510208

References

- Alekseev, V.P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniĭ (Osteometry. Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alekseev, V.P., Debets, G.F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniĭ (Cranio-metry. Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Artemiev, A.R. 2001. In Artemiev, A.R. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia istoriia Vostochnoi Azii. K 1300-letiiu obrazovaniia gosudarstva Bokhai (Early and Medieval History of Eastern Asia: to the 1300 Years Anniversary of Formation of the Bohai State)*. Vladivostok: Far East Branch, Russian Academy of Sciences, 253—165 (in Russian).
- Artemiev, A.R. 2003. In Korusenko, M.A., Tikhonov S.S., Tomilov N.A. (отв. ред.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniĭ (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Omsk: "Nauka" Publ., 134—136 (in Russian).
- Artemiev, A.R. 2005. In *Dinamizm liudei, veshchei i tekhnologii na severo-vostoke Azii v srednie veka (Dynamism of Men, Things, and Technologies in North-Eastern Asia in the Middle Ages)* 2. Tokyo: Chuo University, 11—30 (in Russian).
- Artemiev, A.R. 2005. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia RAN (Bulletin of the Far East Branch, Russian Academy of Sciences)* (2), 3—18 (in Russian).
- Aseev, I.V., Kirillov, I.I., Kovychev, E.V. 1984. *Kochevnikhi Zabaikal'ia v epokhu srednevekov'ia (Transbaikalian Nomads in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Bagashev, A.N. 2000. *Paleoantropologiia Zapadnoi Sibiri. Lesostep' v epokhu rannego zheleza (Palaeoanthropology of Western Siberia: the Forest-Steppe in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Baiar, D. 1999. *Altan urgiiin iazguurtny nĕgĕn bulshiiĕ sudalsan ni (Studies on Graves of the Representatives of the Genghisid Golden Clan)*. Ulaanbaatar khot (in Mongolian).
- Buzhilova, A.P. 1995. *Drevnee naselenie (Paleopatologicheskie issledovaniia) (Ancient Population: Paleopathological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Russian Foundation for Humanities (in Russian).
- Gokhman, I.I. 1980. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii (Collected Papers of the Museum of Archaeology and Ethnography)* 36, 5—34 (in Russian).
- Debets, G. 1926. In *Buriatovedenie (Buryat Studies)* (2), 14—16 (in Russian).
- Debets, G.F. 1948. *Paleoantropologiia SSSR (Paleoanthropology*

- of the USSR). Series: Trudy Instituta Etnografii (Proceedings of the Ethnography Institute) IV. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Debets, G. F. 1951. *Antropologicheskoe issledovaniia v Kamchatskoi oblasti (Anthropological Studies in the Kamchatka Oblast)*. Series: Trudy Instituta Etnografii (Proceedings of the Ethnography Institute) XVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Dremov, V. A. 1986. In *Problemy antropologii drevnego i sovremenno naseleniia Severnoi Azii (Issues of Anthropology of Ancient and Modern Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 56—73 (in Russian).
- Dremov, V. A. 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ia v epokhu bronzy (antropologicheskii ocherk) (Population of the Upper Obi Region in the Bronze Age: an Anthropological Essay)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
- Zabaikal'skie tungusy. Okonchanie (Transbaikal Tunguses: Ending). 1822. *Sibirskii vestnik, izdavaemyi Grigoriem Spasskim (Siberian Bulletin Edited by Grigorii Spassky)* 19—20. Saint Petersburg: Typography of the Department of National Education, 311—320 (in Russian).
- Imenokhovev, N. V. 1988. In Konovalov, P. B. (ed.). *Pamiatniki epokhi paleometalla v Zabaikal'e (Paleometal Sites in Transbaikal)*. Ulan-Ude: Buryat Division of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 108—128 (in Russian).
- Imenokhovev, N. V. 1989. In Mikhailov, T. M. (ed.). *Etnokulturnye protsessy v Iugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka (Ethnic-Cultural Processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 55—62 (in Russian).
- Imenokhovev, N. V. 1992. In Konovalov, P. B. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Buriatii i Mongolii (Medieval Archaeological Sites in Buryatia and Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 23—48 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 107—119 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 103—127 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 23—58 (in Russian).
- Kovychev, E. V. 1984. *Istoriia Zabaikal'ia (I — ser. II tys. n. e.) (History of Transbaikal in I — Mid-II Millennia AD)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
- Kovychev, E. V. 2004. In Kulakov, V. S. (ed.). *Istoriia i geografiia Olovianninskogo raiona (History and Geography of the Olovyannaya District)*. Chita: "Poisk" Publ., 4—95 (in Russian).
- Konovalov, P. B. 1989. In Mikhailov, T. M. (ed.). *Etnokulturnye protsessy v Iugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka (Ethnic-Cultural Processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 5—20 (in Russian).
- Kradin, N. N. 2017. In Derevianko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe (Proceedings of 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul and Belokurikha)* 2. Barnaul: Altai State University, 117—120 (in Russian).
- Kradin, N. N., Kharinsky, A. V., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 7—43 (in Russian).
- Pavlutskii, A. 1867. In *Zapiski Sibirskogo otdeleniia Russkogo geograficheskogo obshchestva (Bulletin of the Siberian Branch, Russian Geographical Society)* 9—10. Irkutsk, 475—507 (in Russian).
- Pozdniakov, D. V. 2002. In Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Kazakov, A. A. *Kurgannyi mogil'nik Teuletskii Vzvoz-I i kul'tura naseleniia lesostepnogo Altaia v mongol'skoe vremia (The Teuletsky Vzvoz-I Barrow Necropolis and the Culture of the Forest-Steppe Altai Population in Mongolian Time)*. Barnaul: Altai State University, 168—199 (in Russian).
- Rykun, M. P. 2013. *Paleoantropologiya Verkhnego Priob'ia epokhi rannego zheleza (po materialam kamenskoii kul'tury) (Paleoanthropology of the Upper Ob Basin in the Early Iron Age: by Materials of the Kamenka Culture)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- Tugolukov, V. A. 1975. In Gurvich, I. S. (ed.). *Etnogenez i etnicheska-ia istoriia narodov Severa (Ethnic Genesis and Ethnic History of the Peoples of the North)*. Moscow: "Nauka" Publ., 78—110 (in Russian).
- Tumen, D. 1985. *Voprosy etnogeneza v svete dannykh paleoantropologii (Issues of the Ethnic Genesis in the Light of Paleoanthropological Data)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Khamzina, E. A. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Zapadnogo Zabaikal'ia (Archaeological Sites in Western Transbaikal)*. Ulan-Ude: "Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Kharinsky, A. V. 2001. *Predbaikal'e v kon. I tys. do n. e. — ser. II tys. n. e.: genezis kul'tur i ikh periodizatsiia (Cis-Baikal in Late I Millennium BC—Middle II Millennium AD: genesis of cultures and their periodization)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University (in Russian).
- Kharinsky, A. V. 2013. In Konstantinov, M. V. (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikalskii Sibiri)* II. Chita: Transbaikal State University, 125—131 (in Russian).
- Kharinsky, A. V. 2015. In Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaia, Mongolii i Baikalskoi Sibiri (Ancient Cultures of Northern China, Mongolia and Baikalskii Sibiri)* 2. Hohhot: Museum of Inner Mongolia, Institute for Archaeology of Inner Mongolia, Academy of Sciences of the People's Republic of China, 531—537 (in Russian).
- Kharinsky, A. V., Kovychev, E. V., Kradin, N. N., Tomor-Ochir, I., Litvintsev, A. Yu., Lun'kov, A. V. 2010. In Tsubiktarov, A. D. (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikalskii Sibiri)*. Ulan-Ude: Buryat State University, 247—250 (in Russian).
- Kharinsky, A. V., Kovychev, E. V., Kradin, N. N. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. I. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod — Staraia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod — Staraya Russa)* 2. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 198—199 (in Russian).
- Kharinsky, A. V., Kovychev, E. V., Kradin, N. N., Nomokonov, A. A., Litvintsev, A. Yu. 2012. In *Mongol bolon Baigal nuur orchymn Sibiriin êrtmiï soël = Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikalskii Sibiri)* 3 (2). Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 467—473 (in Russian).
- Kharinsky, A. V., Nomokonova, T. Yu., Kovychev, E. V., Kradin, N. N. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 62—75 (in Russian).
- Kharinsky, A. V., Kovychev, E. V., Kradin, N. N. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiatii G. A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 65—68 (in Russian).
- Chikisheva, T. A. 2012. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita — rannego zheleznogo veka (Dynamics of the Anthropological Differentiation of the Population of the South of Western Siberia in Neolithic — Early Iron Age)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Bass, W. M. 1987. *Human osteology: A Laboratory and Field Manual*. Missouri: Missouri Archaeological Society, 193—199.
- Bronk Ramsey, C. 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radio-carbon* 51 (1), 337—360.
- Brook, S., Suchey, J. 1990. Skeletal Age Determination Based in the Os Pubis: a Comparison of the Acsadi-Nemesskeri and Suchey-Brooks Methods. *Human Evolution* 5 (5), 227—238.
- Buikstra, J. E., Ubelaker, D. H. 1994. *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains*. Arkansas Archaeological Survey Research Series 44. Fayetteville.

- Grine, F.E., Jungers, W.L., Tobias, P.V., Pearson, O.M. 1995. Fossil Homo femur from Berg Aukas, northern Namibia. *American Journal of Physical Anthropology* 26, 67—78.
- Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Haffidason, H., Hajdas, I., Hatté, C., Heaton, T.J., Hoffmann, D.L., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kaiser, K.F., Kromer, B., Manning, S.W., Niu, M., Reimer, R.W., Richards, D.A., Scott, E.M., Southon, J.R., Staff, R.A., Turney, C.S.M., van der Plicht, J. 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0—50,000 Years cal BP. *Radiocarbon* 55 (4), 1869—1887.
- Lovejoy, C.O., Meindl, R.S., Pryzbeck, T.R., Mensforth, R.P. 1995. Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology* 26, 15—28.
- McHenry, H.M. 1992. Body size and proportions in early Hom-
inids. *American Journal of Physical Anthropology* 87, 407—431.
- Meindl, R.S., Lovejoy, C.O. 1995. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of Skeletal Age Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology* 68, 57—66.
- Messerschmidt, D.G. 1966. *Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 3. Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 — Februar 1725*. Berlin: Akademie Verlag.
- Ruff, C.B., Scott, W.W., Liu, A.Y.-C. 1991. Articular and diaphyseal remodeling of the proximal femur with changes in body mass in adults. *American Journal of Physical Anthropology* 86, 397—413.
- Scheuer, L., Black, S. 2000. *Developmental Juvenile Osteology*. London: Academic Press.
- Scott, E.C. 1979. Dental Wear Scoring Technique. *American Journal of Physical Anthropology* 51. Doi: 10.1002/ajpa.1330510208.

**Н. Н. Крадин,
С. Е. Бакшеева,
Е. В. Ковычев,
С. Д. Прокопец,
А. В. Харинский**

Nikolay Kradin. Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences¹; Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences².

Крадин Николай Николаевич. Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

E-mail: kradin@mail.ru

Svetlana Baksheeva. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences³.

Бакшеева Светлана Евгеньевна. Кандидат исторических наук. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

E-mail: sarantceva@mail.ru

Evgeny Kovychyev. Candidate of Historical Sciences. Transbaikal State University⁴.

Ковычев Евгений Викторович. Кандидат исторических наук. Забайкальский государственный университет.

E-mail: kovychyevgeniy@mail.ru

Stanislav Prokopets. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences⁵.

Прокопец Станислав Данилович. Кандидат исторических наук. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

E-mail: sarantceva@mail.ru

Artur Kharinsky. Doctor of Historical Sciences. Irkutsk National Research Technical University⁶.

Харинский Артур Викторович. Доктор исторических наук. Иркутский национальный исследовательский технический университет.

E-mail: kharinsky@mail.ru

Addresses:^{1,3,5} Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690019, Russian Federation; ² Sakhyanova St., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; ⁴ Aleksandro-Zavodskaya St., 30, Chita, 672039, Russian Federation; ⁶ Lermontov St., 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation

Раскопки Хирхиринаского городища в Юго-Восточном Забайкалье

Keywords: Mongol Empire, Khirkhira town, nomadic urbanization, Genghis Khan, Qasar, Yesünggü

Ключевые слова: Монгольская империя, Хирхиринаское городище, города кочевников, Чингис-хан, Хасар, Есунке

N. N. Kradin, S. E. Baksheeva, E. V. Kovychyev, S. D. Prokopets, A. V. Kharinsky

Excavations of Khirkhira Town in South-Eastern Transbaikalia

Khirkhira site is a town of Mongol Empire period, located in Transbaikalia. It was used as a residence for Yesünggü, a nephew of Genghis Khan. It was a real town with a palace, elite homesteads, over a hundred dwellings, but without fortifications. This site was excavated by S. Kiselev in 1957—1959 and A. Artemjev in 1997—2005. The article discusses the results of excavations on one of the homesteads. The wooden pillars of the building rested on stone bases. There was a kang (heating system) inside of the building with traces of reconstructions. The kang was heated by two hearths situated in northern and western parts of the excavated area. Our studies on Khirkhira allowed revisiting the chronology of the site. Porcelain found there makes it possible to date this site not only by the time of its founder Yesünggü Khan's life, but also by the period of Yuan Dynasty (1206—1368) in 14th century. Besides, Khitan ceramics found in lower horizons of the unearthed homestead makes us conclude that this territory was inhabited already at the time of Liao dynasty (907—1125).

N. N. Kradin, S. E. Baksheeva, E. V. Kovychyev, S. D. Prokopets, A. V. Kharinsky

Раскопки Хирхиринаского городища в Юго-Восточном Забайкалье

Хирхиринаское городище — город Монгольской империи, расположенный в Забайкалье. Он был резиденцией Есунке — племянника Чингис-хана. Это был настоящий город с дворцом, усадьбами элиты, более ста жилищами, но без защитных укреплений. Этот памятник ранее раскапывался С.В. Киселевым в 1957—1959 гг. и А.Р. Артемьевым в 1997—2005 гг. В данной статье обсуждаются результаты новых исследований на одной из усадеб в 2014 г. Были раскопаны остатки здания с деревянными колоннами на каменных базах. Внутри здания находилась система отопления — кан, который нагревался двумя очагами, расположенными в северной и западной частях здания. Наши исследования Хирхиринаского городища позволяют пересмотреть хронологию памятника. Найденный там фарфор дает основания расширить время существования города на весь период правления династии Юань (1206—1368). Кроме того, в нижних горизонтах здания была обнаружена киданьская керамика, что позволяет сделать вывод о заселении данной территории во время династии Ляо (907—1125).

■ This study was supported by the Government of the Russian Federation, grant project no. 14.W03.31.0016

“Dynamics of Peoples and Empires in History of Inner Asia” ■ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительств Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

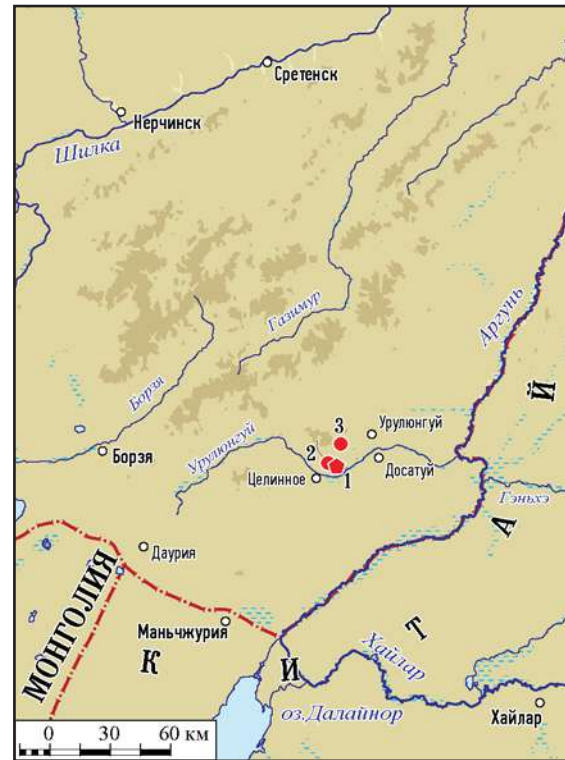
© Н. Н. Крадин, С. Е. Бакшеева, Е. В. Ковычев, С. Д. Прокопец, А. В. Харинский, 2019.

Введение

Монгольская держава была второй по размеру территории империей в мировой истории. Она оказала большое влияние на направленность и ход истории разных народов Евразии, стимулировала многие процессы, которые впоследствии сыграли свою роль в судьбах различных государств континента. Создание империи Чингис-хана привело к так называемой средневековой или монгольской глобализации, складыванию широкомасштабной сети технологических и культурных обменов (Крадин, Скрынникова 2006).

Одной из важных сторон данной глобализации было масштабное градостроительство от Внутренней Монголии до левобережья Волги и Причерноморья. Широкое распространение получил феномен «имперских столиц» — крупных мегаполисов, которые являлись центрами политической власти, международной торговли, производителями новых мод и высокой культуры. Процессы урбанизации затронули не только оседло-земледельческие районы или контактные зоны. В определенной степени градостроительство затронуло степной «хартленд» и даже окраинный «хинтерланд». В историческом центре монгольских степей, в долине Орхона была построена первая столица империи — город Каракорум (монг. Хархорин). В окраинных забайкальских степях были построены города, дворцы и отдельные усадьбы (Киселев 1965; Данилов 2004).

Один из самых известных памятников монгольского времени — Хирхириновское городище, которое находится в России, на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе. Памятник расположен в приустьевой части р. Хирхира (Кир-Кира), на низкой надпойменной террасе левого берега р. Урулюнгуй (рис. 1). В литературе Хирхириновское городище обычно связывается со знаменитым «Чингисовым камнем», на котором выбита самая древняя надпись на старомонгольском языке (рис. 24) и интерпретируется как резиденция хана Есунке (Исункэ) — племянника Чингис-хана (Киселев 1965: 54—57). Городище вытянуто по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток почти на два километра и примерно на 700 м по линии север — юг. Площадь памятника составляет около 118 га. К огромному сожалению, несмотря на федеральный охраняемый статус памятника, его южная часть несколько лет назад была распахана местным совхозом, что нанесло памятнику мирового значения серьезный урон.

Рис. 1. Местонахождение Хирхириновского городища и ближайших одновременных монгольских памятников в Забайкалье. 1 — Хирхириновское городище; 2 — могильник Окошки; 3 — Алестуй.

Fig. 1. Location of Khirkhira town and the nearest Mongol sites of the same time in Transbaikalia. 1 — Khirkhira town; 2 — Okoshki cemetery; 3 — Alestui.

Остатки построек и стен усадеб до сих пор хорошо прослеживаются на поверхности городища. На памятнике расположены четыре большие обвалованные конструкции подпрямоугольной формы, которые можно условно обозначить как «усадьбы», а также несколько десятков небольших усадеб и более 100 отдельных жилищ. Большие усадьбы вытянуты в одну линию примерно с запада на восток. В западной и центральной частях города усадьбы расположены отдельно друг от друга, в восточной — объединены в сложную систему улиц и проулков. Вокруг усадеб и между ними группируются конструкции и строительные объекты меньшего размера. Расстояние между большими усадьбами не превышает 350 м (рис. 2).

Самая большая усадьба расположена в юго-восточной части памятника, в 350 м к западу от берега Хирхиры. Она подквадратной формы, ориентирована почти по сторонам света, размером около 150×150 м (22,5 тыс. кв. м), окружена валом с воротами и рвом. Внутри находился дворец, возведен-

Рис. 2. Хирхиринаское городище. План. Местонахождение исследованной усадьбы (раскоп 9). Цифрами обозначены номера раскопок.

Fig. 2. Khirkhira town. Plan. Location of the studied homestead (dig 9). Numbers indicate digs.

ный на искусственной платформе (15×30 м) с пандусом. По всей видимости, это была резиденция местного хана. С северной и восточной стороны к ней примыкают примерно 30 построек разной величины, площадью от 0,5 до 2 тыс. кв.м. Здесь зафиксированы улицы и переулочки.

Вторая усадьба немного меньше первой, площадью 22 тыс. кв.м. С северной стороны к этой усадьбе примыкают порядка полутора десятков небольших усадебных строений. Внутри второй усадьбы расположены две отдельные, прямоугольные в плане. Одна из них размером 40×50 м, вторая 30×40 м. Третья усадьба прямоугольной формы, размером 80×100 м. Внутри нее располагается еще один обвалованный участок размером 35×50 м. В северной ее части находится большое здание на платформе. С северной стороны к усадьбе примыкают около двух десятков небольших строений. Четвертая усадьба трапециевидной формы, площадью 5 тыс. кв.м. К северу от линии усадеб прослеживалось большое здание. В северной части также расположены остатки нескольких конструкций и отдельно стоящие жилища.

К северу от Хирхиринаского городища, на ближайшей возвышенности находится мо-

гильник Окошки монгольского времени (Киселев 1961; Харинский, Номоконова, Ковычев, Крадин 2014). В 9 км к северо-востоку от города располагалась отдельно стоящая усадьба Алестуй (Крадин, Саранцева, Харинский, Ковычев 2012) (рис. 1).

История исследования

Хирхиринаское городище было открыто Д.Г. Мессершмидтом 10 сентября 1724 г. (Messerschmidt 1966: 136—137) и впоследствии посещалось разными исследователями. Однако целенаправленные раскопки начались только в середине XX в. В 1957—1959 гг. на городище работала советско-монгольская археологическая экспедиция под руководством С.В. Киселёва. Им были заложены четыре раскопа в разных частях памятника, а также велись раскопки на могильнике Окошки. С.В. Киселевым был также снят глазомерный план городища. Результаты раскопок были опубликованы в журнале «Советская археология» (Киселев 1958: 107—119; 1961: 103—127), а затем вошли в качестве раздела в фундаментальный труд «Древнемонгольские города» (Киселев 1965: 23—58). Материалы, собранные на памятнике, находятся

в разных музеях страны — это Читинский областной музей (ныне — Забайкальский краеведческий музей им. А.К. Кузнецова, Чита), часть материалов попала в Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), а также, вероятно, в ГИМ (Москва).

В восточной части городища была расположена ставка хана. В центре усадьбы располагался дворец хана (15×30 м), построенный на искусственной платформе, а также небольшие помещения. Раскопки показали, что дворец имел деревянные стены и четырехскатную крышу, покрытую черепицей, отапливался при помощи двух топков, теплый воздух от которых проходил под полом по канам. Пол был выложен сырцовым кирпичом. Вход в здание представлял собой пандус, также кирпичный. Дворец была окружен рвом и валом, огораживающим участок квадратной формы со сторонами 150 м. С южной и, возможно, восточной стороны имелись ворота.

Другой раскоп был заложен с целью установления конструкции вала и рва усадьбы и для определения функционального назначения располагавшейся здесь постройки. Основу вала образовывали прослойки строительных остатков — битых кирпича и черепицы; вал был обмазан глиной. Поверх вала находился деревянный частокол. Выяснилось, что вал был сооружен поверх более раннего здания. Третий раскоп вскрыл часть центральной постройки одной из восточных усадеб, стены ее были глинобитными, пол вымазан глиной. Пространство разделено на отдельные помещения, стены-перегородки сложены из сырцового кирпича в несколько ярусов. Четвертый раскоп был заложен на северо-восточной окраине городища. Здесь были найдены остатки глинобитных стен постройки, пол которой был утопан, а в заполнении было зафиксировано большое количество угля, золы и шлаков. Это позволило заключить, что постройка является кузнечной мастерской. В процессе раскопок были исследованы дворец, жилища с канами, ворота, найдено много строительных материалов (черепица, кирпичи), орудия труда и предметы быта, вооружение, украшения (Киселев 1965: 23—58). С.В. Киселев датировал памятник XIII в. и предположил, что дворец погиб в результате пожара (Киселев 1965: 45).

С 1997 по 2005 гг. городище исследовалось Амурской археологической экспедицией под руководством А.Р. Артемьева (2005). Им было заложено 4 раскопа. Раскоп 1, небольшой по размеру, располагался в северо-восточной части городища, возле проселоч-

ной дороги. Объекты в этом месте зафиксированы не были. Раскоп 2 находился севернее исследованной С.В. Киселевым ханской усадьбы, на месте грабительских шурфов. В этом месте в течение нескольких полевых сезонов была исследована одна из усадеб. Территория была окружена оградой, сложенной из сырцового кирпича, сохранившейся на высоту до 0,5 м. Здесь были найдены остатки центрального жилища, где сохранился П-образный кан. Северная и южная секции кана были покрыты камнями, западная — сырцовым кирпичом. Стены внутри постройки также были сложены из сырцового кирпича. Ими же был выложен и пол. Рядом было найдено еще одно жилище, но кан здесь был иной — Г-образный, двухсекционный. Остатки очага не сохранились. Еще одна постройка, найденная в границах этой же усадьбы, также представляла собой жилище с Г-образным каном. Севернее этой постройки находилась мусорная яма. Южная, незастроенная территория этой усадьбы использовалась в хозяйственных нуждах. Третий, небольшой раскоп располагался на месте грабительской ямы справа от въездных ворот в ханскую усадьбу. Здесь оказалась свалка строительного мусора.

Четвертый раскоп находился на месте самой западной из больших усадеб городища. Во время исследования было обнаружено здание колоннадного типа площадью 261 кв. м. Стены постройки были глиняные; сохранились остатки каркасно-столбовой конструкции стен и плетня. Крыша здания покоилась на 12 колоннах. Здание являлось административным. В северо-восточном углу усадьбы располагалась постройка с каном.

Среди находок на городище представлены предметы быта, вооружение, украшения, бронзовый 12-летний календарь, железная вилка, скорее всего, попавшая из Европы. Были также получены радиоуглеродные даты по западной усадьбе (1330—1420 гг.), которые расширили время существования памятника (Артемьев 2005).

Описание раскопок

В 2010 г. при визуальном осмотре городища было обнаружено, что ранее подвергшаяся разрушению культурного слоя южная часть городища еще раз была распахана и засеяна зерновыми. На распаханном участке был собран подъемный материал в виде фрагментов поливных сосудов. Об факте разрушения южной части уникального памятника было немедленно сообщено в органы охраны

памятников истории и культуры Забайкальского края. Поскольку оказалось, что разрушение памятника продолжается, было принято решение о начале раскопок в этом месте (рис. 3).

Исследованная в 2014 г. усадьба (третья в направлении с востока на запад), как уже упоминалось ранее, прямоугольной формы. Очевидно, в ее центре находилось большое здание на платформе, точные размеры которой восстановить сложно по причине ее распадки. Возможно, они составляли около 80×100 м, таким образом, общая площадь объекта составила не менее 8 тыс. кв. м. Было решено разбить раскоп на месте уцелевшей северной части предполагаемой постройки (рис. 4).

Размеры раскопа 9 — 20×10 м. Раскоп был ориентирован по сторонам света, длинной стороной по линии запад-восток, и разбит на метровые квадраты. Нумерация квадратов с севера на юг — латинскими буквами от А до J, с запада на восток — цифрами от 1 до 20. Для удобства заложены раскоп был поделен пополам на два больших участка — западный и восточный; каждый из них был разделен на четыре сектора. С целью изучения стратиграфии объекта были оставлены четыре контрольные бровки шириной 30 см. Три из них, поперечные, проходили по линии север-юг между кв. 5/6, 10/11, 15/16, одна — продольная, по линии запад-восток между кв. Е/Ф (рис. 5).

Поверхность раскопа была покрыта густой частой травой (рис. 4). Видимых следов нарушения культурного слоя, кроме остатков старой пахоты и небольшой норы, не обнаружено. Следы распадки явно проходят в самых южных квадратах раскопа. В кв. J-15 зафиксирован вывороченный из культурного слоя большой камень, возможно, некогда являвшийся каменной базой колонны.

В процессе снятия дерна (пласт 1) и зачистки в раскопе фиксировались отдельные камни, лежащие на поверхности раскопа безо всякой системы, или одиночные, вертикально стоящие камни, основания которых были скрыты в земле. Здесь встречены кости животных, мелкие бесформенные фрагменты кирпича и черепицы. В южной части сектора VIII по линии запад-восток прослеживались три полосы серого цвета шириной 10—14 см, очевидно, являвшиеся следами от плуга. В процессе разбора дерна уже в этом пласте были найдены шесть фрагментов (стенок) поливных сосудов.

На пласте 2 раскопа в кв. С/D-3/4 был зафиксирован небольшой участок прокала, рас-

положенный к востоку от вертикально стоящих камней. В кв. D-1 обнаружено скопление костей, уходившее глубже в пласт 3. В отложениях второго пласта были найдены фрагменты стенок, венчика и дна поливных сосудов, фрагмент фарфорового сосуда с росписью синей краской, бронзовая заклёпка-штырёк, железный гвоздь.

В западной части раскопа были найдены остатки кана (рис. 6). Здесь зафиксированы следы очага и три дымоходных канала. Очаг располагался в кв. G/H-1/2. Заполнение очага составлял прокаленный слой оранжевого цвета. С севера и юга предположительное место очага ограничено двумя вертикально поставленными камнями, расстояние между ними 45 см. Дымоходные каналы сверху были серого цвета. Заполнение дымоходов — темно-коричневый суглинок с вкраплениями прокаленного грунта. Ширина дымоходов 20, 20 и 15 см. Глубина дымоходных каналов 10, 10 и 5 см. Между 1-м и 2-м каналами видна перемычка из яркого светло-коричневого суглинка. Аналогичная перемычка имеется между 2-м и 3-м каналами. К западу от дымоходов находится котлован с заполнением из темно-серого суглинка, который уходит в северо-западную часть раскопа.

По линии между кв. В/С зафиксированы остатки деревянных столбов в кв. С-2 и С-4 (рис. 6; 7). Расстояние между ними в направлении с запада на восток — 2,14 м. Диаметр столба в кв. С-2 — 9 см. В кв. D/E-2 зафиксированы камни, возможно, связанные с каном из юго-западной части раскопа.

При исследовании пласта 3 в кв. H/I-9, H/I-6 зафиксированы каменные базы колонн, в кв. F-9, F-8 — камни, которые, очевидно, были связаны с каном. В кв. E-2 был зафиксирован угол кана, проявившегося в кв. G/H-1/2 на предыдущем пласте, ограниченного несколькими вертикально стоящими камнями. Колено заворачивает на восток, и дымоход прослеживался до кв. E-4. Здесь зафиксирован Г-образный поворот, и кан уходит в восточную бровку.

В кв. В-2, В-4 найдены остатки деревянных колонн. В кв. G-1/2 — вертикально стоящий камень от кана, относящегося ко 2 пласту. От него к северу едва прослеживается дымоходный канал, идущий в северном направлении. Около бровки или в ней он поворачивает на восток. Здесь канал особенно хорошо виден рядом с бровкой в кв. F-3/4. В северо-восточном углу сектора VII — красное горелое пятно, примыкающее к восточной стенке в кв. A20, размером около 60 см. Здесь встречены фрагменты сильно обожжённого дере-

Рис. 3. Хирхиринское городище, 2014 г. Вид на памятник с запада.

Fig. 3. Khirkhira town, 2014. View on the site from the west.

Рис. 4. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Дневная поверхность. Вид с севера.

Fig. 4. . Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Daylight surface. View from the north.

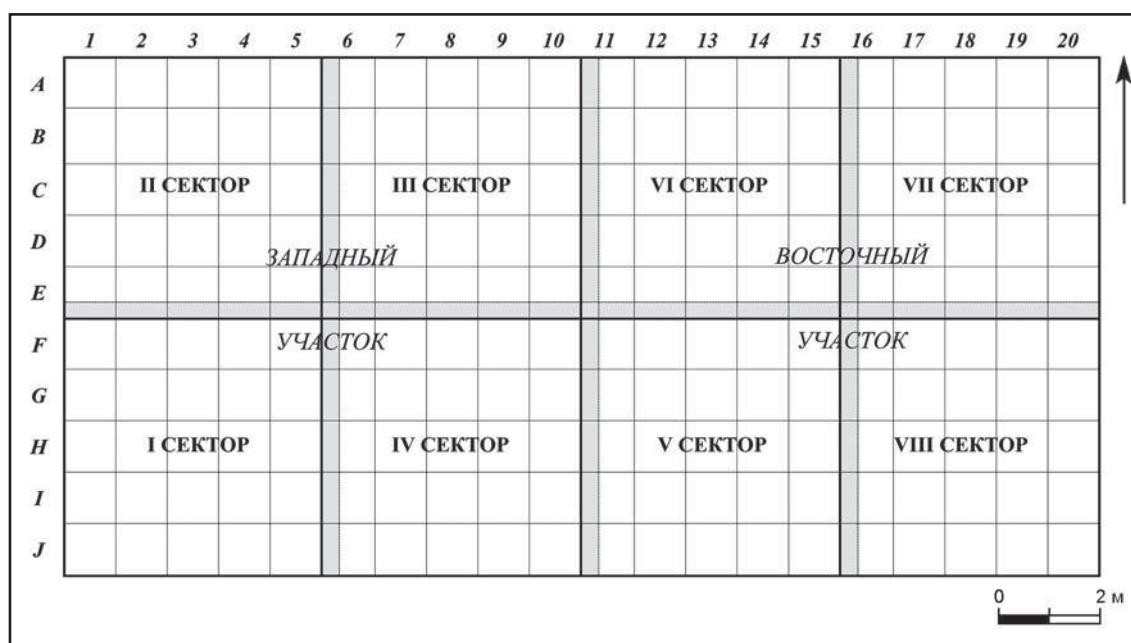

Рис. 5. Ситуационный план раскопа 9.

Fig. 5. Situational plan of dig 9.

ва. В секторе V в кв. F-15 найден фрагмент деревянного бруска. В кв. J-14/15 также зачищены два канала. Их удалось проследить лишь на небольшую длину — около 75 см. Этот пласт содержал много находок, в основном это керамика, покрытая глазурью (преимущественно фрагменты стенок), и шлак.

Пласт 4 оказался чрезвычайно насыщен. В юго-западном углу сектора VII продолжалось пятно черного суглинка (платформа) полукруглой формы. Зачищены камни, впервые выявленные на предыдущем пласте. Возможно, они являлись основанием под колонну, располагавшуюся на самом краю постройки. Северный край сектора покрыт мешаным черно-желтым суглинком, вероятнее всего, предматериковым. Это заполнение имело продолжение в секторе VI.

В секторе V зафиксированы остатки кана. Кан не имел покрытия и, очевидно, был разобран еще в средневековье. От него сохранились лишь дымоходные каналы с заполнением темно-серого, серого и коричневого цветов, поверхность которых не всегда хорошо прослеживается. В кв. F-13 зафиксированы остатки лежащего деревянного бруска. В кв. H/I-13/14 сохранились остатки деревянных брусков, стоящие вертикально, по самому краю дымоходного канала. Вероятно, они играли роль каркаса для дымоходного канала кана.

В секторе II в кв. B/C-2/3, D-1 и C-4 зачищены остатки столбов, отмеченные ранее.

При этом в кв. B/C-2 удалось зафиксировать нижнюю часть столба с камнем в основании (рис. 8). В кв. H-2 зафиксированы остатки еще одного деревянного столба, а в кв. J-3 — красно-оранжевое пятно прокала. В процессе исследования этого пласта были найдены игральная фишка из стенки глазурованного сосуда, фрагменты поливных сосудов.

Более-менее ясная картина на раскопе начинает проявляться начиная с пласта 5 и особенно в процессе разбора пласта 6, на глубине 40—60 см. В секторе VII при разборе пласта 5 проявился желтый суглинок в северо-восточном углу — очевидно, материковая поверхность, конец платформы здания. После зачистки I сектора была выявлена следующая ситуация. В северном углу находились остатки 2-х дымоходов, которые разбирались ранее в кв. F-2/3. Ширина их каналов 40 и 28 см. Кроме того, прослеживаются еще 2 дымоходных канала зигзагообразной формы, идущие условно по линии юго-запад — северо-восток. Один из них уходит в северную стенку сектора, другой — в восточную. Ширина каналов около 20 см. В бровке в кв. H/G-1 и рядом в кв. H-1 заметно пятно прокала, которое уходит за пределы раскопа на запад. Еще один дымоход прослеживается в бровке на границе кв. H/I-1. Здесь также видны следы прокала, канал идет по линии запад-восток и теряется примерно на границе кв. I-3/4. В кв. I/J-3 находится пятно прокала ярко-оранжевого цвета, подково-

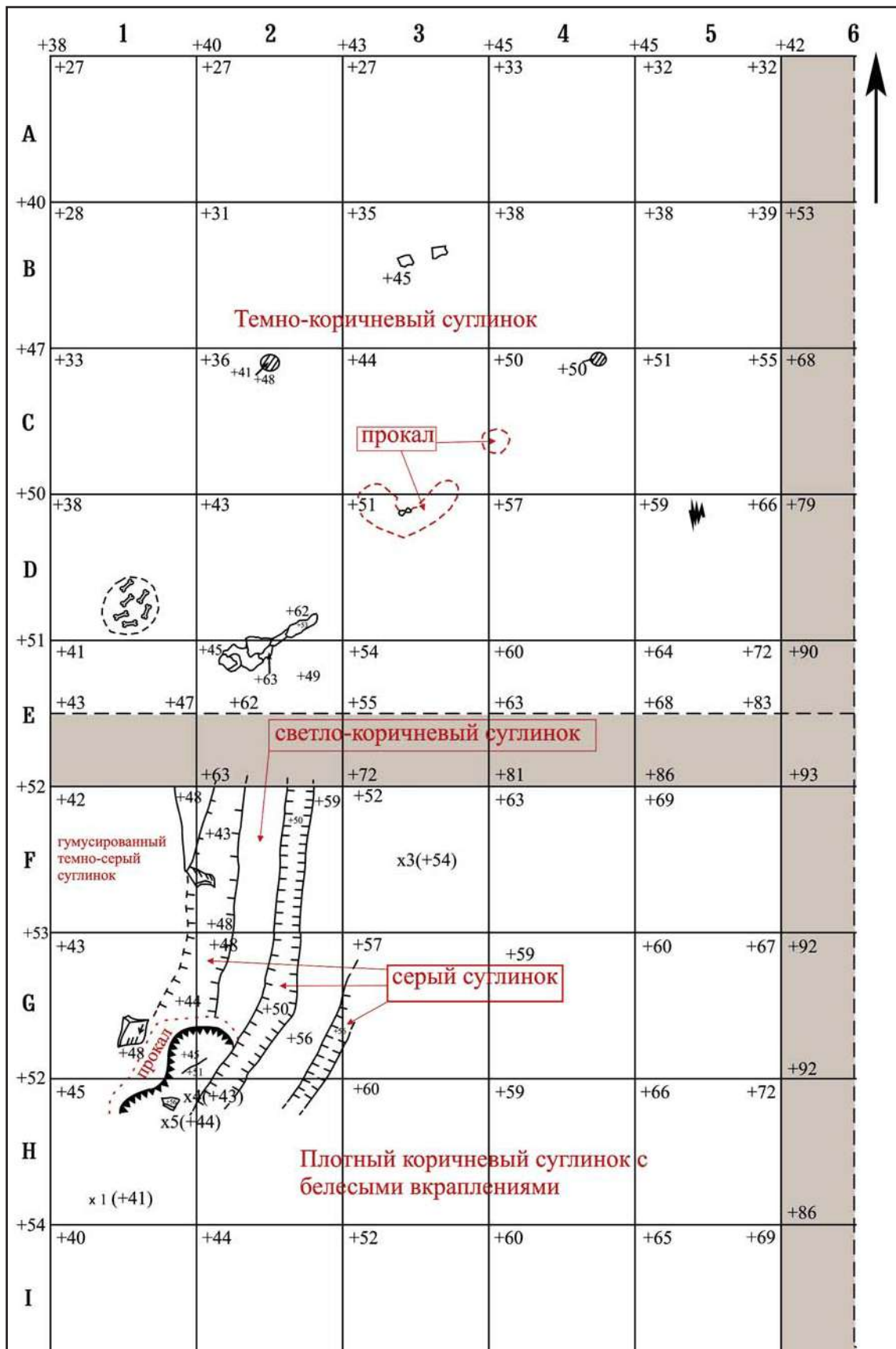

Рис. 6. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок после снятия пласта 2 с остатками отопительной системы.

Fig. 6. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section after removal of layer 2. With remains of the heating system.

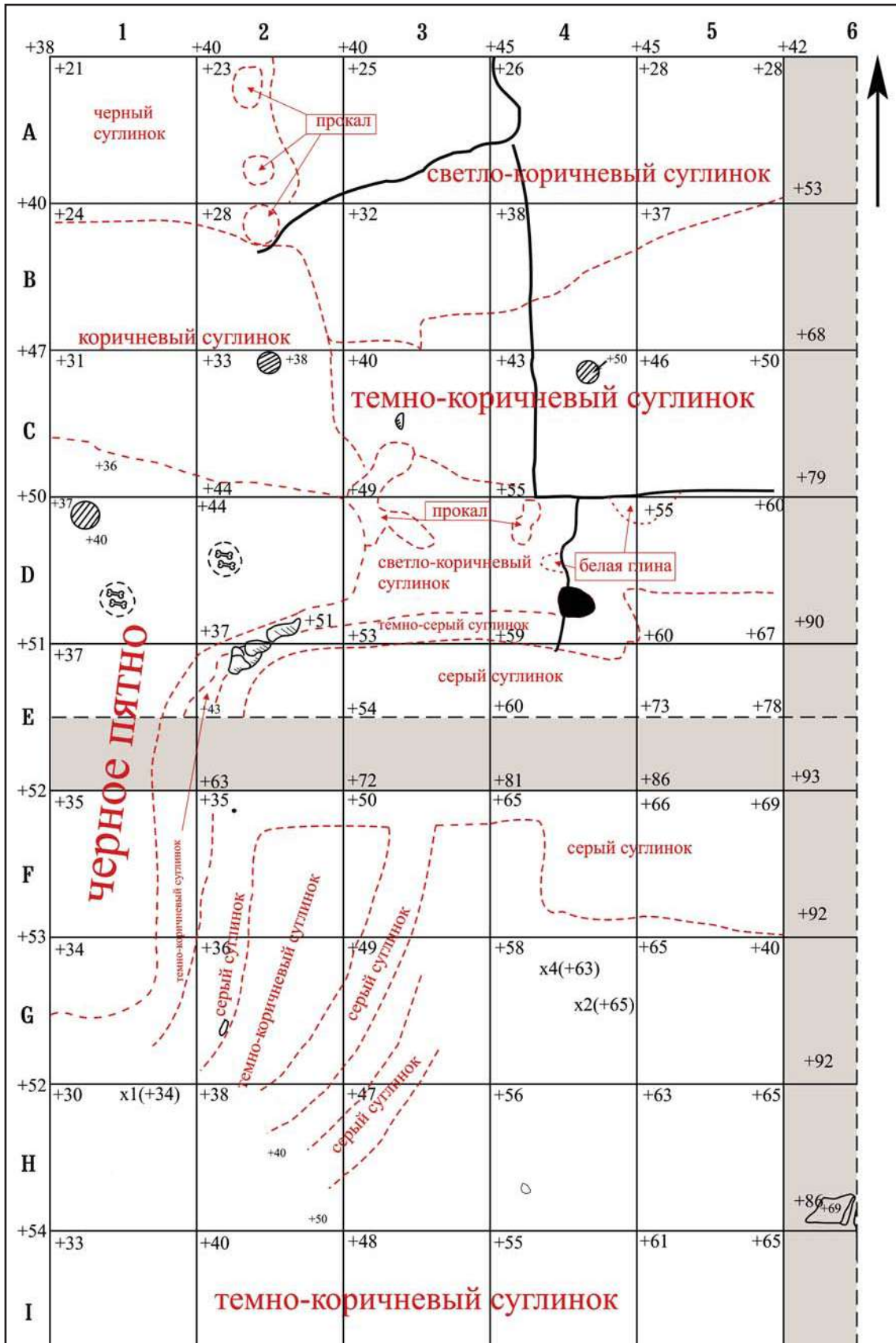

Рис. 7. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок после снятия пласта 3 с остатками отопительной системы.

Fig. 7. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section after removal of layer 3. With remains of the heating system.

Рис. 8. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок. Деревянный столб с базой-опорой на границе кв. В/С-2/3 после снятия пласта 4. Вид с юго-запада.

Fig. 8. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section. Wooden pillar and its support on the border of В/С-2,3 square, after removal of layer 4. View from the south-west.

образной формы — остатки сооружения. Пятно сужается с северной стороны и расширяется с южной (рис. 9).

На уровне пласта 5 были выбраны дымоходные каналы кана в секторе V. После их тщательной зачистки ситуация выглядит следующим образом (рис. 10). На границе кв. I-15/16 находился выход, очевидно, очага, или, возможно, печи, следы которой не зафиксированы. В кв. I-15 дымоход разделяется на несколько различных каналов, которые следуют из этого места в направлении к северо-западу и условному центру раскопа. В отдельных частях можно проследить, что стенки дымохода выложены камнями, иногда имеют деревянный каркас. Заполнение дымоходов — темно-серого, местами черного цвета с пеплом и углями (рис. 11). В кв. F13 найдены остатки дерева.

При разборке дымоходного канала в восточной части сектора V было зафиксировано, что он сложен из сырцовых кирпичей. Ширина одного из них 14 см, толщина 9 см. Ширина дымохода в этом месте 26 см. Кроме сырца, для стенок использовались камни (рис. 10; 11). В процессе зачистки пласта 5 были найдены железный гвоздь и фрагмент стенки фарфорового сосуда.

После выборки пласта 6 и зачистки в основной части сектора VII выступил желтый материковый суглинок. Только в юго-западном углу сектора зафиксированы остатки насыпной платформы светло-коричневого и местами серого цвета. В кв. D/E-17/18 расчищена каменная база, состоящая из двух ровно подогнанных друг к другу камней размерами 0,36×0,27 и 0,38×0,24 м. В кв. D-13 находится плоский камень — по-видимому, база от колонны. Вероятно, база была по форме близкой к ромбу; на дне один край отколот, размеры 0,68×0,48 м. В 0,6 м к северу находится еще один камень.

Был сделан разрез печи, зачищенной в кв. I/J-16/17 (рис. 13). Ее размеры 20×0,80 м. К сожалению, печь гораздо худшей сохранности, чем найденная на противоположном конце здания. Ясно только, что она также была сложена из камня и кирпича. Печь уходит в бровку между кв. 15/16 и подходит к каналам кана. Очевидно, таким образом, что печью отапливался кан, найденный в секторе V.

В секторе V после частичного разбора кана и зачистки в кв. F-13 проявились остатки деревянной конструкции каркаса каналов кана, аналогично найденным ранее в кв. H/I-13.

Рис. 9. Хирхирина городского, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок. Сектор I. Зачистка остатков печи и трех дымоходных каналов, уходящих в южную стенку раскопа, после снятия пласта 5. Вид с севера.

Fig. 9. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section. Sector I. Rabotage of the remains of a hearth and three chimneys spreading into the southern wall of the dig, after removal of layer 5. View from the north.

В кв. J-6 зачищен плоский камень, вероятно, каменная база, уходящая в бровку между кв. 15/16. В кв. F-9/10 при зачистке выявлены остатки рубленого дерева в виде брусков.

В центральной части сектора II зачищены остатки печи (рис. 12), сложенной из камня и сырцового кирпича. Сооружение плохой сохранности. Конструкция печи на данном этапе исследований не совсем ясна, однако, топочные отверстия располагались с северной стороны.

В центральной части раскопа с некоторым смещением к югу и к востоку находятся остатки отопительной системы в виде сооружения из сырцового кирпича и камней, сверху — красно-оранжевые следы прокаленного грунта. Его форма близка к овальной, размеры 1,2×1,8 м, длинной стороной вытянуто по линии запад-восток (точно 280°—100°).

В кв. I/J-3 сектора I также зачищены остатки печи овальной формы (рис. 14). Размеры печи 1,34×0,81 м, она вытянута по линии

Рис. 10. Хирхинское городище, 2014 г. Раскоп 9. Восточный участок. Сектор V после снятия пласта 5. Вид с северо-востока.

Fig. 10. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Eastern section. Sector V after removal of layer 5. View from the north-east.

Рис. 11. Хирхинское городище, 2014 г. Раскоп 9. Восточный участок. Сектор V после снятия пласта 5. Канал отопительной системы в кв. G/H-14/15 Вид с запада.

Fig. 11. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Eastern section. Sector V after removal of layer 5. Channel of the heating system in G/H-14, 15 square. View from the west.

Рис. 12. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок. Сектор II после выборки пласта 6. Остатки отопительной системы. Вид с юго-востока.

Fig. 12. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section. Sector II after removal of layer 6. Remains of the heating system. View from the south-east.

Рис. 13. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Восточный участок. Сектор VIII после снятия пласта 6. Печь в кв. I/J-16/17, примыкающая к бровке между секторами V и VIII. Вид с юго-запада.

Fig. 13. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Eastern section. Sector VIII after removal of layer 6. A hearth in I/J-16, 17 square, adjoining the balk between sectors V and VIII. View from the south-west.

Рис. 14. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок. Сектор I после снятия пласта 7. Остатки печи в кв. I/J-3. Вид с севера.

Fig. 14. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section. Sector I after removal of layer 7. Remains of a hearth in I/J3 square. View from the north.

север-юг. Топка печи располагалась с северной стороны. Печь сложена из сырцовых кирпичей плохой сохранности и плоских камней. Она, очевидно, была обмазана глиной, поэтому со всех сторон и сверху печь покрыта слоем прокала красно-оранжевого цвета. К востоку от печи — коричневый суглинок, который уходит затем на север. К западу от печи — мешаный слой ярко-коричневого и серого суглинка. В кв. J-1 лежит плоский камень размером 0,43×0,33 м — возможно, база колонны.

В процессе выборки пласта 6 были найдены фрагмент глазурованного толстостенного сосуда, фрагменты стенок сероглиняного сосуда, фрагмент стенки фарфорового сосуда, шлак, железный гвоздь, фрагмент железного ножа, две стеклянные бусины, фрагмент бронзовой обкладки, а также фрагмент украшения из синего стекла.

При разборе пласта 7 было зафиксировано продолжение печи в южной стенке, состоящее из трех каналов красного прокаленного

го цвета (рис. 14). Рядом с печью располагается пятно с остатками обожженного дерева (кв. H-4) размером 40×40 см, округлой формы. Угли прослеживаются полосой по направлению запад-восток в центральной части сектора. Внутри печи выявлены золистые прослойки, прокаленный грунт и другие остатки горения. Камера печи сделана из больших камней, выложенных по кругу и поставленных вертикально, а сверху располагался слой необожженной глины (рис. 15).

В центральной части сектора II располагаются каналы кана, перекрытые камнями и сырцовыми кирпичами. От них также отходили каналы, на которых каменное покрытие не сохранилось. Ширина одного из двух дымоходных каналов 16 см, второго 40 см. Основание первого канала сложено из кирпичей. Верх покрыт сырцовым кирпичом. Под канала — плотный суглинок или плохо сохранившийся сырцовый кирпич. В середине канала зафиксированы два камня, перекрывавшие его и затем упавшие. Здесь также зафиксированы каналы, стенки и верхнее перекрытие которых сделаны из кирпича.

В кв. I-16/17 находятся остатки еще одной печи. Печь разрушена и уходит в бровку между кв. 5/6. Зафиксированные размеры — 1×1,2 м. Форма печи подовальная. Остатки стен печи сложены из сырцового кирпича. Устье печи имеет размеры около 40×50 см. Внутри устья находились зола и куски горелого аргала. В процессе зачистки пласта 7 была найдена только стеклянная бусина и фрагменты стенок поливной керамики.

В процессе изучения пласта 8 были полностью разобраны печи и изучена их конструкции в секторах I и II (рис. 16—18). В секторе I при зачистке печи прослежена прослойка белой золы. Зола заполняла переднюю топку и камеру печи. Внутри печи, под сырцовыми кирпичами оранжевого цвета прослеживается каменная конструкция. Верх печи в секторе I состоит из разложившихся сырцовых кирпичей и обожженной глины. Размеры печи 1,4×0,8 м. В топочной части печь более узкая, шириной около 0,4 м, ограничена двумя поставленными вертикально камнями. Центральная часть печи (камера) шириной около 0,8 м; верх её был покрыт разложившимся, очевидно, сырцовым кирпичом оранжевого и желтого цветов, затем следовал слой золы серого цвета, далее — золистый слой, белый с черными горелыми остатками и щепой. Задняя стенка печи была сложена из камней. Один из них — плоский, поставленный вертикально, вокруг него были уложены более мелкие камни. У основания

Рис. 15. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок. Сектор I после снятия пласта 7. Остатки отопительной системы в центральной части сектора. Вид с юго-запада.

Fig. 15. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section. Sector I after removal of layer 7. Remains of the heating system in the central part of the sector. View from the south-west

печи встречены пережженные ветки деревьев. С левой стороны также зафиксированы остатки дерева, очевидно, добавленного в раствор, скрепляющего конструкцию печи. Размеры оранжево-красного овального пятна от печи после зачистки по этому пласту $0,6 \times 1,2$ м.

В секторе II разобраны остатки топок. Размеры всей конструкции — $1,45 \times 1,2$ м. В частности, зачищено несколько сквозных каналов, проходивших по направлению север-юг. Каналы сложены из камней и сырцовых кирпичей. Один из каменных каналов отопительной конструкции сквозной. Под канала — плотный, спекшийся коркой суглинок. В южном направлении от каменных каналов хорошо прослеживаются три дымоходных канала, перемежающихся прокалом шириной 20—25 см, в кв. D/E-2/3. Еще один канал едва заметен (кв. D/E-4). Каналы имеют направление север-юг и уходят в бровку между кв. E/F.

Печь в кв. H/I/J-3 была разобрана, под ней зачищено едва заметное пятно подовальной формы с остатками коричнево-красного прокала. В секторе II были сняты камни канов и расчищены дымоходные каналы. Сверху они были покрыты оранжевой глиной (сырцовыми кирпичами?). На дне каменных кана-

лов лежат плоские камни. Очевидно, это две топки. Каналы перекрыты в конце в кв. D-4 и D-3 поперечными «заслонками». Таким образом, в секторе II также располагалась печь, но с двумя топками из камня и 4 каналами. Конструкция ее была совершенно иной, чем в секторе I.

С целью выяснения конструкции печи, располагающейся в кв. I/J-16/17, был сделан ее разрез (рис. 19; 20). В основании нижней части устья стояли два длинных и высоких камня, чёрного цвета, представлявшие собой каркас печи. Стенки печи были сложены из сырцового кирпича. Под печи — плотная спекшаяся корка толщиной до 4 см. К сожалению, сохранность печи плохая и выяснить еще какие-либо детали не удалось. Сохранившиеся размеры печи: длина — 0,9 м, ширина — 0,75 м. Как уже упоминалось, печь уходила в бровку раскопа между кв. 15/16. В бровке заметны оранжевые сырцовые кирпичи, которые, очевидно, лежали поверх нее. Печь находилась на самом краю постройки, возможно, даже с наружной стороны здания (?).

В секторе V продолжена зачистка кана, от которого осталось несколько едва прослеживающихся каналов. Интерес представляют остатки каркаса канала кана в кв. F-13. В одном ряду сохранилось пять деревянных

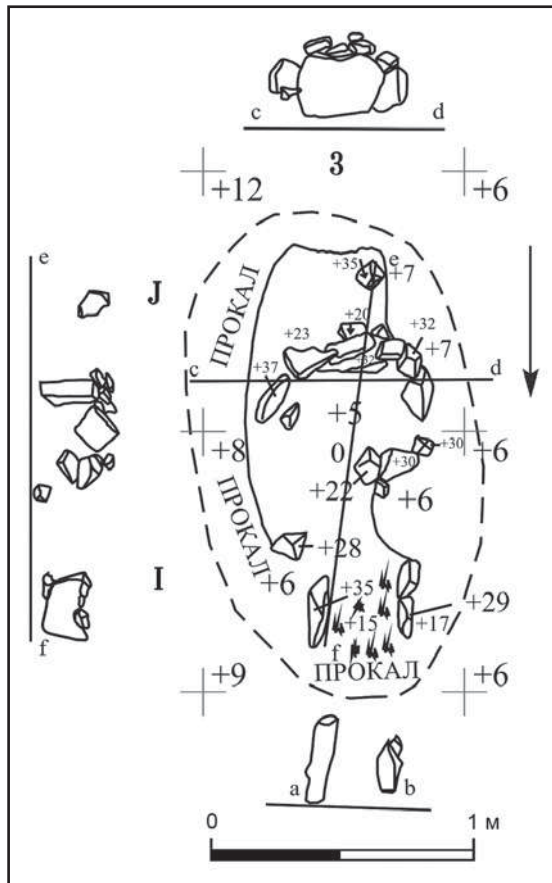

Рис. 16. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок. Конструкция и разрез печи в секторе I.

Fig. 16. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section. Design and cross-cut of the hearth in sector I.

брусков, вбитых в землю, с другой стороны четыре, три из которых сверху обгорели (рис. 21).

В процессе зачистки пласта 8 в раскопе были найдены фрагменты стенки поливного сосуда и тонкостенной фарфоровой чашечки (пиалы) с росписью. На уровне этого пласта в разных секторах мы вышли на уровень платформы (черная, местами темно-коричневая насыпка) и материка (белесого, местами желтого цвета).

При исследовании пластов 9—11 была произведена разборка платформы, и к пластам 11—12 вышли на материк. Были изучены четыре ямы в пласте 9 (в кв. А/В-5, А/В-3, G/Н/І/Ј-19—20 и Н/І-16/17/18) и две ямы в пласте 11 (кв. А/В/С-4/5, А/В/-1/2/3). В последней яме найдены железный гвоздь и фрагмент дна со стенкой сероглиняного керамического сосуда.

В ходе разбора пласта 9 были обнаружены несколько фрагментов стенок сероглиняной керамики. В процессе зачистки пласта 10 были найдены фрагмент бронзового изделия,

фрагменты стенок керамики, в том числе сероглиняного вазовидного сосуда. Любопытно, что именно на этом пласте были найдены фрагменты керамики с орнаментом, характерным для культуры киданей (IX—X в.) (рис. 23: 13, 14). При изучении пласта 11 были зафиксированы фрагмент дна со стенкой сероглиняного керамического сосуда, фрагмент стенки сосуда, бронзовый шлак, железный гвоздь.

После зачистки пласта 12 обнажился материковый слой — жёлтый суглинок, при высыхании принимающий белёсый цвет. Находок на этом пласте не зафиксировано. Таким образом, материком на территории усадьбы является жёлтый суглинок с белёсыми пятнами. Над погребённым дерном располагалась насыпка платформы — черный суглинок и выше него — плотный серый, местами белёсый суглинок, который разбирался с очень большим трудом. В стратиграфических разрезах видны морозобойные трещины.

Материалы

Находки, обнаруженные в раскопе, многочисленны. Их можно подразделить на несколько категорий: железные предметы, бронзовые предметы, изделия из стекла, керамические изделия. Последняя категория наиболее разнообразна. В неё входят фрагменты фарфоровых, поливных и сероглиняных сосудов (рис. 22; 23).

Металлические предметы представлены находками нескольких гвоздей, фрагментом лезвия железного ножа, бронзовым штырьком-заклепкой, фрагментом бронзовой обкладки и фрагментом небольшого изделия.

Практически все железные предметы корродированы. Гвоздь (ХХ-2014/Р.9, пл. 2, F3-3) хорошей сохранности, кованый, квадратный в сечении, длина 4,2 см, толщина 0,4—0,5 см. Гвоздь (ХХ-2014/Р.9, пл. 5, кв. П17-1) длиной 4,4 см, ширина шляпки 0,9 см, сильно корродирован. Гвоздь (ХХ-2014-Р.9, пл. 6, кв. Н2-1) длиной 2,5 см, толщиной 0,4—0,5 см. Фрагмент ножа (ХХ-2014-Р.9, пл. 6, кв. А7-2), представлен обломком сильно корродированного лезвия (рис. 22: 4—8).

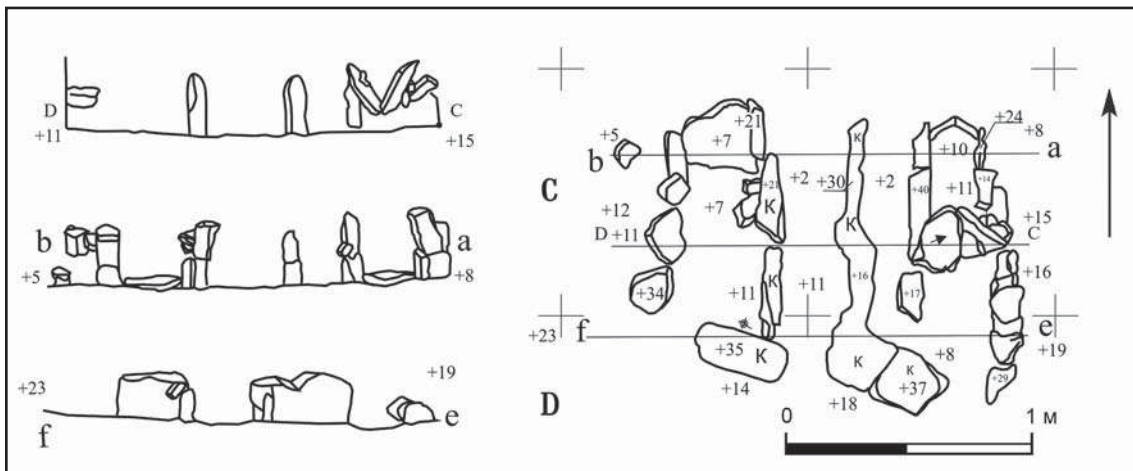
Штырёк-заклепка из бронзы (ХХ-2014/Р.9, пл. 2, Н1-1) имеет выпуклую шляпку диаметром 0,9 см, длина его 0,8 см. Штырек достаточно тяжелый по весу, несмотря на небольшой размер (рис. 22: 1).

Фрагмент бронзовой обкладки (ХХ-2014/Р.9, пл. 6, кв. Е7-5) погнут. Толщина пластины 0,5 см, сохранившаяся шири-

Рис. 17. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок. Конструкция и разрез отопительной системы здания в секторе II.

Fig. 17. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section. Design and cross-cut of the heating system in the building from sector II.

Рис. 18. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Западный участок. Сектор II. Между пластами 7 и 8. Конструкция отопительной системы здания, сложенная из камня, после зачистки. Вид с севера.

Fig. 18. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Western section. Sector II. Between layers 7 and 8. Stone structure of the heating system of the building, after *rabotage*. View from the north.

на до 2,8 см. Фрагмент имеет три сквозных отверстия диаметром 0,4 см для крепления к какому-либо предмету (рис. 22: 3).

Фрагмент бронзового изделия (XX-2014-Р.9, пл. 10, кв. В5-1) в виде завитков, вероятно, украшение (?), плохой сохранности (рассыпается). Толщина 0,2 см (рис. 22: 2).

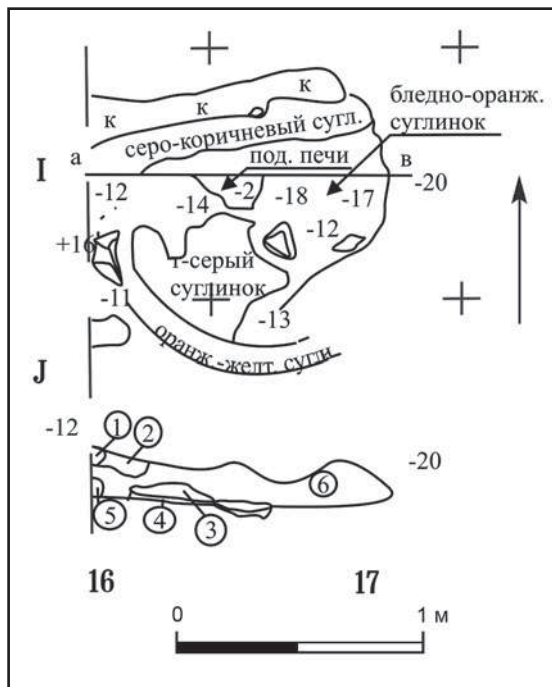
Изделия из стекла. В раскопе найдены три бусины и фрагмент стеклянного укра-

шения. Одна бусина (XX-2014-Р.9, пл. 6, кв. D2-3) изготовлена из стекла темно-синего цвета, эллипсоидной формы, кальцинирована. Длина ее 2 см, диаметр 1,2 см, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 22: 9). Вторая бусина (XX-2014-Р.9, пл. 6, кв. D2-4) из стекла голубого цвета, плохой сохранности (распалась на 3 части). Высота бусины 0,25 см, ее диаметр 0,6 см, диаметр отверстия 0,25 см.

Рис. 19. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Восточный участок. Разрез печи в секторе VIII (после снятия пласта 8). Вид с юго-запада.

Fig. 19. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Eastern section. Cross-cut of the hearth in sector VIII (after removal of layer 8). View from the south-west.

Рис. 20. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Восточный участок. Разрез печи в секторе VIII.

Fig. 20. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Eastern section. Cross-cut of the hearth in sector VIII.

Третья бусина из стекла голубого цвета (XX-2014-Р.9, пл. 7, кв. G4-1), ее диаметр 0,6 см, высота 0,6 см, диаметр отверстия 0,3—0,4 см, она плохой сохранности, кальцинирована (рис. 22: 11). Также в раскопе обнаружен фрагмент стеклянного украшения синего цвета (XX-2014-Р.9, пл. 6, кв. G10-6) длиной 1 см, шириной 0,7 см, толщиной 0,25 см (рис. 22: 10).

Керамические изделия. Фарфор. В раскопе найдено несколько фрагментов фарфоровых изделий. Два из них особенно интересны: это фрагменты с росписью поверхности кобальтом (рис. 23: 6, 7). Такая керамика появляется в Китае только в XIV в. Один фрагмент фарфорового сосуда с синей росписью (XX-2014/Р.9, пл. 2, J15-4), толщина стенки 0,5—0,7 см, цвет молочно-голубоватый, с подглазурной росписью. Декор растительный: лепестки (?) и завитки.

Второй фрагмент — от верхней части тонкостенной чашечки (пиалы) с росписью (XX-2014-Р.9, пл. 8, кв. I17-2). Диаметр чашечки 12 см, толщина фрагмента 0,25 см, венчик отогнут. Чашечка белого цвета. На белом фоне, под глазурью, синей краской нанесён рисунок: изображение рыбки.

Рис. 21. Хирхиринское городище, 2014 г. Раскоп 9. Восточный участок. Сектор V после снятия пласта 8. Остатки деревянного каркаса канала кана. Вид с юго-запада.

Fig. 21. Khirkhira town, 2014. Excavation 9. Eastern section. Sector V after removal of layer 8. Remains of a wooden carcass of the kang's channel. View from the south-west.

Сероглиняная керамика найдена во фрагментарном состоянии (рис. 23: 11—14). Любопытно, что такие находки обнаружены только в нижних, предматериковых пластах раскопа. Часть образцов определенно принадлежит к культуре киданей. Толщина обнаруженных изделий варьирует от 0,7—1 см.

Глазурованная (поливная) керамика найдена в сильно фрагментированном состоянии (рис. 23: 1—5). Это довольно крупные, толстостенные изделия стандартных форм и размеров. Глазурь черного и различных оттенков зеленого цвета. Встречаются фрагменты сосудов достаточно крупных размеров, тарного предназначения — хумов. Практически все глазурованные сосуды принадлежат к продукции так называемых «народных печей». Обращают на себя внимание фрагменты китайских поливных сосудов типа цычжоу.

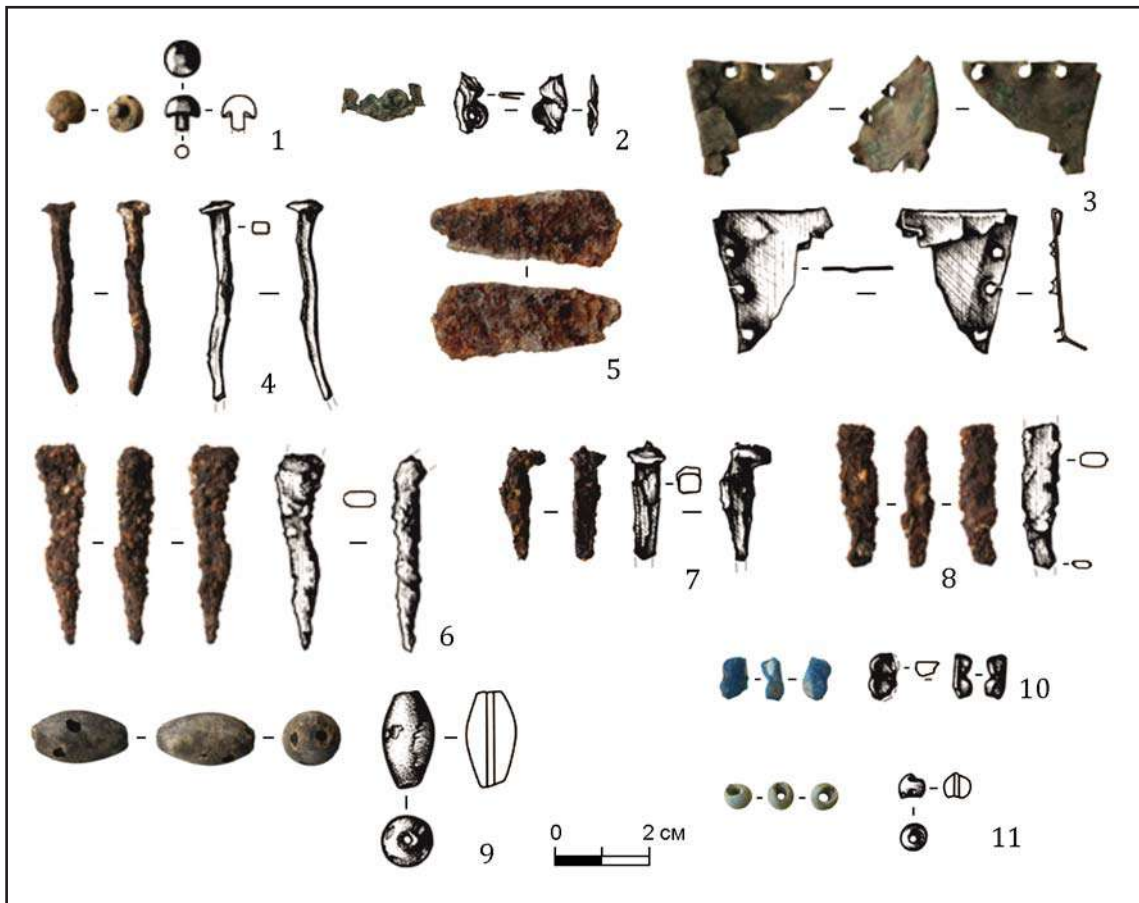
Интересна находка игровой фишки из стенки глазурованного сосуда (ХХ-2014/Р.9, пл. 4, Н15-1). Диаметр изделия 5,4—6,4 см, толщина 1,7 см. Фишка округлой формы, края ее оббиты, изготовлена из стенки толстостенного поливного сосуда, глазурь непрозрачная, двусторонняя, чёрного цвета (рис. 23: 8). Аналогичные изделия часто встречаются на средневековых памятниках Внутренней Азии и Дальнего Востока, только изготовлены, как

правило, из черепицы или стенок обычных сероглиняных сосудов.

Обсуждение

Таким образом, в результате археологических работ, проведенных на памятнике, вскрыты остатки здания колоннадного типа. Постройка располагалась на насыпной платформе. Основой для поддержания крыши являлись деревянные колонны на каменных базах. Как было установлено, колонны были изготовлены из древесины стволов лиственницы. Крыша, очевидно, была крыта соломой, поскольку черепицы здесь обнаружено не было. Внутренняя планировка постройки не подразумевала какое-либо разделение на отдельные помещения. Внутри найдены остатки отопительной системы — канов. Здание было окружено обвалованной оградой.

Система отопления помещения, разрушенная еще в средневековье, была довольно сложна. В западной части здания располагались два разных по своей конструкции отдельно стоящих отопительных устройства. Они находились друг напротив друга. Одна из них — печь, примыкавшая к южной стенке раскопа. Печь была овальной, вытянутой в плане по направлению север-юг. Топка рас-

Рис. 22. Хирхинское городище. Раскоп 9. Бронзовые, железные и стеклянные предметы: 1 — штырёк (бронза, XX-2014/P.9, пл. 2, H2-1); 2 — фрагмент украшения (бронза, XX-2014/P.9, пл. 10, кв. B5-1); 3 — фрагмент обкладки (бронза, XX-2014/P.9, пл. 6, кв. E7-5); 4 — гвоздь (железо, XX-2014/P.9, пл. 2, F3-3); 5 — фрагмент ножа (железо, XX-2014/P.9, пл. 6, кв. A7-2); 6 — гвоздь (железо, XX-2014/P.9, пл. 6, кв. H2-1); 7 — гвоздь (железо, XX-2014/P.9, пл. 5, кв. I17-1); 8 — гвоздь (железо, XX-2014/P.9, пл. 11, кв. A3-4); 9 — бусина (стекло, XX-2014/P.9, пл. 6, кв. D2-3); 10 — фрагмент украшения (стекло, XX-2014/P.9, пл. 6, кв. G10-6); 11 — бусина (стекло, XX-2014/P.9, пл. 7, кв. G4-1).

Fig. 22. Khirkhira town. Excavation 9. Bronze, iron and glass items: 1 — pin (bronze). XX-2014/P.9, pl. 2, H2-1; 2 — fragment of adornment (bronze). XX-2014/P.9, pl. 10, sq. B5-1; 3 — fragment of cladding (bronze). XX-2014/P.9, pl. 6, sq. E7-5; 4 — nail (iron). XX-2014/P.9, pl. 2, F3-3; 5 — fragment of a knife (iron). XX-2014/P.9, pl. 6, sq. A7-2; 6 — nail (iron). Sq. A7. XX-2014/P.9, pl. 6, sq. H2-1; 7 — nail (iron). Sq. I17. XX-2014/P.9, pl. 5, sq. I17-1; 8 — nail (iron). XX-2014/P.9, pl. 11, sq. A3-4; 9 — bead (glass). XX-2014/P.9, pl. 6, sq. D2-3; 10 — fragment of adornment (glass). XX-2014/P.9, pl. 6, sq. G10-6; 11 — bead (glass). Sq. G4. XX-2014/P.9, pl. 7, sq. G4-1.

полагалась с северной стороны. Печь сложена из камня, обмазана глиной на деревянном каркасе. Верх печи был покрыт сырцовыми кирпичами. От печи отходили три дымоходных канала. Ещё одна сложная отопительная конструкция располагалась в северной части раскопа. Она была устроена из кирпичей и камня. Топки находились также с северной стороны. Несколько каналов, по которым шёл тёплый воздух, уходили в западную стенку раскопа. С южной стороны этих каналов сохранился очаг.

Остатки каналов кана зафиксированы и в центральной части раскопа. В двух местах удалось проследить остатки деревянного каркаса кана в виде длинных, вертикально

вбитых вглубь канала брусков длиной около 40 см. Деревянные бруски также были изготовлены из лиственницы. Хорошо сохранился один из каналов, обложенный сырцовым кирпичом. Каналы кана в центральной части помещения подходили к ещё одной печи, располагавшейся в восточной части здания. Печь была сложена из камня и сырцового кирпича и была плохой сохранности. К печи примыкала огромная яма. Судя по остаткам насыпной платформы, создается впечатление, что печь находилась с краю помещения.

Похожие по своим конструктивным особенностям каны раскапывались на Хирхинском городище экспедицией под руководством С. В. Киселева (Киселев 1965: 30—33).

Рис. 23. Хирхиринское городище. Раскоп 9. Керамика и фарфор: 1 — фрагменты поливного сосуда (XX-2014/P.9, пл. 1, Н1-1 и XX-2014/P.9, пл. 3, кв. Н1-1); 2 — фрагмент дна поливного сосуда (XX-2014/P.9, пл. 2, кв. С18-5); 3 — фрагмент поливного сосуда (XX-2014/P.9, пл. 1, кв. I11-4); 4 — фрагмент поливного сосуда (XX-2014/P.9, пл. 3, кв. J19-3); 5 — фрагмент поливного сосуда (XX-2014/P.9, пл. 7, кв. F10-2); 6 — фрагмент фарфорового сосуда (XX-2014/P.9, пл. 2, кв. J15-4); 7 — фрагмент фарфоровой чашечки-пиалы с росписью (XX-2014/P.9, пл. 8, кв. I17-2); 8 — игральная фишка из стенки поливного сосуда (XX-2014/P.9, пл. 4, кв. Н15-1); 9 — фрагмент стенки сосуда (подвенечная часть) (XX-2014/P.9, пл. 10, кв. G5-4); 10 — фрагмент стенки сосуда (подвенечная часть) (XX-2014/P.9, пл. 10, кв. G4-5); 11 — фрагмент венчика сероглиняного сосуда (XX-2014/P.9, пл. 10, кв. G4/5-7); 12 — фрагмент стенки сероглиняного вазовидного сосуда (XX-2014/P.9, пл. 10, кв. G4/5-9); 13, 14 — фрагмент стенок сероглиняных сосудов с киданьским орнаментом (13 — XX-2014/P.9, пл. 10, кв. H3-11/1; 14 — XX-2014/P.9, пл. 11, кв. E4-2).

Fig. 23. Khirkhira town. Excavation 9. Ceramics and porcelain: 1 — fragments of a glazed vessel (ceramics). XX-2014/P.9, pl. 1, H1-1 and XX-2014/P.9, pl. 3, sq. H1-1; 2 — fragment of the bottom of a glazed vessel. XX-2014/P.9, pl. 2, sq. C18-5; 3 — fragment of a glazed vessel. XX-2014/P.9, pl. 1, sq. I11-4; 4 — fragment of a glazed vessel. XX-2014/P.9, pl. 3, sq. J19-3; 5 — fragment of a glazed vessel (ceramics). XX-2014/P.9, pl. 7, sq. F10-2; 6 — fragment of a glazed vessel. XX-2014/P.9, pl. 2, sq. J15-4; 7 — fragment of an ornamented cup (porcelain). XX-2014/P.9, pl. 8, sq. I17-2; 8 — a pawn made from the wall of a glazed vessel. XX-2014/P.9, pl. 4, sq. H15-1; 9 — fragment of the wall of a vessel (just under the rim) (ceramics). XX-2014/P.9, pl. 10, sq. G5-4; 10 — fragment of the wall of a vessel (just under the rim) (ceramics). XX-2014/P.9, pl. 10, sq. G4-5; 11 — fragment of the rim of a grey clay vessel (ceramics). XX-2014/P.9, pl. 10, sq. G4/5-7; 12 — fragment of the wall of a grey clay vase-shaped vessel (ceramics). XX-2014/P.9, pl. 10, sq. G4/5-9; 13 — fragment of the wall of a grey clay vessel with Khitan ornament (ceramics). XX-2014/P.9, pl. 10, sq. H3-11/1; 14 — fragment of the wall of a vessel (ceramics) with Khitan ornament. XX-2014/P.9, pl. 11, sq. E4-2.

Интересно, что здесь мы видим отход в конструктивной практике от классических прямых, Г-образных и П-образных канов, характерных для дальневосточных культур (Артемьева 1998). По всей видимости, перед нами локальное развитие дальневосточной традиции, вызванное необходимостью приспособить отопительную систему под местные экологические условия и строительные практики.

Судя по всему, раскопанное здание использовалось как жилье. Об этом говорят частые находки костей животных, в том числе и неомашинных, кости рыбы семейства сомовых. Находки артефактов в помещении также относятся к категории бытовых. Это стеклянные украшения, бронзовый лом, фрагменты фарфоровой посуды, многочисленные фрагменты глазурованной керамики, в том числе больших сосудов — хумов, несколько железных гвоздей.

В нижних пластах, практически на материке, найдена сероглиняная керамика, относящаяся к более ранней культуре киданей (IX—X вв.) (рис. 23: 13, 14). В верхних пластах найдены фрагменты фарфоровых изделий с синей кобальтовой росписью (рис. 23: 6, 7). Такой фарфор появляется в Китае не ранее конца первой трети XIV в. Очевидно, остатки здания были разрушены позднее этого времени, например, в период гибели династии Юань.

Время строительства города, по всей видимости, приходится на начальный период существования Монгольской империи, когда монголы верили в исключительность своей миссии завоевать весь мир и считали, что оборонительные сооружения им не нужны. Есть основания связывать Юго-Восточное Забайкалье и соседние зоны Монголии и Китая (Внутренняя Монголия) с местом проживания братьев Чингис-хана — Хасара и Темуге-отчигина и их наследников. Это подтверждается письменными источниками, где сказано: «Юрт и стойбище Есунгу и рода Джочи-Касара находится внутри Монголии на северо-востоке, в пределах Эргунэ и Кулэнаура и Килара, поблизости от места юрта Джibu, сына Отчи-нойона, и его внука Туучара» (Рашид ад Дин 1952: 52). Здесь упомянуты известные географические названия — реки Аргунь и Хайлар, озеро Кулун-нур (Далай-нор), что позволяет локализовать территории расселения потомков Хасара и Темуге в Северо-Восточной Монголии, Забайкалье и восточных районах Внутренней Монголии.

Имеется еще одно очень важное свидетельство, которое, возможно, объясняет на-

личие на этой территории большого числа памятников монументальной архитектуры. Тот же источник сообщает, что «Отчи-нойон отличался (своей) большой любовью к строительству и везде, куда ни приходил, он строил дворцы (сарай) и загородные дворцы (кушк) и (разбивал) сады» (Рашид ад Дин 1952: 55).

Считается, что Хирхириновское городище было ставкой Есунке (Исункэ, Есунгу) — сына родного брата Чигис-хана Хасара (Киселев 1965: 56—57). Основанием для этого является надпись на найденной неподалеку знаменитой каменной стеле («Чингисов камень»), которая сейчас хранится в Эрмитаже (рис. 24). Это древнейшая надпись на старомонгольском языке (1224—1225 гг.). Согласно уточненным архивным данным, стела была найдена в окрестностях Хирхириновского городища (Мясников 2011; Константинова, Мясников 2014). До сих пор исследователи не достигли единства по поводу точного перевода данного текста. Д. Банзаров считал, что речь идет о выделении юному племяннику 335 хондогорских воинов (Банзаров 1851). Другие исследователи полагают, что текст восхваляет Есунке, который прославился стрельбой из лука на дальность полета (Клюкин 1927; Murayama 1950; Srba 2012).

Факты из биографии Есунке изложены в «Джами ат-Таварих»: «Есунгу был высокого роста, румян и имел продолговатое лицо и длинную бороду... Он входил в важные дела и в обсуждение государственных дел, и его весьма почитали и считались с ним. Согласно обычаю, он ведал войсками и племенем отца и своих старших и младших родичей. В то время, когда между Кубилай-кааном и Ариг-Бука случилась распря, Есунгу был у Кубилай-каана и принадлежал к числу его войска, как это будет обстоятельно изложено в летописи о Кубилай-каане. Говорят, что когда Кубилай-каан в семидесятипятилетнем возрасте прибыл на курилтай, [у него] еще ни один волос не поседел» (Рашид ад Дин 1952: 52).

Заключение

Таким образом, Хирхириновское городище представляло собой городской центр на северо-востоке Монгольской империи, который являлся административной резиденцией. Здесь также проживали ремесленники и земледельцы, возможно, торговцы. Неподалеку от Хирхириновского городища, в 9 км к северо-востоку, находится отдельно сто-

Рис. 24. Чингисов камень (Государственный Эрмитаж).

Fig. 24. The Genghis Khan stone. State Hermitage Museum.

ящая дворцовая усадьба Алестуй (Крадин и др. 2012). Другой всемирно известный памятник — Кондуйский городок, расположен в 62 км к западу от Хирхирина городского. Это дворцовый комплекс, с окружающей его периферией площадью около 120 га (Кузнецов 1925; Киселев 1965: 324—369; Крадин, Крадин 2016). В 87 км к востоку от Хирхи-

рина городского находится так называемый «город Хасара» — городище Хэйшань-тоу подквадратной формы со сторонами около 600 м (Крадин и др. 2016: 30—31). Все это свидетельствует о существовании на данной территории крупной административной единицы империи Чингис-хана, возглавлявшейся ханами — Темугидами и Хасаридами.

Литература

- Артемьев А. Р. 2005. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья. *Вестник ДВО РАН* (2), 3—18.
- Артемьева Н. Г. 1998. *Домостроительство чжурчженей Приморья (XII—XIII вв.)*. Владивосток: Дальпресс.
- Банзаров Д. 1851. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-Хана. *Записки Императорского археологического общества III*, Санкт-Петербург, 268—292.
- Данилов С. В. 2004. *Города в кочевых обществах Центральной Азии*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Киселев С. В. 1958. Древние города Забайкалья. *СА* (4), 107—119.
- Киселев С. В. 1961. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье. *СА* (4), 103—127.
- Киселев С. В. (отв. ред.). 1965. *Древнемонгольские города*. Москва: Наука.
- Клюкин И. А. 1927. Древнейшая монгольская надпись на Хорхираском («Чингисхановом») камне: К разбору древнейших памятников. *Труды Государственного Дальневосточного университета*. Серия VI (5), 168—212.
- Константинова Т. А., Мясников А. В. 2014. Чингисов камень: документальная история открытия. В: Ситдииков А. Г., Макаров Н. А., Деревянко А. П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани IV*. Казань: Отечество, 272—274.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006. *Империя Чингис-хана*. Москва: Восточная литература.
- Крадин и др. 2012: Крадин Н. Н., Саранцева С. Е., Харинский А. В., Ковычев Е. В. 2012. Исследование средневековой монгольской усадьбы Алестуй в Забайкалье. В: *Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соёл = Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Материалы III Международной научной конференции 2. Улан-Батор: Монгольский государственный университет, 381—387.

- Крадин Н. Н., Крадин Н. П. 2016. Кондуйские древности. *Вопросы истории* (12), 133—138.
- Крадин и др. 2016: Крадин Н. Н., Харинский А. В., Бакшеева С. В., Ковычев Е. В., Прокопец С. Д. 2016. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье. *Stratum plus* (6), 17—43.
- Кузнецов А. К. 1925. *Развалины Кондуйского городка и его окрестности*. Владивосток: Книжное дело.
- Мясников А. А. 2011. Драконы хранят тайны. *Забайкалье: время, события, люди* 16 (27), 4.
- Рашид ад-Дин. 1952. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 2. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Рева Р. Ю. 2015. Джочикасариды. Монетный чекан потомков брата Чингизхана. В: *Нумизматические чтения Государственного исторического музея* 2015. Москва: ГИМ, 85—93.
- Султанов Т. И. 2007. *Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть*. Москва: АСТ.
- Харинский и др. 2014: Харинский А. В., Номоконова Т. Ю., Ковычев Е. В., Крадин Н. Н. 2014. Останки животных в монгольских захоронениях XIII—XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье). *РА* (2), 62—75.
- Messerschmidt D. G. 1966. *Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 3. Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 — Februar 1725*. Berlin: Akademie Verlag.
- Murayama S. 1950. Über die Inschrift auf dem “Stein des Čingis”. *Oriens* 3 (1), 108—112.
- Srba O. 2012. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ünčilaiyun-u bičig). *Linguistica Brunensia* 60 (1—2), 171—182.

References

- Artemiev, A. R. 2005. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia RAN (Bulletin of the Far East Branch, Russian Academy of Sciences)* (2), 3—18 (in Russian).
- Artemieva, N. G. 1998. *Domostritel'stvo chzhurchzhenei Primor'ia (XII—XIII vv.) (House-Building of Jurchens in the Primorye Krai in the 12th—13th Centuries)*. Vladivostok: “Dal'press” Publ. (in Russian).
- Banzarov, D. 1851. In *Zapiski imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva (Bulletin of Imperial Archaeological Society)* III, Saint Petersburg, 268—292 (in Russian).
- Danilov, S. V. 2004. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noi Azii (Towns in Nomadic Societies of Inner Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 107—119 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 103—127 (in Russian).
- Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kliukin, I. A. 1927. In *Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta (Papers of the Far Eastern State University)*. Series VI (5), 168—212 (in Russian).
- Konstantinova, T. A., Miasnikov, A. V. 2014. In Sitdikov, A. G., Makarov, N. A., Derevianko, A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Meeting in Kazan)* IV. Kazan: “Otechestvo” Publ., 272—274 (in Russian).
- Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. 2006. *Imperiia Chingis-khana (Empire of Genghis Khan)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
- Kradin, N. N., Sarantseva, S. E., Kharinsky, A. V., Kovychev, E. V. 2012. In *Mongol bolon Baigal nuur orchmyн Sibiriiн értii soël = Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)* 2. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 381—387 (in Russian).
- Kradin, N. N., Kradin, N. P. 2016. In *Voprosy istorii (Issues of History)* (12), 133—138 (in Russian).
- Kradin, N. N., Kharinsky, A. V., Baksheeva, S. V., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 17—43 (in Russian).
- Kuznetsov, A. K. 1925. *Razvaliny Konduiskogo gorodka i ego okrestnosti (Ruins of the Konduy Township and its Environs)*. Vladivostok: “Knizhnoe delo” Publ. (in Russian).
- Miasnikov, A. A. 2011. In *Zabaikal'e: vremia, sobytia, ljudi (Trans-Baikal: Time, Events, Men)* 16 (27), 4 (in Russian).
- Rashid-al-Din. 1952. *Sbornik letopisei (Jami' al-tawarikh = Compendium of Chronicles)*. Vol. I. Book 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Reva, R. Yu. 2015. In *Numizmaticheskie chteniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia 2015 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2015)*. Moscow: State Historical Museum, 85—93 (in Russian).
- Sultanov, T. I. 2007. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast' (Genghis Khan and Genghisids: Fate and Power)*. Moscow: “AST” Publ. (in Russian).
- Kharinsky, A. V., Nomokonova, T. Yu., Kovychev, E. V., Kradin, N. N. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 62—75 (in Russian).
- Messerschmidt, D. G. 1966. *Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil 3. Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 — Februar 1725*. Berlin: Akademie Verlag.
- Murayama, S. 1950. Über die Inschrift auf dem “Stein des Čingis”. *Oriens* 3 (1), 108—112.
- Srba, O. 2012. Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ünčilaiyun-u bičig). *Linguistica Brunensia* 60 (1—2), 171—182.

**П. О. Сенотрусова,
П. В. Мандрыка**

Polina Senotrusova (Krasnoyarsk, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Siberian Federal University¹.

Сенотрусова Полина Олеговна (Красноярск, Россия). Кандидат исторических наук. Сибирский федеральный университет.

E-mail: Polllina1987@rambler.ru

Pavel Mandryka (Krasnoyarsk, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Siberian Federal University².

Мандрыка Павел Владимирович (Красноярск, Россия). Кандидат исторических наук. Сибирский федеральный университет.

E-mail: pmandryka@yandex.ru

Address: ^{1,2} Svobodnyi Ave., 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

Наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в развитом средневековье

Keywords: Siberia, Lower Angara region, High Middle Ages, typology, arms, arrowheads

Ключевые слова: Сибирь, Нижнее Приангарье, развитое средневековье, типология, оружие, наконечники стрел

P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka

Arrowheads of the Lower Angara Region Population in the High Middle Ages

The paper presents the results of the data analysis related to arrowheads from the High Middle Ages found in the Lower Angara region. Arrowheads made of iron or, sometimes, horn were classified into 25 types, with bigger and flatter objects being prevalent. Other types include those widely spread in Eurasian Steppe during the Mongol and Pre-Mongol time (flat rhombic, oval-winged arrowheads, cutaways). Several types of the arrowheads from the Lower Angara region are similar to those found in the Taiga Zone of the Western Siberia (bifurcate, cutaways in the form of a shovel, chisel and tetrahedral objects, warheads). Archers from the Lower Angara region used arrowheads with tenons, large armor-piercing objects and arrowheads with decor. The arrowheads represent taiga forms and steppe types. All the objects were used by the same community and belong to Lesosibirsk archaeological culture of the High Middle Ages.

П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка

Наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в развитом средневековье

В статье проводится систематизация и анализ данных по наконечникам стрел, найденным на памятниках развитого средневековья в нижнем течении р. Ангары. Наконечники стрел изготавливались из железа или, реже, из рога. Выделены 25 типов. Из анализируемой выборки наиболее представительны изделия с плоским сечением пера. В районе исследования отмечены формы, которые были широко распространены в степном поясе Евразии в предмонгольское и монгольское время (плоские ромбические, овально-крылатые, срезни). Многие типы наконечников стрел из Нижнего Приангарья аналогичны изделиям, распространенным в таежной зоне Западной Сибири (вильчатые срезни, срезни в виде узкой лопаточки, долотовидные и четырехгранные наконечники стрел, боеголовковые). К особенностям набора нижнеангарского лучника относятся обилие разнотипных шипастых и бронебойных наконечников стрел крупных размеров, а также украшение изделий насечками. Среди наконечников стрел зафиксированы как местные таежные, так и степные/лесостепные формы. Они использовались одной группой населения и маркируют одну археологическую культуру развитого средневековья, имеющую название «лесосибирская».

Введение

Нижнее течение реки Ангары приурочено к западной части южнотаежной зоны Средней Сибири. Регион занимает периферийное положение по отношению к степному поясу Евразии, но анализ материалов нижнеангарских памятников показывает, что его население было вовлечено в сложную систему межкультурных связей. Это нашло отраже-

ние в распространении на Ангаре типов изделий, характерных для степного пояса, что в полной мере относится к наконечникам стрел. В то же время выделяются типы проникателей¹, отражающие местные таежные

¹ «Проникатель», «дистанционный проникатель» — синоним термина «наконечник стрелы», т. е. проникающий в объект стрельбы.

традиции. В сочетании этих двух компонентов отражена специфика наконечников стрел, используемых населением Нижнего Приангарья в развитом средневековье.

В результате многолетних работ в регионе накоплен обширный археологический материал, относимый к началу — первой половине II тыс. н. э. Известно более 130 погребений этого времени, несколько городищ, металлургические комплексы, вещи и керамика на поселениях со смешанным культурным слоем. Опорным памятником этой эпохи стал могильник Проспихинская Шивера-IV, при раскопках которого исследовано 88 погребений по обряду трупосожжения на стороне и найдено около 2800 предметов.

Имеющийся массив источников позволяет на новом уровне подойти к проблемам систематизации и анализа отдельных категорий предметов, в том числе наконечников стрел. Они составляют наиболее массовую категорию предметов вооружения. Общее число проникателей дистанционного действия из Нижнего Приангарья насчитывает более 150 экземпляров. Более точное число определить затруднительно из-за отсутствия или тезисного характера публикаций по материалам, полученным за последние годы. К тому же плохая сохранность ряда наконечников стрел не позволяет представить их форму и размеры. Из доступных коллекций для обработки было учтено 134 предмета, происходящих из разных памятников развитого средневековья Нижней Ангары (рис. 1). Большинство (105 наконечников стрел) найдено в погребениях могильника Проспихинская Шивера-IV.

Цель статьи — провести классификацию и типологию наконечников стрел развитого средневековья Нижнего Приангарья и определить культурно-хронологические особенности выделенных типов.

Систематизация и анализ материалов

В основу предложенной классификации легли разработки А. Ф. Медведева, И. Л. Кызласова, Ю. С. Худякова, А. И. Соловьева (Медведев 1966; Кызласов 1983; Худяков 1980; Соловьев 1987). Группы выделены по материалу изготовления, разряд — по способу крепления на древко, отдел — по сечению пера, тип — по форме пера.

Группа I. Железные.

Разряд 1. Черешковые.

Отдел 1.1. Трехлопастные.

Тип 1.1.1. *Асимметрично-ромбические с упором* (2 экз.) и круглым отверстием в ниж-

ней части пера (рис. 2: 1). Длина наконечников более 11,0 см. Отмечены в погребении со стоянки Кода-2 и среди случайных сборов с р. Тасеевой (Басова 2016; Привалихин, Фокин 2009).

В лесной зоне Западной Сибири близкие по форме наконечники, но более вытянутых пропорций, известны в VI—X вв. (Соловьев 1987: 36), енисейские кыргызы использовали их до XII в. (Худяков 1980: табл. 9; Кызласов 1983: 38). Вероятно, X—XII вв. следует ограничить время бытования таких наконечников стрел на Ангаре.

Отдел 1.2. Трехгранно-трехлопастные.

Тип 1.2.1. *С узкой треугольной головкой* (2 экз.), с упором, черешок округлый в сечении (рис. 2: 2). Происходят из одного погребения могильника Проспихинская Шивера-IV, их размеры $8,4 \times 1,2 \times 1,2$ см и $9,6 \times 1,5 \times 1,4$ см.

Аналогичные наконечники стрел были широко распространены в Евразии с конца I тыс. н. э. (Соловьев 1987: 37). В Волжской Булгарии они использовались в XI—XIII вв. (Руденко 2003: 87), в Хакасско-Минусинской котловине — в XI—XII вв. (Худяков 1982: 15; Кызласов 1983: 38). Этим же временем они датируются на Нижней Ангаре.

Отдел 1.3. Двухлопастные.

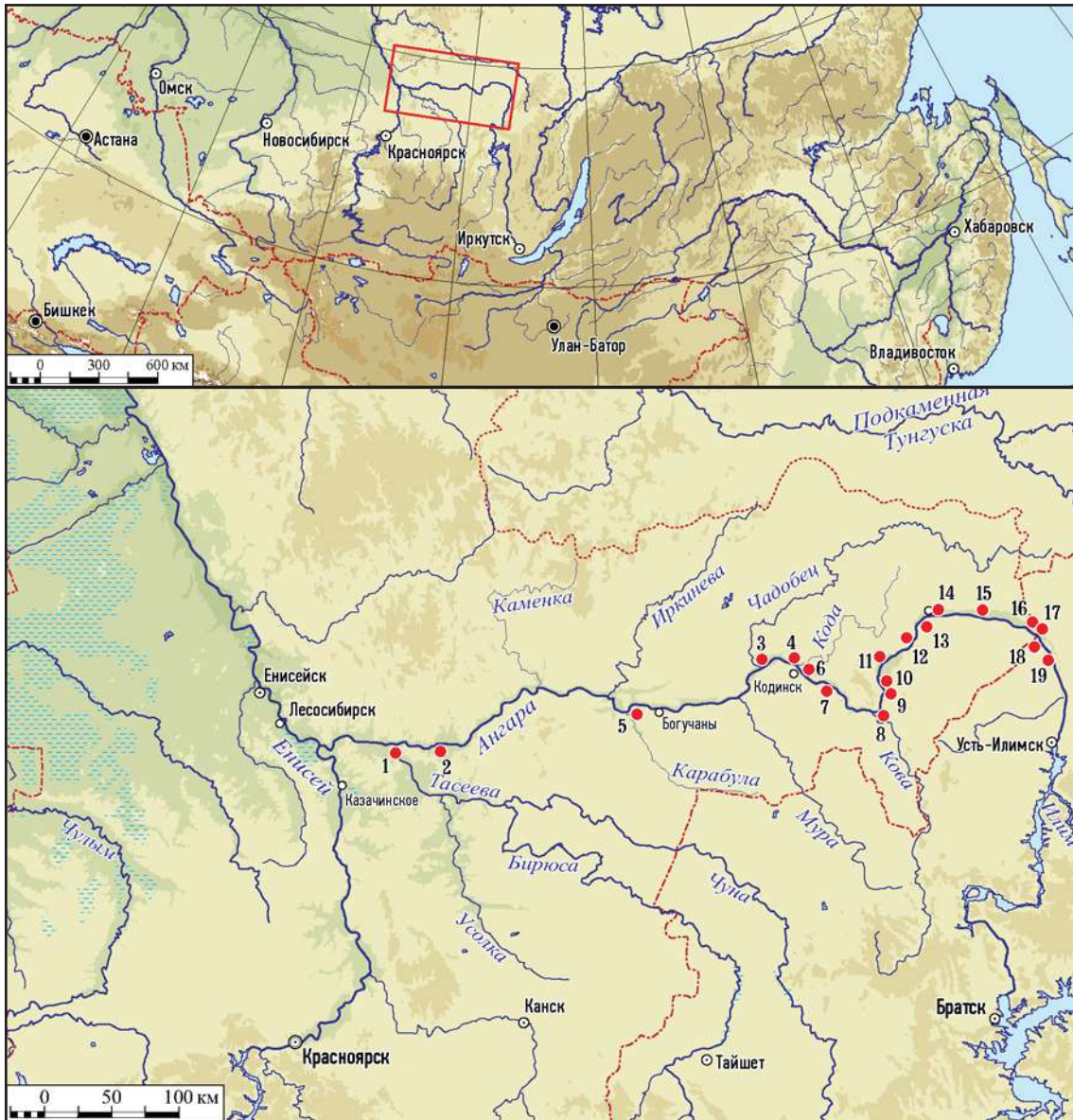
Тип 1.3.1. *Вытянуто-шестиугольной формы с упором* (1 экз.), найден на поселении Проспихинская Шивера-XI (Мандрыка и др. 2017). Черешок наконечника округлый в сечении, со спиралевидно расположенными насечками, имитирующими своеобразную «резьбу» (рис. 2: 3). Перо двухлопастное, с ярко выраженным ребром жесткости (нервюрой), вытянутой шестиугольной формы. В нижней части пера находятся три круглых отверстия, расположенных треугольником. На острие пера нервюра становится более массивной и перо уже ромбическое в сечении. На лопастях фиксируются следы заточки. Размеры изделия $13,7 \times 3,3 \times 0,8$ см.

Проникатели такого типа известны у кыштымов² енисейских кыргызов в XIII—XIV вв. н. э. (Худяков, Ким 2001: 56), в это же время они присутствуют в Кузнецкой котловине (Илюшин 2005: 235). На Нижней Ангаре они использовались, вероятно, также в монгольское время.

Отдел 1.4. Плоские.

Тип 1.4.1. *Овально-крылатые с упором* (2 экз.), черешки круглые в сечении, на них

² Кыштымы — представители племен, находящихся в зависимости от енисейских кыргызов (Худяков, Ким 2001: 51).

Рис. 1. Карта памятников развитого средневековья Нижнего Приангарья: 1 — Усть-Тасеева; 2 — Скородумский Бык; 3 — Чадобец; 4 — Кода-2; 5 — Усть-Карабула; 6 — Проспихинская Шивера-II, IV, XI; 7 — Пашина; 8 — Усть-Кова; 9 — Окуневка; 10 — Камешок; 11 — Берямба; 12 — Колпаков Ручей; 13 — Капонир; 14 — Хедугин Ручей; 15 — остров Сергушкин, остров Сосновый-Селенгинский; 16 — Усть-Ката-2; 17 — остров Каменный; 18 — Отика; 19 — Усть-Зелинда-2.

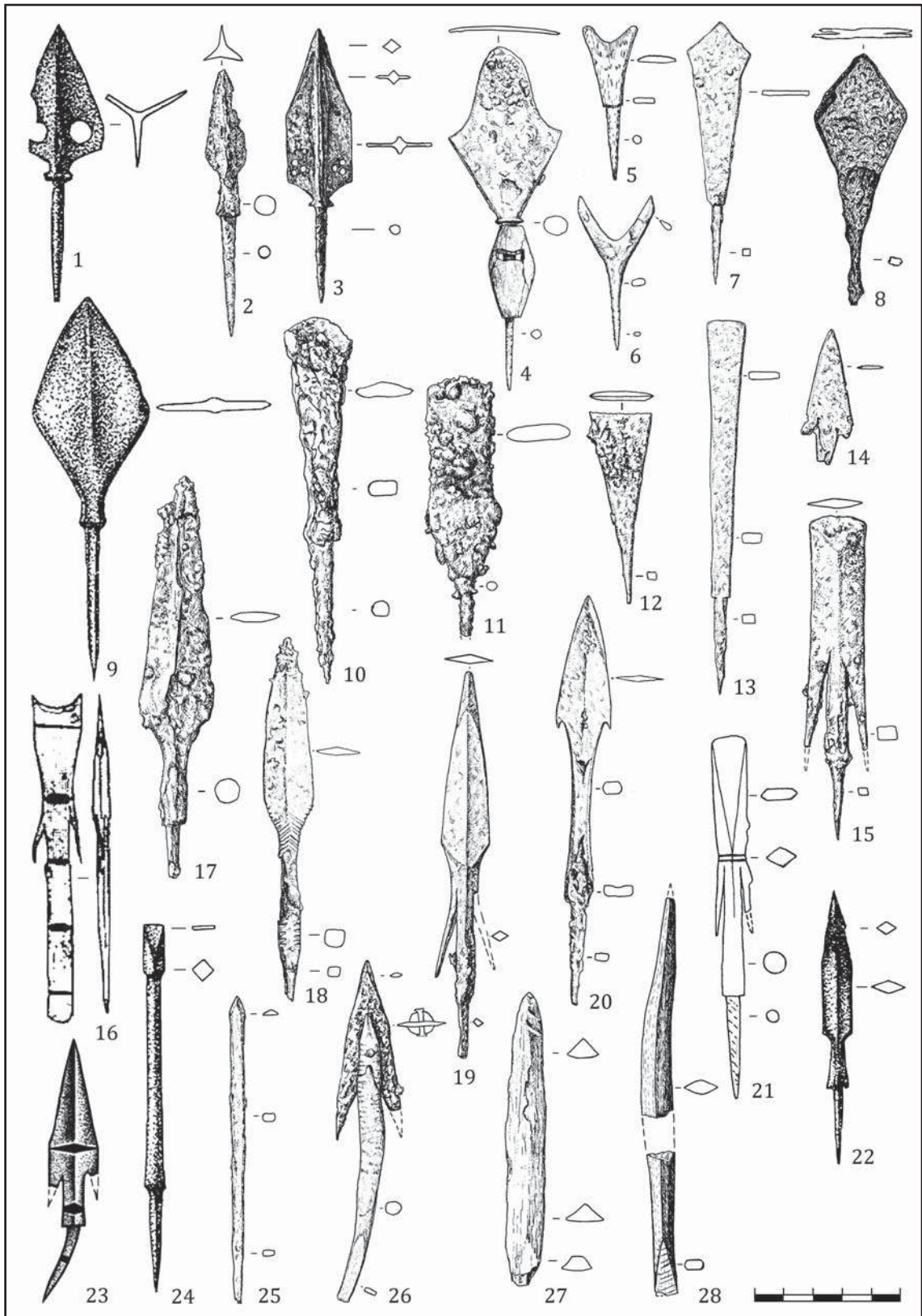
Fig. 1. Map of the archeological sites of the Lower Angara region in the High Middle Ages: 1 — Ust-Taseeva; 2 — Skorodumski Byk; 3 — Chadobets; 4 — Koda-2; 5 — Ust-Karabula; 6 — Prospikhinskaya Shivera-II IV XI; 7 — Pashina; 8 — Ust-Kova; 9 — Okunevka; 10 — Kameshok; 11 — Beryamba; 12 — Kolpakov Ruche; 13 — Kaponir; 14 — Khedugin Ruche; 15 — Sergushkin island, Sosnovyi-Selenginskii island; 16 — Ust-Kata-2; 17 — Kamennyi island; 18 — Otika; 19 — Ust-Zelinda-2.

сохранились роговые свистунки с щелевидной прорезью (рис. 2: 4). Размеры наконечников $12,4 \times 4,0 \times 0,2$ см и $12,5 \times 4,5 \times 0,2$ см. Зафиксированы на могильнике Проспихинская Шивера-IV.

В лесной полосе Сибири такие проникатели были распространены с конца первой половины II тыс. н. э., в Восточной Европе — в XIII в. (Соловьев 1987: 40), в Поволжье — в XIII—XIV вв. (Руденко 2003: 101).

Встречаются они и среди материалов начала II тыс. н. э. у кыргызских кыштымов (Худяков 1997: 30). В Приольхонье овално-крылатые наконечники стрел встречены в комплексах середины XIV — начала XV вв. (Харинский 2001: 140). В Нижнем Приангарье они датированы XIII — началом XV вв.

Тип 1.4.2. *Вильчатые срезни* (14 экз.), черешки квадратные или прямоугольные в сечении. Выделяются два варианта: а) с упором

Рис. 2. Наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в развитом средневековье (1, 9, 22, 24 — по Басова 2016: рис. 1; 2; 2—8, 10—15, 17—21, 25—28 — раскопки авторов; 16 — по Фокин 2013: рис. 1; 23 — по Привалихин, Фокин 2009: рис. 7). 1—3, 5—25 — железо; 4, 26 — железо, рог; 27, 28 — рог.

Fig. 2. Arrowheads of the population Lower Angara region in the High Middle Ages (1, 9, 22, 24 — after Басова 2016: рис. 1; 2; 2—8, 10—15, 17—21, 25—28 — excavations by the authors; 16 — after Фокин 2013: рис. 1; 23 — after Привалихин, Фокин 2009: рис. 7). 1—3, 5—25 — iron; 4, 26 — iron, horn; 27, 28 — horn.

(рис. 2: 5); 6) без упора (рис. 2: 6). Размеры наконечников небольшие, от $4,0 \times 2,0 \times 0,3$ см до $5,5 \times 4,0 \times 0,4$ см. Были найдены на памятниках Проспихинская Шивера-IV, Усть-Тасеева, Усть-Кова (Богучанская... 2015).

Такие наконечники получили широкое распространение в Сибири с VI в. н. э. и использовались до этнографической современности (Соловьев 1987: 42). В Волжской Булгарии они встречаются на памятниках X—XIV вв. (Руденко 2003: 105). В комплексах Нижнего Приангарья такие наконечники стрел датируются первой половиной II тыс. н. э.

Тип 1.4.3. *Асимметрично-ромбические* (12 экз.), с расширением в верхней трети пера, черешок прямоугольный в сечении. Выделяются два варианта: а) с упором (рис. 2: 7), б) без упора (рис. 2: 8). Их размеры — от $8,2 \times 1,5 \times 0,3$ см до $12,9 \times 1,6 \times 0,4$ см. Были найдены на памятниках Проспихинская Шивера-IV, Сергушкин-3, Капонир, о. Сосновый-Селенгинский, Чадобец и Пашина (Привалихин, Фокин 2009; Богучанская... 2015). Есть такие изделия и в таежной зоне Среднего Енисея (Мандрька 2006: 155).

В Западной Сибири схожие наконечники стрел распространяются в XIII—XIV вв. и существуют до XVII в. (Соловьев 1987: 39). В материалах кыштымов енисейских кыргызов они отмечены на памятниках XI—XVII вв. (Худяков, Ким 2001), в этих же хронологических рамках они использовались на Нижней Ангаре.

Тип 1.4.4. *Ромбические*, с упором (2 экз.), черешок прямоугольный в сечении (рис. 2: 9). Были отмечены на памятниках Кода-2 и о. Сосновый-Селенгинский (Басова 2016: рис. 1; Привалихин, Фокин 2009: рис. 4). Длина наконечников не менее 12,0 см, ширина — 3,0 см.

Такие наконечники стрел широко распространены на памятниках степной и лесной зоны Евразии в монгольское время. На Нижней Ангаре они датируются XIII—XV вв.

Тип 1.4.5. *Секторовидные срезни* (2 экз.), черешковые, с упором, черешок четырехгранный (рис. 2: 10). Размеры наконечников от $5,9 \times 1,5 \times 0,2$ см до $9,7 \times 1,8 \times 0,3$ см. Отмечены на могильнике Проспихинская Шивера-IV, известны также в погребении на Енисее, в районе ангарской стрелки (Мандрька 2006: 155).

В Западной Сибири секторовидные срезни появляются с конца I тыс. н. э. и встречаются до прихода русских (Соловьев 1987: 41). У кыргызских кыштымов они бытовали в XIII—XIV вв. (Худяков, Ким 2001: 62), в Приольхонье известны с XII в. (Харинский

2001: 140), в Поволжье были распространены в XIII—XIV вв. (Руденко 2003: 83). В комплексах Нижнего Приангарья датируются XII—XIV вв.

Тип 1.4.6. *Срезни в виде лопаточки* (13 экз.), черешки прямоугольные в сечении (рис. 2: 11), три наконечника с небольшим упором. Размеры от $6,0 \times 1,9 \times 0,2$ см до $13,4 \times 1,3 \times 0,4$ см. Были найдены на памятниках Проспихинская Шивера-IV, Усть-Тасеева, Кода-2, Сергушкин-1, Сосновый Мыс (Лысенко, Гревцов 2006: 47; Привалихин, Фокин 2009; Богучанская... 2014: 43; 2015).

В таежной зоне Западной Сибири срезни такого типа имели хождение со второй половины I тыс. н. э. и до нового времени (Соловьев 1987: 42). У енисейских кыргызов аналогичные проникатели встречаются в XI—XIV вв. (Худяков 1984). Этим же периодом ограничивается их использование в ангарской тайге.

Тип 1.4.7. *Лопатовидные срезни* (5 экз.), без упора, черешок прямоугольный в сечении (рис. 2: 12), у некоторых наконечников верхняя кромка слегка вогнута. Размеры изделий от $6,0 \times 1,9 \times 0,2$ см до $7,3 \times 1,6 \times 0,4$ см. Найдены на памятниках Проспихинская Шивера-IV, Сосновый Мыс, Кода-2 (Богучанская... 2015: рис. 398: 4; Басова 2016).

На территории таежной зоны Западной Сибири срезни такого типа известны с VI в. и до русского времени. На Нижней Ангаре они отмечены в комплексах предмонгольского и монгольского времени, но могли использоваться как раньше, так и позже.

Тип 1.4.8. *Долотовидные срезни с упором* в виде узких прямоугольных лопаточек (12 экз.) (рис. 2: 13), черешки круглые или прямоугольные в сечении. Размеры наконечников от $6,2 \times 1,5 \times 0,3$ см до $14,3 \times 1,8 \times 0,4$ см. Отмечены на памятниках Проспихинская Шивера-IV, Кода-2, Усть-Карабула, Хедугин Ручей, Камешок, Сосновый Мыс, Усть-Ката-2 (Макаров 2013: 131; Богучанская... 2014: 43; 2015: рис. 298; 398; 411).

В Западной Сибири наконечники стрел такого типа использовались с начала II тыс. н. э. вплоть до этнографической современности (Соловьев 1987: 42). На нижней Ангаре они датируются первой половиной II тыс. н. э.

Тип 1.4.9. *Треугольные* (10 экз.), с прямыми плечиками, вырезаны из листа железа, с коротким черешком, иногда у них выделены небольшие шипы (рис. 2: 14). Размеры наконечников невелики, их длина 3,0—4,0 см, ширина 1,2—2,0 см. Найдены на памятниках Проспихинская Шивера-IV, Чадобец, Пашино (Гладилин, Ермолаев, Леонтьев 1986: 40).

Эти наконечники стрел были распространены широко. В Верхнем Приангарье известны в средневековых памятниках (Асеев 1980: 86). На территории Красноярской лесостепи отмечены на городище Пакуль IX—XIII вв. (Mandryka, Senotrusova 2009: 358). В таежной зоне Западной Сибири встречаются в материалах XV—XVII вв. (Соловьев 1987: 43). В Нижнем Приангарье наконечники такого типа использовались на протяжении всего II тыс. н. э.

Отдел 1.5. Линзовидные.

Тип 1.5.1. *Широкие долотовидные с шипами* (5 экз.), с упором, черешки прямоугольные в сечении (рис. 2: 15), острие несколько уплощено. Размеры изделий от 9,6×2,0×0,4 см до 12,6×2,1×0,3 см. Были отмечены на памятниках Проспихинская Шивера-IV, Проспихинская Шивера-II и Отика (Выборнов, Субботина 2010: рис. 1; Привалихин, Фокин 2009: рис. 7).

Бликий по форме наконечник стрелы известен в материалах погребения Миндерла в Красноярской лесостепи (Фокин 2003: рис. 1—5). В могильнике Проспихинская Шивера-IV наконечники такого типа отмечены только в погребениях XIII—XIV вв., но их использование в районе могло быть и несколько позднее.

Тип 1.5.2. *Боеголовковые долотовидные с вогнутым острием и шипами*, без упора, черешки уплощенные в сечении (7 экз.) (рис. 2: 16). Их размеры около 10,5×1,5 см, отмечены на могильнике Скородумный Бык (Фокин 2013: 126).

Автором раскопок они датированы XI—XIV вв. (Фокин 2013: 127). Другие же вещи из этого погребения и схожесть этих стрел с этнографическими образцами (Соловьев 1987: табл. IX; Николаев и др. 2006; Леонов, Вдовин 2013: 203) позволяет предполагать их появление в районе исследования не ранее XIV—XV вв. и использование до этнографической современности. Ближайшие аналогии им известны в верховьях Лены, из погребений XVII—XIX вв. (Николаев и др. 2006: рис. 1: 3, 4).

Тип 1.5.3. *Килевидные с упором* (9 экз.), перо вытянутых пропорций (рис. 2: 17, 18), черешок квадратный в сечении. Размеры наконечников от 10,3×2,0×0,3 см до 16,0×2,4×0,3 см. Известны на памятниках Проспихинская Шивера-IV, из сборов с р. Чадобец, Проспихинская Шивера-II (Привалихин, Фокин 2009: рис. 14; Выборнов, Субботина 2010: рис. 1; 2). Наконечник из погребения №13 могильника Проспихинская Шивера-IV (рис. 2: 18) орнаментирован: ниж-

няя часть пера и верхняя часть насада украшены насечками, расположенными «елочкой». Нижняя часть черешка оформлена поперечными насечками и крестами. Размеры этого наконечника 13,3×1,9×0,3 см.

Такие дистанционные проникатели распространяются в Западной Сибири с середины — первой половины II тыс. н. э. и используются до XVII—XVIII вв. (Соловьев 1987: 42). В материалах Волжской Булгарии они имеют более узкую датировку — в пределах XI—XIII вв. (Руденко 2003: 80). Наконечник стрелы с орнаментом не нашел аналогий в археологических материалах. Геометрический орнамент из параллельных линий характерен для эвенков, кетов и долган (Иванов 1963: 251; Историко-этнографический... 1961: 370), оформление наконечников стрел насечками известно и у селькупов (Гемуев, Соловьев 1984: 44). По материалам могильника Проспихинская Шивера-IV наконечники такого типа датированы XI—XIV вв.

Тип 1.5.4. *Килевидный с упорами, оттянутыми шипами* (1 экз.), перо вытянутых пропорций (рис. 2: 19), черешок квадратный в сечении. Размеры наконечника 13,9×1,7×0,3 см, найден в могильнике Проспихинская Шивера-IV.

Такие же наконечники стрел известны в тайге Среднего Енисея (Мандрыка 2006: 156). На сопредельных территориях аналогии им не встречаются, но схожие по форме наконечники стрел отмечены у селькупов (Гемуев, Соловьев 1984: рис. 3—10). Учитывая состав набора вещей погребения №7 могильника Проспихинская Шивера-IV, в котором зафиксирован представленный экземпляр, можно считать, что наконечники стрел этого типа использовались на Ангаре не ранее XIII в.

Тип 1.5.5. *Боеголовковый, треугольной формы с небольшими оттянутыми шипами* (2 экз.). Шейка вытянутая, шестигранная в сечении, к упору раскована до прямоугольной (рис. 2: 20). Черешок короткий, прямоугольный в сечении. Размеры наконечников стрел 12,5×5,0×0,4 см. Были найдены в могильниках Проспихинская Шивера-IV и Отика (Привалихин, Фокин 2009).

Судя по набору вещей из погребений указанных некрополей, наконечники стрел представленного типа в Нижнем Приангарье могли использоваться в XI—XIII вв.

Отдел 1.6. Ромбические.

Тип 1.6.1. *Долотовидные с упором и оттянутыми шипами* (16 экз.) (рис. 2: 21). Черешок округлый в сечении, с насечками, имитирующими резьбу. Перо вытянутой формы,

массивное, над шипами часто расположены две параллельные линии. Острие имеет уплощенно-шестиугольное сечение. Наконечники стрел найдены на памятниках Проспихинская Шивера-IV, Усть-Тасеева, Кода-2, Хедугин Ручей, Сосновый Мыс, Колпаков Ручей, Сергушкин-3 (Лысенко, Гревцов 2006: 46; Герман, Леонтьев 2013: рис. 5: 16; Богучанская... 2014: 43; 2015: рис. 229; 262; 298; 398).

Долотовидные наконечники стрел с шипами распространены на достаточно обширных территориях (Фокин 2005: 66; 2013: 127; Николаев и др. 2006: 268), но идентичные изделия нам не известны. Ромбические в сечении наконечники стрел с оттянутыми шипами использовались селькупам. Известно, что применялись они для охоты на крупных копытных, а в прошлом и для боевых целей (Гемуев, Соловьев 1984: 45). В комплексах из Нижнего Приангарья представленные наконечники стрел датируются XII—XV вв.

Тип 1.6.2. *Пятиугольной формы с узким вытянутым пером* (1 экз.), перо (рис. 2: 22). Перо массивное, утяжеленное, дополнено упором, черешок округлый в сечении. Длина изделия не менее 8,0 см. Найден в погребении на стоянке Кода-2 (Басова 2016).

В Восточной Европе наконечники близкой формы бытовали в VIII—IX вв. (Медведев 1966: 46), в Сибири известны в конце I — начале II тыс. н. э. (Соловьев 1987: 41). По материалам погребения со стоянки Кода-2, где отмечен этот наконечник, он может быть датирован первой половиной II тыс. н. э.

Тип 1.6.3. *Пятиугольной формы с шипами* (2 экз.). Наконечники с упором, черешок округлый в сечении (рис. 2: 23). Длина проникателей не менее 7,0 см. Найдены на могильниках Сергушкин-3 и Отика (Привалихин, Фокин 2009: рис. 4).

В лесной зоне Евразии шипастые наконечники стрел получают распространение с VII в. н. э., а использоваться могли вплоть до нового времени (Соловьев 1987: 43). Материалы погребений, где найдены стрелы этого типа, датируются первой половиной II тыс. н. э.

Тип 1.6.4. *Долотовидный, с удлиненной шейкой, круглой в сечении* (1 экз.), и упором, черешок в сечении квадратный (рис. 2: 24). Длина наконечника не менее 13,0 см, был найден в погребении на стоянке Кода-2.

Аналогичные наконечники стрел, но с небольшими шипами, из случайных сборов хранятся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (Фокин 2005: 67). Такие дистанционные проникатели использовались

в таежной зоне Западной Сибири, Прииртышье, Туве в VII—X вв. (Посредников 1981: рис. 4; Соловьев 1987: 45). На Нижней Ангаре они датируются началом II тыс. н. э.

Отдел 1.7. Квадратные.

Тип 1.7.1. *Стержневидные, заостренные* (6 экз.) (рис. 2: 25). Размеры наконечников стрел от 5,8×0,5×0,4 см до 10,7×0,4×0,3 см. Они зафиксированы на памятниках Усть-Карабула, Камешок, Берямба, Проспихинская Шивера-IV и Кода-2 (Макаров 2013: 131; Богучанская... 2014: 43; 2015: рис. 229: 4, 238: 3).

Схожие наконечники стрел найдены в Западной Сибири на городище Бухта Находка (Кардаш 2011: 29), в Надымском городке (Кардаш 2009), на могильнике Усть-Балык (Семенова 2001: 38), в Курганном могильнике у устья Малой Киргизки (Плетнева 1997: рис. 137: 15) и датируются XII—XV вв. Отмечены они и в наборе русских промысловиков XVII в., а хантами использовались до недавнего прошлого (Кардаш 2009: 145). На Нижней Ангаре такие наконечники стрел могли использоваться на протяжении всего II тыс. н. э.

Разряд 2. Бесчерешковые.

Отдел 2.1. Плоские.

Тип 2.1.1. *Вытянуто-треугольной формы с шипами и роговыми вкладышами-обоймами* (4 экз.) (рис. 2: 26). К роговым обоймам крепились железной клепкой. Размеры составных изделий от 7,5×2,4×0,2 см до 9,6×2,3×0,2 см. Происходят из одного погребения №7 могильника Проспихинская Шивера-IV.

Ближайшие аналогии таким составным проникателям известны в материалах клада, найденного на Подкаменной Тунгуске (Макулов, Леонтьев 2003: 60). В Западной Сибири находки пластинчатых наконечников стрел, изготовленных из железных или бронзовых тонких листов, отмечены в Томско-Нарымском Приобье, в междуречье Оби и Иртыша, Юганском Приобье. В целом датируются такие наконечники стрел широко: с начала II тыс. н. э. и до XVII вв. (Боброва 2009: 138). На Ангаре они используются в монгольское время.

Группа II. Роговые (10 экз.).

Разряд 1. Черешковые.

Все найдены на могильнике Проспихинская Шивера-IV.

Отдел 1.1. Треугольные.

Тип 1.1.1. *Вытянутой треугольной формы* (6 экз.), с коротким черешковым насадом (рис. 2: 27). На трех наконечниках стрел на гранях насада фиксируются параллель-

ные и перекрещивающиеся нарезки. Предметы сильно пострадали от воздействия огня. Гипотетические размеры всех наконечников близки: общая длина около 15 см, длина пера около 11,5 см, ширина пера 1,0 см, ширина черешка 0,7—0,8 см.

Отдел 1.2. Ромбические.

Тип 1.2.1. *Вытянутой треугольной формы* (4 экз.), с коротким черешковым насадом (рис. 2: 28). На черешках также отмечены насечки, по размеру аналогичны изделиям предыдущего типа.

Роговые наконечники стрел обоих представленных типов известны в погребениях боровского типа в Красноярской лесостепи (Мандрыка, Макаров 1989: рис. 2). Близкие по форме наконечники стрел из рога отмечены в басандайской культуре (Плетнева 1997: 84; Савинов и др. 2008: 142), на Алтае (Тишкин 2009: 146, 176). В целом такие изделия широко распространены на территории Евразии на протяжении I—II тыс. н. э.

С оружием дистанционного боя напрямую связаны роговые свистунки (3 экз.) и «муфты» (2 экз.), зафиксированные среди предметов сопроводительного инвентаря могильника Пропсихинская Шивера-IV. Два свистунка были насажены на черешки овально-крылатых наконечников стрел. Свистунки однотипны, бочонковидной формы с двумя щелевидными прорезями. «Муфты» — это изделия без боковых прорезей, они более массивные, чем свистунки, но такой же бочонковидной формы. Они могли использоваться как окончание наконечника («томара») для охотничьей стрелы или как муфта для прочного прикрепления наконечника с массивным черешком к древку стрелы (Худяков 1980: 111). Последнее предложенное назначение определяется одним случаем, когда «муфта» прикипела к железному стержню (черешку?). Размеры «муфт» около 6,0 × 1,3 × 1,5 см.

Заключение

Классификация ангарских наконечников стрел показала разнообразие дистанционных проникающих, использовавшихся населением Нижнего Приангарья в развитом средневековье (рис. 3). Отмечены наконечники стрел, сделанные из рога и железа. Среди последних выделяются трехлопастные, трехгранные, двухлопастные, плоские, линзовидные, ромбические и квадратные в сечении изделия. Отличия формы пера, особенности оформления черешка изделий обусловлено их функциональным назначением, а также особенностями их изготовления.

В Нижнем Приангарье преобладают железные наконечники стрел, число изделий из рога невелико и представлено единичными предметами. Это связано с лучшей сохранностью железных предметов, особенно в наборах инвентаря погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне, при котором вещи помещались вместе с телом умершего человека на погребальный костер. В результате пирогенного воздействия наконечники стрел из рога дошли до нас в сильно фрагментированном и деформированном состоянии. Мелкие их обломки не всегда идентифицируются среди фрагментов кальцинированных костей человека, что неизбежно искажает картину реального соотношения железных и роговых наконечников стрел.

Типологический анализ железных наконечников стрел позволил выделить 25 типов дистанционных проникающих. Наиболее представлен отдел плоских наконечников стрел, что связано как с простотой их изготовления, так и с популярностью использования в начале II тыс. н. э. (Соловьев 1987: 45). Преобладают ромбические наконечники и срезни, в том числе вильчатые. Распространенным видом дистанционных проникающих у средневекового ангарского населения были наконечники стрел килевидной формы, а также других форм с ромбическим сечением пера. Среди последних преобладают долотовидные срезни с шипами.

Значительно меньшее типологическое разнообразие отмечено для трех- и двухлопастных, трехгранно-трехлопастных и квадратных в сечении дистанционных проникающих. Это отражает общие тенденции развития сибирских наконечников стрел. Известно, что к началу II тыс. н. э. наконечники стрел первых двух типов практически перестают использоваться (Соловьев 1987: 46).

Среди железных наконечников стрел Нижнего Приангарья отмечено несколько типов, которые аналогичны изделиям, распространенным в степном поясе. В первую очередь, это плоские ромбические и овально-крылатые наконечники стрел, которые часто находят в археологических памятниках предмонгольского и монгольского времени, и они зачастую выступают хронологическими маркерами этой эпохи (Соловьев 1987). Аналогии в круге аскизских древностей находят трехгранно-трехлопастные стрелы, секторовидные срезни, срезни в виде узкой прямоугольной лопаточки (Кызласов 1983: табл. XIX). Ангарские наконечники стрел с минусинскими сближает форма пера с удлиненной шейкой и ими-

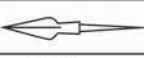

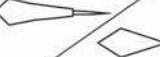

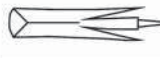

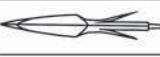

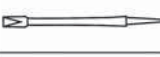

группа	разряд	отдел	тип/вариант	датировка	памятники	
железные	черешковые			X—XII вв.	Кода-2	
				XI—XII вв.	Проспихинская Шивера-IV	
				XIII—XIV вв.	Проспихинская Шивера-XI	
					XIII — нач. XIV вв.	Проспихинская Шивера-IV
					1-я пол. II тыс. н.э.	Проспихинская Шивера-IV, Усть-Кова, Усть-Тасеева
					кон. I — II тыс. н.э.	Проспихинская Шивера-IV, Сергушкин-3, Пашина, о. Сосновый-Селенгинский, Чадобец, Капони́р
					XIII — нач. XV вв.	Кода-2, о. Сосновый-Селенгинский
					XII—XIV вв.	Проспихинская Шивера-IV
					XI—XIV вв.	Проспихинская Шивера-IV, Усть-Тасеева, Кода-2, Сергушкин-1, Сосновый Мыс
					VI—XVII вв.	Проспихинская Шивера-IV, Сосновый Мыс, Кода-2
					1-я пол. II тыс. н.э.	Проспихинская Шивера-IV, Усть-Ката-2, Камешок, Кода-2, Усть-Карабула, Хедугин Ручей, Сосновый Мыс
					II тыс. н.э.	Проспихинская Шивера-IV, Чадобец, Пашина
			◆			XIII—XV вв.
					XIV—XVII вв.	Скородумный Бык
					XI—XIV вв.	Проспихинская Шивера-IV, Чадобец, Проспихинская Шивера-II
					XIII — нач. XV вв.	Проспихинская Шивера-IV
					XI—XIII вв.	Проспихинская Шивера-IV, Отика
		◆				XII—XV вв.
					1-я пол. II тыс. н.э.	Кода-2, Проспихинская Шивера-II
				1-я пол. II тыс. н.э.	Сергушкин-3, Отика	
				нач. II тыс. н.э.	Кода-2	
	■			II тыс. н.э.	Усть-Карабула, Камешок, Берямба, Проспихинская Шивера-IV, Кода-2	
				XIII — нач. XV вв.	Проспихинская Шивера-IV	
роговые	черешковые			I—II тыс. н.э.	Проспихинская Шивера-IV	
				I—II тыс. н.э.	Проспихинская Шивера-IV	

Рис. 3. Сводная таблица наконечников стрел Нижнего Приангарья в развитом средневековье.

Fig. 3. Summary table of arrowheads of the Lower Angara region in the High Middle Ages.

тация «резьбы» на черешках некоторых изделий (Кызласов 1983: табл. ХХ).

Многие типы наконечников стрел из Нижнего Приангарья и лесной зоны Западной Сибири сопоставляются между собой, что связано с природно-географической и культурной близостью этих регионов. Это относится к вильчатым срезням, срезням в виде узкой лопаточки, долотовидным и четырехгранным наконечникам стрел, боеголовковым проникателям. Сближает изделия с этих территорий и присутствие шипастых изделий. Для железных наконечников Западной Сибири было высказано предположение, что стрелы с упором более характерны для лесостепи, а без упора — для тайги (Соловьев 1987: 46). Материалы Нижнего Приангарья не подтверждают этот тезис, оба варианта оформления крепежной части наконечников к древку представлены здесь в равных пропорциях.

Для развитого средневековья Нижнего Приангарья характерно присутствие в комплексах значительного числа шипастых проникателей, украшение наконечников стрел насечками, наличие бесчерешковых форм с роговыми обоймами, преобладание крупных и массивных изделий.

Обилие разнотипных шипастых наконечников стрел составляет одну из самых ярко выраженных особенностей набора нижнеангарского лучника. Шипы могут быть как слабо обозначенными, так и, напротив, вытянутыми и достаточно массивными. В литературе уже высказывалось мнение о том, что долотовидные шипастые наконечники распространены преимущественно на территории лесостепных и таежных районов Среднего Енисея и Нижнего Приангарья (Фокин 2005: 67). По материалам Западной Сибири было выдвинуто предположение, что шипастые наконечники связаны с самодийской оружейной традицией (Позднесредневековые... 2012: 55). Но если учесть факт наличия шипастых наконечников в тайге Западной, Средней и Восточной Сибири, узкая этническая привязка проникателей этого типа выглядит недостаточно обоснованной. Вероятно, эти изделия составляли важную часть колчанного набора воинов-охотников на всем обширном пространстве сибирской тайги.

Наличие в Нижнем Приангарье бронебойных проникателей крупных размеров, в том числе и с шипами, позволяет предполагать, что они использовались не только для охоты на крупных животных (лось, марал, медведь), но и для ведения боевых действий. Участие аборигенов в военных сражениях подтверж-

дается наличием в материалах региона разнообразного оружия (тесаков, сабель, наконечников копий) и значительного числа престижных предметов (элементы поясной гарнитуры, серебряные серьги, подвески и т. д.), которые могли быть получены в ходе военных походов. Соответствовал использованию тяжелых наконечников стрел и нижнеангарский сложносоставной лук с массивными концевыми накладками-вкладышами из рога (Мандрыка, Сенотрусова 2014).

Среди нижнеангарских наконечников стрел развитого средневековья выделяется несколько типов изделий, продолжающих традиции использования оружия дальнего боя раннего железного века. Это в полной мере относится к бесчерешковым проникателям с роговыми обоймами. Способ крепления наконечника к древку через роговой посредник был распространен в тайге Восточной Сибири с конца бронзового века (Окладников 1946: 71, табл. X; Диков 1979: 151; Кирьяк 1993: 68; 2003: 37, табл. 15: 2; Хлобыстин 1998: 137, рис. 142). В Северном Приангарье такие стрелы широко использовались в раннем железном веке (Привалихин 1993: 21). Достаточно архаичными выглядят наконечники стрел из рога. Заготовки для них выступали длинные тонкие пластины³. Изготовление проникателей удлиненных пропорций сохраняется также с раннего железного века, что является еще одной особенностью района исследования.

Стоит обратиться к вопросу состава «колчаных наборов», если в них условно включать наконечники стрел из отдельных погребений. По материалам могильника Проспихинская Шивера-IV было установлено, что в могиле могло находиться от 1 до 14 наконечников стрел. При этом в большинстве случаев их количество невелико (1—3 экз.). В погребении №7, где их было отмечено 14 экземпляров, были захоронены останки двух индивидов (Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова 2014: 106), поэтому в данном случае можно говорить о двух колчаных наборах. Только в двух могилах все наконечники стрел были однотипны: в погребении №61 отмечено 4 долотовидных наконечника с оттянутыми шипами (тип 1.6.1.), а в погребении №65 — 4 асимметрично-ромбических наконечника (тип 1.4.3). Во всех остальных случаях (29 погребений) в комплексах зафик-

³ Прием изготовления данных наконечников установлен А.П. Бородовским, за эту информацию авторы выражают ему благодарность.

сировано сочетание разнотипных проникающих тел. Показателен набор из уже упомянутого погребения №7, где найдены наконечники стрел следующих типов: овално-крылатые (тип 1.4.1.); стержневидные (тип 1.7.1.); треугольные с роговыми вкладышами-обоймами (тип 2.1.1.); асимметрично-ромбические (тип 1.4.3.); килевидный с шипами (тип 1.5.4.); широкий долотовидный с шипами (тип 1.5.1.); узкие долотовидные срезни (тип 1.4.8.); наконечник из рога. В погребении №72 отмечены 6 наконечников стрел, в том числе: трехгранно-трехлопастные (тип 1.2.1.), килевидные с упором (тип 1.5.3.) и вильчатый срезень (тип 1.4.2.). Отмеченное разнообразие проникающих тел в одном «колчанном наборе», вероятно, связано с функциональной спецификой каждой стрелы и/или с особен-

ностями состава набора сопроводительного инвентаря, который оставляли при погребении.

Таким образом, среди наконечников стрел из Нижнего Приангарья зафиксированы как местные таежные, так и степные/лесостепные формы. Они использовались одной группой населения и маркируют одну археологическую культуру развитого средневековья, занимающую южнотаежные районы долины Среднего Енисея и Нижнего Приангарья и получившую название «лесосибирской» (Мандрыка, Сенотрусова 2018: 93). Предложенная типология наконечников стрел носит рабочий характер. Схема может быть дополнена и скорректирована после публикации материалов, полученных в ходе охранно-спасательных работ последнего десятилетия.

Литература

- Асеев И. В. 1980. *Прибайкалье в средние века (по археологическим данным)*. Иркутск: Наука.
- Басова Н. В. 2016. Предметный комплекс из погребений на стоянке Кода-2 на Ангаре. *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 15 (7): Археология и этнография, 100—111.
- Боброва А. И. 2009. Пластинчатые наконечники стрел из Тягловского некрополя. В: Черная М. П. (ред.). *Проблемы археологии и истории Северной Евразии*. Томск: Аграф-Пресс, 135—138.
- Богучанская... 2014: Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Колонцов С. В., Марковский Г. И., Ломанович С. А., Присекайло А. А., Дудко А. А. 2014. *Богучанская археологическая экспедиция*. 2014. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Богучанская... 2015: Табарев А. В. (отв. ред.). 2015. *Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007—2012 годы)*. ТБАЭ 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Выборнов А. В., Субботина А. Л. 2010. Некоторые итоги исследования северо-западной оконечности ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино в Северном Приангарье. *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 9 (3), 94—102.
- Гемуев И. Н., Соловьев А. И. 1987. Стрелы селькупов. В: Гемуев И. Н. (ред.). *Этнография народов Сибири*. Новосибирск: Наука, 39—55.
- Герман П. В., Леонтьев С. Н. 2013. Многослойные стоянки острова Сергушкин (Краткие результаты полевых изысканий 2009—2011 гг.). В: Карнаухова Л. Л. (отв. ред.). *Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий*. Красноярск: КККМ, 57—72.
- Гладилин А. В., Ермолаев А. В., Леонтьев В. П. 1986. Природно-климатические условия эпохи железного века Северного Приангарья. В: Асеев И. В., Резун Д. Я. (отв. ред.). *Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири*. Новосибирск: Наука, 39—54.
- Диков Н. Н. 1979. *Древняя культура Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности)*. Москва: Наука.
- Иванов С. В. 1963. *Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.)*. Народы Севера и Дальнего Востока. Москва: АН СССР.
- Илюшин А. М. 2005. *Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья*. Кемерово: КузГТУ.
- Историко-этнографический... 1961: Левин М. Г., Потапов Л. П. (ред.). 1961. *Историко-этнографический атлас Сибири*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Кардаш О. В. 2009. *Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура*. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан.
- Кардаш О. В. 2011. *Городок Сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования)*. Нефтеюганск: Институт археологии Севера; Екатеринбург: АМБ.
- Кирьяк М. А. 1993. *Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой*. Москва: Наука.
- Кирьяк М. А. 2003. *Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (каменный век)*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН.
- Кызласов И. Л. 1983. *Аскизская культура Южной Сибири*. Москва: Наука.
- Леонтьев В. П., Вдовин А. С. 2013. Парное захоронение эпохи средневековья со стоянки Остров Каменный-I в Усть-Илимском районе Иркутской области. В: Карнаухова Л. Л. (отв. ред.). *Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий*. Красноярск: КККМ, 197—204.
- Лысенко Д. Н., Гревцов Ю. А. 2006. Погребения по обряду трупосожжения могильника Усть-Тасеева. В: Дроздов И. Н. (ред.). *Археология, этнология, палеоэкология северной Азии и сопредельных территорий II*. Красноярск: КГПУ, 47—48.
- Макаров Н. П. 2013. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья. В: Карнаухова Л. Л. (отв. ред.). *Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий*. Красноярск: КККМ, 130—175.
- Макулов В. И., Леонтьев В. П. 2003. Новые данные по железному веку Эвенкии (бассейн реки Подкаменная Тунгуска). В: Дроздов И. Н. (ред.).

- Древности Приенисейской Сибири*. Красноярск: КГПУ, 59—62.
- Мандрыка П. В. 2006. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге. *Енисейская провинция 2*. Красноярск: КГПУ, 150—158.
- Мандрыка П. В., Макаров Н. П. 1994. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска. В: Мартынов А. И., Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Илюшин А. М. (ред. колл.). *Этнокультурные процессы в южной Сибири и Центральной Азии в I—II тысячелетии н. э.* Кемерово: Кузбассвузиздат, 68—84.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. 2014. Реконструкция лука средневекового населения южной тайги Средней Сибири. В: Айыжы Е. В., Харунов Р. Ш. (отв. ред.). *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири V (1)*. Кызыл: ТувГУ, 236—238.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Титова Ю. А. 2017. Результаты полевого исследования поселения Проспихинская Шивера-XI. *Древности Приенисейской Сибири VIII*. Красноярск: СФУ, 141—146.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. 2018. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири. *РА (2)*, 84—98.
- Медведев А. Ф. 1966. *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.* Москва; Ленинград: Наука.
- Николаев В. С., Кустов М. С., Инешин А. В. 2006. Эвенкийское погребение на севере Верхней Лены и некоторые вопросы производства наконечников стрел на территории Предбайкалья в эпоху средневековья. В: Томилов Н. А. (глав. ред.). *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Красноярск; Омск: Наука, 268—271.
- Окладников А. П. 1946. *Ленские древности 2. Отчет об археологических исследованиях на Нижней Лене от Жиганска до Камах-Сурта в 1942—1943*. Якутск: НИИЯЛИ ЯАССР.
- Плетнева Л. М. 1997. *Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам)*. Томск: ТомГУ.
- Позднесредневековые... 2012: *Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГУ.
- Посредников В. А. 1981. Большеларьякское городище. *СА (2)*, 299—306.
- Привалихин В. И. 1993. *Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Привалихин В. И., Фокин С. М. 2009. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии. *Енисейская провинция 4*. Красноярск: КККМ, 311—326.
- Руденко К. А. 2003. *Железные наконечники стрел VIII—XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог*. Казань: Заман.
- Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. 2008. *Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура)*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Семенова В. И. 2001. *Средневековые могильники Юганского Приобья*. Новосибирск: Наука.
- Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Пошехонова О. Е. 2014. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV). *ВИАЭ (1)*, 103—114.
- Соловьев А. И. 1987. *Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья*. Новосибирск: Наука.
- Тишкин А. А. 2009. *Алтай в монгольское время (по материалам археологических источников)*. Барнаул: Азбука.
- Фокин С. М. 2005. К этническому определению и территориальному распространению доловидных шипастых наконечников стрел. В: Тишкин А. А. (отв. ред.). *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул: АлтГУ, 65—67.
- Фокин С. М. 2013. Новые сведения о погребальной обрядности населения Нижнего Приангарья в эпоху железа. *Вестник ТомГУ. История 22 (2)*, 125—128.
- Фокин С. М. 2003. Средневековое погребение Миндерла. В: Черная М. П. (ред.). *Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем*. Томск: ТомГУ, 313—315.
- Харинский А. В. 2001. *Приольхонье в средние века: погребальные комплексы*. Иркутск: ИрГТУ.
- Хлобыстин Л. П. 1998. *Древняя история Таймырского Заполярья*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Худяков Ю. С. 1980. *Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.* Новосибирск: Наука.
- Худяков Ю. С. 1982. *Кыргызы на Табате*. Новосибирск: Наука.
- Худяков Ю. С. 1997. *Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья*. Новосибирск: Наука.
- Худяков Ю. С., Ким С. А. 2001. *Вооружение кыргызских кыштымов*. В: Худяков Ю. С. (ред.). *Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья*. Новосибирск: Наука, 50—75.
- Mandryka P. V., Senotrusova P. O. 2009. Pakul Fort and Problem of Distinguishing of Ladeyskaya Culture. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2)*, 349—360.

References

- Aseev, I. V. 1980. *Pribaikal'e v srednie veka (po arkhologicheskim dannym) (Cis-Baikal in the Middle Ages: by Archaeological Data)*. Irkutsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Basova, N. V. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University. History and Philology Series) 15 (7): Arkheologiya i etnografiya (Archaeology and Ethnography)*, 100—111 (in Russian).
- Bobrova, A. I. 2009. In Chemaia, M. P. (ed.). *Problemy arkheologii i istorii Severnoi Evrazii (Issues of Archaeology and History of Northern Eurasia)*. Tomsk: "Agraf-Press" Publ., 135—138 (in Russian).
- Tsybankov, A. A., Postnov, A. V., Slavinskii, V. S., Vybomov, A. V., Kolontsov, S. V., Markovskii, G. I., Lomanovich, S. A., Prisekailo, A. A., Dudko, A. A. 2014. *Boguchanskaia arkhologicheskaiia ekspeditsiia (Boguchany Archaeological Expedition)*. 2014. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Tabarev, A. V. (ed.). 2015. *Boguchanskaia arkhologicheskaiia ekspeditsiia: ocherk polevykh issledovani (2007—2012 gody) (Boguchany Archaeological Expedition: Outline of Field Investigations in 2007—2012)*. Series: Proceedings of the Boguchany Archaeological Expedition 1. Novosibirsk:

- Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Vybornov, A. V., Subbotina, A. L. 2010. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologii i Philology Series* 9 (3), 94—102 (in Russian).
- Gemuev, I. N., Solov'ev, A. I. 1987. In Gemuev, I. N. (ed.). *Etnografiya narodov Sibiri (Ethnography of Peoples of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 39—55 (in Russian).
- German, P. V., Leont'ev, S. N. 2013. In Karnaukhova, L. L. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopedel'nykh territorii (Archaeological Investigations of Antiquities in the Lower Angara Basin and Adjacent Territories)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Museum of Local Studies, 57—72 (in Russian).
- Gladilin, A. V., Ermolaev, A. V., Leont'ev, V. P. 1986. In Aseev, I. V., Rezun, D. Ya. (eds.). *Problemy okhrany i osvoeniia kul'turno-istoricheskikh landshtaftov Sibiri (Issues of Conservation and Exploration of Cultural and Historical Landscapes of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 39—54 (in Russian).
- Dikov, N. N. 1979. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Aziia na styke s Amerikoi v drevnosti (Ancient Cultures of North-Eastern Asia (at the Ancient Crossroads of Asia and America))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ivanov, S. V. 1963. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik (po materialam XIX — nachala XX v.) (Ornament of the Peoples of Siberia as Historical Source: by Materials of 19th — Early 20th Centuries)*. Series: Narody Severa i Dal'nego Vostoka (Peoples of the North and of the Russian Far East). Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Iliushin, A. M. 2005. *Etnokul'turnaia istoriia Kuznetskoi kotloviny v epokhu Srednevekov'ia (Ethnic and Cultural History of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages)*. Kemerovo: Kuzbass State Technical University (in Russian).
- Levin, M. G., Potapov, L. P. (eds.). 1961. *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri (Historical and Ethnographical Atlas of Siberia)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kardash, O. V. 2009. *Nadymskii gorodok v kontse XVI — pervoi treti XVIII vv. Istorii i material'naia kul'tura (Nadymskii Gorodok in the Late 16th — First Third of 18th Centuries: History and Material Culture)*. Yekaterinburg; Nefteugansk: "Magellan" Publ. (in Russian).
- Kardash, O. V. 2011. *Gorodok Sikhirtia v Bukhte Nakhodka (pervye rezul'taty issledovaniia) (Hillfort of Sikhirtia of the Nakhodka Bight. The First Research Results)*. Nefteugansk: Institute of Archaeology of the North; Yekaterinburg: "AMB" Publ. (in Russian).
- Kir'iak, M. A. 1993. *Arkheologiiia Zapadnoi Chukotki v sviazi s iukagir'skoi problemoi (Archaeology of Western Chukotka Related to the Yukagir Issue)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kir'iak, M. A. 2003. *Drevnee iskusstvo Severa Dal'nego Vostoka kak istoricheskii istochnik (kamennyi vek) (Ancient Art of Northern Part of the Far East as Historical Source (Stone Age))*. Magadan: Far East Branch, Russian Academy of Sciences, North-Eastern Complex Science & Research Institute (in Russian).
- Kyzlasov, I. L. 1983. *Askiz Culture of Southern Siberia in 10th — 14th Centuries (The Askiz Culture of Southern Siberia in 10th — 14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3—18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Leont'ev, V. P., Vdovin, A. S. 2013. In Karnaukhova, L. L. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopedel'nykh territorii (Archaeological Investigations of Antiquities in the Lower Angara Basin and Adjacent Territories)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Museum of Local Studies, 197—204 (in Russian).
- Lysenko, D. N., Grevtsov, Yu. A. 2006. In Drozdov, I. N. (ed.). *Arkheologiiia, etnologiia, paleoekologiia severnoi Azii i sopedel'nykh territorii (Archaeology, Ethnology, Palaeoecology of Northern Asia and Adjacent Territories) II*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 47—48 (in Russian).
- Makarov, N. P. 2013. In Karnaukhova, L. L. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopedel'nykh territorii (Archaeological Investigations of Antiquities in Lower Angara Basin and Adjacent Territories)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Museum of Local Studies, 130—175 (in Russian).
- Makulov, V. I., Leont'ev, V. P. 2003. In Drozdov, I. N. (ed.). *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri (Antiquities of Siberia near the Yenisei River)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 59—62 (in Russian).
- Mandryka, P. V. 2006. In *Eniseiskaia provintsiiia. Al'manakh (The Yenisei Province: Almanac) 2*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 150—158 (in Russian).
- Mandryka, P. V., Makarov, N. P. 1994. In Martynov, A. I., Khudiakov, Yu. S., Skobelev, S. G., Iliushin, A. M. (ed. board). *Etnokul'turnye protsessy v iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v I—II tysiacheletii n.e. (Ethnic and Cultural Processes in Southern Siberia and Central Asia in I—II Millennia AD)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 68—84 (in Russian).
- Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O. 2014. In Aizyzy, E. V., Kharunov, R. Sh. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia) V (1)*. Kyzyl: Tuva State University, 236—238 (in Russian).
- Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O., Titova, Yu. A. 2017. In *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri (Antiquities of Siberia near the Yenisei River) VIII*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 141—146 (in Russian).
- Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O. 2018. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology) (2)*, 84—98 (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1—36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nikolaev, V. S., Kustov, M. S., Ineshin, A. V. 2006. In Tomilov, N. A. (ed.-in-chief). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Krasnoyarsk; Omsk: "Nauka" Publ., 268—271 (in Russian).
- Okladnikov, A. P. 1946. *Lenskie drevnosti (Antiquities of the Lena Basin) 2. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax na Nizhnei Lene ot Zhiganska do Kamakh-Surta v 1942—1943 (Report on Archaeological Investigations in the Lower Lena Basin from Zhigansk to Kamakh-Surt in 1942—1943)*. Yakutsk: Research Institute for Language, Literature, and History of the Yakut Autonomous SSR (in Russian).
- Pletneva, L. M. 1997. *Tomskoe Priob'e v nachale II tys.n.e. (po arkheologicheskim istochnikam) (Tomsk Part of the Ob River Basin in Early II Millennium AD by Archaeological Sources)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
- Pozdnesrednevekovye komplekсы na ozere Kriuchnoe (Sredniaia Tara) (Late Medieval Complexes in the Kriuchnoye Lake, Middle Tara Basin)*. 2012. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography; Novosibirsk State University (in Russian).
- Posrednikov, V. A. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology) (2)*, 299—306 (in Russian).
- Privalikhin, V. I. 1993. *Rannii zheleznyi vek Severnogo Priangar'ia (tsepan'skaia kul'tura) (Early Iron Age of the Northern Angara Basin: Tsepan Culture)*. PhD Thesis. Kemerovo (in Russian).
- Privalikhin, V. I., Fokin, S. M. 2009. In *Eniseiskaia provintsiiia. Al'manakh (The Yenisei Province: Almanac) 4*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Museum of Local Studies, 311—326 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Savinov, D. G., Novikov, A. V., Rosliakov, S. G. 2008. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (Basandaika kul'tura) (Upper Ob' Region on the Turn of Epochs (Basandaika Culture))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Semenova, V. I. 2001. *Srednevekovye mogil'niki Iuganskogo*

- Priob'ia (*Medieval Burial Grounds in the Yugan Part of the Ob Basin*). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Senotrusova, P.O., Mandryka, P.V., Poshekhonova, O.E. 2014. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (1), 103—114 (in Russian).
- Solov'ev, A.I. 1987. *Voennoe delo korenogo naseleniia Zapadnoi Sibiri. Epokha srednevekov'ia (Warfare of the West Siberia Aboriginal Population: Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tishkin, A.A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkhologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Time: on the Materials of Archaeological Sites)*. Barnaul: Azbuka (in Russian).
- Fokin, S.M. 2005. In Tishkin, A.A. (ed.). *Snariazhenie kochevnikov Evrazii (Equipment of Eurasian Nomads)*. Barnaul: Altai State University, 65—67 (in Russian).
- Fokin, S.M. 2013. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 22 (2), 125—128 (in Russian).
- Fokin, S.M. 2003. In Chernaia, M.P. (ed.). *Kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territorii v proshlom i nastoiashchem (Culture of Siberia and the Adjacent Territories in the Past and the Present)*. Tomsk: Tomsk State University, 313—315 (in Russian).
- Kharinskii, A.V. 2001. *Priol'khon'e v srednie veka: pogrebal'nye komplekсы (The Olkhon Island and its Environs in the Middle Ages: Burial Complexes)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University (in Russian).
- Khlobystin, L.P. 1998. *Drevniaia istoriia Taimyrskogo Zapoliar'ia (Ancient History of the Taymyr Arctic Circle)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
- Khudiakov, Yu.S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov. VI—XII vv. (Armament of Yenisei Kyrgyzs in 6th—12th Centuries)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudiakov, Yu.S. 1982. *Kyrgyzy na Tabate (Kyrgyzs in the Tabat Basin)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudiakov, Yu.S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia (Armament of Southern Siberian Nomads in High Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudiakov, Yu.S., Kim, S.A. 2001. In Khudiakov, Yu.S. (ed.). *Voprosy voennogo dela i demografii Sibiri v epokhu srednevekov'ia (Issues of Warfare and Demography of Siberia in Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 50—75 (in Russian).
- Mandryka, P.V., Senotrusova, P.O. 2009. Pakul Fort and Problem of Distinguishing of Ladeyskaya Culture. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 3 (2), 349—360.

**С. Г. Скобелев,
А. В. Выборнов**

Sergey Skobelev. Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk State University¹.

Скобелев Сергей Григорьевич. Кандидат исторических наук. Новосибирский государственный университет.

E-mail: sgskobelev@yandex.ru

Anton Vybornov. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences².

Выборнов Антон Васильевич. Кандидат исторических наук. Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук.

E-mail: vb.anton@gmail.com

Addresses: ¹ Pirogov St., 2, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; ² Academician Lavrentyev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Средний Енисей в монгольское время

Keywords: Southern Siberia, Middle Yenisei, Khakassia-Minusinsk Hollow, Mongol Empire, Kyrgyz Khaganate, Mongol time, Late Middle Ages, written sources, funerary rite, material culture

Ключевые слова: Южная Сибирь, Средний Енисей, Хакасско-Минусинская котловина, Монгольская империя, Кыргызский каганат, монгольское время, позднее средневековье, письменные источники, погребальный обряд, материальная культура

S. G. Skobelev, A. V. Vybornov

Middle Yenisei Region in the Mongol Time

The current body of knowledge is presented on the history of the Middle Yenisei population in the Late Middle Ages, including a compilation of written sources on the history of Southern Siberia of the Mongol time. The Kyrgyz Khaganate, one of the earliest state formations on the territory of Russia, was the target of the first major conquest of the Mongol army. Later on, the territory and population of the Khaganate were split among different states emerging on the ruins of the Mongol Empire. In this regard, this work combines and analyzes heterogeneous sources for the Late Middle Ages of the Khakassia-Minusinsk Hollow and the adjacent territories, including archaeological ones. The authors describe characteristic topography and planning of burial grounds with cremations and inhumations. The grave goods, on the one hand, are as versatile as the complex of artefacts common for all ethnic groups exposed to the Mongol influence, and on the other hand, they have a strong technological and aesthetic identity of predominantly metal products, which are inherent for the peoples of the Southern Siberia.

С. Г. Скобелев, А. В. Выборнов

Средний Енисей в монгольское время

Представлен актуальный свод знаний по истории населения Среднего Енисея в монгольское время, включая обобщение сведений письменных источников по истории Южной Сибири в этот период. Кыргызский каганат, одно из самых ранних государственных образований на территории Сибири, в начале XIII в. стал целью первого крупного завоевательного похода монгольской армии. В дальнейшем территория и население каганата становились частями владений различных государств, возникших на осколках Монгольской империи. В связи с этим в данной работе объединены и проанализированы разнородные источники по средневековой истории Хакасско-Минусинской котловины и сопредельных территорий, в том числе археологические. Фиксируются характерные особенности топографии и планиграфии могильников, содержащих погребения по обрядам трупосожжения и трупоположения. Погребальный инвентарь отражает, с одной стороны, универсальность предметного комплекса, свойственную всем этносам, включенным в орбиту монгольского влияния, а с другой — представляет самобытность технологий и оформления, в основном металлических изделий, присущую народам Южной Сибири.

Введение

Средний Енисей — это крупный регион Южной Сибири, включающий в себя Хакасско-Минусинскую котловину, Красноярско-Ачинскую и Канскую лесостепи, а также соседние горно-таежные районы. Юг данной территории ограничен широкой

полосой хребта Западного Саяна, отделяющей ее от Центральной Азии, запад — горными хребтами стыка Саяна и Алтая, Кузнецким Алагау; в восточной части Канская лесостепь переходит в тайгу Приангарья, на северо-западе, в районе долины Чульма, Ачинская лесостепь плавно переходит в равнинные просторы тайги Томского Приобья.

Уникальные природные условия, благоприятный климат и достаток ресурсной базы способствовали высокой плотности населения. В средневековье эта территория составляла единое целое в смысле единства историко-культурного развития населения, которое также было объединено в политическом отношении в рамках государства енисейских кыргызов. Хакасско-Минусинская котловина являлась историческим, политическим, культурным центром этого региона. Именно здесь сосредоточено подавляющее большинство археологических объектов монгольского времени. Поликультурное население региона, в том числе проживавшее на окраинах котловины, всегда активно контактировало между собой, что и привело в конечном итоге к образованию в конце XIX — начале XX в. одной из крупнейших сибирских этнокультурных общностей — хакасов.

Начало истории позднего средневековья на Среднем Енисее связывается с включением местного населения в состав зарождавшейся Монгольской империи в начале XIII в. Ряд внешне- и внутривосточных причин обуславливают определенную внутреннюю целостность данного отрезка времени и его ясное отличие от других периодов. Прежде всего, это политическая ситуация, сложившаяся здесь с началом монгольского завоевания и оформившаяся в конце XIII в., когда регион окончательно вошел в состав империи Юань и завершилась эпоха «кыргызского великодержавия» и государственной независимости енисейских кыргызов. Последние письменные источники для дорусского времени известны в начале XIV в., затем последовал длительный перерыв. Но в начале XVII в. появились первые русские документы, которые фиксировали вовлеченность населения Минусинской котловины в ареал влияния монгольского государства Алтынханов (Хотогойтского ханства). Дальнейшая история Кыргызской земли обуславливалась уже процессом ее включения в состав Российского государства.

В связи с изложенным имеет смысл конкретизировать используемые нами понятия. Термин «монгольское время на Среднем Енисее» употребляется в настоящей работе в двух хронологических измерениях: узком — XIII—XIV вв., и широком — XIII—XVII вв. В первом случае подразумевается время активного включения населения Южной Сибири в процесс формирования Монгольской империи. Этот период описывается письменными источниками и дифференцируется на их основе. Второе, широкое

употребление термина предполагает сохранение политического влияния монгольских государств и после распада империи. Его верхняя дата ограничивается началом русского освоения Южной Сибири и появлением соответствующих письменных источников.

Монгольское завоевание существенно и необратимо повлияло на культуру и быт коренного населения, во многом определив его дальнейшее специфическое развитие. Монгольское влияние прослеживается (иногда в значительной мере) и в русское время, о чем свидетельствует, в том числе, ряд археологических источников.

Исторический очерк монгольского времени на Среднем Енисее

Кыргызский каганат являлся единственным самостоятельным государственным объединением севернее монгольских земель в начале XIII в. К этому времени, по-видимому, в нем сохранялась характерная для кочевых народов военно-административная система организации населения: разделение на десятки, строгая иерархическая подчиненность, обязательство поставлять людей и скот во время войны.

Территория Южной Сибири, которая начиная с середины IX в. входила в сферу интересов енисейских кыргызов, стала первой целью военной экспансии империи Чингисхана. Но подчинение населения Среднего Енисея, сопровождавшееся драматическими событиями, растянулось почти на столетие. Это было обусловлено ожесточенным сопротивлением народов Южной Сибири. Сложные отношения завоевателей и «лесных народов», «киргизов» отражены в таких письменных источниках, как «Сокровенное сказание монголов» (Сокровенное сказание... 1941: 174—175), «Юань-ши» (Кычанов 1965: 63) и летописи Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин 1952: 122, 171).

Начало военных действий армии Джучи (старшего сына Чингисхана) в Сибири состоялось осенью 1206 г. — через полгода после создания единого Монгольского государства (Угдыжеков 1995). Енисейские кыргызы (тумен-киргызы) в это время имели, как минимум, три тумена, т.е. 30 тыс. воинов, что соответствует общей численности населения приблизительно в 150 тыс. человек. При этом они первоначально не оказали значительного сопротивления монголам и, согласно «Сокровенному сказанию», «выразили покорность

и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями» (Сокровенное сказание 1941: 174—175). Официально земли каганата вошли в улус, выделенный для Джучи, но, судя по ходу дальнейших событий, власть над ними по-прежнему находилась в руках местных властителей. Когда Джучи умер, Южная Сибирь отошла к владениям великого хана. Позже, в рамках политической трансформации империи Чингис-хана в период правления Хубилая, вся территория Южной Сибири вошла в состав созданной им империи Юань. Последнее упоминание о бывших подданных Кыргызского каганата в письменных источниках монгольского времени датируется 1321 г., когда в «Истории Юань» говорится о северных племенах (Мункуев 1977: 425).

Политическая история енисейских кыргызов в составе Монгольской империи в XIII в. проявлялась в серии известных по письменным источникам восстаний и попыток восстановления государственной самостоятельности (Кызласов 1993: 120—129). Повидимому, после крушения империи Юань в 1368 г. енисейские кыргызы продолжали участвовать в региональных междоусобицах. В период разделения центральной части ханского улуса в XV в. между западными монголами (ойратами, или джунгарами) и восточными монголами (халхасцами) население Среднего Енисея входило в зону влияния первых.

Спустя почти триста лет после «Юань ши» вновь появились письменные сведения о населении Среднего Енисея (История земли Томской). Согласно донесениям русских воевод XVII в., господствующей группой в Саяно-Алтае по-прежнему являлись кыргызы. В конце XVI — первой половине XVII в. они подчинялись уже не западным монголам, а входили в состав государства Алтын-хана, центр которого находился в Северной Монголии и Туве. С 1667 г. енисейские кыргызы вновь были включены в сферу господства джунгаров и оставались в таком качестве вплоть до окончательного включения Южной Сибири в состав Российского государства (Кызласов, Копкоев 1993: 135—136, 184—185).

Вплоть до начала XVIII в. внутренняя политическая и социальная организация Кыргызского каганата (Киргизской землицы) продолжала оставаться относительно самостоятельной и традиционной. Язык большинства населения по-прежнему был тюркским. Объединение енисейских кыргызов и подчиненного населения (кыштым) от-

ражалось в родовой организации и административной системе улусов (Бутанаев, Худяков 2000: 156—157).

Археологические объекты монгольского времени на Среднем Енисее

Археологические материалы монгольского времени Среднего Енисея в историографии рассматриваются в рамках нескольких интерпретационных моделей. Первая предполагает включение позднесредневековых памятников Минусинской котловины и прилегающих территорий в круг объектов аскизской культуры, выделенной Л. Р. Кызласовым (Кызласов 1975). Фундаментально это обосновал И. Л. Кызласов (Кызласов 1983). Погребения аскизской культуры XIII—XIV вв. выделяются им в каменный этап. А. А. Гаврилова рассматривала материалы данного периода в рамках часовенногорского типа позднекочевнических погребений (Гаврилова 1964; 1965). Д. Г. Савиновым эти погребения обозначались как объекты завершающего этапа культуры енисейских кыргызов (Савинов 1977; 1991). Периодизация средневековых погребальных комплексов Минусинской котловины, предложенная Ю. С. Худяковым (Худяков 1982), предполагает выделение монгольской эпохи как завершающей в истории кыргызской культуры VI—XIV вв.

В любом случае, монгольское время выделяется в археологической периодизации Среднего Енисея. Но археологических материалов, достоверно относящихся ко времени после XIII в., крайне мало. В связи с этим датировка объектов базируется на типологическом методе. В качестве датирующих маркеров принимаются предметы, которые могли появиться только с монгольским завоеванием (так определяется нижняя дата — XIII в.), например, каменные (нефрит, жадеит) накладки на пояс в могильнике Койбалы I (Скобелев 2001: рис. 1). Верхнюю дату монгольского периода (в широком промежутке — XVII в.) определяют по появлению вещей русского происхождения. Данная датировка монгольского времени более соответствует информационной насыщенности археологических материалов по нескольким причинам: бытование предметов материальной культуры, их переиспользование возможно на протяжении многих десятилетий; сохранение традиций погребальной обрядности и общая характеристика погребального инвентаря на Среднем Енисее как минимум с начала II тыс. н. э.; отсутствие достоверных абсолютных дати-

ровок археологического материала. Обозначенное состояние существующей датировки не позволяет давать строгую хронологическую оценку археологического объекта. Предполагается, что даты сооружения отдельных памятников могут быть пограничными и иметь погрешность в неустановленные десятилетия. Например, редкое погребение, сооруженное в первой половине XIII в., будет содержать строгий набор признаков, который не может быть отнесен к XII в. По объектам XVII в. также имеется очень ограниченное число случаев, в которых датировка материалов не позволит им существовать в XVIII в. В связи с этим, верхняя дата отдельных погребений, привлекаемых для анализа, может относиться к XVIII в.

На основании указанных обстоятельств датируется достаточно представительный корпус археологических объектов и музейных предметов. В настоящее время, с разной степенью полноты, исследовано не менее 40 погребальных объектов (курганных могильников и одиночных погребений), которые включают комплексы монгольского времени (рис. 1). Материалы археологических полевых исследований и музейных коллекций частично опубликованы (Худяков 1979; 1982; Кызласов 1981; 1983; Савинов 1991; Скобелев 2003 и др.). Эти памятники сосредоточены в долинах рек Абакан и Туба, у озер Белё, Тус, Киприно и других, в междуречье Белого и Чёрного Июсов, вдоль обоих берегов Енисея от северной границы Западно-Саянского каньона до реки Кача в Красноярском лесостепном районе, т. е. на территории куэстового ландшафта (отрогов, вершин и седловин хребтов, высоких скальных прибрежных обрывов).

Погребальные сооружения. Топография и планиграфия могильников

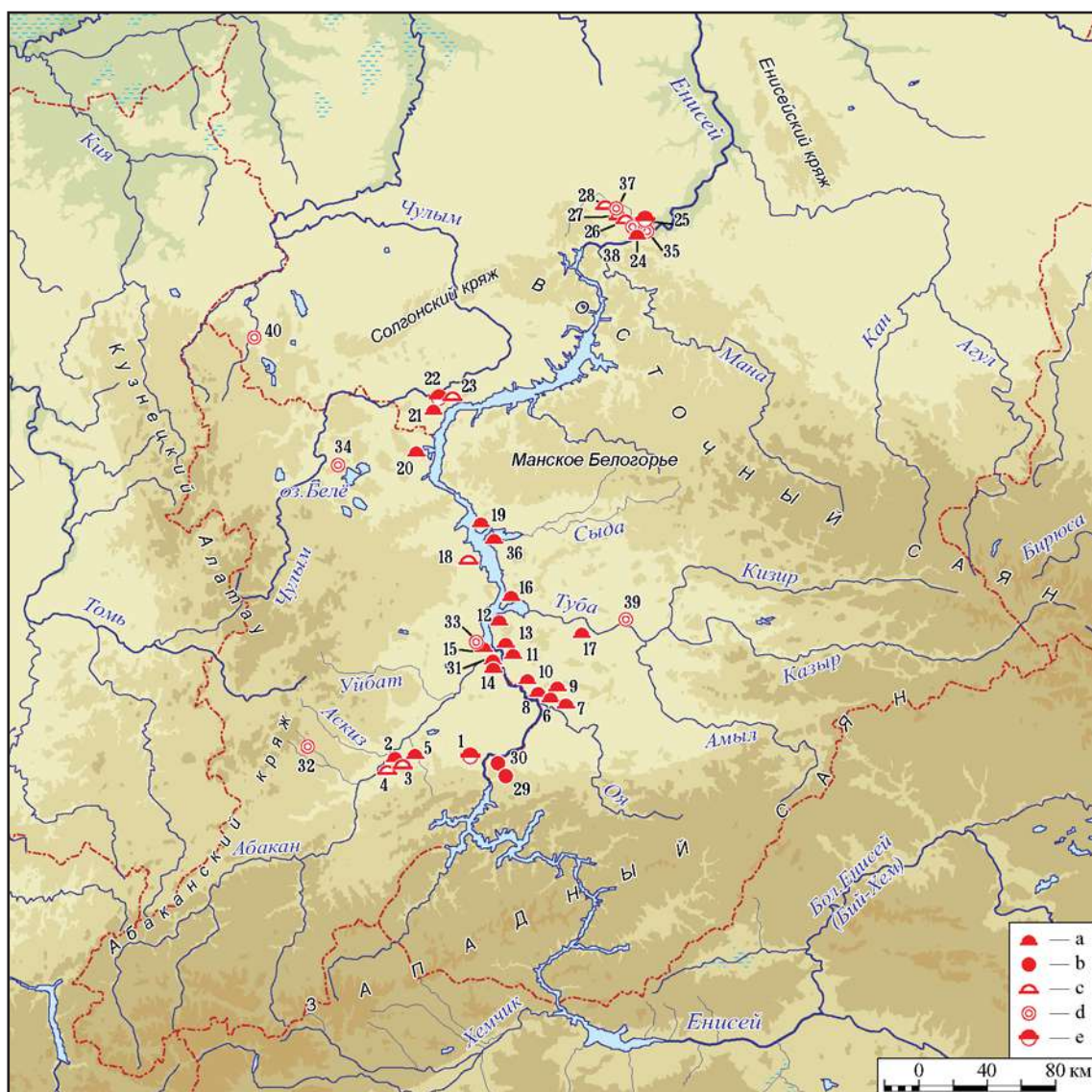
Погребальные объекты монгольского времени разделяются на могильники (курганные группы) и одиночные погребения. Для абсолютного большинства погребений характерна кольцевая или сплошная каменная выкладка, как правило, из средних и мелких по размеру обломков плит девонского песчаника.

Основными местами расположения известных погребальных объектов являются седловина на вершине, уступ на склоне или обрывистый край горы. В культурно-хронологическом отношении, именно объекты XIII—XVII вв. располагаются на мак-

симальной высоте в данной местности (по сравнению с погребальными объектами предшествующего времени). С площади некрополя, как правило, открывается хороший обзор на окружающую местность, визуально наблюдаемый водоем — реку, озеро. В таких условиях расположены каменные округлые выкладки небольшой высоты — не более 0,4 м, диаметром обычно 4—7 м. В большинстве случаев присутствует центральная западина округлой формы диаметром до 1 м, как правило, не имеющая каменной (кроме случайно туда попавших). Каменная выкладка, чаще всего в один-два (редко три) слоя камней размещена на дневной поверхности. В случае трупосожжения фрагменты кальцинированных костей располагаются в центре в небольшом углублении, либо на древней дневной поверхности. Сопроводительный инвентарь, включающий фрагменты костяных, металлических и каменных предметов вооружения, одежды, снаряжения коня и т. п., в абсолютном большинстве случаев был положен в погребальный костёр «на стороне» и обычно привязан к кремированным останкам, но иногда располагался в своеобразных тайниках (неглубоких ямках) (рис. 2). При трупоположении кладка покрывала неглубокую (около 0,5 м в среднем) могильную яму прямоугольной формы, в которой расположен костяк в вытянутом положении, обычно ориентированный головой в западном направлении.

Основные виды погребений — трупосожжение и трупоположение — условно связываются с кыргызами и их кыштымами (зависимым населением) соответственно.

Принадлежность погребений по обряду трупосожжения под кольцевыми округлыми каменными выкладками устанавливается достаточно определенно благодаря сведениям письменных источников, обращающих особое внимание на способ захоронения у енисейских кыргызов. Данная устойчивая традиция отмечена в «Худуд-ал-Алам» (X в.) (Hudud al-'Alam 1937), «Тайпин хуаньюй цзи» (X в.), в «Синь Тан шу» (XI в.) («При похоронах не царапают лиц, только обертывают тело покойного в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач» (Синь Тан шу, цит. по Бичурин 1950: 354), у Гардизи (XI в.), Марвази (XII в.), ал-Идриси (XII в.) для енисейских кыргызов была характерна и в монгольское время. Достоверность такого определения подтверждается многочисленными фактами различного характера, включая сообщения русских пись-

Рис. 1. Исследованные погребальные объекты позднего средневековья Среднего Енисея. Условные обозначения: а — курганные могильники XIII—XIV вв.; б — одиночные погребения XIII—XIV вв.; с — курганные могильники XV—XVIII вв.; д — одиночные погребения XV—XVIII вв.; е — курганные могильники XIII—XVIII вв.
 1 — Означенное; 2 — Тербен-Хол; 3 — Ходын-Хол; 4 — Ортызы-Оба; 5 — Койбалы I; 6 — Оя I; 7 — Оя II; 8 — Коя I; 9 — Коя II; 10 — Коя III; 11 — Берег Енисея (ст. Минусинск); 12 — Суханиха; 13 — Быстрая; 14 — Самохвал; 15 — Оглахты III, Оглахты IV, Оглахты VII; 16 — Тепсей III; 17 — Прихолмье; 18 — Абакано-Перевоз; 19 — Каменка V; 20 — Чернова; 21 — Поповка; 22 — Новоселовская Горка; 23 — Чегерак III; 24 — Часовенная Горка; 25 — Бадалык; 26 — Высокое; 27 — Шишка; 28 — Монашка; 29 — Саломатова Горка; 30 — Соян-сёе; 31 — Набережная улица г. Абакана, Улица Ворошилова г. Абакана; 32 — Верхняя Тёя; 33 — Сюс-Кюмес-Талхан; 34 — Киприно; 35 — Иннокентьевский; 36 — Унюк; 37 — Березка; 38 — Солонцы; 39 — погребение в с. Курагино; 40 — Линево.

Fig. 1. The investigated funerary objects of the late Middle Ages of the Middle Yenisei. Legend: a — barrow cemeteries of 13th—14th centuries; b — single graves of 13th—14th centuries; c — barrow cemeteries of 15th—18th centuries; d — single graves of 15th—18th centuries; e — barrow cemeteries of 13th—18th centuries.

1 — Oznachennoye; 2 — Terben-Khol; 3 — Khodyn-Khol; 4 — Ortyzy-Oba; 5 — Koybaly I; 6 — Oya I; 7 — Oya II; 8 — Koya I; 9 — Koya II; 10 — Koya III; 11 — Bereg Yeniseya (st. Minusinsk); 12 — Sukhanikha; 13 — Bystraya; 14 — Samokhval; 15 — Oglakhty III, Oglakhty IV, Oglakhty VII; 16 — Tepsey III; 17 — Prikholmye; 18 — Abakano-Perevoz; 19 — Kamenka V; 20 — Chernova; 21 — Popovka; 22 — Novoselovskaya Gorka; 23 — Chegerak III; 24 — Chasovennaya Gora; 25 — Badalyk; 26 — Vysokoye; 27 — Shishka; 28 — Monashka; 29 — Salomatova Gorka; 30 — Soyansoyoye; 31 — Naberezhnaya Street and Voroshilov Street in the Abakan town; 32 — Verkhnyaya Tyoya; 33 — Syus-Kyumes-Tapkhan; 34 — Kiprino; 35 — Innokentyevsky; 36 — Unyuk; 37 — Berezka; 38 — Solontsy; 39 — burial ground in the Kuragino village; 40 — Linevo.

Рис. 2. Курган №5, могильник Коя 2. Комплекс металлических деталей предметов вооружения и конского снаряжения.

Fig. 2. Kurgan no. 5, burial ground Koya 2. Complex of the metal parts of weapons and items of horse equipment.

менных источников XVII—XVIII вв.: «А побитых своих людей тела, бегучи, они Киргизы в сенных стогах жгли...» (Памятники... 1882: 6); «Умерших татар иных в камению хоронят, а иных, ежели при смерти сами прикажут, со всем их платьем и ружьем, которым они владели, сожигают» (Крашенинников 1966: 61).

Погребения находятся на площадках, на которых не осуществляли выпас скота, не ставили жилых построек. Топография могильников, учитывая сопряженность курганных насыпей и выкладок со скальными обнажениями и обрывистыми уступами, отражает этнографически отмеченный культ гор у коренного населения Саяно-Алтая (Бутанаев, Монгуш 2005: 11).

Закономерности расположения позднесредневековых погребальных объектов в определенной степени обусловили ландшафтную детерминированность внутренней планировки могильников. Наблюдается сокращение количества погребений в них, а группировка курганных выкладок редко сохраняет упорядоченность, которая обычно связывается с родовой принадлежностью, социальным положением. Конструкция позд-

несредневековых погребений, сопроводительный инвентарь демонстрируют предельный для местных кочевнических культур прагматизм: рытье неглубокой ямы или сооружение небольшой каменной выкладки не требовали серьезных трудозатрат; необходимый минимум предметного комплекса использовался в могильниках монгольского времени в рамках продолжающейся с древнетюркского времени традиции индивидуальных погребений с присутствием деталей всаднического и конского снаряжения.

Погребальный инвентарь

Предметов, достоверно связанных с монгольским завоеванием или отражающих присутствие монгольских армий на Среднем Енисее в XIII—XIV вв., крайне мало. Таковыми являются найденные в могильнике Койбалы I на реке Абакан четыре накладки на пояс, выполненные из жадеита, а с ними и серебряная накладка в виде кольца. Аналогии из Восточной и Центральной Азии позволяют датировать курган монгольским временем и показывают особый социальный статус погребенного с этими поясными накладками. То, что

в явно кыргызском погребении (трупосожжение) находятя знаки различия, предположительно, чиновника империи Юань, можно объяснить двояким образом: либо они попали туда в качестве военного трофея, либо, что более вероятно, у некоего местного кыргыза был небольшой официальный чин (Скобелев 2001). В целом, погребальный инвентарь отражает важнейшие категории материальной культуры, характерные для кочевого и полуседлого населения Среднего Енисея монгольского времени (Скобелев 2003). Выделяются основные группы предметов — вооружение, конское снаряжение, детали одежды и украшения, бытовые предметы (рис. 3).

Оружие включает предметы дальнего (луки и наконечники стрел) и ближнего боя (палаши), защитного вооружения (фрагменты доспехов).

В историографии характерной чертой комплекса вооружения кочевников Южной Сибири в начале II тыс. н. э. принято считать сложносоставной лук т. н. «монгольского типа». Он отличается крупной «веслообразной» фронтальной накладкой в середине кибити (Худяков 1997: 121). С развитием лука связана трансформация комплекса наконечников стрел (железные, черешковые). Широкое распространение получили наконечники с уплощенным в сечении пером. При этом продолжали существовать, заметно сократившись количественно, трехлопастные изделия. Использовались и относительно небольшие, трех- и четырехгранные бронебойные наконечники. Яркой чертой стрел монгольского времени является использование в некоторых случаях т. н. «свистунок» — костяных и железных деталей бочонковидной формы с отверстиями (Худяков 2007: 127—128). Были обнаружены и детали колчанов — продолговатые, узкие, орнаментированные костяные накладки, железные колчаные крюки (Нечипоренко, Скобелев 2007).

Оружие ближнего боя встречалось в погребениях нечасто. Оно представлено находками палашей и деталей ножен. В курганах клинки находились в изогнутом состоянии. Как правило, палаш имеет обуюдоострое окончание, перекрестие ладьевидной формы, украшенное «елочным» орнаментом с серебряной аппликацией (Скобелев и др. 2014b: 271). Имеются единичные свидетельства использования древкового колющего оружия. Из-за крайне ограниченного набора находок невозможно подробное описание комплекса защитного вооружения монгольского времени на Среднем Енисее. Следует предполагать, что отдельные воины имели пластин-

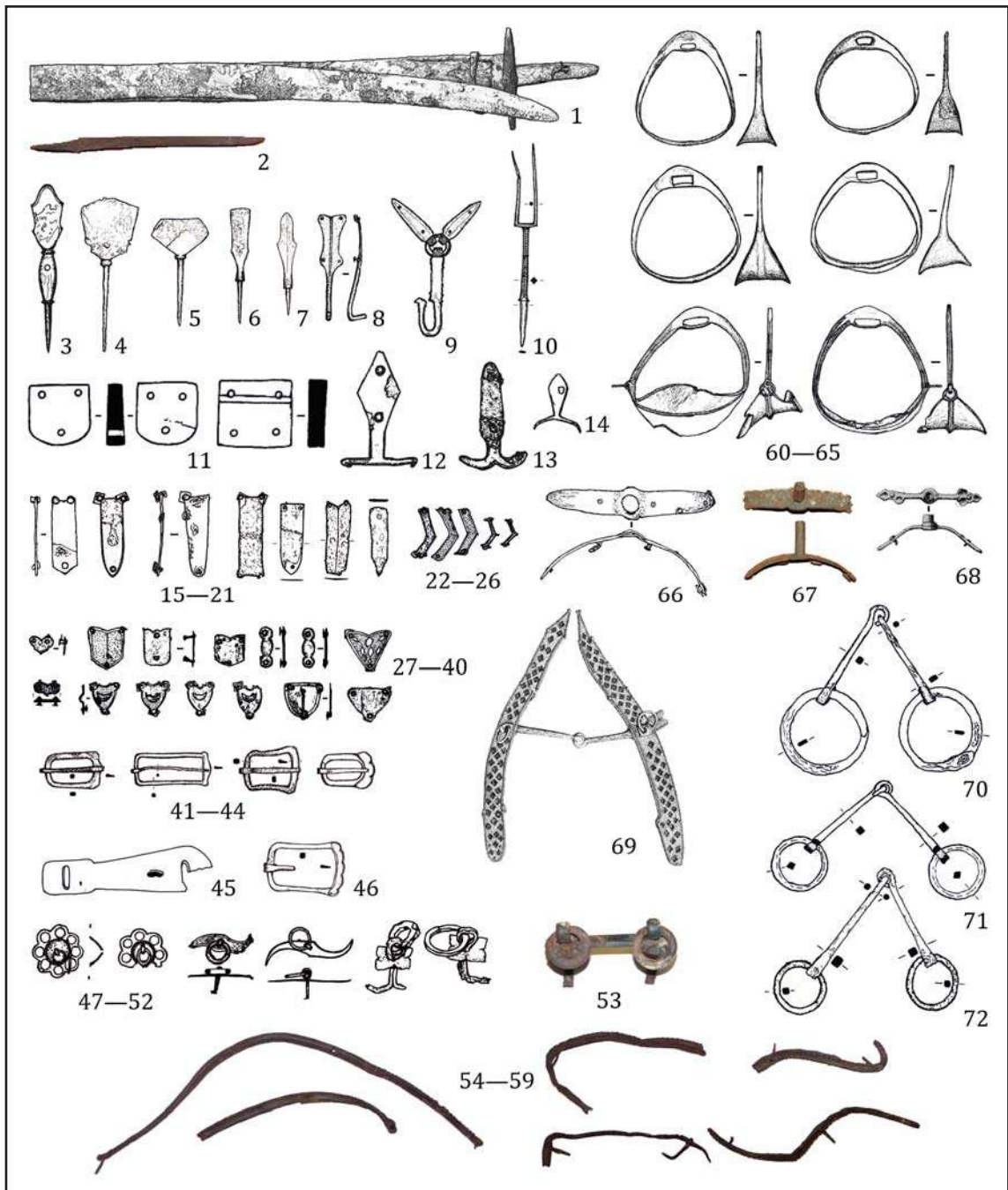
чатые панцири типа куюка и кольчуги (Худяков 2007: 130).

К XIII в. на территории Среднего Енисея преимущественно были распространены удила с грызлами подквадратного сечения и кольцами такого же или прямоугольного сечения. Кольца достигали максимальных размеров. Звенья прямые, равной либо несколько различной длины. Характерной частью кыргызского конского снаряжения являлись наносные султанчики, которые к началу монгольского времени имели различное сечение пластин — от плоской до выделяющейся трапецевидной. Это разнообразно орнаментированные изделия с рельефно выделяющимися деталями. В монгольское время наблюдается некоторое упрощение султанчиков, объединение разных типов, увеличение их размеров. Седла, характерные для монгольского времени, подразделяются на два основных типа: с подтреугольными и округлыми луками разной ширины и высоты. Распространенные в XIII в. седла отличаются прямым нижним краем полков. У стремян увеличивается ширина подножки, проемы чаще принимают каплевидную форму. Подножки в плане вытянуто-овальные, в сечении еще имеют опущенные края и ребра жесткости. Некоторые стремена покрывались серебром. К концу монгольского времени начали распространяться стремена со спрямленной подножкой (Выборнов 2009).

Детали фурнитуры — ременные накладки, пряжки, тренчики, пуговицы достаточно многочисленны. В большинстве своем, это железные изделия, орнаментированные и покрытые серебром. Оформлялась не только одежда человека, но и упряжь коня. Именно украшений, т. е. предметов, не выполняющих никаких функций, кроме эстетической, обнаружено немного (Скобелев и др. 2014a: 88). В количественном отношении они существенно уступают орнаментированным предметам иного назначения. В значительной мере это объясняется уничтожением изделий из органических материалов в погребальных кострах или их разложением в погребениях по обряду ингумации. Предметы из цветных металлов в традиционно более богатых трупосожжениях также не сохраняются из-за расплавления.

Бытовые предметы представлены в погребениях крайне редко. К таковым можно отнести небольшие «мясные» ножи — короткие, уплощенные, с хорошо выраженным черенком, а также двузубые вилки (Скобелев 2007: 56).

Рис. 3. Сводная таблица предметов из погребальных комплексов монгольского времени Среднего Енисея (материалы раскопок С. Г. Скобелева, кроме 45, 69): 1 — палаш (железо); 2 — нож (железо); 3—7 — наконечники стрел (железо); 8 — колчаный крюк; 9 — накладка-крюк (железо); 10 — двузубая вилка (железо); 11—12 — поясная накладка (жадеит); 12—40 — ременные накладки (железо, серебро); 41—44, 46 — ременные пряжки (железо); 45 — пряжка (рог) (по Савинов 1991: рис. V: 7); 47—52 — седельные пробой с кольцами и упорами (железо); 53 — комплекс седельных пробоев (железо); 54—59 — седельные канты (железо); 60—65 — стремена (железо); 66—68 — наносные султанчики (железо); 69 — удила с пластинчатыми псалями (железо, серебро) (по Кызласов 1978: рис. 2); 70—72 — удила (железо). Без масштаба.

Fig. 3. Summary table of objects from the burial of the Mongolian time of the Middle Yenisei (excavations by S. G. Skobelev, except 45, 69): 1 — broadsword (iron); 2 — knife (iron); 3—7 — arrowheads (iron); 8 — quiver hook; 9 — pad-hook (iron); 10 — two-pronged fork (iron); 11 — waist pad (jade); 12—40 — belt linings (iron, silver); 41—44, 46 — belt buckles (iron); 45 — buckle (horn) (after Савинов 1991: рис. V: 7); 47—52 — saddle breakdowns with rings and stops (iron); 53 — saddle breakdown complex (iron); 54—59 — saddle breakdown piping (iron); 60—65 — stirrups (iron); 66—68 — nose sultanas (iron); 69 — bit with lamellar psalies (iron, silver) (after Кызласов 1978: рис. 2); 70—72 — bit (iron). No scale.

В целом, в предметном комплексе населения Среднего Енисея в монгольское время наблюдается волнообразная трансформация, причина которой кроется, по-видимому, в непростой политической ситуации, складывавшейся в Центральной Азии в этот период. Последствия монгольской экспансии с начала XIII в. оказали решающее влияние на материальную культуру местного населения. При этом следует учитывать не только демографические катастрофы, связанные с завоеванием и сопротивлением захватчикам, но и активное привнесение новых технологических приемов и способов внешнего оформления предметов. В большинстве случаев материальная культура монгольских кочевников находилась на более низком уровне развития, чем у жертв их экспансии. Не является исключением и население Среднего Енисея, создавшее самобытную развитую культуру. Монгольское завоевание привело к изобавлению от излишеств в вооружении и конском снаряжении и использованию наиболее простых форм — тех, что соответствовали основному типу боя, которого придерживались монголы (конные лучники). Постоянное военное положение, в котором оказались народы Среднего Енисея, заставило их обратиться к предметам, простым в изготовлении и ремонте, удобным, функциональным и отвечающим минимальным эстетическим потребностям. Такие вещи в качестве собирательного обозначения стандартизированных предметов, распространяемых в степях Евразии в это время, можно считать «монгольскими». По верному замечанию А. И. Соловьева, «триумф монгольского оружия заставил народы, на себе испытавшие его силу, относиться к нему, как к образцу для подражания» (Соловьев 2003: 156).

Безусловно, в XIII в. сохранялись способы изготовления и оформления деталей вооружения, снаряжения, одежды, которые бытовали в предшествующее время. Более того, изменения проходили по пути усложнения определенных предметов. В основном это относится к украшениям и декоративным деталям. Упадок наблюдается с конца XIII в., когда и завершается переход к значительно более упрощенным формам изделий.

Продолжение востребованности вещевого комплекса енисейских кыргызов (аскизской культуры) в XIII—XIV вв. подтверждается рядом археологических фактов. Так, предметы, отражающие характерные для Среднего Енисея морфологические, конструктивные и декоративные традиции производства металлических изделий, распространялись на значи-

тельное расстояние от коренной территории. Минусинские мотивы отмечены в оформлении ременных накладок, предметов вооружения этого периода, обнаруженных в Северном Приангарье (Сенотрусова 2015: 171—173; Сенотрусова и др. 2015: 122—124; Сенотрусова, Мандрыка 2016: 56). Отдельные изделия со Среднего Енисея в первой половине XIII в., а позднее — сюжеты и приемы их оформления, фиксируются в Поволжье (Руденко 2003: 71—72). Апплицированные золотом в традициях средневекового населения Минусинской котловины железные детали конского снаряжения и амуниции всадника обнаружены на территории Венгрии (Мештерхази 1984: рис. 1; 2).

Заключение

Монгольское завоевание серьезно сказалось на всех сторонах жизни населения юга Сибири. В первую очередь оно привело к тому, что в результате многочисленных войн, восстаний и переселений численность его резко упала. Это падение отразилось на уровне внешних культурных связей (в XIII в. они стали опосредованными, преимущественно односторонними) и привело к торможению внутреннего развития (чему способствовала унификация предметного комплекса, военного дела, подчинение стандарту социально-политического устройства, уменьшившаяся плотность населения и т. д.). Монгольский барьер с юга, юго-запада и юго-востока с конца XIII в. создал для значительной территории Южной Сибири ситуацию культурной изоляции по сравнению с домонгольским периодом, что косвенно подтверждается и отмеченным выше отсутствием сведений каких-либо письменных документов для периода с 1321 г. по начало XVII в.

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы отражают сохранение погребальной обрядности в форме трупосождения и трупоположения под невысокими кольцевыми каменными выкладками, характерной для местного населения от домонгольского времени до этнографической современности. Но материальная культура населения Среднего Енисея попала под влияние монгольской универсализации оружия и конского снаряжения. Тем не менее, сохранился ряд специфических черт в оформлении и конструкции различных категорий предметов. Самобытность некоторых минусинских изделий позволяет находить их аналогии в монгольское время далеко за пределами Хакасско-Минусинской котловины.

Литература

- Бартольд В. В. 1963. Киргизы. Исторический очерк. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. II. Ч. 1. *Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*. Москва: Наука, 471—543.
- Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). 1829. *История первых четырех ханов из рода Чингизова*. Санкт-Петербург: Типография Карла Крайя.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф) 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. 2005. *Архаические обычаи и обряды саанских тюрков*. Абакан: ХГУ.
- Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. 2000. *История енисейских кыргызов*. Абакан: ХГУ.
- Выборнов А. В. 2009. Реконструкция конского снаряжения населения Среднего Енисея позднего средневековья — начала Нового времени. *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 8 (5): Археология и этнография, 245—251.
- Гаврилова А. А. 1964. Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее. *СА* (2), 164—170.
- Гаврилова А. А. 1965. *Могильник Кудьргэ как источник по истории алтайских племён*. Москва; Ленинград: Наука.
- История земли Томской*. [Электронный ресурс.] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Tomsk_ist/text1.htm (дата обращения 03.12.2018).
- Крашенинников С. П. 1966. Дневник путешествия в 1734—1736 годах. Дорожной журнал. В: Окладников А. П. (отв. ред.). *С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы*. Москва; Ленинград: Наука. 49—87.
- Кызласов И. Л. 1978. Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время). *СА* (1), 122—141.
- Кызласов И. Л. 1981. Аскизская культура (средневековые хакасы в X—XIV вв.). В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 200—207.
- Кызласов И. Л. 1983. *Аскизская культура Южной Сибири. X—XIV вв.* САИ ЕЗ—18. Москва: Наука.
- Кызласов Л. Р. 1975. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура). В: Мандельштам А. Н. (отв. ред.). *Первобытная археология Сибири*. Ленинград: Наука, 193—211.
- Кызласов Л. Р. 1993. Монгольские нашествия XII—XIII вв. и гибель Древнехакасского государства. В: Кызласов Л. Р. (отв. ред.). *История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.* Москва: Наука, 113—134.
- Кызласов Л. Р., Копкоев К. Г. 1993. Хакасия в XVII — начале XVIII в. В: Кызласов Л. Р. (отв. ред.). *История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.* Москва: Наука, 135—195.
- Кычанов Е. И. 1965. Сведения в «Юань-ши» о переселениях кыргызов в XIII веке. *Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук* 5 (1), 59—65.
- Мештерхази К. 1984. Памятники аскизской культуры у с. Ракамаз (Венгрия). В: *Проблемы археологии степей Евразии: советско-венгерский сборник*. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 55—63.
- Мункуев Н. Ц. 1977. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв. В: Тихвинский С. Л. (отв. ред.). *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Москва: Наука, 409—447.
- Нечипоренко В. Н., Скобелев С. Г. 2003. Колчаны и их принадлежности в памятниках юга среднего Енисея позднего средневековья. *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 2 (3): Археология и этнография, 75—78.
- Памятники... 1882: *Памятники Сибирской истории XVIII века*. 1882. Книга первая. 1700—1713. Петербург: Типография Министерства внутренних дел.
- Рашид ад-Дин. 1952. *Сборник летописей*. Т. 1. Кн. 1. Перевод с персидского Л. А. Хетагурова. Редакция и примечания А. А. Семенова. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Руденко К. А. 2003. О верхней границе бытования вещей аскизского облика в Поволжье и Прикамье. В: *Проблемы истории России 5. На перекрестках эпох и традиций*. Екатеринбург: Волот, 68—79.
- Савинов Д. Г. 1977. О памятниках «Часовенногорского типа» в Южной Сибири. В: Артамонов М. И., Итс Р. Ф. (ред.). *Проблемы археологии и этнографии* I. Ленинград: ЛГУ, 90—99.
- Савинов Д. Г. 1991. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов. В: Худяков Ю. С. (отв. ред.). *Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 114—131.
- Сенотрусова П. О. 2015. К вопросу о связях средневекового населения Нижнего Приангарья с енисейскими кыргызами. В: Багашев А. Н. (отв. ред.). *Человек и север: антропология, археология, экология* 3. Материалы всероссийской конференции. Тюмень: ИПОС СО РАН, 171—173.
- Сенотрусова и др. 2015: Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Тишкин А. А. 2015. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в ангарской тайге. *АЭАЕ* (2), 116—125.
- Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. 2016. Приенисейская Сибирь — северная периферия Монгольской империи. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum plus, 54—57.
- Скобелев С. Г. 2001. Кыргызы Среднего Енисея под властью монголов (по археологическим свидетельствам). В: *Сибирская Займка. История Сибири в научных публикациях*. [Электронный ресурс.] URL: <http://zaimka.ru/skobelev-kyrgyz/#lightbox/0/> (дата обращения 10.10.2017).
- Скобелев С. Г. 2003. Археологические памятники позднего Средневековья — начала Нового времени как отражение процессов этногенеза в среде коренного населения Северного Приисаянья. *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 2 (3). Археология и этнография, 106—122.
- Скобелев С. Г. 2007. Южная Сибирь под властью монголов. *Наука из первых рук* (1), 52—59.
- Скобелев С. Г., Выборнов А. В. 2014. Позднесредневековые могильники на Среднем Енисее: особенности расположения. В: Ситдииков А. Г., Мака-

- ров Н. А., Деревянко А. П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Казань: Отечество, 502—504.
- Скобелев и др. 2014а: Скобелев С. Г., Выборнов А. В., Рюмшин М. А. 2014. Основные элементы художественного оформления изделий из железа енисейских кыргызов (VI—XVIII века). В: *Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации*. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 87—90.
- Скобелев и др. 2014б: Скобелев С. Г., Худяков Ю. С., Выборнов А. В. 2014. Средневековый могильник Унюк (по материалам исследований 2013—2014 годов). *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий XX*, 270—272.
- Сокровенное сказание 1941: *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongyol-un Niyuca tobciyan*. Перевод С. А. Козина. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Соловьев А. И. 2003. *Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья*. Новосибирск: Инфолио-пресс.
- Угдыжеков С. А. 1995. К оценке политической ситуации в Южной Сибири начала XIII в. В: *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии 1*. Горно-Алтайск: ГАГУ, 195—199.
- Худяков Ю. С. 1979. Находки монгольского времени у с. Белый Яр. В: Матющенко В. И. (отв. ред.). *История, археология и этнография Сибири*. Томск: ТомГУ, 46—52.
- Худяков Ю. С. 1982. *Кыргызы на Табате*. Новосибирск: Наука.
- Худяков Ю. С. 1997. *Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Hudud al-'Alam 1937: *Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A. H. — 982 A. D.* 1937. Translated and explained by V. Minorsky. London: Oxford University Press.

References

- Bartold, V.V. 1963. In Bartold, V.V. *Sochineniia (Works)*. Vol. II. Part 1. *Obshchie raboty po istorii Srednei Azii: Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy (General Works on History of Middle Asia: Works on History of the Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 471—543 (in Russian).
- Bichurin, N. Ya. (Hyacinth). 1829. *Istoriia pervykh chetyrekh khanov iz Doma Chingisova (History of the Former Four Khans of the Genghis Dynasty)*. Saint Petersburg: Karl Kray's Typography (in Russian).
- Bichurin, N. Ya. (Hyacinth). 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Corpus of Data on Peoples Living in Central Asia in Antiquity) 1*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Butanaev, V. Ya., Mongush, Ch.V. 2005. *Arkhaicheskie obychai i obriady saianskikh tiurkov (Archaic Customs and Rites of Turkic People in the Sayan Mountains)*. Abakan: Khakas State University (in Russian).
- Butanaev, V. Ya., Khudiakov, Yu.S. 2000. *Istoriia eniseiskikh kыrgыzov (History of the Yenisei Kyrgyz People)*. Abakan: Khakas State University (in Russian).
- Vyboinov, A.V. 2009. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology) 8 (5): Arkheologiya i etnografiia (Archaeology and Ethnography)*, 245—251 (in Russian).
- Gavrilova, A.A. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (2)*, 164—170 (in Russian).
- Gavrilova, A.A. 1965. *Mogil'nik Kudyrgе kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrgе Burial Ground as a Source on History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Istoriia zemli Tomskoi (History of the Tomsk Land)*. [Electronic resource.] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600—1620/Tomsk_ist/text1.htm (accessed 03.12.2018) (in Russian).
- Krasheninnikov, S.P. 1966. *Dnevnik puteshestviia v 1734—1736 godakh. Dorozhnoi zhurnal (Diary of Journey in 1734—1736: Road Journal)*. In Okladnikov, A.P. (ed.). *S.P. Krasheninnikov v Sibiri. Neopublikovannye materialy (S.P. Krasheninnikov in Siberia: Unpublished Documents)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 49—87 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (1)*, 122—141 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 1981. In Pletneva, S.A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 200—207 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 1983. *Askiz Culture of Southern Siberia in 10th — 14th Centuries (The Askiz Culture of Southern Siberia in 10th — 14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3—18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1975. In Mandel'shtam, A.N. (ed.). *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri (Prehistoric Archaeology of Siberia)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 193—211 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1993. In Kyzlasov, L.R. (ed.). *Istoriia Khakasii s drevneishikh vremen do 1917 g. (History of Khakassia from the Earliest Past to 1917)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113—134 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R., Kopkoev, K.G. 1993. In Kyzlasov, L.R. (ed.). *Istoriia Khakasii s drevneishikh vremen do 1917 g. (History of Khakassia from the Earliest Past to 1917)*. Moscow: "Nauka" Publ., 135—195 (in Russian).
- Kychanov, E.I. 1965. In *Izvestiia Akademii nauk Kirgizskoi SSR. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR. Social Sciences Series) 5 (1)*, 59—65 (in Russian).
- Mesterházy, K. 1984. In *Problemy arkheologii stepei Evrazii. Sovetsko-vengerskii sbornik (Issues of the Eurasian Steppes Archaeology. Soviet-Hungarian Volume)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 55—63 (in Russian).
- Munkuev, N. Ts. 1977. In Tikhvinskii, S.L. (ed.). *Tataro-mongoly v Azii i Evrope (Mongols in Asia and Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 409—447 (in Russian).
- Nechiporenko, V.N., Skobelev, S.G. 2003. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology) 2 (3): Arkheologiya i etnografiia (Archaeology and Ethnography)*, 75—78 (in Russian).
- Pamiatniki Sibirskoi istorii XVIII veka (Sources for Siberian History of 18th Century)*. 1882. *Kniga pervaiia. 1700—1713 (Book One: 1700—1713)*. Saint Petersburg: Typography of the Ministry of Interior (in Russian).
- Rashid-al-Din. 1952. *Sbornik letopisei (Jami' al-tawarikh = Compendium of Chronicles)*. Vol. 1. Book 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2003. In *Problemy istorii Rossii (Issues of the History of Russia) 5. Na perekrestkakh epokh i traditsii (On the Crossroads of Epochs and Traditions)*. Yekaterinburg: "Volot" Publ., 68—79 (in Russian).
- Savinov, D.G. 1977. In Artamonov, M.I., Its, R.F. (eds.). *Problemy arkheologii i etnografii (Issues of Archaeology and Ethnography) I*. Leningrad: Leningrad State University, 90—99 (in Russian).
- Savinov, D.G. 1991. In Khudiakov, Yu.S. (ed.). *Pamiatniki kyrgyzskoi kul'tury v Severnoi i Tsentral'noi Azii (Sites of the Kyrgyz Culture in Northern and Central Asia)*. Novosibirsk:

- Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Institute for History, Philology, and Philosophy, 114—131 (in Russian).
- Senotrusova, P.O. 2015. In Bagashev, A.N. (ed.). *Chelovek i sever: antropologiya, arheologiya, ekologiya (Man and the North: Anthropology, Archaeology, Ecology)* 3. Tyumen: Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 171—173 (in Russian).
- Senotrusova, P.O., Mandryka, P.V., Tishkin, A.A. 2015. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (2), 116—125 (in Russian).
- Senotrusova, P.O., Mandryka, P.V. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiya Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 54—57 (in Russian).
- Skobelev, S.G. 2001. In *Sibirskaiia Zaimka. Istoriia Sibiri v nauchnykh publikatsiiakh (Siberian Squattage: History of Siberia in Scientific Publications)*. [Electronic resource.] URL: <http://zaimka.ru/skobelev-kyrgyz/#lightbox/0/> (accessed 10.10.2017) (in Russian).
- Skobelev, S.G. 2003. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology)* 2 (3). *Arheologiya i etnografiya (Archaeology and Ethnography)*, 106—122 (in Russian).
- Skobelev, S.G. 2007. In *Nauka iz pervykh ruk (Science at First Hand)* (1), 52—59 (in Russian).
- Skobelev, S.G., Vybornov, A.V. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevianko, A.P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Meeting at Kazan)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 502—504 (in Russian).
- Skobelev, S.G., Vybornov, A.V., Riumshin, M.A. 2014. In Gerashchenko, M.V. (ed.). *Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoi i khudozhestvennoi interpretatsii (Archaic and Traditional Art: Problems of Scientific and Artistic Interpretation)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 87—90 (in Russian).
- Skobelev, S.G., Khudiakov, Yu.S., Vybornov, A.V. 2014. In *Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories)* XX, 270—272 (in Russian).
- Sokrovennoe skazanie. *Mongol'skaia khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongol-un Niyuča tobčiyān ((The Secret History: the Mongol Chronicle of 1240)*. 1941. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Solov'ev, A.I. 2003. *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ia (Weapons and Armor: Siberian Armament from the Stone Age to Middle Ages)*. Novosibirsk: "Infolio-press" Publ. (in Russian).
- Ugdyzhkov, S.A. 1995. In *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arheologii (Antiquities of Altai: Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 1. Gorno-Altaysk: Gomo-Altaysk State University, 195—199 (in Russian).
- Khudyakov, Yu.S. 1979. In Matiushchenko, V.I. (ed.). *Istoriia, arheologiya i etnografiya Sibiri (History, Archaeology, and Ethnography of Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 46—52 (in Russian).
- Khudyakov, Yu.S. 1982. *Kyrgyzy na Tabate (Kyrgyzs in the Tabat Basin)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudyakov, Yu.S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia (Armament of Southern Siberian Nomads in High Middle Ages)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Hudud al-'Alam. 1937. *The Regions of the World. A Persian Geography, 372 A.H. — 982 A.D.* Translated and explained by V. Minorsky. London: Oxford University Press.

И. Л. Кызласов

Igor Kyzlasov. Professor, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Кызласов Игорь Леонидович. Доктор исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской средневековой археологии

Keywords: Southern Siberia, Turkic khaganate, Uigur khaganate, Old Khakass state, Mongol Empire, borders, sculptures, fortresses, barrows, tamgas, runiform inscriptions

Ключевые слова: Южная Сибирь, Тюркский каганат, Уйгурский каганат, Древнехакасское государство, Монгольская империя, границы, изваяния, крепости, курганы, тамги, рунические надписи

I. L. Kyzlasov

Archaeological Signs of State Land Surveying. Methodological Value of the South Siberian Medieval Archaeology

Archaeological and epigraphic sources allow to reveal external (state) and internal (administrative) borders between countries of the South Siberian region in the 6th—14th centuries. So, funerary sites with some Turkic sculptures, well distinguishable from similar objects of other Turkic people, seem to be an indicator of external borders of the First and Second East Turkic khaganates. Where they are absent, there was no Turkic domination. The northern border of the Uigur khaganate is noted by pise-walled fortresses and a 230 km long wall that connects them. Old Khakassia stone fortresses protecting passes in Western Sayan Mountains also show that borders of this country passed across ridges. But with expansion of the country from the second half of 9th century, the rivers became borders. It is evidenced by placement of military cemeteries of the ancient Khakass found on only the right coast of the Irtysh River. Two Mongol towns which had typical buildings for the Mongols, appear to be centers of two administrative districts. The old Khakassia family and personal heraldry is familiar to a series 9—10th centuries connected with marks in epitaphs and rocks, specified hereditary land use, outlining borders of possessions in Tuva and in Khakassia.

I. L. Kyzlasov

Археологические признаки государственного межевания. Методическое значение южносибирской средневековой археологии

Изучение археологических и эпиграфических памятников позволяет установить внешние (государственные) и внутренние (административные) границы для стран Южносибирского региона VI—XIV вв. Так, поминальные комплексы со скульптурой народа тюрков, хорошо отличимые от подобных памятников других тюркских народов, оказываются показателем внешних границ Первого и Второго Восточнотюркского каганатов. Где они отсутствуют, там не было тюркской власти. Северная граница Уйгурского каганата отмечена глинобитными крепостями и стеной, соединяющей их, длиной в 230 км. Древнехакасские каменные крепости, защищавшие проходы в Западных Саянах, показывают, что границы этой страны прошли по горным хребтам. Но с расширением страны со второй половины IX в. границами стали реки. На это указывает размещение воинских кладбищ древних хакасов, найденных только на правом берегу Иртыша. Два монгольских города, в которых были типичные для монголов здания, были центрами двух административных районов. Древнехакасские лично-фамильные геральдические знаки, которые в IX—X вв. оставляли на эпитафиях и на скалах, указывая на наследственное землепользование, обрисовали границы уделов в Туве и в Хакасии.

Историческое содержание археологической культуры эпохи средневековья существенно отличается от того, что оно несет в отношении раннего железного или бронзового века, не говоря уже о веке каменном. По-

скольку археология — самостоятельная наука, со своим предметом и своими методами получения и изучения данных, работая в ее средневековой области, важно понимать, в какие смежные научные сферы проникает наш по-

иск и что из этого следует в узком профессиональном смысле.

Осознавая это, пожалуй, прежде всего, увидим, что систематика древностей не может совпадать с лингвистической классификацией, так как языковую принадлежность народа невозможно установить по одним лишь археологическим источникам. В той или иной мере определить язык позволяют связи погребений и поселений с относящимися к ним памятниками письменности. Второй признак узнавания языковой принадлежности стоит на исторических основах: необходимо выяснить, как археологическая культура соотносится с историческими понятиями, обычно с древности определяющими территориальные рамки с помощью этнонимических и порожденных ими этнополитических наименований. Обычно задача сводится к увязке определенных археологических памятников с политическими границами стран, известных по письменным источникам. Однако второй способ не столь надежен, как первый.

В области археологической тюркологии наша наука сегодня внимательно и подробно разделяет многочисленные археологические культуры разных тюркоязычных народов средневековья. Эта работа приводит к выявлению конкретных признаков происхождения и видоизменения разных культур и создавших их разных народов (Кызласов И.Л. 2010: 200—205). Только расчленение культур позволяет выделить не умозрительно заданные, а реальные общие для них черты. В результате открываются единые особенности тюркских народов, указывающие на древние и древнейшие материальные признаки пратюркского мира.

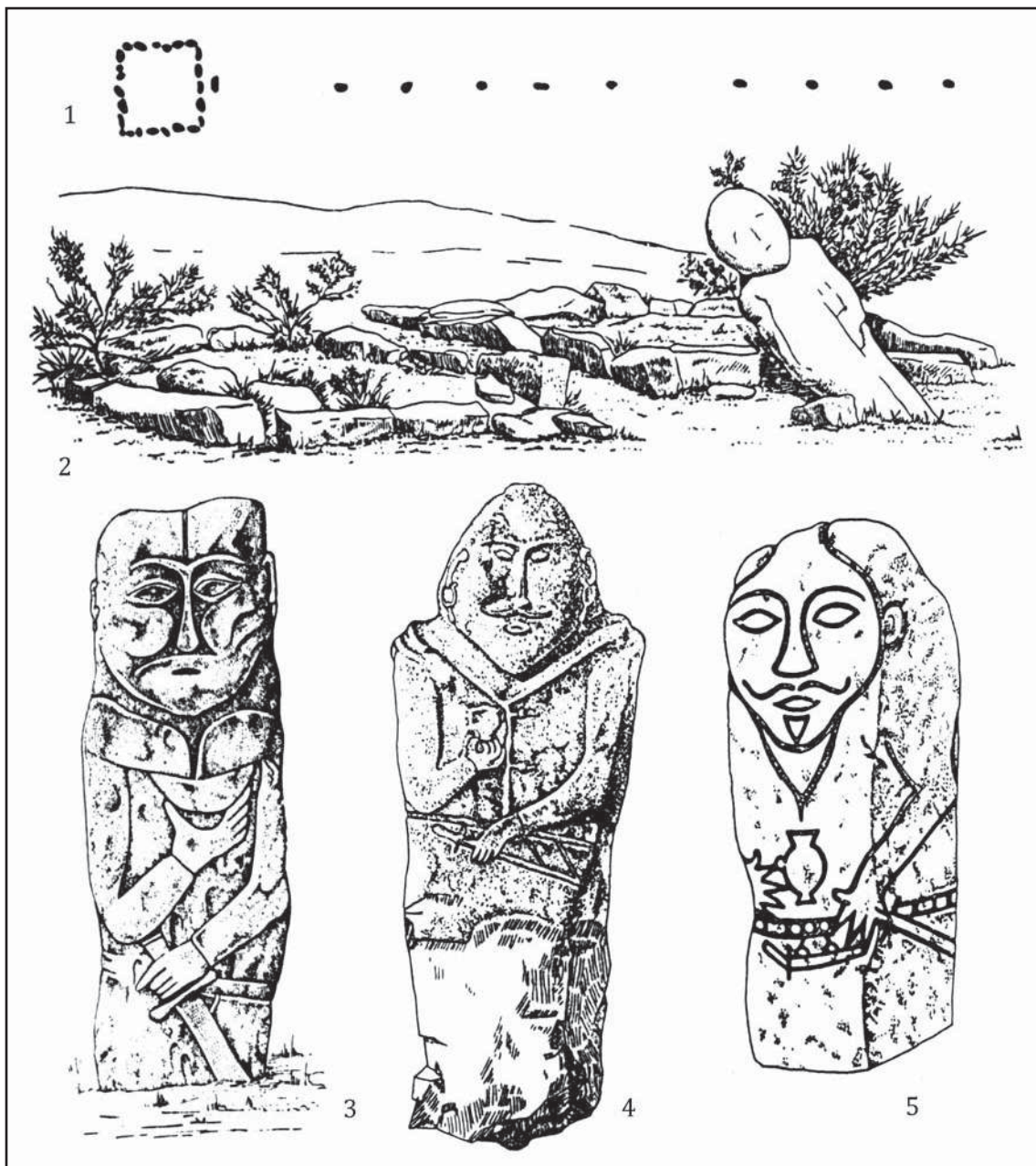
Разумеется, общие черты в разных археологических культурах средневековья порождено не только их происхождение. Сходство материальной культуры складывалось у разных народов в границах одного государства. Сегодня в нашей археологии существует понятие «государственная археологическая культура». Прежде всего, оно указывает на единство металлических изделий, применявшихся в мужском костюме и снаряжении, близкое сходство облика иных предметов, характерных для воинов-аристократов (пиршественных сосудов, знаков власти, деталях сбруи верхового коня и прочее). Такие подчиненные общности стиля изделия могут сводить в одну археологическую культуру непохожие друг на друга памятники. Такова салтово-маяцкая культура Восточной Европы, которая объединяет древности Хазарского каганата. Кроме названных металлических предметов офици-

ального для всей страны оформления, остальное не похоже друг на друга: ни обряд захоронений, ни глиняная посуда, ни формы жилищ. Такой же государственной археологической культурой (единой по изделиям, предназначенным для верхушки общества, и различной по остальным признакам) являются, скажем, археологические памятники Кимакского каганата, существовавшего в западной части Южной Сибири и на востоке Казахстана — в долинах левобережья Иртыша и в Восточном Семиречье.

Археологу важно понимать, что государства, возглавлявшиеся тюркоязычными династиями и народами, были населены людьми разных национальностей и языков (не только тюркской группы, но и иранской, финно-угорской и других). Поэтому в одной государственной культуре соединяются не только разные тюркские культуры, но и многие другие. Формирование такой культуры отражает консолидацию разноплеменного общества, прежде всего происходящую в среде его знати.

Подобные археологические признаки имеют самостоятельное значение, особенно для тех земель и периодов, для которых нет описаний. Не следует забывать непреложные преимущества археологии перед исторической наукой. Археологии дано не только проиллюстрировать или дополнить, но и опровергнуть письменные данные, в то время как историческое знание не в силах опровергнуть материальные свидетельства. Объединительный официальный стиль вещевых серий не является единственным археологическим признаком государственного межевания древностей. При широком подходе к изучению памятников, одновременно включающем внимательное отношение к систематике материала, существуют возможности для определения не только внешних, но и внутренних административных границ тех державных образований, существование которых весьма скупо отражено малочисленными письменными источниками.

Названный источниковедческий подход методически опровергает излишне обобщенный взгляд, весьма распространенный в области так называемого кочевниковедения, как правило, воспринимающий как единое целое явления разных земель и эпох. Не все коллеги, например, признают существование административных границ у древних и средневековых государств степной Евразии. Такое мнение обычно строится на данных нового времени. Скажем, на сезонных перекочевках казахов и джунгар на востоке или казахов, туркмен и башкир на западе Азии, не со-

Рис. 1. Поминальные оградки народа тюрков с изваяниями и балбалами. Вторая половина VI — середина VIII вв. 1 — схема типичного комплекса (слева направо: оградка, изваяние у восточной стенки, ряд балбалов перед лицом изваяния); 2 — общий вид, Монголия, р. Чадаана (по Евтюхова 1952: рис. 53); 3—5 — образцы изваяний, Тува, р. Чадаана, у пос. Кызыл-Тей; р. Ак-Чааты (по Кызласов 1969: рис. 2: 2; 3: 4, 5).

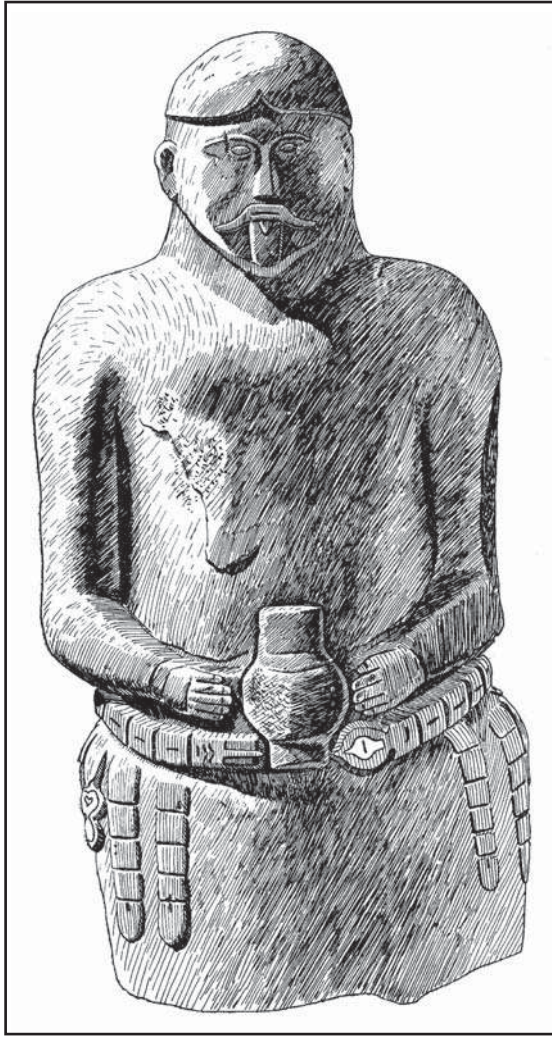
Fig. 1. Commemorative fencelets of the Turks, with statues and balbals. Second half of 6th — middle 8th centuries. 1 — plan of a typical complex (left to right: fencelet, statue at the eastern wall, a row of balbals in front of the statue). 2 — general view. Mongolia, Chadaana River (after Евтюхова 1952: рис. 53); 3—5 — examples of statues, Tuva: Chadaana River, near Kyzyl-Tei, Ak-Chaaty River (after Кызласов 1969: рис. 2: 2; 3: 4, 5).

блюдавших этнополитических рубежей даже в благоприятные природные годы. Между тем, среди историков хорошо известно, что перенос на иные эпохи свидетельств другого времени — серьезная методическая ошибка, недопустимая в профессиональной среде.

Не стану приводить разных указаний древних и средневековых источников, напомнив

лишь, для примера, о терпеливости Модэ-шаньюя в отношении подстрекателей-дунху в конце III в. до н.э. По первым требованиям отдавший противнику то лучшего коня, то красавицу-жену, правитель гуннов, как известно, начал войну из-за приграничной пустоши: «Земля есть основание государства; как можно отдавать ее?» (Бичурин 1950: 47).

Рис. 2. Тип уйгурских изваяний. Середина VIII — середина IX вв. Тува, р. Хемчик, у пос. Кызыл-Мажалык (по Кызласов 1969: рис. 26).

Fig. 2. Type of Uigur statues. Middle 8th — middle 9th centuries. Tuva, Chemchik River, near Kyzyl-Mazhalyk (after Кызласов 1969: рис. 26).

Названная специфика средневековых культур в полной мере проявляется при изучении южносибирских и центральноазиатских¹ древностей, оставленных тюркскими народами. Некоторые общие позиции особенно уместно рассмотреть на этом материале.

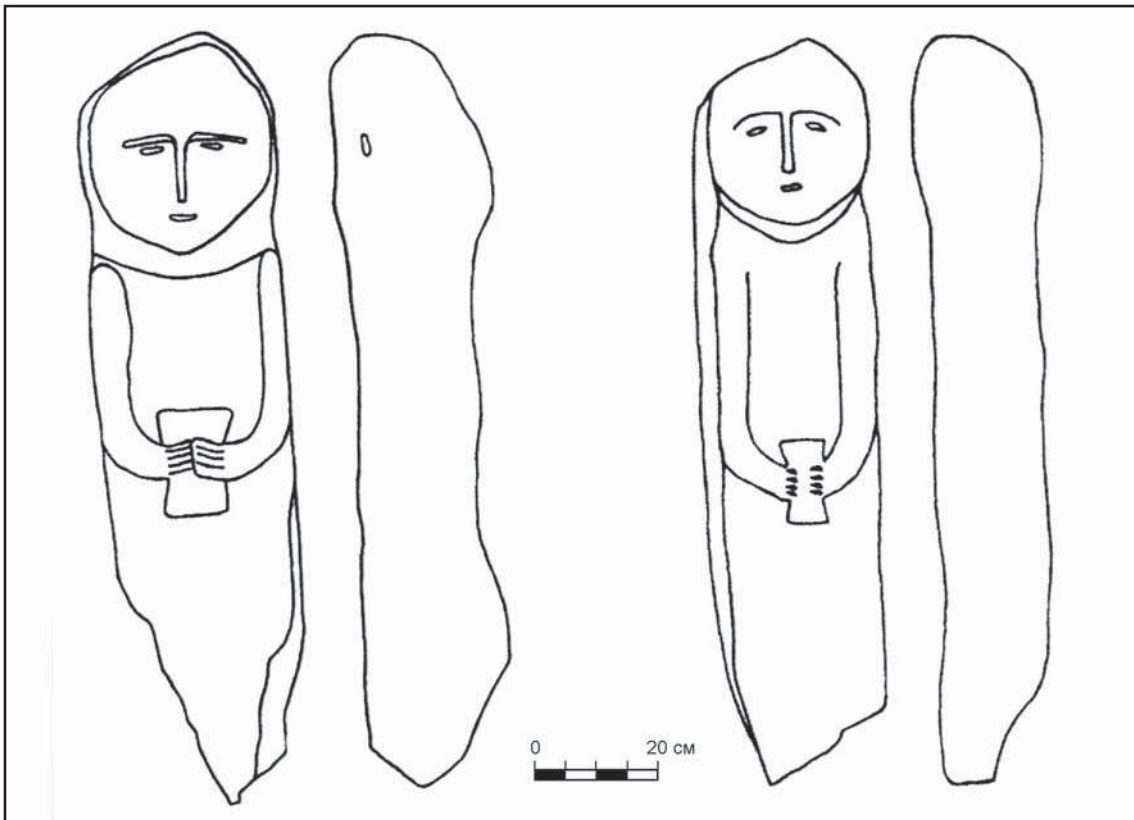
Для этого удобно применить результаты исследования Л.Р. Кызласова четырех разных по культуре государств, последовательно сменявшихся на землях Тувинской котловины, и четырех разных категорий относящихся к ним древностей, до работ Леонида Романо-

¹ Этот термин используется мною в традициях русской географической, а не европейской историко-культурной традиции, т.к. в первом случае признаки постоянны, а во втором изменчивы.

вича практически не освоенных археологами. Эти разработки имеют общее для нашей науки значение, далеко выходя не только за пределы Тувы, но и за рамки медиевистики степного пояса Евразии в целом.

В основе рассматриваемых изысканий лежит историзм подхода к древностям. Работы Л.Р. Кызласова, по сути, привели к формированию нового для сибирской науки тех лет направления — к созданию этноархеологии. Задолго до возникновения осознанного интереса к ней в других научных центрах его экспедицией проводилось изучение этнографических памятников археологическими методами (Кызласов 1964а; Кызласов, Леонтьев 1980), издавались специальные работы, обосновывающие правомерность такой ученой деятельности и необходимость смыкания археологических материалов с данными этнографии (Кызласов 1973; 1975а; 1992). Однако под термином «этноархеология» мною, согласно нормам русской речи, понимается не применение археологических методов к этнографическому материалу, а определение этнической принадлежности конкретного круга древностей. Этноархеология, в приведенном значении термина, вырастая в трудах Л.Р. Кызласова в отдельное направление нашей науки, в собственно археологической части явилось продолжением традиции В.А. Городцова и, поскольку она немыслима без привлечения письменных источников, С.В. Киселева (воспринявшего историзм второго своего наставника С.В. Бахрушина). Л.Р. Кызласовым уже в 1950-е гг. осуществлено этническое членение одновременных археологических памятников (культур) одной территории: от раннего железного века до средневековья включительно.

Этноархеологический подход, признающий сосуществование разных культурных традиций (следовательно, неоднородного по происхождению населения), сложившийся у Леонида Романовича еще в студенческие годы, сменил господствующий до того в сибиреведении эволюционистский принцип осмысления материалов (ср. с выработанной Л.Р. Кызласовым формой типолого-хронологических таблиц (Кызласов 1958; 1960а; 1964б; 1969; 1979; 1981а; 1981б; 1981в) тексты и таблицы археологических шкал С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова и других исследователей этой школы). Ныне тесное сосуществование носителей разных археологических традиций общепринято и в изучении южносибирских древностей воспринимается как само собою разумеющийся взгляд на материальные остатки любой эпохи.

Рис. 3. Тип кыпчакских изваяний. Вероятно, X—XII вв. Казахстан, р. Мерке (по Досымбаева 2006: рис. 23: 3, 4).

Fig. 3. Type of Kipchak statues. Supposedly, 10th — 12th centuries. Kazakhstan, Merke River (after Досымбаева 2006: рис. 23: 3, 4).

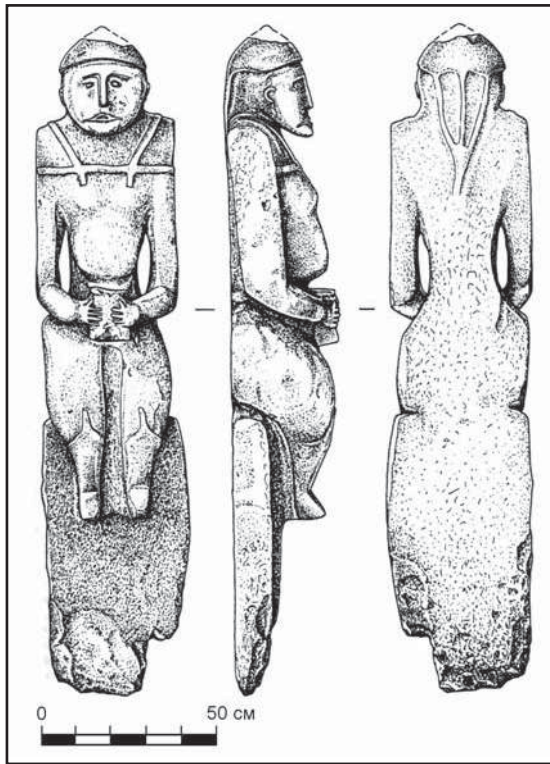
Археологические признаки внешних границ государства

1. Поминальные изваяния умерших

Этнокультурное членение поминальных памятников тюркских народов было произведено на основе систематики разнородных археологических материалов каждого из одновременных исторических пластов. В обобщенно воспринимаемых изваяниях тюркских народов раннего средневековья Л. Р. Кызласовым были впервые выделены, с одной стороны, памятники Первого Тюркского и Второго Восточнотюркского каганатов VI—VIII вв. и с другой — последующего Уйгурского каганата VIII—IX вв. Все эти государства приобрели набор отличительных археологических признаков этно-государственного большинства: первое — обряд трупоположения с конём, поминальные оградки и изваяния определенного канона, нередко сопровождаемые вереницей камней-балбалов (рис. 1), второе — укрепленные города характерного облика, могилы с подбоями, характерные глиняные сосуды, изваяния иного типа (рис. 2), устанавливавшиеся без поминальных огра-

док и балбалов (Кызласов 1960а; 1964б; 1969: 23—44, 80—82, рис. 1—8, 26, 27; 1979: 197—199; 1981б).

Благодаря разработкам Л. Р. Кызласова наука уяснила и назначение древнетюркских изваяний, изображавших не побежденных врагов, как это считалось со времен Н. И. Веселовского (Веселовский 1915; ср. Грач 1961: 73), а самих умерших витязей. Именно это определение и дало возможность связывать с ними народ тюрков и его культуру, конкретным историческим источником предстали также скульптуры прочих тюркских народов. Был также показан жертвенный характер поминальных оградок, определено точное содержание термина «балбал» в письменных источниках и других коренных элементов и понятий, связанных с поминальным комплексом собственно тюрков (Кызласов 1960а; 1964в; 1964г; 1965а; 1966). Надо сказать, что в современной, прежде всего, восточноевропейской литературе все еще бытует устарелое словоупотребление, ошибочно характеризующее археологические памятники народа тюрков: изваяния называют балбалами, а аристократические мемориальные комплексы, сохранившиеся на землях Монго-

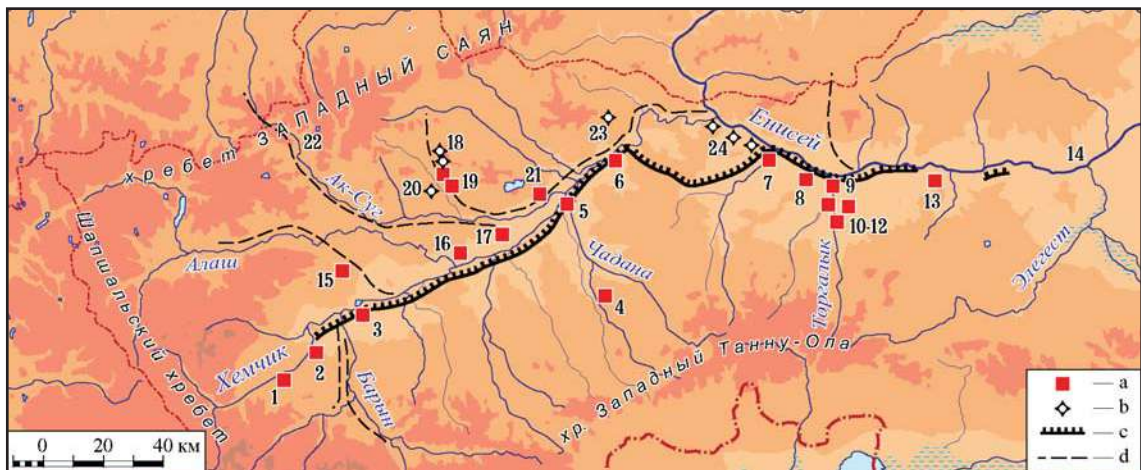
Рис. 4. Тип половецких изваяний. Середина XI — начало XIII вв. Бахмутский уезд, Екатеринославская губерния (по Плетнева 1974: табл. 82: 1303).

Fig. 4. Type of Polovtsy statues. Middle of 11th — early 13th centuries. Bakhmut district, Ekaterinoslavl region (after Плетнева 1974: табл. 82: 1303).

лии, в меньшей степени Тувы и Горного Алтая, именуют погребениями. Обычно авторы, допускающие такое непонимание, не знают серьезных работ по археологической тюркологии Азии. У всех восточнотюркских народов изваяния не водружались на погребениях и поминальные комплексы по большей части не располагались на одновременных им могильниках.

Семантика изваяний у всех восточнотюркских народов была одна — перед нами окаменевшие души умерших профессиональных воинов. Оттого любые поминальные скульптуры степей столбообразны, потому и сосуществуют они с грубо отделанными стелами, имеющими изображение одного лишь лица, а то и вовсе заменяются попросту водруженными камнями да гольшами, что они порождены идеей воплощения души воина в вертикально поставленный необработанный камень. Эту форму поминальных памятников археология Южной Сибири знает с гунно-сарматской эпохи (Кызласов И.Л. 1975). Остается пока непонятым, откуда пришел в тюркский мир первоначально посторонний для него импульс портретных поминальных изображений.

Изваяния центральноазиатских народов VI—IX вв. — и тюрков, и уйгуров — передавали индивидуальные особенности умершего и изображали только мужчин. Обычай высе-

Рис. 5. Уйгурские укрепления VIII—IX вв. в Туве (a) и древнехакасские крепости в Саянах (b), глинобитные стены (c) и начало троп через Саяны (d). 1 — Бай-Тал; 2 — Тээли; 3 — Эльдег-Кежиг; 4 — I Бажин-Алак; 5 — Баян-Тал; 6 — Iйме; 7 — II Бажин-Алак; 8 — V Шагонарское; 9 — I Шагонарское; 10 — II Шагонарское; 11 — III Шагонарское; 12 — IV Шагонарское; 13 — Барыкское; 14 — Усть-Элегестское; 15 — Эдегейское; 16 — Алдан-Маадыр; 17 — Бора-Тайга (или Ак-Оруу); 18 — I Манчурек; 19 — II Манчурек; 20 — III Манчурек; 21 — Устье Ак-Суга; 22 — Верховья Ак-Суга; 23 — Ишкин (Алды-Ишкин?); 24 — Мугур-Саргол (по Кызласов 1981б: рис. 31: E).

Fig. 5. Uigur fortifications of 8th — 9th centuries in Tuva (a) and early Khakassian forts in the Sayans (b), cob walls (c) and the beginning of the paths across the Sayans (d). 1 — Bay-Tal; 2 — Teeli; 3 — Eldeg-Kezhig; 4 — I Bazhin-Alak; 5 — Bayan-Tal; 6 — Iyme; 7 — II Bazhin-Alak; 8 — V Shagonar; 9 — I Shagonar; 10 — II Shagonar; 11 — III Shagonar; 12 — IV Shagonar; 13 — Barykskoye; 14 — Ust-Elegests koye; 15 — Edegeyskoye; 16 — Aldan-Maadyr; 17 — Bora-Tayga (or Ak-Oruu); 18 — I Manchurek; 19 — II Manchurek; 20 — III Manchurek; 21 — mouth of Ak-Sug; 22 — Verkhovya Ak-Sug headwaters; 23 — Ishkin (Aldy-Ishkin?); 24 — Mugur-Sargol (after Кызласов 1981б: рис. 31: E).

касть лики аристократок-катун, дополняющих каменные мужские образы, распространился лишь в пределах Западнотюркского каганата на землях Средней Азии и Казахстана, закрепился у кыпчаков (рис. 3) и пришел в Европу вместе с половцами.

У народа тюрков VI—VIII вв. воин изображен с чашей вина, которую держит правой рукой, левая лежит на рукояти висящего на поясе меча или сабли (рис. 1). Скульптуры уйгуров (VIII—IX вв.) имеют изображения поясов со многими привесками, но лишены оружия, а сосуд с вином держат двумя руками (рис. 2). На кыпчакских (или кимакских, предстоит научиться их отличать и точно датировать) нет изображений оружия, поясов и одежды. Они не портретны, а условны, держат сосуд, как уйгурские, двумя руками (рис. 3). Половецкие, как и восточные кыпчакские, стоят внутри прямоугольных сооружений и так же, как те, установлены по нескольким экземплярам, иногда бывают и закопаны в ямы. Но их лица портретны и не похожи друг на друга, из камня высечено все тело (и одежда, и оружие), фигуры сидят на сиденьях, свесив обе ноги вперед. От старого кыпчакского обычая остались лишь позы — сосуды держат на животе двумя руками (рис. 4).

На первый взгляд, различия в иконографических типах изваяний, как и разница в их установке (перед оградками, внутри сооружений, в открытой степи), сложились на национальной почве. Но каноны были официальны и выдерживались твердо. Везде, где в эпоху Первого Тюркского и Восточнотюркского каганатов жил народ тюрков, ставились сделанные и установленные по тюркским правилам изваяния и оградки. И потому они становились частью государственной культуры. Земли, где их нет, не входили в каганаты тюрков. Многие сотни таких поминальных комплексов в Монголии, они обычны в Туве и на Горном Алтае, но лишь одно изваяние встречено к северу от хребтов Западного Саяна (Евтюхова 1952: 95, 96, №66, 67 (оно же?), рис. 44; Грязнов, Шнейдер 1929: 85, табл. VII: 64 и библиография). Эти археологические признаки указывают, где проходила северная граница Тюркских каганатов, и то, что земли Хакасии никогда не были их частью.

Столь же наднациональны оказались в итоге и каноны уйгурских изваяний — изображения сосуда, удерживаемого двумя руками, прически с накоником и, реже, пояса со многими привесками в условиях нового каганата распространились на поминальные скульптуры тех тюрков, которые остались

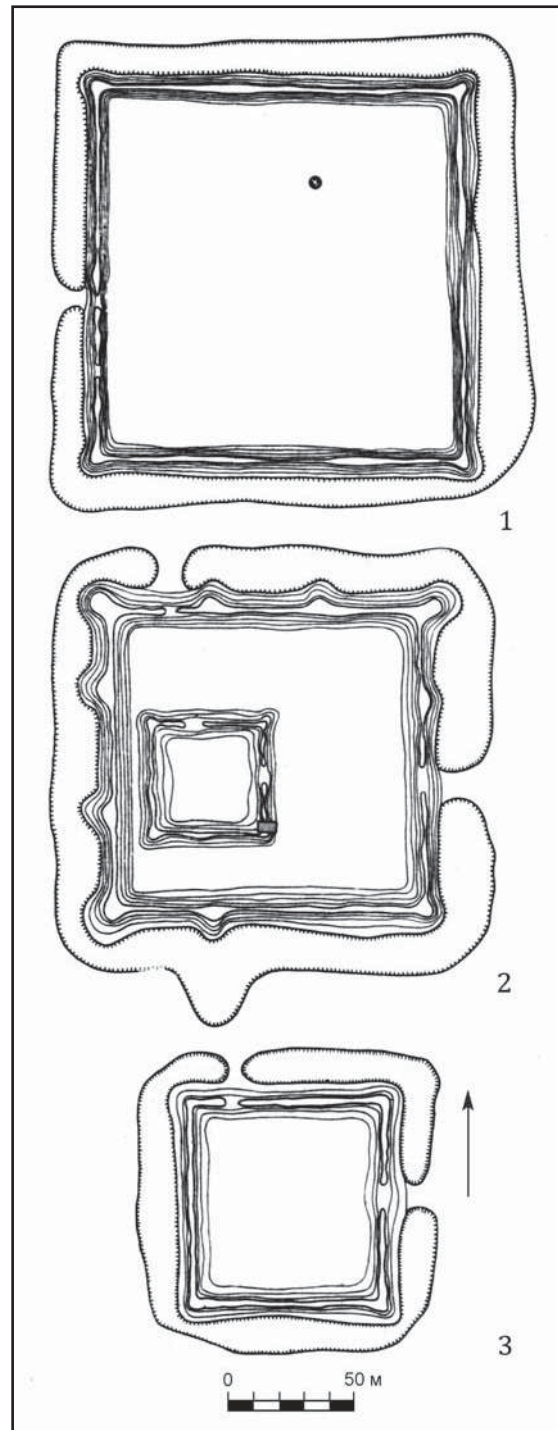

Рис. 6. Планы II (1), III (2) и IV (3) Шагонарских городищ в урочище Чер-Бажин (по Кызласов 1969: рис. 10).

Fig. 6. Plans of the II (1), III (2) and IV (3) Shagonar towns in Cherb-Bazhin natural stow (after Кызласов 1969: рис. 10).

на землях Центральной Азии или отступили на север в Хакасию, но были застигнуты там уйгурами при походе 758 г. (Евтюхова 1952: 94, 95, №65, рис. 43; Кызласов 1981а: 51, 100, рис. 28: 79). Вероятно, именно на таких изваяниях по старинке изредка обозначалось еще

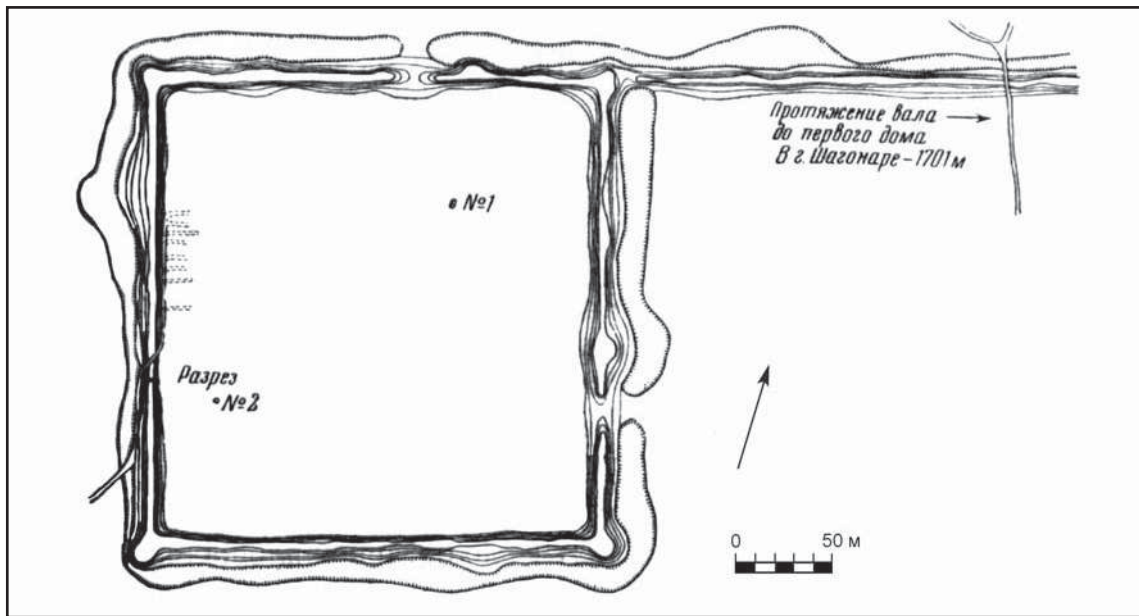

Рис. 7. План I Шагонарского городища (по Кызласов 1959: рис. 1).

Fig. 7. Plan of the I Shagunary town (after Кызласов 1959: рис. 1).

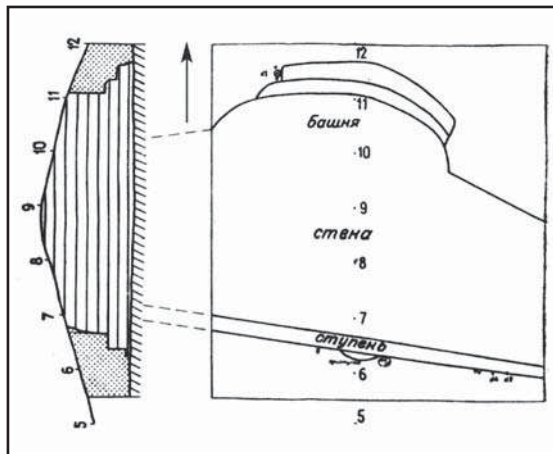

Рис. 8. III Шагонарское городище. План и профиль раскопа башни северных ворот замка (по Кызласов 1979: рис. 110).

Fig. 8. III Shagunary town. Plan and profile of the dig at the tower of the northern gate to the castle (after Кызласов 1979: рис. 110).

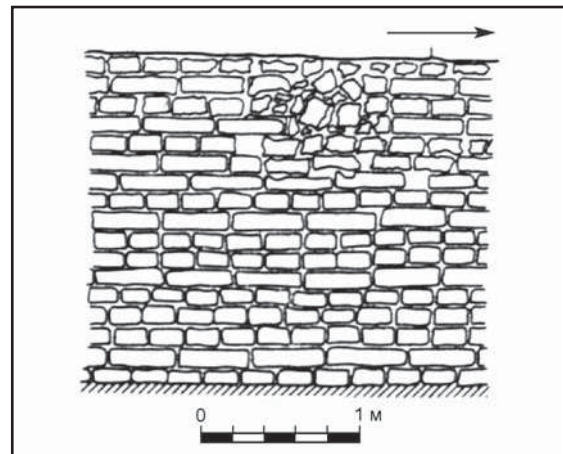

Рис. 9. III Шагонарское городище. Фасад западной стены цитадели в раскопе №1 (по Кызласов 1979: рис. 99).

Fig. 9. III Shagunary town. Facade of the western wall of the citadel in excavation no. 1 (after Кызласов 1979: рис. 99).

и оружие (Кызласов 1969: 82, рис. 27: 1—3). О пребывании уйгуров на Среднем Енисее свидетельствуют разные древности, редкѧ, но есть и их поминальная скульптура (Евтюхова 1952: 94, №64, рис. 42; Кызласов 1981в: 101, рис. 33: 30). Удерживание сосуда двумя руками — черта изваяний уйгурского типа, распространившаяся на запад (рис. 2—4) — быть может, религиозная поза, отличавшая приверженцев манихейства. Принятая Уйгурским каганатом в 763 г., эта вера размыла границы стран и через Древнехакасское государ-

ство передалась Кимацкому каганату и, судя по руническим надписям, покорила Дешт-и Кыпчак (Кызласов И. Л. 2005; 2012).

Размещение скульптур половецкого типа ныне также используется для определения северной окраины Поля и границ древнерусских княжеств. Археологические исследования, осуществленные М. В. Цыбиным (1999; 2000), позволяют привлечь к решению вопроса даже единичные изваяния, найденные в местах их первоначальной установки (Андреев 2016).

Рис. 10. Хакасия. Каменная стена на вершине горы Хара-таг в долине р. Черный Июс (фото автора).

Fig. 10. Khakassia. Stone wall on top of Khara-tag Mount in the Cherny Yus River valley (photo by the author).

II. Крепостные сооружения

Обследование Л. Р. Кызласовым Тувинской котловины, лежащей в верхнем течении Енисея, обнаружило 17 однотипных окруженных рвами глинобитных квадратных крепостей, часто с башнями по углам, сторонам и у ворот, а также соединявшую часть этих твердынь между собою сплошную глинобитную стену протяженностью в 230 км. Впервые получившие твердую датировку и культурную принадлежность, эти памятники широкой дугой направлены к южным склонам гор Западного Саяна (рис. 5). Крепости и стена оказались укрепленной северной границей Уйгурского каганата середины VIII — первой четверти IX в. (Кызласов 1959; 1964б: 67—69; 1969: 59—63; 1979: 145—158; 1981б: 53, 101, 142, рис. 31: Е, 1—13, 15—17, 19, 21).

Тут стали понятны слова уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (Баян-чора, Моюн-чура), в 758 г. высеченные орхонскими рунами на так называемом Селенгинском камне (строка 20): «...там я заставил построить крепостные стены», как и его призывы, запечатленные на другой, несколько более ранней Терхинской стеле (строка 5): «По... <такому-то хребту> южную границу, по Алтунской черни (совр. Алтай) западную границу, по Кёгмену (совр. Западный Саян) северную границу защищай» (Ма-

лов 1959: 32, 36, 40; Кляшторный 1980: 90, 92; 2010: 38—42, 47). Северная граница тогдашней Уйгурии проходила по хребтам Западного Саяна. Остальными границами страны, согласно камнерезному тексту, также являлись горные цепи.

По словам того же кагана (Селенгинский камень, строка 44), строить города он велел «согдам и табгачам» (т.е. согдийцам и китайцам), как это было на Селенге в отношении Бай-Балыка (Малов 1959: 34, 38, 43). Историко-архитектурные особенности уйгурских длинной стены и крепостей, выявленные археологией в Туве, показали, что в их строительстве действительно участвовали среднеазиатские зодчие (согдийцы) (Кызласов 1979: 146—148, 153, 154, 157, рис. 99, 110, 114). Важно отметить, что среднеазиатской осталась техника строительства и, вероятно, сама идея длинной оборонительной стены, но планировка крепостей, правильно ориентированных стенами по странам света, оказалась самобытно уйгурской, не связанной также и с квадратными китайскими чэн'ами. На то указывают размещение и число въездных ворот, ведущих не на все стороны света, а на север и восток (рис. 6; 7), что не имеет прямых аналогов в градостроительстве ни Средней Азии, ни китайского или китаизированного Дальнего Востока предшество-

Рис. 11. Часть каменной кладки крепостной стены на горе Хара-таг (фото автора).

Fig. 11. Part of the stone masonry in the wall of the fort on the Khara-tag Mount (photo by the author).

ющей и одновременной поры². Лишь найденная серая желобчатая черепица имела характерный танский облик (Кызласов 1979: 150, 152, рис. 106: 1). Самобытной была и уйгурская традиция сооружения крепостей в низких сырых, временами затапливаемых местах, непременно сопровождавшихся заполненными водой рвами. При строительстве укреплений преобладала заливка в опалубку глиняного раствора, замешанного с галькой и обломками сырцового кирпича, глинобитная техника и кирпичная кладка (рис. 8; 9). Ее специфические особенности (формат кирпича и своеобразная система чередования рядов) подтверждены при раскопках манихейских храмов, сооружение которых было начато уйгурской властью в долине Среднего Енисея вслед за ее недолгим завоеванием в 758 г.

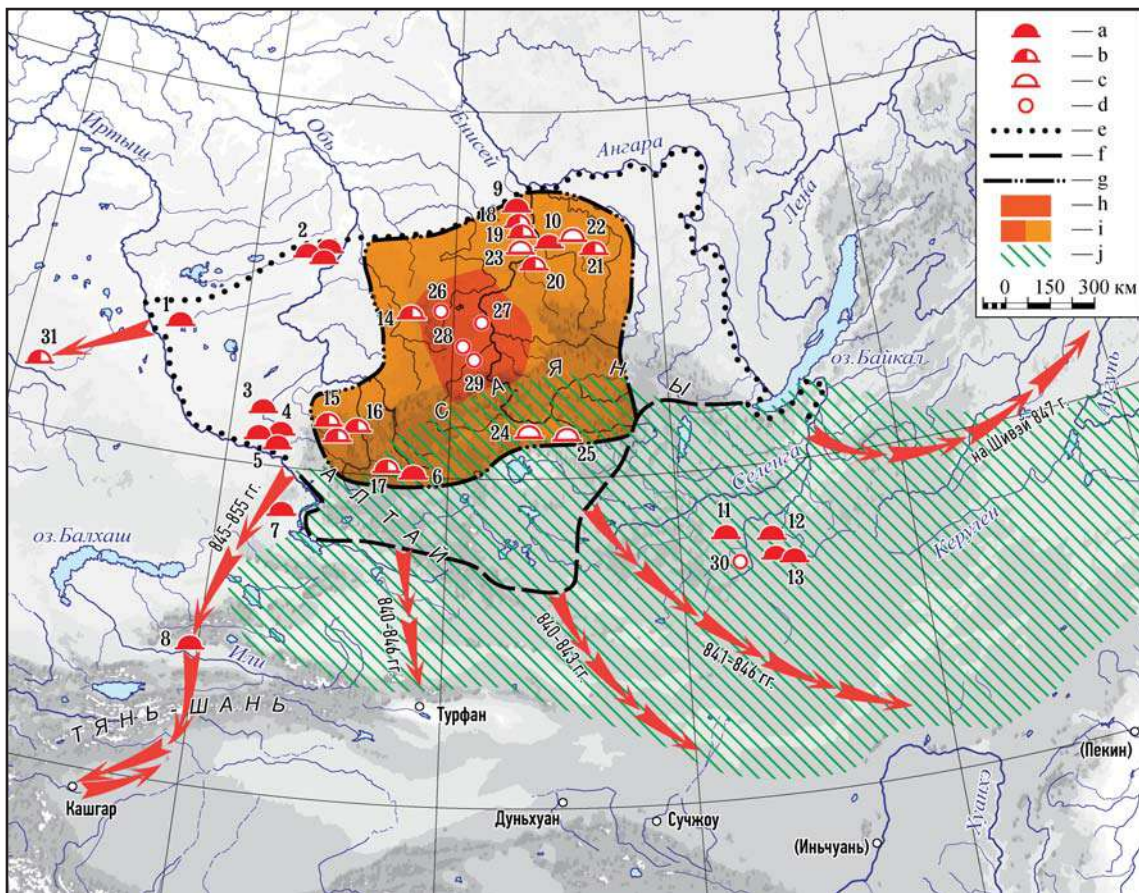
У средневековых хакасов крепости были совсем другими (Кызласов 1963а: 160—162, рис. 1—3; Кызласов И. Л. 2014а). Этот народ не жил в укрепленных поселениях. Сте-

Рис. 12. Восточная стена крепости на горе Хара-таг, спускающаяся по склону (фото автора).

Fig. 12. Eastern wall of the fort on the Khara-tag Mount, climbing uphill (photo by the author).

² Определение недавних раскопщиков Пор-Бажина техники сооружения его стен как китайского способа ханту, ошибочно. Оно не учитывает тех зафиксированных ранее традиций, которые были присущи градостроительству Уйгурского каганата на территории Тувинской котловины (Кызласов 1979: 145—158).

Рис. 13. Распространение окраинных курганов и границы Древнехакасского государства: а — IX—X вв.; б — XI—XII вв.; с — XIII—XIV вв.; d — основные памятники; e — рубежи 840—890-е гг.; f — юго-восточная граница начала X в.; g — XI—XII вв.; территории государства: h — VI—IX вв. (культура чаатас); i — XI—XII вв. (аскизская культура); j — земли Уйгурского каганата; стрелками обозначены военные походы (по Кызласов 1981в: рис. 32, данные 1970-х гг.).

Памятники: 1 — Бобровое; 2 — Уень; 3 — Гилёво; 4 — Камышинка; 5 — Зевакино; 6 — Узунтал; 7 — Мечеть; 8 — Текели; 9 — Большая Мурта; 10 — Ладейское; 11 — Наймаа-Толгой; 12 — Суджа; 13 — Ихэ-Алык; 14 — Гурьевск; 15 — Чарыш; 16 — Яконур; 17 — Акташ; 18 — Миндерла; 19 — Кубеково; 20 — Торгашино; 21 — Анжеевка; 22 — Канско-Перевозинское; 23 — Часовенная Гора; 24 — Урбюк; 25 — Межегей; 26 — Сулек; 27 — Копёны; 28 — Уйбатский чаатас; 29 — Уйбатский город; 30 — Орду-Балык; 31 — Ак-Полак.

Fig. 13. Distribution of marginal barrows and boundaries of the Early Khakassia state: a — 9th—10th centuries; b — 11th—12th centuries; c — 13th—14th centuries; d — main sites; e — 840—890s; f — south-eastern boundary of the early 10th century; g — 11th—12th centuries; state territories: h — 6th—9th centuries (Chaatas culture); i — 11th—12th centuries (Askiz culture); j — possessions of the Uigur khaganate; arrow mark military campaigns (after Кызласов 1981в: рис. 32). Data of 1970s.

Sites: 1 — Bobrovoye; 2 — Uen'; 3 — Gilevo; 4 — Kamyshinka; 5 — Zevakino; 6 — Uzuntal; 7 — Mechet'; 8 — Tekeli; 9 — Bolshaya Murta; 10 — Ladeiskoye; 11 — Naymaa-Tolgoy; 12 — Sudzha; 13 — Ihe-Alyk; 14 — Guryevsk; 15 — Charysh; 16 — Yakonur; 17 — Aktash; 18 — Minderla; 19 — Kubekovo; 20 — Torgashino; 21 — Anzheevka; 22 — Kansko-Perevozinskoye; 23 — Chasovennaya Gora; 24 — Urbyuk; 25 — Mezhegey; 26 — Sulek; 27 — Kopeny; 28 — Uibatsky Chaatas; 29 — Uibatsky gorod; 30 — Ordu-Balyk; 31 — Ak-Polak.

ны из камня строились на вершинах соседних гор, отгораживали площадки на краю скальных обрывов (рис. 10) и служили убежищами на случай опасности. На строительстве горных крепостей работали специалисты — инженеры-фортификаторы и строители-каменщики: каменные кладки стен, уложенные всухую в VIII в., не разрушаясь, пересекали крутые склоны и широкие лога, спускались в глубокие и узкие теснины (рис. 11), без пе-

рестроек использовались еще в XVII в. и стоят поныне (рис. 12). Ширина стен, в зависимости от покатости склонов, бывает 120, 160 или 200 см — применялся стандартный архитектурный модуль в 40 см («древнехакасский локоть»). Такие крепости были и маленькими, и очень большими (в горах Оглахты стена и ров перед ней, дугой закрывая урочища площадью 9 × 13 км, тянутся на 25 км) (Кызласов И.Л. 2014а: 167, рис. 8; 9). Древ-

Рис. 14. План основной части города Дён-Терек. Первая половина XIII в. 1—8 — раскопанные здания (по Кызласов 1965: рис. 28).

Fig. 14. The plan of the main sector of Dyon-Terek town. First half of the 13th century. 1—8 — unearthed structures (after Кызласов 1965: рис. 28).

нехакасские фортификационные традиции не были рассчитаны на защиту внешних границ, стратегия вооруженной борьбы предполагала сохранение армии — будучи разбитой в долине, она разбивалась на отряды и уходила в нагорные твердыни. Отступать с них было некуда, но, погибая на одних, мужчины спускались с других крепостей и вновь налаживали нарушенную врагом жизнь.

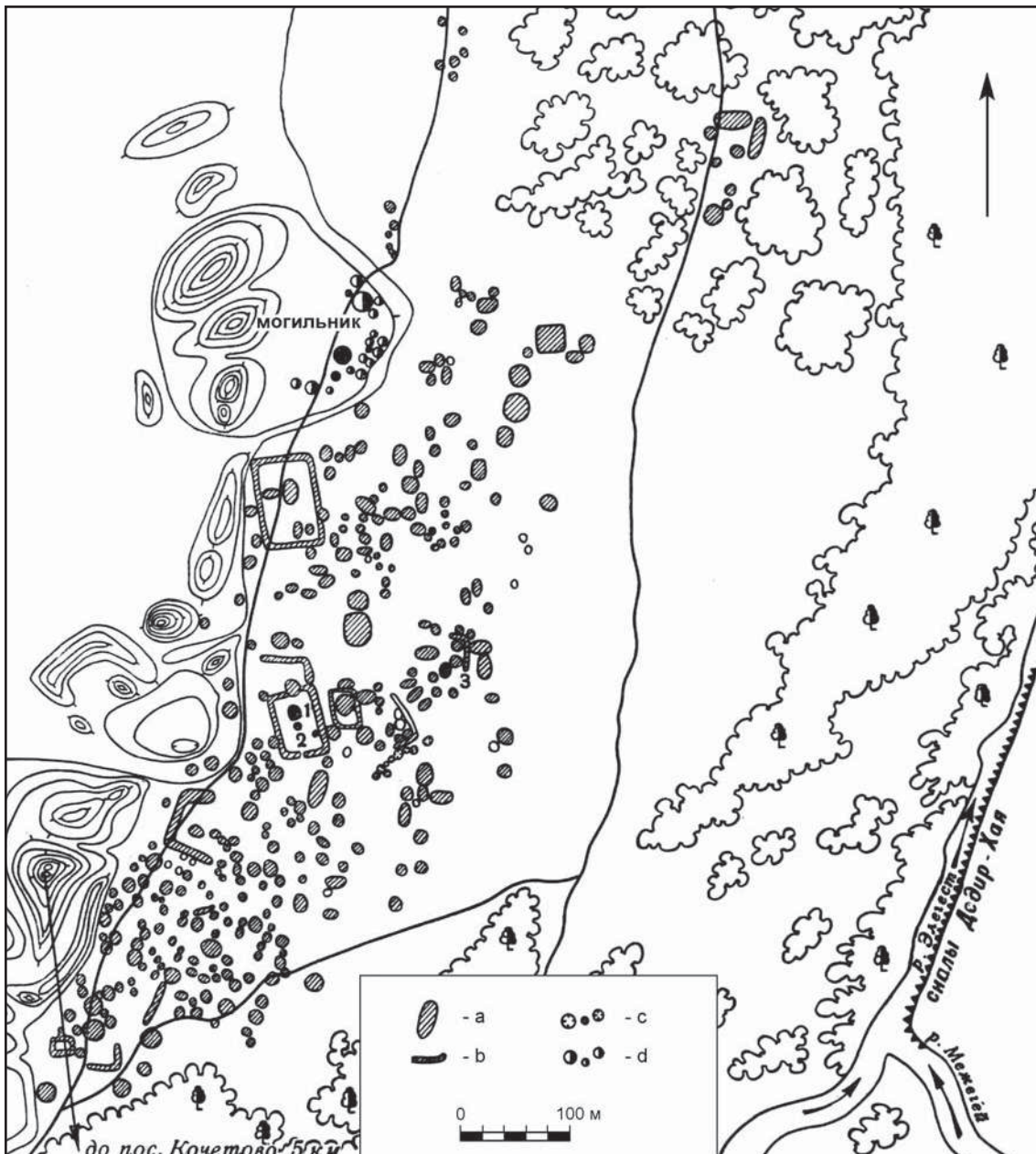
Однако известные каменные крепости, перекрывавшие зимний путь в каньоне Енисея (идущий с юга враг преодолевал горы по льду), такие, как Омай-тура (Кызласов 1981а: 51; Длужневская 1989; Кызласов И. Л. 2014а: 168, рис. 11; 12; 2014б), и стены, закрывавшие летние конные тропы на перевалах Саянского хребта (Кызласов 1981а: 101, рис. 31; Е, 18, 20, 22, 23; Кызласов И. Л. 2014а: 169, 170) (рис. 5). Судя по этим укреплениям, древние хакасы в то время также считали горные цепи границами своих земель.

Вероятно, в конце X в. на степных рубежах древнерусские сторожевые поселения и крепости увязывались с линейными древо-земляными стенами большой протяженности — «змиевыми валами». Однако особо быстрое и системное строительство городов происходит с разделением Киевской Руси на самостоятельные владения — в 30—50-е гг. XII в. они ставятся как крепости на границах княжеств. Среди традиционного строительства здесь в единой оборонительной системе выделяются приграничные горо-

да принятых на службу степняков, возведенные по их собственным фортификационным приемам (Моргунов 2006; 2009: 163—231). Таковы археологические признаки внешних государственных границ раннего средневековья Восточной Европы.

III. Расположение погребений

Интересная для нашей темы картина возникает с изучением захоронений саяно-алтайской тюхтятской археологической культуры, совпадающих с наступившей за разгромом Уйгурского каганата экспансией Древнехакасского государства в Южной и Западной Сибири и в Центральной Азии в середине IX—X вв. Полученный Л. Р. Кызласовым массовый, хорошо датированный материал позволил выделить на широкой территории резко отличающиеся от прочих курганные захоронения с трупосожжением на стороне, их специфический обряд (включая облик надмогильных сооружений, установку стел с енисейскими эпитафиями и тамгами), характерный состав и своеобразие погребального инвентаря (Кызласов 1960б: 62—63; 1969: 97—108, 114—116, рис. 42; 47; 48; 1981в). Вытянувшиеся вдоль правого берега Верхнего и Среднего Иртыша типичные тюхтятские воинские курганы, нередко размещенные на могильниках местных племен (Зевакино, Камышенка, Ново-Камышенка, Боброво и др.), указали расположение гарни-

Рис. 15. План Межегейского городища XIII—XIV вв. (по Кызласов 1969: рис. 50). Условные обозначения: а — остатки домов; b — остатки вала; с — следы от юрт; d — курганы.

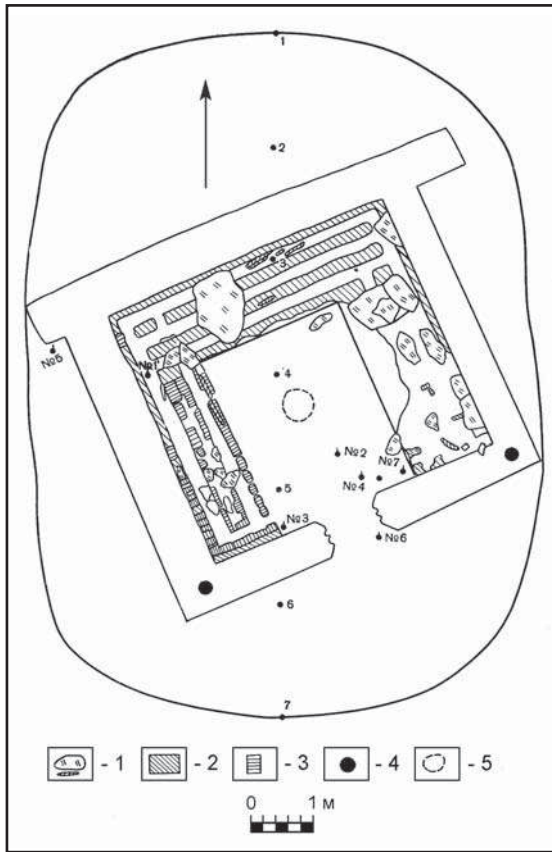
Fig. 15. The plan of the Mezhegey town, 13th—14th centuries (after Кызласов 1969: рис. 50). Legend: a — remains of houses; b — remains of rampart; c — traces of the yurts; d — mounds.

зонов, обозначив тем самым западную границу Древнехакасского государства, которой послужила река (Кызласов 1981в: рис. 32: а). Тем самым, археологические данные конкретизировали рубежи тухтятского ареала с одной из сторон света, в остальной части совпадающие с более общими данными письменных источников. Учитывая прочий курганный материал, следует считать северным и восточным рубежом страны Ангару и Селенгу (Кызласов 1981б: 58, рис. 32) (рис. 13).

Археологические признаки внутреннего членения государства

IV. Городские центры

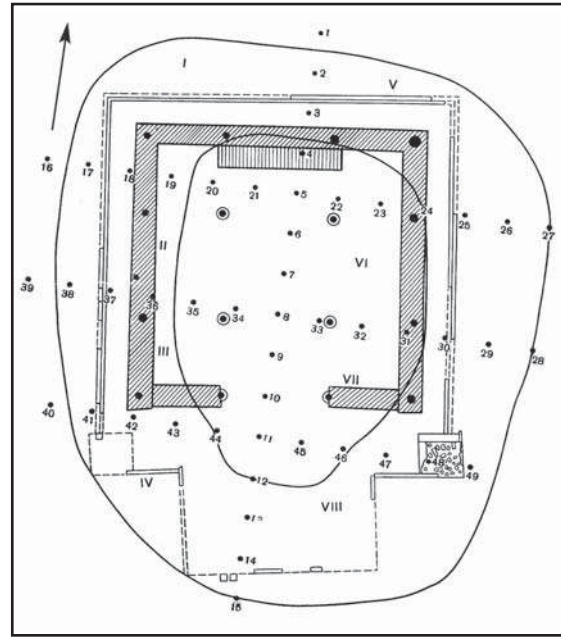
Четвертым государством, сменившим в Туве Тюркский, Уйгурский и Древнехакасский каганаты, была Монгольская империя. Ее памятники — два поселения и 6 городов XIII—XIV вв. (Дён-Терек, Оймак, Межегей, Могой, Элегест, Эртине-Булак) — были

Рис. 16. Эртине-Булакское городище XIII—XIV вв. План жилого дома. Условные обозначения: 1 — плиты; 2 — глина; 3 — кирпичи; 4 — деревянный столб; 5 — место жаровни (по Кызласов 1969: рис. 54).

Fig. 16. Ertine-Bulak hillfort, 13th—14th centuries. Plan of a dwelling structure. 1 — slabs; 2 — clay; 3 — bricks; 4 — wooden pillar; 5 — chargrill place (after Кызласов 1969: рис. 54).

выявлены целевыми разведками и раскопками (Кызласов 1959; 1963б; 1964б: 84—92; 1965б; 1969: 11, 12, 130—171; 1975б). Города не имели укреплений, постройки были наземными, выделялись всхолмлениями развалов стен или насыпных платформ (рис. 15; 16). Жилища, подчиненные общему канону каркасного строительства и снабженные канами, оказались эталонными (рис. 16) — позднее исследования открыли такие дома от Молдавии до Восточной Сибири. Этими археологическими данными было опровергнуто расхожее мнение, что города монголам ставили не свои, а чужеземные строители. На городище Дён-Терек (первая половина XIII в.) раскопаны богатые двухкамерные жилища, дом с металлургической мастерской, административное и дворцовое здания. На сменившем его Межегейском городище — буддийский храм (рис. 17), при южном въезде на памятник уцелела буддийская ступа. На городище Оймак изучено казенное здание, найдены ча-

Рис. 17. Межегейское городище. План буддийского храма XIII—XIV вв. (по Кызласов 1969: рис. 56).

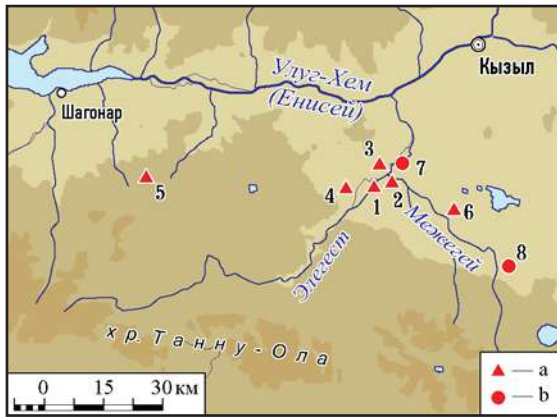
Fig. 17. Mezhegey town. Plan of the Buddhist temple, 13th—14th centuries (after Кызласов 1969: рис. 56).

сти буддийских скульптур, указавшие на бывший здесь религиозный центр, и постамент в виде черепахи для стелы с официальным указом, — свидетельство высокого социального статуса города. В обоих случаях открыты грунтовые городские кладбища с аллеями погребальной скульптуры (урочища Базырт-Даш и Чурумал).

Расположение правительственных и религиозных центров Тувы того времени двумя явными скоплениями было сопоставлено Л. Р. Кызласовым с указанным в источниках устройством этих земель при монголах, учредивших два округа: Кяньчжоу (Енисейский округ) и Иланьчжоу (Змеиный округ). Центром одного оказался город в урочище Оймак, второго — в местности Дён-Терек, а затем город, ставший Межегейским городищем (рис. 18).

V. Древнехакасские лично-фамильные тамги

Древнехакасское государство, для защиты от «летучих отрядов» которого, согласно руническим строкам, и строились уйгурами крепостные стены в долинах Верхнего Енисея, в упорной борьбе 820—840-х годов уничтожило Уйгурский каганат, расширило свои границы и целиком поглотило Туву. На ее землях появились новые для обычаев тех мест енисейские рунические надписи на поми-

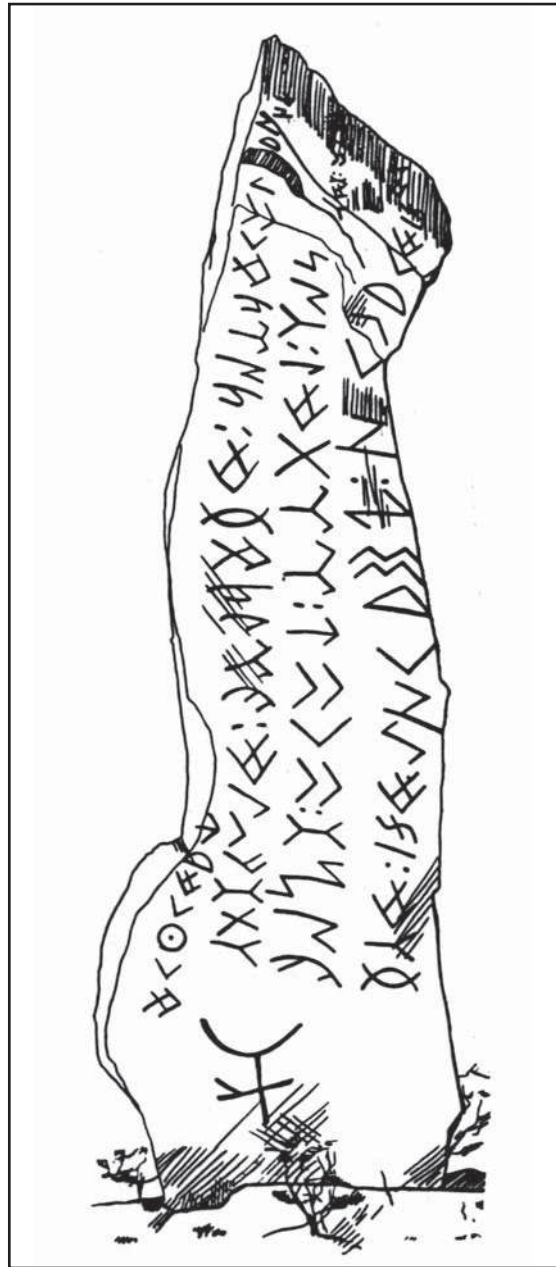

Рис. 18. Центральная Тува. Расположение монгольских памятников XIII—XIV вв. 1 — Дён-Терек; 2 — Могой; 3 — Межегейское; 4 — Элегестское; 5 — Оймак; 6 — Эртинэ-Булак; 7 — каменноугольные шахты; 8 — поселение у Сосновки. Условные обозначения: а — города; б — поселения (по Кызласов 1969: рис. 49).

Fig. 18. Central Tuva. Location of Mongol towns, 13th—14th centuries. 1 — Dyon-Terek; 2 — Mogoy; 3 — Mezhegey; 4 — Elegest; 5 — Oymak; 6 — Ertine-Bulak; 7 — coal mines; 8 — settlement at Sosnovka. Legend: a — towns; b — settlements (after Кызласов 1969: рис. 49).

нальных стелах (рис. 19) и на скалах. В обоих случаях камнеписные строки сопровождали вырезанные своеобразные древнехакасские тамговые знаки. Сбор этого материала и его систематизация завершили Л. Р. Кызласовым к 1960-му году.

Геральдические символы оказались лично-семейными и, видоизменяясь по поколениям, выстроили типологические ряды, принципиально сопоставимые с хорошо известными нашей науке знаками Рюриковичей: каждый потомок сохранял облик тамги отца, добавляя к нему свой штрих-отпятныш (Кызласов 1960а: рис. 7—9; 1965а: рис. 1—5) (рис. 20). Выложив ареалы этих тамг на карту, удалось получить границы уделов шести пришлых аристократических семей, вероятно, военачальников, во власть которых попали разделенные меж ними земли захваченной Тувинской котловины. Закономерно изменявшиеся тамговые знаки свидетельствуют, что эти уделы оставались во владении одной и той же семьи на протяжении 6—7 поколений (рис. 21). Так выявился институт крупного наследственного землевладения, свойственный данному обществу и не описанный в письменных источниках, а также получили объяснения упоминания в рунических надписях Тувы IX—X вв. «народа шести подразделений (алты баг бодун)» и «шестиудельной (страны) Кешдим», которыми оказались феодальные наделы (Е 1, стк. 2; Е 5, стк. 2; Е 24/7;

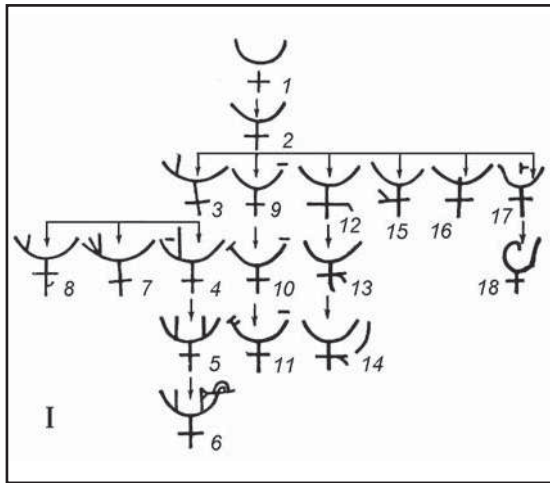

Рис. 19. Тува, долина р. Телэ. Стела с енисейской древнехакасской надписью и тамгой. Конец IX вв. (по Кызласов 1969: рис. 47: 1).

Fig. 19. Tuva, Tele River valley. Stela with Enisey Early Khakas inscription and tamga. Late 9th century (after Кызласов 1969: рис. 47: 1).

Е 49, стк. 4)³ (Малов 1952: 11, 21, 44, 45, 98; Древнетюркский словарь 1969: 39; Кызласов 1960б: 63—67; 1960в: 103—114, 117; 1969: 123, 124; 1984: 132—134; Кызласов И. Л. 1994: 194).

³ Для обозначения енисейских надписей здесь применены принятые в тюркологии сокращения: буква Е и порядковый номер памятника (см. Малов 1952; Древнетюркский словарь 1969).

Рис. 20. Хакасско-Минусинская (ХМК) и Тувинская (Т) котловины. Пример видоизменения по поколениям

фамильно-личных древнехакасских тамг (I группа). 1 — гора Туран, ХМК; 2 — Көжээлиг-Хову, Е45, Т; 3 — Барык III, Е7, Т; 4 — Барык II, Е6, Т; 5 — Барык IV, Е8, Т; 6 — Барык I, Е5, Т; 7 — плита на р. Барык, Т; 8 — скала в Овьуре, Т; 9 — Уюк-Туран, Е3, Т; 10 — Кызыл-Чираа I, Е43, Т; 11 — Кызыл-Чираа II, Е44, Т; 12 — Эль-Бажи, Е68, Т; 13 — плита на р.Ерба, ХМК; 14 — Знаменка, Е37, ХМК; 15 — Телэ, Е46, Т; 16 — Оттук-Даш III, Е54, Т; 17, 18 — скала Кулузун, Т (по Кызласов 1965в: рис. 1).

Fig. 20. Khakassia-Minusinsk (KMD) and Tuva depressions (TD). An example of how the Early Khakassia family and personal tamgas evolved through generations (I group). 1 — Turan Mount, KMD; 2 — Közheeg-Hovu, E45, T; 3 — Baryk III, E7, T; 4 — Baryk II, E6, T; 5 — Baryk IV, E8, T; 6 — Baryk I, E5, T; 7 — slab on Baryk river, T; 8 — a rock in Ovyur, T; 9 — Uyuk-Turan, E3, T; 10 — Kyzyl-Chiraa I, E43, T; 11 — Kyzyl-Chiraa II, E44, T; 12 — El-Bazhi, E68, T; 13 — slab on the Erba River, KMD; 14 — Znamenka, E37, KMD; 15 — Tele, E46, T; 16 — Ottuk-Dash III, E54, T; 17 and 18 — Kuluzun rock, T (after Кызласов 1965в: рис. 1).

Рис. 21. Тува. Карта 6 владений IX—X вв., составленная по фамильно-личным древнехакасским тамговым знакам (по Кызласов 1960в: рис. 17).

Fig. 21. Tuva. Map of 6 possessions of the 9th—10th centuries, based on the Early Khakassia family and personal tamgas (after Кызласов 1960в: рис. 17).

Одновременно обнаружилась одна интересная для нашей темы особенность: реки, даже крупные, не были границами внутренних земель страны — фамильные владельческие знаки III, V и VI групп из поколения в поколение располагались на разных берегах Енисея, Уюка, Бий-Хема, Элегеста (рис. 21) (Кызласов 1960в: рис. 16; 17). Через много лет, благодаря архивам Л.Р. Кызласова и собственным полевым сборам автора этих строк, та же особенность была прослежена по средневековым тамгам и для коренных земель

Древнехакасского государства. При полном молчании письменных источников на левобережье Среднего Енисея выделились 6 крупных уделов IX—X вв., в которых в течение 6—7 поколений наследственное владение отмечалось нанесением фамильно-личных геральдических знаков на скалы и стелы (рис. 22). По этим отметкам стало ясно, что в Хакасско-Минусинской котловине реки не являлись в то время границами уделов: тамги одной семьи долгими десятилетиями располагались на противоположных берегах

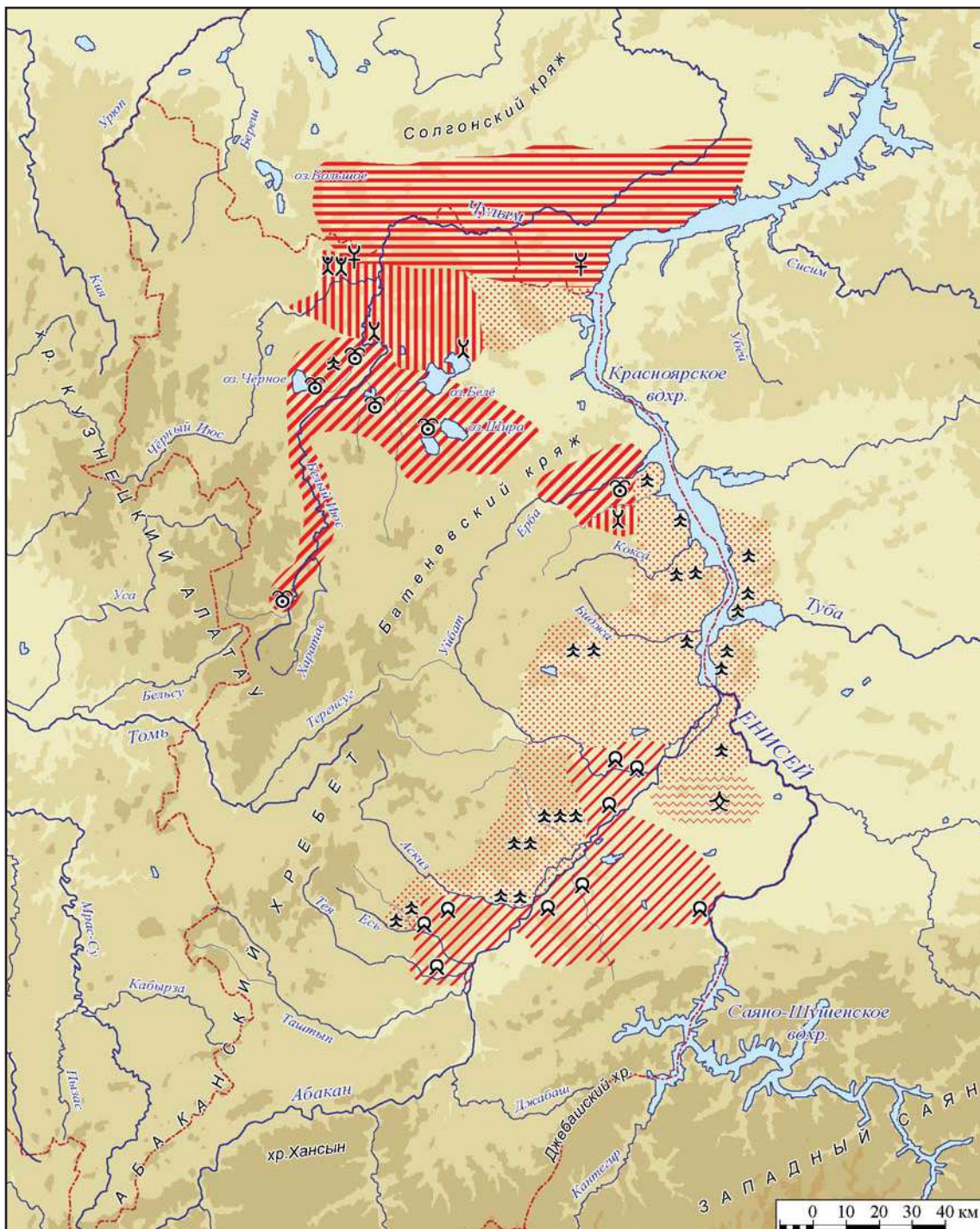

Рис. 22. Хакасия. Карта владений IX—X вв., составленная по фамильно-личным древнехакасским тамговым знакам.

Fig. 22. Khakassia. Map of possessions of the 9th—10th centuries, based on the Early Khakassia family and personal tamgas.

как широких и полноводных потоков (Енисей и Абакана, Черного и Белого Июсов, Чулыма), так и извилистых степных речек (Уйбата, Камышты, Аскиза, Бей). Вероятно, той же закономерности подчинено размещение в Хакасии и княжеских могильников культуры чатас (VI — первой половины IX в.).

Перед нами выявленная по археологическим данным длительная местная традиция

внутреннего членения территории государства, восходящая, по меньшей мере, к самой заре средневековья. Она не случайно распространилась с коренных земель Древнехакасской державы на присоединенную к ней в середине IX в. Тувинскую котловину и, как можно теперь думать, на иные территории, воспринимавшиеся внутренними владениями кагана.

Внешние границы страны во второй половине VIII в., до начала большой войны с Уйгурией, как мы видели выше в I и II разделах текста, проходили по горным хребтам (рис. 5), что соответствовало геополитическим представлениям соседних тюркоязычных правителей — и тюрков, и уйгуров.

Эти критерии в Древнехакасском государстве изменились в середине IX в., после захвата огромных пространств Южной и Западной Сибири и Центральной Азии. Как свидетельствуют археологические материалы, рассмотренные в III разделе, границы страны прошли по крупным рекам (рис. 13).

Границы по рекам были свойственны ордынским ханам, по крайней мере, в конце XIII — второй половине XIV вв. С опорой на нумизматические данные исследователями обсуждаются два рубежа, разделявшие их владения — Волга и Дон (Лапшина 2016). Эта традиция сохраняется долго. В первой половине XVI в. речной принцип межевания проясняется ходом борьбы Ногайской Орды с Астраханским и Крымским ханствами (Моисеев 2016). Как известно, на рубеже XVI и XVII вв. разбитый Кучум уходил вверх по левому берегу Оби и Иртыша,

не имея возможности пересечь их. По этим рекам до подчинения Москве веками проходила западная граница Древнехакасского государства, возглавлявшегося династийным родом кыргызов.

Итак, археологические и эпиграфические источники раннего средневековья выделяют в тюркоязычной Южной Сибири и Центральной Азии две традиции государственного межевания. Для ранней рубежами служили хребты гор, для более поздней — крупные реки. Предстоит отыскать, к каким культурным кругам и мировоззренческим основам они восходят. Вероятно, стоит учесть восприятие границ мира в традиционной философии природы, в шаманизме: по достижении перевала неизменно совершается обряд знакомства с духами — неведомыми путнику хозяевами новой долины. Быть может, придется обдумать и вероятную связь обнаруженного разделения стран с представлениями о том, что река является матерью, а гора — отцом народа. Такой взгляд отражают уже енисейские рунические надписи (Кызласов И.Л. 2013). Наверяд ли в этом поиске следует ограничиваться лишь тюркоязычными народами и государствами.

Литература

- Андреев С.И. 2016. Половецкие статуи из собрания ТОКМ. *Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины* (5). Тамбов: Тамбовский государственный университет, 148—151.
- Бичурин Н.Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т.1. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Веселовский Н.И. 1915. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». *ЗООИД XXXII*, 408—444.
- Грач А.Д. 1961. *Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953—1960 гг.* Москва: Восточная литература.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. 1929. Древние изваяния Минусинских степей. В: *Материалы по этнографии IV* (2). Ленинград: Ленинградский Гублит, 63—93.
- Длужневская Г.В. 1989. Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея. *КСИА* 196, 93—98.
- Досымбаева А.М. 2006. *Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи*. Алматы: Тюркское наследие.
- Древнетюркский словарь 1969: Наделеяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. (ред.). 1969. *Древнетюркский словарь*. Ленинград: Наука.
- Евтюхова Л.А. 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. *МИА* 24, 72—120, прил. 1—4.
- Кляшторный С.Г. 1980. Терхинская надпись. *Советская тюркология* (3), 82—95.
- Кляшторный С.Г. 2010. *Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Кызласов И.Л. 1975. Поминальные памятники таштыкской эпохи. *СА* (2), 30—47.
- Кызласов И.Л. 1994. *Рунические письменности евразийских степей*. Москва: Наука.
- Кызласов И.Л. 2005. Таласские наскальные надписи. *РА* (2), 46—55.
- Кызласов И.Л. 2010. Ряд особенностей археологического изучения тюркских народов в России. В: Бессуднов А.Н. (отв. ред.). *Верхнедонской археологический сборник* (5). Липецк: ЛГПУ, 198—207.
- Кызласов И.Л. 2012. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении). В: Телебаев Г.Т. и др. (ред.). *Историко-культурное наследие и современная культура*. Сборник материалов международного научно-практического семинара. Алматы: Service Press, 40—44.
- Кызласов И.Л. 2013. Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием. В: Лурье П.Б., Торгоев А.И. (ред.). *Согдийцы, их предшественники, современники и наследники*. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршак (1933—2006). ТГЭ LXII. Санкт-Петербург: ГЭ, 266—294.
- Кызласов И.Л. 2014а. Каменные твердыни Саяно-Алтая (Ландшафтно-планиграфические особенности). В: Соёнов В.И. (отв. ред.). *Древности Сибири и Центральной Азии* (7). Горно-Алтайск: ГАГУ, 156—173.
- Кызласов И.Л. 2014б. Омай-тура. *Большая Российская энциклопедия* 24. Москва: Большая Российская энциклопедия, 157—158.

- Кызласов Л. Р. 1958. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). *Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия* (4), 71—99.
- Кызласов Л. Р. 1959. Средневековые города Тувы. *СА* (3), 66—80.
- Кызласов Л. Р. 1960а. Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.). *Вестник Московского университета. Серия IX. Исторические науки* (1), 51—76.
- Кызласов Л. Р. 1960б. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. *Ученые записки ХакНИИЯЛИ VIII*. Абакан: Хакасское книжное издательство, 56—77.
- Кызласов Л. Р. 1960в. Новая датировка памятников енисейской письменности. *СА* (3), 93—120.
- Кызласов Л. Р. 1963а. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года (Предварительное сообщение). *Ученые записки ХакНИИЯЛИ IX*. Абакан: Хакасское книжное издательство, 156—164.
- Кызласов Л. Р. 1963б. Памятник мусульманского средневековья в Туве. *СА* (2), 203—210.
- Кызласов Л. Р. 1964а. Курганы тувинцев. *Вестник Московского университета. Серия IX. История* (5), 82—91.
- Кызласов Л. Р. 1964б. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении). *Вестник Московского университета. Серия IX. История* (4), 66—92.
- Кызласов Л. Р. 1964в. Рецензия на книгу: А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. *СА* (1), 349—355.
- Кызласов Л. Р. 1964г. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображавших людей. *СА* (2), 27—39.
- Кызласов Л. Р. 1965а. По поводу одного ответа. *СА* (4), 282—286.
- Кызласов Л. Р. 1965б. Городище Дён-Терек. В: Киселёв С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашёва В. П. *Древнемонгольские города*. Москва: Наука, 59—119.
- Кызласов Л. Р. 1965в. О датировке памятников енисейской письменности. *СА* (3), 38—49.
- Кызласов Л. Р. 1966. О значении термина *балбал* древнетюркских надписей. В: Кляшторный С. Г. (отв. ред.). *Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова*. Москва: Наука, 206—208.
- Кызласов Л. Р. 1969. *История Тувы в средние века*. Москва: МГУ.
- Кызласов Л. Р. 1973. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири. В: Деревянко А. П. (отв. ред.). *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: Наука, 12—15.
- Кызласов Л. Р. 1975а. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири. *История СССР* (6), 164—168.
- Кызласов Л. Р. 1975б. Городище Оймак на Улуг-Хеме. В: Окладников А. П., Деревянко А. П. (отв. ред.). *Археология Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 178—191.
- Кызласов Л. Р. 1979. *Древняя Тува. От палеолита до IX в.* Москва: МГУ.
- Кызласов Л. Р. 1981а. Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. В: Плетнёва С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 46—52, 100, 136—139.
- Кызласов Л. Р. 1981б. Культура древних уйгур (VIII—X вв.). В: Плетнёва С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 53—54, 100—101, 140—142.
- Кызласов Л. Р. 1981в. Тюхтятская культура древних хакасов (IX—X вв.). В: Плетнёва С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 54—59, 101, 143—146.
- Кызласов Л. Р. 1984. *История Южной Сибири в средние века*. Москва: Высшая школа.
- Кызласов Л. Р. 1992. Методы этнической археологии и изучение истории коренных народов Сибири. В: Кызласов Л. Р. *Очерки по истории Сибири и Центральной Азии*. Красноярск: Красноярский государственный университет, 179—187.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. 1980. *Народные рисунки хакасов*. Москва: Наука.
- Лапшина И. Ю. 2016. Вопрос о границе между Мамаевой и Волжской Ордой. В: Бочаров С. Г., Ситдиков А. Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum Plus, 174—175.
- Малов С. Е. 1952. *Енисейская письменность тюрков*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Малов С. Е. 1959. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Моисеев М. В. 2016. Западные рубежи Ногайской Орды. К истории ногайско-крымских и ногайско-астрханских отношений XVI вв. В: Бочаров С. Г., Ситдиков А. Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum plus, 180—182.
- Моргунов Ю. Ю. 2006. Города кочевников приграничья Южной Руси. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Археология Юго-Востока Руси*. Елец: Елецкий государственный университет, 159—172.
- Моргунов Ю. Ю. 2009. *Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII веков*. Москва: Наука.
- Плетнёва С. А. 1974. *Половецкие каменные изваяния*. САИ Е4—2. Москва: Наука.
- Цыбин М. В. 1999. Половцы и Рязанская земля. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Археология восточноевропейской лесостепи 13. Евразийская лесостепь в эпоху металла*. Воронеж: ВГУ, 130—139.
- Цыбин М. В. 2000. Юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия (история развития идеи). В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Археология восточноевропейской лесостепи 14. Евразийская степь в эпоху раннего средневековья*. Воронеж: ВГУ, 130—137.

References

- Andreev, S. I. 2016. In *Tambovskie drevnosti. Arkheologija Oksko-Donskoi ravniny (Tambov Antiquities: Archaeology of the Oka-Don Rivers' Plain)* (5). Tambov: Tambov State University, 148—151 (in Russian).
- Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Corpus of Data on Peoples Living in Inner Asia in Antiquity)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Veselovskii, N. I. 1915. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XXXII, 408—444.
- Grach, A. D. 1961. *Drevnetjurkskie izvaianiia Tuvy. Po materi-*

- alam issledovanii 1953—1960 gg. (*Ancient Turkic Sculptures of Tuva: by the Data of 1953—1960 Studies*). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Griaznov, M.P., Shneider, E.R. 1929. In *Materialy po etnografii (Materials for Ethnography)* IV (2). Leningrad: "Leningradskii Gublit" Publ., 63—93 (in Russian).
- Dluzhnevskaya, G.V. 1989. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 196, 93—98 (in Russian).
- Dosymbaeva, A.M. 2006. *Zapadnyi Tiurkskii kaganat. Kul'turnoe nasledie kazakhskoi stepi (Western Turk's Khaganate: Archaeological Heritage of the Kazakh Steppe)*. Almaty: "Tiurkskoe nasledie" Publ. (in Russian).
- Nadeliaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., Shcherbak, A.M. (eds.). 1969. *Drevnetiurkskii slovar' (Old Turkic Dictionary)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Evtiukhova, L.A. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 24, 72—120, Appendix 1—4 (in Russian).
- Kliashromyi, S.G. 1980. In *Sovetskaia tiurkologiia (Soviet Turkic Studies)* (3), 82—95 (in Russian).
- Kliashromyi, S.G. 2010. *Runicheskie pamiatniki Uigurskogo kaganata i istoriia evraziiskikh stepei (Runic Inscriptions from the Uyghur Khaganate and the History of Eurasian Steppes)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 30—47 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 1994. *Runicheskie pis'mennosti evraziiskikh stepei (Runic Scripts of Eurasian Steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 46—55 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 2010. In Bessudnov, A.N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* (5). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 198—207 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 2012. In Telebaev, G.T. et al. (eds.). *Istoriokul'turnoe nasledie i sovremnaia kul'tura (Historical and Cultural Heritage and Modern Culture)*. Almaty: "Service Press" Publ., 40—44 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 2013. In Lurye, P.B., Torgoev, A.I. (eds.). *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki (Sogdians, their Precursors, Contemporaries and Heirs)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum) LXII. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 266—294 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 2014. In Soenov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Inner Asia)* (7). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 156—173 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 2014. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 24. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 157—158 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1958. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istorikofilologicheskaya seriia (Bulletin of the Moscow University. History and Philology Series)* (4), 71—99 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 66—80 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1960. In *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of the Moscow University)*. Series IX. *Istoricheskie nauki (History)* (1), 51—76 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1960. In *Uchenye zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii (Scientific Bulletin of the Khakassia Research Institute of Language, Literature, and History)* VIII. Abakan: "Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 56—77 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 93—120 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1963. In *Uchenye zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii (Scientific Bulletin of the Khakassia Research Institute of Language, Literature, and History)* IX. Abakan: "Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 156—164 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 203—210 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1964. In *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of the Moscow University)*. Series IX. *Istoriiia (History)* (5), 82—91 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1964. In *Vestnik Moskovskogo universiteta (Bulletin of the Moscow University)*. Series IX. *Istoriiia (History)* (4), 66—92 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 349—355 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 27—39 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 282—286 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1965. In Kiselev, S.V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 59—119 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 38—49 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1966. In Kliashromyi, S.G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik (Collected Papers on Turkic Studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., 206—208 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1969. *Istoriiia Tuvy v srednie veka (Medieval History of Tuva)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1973. In Derevianko, A.P. (ed.). *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka (Issues of Ethnic Genesis of the Peoples of Siberia and the Russian Far East)*. Novosibirsk, 12—15 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1975. In *Istoriiia SSSR (History of the USSR)* (6), 164—168 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1975. In Okladnikov, A.P., Derevianko, A.P. (eds.). *Arkheologiia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Archaeology of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 178—191 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1979. *Drevniaia Tuva. Ot paleolita do IX v. (Ancient Tuva: from Palaeolithic to 9th Century AD)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1981. In Pletneva, S.A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 46—52, 100, 136—139 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1981. In Pletneva, S.A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 53—54, 100—101, 140—142 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1981. In Pletneva, S.A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 54—59, 101, 143—146 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1984. *Istoriiia Iuzhnoi Sibiri v srednie veka (History of Southern Siberia in the Middle Ages)*. Moscow: "Vysshaia shkola" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1992. In Kyzlasov, L.R. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noi Azii (Essays on the History of Siberia and Inner Asia)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 179—187 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R., Leont'ev, N.V. 1980. *Narodnye risunki khakasov (Folk Drawings of the Khakas)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Lapshina, I. Yu. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 174—175 (in Russian).
- Malov, S.E. 1952. *Eniseiskaia pis'mennost' tiurkov: Teksty i perevody (Yenisei Writings of Turkic Peoples: texts and translations)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Malov, S.E. 1959. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii (Monuments of the Ancient Turkic Written Language in Mongolia and Kyrgyzstan)*. Mos-

- cow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Moiseev, M. V. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G. A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 180—182 (in Russian).
- Morgunov, Yu. Yu. 2006. In Priakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiiia Iugo-Vostoka Rusi (Archaeology of South-Eastern Russia)*. Yelets: Yelets State University, 159—172 (in Russian).
- Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Derevozemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X—XIII vekov (Earth-Wooden Fortifications of South-ern Rus in 10th—13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S. A. 1974. *Polovetskie kamennye izvaianiia (Cuman Stone Sculptures)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4—2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tsybin, M. V. 1999. In Priakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone) 13. Evraziiskaia lesostep' v epokhu metalla (Eurasian Forest-Steppe in the Metal Age)*. Voronezh: Voronezh State University, 130—139 (in Russian).
- Tsybin, M. V. 2000. In Priakhin, A. D. (ed.). *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone) 14. Evropeiskaia lesostep' v epokhu rannego srednevekov'ia (European Forest-Steppe Zone in the Early Middle Ages. Voronezh:)*. Voronezh: Voronezh State University, 130—137 (in Russian).

Д. К. Тулуш

Demir Tulush. Candidate of Historical Sciences. Tuva Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics¹.

Тулуш Демир Константинович. Кандидат исторических наук. Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

E-mail: demirtdk@mail.ru

Address: ¹ Kochetov St., 4, Kyzyl, 667000, Russian Federation

Древнемонгольские города Тувы: обзор современного состояния

Keywords: Tuva, Mongol time, ancient settlement, town, Mogay, Mezhegey, Don-Terek, Elegest, Ertine-Bulak, Oymak

Ключевые слова: Тува, монгольское время, городище, город, Могай, Межегейское, Дон-Терек, Элегестское, Эртин-Булак, Оймак

D. K. Tulush

Towns of the Early Mongol Time in Tuva: overview of the current state

In the middle of the 20th century, Soviet archaeologist L. Kyzlasov identified 6 towns in the territory of Tuva and dated them by Mongol time. Most of them are located in Tandy district. This article is empirically based on L. Kyzlasov's studies conducted in the 50—60s of the 20th century, materials of the archaeological field surveys carried out by the author in cooperation with the Institute for Mongol, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (2011), as well as independently (2013, 2016, 2017). Visual surveys allowed to fix an unsatisfactory condition of ancient settlements exposed to destructive human activity. Some sites (Ertine-Bulak, the Elegest town) seem to be totally destroyed. Insufficient data on Oymak town in Ulug-Khem district did not allow its repeated localization. The best preserved town — Mezhegey — requires more attention and further research.

Д. К. Тулуш

Древнемонгольские города Тувы: обзор современного состояния

В середине XX в. Л. Р. Кызласов выявил и датировал монгольским временем 6 городов на территории Тувы, большинство из которых расположено в Тандинском районе. Эмпирическую базу статьи составили исследования Л. Р. Кызласова, проведенные в 50—60-х гг. XX в., и материалы археологических разведок, проведенных автором совместно с сотрудниками Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (2011 г.) и самостоятельно (2013, 2016, 2017 гг.). Визуальное обследование позволило зафиксировать неудовлетворительное состояние городищ вследствие разрушений из-за хозяйственной деятельности. Часть памятников (Эртин-Булак, Элегестское городище), вероятнее всего, полностью разрушена. Недостаточность сведений о городище Оймак в Улуг-Хемском районе не позволила вновь локализовать его на местности. Наиболее сохранное городище — Межегейское — требует к себе повышенного внимания и продолжения исследований.

В степях Центральной Азии — на Саяно-Алтайском нагорье, в Хакасско-Минусинской котловине, в акватории оз. Байкал, рек Орхон и Селенга в Бурятии, центральных районах Монголии и Восточном Туркестане уже с эпохи хуннского государства (III в. до н. э. — I в. н. э.) были известны города кочевников со своими строительными и архитектурными особенностями. Первые сооружения, вероятно, соответствовали периоду полуседлой стадии развития (по С. А. Плетневой) древних скотоводов (укрепленные оседлые поселения)

(Плетнева 1982: 22) или «городам II порядка» (Массон 1977: 6), возникшим вследствие градостроительной акции и не имевшим «дородской» истории (Сазонова 1988: 63).

Территория современной Тувы всегда была объектом политических и военных интересов кочевых племен Центральной Азии — хунну, тюрок, уйгуров, кыргызов и др. из-за своего выгодного географического положения, позволявшего легко проходить из монгольских степей в Южную Сибирь. Немалую роль в освоении Центрально-Тувинской

котловины играли возведенные ими сооружения — городища, крепости, протяженные валы и наблюдательные пункты. В настоящее время известно о 28 фортификационных сооружениях (Кызласов 1988; Тулуш 2012; 2014), однако подробные сведения имеются лишь о 21 из них.

Первые фортификационные сооружения на территории Тувы возникают в период господства государства хунну (III—I вв. до н. э.). В правление шаньюя Модэ строятся города и крепости с высокими глинобитными валами, схожие по архитектуре с китайскими. На территории Тувы в это время возводились лишь городища-поселения землепашцев (Тулуш 2016: 107—108).

Китайские письменные источники позволяют получить отрывочные сведения о городах сяньби (I в. до н. э. — III в. н. э.), жу-жаней (IV—VI вв. н. э.) и Тюркского каганата (VI—VIII вв. н. э.) в степях Центральной Азии. Однако археологических данных, подтверждающих их существование и местоположение на территории Тувы, пока нет.

Падение в 744 г. Второго Тюркского каганата привело к возвышению одного из тюркских племен — уйгуров и становлению Уйгурского каганата (745—840 гг.). В это время идет активный рост городов — военных, административно-культурных и торгово-ремесленных центров (Худяков 1992: 8—11). Тува имела большое значение для Уйгурского каганата — городища-крепости вдоль левого берега р. Енисей и в бассейне р. Хемчик составляли оборонительную линию против енисейских кыргызов Минусинской котловины. Городища соединялись протяженным каменным валом высотой до 3 м, названным местными жителями «дорогой Чингисхана».

При поддержке енисейских кыргызов в 820 г. против уйгуров восстали местные племена — чики, азы и дубо. После 20-летней войны уйгуры были вытеснены в Восточный Туркестан. Территория Саянского хребта до пустыни Гоби вошла в состав Кыргызского каганата (IX—XI вв.) (Длужневская 1994: 9). Однако сведений о существовании кыргызских городов в Монголии и Туве в настоящее время нет.

Традицию строительства городов кочевники продолжили уже в начале XIII в., когда Тува оказалась под властью Монгольской империи. Племена Саяно-Алтайского нагорья, вероятно, поднимали восстания против завоевателей, и одним из способов усмирения их было строительство городов, но без фортификационных сооружений (Длужневская 1994: 9).

Так, на территории современного Тандинского района Тувы появились города административно-ремесленного характера. Выбор места их строительства был неслучайным: земля славилась плодородностью, а расположение в междуречье Элегеста и его притоков — рек Межегей и Дурген — решало проблему снабжения водой городов и сельскохозяйственных угодий (Кызласов 1965: 59—60).

В 1950—1960-х гг. исследования городищ в Танды провела экспедиция МГУ под руководством Л. Р. Кызласова. В бассейне р. Элегест экспедиция выявила и изучила 4 памятника: Дон-Терек (исследовался в 1956—1957 гг.), Могойское (1960 г.), Межегейское (1960 г.), Элегестское (1960 г.). Экспедицией в 1957—1958 гг. было также проведено обследование городища Оймак, расположенного на территории Улуг-Хемского района (Кызласов 1965: 62). Л. Р. Кызласов писал, что территория Тандинского района в «Юань-ши», летописи монгольской династии Юань (1260—1368 гг.), назывались «Илань-чжоу» или «Змеиная область». Оймак по «Юань-ши» ассоциировался с «Кян-чжоу» или «Енисейской областью» (Кызласов 1965: 60).

Весной 2011 г. на территории Тувы проводила работы Российско-монгольская совместная археологическая экспедиция (РМСАЭ), охватившая также Бурятию, Иркутскую область, Хакасию и Алтай (руководитель — д. и. н. С. В. Данилов). Основной целью экспедиции было определение точного местоположения монгольских городов, описание их и подготовка электронной карты.

В ходе работы РМСАЭ в Туве были обследованы уйгурские и древнемонгольские городища, а также несколько памятников, предварительно датированных хуннским временем. Основной упор экспедиции был сделан на изучение древнемонгольских городищ как наименее изученных памятников эпохи средневековья — Дон-Терек, Элегестское, Могой, Эргине-Булак, Межегейское, Оймак, описанных в работах Л. Р. Кызласова (Кызласов 1959; 1965; 1969), и о которых речь пойдет далее.

Городище Дон-Терек расположено на древних островах р. Элегест и окружено многочисленными его сухими и действующими руслами. Территория памятника сильно заболочена и заросла камышом. Л. Р. Кызласов, описывая этот памятник, указывал, что он, возможно, был основан еще в сунскую эпоху (XI—XII вв.). Об этом свидетельствуют находки фрагментов поливной фаянсо-

вой и стеклянной посуды (Кызласов 1959: 77). Дон-Терек в середине XX в. занимал территорию около 30 га и был окружен небольшим горным хребтом с севера, руслами Элегеста и широкой болотистой полосой (Кызласов 1965: 62—63). Название местности Дон-Терек (вероятно, «Дон-Терек») переводится с тувинского как «тополь на бугре» или «тополинный остров».

В 2011 г. нами было зафиксировано современное состояние городища. В связи с ирригационными работами и осушением солончаков, которые проводились в советский период на территории совхоза «Элегест», заболоченность вокруг городища увеличилась. Сохранный часть городища в настоящее время составляет не более 10 га. Еще в начале XX века, по свидетельству А.В. Адрианова, после его раскопок «крестьяне не только вынули кирпич из пола и стен, а еще раскопали, ради добычи кирпича, свежие места» (Беликова 2014: 276). Были осмотрены остатки раскопок Л.Р. Кызласова, найдены небольшие фрагменты поливной китайской керамики, обожженного кирпича и шлаков.

Самые интересные материалы были получены в ходе изучения Межегейского городища. Памятник расположен на левом берегу р. Элегест, против устья его правого притока р. Межегей, от которого и получил свое название. Площадь городища составила около 25 га. Вытянутый вдоль невысокого хребта памятник не претерпел изменений с момента выявления. В связи с особенностями рельефа (лощина шириной до 0,5 км, зажатая между горным склоном и рекой) здесь не производились хозяйственные работы. Издревле на развалинах городища, представляющих собой несколько десятков обвалованных фундаментов, местные жители пасли скот.

Раскопки Л.Р. Кызласова 1960 г. показали, что здания Межегейского городища возведены в традициях китайской архитектуры XI—XIII вв.: фундамент из сырцовых кирпичей крупного формата, массивные базы колонн, черепичная крыша, большое количество барельефов для украшения стен и конька крыши (Кызласов 1969: 138—148). В 2011 г. также были найдены фрагменты барельефов, один из которых, вероятно, является частью изображения дракона — традиционно украшением дворцовых комплексов. Обнаружено большое число фрагментов глиняной черепицы эпохи Тан (VII—X вв.) и Юань (XIII—XIV вв.), распространенной в архитектуре кочевых империй (Тулуш 2012а). Близ центрального здания были найдены две

Рис. 1. Древнекитайские монеты с городища Межегейское.

Fig. 1. Ancient Chinese coins from Mezhegey town.

монеты «Дадин тунбао», предположительно XII в. (рис. 1).

Городище Могай было выявлено на правом берегу р. Элегест в 1 км к северу от с. Кочетово. Площадь городища, вероятно всего, составляла несколько десятков гектаров, однако в ходе освоения целины значительные площади были распаханы. Частично памятник ушел под автодорогу, соединяющую с. Кочетово с основной трассой республики. От городища сохранился небольшой кусок на излучине реки площадью около 3 га, представляющий собой три возвышенности (средняя длина до 100 м, ширина — 20—40 м), соединенные между собой в северной части (Данилов 2012: 105). На поверхности были найдены фрагменты поливной керамики, китайского фарфора, стеклянной посуды, а также отдельные находки более позднего периода, вплоть до современности. Местность заболоченная, удобная для организации покоев, поэтому на территории памятника не выявлено иных следов хозяйственной деятельности.

Сложность идентификации топографических ориентиров полувековой давности не позволила зафиксировать современное состояние городища Эргине-Булак, располагавшегося, по данным Л.Р. Кызласова, на правом берегу р. Дурген, притока р. Элегест (Кызласов 1969: 143). Археологическая разведка 2013 г. позволила выявить на предполагаемом месте нахождения памятника отдельные фрагменты характерной для позднего средневековья (XI—XIV вв.) керамики с толстыми стенками и интересными формами венчиков сосудов, схожих с венчиками «уйгурских ваз» а также отщепы и нуклеусы неолитического времени (рис. 2). Однако конструктивных элементов — стен, зданий и иных сооружений не нашли. По аналогии с памятником Дон-Терек можно предположить частичную или полную гибель городища при заболачи-

Рис. 2. Находки с городища Эртине-Булак: 1 — фрагменты средневековой керамики; 2 — венчик широкогорлого сосуда XI—XIII вв.

Fig. 2. Finds from Ertine-Bulak fortified settlement: 1 — fragments of medieval ceramics; 2 — a rim of a wide-necked vessel of the 11th—13th centuries.

вании береговой линии вследствие осушения солончаков.

Городище Элегестское, локализованное исследователями в пойме р. Элегест, видимо, также было полностью разрушено изменившимися руслами реки. Обнаружить остатки сооружений либо какие-либо другие следы культурной деятельности не удалось.

Городище Оймак, отмеченное Л. Р. Кызласовым в 25 км к юго-востоку от города Шагонар (Старый Шагонар), до сих пор не обнаружено. Данный памятник еще предстоит вновь выявить и провести обследование на более высоком уровне.

Таким образом, современное состояние исследованных памятников можно считать неудовлетворительным. Под влиянием природного и антропогенного факторов происходит разрушение древнемонгольских городищ — ценных, но малоисследованных памятников. Не были локализованы, а скорее всего, были разрушены памятники Эртине-Булак и Элегестское, неизвестна судьба городища Оймак. С учетом того, что первые раскопки древнемонгольских памятников Могай, Дон-Терек и Меже-

гейское производились только в 1957—1960-х гг., назрела необходимость проведения их полномасштабного научного исследования.

Угроза сохранности этих памятников нависла в связи с активным промышленным освоением месторождений полезных ископаемых и строительством железной дороги (Тулуш 2012б). На территории Тандинского района, в непосредственной близости от изучаемых фортификационных памятников, начала работу по добыче коксующегося угля шахта Межегейской угольной компании, разрабатывающей Улуг-Хемский угольный бассейн.

Все это вызывает опасение за сохранение историко-культурного наследия для будущих поколений. На сегодняшний день наиболее сохранимым остается только Межегейское городище, которое желательно оставить в первоначальном виде или провести полное изучение. Наиболее оптимальным вариантом было бы создание на этом участке музея-заповедника под открытием небом, которое могло бы привлекать туристов со всего мира и позволило бы создать необходимые для района рабочие места.

Литература

- Беликова О.Б. 2014. *Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915—1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект)*. Томск: ТомГУ.
- Данилов и др. 2012: Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. 2012. Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты древних кочевников Центральной Азии», 2011 г.). В: Содномпилова М.М. (отв. ред.). *Культурное наследие народов Центральной Азии 3*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 97—119.
- Длужневская Г.В. 1994. Енисейские кыргызы. Историко-культурный аспект. *Fasciculi Archaeologiae Historicae VII*. Lodz, 9—12.
- Кызласов Л.Р. 1988. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья. В: Сунчугашев Я.И. (отв. ред.). *Историко-культурные связи народов Южной Сибири в эпоху средневековья*. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 57—63.
- Кызласов Л.Р. 1959. Средневековые города Тувы. *СА* (3), 66—80.
- Кызласов Л.Р. 1965. *Древнемонгольские города*. (Отдельный оттиск). Москва: Наука.
- Кызласов Л.Р. 1969. *История Тувы в средние века*. Москва: МГУ.
- Массон В.М. 1977. Типология древних городов и исторический процесс. В: Массон В.М. (ред.). *Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья»*. Пенджикент, октябрь 1977 г. Ленинград: Наука.
- Плетнева С.А. 1982. *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей*. Москва: Наука.
- Сазонова Н.Е. 1988. К вопросу о сложении города. *ВДИ* (2), 60—65.
- Тулуш Д.К. 2016. Фортификационные памятники бассейна Верхнего Енисея: проблемы изучения и интерпретации. В: Мандрыка П.В. (отв. ред.). *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая 2*. Материалы VII Междунар. науч. конф. Красноярск: СФУ, 106—109.
- Тулуш Д.К. 2012а. Археологическая разведка фортификационных сооружений Тувы (предварительные итоги полевого сезона 2011 года). В: Нестерова М.С. (отв. ред.). *Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы*. Материалы докладов ЛП Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Новосибирск: НГУ, 238—241.
- Тулуш Д.К. 2012б. К вопросу сохранения памятников археологии в связи со строительством железной дороги. В: Курбатская С.С. (отв. ред.). *Экосистемы Центральной Азии: исследования, сохранение, рациональное использование*. Материалы XI Убсунурского международного симпозиума. Кызыл: ТувГУ, 422—424.
- Тулуш Д.К. 2014. Археологическая разведка фортификационных памятников Тувы в 2013 году. В: Тумэн Д., Эрдэнэ М., Мижиддорж Э. (ред.). *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Кызыл: ТувГУ, 264—269.
- Худяков Ю.С. 1992. *Культура уйгуров Центральной Азии: методические указания к курсу «Археология Сибири»*. Новосибирск.

References

- Belikova, O.B. 2014. *Posledniaia ekspeditsiia A.V. Adrianova: Tuva, 1915—1916 gg. Arkheologicheskie issledovaniia (istochnikovedcheskii aspekt) (The Last Expedition of A.V. Adrianov: Tuva, 1915—1916. Archaeological Investigations: Source Study Aspect)*. Toms: Toms State University (in Russian).
- Danilov, S.V., Imenokhoev, N.V., Nanzatov, B.Z., Simukhin, A.I., Ochir, A., Erdenebold, L. 2012. In Sodnompilova, M.M. (ed.). *Kul'turnoe nasledie narodov Tsentral'noi Azii (Cultural Heritage of the Central Asian Peoples) 3*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 97—119 (in Russian).
- Dluzhnevskaiia, G.V. 1994. In *Fasciculi Archaeologiae Historicae VII*. Łódź, 9—12 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1988. In Sunchugashev, Ya.I. (ed.). *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Iuzhnoi Sibiri v epokhu srednevekov'ia (Historical and Cultural Relations of Siberian Peoples in Middle Ages)*. Abakan: Khakassia Research Institute of Language, Literature, and History, 57—63 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1959. In *Sovetskaiia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 66—80 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. (Offprint). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1969. *Istoriia Tuvy v srednie veka (Medieval History of Tuva)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Masson, V.M. 1977. In Masson, V.M. (ed.). *Drevnie goroda. Materialy k Vsesoiuznoi konferentsii «Kul'tura Srednei Azii i Kazakhstana v epokhu rannego srednevekov'ia» (Ancient Towns: Material for the All-Union Conference "Culture of Middle Asia and Kazakhstan in Early Middle Ages")*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1982. *Kochevnikhi Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonomernostei (Nomads of Middle Ages. Looking for Historical Patterns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sazonova, N.E. 1988. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2), 60—65 (in Russian).
- Tulush, D.K. 2016. In Mandryka, P.V. (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaia (Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China) 2*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 106—109 (in Russian).
- Tulush, D.K. 2012. In Nesterova, M.S. (ed.). *Arkheologiia, etnologiiia i antropologiiia Evrazii. Issledovaniia i gipotezy (Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia: Studies and Hypotheses)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 238—241 (in Russian).
- Tulush, D.K. 2012. In Kurbatskaia, S.S. (ed.). *Ekosistemy Tsentral'noi Azii: issledovaniia, sokhranenie, ratsional'noe ispol'zovanie (Ecosystems of Central Asia: Studies, Conservation, Efficient Management)*. Kyzyl: Tuva State University, 422—424 (in Russian).
- Tulush, D.K. 2014. In Tumén, D., Êrdênê, M., Mizhiddorz, Ê. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)*. Kyzyl: Tuva State University, 264—269 (in Russian).
- Khudyakov, Yu. S. 1992. *Kul'tura uigurov Tsentral'noi Azii: metodicheskie ukazaniia k kursu «Arkheologiia Sibiri» (Uyghurs' Culture in Central Asia: Guidelines for the "Archaeology of Siberia" Study Course)*. Novosibirsk (in Russian).

А. А. Тишкин

Alexey Tishkin. Doctor of Historical Sciences. Altai State University¹.

Тишкин Алексей Алексеевич. Доктор исторических наук. Алтайский государственный университет.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Address: ¹ Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

Археологические памятники монгольского времени на юге Западной Сибири и Алтае: результаты исследований и опыт интерпретации

Keywords: south of Western Siberia, Altai, Mongol time, archaeological sites, ethnocultural reconstruction, Basandaiskaya culture, Karmatskaya culture

Ключевые слова: юг Западной Сибири, Алтай, монгольское время, археологические памятники, этнокультурная реконструкция, басандайская культура, кармацкая культура

A. A. Tishkin

Archaeological Sites of Mongol Time in the South of Western Siberia and Altai: research results and interpretation experience

The study of the archaeological sites of Mongol time in the south of Western Siberia has its long history. By now, almost all previously received materials have been offered for scientific discussion. However, they are not yet widely in demand by specialists researching the period of the developed Middle Ages in Russia and abroad. This situation can be explained, to a certain extent, by the fact that the region in question was far from the places of the most important historical events described in written sources. At the same time, archaeological sites studied in the Upper Ob area and Altai reflect many processes of military, political and cultural interaction of different population groups in the 13th—14th centuries and form the information field for understanding the ethnogenesis of modern Siberian peoples. The article describes the experience of studies and interpretation of all archaeological data obtained in the south of Western Siberia and related to a difficult period in the medieval history of Asia, known as the Mongol time. Particularly, it concerns the reconstruction of the ethno-cultural situation, which is demonstrated in this article for the first time.

A. A. Tishkin

Археологические памятники монгольского времени на юге Западной Сибири и Алтае: результаты исследований и опыт интерпретации

Изучение археологических памятников монгольского времени на юге Западной Сибири уже имеет свою продолжительную историю. К настоящему времени практически все ранее полученные материалы введены в научный оборот. Однако они пока широко не востребованы специалистами, которые занимаются периодом развитого средневековья в России и за рубежом. Данная ситуация в определенной мере может объясняться тем, что рассматриваемый регион оказался за пределами наиболее важных исторических событий, изложенных в письменных источниках. При этом археологические объекты, исследованные на территории Верхнего Приобья и Алтая, отражают многие процессы военно-политического и культурного взаимодействия разных групп населения в XIII—XIV вв. и формируют информационное поле для понимания этногенеза современных сибирских народов. В статье изложен опыт изучения и интерпретации всей совокупности археологических сведений, полученных на юге Западной Сибири и касающихся сложного периода в средневековой истории Азии, который обозначается монгольским временем. Это особо касается реконструкции этнокультурной ситуации, впервые демонстрируемой в статье.

■ This work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 16-18-10033 "Formation and Evolution of Life Support Systems for Nomadic Societies of Altai and Adjacent Territories in Late Antiquity and the Middle Ages: Complex Reconstruction" ■ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция».

© А. А. Тишкин, 2019.

Период накопления археологических материалов эпохи средневековья на юге Западной Сибири начался почти сразу же после освоения данной территории в самом начале XVIII в. русским населением и при дальнейшем закреплении ее в границах Российского государства. Основные находки были получены в ходе грабительских вскрытий бугровцами многочисленных курганов, а также при проведении рудных изысканий и иной деятельности (Демин 1989: 4—32). Лишь некоторые из них отложились в коллекциях отечественных и зарубежных любителей старины, а также попали в столичные или местные музеи. Попытки проведения специальных исследований с научными целями предпринимались значительно позднее. Наиболее системно они стали реализовываться во второй половине XIX — первой трети XX вв. (Тишкина 2010), что в определенной мере способствовало становлению и дальнейшему развитию сибирской археологии. В данном процессе важное значение в советское время имели работы таких известных отечественных ученых, как С. И. Руденко, С. В. Киселев и М. П. Грязнов (Тишкин 2007: 50—60). Следует отметить вклад в изучение археологии Верхнего Приобья и Алтая отдельных местных музейных работников и краеведов. Лишь в конце 1940-х и в 1950–1960-е гг. состоялось выделение немногочисленных объектов монгольского времени в комплексах исследованных памятников, а также начался процесс их изучения в рамках концепций, сформулированных М. П. Грязновым (1956) и А. А. Гавриловой (1965) (Тишкин 2000; 2007: 54—56, 59—60; 2009: 14—18).

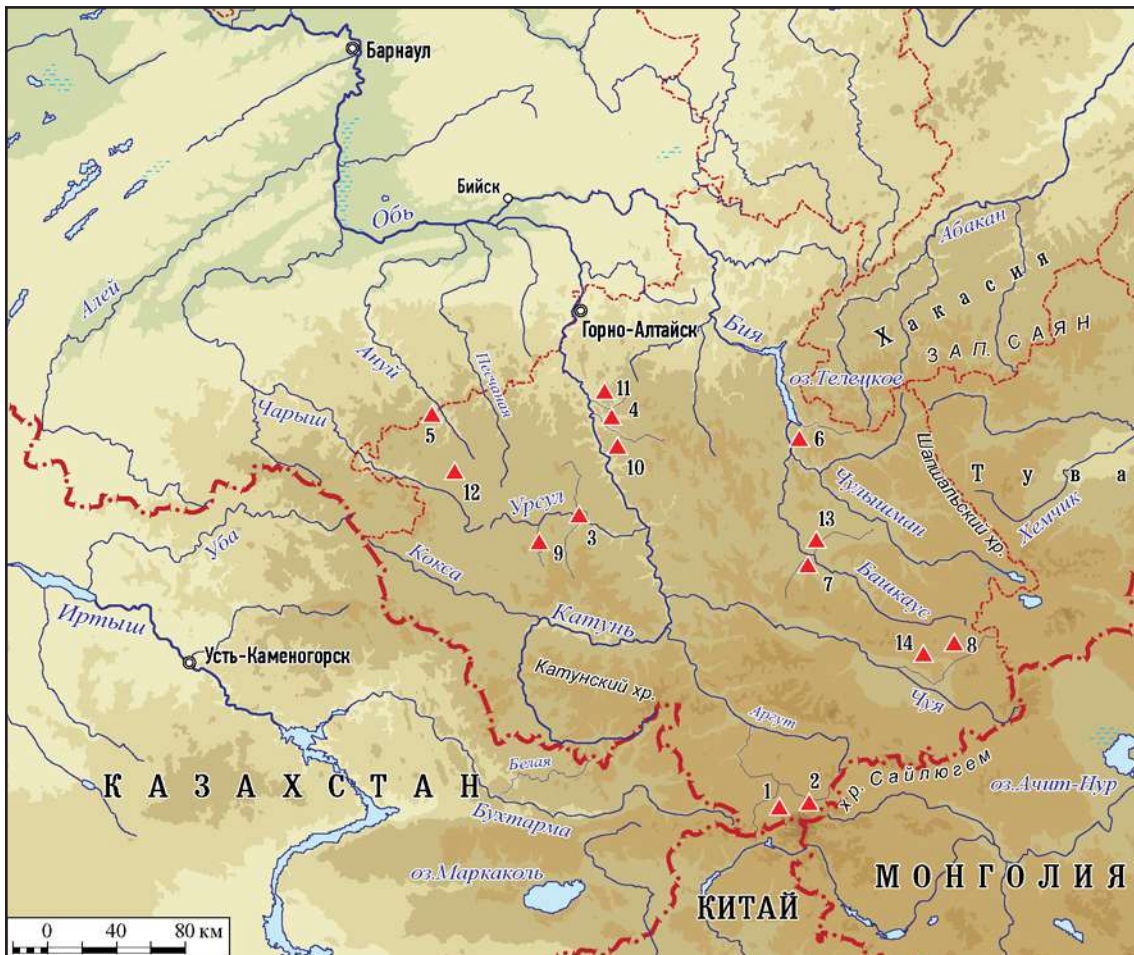
Определенным этапом накопления и осмысления материалов развитого средневековья Западной и Южной Сибири стали работы Д. Г. Савинова и Ю. С. Худякова. Деятельность первого ученого связана с раскопками Осинкинского могильника (Осинки) в южной части Верхнего Приобья и интерпретацией других имевшихся материалов с рассматриваемой территории и соседних регионов (Савинов 1994 и др.; Савинов, Новиков, Росляков 2008). Исследования второго были посвящены изучению вооружения и военного дела кочевников раннего и развитого средневековья Южной Сибири и Центральной Азии (Худяков 1986; 1991; 1997; и др.).

Во второй половине 1990-х гг. и в начале 2000-х гг. число объектов, исследованных на территории Верхнего Приобья и Алтая и относимых к монгольскому времени, существенно увеличилось. Это позволило приступить к реконструкции этнокультурной ситуа-

ции в первой половине II тыс. н. э., а также решать более частные научные проблемы.

Непосредственным толчком к обобщению и интерпретации пополнившегося объема источников послужили раскопки погребальных памятников Телеутский Взвоз-I (Тишкин, Горбунов, Казаков 2002), Усть-Бийке-III (Тишкин, Горбунов 2005: 42—53, 70—73, 146—153), Кармацкий и Усть-Алейка-Клуб, а также введение в научный оборот экспонатов музейных собраний и случайных находок (Тишкин 2009; Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 85—122). В результате сделанного обобщения оказалось, что на территории Алтая выявлены всего 23 погребения на 11 памятниках, а также обнаружены разные немногочисленные артефакты (Тишкин 2009: 156—196). Эти данные могут свидетельствовать о слабом освоении территории в монгольское время или они демонстрируют недостаточную степень изученности археологических объектов рассматриваемого исторического периода (рис. 1). Существенно больше памятников монгольского времени обнаружено в южной части Верхнего Приобья. В ходе исследований было раскопано более 80 погребений на 17 археологических комплексах, а находки отмечены на двух поселениях и на более 15 местонахождениях (Тишкин 2009: 50—155, 196).

За последние несколько лет объем материалов монгольского времени немного увеличился. Важным стало открытие могильника Калистратиха-3 в Верхнем Приобье (Грушин, Фролов, Пилипенко 2015; Фролов, Грушин 2015), а также доисследование погребения на памятнике Кызыл-Болчок в Горном Алтае, вскрытого современными грабителями (Константинов, Эбель 2017). Полностью опубликованы материалы впускного захоронения лошади в кургане №21 хорошо известного Пазырыкского комплекса (Серегин, Константинов, Марсадалов 2018). Эти полученные данные дополнили имевшиеся сведения (рис. 1; 2), но особо не изменили ранее предложенные интерпретации (Тишкин, Горбунов 2002; 2005: 163; Горбунов 2003, 2006; Тишкин 2009; Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 85—122). Однако появилась возможность, наряду с кармацкой археологической культурой, намеченной на территории южной части Верхнего Приобья, предложить обозначение «кызыл-болчокская культура» для Алтая (рис. 3). Следует добавить про совсем немногочисленные сборы подъемного материала и находки, полученные в ходе увлечения металлоискательством отдельных граждан. Как правило, они представляют собой единичные экземпляры железных предметов вооруже-

Рис. 1. Памятники монгольского времени на территории Алтая. 1 — Ак-Алаха-I; 2 — Бертек-20; 3 — Бичикту-Бом; 4 — Верх-Еланда-I; 5 — Денисова пещера; 6 — Кудыргэ; 7 — Межелик; 8 — Талдуаир-I; 9 — Тожон; 10 — Усть-Бийке-III; 11 — Элекмонар-II; 12 — Яконур; 13 — Пазырык; 14 — Кызыл-Болчок (составлена автором).

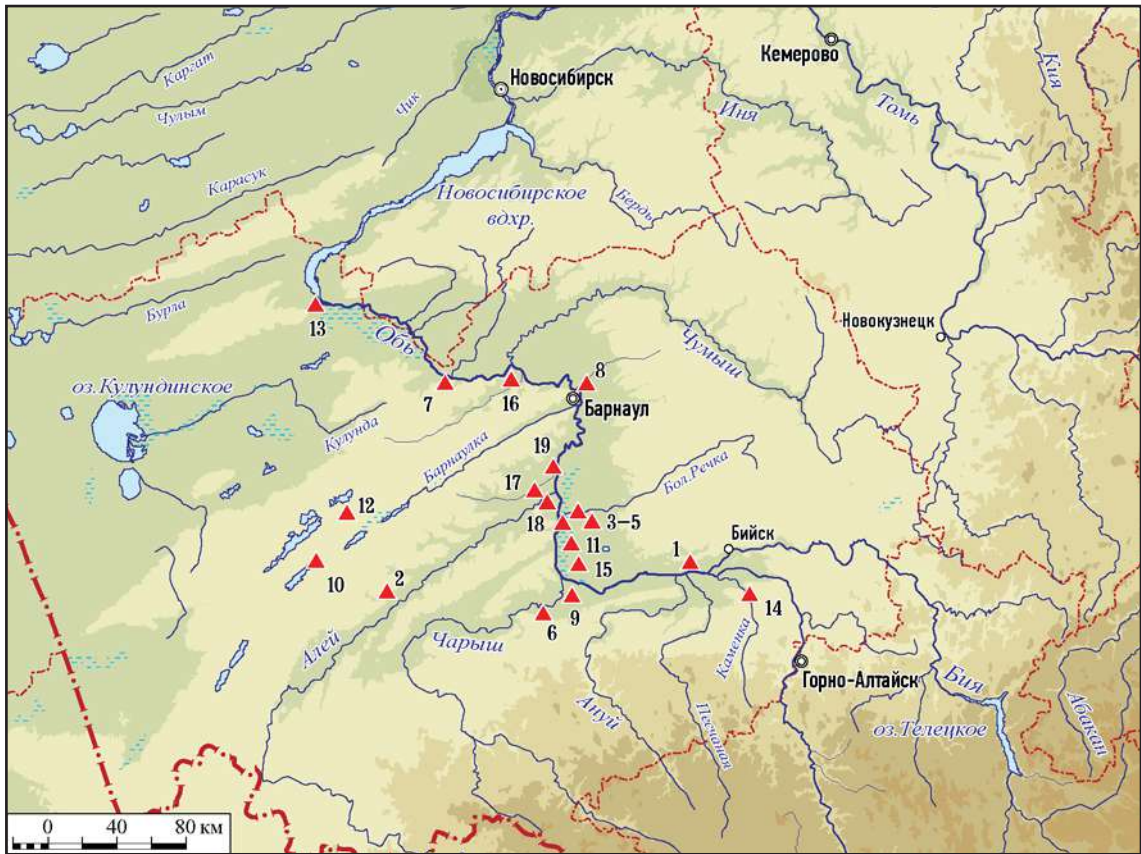
Fig. 1. Sites of the Mongolian time in the territory of Altai. 1 — Ak-Alaha-I; 2 — Bertek-20; 3 — Bichiktu-Bom; 4 — Verh-Elanda-I; 5 — Denisova Cave; 6 — Kudyrgé; 7 — Mezhelik; 8 — Talduair-I; 9 — Tozhon; 10 — Ust-Biyke-III; 11 — Elekmonar-II; 12 — Yakonur; 13 — Pazyryk; 14 — Kyzyl-Bolchok (compiled by the author).

ния, часть из которых поступила в музей. Такая информация отслеживается специалистами, и артефакты вводятся в научный оборот.

Важно также отметить, что существенным образом увеличился материал рассматриваемого периода средневековой истории в соседних (Восточный Казахстан, Бараба, Новосибирское и Томское Приобье, Кузнецкая котловина, Хакасия, Тува) и несколько отдаленных регионах (Приангарье, Прибайкалье, Монголия; и др.), что нашло отражение в серии монографий (Плетнева 1997; Молодин, Соловьев 2004; Николаев 2004; Эрдэнэбат 2006; Савинов, Новиков, Росляков 2008; Erdenebat 2009; Смагулов 2012; Лхагвасурэн 2015; Илюшин 2015; и др.). Начато детальное антропологическое изучение остеологических находок (Поздняков 2006; 2008 и др.), а также предприняты молекулярно-генетические

исследования их (результаты пока не опубликованы).

Данное обстоятельство обеспечивает возможности для сравнительного анализа имеющихся данных и в определенной мере позволяет представлять этнокультурную ситуацию в XII—XIV вв. на территории Южной Сибири и сопредельных регионов. Материалы монгольского времени, обнаруженные на юге Западной Сибири и Алтае, опубликованы в монографиях, а также отражены в статьях и даже в учебных пособиях (Тишкин 2000; 2001; 2003; 2007; 2009; Тишкин, Горбунов, Казаков 2002; Горбунов 2003; 2006; Тишкин, Горбунов 2005; Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011; и др.). Многие издания полностью доступны в электронном виде на ряде действующих сайтов (смотрите, например, электронную библиотеку на Информационно-

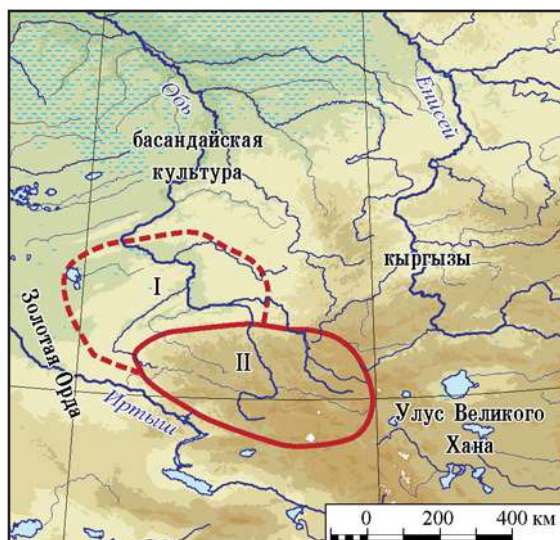
Рис. 2. Памятники кармацкой археологической культуры. 1 — АБ (Бийск); 2 — Барчиха; 3 — Ближние Елбаны-II; 4 — Ближние Елбаны-IV; 5 — Ближние Елбаны-XIV; 6 — Елбанка; 7 — Ильинка; 8 — Кармацкий; 9 — Коловый Мыс; 10 — Крестьянское-III; 11 — Осинки; 12 — Островное-III; 13 — Раздумье-Ib; 14 — Рубцовский; 15 — Сухие Гривы; 16 — Телеутский Взвоз-I; 17 — Усть-Алейка-5; 18 — Усть-Алейка-Клуб; 19 — Калистратиha-3 (составлена автором).

Fig. 2. Sites of Karmatsky archaeological culture. 1 — AB (Biysk); 2 — Barchiha; 3 — Blishniye Elbany-II; 4 — Blishniye Elbany-IV; 5 — Blishniye Elbany-XIV; 6 — Elbanka; 7 — Ilyinka; 8 — Karmatsky; 9 — Kolovy Cape; 10 — Krestyanskoye-III; 11 — Osinki; 12 — Ostrovnoye-III; 13 — Razdumye-Ib; 14 — Rubtsovsky; 15 — Sukhiye Grivy; 16 — Teleutsky Vzvoz-I; 17 — Ust-Aleika-5; 18 — Ust-Aleika-Club; 19 — Kalistiratiha-3 (compiled by the author).

аналитическом портале «Археология Алтая»: <http://archaeology.asu.ru>). Однако об их существовании до сих пор не знают восточноевропейские коллеги и исследователи других отдаленных стран. Одним из примеров данной ситуации является недавно изданная объемная книга Е.П. Мыськова (2015), где восточные археологические материалы особо не привлекаются. Однако без их учета невозможно объективно интерпретировать результаты исследований памятников золотоордынского времени в Волго-Донских степях и на других территориях Восточной Европы. Думаю, что специалисты это прекрасно понимают. К сожалению, можно отметить и другую тенденцию, когда сибирские исследователи не учитывают восточноевропейские публикации. Поэтому задача данной статьи заключается в том, чтобы в обобщенном виде представить современный уровень изучения памят-

ников так называемого монгольского времени (XII—XIV вв.), обнаруженных на юге Западной Сибири и Алтае. Еще раз отмечу, что процесс накопления археологических материалов имел длительный период, и на каждом из этапов изучения указанных ниже памятников происходило их осмысление (Тишкин 2009: 9—49).

В результате к началу 2000-х гг. на юге Западной Сибири (южная часть Верхнего Приобья или Лесостепной Алтай, как историко-культурная область) были известны следующие объекты, относимые исследователями к монгольскому времени (Тишкин, 2001): **Ближние Елбаны (БЕ)-VI**, могилы 2—4, 7—8; **БЕ-XIV**, могилы 5—6, 8 и, вероятно, **БЕ-II**, могила 1; **Раздумье-I**, могила-8; **АБ (Бийск)**, две разрушенные могилы и два кургана предположительно того же времени; **Сухие Гривы**, четыре могилы; **Осинки**,

Рис. 3. Ареалы распространения памятников кармацкой (I) и кызыл-болчокской (II) культур (составлена автором).

Fig. 3. Areas of distribution of Karmatsky (I) and Kyzyl-Bolchok (II) cultures sites (compiled by the author).

около 20 погребений; **Ильинка**, могилы 1, 4—5; **Кармацкий**, более 70 курганов, из которых полностью были раскопаны четыре, но сведения опубликованы лишь об одном; **Усть-Алейка-Клуб**, пять погребений; **Усть-Алейка-5**, одно разрушенное захоронение; **Кашкарагаиха**, разрушенный курган предположительно монгольского времени; **Телеутский Взвоз-I**, исследованы 10 курганов; **Рубцовский**, среди разрушенных погребальных объектов отмечены отдельные могилы периода развитого средневековья; **Островное-III**, одно погребение. Кроме этого, публиковались сведения о разных, в том числе случайных, находках. Имеющиеся данные демонстрировали наличие как грунтовых, так и курганных погребальных комплексов. Они составляли основу для решения ряда проблем, касавшихся изучения культуры населения монгольского времени рассматриваемого региона (Тишкин 2009: 33—34). Следует отметить, что часть необходимых сведений не была издана, а также требовалось пополнение уже известных материалов. На реализацию этих задач потребовалось несколько лет. Результаты такой целенаправленной работы были представлены в виде отдельной обобщающей монографии, в которой нашли отражение и другие археологические памятники (Тишкин 2009). Среди них особое место занимает археологический комплекс Телеутский Взвоз-I (Тишкин, Горбунов, Казаков 2002). Несмотря на ограбленность курганов, памятник дал возможность обозначить ряд исследовательских

направлений и решать комплекс актуальных задач. В качестве примера укажу только на детальную разработку темы, связанной с реконструкцией женских головных уборов замужних монгольских женщин (богтаг/бокто/бокка) (Тишкин 2003; Тишкин, Пилипенко 2016; и др.). В погребениях Телеутского Взвоза-I были обнаружены многочисленные изделия из коры березы (бересты) (Тишкин, Горбунов, Казаков 2002: рис. 27, 32—34 и др.). Такие находки обеспечили возможность полно и достоверно продемонстрировать каркас одного из типов женского головного убора периода развитого средневековья. Отреставрированные детали комплекта (рис. 4), обнаруженные в кургане №9 памятника Телеутский Взвоз-I, и другие аналогичные находки хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Отдельное внимание уделялось погребальному обряду, а также конскому снаряжению, вооружению и другим категориям находок, позволяющим определить датировку исследованных объектов и решать задачи культурно-хронологического порядка.

На основе анализа полученных и привлеченных материалов монгольского времени была предложена периодизация основных этапов кармацкой археологической культуры, идея наименования которой впервые была предложена автором статьи в г. Улан-Удэ на конференции «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии» (Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 111). Важной стороной стало выделение трех этапов, демонстрирующих становление и дальнейшую трансформацию зафиксированного явления. В характеристике выделенных хронологических отрезков имелась своя специфика. В ней нашла отражение этнокультурная реконструкция развития кармацкой культуры, приведенная в соответствие с основными известными событиями (Тишкин, Горбунов, Казаков 2002: 141—144; Тишкин 2007: 224—226). Есть смысл продублировать данную информацию в качестве своеобразного опыта интерпретации археологического и исторического материала (Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 111—112):

«Первый этап был назван “джучидским” и датирован 1-й половиной XIII в. (1207—1243 г.). Начало его соотносено с завоеванием монголами Южной Сибири в 1207 г. и выделением улуса Джучи в 1209 г., а окончание — с образованием в составе Монгольской империи государства “Золотая Орда” в 1243 г. Территория Лесостепного Алтая, по-видимому, вошла в состав улуса Джучи сразу после его выделения и осталась

Рис. 4. Берестяные детали бочки из кургана №9 памятника Телеутский Взвоз-I после реставрации (раскопки и фотоснимок автора статьи).

Fig. 4. Bark details of the bocca from barrow No.9 of the Teleutsky Vzvoz-I site after restoration (excavations and photos by the author).

за ним после раздела земель в 1227 г., когда Южная Сибирь отошла к улусу Великого хана. Вероятно, присоединение Лесостепного Алтая, в отличие от Алтае-Саянского нагорья, проходило относительно мирным путем. Об этом свидетельствует сохранение значительной части местного населения, а также многие черты преемственности со сроскинской культурой. Нет на этом этапе и собственно монгольских погребений. Однако происходят значительные изменения в мировоззрении (смена ориентации при захоронении, новые элементы погребальной обрядности) и полное восприятие материальной культуры, основанной на монгольских традициях.

Следующий этап был обозначен как “раннезолотоордынский”. Он датирован 2-й половиной XIII — началом XIV в.н.э., или 1243—1312 гг. Данный период соотносится с правлением золотоордынских ханов от Бату (1243—1256) до Токты (1291—1312). В то время происходило постепенное обособление Золотой Орды от Монгольской империи, а после 1260 г. и полное ее выделение в самостоятельное государственное образование на фоне общего размежевания крупных улусов. Характерная черта второго этапа — преобладание монгольских традиций в материальной культуре, задававших своеобразную имперскую “моду” среди покоренных народов. Лесостепной Алтай был отда-

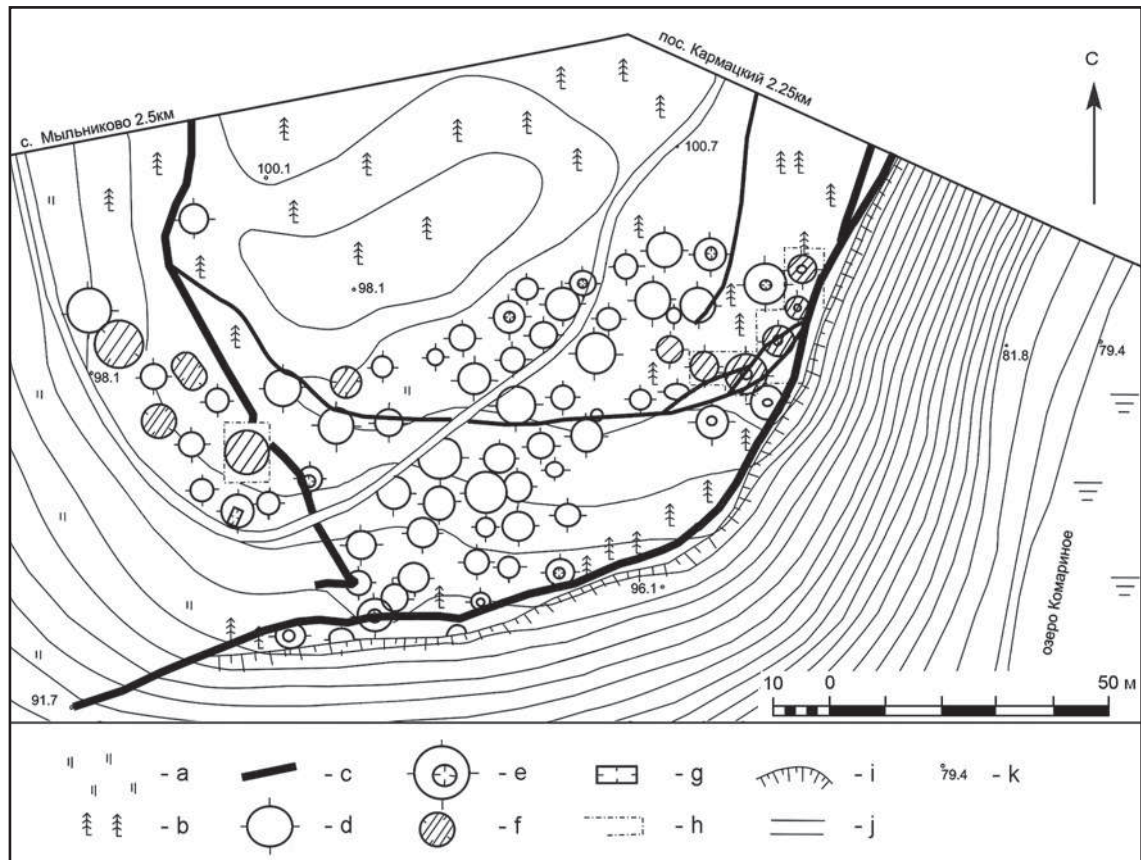
ленной восточной окраиной Золотой Орды, пограничной с улусом Великого хана (рис. 3) и затем с Юаньской империей. На рассматриваемом этапе, помимо кыпчакских и тюрко-самодийских, появились собственно монгольские погребальные памятники, что было, очевидно, связано с необходимостью более прочного закрепления восточных рубежей нового государства. Монголы, пришедшие в Лесостепной Алтай, скорее всего, попали сюда не напрямую из Центральной Азии, а из земель Золотой Орды. Они представляли собой небольшую военный отряд (только мужчины), который возглавил объединение местного населения, к тому времени уже полностью ассимилированного монгольской культурной средой.

Третий этап характеризовался как «позднезолотоордынский» и датировался XIV в. н. э. (1312—1396 гг.). Этот этап соотносился с правлением золотоордынских ханов: от Узбека (1312—1341) до Токтамыша (1380—1396). Его начало связано с активной исламизацией кочевого населения, расцветом городов и наивысшим взлетом политического могущества Золотой Орды, а окончание — с распадом единого государства. Характерные черты третьего этапа — преобладание исламских культурных традиций, усиление диспропорций в развитии центра и периферии. Могильники Лесостепного Алтая того времени содержат значительно меньше инвентаря. По-прежнему можно выделить самодийский и кыпчакский способы погребений. Монгольский компонент в погребальном обряде уже не прослеживается, что связано с ассимиляцией монголов автохтонным населением».

Представленная периодизация может быть дополнена, уточнена или вообще заменена при накоплении новых данных. Для продолжения исследований наиболее перспективным можно считать крупный археологический комплекс Кармацкий, который находится почти напротив г. Барнаула, на правом берегу Оби. Там зафиксировано более 70 курганов монгольского времени (рис. 5). Из всего этого массива к настоящему времени полностью раскопаны всего 11 объектов, из которых семь исследованы под руководством автора статьи. Полученный существенный по объему и информативности материал частично опубликован (Тишкин 2009: 79—96). Есть смысл продолжить раскопки на известных и вновь выявленных археологических комплексах (рис. 2), а также осуществить детальное обследование других перспективных участков в пойме Оби и вблизи нее.

Обобщение результатов исследований памятников монгольского времени позволило условно определить границы кармацкой культуры (рис. 3). В этой связи встал вопрос о ее соотношении с ранее выделенной басандайской общностью. До недавнего времени этот вопрос решался неоднозначно. С получением массовых материалов появилась возможность прояснить ситуацию и снять часть проблем. Прежде чем об этом пойдет речь, стоит указать, что понятие «басандайская культура» в научный оборот ввел В. А. Могильников (1980), основываясь не только на результатах раскопок разновременного комплекса Басандайка (Басандайка... 1948), но и с учетом другого имевшегося материала Западной Сибири раннего и развитого средневековья. Начало формирования культуры он датировал X—XI вв., а в краткой характеристике отметил значение тюркского влияния (в широком смысле этого словосочетания) на местное население (Могильников 1980: 245). Позднее в своих работах В. А. Могильников вообще не упоминал указанное обозначение. В автореферате докторской диссертации отмеченное культурное явление рассматривалось только в рамках Томского Приобья и датировалось X—XIII вв. (Могильников 1990: 23). Более детальным наполнением содержания басандайской культуры занималась Л. М. Плетнева (1993; 1996; 1997 и др.), существенно расширив круг анализируемых источников за счет проведенных исследований. При этом она несколько иначе представляла ее происхождение и указывала разные датировки, а также предполагала возможность включения Новосибирского Приобья в ареал изучаемой общности. Отдельные моменты затрагиваемой темы нашли отражение в работах других исследователей Западной Сибири (Адамов 2000; Троицкая 2002; Казаков, Казакова 2016: 241—242; и др.). Особенно это касалось соотношения с хорошо известной сrostкинской культурой (Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 54—70). Детальное рассмотрение некоторых имеющихся точек зрения на басандайскую культуру изложено в монографии Д. Г. Савинова, А. В. Новикова и С. Г. Рослякова (Савинов, Новиков, Росляков 2008: 4—7). С накоплением материалов (особенно за счет раскопок могильников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2) территория басандайской культуры расширилась и стала включать часть Новосибирского Приобья. Данное заключение вполне закономерно отражает результаты исследований и позволяет определить северную границу кармацкой культуры (рис. 3), памятники ко-

Рис. 5. Курганная группа Кармацкий. План (тахеометрическая съемка и графическая иллюстрация выполнены под руководством автора). Условные обозначения: а — остепненный участок; b — бор; с — противопожарный ров; d — курган; e — курган с западиной; f — раскопанный курган; g — траншея; h — границы раскопов; i — обрыв террасы; j — полевая дорога; k — высотная отметка рельефа (система высот условная, горизонтали проведены через 1 метр).

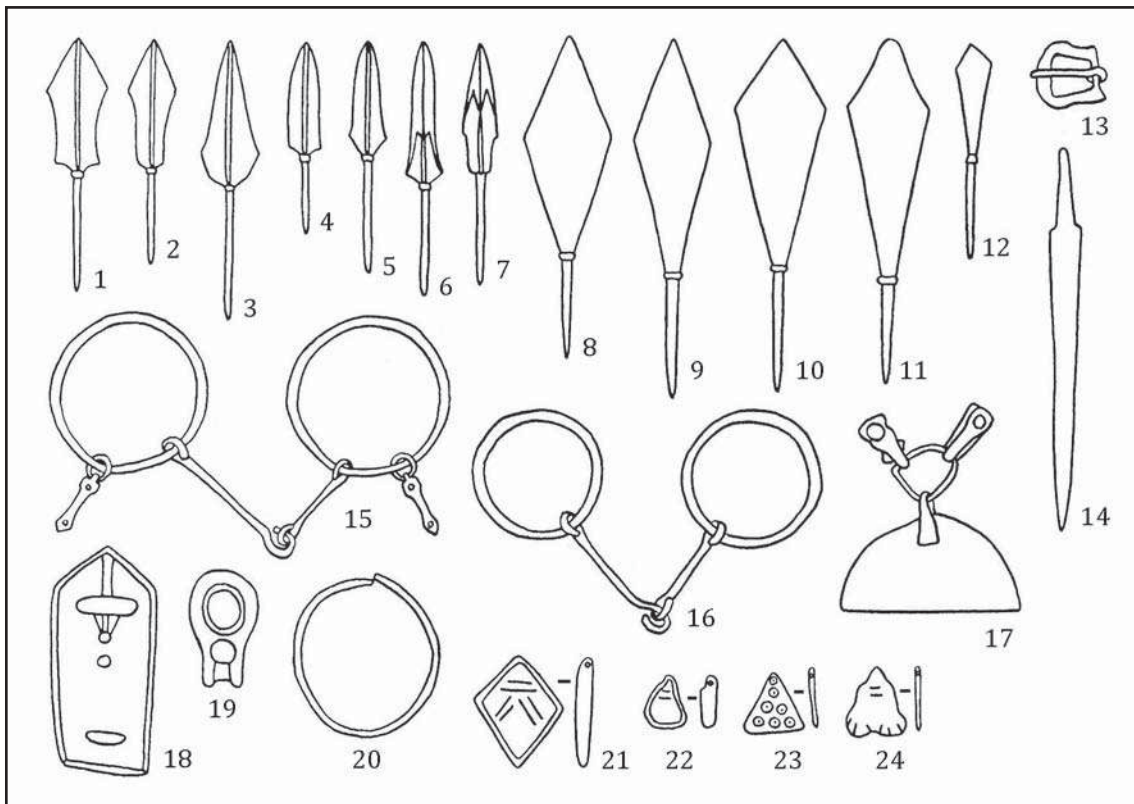
Fig. 5. The Karmatskiy barrow group. Plan (tachometric survey and graphic illustration are made under the guidance of the author). Legend: a — steppe area; b — coniferous forest; c — fire ditch; d — mound; e — mound with hollow; f — excavated mound; g — trench; h — excavation boundary; i — terrace fall; j — field road; k — high mark of relief (elevation system is conditional, horizontals through 1 meter).

торой в основном сконцентрированы в южной части Верхнего (Барнаульско-Бийского) Приобья (рис. 2) и имеют свою, уже неоднократно демонстрируемую специфику (Тишкин, Горбунов, Казаков 2002; Тишкин 2009). В этой связи, отнесение археологического комплекса Осинки (Осинкинский могильник) (рис. 2) к кругу памятников басандайской культуры (Савинов, Новиков, Росляков 2008: 7, 334—335) может рассматриваться как один из историографических сюжетов.

Памятников монгольского времени в горах Алтая, обозначенных в начале 2000-х гг., оказалось значительно меньше (Тишкин 2001): **Кудыргэ**, пять могил; **Яконур**, три погребения; **Бертек-20**, один курган; **Усть-Бийке-III**, четыре кургана. Эти материалы в последующие годы были дополнены (Тишкин 2009: 156—196). Специальное внимание уделялось впускным погребениям развито-

го и позднего средневековья, так как подобный обычай захоронения широко использовался в XIII—XIV вв. на территории Южной Сибири и Монголии. Оказалось, что на Алтае к предмонгольскому, монгольскому и постмонгольскому времени относится серия таких объектов (Тишкин 2001). Среди них были выявлены погребения изучаемого периода на ряде памятников (Ак-Алаха-I, Талдуаир-I и др.), а также изучены «скальные» и другие выявленные захоронения (Тишкин 2009: 156—196). Наличие данных объектов указывает на необходимость решения целого ряда отдельных исследовательских задач для объяснения зафиксированных ситуаций (Тишкин 2001).

Весь небольшой по объему массив источников позволил в определенной мере приступить к анализу имеющихся материалов из памятников монгольского времени, рас-

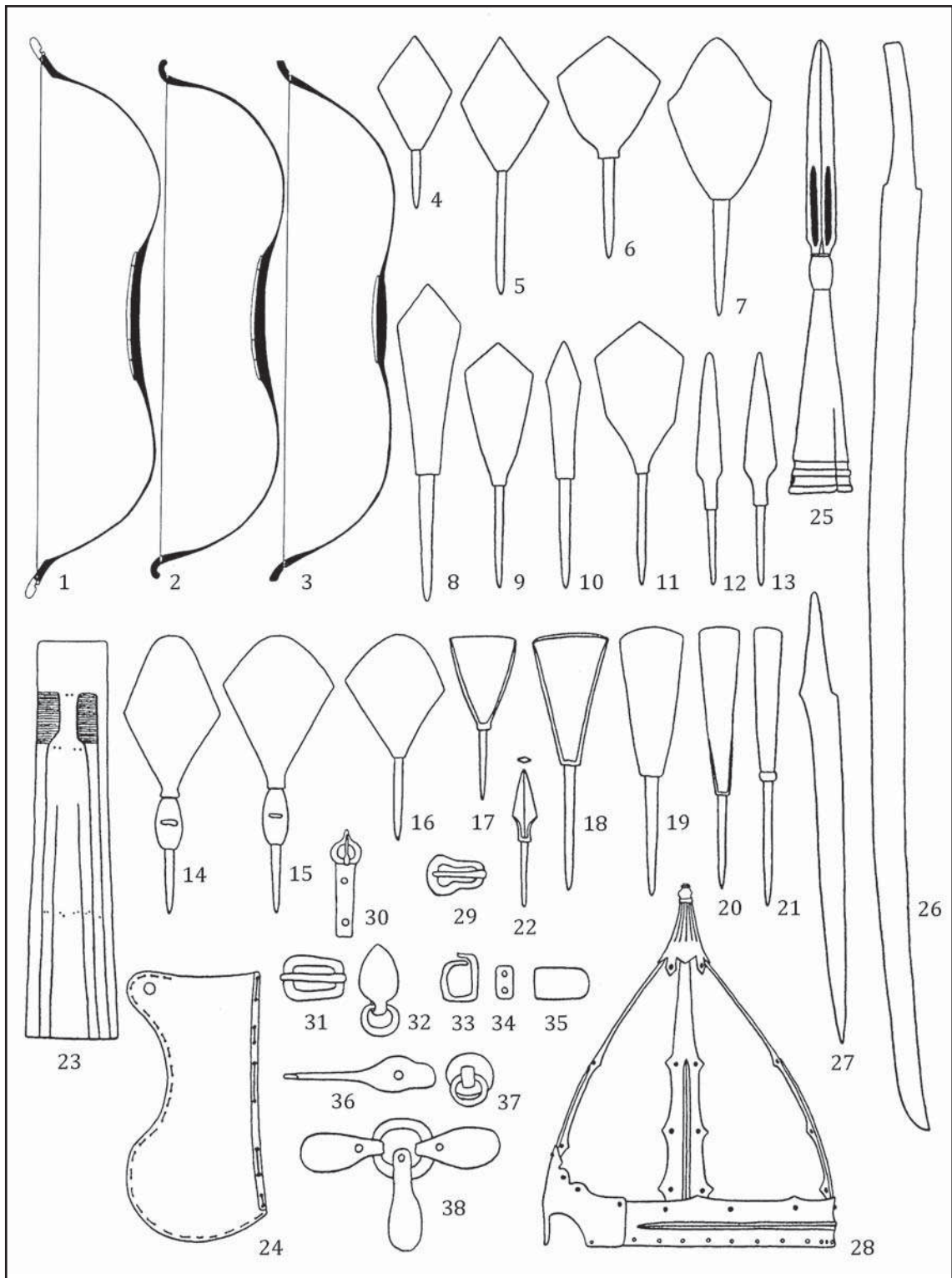
Рис. 6. Материалы верх-еландинского этапа культуры монгольского времени (XII в. н.э.): вооружение (1—12), снаряжение человека (13) и верхового коня (15—19), орудия труда и предметы быта (14), украшения костюма (20—24). Памятники: 1—6, 8—15, 17 — Верх-Еланда-1; 7, 16 — Элекманар-II; 18—24 — Бичикту-Бом (1—17 — железо; 18, 19 — рог; 20 — цветной металл; 21—24 — ляпис-лазурь, перламутр) (по Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 94).

Fig. 6. Materials of the Upper-Yelandian stage of the Mongolian time culture (XII century AD): weapons (1—12), equipment of a person (13) and riding horse (15—19), tools and household items (14), costume decoration (20—24). Sites: 1—6, 8—15, 17 — Verkh-Elanda-I; 7, 16 — Elekmanar-II; 18—24 — Bichiktu-Bom (1—17 — iron; 18, 19 — horn; 20 — non-ferrous metal; 21—24 — lapis lazuli, nacre) (after Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 94).

положенных на Алтае. Было совершенно понятно, что предыдущие культурные традиции (тюркские, кыргызские) прекратили свое существование, и на их смену пришли новые, которые, в свою очередь, отличались от зафиксированных в южной части Верхнего Приобья, что выше было рассмотрено. Археологические материалы довольно отчетливо демонстрируют приход другого населения, а затем и полное доминирование традиций кочевников из восточных районов Центральной Азии. Название археологической культуры для Алтая долгое время не обозначалось. Но, несмотря на это, предварительно были выделены два этапа в развитии зафиксированной общности со своими отличительными особенностями — верх-еландинский (XII в.) и усть-бийкенский (XIII—XIV вв.). Первый период синхронизируется с процессом расселения найманов (около 1100 г.) и разгромом их монголами (1204 г.), а второй связан с завоеванием Юж-

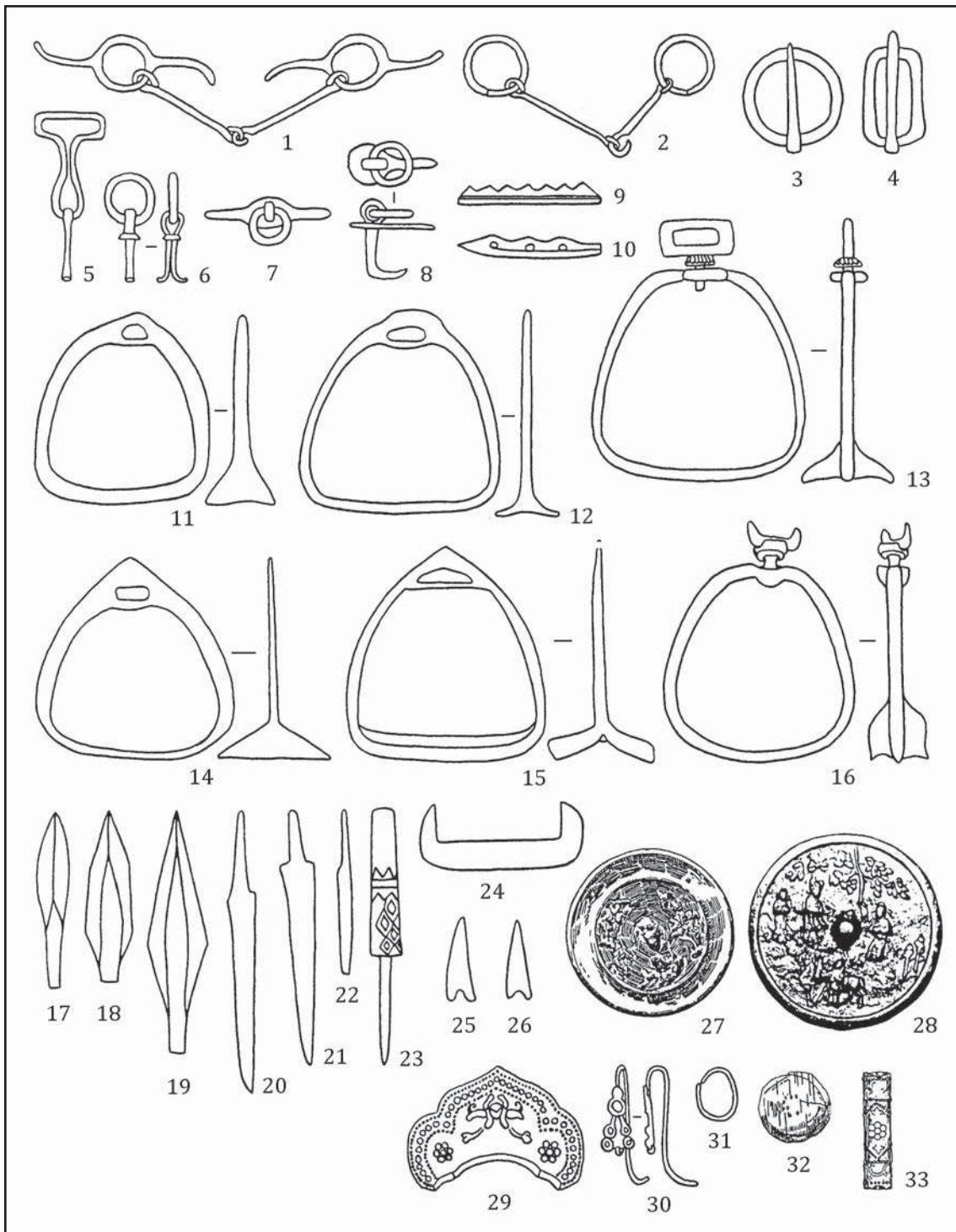
ной Сибири (1207 г.), включением этой территории в Улус Великого хана (1227 г.) и затем в состав провинции Линбэй (1293 г.) империи Юань, которая пала в 1368 г. (Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 93—94, 96—97). Эти заключения базируются на изучении всей совокупности археологических материалов (рис. 6—8).

Для дальнейшей реконструкции историко-культурной ситуации на Алтае необходимо провести археологические раскопки памятников, которые относятся к кызыл-болчокской культуре монгольского времени, а также осуществить масштабные обследования в долине Катунь и ее притоков, исходя из имеющихся методических разработок (Тишкин 2007: 226—233). Дальнейшим значимым итогом могла бы стать этническая идентификация локальных групп населения развитого средневековья, а также выявление их компонентов в культурах современных народов Сибири и Центральной Азии.

Рис. 7. Материалы усть-бийкенского этапа культуры монгольского времени (XIII—XIV вв. н.э.): вооружение (1—28) и снаряжение человека (29—38). Памятники: 1, 3, 6, 12, 13, 18, 20, 21, 30 — Яконур; 2, 4, 5, 10, 11, 27, 31—38 — Усть-Бийке-III; 7, 8, 19, 23 — Кудыргэ; 14—16, 24 — Тожон; 17, 22, 29 — Ак-Алаха-I; 25, 26 — Горный Алтай; 28 — Мульта (1—3 — рог, дерево; 4—22, 25—38 — железо; 23 — береста; 24 — кожа, дерево) (по Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 96).

Fig. 7. Materials of the Ust-Biyken stage of Mongolian culture (13th—14th centuries AD): armament (1—28) and equipment of a person (29—38). Sites: 1, 3, 6, 12, 13, 18, 20, 21, 30 — Yakonur; 2, 4, 5, 10, 11, 27, 31—38 — Ust-Biyke-III; 7, 8, 19, 23 — Kudyrgé; 14—16, 24 — Tozhon; 17, 22, 29 — Ak-Alaha-I; 25, 26 — the Altai Mountains; 28 — Multa (1—3 — horn, wood; 4—22, 25—38 — iron; 23 — birch bark; 24 — leather, wood) (after Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 96).

Рис. 8. Материалы усть-бийкенского этапа культуры монгольского времени (XIII—XIV вв. н.э.): снаряжение верхового коня (1—16), орудия труда и предметы быта (17—28), украшения костюма (29—33). Памятники: 1, 7—11, 14, 23, 27, 29—33 — Кудыргэ; 2 — Ак-Алаха-I; 3, 5, 6, 12, 13, 20, 22 — Яконур; 4, 15, 16, 21, 24—26 — Усть-Бийке-III; 17—19 — Тожон; 20—28 — Бертек (1—8, 11—16, 20—22, 24 — железо; 9, 10, 17—19, 25, 26 — рог, кость; 23 — рог, железо; 27—31 — цветной металл; 32 — береста; 33 — серебро, дерево) (по Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 97).

Fig. 8. Materials of the Ust-Biyken stage of the Mongolian culture (XIII—XIV centuries AD): equipment for a riding horse (1—16), tools and household items (17—28), costume ornaments (29—33). Sites: 1, 7—11, 14, 23, 27, 29—33 — Kudyrge; 2 — Ak-Alaha-I; 3, 5, 6, 12, 13, 20, 22 — Yakonur; 4, 15, 16, 21, 24—26 — Ust-Biyke-III; 17—19 — Tozhon; 20—28 — Bertek (1—8, 11—16, 20—22, 24 — iron; 9, 10, 17—19, 25, 26 — horn, bone; 23 — horn, iron; 27—31 — non-ferrous metal; 32 — bark; 33 — silver, wood) (after Тишкин, Горбунов, Горбунова 2011: 97).

В заключение следует отметить, что в XV в. историко-культурная ситуация на юге Западной Сибири и Алтае резко изменилась. Памятники этого времени нам неизвестны. Возможно, это связано с ухудшением природно-климатических условий (похолодание), что спровоцировало отток населения

на север, где больше жизненно важных ресурсов, или на юг, где теплее. Так это было или иначе, еще предстоит выяснить. Важно отметить, что к настоящему времени заложена основа для дальнейшего перспективного изучения истории и культуры населения монгольского времени в обозначенном регионе.

Литература

- Адамов А. А. 2000. *Новосибирское Приобье в X—XIV вв.* Тобольск; Омск: ОмГПУ.
- Басандайка... 1948: Гриневич К. Э. (ред.). 1948. *Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области.* Труды ТГУ 98. Томск: ТомГУ.
- Гаврилова А. А. 1965. *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.* Москва; Ленинград: Наука.
- Горбунов В. В. 2003. *Военное дело населения Алтая в III—XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех).* Барнаул: АлтГУ.
- Горбунов В. В. 2006. *Военное дело населения Алтая в III—XIV вв. Ч. 2. Наступательное вооружение (оружие).* Барнаул: АлтГУ.
- Грушин С. П., Фролов А. В., Пилипенко С. А. 2015. Берестяная погребальная конструкция монгольского времени из грунтового могильника Калистратиха 3 (Верхнее Приобье). В: Томилов Н. А. (гл. ред.). *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Барнаул; Омск: Наука, 182—184.
- Грязнов М. П. 1956. *История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.* МИА 48. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Демин М. А. 1989. *Первооткрыватели древностей.* Барнаул: Алтайское книжное издательство.
- Илюшин А. М. 2005. *Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья.* Кемерово: КузГТУ.
- Казаков А. А., Казакова О. М. 2016. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии нашей эры. *Известия АлтГУ* 92 (4), 238—242. DOI: 10.14258/izvasu(2016)4—40.
- Константинов Н. А., Эбель А. В. 2017. Новые находки монгольского времени из Юго-Восточного Алтая (предварительное сообщение). *Теория и практика археологических исследований* 18 (2), 22—29. DOI: 10.14258/tpai(2017)2 (18).-02.
- Лхагвасурэн Х. 2015. *Монгольские погребения периода Чингисхана (XII—XIV вв.).* Улаанбаатар: Институт «Чингис хан».
- Могильников В. А. 1980. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н. э. *Народы и языки Сибири.* Новосибирск: Наука, 242—248.
- Могильников В. А. 1981. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Археология СССР 18. Москва: Наука, 194—200.
- Молодин В. И., Соловьев А. И. 2004. *Памятник Сопка-2 на реке Оми 2. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи Средневековья.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Мыськов Е. П. 2015. *Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды.* Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС.
- Николаев В. С. 2004. *Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII—XIV веках.* Владивосток; Иркутск: ИГ СО РАН.
- Плетнева Л. М. 1993. О басандайской культуре. В: Плетнева Л. М. (отв. ред.). *Культурно-генетические процессы в Западной Сибири.* Томск: ТомГУ, 43.
- Плетнева Л. М. 1996. *Томское Приобье в средневековье (по археологическим источникам).* Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
- Плетнева Л. М. 1997. *Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам).* Томск: ТомГУ.
- Поздняков Д. В. 2006. *Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I — первая половина II тыс. н. э.).* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Поздняков Д. В. 2008. Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. до н. э. В: Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. *Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура).* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 340—402.
- Савинов Д. Г. 1994. *Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья.* Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. 2008. *Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура).* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Серегин Н. Н., Константинов Н. А., Марсадалов Л. С. 2018. Впускное захоронение монгольского времени из комплекса Пазырык (по материалам раскопок С. С. Сорокина в 1967 г.). *Теория и практика археологических исследований* 23 (3), 96—107. DOI: 10.14258/tpai(2018)3 (23).-06.
- Смагулов Т. Н. 2012. *Калбасунская башня.* Алматы: ИА МОН РК; Хикари.
- Тишкин А. А. 2000. Изучение М. П. Грязновым памятников монгольского времени на Алтае. В: Матющенко В. И. (отв. ред.). *Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова.* Омск: ОмГУ, 108—110.
- Тишкин А. А. 2001. Изучение археологических памятников монгольского времени на Алтае. В: Чиндина Л. А. (отв. ред.). *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории.* Томск: ТомГУ, 82—84.
- Тишкин А. А. 2003. Археологические, изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени. В: Томилов Н. А. (гл. ред.). *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Омск: Наука-Омск, 125—128.
- Тишкин А. А. 2007. *Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая.* Барнаул: АлтГУ.
- Тишкин А. А. 2009. *Алтай в монгольское время (по ма-*

- териалам археологических памятников). Барнаул: Азбука.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В. 2002. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая. *Древности Алтая* 9. Горно-Алтайск: ГАГУ, 82—91.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В. 2005. *Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай)*. Барнаул: АлтГУ.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., Горбунова Т. Г. 2011. *Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас*. Барнаул: Печатная компания АРТИКА.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А. 2002. *Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время*. Барнаул: АлтГУ.
- Тишкин А. А., Пилипенко С. А. 2016. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье). *Вестник ТомГУ. История* 5 (43), 20—24. DOI 10.17223/19988613/43/4.
- Тишкина Т. В. 2010. *Археологические исследования на Алтае (1860—1930-е гг.)*. Барнаул: Азбука.
- Троицкая Т. Н. 2002. К вопросу о сросстинской культуре. *Древности Алтая* 9. Горно-Алтайск: ГАГУ, 103—107.
- Фролов Я. В., Грушин С. П. 2015. Колчан из захоронения монгольского времени могильника Калистратиха-3 (Верхнее Приобье). В: Томилов Н. А. (гл. ред.). *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Барнаул; Омск: Издательский дом «Наука», 331—335.
- Худяков Ю. С. 1986. *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука.
- Худяков Ю. С. 1991. *Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья*. Новосибирск: Наука.
- Худяков Ю. С. 1997. *Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Эрдэнэбат У. 2006. *Монгол эхнэрийн богтаа малгай*. Улаанбаатар хот: «Монхийн үсэг» ХХК-д хэвлэв.
- Erdenebat U. 2009. *Altmongolisches Grabbrauchtum: Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei*. Bonn: Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn.

References

- Adamov, A. A. 2000. *Novosibirskoe Priob'ye v X—XIV vv. (Novosibirsk Ob' Region in 10th—14th Centuries)*. Tobol'sk; Omsk: Omsk State Pedagogical University (in Russian).
- Grinevich, K. E. (ed.). 1948. *Basandaika. Sbornik materialov i issledovaniy po arkhologii Tomskoi oblasti (Basandaika: Collected Materials and Studies on the Archaeology of Tomsk Oblast)*. Series: Proceedings of the Tomsk State University 98. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
- Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Ground as a Source on History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gorbuнов, V. V. 2003. *Voennoe delo naseleniia Altaia v III—XIV vv. (Warfare of the Altai Population in 3rd—14th Centuries) I. Oboronitel'noe vooruzhenie (dospekh) (Defensive Weapon: Armor)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- Gorbuнов, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniia Altaia v III—XIV vv. (Warfare of the Altai Population in 3rd—14th Centuries) 2. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) (Offensive Weapons: Weapon)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- Grushin, S. P., Frolov, A. V., Pilipenko, S. A. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.-in-chief). *Integratsiia arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Barnaul; Omsk: "Nauka" Publ., 182—184 (in Russian).
- Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriia drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaia Rechka (History of the Ancient Tribes of Upper Ob Basing on the Excavations Near Bol'shaia Rechka Village)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 48. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Demin, M. A. 1989. *Pervootkryvateli drevnostei (Discoverers of Antiquities)*. Barnaul: "Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Iliushin, A. M. 2005. *Etnokul'turnaia istoriia Kuznetskoi kotloviny v epokhu Srednevekov'ia (Ethnic and Cultural History of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages)*. Kemerovo: Kuzbass State Technical University (in Russian).
- Kazakov, A. A., Kazakova, O. M. 2016. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Reports of the Altai State University)* 92 (4), 238—242. Doi: 10.14258/izvasu (2016)4—40 (in Russian).
- Konstantinov, N. A., Ebel', A. V. 2017. In *Teoriia i praktika arkhelogicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 18 (2), 22—29. Doi: 10.14258/tpai (2017)2 (18).-02 (in Russian).
- Lkhagvasuren, Kh. 2015. *Mongol'skie pogrebeniia perioda Chingishkhana (XII—XIV vv.) (Mongol Burials of the Genghis Khan Period, 12th—14th Centuries)*. Ulaanbaatar: "Genghis Khan" Institute (in Russian).
- Mogilnikov, V. A. 1980. In *Narody i iazyki Sibiri (Peoples and Languages of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 242—248 (in Russian).
- Mogilnikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 194—200 (in Russian).
- Molodin, V. I., Solov'ev, A. I. 2004. *Pamiatnik Sopka-2 na reke Omi (Sopka-2 on the Om River) 2. Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi srednevekov'ia (Cultural and Chronological Analysis of Medieval Burial Complexes)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Myskov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of Volga and Don Steppes in the Time of Golden Horde)*. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).
- Nikolaev, V. S. 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kочевников iuga Srednei Sibiri v XII—XIV vv. (Funerary Complexes of Nomads in Southern Part of Middle Siberia)*. Vladivostok; Irkutsk: Institute of Geography named after V. B. Sochava, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Pletneva, L. M. 1993. In Pletneva, L. M. (ed.). *Kul'turno-geneticheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri (Processes of Cultural Genesis in Western Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 43 (in Russian).
- Pletneva, L. M. 1996. *Tomskoe Priob'ye v srednevekov'e (po arkhelogicheskim istochnikam) (Tomsk Part of the Ob Valley in the Middle Ages: by Archaeological Sources)*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).
- Pletneva, L. M. 1997. *Tomskoe Priob'ye v nachale II tys. n. e. (po arkhelogicheskim istochnikam) (Tomsk Part of the Ob Valley in the Early II Millennium AD: by Archaeological Sources)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
- Pozdniakov, D. V. 2006. *Paleoantropologiya naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri epokhi srednevekov'ia (vtoraia polovina I — pervaiia polovina II tys. n. e.) (Palaeoanthropology of Population of the Southern Part of Western Siberia: Second Half of I — First Half of II Millennia AD)*. No-

- vosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Pozdniakov, D. V. 2008. In Savinov, D. G., Novikov, A. V., Rosliakov, S. G. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (Basandaikaia kul'tura) (Upper Ob' Region on the Turn of Epochs (Basandaika Culture))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 340—402 (in Russian).
- Savinov, D. G. 1994. *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Iuzhnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ia (States and Cultural Genesis on the Territory of Southern Siberia in the Early Middle Ages)*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).
- Savinov, D. G., Novikov, A. V., Rosliakov, S. G. 2008. *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (Basandaikaia kul'tura) (Upper Ob' Region on the Turn of Epochs (Basandaika Culture))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Seregin, N. N., Konstantinov, N. A., Marsadolov, L. S. 2018. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia (Theory and Practice of Archaeological Research)* 23 (3), 96—107. Doi: 10.14258/tpai (2018)3 (23).-06 (in Russian).
- Smagulov, T. N. 2012. *Kalbasunskaiia bashnia (The Kalbasun Tower)*. Almaty: "Khikari" Publ. (in Russian).
- Tishkin, A. A. 2000. In Matushchenko, V. I. (ed.). *Piatye istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova (Fifth Historical Readings to the Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Omsk: Omsk State University, 108—110 (in Russian).
- Tishkin, A. A. 2001. In Chindina, L. A. (ed.). *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii (The Space of Culture in Archaeological and Ethnographical Dimension of Western Siberia and Neighbour Territories)*. Tomsk: Tomsk State University, 82—84 (in Russian).
- Tishkin, A. A. 2003. In Tomilov, N. A. (ed.-in-chief). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Omsk: "Nauka-Omsk" Publ., 125—128 (in Russian).
- Tishkin, A. A. 2007. *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskii opyt i sovremeniia kontseptsii izucheniia drevnikh i srednevekovykh narodov Altaia (Creation of Periodization and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of Studying Ancient and Medieval Peoples of Altai)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- Tishkin, A. A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Time: on the Materials of Archaeological Sites)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2002. In *Drevnosti Altaia (Antiquities of Altai)* 9. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 82—91 (in Russian).
- Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2005. *Kompleks pamiatnikov v doline r. Biike (Gornyi Altai) (Complex of Sites in the Biike River Valley, Altai Mountains)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Gorbunova, T. G. 2011. *Altai v epokhu srednevekov'ia: illiustrirovannyi istoricheskii atlas (Altai in the Middle Ages: Illustrated Historical Atlas)*. Barnaul: "ARTIKA" Printing Company (in Russian).
- Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Kazakov, A. A. 2002. *Kurgannyi mogil'nik Teleutskii Vzvoz-I i kul'tura naseleniia lesostepnogo Altaia v mongol'skoe vremia (The Teleutsky Vzvoz-I Barrow Necropolis and the Culture of the Forest-Steppe Altai Population in Mongolian Time)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- Tishkin, A. A., Piliipenko, S. A. 2016. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 5 (43), 20—24. DOI 10.17223/19988613/43/4 (in Russian).
- Tishkina, T. V. 2010. *Arkheologicheskie issledovaniia na Altae (1860—1930-e gg.) (Archaeological Research in Altai in 1860s—1930s)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- Troitskaia, T. N. 2002. In *Drevnosti Altaia (Antiquities of Altai)* 9. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 103—107 (in Russian).
- Frolov, Ya. V., Grushin, S. P. 2015. In Tomilov, N. A. (ed.-in-chief). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Barnaul; Omsk: "Nauka" Publ. House, 331—335 (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii (Arms of the Medieval Nomads of the Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ia (Central Asian Nomads Armament in the Early and High Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia (Armament of Southern Siberian Nomads in High Middle Ages)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
- Erdenebat, U. 2006. *Mongol'ekhniin bogtag malgai (Mongolian Headdress Hat)*. Ulaanbaatar khot: "Monkhiin useg" Publ. (in Mongolian).
- Erdenebat, U. 2009. *Altmongolisches Grabbrauchtum: Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei*. Bonn: Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn.

С. Ф. Татауров

Sergey Tataurov. Candidate of Historical Sciences. Omsk Branch of the Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences¹.

Татауров Сергей Филиппович. Кандидат исторических наук. Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук.

E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Address: ¹ Karl Marx Ave., 15, Omsk, 644024, Russian Federation

Город Тара и его роль в судьбе сибирских татар в XVII веке

Keywords: Siberian Khanate, Irtysh basin, town of Tara, Kuchum Khan, ethnic genesis, trade, history

Ключевые слова: Сибирское ханство, Прииртышье, город Тара, хан Кучум, этногенез, торговля, история

S. F. Tataurov

The Town of Tara and its Role in the Fate of the Siberian Tatars in the 17th Century

In this work we are talking about the Russian town of Tara founded at the Irtysh River in 1594, and its role in the fate of the Siberian Tatars, who were citizens of the Siberian Khanate and at the end of the 16th century became citizens of the Russian state. The town, established only to ensure the ultimate defeat of Kuchum Khan, began to play a very significant role in consolidation of the Siberian Tatars, unexpectedly for the Tara voivodes. The Muslim community, which emerged under the leadership of one of the first Islamic preachers in Siberia — Din-aul-khojah, turned into the center disseminating Islam among all Turkic-speaking population of the Western Siberia. Trade ways, passing through the Irtysh region near Tara, were not closed upon the emergence of the Russian town, and, what is more, they turned it into a key point in Siberian trade with Central Asia, and later with China. For a long time, the Irtysh area near Tara remained a stronghold of Kuchum Khan and his successors and, contrary to all actions of the local Russian administration, the town of Tara became a source for the replenishment of weapons and supplies for the Kuchum's troops. These interesting pages in the history of one of the first Russian towns in Siberia are addressed in this article.

С. Ф. Татауров

Город Тара и его роль в судьбе сибирских татар в XVII веке

В данной работе речь идет о русском городе Таре, основанном на Иртыше в 1594 году и его роли в судьбе сибирских татар, которые были подданными Сибирского ханства и в конце XVI века стали подданными Российского государства. Город, поставленный для окончательного разгрома хана Кучума, неожиданно для тарских воевод, стал играть очень значимую роль в консолидации сибирских татар. Мусульманская община, возникшая еще под руководством одного из первых проповедников ислама в Сибири Дин-аул-ходжи, превратилась в центр по распространению ислама для всего тюркоязычного населения Западной Сибири. Торговые пути, проходившие через Тарское Прииртышье, не только не были закрыты с появлением русского города, а превратили его в один из ключевых пунктов в сибирской торговле со Средней Азией, а затем и с Китаем. Тарское Прииртышье долгое время оставалось оплотом хана Кучума и его преемников и, вопреки всем действиям местной русской администрации, город Тара стал источником для пополнения отрядов кучумовичей людьми, оружием и припасами. Эти интересные страницы одного из первых русских городов в Сибири мы рассмотрим в этой статье.

Введение

Каждое научное исследование начинается с какого-то побудительного фактора, с той точки отчета, когда ученый начинает планировать и далее решать поставленную задачу. Для меня такой причиной стала публикация Ю.С. Худяковым в 2011 г. в журнале «Гуманитарные науки в Сибири» статьи

«Оборона южных рубежей Западной Сибири русскими войсками в конце XVI — первой трети XVII в.». А конкретнее, следующий тезис: «Военные действия, которые вели в конце XVI — первой трети XVII в. против российских властей хан Кучум и его наследники, наглядно показали, что после утраты своих опорных пунктов — “городков”, находившихся в лесостепных районах Западной Сибири,

■ Research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, grant no. 14-50-00036 “Multidisciplinary Researches in Archeology and Ethnography of Northern and Central Asia” ■ Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

© С. Ф. Татауров, 2019.

сторонники возрождения Сибирского ханства не располагали достаточными воинскими силами для того, чтобы осаждать и брать русские города и остроги. За весь рассматриваемый период ни сам хан Кучум, ни его потомки не предприняли ни одной попытки осады или штурма русских городов и острогов. В отношении некоторых из них лишь вынашивались “враждебные намерения”, которые не были реализованы» (Худяков 2011: 44).

Дело в том, что я с 2007 г. руковожу раскопками в историческом центре города Тары — на территории крепости и острога. За это время накоплено значительное количество археологических (и исторических), поскольку параллельно идет работа в архивах РФ) свидетельств о противостоянии русского государства и Сибирского ханства в конце XVI — XVII вв. Полученные в ходе раскопок материалы позволили нам воссоздать события 1634 года, когда город оказался на грани взятия, после двух штурмов объединенных сил кучумовича Давлет-гирея и калмыков Куши-тайши (Тагауров 2018). К большому сожалению, в отечественной литературе практически незыблема точка зрения о том, что Сибирское ханство представляло собой государственное образование, аморфное в границах, слабое в централизованном управлении и с полукочевым населением. Именно эти факторы и стали определяющими в достаточно «легком» его разгроме первыми же русскими отрядами. После событий 80-х годов XVI века хан Кучум и затем его сыновья и внуки превратились в бродячих казаков, кочующих по степям и не имеющих постоянного пристанища. С другой стороны, в этих же работах пишется и о том, что борьба Кучумовичей за восстановление своего ханства продолжалась на протяжении большей половины XVII в., что почти не имеет аналогов в мировой истории. В этой работе я хочу показать, насколько сложным был XVII век и как складывалась ситуация вокруг города Тары.

Тара и Тарское Прииртышье в XVII в.

В этой работе пойдет речь об одном из первых русских городов в Западной Сибири — Таре и его роли в истории Сибирского ханства. Парадоксально, но Тара, окончательно разгромившая руками своих воевод на Ирменском лугу хана Кучума, взявшая штурмом его последние городки на р. Таре и в Барабе, на протяжении XVII века была местом, где формировался этнический и религиозный

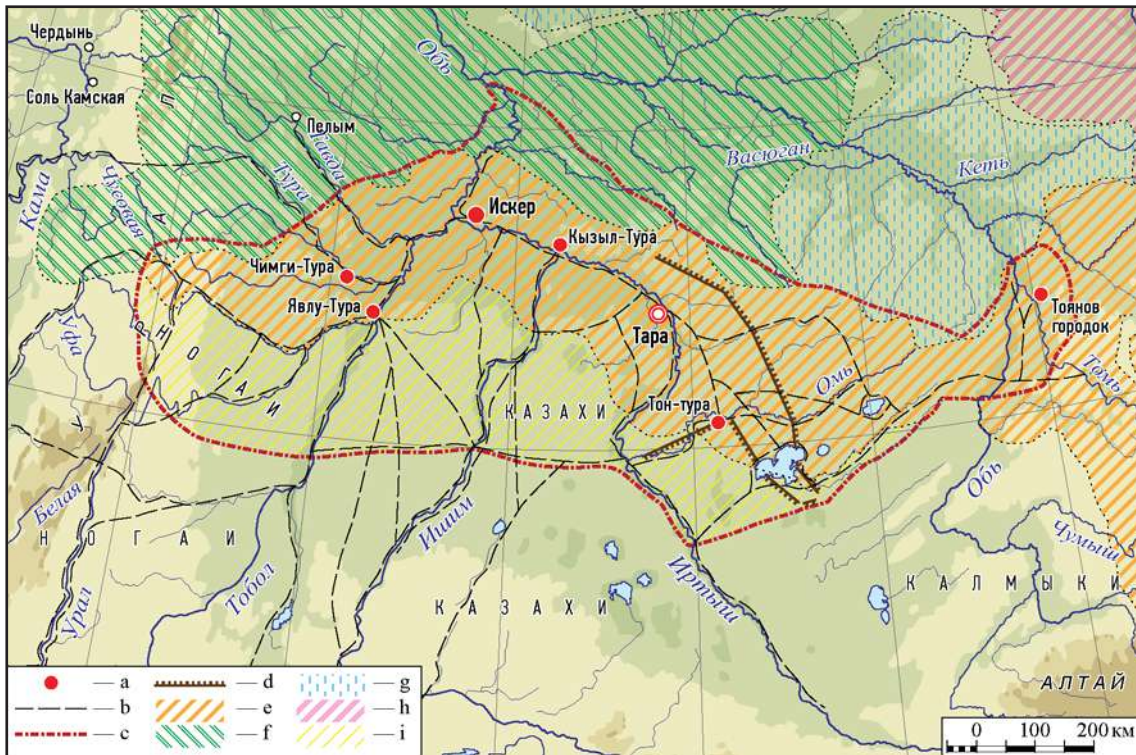
центр сибирских татар. Это был источник средств для продолжения борьбы Кучумовичей, это был источник оружия для ведения военных действий, и это были люди, пополнявшие их отряды.

Г.Ф. Миллер опубликовал «Наказ князю Елецкому» на основание города, из которого достаточно ясно следуют цели и задачи данного мероприятия: «идти города ставить вверх Иртыша, на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести, и Кучума царя истеснить, и соль устроить...» (Миллер 1999: 347—353). Место города было достаточно четко локализовано — река Иртыш в месте впадения его правого притока реки Тары — «ниже ли того, выше ли того, где пригоже». Это место позволяет контролировать сразу два основных направления: меридиональное — по долине Иртыша и широтное — по Таре.

Значение Иртыша для Сибирского ханства до конца так и не раскрыто. В основном эта река упоминается в связи с тем, что на ней стояла столица ханства — Искер, с тем, что вверх по Иртышу пошел походом Ермак в поисках торгового каравана и, возвращаясь, погиб близ устья реки Вагай. В действительности долина Иртыша оказалась стержнем, на котором держалось все Сибирское ханство — это был один из основных торговых маршрутов, связывающий Сибирь со Средней Азией. Без торговли хану Кучуму просто не на что было содержать свое государство — аппарат управления, двор, армию и т.д. На берегах Иртыша проживало самое преданное ему население — аялыньские татары, которые впоследствии долгое время будут служить его сыновьям и внукам. Вдоль притоков Иртыша — Тары и Оми — шли дороги, связывающие Прииртышье с восточными землями ханства — с Барабой и Приобьем.

Долина реки Тары достаточно хорошо изучена в археологическом плане. Благодаря своему удобному географическому положению она притягивает к себе как южнотаежное население, так и насельников лесостепных пространств. Если добавить, что это наиболее удобный путь с берегов Иртыша в Барабу, то становится очевидным, что эта река была очень значима для всего ханства. Взятие долины реки под контроль русскими после основания г. Тары предопределило поражение хана Кучума, так как он оказался отрезан от своих западных владений, был вынужден покинуть Иртыш и уйти в Приобье.

Население Тарского Прииртышья на момент прихода сюда русских составляли тарские татары, подразделявшиеся на группы

Рис. 1. Карта Сибирского ханства (к 1580 г.) (по Матвеев, Татауров 2012: рис. 2). Условные обозначения: а — военно-административные центры; b — пути сообщения; с — граница Сибирского ханства; d — военно-оборонительная линия; e — группы сибирских татар; f — расселение угров; g — расселение самодийских племён; h — расселение кетов; i — группы кочевников, переселённых Кучумом на южные территории.

Fig. 1. Map of the Siberian Khanate (by 1580) (after Matveev, Tataurov 2012: fig.2). Legend: a — military administrative centers; b — ways of communication; c — border of the Khanate of Sibir; d — military defensive line; e — groups of Siberian Tatars; f — Ugric resettlement; g — Samoyedic tribes resettlement; h — Kets resettlement; i — groups of nomads resettled by Kuchum in the southern territories.

Аялы и Туралы (Томилов 1981: 135), и по настоящее время проживающие на территории Тарского Прииртышья. Письменные и археологические материалы свидетельствуют о том, что они появляются на берегах Иртыша в 70-х годах XVI в. Казахский историк М. Абдиров пишет о том, что основу переселенцев составили казахские племена аргын, жалаир, керей, кыпшак, найман, табын, часть башкир, ханты и манси (Абдиров 1993: 207). Источники говорят о том, что численность прибывших на берега Иртыша людей была довольно значительной. Среди них аялы в несколько раз превосходили все другие группы. Место их первоначального проживания этнографы обнаружили в Башкирии на землях племени айлы, предка этой группы (Кузеев 1974: 297).

Примирения местных татар с новой властью не произошло, это было и понятно. В отличие от других групп сибирских татар, например, тюменских, которые считали хана Кучума чужаком, свергшим их родовую знать, аялы целиком и полностью зависели

от своего хана. Поэтому аялы вместе со своими соседями — барабинцами длительное время оказывали поддержку своему хану и его преемникам. Значительная часть аялы, не выдержав давления со стороны русской администрации, вернулась на свою историческую родину, на Исеть и Южный Урал (Самигулов, Татауров 2017). Число тарских татар с первой половины 90-х гг. XVI в. до 1634 г. сократилось с 1770 до 1000 человек. Отток татарского населения с Иртыша продолжился и в XVIII в. Н.А. Томилов, показывая тесные брачные связи иштыяско-тукузских и курдакско-саргатских татар, писал о возможности перемещения татар с Иртыша на Исеть, на территорию проживания татар искеро-тобольской группы, современное место расположения населённых пунктов ичкинских татар (Томилов 1981: 86).

Численность татарских поселений в Тарском Прииртышье резко сокращается, население группируется в г. Таре, где быстро сформировался пригород — Бухарская слобода,

и в близлежащих к городу деревнях — Сеитово, Себеляково, Речапово. Этой концентрации способствовало то, что Тара стала мусульманским центром всей Западной Сибири. Сначала в д. Сеитово, а затем в Таре, в Бухарской слободе поселился Дин аул-ходжа, возглавлявший в свое время исламскую миссию. Его потомки известны в городе под фамилией Айтикины. Г. Ф. Миллер писал о нем следующее: «Приезд с Кучумом и Ахмет-Гиреем многих бухарцев, как надо думать, положил начало поселению в Сибири этого народа. ... в одной сеитской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанактовых и Тадзымовых юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род от времен Кучума. Эта семья замечательна еще тем, что ее родоначальник Дин-аул-ходжа, родом из Ургенча, был женат на дочери хана Кучума по имени Нал-Ханиша. В Тобольске же мне была сообщена следующая родословная: Дин-аул-ходжа имел трех сыновей — Султамет-ходжу, Сеитмемета и Аксеита, которые обосновались в Таре; сыновья Султамета: Юсуп-ходжа и Аюп-ходжа жили в Тобольске. Сыновья же Аюп-ходжи: Султамет-ходжа и Яя-ходжа жили в мое время в вышеназванных юртах» (Миллер 1999: 196). Записи Миллера подтверждают и родословные записи «шэжэрэ» Айтикиных, обнаруженные в 1950—1960-х годах известным татарским исследователем Ф. Т. Валеевым. Из них следует, что предки Айтикиных были приглашены Кучумом в Сибирь из Ургенча, где они занимали высокие духовные и светские должности, для распространения ислама. Фамилия Айтикин происходит от прозвища (или второго имени) одного из представителей этого рода — Хайдара Ярымовича (1752—1808), в ревизской сказке 1795 г. он записан как Айтика Ярымов (Валеев 1991). Айтикины на протяжении нескольких веков способствовали распространению ислама, развитию культуры и образования у сибирских татар. Сам Дин-аул-ходжа, а потом его потомки неоднократно ездили в Среднюю Азию и привозили священников для населения Прииртышья. В г. Таре была построена деревянная мечеть и при ней открыта начальная школа (мэктэб). В конце XVIII в. была построена первая в Сибири каменная мечеть. Впоследствии при участии представителей этой семьи был построен ряд мечетей в татарских селах Прииртышья, а в Таре открыта средняя школа (медресе) для детей татар и бухарцев. Из Тары вышло много известных исламских религиозных деятелей. Например, Габдрашит Ибрагимов — первый мис-

сионер и основатель мусульманской общины в Японии.

Помимо религиозного, г. Тара становится этноконсолидирующим центром сибирских татар. На какой-то момент XVII века Тара стала самым большим по численности населения местом проживания сибирских татар в Прииртышье. Более того, Бухарская слобода постоянно расширялась за счет выходцев из Средней Азии, и к 1672 году в городе было 53 бухарских «юрта» (дома) (Башкатова, Жиров, Скубневский 1997: 115). Еще одним источником пополнения численности татар в г. Таре стало принятие их на службу. Численность их была меньше, чем в Тюмени или Тобольске, но, тем не менее, в 1630 году в Таре было 30 служилых татар, в 1699 г. — 60 (Гончаров, Ивонин 2014: 92). Часть служилых татар крестилась, а часть, поступившая на службу всем родом (это были местные князцы), сохранила свою веру. Впоследствии эти татары растворились среди массы русского населения.

Учитывая то, что татарам и бухарцам было запрещено проживать в городе, Бухарская слобода была, можно сказать, обособленным поселением при городе Таре. И поставщиком воинов в отряды Кучумовичей — практически во всех военных стычках есть свидетельства участия тарских татар. Например, в 1629 году на оз. Чаны собралось около 400 тарских татар. Они пригласили кучумовича Аблая и провозгласили его ханом (Трепалов 2011: 29). В городе было еще одно место, где находились тарские татары — это аманатская изба в Тарской крепости. Тарские воеводы держали в ней заложников из числа «лучших» людей наиболее известных татарских родов. Изба была построена, по традиции сибирских городов, вплотную к крепостной стене, через небольшое окно родственники снабжали заключенных продуктами.

Тара с самого момента основания стала торговым городом. Нельзя сказать, что это было одной из целей при его основании, но то, что при выборе места был какой-то населенный пункт, куда приходили бухарские караваны — это факт. В свое время я сделал предположение о том, что на месте Тары был административный центр аялыньских татар, но пока его поиски не увенчались успехом (Тагауров 2011). Вполне возможно, он был полностью уничтожен при строительстве Тары. Первый караван в Тару пришел в 1595 году — то есть, он вышел еще в татарский город, а пришел уже в русский. В 1645 году тарским бухарцам была дана жалованная грамота «для проезду в разные города, чтобы... по городам ни-

чем не теснить, и задержания в проездах с товарами не чинить, и в торгах не возбранять, и под товары судов покупать и подвод нанимать не заказывать, и суда, кроме кабальных долгов и татинного и разбойного дела с полчиным не давать» (Гончаров, Ивонин 2014: 105). Положение Тары в XVII веке как центра торговли со Средней Азией стало еще одним фактором консолидации сибирских татар вокруг этого города. Колонии бухарцев в это время были почти во всех русских городах Сибири — Тобольске, Томске и других, поэтому торговцы стали тем звеном, которое позволяло общаться между собой всему тюрко-татарскому сибирскому миру.

Бухарцы оказывали определенное влияние и на население Тары. По количеству скорлупы от орехов фундука культурный слой города XVII века можно сравнивать с любым среднеазиатским городом, только в Таре он лежит вперемежку со скорлупой сибирского кедрового ореха. В среднем в Тару приходил один-два каравана в год. Среднеазиатские товары имели самое широкое хождение у тарчан: из тканей шили одежду, специи использовали в приготовлении пищи, посуда украшала столы горожан и т. д. Только в XVIII веке русская торговля на время вытесняет бухарцев с сибирского рынка, но на сравнительно небольшое время, и уже с середины XVIII века тарские бухарцы налаживают новые торговые пути со Средней Азией и с Китаем.

Была у бухарских торговцев и неофициальная деятельность — контрабанда. Из Сибири, в обход законов, написанных еще при жизни Ивана Грозного, в Среднюю Азию вывозили пушнину. До середины XVII века объемы пушной торговли были весьма значительны, но затем пушной зверь был выбит, и его продажи резко сократились. В Сибирь торговые караваны нелегально везли оружие. Сибирские татары, не желавшие подчиниться русской администрации, остро нуждались в саблях, кинжалах, луках, доспехах, конской сбруе и т. д. Все это оружие фиксируется в татарских могильниках XVII—XVIII вв. по всей полосе Западной Сибири. Так же нелегально бухарцы осуществляли торговлю и продукцией русских оружейных мастеров. Несмотря на строжайшие запреты, в погребениях татарских воинов археологи находят русские топоры, наконечники копий, ножи и палаша — то есть тоже оружие, которое было и у русских служилых людей. Еще одной полуполюгальной статьей дохода бухарских купцов был опиум и сделанные на его основе курительные смеси — об этом свидетельствуют находки трубок для курения опиума в слоях

допетровского времени города Тары. Можно говорить о том, что Тара была в какой-то мере, через бухарских торговцев, центром снабжения Кучумовичей в их борьбе за восстановление Сибирского ханства.

Город Тара стал административным центром русского государства для проживавших на Иртыше татар. Но по сути изменения, по сравнению с Сибирским ханством, в территориальном делении, налоговой и судебной системах оказались минимальными. Тарские татары, как и другие группы сибирских татар, на момент прихода русских имели родовое деление и объединялись в более крупные образования — улусы. В Прииртышье во главе улусов стояли есаулы, назначенные ханом Кучумом из служилых татар. В других районах — по р. Таре и в Барабе, во главе находились представители местной знати — мурзы, беки, князцы и т. д. Они отвечали за разрешение местных конфликтов, сбор налогов (ясака), обеспечивали охрану границы, содержа пограничные городки, выполняли ханские указы по поддержанию дорог, сбору ополчения и т. д. После вхождения этих территорий в состав русского государства улусы были переименованы в волости, практически вся татарская знать осталась на своих местах — во главе этих волостей. Нахождение во главе волостей местной знати было удобно русской администрации, не знавшей в полной мере ни территорию с системой путей сообщения, ни проживавшее на ней население — численность, традиции и т. д. Между русскими чиновниками и татарами, плательщиками ясака, стояла местная знать, заинтересованная в перераспределении части налога в свою пользу.

Те, кто отказался подчиниться новой власти, были ликвидированы в ходе походов тарских воевод в самом конце XVI века. Примером является судьба нескольких волостей по р. Таре и в Барабе. Весной 1596 года Тунуский городок Чангулы-мурзы был взят штурмом и полностью сожжен. Такая же судьба постигла и несколько волостей в Барабе. Тем самым, походы воевод ничем не отличались от походов хана Кучума, который параллельными курсами жег татарские деревни, присягнувшие русскому царю.

Стержнем всей политики русского государства был сбор ясака в виде ценной пушнины с автохтонного населения Сибири. Воеводы закрывали глаза на положение дел в татарских поселениях, на самоуправство сборщиков, на местные конфликты — главное, чтобы ясак своевременно поступал в казну. Количество ясака постоянно росло, прежде всего, из-за самоуправления местной ад-

министрации. Поэтому реальные размеры налогов для населения установить практически невозможно. Трудно даже представить, какая часть ясака оседала в карманах местных чиновников. Проводившие следствия о наиболее крупных злоупотреблениях воевод «сыщики» и судьи Сибирского приказа обычно снисходительно относились к тому, что воевода «нажил правдой» — получил в виде «почестей» и «поминоков» (Акишин, Ремнев 2002: 11). Существование такой практики позволило Е. В. Вершинину прийти к справедливому замечанию, что «злоупотребления администрации в Сибири... являлись органической частью всей системы местного управления» (Вершинин 1998: 55). Такое положение привело к большим задолженностям в уплате ясака, и тарские воеводы показали, что сохранили и ханские формы наказания должников.

Такое положение дел не могло не отразиться на настроениях сибирских татар. Не имея возможности добыть необходимое количество шкурок соболя, татарские охотники уходили все дальше и дальше на север — в Васюганские болота. Тем самым хозяйственная жизнь в деревнях приходила в упадок, население стало голодать. Но долг по ясаку постоянно рос. В 1628 году тарские воеводы Ю. И. Шаховской и М. Ф. Кайсаров выявили значительную задолженность по верхним волостям по р. Таре и Барабе. Воеводы вызвали в Тару «лучших людей» — представителей местной аборигенной верхушки, и потребовали немедленно внести ясак за 1626—1628 гг. Татарские князья отказались, заявив, что ясачные люди совершенно разорены, всю добытую пушнину у них забирают калмыки, захватившие их лесные угодья, и внести ясак им нечем. Тогда воеводы решили применить силу, и по их приказу с князьков «учели... править... государев ясак на прошлые на три года и били де их правеже разув (по пяткам)» (Волкова 1965: 118).

Избитые князья по возвращении в свои волости вместо выполнения обещаний по сбору ясака подняли крупнейшее в Сибири восстание против русской администрации, которое

продолжалось несколько лет и едва не закончилось взятием г. Тары. Ситуация с управлением инородческими волостями оставалась сложной до конца XVII века, но такого «выбывания» ясака больше не было. Таким образом, можно с полным основанием говорить, что город Тара в XVII веке был административным центром Прииртышья в отношении инородческого населения в части сохранения принятых в Сибирском ханстве системы территориального деления, форм и норм налогообложения, системы наказаний за мелкие нарушения и т. д.

Заключение

Город Тара за сравнительно небольшое время после основания стал играть роль центра консолидации сибирских татар. Удобное расположение в центре лесостепной зоны Западной Сибири обеспечивало местному татарскому населению хорошие социально-экономические связи как с восточными группами тюркоязычного населения — барабинцами, чагатами, томскими татарами, так и с западными группами — тоболоиртышскими и тюменскими татарами.

Несмотря на то, что Тара являлась русским городом, она с начала XVII века стала центром распространения ислама в Сибири, и многие муллы, служившие в сибирских мечетях, получили образование в этом городе.

Тара была основана в центре проживания тарских татар, которые оставались одними из самых последовательных приверженцев хана Кучума и его преемников — сыновей и внуков. По этой причине на протяжении первой половины XVII века мы фиксируем постоянные попытки со стороны Кучумовичей переломить ситуацию в Прииртышье и разрушить город. Апогей наступил осенью 1634 года, когда Тара выдержала два штурма и устояла. Для Кучумовичей это поражение стало в какой-то мере решающим в противостоянии с Российским государством, но их сопротивление продолжалось еще не одно десятилетие.

Литература

- Абдиров М. 1993. Хан Кучум. *Простор* 9, 207—223.
- Акишин М. О., Ремнев А. В. 2002. Управление Сибири XVI — начала XX века: административная политика, структура и люди. В: Акишин М. О., Ремнев А. В. (сост.). *Власть Сибири XVI — начала XX века*. Новосибирск: Сова, 7—16.
- Башкатова З. В., Жиров А. А., Скубневский В. А. 1997. Тара. В: Резун Д. Я., Терешков Д. М. (гл. ред.). *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири*. Т. 4. Кн. 1. Новосибирск: Гео, 115—116.
- Валеев Ф. Т. 1991. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник. В: Томилов Н. А. (отв. ред.). *Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири*. Омск: ОмГУ, 98—104.
- Вершинин Е. В. 1998. *Воеводское управление в Сибири (XVII в.)*. Екатеринбург: Развивающее обучение.

- Волкова К.В. 1965. Восстание татар Тарского уезда 1628—1631 гг. В: Шунков В.И. (отв. ред.). *Сибирь периода феодализма* 2. Новосибирск: Наука, 112—127.
- Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. 2014. Социально-экономическое развитие Тары в конце XVI — конце XVIII века. В: Алферов С.А. (отв. ред.). *Тара в XVI—XIX веках — российская крепость на берегу Иртыша*. Омск: Амфора, 87—125.
- Кузеев Р.Г. 1974. *Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения*. Москва: Наука.
- Матвеев А.В., Татауров С.Ф. 2012. *Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории*. Казань: Фэн.
- Миллер Г.Ф. 1999. *История Сибири* I. Москва: Восточная литература.
- Пузанов В.Д. 2010. *Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI—XVII вв.* Санкт-Петербург: Алетейя.
- Пузанов В.Д. 2014. Экспедиция Андрея Елецкого и основание города Тары в 1594 г. В: Маслюженко Д.Н. (отв. ред.). *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири*. Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17—18 апреля 2014 г.). Курган: Курганский государственный университет, 84—85.
- Ремезов С.У. 1882. *Чертежная книга Сибири*. Москва: Археографическая комиссия.
- Самигулов Г.Х., Татауров С.Ф. 2017. Аялынская волесть в Тарском Прииртышье и Южном Зауралье. *Вестник ТомГУ* 49, 104—108.
- Татауров С.Ф. 2011. Город Ялом (К вопросу о месте расположения). В: Загидуллин И.К. (отв. ред. и сост.). *Сибирский сборник* 1. Казань: Яз, 51—62.
- Татауров С.Ф. 2018. Кучумовичи в Тарском Прииртышье и штурм города Тары в 1634 году. *Золотоордынское обозрение* 6 (1), 134—144.
- Томилов Н.А. 1981. *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в.* Томск: ТомГУ.
- Трепавлов В.В. 2011. Кучумовичи и калмыки: геополитический мезальянс. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН* (1), 22—34.
- Худяков Ю.С. 2011. Оборона южных рубежей Западной Сибири русскими войсками в конце XVI — первой трети XVII в. *Гуманитарные науки в Сибири* (1), 41—45.

References

- Abdirov, M. 1993. In *Prostor (Open Space)* 9, 207—223 (in Russian).
- Akishin, M.O., Remnev, A.V. 2002. In Akishin, M.O., Remnev, A.V. (comp.). *Vlast' Sibiri XVI — nachala XX veka (Power in Siberia in 16th — Early 20th Centuries)*. Novosibirsk: "Sova" Publ., 7—16 (in Russian).
- Bashkatova, Z.V., Zhiron, A.A., Skubnevskii, V.A. 1997. In Rezun, D. Ya., Tereshkov, D.M. (eds.-in-chief). *Kratkaia entsiklopediia po istorii kupechestva i kommersii Sibiri (Brief Encyclopaedia of History of Merchants and Commerce in Siberia)*. Vol. 4. Book 1. Novosibirsk: "Geo" Publ., 115—116 (in Russian).
- Valeev, F.T. 1991. In Tomilov, N.A. (ed.). *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Zapadnoi Sibiri (Issues of Ethnology and Historical Geography of Western Siberia)*. Omsk: Omsk State University, 98—104 (in Russian).
- Vershinin, E.V. 1998. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII v.) (The Voivods Rule in Siberia: 17th Century)*. Yekaterinburg: "Razvivaiushchee obuchenie" Publ. (in Russian).
- Volkova, K.V. 1965. In Shunkov, V.I. (ed.). *Sibir' perioda feodalizma (Siberia in the Feudal Period) 2*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 112—127 (in Russian).
- Goncharov, Yu.M., Ivonin, A.R. 2014. In Alferov, S.A. (ed.). *Tara v XVI—XIX vekakh — rossiiskaia krepost' na beregu Irtysha (Tara in 16th—19th Centuries: a Russian Fortress on the Irtysh Bank)*. Omsk: "Amfora" Publ., 87—125 (in Russian).
- Kuzeev, R.G. 1974. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia (Origin of Bashkirs: Ethnic Composition, History of Peopling)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Matveev, A.V., Tataurov, S.F. 2012. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii (Siberian Khanate: Military-Political Aspects of History)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
- Müller, G.F. 1999. *Istoriia Sibiri (History of Siberia)* I. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Puzanov, V.D. 2010. *Voennye faktory russkoi kolonizatsii Zapadnoi Sibiri. Konets XVI—XVII vv. (Military Factors of the Russian Colonisation of Western Siberia: Late 16th — 17th Centuries)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
- Puzanov, V.D. 2014. In Masliuzhenko, D.N. (ed.). *Istoriia, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tiurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri (History, Economy and Culture of Medieval Turkic-Tatar States in Western Siberia)*. Kurgan: Kurgan State University, 84—85 (in Russian).
- Remezov, S.U. 1882. *Chertezhnaia kniga Sibiri (The Atlas of Siberia)*. Moscow: Archaeographic Commission (in Russian).
- Samigulov, G. Kh., Tataurov, S.F. 2017. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tomsk State University)* 49, 104—108 (in Russian).
- Tataurov, S.F. 2011. In Zagidullin, I.K. (ed., comp.). *Sibirskii sbornik (Siberian Collected Papers)* 1. Kazan: "Iaz" Publ., 51—62 (in Russian).
- Tataurov, S.F. 2018. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (1), 134—144 (in Russian).
- Tomilov, N.A. 1981. *Tiurkoiazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse XVI — pervoi chetverti XIX v. (Turkic-Speaking Population in the Western Siberian Plain in Late 16th — First Quarter of 19th Centuries)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
- Trepavlov, V.V. 2011. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* (1), 22—34 (in Russian).
- Khudiakov, Yu.S. 2011. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* (1), 41—45 (in Russian).

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Central Asia

В. А. Кольченко

Valerii Kolchenko. Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic¹.

Кольченко Валерий Анатольевич. Институт истории, археологии и этнологии Национальной Академии наук Кыргызской Республики.

E-mail: archak@gmail.com

Address: ¹ Chuy Bd., 265a, Bishkek, 720071, Kyrgyzstan

Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года)

Keywords: Western Tien-Shan, Chui valley, Mongolian time, Burana town, Christian necropolis, types of grave constructions

Ключевые слова: Западный Тянь-Шань, Чуйская долина, монгольское время, городище Бурана, христианский некрополь, типы конструкций могил

V.A. Kolchenko

Christian Cemetery of Mongol Time at Burana Town: according to archival documents on excavations in 1886

In 1885, two Christian medieval cemeteries were opened in the north of present-day Kyrgyzstan, in the Chuy Valley. They were identified from the finds of gravestones with Syrian epitaphs. Soon the epitaphs were translated and published by D. Khvolson and S. Slutsky. Archaeological excavations were carried out on the necropolis of Burana town, in 1885—1886, but the data from these studies were not published. They are stored in the Archive of the RAS Institute of History of Material Culture, among documents of the Imperial Archaeological Committee.

Data on the excavations in late 19th century on the medieval cemetery near the settlement of Burana are cited and analyzed in this article. Most of the burials were made in pits. The second largest group is the burial in the pits with niches. All the deceased lay stretched on their backs heading west. The burials contained no grave goods, but sometimes they contain personal adornments or wearable crosses.

At the end of the article, the burials from Burana Christian cemetery are compared with the burials from the necropolises of Ak-Beshim, Krasnaya Rechka and Belovodskaya fortresses, also located in the Chuy Valley. By comparing them, we come to conclusion about a break in development of Christianity in the Chuy Valley, and emergence of a new cultural tradition, associated with gravestones with epitaphs, at the beginning of 13th century.

V. A. Кольченко

Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года)

В 1885 г. на севере современного Кыргызстана, в Чуйской долине, были открыты два христианских средневековых кладбища. Они были идентифицированы по находкам надмогильных камней с сирийскими эпитафиями. Вскоре эпитафии были переведены и опубликованы Д. Хвольсоном и С. Слуцким. На некрополе городища Бурана в 1885—1886 гг. проводились археологические раскопки, но данные этих исследований не публиковались. В настоящее время эти материалы хранятся в Архиве Института истории материальной культуры РАН среди документов Императорской Археологической комиссии.

Данные о раскопках конца XIX века на средневековом кладбище у городища Бурана приводятся и анализируются в настоящей статье. Большинство погребений было совершено в простых ямах. Вторую по численности группу оставляют погребения в ямах с подбоем. Все погребённые лежали вытянуто на спине головой на запад. Погребения безынвентарные, но в некоторых найдены личные украшения, нательный крест.

Погребения Буранского христианского кладбища сравниваются с погребениями некрополей городищ Ак-Бешим, Красная Речка и Беловодская крепость, также расположенных в Чуйской долине. На основании сравнения мы приходим к выводу о прерыве в развитии христианства Чуйской долины и появлении в начале XIII в. новой культурной традиции, связанной с установлением надгробий с эпитафиями.

В XIII веке в Чуйской долине¹, важной части Западного Притяньшанья, происходит резкий упадок оседлой культуры: если авторы IX—X вв. Ибн Хордадбех и Кудама приводят названия 10—15 городов (Бартольд 1996: 270—271), то уже для 1259 г. в китайском маршруте Чан Дэ (по другому переводу Чань-чуня) из составленного в 1263 г. «Описания посольства на запад» («Си-ши-цзи») сообщается о многочисленных развалинах, хотя упоминается ещё о «мирных обитателях, занимавшихся торговлей», и об оросительных каналах (Аристов 2008: 305—307; Бартольд 1996а: 408), а в начале XVI в., как свидетельствует Махаммед Хайдер, были только развалины, и никто не знал прежних их названий (Бартольд 1996а: 409). Такие данные письменных источников хорошо подтверждаются археологически: в долине было зафиксировано 18 крупных городищ с так называемыми длинными стенами, вокруг которых группировались по два-пять мелких городищ, а также отмечены группы городищ на выходах горных ущелий в долину (Кожемяко 1959). Верхняя хронологическая граница для подавляющего большинства из них определена XII веком (Чуйская долина 1950; Кожемяко 1959). И лишь немногие поселения продолжали жить в последующие одно-два столетия. Одним из таких является городище Бурана.

Городище Бурана расположено в 50 км по прямой к востоку-юго-востоку от столицы современного Кыргызстана г. Бишкек и в 10 км к югу от районного центра г. Токмок. Оно состоит из развалин почти квадратной в плане центральной части (шахристана), обнесённой завалованными ныне крепостными стенами длиной по 500—600 м с каждой стороны, и аграрно-ремесленной (?) округи, имевшей собственные т.н. «длинные стены» периметром (в реконструкции) 15 км (Кожемяко 1959: 126—128) (рис. 1). Среди

центральных развалин возвышается «башня Бурана» — старейший в Средней Азии минарет из жжёного кирпича. К нему примыкает раннемусульманское кладбище с выявленными и раскопанными остатками трёх монументальных мавзолеев (четвертый расположен в другой части центральных развалин) и многочисленными грунтовыми погребениями между ними. Там же находятся два сросшихся бугра, общими размерами 150×100 м, скрывающие руины монументальных сырцовых построек, включая замок коридоро-гребенчатого типа. Городище отождествляется с одной из столиц Караханидов и кара-китаев (кара-киданей) городом Баласагун, который в XI—XII вв. дважды становился столичным центром всего среднеазиатского междуречья.

В 1885 году на городище по надгробным камням с эпитафиями было обнаружено христианское кладбище, расположенное к югу от центральной части (рис. 2), и раскопано несколько погребений (Поярков 1885; Ядринцев 1886; ОАК 1986: CLIX). Надписи на надгробных камнях были достаточно оперативно переведены и опубликованы² на русском и немецком языках (Хвольсон 1887а; 1887б; 1887в; 1895; Chwolson 1886; 1890; 1897; Слуцкий 1889; 1891). Эпитафии оказались написаны сирийским алфавитом на сирийском и/или тюркском языках. Часть из них содержала даты по селевкидской эре (и по 12-летнему циклическому календарю), большинство из которых относится к периоду между 1255 и 1342 годами (Слуцкий 1889: 17).

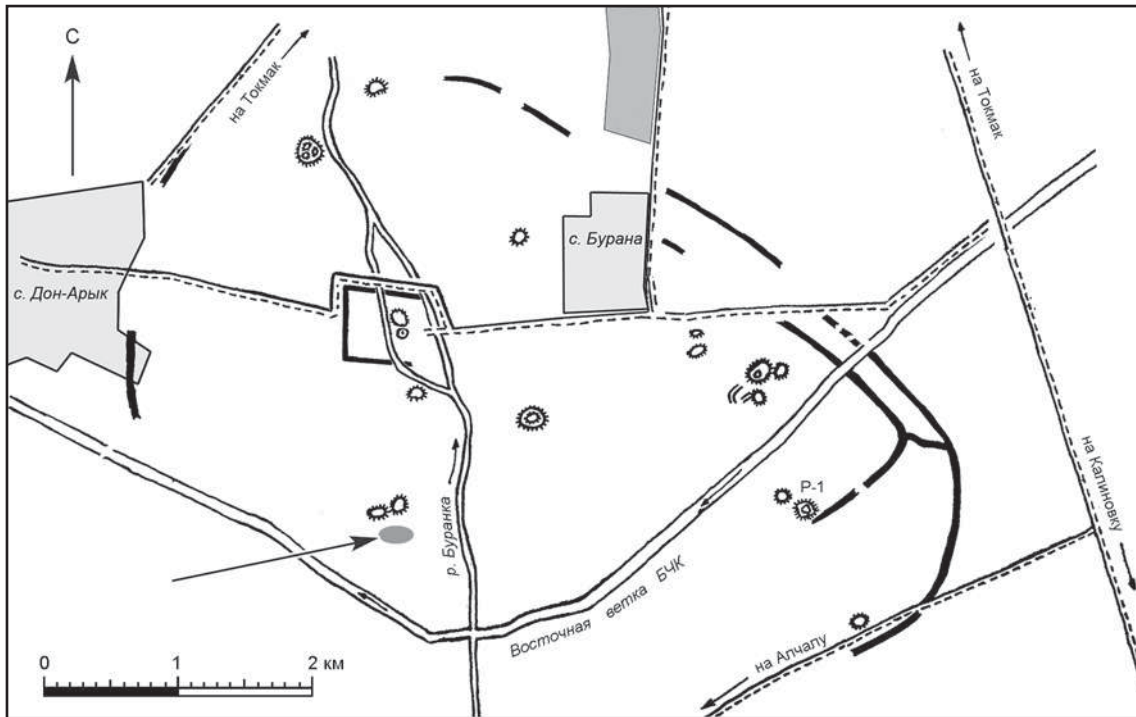
В последующие годы на городище было найдено ещё некоторое количество надгробных камней (Коковцов 1909; Джумагулов 1987), но точной статистики не велось. Часть из них была переведена в недавнее время (Klein 2000). А вот новых археологических раскопок кладбища не предпринималось. Да и результаты раскопок конца XIX в. не издавались, а лишь отмечались. В настоящее время эти материалы хранятся среди документов Императорской Археологической комиссии³. Ознакомившись с ними, мы сочли важной и актуальной содержащуюся в них информацию.

¹ Чуйская долина расположена в Средней Азии, на севере Кыргызстана и юге Казахстана, по среднему течению р. Чу. Ее протяженность 250 км. Днище долины лежит на высоте 500—1300 м над уровнем моря. С юга долина ограничена хр. Кыргызского Ала-Тоо, с северо-востока — Чу-Илийскими горами, а на западе и северо-западе постепенно переходит в пустыню Моюн-Кум. Поэтому восточная часть долины замкнутая и узкая (до 10—12 км), а западная — открытая и широкая (до 90—100 км).

В историческом аспекте — это контактная зона между кочевой Степью (и горами) и традиционно земледельческими районами, лежащая между Восточным Туркестаном и средним течением Сырдарьи; через неё проходило одно из ответвлений Великого Шёлкового пути.

² К сожалению, эпитафии с Буранинского кладбища при издании не были не только отделены от аналогичных надписей с Припишпекского кладбища, найденного и исследованного в те же годы, но даже не были маркированы.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 40-б.

Рис. 1. Городище Бурана. План (по Горячева 1983: рис. 3, с исправлениями и добавлениями). Стрелкой указано примерное место расположения христианского кладбища.

Fig. 1. Burana town. Plan (after Горячева 1983: рис. 3, with corrections and additions). The arrow indicates the approximate location of the Christian cemetery.

Раскопки на кладбище проводились в 1885—1886 гг. В 1885 г. Ф.В. Поярков (без разрешительных документов) заложил 12—13-метровую траншею (Пантусов 1888а: 99-а) на небольшой возвышенности, воспринятой им как «ряд могильных насыпей, сильно стёртых временем», и вскрыл четыре костяка. Они располагались в подбоях, с северной и южной сторон траншеи, попарно напротив друг друга (Ядринцев 1886: 158—159), т.е. нужно полагать, что было вскрыто две могилы с двумя подбоями в каждой. В следующем 1886 г. А.М. Фетисов по Открытому листу Н.Н. Пантусова исследовал ещё более 30 погребений (Фетисов 1888: 102—120).

В архиве мы нашли четыре рукописных документа, относящихся к исследованиям 1886 г. на городище Бурана. Три из них написаны Н.Н. Пантусовым. В первом содержится информация о кладбище с обзором проведённых работ и применявшейся методики раскопок (Пантусов 1888а), а в двух других — относительно обширные тексты про само городище, башню-минарет, связанные с ними легенды, и совсем немного — про кладбище (Пантусов 1888б; 1888в). Четвёртый документ — это ведшийся А.М. Фетисовым дневник раскопок (Фетисов 1888). Описания его лапидарны, но достаточно конкретны, с оби-

лием цифровых данных и акцентированием на положении рук погребённых и единичных находках. Рукописи сопровождаемы чертежами отдельных погребений и планом городища с указанием места исследования. Основываясь, прежде всего, на этих документах, мы и характеризуем проведённые исследования.

В документах сказано, что кладбище «находится на урочище Бурана, ...в верстах 5⁴ на север от предгорий Александровского хребта⁵, на правом берегу значительного горного ручья Каерма-Арык (истекающего из ущелья Александровского хребта), в южной части развалин древнего города, на расстоянии около 1½ версты⁶ к югу от древней башни, именуемой киргизами Бурана, каковое название носит и городище. Местность под кладбище выбрана ровная, возвышенная, немного покатая к северу... саженья

⁴ Т.е. 5,3 км.

⁵ Современное название — Кыргызский хребет.

⁶ В пересчёте 1,6 км; на карте, снятой в 1886 г. топографом поручиком Афанасьевым от башни до холмов указано расстояние в 606 сажень, т.е. 1293 м (л. 39).

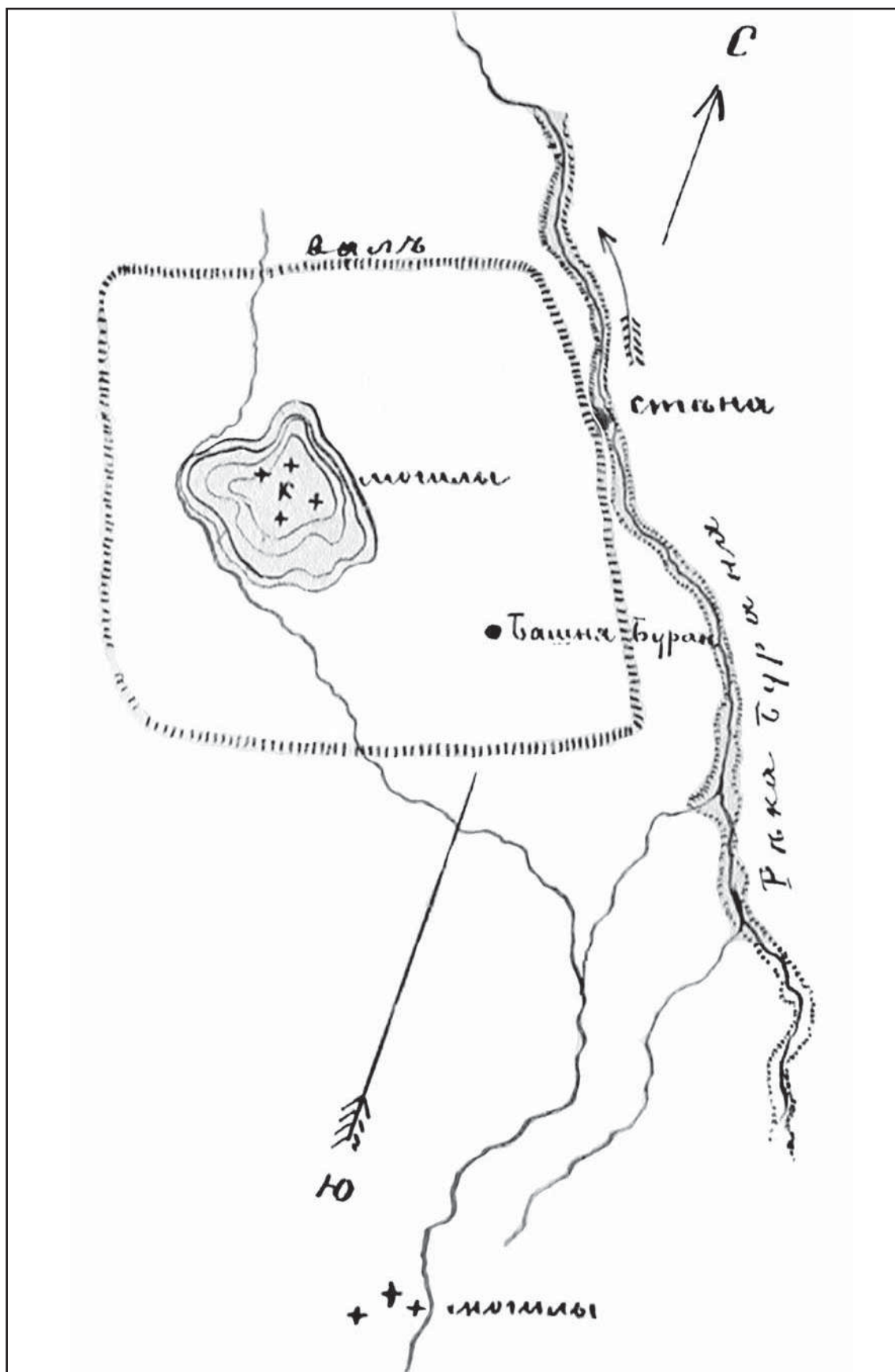

Рис. 2. Городище Бурана. План (по Пантусов 1888в: 151).

Fig. 2. Burana town. Plan (after Пантусов 1888в: 151).

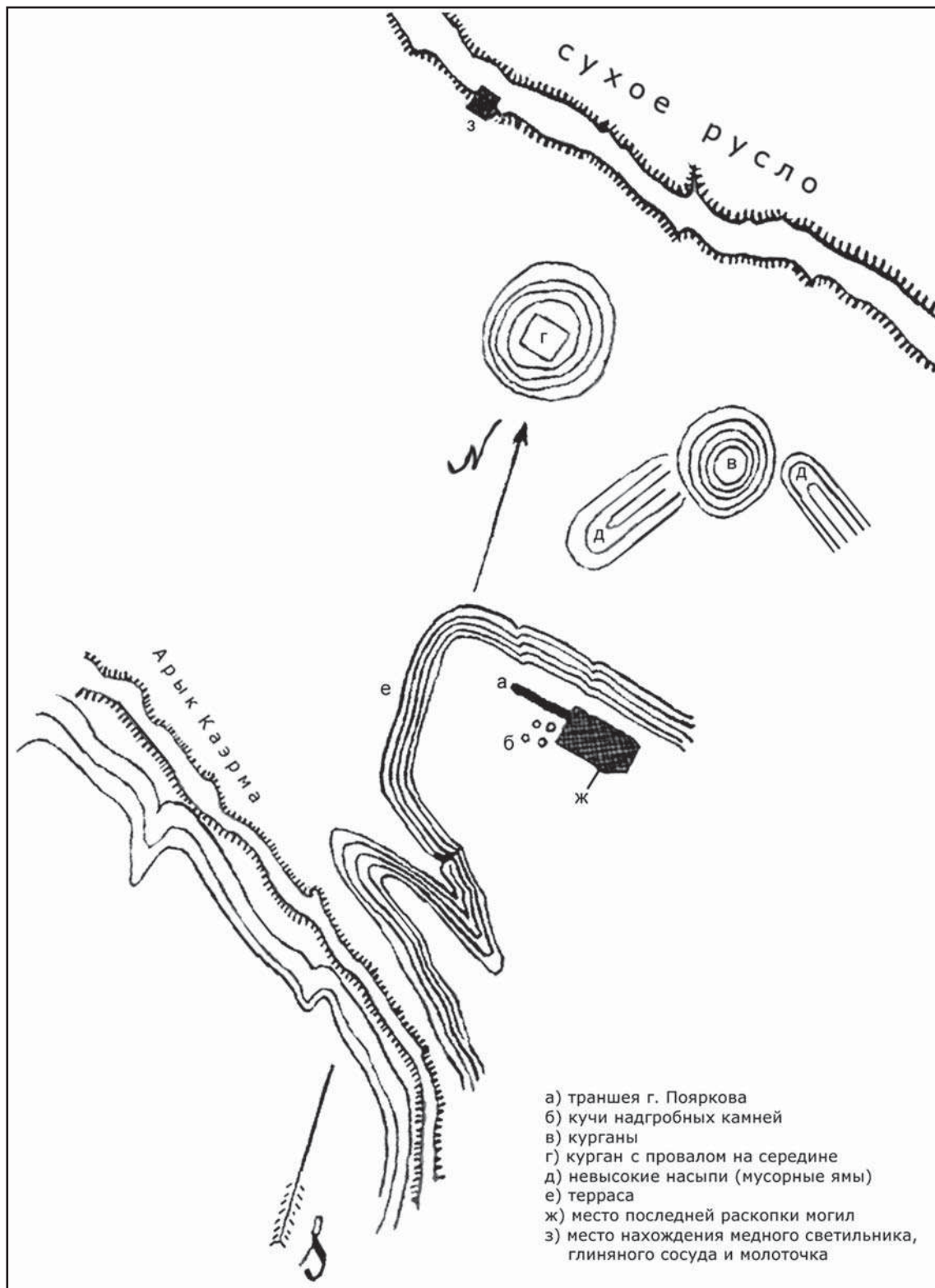

Рис. 3. Примерный план места раскопок христианского кладбища (по Фетисов 1888: 101).

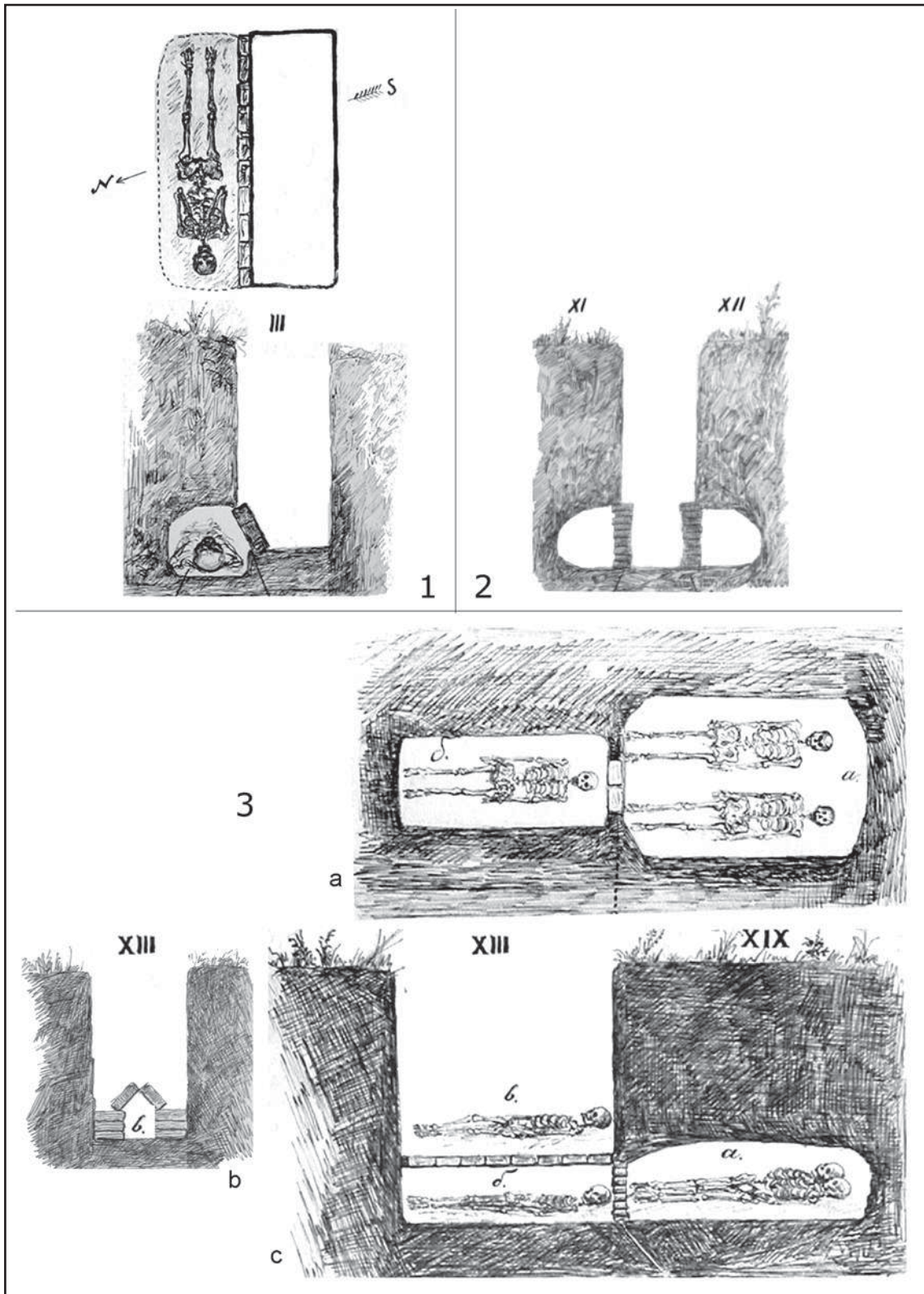
Fig. 3. An approximate plan of the excavation of the Christian cemetery (after Фетисов 1888: 101).

в 100⁷ на север от кладбища проходит сухое

русло Бурана-Сайнын-бою» (Пантусов 1888в: 148-а) (рис. 2).

С севера и запада границей кладбища служили края небольшой естественной терра-

⁷ В пересчёте примерно 213 м.

Рис. 4. Некоторые погребения христианского кладбища: 1 — могила №3, план и поперечный разрез; 2 — могилы №11 и 12, поперечный разрез; 3 — могилы №13 и 19, план по нижнему погребению могилы №13 (а), поперечный разрез верхнего погребения могилы №13 (б), продольный разрез (с) (по Фетисов 1888: 103, 104, 109, 110, 114, 115).

Fig. 4. Some burials of the Christian cemetery: 1 — tomb No. 3, plan and cross-section; 2 — graves Nos. 11 and 12, cross-section; 3 — graves Nos. 13 and 19, plan for the lower grave burial No. 13 (a), cross-section of the upper burial of the grave No. 13 (b), a prospective section (c) (after Fetisov 1888: 103, 104, 109, 110, 114, 115).

сы. С востока она не была установлена, так как к востоку от зоны раскопок стояли ещё не убранные зерновые (Пантусов 1888в: 148-б).

Хорошим ориентиром для локализации кладбища на местности могли бы служить следующие строки: «На северо-восточной стороне, саженях в 50⁸ от этого кладбища стоят два довольно высоких кургана» (Пантусов 1888в: 150-а). В современном рельефе к югу от башни сохранились два холма, но расстояние до них от башни-минарета по замерам с космоснимков всего 430—450 м. Они показаны и на плане городища, опубликованном в 1983 г. (Горячева 1983: рис. 3) (и несколько модернизированном нами для настоящего издания), как ближайший к шахристану холм (рис. 1). На том же плане, в 1—1,2 км от башни, показаны два других холма, о которых, исходя из расстояния, вероятно, и писал Н.Н. Пантусов. К сожалению, в современном рельефе они не сохранились. Как не сохранилась после нивелировки и указанная «небольшая естественная терраса».

Характеризуя больший из этих курганов (рис. 3: г), Н.Н. Пантусов писал: «Целость вершины одного из этих курганов, на самой середине была нарушена желанием киргиз похоронить одного умершего родича, но последнего не удалось здесь похоронить по случаю образовавшегося во время рытья могилы провала в самом центре кургана. Провал этот выразился внезапным опущением земли аршина на 2 глубиною, квадратной формы, при чем обнаружались стены, поверхность которых была оштукатурена гипсом» (Пантусов 1888в: 150-а).

Погребения фактически не имели внешних признаков, что связывается раскопщиками с многолетней распахкой. Как отмечается в архивном документе, пространство кладбища «представляет почти гладкую поверхность, и при этом замечается большая бедность в надгробных камнях (а в особенности с надписями). ...только изредка встречаются под верхним слоем почвы надгробные камни с крестами, да и те, как указывали раскопки, теперь лежат не на своих местах и по этому не служат указателями соответствующих им могил» (Пантусов 1888а: 100-а). Кроме того, в верхних слоях из-за плотности грунта далеко не всегда удавалось ловить границы погребений: «ширина, длина и глубина входной ямы не поддались определению вследствие сильно-уплотненного со-

стояния земли, наполнявшей входную яму, которая приняла одинаковую степень плотности и цвета с грунтом, в котором была вырыта яма» (Пантусов 1888а: 105-а). Вследствие этого проводились сплошные раскопки территории на глубину до 1,75—1,8 м, начиная от восточного конца траншеи Ф.В. Пояркова 1885 года (рис. 3). Это позволило выявить, как сказано выше, более 30 погребений. В дневнике 1886 года приведены рисунки пяти погребений (рис. 4) и имеются описания 33 раскопанных «могил». Но часть из них имела общую входную яму на две «могилы», обозначенные разными номерами (Фетисов 1888), т.е. реальное количество могил/входных ям несколько меньшее.

Раскопками было установлено, что расстояние между могилами так ничтожно, что промежутки между костяками не превышали 1 м (Пантусов 1888а: 100-б). Однако особой системности в их расположении А.М. Фетисов не находит и отмечает, что в одном ряду не более 3—4 могил, а затем порядок расположения менялся (Фетисов 1888: 120-а). К сожалению, даже схематичного плана расположения погребений нам не известно, что не позволяет более полно воспринять ситуацию на раскопанном участке кладбища.

Описание могильных конструкций в дневнике А.М. Фетисова (Фетисов 1888) строится через термины «обыкновенная яма», «гробовище», «входная яма», «ниша», «яма без склепа/со склепом», «пещера на подобии печной полости» и пр. В современных терминах они означают, что погребения совершены в грунтовых ямах (с вариациями), подбоях и, в одном случае, катакомбе. «Стандартная» глубина могилы — 1,6—2 м; отдельные опущены на 2,25—2,3 м. Все погребённые были уложены в могилы на спине, головой на запад (с отклонением к северу); в зафиксированной ориентации лицевых костей и положении рук имеются варианты.

13 захоронений зафиксировано в подбоях. Подбой длиной от 1,78 до 2,0 м (в одном случае — 2,15 м), глубиной от 0,27 м в ногах до 0,62 м в головах при высоте от 0,33 до 0,45 м, т.е. фактически по размерам тела человека. Во всех случаях, кроме одного (№30), подбой заложены сырцовым кирпичом. Исходя из рисунков, кирпичи заклада могли быть установлены на узкую грань (рис. 4: 1) или уложены регулярной кладкой (рис. 4: 2, 3); в описаниях дифференциация не проводится. Для одного погребения (№2) приведены размеры кирпича заклада — 36,67×15,2×5 см. Как правило, положение подбоя относительно входной ямы

⁸ В пересчёте примерно 105 м.

не указывается, но оно было приведено для первых двух случаев — с северной стороны. Можно полагать, что далее подразумевается аналогичное положение. В трёх случаях подбой отмечены с двух сторон входной ямы — №11—12, 30—31 и 32—33.

Среди подбойных захоронений два — №29 и 33 — были названы погребениями «малолетка», умершего в возрасте смены молочных зубов, и «ребенка», имевшего молочные зубы; эти погребения были устроены на меньшей глубине — 1,38 и 1,15 м соответственно. Ещё четыре захоронения (№28, 30—32) содержали костяки длиной всего 1,12—1,38 м, т.е. они, вероятно, принадлежат подросткам; эти погребения опущены почти на «стандартную» глубину в 1,45—1,9 м.

Среди раскопанных погребений большинство совершено в ямах — 19 случаев. Но здесь необходимо оговорить, что в 10—13 из них — захоронения детей/«малолеток»/подростков, многие из которых совершены на меньшей глубине — 0,7—1,15 м от поверхности.

На дне ямы в восьми случаях устраивали «гробовище», т.е. специальное узкое (20—30 см в ногах и 45—55 см в головах) углубление в 25—40 см, в том числе однажды — №13 — за счёт обкладки стенок ямы сырцовым кирпичом, т.е. также фактически по размерам тела человека. Для двух случаев — №13 и 27 — указывается, что гробовище были перекрыты сырцовыми кирпичами.

В двух случаях в одной могильной яме захоронения были устроены одно над другим (№9—10 и 13). Причём для нижних устроено «гробовище», а верхние были погребением «малолеток» (рис. 4: 3, b, c).

Ещё одно захоронение — №19 — было совершено, судя по описанию и рисункам (рис. 4: 3), в катакомбе. По А.М. Фетисову, «вход в эту подземную гробницу был проделан от изголовья нижнего гробовища могилы» 13 (Фетисов 1888: 1156—116а⁹), т.е. с восточной стороны катакомбы, на глубине 2,3 м от поверхности (самые глубокие погребения!). Он был скруглённый сверху, шириной 0,7 м, высотой 0,58 м и заложен сырцовым кирпичом. В катакомбе, размерами 1,73×1,33 м и высотой до 55—60 см, было зафиксировано два скелета, один из которых — в южной половине — «был рассыпан, т.е. порядок костей на-

рушен и кости лежали в разных направлениях» (Фетисов 1888: 116а). Второй скелет, как и все погребения кладбища, лежал на спине, головой в западном направлении с отклонением к северу. Автор раскопок делает вывод, что южное погребение было разрушено при совершении северного.

Нам сложно представить, как можно было выдолбить в грунте полость длиной более 1,7 м при высоте до 60 см. Да и сложно воспринять четырёхкратное погребение через одну могильную яму и в ней: сначала должны были погребсти в катакомбе южного умершего, затем — северного (она была сделана для двух изначально?), затем нижнее погребение во входной яме (могиле 13, нижнее), а затем подростка в верхнем погребении могилы 13! Возможно, «катакомба» (№19) и могила 13 — разные конструкции, а кирпичная перегородка появилась между ними в период сооружения более позднего из них для заклада вдруг выявившейся полости. Но какова была реальность, остаётся лишь гадать.

Все погребения безынвентарные; в 7 случаях найдены отдельные личные украшения — перстни, серьги, браслеты и один натальный крест. Он был обнаружен в подбойном погребении №32 на шейных позвонках костяка длиной 1,15 м, т.е. подростка (?). Крест «медный»; рядом было найдено 4 крупных бусины (вероятно, располагавшихся на одной нитке с ним). Данных о форме креста — вербальных или графических — нет.

Датировка рассматриваемого нами памятника определяется по датам намогильных камней, найденных на христианских кладбищах Чуйской долины — преимущественно середина XIII — середина XIV вв. Точное количество найденных Ф.В. Поярковым, Н.Н. Пантусовым и А.М. Фетисовым и опубликованных Д.С. Хвольсоном и С.С. Слуцким надгробий именно с Буранинского кладбища неизвестно, и никто этим вопросом, по-видимому, не занимался. Вот что удалось выяснить нам. В 1888 г. Н.Н. Пантусов пишет про надгробия, найденные Ф.В. Поярковым в 1885 г.: «Им взяты были с кладбища до 15 камней, чтобы сделать с них фотографические снимки, и кроме того три камня отправлены в Императорское Московское Археологическое Общество. Камни, с которых были сделаны снимки, были возвращены г. Поярковым, по его уверению, на прежнее их место, на кладбище» (Пантусов 1888в: 149). А значит, фотографии с оригиналов трёх «московских» эпитафий опубликованы в 1889 г. (Слуцкий 1889: табл. I; II). Рискнём предположить, что буранин-

⁹ Так как это архивный рукописный документ, у которого проставлена нумерация листов, а не страниц, то текст «лицевой стороны дополнительно обозначен литерой «а», а на обороте — литерой «б».

ские эпитафии обозначены литерами *d—f*; из них лишь камень «*e*» имеет дату — 1320 г. Сам Ф. В. Поярков писал, что обнаружил более 20 камней (Поярков 1885: 45); возможно, он брал «для фотографирования» не все камни или занизил их количество при разговоре с Н. Н. Пантусовым (высокопоставленным чиновником областной администрации). В дневнике Ф. В. Пояркова, опубликованном Н. Я. Ядринцевым, сообщается, что «№1-й — 9 посланных мною фотографических снимков с камней с крестами представляют камни, найденные мною за крепостью Токмака; №18—22 представляют камни, взятые с кладбища около Пишпека» (Ядринцев 1886: 160—161). Т. е. Ф. В. Поярков, вероятно, отправил в Петербург 22 снимка. Примечательно, что в первой публикации переводов надписей тоже 22 позиции (Chwolson 1886), и очень соблазнительно полагать, что публикация сделана целиком и исключительно по снимкам Ф. В. Пояркова. Но мы не знаем, что было на снимках №10—17. К тому же у Н. М. Ядринцева есть примечание: «Все эти снимки были переданы профессору Хвольсону; к сожалению, не все фотографии были ясны для прочтения надписей» (Ядринцев 1886: 161). К тому же ещё до первых переводов в распоряжение Археологической комиссии поступило от В. Д. Городецкого несколько снимков намогильных камней (Хвольсон 1887б: 217), вероятно, с Бураны, которую он посещал и описывал. В контексте рассмотрения интересна «Нумерация камней», составленная С. С. Слуцким, в которой увязываются арабские цифры номеров на фотографиях эпитафий (1—224, 250, 251 и 300—308), вероятно, проставленных в Верном¹⁰, арабские четырёхзначные цифры (1225—1242), обозначающие камни, фотографии которых автору остались неизвестными, но были переведены «в тетрадах», римские цифры нумерации первых публикаций Д. С. Хвольсона (I—XXVIII) и строчные латинские буквы (a—e), присвоенные оригиналам камней

¹⁰ Город Верный основан в 1854 г. С 1867 г. стал центром Семиреченской области в составе Степного, а с 1898 г. — Туркестанского генерал-губернаторства. С 1921 по 1993 гг. назывался Алма-Ата. Современное название — Алматы. Чуйская долина, как Токмакский (Пишпекский) уезд, включая городище Бурана, входила до 1924 г. в состав этой области. Н. Н. Пантусов был чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области, т. е. работал и проживал в Верном, где, по предположению С. С. Слуцкого, перед отправкой в Москву, им были пронумерованы фотографии намогильных камней.

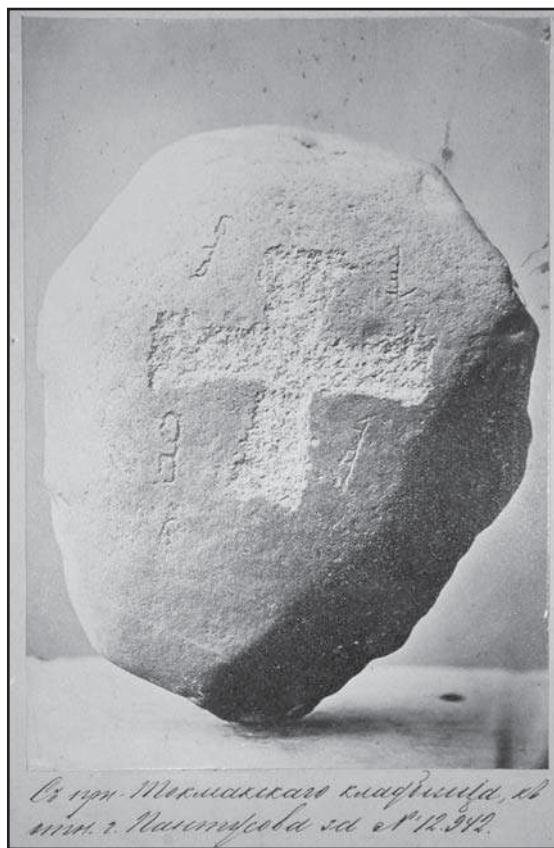

Рис. 5. Надгробный камень с Буранинского кладбища. Находка 1886 г. (по Пантусов 1888а: 43).

Fig. 5. Tombstone from the Burana cemetery. The find in 1886 (after Pantusov 1888a: 43).

МАО (Слуцкий 1889: 21). Пока нам не удалось с этим разобраться — нужны новые архивные поиски. Так что вопросы остаются...

В 1886 г. Н. Н. Пантусову и А. М. Фетисову отправной точкой раскопок стали «несколько в одно место сложенных надгробных камней с высеченными на них крестами почти одинакового характера с надмогильными камнями при-Пишпекского кладбища, только с меньшим количеством едва заметных надписей, и то не на всех, а только на двух камнях» (Пантусов 1888а: 99-а). В ходе дальнейших работ «на При-токмакском кладбище добыто еще несколько камней с надписями и из всех их 9 экземпляров отправлены в Верный для сохранения. Некоторые из этих камней выкопаны над могилами, но не соответствующих месту, и поэтому они не занумерованы и не приурочены таким образом к могилам» (Пантусов 1888в: 149-а). Итого получается, что в 1886 г. с Буранинского кладбища было взято 9 (или 11?) камней с надписями, которые должны были попасть в публикации «второй волны» (Хвольсон 1887б; 1887в; Chwolson 1890).

Следующие полевые исследования христианских древностей Чуйской долины были предприняты в 1892 г. Они также проводились Н.Н. Пантусовым и А.М. Фетисовым по Открытому листу от Археологической комиссии и заключались в выявлении, сборе, фотографировании и эстампировании намогильных камней с двух средневековых кладбищ. И вновь основной объём артефактов был получен на Припишпекском кладбище: было зафиксировано 350 намогильных камней с надписями; намогильники без надписей — «за исключением десятков двух изображений» для характеристики крестов — практически не фиксировались. Эти 350—370 намогильников были вывезены с кладбища в Пишпек и помещены на хранение в «архив Токмакского уездного управления». На Буранинском кладбище в 1892 г. удалось обнаружить только пять камней, которые были доставлены в Верный, и с трёх из них сделаны фотоснимки (ОАК за 1892 год: 73—74). Можно ожидать, что эти пять камней ныне входят в коллекцию Центрального государственного музея Республики Казахстан в Алматы (Мякишева 2014) или Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, а во второй серии публикаций (Chwolson 1895) присутствуют лишь 3—5 переводов буранинских эпитафий.

В начале XX века была опубликована достаточно большая случайно найденная эпитафия с Буранинского кладбища с датой: 7 января 1351 г. (Коквцов 1909: 782—787).

В третьем выпуске «Эпиграфики Киргизии» были опубликованы два камня с Буранинского кладбища, не содержащие дат (Джумагулов 1987: 54—56, табл. XIII: 1—3).

Наконец, в настоящее время в музее на городище Бурана хранится 25 эпитафий (в том числе опубликованные в 1987 г.), которые изданы на кыргызском языке в 2014 г. Они содержат лишь четыре даты: 1328, 1329, 1338, 1341 гг. (Жумагулов 2014: 153—202).

Суммируя изложенное выше, получается, что на Буранинском христианском кладбище было найдено 40—50 эпитафий. Пока достоверно буранинские камни дают только пять дат, уместающихся в 23 года второй четверти XIV века. Еще три камня на основании техники изображения креста предположительно могут быть определены как происходящие с рассматриваемого кладбища: опубликованный С.С. Слуцким с датой 1320 г. (см. выше) и опубликованные в 1887 г. Д. Хвольсоном и повторно в 2014 г. Ч. Д. Джумагуловым из собрания Центрального музея Казахстана в Алматы с датами 1327 и 1338 гг. (Хвольсон 1887б; Жумагулов 2014: 421—

422, 429—430; Мякишева 2014: 432), что расширяет общий хронологический диапазон на 8 лет.

Говоря о индикативности техники изображения креста, мы имеем в виду следующее. Анализ 25 камней Буранинского музея показывает, что из них лишь два выполнены в контурной технике (и при этом надписи выполнены крупным шрифтом), ещё пять — в линейной (только пересекающиеся прямые линии), остальные 18 — в силуэтной, со сплошной выбивкой всей поверхности креста. А из собранных в XX в. и опубликованных Ч. Джумагуловым 41 камня с Припишпекского кладбища лишь пять (!) выполнены техникой сплошной выбивки, но 33 — в контурной (Жумагулов 2014: 71—152). Статистические данные красноречивы — для Буранинского кладбища более характерна техника сплошной выбивки креста, а для Припишпекского — контурной. Такое же наблюдение при отсылке своих фотоснимков камней с двух городских кладбищ сделал Ф.В. Поярков (Ядринцев 1886: 161).

Сравнивая Буранинское и Припишпекское христианские кладбища, авторы полевых исследований говорят о скромности первого из них — скромности как в размерах, так и количестве намогильных камней и проценте среди них с надписями (Пантусов 1888а: 99-а; 1888в: 100, 143-а, 149-а). От себя добавим, что на Буранинском кладбище, в отличие от Припишпекского (Кольченко 2017), не отмечено наземных погребальных строений, что, конечно же, может быть лишь вопросом количества исследований, а при раскопках не отмечалось деревянных гробов и отсутствовали сидячие погребения. В остальном же — однослойности, типе могильных конструкций, их размерах, ориентации погребений, наличии в некоторых случаях в одной могильной яме нескольких погребённых — Буранинское и Припишпекское кладбища одинаковы.

Кажется близким оно и христианскому кладбищу у/в церкви на городище Ак-Бешим, частично раскопанному в 1954 г. Л.Р. Кызласовым (Кызласов 1959: 231—233; 2006: 322—329). Отличие заключается в том, что подбои в ак-бешимских погребениях устроены с южной стороны от входной ямы, а на Буране — наоборот, с северной, если это не сдвоенное семейное погребение (которых на Ак-Бешиме нет вовсе). Также считаем важным подчеркнуть, что на Ак-Бешиме нет ни единого намогильного камня. И, конечно же, разнятся даты — Л.Р. Кызласов предложил датировать исследованный им объект VIII в., мы допускаем его возраст моложе на 1—2 сто-

летия вплоть до X—XI вв.¹¹, что всё равно значительно древнее датировок Буранинского кладбища.

От некрополей городищ Красная Речка и Беловодская Крепость (Горячева 2010: 186—189; Мокрынин 2012: 115—121), на которых было зафиксировано некоторое количество труположений на спине с ориентацией головы в западном секторе, которые могут быть интерпретированы как христианские, отличий ещё больше, и они более принципиальные. Указанные два кладбища, прежде всего, поликонфессиональны, что выражается в разнообразии археологических проявлений погребального обряда. Кроме того, они существовали на одном пространственно ограниченном месте долгое время, что нашло отражение в их многослойности и многочисленных нарушениях ранних погребений более поздними. Да и сама организация пространства разная — на Буранинском кладбище это ровная поверхность, приуроченная к небольшой рельефной складке, а на Красной Речке — жмутиющиеся к крепостной стене,

забирающиеся на неё и в неё погребения. Ещё одно отличие — в локализации на городищах: на Красной Речке, в Беловодской Крепости, да и в Ак-Бешиме кладбища фактически находятся внутри центральных развалин или в непосредственной близости от них (если считать, что церковь с кладбищем Ак-Бешима была построена до огораживания пространства шахристана-2). А на Буране оно значительно удалено от центра. Также отметим, что на некрополях Красной Речки и Беловодской Крепости не известны намагильные эпитафии. Мы считаем, что эпитафии — это новая культурная традиция, принесённая в Чуйскую долину новой волной христиан в начале XIII в., наложившаяся на погребальные традиции местного тюркоязычного населения.

Указанные отличия Буранинского (и Припишпекского) христианского кладбища от более ранних позволяют предполагать перерыв в линии развития христианства в Чуйской долине и появление новой волны христианского населения в предмонгольское или раннемонгольское время.

Литература

- Аристов Н. А. 2008. *Усуни и кыргызы или кара-кыргызы*. Бишкек: Илим.
- Бартольд В. В. 1996. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. В: Бартольд В. В. *Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана*. Бишкек: Шам, 254—294.
- Бартольд В. В. 1996а. Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. В: Бартольд В. В. *Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана*. Бишкек: Шам, 369—448.
- Горячева В. Д. 1983. *Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан)*. Фрунзе: Илим.
- Горячева В. Д. 2010. *Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.)*. Бишкек: Кыргызско-Российский славянский университет.
- Джумагулов Ч. Д. 1987. *Эпиграфика Киргизии 3*. Фрунзе: Илим.
- Жумагулов Ч. 2014. *Кыргызстандагы несториан-турк жазуу эстеликтери (XIII—XIV кылымдар)*. Бишкек: Avgasya press (на кырг. яз.).
- Кожемяко П. Н. 1959. *Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины*. Фрунзе: АН Киргизской ССР.
- Коковцов П. К. 1909. К сиро-турской эпиграфике Семиречья. *ИАН. Серия VI. Т. III (11)*, 773—796.
- Кольченко В. А. 2017. Припишпекское (Кара-Джигачское) средневековое христианское кладбище по данным архивных документов о раскопках 1886 года. В: Байпаков К. М. (ред.). *Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шёлковом пути*. Материалы МНПК. Алматы: Центр сближения культур, 164—177.
- Корш Ф. Е. 1889. О турецком языке семиреченских надгробных надписей. *Древности Восточные. Труды Восточной Комиссии МАО 1 (I)*, 67—72.
- Кызласов Л. Р. 1959. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. *Труды ККАЭЭ 2*. Москва: АН СССР, 155—242.
- Кызласов Л. Р. 2006. Тюрко-согдийский город Суяб — столица Западно-тюркского каганата. В: Кызласов Л. Р. *Городская цивилизация Средней и Северной Азии*. Москва: Восточная литература РАН, 219—354.
- Мокрынин В. П. 2012. Исследования городища Беловодская Крепость в 1978 году. В: Кольченко В. А., Аманбаева Б. Э. (ред.). *Архивные материалы по археологии Кыргызстана*. Бишкек: Илим, 97—127.
- Мякишева О. А. 2014. Коллекция несторианских надгробных камней из фондов ГЦМ РК. В: Хинаят Б., Рахимов Е. К. (ред.). *II Аргынбаевские чтения. Материалы МНПК*. Алматы: Казак Университеті, 431—436.
- ОАК за 1886 г.: Доклад о деятельности Императорской Археологической комиссии за 1886 г. *ОАК за 1882—1888 гг.*, CLIX—CLX.
- ОАК за 1892 г.: *Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 г.* 1894. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- Пантусов Н. Н. 1888а. План работ по раскопкам в 1886 году древнего несторианского кладбища близ города Токмак на урочище Бурана. *Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пиштека и Токмока Семиреченской области*. Архив ИИМК РАН. Д. 40-б. Л. 98а—101а.

¹¹ Обоснование будет опубликовано в отдельной, подготавливаемой в настоящее время работе.

- Пантусов Н. Н. 1888б. <Описание второго несторианско-христианского кладбища в Токмакском уезде — при-Токмакского>. *Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области*. Архив ИИМК РАН. Д. 40-б. Л. 142а—147б.
- Пантусов Н. Н. 1888в. Несторианское кладбище близ города Токмака на урочище Бурана Токмакского уезда Семиреченской области. *Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области*. Архив ИИМК РАН. Д. 40-б. Л. 148а—163а.
- Поярков Ф. В. 1885. <Об открытии христианских памятников в долине р. Чу>. *Восточное обозрение* 44. Санкт-Петербург, 3—4.
- Слуцкий С. С. 1889. Семиреченские несторианские надписи. *Древности Восточные. Труды Восточной комиссии МАО* 1 (I), 1—66.
- Слуцкий С. С. 1891. К Семиреченским несторианским надписям. *Древности Восточные. Труды Восточной комиссии МАО* 1 (II), 176—194.
- Фетисов А. М. 1888. Дневник раскопок несторианского кладбища близ города Токмака на урочище Бурана в Токмакском уезде Семиреченской области. *Об исследовании надв. сов. Пантусовым несторианских кладбищ близ гор. Пишпека и Токмока Семиреченской области*. Архив ИИМК РАН. Д. 40-б. Л. 102а—122б.
- Хвольсон Д. С. 1887а. Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях. *ЗВОРАО* I (1), 84—109.
- Хвольсон Д. С. 1887б. Несторианские надписи из Семиречья. *ЗВОРАО* I (3), 217—221.
- Хвольсон Д. С. 1887в. Дополнения и поправки к статье «Несторианские надписи из Семиречья». *ЗВОРАО* I (4), 303—308.
- Хвольсон Д. С. 1895. Сирийско-тюркские несторианские надгробные надписи XIII и XIV столетий, найденные в Семиречье. В: *Восточные заметки*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 118—129.
- Ядринцев Н. М. 1886. Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмока. *ЗИАН* 52 (2), 152—164.
- Chwolson D. 1886. Syrische Grabinschriften aus Semirjetschie. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. VII ser. XXXIV.
- Chwolson D. 1890. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. VII ser. XXXVII, 138—157.
- Chwolson D. 1897. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. VII ser. XLIV.
- Klein W. 2000. *Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh.* Turnhout: Brepols.
- Radlow W. 1890. Das türkische Sprachmaterial der im Gebiete von Semirjetschie aufgefunden. syr. Grabinschriften. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. VII ser. XXXVII (3), 138—157.

References

- Aristov, N.A. 2008. *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy. Ocherki istorii i byta naseleniia zapadnogo Tian'-Shania i issledovaniia po ego istoricheskoi geografii (Wusun and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on History and Everyday Life of the Western Tian-Shan Population and Studies on Its Historical Geography)*. Bishkek: "Ilim" Publ. (in Russian).
- Bartold, V.V. 1996. In Bartold, V.V. *Izbrannye trudy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana (Selected Works on the History of Kyrgyzs and Kyrgyzstan)*. Bishkek: "Sham" Publ., 254—294 (in Russian).
- Bartold, V.V. 1996. In Bartold, V.V. *Izbrannye trudy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana (Selected Works on the History of Kyrgyzs and Kyrgyzstan)*. Bishkek: "Sham" Publ., 369—448 (in Russian).
- Goriacheva, V.D. 1983. *Srednevekoye gorodskie tsentry i arkhitekturnye ansambli Kirgizii (Burana, Uzgen, Safid-Bulan) (Medieval Cities and Architectural Ensembles of Kirgizia: Burana, Uzgen, Safid-Bulan)*. Frunze: "Ilim" Publ. (in Russian).
- Goriacheva, V.D. 2010. *Gorodskaiia kul'tura tiurkskikh kaganatov na Tian'-Shane (seredina VI — nachalo XIII v.) (Urban Culture of Turkic Khaganates in Tien-Shan: Mid-6th — Early 13th Centuries)*. Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University (in Russian).
- Dzhumagulov, Ch.D. 1987. *Epigrafika Kirgizii (Epigraphy of Kyrgyzstan)* 3. Frunze: "Ilim" Publ. (in Russian).
- Zhumagulov, Ch. 2014. *Kyrgyzstandagy nestorian-turk zhazuu estelikeri (XIII—XIV kylymdar) (Nestorian Turcic Written Sources from Kyrgyzstan, 13th—14th Centuries)*. Bishkek: Avrasya press (in Kyrgyz).
- Kozhemiako, P.N. 1959. *Rannesrednevekoye goroda i poseleniia Chuiskoi doliny (Medieval Towns and Settlements of the Chui Valley)*. Frunze: Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR (in Russian).
- Kokovtsov, P.K. 1909. In *Izvestiia Imperatorskoi Akademii nauk (Bulletin of the Imperial Academy of Sciences)*. Series VI, vol. III (11), 773—796 (in Russian).
- Kolchenko, V.A. 2017. In Baipakov, K.M. (ed.). *Religii Kazakhstana i Tsentral'noi Azii na Velikom Shelkovom puti (Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk Road)*. Almaty: Center for the Rapprochement of Cultures, 164—177 (in Russian).
- Korsh, F.E. 1889. In *Drevnosti Vostochnye. Trudy Vostochnoi Komissii MAO (Oriental Antiquities: Proceedings of the Oriental Commission, Moscow Archaeological Society)* 1 (I), 67—72 (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1959. In *Trudy Kirgizskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii AN SSSR (Proceedings of the Kyrgyz Complex Archaeological and Ethnographical Expedition, USSR Academy of Sciences)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 155—242 (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 2006. In Kyzlasov, L.R. *Gorodskaiia tsivilizatsiia Sredinnoi i Severnoi Azii (Urban Civilization of Middle and Northern Asia)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 219—354 (in Russian).
- Mokrynin, V.P. 2012. In Kol'chenko, V.A., Amanbaeva, B.E. (eds.). *Arkhivnye materialy po arkheologii Kyrgyzstana (Archival Sources for the Archaeology of Kyrgyzstan)*. Bishkek: "Ilim" Publ., 97—127 (in Russian).
- Miakishcheva, O.A. 2014. In Khinaiat, B., Rakhimov, E.K. (eds.). *II Argynbaevskie chteniia (2nd Argynbay Readings)*. Almaty: "Kazakh University" Publ., 431—436 (in Russian).
- Report on Activity of the Imperial Archaeological Commission for 1886. *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1882—1888 gg. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1882—1888)*, CLIX—CLX (in Russian).
- Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1892 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1892). 1894. Saint Petersburg: Typography of the Chief Department of Appanages (in Russian).
- Pantusov, N.N. 1888. In *Ob issledovanii nadv. sov. Pantusovym nestorianskikh kladbishch bliz gor. Pishpeka i Tokmoka Semirechenskoi oblasti (On Studying of Nestorian Burial*

- Grounds near the Bishkek and Tokmok Towns, Semirechye Oblast, by Court Councilor Pantusov). Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dossier 40-b, sheets 98a—101a (in Russian).
- Pantusov, N.N. 1888. In *Ob issledovanii nadv. sov. Pantusovym nestorianskikh kladbishch bliz gor. Pishpeka i Tokmoka Semirechenskoi oblasti (On Studying of Nestorian Burial Grounds near the Bishkek and Tokmok Towns, Semirechye Oblast, by Court Councilor Pantusov)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dossier 40-b, sheets 142a—147b (in Russian).
- Pantusov, N.N. 1888. In *Ob issledovanii nadv. sov. Pantusovym nestorianskikh kladbishch bliz gor. Pishpeka i Tokmoka Semirechenskoi oblasti (On Studying of Nestorian Burial Grounds near the Bishkek and Tokmok Towns, Semirechye Oblast, by Court Councilor Pantusov)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dossier 40-b, sheets 148a—163a (in Russian).
- Poiarkov, F.V. 1885. In *Vostochnoe obozrenie (Oriental Review)* 44. Saint Petersburg, 3—4 (in Russian).
- Slutskii, S.S. 1889. In *Drevnosti Vostochnye. Trudy Vostochnoi komissii MAO (Oriental Antiquities: Proceedings of the Oriental Commission, Moscow Archaeological Society)* 1 (I), 1—66 (in Russian).
- Slutskii, S.S. 1891. In *Drevnosti Vostochnye. Trudy Vostochnoi komissii MAO (Oriental Antiquities: Proceedings of the Oriental Commission, Moscow Archaeological Society)* 1 (II), 176—194 (in Russian).
- Fetisov, A.M. 1888. In *Ob issledovanii nadv. sov. Pantusovym nestorianskikh kladbishch bliz gor. Pishpeka i Tokmoka Semirechenskoi oblasti (On Studying of Nestorian Burial Grounds near the Bishkek and Tokmok Towns, Semirechye Oblast, by Court Councilor Pantusov)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dossier 40-b, sheets 102a—122b (in Russian).
- Chwolson, D.S. 1887. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva (Reports of Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society)* 1 (1), 84—109 (in Russian).
- Chwolson, D.S. 1887. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva (Reports of Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society)* 1 (3), 217—221 (in Russian).
- Chwolson, D.S. 1887. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva (Reports of Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society)* 1 (4), 303—308 (in Russian).
- Chwolson, D.S. 1895. In *Vostochnye zametki (Oriental Sketches)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 118—129 (in Russian).
- Yadrintsev, N.M. 1886. In *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences)* 52 (2), 152—164 (in Russian).
- Chwolson, D. 1886. Syrische Grabinschriften aus Semirjetschie. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*. VII ser. XXXIV.
- Chwolson, D. 1890. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*. VII ser. XXXVII, 138—157.
- Chwolson, D. 1897. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*. VII ser. XLIV.
- Klein, W. 2000. *Das nestorianische Christentum an den Handelswegen durch Kyrgyzstan bis zum 14. Jh.* Turnhout: Brepols.
- Radlow, W. 1890. Das türkische Sprachmaterial der im Gebiete von Semirjetschie aufgefunden. syr. Grabinschriften. *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*. VII ser. XXXVII (3), 138—157.

А. А. Бисембаев

Arman Bissembayev. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan¹.

Бисембаев Арман Ауганович. Кандидат исторических наук. Институт археологии им. А. Х. Маргулана.

E-mail: abissembayev@mail.ru

Address: ¹ Dostyk St., 44, Almaty, 050010, Kazakhstan.

Западный Казахстан в XIII—XIV вв. Историко-географическая ситуация

Keywords: Western Kazakhstan, Golden Horde, archaeological sites, natural and geographical conditions, history of research

Ключевые слова: Западный Казахстан, Золотая Орда, археологические памятники, природно-географические условия, история исследований

A. A. Bissembayev

Western Kazakhstan in 13th—14th Centuries. Historical and Geographical Situation

The author reviews the current state of studies into Western Kazakhstan sites dated by 13th—14th centuries. The area under research is predominantly represented by sites belonging to the nomadic population of the Golden Horde. The paper describes features of historical and geographical location of funerary sites in Western Kazakhstan. Overall, the archaeological sites identified in Western Kazakhstan are a reflection of some general processes in Eurasian steppes generated by appearance of the consolidated Mongol state, and later by the Golden Horde, and manifested in the uniformity of features of material culture.

A. A. Бисембаев

Западный Казахстан в XIII—XIV вв. Историко-географическая ситуация

В работе проведен краткий обзор современного состояния изученности памятников Западного Казахстана периода XIII—XIV веков. В исследуемом районе представлены в подавляющем большинстве памятники именно кочевого населения Золотой Орды. Представлена историко-географическая ситуация расположения погребальных объектов на территории Западного Казахстана. В целом археологические памятники, выявленные на территории Западного Казахстана, отражают общие процессы, происходившие на пространстве евразийских степей, вызванные появлением единого Монгольского государства, позднее Золотой Орды, и получившие отражение в единстве признаков материальной культуры.

Западный Казахстан представляет собой обширную территорию в средней части Евразийского пояса степей, приуроченную к гидросистеме Урала с его притоками, тянущуюся с востока на запад от Тургайского прогиба до Волго-Уральского междуречья. Данный регион в административном аспекте состоит из Атырауской, Западно-Казахстанской, Мангистауской и Актюбинской областей. Особенности природно-географических условий региона обусловили расположение, количественный состав и специфику памятников кочевого населения в развитии средневековья. Для рассматриваемого в статье хронологического отрезка необхо-

димо провести анализ региональных особенностей, обусловленных территориальными факторами, учитывая значительные размеры и, соответственно, различные природно-географические условия Казахстана.

Природно-географические условия

Находясь в глубине Евразии, Западный Казахстан расположен в двух частях света — в Европе и Азии. Граница между этими частями света в пределах Казахстана проводится по Мугоджарам, реке Эмбе и по геологическим разломам в северной части

■ This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, project no. BR05236565 "Culture of Kazakhstan Population from the Stone Age to Ethnographic Modernity by Archaeological Sources" ■ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, индивидуальный регистрационный номер (ИРН) проекта BR05236565 «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам».

© А. А. Бисембаев, 2019.

акватории Каспийского моря. Природные различия между западной и восточной частями региона очевидны: к востоку от р. Эмба ландшафты резко приобретают типичный для Средней Азии характер (главным образом из-за смены состава биот и биомов). Западно-Казахстанский регион имеет наибольшее протяжение с севера на юг около 900 км, с запада на восток — около 1200 км, и занимает площадь в 729,2 тыс. кв. км. На севере он граничит с Оренбургской областью России, на востоке — Костанайской, Карагандинской, на юго-востоке — Кызыл-Ординской областями Казахстана, на юге доходит до Аральского моря, граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, на западе омывается Каспийским морем, граничит с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями России. В этой связи, при такой значительной территории, вполне обосновано и применимо деление на локальные микрорайоны при исследовании памятников средневекового кочевого населения региона.

Территория Западного Казахстана, с крупной магистральной рекой — Уралом, несущей воды на две трети протяженности в широтном направлении, а далее — в меридиональном, в первой половине II тысячелетия представляла собой густозаселенный район, занятый кочевыми объединениями. Целенаправленные исследования, проводившиеся с начала текущего столетия, подтверждают это выявленными памятниками средневековых кочевников региона. О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона ранее неоднократно упоминалось в археологической литературе. Определенные итоги исследований, проведенных на рубеже XX—XXI веков, были подведены С. Ю. Гуцаловым. Им была подчеркнута необходимость исследования памятников кочевого населения I тыс. до н. э. по бассейну Урала, как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону» (Гуцалов 2004: 4). Данная ситуация вполне применима и к началу второго тысячелетия нашей эры. На рассматриваемой территории с севера на юг, от бассейна Урала до Приаралья, наблюдается последовательная смена природно-географических зон от лесостепной до пустынной. Разнообразие условий и комфортность экониши для развития кочевого хозяйства являются фактором, обусловившим многочисленность памятников времени Золотой Орды, дополненным к тому же административным регулированием расселения верхушкой этого государства.

Территорию исследуемого региона, согласно принятой в среде специалистов схеме, составляют восемь физико-географических провинций: Илекская, Мугоджарская, Волго-Уральская, Предуральская, Прикаспийская, Мангышлакская, Устюртская и Северо-Приаральская. Объединены данные провинции в пределах двух крупных подразделений, так называемых физико-географических стран: Северо-Западный Казахстан и Юго-Западный Казахстан (Гвоздецкий, Николаев 1971: 125). Характерной особенностью является то, что практически все реки на этой территории берут начало в ее пределах, за исключением Урала и Улькаяка. В северо-западной, наиболее обводненной, части региона сосредоточены постоянные реки и временные водотоки длиной 10 км и более. Они образуются в процессе стекания дождевых и талых вод в водоемы и понижения рельефа, происходящего как на земной поверхности, так и путем подземного стока. К большим рекам, протекающим по нескольким географическим зонам и имеющим большую площадь бассейна, относятся Урал, Эмба, Тургай. К малым рекам, расположенным в пределах одной географической зоны и имеющим площадь бассейна не менее 50 км², отнесены Утва, Барбастау, Деркул, Чаган, Большой Узень, Малый Узень, Багырдай, Кушум, Малая Анката, Большая Анката, Калдыгайты, Булдурты, Оленты, Уил, Орь, Сагиз и др.

Характер гидрографической сети, режима и стока рек Западного Казахстана, существенно зависящий от широтной зональности климата, орографических особенностей и смены ландшафтов, сам, в свою очередь, является главным определяющим фактором расположения памятников кочевого населения эпохи средневековья. Так, с ландшафтно-климатической зональностью связана неравномерность густоты речной сети. В степной зоне она равна 0,1—0,5 км/км², в пустыне — снижается до 2 м/км² и даже до нуля (Джаналиева и др. 1998: 79). Таким же образом прослеживается закономерность расположения памятников средневековых кочевников — в северной части Западного Казахстана, с его разветвленной системой гидросети, сосредоточена большая часть археологических объектов; в направлении к югу, к зоне полупустыни, размещение памятников приобретает все более дисперсный характер.

Общий анализ локализации известных археологических объектов средневекового населения дает возможность в дальнейших исследованиях подробнее рассмотреть их в сравнительном аспекте по локаль-

ным микрорайонам, привязанным к гидро-сети, — Илекскому, Орь-Иргизскому, Уило-Кобдинскому, Темиро-Эмбенско-Сагизскому, Узеньскому, Уральскому (району перехода течения Урала из широтного в меридиональное направление), Северо-Каспийскому (Бисембаев, Ахатов 2015: 177—179).

История исследований

Вкратце характеризуя степень изученности памятников XIII—XIV вв. Западного Казахстана, можно выделить несколько основных этапов их изучения и реперных исследований, осуществленных в рамках этих этапов. Дореволюционный период начинается с середины XIX века и связан с подвижной деятельностью членов Оренбургской ученой архивной комиссии. Здесь особую роль играют материалы, накопленные И. А. Кастанье, имевшим наиболее отчетливое представление о месте и значении археологических памятников западно-казахстанского края (Кастанье 1911). Однако, о систематических исследованиях в данный период говорить не приходится. Данная ситуация сохранялась и в первой половине XX века, когда в регионе работали П. С. Рыков, М. П. Грязнов, М. В. Комарова, О. А. Кривцова-Гракова. Итоги этого периода подвел Б. Н. Граков, очертив круг проблем, стоящих перед казахстанской археологией, на ближайшие десятилетия (Граков 1930: 59—76).

Коренное изменение в исследованиях памятников археологии происходит в послевоенное время, когда работы, связанные с раскопками археологических объектов, становятся систематическими, на местах формируются свои научные школы, примыкающие к историческим факультетам педагогических институтов и университетов. В частности, территорию Волго-Уральского междуречья в середине 50-х годов XX века исследовала совместная экспедиция Института истории, этнографии и археологии АН КазССР и Саратовского государственного университета. Т. Н. Сенигова и И. В. Синицын в бассейне Большого и Малого Узеней раскопали несколько позднекочевнических курганов и обнаружили развешенное погребение с пластинчатым доспехом в урочище Бек-Бике у озера Сорайдын (Синицын 1956: 87—139; Сенигова 1956: 140—156).

В 1960-х гг. сложилась уральская школа, благодаря активной деятельности Г. А. Кушалева и Б. Ф. Железчикова. Одним из специалистов, избравших в качестве научного приоритета позднекочевнические древности, стал

В. А. Кригер, совместные исследования которого с представителем урало-поволжской науки В. А. Ивановым не потеряли актуальности по сей день (Иванов, Кригер 1988). С середины 1980-х годов начинает регулярно функционировать археологическая экспедиция на базе Актюбинского педагогического института в сотрудничестве с Областным историко-краеведческим музеем, руководимая С. Ю. Гуцаловым. Массовые раскопки в рамках археологической студенческой практики, вкрупне с хозяйственными работами, за короткий срок в несколько раз увеличили источниковую базу материалами различных эпох, в том числе и средневековья. Параллельно шло накопление материалов по Атырауской (Гурьевской) и Мангистауской (Мангышлакской) областям. Период после 1991 года характеризуется до конца века спадом и наступившим в первое десятилетие нынешнего столетия определенным подъемом исследований по региону.

В целом, при построении историко-культурных реконструкций кыпчакского (домонгольского) и золотоордынского периодов по западноказахстанскому региону исследователь в настоящее время может оперировать материалами около 150 комплексов хронологического диапазона XI—XIV вв., из которых значительное количество — с ярко выраженными мусульманскими чертами, с минимальным набором инвентаря и, соответственно, затрудненной датировкой. Определенные сложности в работе с памятниками представляют недочеты в хранении коллекций в областных музеях, низкое качество отчетной документации, особенно 30—60-х годов XX века.

Период, предшествующий рассматриваемому — предмонгольский половецко-кыпчакский, от середины XI до начала XIII века, отличается малочисленностью погребальных памятников, они единичны и не образуют могильников (Бисембаев и др. 2006: 409—411). Археологическая картина, таким образом, подтверждает данные письменных источников о присутствии самых активных и многочисленных групп кочевников у границ своих земледельческих соседей — Киевской Руси и государства Хорезмшахов. Определенное «запустение» Западного Казахстана в предмонгольский период объясняется как ростом аридизации, так и политическими предпочтениями кыпчакской элиты данного времени.

Происходившие в XI—XIV вв. бурные политические события получили свое отражение в археологическом материале, что позволяет

исследователям на данный момент использовать разделение памятников на три хронологические группы: 1) домонгольскую (XI — начало XIII вв.); 2) золотоордынскую языческую (середина XIII — первая треть XIV вв.); 3) золотоордынскую мусульманскую (середина XIV — начало XV вв.). В основе данного хронологического разделения лежит разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым система датировки (Федоров-Давыдов 1966). Дополняют надежность датировки погребения с монетами. Не ставя под сомнение существующие разработки, следует уточнить для имеющих в наличии комплексов их временные рамки с целью установления тенденций в смене погребального обряда.

Погребальные памятники развитого средневековья разделяются, схематично и во многом условно, на три группы: 1) погребения в простых ямах, без костей лошади; 2) погребения в ямах усложненного типа (с уступами, подбоями), с костями коня или без них; 3) погребения с чертами новой идеологии ислама — сырцовыми оградами на погребенной почве и выкладками из кирпича внутри могильных ям.

Имеющегося объема золотоордынских материалов по Западному Казахстану вполне достаточно для проведения картографического и статистического анализа или построения корреляционных схем с соседними регионами Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Южного Зауралья (Бисембаев 2003; Бисембаев, Ахатов 2015). Ряд могильников, расположенных очень близко и имеющих одно общее название, но с различными номерами — I, II, III, IV и т. д., на карте имеют одно обозначение, так как в большинстве случаев представляют один памятник, разделенный на части авторами отчетов. Самым крупным подобным комплексом с однотипными захоронениями является могильник Мокринский. Численное превосходство погребений данного могильника подавляющее — на начало 2000-х годов их было известно по работам Г.А. Кушаева порядка двадцати восьми, а сейчас их численность, благодаря возобновлению исследований Д.В. Марьксиным, увеличилась почти вдвое. Следующий крупный могильник, исследованный Б.Н. Граковым в бассейне среднего течения Урала, — Худай Берген, содержит 12 погребений, каждое из которых имеет собственную курганную насыпь. Далее по численности идут крупные могильники Жаман Каргала I и Целинный I. Хороший объем материала рассматриваемого хронологического отрезка содержат могильни-

ки Джангала и Кара Оба, относящиеся к локальному микрорайону Большого и Малого Узеней (Сенигова 1956; Сеницын 1956).

Картографирование могильников показывает особенности их распределения по площади исследуемого региона. Некоторое скопление наблюдается в западной части за рекой Урал, в бассейнах Большого и Малого Узеней. Восточная зона немного уступает по количеству памятников. Полностью отсутствуют эти памятники в южной части, в зоне пустыни. Однако это не говорит об абсолютном отсутствии населения. Данный момент может объясняться слабой изученностью южной части Западного Казахстана. Картографирование памятников второй хронологической группы показывает, что существующее в литературе распределение курганов с различными обрядовыми чертами на две локальные группы — курганы с земляными насыпями западной группы и курганы с каменными насыпями восточной группы, с границей между группами по меридиональной линии у города Актобе, не подтвердилось (Иванов, Кригер 1988: 43; Иванов, Яминов 1993: 154—160). Кроме того, значительно сокращается число впускных захоронений.

Политические и культурные изменения, вызванные монгольским завоеванием

После того, как Бату в 1243 году обосновался на Нижней Волге, началась полуторасталетняя история государства под названием Золотая Орда. Этот же период — середина XIII в. — был временем наибольшего территориального охвата земель, входивших в состав Золотой Орды, от Пруто-Днестровского междуречья включительно, до Иртыша и Балхаша. Золотая Орда вобрала в себя полностью территории, на которых до этого обосновались половцы-кыпчаки (Егоров 1985: 31—47). В дальнейшем геополитические тенденции шли в направлении сокращения золотоордынских территорий. Закреплению определенной группы монголов на территории Западного и Центрального Казахстана, а также Восточной Европы, способствовала раздача инвеститур, поддержанная специальным юридическим актом (Козин 1941: 158—171).

Монголы при своем движении вовлекали в орбиту нашего племени кочевого круга, как разбитые и покоренные, так и вовлеченные в союзнические отношения, в расчете повысить уровень экономического благосостояния военными походами.

Кыпчаки-половцы, разгромившие и вытеснившие огузов и заселившие степи Казахстана, Южного Приуралья и Заволжья, оказались бессильными перед лицом нового врага. Кыпчаки в это время переживали период оформления собственного государства с ярко выраженной тенденцией объединения отдельных племенных группировок (Плетнева 1982: 60—62). Но этот процесс сопровождался ожесточенной борьбой ханов за верховную власть. Центробежные тенденции сыграли решающую роль в поражении кыпчаков, равных по силам и количеству монголам, объединенным железной дисциплиной и законами Чингиз-хана, возведенными в ранг обычая (Гумилев 1992: 302—303).

Для профилактики возможного сопротивления и его нейтрализации монголами проводилась широкомасштабная акция по уничтожению старой родовой знати кыпчаков как представителей организующего ядра, а восстановления жестоко подавлялись (Ахинжанов 1976: 87; Кригер 1986: 120). Данный момент имеет свое объяснение по следующим причинам. Если по отношению к населению оседло-земледельческих регионов применялись только сборы налогов и даней через откупщиков или грабительские набеги, то население кочевой степи было включено в формы социальной организации монголов, и в этом случае старая аристократическая верхушка общества выступала как помеха. Произошла замена правящей элиты, выраженная в том, что новая иноэтническая верхушка, благодаря аналогичной хозяйственной системе — нomaдизму, органично вросла в систему существовавших отношений, привнося свои черты и монополизировав право престолонаследия (Юдин 1983: 106—165). В связи с тем, что степи кыпчаков оказались центром нового государства, а покоренное население, ведущее кочевой образ жизни, представляло собой наиболее удобный и оптимальный объект эксплуатации для кочевников-монголов — все это в дальнейшем привело к оформлению института зависимости — «унаган-богол», при котором определенному кочевому роду навязывались повинности различного характера родом-сюзереном (Владимирцов 1934: 64—65; Федоров-Давыдов 1973: 39—42).

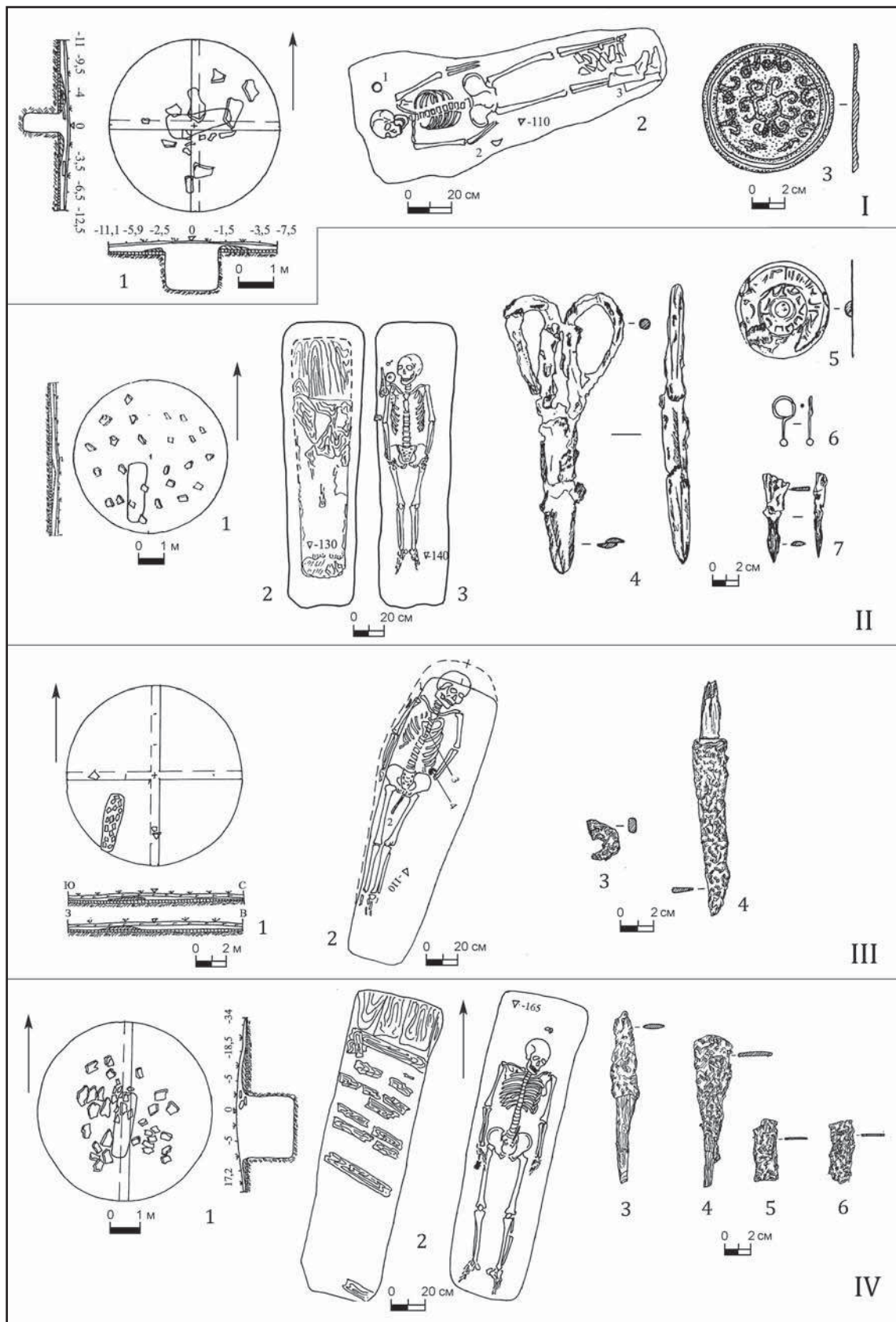
Данный период характеризуется миграциями, идущими не только в западном, но и в восточном направлении, вызванными, вероятнее всего, не естественными причинами, а насильственным переселением племен, проводимым монголами. Вновь появляются погребения, характерные для огузо-печенежского времени, сосредоточенные большей ча-

стью на Нижней Волге (Шнайдштейн 1985: 79—86; 1987: 68—81). Эта часть населения продолжает традицию помещения в могилы костей коня, но ритуал переживает деградацию, выраженную в размещении только копыт в ногах покойного (к. 6 Мамбеталы, к. 8 Базар Тобе I). Деградация и исчезновение обряда помещения лошади в могилу, возможно, является прямым следствием монгольского нашествия, в значительной мере подорвавшего экономическую базу местного населения.

В средневековых письменных источниках отмечается, что завоеватели-монголы уже к середине XIV в. начинают терять свое культурное своеобразие, растворяясь и ассимилируясь в среде кыпчаков (Тизенгаузен 1884: 235; Федоров-Давыдов, Вайнер 1963: 245). Этому способствовала малочисленность самих монголов и соответствие их общественного строя уровню общественного развития кыпчаков. Максимальная цифра, определенная исследователями, составляет около 30 тыс. монголов в Золотой Орде (Федоров-Давыдов 1966: 157—158).

Исследователи нередко упоминают сообщение средневекового автора, приведенное В. Г. Тизенгаузенем¹, о том, что Чингис-хан выделил старшему сыну Джучи население, способное выставить в случае военной необходимости 4 тыс. воинов (Тизенгаузен 1884: 33). Это количество, пожалуй, может служить объяснением того, что в археологическом плане монголы не выделяются в какую-либо специфическую группу, т. е. нельзя с достаточной долей уверенности идентифицировать какой-либо памятник и связать его напрямую с монголами. Хотя изменения, связанные с монгольским нашествием, в памятниках прослеживаются. Резко увеличивается число погребений с северным сектором ориентировки, что, вероятно, реминисцирует продвижение племен с востока (Костюков 1997: 12—13). Смещение ориентировки несет отпечаток этнических и религиозных изменений, связанных с тем, что культовой стороной света у монголов и близких им народов был юг. Г. А. Федоров-Давыдов выделил следующие черты погребального обряда, появившиеся или значительно участвовавшие в золотоордынский период — это северная ориентировка погребенных, отсутствие костей коня, каменные выкладки над могилами и подбои (Федоров-Давыдов 1966: 60). Некоторые моменты погребального обряда нашли отра-

¹ Аноним «Муизз ал-ансаб»; эти же сведения приводит Рашид ад-Дин в «Джами ат Таварих».

Рис. 1. Могильник Жаман-Каргала I. Погребения золотоордынской языческой группы (по Бисембаев 2010: 160—161, рис. 19; 20). I — курган № 12: 1, 2 — планы кургана и погребения; 3 — зеркало; II — курган № 13: 1—3 — планы кургана и погребений; 4 — ножницы; 5 — зеркало; 6 — серьга; 7 — наконечники стрел; III — курган № 15: 1, 2 — планы кургана и погребения; 3 — железный крючок; 4 — железный нож; IV — курган № 16: 1, 2 — планы кургана и погребения; 3, 4 — наконечники стрел; 5, 6 — железные пластины.

Fig. 1. Zhaman-Kargala I cemetery. Burials of the Golden Horde pagan group 1 (after Бисембаев 2010: 160—161, рис. 19; 20). I — mound no. 12: 1, 2 — mound and burial plans; 3 — mirror; II — mound no. 13: 1—3 — mound and burials plans; 4 — scissors; 5 — mirror; 6 — earring; 7 — arrowheads; III — mound no. 15: 1, 2 — mound and burial plans; 3 — iron hook; 4 — iron knife; IV — mound no. 16: 1, 2 — mound and burial plans; 3, 4 — arrowheads; 5, 6 — iron plates.

жение в сочинении европейских путешественников — Платона Карпини и Вильгельма Рубрук (Путешествия... 1993: 29, 88—89). В составе инвентаря появляются берестяные трубки и вырезанные из листа металла фигурки человечков — онгоны. Если фигурки человечков распространены компактно, в основном в районе Поволжья (Федоров-Давыдов 1965: 275), то головной убор «бокка» — предмет, весьма характерный для женских погребений XIII—XIV вв. на большой территории. Эту распространенность можно объяснить влиянием «моды» в кочевом обществе, также как и распространение в это время украшенных костяных накладок на колчаны, не несущих ярко выраженных существенных функций, кроме эстетической.

Западный Казахстан в эпоху Золотой Орды

В эпоху Золотой Орды количество памятников в Западном Казахстане значительно увеличивается по сравнению с предыдущим периодом, что связано с политическим оформлением этого государства и складывающейся системой улусного деления. Деление этих памятников на две группы: золотоордынскую языческую, в пределах середины XIII — первой трети XIV вв. и золотоордынскую мусульманскую — вторая треть XIV — XV вв., предложенное В. А. Ивановым и В. А. Кригером, вполне оправдано и имеет подтверждение в нарастании элементов ислама и связанной с этим смене обрядовых черт в погребальной практике населения региона (Иванов, Кригер 1988: 28). Отправной точкой в данном случае служит время правления Узбека.

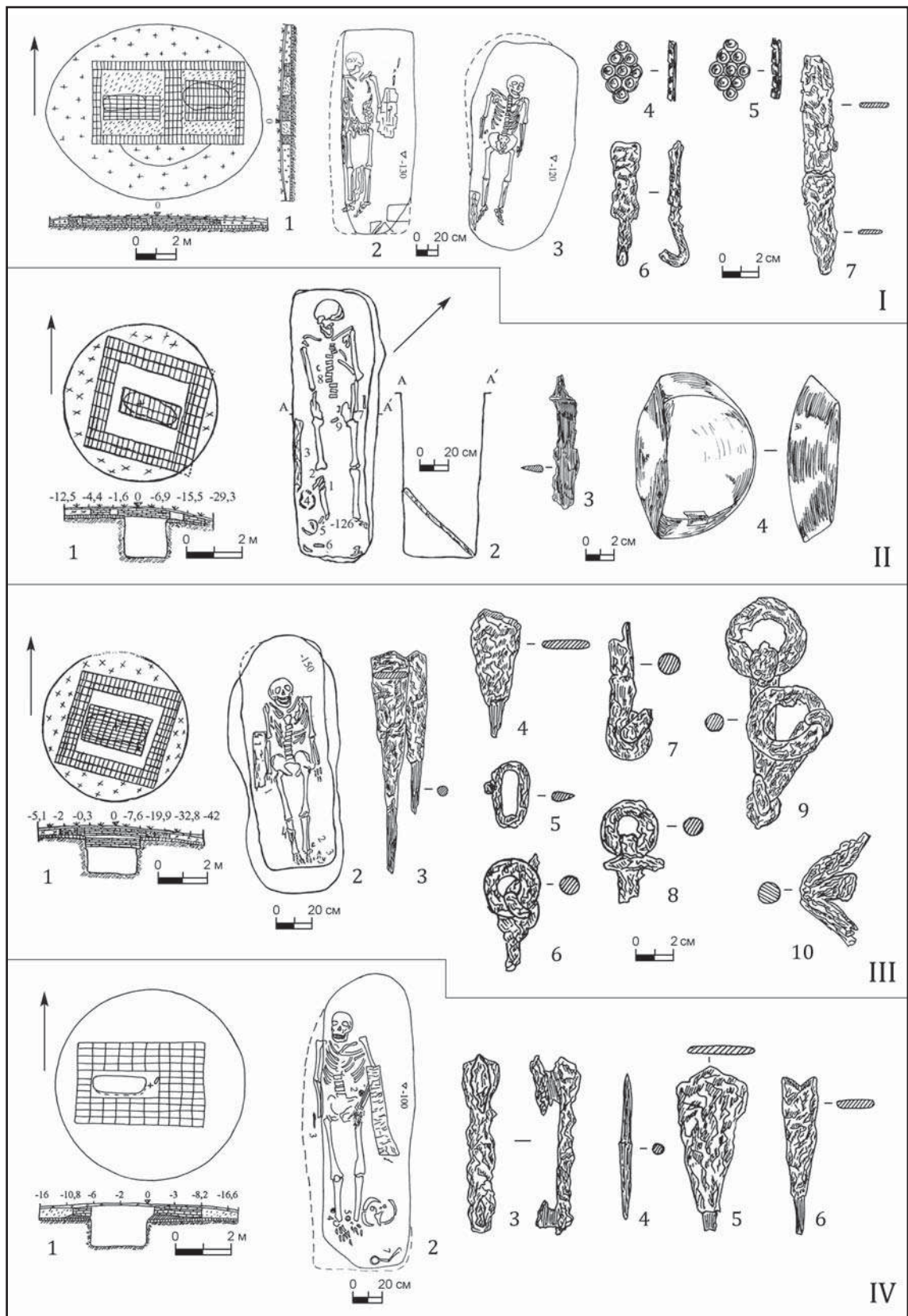
Кочевое общество само по себе достаточно лояльно к различным религиозным проявлениям, если они не направлены против основ общества и не подрывают экономические устои. Но все же попытка хана Берке провести религиозную реформу и возвести ислам в ранг государственной религии в середине XIII в. не достигла своей цели, так как встретила активное противодействие монгольской кочевой знати, совершенно правильно усмотревшей в исламе инструмент государственной власти и рычаг воздействия на саму знать (Егоров 1974: 86—94).

Во второй половине XIII в. центробежные тенденции еще отчетливо не наблюдаются.

Золотой Орде при общем внешнем благополучии удается демонстрировать свою силу в затяжной войне с Хулагуидами в Северном Иране и Азербайджане. Пределов своего территориального расширения Золотая Орда достигает в 1277 г., когда в результате удачного похода Менгу-Тимура и разгрома алан были присоединены северокавказские территории. Более никаких территориальных приобретений Золотой Орде сделать не удалось. Наоборот, прекращение широкомасштабных военных походов, являвшихся одним из основных источников быстрого и легкого обогащения и служивших одновременно фактором временного подчинения феодализованной кочевой знати центральной ханской власти, привело к тому, что в XIV в. очень отчетливо проявился сепаратизм феодалов и их стремление к полной самостоятельности (Егоров 1985: 56—57).

Монгольское нашествие, сопровождавшееся колоссальными разрушениями, резко затормозило экономическое развитие покоренных народов, а также нарушило ход этнических процессов из-за перемещений племенных групп и уничтожения части населения (Кадырбаев 1992: 32—38). Однако конец XIII и начало XIV вв. ознаменовались кратковременным хозяйственным подъемом на покоренной территории, что было связано с деятельностью отдельной группы монгольских феодалов, понимавшей, что постоянное ограбление населения приводит к его нищизанию и является источником обогащения «одного дня».

Для постоянной и эффективной экономической эксплуатации понадобилось воссоздание существовавшей ранее экономической инфраструктуры. Поэтому в период с конца XIII по 60-е гг. XIV вв. происходит восстановление старых экономических связей, и особенно ярко восстановительный период отражается на градостроительстве по всей обширной территории Золотой Орды. Но построение городских центров в короткие сроки и с максимальным использованием согнанных людских ресурсов велось без учета местных историко-географических и экономических аспектов. Это явилось основной причиной того, что после запустения в результате военных действий не было попыток восстановления разрушенных золотоордынских городов и население не осваивало

Рис. 2. Могильник Целинный I. Погребения синкретического облика начального этапа исламизации 2 (по Бисембаев 2010: 174—175, рис. 33; 34). I — курган №63: 1—3 — планы кургана и погребений; 4, 5 — украшения одежды; 6 — колчанный крючок; 7 — нож; II — курган №65: 1, 2 — планы кургана и погребения; 3 — нож; 4 — бронзовая чашка; III — курган №66: 1, 2 — планы кургана и погребения; 3, 4 — наконечники стрел; 5—8 — железные предметы сбруи; 9, 10 — остатки узды и удила; IV — курган №73: 1, 2 — планы кургана и погребения; 3 — колчанный крючок; 4—6 — железные наконечники стрел.

Fig. 2. Tselinnyi I cemetery. The burials of the syncretic appearance of the initial stage of Islamization (after Бисембаев 2010: 174—175, рис. 33; 34). I — mound no. 63: 1—3 — mound and burial plans; 4, 5 — decorating clothes; 6 — quiver hook; 7 — knife; II — mound no. 65: 1, 2 — mound and burial plans; 3 — knife; 4 — bronze cup; III — mound no. 66: 1, 2 — mound and burial plans; 3, 4 — arrowheads; 5—8 — iron harness objects; 9, 10 — remnants of the bridle and bit; IV — mound no. 73: 1, 2 — mound and burial plans; 3 — quiver hook; 4—6 — iron arrowheads.

их снова. Города Золотой Орды в основной своей массе существовали непродолжительное время по сравнению с городскими центрами Семиречья и Южного Казахстана. Их история обычно была связана лишь с именем конкретного правителя (Егоров 1977: 114; Федоров-Давыдов 1964: 1).

Переселение в Западный Казахстан больших групп оседлого южноказахстанского и среднеазиатского населения, обеспечивавшего ремесленное производство и постройку городов и поселений в Золотой Орде, маркируют крупные мавзолеи, выстроенные в среднеазиатских архитектурных традициях — Кесене, Абат Байтак, Кызыл-там и т. д. Кроме того, оно, вероятно, отражалось в появлении погребений с сырцовыми оградами и сложными из кирпича внутримогильными склепами (Мокринский могильник).

Дальнейшие события второй половины XIV века в Золотой Орде приобрели динамичный характер. Смерть хана Бердибека в 1359 г. привела к почти двадцатилетней междоусобной войне, следствием которой стал распад Золотой Орды. После Бердибека в Золотой Орде не осталось ни одного представителя правящей ветви Джучидов, ведущих свое родство по прямой линии от хана Бату, чем не замедлили воспользоваться представители правящей династии Кок-Орды, предъявив свои претензии на золотоордынский престол (Тизенгаузен 1884: 129). Параллельно идет процесс утверждения ислама как доминирующей религии в среде кочевого населения государства, начальный этап которого приходится на второе десятилетие XIV в. и связан с правлением хана Узбека. Но ислам как таковой, во всех своих проявлениях, не проник во все сферы кочевого общества и не стал единственной мировоззренческой концепцией, так как его обязательность «была относительной, а пропаганда его — непоследовательной» (Гумилев 1992: 386). После походов Тимура 1395 года поселения и города запустевают и жизнь на них почти не возобновляется, пожалуй, за исключением Сарайчика, частично использовавшегося ногайской знатью

В Западном Казахстане на XIII—XIV вв., т. е. на время существования Золотой Орды, приходится наибольшее число погребений за весь период развитого и позднего средне-

вековья. Вероятно, определенная политическая стабильность, в сочетании с жестким администрированием, обеспечивали постоянное проживание кочевого населения. После распада государства этот порядок сменился очередным периодом нестабильности. В XV веке политические акценты были перенесены на борьбу за присырдарьинские города и за доминирование в степи между различными ветвями Джучидов.

Имеющиеся археологические объекты XIII—XIV вв. по основным и наиболее явным признакам можно разделить на две группы: 1) погребения, совершенные по языческому обряду; 2) погребения, имеющие черты, характерные для ислама. Первая группа имеет широкий хронологический диапазон от начала XIII до начала XIV вв., и ее отличает значительное разнообразие в чертах погребального обряда. Погребения первой группы исследованы на могильнике Жаман-Каргала (рис. 1). Примером второй группы являются погребения могильника Целинный I (рис. 2), имеющие ограды из сырцовых кирпичей под насыпью кургана. Но, как пережиток прежних погребальных ритуалов, в могильные ямы помещаются вещи личного обихода.

Для языческих погребений золотоордынский период отмечен изменениями в обряде, которые прослеживаются в смене восточной ориентировки на западную и северную. Курганные насыпи, как и в предшествующий период, сооружаются с применением камней; так же, как и раньше, прослеживаются следы тризны. Упрощается форма могильных ям. Исчезает обычай помещения в могилу лошади. Вместо этого наблюдается его «символизация», выраженная в сопровождении покойника предметами конской сбруи. Ярким примером служат два богатых погребения из могильников Уркач I и Булак I. Мужское впускное захоронение в Уркаче имело северную ориентировку, богатый погребальный инвентарь: золотые поясные бляшки, серьгу, нашивки на одежду, вооружение, две золотые чаши (рис. 3). Женское захоронение могильника Булак сопровождалось золотыми пластинками, украшавшими головной убор и нарубленными из предмета явно трофейного характера (рис. 4), золотую чашку с ручкой. В обоих погребениях найдены брошенные в ноги покойных седла со стремени

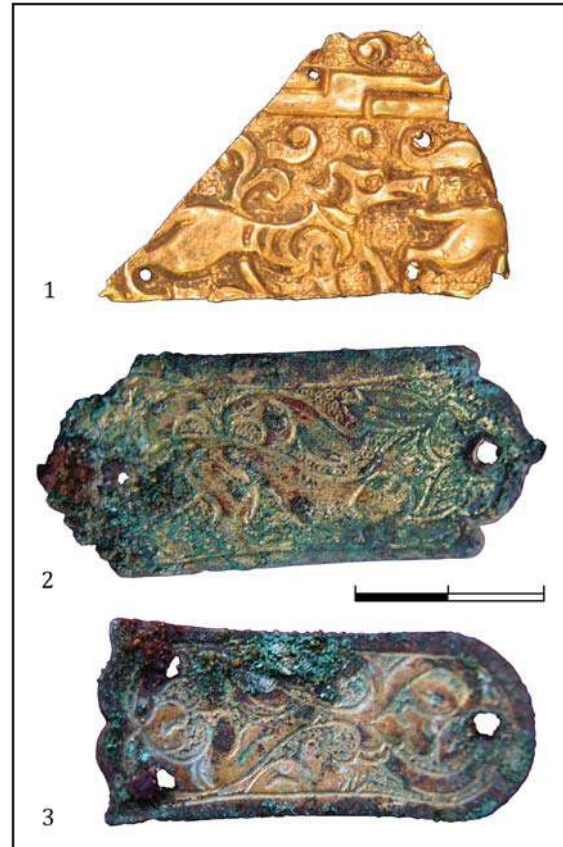
Рис. 3. Могильник Уркач I. 1 — золотая чаша; 2 — золотые накладки пояса. Масштабы разные (фото автора).

Fig. 3. Urkach I cemetery. 1 — gold bowl; 2 — gold overlays of a belt. Scales are different (photo by the author).

и остатками полной сбруи (Бисембаев 2010: 129—130).

Часть населения огузо-печенежского происхождения, переселенная монголами из Восточной Европы, продолжает погребальную традицию помещения в могилы костей коня, но этот ритуал переживает деградацию, выраженную в размещении только копыт лошади возле покойного или в ногах. Подобная ситуация наиболее ярко прослеживается в памятниках на Нижней Волге (Мыськов 1993: 69—83).

В золотоордынский период в различных регионах Казахстана появляются погребения, эволюционно восходящие к датируемым несколько более ранним временем памятникам южной части Западной Сибири — такие как Кула-Айгыр, Сарытау II, Салтак I, причем обнаруживаются они единично, далеко друг от друга, и характеризуются совершенно нестандартными и не характерными для местного населения чертами (Федоров-Давыдов 1984: 98—107; Кызласов 1980: 80—93; Боталов 1992: 230—239; Бисембаев, Гуцалов 1998: 152—155). Женское погребение из могильника Салтак I в Западном Казахстане сопровождала каменная квадратная конструкция, выложенная на погребенной почве, и жертвоприношение ребенка над могильной ямой. Комплект инвентаря стандартный для этого периода — бронзо-

Рис. 4. Могильник Булак. 1 — золотая нашивная бляшка головного убора; 2, 3 — бронзовые с золочением бляхи конской сбруи. Масштабы разные (фото автора).

Fig. 4. Bulak cemetery. 1 — gold plaque of a headdress; 2, 3 — plates of a horse harness, bronze with gilding. Scales are different (photo by the author).

вая чаша, шарнирные ножницы, посеребренное зеркало. Но чаша, как символизация котла, является атрибутом скорее мужских захоронений. Мужское захоронение Сарытау II имело каменный ящик, устроенный в могиле, выложенное каменное кольцо на погребенной почве, каменную наброску в насыпи и массивную каменную стелу в ногах погребенного, с восточной стороны (Бисембаев 2010: 120—122, цв. вклейка) (рис. 5). В обоих случаях весьма сложные в структурном отношении каменные конструкции не являются характерными для Западного Казахстана признаками и отражают присутствие пришлого западносибирского населения.

Категории погребального инвентаря в течение XIII—XIV вв. проходят этап унификации как в комплектации, так и в типологии. Причем «стандартизация» инвентаря прослеживается на значительной территории — от южнорусских степей до Восточного Казахстана. Мужские захоронения сопровождают берестяные колчаны с нескольки-

Рис. 5. Могильник Сарытау II. Общий вид каменной конструкции погребения (фото автора).

Fig. 5. Sarytau II burial ground. General view of a stone construction of the burial (photo by the author).

ми массивными железными черешковыми наконечниками стрел, ножи и кинжалы, изредка сабли. Самая распространенная форма стремьян — с расплющенной верхней частью дужки и пробитой в ней петлей для ремня. В женских погребениях это небольшие круглые бронзовые зеркала, с расплывшимся выпуклым рисунком на тыльной стороне — местные копии с китайских образцов, серьги в виде знака вопроса. Двусоставные удила, мелкая металлическая посуда — все это признаки рассматриваемого периода.

Начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности Золотой Орды начинают отчетливо проступать черты исламизации кочевого общества. Часть населения, особенно локализовавшаяся около городских центров начинает хоронить своих покойников, максимально соблюдая установленные каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы обернутыми в саван, лицом к Мекке, без сопровождающего инвентаря. Проникновение новой идеологии выразилось также в унификации юго-западного сектора ориентировки (кыбла) и позы погребенных, в появлении различного рода конструкций из сырцового кирпича. Однако, долгое время черты язычества и ислама в погребальном обряде продолжали сосуществовать. Весьма ха-

рактерны синкретические погребения с чертами язычества и ислама — погребения с инвентарем и в повседневной одежде и обуви, но имеющие сложенную из сырцовых кирпичей прямоугольную ограду на уровне погребенной почвы. Часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, формально соблюдая ритуалы ислама, сохраняла ориентировку погребений по прежним направлениям и продолжала укладывать в могилы инвентарь. Исследования показывают, что даже в мавзолеях, построенных из обожженного кирпича, покойные погребены с пережиточными признаками языческих ритуалов. При этом прослеживается половозрастная дифференциация — женские и детские захоронения совершаются по упрощенному ритуалу.

В Западном Казахстане исследования, проводившиеся в мавзолее Абат-Байтак (рис. 6) в 2004—2005 гг., выявили несколько захоронений в деревянных рамах-гробовищах, сбитых крупными коваными гвоздями. В основном погребении было обнаружено железное навершие суфийского посоха (Бекназаров 2005: 151—154) (рис. 7). Покойные были помещены в повседневной одежде, с мелкими украшениями. В этом плане казахстанский мавзолей сближается в сходных чертах с мавзолеем Кесене (Челябинская область РФ).

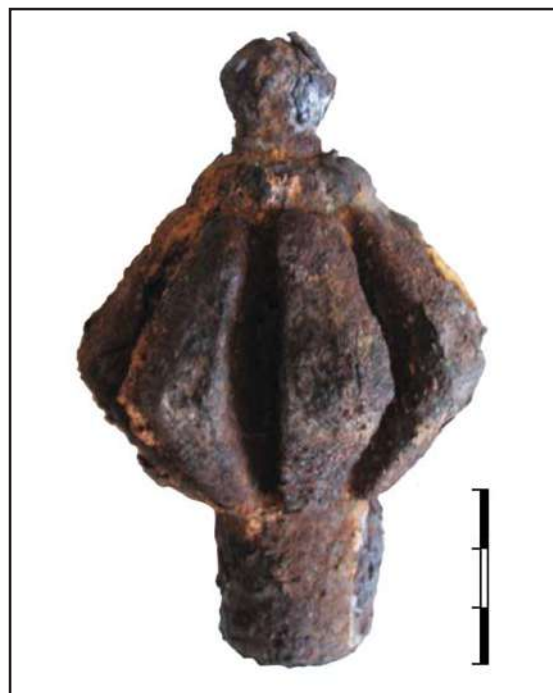

Рис. 6. Мавзолей Абат Байтак. Современное состояние после реконструкции (фото автора).

Fig. 6. Mausoleum Abat Baytak. A current state after reconstruction (photo by the author).

Заклучение

Таким образом, можно отметить, что крупные события в политической жизни кочевников степной полосы Евразии отражались в доминировании тех или иных племенных групп, приводили к изменениям в этнокультурных процессах и в конечном итоге получали свое выражение в археологическом материале. Территория Западного Казахстана в XIII—XIV вв. была включена во все протекавшие в евразийской степи процессы и явления, подкорректированные местными специфическими особенностями. Общие тенденции изменений в погребальной обрядности поддаются реконструкции и позволяют проследить смену ритуалов по хронологическим периодам. Перспективы дальнейшего углубленного исследования памятников Западно-

Рис. 7. Мавзолей Абат Байтак. Железное навершие посоха (фото автора).

Fig. 7. Mausoleum Abat Baytak. Iron tip of the staff (photo by the author).

Казахстанского региона очевидны. Имеются также широкие возможности для комплексного изучения памятников в различных регионах Российской Федерации и Республики Казахстан для получения общей исторической картины средневекового периода, рассмотрения вопросов, касающихся материальной и духовной культуры яркого периода средневековой истории — эпохи Золотой Орды и последующих государственных образований, унаследовавших ее культуру и население.

Литература

- Ахинжанов С.М. 1976. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана. В: Акишев К.А. (отв. ред.). *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Алма-Ата: Наука, 81—93.
- Бекназаров Р.А. 2005. Посохи как предмет историко-этнографического исследования (на примере навершия из мавзолея Абат-Байтак XIV—XV вв.). В: Гуцалов С.Ю. (отв. ред.). *Вопросы археологии Западного Казахстана 2*. Актюбе: АГУ, 151—155.
- Бисембаев А.А. 2003. Картографический анализ памятников средневековых кочевников Западного Казахстана. В: *Степи Северной Евразии. Эталонные степные ландшафты: проблемы охраны, экологической реставрации и использования*. Материалы III международного симпозиума. Оренбург: Газпромпечат, 87—90.
- Бисембаев А.А. 2009. Заметки к аспектам региональной истории: общее и особенное Западно-Казахстанского региона. *Вестник ЕНУ* 70 (3).
- Бисембаев А.А. 2010. *Кочевники средневековья Западного Казахстана*. 2-е изд. Актюбе: ИП Жанадилов.
- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. 1998. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахского Приуралья. *УАВ* 1, 152—161.
- Бисембаев А.А., Усманова Э.Р., Боталов С.Г. 2006. Памятники кыпчако-половецкого этапа (XI — начало XIII века). В: Боталов С.Г. (отв. ред.). *Археология Южного Урала. Степь (Проблемы культурогенеза)*. Челябинск: Рифей, 409—413.
- Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. 2015. Локализация позднесредневековых памятников Западного Казахстана. В: Чибилев А.А. (отв. ред.). *Степи Северной Евразии*. Материалы VII международ-

- ного симпозиума. Оренбург: Димур, 177—179.
- Боталов С. Г. 1992. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр. *РА* (2), 230—239.
- Владимирцов Б. Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Ленинград: АН СССР.
- Гвоздецкий Н. А., Николаев В. А. 1971. *Казахстан. Очерк природы*. Москва: Мысль.
- Граков Б. Н. 1930. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. *Вестник Центрального музея Казахстана* (1). Алма-Ата: Казиздат, 59—76.
- Гумилев Л. Н. 1992. *Древняя Русь и Великая степь*. Москва: Наука.
- Гуцалов С. Ю. 2004. *Древние кочевники Южного Приуралья VII—I вв. до н. э.* Уральск: Полиграфсервис.
- Джаналиева Г. М. (ред.). 1998. *Физическая география Республики Казахстан*. Алматы: Казак университета.
- Егоров В. Л. 1974. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде. *Вопросы истории* (8), 35—49.
- Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Иванов В. А., Кригер В. А. 1988. *Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.)*. Москва: Наука.
- Иванов В. А., Яминов А. Ф. 1993. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика). В: Таиров А. Д. (отв. ред.). *Кочевники Урало-Казахстанских степей*. Екатеринбург: Наука, 154—161.
- Кадырбаев А. Ш. 1992. *Казахстан в эпоху Чингиз-хана и его преемников. XIII—XIV века*. Актуальные проблемы истории Казахстана. Алма-Ата.
- Кастанье И. А. 1910. *Древности Киргизской степи и Оренбургского края*. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии 22. Оренбург.
- Козин С. А. 1941. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Костюков В. П. 1997. *Памятники кочевников XIII—XIV вв. Южного Зауралья (К вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Кригер В. А. 1986. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников). В: Скрипкин А. С. (отв. ред.). *Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья*. Саратов: СГУ, 114—131.
- Кушаев Г. А. 1993. *Этюды древней истории Степного Приуралья*. Уральск: Диалог.
- Кызласов И. Л. 1980. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. *СА* (2), 80—93.
- Мыськов Е. П. 1993. Погребения кочевников IX—XI вв. на Ахтубе. В: Мамонтов В. И. (науч. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 3. Волгоград: Перемена, 69—83.
- Плетнева С. А. 1982. *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей*. Москва: Наука.
- Путешествия... 1993: *Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука*. 1993. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. Алматы: Гьлым.
- Сенигова Т. Н. 1956. Отчет о работе Западно-Казахстанской экспедиции 1953 года. *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР* 1. Алма-Ата: Наука, 140—156.
- Синицын И. В. 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане. *Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР* 1. Алма-Ата: Наука, 87—139.
- Тизенгаузен В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Тизенгаузен В. Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. Москва; Ленинград: Академия наук СССР.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1965. Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья. В: Крупнов Е. И. (ред.). *Новое в советской археологии*. МИА 130. Москва: Наука, 275—277.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1984. Кочевнический курган XIV в. из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников). В: Сунчугашев Я. И. (отв. ред.). *Вопросы древней истории Южной Сибири*. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 98—108.
- Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С. 1963. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая. *СА* (3), 245—246.
- Шнайндштейн Е. В. 1985. Печенежские памятники Нижнего Поволжья. В: *Проблемы археологии и этнографии* III. *Историческая этнография*. Ленинград: ЛГУ, 79—84.
- Шнайндштейн Е. В. 1987. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в XII—XIV вв. В: Пуцкин Е. В. (отв. ред.). *Археологические исследования Калмыкии*. Элиста: КНИИ ИФЭ, 69—82.

References

- Akhinzhanov, S. M. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkhеologicheskim istochnikam (The Past of Kazakhstan Basing on the Archaeological Data)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 81—93 (in Russian).
- Beknazarov, R. A. 2005. In Gutsalov, S. Yu. (ed.). *Voprosy arkhеologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of Archaeology of Western Kazakhstan)* 2. Aktobe: Aktobe State University, 151—155 (in Russian).
- Bissembayev, A. A. 2003. In *Stepi Severnoi Evrazii. Etalonnnye stepnye landshafty: problemy okhrany, ekologicheskoi restavratsii i ispol'zovaniia (Steppes of Northern Eurasia. Reference Steppe Landscapes: Issues of Protection, Ecological Restoration and Use)* III. Orenburg: "Gazprompechat" Publ., 87—90 (in Russian).
- Bissembayev, A. A. 2009. In *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta (Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University)* 70 (3) (in Russian).
- Bissembayev, A. A. 2010. *Kochevniki srednevekov'ia Zapadnogo Kazakhstana (Medieval Nomads of Western Kazakhstan)*. Aktobe: "Zhanadilov" Publ. (in Russian).
- Bissembayev, A. A., Gutsalov, S. Yu. 1998. In *Ufimskii arkhеologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 1, 152—161 (in Russian).
- Bissembayev, A. A., Usmanova, E. R., Botalov, S. G. 2006. In Botalov, S. G. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of Southern Ural. Steppe: Issues of Cultural Genesis)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 409—413 (in Russian).
- Bissembayev, A. A., Akhatov, G. A. 2015. In Chibilev, A. A. (ed.). *Stepi Severnoi Evrazii (Steppes of Northern Eurasia)*.

- Orenburg: "Dimur" Publ., 177—179 (in Russian).
- Botalov, S. G. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 230—239 (in Russian).
- Vladimirtsov, B. Ya. 1934. *Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm (Social Structure of the Mongols: Mongol Nomadic Feudalism)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Gvozdet'skii, N.A., Nikolaev, V.A. 1971. *Kazakhstan. Ocherk prirody (Kazakhstan: an Overview of Nature)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
- Grakov, B.N. 1930. In *Vestnik Tsentral'nogo muzeia Kazakhstana (Bulletin of the Central Museum of Kazakhstan)* (1). Alma-Ata: "Kazizdat" Publ., 59—76 (in Russian).
- Gumilev, L.N. 1992. *Drevniaia Rus' i Velikaia Step' (Ancient Rus' and the Great Steppe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gutsalov, S. Yu. 2004. *Drevnie kochevniki Iuzhnogo Priural'ia VII—I vv. do n.e. (Ancient Nomads of Southern Cis-Urals: 7th—1st Centuries BC)*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).
- Dzhanaliev, G.M. (ed.). 1998. *Fizicheskaia geografiia Respubliki Kazakhstan (Physical Geography of the Republic of Kazakhstan)*. Almaty: Kazakh University (in Russian).
- Egorov, V.L. 1974. In *Voprosy istorii (Issues of History)* (8), 35—49 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ivanov, V.A., Kriger, V.A. 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Iuzhnom Urale (XII—XIV vv.) (Barrows of the Kypchak Time in Southern Ural: 12th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ivanov, V.A., Iaminov, A.F. 1993. In Tairov, A.D. (ed.). *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepei (The Nomads in the Steppes of Ural and Kazakhstan)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ., 154—161 (in Russian).
- Kadyrbaev, A. Sh. 1992. *Kazakhstan v epokhu Chingiz-khana i ego preemnikov. XIII—XIV veka (Kazakhstan in the Era of Genghis Khan and his Successors: 13th—14th Centuries)*. Series: Aktual'nye problemy istorii Kazakhstana (Current Issues of the History of Kazakhstan). Alma-Ata (in Russian).
- Castagné, J.-A. 1910. *Drevnosti Kirgizskoi stepi i Orenburgskogo kraia (Antiquities of the Kirghiz Steppe and the Orenburg Region)*. Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission) 22. Orenburg (in Russian).
- Kozin, S.A. (publ.). 1941. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaia khronika 1240 g. (The Secret History of the Mongols: Mongol Chronicle of 1240)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kostiukov, V.P. 1997. *Pamiatniki kochevnikov XIII—XIV vv. Iuzhnogo Zaural'ia (K voprosu ob etnokul'turnom sostave ulusa Shibana) (Nomadic Sites of 13th—14th Centuries in Southern Trans-Urals: to the Issue of the Ethnic and Cultural Composition of the Shiban Ulus)*. PhD Thesis. Ufa (in Russian).
- Kriger, V.A. 1986. In Skripkin, A.S. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaiia istoriia Nizhnego Povolzh'ia (Early and Medieval History of the Lower Volga Basin)*. Saratov: Saratov State University, 114—131 (in Russian).
- Kushaev, G.A. 1993. *Etiudy drevnei istorii stepnogo Priural'ia (Studies in Early History of the Steppe Ural Region)*. Ural'sk: "Dialog" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 80—93 (in Russian).
- Myskov, E.P. 1993. In Mamontov, V.I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Don'skikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 3. Volgograd: "Peremena" Publ., 69—83 (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1982. *Kochevniki Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonomernostei (Nomads of Middle Ages. Looking for Historical Patterns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Gil'oma de Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubruck to the Eastern Parts)*. 1993. Series: Puteshestviia. Otkrytiia. Priklucheniia (Journeys, Discoveries, Adventures). Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).
- Senigova, T.N. 1956. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 140—156 (in Russian).
- Sinit'syn, I.V. 1956. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 1. Almaty: "Nauka" Publ., 87—139 (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)*. Vol. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)*. Vol. II. *Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1965. In Krupnov, E.I. (ed.). *Novoe v sovetskoii arkheologii (New Discoveries of the Soviet Archaeology)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 130. Moscow: "Nauka" Publ., 275—277 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social Order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1984. In Sunchugashev, Ya.I. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Iuzhnoi Sibiri (Issues of the Ancient History of Southern Siberia)*. Abakan: Khakassia Research Institute of Language, Literature, and History, 98—108 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A., Vainer, I.S. 1963. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 245—246 (in Russian).
- Shnaidshtein, E.V. 1985. In *Problemy arkheologii i etnografii (Problems of Archaeology and Ethnography)* III. *Istoricheskaia etnografiia (Historical Ethnography)*. Leningrad: Leningrad State University, 79—84 (in Russian).
- Shnaidshtein, E.V. 1987. In Tsut'skin, E.V. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia Kalmykii (Archaeological Research in Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology, and Economics, 69—82 (in Russian).

**М. Д. Калменов,
А. Е. Бижанова**

Murat Kalmenov. Candidate of Historical Sciences. West Kazakhstan Engineering Humanitarian University¹.

Калменов Мурат Дабылович. Кандидат исторических наук. Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет.

E-mail: kalmenoff@mail.ru

Aliya Bizhanova. Candidate of Historical Sciences. West Kazakhstan Engineering Humanitarian University².

Бижанова Алия Ермековна. Кандидат исторических наук. Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет.

E-mail: aaliyka@mail.ru

Address:^{1,2} Karash St., 12, Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan

Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана

Keywords: Western Kazakhstan, towns, Kyzylkala, Ketikkala, Zhaiyk, Aktobe-Laeti, Saraishyk, fortification, dwellings, production complexes, cemeteries

Ключевые слова: Западный Казахстан, городища, Кызылкала, Кетиккала, Жайык, Актобе-Лаэти, Сарайшык, фортификация, жилища, производственные комплексы, могильники

M. D. Kalmenov, A. E. Bizhanova

Topography and Chronology of Medieval Settlements in Western Regions of Kazakhstan

The authors present a discussion on medieval settlements located in Western Kazakhstan: Kyzylkala, Ketikkala, Saraishyk, Aktobe-Laeti and Zhaiyk towns. They relate in general to the period of the 10th—14th centuries, although some of them also existed later (Saraishyk). Problems of historiography and formation of medieval urban culture, economic ties with other regions, as well as historical topography of sites based on archaeological research are discussed. Fortification of settlements, residential and farm buildings, main features of funerary rite practiced on the associated necropolises are considered.

M. D. Kalmenov, A. E. Bizhanova

Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана

В статье рассматриваются средневековые поселения, расположенные на территории Западного Казахстана: городища Кызылкала, Кетиккала, Сарайшык, Актобе-Лаэти и Жайык. Они относятся в целом к периоду X—XIV вв., хотя некоторые из них существуют и позже (Сарайшык). Обсуждаются проблемы историографии и формирования средневековой городской культуры, экономические связи с другими регионами, а также историческая топография памятников на основе археологических исследований. Рассматриваются фортификация городищ, жилые и хозяйственные постройки, основные черты погребального обряда на сопутствующих некрополях

Западные регионы Казахстана с древнейших времен были важной контактной зоной народов и культур Центральной Азии и Восточной Европы. История данной территории известна лишь из скудных, малоинформативных данных письменных источников, которые позволяют реконструировать лишь немногие отдельные стороны экономики, культуры, социальной организации и этнической истории. Рассматривая сложную и дискуссионную тематику взаимосвязи населявших эту

территорию народов, исследователи в основном опирались на письменные и лингвистические данные, не уделяя должного внимания археологическим источникам. Многочисленные археологические материалы до сих пор не введены в научный оборот, хотя они являются основным источником по воссозданию картины исторической действительности данного региона. В связи с накоплением новых археологических материалов вновь поднимается вопрос о необходимости более

тщательного сопоставления археологических памятников этого региона, находившихся в круговороте исторических событий (Калменов 2013).

Анализ и интерпретация новых археологических материалов позволяют расширить наши представления о различных сферах жизнедеятельности средневековых народов, проживавших на данной территории. Большое значение для исследования памятников Западного Казахстана, которые можно датировать в интервале X—XIV вв., имеет изучение малоисследованных проблем взаимосвязей кочевых и оседлых народов. Достаточно высокая информативность археологического источника, с одной стороны, и недостаточная степень изученности проблемы — с другой, обуславливают актуальность избранной темы статьи.

В настоящее время археологи получили достаточно материала, чтобы можно было с уверенностью говорить о городской культуре средневекового Западного Казахстана. Наиболее масштабные исследования проводились в последние годы XX в. и в начале XXI в. на городищах **Кызылкала**, **Кетиккала**, **Сарайшык**, **Актобе-Лаэти**, **Жайык** (рис. 1).

Полуостров Мангистау (Мангышлак). Важную роль в торгово-экономических контактах между Востоком и Западом выполняла территория полуострова Мангистау (Мангышлак) как один из транзитных участков торгового пути. Здесь соединялись пути сухопутного и морского торгового сообщения. Доставка товаров из Азии велась караванами до берега Каспийского моря. Здесь товар погружался на парусные суда, которые перевозили его на волжские берега или на западное побережье Каспия. В морскую торговлю было включено и мангистауское побережье с его удобными бухтами и гаванями, где курсировали каботажные суда.

При этом азиатско-европейские торговые отношения, связанные с данным регионом, очень мало отражены в документах и летописях того времени, а факт существования здесь караванной торговли совсем не упоминается историками и географами Востока.

В настоящее время на территории региона археологами обнаружены остатки пяти средневековых городищ и поселений.

Одним из наиболее крупных и ярких поселений региона является **городище Кызылкала**, где проводились масштабные исследования. Несмотря на то, что поселение находится на государственном учете и в период с 1978 по 1984 гг. здесь спорадически про-

Рис. 1. Карта памятников, рассматриваемых в статье.

1 — Кызылкала; 2 — Кетиккала; 3 — Сарайшык; 4 — Актобе-Лаэти; 5 — Жайык.

Fig. 1. Map of archaeological sites mentioned in the article. 1 — Kyzylkala; 2 — Ketikkala; 3 — Saray-Jük (Saraihyk); 4 — Aktobe-Laëti; 5 — Zhaiyk.

водились археологические раскопки Волго-Уральской археологической экспедицией (ВУАЭ) АН СССР под руководством Л. Л. Галкина, информация о памятнике до недавнего времени оставалась очень скудной (Галкин 1991: 23). В ходе археологических исследований прошлого столетия были частично раскопаны фундаменты двух усадеб, 8 захоро-

нений среди остатков фундамента наземной постройки (предположительно, мавзолея) и три пода гончарных печей, а также нанесены на карту более 100 строений. Исследования Л. Л. Галкина установили однослойный характер поселения и время его существования — X—XII вв. (Галкин 1982: 18).

Основные работы по обследованию городища были проведены в 2004—2005 и 2009—2015 гг. Археологической экспедицией Мангистауского государственного историко-культурного заповедника (Астафьев 2004: 82; 2005: 73; 2010: 93).

Основная территория городища протянулась вдоль двух русловых протоков, с севера на юг на 700 м при ширине 400 м (рис. 2). Протоки на севере сливаются в единое русло. Их ширина достигает 15—20 м при глубине до 5 м. Восточное русло (местное название «родник Акмыш») имеет слабую обводненность, питаясь водами нескольких маломощных родников. Местность на междуречье участка относительно ровная, с уклоном в северо-восточном направлении и перепадом высот до 4 м. В западном секторе находится грядовое возвышение, вытянутое по линии СЗЗ-ЮВВ на 140 м и преобладающее над местностью (Калменов 2012).

Городище состоит из остатков крепостного укрепления, по периметру окруженного многочисленными усадьбами. Укрепление отчетливо читается по высокому валу (высота до 3 м) с просматривающимися элементами массивных каменных кладок панцирного типа шириной 1,9—2 м. В средней части северо-западной стены устроены главные ворота. Конструктивно они образованы двумя башнями на концах стен с осевым смещением, чем определяется диагональный проход. По выступающим элементам каменных кладок с внешней стороны стен крепости читаются угловые и по две промежуточные башни, общим числом 12. Башни выступают в среднем на 0,6 м на уровне поверхности крепостных валов при ширине до 5 м.

Гражданский поселенческий комплекс (рабат) хорошо прослеживается по местами массовому распространению подъемного материала — черепков глиняной посуды, обломков обожженных кирпичей, фрагментов костей животных и других находок, а также по фундаментам построек. Фундаменты (полностью или фрагментарно) определяются по каменным кладкам на уровне дневной поверхности или скоплению бутового камня. Согласно составленному в 2004 г. плану, было обнаружено более 200 фундаментов построек жило-

го и бытового назначения, без учета остатков не читающихся на поверхности фундаментов сырцовых построек. При дальнейшем изучении был открыт новый сектор застройки усадебного типа в юго-юго-восточном секторе поселения в районе затакыренного понижения. На этом участке обнаружены фундаменты 20—22 построек. Еще около 10 усадеб выявлено западнее крепостных валов на противоположном берегу русловой протоки.

Такырное понижение с юга и юго-востока ограничено двумя грядовыми возвышениями, между которыми располагается вал искусственного происхождения. Его протяженность около 70 м, ширина в нижнем основании достигает 20 м, а высота со стороны городища более 2 м. Вал в трех местах имеет большие промоины. С противоположной стороны от вала располагается также затакыренный участок поверхности (до 2 га), но с более высокими урвневными отметками. Сюда подходит одно из сухих русел сезонных водотоков, берущих начало у Каратауского хребта. Вероятнее всего, что вал играл роль плотины водохранилища, питаемого ручейной водой.

В юго-восточном секторе городища, за современным аулом Акмыш, открыт обширный участок (более 12 га), где фундаменты построек практически не фиксируются, но в большом количестве встречаются россыпи фрагментов красноглиняной керамики. Восточный сектор этого участка затронут распашкой ныне брошенной бахчи. Возможно, что эта площадь была обитаемой и отводилась под сезонное заселение зимующих на окраинах поселения местных кочевников. Подобная ситуация, но в меньших масштабах, наблюдается на юго-западной окраине поселения.

Практически по всей периферии застроенной части городища располагаются могильники. В юго-восточном секторе городище смыкается с синхронным мусульманским кладбищем, занимающем площадь в 2 га. Здесь отмечаются фундаменты сооружений, каменные выкладки и оградки. Помимо кладбища, выявлено 15 локальных скоплений остатков надмогильных сооружений в виде вытянутых каменных набросок, прямоугольных оградок, площадок и фундаментов оград или мавзолеев. Отдельные сооружения возводились с использованием жженого, в том числе декоративного кирпича (рис. 5: 6). В могильниках насчитывается от 5—7 до 25—30 захоронений. Ориентация могил — по линии восток-запад с отклонением как к северу, так и к югу. Для каждого могильника характерна

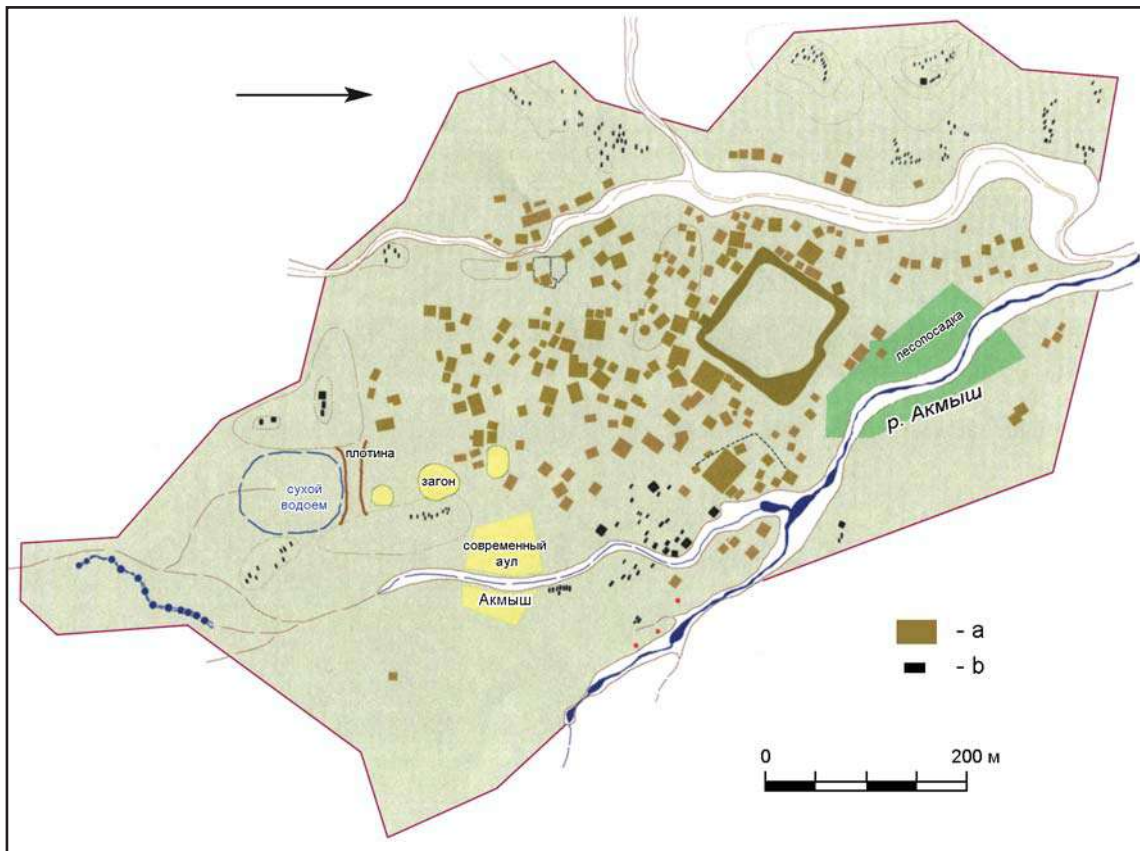

Рис. 2. План городища Кызылкала. Условные обозначения: а — постройки; б — погребения.

Fig. 2. Plan of the Kyzylkala town. Legend: a — buildings; b — burials.

Рис. 3. Аэрофотосъемка городища Кызылкала. 2004 г.

Fig. 3. Aerial photography of the Kyzylkala town. 2004.

Рис. 4. Крепостные стены городища Кызылкала. Раскоп 2003 г.

Fig. 4. Fortress walls of the Kyzylkala town. Excavation of 2003.

определенная ориентация могил. Могильники основной массой располагаются на грядовых возвышениях или у их основания.

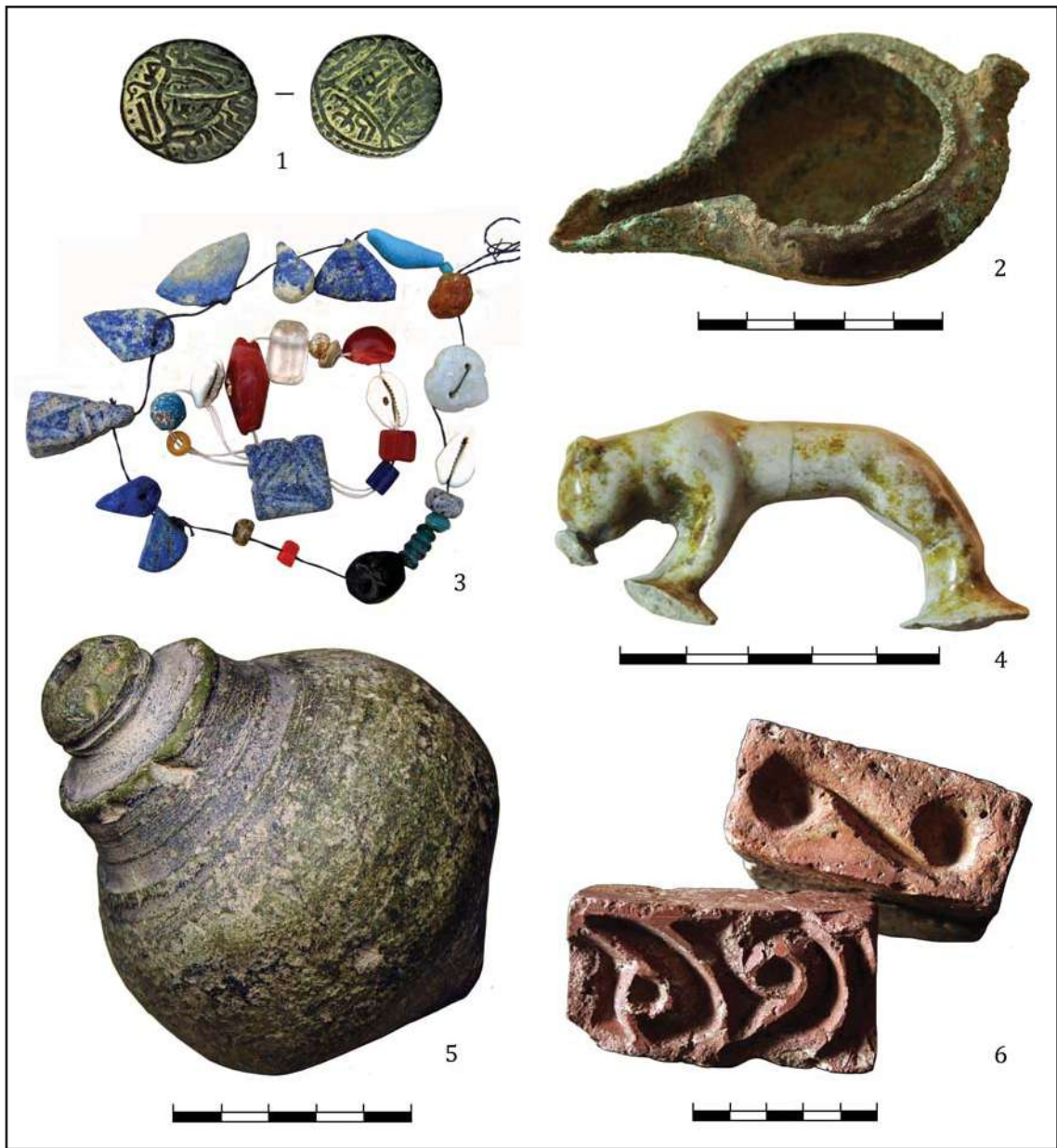
В 2005 г. на юго-западной оконечности городища по древнему сухому руслу было выявлено 12 сильно размытых, занесенных речным грунтом ям диаметром 4—6 м. По периметру ям местами просматривается каменная обкладка. Современная глубина достигает 1 м. Современное русло сезонных водотоков находится в 10—15 м западнее и на 1—1,3 м ниже древнего. При анализе спутниковой съемки в 2009 г. в этом же русле, выше по течению на 50 м, зафиксировано еще 15 подобных углублений. С учетом вновь выявленных особенностей планировки городища его возможная площадь составляет более 70 га (Калменов 2012: 5—8).

На основе анализа окрестностей городища по спутниковой съемке и аэрофотосъемке в 0,8—1,3 км юго-западнее выявлен обширный участок древнего земледельческого возделывания с грядообразной разбивкой площади (рис. 3). Ранее здесь был выявлен небольшой огороженный участок (около 0,7 га) с остатками небольшой запруды в старом сухом русле. Вблизи этого участка встречались фрагменты гончарной красноглиня-

ной керамики. На северном участке возделывания просматривается, возможно, система водонакопительных ям и арыков. Общая площадь ныне определенного участка возделывания может составлять около 30 га. Следует предполагать, что в ходе проведения детальной археологической разведки здесь может быть, выявлено небольшое земледельческое поселение.

В ходе полевых исследований была произведена топографическая съемка валов крепости с уточнением очертаний крепостных стен и башен. Установлено, что внешний ряд кладки панцирного типа сильно разобран, практически по всему периметру крепости, но просчитывается на основе прослеживающихся участков внутреннего ряда кладки. Толщина каменной стены на уровне валов колеблется в интервале 180—210 см. Наиболее сильно пострадали внешние контуры башен. Их очертания прослеживались на основе сохранившихся фрагментов кладок, либо по аналогии с уже открытыми башнями в основном раскопе, восточном углу крепости и привратной башней, на основе очертаний внутренних кладок.

В ходе создания топографического плана выявлены следующие детали устройства

Рис. 5. Находки с городища Кызылкала. 1 — медный пил Джанибек-хана; 2 — бронзовый светильник; 3 — бусины из стекла, горного хрусталя, сердолика, лазурита; 4 — керамическая ручка сосуда в виде животного; 5 — керамический сфероконус; 6 — декоративные кирпичи.

Fig. 5. Finds from Kyzylkala town. 1 — copper pil of Djanibek Khan; 2 — bronze lamp; 3 — glass, rock crystal, carnelian and lapis lazuli beads; 4 — ceramic handle of the vessel in the form of an animal; 5 — ceramic spherocone; 6 — decorative bricks.

крепости. Размеры крепости по периметру стен на уровне поверхности валов составляют: северо-восточная стена — 118 м, юго-восточная — 116 м, юго-западная — 116 м, северо-западная — 118 м. Башни выступают на 1—1,2 м при средней ширине 6 м. Квадратные в плане очертания крепости с северо-восточной стороны деформированы из-за устройства диагональной конструкции входных ворот (рис. 4).

Естественный уклон местности в северо-восточном направлении установлен на всём

протяжении северо-западной стены и составляет перепад в 1,2 м между угловыми башнями.

Первоначально предполагалось, что крепость имела 13 башен. Однако в ходе расчистки крепостных ворот было установлено наличие только одной башни. Таким образом, крепостная стена была укреплена 12 башнями, из которых четыре угловых и по две пристенных. Первоначально крепость была сооружена из сырцовых кирпичей, со временем она была обложена обработанными

каменными блоками. Каменная стена повторяет очертания сырцовых стен. Перестраивалась только конструкция привратной башни. Угловые и пристенные башни равноудалены друг от друга (в среднем на 30 м). Исключение составляет северо-восточная стена, где расстояния между башнями варьируют из-за конструкции ворот. Главные ворота располагались в северо-восточной стене крепости со стороны русла родника. Конструктивно они диагонального типа, укреплены одной башней. Современная высота крепостных валов находится в пределах 1,6—3 м относительно прилегающих участков поверхности.

Микрорельеф внутреннего пространства крепости указывает, что к южной башне с северо-западной стороны примыкали малые ворота (конструкция и размеры пока не определяются), имелся обширный двор, к стенам, за исключением северного участка северо-восточной, примыкали пахсовые или сырцовые постройки, ширина которых могла достигать 8 м. В восточном углу крепости, вероятно, находилась многокомнатная постройка. Плоскость двора крепости углублена относительно внешней поверхности на 50—90 см и имеет блюдцеобразное сечение.

В 2009 г. были исследованы крепостные ворота, расположенные в северо-восточной стене крепости. В ходе раскопок были открыты верхние сектора стен входного проема, северо-западной стены привратной башни и северо-восточной стены крепости. Кроме того, выровнена поверхность привратного участка до обнажения остатков, вероятно, пристроенного к основному комплексу укреплений привратного прохода (Астафьев 2010: 93).

Стены входного проема выложены массивными каменными блоками, аналогично облицовки крепостных стен. В результате расчистки входного проема открыт каменно-кирпичный завал, возможно, возникший в результате обвала арочного перекрытия. Завал не разбирался. В глубине прохода, практически на уровне современной поверхности, открыты два ряда фрагмента кирпичной кладки, примыкающих под тупым углом к западной стене проема. Возможно, она маркирует поворот прохода вдоль крепостной стены. На одном из блоков восточной стены входного проема сохранились две надписи арабской графикой.

К северному углу привратной башни примыкают остатки сильно разобранный на камень постройки, трапециевидной в плане, с оползанием кладок в сторону общего уклона местности. Через просвет с северо-запада

к ней примыкает еще одно помещение. Возможно, что это сооружение в комплексе с дополнительной, но еще не открытой стеной формируют первые ворота, пристроенные в более поздний период, чем строительство каменной стены крепости. Отмечается плотный глинистый затек между первыми воротами и открытым участком северо-восточной стены крепости.

По периметру городища располагается обширный могильник, разделенный топографически на отдельные группы. Была предпринята попытка пробных раскопок на участке могильника, примыкающего к современному постройкам небольшого аула. Группа надгробий в виде прямоугольных или ящикообразных выкладок располагается на восточном берегу глубокого русла сезонного ручья в 280 м юго-восточнее крепости. Небольшой раскоп был заложен непосредственно на участке степной дороги, пролежавшей через вероятные надмогильные сооружения. Ввиду сильной укатанности грунта, произведена заливка водой отведенного участка, после чего начаты работы по расчистке каменных скоплений. Открыты два скопления камней, вытянутые продольной осью по линии СЗЗ-ЮВВ и залегающих на расстоянии 1 м друг от друга.

В 2005 г. во время археологических исследований на городище местным краеведом Алкажаном Едилхановым была сдана медная монета, обнаруженная им на дневном горизонте в северо-восточном участке городища. Это именно медный пул Хорезма Джанибек-хана 750 г. х. (рис. 5: 1) Редкая находка джучидской монеты на памятнике, датированном X—XII веками, объясняется его слабой исследованностью.

Во время раскопок в Кызыл kale различные индивидуальные находки (изделия из металла, керамики, украшения) обнаружены в большом количестве (рис. 5).

Городище Кетиккала располагается в 800 м к северо-востоку от г. Форт-Шевченко. Выявлено Волго-Уральской археологической экспедицией (ВУАЭ) АН СССР под руководством Л. Л. Галкина в 1983 г. На современной поверхности фиксируются, по вертикально врытым плитам, остатки 14 каменных сооружений. Среди них выделяется фундамент крупной постройки 18×27 м, исследованной в 1984 г. ВУАЭ (Галкин 1983: 21). Городище располагается на нижней морской террасе, сложенной выходами скальных гряд и морских песчаных отложений. Площадь распространения культурного слоя с западной стороны ограничена низкими отметка-

Рис. 6. Находки с городища Кетиккала. 1 — глазурованная миска; 2 — фрагмент венчика глазурованной миски; 3 — керамический светильник; 4 — керамический глазурованный светильник; 5 — сероглиняный ляган; 6 — фрагмент штампованной керамики.

Fig. 6. Finds from Ketikkala town. 1 — glazed bowl; 2 — fragment of the rim of glazed bowl; 3 — ceramic lamp; 4 — glazed ceramic lamp; 5 — gray clay lyagan; 6 — fragment of stamped ceramics.

ми обширного песчаного пляжа, затапливаемого в периоды высокого стояния Каспийского моря.

В 2008 г., по проекту «Археологическая разведка в окрестностях Форта-Шевченко и поселков Агаш и Баутино», был разбит рекогносцировочный раскоп для выявления стратиграфии городища (Астафьев 2008: 96). Городище первоначально занимало площадь более 16 га. Границы определяются по распространению обломков глиняной посуды. В настоящее время треть его территории, в северном секторе, практически полностью разрушена песчаным карьером. Сохранилась центральная часть города, около 5 га, пред-

ставленная 3-мя или 4-мя строительными горизонтами. Здесь мощность культурных отложений составляет 2 м. Слои перекрыты песчаным надувом и слоем современного строительного мусора. Через поселение проложены четыре линии электропередач. По предварительным данным, в основании городища лежат большие землянки, позже сменявшиеся наземными постройками из обработанного камня и сырцового кирпича, а также полуземлянки с конструкцией стен из вертикально установленных плит. Культурный слой насыщен материалами XIV в. (керамика, изделия из камня, железа, меди и бронзы, стекла и монеты). Имеются сви-

Рис. 7. Городище Сарайшык. Общий вид раскопа 1992 г. (фото В.В. Плахова).

Fig. 7. Sarai Shykh town. General view of the excavation of 1992 (photo by V.V. Plakhov).

детельства существования земледелия. Керамический материал указывает на существование торговых контактов с Хорезмом, Ираном, Китаем, Азербайджаном (рис. 6). Вероятно, этот город указан на итальянских картах второй половины XIV в. Городище имело значение ключевого портового города на восточном побережье Каспия. Могильники не выявлены. В землянке №2 на глубине 70 см были найдены 8 монет. Приведем их перечень.

№1 — АР, данг. Хваризм. 744 г.х. Джанибек-хан.

№2 — АР, данг. Сарай ал-Джадид. 74[6—8] г.х. Джанибек-хан.

№3 — АР, данг. Сарай ал-Джадид. [761] г.х. Хызр-хан. Двойной удар.

№4 — АЕ, пул. Сарай ал-Джадид. Год не указан [770-е] гг.х. Анонимный.

№5 — АЕ, пул. Сарай ал-Джадид. Год не указан [770-е] гг.х. Анонимный. Как №4.

№6 — АЕ, пул. Сарай ал-Джадид. [768] г.х. Улджай-Тимур-хан.

№7 — АЕ, пул. Хваризм. [774] г.х. Анонимный.

№8 — АЕ, пул. Не атрибутирован вследствие плохого состояния монеты.

Из всех найденных в землянке монет младшими являются пулы 770-х гг.х. Несмотря на близость исследуемого средневекового города к такому мощному центру чекан-

ки монет, как Хорезм, в денежном обращении преобладают выпуски столичной области Золотой Орды. Это свидетельствует об активных торговых контактах города с Поволжьем в XIV веке и обусловлено статусом города как крупнейшего порта на Каспийском море (Петров, Калменов 2015: 22—28).

Территория Приуралья. Городище Сарайшык (Сарайджук). Расположено на правом берегу реки Жайык (Урал), в 55 км к югу от современного города Атырау. Памятник имеет площадь более 100 гектаров и датируется XI—XVI вв.

Участок городища, подвергнутый археологическому исследованию в середине 90-х гг. XX в. и в конце 2000-х годов XXI в., находится непосредственно на береговой полосе, где культурные слои Сарайшыка ежегодно размываются водами реки Урал (Промежуточный отчет... 2003: 112).

Сарайшыкское городище многослойное, и формирование его культурного слоя представляло собой сложный процесс. Город Сарайшык существовал на одном месте несколько веков и неоднократно переживал периоды расцвета и упадка. За разрушением следовало возрождение, которое обычно сопровождалось широкими перепланировками застройки. Локальные катастрофы частного характера и неизбежные жизненные изменения также оставляли след в перестройках. Городское

Рис. 8. Городище Сарайшык. Раскоп 2003 г. Ханака после расчистки.

Fig. 8. Saraiшыk town. Excavation of 2003. Khanqah after clearing.

строительство сопровождалось обычно перемещением значительных пластов земли, грунт из котлованов и ям использовался поблизости для различных строительного-хозяйственных нужд (рис. 7)¹. При многовековой жизни городища на одном месте перемещался не чистый грунт, а культурные слои более ранних эпох. В культурных слоях нередко устраивались перекопы с целью поиска строительного кирпича. Всё это создает значительные сложности для исследования при анализе различных слоев и прослоек с целью определения, с какой именно постройкой они связаны.

Следует отметить также и то обстоятельство, что уровень дневной поверхности на улицах может быть несколько выше или ниже одновременной дневной поверхности во внутренних дворах и помещениях примыкающих к улице домов. Отметки синхронной дневной поверхности порой колеблются в значительных пределах, что также вносит дополнительные сложности в процесс исследования.

Широкие площади раскопок выявляют элементы общей планировки города, позволя-

ют проследить изменения в ней, определить направления улиц, способы водоснабжения, наметить границы кварталов, жилых блоков, выявить различные типы жилых построек. Полностью раскопанные дома позволяют ставить вопрос об их назначении, о плотности и общем количестве населения, его имущественной дифференциации, а также решать и более сложные проблемы, основываясь на сопоставлении с уже исследованными частями других городов, близких по времени существования.

В связи с быстрым разрушением основного объекта — дворцового сооружения типа «хань», было проведено изучение этапов его архитектурного обустройства. В ходе исследования был выявлен первоначальный корпус основания «хань». Он имеет прямоугольную, вытянутую с юга на север форму, размерами 20×25 м, с внутренней решетчатой конструкцией, предназначенной под капитальные стены, и являлся платформой для обитаемых помещений «хань» (рис. 8). Сооружен он был из сырцовых кирпичей с толщиной стен от 80 до 160 см. Высота стен основания равнялась 200 см. Пространство между стенами основания было засыпано перемесом культурного слоя 1330—1360-х годов. Впоследствии, за счет пристроек, здание расширилось до размера 40×40 м.

¹ Выражаем особую благодарность уважаемому коллеге В.В. Плахову за предоставленную информацию и фотографию.

Рис. 9. Находки с городища Сарайшык. 1 — глазурованная кашинская миска; 2 — фрагмент облицовочной плитки; 3 — бронзовый замок; 4 — фрагменты глазурованной керамики с арабской вязью.

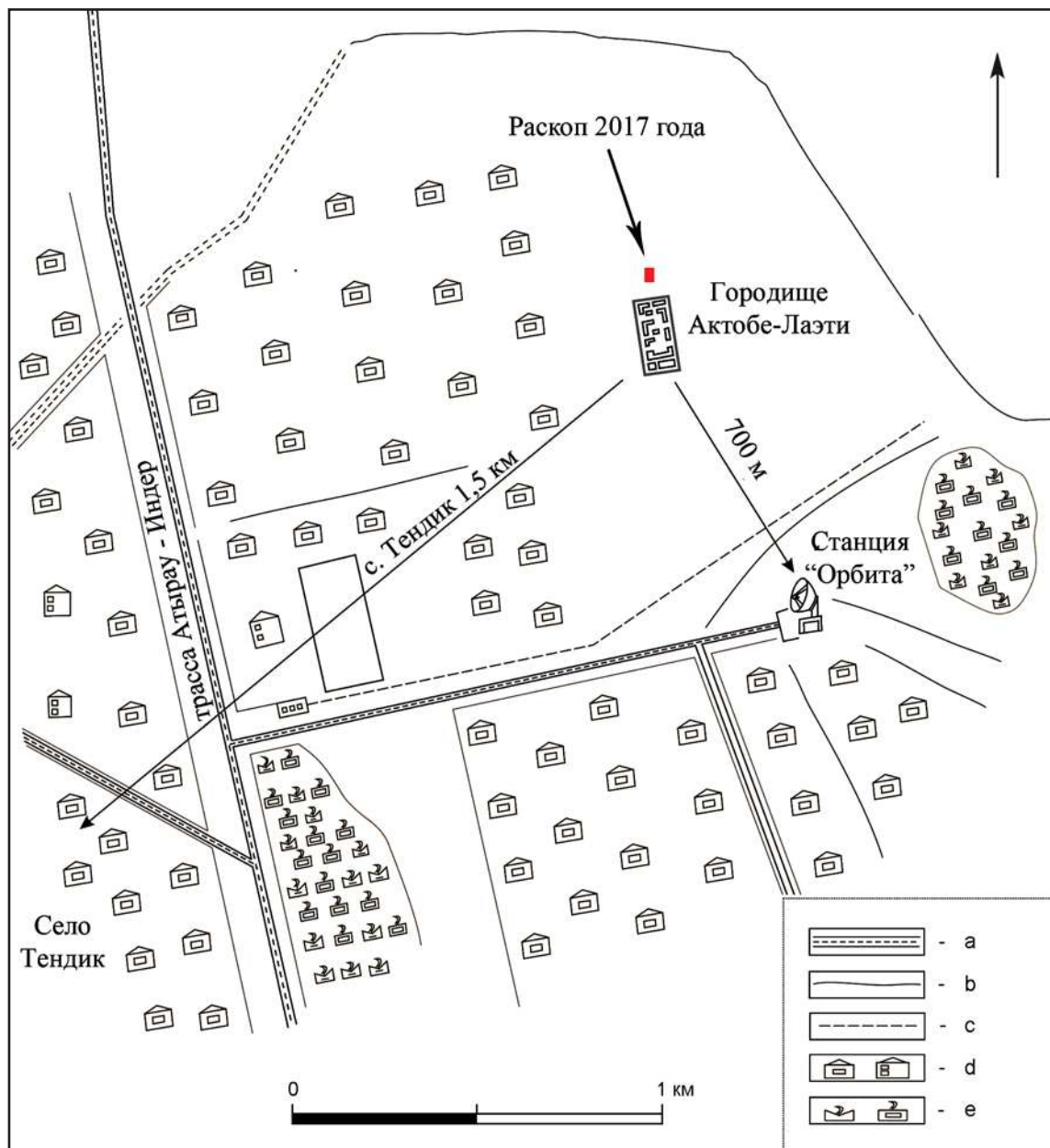
Fig. 9. Finds from Saraiшыk town. 1 — glazed Kashan bowl; 2 — facing tile fragment; 3 — bronze lock; 4 — fragments of glaze ceramics with Arabic ligature.

В результате археологических исследований на Сарайшыке получен богатый материал по городской культуре Казахстана эпохи Золотой Орды, по динамике развития торгово-экономических и культурных связей города с центрами средневековых цивилизаций Востока и Запада. В ходе раскопок на городище, помимо нумизматического материала, было найдено множество предметов быта горожан: керамические изделия (кумганы, хумчи, горшки, чигири и кувшины, светильники и тубеки, кесе, пиалы), украшенные растительным и зооморфным орнаментом и различными надписями арабски-

ми буквами. Обнаружены фрагменты трапезундских и крымских амфор, фрагменты чаш из китайского фарфора, а также большое количество изделий из кости, железа и бронзы (рис. 9). Основные этапы развития городища относятся к XI—XII вв. (домонгольский период), XIII—XIV вв. (золотоордынский период) и XV—XVI вв. (ногайский период).

Городище Лэти (Актобе). Остатки городища расположены на окраине г. Атырау, к востоку от поселка Томарлы (бывший центр совхоза «Тендык») (рис. 10). Данный археологический памятник представляет собой остатки ремесленного поселения (Афа-

Рис. 10. Ситуационный план городища Актобе-Лаэти. Условные обозначения: а — асфальтированная дорога; b — полевая дорога; c — газопровод; d — жилой массив; e — некрополь.

Fig. 10. Situation plan of the Aktobe-Laeti town. Legend: a — asphalt road; b — field road; c — gas pipeline; d — housing area; e — cemetery.

насев 1991: 85). Поселение прекратило существование, вероятно, в результате повышения уровня Каспия в начале XIV века. Оно также часто затоплялось паводковыми водами реки Урал. Поселение известно в науке под двумя названиями (Археологическая... 1960; Галкин 1976). На археологической карте Казахстана оно названо городище Актобе. Городище, площадью 200×80 метров имеет уникальную сохранность культурного слоя. Оно не повреждено поздними перекопами, так как долгое время находилось под водой.

Городище снова оказалось на суше в начале прошлого века и, естественно, стало разрушаться, вытаптываться скотом, разрушаться грунтовыми дорогами, бахчеводством. Культурный слой памятника мощностью от 15 до 60 см состоит из лёсса с обильным включением костей животных и фрагментов керамики. Из-за долгого пребывания под водой культурный слой имеет плотную структуру. Характерной особенностью памятника является относительно хорошая сохранность планировки усадеб древнего поселения, стены

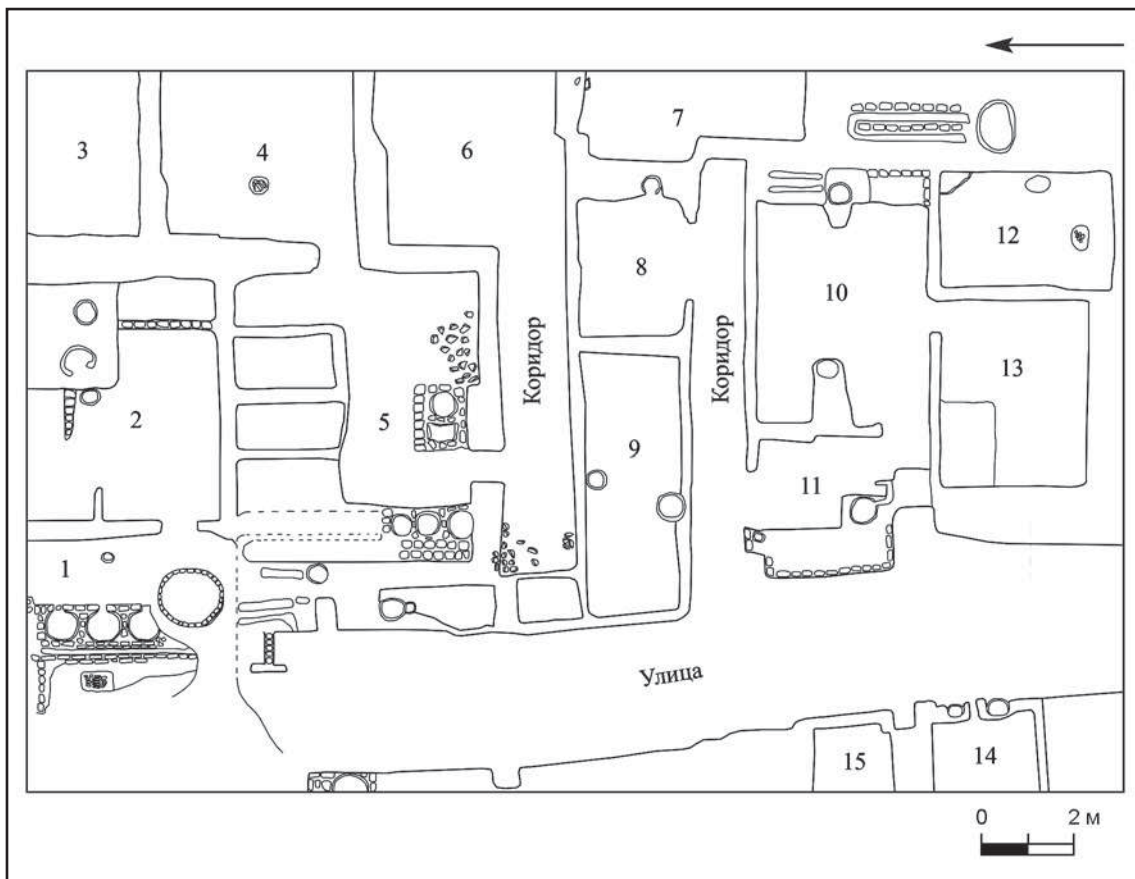

Рис. 11. Городище Актобе-Лаэти. План раскопа 2017 г.

Fig. 11. Aktobe-Laeti town. Plan of the dig of 2017.

которых отчётливо просматриваются на поверхности. Поздние одиночные захоронения не повредили целостности археологического комплекса.

Начиная с 60-х гг. XX века на городище Актобе-Лаэти проводили исследования М.С. Мерциев, Л.Л. Галкин и В.К. Афанасьев. В период с 1975 по 1991 гг. археологические раскопки городища были произведены Волго-Уральской археологической экспедицией АН СССР под руководством Л.Л. Галкина (Афанасьев, Бисенов, Галкин 1976: 75) и Западно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством З. Самашева (исполнитель В.К. Афанасьев) (Самашев 1991: 96). Несмотря на это, информация о памятнике оставалась скудной. В 2012 году было предпринято расширение раскопок предыдущих лет (Касенов 2012: 108).

В полевом сезоне 2017 г. для исследования был выбран северный участок поселения. Площадь изучаемого участка составила 300 кв. м (рис. 11). Вскрытие культурного слоя производилось «на штык» с последующей зачисткой. По номеру штыка велась шифров-

ка находок. Культурные отложения представляли собой исключительно отвалы бытового мусора — зольные прослойки и линзы, большое количество костей животных (овца/коза (преобладают), лошадь, верблюд, корова, также кости рыб), разрозненные фрагменты станковой керамики (рис. 14; 16). После зачистки верхнего горизонта по всей площади раскопа были обнаружены контуры стен построек. Во всех вскрытых помещениях имелась отопительная система — кан (рис. 12; 13). Местами четко читались золисто-сажевые прослойки. Во время зачистных работ были обнаружены следы металлообработки: по всей площади в большом количестве встречаются остатки металлических шлаков с зеленой патиной (Калменов, Касенов 2017: 148), найдена литейная форма (рис. 15).

Городище Жайык. Памятник располагается на территории г. Уральска. Он был открыт в 2001 г. во время археологических работ совместной Уральской археологической экспедицией Института археологии им. А. Маргулана и Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, а затем ис-

Рис. 12. Городище Актобе-Лаэти. Раскоп 2017 г. Помещение №4. Расчистка кана.

Fig. 12. Aktobe-Laeti town. Excavation of 2017. Room no.4. Clearing of the kang.

Рис. 13. Городище Актобе-Лаэти. Раскоп 2017 г. Помещение №3. Расположение отопительной системы в помещениях.

Fig. 13. Aktobe-Laeti town. Excavation of 2017. Room no.3. Location of the heating system in the premises.

Рис. 14. Городище Актобе-Лаэти. Раскоп 2017 г. Помещение №7. Развал хумчи.

Fig. 14. Aktobe-Laeti town. Excavation of 2017. Room no.7. Fragments of hum.

Рис. 15. Городище Актобе-Лаэти. Раскоп 2017 г. Помещение №1. Литейная форма.

Fig. 15. Aktobe-Laeti town. Excavation of 2017. Room no.1. Casting shape.

Рис. 16. Городище Актобе-Лаэти. Раскоп 2017 г. Коллекция керамических изделий.

Fig. 16. Aktobe-Laeti town. Excavation of 2017. Ceramic collection.

следовался экспедицией Института археологии им. А. Маргулана и созданного в 2002 г. Западно-Казахстанского центра истории и археологии (Байпаков, Смагулов, Ахатов 2005: 72). В разные годы на памятнике исследовательские работы проводили К. М. Байпаков, Е. Смагулов, Г. Ахатов, Д. Марыксин, М. Калменов.

В 2005 году городищу дано название «Жайык». Городище Жайык расположено на морской аккумулятивной равнине нижнехвалынского возраста, на поверхности коренного берега, образованного крупным пойменным протоком реки Чаган, который формирует притеррасную пойму. Террасы здесь полностью размыты и прослеживаются на склоне долины далеко в стороне, как выше, так и ниже по течению Урала. Далее, к руслу Урала, последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы. С юга и юга-востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон — естественные овраги. Следов каких-либо искусственных ограждений по периметру городища не обнаружено. Площадь, на которой прослеживаются явные следы застройки, составляет около 7—8 га. Сейчас это отдельно стоящие бугры высотой от 0,3 до 0,6 м, различной формы и размеров. В 2 км западнее городища, на вершине Свистун-горы распо-

лагается городской некрополь, где выделяются остатки мазаров, превратившихся в округлые в плане бугры высотой до 0,2—0,3 м, поверхность которых задернована и усыпана обломками жженого кирпича, поливными изразцами, некогда украшавшими стены и купола мемориальных построек (Байпаков, Смагулов, Ахатов 2005: 87).

Анализ письменных источников о планировке средневековых поселений позволил сделать предположение, что площадь городища Жайык может оказаться значительно большей и не ограничиваться пределами фиксации остатков фундаментов жилых и хозяйственных построек.

На территории городища выявлено несколько жилых, общественных и хозяйственных объектов. Это — кирпичеобжигательные печи, печь для обжига извести, гончарная печь, баня, жилые усадьбы, мавзолеи.

Кирпичеобжигательная печь была обнаружена в 2012 г. (Калменов 2013: 205—214). Она прямоугольная в плане, ориентирована по оси северо-восток — юго-запад (рис. 17; 18). Это второй подобный памятник на городище Жайык, аналогичный объект был исследован в 2002 году. В результате расчистки было установлено, что сохранилась только нижняя, топочная камера. От верхней, обжигательной камеры найдены только упав-

Рис. 17. Городище Жайык. Раскоп 2012 г. Кирпичеобжигательная печь.

Fig. 17. Zhaiyk town. Excavation of 2012. Brick kiln.

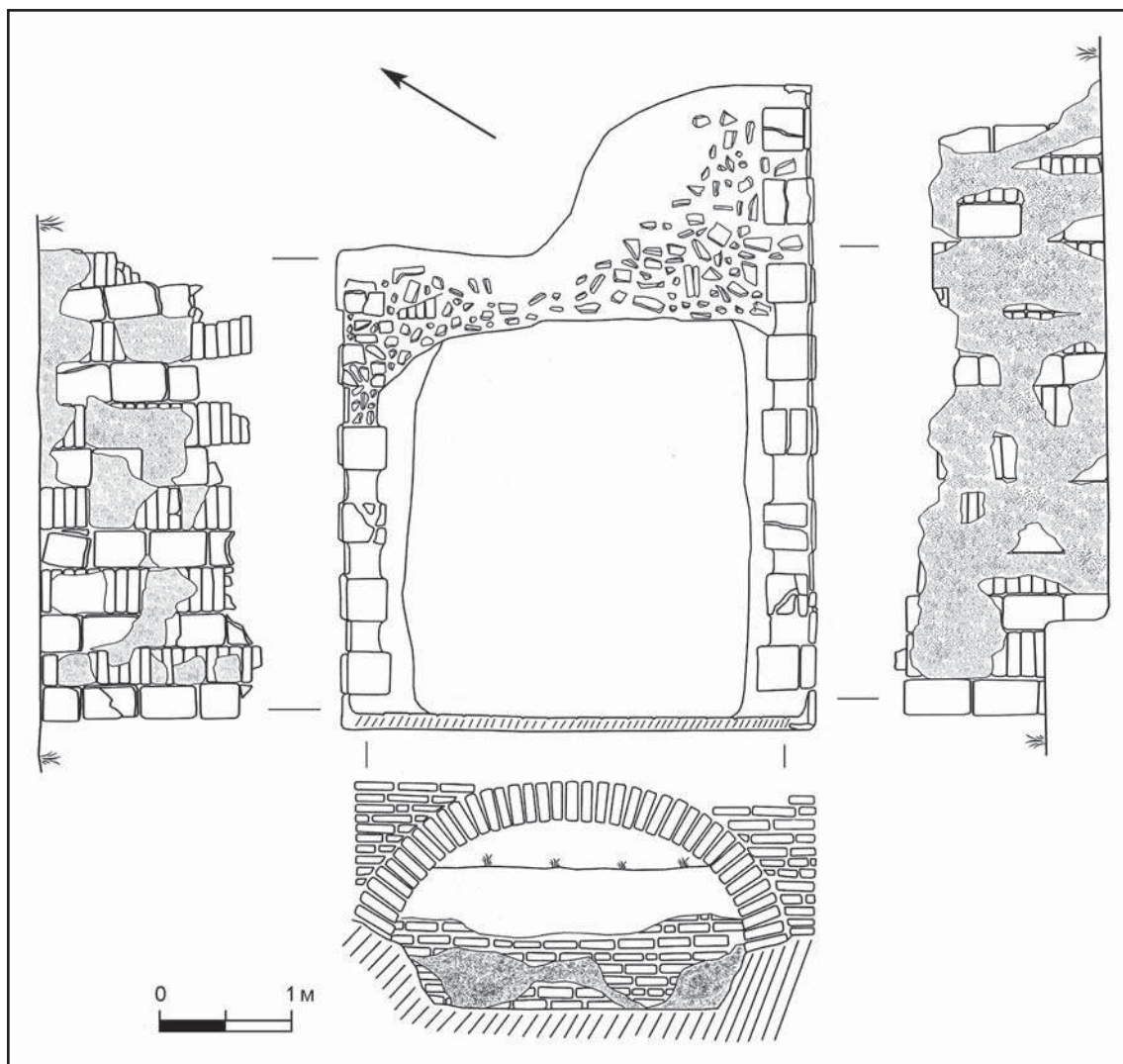

Рис. 18. Городище Жайык. План и разрезы кирпичеобжигательной печи.

Fig. 18. Zhaiyk town. Plan and sections of the brick kiln.

шие кирпичи кладки. Размеры топочной камеры: длина — 476 см, ширина — 360 см, высота — 120—150 см. Для постройки печи была выбрана верхняя надпойменная терраса реки, в которой был вырыт котлован в песке до уровня слоистой красно-коричневой глины, послужившего уровнем первого основного пола топочной камеры. Стены объекта были выложены из кирпича размерами $22 \times 23 \times 5$; $28 \times 28 \times 5$ см. Таким образом, топочная камера представляет собой котлован в материке, облицованный обожженным кирпичом. Поперек печи размещено восемь перегородок, имеющих в средней части проем, перекрытый аркой — главный топочный канал. Высота перегородок 120 см; они перекрыты горизонтальной кирпичной площадкой, имеющей над каждой секцией каналов прямоугольное отверстие — продух. Стенки и пе-

регородки сложены из кирпичей на глиняном растворе. Внутренняя поверхность стенок местами ошлакована от воздействия сильного огня, а наружные стены — сырцовые. Очевидно, печь клалась из сырцов, которые обжигались в процессе ее эксплуатации. Кирпичи в продухах поставлены в вертикальном положении, высота кладки — от 4 до 5 кирпичей. Промежуток между продухами составляет 25—32 см. В северо-восточной стене печи сохранилось 7 продухов, а в юго-западной — только 6. Размеры кирпичей на продухах: $30 \times 25 \times 6$; $30 \times 30 \times 6$ см. Северо-восточная стена печи сохранилась в длину на 476 см, в высоту — на 120—150 см, а юго-восточная — в длину на 337 см, в высоту на 105—135 см. Во избежание обрушения конструкций, южный и северо-восточный сектора печи не были расчищены до матери-

ка. Из всех арок полностью сохранилась только одна — первая арка во входной части печи. К сожалению, во время расчистки она тоже обрушилась, но впоследствии была нами восстановлена. Высота первой арки над уровнем основного пола — 145 см, ширина пролета — 250 см. Пространство между изогнутой частью арки и стеной котлована заполнено кирпичом, выложенным горизонтально от замка почти до основания. Арка с внутренней и внешней стороны покрыта толстым слоем штукатурки. Обследование внутренней части топки печи показало, что печь подвергалась многократному ремонту, это заметно по многослойной обмазке. В ходе раскопок было выявлено, что многослойное заполнение над полом обжиговой камеры состоит из трех слоев разной толщины и состава. При расчистке завала внутри топочной камеры не обнаружено каких-либо находок.

Сравнение жайыкских кирпичеобжигательных печей с печами соседних территорий дает основание предположить, что выявленные типы печей имели широкое территориальное распространение. В 2009 году на городище Жалпактал была обнаружена аналогичная кирпичеобжигательная печь. Известна такая печь, по-видимому, X в., в Мадаре (Болгария). Она врезана в землю, прямоугольная с поперечными перемычками, сквозь которые проходят два параллельных перекрытых арками топочных канала. Под обжигательной камеры здесь сложен из горизонтально расположенных кирпичей. Близкие по конструкции печи имели распространение и на территории, входившей в состав Золотой Орды. Так, печь для обжига кирпича, функционировавшая на рубеже XIII—XIV вв., была раскопана в Сарайшыке (Сарайджук). Здесь поперечные стенки были расположены настолько близко одна от другой, что их верхняя поверхность могла служить подом обжигательной камеры. Прямоугольная печь XIV в. размером 300 × 250 см вскрыта в Болгаре. Она, по-видимому, имела под из горизонтально лежащих кирпичей, опирающихся на поперечные стенки. Две печи, представляющие собой единый производственный комплекс и относящиеся к рубежу XIII—XIV вв., обнаружены в средневековом Белгороде (Кравченко 1979: 115). Они встроены в остатки античных жилых построек. Стенки их сложены из сырцов на глиняном растворе, а пространство между стенками и каменными стенами древних построек забито для теплоизоляции земель. По предположению исследователей, печи служили для обжига кирпича, черепицы, труб и прочих строительных материалов. Более крупная

прямоугольная печь (450 × 300 см), с шестью поперечными стенками, раскопана в Старом Орхее. Сквозь поперечные стенки вдоль печи здесь также проходил перекрытый широкими арками топочный канал. Как была устроена верхняя, обжигательная камера, сведений нет. Печь служила для обжига кирпичей и относится к XIV в. Печи, специально предназначенные для обжига кирпичей, в значительном количестве изучены на территории Средней Азии. Здесь известны печи, относящиеся к XI—XII и XIII—XV вв. Эти печи прямоугольные, с пятью-семью поперечными стенками внутри и проходящими сквозь них одним топочным каналом, перекрытым арками. Размер печей обычно 3,5—4 м в длину, около 3 м в ширину. Подом обжигательной камеры служили верхние горизонтальные плоскости поперечных стенок.

Таким образом, почти идентичные по конструкции печи для обжига кирпича применялись в X—XV вв. на чрезвычайно обширной территории Юго-Восточной Европы и Средней Азии. Исследователи уже отмечали, что по происхождению данный тип связан с позднеантичными традициями. При этом выясняется, что расположение печей на ровной площадке или на склоне не является принципиальным отличием, а связано с местными условиями. Если была возможность врезать печь в глинистый склон, это, конечно, повышало ее теплотехнические качества и удешевляло строительство. Но если такого склона поблизости не было, печь строили на ровном месте, значительно увеличивая толщину наружных стенок или же забутовывая пространство вокруг стенок камнями и засыпая землей. Не является принципиальным отличием и форма печи — прямоугольная или круглая, поскольку известны одинаковые по устройству печи как той, так и другой формы, а иногда и промежуточные — прямоугольные со скругленными углами. Более существенное различие — наличие или отсутствие специального пода с круглыми продухами. В тех печах, которые, несомненно, специально строились для обжига кирпичей, а не амфор или другой посуды, подом служили верхние поверхности стенок или же горизонтально лежащие на этих стенках кирпичи. Печи с круглыми продухами, проходящими сквозь сводчатый под, большей частью предназначались для обжига сосудов, а не кирпичей. Очень возможно, что такое деление не было безусловным, и кирпичи обжигали в печах обоих типов.

Восточнее печи на 100—110 см, на глубине 70—80 см было обнаружено захороне-

Рис. 19. Печь для обжига извести. Раскоп 2012 г. Городище Жайык.

Fig. 19. Zhaiyk town. Excavation of 2012. Lime kiln.

ние (Калменов, Бижанова 2015: 311—314). Дно могилы ровное, по положению костей человеческого скелета отмечается на глубине 65—78 см от современной поверхности. Скелет полностью сохранил анатомическое положение костей. Кости залегали в слое плотного песка толщиной 10—12 см. Погребенный лежал в сильно скорченной позе на левом боку, головой на восток. Судя по зарастанию черепных швов, умерший был молодым индивидом, возможно, женского пола. Позвоночный столб изогнут. Грудная клетка повернута к земле, расположение ее костей нарушено в результате разложения мягких тканей. Обе руки согнуты в локтях. Кисти рук располагаются под прямым углом к костям предплечья и обращены в сторону тела. Ноги сильно согнуты в коленях; бедренные кости располагаются почти под прямым углом к позвоночнику. В районе затылка скелета расчищен лепной глиняный сосуд биконической формы, приземистых пропорций. Верхняя часть сосуда сохранилась фрагментарно. Он имеет прямой, немного вогнутый край с оттянутым наружу бережком. Ребро-перегиб плавное. Дно плоское. Диаметр тулова по ребру 13,5 см, диаметр дна 8 см, сохранившаяся высота сосуда 12 см. В глиняном тесте имеется примесь дресвы. Толщина стенок 6 мм.

Рис. 20. Проем печи для обжига извести. Раскоп 2012 г. Городище Жайык.

Fig. 20. Zhaiyk town. Excavation of 2012. Lime kiln aperture.

Орнамент отсутствует. Возможно, захоронение было произведено без могильной ямы, по крайней мере, контуры ямы не читаются. На профилях восточной и южной бровок раскопа четко просматриваются контуры насыпи из песка. Возможно, до постройки кирпичеобжигательной печи здесь была курганообразная насыпь из песка. Захоронение во время постройки печи не было потревожено.

Печь для обжига извести. В одном из шурфов, в 50 м к западу от кирпичеобжигательной печи, на глубине 60—65 см были обнаружены контуры круглой в плане кладки из красного кирпича (Калменов 2013: 37—45) (рис. 19; 21).

Как известно, основным связующим материалом, употреблявшимся в средневековом строительстве, была известь. Она использовалась почти во всех постройках городища Жайык. Получали ее путем обжига известняка в специальных печах. Печь имела форму цилиндрической шахты с внутренним диаметром 220—230 см. После прекращения использования она была заполнена бытовым мусором. В слоях заполнения зафиксированы фрагменты керамики, кости мелкого и крупного рогатого скота, куски мела и известняка. Стенки печи сложены из кирпичей на глине. Размер кирпичей 30×30×6 см. Толщина стенок около 32 см, т.е. в один кирпич. Стенки сохранились на высоту 13 рядов кирпичей. Изнутри стенки ошлакованы от действия огня. С южной стороны в нижней части печи размещалось устье — проем стрельчатой формы, шириной 90 см, немного расширяющийся наружу (рис. 20). Чуть ниже него находится проем-продух размером 20×15 см. Дно печи глиняное, прожженное на глубину 5 см. На высоте 70—80 см от дна внутренние стен-

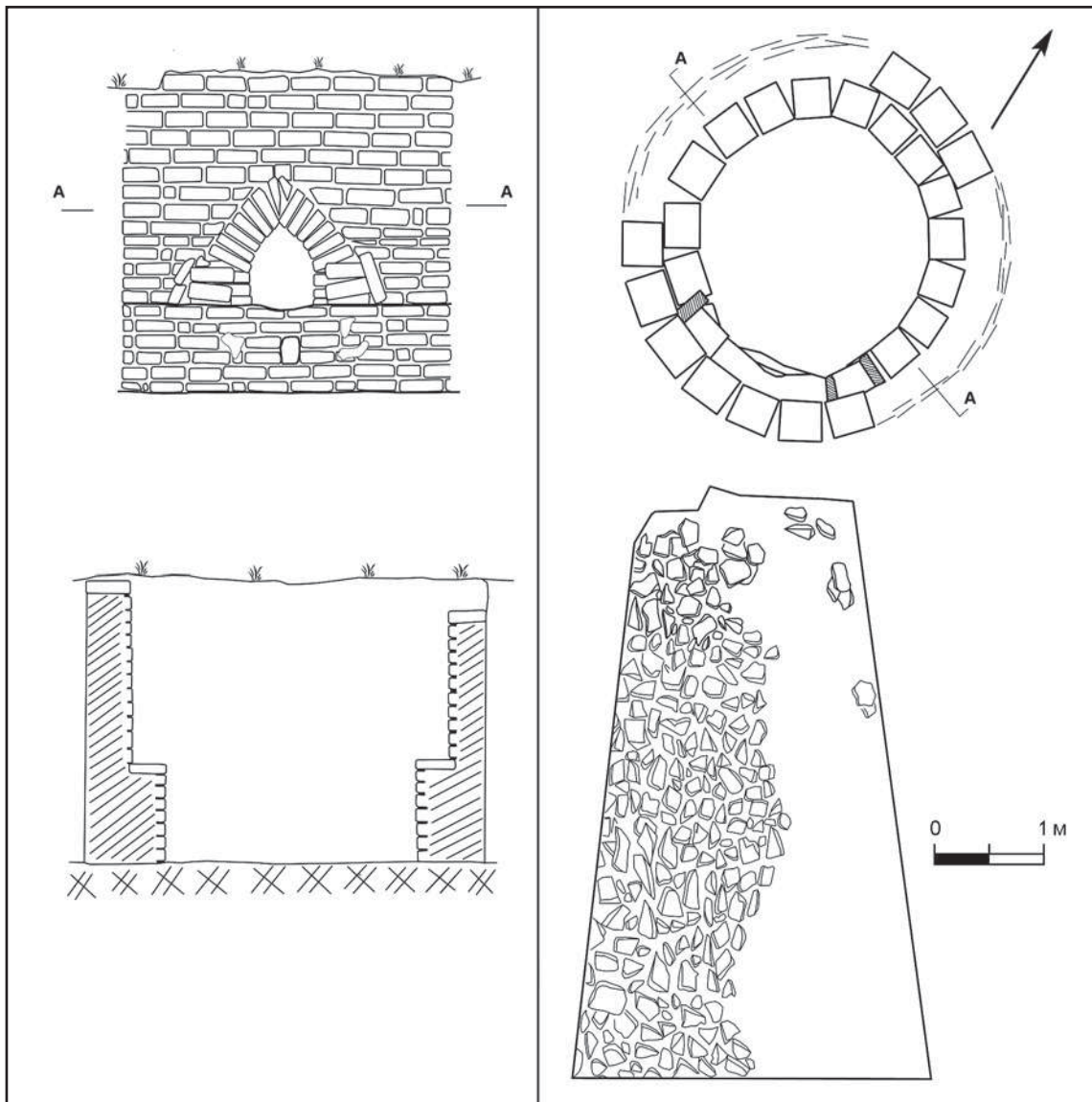

Рис. 21. План и разрезы печи для сжигания извести. Городище Жайык.

Fig. 21. Zhaiyk town. План и разрезы печи для сжигания извести.

ки имеют уступ. Стенки уступа были белыми от приставшей извести, также отмечены скопление древесной золы, осколки известняка, обожженная глина, культурные остатки. На глубине 20—25 см от уступа обнаружен толстый слой золы с мелкими фрагментами мела. В заполнении печи найдены куски ее стенок — битые жженные кирпичи на глине, а также фрагменты костей животных и красноглиняной керамики. Ниже лежал слой извести и куски известняка. Дно печи — материковая глина, прожженная на глубину 5 см. Известь имелаь и вне печи, перед ее проемом. К югу от печи был расчищен котлован глубиной 130 см. Внутренняя часть котлована была заполнена крупными кусками извести — по видимому, он служил для хранения сырья для

обжига. Для сравнения можно указать, что аналогичные известково-обжигательные печи конца XIII — начала XIV в. известны также по раскопкам в средневековых русских городах. Эти печи круглые, сложенные из камней насухо. Внутренний диаметр их около 2 м, книзу они несколько сужаются. В отдельно стоящих печах толщина стенок — почти 2 м, а в печах, врытых в холм, — всего 30 см. В нижней части печей имеется по два отверстия, расположенных одно против другого. Известь здесь выжигали из местного известняка или мела, а горючим служил древесный уголь.

Имеются ли исторические свидетельства существования города, на месте обнаруженного и обследованного городища? Для этого

нужно обратиться к картографическим материалам XIV—XVI вв. Наиболее подробной картой Золотой Орды является карта 1367 г., составленная итальянскими купцами — братьями Франческо и Доменико Пицигани. На ней, в частности, «восточнее Лайети (город на побережье Каспия между реками Едил (Волга) и Жайык (Урал)) надписью обозначен еще один город. Севернее от него нанесено изображение второго поселения без названия. Судя по большому размеру рисунка башен и развеваемому над ним флагу, это был крупный экономический и административный центр» (Егоров 1985: 134). Первый город на реке Жайык (Урал) довольно надежно может быть идентифицирован с Сарайшыком. Второй же, безымянный город к северу от Сарайшыка, вполне может быть сопоставлен с городищем Жайык. Скорее всего, название города запечатлено на другой известной карте — капитана Антония Дженкинсона, составленной в 1562 г., почти через двести лет после карты братьев Пицигани. На ней выше Сарайшыка, но более мелким значком отмечен на правом берегу реки Жайык (Урал) город под названием Шакафни (Shakafni) (Рыбаков 1974: 24—25). Вероятно, при английской транскрипции произошло искажение названия, что характерно для большинства подписей к карте. Возможно, в местном произношении город назывался Шаган (Чаган). Интересно, что это название сохранилось до сих пор у притока реки Урал.

На средневековых городищах западных регионов Казахстана было получено достаточное количество информации, на основании которой представляется возможным судить о времени возникновения и этапах развития этих поселений.

Сведения о городах и селениях средневековья имеются в письменных источниках. Как пишет Закария Казвини, город — «это два города: один посередине другого (*их-дахума фи васат ал-ухра*). Малый город (*ал-мадина ас-сугра*) называется шахристан. Он имеет стены и несколько ворот (*абваб*), а большой город (*ал-мадина ал-кубра*) окружает малый, и тоже имеет стены и ворота. Большой город со всех сторон окружают виноградники и сады, которые, в свою очередь, окружены пашнями» (Буниятов 1986: 101).

Йакут ал-Хамави, разъясняя термин *кухандиз* (*кухандиз*), пишет: «Основное значение этого термина — цитадель посередине города. Так это слово звучит на языке жителей Хорасана и Мавереннахра, но большинство рассказчиков передают это слово как *кухандиз*. Это означает “древняя крепость”, где ку-

хун— “древний”, *дуз* (*даз*) — “крепость”. Затем этот термин стал обозначать цитадели городов, но не крепости, которые стояли вне городов...». В средневековых источниках мы встречаем: *кухандиз* Балха, *кухандиз* Самарканда, *кухандиз* Бухары, следовательно, *кухандиз* возвышался в центре малого (внутреннего) города, т.е. шахристана (Буниятов 1986: 102).

Исследуемые памятники имеют продолжительную историю существования. Они возникли в X в. и просуществовали до начала XIV в. Предположительно, и в позднем средневековье территория городищ была обитаемой. Определено несколько культурно-строительных горизонтов средневековья, в известной степени отражающих политическую и экономическую жизнь городов.

В X в. на территории Хорезмийского государства отмечается бурный рост городов. Этот факт, по мнению С.П. Толстова, «является, несомненно, одним из важных проявлений общего экономического подъема страны, укрепления и расширения экономических связей... городской цивилизации Хорезма с окружающей степью и более отдаленными странами... причем ареной деятельности хорезмийских купцов становятся, во-первых, окружающие степи нынешней Туркмении и Западного Казахстана, и, во-вторых, Поволжье — Хазария и Булгария, а далее — обширный славянский мир Восточной Европы» (Толстов 1948: 182).

В торговле Хорезмийского государства с Восточной Европой мощным центром становится Ургенч, стоявший на разветвлении караванных трасс, идущих через пустынное плато Устюрт на запад, к мангистаускому (мангышлакскому) побережью, и на северо-запад, на Среднюю Волгу. Активная внешняя политика Хорезма в Поволжье в это время направлена на преобладание, в первую очередь, в торговой сфере (Калменов 2013). Это приводит к появлению в начале X в. в столице Хазарского государства, городе Итиле, крупной хорезмийской колонии. Гибель Хазарии, по мнению М.И. Артамонова, явилась следствием борьбы Хорезма и Киевской Руси за обладание Поволжьем, которое являлось важнейшим перекрестком торговых путей (Артамонов 1962: 434). После разгрома князем Святославом Хазарской столицы, Итиля (968/9 г.), большинство хазар бежали в Дербент и на Мангистау (Мангышлак). Об этом пишет арабский географ X в. Ибн-Хаукаль: «Русы разрушили всё это и разграбили всё, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртасским на реке Итили. Русы овла-

дели этой страной, и жители Итили искали убежища на острове Баб-ал-Аббаба, и укрепились на нем, а некоторые из них в страхе поселились на острове Сиякух» (Бартольд 1963: 35).

С периодом хорезмско-хазарских отношений связано два интересных исторических свидетельства, возможно, относящихся к истории Устюрта и Мангистау (Мангышлак). Мукаддаси (аль-Мақдиси), живший в X в., упоминая о границе хазар со стороны Джурджана (Ургенча), называет город *Бинкишлах* (Бартольд 1965: 479). Хорезмийский ученый-энциклопедист Абу Райхан аль-Бируни (973—1050 гг.) уточняет: «*Гора Бинхишлак, порт гузов. Долгота: заманы — 77, минуты — 0. Широта: градусы — 40, минуты — 0. Область и государства: хазары*» (Бируни 1973: 470). Упоминание аль-Бируни «порта гузов» подразумевает существование торгового поселения на берегу Каспийского моря, что согласуется со свидетельством Истахри (Ал-Истахри 1939) о наличии морского торгового сообщения у берегов Мангистау (Мангышлак). Именно с активной внешней политикой Хорезма в Поволжье целесообразно связывать возникновение на оживленной торговой трассе Кызылкалинского поселения. Наиболее вероятная дата его основания — вторая половина X в., когда Мангистау (Мангышлак), ранее принадлежавший хазарам, переходит под власть Хорезма (Ал-Масуди 1939).

Мы можем предполагать, что основателями Кызылкалы были хорезмийские ремесленники и купцы. При составлении плана городища выявлена разная ориентация жилых построек по сторонам света. Дома с однотипной ориентацией объединяются в квартальные комплексы. Сопоставление исторических свидетельств X—XII вв. о народонаселении хазарского Итили и хорезмийского Ургенча позволяет высказать мнение, что торговые города были многонациональными центрами. Формирование таких городов, как Кетиккала, Актобе-Лаэти, Жайык и Сарайшык, на основе археологических материалов, можно отнести к периоду Золотой Орды.

Вызывает удивление географическое положение Кызылкалы в стороне от известных караванных дорог Мангистауского края. Эти дороги пролегали юго-западнее Кызылкалы и выходили на побережье Тупкараганского полуострова. В некоторой степени, об этих трассах мы знаем благодаря исследованиям русских топографов, сделавших их подробные описания и карты. В подробном описании дорог в Хиву полковника Н. Ломакина (1873 год)

дорога через Кызылкалу не упоминается (Ломакин 1873: 78).

Только на карте восточного побережья Каспийского моря, составленной в 1902 г. есаулом Давидом Ливкиным, указан путь от колодцев Керт (нынешний поселок Шетпе) через развалины крепости (Кызылкала?), колодец Торьш, кочевье Тобекудык, гору Емдикорган на берег залива Кочак. В юго-восточном углу этого залива помещена пристань Старый Мангистау (Мангышлак) (Рыболовство... 1902: 72—74).

Все указанные названия сохранились и поныне с некоторыми изменениями. Изначально нам казалось, что эта схема маршрута и есть решение загадки: город Мангистау (Мангышлак) располагался на самом удобном и коротком отрезке караванного пути и в самом благоприятном в природном плане месте, обеспеченном в изобилии пресной водой. Следует только отыскать место, куда именно на морское побережье приходили караваны, и где был удобный берег для стоянки торговых судов. Как нельзя лучше все объяснялось картой Ливкина: и указание дороги на побережье Кочака, и пристань Старый Мангистау (Мангышлак).

Однако береговая линия Каспийского моря очень нестабильна из-за периодического изменения его уровня. Вопросами колебания Каспия наиболее полно в советское время занимался Институт водных проблем (Варущенко, Варущенко, Клиге 1987: 91). Исследователями были разработаны графики периодических подъемов (трансгрессия) и опусканий (регрессия) водного зеркала Каспия за последние 2—3 млн. лет. Наиболее точные данные по изменению береговой линии моря относятся к последнему тысячелетию. Эти сведения получены из комплексного изучения письменных сообщений азиатских и европейских географов, путешественников и естествоиспытателей, карт Каспийского моря, а также археологических исследований. Высотные отметки Каспийского моря приводятся в соответствии с нулем Кронштадтского футштока и сегодня определяются уровнем $-27,2$ м. С середины V до начала XIV вв. Каспийское море находилось в регрессивном состоянии с минимальной отметкой -34 м.

При подобных низких отметках с очертаниями береговой линии Северного Каспия происходят крупные изменения. Северная часть моря, из-за своей мелководности, превращается в сушу с берегом на широте полуострова Бузачи. Река Волга более чем на 100 км увеличивает свою дельту, а река

Урал формирует в северо-восточном понижении дна Каспия (Уральская бороздина) обширное пресноводное озеро, через протоки соединяющееся с морем. Озеро Уральская Бороздина отделялось от моря широким перешейком, который мог достигать в поперечнике 50 км. Исследователи называют этот перешеек «мостом», соединявшим в разные исторические периоды полуостров Бузачи и астраханское побережье. Функционирование «моста» в средние века началось в VI в., что совпадает с появлением северного ответвления Великого Шелкового пути. Однако его достоверное использование для прохождения

торговых караванов, вероятнее всего, следует связывать со временем основания в Каратауской долине торгового поселения.

Таким образом, обширный материал, который дают письменные источники, в сочетании с археологическими данными, является той базой, на основе которой мы постарались представить историю развития городской культуры региона. Богатство и типологическое разнообразие археологических памятников стали той основой, на которой возможно вести работы по систематическому археологическому изучению региона как особого историко-культурного ареала.

Литература

- Ал-Истахри. 1939. Извлечение из Китаб мессалик ал-Мемалик (Книга путей и государств). В: Волин С.П., Ромаскевич А.А., Якубовский А.Ю. (ред.). *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. 1. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Ал-Масуди. 1939. Извлечение из Китаб мурдж аз-Захаб (Золотые копи и россыпи самоцветов). В: Волин С.П., Ромаскевич А.А., Якубовский А.Ю. (ред.). *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. 1. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Астафьев А.Е. 2004. *Отчет по археологическому исследованию средневекового городища Кызылкала, расположенного на территории Мангистауской области в 2004 г.* Архив МГИКЗ. КП-551.
- Астафьев А.Е. 2005. *Отчет Мангистауского отряда Западно-Казахстанской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК о проведении археологических исследований на территории Мангистауской области в 2005 г.* Архив МГИКЗ. КП-720.
- Астафьев А.Е. 2008. *Отчет о проведении археологических исследований на земельных участках, отводимых под новые застройки на территории Форт-Шевченко и поселков Аташ и Баутино в 2008 г.* Архив МГИКЗ. КП-854.
- Астафьев А.Е. 2010. *Отчет о проведении археологических исследований средневекового городища Кызылкала (X—XIII вв.) в 2010 г.* Архив МГИКЗ. КП-1147.
- Артамонов М.И. 1962. *История хазар*. Ленинград: АН СССР.
- Археологическая... 1960: Акишев К.А. (отв. ред.). 1960. *Археологическая карта Казахстана*. Алма-Ата: АН КазССР.
- Афанасьев В.К. 1991. *Отчёт о работе Гурьевского археологического отряда на поселении Актобе-Лаэти в 1991 г.* Архив Атырауского областного историко-краеведческого музея. КП №121.
- Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Галкин Л.Л. 1976. Работы в Западном Казахстане. *АО 1975 г.*, 513—514.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. 2005. *Средневековое городище Жайык*. Алматы: Credo.
- Бартольд В.В. 1963. Общие работы по истории Средней Азии. В: Бартольд В.В. *Сочинения II (1)*. *Общие работы по истории Средней Азии; Работы по истории Кавказа и Восточной Европы*. Москва: Наука, 19—646.
- Бартольд В.В. 1965. К истории орошения Туркестана. В: Бартольд В.В. *Сочинения III. Работы по исторической географии*. Москва: Наука, 95—233.
- Бируни Абу Райхан. 1973. *Избранные сочинения*. Т. 5. *Канон Мас'уда*. Ч. 1. Кн. 1—5. Ташкент: Фан.
- Бунятов З.М. 1986. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097—1231 гг.)*. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. 1987. *Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени*. Москва: Наука.
- Галкин Л.Л. 1976. *Стеклянный медальон-амулет с поселения Актобе*. СА (2), 252—256.
- Галкин Л.Л. 1982. *Отчет о работах Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в Мангышлакской области Казахской ССР в 1982 г.* Архив ИА МОН РК. №2101.
- Галкин Л.Л. 1983. *Отчет о работе Волго-Уральской экспедиции в Северо-Восточном Прикаспии в 1983 г.* Архив ИА КН МОН РК. №2135.
- Галкин Л.Л. 1991. *Сводный Отчет Устюртского (Байтинского) отряда Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА им. А.Х. Маргулана АН КазССР о работах в 1988—1990 гг. (Приложение к отчету 1991 г.)*. Архив ИА КН МОН РК. №2335.
- Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Калменов М.Д. 2012. Археологические аспекты планировки и территориальных границ средневекового городища Кызылкала (X—XIII века). *Вестник Челябинского государственного университета* 270 (16). *История* 51. Челябинск, 5—7.
- Калменов М.Д. 2013. *Археологические памятники Устюрта и Мангистау на средневековых караванных путях (X—XIV вв.)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.
- Калменов М.Д. 2013а. Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык. *Поволжская археология* 6 (4). Казань, 205—213.
- Калменов М.Д. 2013б. Объекты строительства на городище Жайык (13—14 вв.). *Вестник МИЦАИ* 18, 37—45.
- Калменов М.Д., Бижанова А.Е. 2015. Об одном погребении, найденном на городище Жайык. В: Таиров А.Д. (отв. ред.). *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск: ЧГКМ, 311—313.
- Калменов М.Д., Касенов М.С. 2017. Археологические изыскания на городище Актобе-Лаэти (Пред-

- варительное сообщение по результатам работ 2017 г.). В: Харипова Р. (отв. ред.). *Путешествие Ибн Баттуты по Шелковому Пути: продвигаю диалог между культурами*. Материалы Международной научно-практической конференции. Атырау, 59—63.
- Касенов М. С. 2012. Средневековое городище Актобе-Лаэти. *Вестник Прикаспия. Археология, история, этнология* 3. Элиста, 42—54.
- Кравченко А. А. 1979. Производственные комплексы Белгорода XIII—XIV вв. В: Карышковский П. О. (ред.). *Античная Тира и средневековый Белгород*. Киев: Наукова думка, 115—135.
- Ломакин Н. 1873. О полуострове Мангышлак и путях оттуда в разные пункты Закаспийского края. *Записки Кавказского отдела ИРГО* 8. Тифлис, 1—42.
- Петров П. Н., Калменов М. Д. 2015. Сведения о находках джучидских монет на городищах Кетик-Кала и Кызыл-Кала в Казахстане. *Нумизматика Золотой Орды* 5, 22—27.
- Промежуточный отчет... 2003: *Промежуточный отчет ТОО «Археология» по договору с РГКП «Хан Ордалы Сарайшык» по теме «Археологические раскопки аварийно-спасательного характера на городище Сарайчик» (приложение к акту приемки-сдачи по третьему этапу)*. Алматы, 2003. Архив ИА КН МОН РК. №2600.
- Рыбаков Б. А. 1974. *Русские карты Московии XV — начала XVI века*. Москва: Наука.
- Рыболовство... 1902: *Рыболовство и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря*. В: *Отчет Военному Министру есаула Уральского Казачьего Войска о рыболовстве и тюлений промысле на восточном побережье Каспийского моря*. 1902. Санкт-Петербург.
- Самашев З. 1991. *Отчет Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1989—1991 гг.* Архив ИА КН МОН РК. №2335.
- Толстов С. П. 1948. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1947 году. *Известия АН СССР* (2), 182—190.

References

- Al-Istakhri. 1939. In Volin, S.P., Romaskevich, A.A., Iakubovskii, A. Yu. (eds.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials for the History of Turkmens and Turkmenia) I. Arabskie i persidskie istochniki. VII—XV vv. (Arab and Persian Sources of 7th—15th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Al-Masudi. 1939. In Volin, S.P., Romaskevich, A.A., Iakubovskii, A. Yu. (eds.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials for the History of Turkmens and Turkmenia) I. Arabskie i persidskie istochniki. VII—XV vv. (Arab and Persian Sources of 7th—15th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Astaf'ev, A.E. 2004. *Otchet po arkhеologicheskomu issledovaniiu srednevekovogo gorodishcha Kyzylkala, raspolozhennogo na territorii Mangistauskoi oblasti v 2004 g. (Report on Archaeological Investigation of the Medieval Hillfort of Kyzyl-Kala in the Mangystau Region in 2004)*. Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve. KP-551 (in Russian).
- Astaf'ev, A.E. 2005. *Otchet Mangistauskogo otriada Zapadno-Kazakhstanskoi arkhеologicheskoi ekspeditsii Instituta arkhеologii im. A. Kh. Margulana MON RK o provedenii arkhеologicheskikh issledovaniy na territorii Mangistauskoi oblasti v 2005 g. (Report of the Mangystau Team, Western Kazakhstan Archaeological Expedition, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, on Archaeological Research in the Territory of the Mangystau Region in 2005)*. Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve. KP-720 (in Russian).
- Astaf'ev, A.E. 2008. *Otchet o provedenii arkhеologicheskikh issledovaniy na zemel'nykh uchastkakh, otvodimykh pod novye zastroiki na territorii Fort-Shevchenko i poselkov Atash i Bautino v 2008 g. (Report on Rescue Archaeological Research on Newly Developed Territories in the Fort-Shevchenko Town and Atash and Bautino Villages in 2008)*. Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve. KP-854 (in Russian).
- Astaf'ev, A.E. 2010. *Otchet o provedenii arkhеologicheskikh issledovaniy srednevekovogo gorodishcha Kyzylkala (X—XIII vv.) v 2010 g. (Report on Archaeological Investigation of the Medieval Hillfort of Kyzyl-Kala, 10th—13th Centuries, in 2004)*. Archive of the Mangystau State Historical and Cultural Reserve. KP-1147 (in Russian).
- Artamonov, M.I. 1962. *Istoriia khazar (The Khazar History)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Akisher, K.A. (ed.). 1960. *Arkheologicheskaiia karta Kazakhstana (Archaeological Map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).
- Afanas'ev, V.K. 1991. *Otchet o rabote Gur'evskogo arkhеologicheskogo otriada na poselenii Akto-be-Laeti v 1991 g. (Report on Fieldworks of the Guryev Archaeological Team on the Akto-be-Laëti Settlement in 1991)*. Archive of the Atyrau Regional Museum of Local History. KP № 121 (in Russian).
- Afanas'ev, V.K., Bisenov, S.B., Galkin, L.L. 1976. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 g. (Archaeological Discoveries in 1975)*, 513—514 (in Russian).
- Baipakov, K.M., Smagulov, E.A., Akhatov, G.A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhayyk (Medieval Fortified Site of Zhayyk)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
- Bartold, V.V. 1963. In Bartold, V.V. *Sochineniia (Works)* 2 (1). *Obshchie raboty po istorii Srednei Azii: Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy (General Works on History of Middle Asia: Works on History of the Caucasus and Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 19—646 (in Russian).
- Bartold, V.V. 1965. In Bartold, V.V. *Sochineniia (Works)* III. *Raboty po istoricheskoi geografii (Works on Historical Geography)*. Moscow: "Nauka" Publ., 95—233 (in Russian).
- Abū Rayhān al-Bīrūnī. 1973. *Izbranye sochineniia (Selected Works)* 5. *Kanon Mas'uda (The Mas'udi Canon)*. Part 1, books 1—5. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- Buniyatov, Z.M. 1986. *Gosudarstvo Khorezmshakhov-Anushteginidov (1097—1231 gg.) (State of Khwarazm Shahs of the Anushtiginid Dynasty: 1097—1231)*. Moscow: "Nauka" Publ., "Glavnaia redaktsiia Vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
- Varushchenko, S.I., Varushchenko, A.N., Klige, R.K. 1987. *Izmene-nie rezhima Kaspiiskogo moria i besstoknykh vodoemov v paleovremeni (Changes in the Regime of the Caspian Sea and Inland Waters in Paleo Time)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Galkin, L.L. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 252—256 (in Russian).
- Galkin, L.L. 1982. *Otchet o rabotakh Volgo-Ural'skoi ekspeditsii IA AN SSSR v Mangyshlaks-koi oblasti Kazakhskoi SSR v 1982 g. (Report on the Works of the Volga-Ural Expedition, Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, in the Mangyshlak Oblast, Kazakh SSR, in 1982)*. Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Committee for Science, Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, no. 2101 (in Russian).
- Galkin, L.L. 1983. *Otchet o rabote Volgo-Ural'skoi ekspeditsii v Severo-Vostochnom Prikaspii v 1983 g. (Report on the Works of the Volga-Ural Expedition in the Northeastern Caspian Region in 1983)*. Archive of the Institute of Ar-

- chaeology named after A. Kh. Margulan, Committee for Science, Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, no. 2135 (in Russian).
- Galkin, L.L. 1991. *Svodnyi Otchet Ustiurtskogo (Baitinskogo) otriada Zapadno-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IA im. A. Kh. Margulana AN KazSSR o rabotakh v 1988—1990 gg. (Annex to 1991 Report) (Summary Report of the Ustyurt (Baita) Team)*, West Kazakhstan Archaeological Expedition, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Academy of Sciences of the Kazakh SSR, on the Fieldworks in 1988—1990. Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Committee for Science, Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, no. 2335 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kalmenov, M.D. 2012. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Chelyabinsk State University)* 270 (16). *Istoriia (History)* 51. Chelyabinsk, 5—7 (in Russian).
- Kalmenov, M.D. 2013. *Arkheologicheskie pamiatniki Ustiurta i Mangistau na srednevekovykh karavannykh putiakh (X—XIV vv.) (Archaeological Sites of Ustyurt and Mangystau on the Medieval Caravan Routes: 10th—14th Centuries)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
- Kalmenov, M.D. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4). Kazan, 205—213 (in Russian).
- Kalmenov, M.D. 2013. In *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta tsentral'noaziatskikh issledovaniy (Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies by the UNESCO Silk Road Programme (UNESCO-IICAS))* 18, 37—45 (in Russian).
- Kalmenov, M.D., Bizhanova, A.E. 2015. In Tairov, A.D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviya na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local Studies, 311—313 (in Russian).
- Kalmenov, M.D., Kasenov, M.S. 2017. In Kharipova, R. (ed.). *Puteshestvie Ibn Battuty po Shelkovomu Puti: prodvigai dialog mezhdu kul'turami (Ibn Battuta's Journey along the Silk Road: Promoting Dialogue between Cultures)*. Atyrau, 59—63 (in Russian).
- Kasenov, M.S. 2012. In *Vestnik Prikaspiya. Arkheologiya, istoriya, etnologiya (Bulletin of the Caspian Region: Archaeology, History, Ethnology)* 3. Elista, 42—54 (in Russian).
- Kravchenko, A.A. 1979. In Karyshkovskii, P.O. (ed.). *Antichnaia Tira i srednevekovyi Belgorod (Classical Tyras and Medieval Belgorod)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 115—135 (in Russian).
- Lomakin, N. 1873. In *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Bulletin of the Caucasian Department, Imperial Russian Geographic Society)* 8. Tiflis, 1—42 (in Russian).
- Petrov, P.N., Kalmenov, M.D. 2015. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 5, 22—27 (in Russian).
- Provezhutochnyi otchet TOO «Arkheologiya» po dogovoru s RGKP «Khan Ordaly Saraishyk» po teme «Arkheologicheskie raskopki avariino-spatel'nogo kharaktera na gorodishche Saraichik» (prilozhenie k aktu priemki-sdachi po tret'emu etapu)*. Almaty, 2003 (Mid-Term Report of the "Archeologia" Ltd. under Agreement with "Khan Ordaly Saraichik" Republican State Enterprise on the topic of "Rescue Archaeological Excavations on Saraichik Hillfort" (annex to Reception Certificate of the third stage). Almaty, 2003). Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Committee for Science, Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, no. 2600 (in Russian).
- Rybakov, B.A. 1974. *Russkie karty Moskovii XV — nachala XVI veka (Russian Maps of Muscovy, 15th — Early 16th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rybolovstvo i tiulenii promysel na vostochnom poberezh'e Kaspiiskogo moria (Fishing and Sealing on the East Coast of the Caspian Sea). In *Otchet Voennomu Ministru esaula Ural'skogo Kazach'ego Voiska o rybolovstve i tiulen'em promysle na vostochnom poberezh'e Kaspiiskogo moria (Report to the Minister of War from the Yesaul of the Ural Cossacs Troops on Fishing and Sealing on the East Coast of the Caspian Sea)*. 1902. Saint Petersburg (in Russian).
- Samashev, Z. 1991. *Otchet Zapadno-Kazakhstanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1989—1991 gg. (Report of the West Kazakhstan Archaeological Expedition for 1989—1991)*. Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Committee for Science, Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan, no. 2335 (in Russian).
- Tolstov, S.P. 1948. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR)* (2), 182—190 (in Russian).

Э. Д. Зиливинская

Emma Zilivinskaya. Doctor of Historical Sciences.
N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences¹.

Зиливинская Эмма Давидовна. Доктор исторических наук.
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской Академии наук.

E-mail: eziliv@mail.ru

Address: ¹ Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119991, Russian
Federation

Новые исследования на золотоордынских поселениях Западного Казахстана

Keywords: Western Kazakhstan, Middle Ages, Golden Horde, settlements, manors, mosques, mausoleums, production complexes

Ключевые слова: Западный Казахстан, средневековье, Золотая Орда, поселения, усадьбы, мечеть, мавзолеи, производственные комплексы

E. D. Zilivinskaya

New Research in the Golden Horde Settlements of Western Kazakhstan

The article deals with the results of work on the ancient towns of Zhaiyk and Zhalpaktal in Western Kazakhstan. The ancient settlement of Zhaiyk is located not far from the city of Uralsk. Since 2000, there have been studied large estates, a public bath with underground heating and production complexes: an oven for baking brick and a furnace for calcining lime. Two large mausoleums of burnt bricks, decorated with glazed tiles, were found on the necropolis. In 2013, a funerary complex consisting of a tower mausoleum and small funerary structures were excavated on the necropolis.

A small rural mosque with a minaret was investigated at the settlement of Zhalpaktal. Excavations of a large farmstead showed that life on the settlement lasted long enough. First, pit-houses were used for dwelling. Later, a large house with many rooms and walls of raw brick was built in their place.

Э. Д. Зиливинская

Новые исследования на золотоордынских поселениях Западного Казахстана

В статье рассматриваются результаты работ на городищах Жайык и Жалпактал в Западном Казахстане. Городище Жайык расположено недалеко от города Уральска. С 2000 г. здесь исследованы крупные усадьбы, общественная баня с подпольным отоплением и производственные комплексы: печь для обжига кирпича и печь для отжига извести. На некрополе вскрыты два крупных мавзолея из обожженного кирпича, декорированных поливными изразцами. В 2013 г. на некрополе был исследован сложный погребальный комплекс, состоявший из круглого в плане башенного мавзолея и малых погребальных конструкций.

На городище Жалпактал исследована небольшая сельская мечеть с минаретом. Раскопки крупной усадьбы показали, что жизнь на поселении продолжалась достаточно долго. Сначала в качестве жилищ использовались полуземлянки. Потом на их месте был построен большой многоквартирный дом, стены которого сложены из сырцового кирпича.

Золотая Орда, часть последней в истории мировой империи, созданной кочевниками, простиралась на огромной территории от Восточной Сибири до Дуная и от низовьев Амударьи до Волго-Камья. В состав государства вошли регионы с различным культурно-историческим развитием. Это были традиционно оседлые области, такие как Левобережный Хорезм, Южный Казахстан,

Северный Кавказ, Крым, Пруто-Днестровское междуречье и Волжская Болгария, но большую часть территории занимали пустынные, степные и лесостепные пространства Северного и Западного Казахстана, Волго-Уральского междуречья, Поволжья, Подонья и Приднепровья (Дешт-и-Кипчак). Степные районы были населены народами, ведущими кочевой и полукочевой образ жизни.

ни, и там почти не существовало городов в домонгольский период. К началу XIV в. ситуация кардинально меняется, и во всем степном поясе возникают многочисленные города и поселения. Наибольшая плотность их наблюдается в центре государства, в Нижнем Поволжье, где вдоль речных артерий существует сплошная зона оседлости.

Западный Казахстан является не самым урбанизированным регионом Золотой Орды. В.Л. Егоров характеризует Волго-Уральское междуречье как полупустынное и степное пространство, более пригодное для ведения хозяйства кочевого типа. В этой части государства было немного оседлого населения, и оно было сосредоточено исключительно на окраинах междуречья, вдоль русел рек — Волги и Урала (Егоров 1985: 123). На карте 1985 г. исследователь отмечает только два городища в нижнем течении Урала (Жайык) — Тендыкское и Сарайчик. Такие представления о заселении Западного Казахстана в золотоордынский период сохранились до начала 2000-х годов.

В 2001 г. была организована совместная Уральская археологическая экспедиция, которая включала в себя специалистов Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, а затем созданного в 2002 г. Западно-Казахстанского областного центра археологии и истории. В результате работ экспедиции было открыто несколько новых, не известных до сих пор поселенческих памятников.

Крупное золотоордынское городище Жайык расположено недалеко от г. Уральска. В этом месте изображен населенный пункт на некоторых картах XIV—XVI вв. На карте братьев Пицигани 1367 г. на берегах р. Урал располагаются три города. В устье реки, на берегу Каспийского моря обозначен город, название которого, по мнению казахстанских исследователей, читается как Лаэти¹ (Байпаков и др. 2012: 118; Сдыков 2014: 29), и дальше, выше по течению еще два безымянных населенных пункта. В устье Урала находится городище Актобе, в 50 км от него — остатки города Сарайчик. Второй безымянный город, к северу от Сарайчика, на правом берегу р. Урал, может быть соотнесен с городищем Жайык (Байпаков и др. 2012: 118; Сдыков 2014: 22). Возможно, Жайык изображен на известной карте 1562 г. капитана

Антония Дженкинсона, в основе которой лежит более ранняя карта 1497 г. (Рыбаков 1974: 23—24). На ней выше Сарайчика, на правом берегу р. Яик, мелким значком обозначен г. Шакафни (Шакашик). Его также можно связать с городищем Жайык (Байпаков и др. 2012: 118; Сдыков 2014: 23).

Городище Жайык находится в 12 км к югу от г. Уральска в речной пойме. С юга и востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон — естественные овраги (рис. 1). Площадь, на которой прослежены остатки сооружений, составляет около 8 га. Наиболее крупные постройки представляют собой холмики различной формы и размера высотой 0,3—0,6 м. В 2 км западнее городища находится некрополь города. Он расположен на Свистун-горе, которая в этом месте имеет вид широкого плато и к востоку от реки Урал оканчивается так называемыми Меловыми Горками. Здесь видны остатки мавзолеев из сырцового и обожженного кирпича.

В начале 2000-х гг. были проведены широкомасштабные раскопки в различных частях городища. Результаты исследований Жайыка были опубликованы в виде монографии (Байпаков и др. 2005).

Исследованы несколько крупных усадеб, которые составляли жилую застройку города. Главные дома четырех усадеб были раскопаны полностью или частично. Все они построены из сырцового кирпича и имели различную планировку.

Прямоугольное в плане здание «Малой усадьбы» №1 состояло из двух секций, в каждой из которых было три комнаты (рис. 2: 1; 3). В северной части находились прихожие, далее располагались жилые комнаты с суфами, канами и печкам, самыми южными в ряду были небольшие комнаты, служившие кладовками. Помещения в секциях соединялись скользящими проходами вдоль центральной стены, разделяющей здание. Здание явно построено по единому плану, секции зеркально симметричны, некоторые различия наблюдаются только в интерьере комнат.

«Большая усадьба» №2 состояла из трех комнат, примыкавших друг к другу в меридиональном направлении (рис. 2: 2). Дом усадьбы №3 представлял собой сильно вытянутую в широтном направлении постройку (рис. 2: 3). Она раскопана частично, поэтому планировку ее можно определить только в общих чертах. В ней выделяются два блока помещений, симметричных относительно меридиональной оси. Между ними находится обширный внутренний двор, в котором, возмож-

¹ С этим прочтением не согласен И.В. Волков (устное сообщение).

Рис. 1. Городище Жайык, аэрофотосъемка.

Fig. 1. Zhaiyk town, aerial photography.

но, несколько позже, была отделена восточная часть, и были устроены хозяйственные помещения. Усадьба №4 представляла собой обширный (30×30 м) комплекс, состоящий из 13 помещений, которые относятся к двум или более строительным периодам (рис. 2: 4). Структура всего здания в целом достаточно произвольна, однако отдельные его части имеют вполне четкий законченный план (Байпаков и др. 2005: 72—85). Исследование жилой застройки позволяет сделать заключение, что Жайык являлся типичным золотоордынским городом с усадебной планировкой.

Среди общественных сооружений частично раскопана большая баня-хаммам с подпольным отоплением (рис. 4). Баня имела крестообразную планировку, что свидетельствует о том, что она предназначена для жилищных слоев населения. Такие бани являются неперемным элементом развитых урбанистических центров.

На некрополе были вскрыты два крупных мавзолея из обожженного кирпича, декорированных поливными изразцами (Байпаков и др. 2005: 92—111), получившие названия Малый и Большой мавзолей. Малый мавзолей был прямоугольным в плане, размерами 9,0×12,0 м, двухкамерным (рис. 5: 1). С юго-западной стороны находилось прямоугольное в плане (5,5×3,5 м) помещение №1, пол которого выложен квадратным обожженным кирпичом на известковом растворе, а вдоль меридиональных стен находились суфы. Проход в северо-восточной стене вел в помеще-

ние усыпальницы (№2). Оно было квадратным в плане размерами 5,5×5,5 м. Пол помещения выложен жжеными кирпичами в два слоя. Нижний слой состоял из квадратных кирпичей. На него была положена вымостка из шестиугольных кирпичных плит в обрамлении из квадратных кирпичей. В северной части находилась яма единственного погребения с кирпичным склепом. Авторы раскопок совершенно верно интерпретируют эту постройку как фасадный, продольно-осевой двухкамерный мавзолей (Байпаков и др. 2005: 92—95), однако, трудно согласиться с утверждением, что он был перекрыт двумя разновеликими куполами. Несомненно, купол был сделан над квадратной в плане усыпальницей, прямоугольное южное помещение, вероятнее всего, имело сводчатое перекрытие.

Основной объем здания Большого мавзолея был прямоугольным в плане, вытянутым вдоль меридиональной оси (рис. 5: 2). Размеры его 12,85×19,5 м. Стены его были сложены из обожженного кирпича панцирной кладкой. Некоторые детали стен, в частности, контрфорсы, были сырцовыми. Толщина стен достигала 2,5 м. Южная стена мавзолея выступала на 2 м с восточной и западной сторон относительно плоскости меридиональных стен. Возможно, эти выступы служили основанием башен, оформляющих с боков портал здания. Обширный портал примыкал к основному объему с юга. Пилоны его имели длину 4 м и образовывали айван шириной 6,7 м. Портал был облицован глазурован-

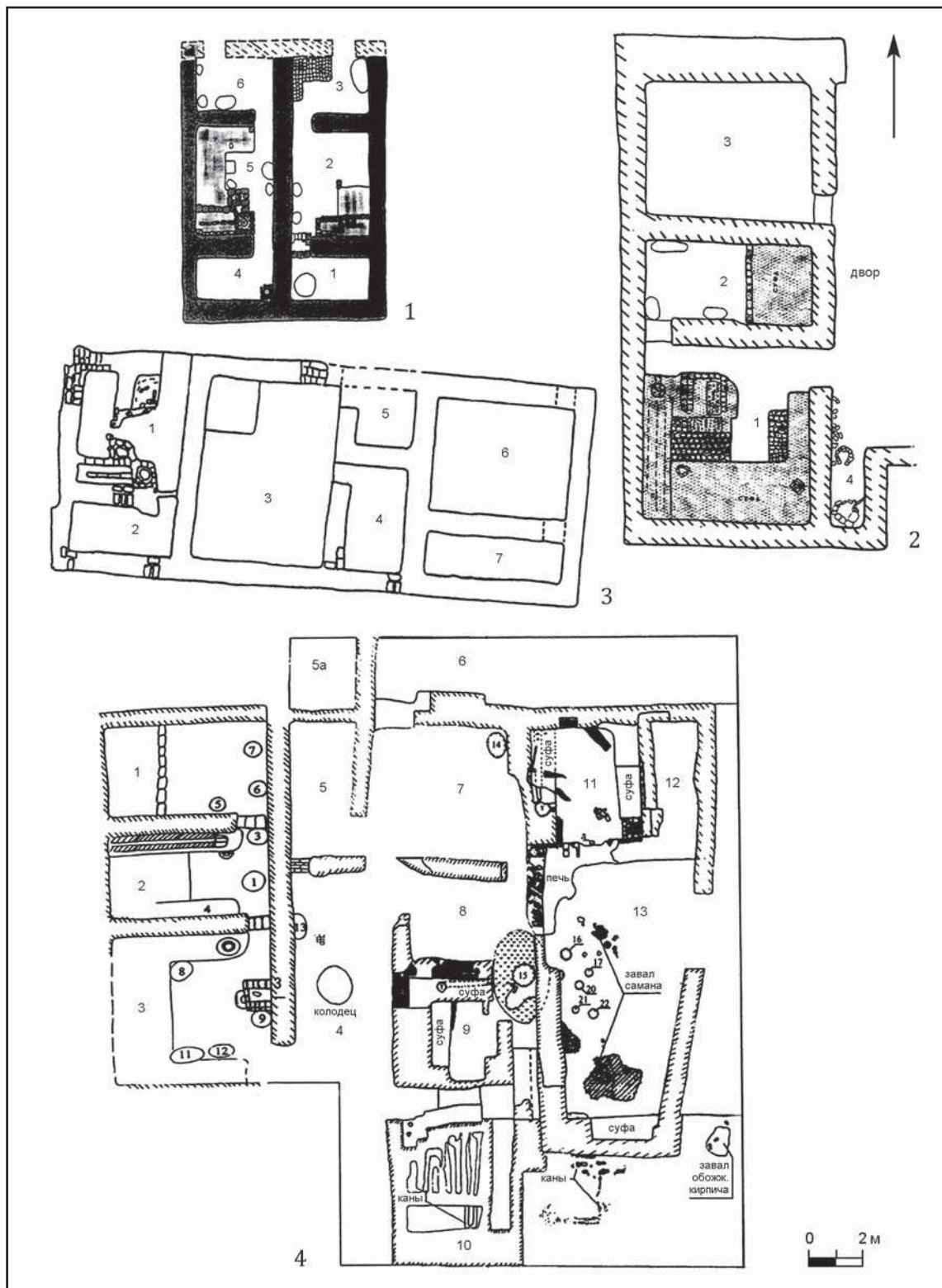

Рис. 2. Усадьбы городища Жайык: 1 — №1; 2 — №2; 3 — №3; 4 — №4 (по Байпаков и др. 2005: рис. 2—5).

Fig. 2. Manors of Zhaiyk town: 1 — no. 1; 2 — no. 2; 3 — no. 3; 4 — no. 4 (after Байпаков и др. 2005: рис. 2—5).

ными майоликовыми плитками с подглазурной росписью белым, голубым и бирюзовым цветами (рис. 5: 5—6). Орнаменты — растительные и геометрические. К северу от порта-

ла располагалось прямоугольное (8,8×4,4 м) в плане помещение зиорат-ханы. Вдоль меридиональных стен были сделаны суфы шириной 2,2 м и высотой 45—50 см. Среднюю

Рис. 3. Жайык. Малая усадьба (№1).

Fig. 3. Zhaiyk. Small manor (no.1).

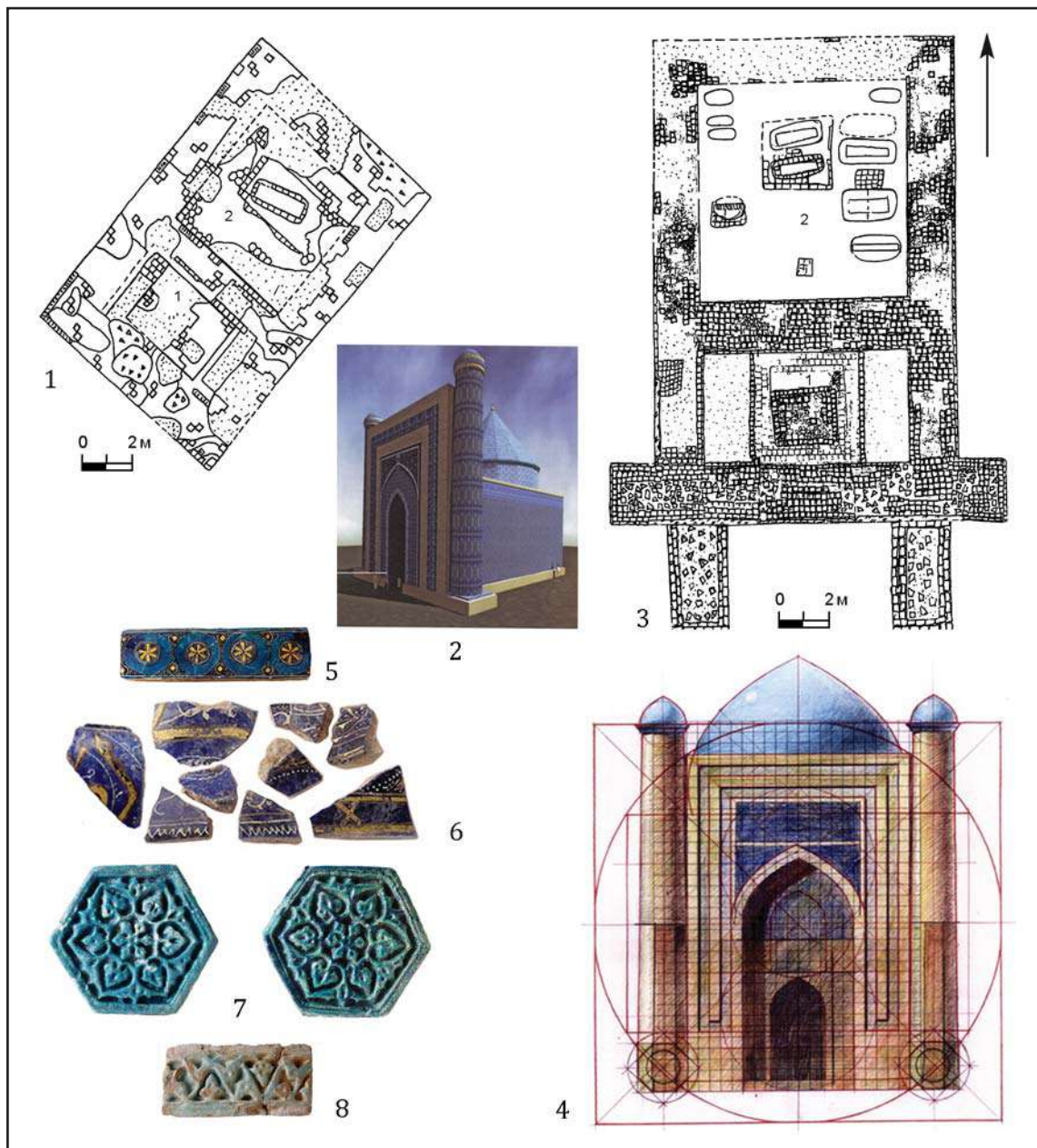
Рис. 4. Жайык. Баня, подпольное отопление.

Fig. 4. Zhaiyk. Bath, underfloor heating.

часть помещения занимало возвышение, сложенное по краю из обожженного кирпича и забутованое в середине землей и строительным мусором. Его размеры 2,75×2,2 м. Пол помещения с двух сторон от подиума был вы-

ложен голубыми поливными плитками шестиугольной формы.

Гур-хана, расположенная в северной части, имела размеры 8,8×8,8 м. Пол ее вымощен кирпичом, но впоследствии вымостка

Рис. 5. Мавзолеи Жайыка: 1 — Малый мавзолей, план (по Байпаков и др. 2005: 155); 2 — Малый мавзолей, реконструкция (по Сдыков 2014: рис. 5); 3 — Большой мавзолей, план (по Байпаков и др. 2005: 157); 4 — Большой мавзолей, реконструкция (по Сдыков 2014: рис. 6); 5—8 — изразцы (по Байпаков и др. 2005: фото 59).

Fig. 5. Mausoleums of Zhaiyk: 1 — Small mausoleum, a plan (after Байпаков и др. 2005: 155); 2 — Small mausoleum, reconstruction (after Сдыков 2014: рис. 5); 3 — Large mausoleum, a plan (after Байпаков и др. 2005: 157); 4 — Great mausoleum, reconstruction (after Сдыков 2014: рис. 6); 5—8 — tiles (after Байпаков и др. 2005: фото 59).

была разобрана. Перед дверным проемом, в 1 м от него, была обнаружена сложная из обожженного кирпича на известковом растворе тумба размерами 65×65×50 см. Эта тумба более всего напоминает базу колонны, но наличие ее в купольном помещении необъяснимо. Стены помещения были украшены панно из поливных изразцов синего и бирюзового цветов с надглазурной росписью и позолотой. Остальная их плоскость была ошту-

катурена и расписана полихромной росписью по белому фону. В центральной части гурханы находилась мастаба, под которой совершены два основных захоронения в мавзолее. Всего здесь было обнаружено 11 погребений, причем с правой (восточной) стороны находились взрослые погребения, а с левой (западной) — детские. Такой состав захоронений привел авторов раскопок к выводу, что этот мавзолей являлся семейной усыпаль-

Рис. 6. Жайык. Печь для обжига кирпича.

Fig. 6. Zhaiyk. Baking oven for bricks.

ницей представителей какого-то знатного рода (Байпаков и др. 2005: 103—104).

Авторы раскопок неоднократно определяют эту постройку как «фасадный двухкамерный мавзолей» (Байпаков и др. 2005: 102, 104, 111). Однако, судя по плану, этот мавзолей является порталным, так как в южной его части присутствуют мощные, выступающие пилоны портала. Также вызывает сомнение наличие над зиорат-ханой купольного перекрытия (Байпаков и др. 2005: 98, 103). Вероятнее, что оно было сводчатым.

В 2012 г. решением акима города Уральска Западно-Казахстанскому областному центру истории и археологии был передан земельный участок для организации музея-заповедника под открытым небом «Городище Жайык». В связи с этим решением были проведены охранно-оградительные мероприятия. При въезде на городище установлена стелу-указатель. Исследования Жайыка продолжаются и в настоящее время.

В 2012—2013 гг. экспедицией Западно-Казахстанского центра истории и археологии раскопаны производственные комплексы: горн для обжига кирпича и печь для отжига извести. Кирпичеобжигательная печь имела

типичную для таких сооружений конструкцию (Калменов 2013; 2014: 69—73). Она была двухкамерной, имела прямоугольную форму, размеры 476×360 см. Сохранилась топочная камера печи, заглубленная в землю (рис. 6). Для ее сооружения был выкопан котлован, стенки которого облицованы сырцовыми кирпичами. Перекрытие топочной камеры опиралось на восемь арочных перегородок, сложенных поперек оси сооружения. Высота их составляла 120 см. Подобные печи известны на многих золотоордынских памятниках.

Еще одним производственным сооружением является печь для обжига известняка и получения извести (Калменов 2014: 75—77). Печь имела вид цилиндрической шахты диаметром 2,2—2,3 м (рис. 7). Стенки ее были выложены обожженным кирпичом на глиняном растворе. На высоте 70—80 см от дна стенки имели уступ. С южной стороны в нижней части печи находилось отверстие стрельчатой формы. Печи такой конструкции известны как на Руси, так и в городах Золотой Орды, в частности, в Старом Орхее и Белгороде (Чеботаренко, Бырня 1958: 47—49; Кравченко 1979: 130).

Рис. 7. Жайык. Печь для отжига извести.

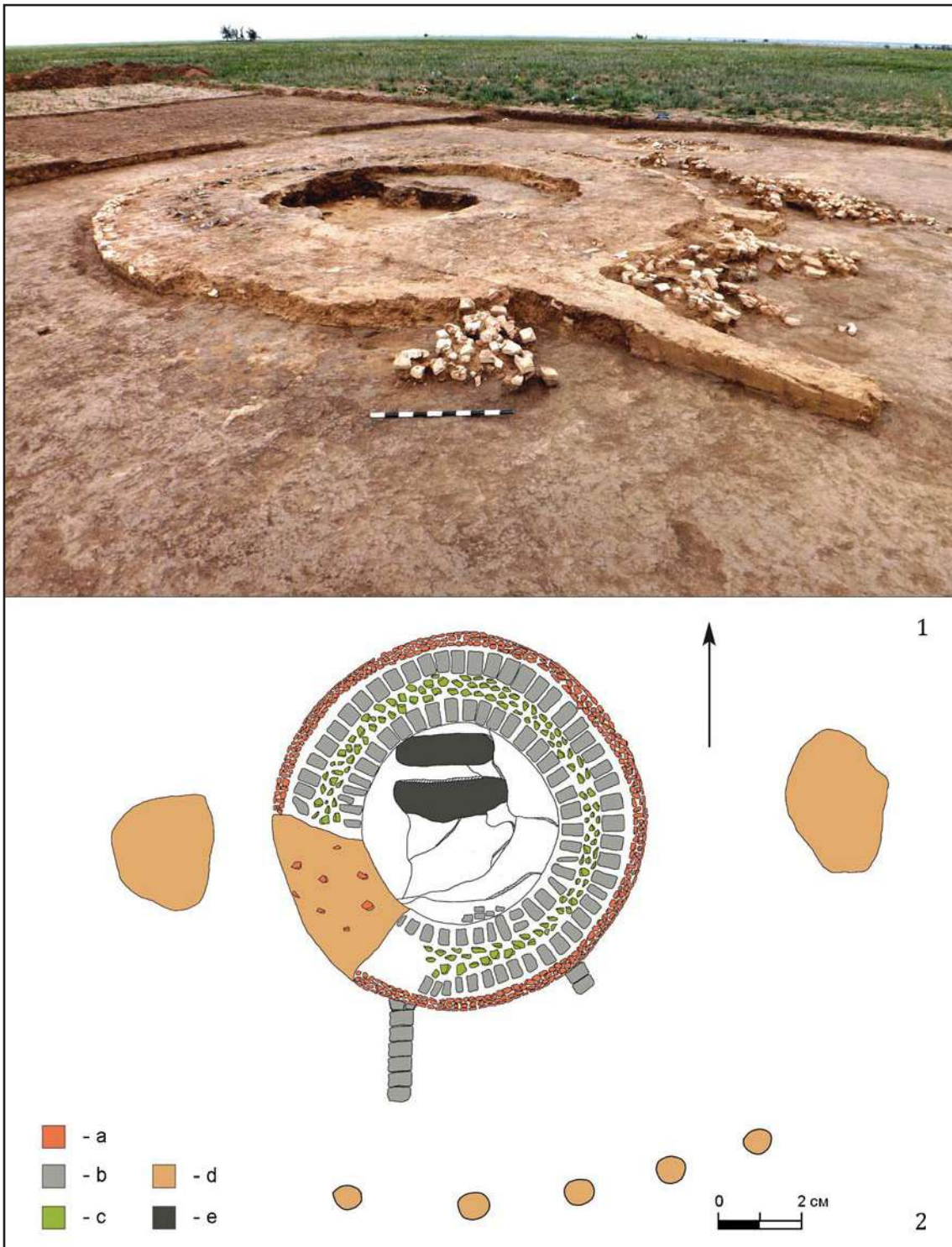
Fig. 7. Zhaiyk. Lime annealing furnace.

Интересный археологический комплекс раскопан в 2013 г. на некрополе городища (Зиливинская и др. 2016). Еще в 2000-х гг. здесь было расчищено основание круглого в плане сооружения из сырцового кирпича. Назначение его определялось как «башня» (Байпаков и др. 2012: цвет. вклейка). Однако, единственный вид башни, который может быть в золотоордынском городе — это минарет. Никаких сторожевых башен в это время не строилось. Минаретом данное сооружение также быть не может, так как рядом с ним нет мечети или какого-либо культового сооружения. Кроме того, внутри минарета должна быть винтовая лестница, ведущая наверх, чего не было в данном сооружении.

До раскопок объект представлял собой грунтовую насыпь диаметром 15 м и высотой 0,5 м. После снятия верхнего горизонта были обнаружены контуры круглого сооружения. Толщина стен 2,20—2,25 м. Конструктивно стены сооружения представляли собой комбинированную кладку из жженого и сырцового кирпича, а в промежутке между ними присутствует забутовка из шлака и сырца (рис. 8: 1, 2). В ходе расчистки стало известно, что в архитектурной конструкции памятника со-

хранились лишь нижние ярусы кирпичной кладки высотой 3—4 слоя. Целые кирпичи в кладке не прослеживались, а по внешнему периметру шла кладка из мелких обломков шириной 30—40 см. Следующий ряд кладки был из сырцового кирпича прямоугольной формы. Из сырцов состоял и внутренний ряд кладки, обращенный в помещение здания. Между рядами сырцов находился промежуток, который был забутован обломками шлака и глиной.

В центре сооружения после снятия верхнего горизонта четко просматривались контуры круглой в плане камеры. В южном секторе сооружения обнаружены остатки сырцовой пристройки. От стены здания в направлении ЮВ и ЮЗ отходят две стенки из сырцового кирпича в один ряд. Расстояние между стенками 4,7 м. Западная стенка сохранилась на длину около 2 м, восточная — всего на 60 см. Между стенками находился плотный завал из жженого кирпича и сырца, поверхность которого располагалась на одном уровне. Предполагается, что это остатки пандуса, который был сделан перед входом в сооружение. Подобный пандус был сделан перед входом в многогранный башенный мавзолей в урочище Кривая Лука в Нижнем Поволжье

Рис. 8. Жайык. Круглый мавзолей: 1 — вид с юго-востока; 2 — план. Условные обозначения: а — обожженные кирпичи; b — сырцовые кирпичи; с — шлаковая забутовка; d — ямы, перекопы, углубления; e — погребальная яма.

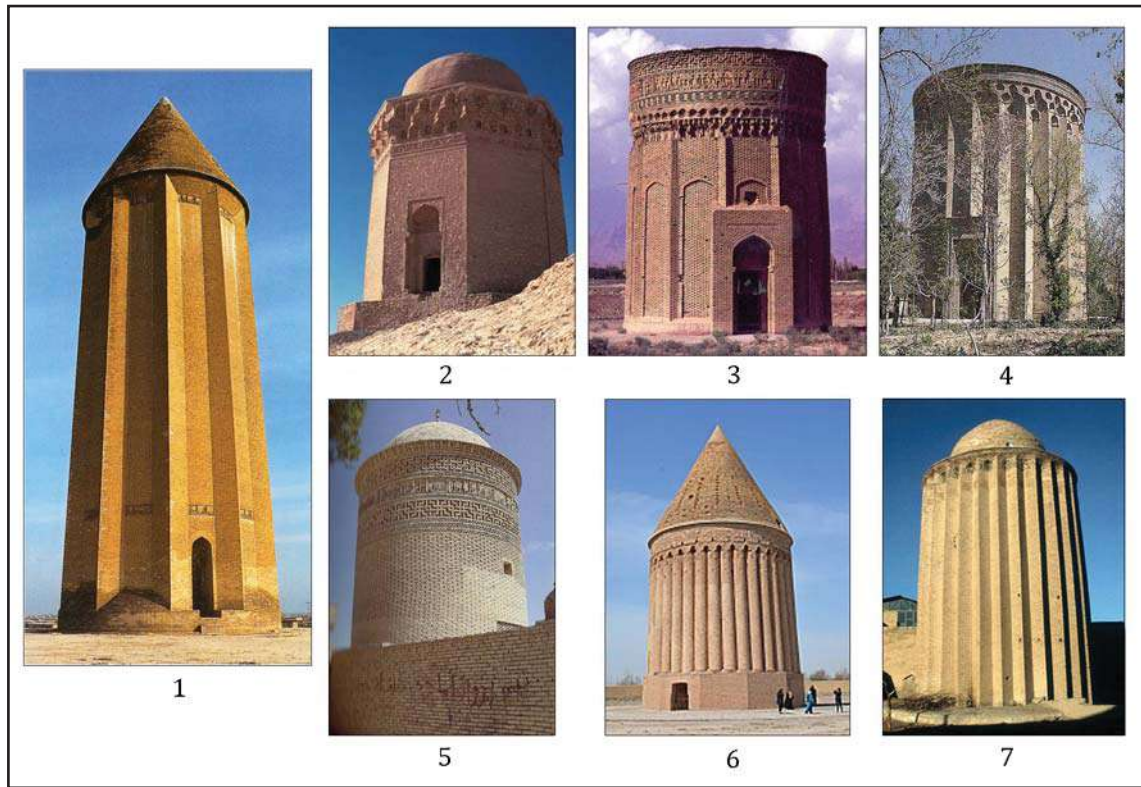
Fig. 8. Zhaiyk. Round mausoleum: 1 — view from the south-east; 2 — the plan. Legend: a — burnt bricks; b — raw bricks; c — slag filling; d — pits, excavation, deepening; e — burial pit.

(Дворниченко, Зиливинская 2005: 283; Зиливинская 2009: 121; 2014: 116).

Внутри помещения сооружения было полностью завалено обломками сырцов и обожженных кирпичей. После расчистки завала

помещение приобрело правильную круглую форму диаметром 5,10 м. В середине помещения, на глубине 70 см, были обнаружены кости нижней части человеческого скелета, лежащие не в анатомическом порядке. Дно мо-

Рис. 9. Башенные мавзолеи Ирана: 1 — Гунбад-и Кабус (1006—1007); 2 — Гунбад-и Али (1056 г.) в Йазде; 3 — Масум Заде в Мехмандасте близ Дамгана; 4 — Тугрил-бека (1136 г.) в Рее; 5 — Пир-и Аламдара (1026 г.) в Дамгане; 6 — мавзолей в Радкане (1281 г.); 7 — мавзолей в Бестаме (XIII—XIV вв.) (по Stierlin 2012: 40—41).

Fig. 9. Tower mausoleums of Iran: 1 — Gunbad-i Kabus (1006—1007); 2 — Gunbad-i Ali (1056) in Yazd; 3 — Masum Zadeh in Mehmandast near Damgan; 4 — Tugril-bek (1136) in Rhea; 5 — Pir-i Alamdar (1026) in Damgan; 6 — mausoleum in Radkan (1281); 7—mausoleum in Bestam (13th—14th centuries) (after Stierlin 2012: 40—41).

гилы по нахождению костей человеческого скелета отмечается на глубине 125 см от современной поверхности. В ходе расчистки обнаружены два человеческих черепа и кости скелета, которые были разбросаны по всему периметру погребальной камеры. Еще один череп был найден снаружи здания.

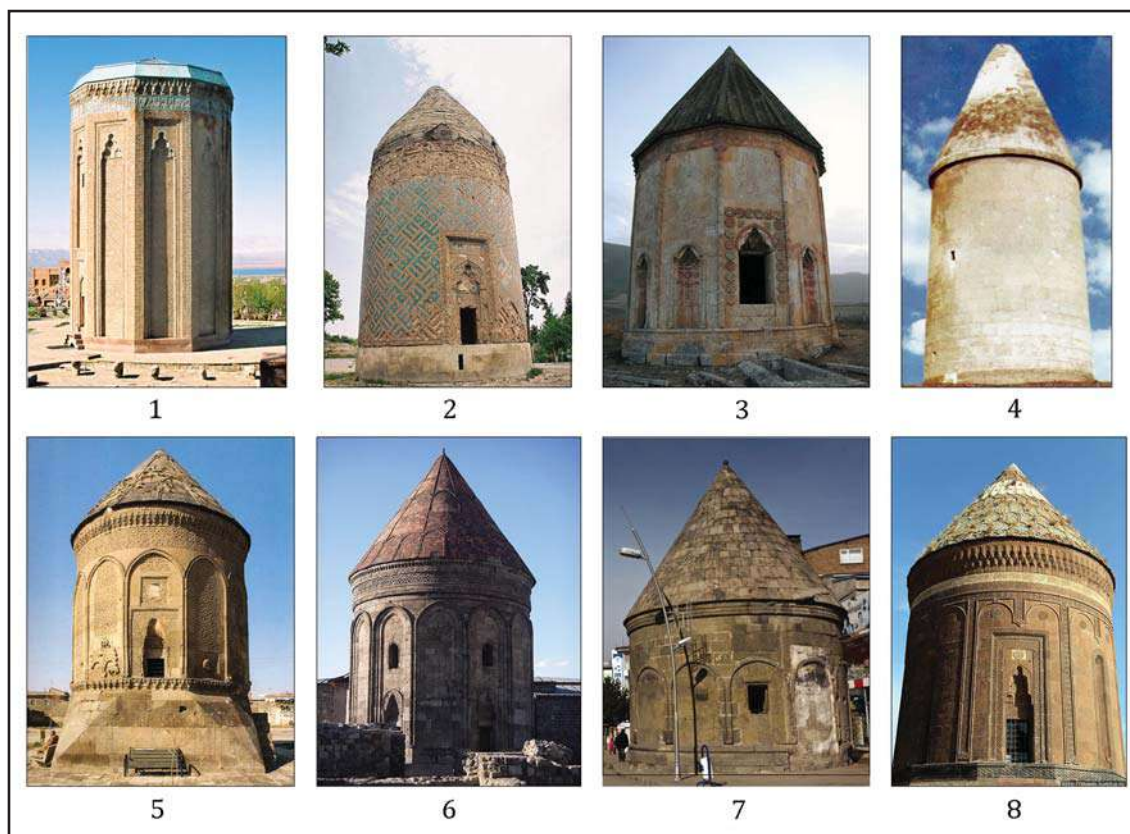
В 1,5 м к западу от внешней стены сооружения обнаружено пятно желтой глины, в котором находилось скопление обломков обожженного кирпича и сырцов. Пятно имело овальную форму размерами 2,5×2,8 м. Аналогичное скопление прослежено и в восточном секторе, в 3,60 м от внешней стены сооружения. Размер его 3,40×2,80 м. Зачистка скоплений выявила небольшие искусственные углубления (глубина — 10—12 см), что наводит на мысль о том, что первоначально в материке были вырыты углубления для выкладки сооружения.

К югу от основного сооружения, в 5—5,5 м от его фасада, в материке найдены пять ям, расположенных цепочкой. Ямы круглые в плане, диаметром 50—75 см, глубиной 40—50 см. Расстояние между ямами

1,5—2,5 м. Заполнение этих ям было стерильным и отличалось от материка только по цвету.

С южной и западной сторон от круглого сооружения, примерно в 5 м от него, при зачистке были обнаружены остатки сырцовой стены. В высоту стена сохранилась всего на 15—20 см. Толщина ее составляла 30—40 см. С западной и северной сторон также прослеживались остатки сырцов, лежащих в линию. Таким образом, скорее всего, сооружение по периметру было обнесено оградой из сырцового кирпича.

Можно попытаться дать интерпретацию раскопанному объекту. Вне всякого сомнения, он представляет собой крупный погребальный комплекс, в центре которого находится круглый в плане мавзолей диаметром 9,0 м. Круглые в плане башенные мавзолеи представляют одну из основных линий развития мусульманских погребальных сооружений. Впервые они появляются в Иране. Ранние мавзолеи Ирана (и связанных с ним регионов) делятся на две большие типологические группы: здания кубического объема, увенчанные

Рис. 10. Башенные мавзолеи Азербайджана и Малой Азии: 1 — Момине Хатун (XII в.); 2 — мавзолей в Барде (XIV в.); 3 — Хачин-Дорбатлы (XIV в.); 4 — Мирали (XIV в.); 5 — Дённер Кюмбет (XIII в.); 6 — в некрополе Юч Кюмбетлер (XIV в.); 7 — в Эрзеруме (XIII—XIV в.); 8 — Чифте Кюмбет в Ахлате (XIII в.) (по Stierlin 1998: 50—53).

Fig. 10. Tower mausoleums of Azerbaijan and Asia Minor: 1 — Momine Khatun (12th century); 2 — mausoleum in the Bard (14th century); 3 — Khachin-Dorbatly (14th century); 4 — Mirali (14th century); 5 — Dönner Kümbet (13th century); 6 — in the necropolis of Yuch Kumbetler (14th century); 7 — in Erzerum (13th—14th century); 8 — Chifte Kumbet in Ahlat (13th century) (after Stierlin 1998: 50—53).

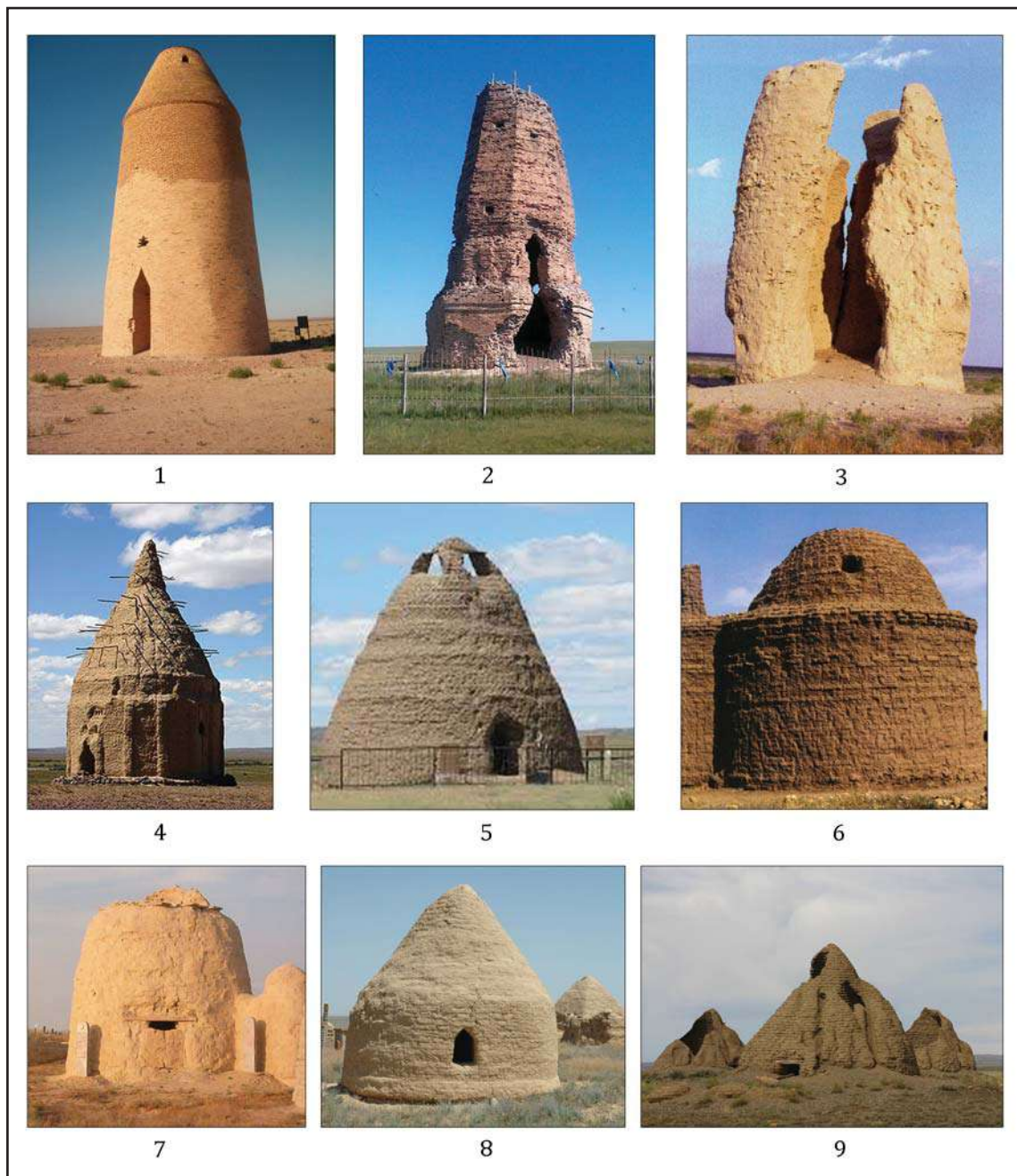
купол, и башенные постройки. Башенные мавзолеи строились для правителей и других светских лиц. Квадратные в плане купольные постройки служили местом погребения и почитания духовных лиц — имамзода.

Самым ранним образцом башенного мавзолея является башня Гунбад-и Кабус, на стволе которой имеется надпись, датирующая ее 1006—1007 гг. В Иране известны и другие башенные мавзолеи. Это Гунбад-и Али (1056 г.) в Йезде, гробницы Пир-и Аламдара (1026 г.) в Дамгане, башня Тугрилбека (1136 г.) в Рее, Масум Заде в Мехмандасте близ Дамгана, мавзолей в Бестапе (XIII—XIV вв.) и мавзолей в Радкане (1281 г.) (Stierlin 2012: 34—42). Башенные мавзолеи Ирана могут быть круглыми в плане, круглыми с гофрированными стенами и многогранными (рис. 9).

Башенные мавзолеи круглого плана и многогранные с высокими цоколями и без них являются преобладающим типом мемориальных построек в Азербайджане в XII—XIV вв.

Л.С. Бретаницкий отмечает, что наибольшая их концентрация наблюдается в южных областях Азербайджана, тесно связанных с Ираном (Бретаницкий 1966: 99). Это мавзолей Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани, Момине-хатун (XII в.), мавзолей в с. Ханега, мавзолей Гюлистан в с. Джуга (XII—XIII в.), мавзолей в с. Дермичлер (XIV в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), Мир Али (XIV в.), мавзолей в Барде (XIV в.) и др. (рис. 10: 1—4) (Бретаницкий 1966: 96—199; Уссейнов и др. 1963: 80—104, 127—162).

Широчайшее распространение получили башенные мавзолеи в Малой Азии в сельджукское время. В качестве примера можно привести Денер-Кюмбет в Кайсери (XIII в.), мавзолей Караманоглу-Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худавент-Хатунтюрге в Нигде (XIV в.), Юч-Кюмбетлер и другие мавзолеи в Эрзеруме (XII—XIV вв.), Чифте-Кюмбет в Ахлате (XIII в.) и др. (рис. 10: 5—8) (Hillenbrand 1994: 306—311, 540—542; Stierlin 1998: 50—53).

Рис. 11. Башенные и конические мавзолеи Казахстана: 1 — Сараман-коса (фото автора); 2 — Бегим-ана (Бегим-мунара); 3 — Узынтам (по Цивилизации... 2013: 238); 4 — Балтабека кажи (по <http://np.kz/old/2007/38/rscas.html>); 5 — Алыптамар; 6 — Агаш Бидайык (по Хабдулина и др. 2011: 184—185); 7 — в Кызылординской области (фото автора); 8 — некрополь Ешкикырган (фото М.Д. Калменова); 9 — некрополь Абат Байтак (фото автора).

Fig. 11. Tower and conical mausoleums of Kazakhstan: 1 — Saraman-Kosa (photo by the author); 2 — Begim-ana (Begim-munara); 3 — Uzyntam (after Цивилизации... 2013: 238); 4 — Baltabeka Kazhi (after <http://np.kz/old/2007/38/rscas.html>); 5 — Alyptamar; 6 — Agash Bidaiyk (after Хабдулина и др. 2011: 184—185); 7 — Kyzylorda Region (photo by the author); 8 — Eshkikyrgan cemetery (photo by M.D. Kalmenov); 9 — Abat Baitak cemetery (photo by the author).

На территории Казахстана также имеются башенные мемориальные постройки достаточно архаического облика. Это башни X—XI вв. Сараман-коса, Бегим-ана (Бегим-мунара) и Узынтам в низовьях Сырдарьи (рис. 11: 1—3).

По поводу возникновения мемориальных памятников подобных форм существуют различные точки зрения, но все исследователи связывают их происхождение с кочевниками. Широко распространенной является гипотеза о трансформации в башенные по-

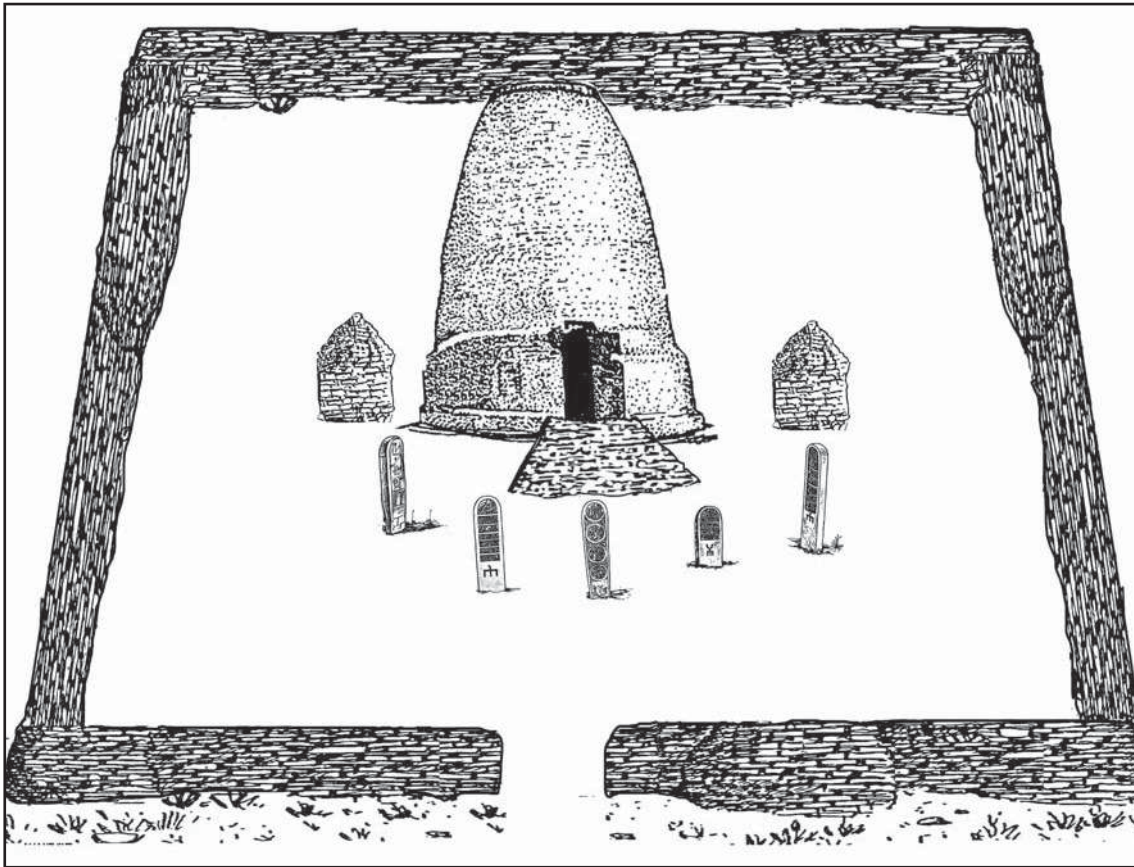

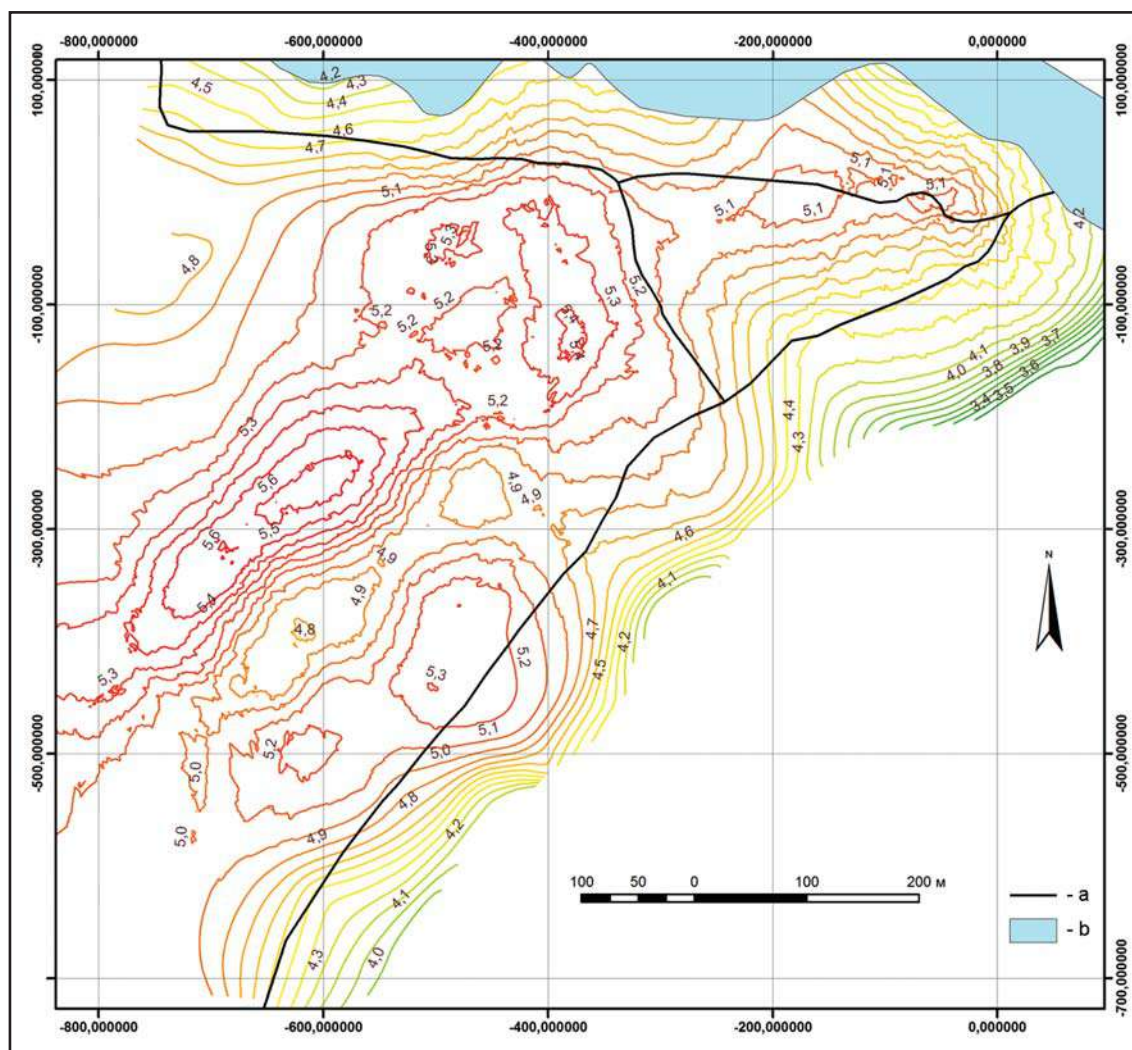
Рис. 12. Реконструкция культового комплекса в Жайыке (выполнена автором).

Fig. 12. Reconstruction of the cult complex in Zhaiyk (by the author).

стройки жилищ кочевников, таких как юрта (см., например: Diez 1944: 55—56). Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен в работах Г.А. Пугаченковой. Исследовательница высказала предположение, что форма пирамидальных мавзолеев, возникших у кочевых и полукочевых тюрок, восходит к курганам и древним курганообразным надмогильным сооружениям (Пугаченкова 1949: 57—77). Одним из видов таких сооружений могли быть известные по описаниям Рубрука пирамидки, водружаемые на курганах половцами (Рубрук 1997: 101). По мнению Г.А. Пугаченковой, дальнейшее развитие пирамидальных построек и соединение их с типом среднеазиатского кирпичного минарета привело к формированию архитектурного образа башнеобразного мавзолея с шатровым перекрытием (Пугаченкова 1949: 69—74). В дальнейшем пирамидальные и башенные поминальные памятники тюрок трансформируются в мусульманские мавзолеи подобных форм. Мавзолеи этих типов, относящиеся к XIX — началу XX в., встречаются на современных кладбищах в различных частях Казахстана (Ажигали 2002: 222—231).

В основном это небольшие постройки из сырцового кирпича, но иногда они достигают значительных размеров, как мавзолей Балтабека кожи в Восточном Казахстане, высота которого составляет 16 м (рис. 11: 4—9).

Подобное башенное сооружение является центром культового комплекса в Жайыке. Диаметр Жайыкского мавзолея составляет 9 м. Значительная толщина стен (более 2 м) позволяет предположить, что здание было достаточно высоким. Его высота могла составлять 10 м и более. Для сравнения можно указать, что известная башня Сараман Коса имеет нижний диаметр 12 м, а высоту 15 м. Толщина стен ее — 1,6 м. Сложнее определить формы небольших сооружений, расположенных с востока и запада от основного здания мавзолея. Судя по тому, что от них остались очень незначительные развалы, можно предположить, что они не имели большой высоты. Никаких следов захоронений в них также не обнаружено, следовательно, они выполняли чисто декоративную функцию. Можно предположить, что это были небольшие сплошные башенки, скорее всего, также с купольным завершением.

Рис. 13. Городище Жалпактал. Топографический план. Изолинии высот (в метрах) проведены через 10 см. Условные обозначения: а — проселочная дорога; б — река.

Fig. 13. Zhalkaptal town. Topographic plan. Isolines of heights (in meters) are drawn through 10 cm. Legend: a — country road; b — river.

Такие небольшие камеры бывают пристроены к основному погребальному сооружению. В них могут находиться захоронения, но в некоторых случаях они выполняют объемно-декоративную функцию (Ажигали 2002: 277—278). На Жайыке сооружения малых форм поставлены не вплотную к мавзолею, а на некотором расстоянии от него.

Также необходимо интерпретировать ямы, находящиеся перед фасадом мавзолея. Все они имеют примерно одинаковые размеры и расположены не беспорядочно, а цепочкой, образующей полукруг перед входом в мавзолей. Можно предположить, что здесь были вкопаны каменные стелы типа купылтасов. На то, что стелы были именно каменными, указывает тот факт, что в ямах находился стерильный грунт. Если бы стелы были из дерева, в них непременно сохранились бы

хоть какие-то остатки древесного тлена. Купылтасы являются самостоятельными формами погребально-культовой архитектуры, в то же время, как указывает С. Е. Ажигали, они могут являться частью единого композиционного памятника (Ажигали 2002: 319). Исследователь приводит примеры, когда купылтасы устанавливаются снаружи мавзолея и образуют с ним единый комплекс (Ажигали 2002: 364). Купылтасы возникают в Западном Казахстане достаточно поздно — в XVIII в., но они могут быть поставлены перед мавзолеем более раннего времени, образуя с ним единый комплекс. Примером этого может служить некрополь Абат-Байтак в Хобдинском районе Западного Казахстана, где мавзолей XIV в. окружен мавзолеем и купылтасами XVIII—XX вв. (Ажигали, Турганбаева 2004).

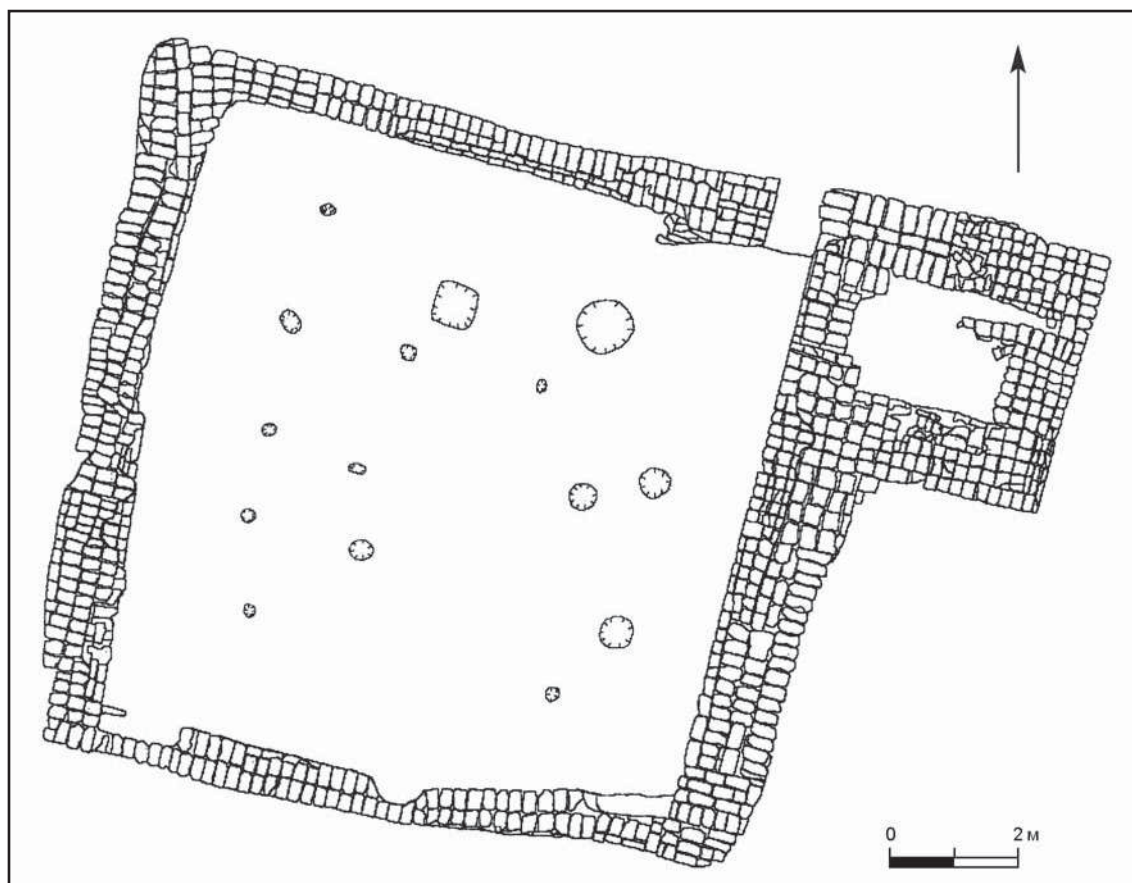

Рис. 14. Мечеть Жалпактала, план.

Fig. 14. Zhalpaktal Mosque, the plan.

Рис. 15. Мечеть Жалпактала, вид с востока.

Fig. 15. Zhalpaktal Mosque, view from the east.

Таким образом, в результате работ 2013 г. на некрополе городища Жайык был исследован сложный погребальный комплекс (рис. 12). Центром его являлся круглый в плане башенный мавзолей значитель-

ной высоты. С двух сторон от него находились небольшие круглые в плане декоративные сооружения, скорее всего, с купольным завершением. Перед входом в мавзолей были поставлены каменные стелы-купылтасы.

Рис. 16. Жалпактал. Минарет, вид с севера.

Fig. 16. Zhalpaktal. Minaret, view from the north.

Сакральное пространство вокруг мавзолея и малых погребальных сооружений было обнесено стеной из сырцового кирпича.

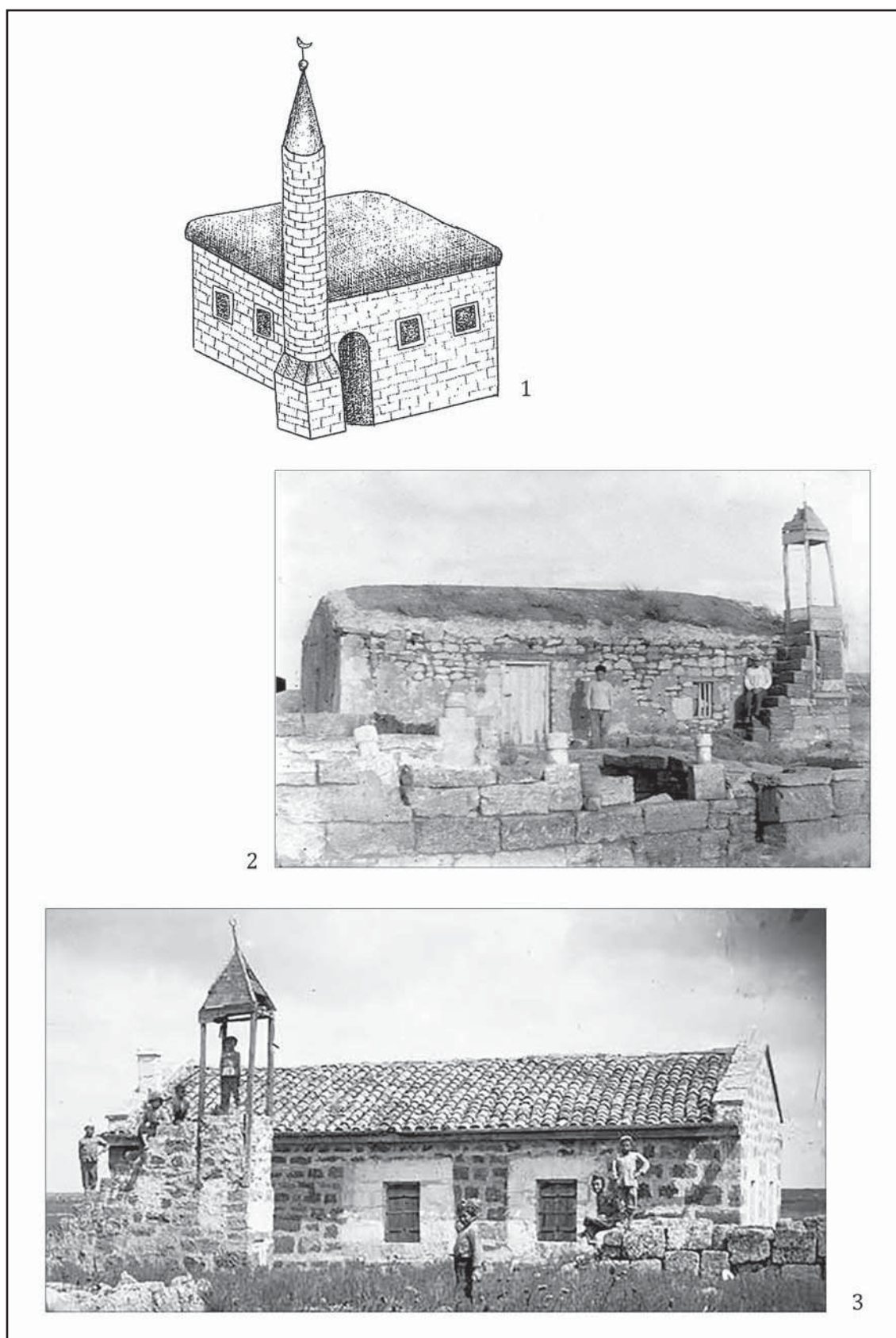
Особо следует отметить, что данный погребальный комплекс, расположенный в городском некрополе, несет в себе черты тесной связи с кочевой средой. Прежде всего, сама форма башенного мавзолея с шатровым куполом восходит к кочевническим курганообразным погребальным сооружениям. В дальнейшем сырцовые башенные, конические и пирамидальные мавзолеи продолжают оставаться наиболее распространенным типом погребальных построек в степной зоне, населенной полукочевыми и кочевыми народами. Стелы-купылтасы также указывают на связь с кочевой средой. Как убедительно показал С.Е. Ажигали, этот тип надмогильных памятников возникает у кипчакских и огузских народов в результате трансформации деревянной резной коновязи в каменную резную стелу. Стела-купылтас, установленная на некрополе, олицетворяет характерную для большинства кочевых народов космическую жертву коня (Ажигали 2002: 421—423).

В том же некрополе Жайыка, всего в 300 м от этого комплекса, находились мавзолеи, архитектурные формы которых связаны с оседлым городским населением Золотой Орды. Таким образом, постройки некрополя Жайыка отражают дуализм золотоордынского государства, составными частями которого являлись города с развитой урбанистической

культурой и степи, в которых сохранялся традиционный кочевнический уклад.

Еще один памятник, который активно исследуется в последние годы — это поселение, расположенное на месте слияния двух степных рек — Большого и Малого Узеней. О том, что здесь находятся курганы и развалины построек из обожженного кирпича и глины, писал еще П.С. Паллас (Паллас 1794: 65—112). Экспедиция Западно-Казахстанского центра обследовала эту местность, в результате чего были найдены остатки строений и крупное поселение, получившее условное название Жалпактал (Сдьков 2014: 8—9). С 2010 г. здесь проводятся раскопки отрядом Западно-Казахстанского центра под руководством Д.В. Марьксина.

Инструментальная съемка, проведенная на поселении, показала, что площадь его довольно значительна, около 68 га (рис. 13). В центральной его части находятся крупные холмы высотой до 2 м и диаметром до 50 м. Вероятно, это остатки больших усадеб. На остальной площади расположены несколько десятков холмиков меньших размеров (Марьксин 2014: 93). Планиграфия выявленных на городище объектов отражает характерную для Золотой Орды усадебную застройку. На данный момент можно с уверенностью сказать, что на памятнике отсутствует уличная застройка: он представляет собой скопление усадеб. Скорее всего, Жалпактал является остатками не города, а сельского поселения.

Рис. 17. Мечеть Жалпактала (1) и ее аналогии: 1 — реконструкция Д.В. Марыкина (по Марыкин 2014: 116, рис. 16); 2, 3 — малые мечети степного Крыма (по Мирас... 2016: 521—522, рис. 519; 520).

Fig. 17. Zhalpaktal Mosque (1) and its analogies: 1 — reconstruction of D.V. Marykin (after Марыкин 2014: 116, рис. 16); 2, 3 — small mosques of the steppe Crimea (after Мирас... 2016: 521—522, рис. 519; 520).

Рис. 18. Жалпактал. Полуземлянка 1, вид с севера.

Fig. 18. Zhalkaptal. Dugout 1, view from the north.

В 2011—2013 гг. на поселении Жалпактал проводились раскопки небольшой усадьбы, в которой исследовано 8 помещений жилого и хозяйственного назначения. Стены построек сложены из большеформатного ($40 \times 20 \times 10$ см) сырцового кирпича в 2—3 ряда. Интерьер жилых помещений типичен для золотоордынских домов: большую часть помещения занимает П-образная суфа, внутри которой вдоль одной из стен проложены каналы кана, по которым от тандыра проходит горячий воздух, обогревающий помещение. Хозяйственные помещения пустые или с погребками и отдельно стоящими тандырами (Марыксин 2014: 95—107).

В 2014 г. на поселении была раскопана небольшая мечеть. Здание было почти квадратным в плане, размерами 12×11 м (рис. 14; 15). Стены сложены из большеформатных ($40—45 \times 20—25 \times 6—9$ см) сырцов в 2—3 ряда. Стены сохранились на высоту 1—1,2 м. Внутри на стенах сохранились следы глиняной обмазки. Пол был земляным, в нем прослеживались ямы от вкопанных в землю столбов, поддерживавших крышу. Деревянные столбы имели различный диаметр и были расположены в 4 ряда. Рядность опор соблюдалась весьма приблизительно.

Крыша, вероятнее всего, была плоской, покрытой камышом и, вероятно, обмазанной глиной. Вход в здание был сделан в северной стене. Узкий (90 см) проход был скользящим вдоль восточной стены. По центру южной стены находилась невысокая ниша михраба с полукруглым завершением. Отличительной особенностью мечети Жалпактала является наличие в углах помещения очагов-каминов в виде ниш, слегка заглубленных в стены. В них были найдены остатки углей, а стенки печей были закопчены. Обычно здания мечетей не отапливаются, но, например, в мечети Коялыка в Южном Казахстане также были найдены следы отопления в виде жаропроводящих каналов в толще стен (Байпаков, Воякин 2007: 83).

К северо-восточному углу здания сделана квадратная пристройка размерами $2,84 \times 4,3$ м с толстыми (1,2 м) стенами. В небольшое помещение пристройки вели два прохода — с улицы и из помещения мечети. Ширина их — 0,7—0,8 м. Пристройка, вероятнее всего, является основанием минарета. Здание в Жалпактале является пока единственной мечетью золотоордынского времени в Западном Казахстане. Кроме того, все известные к настоящему времени мечети в Золотой Орде являются монументальными городскими по-

Рис. 19. Жалпактал. Землянка 2, фотограмметрия (выполнена Д. Жахарналиевым).

Fig. 19. Zhalpaktal. Dugout 2, photogrammetry (performed by D. Jaharnaliev).

стройками. Здесь мы имеем редкий пример небольшой сельской мечети.

Большинство Джума-мечетей в городах Золотой Орды построены по образцу мечетей Малой Азии (Зиливинская 2009: 349—385; 2011: 9—36; 2014: 13—42). По плану это квадратные или прямоугольные здания, внутреннее пространство которых представляет собой зал, разделенный на нефы рядами колонн, которые поддерживают плоское перекрытие в виде балок или аркад. Минареты, которые образуют единый архитектурный ансамбль, также сходны по форме с малоазийскими (Зиливинская 2010: 98—211; 2011: 36—46; 2014: 46—56). Они имеют кубический или призматический цоколь, который при помощи внешних треугольных скосов переходит в восьмигранную призму или непосредственно в цилиндрический, слегка сужающийся кверху ствол. Покрытие минаретов — шатровое. Следуя этому тезису, Д. В. Марыксин, опубликовавший мечеть Жалпактала, сде-

лал ее реконструкцию (Марыксин 2014: 113, рис. 16). На ней изображено здание с гладкими стенами и плоской камышовой крышей с пристроенным к нему «малоазийским» минаретом (рис. 17: 1). Реконструкция самой мечети особых возражений не вызывает, разве что несколько не соблюдены пропорции. Высота здания составляет примерно 11 м, а притолока двери находится в 7 м над землей. Столь небольшое здание из сырца должно быть более приземистым. Что касается минарета, то его высота на реконструкции достигает 28 м. При этом, учитывая размеры цоколя (2,84×4,3 м), диаметр ствола должен составлять около 1,5 м. Стены такой высокой башни должны быть достаточно толстыми. Даже если их толщина составляет 50—70 см, то внутри совсем не остается пространства для лестницы. Мне представляется, что минарет этой сельской мечети не был слишком высоким и мог иметь совсем не типичную форму. Возможно, на сырцовом цо-

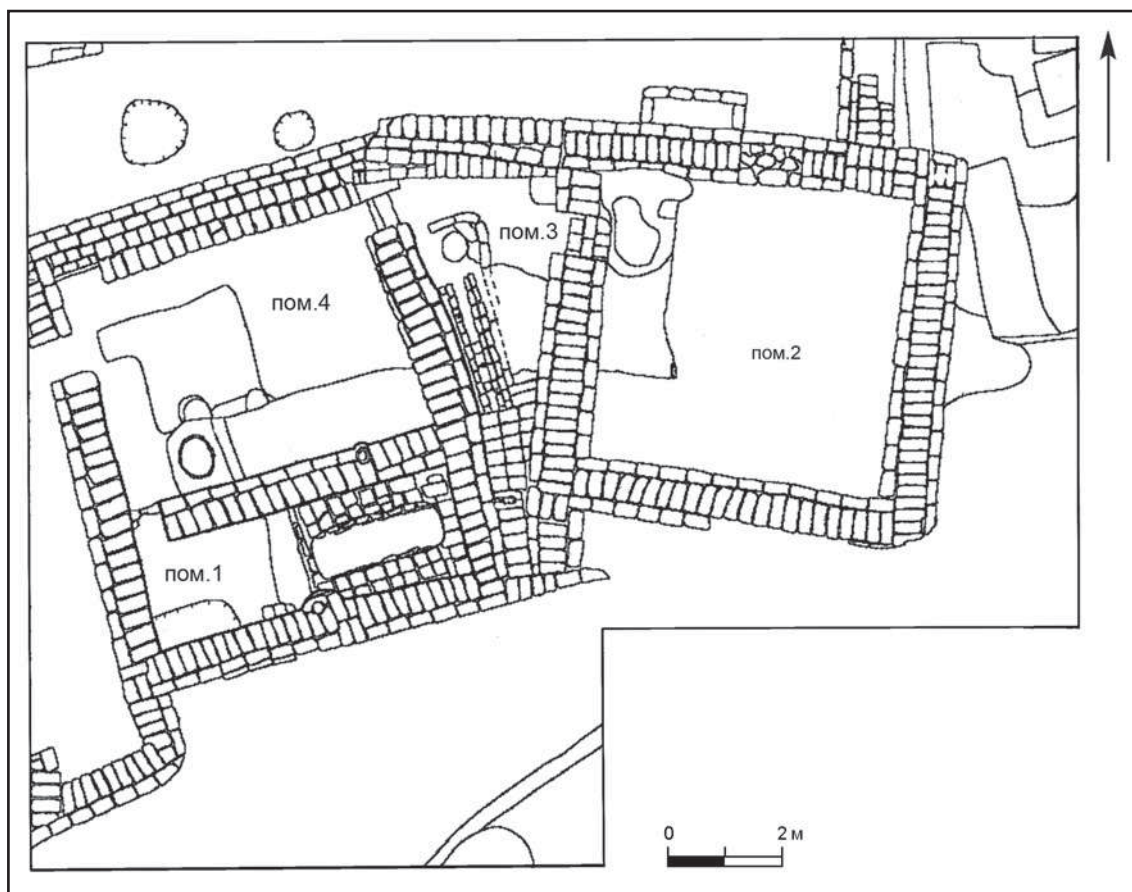

Рис. 20. Жалпактал, усадебное здание, поздний период.

Fig. 20. Zhalpaktal, manor building, late period.

Рис. 21. Жалпактал, усадебное здание, вид с запада.

Fig. 21. Zhalpaktal, manor building, view from the west.

Рис. 22. Жалпактал. Тандыр, внутренняя поверхность.

Fig. 22. Zhalpaktal. Tandoor, the inner surface.

коле здесь стояла надстройка, слегка возвышающаяся над крышей, но с которой можно кричать азан. Подобные минареты с деревянным «домиком» над цоколем, известны, например, в небольших мечетях Крыма (рис. 17: 2, 3). Возможно, в Жалпактале было нечто подобное.

В 2014 г. были начаты раскопки крупной усадьбы. В настоящее время здание усадьбы вскрыто частично: здесь расчищено 5 помещений усадебного здания и две полуземлянки. Здание построено из крупноформатного сырцового кирпича, толщина стен составляет 75—80 см. Интерьеры помещений типичны для любого золотоордынского дома и состоят из суф и канов с тандырами. Дом неоднократно перестраивался. Всего на раскопе выявлено 4 строительных горизонта, что свидетельствует о длительном существовании усадьбы. К самому раннему строительному горизонту относятся полуземлянки.

Полуземлянка 1 имела размеры 3,2×5,4 м (рис. 18). В нее вел вход шириной 90 см в виде наклонного пандуса с четырьмя пологими ступенями. Почти всю площадь землянки занимает П-образная суфа. На суфе напротив входа поставлен экран из сырцовых кирпичей, защищавший помещение от ветра и сквозняка. По центру землянки распола-

галась хозяйственная яма. В западной части суфы был устроен очаг размером 30×30 см. Справа от входа располагался короб со стенками из сырца, внутри которого были обнаружены следы ручной мельницы. В восточной части суфы были устроены два тандыра и двухканальный кан. Ранний, северный, тандыр диаметром 50—55 см имел предпечную яму. Он был разрушен поздним, южным, тандыром диаметром 35 см. От тандыров к югу отходил двухканальный кан длиной 2 м и шириной 15—25 см. Оба канала заканчиваются вертикальным дымоходом, устроенном в юго-восточном углу полуземлянки. Сохранившаяся высота стен полуземлянки достигает до 5 слоев сырцового кирпича серого цвета плохой сохранности, который уложен на материк.

Восточнее полуземлянки 1 была обнаружена полуземлянка 2 размерами 5×5,8 м (рис. 19). Для постройки полуземлянки в материке был выкопан котлован, который изнутри был обложен сырцовым кирпичом. Вход в полуземлянку шириной 130 см сделан в северной стене. По бокам прохода выкопаны две ямы, которые, видимо, служили основой дверного проема. Землянка внутри имела Г-образную суфу и вход осуществлялся через неё. Пол размерами 125×220 см находил-

ся с южной стороны. В его западной части вырыта большая яма — погребок. Восточная часть суфы представляет собой отопительную систему в виде тандыров и кана. В юго-восточном углу полуземлянки находился вертикальный дымоход. В восточной стене землянки 2 устроен проход в пристрой, также имевший заглубленный пол. Размеры пристроя — 5,6×2,4 м. Он не имел сырцовых стен. В восточной части его пола были выкопаны три большие хозяйственные ямы. С западной стороны находилась узкая суфа, в которой был сделан тандыр с коротким двухканальным каном.

К западу от землянок находился большой многокомнатный дом. Он был построен позднее, и помещения его перекрывают полуземлянку 1. Внешние стены здания сложены из большеформатного (40—44×20—23×5—8 см) сырцового кирпича в 2—3 ряда. Кирпичи в кладке чередуются: одни ряды положены в тычок, а другие — в ложок, общая толщина стен составляет 65—85 см. В высоту стены сохранились до 1—1,2 м.

В настоящее время полностью вскрыто 4 помещения здания, и стены его уходят под северный и южный борта раскопа (рис. 20; 21). Жилое помещение 4 имело размеры 5,8×4,3 м. Вдоль всех четырех его стен была сделана глинобитная суфа. Проходы через суфу вели в восточное помещение 3, западное помещение 5 и южное помещение 1. Такая строительная традиция характерна для южноказахстанских городов и не встречается в городах Нижнего Поволжья. В южной, более высокой части суфы находился

двухканальный кан. Он отходил от большого (0,7×0,45 м) тандыра овальной формы, стенки которого были покрыты насечками в виде вертикальных и волнистых сдвоенных полос (рис. 22). Тандыр находился в западной части суфы у прохода в помещение 1. Кан не доходил до угла комнаты и заканчивался вертикальным дымоходом в стене, общей с помещением 1. Перед тандыром в полу была сделана яма для золы, а рядом с ним находилась дополнительная печь, подковообразной формы.

Хозяйственное помещение 1, расположенное с юга, имело размеры 5,6×1,76 м. Большую часть его занимал погреб размерами 2,1×1,05 м с массивными стенками из сырца. Помещение 3, вероятно, было жилым, вдоль его западной стены был сложен двухканальный кан. Печь находилась с северной стороны у прохода в помещение 4. Помещение было почти полностью разрушено при перестройке и возведении помещения 2 самого позднего строительного периода. Размеры его 5,0×5,0 м. Большую часть занимала большая Г-образная суфа. Северо-западный угол суфы и часть пола помещения были разрушены поздней ямой.

По вскрытой части усадьбы невозможно сделать какие-либо выводы о планировке ее дома. Можно лишь констатировать, что он был многокомнатным, имел значительные размеры. Перестройки свидетельствуют о том, что усадьба существовала достаточно долго. Пока раскопки этого интересного памятника приостановлены, однако, есть надежда, что в ближайшее время они будут продолжены.

Литература

- Ажигали С. Е. 2002. *Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона)*. Алматы: Гьлым.
- Ажигали С. Е., Турганбаева Л. Р. 2004. *Абат-Байтак — жемчужина Казахской степи*. Алматы: Taimas Print house.
- Байпаков и др. 2005: Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ахатов Г. А. 2005. *Средневековое городище Жайык*. Алматы: Sredo.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А. 2007. *Средневековый город Коялык*. Алматы: Адамдар.
- Байпаков и др. 2012: Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Иночкин В. А., Кривобокова С. С., Сдьков М. Н. 2012. *Уральск: древний и современный. Очерки истории*. Уральск: Полиграфсервис.
- Байтенов А. Мастер-класс в глине. URL: <http://np.kz/old/2007/38/rscas.html>.
- Бретаницкий Л. С. 1966. *Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока*. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Гияси Дж. 2013. Азербайджан. В: Мустафаев Ш. (рук. проекта). *Художественная культура Централь-ной Азии и Азербайджана IX—XV веков*. Т. IV. *Архитектура*. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 216—265.
- Дворниченко В. В., Зиливинская Э. Д. 2005. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области. *НАВ* 7, 281—303.
- Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Зиливинская Э. Д. 2009. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения городов Нижнего Поволжья в золотоордынское время. *Вестник МГУ. Серия 8: История* (2), 119—140.
- Зиливинская Э. Д. 2010. Минареты Золотой Орды. *РА* (2), 98—211.
- Зиливинская Э. Д. 2011. *Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды*. Астрахань: Астраханский университет.
- Зиливинская Э. 2014. *Архитектура Золотой Орды*. Ч. I. *Культовое зодчество*. Москва; Казань: Отечество.
- Зиливинская и др. 2016: Зиливинская Э. Д., Калме-

- нов М.Д., Сдыков М.Н. 2016. Культурный комплекс XIV в. на городище Жайык в Западном Казахстане. *Золотоордынская цивилизация* 9, 271—279.
- Калменов М.Д. 2013. Печь для обжига кирпичей с городища Жайык. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* (1), 114—118.
- Калменов М.Д. 2014. Исследования городища Жайык в 2012—2014 гг. В: Сдыков М.Н. (ред.). *Средневековые города бассейна реки Урал*. Уральск: Полиграфсервис, 64—91.
- Кравченко А.А. 1979. Производственные комплексы Белгорода XIII—XIV вв. В: Карышковский П.О. (ред.). *Античная Тира и средневековый Белгород*. Киев: Наукова думка, 115—136.
- Марыксин Д.В. 2014. Городище Жалпактал и его округа (предварительные результаты работ). В: Сдыков М.Н. (ред.). *Средневековые города бассейна реки Урал*. Уральск: Полиграфсервис, 91—127.
- Мирас... 2016: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (ред.). 2016. *Мирас-наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923—1929 гг.* Т. 2. Казань: Астер Плюс.
- Паллас П.С. 1794. *Путешествия по разным провинциям Российской империи*. Т. 3. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.
- Пугаченкова Г.А. 1949. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана. В: Массон М.Е. (ред.). *Материалы ЮТАКЭ 1*. Ашхабад: Туркменский филиал АН СССР, 57—75.
- Рубрук Г. 1997. Путешествие в восточные страны. В: Горнунг М.Б. (вступ. ст., коммент.). *Дж. Дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло*. Москва: Мысль, 78—149.
- Рыбаков Б.А. 1974. *Русские карты Московии XV — начала XVI века*. Москва: Наука.
- Сдыков М.Н. 2014. Средневековые города Западного Казахстана. В: Сдыков М.Н. (ред.). *Средневековые города бассейна реки Урал*. Уральск: Полиграфсервис, 6—33.
- Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. 1963. *История архитектуры Азербайджана*. Москва: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и стройматериалам.
- Хабдулина и др. 2011: Хабдулина М.К., Кожамжаров К.Т., Ярыгин С.А., Калдырбаев М.С., Сакиенов С.К., Свиридов А.Н. 2011. *Культурные памятники Тенгиз-Коргалжинской впадины*. Астана: ЕНУ.
- Цивилизации... 2013: Бисенов К.А. (гл. ред.). *Цивилизации, затерянные в песках*. Астана: Жасыл Орда.
- Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П. 1958. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г. *ИМФ АН СССР* 70 (4), 37—58.
- Diez E. 1944. *Iranische Kunst*. Wien: Andermann.
- Hillenbrand R. 1994. *Islamic Architecture*. New York: Columbia University Press.
- Stierlin H. 1998. *Turkey from the Selçuks to the Ottomans*. Köln: Taschen.
- Stierlin H. 2012. *Persian Art & Architecture*. London: Thames & Hudson.

References

- Azhigali, S.E. 2002. *Arkhitektura kochevnikov. Fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamiatniki Aralo-Kaspiiskogo regiona) (Architecture of Nomads. Phenomenon of History and Culture of Eurasia: Sites of the Aral and Caspian Seas Region)*. Almaty: "Gylm" Publ. (in Russian).
- Azhigali, S.E., Turganbaeva, L.R. 2004. *Abat-Baitak — zhemchuzhina Kazakhskoi stepi (Abat-Baytak, a Pearl of the Kazakh Steppe)*. Almaty: Taimas Print house (in Russian).
- Baipakov, K.M., Smagulov, E.A., Akhatov, G.A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Fortified Site of Zhayyk)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
- Baipakov, K.M., Voiakin, D.A. 2007. *Srednevekovyi gorod Koialyk (Medieval Town of Koyalik)*. Almaty: "Adamdar" Publ. (in Russian).
- Baipakov, K.M., Erofeeva, I.V., Inochkin, V.A., Krivobokova, S.S., Sdykov, M.N. 2012. *Ural'sk: drevnii i sovremennii. Ocherki istorii (Uralsk, Ancient and Modern Town: Historical Sketches)*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).
- Baitenov, A. Master-klass v gline (Master-class in Clay). URL: <http://np.kz/old/2007/38/tscas.html>.
- Bretanitskii, L.S. 1966. *Zodchestvo Azerbaidzhana XII—XV vv. i ego mesto v arkhitekture Perednego Vostoka (Architecture of Azerbaijan in 12th — 15th Centuries and Its Place in the Architecture of Western Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).
- Ghiyasi, J. 2013. In Mustafae, Sh. (head of the project). *Khudozhestvennaia kul'tura Tsentral'noi Azii i Azerbaidzhana IX—XV vekov (Artistic Culture of Central Asia and Azerbaijan in 9th—15th Centuries) IV. Arkhitektura (Architecture)*. Samarkand; Tashkent: International Institute for Central Asian Studies by the UNESCO Silk Road Programme (UNESCO-IICAS), 216—265 (in Russian).
- Dvornichenko, V.V., Zilivinskaya, E.D. 2005. In *Nizhnevolzhskii arkhelogicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7, 281—303 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2009. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Istorii (Bulletin of the Moscow State University, Series 8: History)* (2), 119—140 (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 98—211 (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2011. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoi Ordy (Sketches on the Golden Horde Ritual and Civil Architecture)*. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).
- Zilivinskaya E. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) I. Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D., Kalmenov, M.D., Sdykov, M.N. 2016. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* 9, 271—279 (in Russian).
- Kalmenov, M.D. 2013. In *Voprosy istorii i arkhologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues on History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (1), 114—118 (in Russian).
- Kalmenov, M.D. 2014. In Sdykov, M.N. (ed.). *Srednevekovye goroda basseina reki Ural (Medieval Towns in the Ural River Basin)*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ., 64—91 (in Russian).
- Kravchenko, A.A. 1979. In Karyshkovskii, P.O. (ed.). *Antichnaia Tira i srednevekovyi Belgorod (Classical Tyras and Medieval Belgorod)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 115—136 (in Russian).
- Maryksin, D.V. 2014. In Sdykov, M.N. (ed.). *Srednevekovye goroda basseina reki Ural (Medieval Towns in the Ural River Basin)*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ., 91—127 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Sitedikov, A.G. (ed.). 2016. *Miras — Nasledie. Tatarstan — Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923—1929 godakh (Miras — the Heritage. Tatarstan — the Crimea. Bolgar Town and Studies on the Tatar Culture in Tatarstan and*

- the Crimea in 1923—1929*). 2. Kazan: “Aster Plus” Publ. (in Russian).
- Pallas, P. S. 1794. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva (Travel through Various Provinces of the Russian State)* 3. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Pugachenkova, G. A. 1949. In Masson, M. E. (ed.). *Materialy Iuzhno-Turkmenistanskoi arkhelogicheskoi kompleksnoi ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition)* 1. Ashkhabad: Academy of Sciences of the USSR, Turkmenistan Branch, 57—75 (in Russian).
- Rubrouck, G. de. 1997. In Gornung, M. B. (preface, comments). *Plano Carpini, G. del. Istoriia mongalov. 3-e izd.; Guillaume de Rubrouck. Puteshestvie v vostochnye strany. 3-e izd.; Kniga Marko Polo. 4-e izd. (Plano Carpini, G. del. Ystoria Mongalorum; Guillaume de Rubrouck. The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts; Book of Marco Polo)*. Moscow: “Mysl” Publ., 78—149 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1974. *Russkie karty Moskovii XV—nachala XVI veka (Russian Maps of Muscovy, 15th — Early 16th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Sdykov, M. N. 2014. In Sdykov, M. N. (ed.). *Srednevekovye goroda basseina reki Ural (Medieval Towns in the Ural River Basin)*. Ural’sk: “Poligrafservis” Publ., 6—33 (in Russian).
- Usseinov, M. A., Bretanitskii, L. S., Salamzade, A. 1963. *Istoriia arkhitektury Azerbaidzhana (History of the Architecture of Azerbaijan)*. Moscow: “Stroiizdat” Publ. (in Russian).
- Khabdulina, M. K., Kozhamzharov, K. T., Iarygin, S. A., Kaldyrbaev, M. S., Sakenov, S. K., Sviridov, A. N. 2011. *Kul’ovye pamiatniki Tengiz-Korgalzhynskoi vpadiny (Ceremonial Sites of the Tengiz-Korgalzhyn Basin)*. Astana: Eurasian National University (in Russian).
- Bisenov, K. A. (ed.-in-chief). 2013. *Tsivilizatsii, zateriannye v peskakh (Civilizations Lost in the Sands)*. Astana: “Zhasyl Orda” Publ. (in Russian).
- Chebotarenko, G. F., Bîmea, P. P. 1958. In *Izvestiia Moldavskogo Filiala Akademii Nauk SSSR (Transactions of the Moldavian Branch of the Academy of Sciences of the USSR)* 70 (4), 37—58 (in Russian).
- Diez, E. 1944. *Iranische Kunst*. Wien: Andermann.
- Hillenbrand, R. 1994. *Islamic Architecture*. New York: Columbia University Press.
- Stierlin, H. 1998. *Turkey from the Selçuks to the Ottomans*. Köln: Taschen.
- Stierlin, H. 2012. *Persian Art & Architecture*. London: Thames & Hudson.

СРЕДНЯЯ ВОЛГА

Middle Volga

Е. Е. Воробьева, М. И. Федулов

Elena Vorobeva. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University¹.

Воробьева Елена Евгеньевна. Кандидат исторических наук. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: veer47@mail.ru

Mikhail Fedulov. Chuvash State University named after I.N. Ulyanov².

Федулов Михаил Игоревич. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова.

E-mail: mfedulov.chuvsu@mail.ru

Addresses: ¹ Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Russian Federation; ² Moskovsky Ave., 15, Cheboksary, 428015, Russian Federation

К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье

Keywords: Mari-Chuvash area of the Volga region, topography, landscape, fortified settlement, ceramics, buffer zones, Russian-Golden Horde borderlands

Ключевые слова: Марийско-Чувашское Поволжье, топография, ландшафт, городище, керамика, буферные зоны, русско-ордынское пограничье

E. E. Vorobeva, M. I. Fedulov

To the Question about the Russia-Golden Horde Borderlands in Mari-Chuvash Area of the Volga Region

Now one of the main directions of the national historical science is a detailed study of the history of individual regions, suburbs, territories of the Russian-Horde border. Some of the areas are of particular interest to any student of the Russian-Golden Horde borderlands: these areas can be called buffer zones. They are described by travelers, recorded in chronicles and confirmed by archaeological materials. The Chuvash-Mari area of the Volga region played the role of such "buffer zone" at the Russian-Golden Horde border in 14th—15th centuries. The archaeological material accumulated to date (the results of exploration and excavations in the territory of the Mari-Chuvash Volga region) not only confirms the process of expanding the territory of the influence of the Golden Horde state over the studied territory, but also allows us to consistently trace this process, highlighting several conventional regions with concentrations of archaeological sites dated by the studied period. In this regard, the purpose of the article is to consider the presence of buffer zones at the Russian — Golden Horde border in the Mari-Chuvash Volga region on the basis of archaeological data.

E. E. Воробьева, М. И. Федулов

К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье

Одним из главных направлений отечественной исторической науки в настоящее время становится детальное изучение истории отдельных регионов русско-ордынского пограничья. При рассмотрении русско-ордынского пограничья особым интересом представляют некоторые его участки, которые можно назвать буферными зонами. Они выделяются по описаниям путешественников, летописным данным и подтверждаются археологическими материалами. Роль «буферной зоны» в русско-ордынском пограничье в XIV—XV вв. играла и территория Чувашско-Марийского Поволжья. Накопленный к настоящему времени археологический материал (результаты разведок и раскопок на территории Марийско-Чувашского Поволжья) не только подтверждает процесс расширения зоны влияния золотоордынского государства на рассматриваемой территории, но и позволяет последовательно проследить этот процесс, выделив несколько условных регионов концентрации археологических памятников изучаемого периода. В связи с этим, цель статьи — рассмотреть присутствие буферных зон русско-ордынского пограничья в Марийско-Чувашском Поволжье на основе археологических данных.

■ Research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 17-11-21009 a(R) "Transformation of ethno-cultural traditions among the rural Chuvash population in the context of globalization and development of information technologies in the second half of 20th — early 21st centuries" ■ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р) «Трансформация этнокультурных традиций в среде сельского чувашского населения в условиях глобализации и развития информационных технологий во второй половине XX — начале XXI вв.».

© Е. Е. Воробьева, М. И. Федулов, 2019.

В последнее время одним из главных и краеугольных направлений отечественной исторической науки является изучение форм, механизмов и степени вовлеченности русских княжеств в государственное и политическое пространство Золотой Орды (Кривошеев 2003; Трепавлов 2010; Назипов 2014; Нолев 2017). На основе источников и современных лингвистических, этнографических, археологических исследований не только описаны различные формы и механизмы интеграции русских княжеств в административно-территориальную структуру Золотой Орды, но и определена структура русско-ордынского пограничья. В структуре русско-ордынского пограничья можно выделить следующие формы: многокилометровую полосу отчуждения; русские земли как часть административно-территориальной структуры Золотой Орды и буферные зоны (Нолев 2017: 169). Одну из таких буферных зон представляло Марийско-Чувашское Поволжье.

Термин «Марийско-Чувашское Поволжье» условный и используется археологами уже на протяжении более 50 лет. Он относится к территории, расположенной по обеим сторонам реки Волги: на участке от восточной окраины г. Волжска до впадения в р. Волгу ее правого притока р. Суры и левого притока р. Ветлуги, в пределах современных Ядринского, Моргаушского, Чебоксарского, Мариинско-Посадского, Козловского районов Чувашии и Горномарийского, Волжского, Звениговского, южной части Килемарского и Юринского районов республики Марий Эл. Эта территория вызывала и вызывает огромный историко-археологический интерес. И это не случайно.

В XIV—XV вв. территория Чувашско-Марийского Поволжья играла роль «буферной зоны» в русско-ордынском пограничье. Рассматриваемая территория не представляла собой непрерывную полосу русско-ордынского пограничья и состояла из своеобразных «территориальных лоскутов», заселенных марийцами, мордвой, русскими и выходцами из болгарских земель. В ордынский период сюда проникали различные тюркоязычные народы. По мнению В. Л. Егорова, образование так называемых буферных зон связано с миграцией большей части местного населения русских территорий на север вследствие нашествия монголов и формированием здесь золотоордынской администрации. При этом, как отмечает исследователь, интерес к созданию и сохранению подобных приграничных образований проявляла не столько

золотоордынская кочевая аристократия, и без того владевшая обширными степными улусами, сколько определенная прослойка золотоордынских чиновников, занимавшаяся откупом и сбором дани (Егоров 1985: 20, 28).

Накопленный к настоящему времени археологический материал (результаты разведок и раскопок на территории Марийско-Чувашского Поволжья) не только подтверждает процесс активного взаимодействия местного населения с Золотой Ордой, но и позволяет последовательно проследить этот процесс, выделив на рассматриваемой территории несколько условных регионов концентрации археологических памятников изучаемого периода.

Первый регион, куда входят юго-восточные районы современной Чувашии, территориально близок к основному массиву ордынских памятников, расположенных на территории Республики Татарстан. Городища Тигашевское I и II, Новоахпердинское, Староянашевское, Новобайбатыревское возникли в болгарский период (X—XIII вв.). Однако, главным объектом ордынского периода в данном регионе является Большетаябинский археологический комплекс, состоящий из городища, нескольких поселений и могильника и занимающий площадь более 25 га (Каховский 1995: 3—34). В ходе археологических исследований под руководством Г. А. Федорова-Давыдова в 1957 г. на городище Большетаябинского археологического комплекса был зафиксирован фундамент дома, сложенный из кирпичей золотоордынского времени размерами 21—22,5×21—22,5×35—45 см и с подпольной системой отопления, распространенной в городах Нижнего Поволжья и в Волжской Болгарии в эпоху Золотой Орды (Каховский 1995: 14). Находки обломков оконного стекла, черепки привозной среднеазиатской посуды, зеленой поливной посуды, бронзовая пряжка, орнаментированная костяная пряжка свидетельствуют о том, что дом принадлежал богатому владельцу (Федоров-Давыдов 1995: 16). По мнению исследователей Большетаябинского археологического комплекса, городище являлось военным укрепленным центром, резиденцией баскака, собиравшего дань с местного населения, с уходом которого в начале XIV в. связано запустение городища (Каховский 1995: 16).

Второй регион включает в себя области Марийско-Чувашского Поволжья, расположенные вдоль правого и левого берегов р. Волги, к которым тяготеют и центральные районы Чувашии. Предыстория ордынско-

го периода связана с существованием на данной территории археологических памятников финно-угорского мира. Правобережье Марийско-Чувашского Поволжья представлено Анаткасинским (рис. 1) и Девлетгильдинским могильниками (Никитина, Воробьева 2016: 128). Оба памятника занимают мысы высоких коренных террас небольших речек и по вещевым материалам датируются второй половиной X — XI вв. Культурная принадлежность Анаткасинского могильника аналогична памятникам левобережья; его возможно рассматривать в рамках марийской культуры (Никитина, Воробьева 2016: 128). Однако, интересно отметить, что на Анаткасинском могильнике погребения №6—8 с заимствованными (болгарскими) вещами располагаются обособленно на северной окраине некрополя (Никитина, Воробьева 2016: 128).

В XIV—XV вв. на коренной высокой террасе левого берега р. Волги появляется Мари-Луговской могильник, который, на основе антропологического анализа захоронений, В.П. Алексеев связывал с одной из тюркоязычных групп, переселившихся из южных областей Золотой Орды (Алексеев 1967: 158—166; Никитина, Воробьева 2016: 129).

Интересно отметить и Горно-Шумецкий могильник, который по своим топографическим особенностям сохраняет прежнюю традицию, занимая донное всхолмление в пойме р. Волги. Однако мужские черепа из Горношумецкого могильника близки мужским черепам из окрестностей г. Казани (Никитина, Воробьева 2016: 129).

Процесс дальнейшего освоения и формирования территории русско-ордынского пограничья в Марийско-Чувашском Поволжье, по всей вероятности, продолжается и на рубеже XIII—XIV вв. Можно предположить, что главным фактором в освоении пограничья является активизация политики Золотой Орды, направленной на формирование «буферных зон» на русско-ордынском пограничье. Опираясь на данные археологии, можно утверждать, что в XIV—XV вв. формируется новый, третий, пограничный регион и своеобразная этнокультурная и этноконтактная зона — Чувашское Присурье. В исторической литературе р. Сура представлена как граница сначала золотоордынских, а затем казанскоханских владений. Достаточно яркими поселениями левобережья р. Суры эпохи Золотой Орды, характеризующимися смешанным этническим составом, чему, вероятно, способствовало их расположение в русско-золотоордынском пограничье во второй половине XIV — начале XV вв., являются крепость

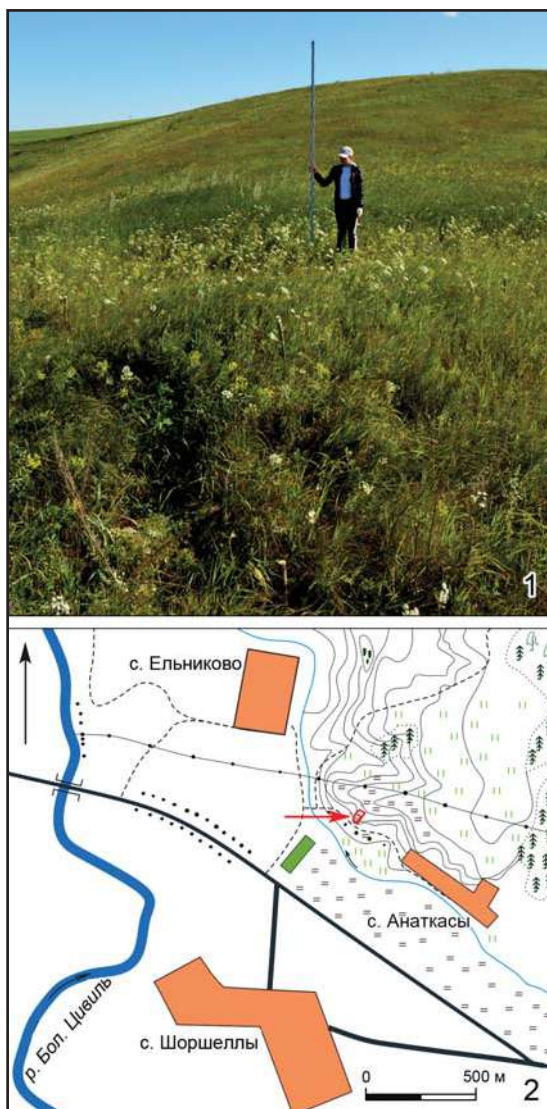
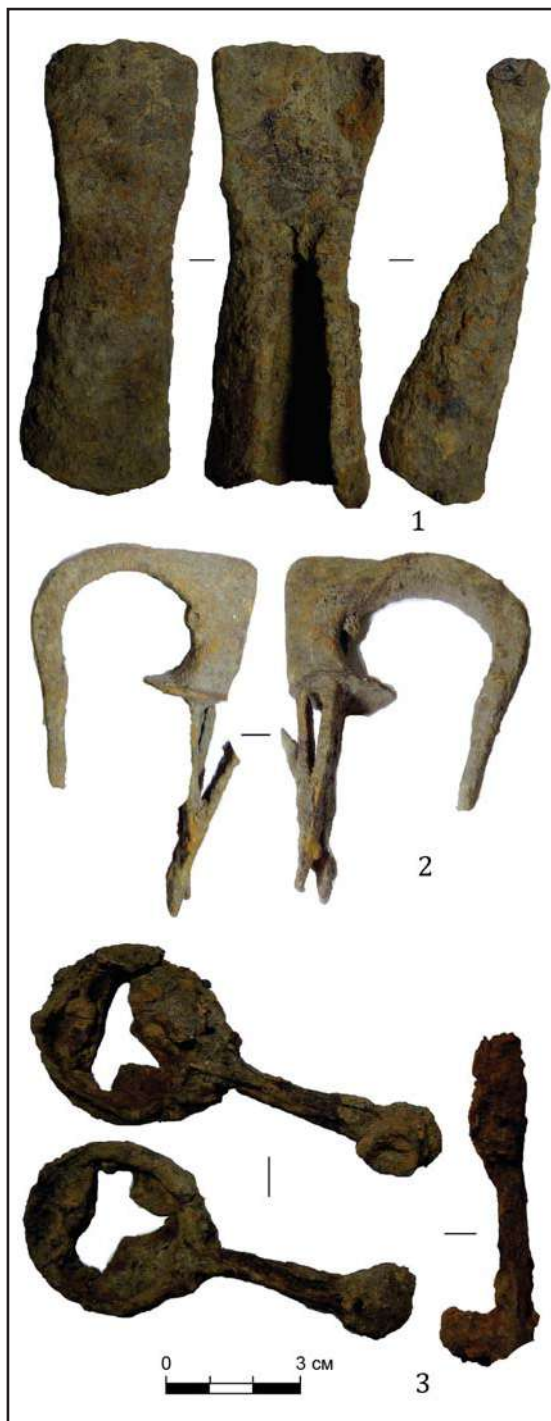

Рис. 1. Анаткасинский могильник: 1 — общий вид с юга; 2 — ситуационный план (могильник указан стрелкой).

Fig. 1. Anatkasy burial ground: 1 — general view from the south; 2 — situational plan (burial ground is indicated by arrow).

Курмыш, поселения Курмыш-4 и Мурзицы-1 (Грибов, Ахметгалин 2010; 2012). Крепость Курмыш была основана в 1372 г. в нижнем течении р. Суры и с конца XIV в. становится частью Суздальско-Нижегородского княжества, а позднее входит в состав Русского централизованного государства. Пограничная линия, защищавшая русские владения, представляла собой засечную черту, часть которой проходила по р. Суре от места впадения в неё реки Пьяна и затем по левому берегу до её устья. Она включала главный опорный пункт — Курмыш и цепь небольших поселений в устье р. Суры, составлявших северную окраину его сельской округи. Она включала в себя непосредственно крепость Курмыш и цепь как неболь-

Рис. 2. Козловское городище. Замки и их детали: 1 — железное орудие; 2, 3 — детали замков.

Fig. 2. Kozlovski fortified settlement. Locks and their details: 1 — iron tool; 2, 3 — details of locks.

ших пограничных крепостей-острожков XIV—XVI вв. (городища у селений Каменищи, Луговое, Лопатино, Погорелка, местечко «Городино», Пильна) (Николаенко 2004: 71), так и крупных неукрепленных поселений (Курмыш-4, Мурзицы-1), характеризующихся наличием смешанных вещевых комплек-

сов. Так, археологические исследования поселения Курмыш-4 (XIV — середина XV вв.) и Мурзицы-1 (XV—XVI вв.) раскрывают перед нами картину сложного этнического взаимодействия. На данных памятниках зафиксирована русская (до 30%), «славяноидная» (до 51%), мордовская (до 17%) и золотоордынская керамика (до 13%) (Грибов, Ахметгаллин 2013: 82, 86—89).

Создание ряда новых русских укрепленных и сельских поселений в левобережье р. Суры приводит к активизации русских колонизационных процессов на правобережье (в т.н. «Засурье»).

В 2016 г. у дер. Козловка Ядринского района археологической экспедицией ЧГУ им. И. Н. Ульянова было выявлено уникальное городище, относящееся к начальным этапам русской колонизации Чувашского Присурья (Федулов 2006: 123—130; 2009: 104—114). Козловское городище предварительно датировано второй половиной XIV — XV вв. Возможно, на памятнике имеется несколько культурных слоев или хронологических этапов существования (Федулов 2017).

В летописных источниках отсутствует какая-либо информация о городище у д. Козловка. Основанием для датировки и определения культурной принадлежности служит подъемный материал (дирхем, зеркало, керамика). Керамический материал представлен 69 фрагментами гончарной и лепной керамики («славяноидная», русская средневековая, красноглиняная (золотоордынская?), лепная с примесью шамота, неопределенные фрагменты)¹. Найдено пять железных замков и их фрагментов (рис. 2). Железный цилиндрический замок с П-образным щитком у ключевого отверстия относится к замку типа Г по новгородской классификации, которые в русских древностях датируются промежутком конца XIII — середины XV вв. (Колчин 1959: 82). Замок имеет Т-образное отверстие для ключа. От подобного замка найдена отдельно дужка, замковая (внутренняя) часть которой выполнена в виде двух пластин с пружинными защелками (запорные). Такие дужки также существовали в течение XV в. и далее. Замки типа В по новгородской классификации датируются с середины XII по начало XV вв. (Колчин 1959: 82).

Дирхем с Козловского городища относится к периоду правления султана Абдаллах-хана

¹ Керамика была проанализирована к.и.н. Н.Н. Грибовым, специалистом по русской средневековой керамике Нижегородского края (Грибов 2003; 2006).

(Абдуллаха, ок. 1340—1370 гг.). На обороте монеты имеется надпись, подтверждающая чеканку в Янги-шехре ал-Махруса, и указан год хиджры. Дирхем приблизительно датруется 1360-ми годами, т. к. последняя цифра затерта, определить точную дату невозможно (рис. 3: 1).

Найден фрагмент серебряного зеркала. С одной стороны зеркало имеет гладкую (шлифованную) поверхность, с другой стороны зафиксирован литой рисунок в виде геометрических линий. Подобные образцы зеркал бытовали в золотоордынский период (рис. 3: 3).

Среди металлических находок выделяется воротная запорная скоба, обнаруженная на валу в месте предполагаемого въезда на территорию городища. Она изготовлена из толстой полосы железа и имеет два отверстия для крепления гвоздями, шестигранными в сечении, с массивными шляпками. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что данный предмет относится к запорным механизмам (воротам) оборонительных сооружений.

В 2018 г. на территории городища был изучен могильник с христианским обрядом захоронения (руки сложены на груди, отсутствие вещей, западная ориентировка погребенных).

Во время обследования в 2018 году Присурского бассейна в границах Чувашской Республики² осмотрены средневековые поселения у с. Ряпино и д. Устиновка (левый берег р. Сура) Порецкого района. Ввиду фрагментарности весь найденный керамический материал с поселения Ряпино можно условно разделить на две группы. В первую группу входят обломки поздних поливных сосудов, собранные на поверхности. Во вторую группу мы включаем керамику более раннего периода, предварительно относимую к XIV—XVI вв.

Бронзовый бубенчик, обнаруженный на территории поселения, сильно деформирован. Однако четко прослеживается его состав из двух спаянных полусфер и технология изготовления, характерная для эпохи Золотой Орды. Более подробную характеристику дать затруднительно.

Судя по остаткам надписи на обнаруженном серебряном дирхеме, монета отчеканена в период правления хана Джанибека сына Узбека (741—758 гг. хиджры). Чеканка про-

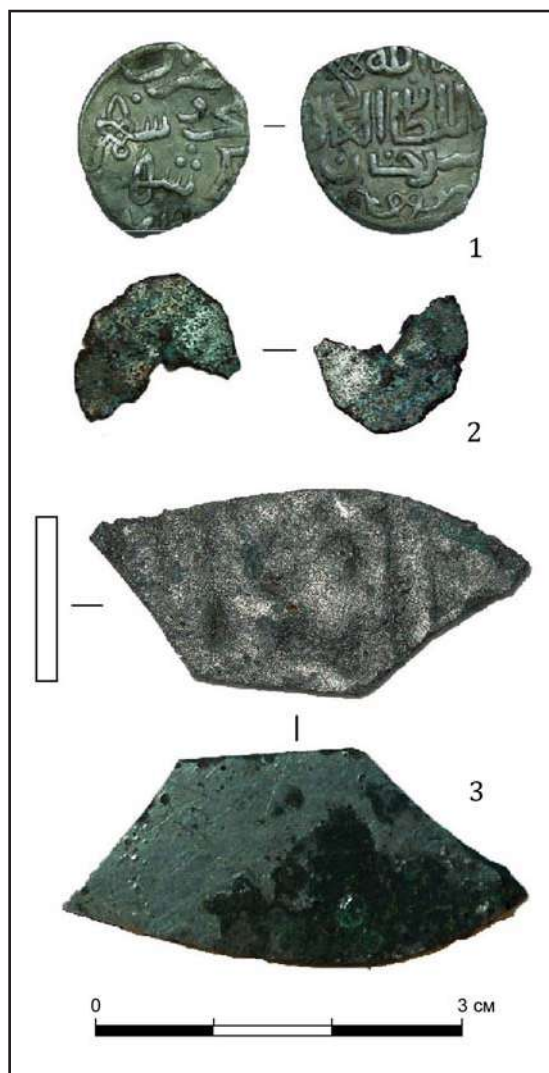

Рис. 3. Козловское городище: 1, 2 — дирхемы; 3 — фрагмент зеркала.

Fig. 3. Kozlovskoe fortified settlement: 1, 2 — dirhems; 3 — a fragment of a mirror.

изведена в г. Сарай ал-Джедид по образцу 747 г. х. (1347—1348 гг.).

Вышеуказанные артефакты позволяют предварительно датировать существование поселения в пределах II половины XIV — I половины XV вв.

На поселении Устиновка (Каховский 1978: 2—7), расположенном у дер. Устиновка Порецкого района, выявили несколько сооружений, одно из которых (сооружение 1) представляло собой остатки наземного жилища с неглубоким подпольем и глинобитной печью. Зафиксированные в пределах жилого пространства цилиндрический замок, обломок железного ножа, два глиняных пряслица позволили автору раскопок лишь предположительно датировать поселение X—XIII вв. (Каховский 1978: 6). На наш взгляд, по ха-

² Экспедиция проводилась под руководством М. И. Федулова и С. А. Семёнова (держатель Открытого листа) на территории Ядринского, Шумерлинского, Порецкого и Алатырского района.

рактору лощения и цветовой гамме черепков, в керамическом комплексе поселения преобладает золотоордынская керамика. На золотоордынскую датировку указывает декор в виде многорядной волны, многорядного фестона и зонного линейного орнамента, нанесённого специальным инструментом — двух- или трехзубой вилкой (Каховский 1978: 7).

Таким образом, археологические материалы, полученные при полевых изыска-

ниях на территории Марийско-Чувашского Поволжья, позволяют по-новому взглянуть на специфику освоения западного порубежья Болгарского улуса, которое являлось «местом встречи» людей различных религиозных убеждений и традиций. В XV—XVI вв. на рассматриваемой территории массово появляются поселения татар, русских и представителей других этнических групп.

Литература

- Алексеев В.П. 1967. Золотоордынский форпост на марийской земле. *Вопросы антропологии* 26. Москва, 158—166.
- Воробьева Е.Е. 2013. *Археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Анаткасинский могильник» в Мариинско-Посадском районе Чувашской республики в 2012 г.* Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №34215.
- Грибов Н.Н. 2003. Операционно-морфологическая систематизация венчиков древнерусской керамической посуды. В: Бахарева Н.Н. (ред.). *Нижегородские исследования по краеведению и археологии* 8. Нижний Новгород: ННГУ; Нижегородский гуманитарный центр, 16—36;
- Грибов Н.Н. 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки). В: Молев Е.А. (ред.). *Нижегородские исследования по краеведению и археологии* 10. Нижний Новгород: ННГУ, 62—91.
- Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. 2010. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4). *Научный Татарстан* (4), 26—36.
- Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. 2012. На границе Болгарского улуса Золотой Орды: поселение Курмыш-4. В: Хузин Ф.Ш. (ред.). *Проблемы археологии и истории Татарстана* 3. Казань, 66—76.
- Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. 2013. Западное порубежье болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников нижнего Пусурья). *ПА* 6 (4), 79—95.
- Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Каховский В.Ф. 1978. *Исследования Чувашской археологической экспедиции 1978 г.* НОА ИА РАН. Ф.1. Р.1. Д. 6973.
- Каховский В.Ф. 1995. Булгарские памятники на территории Чувашии. В: Каховский В.Ф. (ред.). *История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей.* Чебоксары: ЧГИГН, 3—34.
- Колчин Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. *МИА* 65. Москва; Ленинград, 80—85.
- Кривошеев Ю.В. 2003. *Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв.* Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Михайлов Е.П. (ред.). 2014. *Археологическая карта Чувашской Республики* 2. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 150—167.
- Михайлов Е.П. (ред.). 2015. *Археологическая карта Чувашской Республики* 3. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 164—238.
- Назипов И.И. 2014. *Северо-восточная Русь в системе политико-правовых связей Орды (Улуса Джучи) (1242—1502 годы).* Пермь: Пермский институт экономики и финансов.
- Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. 2016. К исторической топографии средневековых могильников Марийско-Чувашского Поволжья. В: Бочаров С.Г., Ситдинов А.Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды.* Материалы Седьмой международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum plus, 127—130.
- Николаенко Т.Д. 2004. *Археологическая карта России. Нижегородская область.* Москва: ИА РАН.
- Нолев Е.В. 2017. На северо-западных рубежах монгольской империи: русско-ордынское пограничье. *Власть* (9), 167—172.
- Трепавлов В.В. 2010. *Золотая Орда в XIV столетии.* Москва: Квадрига.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1960. Раскопки городища у с. Большая Таяба Чувашской АССР в 1957 г. *УзЧНИИ* XIX. Чебоксары, 82—95.
- Федулов М.И. 2006. Чувашское Присурье в X—XV веках (к постановке вопроса). *Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки* 6. Чебоксары, 123—130.
- Федулов М.И. 2009. Средневековые памятники Чувашского Присурья. В: Михайлов Е.П. (ред.-сост.). *Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии* 2. Чебоксары: ЧГИГН, 104—114.
- Федулов М.И. 2016. *Новые археологические исследования памятников древности и средневековья Среднего Поволжья.* Чебоксары: Чувашский университет.
- Федулов М.И. 2017. Средневековое городище у д. Козловка Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присурье). В: Березина Н.С., Широков О.Н. и др. (редкол.). *Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции).* Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 20 дек. 2016 г.). Чебоксары: Интерактив плюс.

References

- Alekseev, V.P. 1967. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 26. Moscow, 158—166 (in Russian).
- Vorobeva, E. E. 2013. *Arkheologicheskie polevye raboty na territorii vyavlenogo ob'ekta arkheologicheskogo nasledia «Anatkinskii mogil'nik» v Mariinsko-Posadskom raione Chuvashskoi respubliki v 2012 g. (Archaeological Fieldworks on the Recently Identified Object of Archaeological Heritage "Anatkins Burial Ground" in the Mariinsky Posad District, Chuvash Republic, in 2012)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 34215 (in Russian).
- Gribov, N.N. 2003. In Bakhareva, N.N. (ed.). *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local Lore and Archaeology)* 8. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University; Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 16—36; (in Russian).
- Gribov, N.N. 2006. In Molev, E.A. (ed.). *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local Lore and Archaeology)* 10. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 62—91 (in Russian).
- Gribov, N.N., Akhmetgalin, F.A. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 26—36 (in Russian).
- Gribov, N.N., Akhmetgalin, F.A. 2012. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Problemy arkheologii i istorii Tatarstana (Issues of Archaeology and History of Tatarstan)* 3. Kazan, 66—76 (in Russian).
- Gribov, N.N., Akhmetgalin, F.A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 79—95 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kakhovskii, V.F. 1978. *Issledovaniia Chuvashskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1978 g. (Research of the Chuvash Archaeological Expedition in 1978)*. Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Fund 1. R. 1, dossier 6973 (in Russian).
- Kakhovskii, V.F. 1995. In Kakhovskii, V.F. (ed.). *Istoriia issledovaniia arkheologicheskikh pamiatnikov v Chuvashskom Povolzh'e i materialy po antropologii chuvashei (History of Investigations of Archaeological Sites in the Chuvash Volga Basin and Data for Anthropology of the Chuvash People)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 3—34 (in Russian).
- Kolchin, B.A. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 65. Moscow; Leningrad, 80—85 (in Russian).
- Krivosheev, Yu.V. 2003. *Rus' i mongoly: issledovanie po istorii Severo-Vostochnoi Rusi XII—XIV vv. (Rus' and Mongols: Study on the History of North-Eastern Rus' in 12th—14th Centuries)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Mikhailov, E. P. (ed.). 2014. *Arkheologicheskaia karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)* 2. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 150—167 (in Russian).
- Mikhailov, E. P. (ed.). 2015. *Arkheologicheskaia karta Chuvashskoi Respubliki (Archaeological Map of the Chuvash Republic)* 3. Cheboksary: "Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 164—238 (in Russian).
- Nazipov, I.I. 2014. *Severo-vostochnaia Rus' v sisteme politiko-pravovykh svyazei Ordy (Ulusa Dzhuchi) (1242—1502 gody) (Northeastern Rus as a Part of the System of Political and Legal Relations of the Golden Horde (Jochid Ulus) in 1242—1502)*. Perm: Perm Institute of Economy and Finances (in Russian).
- Nikitina, T.B., Vorob'eva, E. E. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiatii G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 127—130 (in Russian).
- Nikolaenko, T.D. 2004. *Arkheologicheskaia karta Rossii. Nizhegorodskaiia oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Oblast)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Nolev, E.V. 2017. In *Vlast' (Power)* (9), 167—172 (in Russian).
- Trepavlov, V.V. 2010. *Zolotaia Orda v XIV stoletii (Golden Horde in the 14th Century)*. Moscow: "Kvadriga" Publ. (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A. 1960. In *Uchenye zapiski Chuvashskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Scientific Bulletin of the Chuvash Research Institute)* XIX. Cheboksary, 82—95 (in Russian).
- Fedulov, M.I. 2006. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki (Bulletin of the Chuvash University: Humanities)* 6. Cheboksary, 123—130 (in Russian).
- Fedulov, M.I. 2009. In Mikhailov, E.P. (ed., comp.). *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie V.F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkheologii (Scientific and Pedagogical Heritage of V.F. Kakhovsky and the Issues of History and Archaeology)* 2. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 104—114 (in Russian).
- Fedulov, M.I. 2016. *Novye arkheologicheskie issledovaniia pamiatnikov drevnosti i srednevekov'ia Srednego Povolzh'ia (Recent Archaeological Investigations of Ancient and Medieval Sites in the Middle Volga Basin)*. Cheboksary: Chuvash University (in Russian).
- Fedulov, M.I. 2017. In Berezina, N.S., Shirokov, O.N. et al. (ed. board). *Aktual'nye voprosy arkheologii, etnografii, istorii (k 100-letiiu so dnia rozhdeniia V.F. Kakhovskogo i 60-letiiu Chuvashskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) (Current Issues of Archaeology, Ethnography, and History: to V.F. Kakhovsky's 100th Birth Anniversary and 60th Anniversary of the Chuvash Archaeological Expedition)*. Cheboksary: "Interaktiv plus" Publ. (in Russian).

Д. Ю. Бадеев

Denis Badeev. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Бадеев Денис Юрьевич. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: denisbadeev@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

Усадьбы золотоордынского Болгара

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde period, medieval town, layout, homestead

Ключевые слова: Волжская Болгария, золотоордынский период, средневековый город, планировка, усадьба

D. Yu. Badeev

Homesteads of the Golden Horde Bolgar

Long-term complex archaeological work allowed to study a considerable area (2516 sq.m) in the central part of the Bolgar town of the Golden Horde period (100—160 m to the south-east from the Cathedral Mosque). Here, the remains of the unique monumental structure of the city bazaar (the middle of the 14th century) were discovered and studied. An important result of the work was the allocation of additional horizons in the strata of the Golden Horde layer of the 14th century, which makes it possible to date the objects associated with them with an accuracy of up to 30 years. Based on the analysis of the location of synchronous ground and buried objects, an attempt has been made to determine the boundaries of individual homesteads. The nature of the finds from the territory of the investigated complex of homesteads testifies that during the entire 14th century, an active handicraft activity was carried out related to copper-foundry, glass-working, jewelry, and also accompanying bone-carving production. During the existence of a city bazaar in the given territory (50—70s years of the 14th century), the activities of the inhabitants of the homesteads under consideration could be connected with the implementation of trade, as indicated by the numerous finds of merchandise inventory: plummets, elements of weights. An analysis of the density of buildings and the size of the established estates suggests that the area of the estates in the central part of the Golden Horde Bolgar decreased during the first half of the 14th century, and only the destructive events of the feudal war period stopped this trend.

Д. Ю. Бадеев

Усадьбы золотоордынского Болгара

Многолетние комплексные археологические работы позволили исследовать значительную площадь (2516 кв. м) в центральной части Болгарского городища золотоордынского периода (100—160 м к юго-востоку от Соборной мечети). Здесь были выявлены и изучены остатки уникального монументального сооружения — городского базара середины XIV в. Важным результатом работ стало выделение дополнительных горизонтов в напластованиях золотоордынского слоя XIV в., что дает возможность датировать связанные с ними объекты с точностью до 30 лет. На основе анализа расположения синхронных наземных и заглубленных объектов предпринята попытка определения границ отдельных усадеб. Характер находок с территории исследованного комплекса усадеб свидетельствует о том, что на них на протяжении всего XIV в. велась активная ремесленная деятельность, связанная с меднолитейным, стеклообрабатывающим, ювелирным, а также сопутствующим им косторезным производствами. В период существования на данной территории городского базара (50—70-е гг. XIV в.) деятельность жителей рассматриваемых усадеб могла быть связана с осуществлением торговли, на что указывают многочисленные находки торгового инвентаря: гиришки, элементы весов. Анализ плотности застройки и размеров установленных усадеб позволяет говорить о том, что в центральной части золотоордынского Болгара площадь усадеб сокращалась на протяжении первой половины XIV в., лишь разрушительные события периода феодальной войны останавливают эту тенденцию.

В 2018 г. исполнилось 80 лет с момента начала систематических археологических исследований на территории Болгарского городища. Основы исследований были заложены Болгарской археологической экспедицией под руководством известного советского археолога А.П. Смирнова. Эти работы по-

зволили средствами и методами археологии начать изучение одного из сложных исторических, социально-экономических процессов — становление и развитие средневековых городов, как в целом, так и в связи с особенностями этих процессов в Среднем Поволжье: генезис городской культуры в рам-

ках кочевой традиции, специфика функционирования исламского города в природно-климатических условиях Восточно-Европейской равнины. Важным результатом работ стала разработка стратиграфической шкалы Болгарского городища, которая включает 7 слоев: от слоя VII (догородских поселений именьковской культуры) и раннебулгарского слоя VI, связанного с этапом возникновения города (начало X в.), до слоев I—II — русской деревни (XVII—XIX вв.) и современного села (XX в.). При этом самым насыщенным материалом и объектами, максимально распространенным на территории всего городища является слой IV — слой города золотоордынской эпохи, который в ходе работ 1964—1970 гг. впервые был разделен на 2 горизонта — нижний, раннезолотоордынский (вторая половина XIII — начало XIV вв.) и позднезолотоордынский (середина XIV — начало XV вв.) (Хлебникова 1974: 18, 19; 1987: 34—89). Одним из основных направлений археологических исследований на Болгарском городище стало изучение его исторической и социальной топографии. Как отмечает А. П. Смирнов, «последняя не отличается большой четкостью» (Смирнов 1974: 12). Во многом эта проблема исходит из слабой изученности как рядовой застройки, так и дворово-усадебной застройки — важного археологического признака средневекового города. Оба вопроса сталкиваются с объективной проблемой сохранности объектов в сухом многослойном культурном слое Болгарского городища. Как и на большинстве болгарских памятников, основной строительный материал — дерево, которое в культурном слое Болгара практически не сохраняется, в лучшем случае, приходится иметь дело с древесным тленом и обугленными фрагментами тех или иных конструкций. Кроме того, основная часть археологических работ XX в. проводилась небольшими площадями, что, зачастую, не позволяло полностью или хотя бы большей частью исследовать указанные элементы городской планировки. Исходя из характера находок, производственных комплексов, сохранившихся элементов сооружений, которые, в большинстве своем, являлись заглубленными объектами (ямами), мы имеем представление о месте тех или иных построек (серии построек) в планировке различных участков города, роде деятельности обитателей усадеб, отчасти можем судить об их социальном статусе. Однако информация о размерах и внутренней планировке усадеб средневожских городов как домонгольско-

го, так и золотоордынского периодов практически отсутствует.

Новые данные об усадебной застройке центральной части золотоордынского Болгара представляют многолетние археологические работы в 80—160 м к юго-западу от Соборной мечети (рис. 1), где с 1989 по 2017 гг. вскрытая раскопами площадь составила 2516 кв. м. Именно здесь были выявлены и исследованы остатки уникального монументального сооружения базара, который функционировал в 50—70-х гг. XIV в. В результате работ, снятия грунта 10 см пластами стало возможным разделение позднезолотоордынского горизонта IV слоя на 3 субгоризонта, каждый из которых соотносится с определенным строительным горизонтом (Коваль, Бадеев 2014). Кроме того, в юго-западной части площадки исследований (раскоп CLXXIX 2015, 2016 гг.) IV слой — ранний горизонт золотоордынского слоя удалось разделить на 2 субгоризонта, включавших в себя схожие наборы прослоек грунта на основе коричневой супеси, разделенных угольной прослойкой со значительным содержанием медного шлака. Граница в виде угольной прослойки с медными шлаками была выбрана как условная и отнесена к верхнему (1 субгоризонту) IV-раннего слоя. Стоит отметить, что прослойки 1 (верхнего) субгоризонта IV-раннего слоя содержали значительное количество обломков изделий из медного сплава — ручки и заклепки медных котлов, обрезки медной посуды и т. п. (Бадеев, Коваль 2016: 9). Монетный материал из 1 и подстилающих его напластований 2 субгоризонта немногочислен (всего 22 экз.). Наиболее поздней серебряной монетой из 1 субгоризонта является дирхем хана Тохты чекана Сарая ал-Махруса 710 г. х., другие — анэпиграфные дирхемы конца XIII в. Медные монеты представлены пулами конца XIII — начала XIV вв. и единичными монетами периода правления Узбека (2 экз.)¹. Остальные находки и керамический материал не противоречили датировке субгоризонта концом XIII — началом XIV вв. Объекты, связанные с 1 субгоризонтом IV-раннего золотоордынского слоя, прежде всего, были представлены 4 заглубленными постройками — подвалами². Подвалы представляли

¹ Определение монет произведено научным сотрудником БГИИМЗ, к. и. н. Д. Г. Мухаметшиным.

² Под «подвалом» мы понимаем заглубленное сооружение подквадратной формы, значительное по площади и глубине. Стенки подобных ям отвесные, дно плоское. Часто на дне ям фиксируются остатки дополнительных объектов — столбовые

собой ямы в плане подпрямоугольной формы, размерами от 270×300 см до 400×470 см, глубиной не более 160—170 см, на дне которых зафиксированы остатки как срубных, так и каркасно-столбовых конструкций. Какого типа наземные постройки располагались над данными подвалами, определить затруднительно, следов и остатков каких-либо отопительных устройств поблизости зафиксировано не было. Планиграфически данные объекты располагались практически в линию, ориентированную по оси ЗСЗ-ВЮВ (рис. 2: I). К юго-западу от центральной группы подвалов, которые последовательно в хронологическом плане сменяли друг друга, были зафиксированы остатки наземной постройки (сооружение 29, раскоп CLXXIX, 2015 г.³). Она была представлена фрагментом деревянного настила: 2 доски шириной не более 15 см, сохранившаяся протяженность 80 см, толщина не более 2—3 см, были ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ, а также располагавшимся к ЮЮЗ от них пятым прокала мощностью до 12—15 см, округлой формы, диаметром 80 см, в непосредственной близости от которого отмечено скопление обожженной глины, что дает основание предполагать наличие здесь печи (горна?); еще одно аналогичное пятно прокала было зафиксировано в западном профиле раскопа. Вокруг данных объектов и непосредственно на деревянном настиле была отмечена максимальная концентрация медного шлака, она достигала такой степени, что сохранившийся деревянный настил имел характерный для медной патины зеленоватый оттенок. Еще одной группой объектов 1 субгоризонта IV-раннего слоя в юго-западной части площадки исследований были две линии оград (сооружение 12 (ЮЗ часть), раскоп CLXXIX, 2015 г., и сооружение 30, раскоп CLXXIX, 2016 г.), которые были представлены частокольными канавками. Ширина частокольных канавок составляла 20—25 см и 34 см соответственно. На дне канавок были зафиксированы остатки столбовых ямок диаметром от 6 до 30 см. В разрезе столбовые ямки имели как конусовидную, так и округлую форму завершения, глубина около 30 см. Расстояние

между столбовыми ямами различное — это, наряду с их диаметром и глубиной, позволяет говорить о том, что мы имеем дело с легким типом оград (плетень). Зафиксированная протяженность данных оград невелика и не превышала 3 м. Объекты имели разнонаправленную ориентировку: ЗСЗ-ВЮВ (сооружение 31) и ССВ-ЮЮЗ (сооружение 12). При таком расположении объектов в юго-западной части площадки исследования для конца XIII — начала XIV вв. (не позже второго десятилетия XIV в.) мы можем говорить о существовании 3 усадеб «А'», «А», «Б» (рис. 2: I). Эти усадьбы в плане имели прямоугольную форму, были ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ. Ни одна из этих усадеб полностью не попала в зону исследования, зафиксированная максимальная площадь (усадьба «А») составила 352 кв. м. Производственные комплексы, если исходить из ситуации на усадьбе «А», тяготели к внутренней части двора. Жилые постройки, исходя из размещения подвалов, которые могли маркировать собой место расположения жилых построек, занимали ССВ части усадеб, которые, вероятно, выходили на улицу. Существование именно в этой части улицы подтверждается несколькими факторами: во-первых, здесь отсутствуют объекты, которые относятся к 1 субгоризонту IV-раннеордынского слоя, расстояние между ближайшими крупными объектами (подвалами) данного периода на этом участке достигало 28 м; во-вторых, ровно на этом месте была зафиксирована трасса улицы 20—70-х гг. XIV в. (рис. 2: II; рис. 3: I), на которой в 50-е годы XIV в. возникло здание городского базара (Бадеев 2015: 202—206, рис. 1).

В северо-восточной части площадки исследования, по другую сторону улицы, выделяемой нами, можно наметить существование как минимум 5 усадеб: «В»-«Е» (рис. 2: I). При этом предложенные нами границы усадеб на данном участке являются весьма условными. С большой долей точности мы можем провести ЮЮЗ (уличную) границу усадеб «Г», «Д». Определяем ее исходя из того, что ширина прилегающей к усадьбам улицы не превышала 5—6 м (данная ширина является максимальной для улиц золотоордынского периода, которые были выявлены на территории Болгарского городища). Еще одной достоверно определяемой границей может выступать граница между усадьбами «Ж»-«Е», где в верхней части напластований IV-раннего слоя на протяжении около 3 м была зафиксирована канавка шириной до 20 см и глубиной не менее 16 см (яма 57, раскоп СХСII, 2015 г.). Она является остатка-

ямы и (или) канавки. В заполнении некоторых ям выделяется засыпка «пазухов котлована», которая имеет вертикальное расположение и остатки деревянных (срубных или иных) конструкций для укрепления стен. Какие-либо отопительные сооружения на дне этих ям отсутствуют.

³ Здесь и далее номера объектов приводятся по Отчёту за соответствующий год.

Рис. 1. Место расположения рассматриваемых усадеб XIV в. на плане Болгарского городища.

Fig. 1. Place of location of the considered homesteads of the 14th century in the scheme of Bolgar.

ми легкой наземной ограды. Данный объект, как и выше упомянутое сооружение 30, был перекрыт остатками ограды из сырцовых кирпичей (дувалом), относящейся ко 2—3 субгоризонтам IV-позднеордынского слоя. Таким образом, как минимум в 2 случаях границы усадеб 1 субгоризонта IV-раннего слоя со-

впадали с границами сменивших их усадеб из 2—3 субгоризонтов IV-позднеордынского слоя (20—40-е гг. XIV в.). Это дает нам основание реконструировать границы усадеб конца XIII — начала XIV вв. максимально приближенными к границам усадеб 20—40-х гг. XIV в. (рис. 2). Как показывают археологиче-

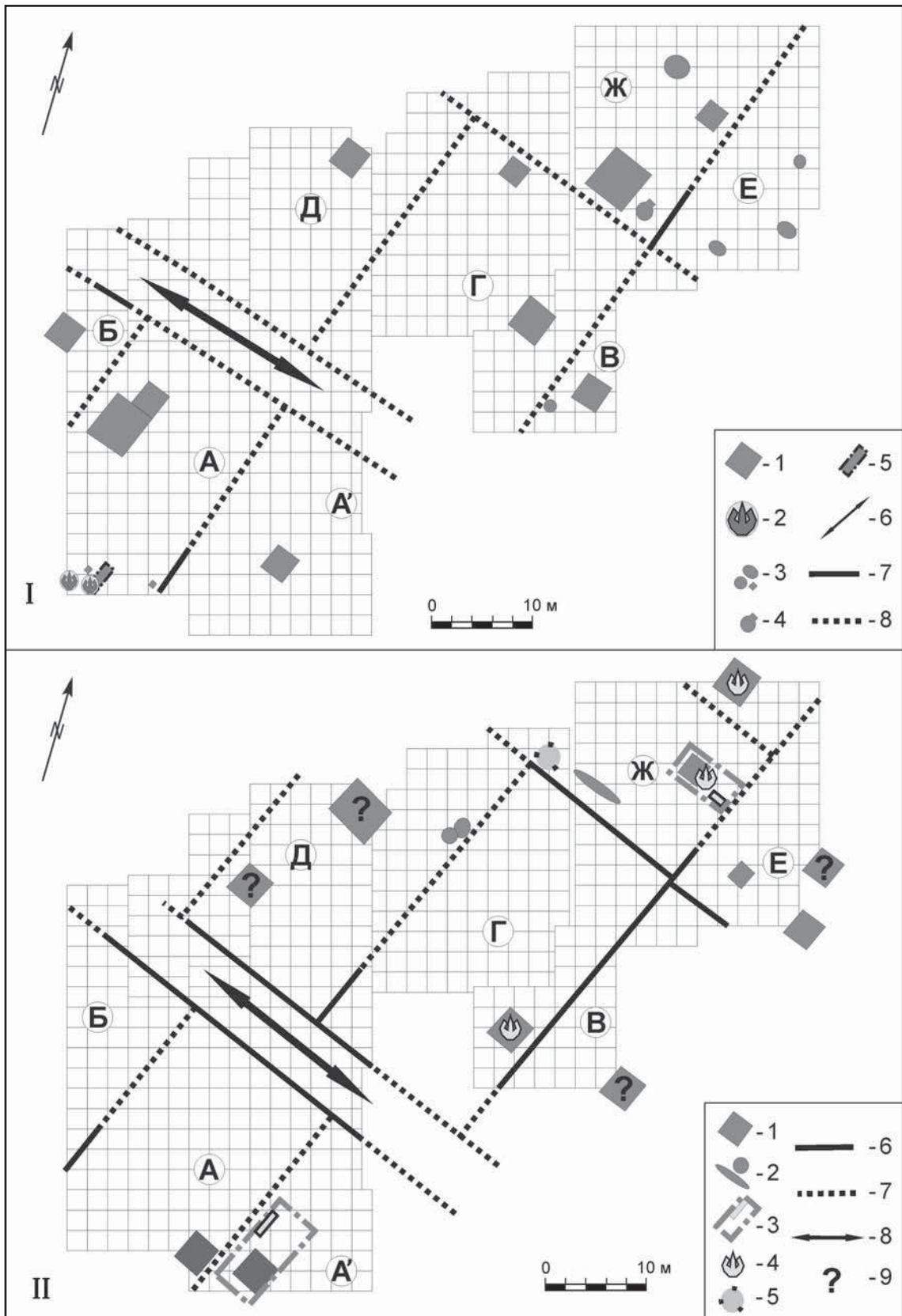
ские исследования многих средневековых городов, границы усадеб отличаются постоянством и стабильностью своего расположения (Куза 1985: 62).

К объектам, датировка которых возможна в рамках конца XIII — начала XIV вв., относятся 6 подвалов, 3 хозяйственные ямы, 1 печь-тандыр ямного типа и 2 зерновые ямы. Максимальное расстояние между объектами в этой части площадки исследования не превышало 13 м. Подвалы, как и аналогичные объекты в ЮЗ части площадки исследования, были представлены ямами подпрямоугольной формы с остатками каркасно-столбовых конструкций на дне. Самая крупная постройка была зафиксирована на территории усадьбы «Ж» (яма 68, раскоп СХСII, 2015 г.), она имела размеры 500×486 см при глубине не более 170 см. Синхронным объектом с указанным подвалом на усадьбе «Ж» являлась заглубленная в яму печь-тандыр (тонир) из сырцовых кирпичей (сооружение 7 с ямой 58, раскоп СХСII, 2015 г.). Основание печи размещалось на дне ямы и представляло собой кольцевидную кладку из разноразмерных сырцовых кирпичей. Перевязка кирпичей в кладке происходила только благодаря различиям в их размерах. В зазорах между кирпичами находился темный культурный слой (представлен серой супесью), кирпичи могли быть уложены либо вовсе без раствора, либо на грязевом растворе. Кладка образовывала собой усеченный конус объемом 0,8 м³. Внутренние стенки сооружения и дно прокалены от красного до черного (угольного) цвета. Высота конструкции не менее 120 см (15 рядов кладки). Нижний ряд кладки не замкнут: в ССВ части сооружения располагается воздуховодный канал шириной около 40 см. Подобная конструкция характерна для средневековых бытовых печей в закавказском регионе. Они были пригодны как для приготовления пищи, так и для отопления, о чём свидетельствуют этнографические материалы (Алили 2017). На территории Болгарского городища конструкция печи такого типа встречается впервые. Расположение подвалов, а следовательно, и наземных (возможно, жилых) построек над ними в рамках усадеб «В»-«Д», аналогично планировочной схеме на усадьбах «А'», «А», «Б». Исключением является планировка усадьбы «Ж», где выявленные подвалы и печь-тандыр тяготели к внутренним границам. Кроме того, каких-либо производственных объектов на территории данных усадеб не зафиксировано. Три усадьбы («В»-«Д»), которые располагались вдоль улицы, имели прямоугольную форму, ориенти-

рованы по оси ССВ-ЮЮЗ. Предполагаемая площадь усадьбы «Г», которая полностью попала в зону исследования, могла составить 616 кв. м.

Следующий вышележащий стратиграфический субгоризонт связан с нижней частью IV-позднего слоя (по монетному материалу, большинство которого составляют медные и серебряные монеты периода правления Узбек-хана, он датируется 20—40-ми гг. XIV в.) и соотносится с магистральной улицей, протянувшейся с северо-запада на юго-восток, и с усадьбами, которые размещались по сторонам этой улицы (Бадеев 2015: 205, 206). Объекты данных субгоризонтов были представлены как заглубленными постройками — подвалами и хозяйственными ямами, так и остатками наземных построек. К последним относятся, прежде всего, ограды (дувалы) из сырцового кирпича, легкие наземные фундаменты (отмостки), сложенные из белокаменного щебня и костей животных, с включениями битого кирпича, кроме того, производственные печи (горны), а также деревянные настилы домов с остатками глинобитной бытовой печи (рис. 2: II).

Ограды из сырцовых кирпичей, зафиксированные в раскопах CLXXVI (2012 г.), CLXXIX (2012—2013, 2016 гг.) и СХСII (2014—2017 гг.), являются основным признаком для выделения границ усадеб. Кладки из сырцовых кирпичей располагались как вдоль улицы (раскопы CLXXVI 2012 г., CLXXIX 2012—2013, 2016 гг.) и были соответственно ориентированы по оси ЗСЗ-ВЮВ, так и между усадеб (раскоп СХСII 2014—2017 гг.) с ориентировкой ССВ-ЮЮЗ. Максимально зафиксированная протяженность сооружения из сырцового кирпича вдоль северо-восточного края улицы составила 29 м, при этом концы его уходили в борта раскопов. Ширина кладки на всех участках ее фиксации не превышала 80 см (до 3 кирпичей). Высота сохранившейся кладки в большинстве случаев была не более 14—20 см (2—3 ряда). Наилучшую сохранность имел участок ограды, располагавшийся на границе усадеб «Г», «Ж» (раскоп СХСII 2015 г.). Здесь из-за просадки в нижележащую яму кладка сохранилась на высоту до 50 см (до 7 рядов). Перевязка кирпичей в кладке осуществлялась благодаря различиям в их размерах. Исходя из стратиграфического расположения (нижняя часть IV-позднего слоя — субгоризонт 3), с сырцовыми оградями связаны фрагменты отмосток из щебня и костей животных, которые могли выступать в качестве легких фундаментов для дувалов. Так, в рас-

Рис. 2. Усадьбы первой половины XIV в.: I — усадьбы начала XIV в. (1 — подвалы; 2 — место для выплавки меди; 3 — хозяйственные объекты; 4 — тандыр; 5 — настил меднолитейной мастерской; 6 — трассировка улицы; 7 — границы усадеб (выявленные участки); 8 — границы усадеб (реконструируемые участки); II — усадьбы 20—40-х гг. XIV в. (1 — подвалы; 2 — хозяйственные объекты; 3 — наземные постройки с бытовыми печами; 4 — постройка погибла в пожаре; 5 — горн для стеклообработки; 6 — границы усадеб (выявленные участки); 7 — границы усадеб (реконструируемые участки); 8 — трассировка улицы; 9 — объекты, датировки которых требуют уточнения).

Fig. 2. Homesteads in the first half of the 14th century: I — homesteads in the beginning of the 14th century (1 — cellars; 2 — place of melting metal for casting; 3 — outbuildings; 4 — tandoor oven; 5 — hardwood floors in the workshop of a coppersmith; 6 — street tracing; 7 — the boundaries of the homestead (fixed); 8 — the boundaries of the homestead (reconstructed); II — homesteads in the 20—40s years of the 14th century (1 — cellars; 2 — outbuildings; 3 — ground building with domestic furnaces; 4 — the building died in a fire; 5 — kiln for glass processing; 6 — the boundaries of the homestead (fixed); 7 — the boundaries of the homestead (reconstructed); 8 — street tracing; 9 — objects whose dating need to be refined).

копе CLXXIX (2012 г.) подобный «фундамент» примыкал под прямым углом к сырцово-вой стене, причем ровно в том месте, где происходил стык кладки из разных по составу сырцовых кирпичей (Бадеев 2015: 205, 206), а в раскопе CLXXIX (2015 г.) схожий объект был перекрыт развалом сырцовых кирпичей из зеленоватого суглинка. Кроме того, в качестве основания под кладку из сырцовых кирпичей на некоторых участках использовались деревянные доски (раскоп CLXXIX, кв. 13, 14, 2012 г.). Условными можно рассматривать границу между усадьбами «А» и «А'», а также ССВ границу усадьбы «Ж». Проводились эти границы исходя из того, что на одной усадьбе могла располагаться одна (максимум две) наземная жилая постройка, с которыми были связаны заглубленные объекты типа подвала.

На усадьбе «А'» (рис. 2: II) с одним из заглубленных объектов (подвалом) соотносятся остаток наземной конструкции (жилого дома), которые были представлены деревянным настилом и развалом бытовой глинобитной печи. Постройка была ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ, зафиксированные размеры составили 10×6 м. Фрагмент еще одной наземной постройки, погибшей в пожаре, был выявлен в ВЮВ части усадьбы «Ж» (сооружение 12, раскоп СХСII). Обугленные доски (шириной 10—15 см) деревянного настила были ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ и располагались между синхронными ему кирпично-глинобитной бытовой печью и подвалом (яма 107, раскоп СХСII, 2016 г.). В плане постройка имела прямоугольную форму, вытянута по оси ЗСЗ-ВЮВ. Зафиксированные размеры сохранившейся части постройки 7×3,5 м, при этом ЮЮЗ часть была нарушена объектом конца XIV в.

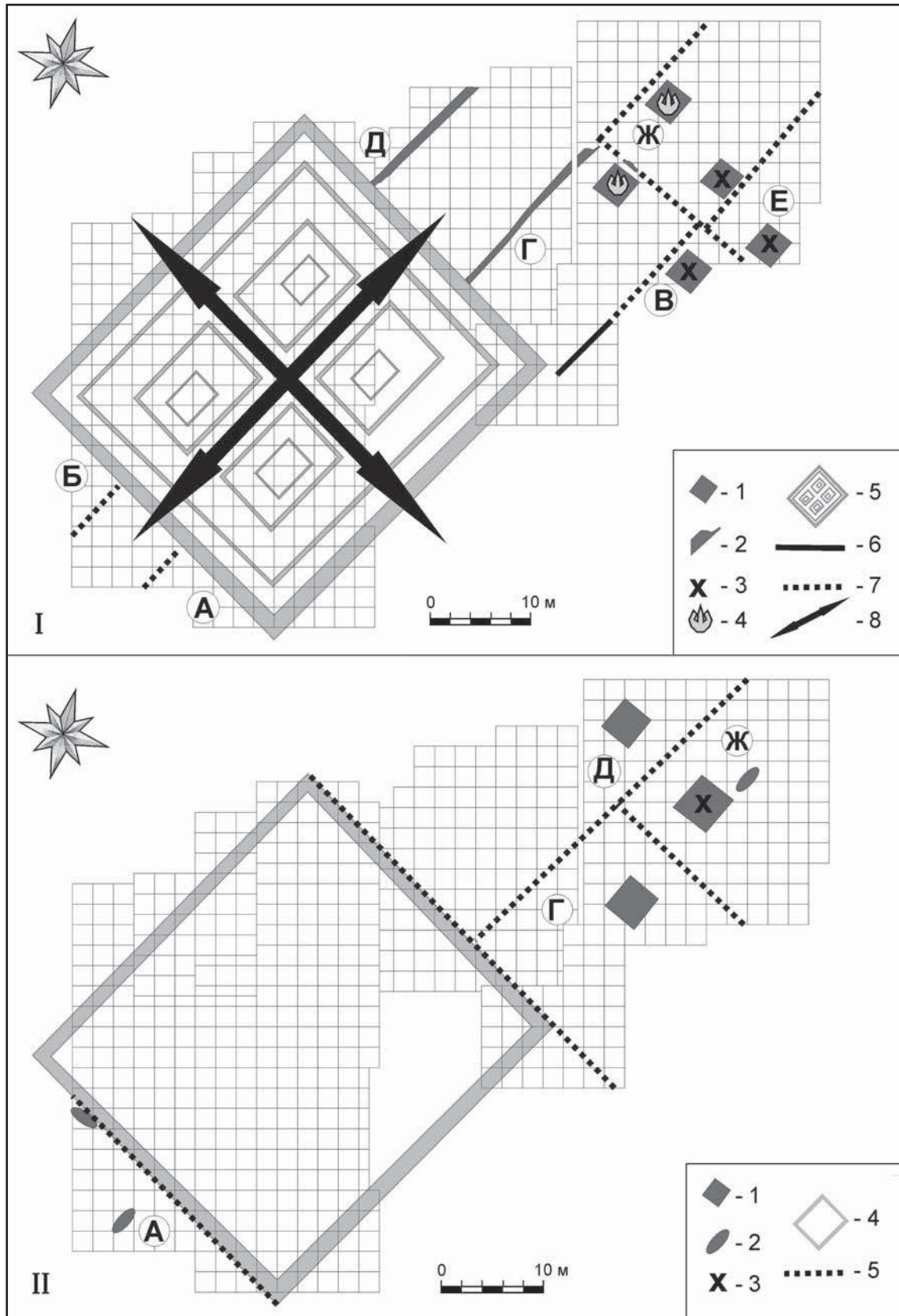
Объектов, связанных с производственной (ремесленной) деятельностью, на территории данных усадеб зафиксировано не было. Исключение составляет усадьба «Ж» (рис. 2: II), где были локализованы остатки горнов, предположительно относящихся к стеклообрабатывающей мастерской, специализировавшейся на производстве различных бус и перстней (Полубояринова 2006). Стоит отметить наличие значительного количества литейных каменных форм и их обломков (около 100 экз.!) с территории усадеб «Ж» и «Е».

Литейные формы, а также незначительное количество керамических тиглей, происходило как из напластований 2 субгоризонта IV-позднего слоя и связанных с ними объектов, так и из заполнения более поздних объектов (второй половины XIV — начала XV вв.). Вероятно, одна из этих усадеб была связана с ювелирным производством. Кроме того, на этих усадьбах была отмечена концентрация заготовок и бракованных изделий из янтаря (привески с треугольным окончанием и бусы).

Планиграфическое расположение объектов из субгоризонтов 2, 3 дает возможность предположить существование на исследованной территории как минимум 8 усадеб 20—40-х гг. XIV в. (рис. 2: II), одна из которых практически полностью попала в зону исследований (усадьба «Г»). Она была ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ, имела размеры 32×20 м и площадь 640 кв.м. Если усадьбы 20—40-х гг. XIV в., которые располагались вдоль улицы (усадьбы «А'», «А»-«Д»), были ориентированы по оси ССВ-ЮЮЗ, то усадьба «Ж», скорее всего, была ориентирована по оси ЗСЗ-ВЮВ. Последняя с трех сторон граничила с другими усадьбами. Таким образом, достаточно оснований полагать, что ЗСЗ сторона усадьбы «Ж» выходила на улицу, которая должна была идти перпендикулярно выявленной на площадке исследования улице, ориентированной по оси ЗСЗ-ВЮВ. Следует отметить и тот факт, что постройки на усадьбах «Г» и «Ж» погибли в результате локального пожара. Возможно, именно этот пожар стал поводом к перепланировке рассматриваемого участка.

В 50-е годы XIV в. здесь возводится здание городского базара, к СВ входу которого подходит широкая торговая улица с оградями из обожженного кирпича. Появление крупного здания площадью 1258 кв. м (по внешнему контуру) приводит к значительному сокращению площади усадеб в данной части городища (рис. 3: I). Так площадь усадьбы «Г» сокращается почти в 2,5 раза до 258 кв.м. О характере занятий жителей данных усадеб свидетельствует значительное количество торгового инвентаря (гирьки различных типов и элементы весов). Каких-либо производственных комплексов зафиксировано не было.

Рис. 3. Усадьбы второй половины XIV в.: I — усадьбы 50—70-х гг. XIV в. (1 — подвалы; 2 — ограды из кирпича; 3 — человеческие останки в заполнении подвалов; 4 — постройка погибла в пожаре; 5 — здание базара; 6 — границы усадеб (выявленные участки); 7 — границы усадеб (реконструируемые участки); 8 — трассировка улиц); II — усадьбы конца XIV в. (1 — подвалы; 2 — хозяйственные постройки; 3 — разрозненные кости человека; 4 — руины базара; 5 — границы усадеб (реконструируемые).

Fig. 3. Homesteads in the second half of the 14th century: I — homesteads in the 50—70s years of the 14th century (1 — cellars; 2 — brick fences; 3 — human remains in filling the cellars; 4 — the building died in a fire; 5 — Bazaar building; 6 — the boundaries of the homestead (fixed); 7 — the boundaries of the homestead (reconstructed); 8 — street tracing); II — homesteads in the end of the 14th century (1 — cellars; 2 — outbuildings; 3 — individual human bones; 4 — the ruins of the bazaar; 5 — the boundaries of the homestead (reconstructed)).

Выявленные постройки в усадебном пространстве располагались и ближе к внешним границам, и внутри дворов. Сами постройки были представлены подвалами с каркасно-столбовыми и срубными конструкциями. Минимум две постройки (на усадьбах «Г» и «Ж») пострадали в результате крупного пожара, в котором погибло и здание городского базара. Остальные подвалы после прекращения их бытования, в процессе засыпки были использованы под санитарные захоронения. В засыпке данных объектов были обнаружены как целые человеческие костяки в неестественном положении, так и разрозненные кости. Эти жертвы, как и масштабный пожар, следы которого зафиксированы на значительной части Болгарского городища, принято связывать с захватом города Булак-Тимуром (Жиромский 1958). Легкие межусадебные ограды данного периода были представлены на усадьбах «В», «Г» деревянным частоколом (сооружение 6, раскоп СХСII, 2014 г.), а на усадьбах «Г», «Ж» остатками ограды из обломков и целых обожженных кирпичей на глиняном растворе (сооружение 11, раскоп СХСII, 2015 г.).

К началу XV в., после разрушительных событий периода «замятни» в Золотой Орде, отразившихся и на средневожских городах, происходит значительное сокращение городской площади — Болгар практически возвращается к границам домонгольского периода. Плотность рядовой жилой застройки в центральной части городища значительно сокращается. Так, на территории к северо-востоку от здания городского базара 50—70-ми гг. XIV в. датируются пять объектов (подвалов), концом XIV в. — уже только два, а началом XV в. — всего один (см. рис. 3: II). Именно из заполнения подвала на усадьбе «Д» происходило большое количество медных монет периода правления Тохтамышша. Уменьшение плотности застройки свидетельствует и о сокращении количества усадеб на рассматриваемой территории. Стоит отметить, что при всех существенных изменениях, связанных с прекращением существования близлежащего здания городского базара, ориентировка объектов сохраняется прежней. Границы усадеб конца XIV — начала XV вв., определяемые нами, весьма условны. Можно предположить, что такую функцию могли выпол-

нить руинированные стены городского базара. На территории разрушенного базара какие-либо объекты рассматриваемого периода отсутствуют, хотя отдельные монетные находки конца XIV — начала XV вв. в переложном состоянии здесь присутствуют. Возможно, данное пространство служило местом утилизации бытовых отходов, о чем свидетельствует присутствие в слое разрушения значительного количества керамического и остеологического материала. Нельзя исключать и того, что здесь продолжала, в той или иной степени, функционировать улица, ориентированная по оси СЗ-ЮВ. Наличие подвала в створе трассы улицы, подходившей к зданию базара с СВ, свидетельствует о том, что ее место занимает территория усадьбы «Д», улица прекращает свое существование.

Если соотнести установленные размеры усадеб в центральной части золотоордынского Болгара с размерами усадеб средневекового Новгорода (XIII—XIV вв.), где наиболее изучен вопрос соотношения размеров городских дворов с социальным статусом их владельцев, то на всем протяжении XIV в. они будут близки к нижним границам размеров «средних и крупных» усадеб (Петров, Сорокин 1997). Высокий уровень достатка населения, проживавшего на представленных выше усадьбах города Болгара, подтверждается большим количеством статусных вещей: это столовая керамика из Средней Азии, Китая, Византии, стеклянная посуда с Ближнего Востока, тарная керамика (амфоры) с территории Испании. Заметим, что средние усадьбы нижневожских золотоордынских городов заметно превосходят по площади представленные выше усадьбы Болгарского городища. Г. А. Федоров-Давыдов, сравнивая нижневожские и древнерусские усадьбы, объясняет превосходство размеров первых над вторыми «особо большими площадями золотоордынских городов, не ограниченных по крайней мере в первые периоды их жизни линией фортификации» (Федоров-Давыдов 1994: 63).

Другой тип «крупных» усадеб располагался по периферии золотоордынского Болгара. Например, в восточной части городища, к юго-востоку от Большого Иерусалимского оврага у естественного сезонного водоема, была частично изучена подобная усадьба, которая сформировалась на месте домонголь-

ского и раннеордынского загородного поселка (Баранов 2016: 219—223). Характер застройки подобных усадеб на территории Болгарского городища, как и домонгольских

городских усадеб, их планировка и социальный статус проживавшего на них населения требует дальнейших археологических исследований.

Литература

- Алили Э. 2017. Тандыр, тендир, тонир: этимология слова. URL: <http://caucasianhistory.info/?p=661> (дата обращения 23.11.2018).
- Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. 2016. Раскопы CLXXIX (участки О-У) и СХСП (участки Д, Е). В: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. (авт.-сост.). *Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск*. Казань: Казанская недвижимость, 7—12.
- Бадеев Д.Ю. 2015. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30—70-х гг. XIV в. *КСИА* 237, 200—210.
- Баранов В.С. 2016. Объекты жилой застройки одного из районов юго-восточной периферии города Болгара. В: Ситдииков А.Г. (отв. ред.). *Город Болгар. Жилища и жилищная застройка*. Москва: Наука, 192—241.
- Жироский Б. Б. 1958. К вопросу о походе Булак-Тимура. *СА* (1), 88—96.
- Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. 2015. Исследования центрального базара Болгара в 2012—2013 гг. *КСИА* 237, 189—199.
- Куза А.В. 1985. Древнерусские города. В: Колчин Б.А. (отв. ред.). *Древняя Русь. Город, замок, село*. Археология СССР 6. Москва: Наука, 51—66.
- Полубояринова М.Д. 2006. Стеклодельная мастерская XIV в. в Болгаре. *РА* (4), 152—158.
- Петров М.И., Сорокин А.Н. 1997. О размерах усадеб Древнего Новгорода. В: Янин В.Л. (отв. ред.). *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 11. Новгород, 54—63.
- Смирнов А.П. 1974. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары. В: Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 4—13.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: МГУ.
- Хлебникова Т.А. 1974. Исследования центра города Болгара в 1964—1970 гг. В: Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 18—23.
- Хлебникова Т.А. 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография. В: Федоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 34—89.

References

- Alili, E. 2017. Tandyр, tendir, tonir: etimologiya slova (Tandyр, tendir, tonir: etymology of the word). URL: <http://caucasianhistory.info/?p=661> (accessed 23.11.2018) (in Russian).
- Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2016. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (auth., comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhskaia (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ., 7—12 (in Russian).
- Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 200—210 (in Russian).
- Baranov, V.S. 2016. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Gorod Bolgar. Zhilishcha i zhilaia zastroika (Town of Bolgar: Dwellings and Housing)*. Moscow: "Nauka" Publ., 192—241 (in Russian).
- Zhiromskii, B.B. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 88—96 (in Russian).
- Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 189—199 (in Russian).
- Kuza, A.V. 1985. In Kolchin, B.A. (ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. Town, Castle, Village)*. Series: Archaeology of the USSR 15. Moscow: "Nauka" Publ., 51—66 (in Russian).
- Poluboiarinova, M.D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 152—158 (in Russian).
- Petrov, M.I., Sorokin, A.N. 1997. In Yanin, V.L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 11. Novgorod, 54—63 (in Russian).
- Smirnov, A.P. 1974. In Smirnov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 4—13 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1974. In Smirnov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 18—23 (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 34—89 (in Russian).

В. Ю. Коваль

Vladimir Koval. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Коваль Владимир Юрьевич. Кандидат исторических наук. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: kovaloka@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation

Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы

Keywords: Middle Volga region, Bolgar town, rampart, moat, wooden walls, towers, city defense strategy

Ключевые слова: Среднее Поволжье, город Болгар, вал, ров, деревянные стены, башни, стратегия обороны города

V. Yu. Koval

Fortification of Bolgar Town in the 14th Century: the current state of the problem

The article reviews published materials and hypotheses concerning the fortification of Bolgar town in the 14th century, in the era of its heyday and reaching the maximum area. The hypotheses were verified based on the data obtained during excavations in 2014—2015. It is shown that the archaeological realities documented in the excavation reports do not match with O. Khovanskaya and Yu. Krasnov's hypotheses on a buttress wall (or a cellular wall, 'tarasa') placed on the crest of the rampart and existence of pillar-based towers. In reality, during the excavations of 1946, 1953 and 1967, only irregular traces of pillar pits of different depths were discovered. Such traces could be left by a light fence supported by some separate pillars. Pillar-based towers in the Russian medieval fortifications are not known, because they would represent very fragile structures, vulnerable to stone-hurling artillery. It was suggested that the found pillar pits could be traces of some household structures of a Russian village dated by 17th—20th centuries. Defensive structures on the top of the rampart could consist of a light wooden fence without any towers. Some attempts are made to explain the difference between the Russian and Bolgar urban defense strategies. While the Russian strategy was based on use of vertical barriers (wood-earth walls), the Bolgar strategy was based on the construction of ramparts to prevent cavalry attacks on the town. Such ramparts were defended by cavalry detachments moving inside the town walls.

В. Ю. Коваль

Фортификация Болгара в XIV в.: современное состояние проблемы

В статье рассматриваются опубликованные материалы и гипотезы, касающиеся фортификации города Болгара в XIV в., т. е. в эпоху его расцвета и достижения максимальной площади. Верификация гипотез проведена на базе данных, полученных в ходе раскопок 2014—2015 гг. Показано, что археологические реалии, зафиксированные в отчетах о раскопках, не соответствуют гипотезам О. С. Хованской и Ю. А. Краснова о размещении на гребне вала стены столбовой конструкции (или стены из «тарас») и существовании башен столбовой конструкции. В реальности при раскопках 1946, 1953 и 1967 гг. были выявлены лишь нерегулярные следы столбовых ям различной глубины заложения. Такие следы могли остаться от легкой ограды, опиравшейся на отдельные столбы. Башни столбовой конструкции в русской средневековой фортификации не известны, т. к. представляли бы собой очень непрочные сооружения, не способные противостоять камнеметной артиллерии. Высказано предположение, что обнаруженные столбовые ямки принадлежали хозяйственным сооружениям русской деревни XVII—XX вв. Оборонительные сооружения на вершине вала могли состоять из легкой деревянной ограды без всяких башен. Высказаны предположения о причинах различия русской и болгарской стратегий обороны городов. Если русская стратегия базировалась на использовании вертикальных преград (древко-земляных стен), то болгарская — на сооружении валов, препятствовавших конной атаке на город. Оборона таких валов осуществлялась благодаря перемещению внутри города отрядов конных воинов.

Фортификация города Болгара — чрезвычайно важная проблема его истории, которая уже привлекала внимание исследователей, но так и осталась неразрешенной. Наиболее полный по хронологическому охвату материала труд принадлежит перу О. С. Хованской (1958), пытавшейся рассматривать оборону Болгара и происходившие в ней су-

щественные изменения, начиная с основания города в IX в. и вплоть до его гибели в XV в. К сожалению, в руках автора было слишком мало достоверных сведений, поэтому большинство полученных выводов носило характер догадок и произвольных реконструкций, мало связанных с конкретным археологическим материалом. В дальнейшем той же

самой проблематике была посвящена статья Ю. А. Краснова (1987), в которой в целом повторялись построения О. С. Хованской. Обращался к фортификации Болгарского городища и А. М. Губайдуллин (1998; 2002; 2015), который, полностью следуя выводам своих предшественников, разрабатывал реконструкции гипотетического внешнего вида оборонительных сооружений, но, к сожалению, также без связи с конкретным археологическим материалом (поскольку им использовались не данные отчетов, а умозрительные реконструкции О. С. Хованской и Ю. А. Краснова). Проведенные в 2014—2015 гг. экспедицией Института археологии АН Татарстана и Института археологии РАН исследования вала Болгарского городища¹ позволяют полностью пересмотреть выводы, предлагавшиеся названными выше исследователями. Результаты новейших исследований требуют обстоятельной публикации (которая находится в стадии подготовки), но некоторые предварительные наблюдения и выводы по ним уже были высказаны (Коваль, Русаков 2016: 118—120). Тем не менее, представления предшествующих исследователей требуют специального разбора (речь идет, прежде всего, о работах О. С. Хованской и Ю. А. Краснова), поскольку именно на них строились все последующие реконструкции, довлеющие над сознанием современных ученых, обращающихся к этой теме. Надо специально подчеркнуть, что в данной работе рассматривается только фортификация XIV века, но не более ранние сооружения, требующие отдельного подробного изучения с привлечением новых раскопочных данных.

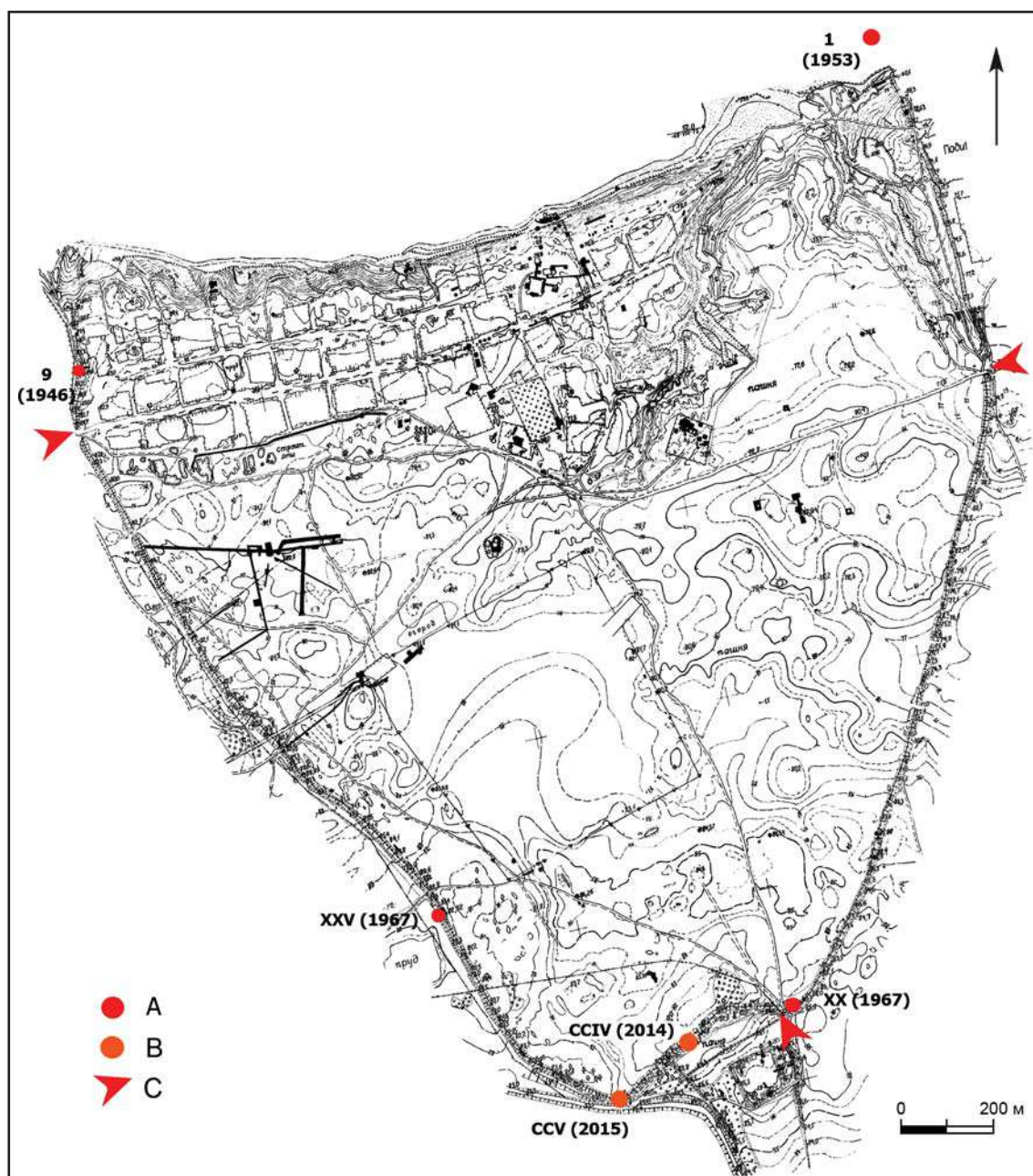
Остатки фортификации XIV века неплохо сохранились до настоящего времени и представляют собой выраженные в рельефе вал и ров, окружающие всю территорию Болгарского городища площадью более 3 га. У всех исследователей Болгара никогда не было сомнений в том, что эта линия обороны являлась наиболее поздней в истории города, дискутировалась лишь дата ее возведения в рамках XIV в. Все прочие фортификационные сооружения Болгара, относившиеся к домонгольской эпохе, которые еще можно было видеть в начале XX в. (они зафиксированы на ряде фото того времени), до настоящего времени не сохранились в рельефе (например, так называемый «Замошный вал», маркировавший границу города в конце XII —

начале XIII в.), и их остатки обнаруживаются только в ходе археологических раскопок (Краснов 1987: 101—108, рис. 10; 11; Баранов, Губайдуллин 2016: 193—198). К сожалению, от этих фортификаций сохранились в основном рвы, а от валов в лучшем случае остались подошвенные части, по которым трудно понять конструкцию сооружений и определить, являлись ли эти валы насыпями или руинами древо-земляных стен. Зная объем грунта, вынутый из рвов², можно составить представление о приблизительных размерах вала накануне уничтожения этих сооружений. Но этих данных недостаточно для научной реконструкции фортификационных систем, поскольку по ним невозможно установить высоту вала, крутизну склонов и понять, какая именно конструкция возводилась с использованием вынутой из рва земли — насыпь или деревянная стена с земляным заполнением.

Сохранившиеся до наших дней вал и ров Болгарского городища прослеживаются на протяжении 5,6 км (Краснов 1987: 109) (рис. 1), причем в некоторых местах сохранность этих сооружений может расцениваться как очень хорошая. В то же время, значительные отрезки вала (особенно в восточной части периметра) сильно повреждены из-за оплывания или искусственной подрезки насыпей (рис. 2). Все воротные проемы в настоящее время испорчены строительством бутафорских бревенчатых башен (рис. 3), которые якобы оформляли в прошлом эти проходы. Правда, на некоторых воротных проемах проводил раскопки еще А. П. Смирнов (Хованская 1958: рис. 7; Краснов 1987: рис. 12), однако подлинная документация этих раскопок не сохранилась, да и объем работ был крайне незначительным, фактически это была шурфовка. Таким образом, ни один из воротных проемов в валу Болгарского городища не был полностью и с соответствующим качеством исследован. Причем, нет надежды на то, что данные об устройстве этих проемов удастся получить в будущем, поскольку все пункты, где размещались проходы в валах, безнадежно испорчены строительством бутафорских сооружений и прокладкой асфальтированных дорог. Особенно сильные повреждения получили южные ворота, где, помимо возведения башен, по гребню вала поставлен частокол (рис. 3: 2), уничтоживший все следы сооружений, которые могли там еще оставаться. Кроме того, во многих местах вал в разное вре-

¹ Работы П. Е. Русакова в отряде под руководством В. Ю. Ковалева, действовавшего в составе Болгарской экспедиции, начальник — А. Г. Ситдииков.

² Он легко определяется по площади поперечного сечения рва.

Рис. 1. Схема Болгарского городища с указанием мест проведения раскопок на валу (цифрами обозначены номера раскопок и годы работ): А — места проведения работ в 1946—1967 гг.; В — места раскопок 2014—2015 гг. Института археологии РАН; С — местоположение воротных проемов в валу (западного, южного и восточного).

Fig. 1. Scheme of the ress Bolgar with an indication of the excavation sites on the rampart (numbers indicate the dig number and the years of work): А — places of work in 1946—1967, В — excavation site of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in 2014—2015, С — location of portal openings in the rampart (western, southern and eastern).

мя был прорезан для создания проходов и дорог, которые сейчас выглядят уже похожими на древние воротные проемы (рис. 4).

До 2014 г. исследователи вала Болгарского городища обладали крайне ограниченным кругом источников, которые позволяли бы делать выводы о его конструкции. Главными такими источниками являлись отчетные материалы о прорезке вала, проведенной

в 1946 г. в северо-западной части городища (раскопки А. П. Смирнова, начальник раскопка О. С. Хованская), и частичных расчистках гребня вала, проводившихся О. С. Хованской в 1953 г. (в северо-восточном углу городища) и Ю. А. Красновым в 1967 г. (в южной части периметра валов). При работах 1953 и 1967 г. ни одного полного разреза валов сделано не было, во всяком случае, среди

Рис. 2. Валы Болгарского городища со следами существенной нивелировки в результате хозяйственной деятельности: 1 — в восточной части периметра валов; 2 — в западной части периметра. Вид с юга.

Fig. 2. Ramparts of the Bolgar's fortress with traces of significant leveling as a result of household activity: 1 — in the eastern part of the perimeter of the ramparts; 2 — in the western part of the perimeter. View from the south.

отчетных материалов, хранящихся в Институте археологии РАН (Москва) и Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, документация таких разрезов отсутствует. Таким образом, от всех предыдущих работ по изучению позднесредневековой фортификации Болгара сохранился только один разрез вала 1946 года (Краснов 1987: рис. 13) и 5 планов поверхности гребней насыпей на раскопах №9 (1946 г.) (Краснов 1987: рис. 13), №1 и 1а (1953 г.), XX и XXV (1967 г.). Из них 2 плана (1953 года)

сохранились только в публикации О.С. Хованской (1958: рис. 4; 5), а из раскопок 1967 г. опубликован только план раскопа XX (Краснов 1987: рис. 14). План раскопа XXV никогда ранее не публиковался и приводится здесь впервые (рис. 5).

На единственном имеющемся профиле разреза вала и рва (1946 г.) в отчетной документации и публикации (Краснов 1987: рис. 13) была представлена крайне схематичная картина, лишенная каких бы то ни было деталей, согласно которой вал состоял

Рис. 3. Башни, выстроенные в воротных проемах в 2000-е гг.: 1 — на Западных воротах (вид с запада); 2 — на южных воротах (вид с юга).

Fig. 3. Towers, built in the portal openings in 2000s: 1 — on the western gate (view from the west); 2 — on the southern gate (view from the south).

из 2 насыпных горизонтов — нижнего супесчаного и верхнего суглинисто-супесчаного, оба горизонта в поперечном разрезе имели сегментовидные очертания (рис. 6). Следует добавить, что план раскопа снимался только на уровне поверхности насыпи (после удаления дерна). Многие детали разреза 1946 г. вызывают недоумение: например, каким об-

разом погребенная почва под валом перекрывала слой золотоордынского времени? Скорее всего, здесь кроется какая-то ошибка фиксации, потому что почва предшествовала формированию слоя, а не образовалась на нем (для этого потребовалось бы несколько десятилетий запустения городища). Возможно, прослойка, названная «погребенной почвой»,

Рис. 4. Проходы в валах, сделанные в современную эпоху: 1 — в восточной части городища; 2 — в южной части городища.

Fig. 4. Passages in the ramparts made in the modern epoch: 1 — in the eastern part of the fortress; 2 — in the southern part of the fortress.

в действительности не имела отношения к почве, но тогда остается неясным, что же это такое и почему она была выделена раскопщиками и столь экзотично интерпретирована.

Для понимания структуры насыпи важно сохранившееся описание нижнего и верхнего

горизонтов. Нижний горизонт О. С. Хованская характеризовала как «серую супесь и песок», уточняя, что их брали при рытье рва, в то время как верхний горизонт (включавший значительно больший объем грунта) описан как состоявший из «суглинка серовато-красного

цвета», который назван также «материковым суглинком», причем в нем упоминаются линзы «светлой супеси» (Хованская 1958: 320). К сожалению, никаких внятных пояснений это описание не содержит, так что из него трудно понять происхождение разных грунтов. Если следовать тексту буквально, то получается, что нижний горизонт вала создавался из материкового песка, который брался при рытье рва, но тогда непонятно, откуда взялся еще и «материковый суглинок». Лишь новые работы на валу позволили расшифровать этот ребус. Нижний горизонт насыпи на исследованном в 1946 г. участке, аналогично всем другим исследованным частям вала, создавался из грунтов почвенного горизонта, к которому добавлялись перекрывавшие почву в этом месте отложения культурного слоя. Эти грунты снимались, вероятно, строго по трассе размеченного рва, поэтому объем их был невелик. На следующем этапе, когда создавался верхний горизонт вала, в дело пошел рыжеватый суглинок, который в северной части городища залегает под почвенным супесчаным горизонтом и перекрывает нижележащие песчаные слои. Есть все основания утверждать, что на том участке, который исследовался в 1946 г. (в северо-западной части периметра вала), отложения суглинков были особенно мощные: при описании рва О. С. Хованская прямо упоминает, что его дно, находившееся на 2,2 м ниже окружающей поверхности, было врезано в красный суглинок (Хованская 1958: 320)³. Видимо, пески залегали здесь на гораздо большей глубине и при откапывании рва строители до них просто не дошли. Откуда происходила «светлая супесь», линзы которой фиксировались в верхнем горизонте насыпи вала, пока неясно; возможно, это грунт с осыпавшихся в ходе работ краев рва, т. е. те же грунты почвы и культурного слоя.

План поверхности гребня вала, исследованного в 1946 г. (рис. 6), демонстрирует наличие на нем многочисленных столбовых ям и углистых или же «гумусовых пятен», содержавших мелкие кусочки перегнившего дерева» (Хованская 1958: 320). Столбовые ямы имели глубину до 50 см, но разрезы их не проводились (отсутствует документация), поэтому полностью доверять этим данным невозможно. Самой важной представляется информация о сохранившихся в этих ямах «дубовых столбах» диаметром от 8 до 60 см. Поскольку

в 1946 г. методика определения породы древесины еще не применялась при археологических раскопках (авторы отчета и публикации не упоминают о специалистах, которые делали бы такие определения), ясно, что порода определялась «на глаз», вероятно, исходя из хорошей сохранности древесины. Но как раз вот эта-то хорошая сохранность и заставляет думать, что в действительности тут могли быть обнаружены столбы вовсе не только из дуба, но и из любых иных пород дерева. А значит, речь может идти не о древних укреплениях, а об остатках различных хозяйственных сооружений, возводившихся жителями русского села Болгары на протяжении XVII—XX вв. О наличии слоев этого времени непосредственно рядом с валом упоминается в цитируемой статье, застройка тут показана и на исторических планах села, например, на плане села Болгары 1827 г. (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 200. Оп. 1. Д. 53. Л. 2об.). Валы Болгарского городища всегда использовались тут весьма активно — в них вырывались погребки (их следы видны до сих пор), здесь же могли строиться ветряные мельницы и другие хозяйственные постройки на свайном основании. Еще более вероятно, что по вершине вала проходили ограды ближайших усадеб, отгораживавшие их от рва, которые, несомненно, постоянно поновлялись. Если это так (а хорошая сохранность древесины указывает на это), то все предположения о «стене» поверх вала оказываются несостоятельными. Что касается «гумусовых пятен», то при отсутствии их разрезов, уже невозможно установить, какие из них соответствовали столбам, а какие — нет, так что строить на таком материале гипотезы о стене на гребне вала нет никаких оснований.

Но допустим, что все или хотя бы часть из выявленных столбовых ям относились к XIV в. Тогда возникает вопрос — что же это была за стена, у которой «большие столбы» располагались с интервалом 3—3,5 м, и почему автор публикации говорит о «толщине стены» в 1,6 м (Хованская 1958: 320)? О чем, собственно, идет речь — о стене столбовой конструкции из двух параллельных заплотов? Но на плане гребня вала таких линий не видно — пятна ям располагаются в одну линию или группами, но никак не в 2 параллельных линии. И если ставились 2 параллельных заплота, то чем заполнялось пространство между ними? Если землей, то где хотя бы самые незначительные следы этой земли? Ведь после разрушения заплотов она должна была высыпаться на склоны вала. Если же земли

³ В этой связи заметим, что в южной части городища суглинистый горизонт был маломощным или почти вовсе отсутствовал, из-за чего состав насыпей был совершенно иным.

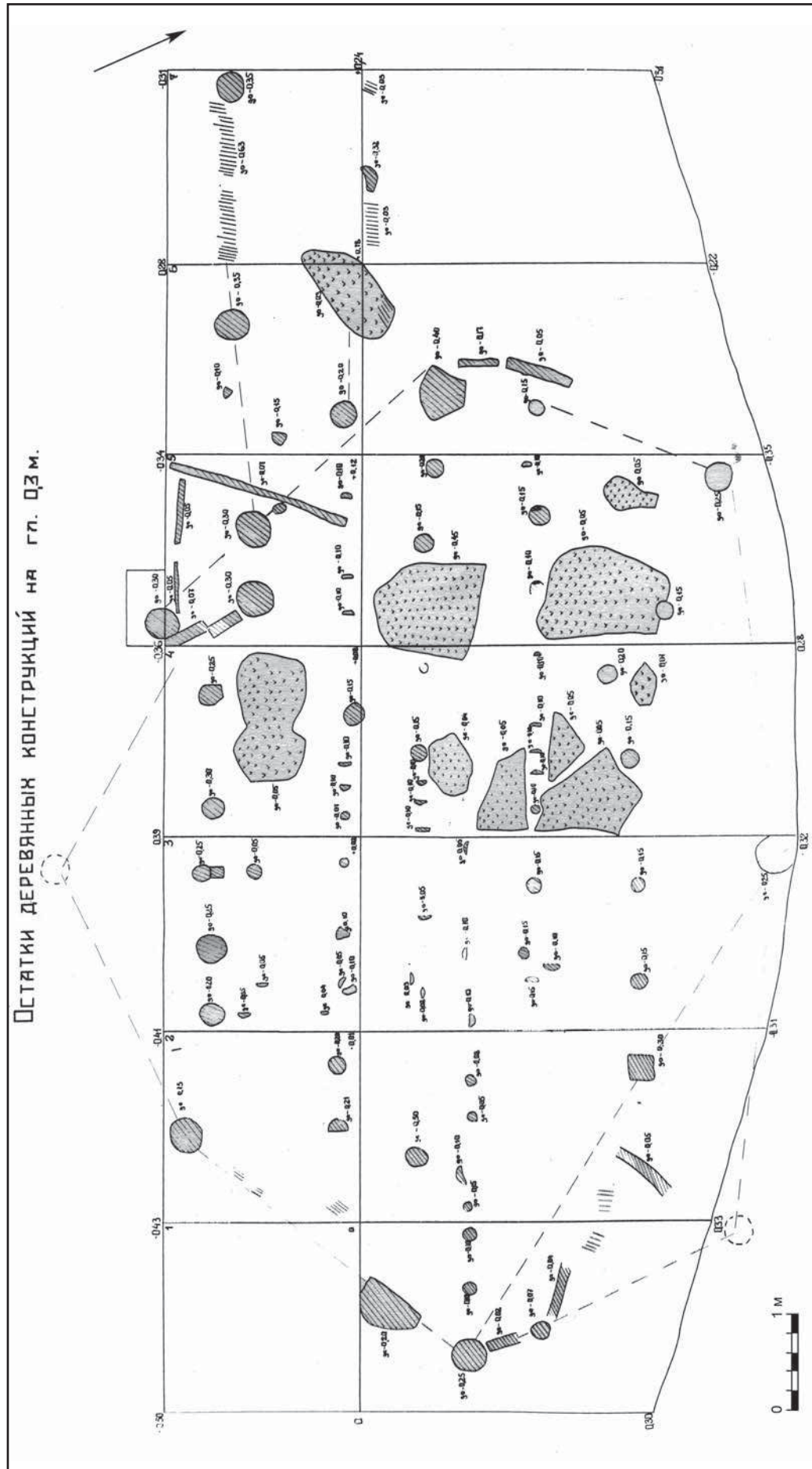
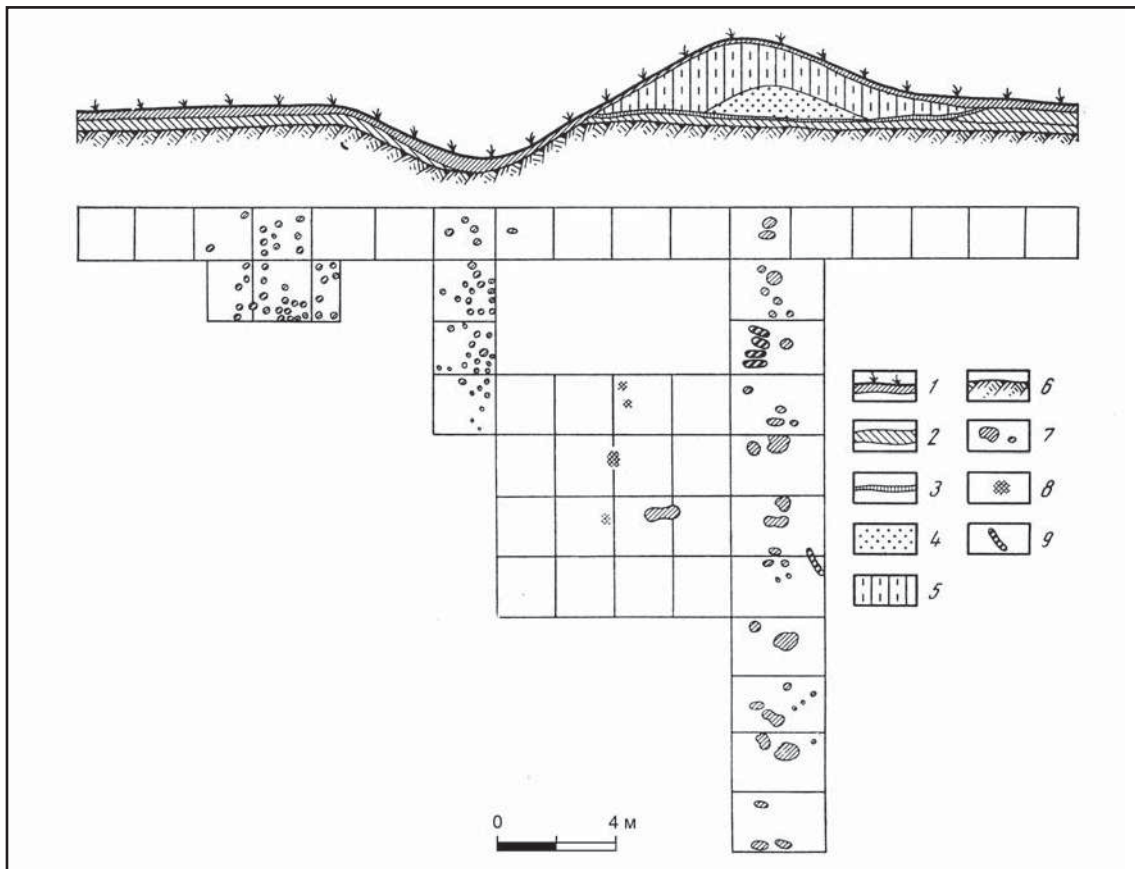

Рис. 5. План раскопа XXV (1967 г.) (по Смирнов 1967: рис 42).

Fig. 5. Plan of dig XXV (1967) (after Смирнов 1967: рис. 42).

Рис. 6. План раскопа 9 (1946 г.) и разрез вала (по Краснов 1983: рис. 13). Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — слой золотоордынского времени; 3 — погребенная почва; 4 — серый песок; 5 — серая супесь с включениями песка; 6 — материк; 7 — следы столбов; 8 — слабые следы дерева; 9 — обугленное дерево.

Fig. 6. The plan of excavation 9 (1946) and crossection of rampart (after Краснов 1983: рис. 13). Legend: 1 — sod; 2 — layer of Golden Horde time; 3 — buried soil; 4 — gray sand; 5 — gray sandy loam with inclusions of sand; 6 — mainland; 7 — traces of pillars; 8 — weak traces of wood; 9 — charred tree.

между заплотами не было, то зачем вообще могла быть нужна такая стена из двух заплотов?

Создается впечатление, что автор реконструкции не имел какой-то четко сформулированной гипотезы и просто перечислял варианты реконструкций, которые приходили ему в голову при рассматривании довольно хаотично разбросанных ям на гребне вала. Обосновать эти варианты или выделить из них один наиболее вероятный автор явно не мог.

Подведем итог: на участке исследований 1946 г. вполне могли сохраняться следы каких-то древних конструкций, но рядом с ними явно размещались и более поздние перекопы и следы от столбов, вплоть до современных. Если бы автор отчета пронумеровал все открытые ямы, сделал их разрезы и оставил бы хотя бы краткое описание каждой из них, то имелся бы шанс попытаться разобраться с этим массивом и выделить из него группу ям, с наибольшей вероятностью относившихся к эпохе создания вала. Однако эта

информация не была извлечена, и поэтому сегодня шансов для достоверной реконструкции сооружений на гребне вала, прорезанного в 1946 г., не существует.

Ту же самую упущенную возможность приходится констатировать и для столбовых ям, обнаруженных на том же раскопе, но уже на дне рва и на внешнем его краю. Поэтому нельзя всерьез обсуждать домыслы о «надолбах», якобы сооруженных с внешней стороны рва (Хованская 1958: 320). Это могли быть столбы, врытые в новое время жителями русской деревни для каких-то хозяйственных надобностей. Можно лишь добавить, что на южном участке вала (максимально удаленном от села) никаких столбовых ям ни на дне рва, ни на его внешнем краю обнаружено не было (раскоп ССIV 2014 года). А если бы линия «надолбов» создавалась, то ее провели бы, конечно, по всему периметру укреплений.

С глубоким сожалением приходится констатировать, что недостатки отчетной до-

кументации 1946 года повторялись и в материалах раскопок последующих лет — 1953 и 1967 гг. Ни в одном из отчетов, упоминающих (и показывающих на планах) десятки разнообразных ям на гребнях и склонах валов, не приведено ни одного их разреза. И хотя в некоторых случаях приводились цифровые данные о глубине некоторых из них (Хованская 1958: рис. 5; Краснов 1987: рис. 14), полностью доверять таким данным, не подкрепленным графической документацией, невозможно. Учитывая то, что полное вскрытие валов во всех этих случаях не проводилось, глубина ям могла указываться очень приблизительно, а это значит, что ошибки могут достигать значительных величин. Нет даже уверенности в том, что все зафиксированные пятна являются именно следами столбовых ям, а не норами грызунов или следами корневых систем кустов и деревьев. При новейших раскопках следы таких нор и корневых систем зафиксированы были.

На опубликованных чертежах пятна самых крупных (по диаметру и глубине) ям размещаются на гребнях валов в целом бессистемно, и хотя в ряде случаев можно предполагать наличие интервалов от 1 до 6 м, невозможно увидеть какую-то их четкую регулярность. Информация о составе заполнения «ям» из раскопок 1953 и 1967 гг. настолько отрывочна и путана, что ее также нельзя использовать для каких-то надежных реконструкций. Например, говорится о том, что обнаруженные пятна были «заполнены угольками и древесной трухой» (Хованская 1958: 322). Но совместное залегание тех и других сомнительно — если столб сгорел до угля, то рядом не будет сгнившей трухи. Вероятно, в одних пятнах фиксировалась труха, а в других — уголь. Если бы такое разделение было проведено и четко обозначено, можно было бы хотя бы отделить сгоревшие столбы от сгнивших. Между тем, на планах, представленных в публикации О. С. Хованской, все пятна показаны как заполненные углем, что полностью расходится с описаниями (Хованская 1958: рис. 4; 5). Получается, что полностью доверять этим данным нельзя — какая-то их часть явно недостоверна.

Материалы работ Ю. А. Краснова в 1967 г. (они проводились в составе экспедиции А. Н. Смирнова, по Открытому листу руководителя экспедиции) задокументированы столь лаконично, что извлечь из них информацию о следах деревянных конструкций фактически невозможно. Для каждого раскопа сделан только один сводный план (независимо от того, на какую глубину проводилось

вскрытие), отсутствуют профили раскопов и разрезы всех ям. Ямы не пронумерованы, их описание дается суммарно, так что понять, о каких именно ямах ведется речь в тексте отчета, нельзя. Наряду с ямами упоминаются «отпечатки горбылей, плах, столбов», но неясно, имеются ли в виду вертикально расположенные плахи или негативы в горизонтальном положении. Судя по отчетным планам раскопов (рис. 5), встречались обугленные плахи, лежавшие горизонтально или под уклоном, но ни одна из них не описана, не указано ее сечение, размеры, степень сохранности, отметки залегания. Упоминаются также столбы диаметром 20—30 см в нижней части насыпи, причем расположенные бессистемно (Смирнов 1967: 30—37), однако не указано конкретное местоположение таких столбов на плане раскопа. Таким образом, вся та скудная информация, которая представлена в отчетах, лишена конкретики, а значит, не может быть проверена и осмыслена. Поэтому невозможно доверять и предложенным выводам. Однако какие же выводы делали упоминавшиеся выше исследователи?

О. С. Хованская реконструировала фортификацию Болгара XIV века в виде «деревянных стен», однако внятного описания этих гипотетических стен не привела. На графической реконструкции Д. И. Архангельского, помещенной в публикации (Хованская 1958: рис. 3), показана стена, составленная из горизонтальных бревен, вставленных в пазы вертикальных столбов (заплот или «лежащий частокол»). Однако в тексте статьи говорится о стене из «тарас», т. е. срубных секций, заполненных землей. При этом тут же делается допущение того, что стена имела более легкую конструкцию — в виде частокола, укрепленного изнутри врубленными в вертикальные столбы подпорными стенками из горизонтально уложенных бревен — и приводится рисунок такой конструкции по Ф. Ф. Ласковскому (Хованская 1958: рис. 6). Разумеется, каждый из предложенных вариантов должен был оставлять разные следы, но ни один из них никоим образом не соотносится с зафиксированными раскопками реалиями, которые включали только отдельные круглые пятна, часть из которых могла принадлежать столбовым ямам. Ни следов тарас (т. е. срубов с грунтом внутри), ни стоячих частоколов (в виде траншей для их установки) нигде обнаружено не было. Даже стена столбовой конструкции из представленных материалов (см. выше) достоверно не может быть реконструирована. Сле-

довательно, автор публикации произвольно подбирал варианты из набора фортификационных средств XVII—XVIII вв., не задумываясь о том, как их увязать с выявленными следами столбов (да и столбов ли?).

Между тем, были предложены гипотетические размеры «тарас» — $3 \times 1,6$ м. Откуда взяты эти цифры? Ширина «стены» в 1,6 м определена по среднему расстоянию между «рядами» столбовых ям (вернее — между крайними пятнами в поле пьен на гребне вала), а длина «тарас» (3 м) — по расстоянию между какими-то (нигде не указано, какими именно) ямками вдоль по гребню вала. Но даже если бы эти промеры были четко документированы, никакой связи их с «тарасами» установить невозможно, поскольку тарасы — это срубные конструкции, для которых столбы не нужны. Возможно, именно для того, чтобы как-то объяснить этот логический нонсенс, О.С. Хованской было высказано предположение об использовании столбов в качестве «основы» рубленной стены, а также для «укрепления» насыпи. Можно предполагать, что эта мысль была навеяна информацией о том, что под основания каменных фундаментов в древнерусской архитектурной традиции (да и не только в ней) часто использовались свайные поля из забитых в материковый грунт деревянных кольев⁴. Для насыпных валов известий о подобной технологии не имеется (ни для древности, ни для нового времени): если требовалось возвести на них древо-земляную стену, то ее заглубляли в насыпь (как заглубляют в грунт фундамент). Укрепить же насыпь сваями вообще невозможно, что известно любому строителю. Прочность насыпи определяется плотностью грунтов, из которых она сложена, а стабилизация ее поверхности — обдерновкой или обкладкой иными материалами (камнем, деревом). Таким образом, гипотеза о столбах на валу, как основе деревянной стены, не выглядит хоть сколько-нибудь обоснованной, хотя, конечно, и не может полностью отвергаться — нельзя исключать того, что в Болгаре была применена какая-то особая (экспериментальная) технология подведения базы под деревянные конструкции, следов от которых не сохранилось вовсе. Однако эта гипотеза чисто умозрительна и не может быть чем-либо подтверждена. Поэтому гораз-

до более вероятным выглядит предположение о том, что обнаруженные ямки с остатками сгоревших столбов — это следы легкой ограды (забора или заплота, может быть даже — «лежачего частокола»), который либо поновлялся 1—2 раза (после уничтожавших его пожаров), либо укреплялся дополнительными столбами, целью которых было поддержать подгнившую конструкцию.

Еще хуже обстоит дело с реконструкцией «башен», которые постоянно упоминались О.С. Хованской и Ю.А. Красновым. В ходе работ 1953 г. на раскопах 1 и 1а в северо-восточном углу периметра вала (у подножия плато, близ берега р. Меленки, ныне эта территория затоплена водами Куйбышевского водохранилища) было выявлено скопление из 28 столбовых ям глубиной всего 3—5 см (!!!) (Хованская 1953: 323) на площади около 30 кв. м. В результате был сделан вывод о размещении тут башни «столбовой конструкции» — то ли 12-угольной, то ли 8-угольной (Хованская 1958: 325). Аналогии для такой башни приведены не были, что не удивительно, поскольку их не существует в природе. Деревянные башни нового времени производились в виде срубов с 4 (и более) стенами, но башни столбовой конструкции не известны. Оно и понятно, поскольку такие башни являлись бы столь непрочными сооружениями, что смысла в их строительстве не было изначально. Тем более, если опорные столбы практически не вкапывались в грунт, а башня просто ставилась бы на поверхность насыпи. Надо, впрочем, заметить, что даже с этими столбами произошла какая-то путаница: О.С. Хованская писала о том, что глубина столбовых ямок составляла 3—5 см, но на плане раскопа приведены глубины 28 ям (Хованская 1953: рис. 5), среди которых имеются такие, глубина которых превышала 1 м (3 шт.). Ямы глубиной от 0,5 до 1,0 м были не столь редки — их 8, размещены они в западной и южной частях «поля пьен» (Хованская 1958: рис. 5). А вот ямок глубиной 3—5 см всего 2 из 28. Как понимать это несоответствие чертежа описанию, неясно. Но даже если поверить чертежу, как более объективному документу, то получится, что глубоко забитые сваи размещались лишь на двух ограниченных участках, причем наряду со сваями, которые могли бы входить в конструкцию стен гипотетической башни, имеется гораздо большее количество столбов, помещенных зачем-то внутри объема постройки. Эти столбы ничего не могли поддерживать. Резюмируем: предложенная реконструкция не имеет даже намека на связь с реальными археологи-

⁴ Позднее и Ю.А. Краснов указывал в качестве аналогий для столбов, «укрепляющих вал», на свайные поля под «контрфорсами» (башнеобразными выступами) стен Соборной мечети Болгара (Краснов 1987: 114).

чески зафиксированными объектами, т. е. базируется лишь на фантазии ее автора.

Наличие деревянных башен в составе городских фортификаций лесной зоны Восточной Европы до массового распространения, с одной стороны — каменного крепостного строительства, а с другой — огнестрельного оружия, вообще не доказано. На сегодняшний день имеется лишь 2 тщательно исследованных объекта такого рода — въездное устройство в древо-земляной стене городища Сампсониев остров и башня (?) на городище Снепород (Моргунов 2009: 127, 130—132, рис. 61; 64; 66).

О. С. Хованской и Ю. А. Красновым не сделано даже слабой попытки обосновать смысл возведения полых башен столбовой (да и всякой иной) конструкции в XIV веке. Напомним, что в данном случае речь может идти только о полых башнях, поскольку никаких следов заполнения башен грунтом нигде на городище не прослежено. Хотя во второй половине XIV в. артиллерия уже появилась, и ее применение в Болгаре как будто бы подтверждается письменными источниками, невозможно допускать столь массового ее распространения, чтобы для ее размещения были бы нужны башни, тем более столбовой конструкции, т. е. по прочности близкие к «карточному домику». Если бы подобные конструкции действительно существовали в древности, они могли бы служить только для размещения на них небольшого числа воинов, вооруженных луком и стрелами, а также в качестве наблюдательных пунктов. В целом такой вариант реконструкции объектов столбовой конструкции в виде «вышек-стрельниц» был бы допустимым, если бы имелось достаточное количество зафиксированных следов столбов (имеются в виду ямы от столбов большой глубины заложения, которые могли бы выдерживать вес столь тяжелой конструкции). Увы, таких следов слишком мало. Но даже если допустить возможность реального существования таких конструкций, называть их «башнями» методически недопустимо.

Следами каких конструкций являлись «свайные поля», обнаруженные О. С. Хованской в 1953 г., остается неразрешимой загадкой, причина которой состоит в практически полном отсутствии качественной фиксации этих объектов. Однако следует помнить, что размещались эти следы деревянных конструкций на территории русского села XVII—XX вв., на берегу р. Меленки. Тут вполне могли находиться разнообразные хозяйственные объекты этого села. Именно им, скорее всего, и принадлежали открытые сле-

ды древесины, залежавшие практически сразу под дерном.

Ю. А. Краснов реконструировал фортификацию Болгара в том же ключе, что и О. С. Хованская, — в виде деревянных стен «столбовой конструкции» из двух параллельных заплотов (расстояние между ними определено в 1,5—1,6 м), столбы в которых размещались с неравными интервалами (от 2 до 4 м). При этом он опирался на данные о крепостном строительстве XVI—XVII вв. (т. е. времени широкого распространения огнестрельного оружия) и называл предлагающуюся им реконструкцию стены «тарасами», признавая, впрочем, что такие «тарасы» столбовой конструкции на Руси известны не были. Для того, чтобы объяснить отсутствие следов грунта, который должен был бы заполнять внутренний объем таких «тарас», он ссылаясь на одно замечание П. А. Раппопорта, опиравшееся, в свою очередь, на запись шведского дипломата и инженера Э. Пальмквиста о том, что в городе Торжке во второй половине XVII в. стены были полыми и их предполагали засыпать землей только в случае наступления опасности (Краснов 1983: 117; Раппопорт 1961: 139). Мысль, безусловно, оригинальная. Но в сущности, она может означать только то, что стена Болгара (в том виде, как ее рисовал автор) была попросту недостроена, не доведена до боевой готовности. Представляется, что это одно из продуктивных решений обозначенной проблемы.

Ю. А. Краснов повторил гипотезу О. С. Хованской о многоугольных башнях «столбовой конструкции», но при этом «развил» ее более чем странным дополнением: по его мнению, такие башни выступали за линию обороны, но не во внешнюю, а во внутреннюю сторону, что противоречит правилам какой бы то ни было фортификации. Основанием для такой экстравагантной мысли стали участки вала, имевшие небольшие расширения внутрь площадки. Места, где были замечены такие «расширения», почти не отличаются от остальной трассы и вполне могли возникнуть из-за поздних повреждений насыпи вала. Исследования проводились лишь на двух таких «расширениях» — на раскопах XX и XXV в 1967 г. На плане раскопа XX (Краснов 1983: рис. 14) в месте «расширения» можно наблюдать 8—9 протяженных (длиной до 7 м) рядов столбов или горбылей неизвестной (но, вероятно, очень небольшой) глубины заложения в насыпь вала и еще 6—7 коротких рядов (по 1—3 м) таких же отпечатков. Все эти ряды не складываются ни в какую систему и размещались

во внутреннем объеме реконструированных контуров «башни», а значит, они никоим образом не могли служить опорой для ее стен. Вскрытые на раскопе XX остатки конструкций чрезвычайно интересны и пока не могут быть убедительно интерпретированы. Но при прочих равных условиях фортификационное назначение этих конструкций кажется наименее вероятным. Скорее всего, на этом месте несколько раз возобновлялась, передвигаясь с места на место, какая-то легкая ограда наподобие забора из вертикальных горбылей, служившего для каких-то хозяйственных целей в период, когда вал уже утратил свое оборонное значение, например, в XVIII—XIX вв., когда в окрестностях русского села Болгары шла интенсивная хозяйственная жизнь.

Еще более странным выглядит «расширение» вала на участке раскопа XXV (рис. 5). Тут никакого реального расширения не видно вовсе, но зато на глубине 30 см от современной поверхности гребня вала фиксировались многочисленные обширные углистые пятна толщиной 5—15 см и столбовые ямы. В какую бы то ни было ясно читаемую конструкцию они не складывались, а представленная на чертеже Ю. А. Краснова восьмиугольная фигура явно относится к числу фантомов, поскольку на ее углах размещались ямки глубиной всего 25—30 см. Даже с учетом перекрывавшего грунта мощностью 30 см и допущением того, что древний гребень вала располагался еще выше, эти столбы могли быть впущены на глубину не более 60—80 см, что недостаточно для обеспечения прочности «башни», поперечник которой виделся реконструктору в пределах 10 м. При этом обращают на себя внимание 6—7 параллельных рядов углублений как из круглых столбовых ямок, так из отпечатков горбылей (глубина негативов 10—15 см), что почти повторяет ситуацию на раскопе XX. Увы, ни для одного из углублений не приведено разрезов, а глубины указаны не для всех ям или пятен. Таким образом, никаких следов «башни» тут усмотреть тоже невозможно, зато имеются остатки какого-то сложного сооружения (сооружений?), оставившего обширное свайное поле.

Рассмотренные выше реконструкции фортификации Болгара XIV века, как было показано, опирались главным образом на домыслы, не имеющие никакой опоры в источниках, и произвольное манипулирование аналогиями из русской фортификации нового времени. Все это не позволяет доверять **всем** выводам исследователей фортификации Болгара, в том

числе и выводу об отсутствии в валах XIV в. следов деревянных конструкций (городней), которые в древнерусской фортификации маркируют следы древо-земляных стен, руинами которых и являются «валы» русских крепостей XI—XV вв. Отсутствие фиксации планов раскопов на всех вскрывавшихся уровнях позволяло допускать возможность того, что следы городней были просто не замечены при раскопках.

Поэтому с целью проверки выводов предшествовавших исследователей в 2014—2015 гг. сотрудниками Института археологии РАН (в составе Болгарской экспедиции Института археологии АН РТ) были проведены 2 прорезки в южной части вала Болгарского городища (Коваль, Русаков 2016: 118—120), где он сохранился в наилучшей степени и имел высоту до 3—4 м. В 2015 г. раскоп был заложен на южном углу вала, где он делал поворот под углом 130°, т. е. именно там, где по правилам позднесредневековой (каменной и деревянной) фортификации должна была бы располагаться угловая башня.

Методика работ предусматривала вскрытие вала пластинами толщиной 10 см в траншеях шириной 6—8 м (рис. 7), причем, кроме поперечных профилей, снимался также продольный разрез по линии гребня вала. Полученная документация (несколько десятков планов, 2 продольных и 5 полных поперечных разрезов вала, в т. ч. 2 — вместе со рвом) позволяет констатировать следующее:

Никакой башни на поворотной точке вала никогда не существовало, отсутствуют всякие ее следы.

Сам вал полностью лишен каких-либо внутренних конструкций из материалов, отличающихся от грунта (дерево, камень, глина и т. п.). Таким образом, вал Болгара XIV в. не являлся остатками древо-земляной стены, а представлял собой полностью законченную **насыпь**.

Сохранность насыпи можно оценить как «очень хорошую»: в ров сползло минимальное количество грунта — толщина прослойки оползшего грунта на дне рва не превышала 40—50 см, на его склонах — около 30 см. Вероятно, насыпь целенаправленно уплотнялась (трамбовкой или проливкой водой) в ходе стройки.

На поверхности насыпи отсутствовали следы каких-либо деревянных фортификационных сооружений, в т. ч. столбовой конструкции. Выявленные же столбовые ямы имели небольшую глубину (как правило, 10—30 см) и располагались бессистемно

Рис. 7. Прорезки вала 2014—2015 гг.: 1 — на раскопе ССV (2014 г.); 2 — на раскопе ССVI (2015 г.), первый этап работ на внутреннем склоне вала.

Fig. 7. Cuttings of the rampart in 2014—2015: 1 — at the excavation ССV (2014); 2 — at the excavation ССVI (2015), the first stage of work on the inner slope of the rampart.

но, в т. ч. на склонах вала. Наряду со следами столбов встречены норы грызунов, следы мощных корней от когда-то произраставших на валу деревьев и следы от корневых систем кустарников. Количество этих псевдо-ям (оставивших следы в виде гумусированных пятен на поверхности вала) довольно значительно (по 2—3 на каждом из исследованных участков). На гребне вала размещались лишь несколько неглубоких ямок, интервал между которыми составлял 6—10 м. Такие ямы могли принадлежать лишь очень легкой ограде типа «забора».

Таким образом, установлено, что в XIV в. город Болгар был окружен насыпным валом высотой до 4 м и протяженностью не менее 6 км, грунт для которого брался из рва, выкопанного перед ним. В южной части вала на его гребне не сохранилось никаких явных следов вертикальных преград, которые можно было бы расценивать как оборонительные сооружения из иного материала, нежели земля. Что касается северных участков вала, то на них вполне могли размещаться какие-то деревянные конструкции, опирающиеся на вкопанные в гребне вала столбы, однако детали этих конструкций по-прежнему неясны. В любом случае, такие конструкции могли выполнять лишь функции легкого забора, за которым защитники могли укрываться от стрел противника, но которые не были рассчитаны на стенобитные орудия. Ограды такого рода исключают возможность возведения каких бы то ни было «башен».

Фортификация Болгара XIV в. демонстрирует яркое и резкое отличие от древнерусской фортификации. Использование вала вокруг города (даже в случае наличия легких деревянных оград по его вершине) предполагало лишь организацию обороны от внезапных набегов небольших конных отрядов, для которых вал со рвом представляли труднопреодолимое препятствие. Для противодействия войскам, обученным штурму и даже простой осаде крепостей, подобная фортификация не пригодна. Ответ на вопрос о происхождении подобной оборонительной системы следует искать в традициях домонгольской фортификации городов Волжской Булгарии, и прежде всего — Биляра.

Между тем, хорошо документированных материалов раскопок валов в Татарстане и на сопредельных территориях практически нет. В последние годы А. А. Чижевским (Институт археологии АН РТ) были проведены тщательные исследования валов нескольких городищ раннего железного века (середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э.),

которые позволили установить, что эти валы также создавались в виде насыпей, не сохранивших никаких остатков венчавших их стен (Чижевский и др. 2016). Выдвигавшиеся же предположения о наличии таких стен в виде частоколов или иных крупных деревянных конструкций не опираются на фактически раскопанный материал и чисто умозрительны, так что не вызывают ни малейшего доверия.

Не слишком помогает прояснению вопроса об истоках болгарской фортификации и обращение к материалам Биляра, где валы прорезались несколько раз. Дело в том, что в ходе этих прорезок планы не снимались, а профили траншей, прорезавших вал, оказались малоинформативны, поскольку могут быть интерпретированы весьма произвольно. Анализ археологических материалов Биляра требует специального исследования, но можно уверенно констатировать одно: следы древо-земляных укреплений не были обнаружены и там. Следовательно, валы Биляра, скорее всего, также являются остатками насыпей, аналогичных или близких валу Болгара.

Вероятно, оборонительная система Болгара в XIV в. (да и многих других городов Волжской Булгарии предшествовавшего времени) существеннейшим образом отличалась от древнерусской: она базировалась не на древо-земляных стенах, копировавших в ином материале каменные стены Византии и Западной Европы, а исходила из совсем иного порядка организации обороны.

Завесу над тайной этой стратегии обороны приоткрывает сохранившееся в русских летописях описание осады и штурма болгарского города Ошель войсками Владимиро-Суздальского княжества под командованием князя Святослава Всеволодовича в 1219 г. При описании укреплений Ошеля упоминается «острог утверждён около града крепок тын дубов, а затем два оплота, и меж ними вал ссыпан», а оборона болгар охарактеризована очень своеобразно: «и по тому валу рыщуще из затыня биахуса» (ПСРЛ 1965: 83; ПСРЛ 1836: 127).

Из этих очень кратких и очевидно путанных фраз, записанных, вероятно, монастырским книжником, который не был очевидцем событий и плохо представлял себе ход военных действий, можно все же извлечь некоторые чрезвычайно важные сведения:

Город был окружен частоколом («тыном»), который располагался либо на вершине вала, либо проходил перед ним.

Кроме частокола упоминается еще «два оплота», между которыми насыпан вал.

Эта фраза довольно темна для понимания, но все же вряд ли под этими «оплотами» следует понимать стену с земляным заполнением или облицованный деревом вал. Если бы русские воины увидели бы нечто подобное, то они приняли бы такую конструкцию за хорошо знакомые им стены русских городов из рядов городней. Однако информаторы летописца явно понимали, что перед ними совершенно иная фортификация, и даже не пытались «адаптировать» ее описание под русские реалии. Вероятно, они наблюдали вал и поверх него некий «оплот», под которым надо понимать не частокол (тогда бы его назвали «тыном»), а скорее забор («лежащий частокол», заплот), венчавший вал. Не совсем понятна в таком случае фраза о том, что болгары отбивались из «затынья», т.е. скрываясь за частоколом. Но если оборонительная линия Ошеля включала как тын перед валом, так и заплот (забор?) на гребне вала, то тогда это противоречие снимается. Не исключен и иной вариант интерпретации летописного известия: «тын» и «оплот» — названия, которыми пользовались два разных информатора, т.е. это фактически синонимы. В этом случае фортификацию Ошеля можно представить в виде трех линий обороны: внешнего тына (он же первый «оплот»), вала без каких-либо дополнительных сооружений по верху и внутренней линии тына. Может быть, информаторы несколько по-разному описали фортификацию этого города, что ввело в заблуждение летописца, постаравшегося отразить в тексте оба описания, соединив их вместе. К этим фортификациям следует еще добавить ров, не упомянутый летописцем, но неизбежно существовавший, поскольку грунт для насыпи вала мог быть взят только из него. Нельзя исключать и того, что называя «вал», летописец мог понимать под ним одновременно и ров (исходя из логического посыла, что вала без рва не бывает).

Самая интересная и важная информация касается тактики болгар, «рыскавших» по валу и оттуда («из затынья») бившихся, т.е., вероятно, пускавших тучи стрел на атаковавшие укрепления русские полки. «Рыскать» пешему воину вряд ли возможно, скорее, это слово приложимо к конным группам воинов. Следовательно, оборона Ошеля строилась на мобильном перемещении воинов-всадников вдоль кольца валов (и тына, где бы он ни находился) с целью оказать сопротивление на каждом участке, где возникала угроза вражеского прорыва.

Если предложенная выше интерпретация летописных записей верна, то становит-

ся понятно, чем болгарская стратегия обороны городов отличалась от русской. Вероятно, в основе этой стратегии лежала земляная преграда (вал), на гребне которого размещались легкие ограды для лучников, подавлявших атаки вражеской конницы, не способной сходу преодолеть ров и вал. Вал с забором и ров перед ним мог дополняться еще тыном, как передовой линией обороны. Сердцевину же оборонительной стратегии болгар составляли конные отряды, передвигавшиеся вдоль валов внутри огражденной ими территории, которые могли почти мгновенно прибыть к наиболее угрожающим участкам и нанести ответный удар по противнику, если ему удалось бы преодолеть вал. Иначе говоря, вал выполнял роль не главной линии обороны, а только препятствия, не дававшего наступающим развернуть конную лаву. В этом случае вдоль вала изнутри должно было оставаться обширное незастроенное пространство, по которому могли бы свободно передвигаться крупные конные отряды. Не этим ли и объясняется огромная территория, обнесенная валами, в болгарских городах? Существенно (если не многократно) превышая площадь городской застройки, эта пустая (незаселенная) территория оказывалась не только резервом для размещения скота и окрестного населения, но прежде всего — плацдармом для организации обороны конными отрядами.

Разумеется, без удержания всего периметра валов под контролем такая оборонительная стратегия не могла рассчитывать на успех. Но при столкновениях с противником, ударная мощь которого заключалась в конной лаве, и при отсутствии опыта в штурме и уничтожении укреплений на валах такая стратегия, вероятно, оказывалась вполне эффективной. В этом убеждает идентичность фортификации крупнейших городов домонгольской Волжской Булгарии — Биляра, Суvara, Джукетау. Лишь при столкновении с чрезмерно многочисленным противником (монголы в 1236 г.) или с войсками, имевшими опыт штурма укреплений (русские в Ошеле в 1219 г.), эта система давала сбой. Пример 1219 г. весьма показателен: русским не составило труда подсечь топорами, а затем поджечь тын и оплоты на валах, что вызвало бегство их защитников и мгновенный захват города.

В Болгаре середины XIV века была воспроизведена явно устаревшая и уже показавшая свою неэффективность оборонительная система. Почему была избрана именно она, сказать сейчас сложно. Трудно сомневаться в том, что в городе тогда имелись специалисты, способные возвести вокруг него

древо-земляные и даже каменные (или кирпичные) стены. Может быть, строительство вала показалось не столь финансово затрат-

ным по сравнению с названными вариантами? К сожалению, точный ответ на этот вопрос вряд ли удастся когда-нибудь получить.

Литература

- Баранов В. С., Губайдуллин А. М. 2016. О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году. *ПА* (2), 193—218.
- Губайдуллин А. М. 1998. Фортификационные сооружения Болгарского городища. В: Массон В. М. (отв. ред.). *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: ГЭ; ИИМК, 197—198.
- Губайдуллин А. М. 2002. *Фортификация городищ Волжской Булгарии*. Казань: ИИ АН РТ.
- Губайдуллин А. М. 2015. Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X—XVI веков Среднего Поволжья. *ПА* (3), 125—143.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е. 2016. О фортификации Болгарского городища в XIV в. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum Plus, 118—120.
- Краснов Ю. А. 1987. Оборонительные сооружения города Болгара. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки истории и культуры*. Москва: Наука, 99—123.
- Моргунов Ю. Ю. 2009. *Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII веков*. Москва: Наука.
- Раппопорт П. А. 1961. *Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.* МИА 105. Москва: Наука.
- Смирнов А. Н. 1967. *Отчет Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции 1967 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №3480.
- Хованская О. С. 1958. Оборонительная система города Болгара. *МИА* 61, 316—329.
- Чижевский и др. 2016: Чижевский А. А., Черных Е. М., Хисьяметдинова А. А., Митряков А. Е., Спиридонова Е. А., Кованова М. Д., Алешинская А. С. 2016. *Скорняковское городище на Вятке*. Археология евразийских степей 22. Казань: ИА АН РТ.

References

- Baranov, V. S., Gubaidullin, A. M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 193—218 (in Russian).
- Gubaidullin, A. M. 1998. In Masson, V. M. (ed.). *Voennaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Warfare from Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 197—198 (in Russian).
- Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of Forts in the Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Gubaidullin, A. M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 125—143 (in Russian).
- Koval', V. Yu., Rusakov, P. E. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G. A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 118—120 (in Russian).
- Krasnov, Yu. A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99—123 (in Russian).
- Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Derevozemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X—XIII vekov (Earth-Wooden Fortifications of Southern Rus in 10th—13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rappoport, P. A. 1961. *Ocherki po istorii voennogo zodchestva severo-vostochnoi i severo-zapadnoi Rusi X—XV vv. (Essays on History of Military Architecture in Northeast and Northwest Russia during the 10th—15th Centuries)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 105. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Smimov, A. N. 1967. *Otchet Bolgarskogo otriada Povolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1967 g. (Report of the Bolgar Team, Volga Archaeological Expedition, for 1967)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 3480 (in Russian).
- Khovanskaia, O. S. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 61, 316—329 (in Russian).
- Chizhevskii, A. A., Chernykh, E. M., Khisiametdinova, A. A., Mitriakov, A. E., Spiridonova, E. A., Kovanova, M. D., Aleshinskaiia, A. S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skornyaki Fortified Site near the Viatka River)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 22. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

К. А. Руденко

Konstantin Rudenko. Doctor of Historical Sciences. Kazan State Institute of Culture¹.

Руденко Константин Александрович. Доктор исторических наук. Казанский государственный институт культуры.

E-mail: murziha@mail.ru

Address: ¹ Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation

Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам)

Keywords: Middle Volga Region, Volga Bulgaria, Golden Horde period, historical geography, ethnic composition

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Волжская Булгария, золотоордынский период, историческая география, этнический состав

K. A. Rudenko

Ethnogeography of the Bulgar Region of the Golden Horde by Archaeological Sources

The paper discusses peoples who lived on the territory of Bulgar Ulus of the Golden Horde in 13th—14th centuries, which can be proven by archaeological sources. Thus, these data suggest that along with the Bulgar this territory was populated by the Russians, Mordvins, Mari, Armenians, and part of this territory was occupied by the Kipchaks and, probably, by the Mongols, who settled there after their military raids. All these peoples closely interacted between themselves. At the same time, there were also some small local ethnic groups, such as the Permians and the Udmurts, who managed to preserve their identity. As a whole, Bulgar Ulus of the Golden Horde was multiethnic, which continued the tradition formed before the Mongol invasion.

K. A. Руденко

Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам)

В статье исследуется вопрос о народах, живших на территории Булгарского улуса в XIII—XIV вв. Основным источником по этой проблеме являются археологические материалы. По этим данным установлено, что здесь, кроме булгар, жили русские, мордва, мари, армяне. Часть территории занимали кочевники — кипчаки и, вероятно, монголы, обосновавшиеся здесь после завоевательных походов. Все эти народы находились в тесном взаимодействии. Вместе с тем, существовали и небольшие локальные этнические группы населения, например, пермяки и удмурты, сохранявшие свою идентичность. В целом, Булгарский улус был многонациональной областью, в чем продолжилась традиция, сформировавшаяся до монгольского нашествия.

История Булгарской области Золотой Орды, или Булгарского улуса, как правило, не выделяется из истории этого государства и не рассматривается отдельно. Во многом такая ситуация обуславливается небольшим количеством письменных источников по Булгарскому улусу, точнее, их краткостью и лаконичностью. Вместе с тем, как показали многолетние исследования в области золотоордынской истории и археологии, каждый из регионов, входивших в состав империи монголов, обладал своей этнокультурной спецификой. Очевидно, что не была исключением и Булгарская область. Об этом писали ранее такие исследователи, как А. П. Смирнов и А. Х. Халиков, делая акцент (и вполне справедливо) на домонгольскую булгарскую

основу культуры населения этой области в золотоордынское время (Смирнов 1951: 4, 54, 55; Халиков 1994: 157), даже предполагая некоторую автономию булгарской земли в ордынском государстве (Халиков 1989: 125, 128, 129).

К этой теме в той или иной степени обращались историки и археологи с конца XIX в. (Руденко 2007а: 239—296). До второй трети XX в. среди ученых преобладала точка зрения, что заметные изменения в этнической картине Волжской Булгарии произошли после монгольского нашествия, причем кардинальные перемены имели место только в городской среде и были связаны с появлением здесь монгольской аристократии, а жизнь коренного, сельского населения оставалась

практически неизменной (Руденко 2014: 438—441, 471, 472). Этим объяснялись устойчивые формы предметов повседневного обихода, инструментов и хозяйственных орудий, бытовавших длительное время как в домонгольский, так и в золотоордынский периоды. Однако уже во второй половине XX в., по мере развития и совершенствования приемов археологического датирования, прежде всего формально-типологического метода, последнее положение в целом было существенно скорректировано.

С начала 1950-х гг. и до второй половины 1990-х гг. практически априори считалось, что этнический состав населения Казанского Поволжья¹ с X в. принципиально не менялся, и включения кыпчакско-монгольского компонента (как его охарактеризовал А. Х. Халиков), в XIII—XIV в. если и имели место, то в незначительном масштабе (Халиков 1989: 128; 1994: 156—157). Для подтверждения (или опровержения) высказанных предположений не хватало фактов. Кроме того, господствовавшая в те годы точка зрения на золотоордынский период в истории региона акцентировала внимание на эволюционном развитии болгарской материальной культуры в моноэтничном «формате» с гуннской эпохи и до этнографического времени. Отрицался какой-либо след присутствия кочевников (кроме периода раннебулгарского, когда собственно болгары были тоже кочевниками), особенно в послемонгольский период, после того как булгарское государство перестало функционировать как самостоятельный политический организм. А. Х. Халиков утверждал, что «на территории Среднего Поволжья памятников, связанных с домонгольскими или золотоордынскими кыпчаками, не обнаружено. Ссылка на памятники типа Балымерского и Байряки-Тамакского могильников как на кыпчакские не обоснована» (Халиков 1986: 24). Правда, чем именно не обоснована, автор не пояснил². Этот догмат, несмотря на существенные перемены в концепту-

альном видении истории татарско-казанского этноса, в принципе продолжает сохраняться и поныне.

Надо сказать, что в XX в. золотоордынских археологических памятников на территории Татарии изучалось немного, и только городища: Булгарское (1938—1940 гг. и с 1945 до середины 1990-х гг. почти ежегодно), Иски Казанский археологический комплекс (1950-е, 1970—80-е гг.), Казанский кремль (1920-е и 1970-е) (Руденко 2014: 168—172), и практически случайно — Балымерские курганы (1961 г.). В постсоветский период, в конце XX в. были проведены раскопки Чалынского, а в начале XXI в. — Арского городищ (Руденко 2015: 288—290, 322).

В 1960—1970-х гг. Р. Г. Фахрутдиновым было проведено картографирование болгарских — как домонгольских, так и золотоордынских памятников на территории Среднего Поволжья, что дало возможность получить общую картину заселенной территории этой части Золотой Орды (Фахрутдинов 1975).

В 1980-х гг. за пределами Татарстана археологами Куйбышева (Самары) раскапывалось Сухореченское селище золотоордынского времени (Васильева 2013: 187—235), несколько поселений, существовавших в домонгольский и золотоордынский периоды, а в 1970-х гг. было изучено около тридцати позднекочевнических могильников и отдельных захоронений на Самарской Луке и в бассейне р. Самара и Сок, сведения о которых было собраны, обобщены и опубликованы И. Н. Васильевой (Васильева 1979: 230). Интересные данные были получены археологами Чувашии, изучившими ряд городищ и селищ этого периода (Руденко 2014: 119, 120).

Таким образом, во второй половине XX в. в деле исследования золотоордынских памятников была проделана колоссальная работа многих ученых. Новые археологические материалы накапливались с такой интенсивностью, что для осмысления их требовалось определенное время. Но перемены, произошедшие в 1990-х гг. в стране, остановили и в какой-то мере законсервировали этот процесс. Кроме того, с середины 1990-х гг. проблема этнокультурных контактов и взаимодействия этносов в области болгарской археологии отчасти стала заменяться квазинаучной «реконструкцией ментальностей» у средневековых болгар, в рамках ставшей популярной в те годы парадигмы «этнополитической истории», что подразумевало игнорирование археологического источниковедения, а также клонирование устаревших теорий и мнений (Руденко 2004а: 105—115).

¹ Основной вектор дискуссий разворачивался не вокруг этнических включений, а о самом булгарском этносе — с каким из ныне живущих на Средней Волге народов его можно соотносить: казанские исследователи видели в нем булгаро-татар (Халиков 1986: 19—25). Иной точки зрения придерживались чувашские и башкирские ученые (Дмитриев 1986: 26—35).

² Хотя в целом, проникновение групп кочевого населения в Булгарскую область Золотой Орды А. Х. Халиков не отрицал (Халиков 1986: 24), но считал, что никакой роли они в истории и культуре булгар не сыграли.

Проблема этнокультурного состава населения как домонгольской, так и золотоордынской Булгарии обсуждалась казанскими учеными с конца 1960-х и до начала 1990-х гг., и делались активные попытки ее решения на основе разных археологических источников. Важным шагом в изучении этнических компонентов населения Булгарской области Золотой Орды стали публикации А. П. Смирнова материалов по раскопкам армянской колонии Булгара и М. Д. Полубояриновой — свода находок древнерусских материалов на территории Булгарии и булгарских — на Руси в X—XIV вв. (Смирнов 1958: 330—359; Полубояринова 1993). Особенно важными и плодотворными в этой области были исследования массового материала — керамики³. Т. А. Хлебникова и ее ученица Н. А. Кокорина провели ее систематизацию на основе комплекса признаков, предположив, что исторические корни форм булгарской керамической посуды и приемы ее выделки могут быть соотнесены с конкретным этническим носителем и традициями ее изготовления и декорирования (Хлебникова 1984; Кокорина 2002; Руденко 2014: 265, 266). То есть, исходя из этой посылки определялся «этнокультурный характер» находок и делались выводы об этносе населения, которое их производило и владело ими.

Однако эта гипотеза хотя и базировалась на солидной выборке эмпирического материала и опиралась на аналогичные исследования в советской археологии, но только частично была соотнесена, в случае с булгарской керамикой, с другими археологическими артефактами и археологическим контекстом в древностях волжских булгар. Поэтому составить этнокультурную карту Булгарской области Золотой Орды только на основе керамики не получилось, хотя попытки такого рода были сделаны (Кокорина 1994: 201, рис. 1; 10). Не хватало базовых компонентов, которые помогли бы понять и убедительно интерпретировать имеющиеся данные. Но именно исследование керамики позволило высказать предположение о достаточно представительном присутствии в булгарских домонгольских материалах кочевников — кипчаков (кипчаки-шары), печенегов и гузов (XXI этнокультурная группа керамики) (Кокорина, Хлебникова 1993: 108—110; Кокорина 2000: 185).

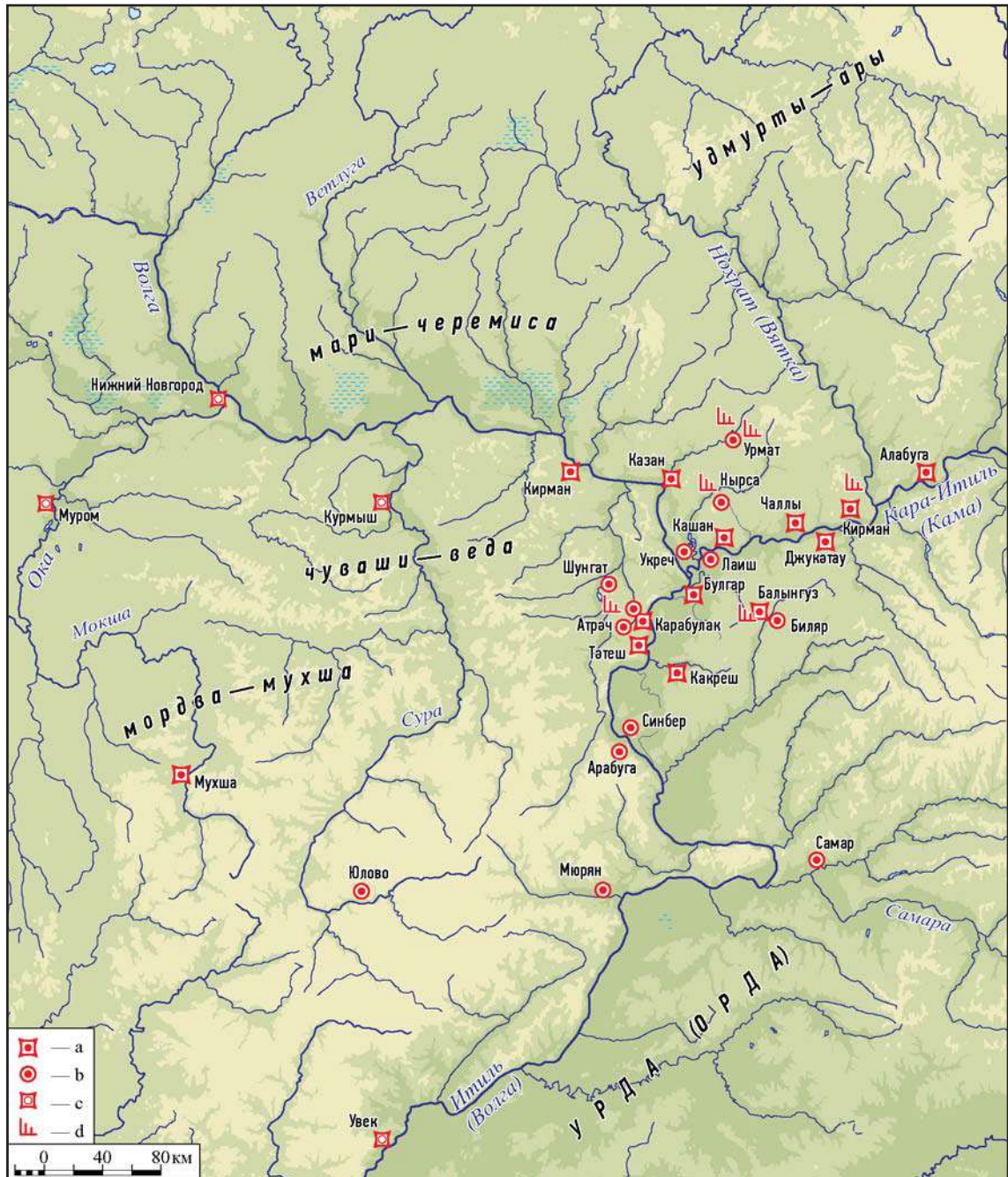
³ Более разнообразными были шаги в исследовании этого вопроса в отношении раннебулгарского периода и домонгольской Волжской Булгарии (Руденко 2014: 536—541).

Итак, до последней трети 1990-х гг. господствовавшей точкой зрения оставалось мнение, что этнический облик населения Булгарии оставался неизменным (Халиков 1994: 157). А. Х. Халиков объяснял это тем, что территория завоеванной монголами страны булгар была разделена на отдельные владения, как он считал, «своеобразные вассальные княжества» — культурно-экономические и политические центры, такие как Казань, Кашан, Жукотин, Керменчук, Булгар, Альменевское городище, Атряси, сохранявшие домонгольские традиции (Халиков 1989: 127—128). Хотя ученый и допускал, что происходили также и «серьезные изменения в расселении населения» что привело к «этническим изменениям», но не пояснил суть этих перемен. В сущности, этот сюжет был ему необходим для развития и обоснования выдвинутого им тезиса о распаде общебулгарской народности, который, как он считал, случился в золотоордынское время (Халиков 1989: 133). Что касается нового расселения населения в эпоху Золотой Орды, то эту идею высказал ранее Н. Ф. Калинин — наставник А. Х. Халикова. Николай Филиппович предполагал, что после монгольского нашествия булгары массово переселялись из разоренного монголами Закамья в Закавказье⁴, что привело к «консолидации булгар с местным населением» (Калинин, Халиков 1954: 107). Правда, последний тезис А. Х. Халиков не поддерживал.

Таким образом, тема исторической этногеографии Булгарской области была намечена в работах 1950—1990-х гг. Н. Ф. Калинина, Р. Г. Фахрутдинова, В. Л. Егорова, А. Х. Халикова (Калинин, Халиков 1954: 104—106, рис. 41; Фахрутдинов 1975: 50—78; Халиков 1994: 74—76; Егоров 2010: 95—106). При этом в ее трактовке преобладали не археологические обоснования, а в большей степени исторические «реконструкции». Согласно

⁴ Н. Ф. Калининым была также высказана идея, что монгольское нашествие не прервало экономического развития Булгарии, которая, по его мнению, во второй половине XIII — XIV вв. даже переживала период подъема: осваивала новые технологии в ремесле, вела активную торговлю (Калинин, Халиков 1954: 117). Последнее предположение, высказанное ученым как гипотеза (ставшая затем практически аксиомой), до начала масштабного изучения золотоордынских памятников, то есть без сравнительного материала, дожило до сегодняшнего дня. Е. П. Казаков писал: «После монгольского нашествия, став провинцией Золотой Орды, Волжская Болгария очень скоро восстановила свой экономический потенциал, снова став житницей и “ремесленным цехом” обширного региона» (Казаков 1997: 66).

Рис. 1. Карта Волжской Булгарии второй половины XIV в. (по Халиков 1994: 74). Условные обозначения: а — города с укреплениями; b — города без укреплений; с — небулгарские города; d — могильники.

Fig. 1. Map of Volga Bulgaria of the second half of the 14th century (after Халиков 1994: 74). Legend: a — towns with fortifications; b — towns without fortification; c — non-Bulgarian towns; d — cemeteries.

им, Булгарская область Золотой Орды рассматривалась как земледельческий район с традиционным и сохранившимся после нашествия образом хозяйствования и, соответственно, неизменным составом населения. Последние утверждения строились на убеждении, что экономика Булгарии восстановилась в полной мере после нашествия, и даже превзошла домонгольский уровень, несмо-

тря на то, что сами исследователи приводили веские доказательства катастрофического уменьшения числа городищ и селищ по сравнению с домонгольским временем (Калинин, Халиков 1954: 106; Фахрутдинов 1975: 29, табл.; Халиков 1994: 78, табл.). Из этого тезиса следовал достаточно логичный вывод, что у булгар в ордынской империи был особый статус (как у русских земель или даже

шире), и по сути, они были автономны (Халиков 1994: 60—61, 73, 74). Данные, противоречащие этому мнению, во внимание не принимались.

Ситуация изменилась в конце XX в. когда были проведены целенаправленные исследования золотоордынских селищ и могильников в Татарстане. Прежде всего, это раскопки К. А. Руденко в 1992—1994 гг. селища и могильника Песчаный остров, давшие узко датированные комплексы: поселение конца XIII — первой четверти XIV вв. и позднечетвертичной могильник второй половины XIV в. (Руденко 1994: 121—139; 1998: 60—71). Это позволило получить надежный хронологический репер для дальнейших исследований в этой области. Помимо этого, позднечетвертичные материалы были получены при исследованиях в 1990-х — 2000-х гг. еще трех поселений: III Билярского, Торецкого и Лаишевского (Чакма) (Руденко 2015: 263—265, 323—325), а также из раскопок Булгарского городища и его некрополей (Газимзянов 2003: 45).

Тем самым, к началу нынешнего столетия стало возможным существенно уточнить как историческую, так и этнокультурную географию Булгарской области Золотой Орды, скорректировать взгляды на особенности ее материальной культуры как в целом, так и в отношении отдельных памятников (Руденко 2004б; 2011: 155—163; 2015: 255—364; 2016: 131—134; 2016а: 124—127; 2017а: 107—149). В первую очередь внимание исследователей было обращено на структурообразующие узлы экономической и культурной географии Булгарской области в золотоордынский период — города (рис. 1) (Фахрутдинов 1975; Халиков 1994: 74, карта). Это Булгар, Джукетау, Биляр⁵, Сувар⁶, Кашан, Кременчук, Иски-Казань, Барское-Енарусскинское селище и городище⁷, Кокрятьское городище, Большеатрянское поселение, Казань, Чебоксарское

городище (Егоров 2010: 95—105). К ним можно добавить еще несколько городищ в ульяновском течении Волги, но большая часть их не раскапывалась, и поэтому объективно судить об их характере затруднительно⁸.

Из этого списка бесспорно крупными городами в золотоордынское время были Булгар, Джукетау, Иски-Казань (Русско-Урматское селище и Камаевское городище). Небольшим по площади городом была Казань (Ситдинов 2006: 63—74). Золотоордынские материалы были зафиксированы на Елабужском, Чаллыском⁹, II Тетюшском¹⁰ городищах (Руденко 2010а: 16, 101—102; Кокорина, Останина 2000: 97; Нигаматов 2005: 26—27; 68, 77). Однако утверждать, что они характеризуют эти поселения как развитой городской центр, вряд ли возможно.

Нет материалов, которые бы свидетельствовали о существовании города ордынской эпохи на месте Бальнгузского городища. При этом, как отмечал А. Х. Халиков, по берегам Малого Черемшана располагалось несколько золотоордынских селищ — III Билярское и Торецкое (Халиков 1994: 84—85), которые были (судя по раскопкам начала XXI в.) крупными сельскими поселениями.

Опубликованные материалы Кокрятьского городища — домонгольские, как и керамика, которую А. Х. Халиков и А. П. Моця считали золотоордынской (Моця, Халиков 1997: 149, 152, рис. 72). Не обнаружены следы городища и даже более-менее крупного поселения ордынского времени у с. Большие Нырсы, Атря-

⁸ Например, Крестово-Городище, которое А. Х. Халиков считал остатками города Синбер, или Арбужинское городище — город Арабуга (?) (Халиков 1994: 87).

⁹ На Елабужском (Чёртовом) городище золотоордынский период выделен только по керамике, «имеющей хронологически смешанный характер» (Нигаматов 2005: 27). На Чаллыском городище наиболее активный период накопления культурного слоя и, соответственно, период наибольшего развития городища и прилегающих селищ — XII — начало XIII вв. Золотоордынский материал встречен в основном на посаде (Нигаматов 2005: 77).

¹⁰ Поскольку I Тетюшское городище находится на территории города Тетюши и полностью застроено, о его характере судить практически невозможно — не известна ни мощность культурного слоя, ни его распространенность на предполагаемой площади. Единственными сведениями о культурном слое этого городища являются материалы из шурфа Н. Ф. Калинина площадью 1×1 м (Руденко 2010: 13). Тем не менее, А. Х. Халиков утверждал, что это был крупный город, «имевший международное значение», о чем, по его мнению, свидетельствовало средневековое поселение, где жили армяне, в 3—4 км от Тетюш (Халиков 1994: 89).

⁵ А. Х. Халиков был убежден, что жизнь в Биляре прекратилась после монгольского нашествия, оговаривая, однако, что в 1238—1239 г. рядом с погибшей столицей был заложен новый город на горе Бальнгуз (Халиков 1994: 83—84).

⁶ По мнению А. Х. Халикова, Ф. Ш. Хузина и Р. Ф. Шарифуллина, город существовал только до монгольских завоеваний (Халиков 1994: 85—86).

⁷ Недоразумением является отнесение Барское-Енарусскинского городища к ордынскому времени, поскольку на валу и во рву городища находятся несколько надгробных памятников XIV в., а подъемный материал с прилегающего селища только домонгольский.

си и Рождествено¹¹ (последнее, по А. Х. Халикову, — древнее поселение Укречь, по названию пустоши, по писцовым книгам XVII в. существовало в эпоху Казанского ханства (Писцовая... 1978: 54, 55, л. 32—33; Генинг и др. 1962: 7; Чернышев 1971: 276; Халиков 1994: 90, 94; Руденко 2002а: 105—109; Руденко, Бугарчев 2015: 156—175)). Анализ имеющихся археологических и нумизматических данных показал, что поселение Чакма (Лайшевское селище) в ордынское время городом быть не могло, и даже крупным населенным пунктом не являлось (Руденко 1999а: 73—102; 2011а: 103, 121, рис. 3; Бугарчев, Руденко 2013: 64—78).

Материалы раскопок городища Кашан I и Кирменьского городища показали, что в обоих случаях материал здесь домонгольского времени. Городище Кашан I вряд ли могло претендовать на статус города в домонгольское время, поскольку большая его часть была не заселена, а в центре городища рос лес (Руденко 1999б: 111—126, рис. 8; 9; Нигамев 2005: 41—56). Практически ничего не известно об Именьковском поселении¹² золотоордынского времени, как, собственно, и о домонгольском периоде его существования.

Таким образом, представления о географии городских поселений Булгарской области Золотой Орды, сложившиеся во второй половине XX в., требуют определенных корректировок как в отношении их количества, так и характера¹³, что формирует представление о поселенческой структуре данной территории. Очевидно, что практически единственным крупным городом с функциями управления был Булгар. Остальные города Булгарской области поднятия до его уровня по экономическому развитию и статусу не имели возможности, и только в конце XIV в. самостоятельную роль, правда, прежде всего

политическую, стал играть Джукетау, а позже — Казань. При этом, судя по распространению продукции городских ремесленников Булгара (керамика, ювелирные и кузнечные изделия), его роль в экономической жизни области была относительно небольшой.

Если обратиться к негородским поселениям — селищам, то бросается в глаза то, что значительные территории в Закамье, достаточно плотно заселенные в домонгольское время, оказались пустующими (Руденко 2016а: 114—115, 126—127), а на землях в пойме Камы и Волги, где до монгольского нашествия существовали многочисленные торгово-ремесленные и земледельческие поселения (Казаков 1991: 15—22), их осталось менее одного десятка (Казаков 1988: 71—82). Вместе с тем, именно на этих пойменных территориях в конце XX в. был выявлен ряд памятников и находок, которые принадлежали кочевникам золотоордынского времени. Е. П. Казаков локализовал эти объекты в пойменной части Волги и нижнего течения Камы, отнеся время присутствия кочевников на болгарских землях к XIII—XIV вв., особенно выделив период второй половины XIV в. (Казаков 1997: 67, 77, рис. 9).

В этой связи отметим, что до конца XX в. проблема кочевого компонента в составе населения золотоордынской Булгарской области практически не ставилась, а роль его в историко-культурном развитии этой части Золотой Орды никогда не рассматривалась. Во многом это определялось авторитетным мнением А. Х. Халикова: «археологические материалы (...) показывают преемственное развитие одной и той же культуры, одного и того же устойчиво земледельческо-ремесленного быта (волжских булгар — *К.Р.*). Инфильтрация в эту среду половцев и саксин в предмонгольское время и отдельных кочевников в период монгольского нашествия не могли изменить этническую устойчивость местной среды» (Халиков 1989: 133).

Правда, еще в 1970-х гг. А. М. Ефимова, анализируя ряд захоронений из могильника Бабий бугор в Булгаре, отметила, что «кочевнические погребения на болгарских кладбищах свидетельствуют о кочевническом, видимо, половецком, компоненте в составе населения Волжской Болгарии» (Ефимова 1974: 28). Однако это мнение другими учеными тогда поддержано не было. В конце 1990-х гг. Е. П. Казаков уже утверждал, что в составе населения Булгарской области Золотой Орды была значительная масса кочевого тюркоязычного, преимущественно кипчакского,

¹¹ Возможно, что поселение это разрушено Куйбышевским водохранилищем, однако в подъемном материале находки этого времени единичны и, как правило, с широкой датой бытования, немногочисленный монетный материал — в основном второй половины XIV — начала XV вв.

¹² В настоящее время оно полностью застроено. Подъемный материал, собранный автором в 1990-х гг. на нем, — домонгольского времени. В настоящее время значительная часть селища разрушена водохранилищем, а оставшаяся в последние 5 лет застроена базой отдыха. Поэтому проверить тезис о золотоордынском Именьковском поселении не представляется возможным.

¹³ Эти данные приведены нами в нескольких статьях (Руденко 2015: 255—364; 2016а: 121, 122, 124—127) и здесь нами не затрагиваются.

Таблица 1.

**Кочевнические могильники и отдельные захоронения кочевников
Булгарской области Золотой Орды**

№ п/п	наименование	район РТ	дата	исследователи
1	Бальмерские курганы	Спасский	2-я пол. XIV в.	Раскопки Е. А. Халиковой
2	Зеленовские курганы (?)	Спасский	XIV в.	Находки XIX в., описание Ф. Эрдмана
2	Могильник Песчаный остров	Алексеевский	2-я пол. XIV в.	Раскопки К. А. Руденко
4	Курналинские курганы (?)	Алексеевский	XIV в.	Разведки Т. А. Хлебниковой, Е. П. Казакова.
5	Алексеевский курган у моста	Алексеевский	2-я пол. XIV в.	Случайная находка 2010 г. Зеркало из захоронения находится в Музее родного края Алексеевского района РТ
6	Алексеевское захоронение	Алексеевский	2-я пол. XIV в.	Раскопки А. С. Губина
7	Лебединское погребение	Алексеевский	XII — XIV вв.	Раскопки А. Х. Халикова
8	Захоронение на мусульманском Рождественском кладбище с монетой 1362 г.	Лаишевский	XIV в.	Раскопки под руководством В. Ф. Генинга
9	Захоронение на Малоиерусалимском могильнике на Булгарском городище	Спасский	XIV в.	Раскопки И. Р. Газимзянова
10	Захоронение на могильнике «Бабий бугор» на Булгарском городище; находки онгонов на кладбище у «Ханской усыпальницы»	Спасский	XIV в.	Раскопки А. М. Ефимовой
11	Байряки-Тамакский могильник	Муслюмовский	XIII—XIV вв.	Разрушен; материал опубликован Е. П. Казаковым
12	Ново-Серёжжинское захоронение	Лениногорский	XIV в.	Разрушен; материал в музее Новосерёжжинской школы

языческого населения, объясняя это тем, что «не существовало каких-либо государственных границ между болгарскими и их соседями, кочующими к югу и юго-востоку от них» (Казаков 1997: 67). Однако развернутых доказательств этого тезиса он не привел.

Между тем, если принять гипотезу Е. П. Казакова, что в ордынское время в Булгарской области постоянно присутствовало население с непостоянной оседлостью — кочевники, то это было бы ключевым фактором в складывании этнокультурной специфики Булгарской области, ее экономической и поселенческой структуры, объяснявшим многие зафиксированные ранее особенности расположения археологических памятников, а также «внезапное» появление и феноменальное распространение некоторых категорий артефактов.

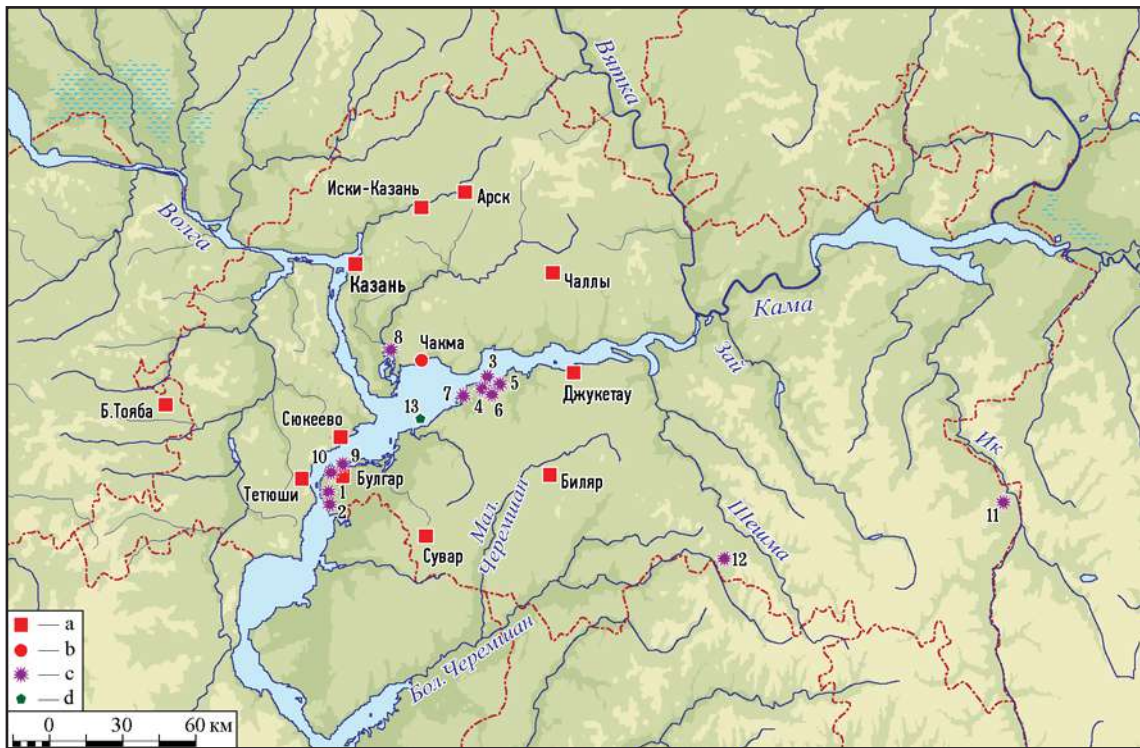
Рассмотрим имеющиеся данные по этому вопросу. Основным источником для раскрытия данной темы являются погребальные памятники поздних кочевников на территории Булгарской области Золотой Орды (Руденко 2013: 189—211; 2015: 344—353). К настоящему времени на территории Татарстана известно 12 могильников и отдельных захоронений поздних тюркских кочевников (табл. 1). Это

Бальмерские, Зеленовские¹⁴, Курналинские курганы; могильник Песчаный остров; Лебединское погребение; захоронения: на мусульманском Рождественском IV могильнике с монетой 1357 г.; на могильниках Малоиерусалимском и Бабий бугор на Булгарском городище, а также находки онгонов¹⁵ на кладбище у «Ханской усыпальницы» (Ефимова 1969: 73) на том же памятнике¹⁶. К этому списку следует добавить Байряки-Тамакский могильник и Ново-Серёжжинское захороне-

¹⁴ Находки зеркал близ с. Зеленовки известны с XIX в., а отдельные предметы вооружения (например, сабли) и элементы конского снаряжения (удила, стремяна) на месте бывшей деревни после создания Куйбышевского водохранилища (здесь образовался небольшой остров, затопливаемый при высокой воде) были найдены еще в 1980-х гг. Эти сведения были получены мной от местных жителей в 1990 г. при проведении разведочных работ. Часть из них тогда находилась у жителей села Махлашевка.

¹⁵ В регионе известна еще одна находка медного онгона — у с. Малая Рязань Самарской области (Кочкина, Сташенков 2005: 111, 116, рис. 6).

¹⁶ Обзор этих памятников и их краткая характеристика см.: (Руденко 2013: 189—211).

Рис. 2. Погребальные памятники поздних кочевников XIV в. и основные поселения Булгарской области. 1 — Бальмерские курганы; 2 — Зеленовские курганы; 3 — могильник Песчаный остров; 4 — Курналинские курганы; 5 — Алексеевский курган у моста; 6 — Алексеевское захоронение; 7 — Лебединское погребение; 8 — захоронение на Рождественском могильнике; 9 — захоронение на Малоиерусалимском могильнике в Булгаре; 10 — захоронения на могильнике Бабий бугор в Булгаре; 11 — Байряки-Тамакский могильник; 12 — Ново-Серёжкинское захоронение; 13 — Нижнемарьянские находки (составлено К.А. Руденко). Условные обозначения: а — городские поселения; б — селища; с — погребальные памятники; д — разрушенные погребения кочевников.

Fig. 2. Funerary monuments of late nomads of the 14th century and main settlements of the Bulgar region. 1 — Balymer mounds; 2 — Zelenovka mounds; 3 — Peschanyi Ostrov cemetery; 4 — Kurnali mounds; 5 — Alekseevskoe mound at the bridge; 6 — Alekseevskoe burial; 7 — Lebedino burial; 8 — burial on Rozhdestveno cemetery; 9 — burial on Maloierusalimsky cemetery in Bulgar; 10 — burials on Babii Bugor cemetery in Bulgar; 11 — Bairyaki-Tamak cemetery; 12 — Noveo Seryozhkino burial; 13 — Nizhni Mar'yan finds (compiled by K.A. Rudenko). Legend: a — towns; b — rural settlements; c — funerary monuments; d — destroyed nomad burials.

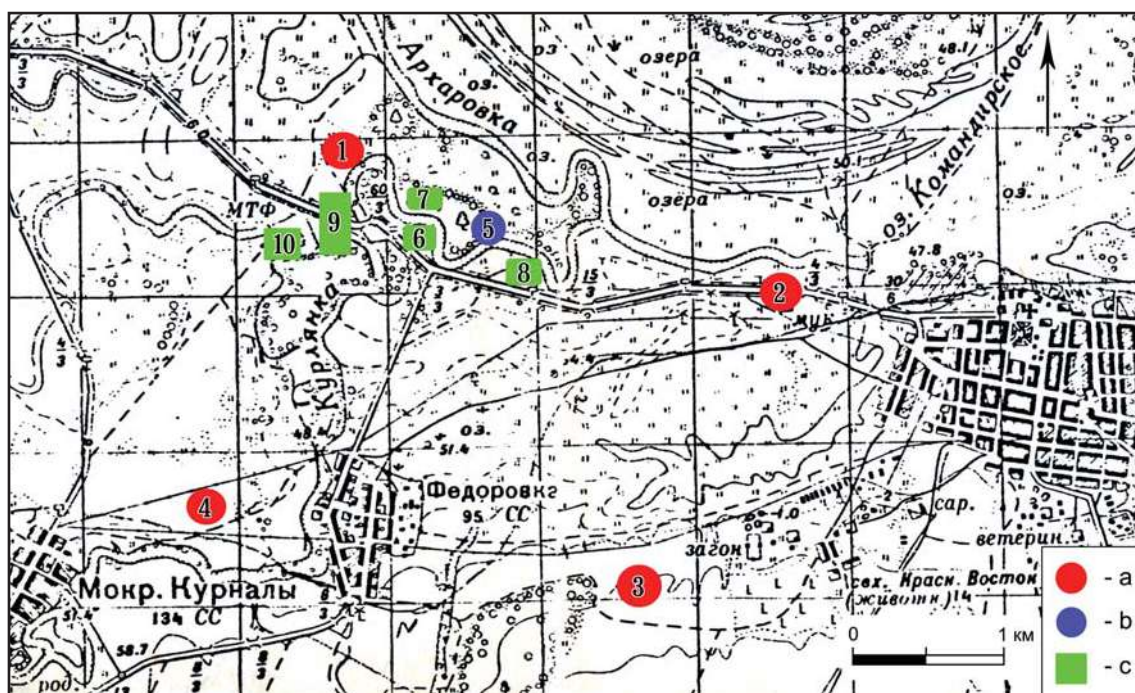
ние на востоке и юго-востоке Татарстана¹⁷ (рис. 2). Детальный анализ погребального обряда и инвентаря можно сделать по могильникам Бальмерскому и Песчаный остров, поскольку опубликованы дневники их раскопок и планы захоронений (Руденко 1999:

¹⁷ Вероятно, захоронение кочевника было на Нижнемарьянском могильнике близ Нижнемарьянского II селища в Спасском районе РТ (в затопленной пойме Камы), датированного по подъемному материалу XIV — началом XV в. (Археологические... 1988: 12, №14). Е.П. Казаковым в 1964 году здесь было зафиксировано несколько захоронений западной ориентировки с костяками, лежавшими выткнуто на спине (Археологические... 1988: 12, №16). На этом месте Е.П. Казаковым и А.Х. Халиковым были найдены два целых зеркала и ряд бытовых предметов, встречающихся в кочевнических захоронениях, в том числе фрагменты удила и стремян (Коллекция музея археологии ИА ИА РАН РТ, полевой шифр: НМ 75/21 и НМ II-64/13).

61—65; 2009: 288—291), а также по имеющимся в литературе описаниям (правда, без планов, но с характеристиками артефактов или же их фотографиями) отдельных захоронений из некрополей в Булгарах и на IV Рождественском могильнике. В остальных случаях известен только инвентарь из захоронений (Казаков 1978: 94, рис. 47).

Кроме этого, Е.П. Казаковым на востоке Татарстана были выявлены и исследованы могильники и поселения, оставленные населением с непостоянной оседлостью (чияликская культура), которое он считает уграми (Казаков 2007: 59—65).

Все вышеотмеченные памятники можно объединить в несколько территориально-хронологических групп (Руденко 2013а: 72—101) (рис. 2). Первая группа включает в себя позднекочевнические некрополи и отдельные захоронения, расположенные

Рис. 3. Расположение кочевнических могильников, захоронений и поселений второй половины XIV в. Курналинской группы. 1 — могильник Песчаный остров; 2 — Алексеевское погребение у моста; 3 — Алексеевское погребение; 4 — Курналинские курганы; 5 — захоронение коня на острове «Восточный»; 6 — селища Дамба II; 7 — остров Восточный; 8 — остров Разбойничий; 9 — селище Дамба I; 10 — селище Дамба III. Условные обозначения: а — погребальные памятники; б — ритуальный комплекс (захоронение коня); с — поселения (составлено К.А. Руденко).

Fig. 3. Location of the nomadic burial grounds, graves and settlements of the second half of the 14th century of the Kurnali group. 1 — Peschanyi Ostrov cemetery; 2 — Alekseevskoe burial at the bridge; 3 — Alekseevskoe burial; 4 — Kurnali mounds; 5 — horse burial on the Vostochnyi island; 6 — Damba II settlement; 7 — Vostochnyi island settlement; 8 — Razboinichii island settlement; 9 — Damba I settlement; 10 — Damba III settlement. Legend: a — funerary monuments; b — ritual complex (horse burial); c — settlements (compiled by K.A. Rudenko).

в пойме нижнего течения Камы и тетюшского течения Волги¹⁸, оставленные преимущественно кочевым тюркоязычным населением в XIV в. (Руденко 2013: 189—211). Внутри первой группы эти объекты концентрируются в бассейне р. Курналинки (Курналки) (рис. 3) и по левому берегу Волги от Булгар до Полянок (рис. 2: 1, 2, 7, 9, 10, 13). В последнем случае сюда входят и одиночные кочевнические захоронения на некрополях Булгара, датированные второй половиной XIV в. Возможно, что и в «пустой зоне» между этими кустами памятников были кочевнические захоронения, о чем свидетельствуют Нижнемарьянские находки и Лебединское погребение (рис. 2: 7, 13).

Вторая группа — могильники населения с непостоянной оседлостью в восточной

части Булгарской области, вероятно, угорские — Такталачукский, Азметьевский, которые Е.П. Казаков датирует XIII—XIV в., причем первый из могильников существовал, по его мнению, в XIV в., и исследователь склоняется к более узкой датировке — второй половине XIV в. (Казаков 1978: 70, 81).

Захоронения кочевников XIV в. имеются на Муранском и Барбашинском могильниках на Самарской Луке (Сташенков, Кочкина 2012: 111—114; Сташенков 2014: 5—34). Последние составляют отдельную обособленную группу, и мы здесь её не рассматриваем.

Обратимся к анализу погребальных памятников первой группы. Топография могильников следующая. Курналинская группа занимает возвышенные места камской поймы, точнее — останцы надлуговых террас среднего течения р. Курналинки (в пойменной части), левого притока р. Архаровка, впадающей в Каму у бывшего с. Мурзиха. Это касается как могильника Песчаный остров, так и одиночных захоронений (рис. 3: 1—4). Поскольку по большей степени последние были обнаружены случайно, то были ли

¹⁸ Обособлено — к юго-востоку — располагался Байряки-Тамакский могильник, но поскольку, кроме вещей, от него ничего не сохранилось, то этот погребальный инвентарь мы рассматриваем в совокупности с материалами могильников первой группы.

они одиночными захоронениями или там было несколько погребений, сказать сейчас невозможно¹⁹. Однако, учитывая зафиксированные Т.А. Хлебниковой в 1960-х гг. курганные насыпи и обнаруженные ей же разрушенные человеческие скелеты (правда, без вещей), можно высказать предположение, что здесь находилось несколько небольших курганных групп или одиночных курганов с одним захоронением или несколькими. Одна курганная (?) группа, центральная, — была на о. Песчаном²⁰; вторая — близ с. Мокрые Курналы, а отдельные курганы (хотя здесь могли быть и бескурганные захоронения) — к западу и к северу от пос. Алексеевское, тяготея к надпойменной террасе Курналинки (рис. 3). Как, правило, на этих местах находились стоянки эпохи бронзы, например, XV Алексеевское поселение (Археологические 1988: 41, №245), а возможно, и курганы этого времени, что было отмечено Е.П. Казаковым при разведывательных исследованиях этого района в 1970—80-х гг. (Казаков, Руденко 2004: 106, рис. 3: 1). Аналогично расположение Лебединского и Зеленовского погребений, как и Нижнемарьянских находок (рис. 2: 2, 7, 13).

Расположение могильников в пойме не случайно и связано с определенными мировоззренческими взглядами и культовыми практиками у тюркских народов в средневековую эпоху (Руденко 2002: 157).

В отличие от вышерассмотренных памятников, расположенных в пойменной части Камы, один могильник находился на склоне коренного берега Волги — Бальмерские курганы (рис. 2: 1) (Руденко 2015: 350, рис. 118: Г). Кроме того, Усть-Иерусалимский могильник на Булгарском городище, где было захоронение кочевника, занимал стрелку, образованную Большим и Малым Иерусалимскими оврагами на краю высокой волжской террасы (рис. 3а). На коренном берегу Мешы (правого притока Камы) находился и Рождественский могильник, где также было кочевническое

¹⁹ Водами Куйбышевского водохранилища в рассматриваемом районе, вероятно, разрушены и другие подобные объекты, о которых косвенно свидетельствуют материалы, собранные в 1960—1970-е гг. казанскими археологами на островах, образовавшихся на месте высоких останцев надлуговых террас.

²⁰ Поблизости от Песчаноостровного могильника, на острове Восточном, в 1993 г. был зафиксирован котлован правильной формы в котором находился целый скелет коня (рис. 3: 5). Поскольку эти останки располагались в зоне приобья, выяснить, был ли здесь скелет человека, не удалось.

погребение (Генинг и др. 1962: 100, табл. II; XII).

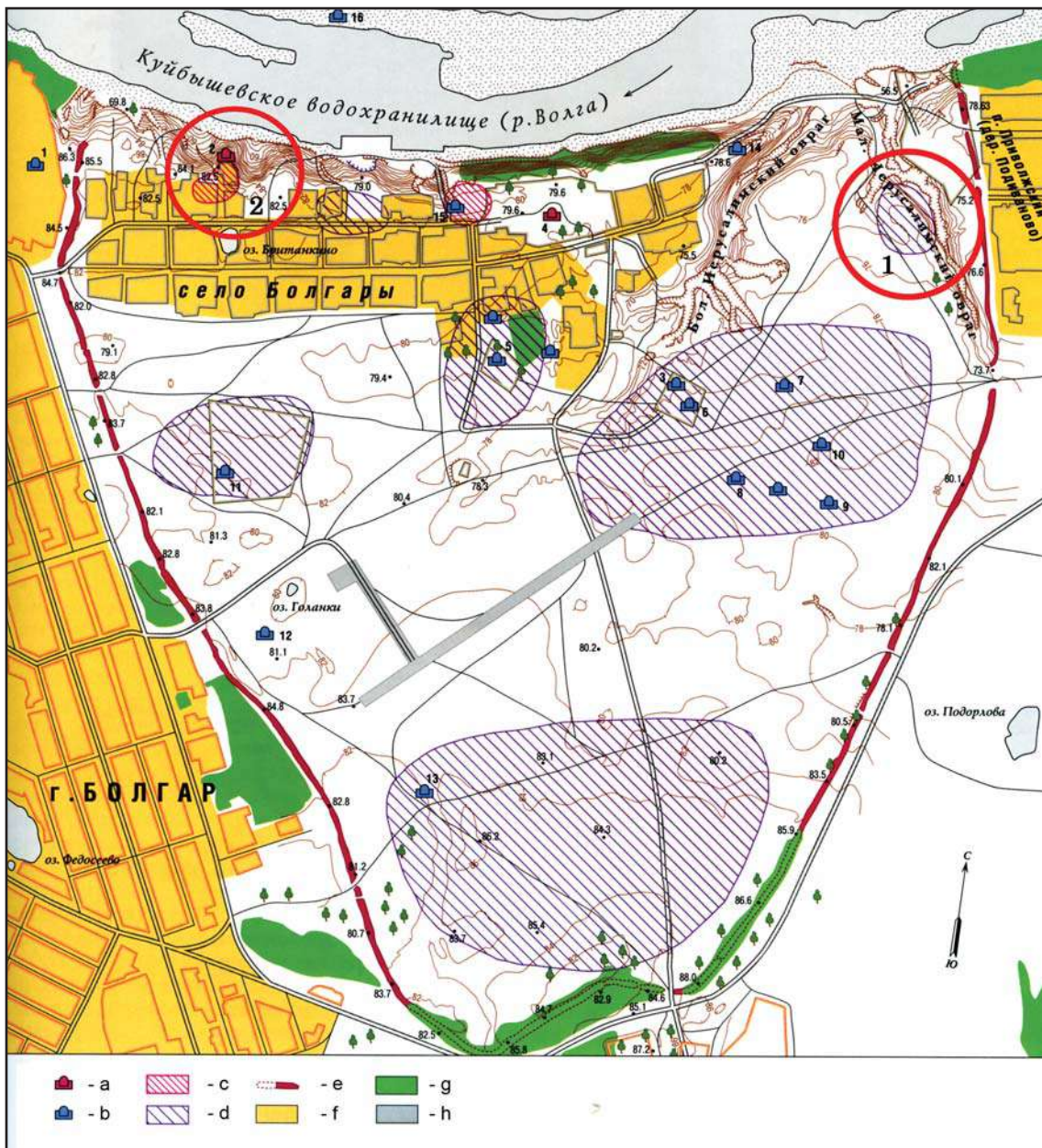
Есть еще одна интересная особенность. Чаще всего неподалеку от могильников, располагавшихся в пойме, находились небольшие селения или, как в случае с Песчаным островом, даже несколько (рис. 3: 6—9) (Руденко 2015: 336—339, рис. 107). По мнению И.Н. Васильевой, появление бескурганных могильников и близость к поселениям земледельцев может свидетельствовать о процессе оседания кочевников на землю (Васильева 1979: 231—232).

Внешние признаки могильников и захоронений в виде земляной насыпи точно зафиксированы в случае Бальмерских и Курналинских курганов. В отношении могильника Песчаный остров наличие насыпей можно предполагать, но поскольку песчаный останец, на котором располагался некрополь, был распахан под огород в XX в., то эти следы могли быть уничтожены. Однако не исключено, что могильник был и бескурганным.

Всего нами было проанализировано 25 захоронений из 6 могильников и одиночных захоронений (табл. 2), которые достоверно можно отнести к кочевническим и по которым имеются все необходимые для анализа сведения. Из них 10 захоронений женские; 10 — мужские; 5 — дети и подростки. В женских и нескольких мужских погребениях имеется погребальный инвентарь. В насыпи подростковых захоронений встречаются отдельные предметы. Женские захоронения имеют западную (3 погребения: 30%) и северную (70%) ориентировки; среди последних без отклонений — 2 погребения (28,5%) с отклонениями к востоку — 3 погребения (42,9%) и к западу — 2 погребения (28,5%). При этом отклонения эти незначительны. С западной ориентировкой захоронения из могильника Бабий бугор в Булгарах и одно из могильника Песчаный остров. Ориентированы на север с отклонением на запад два захоронения из могильника Песчаный остров; с отклонением на восток — все из Бальмерских курганов²¹; а на север без отклонений — из Алексеевских курганов²², как и погребения на Усть-Иерусалимском могильнике

²¹ Е.А. Халиковой были изучены 4 кургана из более чем 20-ти, и утверждать, что все захоронения в этом могильнике имеют такую ориентировку, некорректно.

²² Исследованное здесь захоронение, к сожалению, было зафиксировано в полуразрушенном состоянии, и ручаться за абсолютную точность фиксации трудно.

Рис. 3а. Расположение могильников домонгольского и золотоордынского времени на территории Булгарского городища. 1 — могильник Бабий бугор; 2 — Малоиерусалимский могильник (по Яблонский 2013: 295). Условные обозначения: а — могильники домонгольского периода; б — могильники золотоордынского периода; с — расположение некрополей домонгольского периода; д — расположение некрополей золотоордынского периода; е — оборонительный земляной вал; ф — современная застройка; г — залесенные территории; h — заасфальтированный участок.

Fig. 3a. Localisation of necropolises of the pre-Mongol and the Golden Horde time on the territory of Bolgar. 1 — Babi Bugor burial ground; 2 — Maloierusalimsky burial ground (after Яблонский 2013: 295). Legend: а — pre-Mongol necropolises; б — Golden Horde necropolises; с — location of pre-Mongol necropolises; д — location of Golden Horde necropolises; е — defense earth wall; ф — modern structures; г — woodlands; h — asphalted area.

в Болгарах. Интересно, что захоронения разной ориентировки встречаются на могильнике Песчаный остров — северная, восточная, западная и южная (табл. 2). На болгарских могильниках ордынского времени при преобладании западной ориентировки встре-

чаются захоронения и с восточной ориентировкой, например, на Лаишевском II могильнике XIV в. (погребение 18) (Руденко 1999а: 80, рис. 4—7).

Глубина могильных ям в среднем составляет 60—70 см; длина — от 180 до 240 см

**Характеристика кочевнических погребений
Булгарской области Золотой Орды**

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
I	Могильник Песчаный остров																	
1	1	?	?	?	ЮЗ							+				+		
2	2	75	190	75	ССЗ	?					+			+		+		+
3	3	55	165	65	З	+		+					+			+		
4	4	80	190	75	СВ		+		+						+		+	
5	5	60	190	35	З	+			+				+			+		+
6	6	50	160	75	З	+			?				+			+		+
7	7	45	140	65	З	+			+				+			+		
8	8	75	210	60	С	+		+					+			+		+
9	9	40—45	166	95	З	+		?					+			?		
10	10	40	155	85	З	+			+				+			+		
11	11	?	?	50	З							+						+
12	12	55	200	90	ЮЮЗ	+				+			+			+		+
13	13	30	80	68	З	?		+					+				+	
14	14	100	160	78	З (СЗ)	+		+					+			+		
15	15	100	50	35	С													
II	Алексеевское погребение																	
16	1	?	?	60	С	+		+					+			+		+
III	Бальмерские курганы																	
17	к. 1	80	220	70	ССВ	+		+					+			+		+
18	к. 2	80—100*	240	70	ССВ													+
19	к. 3, п. 1	95*	230	52	ССВ	+		+										+
20	к. 3, п. 2	80*	200	60	ССВ	+												+
21	к. 4	60—90	220	60	ССВ	+		+									+	+
IV	Могильник Бабий бугор в Булгаре																	
22	40	58	180	184	З	+		+					+				+	+
23	41	58**	200	210	З	+				+			+				+	+
V	Усть-Иерусалимский могильник в Булгаре																	
24	154	100*	180	60	С	+		+					+			+		+
VI	Рождественский могильник																	
25	18	70	200	100	СВ	+				+						+		+

Обозначения заголовков: 0 — № п/п; 1 — № погребения; 2 — ширина могильной ямы (см.); 3 — длина могильной ямы (см.); 4 — глубина могильной ямы (см.); 5 — ориентировка погребенного; 6 — положение погребенного — на спине; 7 — положение погребенного — на боку; 8 — руки вытянуты вдоль туловища; 9 — руки скрещены на поясе; 10 — правая рука вытянута вдоль туловища, левая на тазовых костях; 11 — левая вытянута вдоль туловища, правая на тазовых костях; 12 — положение рук не установлено; 13 — ноги вытянуты; 14 — ноги скрещены; 15 — ноги согнуты в коленях; 16 — череп обращен лицевой частью вверх; 17 — череп повернут лицевой частью на правый/левый бок; 18 — инвентарь.

Примечание: * — яма с заплечиками, костяк не сохранился или остались следы; ** — погребенный был похоронен в колоде; *** — захоронение с чучелом коня; ? — параметры неизвестны (данные не зафиксированы).

(средняя длина 180—220 см); ширина — 80—100 см. Конструкция могильной ямы, как правило, простая; с заплечиками зафиксировано два погребения из Бальмер (Руденко 2009: 290); в колоде — одно (№41) из могильника Бабий бугор (Ефимова 1960: 184). Костяк, как правило, располагался вытянуто на спине; лицевая часть черепа чаще всего обращена вверх (60%). Такое положение умерших встречается и на болгарских сельских могильниках этого времени: на Рождественском, Лаишевском II (Генинг и др. 1962: 79—81, табл. Т; Руденко 1999а: 80).

Мужские захоронения были ориентированы головой на запад (3 погребения: 30%), на север и север с отклонением на восток (4 погребения: 40%), на юг (2 погребения: 20%). Инвентарь имеется в пяти захоронениях. Положение костяка — вытянуто на спине, лицевой частью черепа вверх. Руки, как правило, вытянуты вдоль туловища, в двух случаях одна из рук положена на пояс. Могильные ямы глубиной от 50 до 200 см, но чаще до 100 см. Ширина — 40—90 см; длина — 160—230 см. Ориентировка погребенных достаточно разнообразна, хотя захоронения

с подобными признаками встречаются в булгарских материалах. Например, женское погребение с северо-восточной ориентировкой²³ (лицом вверх, руки — одна на животе, вторая у подбородка), в котором еще находились скелеты двух младенцев головами также на северо-восток, изучено у Восточного мавзолея («Церковь Св. Николая») в Булгаре, построенного в 30—50-х гг. XIV в. (Баранов, Кавеев 2001: 183, 198). Здесь же зафиксированы захоронения с северной и южной ориентировкой, а также скорченные (мордовские?) погребения (Смирнов 1972: 305—306).

Детские погребения, там, где можно определить направление могильной ямы и костяка, ориентированы головой на запад или север (одно погребение)²⁴. Здесь в засыпи могильной ямы или в самом погребении встречались отдельные предметы, например, часть металлического пластинчатого браслета.

Наиболее полная информация по погребенным имеется только по Песчаноостровному могильнику (Руденко 2002б: 308—320). Выделяются несколько групп захоронений, вероятно, близких родственников (Бужилова 2013: 211) (табл. 3). В первой группе похоронены женщины, одна (погребение 5) 20—30 (20—25) лет, две других — примерно одного возраста (16—18 лет). Черепа их отличаются сочетанием уплощенного лица с хорошо профилированным переносьем (см. ниже). Во второй группе — мужчина и женщина в возрасте 45—55 лет и грудной младенец. Погребения 1—4, расположенные несколько обособленно, принадлежат мужчинам в возрасте 30—45 лет, и только один умерший (погребение 2) был в возрасте 20—25 лет. Индивидуум из захоронения 12 умер в возрасте 35—45 лет. В целом, средний возраст смерти составляет 30—35 лет. Высока была смертность в детском и подростковом возрасте, как и среди женщин, что было характерно в то время для населения Золотой Орды с кочевыми традициями, впрочем, подобная статистика зафиксирована на Усть-Иерусалимском могильнике второй половины XIV в. в Булгаре (Бужилова, Медникова, Козловская 2002: 170; Васильев, Боруцкая, Газимзянов 2004: 39).

Погребенные в могильниках курналинской группы были индивидуумами среднего

²³ В публикации В.С. Баранова и М.М. Кавеева указана ориентировка погребенной — восток-северо-восток (Баранов, Кавеев 2001: 183).

²⁴ Северо-западная ориентировка нередко встречается в захоронениях подростков и детей на булгарских некрополях XI—XIII вв. (Кочкина, Стащенко 1999: 181).

Таблица 3.
Пол и возраст индивидуумов
из могильника Песчаный остров

№ погр.	пол	возраст	примечание
1	муж.	35—45 лет	
2	жен.	20—25 лет	
3	муж.	30—40 лет	
4	муж.	35—45 лет	
5	жен.	20—29 лет	
6	подросток, жен.?	16—18 лет	
7	подросток, жен.?	16—18 лет	
8	муж.	35—45 лет	
9	жен.	45—55 лет	
10	муж.?	45—55 лет	
11	ребенок	7—8 лет	
12	муж.	35—45 лет	
13	ребенок	ок. 0,5 года	
14	жен.	45+ лет	
15	ребенок	от 1 до 3 лет	
16	муж.	35—55 лет	разрушенное погребение
17	муж.	до 35 лет	фрагмент черепа из разрушенного погребения

Примечание: определение пола и возраста А.П. Бужиловой и И.Р. Газимзянова.

роста: у взрослых в среднем 155—160 см. Несколько человек были роста выше среднего — до 170 см. Антропологически тип этого населения²⁵ представлен преимущественно европеоидами (рис. 4: 6, 8), иногда с небольшой примесью монголоидности (рис. 5). В одном случае (погребение 8 могильника Песчаный остров с северной ориентировкой и наличием сопровождающего инвентаря) был похоронен монголоид (рис. 7: 4). Интересной особенностью ряда мужских захоронений Песчаноостровного могильника являются сильно выступающие носовые кости черепа²⁶ (рис. 8), например, погребение №12 (с южной ори-

²⁵ Антропологический материал был изучен только из могильника Песчаный остров (определение И.Р. Газимзянова, А.П. Бужиловой, Т.С. Балуевой). Результаты антропологических исследований захоронения из Усть-Иерусалимского могильника, проведенные И.Р. Газимзяновым, пока не опубликованы. Остеологические материалы из Балымерских курганов изучить не удалось из-за их плохой сохранности.

²⁶ Угол выступления носа выделяется антропологами в краниологических исследованиях (Акимов 1964: 180).

ентировкой). Эта черта внешности характерна для захоронений эпохи Золотой Орды могильника Бабий бугор, некрополей у Черной палаты и Малого минарета в Булгаре (например, раскопы XXVII 1968 г., погребение 10 и XV 1966 г., погребение 11), а также мужской серии Усть-Иерусалимского могильника на этом же памятнике, как и в ряде мавзолеев Булгара (Газимзянов 2004: 48; 2015: 120). Причем могильник Бабий бугор и кладбище у Малого минарета, по мнению Л. Т. Яблонского, составляют особую группу популяций, имеющих определенное генетическое родство, но не типичную для населения Булгара (Яблонский 2013: 296). То же можно сказать и об Усть-Иерусалимском могильнике, обладающем большим своеобразием (Газимзянов 2002: 133). Судя по публикациям, индивидуумы с сильно выступающими костями носа были захоронены в большинстве некрополей города Булгара ордынского времени.

Наиболее представительная серия такого рода черепов происходит из могильника Бабий бугор. Он не раз привлекал внимание исследователей своей необычностью. И интерпретировали его по-разному: людей, похороненных здесь, считали булгарами, мордвой, аланами (Газимзянов 2003: 46; Ефимова 1991: 22, 35). Последней версии придерживалась Е. А. Халикова, предположившая, что эта группа населения могла быть родом из Подонья или Северного Кавказа; она мало смешивалась с местным населением; и не исключено, что причиной этого была их конфессиональная принадлежность, по ее мнению — христианская (Халикова 1978: 210, 211; 1986: 132).

И. Р. Газимзянов сравнил имевшиеся данные по могильнику Бабий бугор с раскопанным им Усть-Иерусалимским могильником в Булгаре, датированным второй половиной XIV в., вероятно, оставленным мордвой-мокшей с включением кочевого (кипчакского?) компонента (Газимзянов 2003: 46—47). Этот анализ дал ему основания вернуться к версии А. П. Смирнова о булгаро-мордовской принадлежности населения, оставившего могильник Бабий бугор (Газимзянов 2003: 46), правда, А. П. Смирнов не конкретизировал основания этой атрибуции (Смирнов 1972: 304). При этом И. Р. Газимзянов отверг доводы Е. А. Халиковой и определил всех индивидуумов из этого некрополя как мусульман, но только на ранней стадии принятия новой для них религии (Газимзянов 2001: 136).

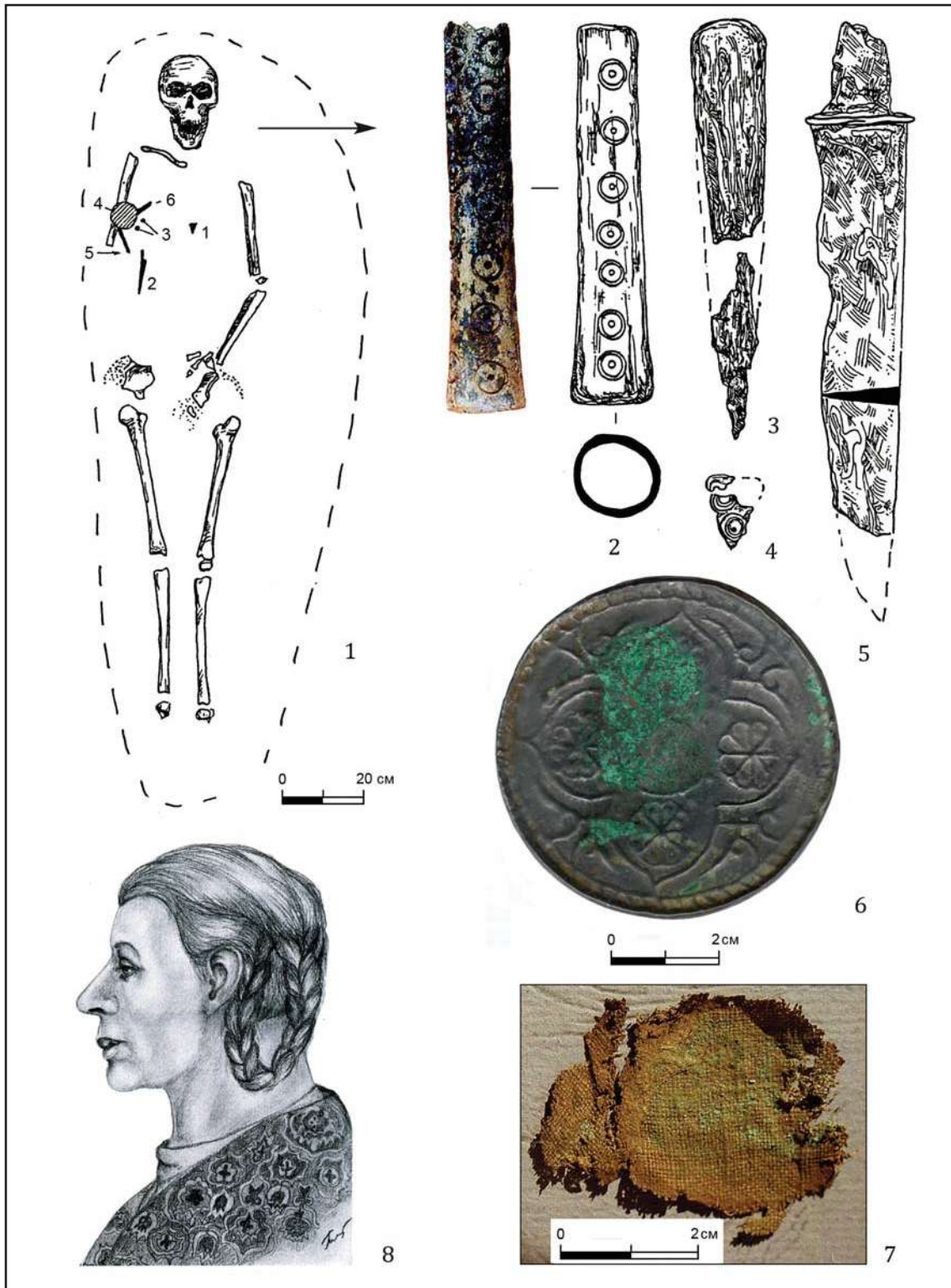
Продолжение исследований могильника Бабий бугор и прилегающей территории в 2010—2013 гг. позволило уточнить ряд су-

щественных моментов, прежде всего о характере объекта: выявленный рядом каменный мавзолей, датированный серединой XIV — началом XV в. (Макарова, Ситдииков, Бочаров 2016: 247), показал, что этот некрополь не являлся кладбищем рядового населения Булгара, как считали предшественники (Ефимова 1960: 194). Правда, обнаружение этого объекта не подтвердило мусульманский характер всего могильника, поскольку мавзолей был построен фактически уже после завершения функционирования этого некрополя.

Новые палеоантропологические исследования подтвердили особенности внешнего облика населения, оставившего могильник Бабий бугор (в частности, выступающие носовые кости лицевой части черепа), что отметил Л. Т. Яблонский, а ранее Т. А. Трофимова (Ефимова 1991: 22; Нечвалода 2004: 137—138, рис 4; 7; Газимзянов 2015: 117). И. Р. Газимзянов, изучавший этот материал, пересмотрел свою первоначальную точку зрения о булгаро-мордовском населении Бабьего бугра как и о ранних мусульманах и поддержал мнение Л. Т. Яблонского (сославшись на его публикацию)²⁷, который считал, что часть этого населения относится к «кочевым половецко-кипчакским племенам южнорусских степей» (Газимзянов 2015: 122). Впрочем, это мнение нельзя назвать новым: о связи этого населения со степными кочевниками писали и ранее, только связывая это с ранней, сарматской эпохой (Ефимова 1991: 66).

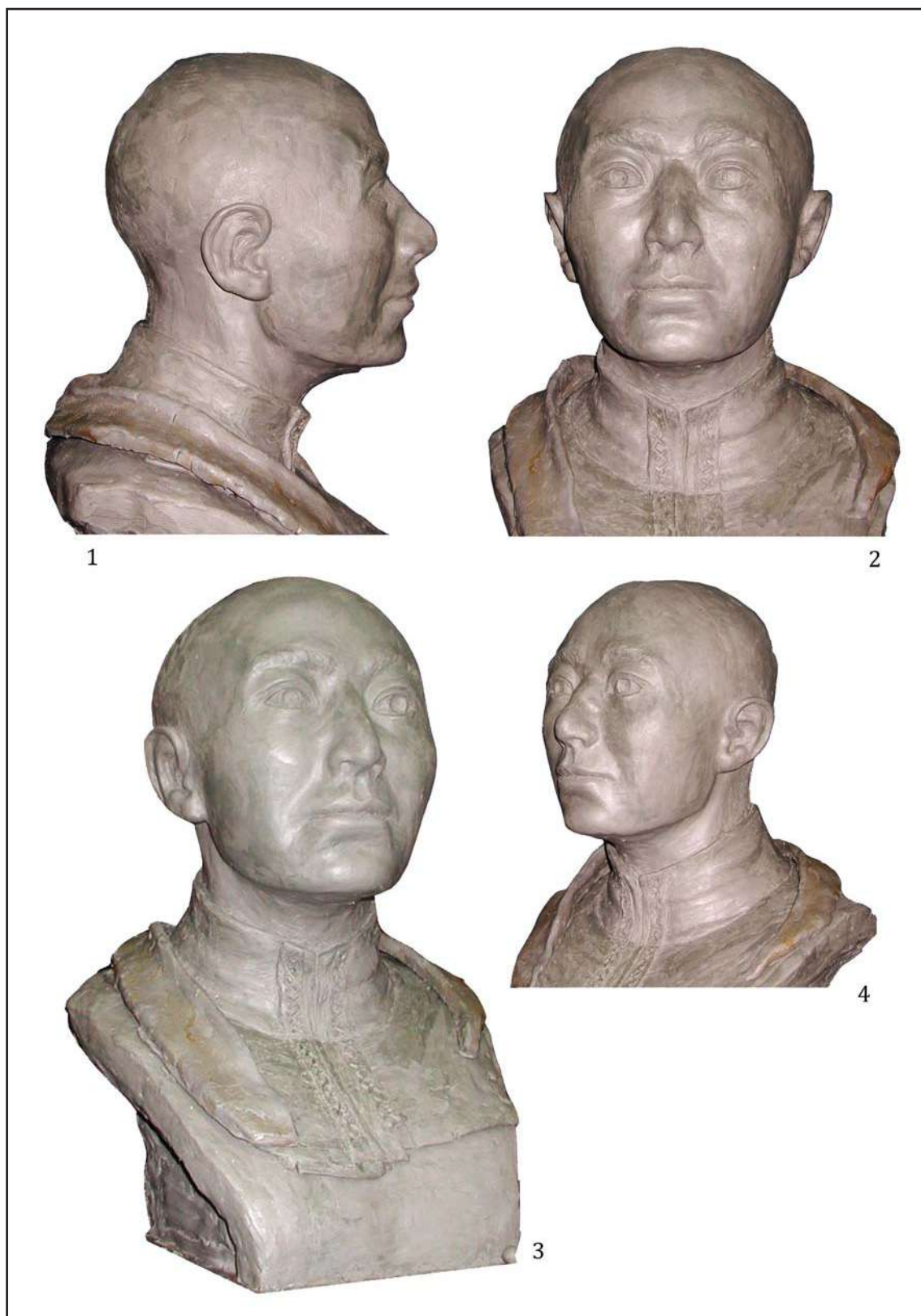
Те же признаки, что и в захоронениях на Бабьем бугре, характеризуют и часть антропологических материалов Новохарьковского могильника в бассейне Среднего Дона. Описывая строение носовой полости захороненных индивидуумов, исследователи отметили, что «и переносье, и угол выступления носа характеризуются большими величинами» (Алексеева, Козловская 2002: 111—112, рис. 51; 54; табл. 1). Аналогичные признаки и у черепов из Березовского могильника в Шигонском районе Самарской области. Ученые писали, что «сходство антропологического облика тех и других несомненно» (Алексеева, Козловская 2002: 112, табл. 2). При этом они утверждали, что это население является потомками алан периода Хазарского каганата (Алексеева, Козловская 2002: 118). В целом, большинство исследователей, пи-

²⁷ Правда, в других статьях, где упоминается могильник «Бабий бугор», Л. Т. Яблонский не столь категоричен, и определение похороненных в нем людей с выступающими носами как кочевников-половцев не встречается.

Рис. 4. Погребение №5 могильника Песчаный остров: 1 — план; 2—7 — инвентарь; 8— графическая реконструкция внешнего облика погребенной женщины (автор реконструкции — Т.С. Балуева). Инвентарь: 2 — костяная игольница (на плане погребения — №5); 3 — шило с деревянной рукоятью (№6); 4 — медная накладка (№1); 5 — железный нож (№2); 6 — бронзовое зеркало (№4); 7 — ткань с окислами меди, в которую было завернуто зеркало. НМ РТ, КП №23460, АА-9 (по Руденко 2013: рис. 7).

Fig. 4. Burial no. 5 of Peschany Ostrov necropolis: 1 — plan; 2—7 — grave goods; 8— graphic reconstruction of the buried woman's outlook (by T.S. Balueva). Grave goods: 2 — bone needle-holder (no.5 on the plan); 3 — awl with a wooden handle (no.6); 4 — copper onlay (no. 1); 5 — iron knife (no. 2); 6 — bronze mirror (no. 4); 7 — fabric with copper oxides, used to wrap the mirror. NM RT, КП no.23460, AA-9 (after Руденко 2013: рис. 7).

Рис. 5. Скульптурная реконструкция по черепу внешнего облика умершего из разрушенного погребения могильника Песчаный остров. Автор реконструкции Т. С. Балueva. 1999 г. (по Руденко 2013: рис. 9).

Fig. 5. Sculptural reconstruction of a dead person's look, by skull, from a destroyed necropolis Peschany Ostrov. Reconstruction by T.S. Balueva. 1999 (after Руденко 2013: рис. 9).

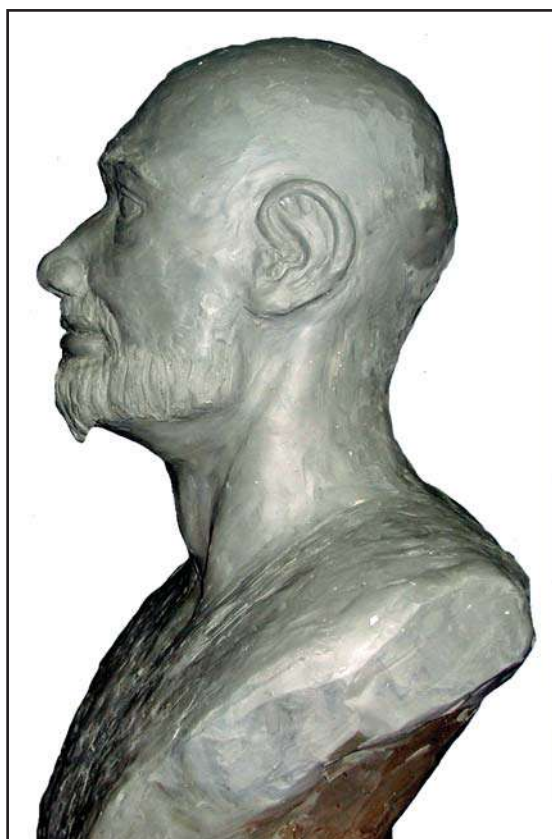
савших по этой проблеме, склоняется к мысли, что вышерассмотренные признаки характерны для кочевого населения восточноевропейских степей ордынского времени.

Для Среднего Поволжья эпохи средневековья индивидуумы с выступающими костями носа выявлены в захоронениях кочевников начиная с IX в. Это Лебяжинское погребение в Красноярском районе Самарской области (Газимзянов, Хохлов 1999: 302), причем исследователи атрибутировали его как угорское (Стащенко, Турецкий 1999: 289—301). В Волжском районе Самарской области было изучено погребение кочевника с северной ориентировкой, характерным для кочевников набором инвентаря и с сопребением полной туши коня, взнузданного и экипированного (Стащенко 1999: 174—186, рис. 3). Причем, как отмечают антропологи, у захороненного там мужчины 35—45 лет было очень высокое, резко выступающее переносье (Хохлов 1999: 187). Д. А. Стащенко датировал это погребение XII — серединой XIII в. (Стащенко 1999: 179), однако дату его можно поднять до XIV в. Черты погребального обряда, в котором присутствует сопребение с целым конем, деревянные конструкции зафиксированы в нескольких случаях в захоронениях кочевников XIV в. Самарского Поволжья (Васильева 1979: 230). Аналогичные антропологические особенности отмечены в захоронениях XIV в. на Барбашинском могильнике на Самарской луке (Хохлов 2012: 109).

В любом случае, этот антропологический тип внешне отличается от облика населения Волжской Булгарии домонгольского времени, который характеризуется средними и небольшими размерами переносья и угла носовых костей (Ефимова 1991: 47).

Основным занятием населения, оставившего могильник Песчаный остров, по данным А. П. Бужиловой, было скотоводство (Бужилова 2013: 210—211).

Из сопровождающих умершего животных в засыпи погребений могильника Песчаный остров встречаются черепа и зубы лошадей. Они не связаны конкретно с мужскими, женскими или детскими/подростковыми захоронениями. Черепа лошадей и лошадиные зубы редки в могильниках Волго-Донья, эта черта сближает материалы могильников Песчаный остров и Бальмерского с могильниками Южного Предуралья (Мысков 2015: 234; Иванов, Кригер 1988: 64—65, 82, 83). Показательно и отсутствие конских туш в захоронениях, а также шкур с головой лошади, что является как этнокультурным, так и статусным признаком (Илюшин 2012: 87). Несмотря на то,

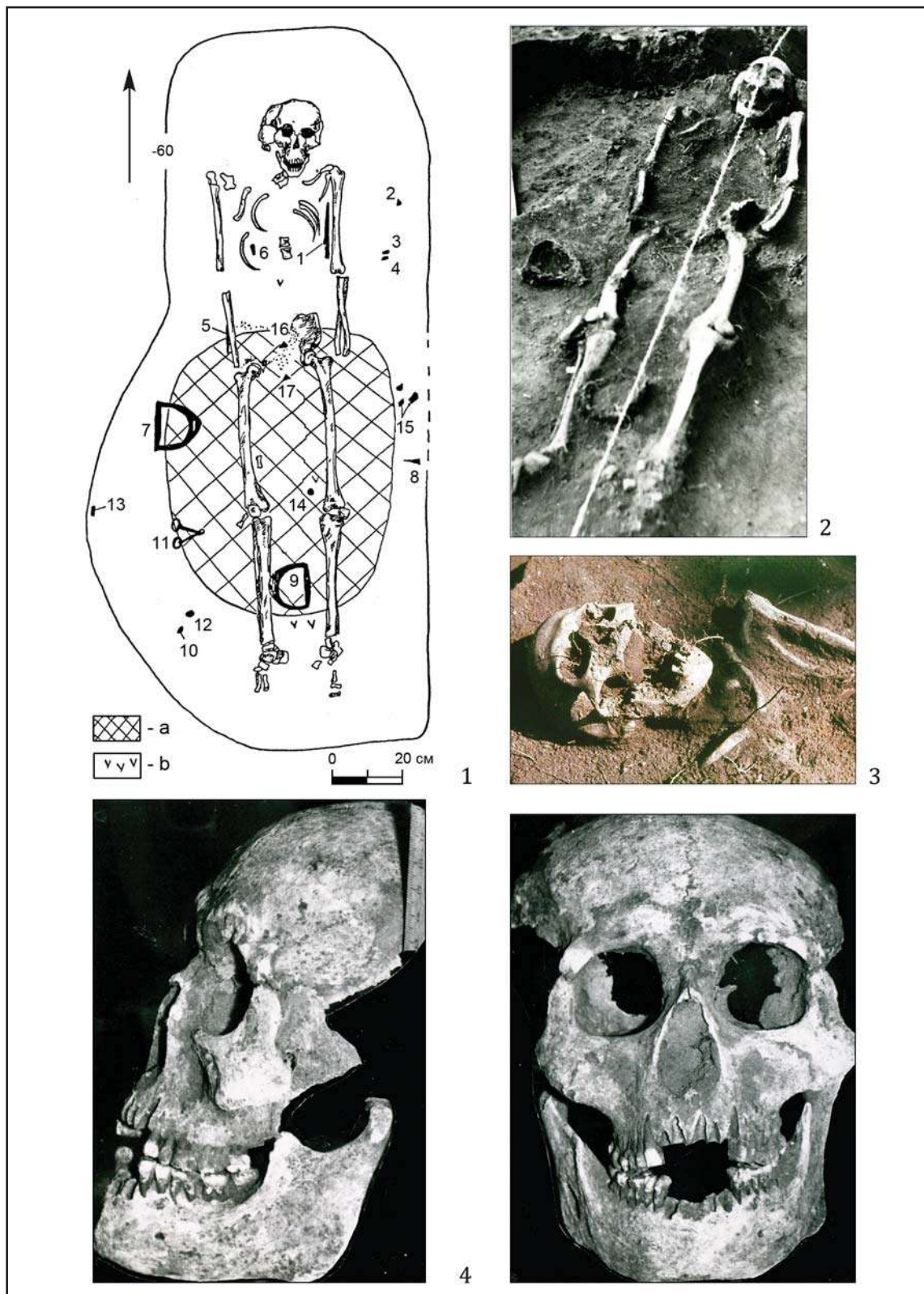

Рис. 6. Скульптурная реконструкция по черепу внешнего облика умершего из разрушенного погребения могильника Песчаный остров. Автор реконструкции Т. С. Балуева, 1999 г. (по Руденко 2013: 201, рис. 10: 2).

Fig. 6. Sculptural reconstruction of a dead person's look, by skull (from a destroyed necropolis Peschany Ostrov). Reconstruction by T. S. Balueva. 1999 (after Руденко 2013: 201, рис. 10: 2).

что в хозяйстве рассматриваемого населения лошади играли, без сомнения, ключевую роль, при том, что роль лошади в средневековых кочевых культурах была весьма высокой (Нестеров 1990: 39—51), в погребальных ритуалах кочевников Казанского Поволжья это выразилось только в следующих обрядах: захоронение головы лошади и помещение в могилу конской упряжи и снаряжения.

При наличии в захоронении предметов конского снаряжения (как, например, в погребении 8 Песчаноостровного могильника) подразумевалось и заклание коня, поскольку эти предметы предназначались именно коню, а не умершему человеку, так как конь тоже следовал вслед за хозяином в загробный мир. В этом случае, как писал С. П. Нестеров, конь мог быть умерщвлен у могилы, или в другом месте, а его шкура вывешена на жердях; не исключено, что туша оставалась на съедение зверям или же мясо сжигалось.

Рис. 7. Могильник Песчаный остров, погребение №8. 1 — план (на плане обозначены: а — прокал; б — уголь; 1, 5 — нож; 7, 9 — стремена; 6 — часть железного предмета; 11 — удила; 15 — кремни, остальное — фрагменты керамики); 2 — погребение в процессе расчистки; 3 — череп погребенного; 4 — череп из погребения (фото автора, 1994 г.) (по Руденко 2013: рис. 8).

Fig. 7. Peschany Ostrov necropolis, burial no. 8. 1 — plan (legend: a — incinerated spot; b — carbon; 1, 5 — knife; 7, 9 — stirrups; 6 — detail of an iron object; 11 — bit; 15 — flints, the rest — ceramic sherds); 2 — burial during cleaning; 3 — skull of the buried; 4 — skull from the burial (photo by the author, 1994) (after Руденко 2013: рис. 8).

Рис. 8. Могильник Песчаный остров. 1 — череп из захоронения №12; 2 — череп из разрушенного захоронения (по Руденко 1999: 75, рис. 4: 3, 4, фото автора).

Fig. 8. Peschany Ostrov necropolis. 1 — skull from burial no. 12; 2 — skull from a destroyed burial (after Руденко 1999: 75, рис. 4: 3, 4, photo by the author).

лось (Нестеров 1990: 63). В этой связи уместно вспомнить наличие конских черепов в Бальмерских курганах. При этом данный факт важен в том отношении, что черепа (=лошадиные головы) всегда находились в насыпи кургана на уровне погребенной почвы и всег-

да рядом с женскими захоронениями (Руденко 2009: 288). Возможно, в данном случае черепа являются следами поминальной тризны.

Из обрядовых действий интерес представляет помещение на грудь умершему черепе собаки без нижней челюсти (Песчаный остров)

и использование огня в погребальном ритуале (дно могильной ямы: могильники Песчаный остров и Бальмерский) (Руденко 1999: 64; 2013: 202, 205). Помещение в захоронение собак встречается у кочевников золотоордынского времени Волго-Донья, а также в Крыму и Приднестровье (Фёдоров-Давыдов 1966: 123, 130, 192; Мыськов 2015: 97). Этот обряд также имеет связь с мировоззрением тюрко-монгольских народов²⁸ средневекового времени: собака как священное животное была проводником в мир мертвых (Руденко 2002: 158).

Следы огненного ритуала в захоронениях восточноевропейских кочевников связаны с тюркским (кыпчакским) населением²⁹, что имеет длительную традицию (Мамонтов, Ситников 1998: 119). На погребальных памятниках Булгарской области Золотой Орды следы огненного ритуала фиксируются в нескольких разновидностях: 1) обожжённые стенки и дно могильной ямы, а также угольки в засыпи (Песчаноостровной, II Лаишевский могильники) (Руденко 1999а: 80—84, рис. 4); 2) обжигание гробовища (Кожаевский могильник) (Руденко 2002: 158); 3) разведение костра над могилой на уровне древней дневной поверхности после засыпки котлована могильной ямы, но до сооружения курганной насыпи (Бальмерские курганы и Лаишевский II могильник) (Руденко 1999а: 80; 2009: 288—289).

Сопровождающая пища была зафиксирована только в двух случаях: нижняя челюсть овцы в Алексеевском захоронении и ребро лошади в изголовье погребения на Усть-Иерусалимском могильнике (Газимзянов 1999: 48; Руденко 2013: 205). Кости барана или овцы встречаются в кыпчакских захоронениях XII—XIII в. Кузнецкой котловины (Илюшин 2012: 76). В Туве, Минусинской котловине и на Алтае отмечено помещение в детские могилы туши барана или овцы. Эти захоронения появляются не ранее VIII—IX вв. н. э. (Нестеров 1990: 83—84). В Самарском Поволжье в кургане №2, датированном ордынским временем, были обнаружены лопатка и кость ноги овцы (Васильева 1979: 221). Овечьи кости (ноги, всегда в сочленении, части туши) встречаются в трех погребениях могильника Мамай-

Гора в Запорожье, датированных первой половиной — серединой XIV в. (Ельников 2004: 93).

Следы ритуальных действий при погребении (кроме костров над могилой) зафиксированы только в кургане 2 Бальмерского могильника — здесь в насыпи был обнаружен разбитый круговой кувшин (диаметр в месте наибольшего расширения тулова — 21 см, диаметр днища — 10,5 см, горлышко отбито) (Руденко 2009: 289). Фрагменты круговых сосудов обнаружены в насыпях курганов ордынского времени на Самарской луке (Васильева 1979: 229).

Таким образом, вышерассмотренные признаки погребального обряда, расположения могильников, особенности ритуала захоронения соответствуют традициям тюркоязычных кочевников ордынского времени восточноевропейских степей и достаточно четко дистанцируются от погребальных обычаев тюрко-монгольских народов Восточной Сибири и Прибайкалья XII—XIV вв. (Николаев 2004: 104—132).

Датировка могильника Песчаный остров и Усть-Иерусалимского погребения определяется на основании стратиграфии (Руденко 1999: 65; Газимзянов 2001: 136). Они располагались на месте существовавших ранее на этом месте поселений золотоордынского времени, с отложившимся в результате их функционирования культурным слоем, содержащим датирующие находки и монеты первой половиной XIV в. (чекан Узбека и Джанибека), в том числе и в засыпи могильных ям (Газимзянов 2003: 45). Поэтому датировка этих захоронений — вторая половина XIV в. Также второй половиной XIV в. — по серебряной монете 1357 г. в погребении — датировано Рождественское захоронение №18 (Генинг и др. 1962: 82—83, табл. XXXIII: 2). Остальные захоронения по инвентарю относятся к золотоордынскому периоду, преимущественно к XIV в. Разногласия были с датировкой погребений 40 и 41 могильника Бабий бугор в Булгаре. А. М. Ефимова, как и А. П. Смирнов, считала, что погребение 40 относится к домонгольскому времени (Ефимова 1974: 28; Смирнов 1951: 184—185), однако Г. Ф. Полякова убедительно доказала их датировку золотоордынским периодом (Полякова 2000: 234—235). По аналогиям вещам из погребений Байряки-Тамакский могильник Е. П. Казаков датировал XIV в. (Казаков 1978: 96).

Таким образом, все рассмотренные могильники и одиночные захоронения относятся к эпохе Золотой Орды, по большей части —

²⁸ Заметим, что в X в. собаки довольно часто помещались и в мажарские погребения, наряду с лошадьми (Эрдели 1972: 136).

²⁹ Впрочем, встречается этот ритуал и у угров Предуралья в материалах чияликской культуры XI—XIV вв. (Гарустович 1988: 132).

XIV в. Курналинская группа³⁰ (рис. 3) является не только компактной территориально, но и достаточно узкой по датировке: вторая половина XIV в. Примечательно, что наряду с типовым набором предметов погребально-инвентаря как в мужских, так и в женских погребениях, здесь отмечены изделия — зеркала, не встречающиеся серийно, или же копии тех изделий, которые не известны в Булгарской области, а также тех, которые имели широкое хождение на территории ордынской империи (см. ниже). Часть их хорошо датируется по аналогиям именно этим периодом.

Погребальный инвентарь (Руденко 2015: 349, рис. 117) представлен украшениями, бытовыми изделиями, предметами вооружения и конского снаряжения (Руденко 1999: 73, рис. 3: 11, 12, 13; 2013: 193, рис. 2: 11). Из предметов туалета отметим бронзовые зеркала, костяные игольницы, железные ножницы и шильца с деревянной рукоятью (Руденко 2013: 198, рис. 7: 2, 3; 12: 3, 4). К предметам вооружения следует отнести железные наконечники стрел из Бальмерского могильника (курган 4, погребение 1), из погребения 18 Рождественского IV могильника, в последнем найдено и халцедоновое навершие рукояти сабли (?) (Генинг и др. 1962: 82, табл. XXXIII: 8; Руденко 2013: 193, 207, рис. 2: 6, 8; 13: 1—7). В целом эта категория изделий представлена в очень небольшом количестве, по сути, речь идет только о двух захоронениях.

Наиболее интересны железные наконечники стрел (рис. 9: 6—11), найденные в погребении 1 кургана 4 Бальмерского могильника³¹ (Руденко 2003: 282, 400, 405, 412, кат. №21, 636, 673, 734), которые относятся к типам А2а; Б43в (по К. А. Руденко), которые встречаются в XIV в. (Руденко 2010: 25, 75, 98). К такому же времени относится и 3 железных наконечника

стрел из погребения 18 Рождественского могильника (Генинг и др. 1962: 82, табл. XXXIII: 4). Все они имеют аналогии в материалах монгольского времени, например, на Алтае (Тишкин 2009: 31, 141, 153, рис. 4; 91: 1, 3; 102: 1), а также в кочевнических захоронениях Нижнего Поднепровья XIV в. (Ельников 2004: 102, рис. 3: 7—9).

Из конского снаряжения встречены стремена и удила, которые в одном случае, судя по их расположению в могиле, были положены вместе с седлом (рис. 7: 1, 2) (Руденко 1999: 72, рис. 2: 8; 3: 1, 2, 3; 2013: 193, 206, рис. 2: 7; 12Б: 9). Стремена (2 экз.) представлены экземплярами арочной формы с расплющенной верхней частью и закругленной подножкой. Высота изделия 14,2—16 мм, ширина 13,2—15 см, ширина подножки 4,5—5 см, ширина прорези — 2,5—2,8 см. Относится к типу ДП по типологии Г. А. Фёдорова-Давыдова, использованной нами при систематизации стремян с булгарских памятников XI—XV вв. (Руденко 2000: 52). Стремена этого типа встречаются на булгарских памятниках ордынского времени, хотя преобладающими являются стремена с несколько иной конфигурацией верхней части (Руденко 2000: 90, рис. 14: 1—17), как, например, на изделиях с V Семеновского селища (Казаков 1988: 79, рис. 3: 31, 33). Близкий аналог стремянам из Песчаноостровного могильника имеется на Коминтерновском II селище в Спасском районе РТ, датированном XIII—XIV вв. (Казаков 1993: 121, 127, рис. 5: 25). Вместе с тем, этот тип стремян достаточно часто встречается в кочевнических захоронениях половцев ордынского времени (Плетнева 1973: 69, 71, табл. 21: 6; 23: 4; Круглов, Клепиков 1993: 138, рис. 1: 9, 10; Ляхов, Якубовский 1993: 184, рис. 6: 2; Мыськов 2015: 59, табл. III: тип Б1а3). Наиболее часто они встречаются в курганах середины — второй половины XIV в. (Мамонтов, Ситников 1998: 119, 122, рис. 2: 2). Имеются они в захоронениях кочевников конца XIII—XIV вв. на Алтае (Тишкин 2009: 70, рис. 35).

Удила (3 экз.) все кольчатые (рис. 4: 1), хотя и отличаются разной длиной грызл и величиной колец. Средние размеры одной части грызл составляют 6,5—11 см, сечение квадратное и круглое; кольца диаметром от 3 до 8,5 см, чаще всего 4—5,6 см (Генинг и др. 1962: 82, табл. XXXIII: 7; Руденко 2000: 54, 90, рис. 14: 20, 21). Удила из Бальмерских курганов³² достаточно крупные: общая дли-

³⁰ Интересно, что приток р. Курлянки носил название Коман Йылгасы — река Куманка, что, по мнению Ф. Г. Гариповой, связано с этнонимом куман/кобан, каким обозначали кипчаков. В восточных районах Татарстана (в частности, Муслимовском) встречаются названия, связанные с этнонимом «кыпчак» (р. Кыпчак Йылгасы — Кыпчак, приток р. Мушуга) (Гарипова 1991: 98, 201—204).

³¹ Наконечники стрел из рождественского захоронения, как и в других случаях, представлены широко распространенными типами, не имеющими узкой датировки. Само захоронение датируется по монете не ранее 1360-х гг., что позволяет в данном случае считать время изготовления и бытования наконечников стрел из него второй половиной XIV в. Часть наконечников сильно корродирована и не пригодна для анализа.

³² Коллекция НМ РТ, КП 14365-41.

Рис. 9. Балымерские курганы. Инвентарь погребений. Изделия из железа. 1 — удила (НМ РТ, КП №14365-41); 2 — ножницы (НМ РТ, КП №14365-8); 3, 4 — ножи (НМ РТ, КП №14365-36, 37); 5 — кресало (НМ РТ, КП №14365-7); 6—11 — наконечники стрел (НМ РТ, КП №14365-1-6) (составлено К.А. Руденко).

Fig. 9. Balymer mounds. Grave goods. Iron objects. 1 — bit (NM RT, КП no.14365-41); 2 — scissors (NM RT, КП no.14365-8); 3, 4 — knives (NM RT, КП no. 14365-36, 37); 5 — steel (NM RT, КП no. 14365-7); 6—11 — arrowheads (NM RT, КП no.14365-1-6) (compiled by K.A. Rudenko).

на 26 см, длина грызл 9,6 см, диаметр колец 5,6 см; сечение колец — прямоугольное, грызл — квадратное (0,7×0,7 см). Аналогии им встречаются в кочевнических захоронениях ордынского времени, например, в округе Царевского городища (Мамонтов, Ситников 1998: 121—122, рис. 1: 8; 2: 1).

К украшениям конской сбруи, вероятно, относятся железные конусы, известные в нашем материале в захоронении второй поло-

вины XIV в. на Усть-Иерусалимском могильнике на Булгарском городище и из разрушенного Новосережкинского погребения. Такие артефакты известны в кочевнических золотоордынских захоронениях Волго-Донья с западной и северной ориентировками (Мыськов 2015: 279). Встречаются они и в захоронениях средневековых номадов Южного Урала (Иванов, Кригер 1988: 32, 34, рис. 8: 6, 7; 10: 13). Железный конус находился в со-

ставе погребального инвентаря мужского погребения с северной ориентировкой грунтового могильника Мамай-Гора первой половины XIV в. в Запорожье (Ельников 2004: 88, 97, 103, рис. 4: 1).

Из бытовых предметов найдены: железные ножи с деревянными рукоятями (рис. 9: 3, 4), калачевидные железные кресала (средние размеры: длина — 7,2 см, высота — 3,5 см, толщина — 0,4 см) (рис. 9: 5), пряжки от поясных и портупейных ремней (Генинг и др. 1962: 82, табл. XXXIII: 5, 6); в Байряки-Тамакском могильнике — два глиняных прясла (рис. 16: 1, 2) (Казаков 1978: 94, рис. 47: 1, 2; Руденко 2013: 193, рис. 2: 3, 4, 9, 10); одно из них усеченно-биконической, другое — овальной формы; оно же украшено концентрическими окружностями. Глиняные прясла встречаются в золотоордынских кочевнических захоронениях Волго-Донья (Мыськов 2015: 75—76).

Интересно шило из погребения 5 могильника Песчаный остров, датированного второй половиной XIV в. (рис. 4: 3) (Руденко 1994: 133, рис. 3: 4). Форма его деревянной рукояти — трапециевидная с закругленным широким завершением, размеры рукояти: длина 6 см, ширина 2,5 см (рис. 4: 3). Железное шило вбито в рукоять на 2 см. Такие предметы имеют широкие рамки бытования. Кресало близких размеров и формы бальмерскому кресалу встречено в Зауморском могильнике в Саратовском Поволжье второй половины XIV в., такое же в могильнике Мамай-Сурка (Ляхов 1992: 166, 173, рис. 1: Б; Ельников 2006: 66, рис. 38: 3).

В этом же захоронении на могильнике Песчаный остров был найден костяной игольник (рис. 4: 2), украшенный циркульным орнаментом (Руденко 1999: 73, рис. 3: 9; 2005: 87, табл. 11: 204). Аналогичный игольник был найден в погребении 499 могильника Мамай-Сурка, датированном XIV — началом XV в.; встречены они и в других кочевнических захоронениях ордынского времени в Волго-Донье (Ельников 2006: 128, рис. 76: 9; Мыськов 2015: 455, рис. 87: 6). Впрочем, костяные игольники были распространены на Средней Волге и раньше (Руденко 2005: 87, табл. 11: 205—210), но, хотя они мало чем отличались по размеру от песчаноостровного, однако декорированы были совершенно по-иному.

Встречены также железные ножницы (3 экз.) (например, Казаков 1978: 94, 95, рис. 47: 7). Они шарнирные (сегментовидного и клиновидного сечения), с загнутыми лировидными окончаниями ручек; общая длина изделий в среднем 22,3 см, ширина (по окон-

чаниям ручек) — 9 см, толщина 0,9 см. Ножницы встречены только в женских погребениях. По форме окончаний ручек и коротким режущим концам эти ножницы отличаются от домонгольских изделий такого рода, найденных на поселениях (Руденко 2001: 182, рис. 23: 1, 2, 4).

Стеклянные изделия представлены бирюзового и белого цвета в погребении 2 кургана 3 Бальмерского могильника и погребении 5 могильника Песчаный остров (Руденко 1994: 133; 2009: 290).

В женских захоронениях обнаружены металлические зеркала. Первое из них найдено в кургане 1 Бальмерского могильника (рис. 10) (Руденко 2009: 288, 289, рис. 1, 16). Оно круглой формы, диаметром 9,5 см, покрыто патиной серого цвета. На его обратной стороне в центре расположена окружность диаметром 2 см, выделенная рельефным валиком. Внутри нее имеются следы припоя. Бортик зеркала шириной 0,8, высотой 0,4 см, плоский, прямоугольного сечения. Поверхность зеркала между бортиком и центральным кольцом украшена орнаментом из соприкасающихся друг с другом четырехлепестковых розеток, образующих геометрическую сетку из окружностей и вписанных в них ромбовидных фигур. Пространство внутри ромбов иногда заполнено двумя-тремя перлами. Лепестки условных розеток разделены пополам.

Этот орнамент на металлических зеркалах Среднего и Нижнего Поволжья средневековой эпохи очень редок. Из обширной коллекции зеркал с булгарских памятников известно всего еще два фрагмента³³ (Руденко 2001: 209, рис. 50: 10) от зеркал с таким декором. После специального исследования этого зеркала выяснилось, что датируется этот артефакт первой половиной-серединой XIV в., а его прототип имеет хорезмийское происхождение (Руденко 2017: 230—233; 2017а: 170—175).

Второе зеркало — из кургана 3, погребения 2 Бальмерских курганов имеет обломанную декоративную ручку трапециевидной формы; не орнаментировано (Руденко 2001: 206; рис. 47: 8). Оно обнаруживает многочисленные аналогии в древностях как кочевников восточноевропейских степей XI—XIV вв., так и в материалах поселений преимущественно ордынского времени (Гарустович, Ракушин, Яминов 1998: 330, табл. XXVII: 23; Мыськов 2015: 91, табл. XIII: тип АIIIа).

³³ Коллекция НМ РТ, КП 7798, АА 8-6 и БГИАМЗ, КП 554-14/277.

Рис. 10. Зеркало из Бальмерских курганов (курган 1). Бронза, литье. Раскопки Е. А. Халиковой. Коллекция НМ РТ, инв.№14365-8/1 (фото М. М. Багаутдинова).

Fig. 10. Mirror from Balymer mounds (barrow 1). Bronze, cast. Excavations led by E. A. Khalikova. Collection of NM RT, inv. no. 14365-8/1 (photo by M. M. Bagautdinov).

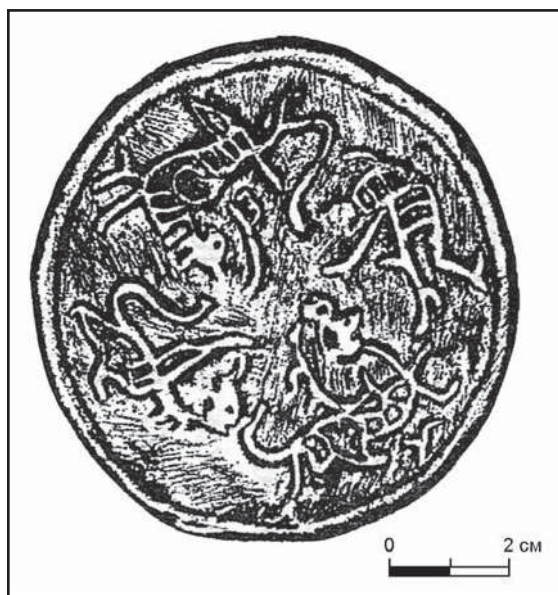
Третье зеркало — из погребения 5 могильника Песчаный остров (рис. 4: 6) круглой формы, диаметром 6,5 см, с невысоким бортиком треугольного сечения, находилось в небольшом полотняном мешочке, скроенном по форме зеркала и прошитом по краю толстой нитью (рис. 4: 7). Обратная сторона зеркала украшена по краю крупными наклонными насечками, а орнаментальное поле занято крестовидной фигурой со стрелчатыми окончаниями, в каждом из которых помещена восьмилепестковая розетка с точками в каждом из лепестков. Между розетками, на основании арочки расположены три точки, сгруппированные в виде треугольника. В центре этой композиции имеется выступающее на несколько миллиметров кольцо диаметром 1 см, скорее всего, для фиксации петельки, от которой остались только следы припоя. Последняя была, вероятно, утрачена еще при жизни владелицы, и после этого зеркало носилось в матерчатом чехле. Фон декорированной стороны зеркала, в пространстве между стрелчатыми арками, заполнен раппортом в виде растительного побега с боковым отростком в зеркальной симметрии. Окончания стеблей касаются контура центральной фигуры. В целом автор этого рисунка пытался создать образ распустившегося цветка на фоне пышных растений, символизовавших, вероятно, райский сад.

Такие зеркала в болгарских древностях единичны. Несколько фрагментов от таких изделий происходит из Булгарского городища (Руденко 2001: 209, рис. 50: 7, 8, 9). Что касается изображений, то мотив розетки с точками в лепестках известен в исламском изобразительном искусстве как минимум с XI—XII вв., как, например, на некоторых фигурах львов в Термезском дворце, датированных этим временем (Веймарн 1940: 39, ил. 18; Алпаткина 2009: 185—196). Точного соответствия композиции этого зеркала в кочевнических золотоордынских древностях Волго-Донья нет, хотя мотив розетки такого типа известен, но в совершенно ином композиционном решении (Мыськов 2015: 90, табл. XII, тип БПв1).

Четвертое зеркало — из Алексеевского захоронения (рис. 11), круглой формы, диаметром 7,5 см, с бортиком треугольного сечения высотой 0,3 см. На обратной стороне зеркала изображены четыре стилизованные фигуры сфинксов, выполненные в контурном стиле. Сфинксы показаны шествующими друг за другом против часовой стрелки. Фигуры являются не копиями друг друга, а вариациями образа фантастического существа, у которого туловище кошачьего животного (льва или гепарда) с поднятым вверх изогнутым хвостом, с крыльями, растущими из лопаток, и схематически показанной головой, судя по аналогиям, человеческой. Левая передняя лапа существа выставлена вперед, правая передняя лапа является опорной, задние лапы — левая отставлена назад, правая вынесена вперед.

Оригиналы таких зеркал (как и их стилизации) в Булгарии не встречаются, но прототипы или близкие по оформлению зеркала известны на Нижней Волге и в Саратовском Поволжье (Недашковский 2000: 48, рис. 9: 6; Мыськов 2015: 94, табл. XVI, тип БШо). Однако ни в том, ни в другом случае таких стилизованных рисунков не встречено. Схематические рисунки неких четырех существ имеются на зеркале из местонахождения Брик-Алга в Башкирии, датированного XIV в. (Гарустович 2012: 74, 229, рис. 11: 6). Такие же странные существа изображены на зеркале из раскопок П. С. Рыкова курганного могильника золотоордынского времени Лысье горы (курган 1) в Саратовской области (Гарустович, Ракушин, Яминов 1998: 317, табл. XIV: 5).

Пятое зеркало — из Алексеевского кургана у моста (рис. 12), круглое, диаметром 6,5 см, с выступающим бортиком треугольного сечения. На обратной стороне изделия у бортика расположен орнаментальный поясик из на-

Рис. 11. Зеркало из Алексеевского захоронения. Бронза, литье (по Руденко 2013: рис. 3: 2).

Fig. 11. Mirror from Alexeevsky burial. Bronze, cast (after Руденко 2013: рис. 3: 2).

клонных коротких отрезков. Такой же пояс оконтуривает центр зеркала диаметром 3 см (внутренний диаметр — 2 см), оставляя свободное пространство для крепления ручки (здесь заметны следы припоя). Свободное пространство между этими двумя поясками заполнено орнаментом — четырьмя «кнопками» и между ними — стилизованным контурным рисунком типа растительного побега. Такие зеркала, точнее, оригиналы их, часто встречаются на булгарских памятниках золотоордынского времени, а исходные образцы имеют китайское происхождение эпохи Хань. Это копия уже с золотоордынских изделий. Отливка неаккуратная, с заплывами металла по краю, рисунок нечеткий и, скорее всего, получен в результате отиска оригинала (по-видимому, тоже невысокого качества) в глину или песок. Зеркало лёгкое по весу, поверхность загрязненная.

Аналогии зеркалам такого типа многочисленны и встречаются повсеместно на территории Золотой Орды, чаще на поселениях (Федоров-Давыдов 1966: 79, 83, рис. 13: тип С1; Руденко 2001: 207, рис. 48: 12). Находят их, хотя и в единичных случаях, в кочевнических ордынских захоронениях, где известны как достаточно качественные отливки, так и весьма посредственные копии (Мыськов 2015: 92, 102, табл. XIV, тип БШб1 и БШ,2). Почти точный аналог этого зеркала, только более крупный — диаметром 9,5 см, имеется в коллекции с местонахождения Брик-Алга,

Рис. 12. Зеркало из Алексеевского кургана у моста. Бронза, литье. Коллекция Музея родного края им. В. И. Абрамова Алексеевского района РТ. МРК КП 517 (фото К. А. Руденко).

Fig. 12. Mirror from Alexeevsky barrow, at the bridge. Bronze, cast. Collection of the Museum of Local Lore, Alexeevsky district of the Republic of Tatarstan. MRK КП 517 (photo by K.A. Rudenko).

датированного концом XIV — началом XV в., а также из Увека (Гарустович 2012: 73, 197, 229, рис. 11: 2, 3; Недашковский 2000: 49, 53, рис. 9: 10). Известен «гибридный» вариант, совместивший в своём декоре элементы орнаментики четвертого и пятого зеркал. Он происходит из кургана 5 могильника Алебастрово II (Иванов, Кригер 1988: 35, рис. 11: 7). На нем орнаментальное поле, ограниченное двумя заштрихованными поясками, занято четырьмя фигурами животных (не сфинксов), между которыми расположены стилизованные «кнопки».

Шестое зеркало — из погребения №134 Усть-Иерусалимского могильника в Булгаре (рис. 13), круглое, диаметром 7,5 см, с выступающим бортиком треугольного сечения. На обратной стороне его — стилизованное изображение двух рыб. В центре обратной стороны изделия остались следы от петельки для крепления (создается впечатление, что при помещении зеркала в захоронение петельки для ношения зеркала специально удалялись). Рыбы, изображенные в контурном стиле, показаны плывущими друг за другом по часовой стрелке. Фон изображения заштрихован, причем штриховка не регулярная, а хаотическая, где-то «смазанная», отдельные участки заштрихованы в косую сетку, местами — лучи, исходящие как бы из одного источни-

Рис. 13. Зеркало из погребения 134 (раскоп СХХХIV, 1999 г.) Малоиерусалимского могильника на Булгарском городище. Бронза, литье. Коллекция БГИАМЗ, КП 814-8/294 (по Яблонский 2013: 301, прорисовка К.А. Руденко).

Fig. 13. Mirror from burial 134 (dig СХХХIV, 1999) of Maloierusalimsky cemetery on Bolgar town. Bronze, cast. Collection of BHAMR, КП 814-8/294 (after Яблонский 2013: 301, drawing by K.A. Rudenko).

ка, пересечены одной-двумя линиями. Сами рыбы имеют условно-стандартную форму: вытянутая острая голова (у одной из рыб голова с округлой нижней частью), отделенная от остального туловища двумя линиями, и широкий раздвоенный хвост, напоминающий тюльпан. Верхние и нижние плавники не показаны. Туловище — вытянутое подтрапециевидное, заштрихованное в косую сетку (вероятно, так показана чешуя).

В основе этого сюжета — изображение пары рыб, популярное на китайских зеркалах эпохи Сун. Однако рисунок в контурном стиле для сунских зеркал не характерен, хотя достаточно часто встречается на зеркалах в кочевнических захоронениях XIV вв. В качестве примера последнего можно привести зеркало из Самарского Поволжья и почти точную аналогию из Булгара (Руденко 2015б: 137, рис. 1: 10, 13; Васильева 1985: 176, 178, рис. 4: 1). Контурный стиль больше распространен в Предуралье и в меньшей степени встречается в Волго-Донье, в частности, изображения пары рыб в близкой манере встречены только в одном случае (из случайных находок) (Мыськов 2015: 91, 102, табл. XIII, тип БПт). Схематическое изображение рыб име-

ется на зеркале из Укека. Это зеркало достаточно крупное по размерам, его диаметр 9 см (Недашковский 2000: 55, 56, рис. 10: 2). Из культурного слоя Булгарского городища и с Полянского селища³⁴ происходят фрагменты зеркал с подобными рисунками (Руденко 2001: 207, рис. 48: 11).

Седьмое зеркало происходит из погребения 40 могильника Бабий бугор в Булгаре (рис. 14: 3). Оно круглое, диаметром 7 см, с чуть выступающим бортиком у края, украшено с обратной стороны крестовым орнаментом, на пересечении линий — петелька (обломана). Зеркало было завернуто в шелковую ткань, расшитую золотой нитью. А.М. Ефимова датировала его домонгольским временем (Ефимова 1960: 191). Однако Г.Ф. Полякова отметила, что такие зеркала встречены в золотоордынских слоях Булгарского городища, а аналогии другим предметам погребального инвентаря из этого захоронения указывают на золотоордынское время (Полякова 2000: 234—235).

Восьмое зеркало (фрагменты) (рис. 15: 5) происходит из разрушенного захоронения Байряки-Тамакского могильника. Диаметр его 13,5 см; на обратной стороне изображение (очень плохой сохранности, вероятно, из-за многочисленного тиражирования исходного образца) бегущих по кругу (по часовой стрелке) животных в верхнем орнаментальном поясе; в среднем и во внутреннем поясах — растительные побеги. Бортик зеркала высокий, вертикальный.

Такие зеркала часто встречаются на поселениях (например, в Укеке — см. Недашковский 2000: 49, рис. 9—12), однако редки в кочевнических захоронениях; причем в Волго-Донье и в Предуралье не известно ни одной такой находки. Одно зеркало с бегущими животными (т.н. «гон животных») встречено в кургане 8 (погребение 1) могильника Шарахалсун на Ставрополье (в Центральном Предкавказье), датированном серединой-второй половиной XIV в. (Бабенко 2012: 201, 208, 225, рис. 18: 1).

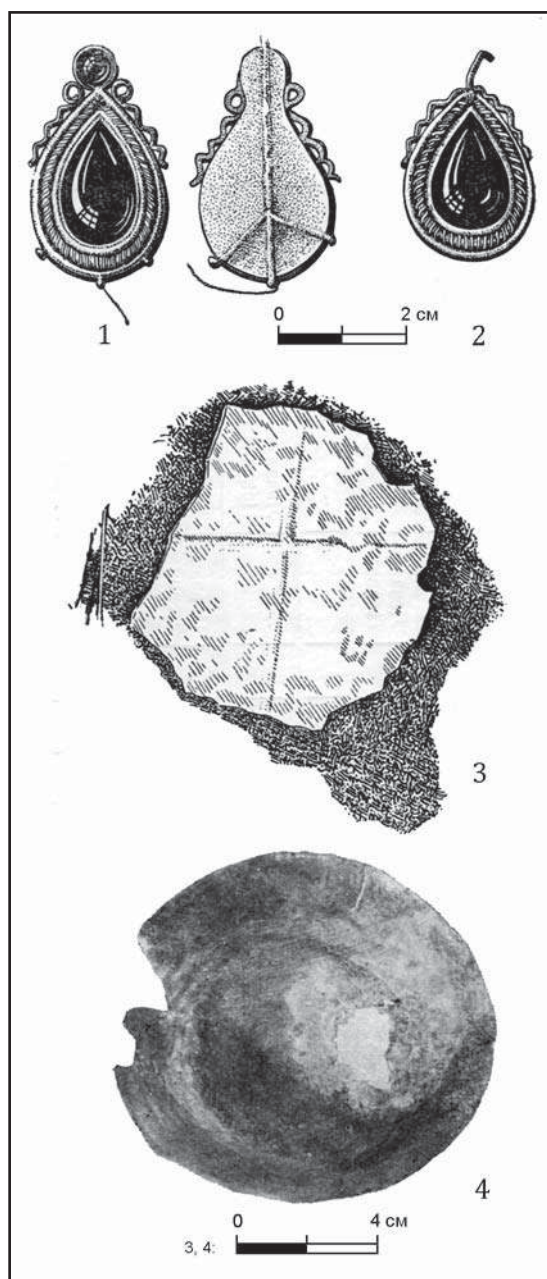
Девятое зеркало с арабской надписью (рис 16: 4) — из разрушенного захоронения Байряки-Тамакского могильника. У него высокий вертикальный бортик и ушко-петелька в центре. Диаметр его 7 см. Аналогичное зеркало было найдено в зеленовском погребении. Надпись на последнем прочитал Ф.Х. Эрдман: «Величие и власть и блеск, и благословение Божие и богатство, и му-

³⁴ Коллекция НМ РТ, КП 5363-46 и 5360-1.

дрость... хвала и отличие и могущество, и долголетие и сила... (да будут) владельцу сего!» (Эрдман 1832: 275). Такие же артефакты известны на булгарских памятниках ордынского времени (Руденко 2001: 207, рис. 48: 8, 9; 2004: 150, рис. 15: 1—6). Байряки-Тамакское зеркало является подражанием или плохой копией с нечитаемой, по сути, стилизованной надписью.

Десятое зеркало с высоким бортиком (рис. 15: 6) также происходит из разрушенного захоронения Байряки-Тамакского могильника. Диаметр его 7,6 см; изображение на обратной стороне — нечеткие контуры четырех рельефных человеческих (?) фигур, между которыми расположены также рельефные драконы (?). Зеркала с таким рисунком являются очень распространенными на поселениях Булгарской области Золотой Орды, чуть меньше их на Увекском городище (Недашковский 2000: 49, 51, рис. 9: 4). Три экземпляра такого типа зеркал обнаружены в кочевнических захоронениях округа Царевского городища (Мыськов 2012: 103). В Предуралье в кочевнических курганах таких артефактов не отмечено.

Отметим, что зеркала в кочевнических захоронениях Курналинской группы, как и в кургане 1 Бальмерского могильника, представлены редкими экземплярами, которые практически не встречаются на булгарских поселениях, в том числе и на расположенных рядом с кочевническими могильниками (Руденко 1994: 137, рис. 7: 7, 8). Единственное целое зеркало, но с изображением цветов, встречено на поселении Дамба I (рис. 3: 9) (Руденко 1994: 137, рис. 7: 9; 1998: 68, рис. 18). Оно круглое с высоким бортиком, рисунок сильно стерт или отлит некачественно (рис. 16). Аналогии ему многочисленны: известны такие зеркала с Булгарского городища (Руденко 2001: 206, рис. 47: 14; 2004: 174, рис. 12: 2—10), встречаются и в захоронениях кочевников, например, Зауморском в Саратовском Поволжье (курган 1, погребение 1 и курган 14, погребение 1), датированном 2-й половиной XIV в. (Ляхов, Якубовский 1993: 179, рис. 2: 1; Ляхов 1992: 179, рис. 7: Д) или Царёвском могильнике (курган 15) в Волгоградской области в той группе, погребения которой могут датироваться XIV в. (Мамонтов, Ситников 1993: 200, рис. 8: 6). К этому списку можно добавить могильник Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье первой половины-середины XIV в., правда, в последнем случае рисунок на зеркале более сложен по композиции и тонок по исполнению, чем в предыдущих случаях (Ельников 2004: 97, 106, рис. 7: 3). Аналогичное по-

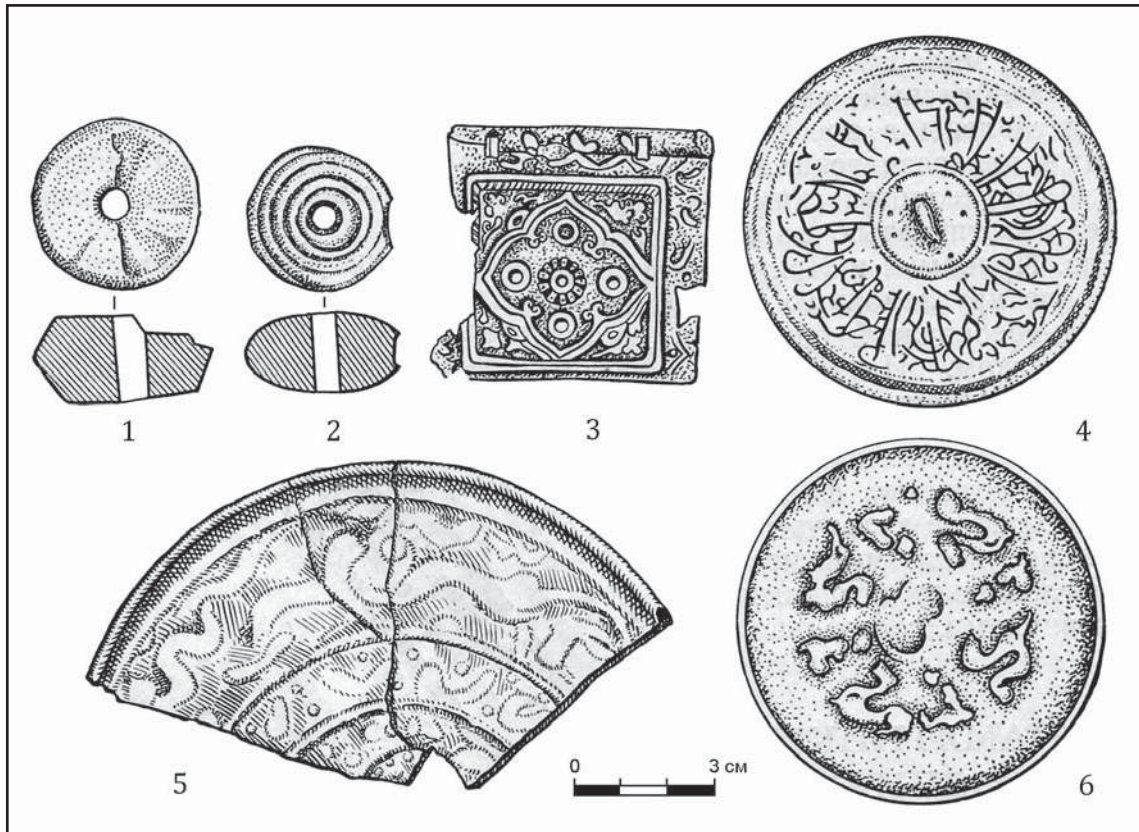

Рис. 14. Могильник Бабий бугор на Булгарском городище. 1, 2 — подвески из погребения 40; 3 — зеркало из погребения 40 (НМ РТ, инв. №10999, АА 178-176); 4 — бронзовая чашка из погребения 41 (по Ефимова 1960: 184, 185, рис. 2: 1—3; 3: 5).

Fig. 14. Babi Bugor cemetery on Bolgar town. 1, 2 — pendants from burial 40; 3 — mirror from burial 40 (NM RT, inv. no. 10999, AA 178—176); 4 — bronze cup from burial 41 (after Ефимова 1960: 184, 185, рис. 2: 1—3; 3: 5).

следнему зеркало происходит из Аткарского могильника золотоордынского времени в Саратовской области (Гарустович, Ракушин, Яминов 1998: 85, 86, табл. V: 12). Известны они и в Самарской области (Васильева 1979: 235, рис. 17: 2). Родиной этого орнаменталь-

Рис. 15. Находки из Байряки-Тамакского могильника. 1, 2 — глиняные прясла; 3 — металлическая пластинка с орнаментом; 4—6 — металлические зеркала (по Казаков 1978: 94, рис. 47).

Fig. 15. Finds from Bairyaki-Tamak cemetery. 1, 2 — clay spinning wheels; 3 — ornamented metal plate; 4—6 — metal mirrors (after Казаков 1978: 94, рис. 47).

ного мотива можно считать Среднюю Азию. Прототип его в виде цветов тюльпана (?) имеется на угловой колонке на Северном мавзолее в Узгенде, датированном 1152/53 гг. (Веймарн 1940: 40, ил. 19).

Более того, на поселении, предшествовавшем Песчаноостровному могильнику, существовавшем в конце XIII — первой половине XIV в., два зеркала, найденные в объектах, декорированы совершенно по-иному: расходящимися от центра линиями на одном (рис. 17: 2) и крестообразно пересекающимися линиями — на другом (рис. 18: 1) (Руденко 1998: 65, 67, рис. 9: 18; 11: 25).

Бронзовые штампованные накладки треугольной формы с рельефным орнаментом в виде выпуклых кружков, обведенных рубчатым кантиком (2 экз.: погребения 5 и 6 Песчаноостровного могильника) (Руденко 1999: 73, рис. 3: 11, 12), имеют аналогии в кочевнических некрополях XIV в., например, в погребении 80 Новохарьковского могильника, датированного не ранее 30-х гг. XIV в. (Винников, Цыбин 2002: 56, 99, рис. 21: 3, цв. вклейка), и рассматриваются как нашив-

ки на одежду³⁵ (Кравец 2005: 41—42, рис. 7: 15, 16), хотя есть мнение, что они являлись украшением очелья (Ельников 2006: 126: 128, рис. 76: 1). Аналогичная накладка обнаружена на Царевском городище, в постройке, датированной концом 1350-х — начала 1360-х гг. (Фёдоров-Давыдов, Вайнер, Гусева 1974: 113, табл. IV: 20). В целом этот вид накладок был весьма популярен у кочевого населения в XIV в., учитывая, что встречались и иные дизайнерские решения этих поделок, например, в виде ромба, хотя композиция и приемы оформления оставались без изменений (Ильюков, Казакова 1988: 123, рис. 26: 9).

Серьги (2 экз.) были найдены только в захоронении 40 могильника Бабий бугор в Булгаре (рис. 14: 1, 2) (Ефимова 1960: 191, рис. 3: 3; Полякова 2000: 233, 234, рис. 3: а). Серьги миндалевидной формы были сделаны из пластинки серебра; в центре припаяна вставка-

³⁵ Так, в погребении 80 Новохарьковского могильника такая накладка находилась под правой ключицей (Винников, Цыбин 2002: 54, 55).

кабошон каплевидной формы, закрепленная в низком касте, последний окантован сканной провололочкой (т.н. воздушная скань). В нижней части серьги — три петельки, образованные тремя гладкими провололочками, припаянными с обратной стороны серьги. В верхней части имеется полусферическая бляшка? к которой крепятся две проволоочки в виде змейки (рис. 14: 1). Приведенные Г. Ф. Поляковой аналогии позволяют датировать эти украшения золотоордынским временем (Полякова 2000: 234, рис. 3: 6), что подтверждается и новыми находками подобных изделий (Табалдиев, Жолдошов 2007: 216, рис. 2: 8). А. М. Ефимова верно отметила, что такие серьги прямых аналогий в булгарских ювелирных украшениях не имеют (Ефимова 1960: 191), но можно уточнить, что по стилистике достаточно близки украшениям Симферопольского клада первой половины XIV в., изготовленным в южных районах Золотой Орды (Сокровища... 2000: 291—293, кат. №308—316). Распространение на памятниках средневожжских кочевников украшений со вставками и со сканными узорами приходится на середину — вторую половину XIV в. Причем дизайн таких изделий, как и материал для вставок, был достаточно разнообразен: использовались медь, серебро, золото, поделочные камни, стекло (Васильева 1985: 174—175).

Браслет из белого металла (1 экз.) (Руденко 2015: 349, рис. 117: 13) найден в засыпи захоронения 11 на Песчаноостровном могильнике. Он пластинчатый, штампованный, с тремя продольными неглубокими желобками. Окончания его обломаны. По типу он близок к браслетам с изображением львиных личин (Руденко 2015а: 321, ил. 505), где в ряде случаев спинка изделий имеет такой же дизайн. Эти браслеты изготавливались только в период Золотой Орды.

Накладка со штампованным орнаментом (1 экз.) из Баряки-Тамакского могильника (Казиков 1978: 94, рис. 47: 3) небольшого размера (5,5×5,7 см), украшена рисунком в виде четырехлепестковой розетки с килевидными окончаниями, вписанной в квадрат; в центре розетки помещен кружочек, окаймленный рубчатой полоской; а в центре лепестков — чуть выпуклые кружочки. Подобного рода артефакты встречаются в захоронениях кочевников XIV в., например, в Глазуновском могильнике в Волгоградской области (Кравец 2005: 41—42, 129—130, рис. 64: 9). Е. П. Мыськов атрибутировал такие изделия как амулеты (Мыськов 2015: 182, табл. XXXI: тип АПа2).

Металлическая посуда в захоронениях не зафиксирована, за исключением неболь-

Рис. 16. Зеркало с поселения Дамба I. Бронза, литье. Подъемный материал. Коллекция Тетюшского краеведческого музея (фото К. А. Руденко).

Fig. 16. Mirror from settlement Damba I. Bronze, cast. Stray materials. Collection of the Museum of Local Lore from Tetyush (photo by K. A. Rudenko).

шой медной чашечки (диаметр 16 см) в погребении 41 могильника Бабий бугор в Булгаре (над черепом) (рис. 14: 4) (Ефимова 1960: 184, рис. 3: 5; Смирнов 1951: 185). Для золотоордынского времени металлическая посуда (например, медные котлы) в кочевнических захоронениях мало характерна, чаще всего использовались медные чашки, имитационные символы из листа меди и т.п. (Иванов, Кригер 1988: 16, рис. 13: 18). Медные котлы встречаются в захоронениях кочевников (преимущественно половцев) восточноевропейских степей до монгольского нашествия, хотя и в ордынский период такие находки известны (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 146—147, рис. 17: 16). Из ближайших аналогий отметим находку медной чашечки в кургане 2 Александровского могильника в Самарской области в погребении XIV в. (Васильева 1979: 221, рис. 11: 1).

Вещи в захоронениях располагались у плеча или у предплечья (могильник Песчаный остров), либо у головы, на груди, у таза или в ногах (Бальмерский могильник; Рождественское и Алексеевское захоронения). Типы бытовых предметов, как и состав инвентаря, в целом близки у всех рассмотренных захоронений, что позволяет предположить их синхронность. Основные аналогии вещам относятся к XIV в., а учитывая стра-

Рис. 17. Зеркала с селища Песчаный остров. Бронза, литье. 1 — раскоп VIII, яма 3; 2 — раскоп III, яма 28. Раскопки К. А. Руденко. Собрание НМ РТ (фото К. А. Руденко).

Fig. 17. Mirror from Peschanyi Ostrov settlement. Bronze, cast. 1 — dig VIII, pit 3; 2 — dig III, pit 28. Excavations led by K. A. Rudenko. Collection of NM RT (photo by K. A. Rudenko).

тиграфическую дату могильника Песчаный остров и находку монеты 1357 г. в Рождественском захоронении — ко второй половине этого столетия.

Подводя итог анализу материалов кочевнических могильников Булгарской области Золотой Орды (табл. 2), можно отметить следующие характерные их черты: отсутствие подбойных могил, захоронений коней и сбруи; редкая встречаемость или отсутствие оружия; отсутствие кирпичных сооружений; высокая доля погребений без вещей; наличие следов огненного ритуала и тризн. Аналогичные признаки типичны для части захоронений кипчаков Самарского Поволжья, Среднего Подонья, как, впрочем, и Приуралья в XIV в. (Васильева 1979: 230; Кравец

2005: 96, могильники типа II). Интересно, что в этих захоронениях ни разу не были встречены колчаны с накладками, характерные для элитных кочевнических погребений (Малиновская 1974: 132—175). Курганы с земляными насыпями, с могильной ямой прямоугольной формы, простые, иногда с деревянным перекрытием, редко чучела коня или отдельные его части; ориентировка — западная, с отклонениями к северу и югу, или северная, как это зафиксировано в Бальмерских курганах, типичны для западной группы кипчакских захоронений Южного Урала (Иванов, Кригер 1988: 47, 49, рис. 17). Мнение Е. П. Мыськова, выдвинувшего гипотезу о принадлежности захоронений с северной ориентировкой этническим монголам (Мыськов 2015: 276), в данном случае кажется неприемлемым из-за хронологической паузы в почти 100 лет, отделявшей период завоевания от времени, когда эти захоронения были совершены, и встречаемостью синхронных захоронений с разной ориентировкой на одном могильнике (например, Песчаный остров).

Анализ погребального обряда и инвентаря показал ряд особенностей этой группировки, отличавших ее от других кочевнических могильников эпохи Золотой Орды: отсутствие сложных конструкций могильных ям, устойчивого и типичного комплекса вещей, например, серег в виде знака вопроса, онгонов (в захоронениях), цилиндрических подвесок, берестяных бокк, монет и колчанов с костяными накладками, как, впрочем, и предметов вооружения вообще. Интересно, что в культурном слое и в объектах на Булгарском городище встречаются костяные накладки на колчан, имевшие статусный характер, а в межмогильном пространстве городских некрополей (могильник у Малого минарета) известны и онгоны (Ефимова 1969: 73), но в погребальном инвентаре их нет. Объяснить это только лишь процессом исламизации кочевников в Улусе Джучи, как было показано в ряде исследований (Кравец 2005: 100), нельзя. Сам факт преобладания языческого ритуала свидетельствует о сложности проходивших в восточноевропейских степях и на сопредельных территориях, включая и земли с давними традициями ислама, как в Волжской Булгарии, процессов культурогенеза.

Отметим, что предметы из состава погребального инвентаря имеют полные соответствия среди находок на расположенных рядом селищах, что определяет связь между ними. Эта ситуация была рассмотрена нами, и здесь мы на ней не останавливаемся (Руденко 2002: 154—165). Можно только отметить,

что этот факт свидетельствует не о временном и случайном пребывании кочевого населения в центре Булгарской области, а о постоянном присутствии здесь кочевников, по крайней мере, во второй половине XIV в. Вместе с тем, есть и другая закономерность — номады в Булгарской области не кочевали близ городов и крупных населенных пунктов (хотя погребения кочевников, в основном женщин, на городских кладбищах города Булгара известны, о чем говорилось выше), несмотря на то, что у центра Булгарского улуса — Булгара сельская округа практически отсутствовала и препятствия для этого едва ли были. Если для нижневолжских городов характерно расположение кочевнических курганов близ городов, то в Булгарской области этого нет. Другой пример такого рода — Азак, где следы кочевого населения (несмотря на то, что захоронения кочевников на периферии самого города известны) в непосредственной близости отсутствовали (Масловский 2009: 325). Это отнюдь не значит, что кочевники в Булгарской области были оторваны от городов. Скорее всего, механизм взаимодействия двух систем хозяйствования — оседлой и кочевой — был иной, чем в других областях Золотой Орды³⁶.

Таким образом, анализ кочевнических материалов Булгарской области Золотой Орды демонстрирует схожие черты погребального обряда (табл. 2) и близкий состав сопровождающего инвентаря. Это позволяет говорить как о близком времени их функционирования, так и об определенном сходстве в этнокультурном плане. Судя по датировкам рассмотренных могильников и одиночных захоронений, можно считать, что эти кочевые или полукочевые группы в составе населения Булгарского улуса постоянно находились здесь в XIV в., о чем свидетельствуют и материалы связанных с ними стационарных поселений в местах расположения их могильников (селища Дамба I—III; Первомайское и др.) (Руденко 1994: 127—128). На этих поселениях достаточно часто встречаются и следы ремесленного производства, в том числе изготовления железных изделий, например, на селище Дамба III, расположенном поблизости от Песчаноостровного могильника зафиксиро-

рованы остатки кузницы с ямой, заполненной шлаками, и несколькими товарными железными крицами (рис. 18: 13). Здесь же собраны медные и серебряные монеты — в основном XIV в. (Руденко 1994: 129, табл. А).

Интересны материалы Мало-Каратаевского селища в Лениногорском районе Республики Татарстан — одного из поселений, расположенных на территории кочевания кыпчаков, с выразительным набором бытовых и хозяйственных предметов золотоордынского времени, собранных в подъемном материале. Помимо них, здесь были обнаружены железные наконечники стрел (рис. 20), среди которых — лопастной наконечник со сквозными отверстиями, характерный для средневековых древностей Сибири XII—XIV вв. (Худяков 1980: 75—112), но не известный на булгарских памятниках (рис. 19: 1), как и еще один наконечник с вёсловидной лопастью (рис. 19: 2). Остальные наконечники стрел — черешковые, без упора и с узелковым упором, — маловыразительны (рис. 20: 1—14) и относятся к типам с широкой датировкой в рамках XI—XIV вв. (Руденко 2003: 351—355; 477—478, табл. XX; XXI). Найдены также удила и пара стремян (рис. 21), фрагменты браслетов золотоордынского времени с изображениями львиных личин (рис. 22). Аналогии этим браслетам достаточно многочисленны (Руденко 2015а: 342, 346, рис. 100; 104).

В этом районе находился кочевнический могильник у с. Новое Сержкино (рис. 2: 12)³⁷, рядом с которым выявлено еще одно обширное селище золотоордынской эпохи, где местные жители находили бытовые железные изделия, фрагменты чугунных котлов и т.п. вещи. Такое соседство кочевников и земледельцев, видимо, было характерно в целом для Булгарского улуса.

Большая часть рассмотренных могильников кочевников и одиночных захоронений датируются второй половиной XIV в. (Газимзянов 1999: 48; Руденко 2017: 230—233), что маркирует время постоянного пребывания этого населения, в пойме низовий Камы и тешюнского течения Волги. При этом обращает на себя внимание, что степень интегрированности в городскую и сельскую среду (судя по погребениям кочевников-язычников на городских и сельских кладбищах, а также по антропологическим данным) в этот период была достаточно высокой. При этом (учитывая наличие отдельных могильников) кочевники

³⁶ Город Булгар был вполне обеспечен продовольствием, в том числе и мясной пищей, и не зависел от возможных поставок мяса от кочевников. Не нуждался он и в военной защите, по крайней мере, события 1370-х гг. это продемонстрировали. Это в какой-то мере, совпадает с наблюдениями А. Н. Масловского по Азаку (Масловский 2009: 325).

³⁷ В музее Ново-Сержкинской школы находят предметы из захоронений: стеклянные бусы, железный нож, железные конусы и др.

сохраняли свое этнокультурное своеобразие в Булгарской области. В данном случае нам важен факт того, что здесь имелась определенная территория с постоянно находившимся здесь населением с непостоянной оседлостью. Выделяющиеся территориальные группы — курналинскую и волжскую — можно связать с отдельными семейными группами, которые занимали определенную территорию, пригодную для ведения хозяйства — скотоводства и в какой-то мере земледелия, без существенной регламентации границ кочевий, а места выпаса скота определялись главой семейного клана. Отдельные курганы, скорее всего, были связаны с кочеванием хозяйственно самостоятельных семей (Марков 2010: 54, 60, 74, 113). К аналогичным выводам пришла И. Н. Васильева, анализируя кочевнические могильники Самарской области (у с. Максимовка, Виловатое и Старая Елшанка) (Васильева 1979: 229).

Эта система жизни существенно отличалась от той, которая практиковалась монголами в первый период после завоевания Булгарии, когда Бату со своей ордой кочевал по левому берегу Волги³⁸: летом к северу, а зимой в южном направлении со скоростью примерно 10—15 км в день (Марков 2010: 72). При этом на какое-то время летом его ставка находилась близ Булгара (Полубояринова 2003: 105). То есть, пребывание монголов на булгарских землях в 1240—1250-х гг. было сезонным, скорее всего, в весенне-летний период, и в целом кратковременным.

Однако монголы не были единственными кочевниками, которые занимали опустевшие булгарские земли в середине — второй половине XIII в. Еще накануне нашествия в Булгарию, включая Биляр, появились половцы³⁹, присутствие которых фиксируется по находкам характерных лазуритовых подвесок — украшений половецких женщин (Полякова 2012: 290), и своеобразных бронзовых фигурок языческих идолов на Билярском городище и близ него (Руденко 2014а: 224—244; 2017б: 163—164). Последние имеют аналогии в кочевнических материалах домонголь-

ского времени⁴⁰ (Давыденко, Гриб 2009: 193). Известны случаи взаимовстречаемости лазуритовых подвесок и антропоморфных идолов в захоронениях кыпчаков, датированных второй половиной XII в. (Илюшин 2012: 59, 140, рис. 31—34, 47—49). Скорее всего, после нашествия этот этнический компонент сохранился на булгарских землях, хотя в большей мере он мог занимать южные районы булгарских земель⁴¹.

Косвенно это подтверждается и данными антропологии: Н. М. Постникова-Рудь и С. Г. Ефимова отмечают присутствие как в сельских могильниках (I Измерский XI—XIII вв.⁴²), так и в городских (поздние захоронения II Билярского могильника⁴³) индивидуумов с развитым рельефом надпереносья и сильно выступающими костями носа (Ефимова 1976: 171; 1991: 22). Помимо этого, индивидуумы с сильно выступающими носовыми костями зафиксированы в захоронениях

⁴⁰ Миниатюрные антропоморфные медные или серебряные амулеты-идолы у кочевого населения встречаются в Поволжье и в более раннее время (Моржерин 2009: 360—361).

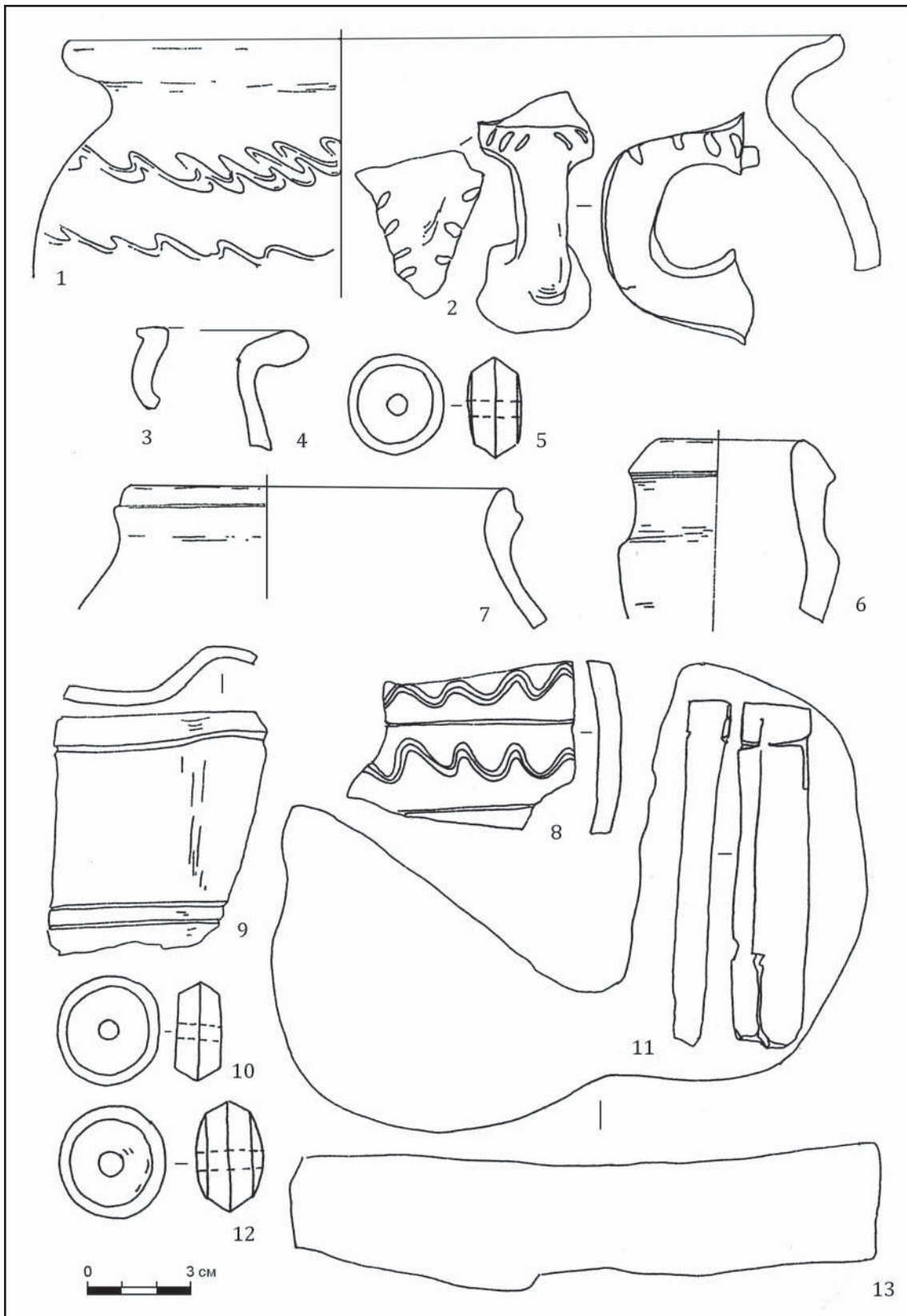
⁴¹ Этот вопрос будет рассмотрен отдельно.

⁴² В «Археологической карте Татарской АССР» могильник датирован в целом домонгольским временем (Археологическая... 1986: 70, №437). Е. А. Халикова отнесла его к XII—XIII вв., предположив, что оно относится к финалу существования Измерского селища домонгольского времени (Халикова 1976а: 46).

⁴³ Е. А. Халикова эту группу захоронений предвзительно датировала концом XI — первой половиной XII в. (Халикова 1976: 131). Однако приведенные ей данные, в частности, отложение культурного слоя между ранними захоронениями и поздними, отличия в погребальном обряде, наличие вещей в могилах, перекрытие котлованов более ранних захоронений как ранней группы, так и тех, которые входят в группу поздних, а также «попадание» их в заброшенные хозяйственные ямы, относящиеся к периоду после завершения функционирования ранней части некрополя (Халикова 1986: 72, 75, 86—88, рис. 8), свидетельствуют о том, что период накопления культурного слоя был достаточно большим — за это время были возведены жилые постройки и подсобные хозяйственные строения (Халикова 1976: 120, 128—129, рис. 69; 70). Все это позволяет датировать поздние захоронения началом — первой половиной XIII в. Не противоречит этому наличие в этой группе коллективной могилы (погребение 66) с 6 костяками и парных погребений 29 и 30 — с вещами, а также в целом стратиграфическая ситуация на раскопе XV, где исследовались захоронения этого могильника: поздние погребения перекрыты насыпью валов т.н. «Караван-сарая» или «Форта», которая датирована Е. А. Халиковой концом XII в. или рубежом XII—XIII вв. (Халикова 1976: 120—121, 128, 130).

³⁸ А. И. Ракушин утверждает, что кочевья Бату не поднимались выше 51° северной широты, исключая тем самым Булгар из его владений (Ракушин 2016: 75), что противоречит имеющимся данным.

³⁹ Впрочем, если обратить внимание на атрибуцию Т. А. Хлебниковой и Н. А. Кокориной ряда групп булгарской керамики как принадлежащей в своих истоках кыпчакам-шарам, то усиление присутствия половцев в последующее время было вполне закономерным.

Рис. 18. Селище Дамба I. Подъемный материал. 1—10, 12: глина; 11 — камень; 13 — железо. 5, 10, 12 — прясла; 11 — точило; 13 — товарная крица; остальное — фрагменты круговой керамики (по Руденко 1999: 76, рис. 5: 23—35).

Fig. 18. Damba I settlement. Stray materials. 1—10, 12: clay; 11 — stone; 13 — iron. 5, 10, 12 — spinning wheels; 11 — grindstone; 13 — iron ball; rest are fragments of wheel pottery (after Руденко 1999: 76, рис. 5: 23—35).

Рис. 19. Мало-Каратаевское селище. Подъёмный материал. Железные наконечники стрел. Лениногорский краеведческий музей, инв. №ВХ-739 (фото К.А. Руденко).

Fig. 19. Malo-Karataevskoe settlement. Stray materials. Iron arrowheads. Leninogorsky Museum of Local Lore, inv. no. ВХ-739 (photo by K.A. Rudenko).

II Семеновского могильника XIII—XIV вв.⁴⁴ (Ефимова 1991: 37). Эти признаки позволили С.Г. Ефимовой утверждать, что в XI—XIII в. в центральных районах Булгарии сформировался антропологический тип населения, оставившего такие могильники как I Измер-

⁴⁴ Этот могильник в публикации С.Г. Ефимовой датирован XII—XIII вв. Оснований датировки этим периодом данного могильника в публикации С.Г. Ефимовой не приведено, как нет упоминания о датировке этого могильника в монографии Е.П. Казакова, где описываются археологические памятники Семеновского острова (Казаков 1991: 20, рис. 6). Судя по топографии, этот могильник относится к золотоордынскому V Семеновскому селищу и датируется, соответственно, временем существования селища — концом XIII — началом XV вв.

ский, Старо-Куйбышевский, II Семеновский, «Четырехугольник» в Булгаре и поздние захоронения Биляра. При этом они обнаруживают близость к сериям из городских кладбищ — Водянского, Селитренного (Ефимова 1991: 46, 66). Однако этот антропологический тип во многом отличался от болгарского (Ефимова 1991: 47).

В XIV в. ситуация стала меняться: в пойме Камы и Волги (от Джукетау и до Булгара) стали возникать стационарные поселения, ориентировавшиеся на обслуживание кочевников и торговлю с ними. Ареал летнего кочевания скотоводов, судя по этнографическим материалам, составлял от 10—15 до 150 км, хотя в течение года перекочевки могли быть и более дальними (Марков 2010: 109, 283). Поэтому, если учитывать эти данные, то для обеспечения нормальной жизнедеятельности кочевое население перемещалось не только по пойме, но и в степной/лесостепной зоне всего Центрального и Западного Закамья. Активизация процесса интеграции кочевников в состав населения Булгарской области во второй половине XIV в.⁴⁵ связана, с одной стороны, с чумными эпидемиями, начавшимися в 1340-х гг. в низовьях Волги, точнее, с миграциями из районов, охваченных эпидемией, в более благополучные места (хотя чума также оставила свой след и в Булгарской области (Руденко 1999а: 80)), а с другой — в связи с политическими коллизиями в престолонаследии сарайского престола и развернувшейся борьбой за власть в 1360-х гг.⁴⁶, в которую вовлекались группы сторонников и противников того или иного кандидата (Руденко 2011а: 44—49).

Следы кочевнических стойбищ конца XIII — первой половины XIV в. на булгарской территории археологически уловить непро-

⁴⁵ Об этом свидетельствуют как захоронения кочевников-язычников на городских (Булгар) и сельских (Рождествено) могильниках, так и захоронения, ориентированные не на запад, а, например, на восток (Лаишевский II могильник) (Руденко 1999а: 80).

⁴⁶ А.И. Ракушин, следуя за Э.С. Кульпиным, предположил, что «столетие интенсивного использования пастбищ нарушило равновесие пастбищных экосистем. Следствием этого явилась «Великая Замятня» (1360—1380)» (далее следует цитата из Э.С. Кульпина — К.Р.) (Ракушин 2016: 77). Несмотря на гипотетичность этой версии, стоит отметить интересную идею о появлении кочевого клана мангыт на Средней Волге в XIV в. и образовании здесь Мангытского улуса. В качестве иллюстрации этого процесса он приводит появление Балымерского могильника на левобережье Волги (Ракушин 2016: 79).

Рис. 20. Мало-Каратаевское селище. Подъемный материал. Железные наконечники стрел. Лениногорский краеведческий музей, инв. №: 1 — ВХ-602; 2 — ВХ-614; 3 — ВХ-608; 4 — ВХ-611; 5 — ВХ-609; 6 — ВХ-604; 7 — ВХ-610; 8 — ВХ-605; 9 — ВХ-606; 10 — ВХ-612; 11 — ВХ-607; 12 — ВХ-613; 13 — ВХ-615; 14 — без номера (фото К.А. Руденко).

Fig. 20. Malo-Karataevskoe settlement. Stray materials. Iron arrowheads. Leninogorsky Museum of Local Lore, inv. no. 1 — ВХ-602; 2 — ВХ-614; 3 — ВХ-608; 4 — ВХ-611; 5 — ВХ-609; 6 — ВХ-604; 7 — ВХ-610; 8 — ВХ-605; 9 — ВХ-606; 10 — ВХ-612; 11 — ВХ-607; 12 — ВХ-613; 13 — ВХ-615; 14 — no inv. no. (photo by K.A. Rudenko).

сто, учитывая особенности конструкций основного типа жилищ — юрт (Харузин 2011: 5—11). Однако обращает на себя внимание распространение у населения Булгарской области в этот период металлических зеркал, украшенных геометрическими орнаментальными мотивами, характерными для половецкого населения Дешт-и-Кыпчак (Руденко 2004: 144—146, рис. 9—11). Конечно, это не является абсолютным доказательством именно кочевнической традиции, но, учитывая и появление в этот период в булгарских древностях, наряду с зеркалами, новых типов элементов конской упряжи и снаряжения, встречающихся преимущественно у степ-

няков, это предположение имеет под собой основания. Кроме того, запустение обширных территорий в Закамье на месте многочисленных поселений земледельцев, не восстановившихся после нашествия, тоже не случайно.

Эта часть кочевого мира на булгарской земле, которая, очевидно, была включена в пастбищно-кочевую систему населения Среднего и Нижнего Поволжья (Ракушин 2016: 67), не была изолирована, а в той или иной степени связана с номадами, кочевывшими в Башкирском Предуралье и южнее Большого Черемшана и Сока. Учитывая слабую археологическую изученность этих об-

Рис. 21. Мало-Каратаевское селище. Подъёмный материал: 1 — удила; 2, 3 — стремена. Лениногорский краеведческий музей, инв. №: 1 — ВХ-674; 2 — ВХ-673; 3 — ВХ-672 (фото К.А. Руденко).

Fig. 21. Malo-Karataevskoe settlement. Stray materials. 1 — bit; 2, 3 — stirrups. Leninogorsky Museum of Local Lore, inv. no.: 1 — ВХ-674; 2 — ВХ-673; 3 — ВХ-672 (photo by K.A. Rudenko).

ластей, в будущем можно ожидать новых открытий таких памятников в юго-восточных и южных районах Татарстана и граничащих с ними сопредельных территорий в Самарской области.

Перейдем ко второй территориально-хронологической группе некрополей. Она локализуется к востоку от центральных областей Булгарии. В домонгольский и ордынский периоды население, жившее здесь, было отделено залесенными водораздельными высотами в междуречье Шешмы и Зая (рис. 2: 11) от болгарских городских центров и земледельческих районов в целом. Впрочем, достаточно тесные контакты с последними осуществлялись в XI—XII вв. и, вероятно, в последующее время, по камской пойме (в районе расположения современных городов Нижнекамск и Набережные Челны). Впрочем, как отметил Е.П. Казаков, ареал обитания родственных им в культурном отношении племен распространялся в IX—X вв. и на центральные районы будущей Волжской Булгарии, о чем свидетельствуют расположенные в Закамье Больше-Тиганский и XII Измерский могиль-

ники⁴⁷ (Казаков 2007: 40—41, 142, рис. 23; Chalikowa, Chalikow 1981).

Однако к XII в., когда в центральных районах Булгарии активно стала развиваться Биллярская мегаагломерация, население, сохранившее оригинальные черты погребальной обрядности и бытовой культуры, концентрировалось только в нижнем течении р. Ик — левого притока Камы: в устье Тиргауши и Игат (левые притоки р. Ик) — Гулюковский и Дербешкинский могильники (Археологические... 1989: 37, 67, №263, 586; Бугров, Капленко, Ситдииков 2010: 19—25; Ютина 2007: 73—98), частично наследовав территорию предшествовавшей кушнаренковской культуры (Гарустович, Иванов 1992: 29, рис. 2). Западная группа этого населения, проживавшая в среднем течении Малого Черемшана, восприняла государственную культуру Волж-

⁴⁷ Е.П. Казаков охарактеризовал территорию Западного Закамья на рубеже IX—X вв. как «Волжскую Венгрию» (Казаков 2007: 41).

Рис. 22. Мало-Каратаевское селище. Подъемный материал. Браслеты из цветного металла. Лениногорский краеведческий музей, инв. №: 1 — ВХ-623; 2 — ВХ-621; 3 — ВХ-620; 4 — ВХ-619; 5 — ВХ-618 (фото К.А. Руденко).

Fig. 22. Malo-Karataevskoe settlement. Stray materials. Bracelets of colored metal. Leninogorsky Museum of Local Lore, inv. no.: 1 — ВХ-623; 2 — ВХ-621; 3 — ВХ-620; 4 — ВХ-619; 5 — ВХ-618 (photo by K.A. Rudenko).

ской Булгарии, и уже не выделялась на общем фоне.

Обращает на себя внимание наличие в ряде бильярсх некрополей (раскопы XI, XII) значительного числа погребений с западной ориентировкой⁴⁸ и с отклонениями от правил му-

сульманского канона, о чем писала Е. А. Халикова (Халикова 1976: 147—148). Кроме того, антропологические серии из этих могильников обнаруживают их тесную связь

⁴⁸ Западная ориентировка захоронений (с вариантами) не может быть абсолютным признаком мусульманской обрядности, поскольку встречается практически во всех погребальных культах, например, кочевнических языческих (половецко-кыпчакских) или христианских (Панова 2004: 57).

Также некорректно приписывать все несоответствующие с мусульманскими правилами детали погребения случайностью или особенностями местных культовых правил. К слову сказать, поворот костяка на правый или левый бок, как и положение черепа лицевым отделом на юг, встречаются в христианских захоронениях XI—XVI вв. (Панова 2004: 57).

с населением, оставившем Танкеевский могильник (Ефимова 1976: 177). Отметим, что Е.П. Казаков убедительно доказал, что значительный процент похороненных в Танкеевском могильнике людей был прикамско-приуральского происхождения (Казаков 1992: 245—246). В целом, основные элементы ранней чияликской погребальной обрядности можно обнаружить и в центральных районах Волжской Булгарии домонгольского периода, правда, их безынвентарность и западная ориентировка, универсальная для многих погребальных культов, существенно затрудняет такую атрибуцию. Классическая же чияликская керамика на памятниках домонгольских булгар не известна.

Отметим, что в камской пойме от современного Чистополя и до Набережных Челнов не выявлены памятники чияликского круга, как и в целом материал, свидетельствующий о пребывании здесь этого населения. То есть Джукетау (на территории современного Чистополя) был своего рода связующим звеном между центральными районами Булгарии в домонгольскую эпоху и группами угорского населения в нижнем течении реки Ик. Раскопки на Донауровских (Крутогорских) селищах (посад Джукетауского городища) Н.Г. Набиуллина выявили несколько групп керамики с примесью толченой раковины, которые исследователь считает связанной с археологическими культурами на территории Башкирии (Набиуллин 2011: 66, типы 5 и 6). Исследованные на территории этих поселений 15 захоронений безынвентарны, ориентированы головой на северо-запад; костяк расположен вытянуто, а в 5 случаях с небольшим разворотом на правый бок. Имеются следы огненного ритуала. Ученый связывает эти погребения, датированные им домонгольским временем, с прикамско-приуральским населением (Набиуллин 2011: 37).

В XIII—XIV вв. западная группа чияликского населения практически не фиксируется по археологическим материалам, а восточная группа несколько «сдвигается» к востоку в бассейн р. Белой, в нижнем ее течении, где расположены Такталачукский и Азметьевский могильники (Казаков 1978: 49—81) (рис. 23). Впрочем, осваивалась эта территория чияликцами еще в конце XII — первой половине XIII в.⁴⁹, судя по ряду находок в за-

хоронениях Азметьевского могильника, например, серебряного перстня с узором в виде «узла счастья» (Казаков 1987: 31, рис. 4: 1). Датируются эти перстни XI—XII вв. (Руденко 2015а: 387, кат. №95).

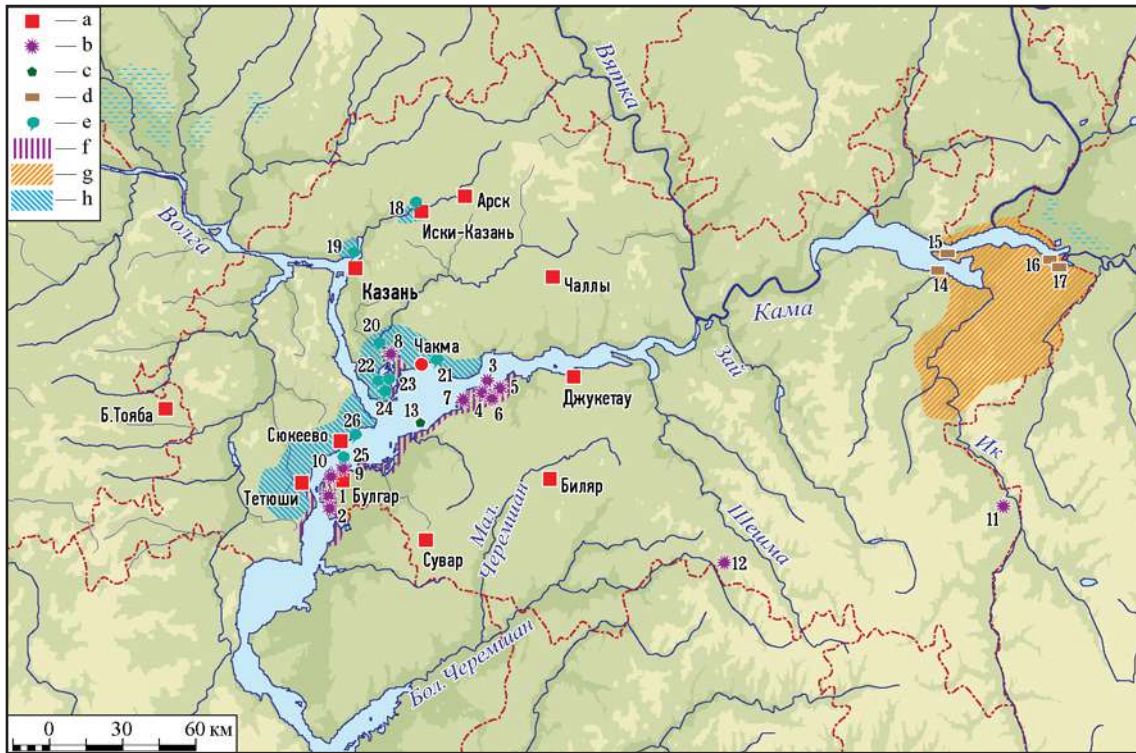
Если в захоронениях XI—XII вв. чияликской культуры встречаются (хотя и редко) разнообразные изделия (рис. 24), то в ордынское время их число существенно сокращается. Для этих некрополей характерна безынвентарность или малое количество сопровождающих умершего предметов. Помимо этого, их характеризует достаточная вариативность в ориентировке погребенных, при преобладании западного (юго- или северо-западного) направления (Казаков 1978: 59, рис. 29; 2007: 164, рис. 45); зафиксированы сопровождающие погребальное действие обряды, в частности, огненный ритуал; а также использование при похоронах деревянных обкладок могильной ямы, колоды (в 1 случае), перекрытия доски могильной ямы (Казаков 1978: 59; Гарустович 1988: 132; Гарустович, Иванов 1992: 25). Только в одном случае зафиксировано погребение в деревянном гробу, сколоченном железными гвоздями (погр. 31К, Гулюковского могильника — см. Бугров, Капленко, Ситдииков 2010: 23, рис. 1: 4).

Расположение костяков здесь чаще всего вытянутое на спине, руки лежат вдоль тела (74% захоронений Азметьевского могильника), либо одна рука вытянута, вторая согнута, а кисть последней находится на тазовых костях. Разворот костяка на правый бок, как в мусульманских захоронениях, также зафиксирован в материалах Азметьевского и Такталачукского некрополей (в первом — 8 погребенных (8,2% от общего числа исследованных погребений) и во втором — 11 погребений — 14,5% (Казаков 1978: 53, 77)). Обращают на себя внимание и такие случаи, когда у умершего, лежащего в вытянутом положении на спине, руки были сложены на тазовых костях (6 погребений Такталачукского могильника) и на груди (погр. 161 Такталачук-

---

на Гулюковском могильнике — вторая половина XI — начало XIII вв. (Бугров, Капленко, Ситдииков 2010: 23). Датировку последнего можно расширить до XIV в. Не противоречит этому и захоронение в гробу, скрепленном железными гвоздями, которые встречались в XII—XIV вв. (Халикова 1986: 124). Хотя появление этой традиции у булгар надо отнести к началу XI в. (Руденко 2015в: 122). Отсутствие инвентаря в могилах оставляет открытым вопрос о том, все ли захоронения совершались в один период, либо это разновременные погребения.

⁴⁹ Безынвентарность большинства захоронений не позволяет быть уверенным в узкой датировке Азметьевского и Такталачукского могильников XIII—XIV вв., как и в дате захоронений

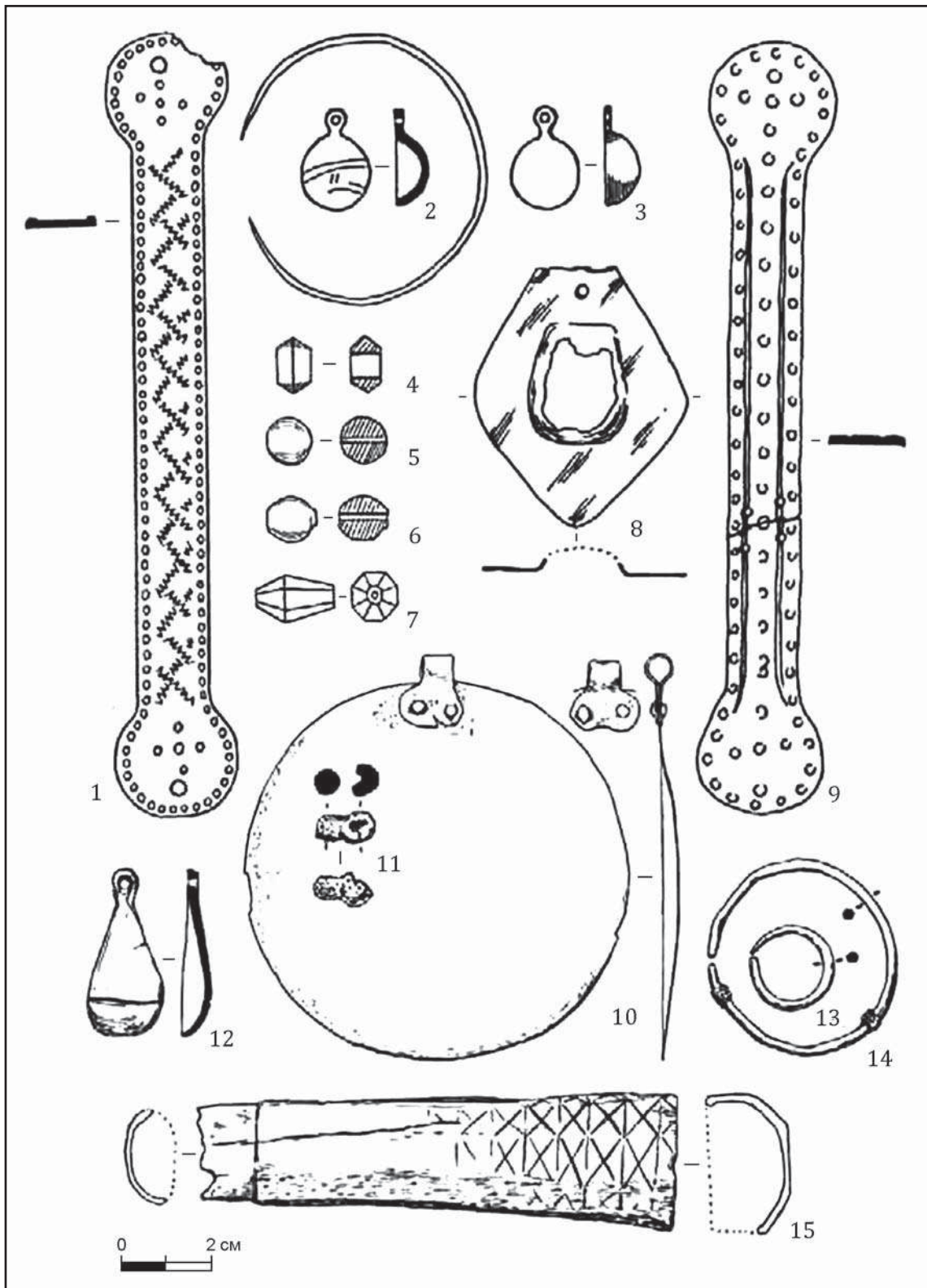
Рис. 23. Основные поселения Булгарской области Золотой Орды, погребальные памятники кочевников и населения с непостоянной оседлостью XI—XIV вв.: 1 — Бальмерские курганы; 2 — Зеленовские курганы; 3 — могильник Песчаный остров; 4 — Курналинские курганы; 5 — Алексеевский курган у моста; 6 — Алексеевское захоронение; 7 — Лебединское погребение; 8 — захоронение на Рождественском могильнике; 9 — захоронение на Малоиерусалимском могильнике в Булгаре; 10 — захоронения на могильнике Бабий бугор в Булгаре; 11 — Байряки-Тамакский могильник; 12 — Ново-Серёжкинское захоронение; 13 — Нижнемарьянские находки (разрушенное погребение); 14 — Гулюковский могильник; 15 — Дербешкинский могильник; 16 — Азметьевский могильник; 17 — Такталачукский могильник; 18 — Камаевское захоронение; 19 — Казанский могильник (у памятника павшим воинам); 20 — Рождественские погребения; 21 — Богородицкое селище; 22 — Богишевское селище; 23 — Карташихинские могильники и селище; 24 — Ташкирменские захоронения; 25 — Усть-Иерусалимский могильник на Булгарском городище; 26 — Мордовско-Каратаевское поселение. Условные обозначения: а — города; b, c — погребальные памятники кочевников-кипчаков (1—13); d — памятники чияликской культуры (14—17); e — поселения и могильники мордвы XIV—XV вв. (18—26); f — территория концентрации могильников и одиночных погребений кочевников-кипчаков; g — территория распространения чияликских памятников на территории Татарстана; h — территория расселения мордвы. 1—13, 15—18 — могильники XIII—XIV в.; 14 — могильник XI—XII в.; 19—26 — памятники XIV—XV вв. (составлено К. А. Руденко).

Fig. 23. Main settlements in Bolgar area of the Golden Horde, funerary sites of nomads and migratory populations 11th—14th cent.: 1 — Balymer mounds; 2 — Zelenovka mounds; 3 — Peschanyi Ostrov cemetery; 4 — Kurnali mounds; 5 — Alekseevskoe mound at the bridge; 6 — Alekseevskoe burial; 7 — Lebedino burial; 8 — burial on Rozhdestveno cemetery; 9 — burial on Maloierusalimsky cemetery in Bulgar; 10 — burials on Babii Bugor cemetery in Bulgar; 11 — Bairyaki-Tamak cemetery; 12 — Novoe Seryozhkiно burial; 13 — Nizhnii Mar'yan finds (distroyed burial); 14 — Gulyukovo cemetery; 15 — Derbeshkinsky cemetery; 16 — Azmet'evno cemetery; 17 — Taktalachuk могильник; 18 — Kamaevo burial; 19 — Kazan cemetery (at the monument to fallen soldiers); 20 — Rozhdestveno cemetery; 21 — Bogoroditskoye settlement; 22 — Bogishevo settlement; 23 — Kartashikha cemeteries and settlement; 24 — Tashkirmen' burials; 25 — Ust'-Ierusalimsky cemetery in Bulgar; 26 — Mordovsky Karatai settlement. Legend: a — towns; b, c — funerary monuments of Kipchak nomads (1—13); d — sites of Chiyalek culture (14—17); e — settlements and burial grounds of the Mordovians in 14th—15th cent. (18—26); f — concentration territory of burial grounds and single burials of Kipchak nomads; g — distribution territory of Chiyalek sites in Republic of Tatarstan; h — Mordovian settlement territory. 1—13, 15—18 — cemeteries of 13th—14th cent.; 14 — cemetery of 11th—12th cent.; 19—26 — sites of 14th—15th cent. (compiled by K.A. Rudenko).

ского могильника) (Казаков 1978: 53), что характерно для христианской традиции (Панова 2004: 57).

Вышеописанные признаки достаточно устойчивы и присущи также другим могильникам этого круга, например, Алтаевскому в бассейне р. Белой (Останина 1987:

33—38), Казакларовскому или II Ахметовскому в Башкирии (Гарустович 1988: 130—132, рис. 1: 3—11). Стоит заметить, что западная и северо-западная ориентировка захоронений является традиционной в погребальном обряде этого населения, что прослеживается еще на могильниках IX—X в., например, Большо-

Рис. 24. Материал Гулюковского могильника: 1—7 — погр. 1К; 8, 9 — погр. 11К; 10, 11 — погр. 8; 12—15 — подъемный материал (1—3, 9, 10, 12, 14 — бронза; 4, 6 — стекло; 5 — горный хрусталь; 7 — сердолик; 8 — серебро (?); 11 — свинцово-оловянный сплав; 13 — золото; 15 — кость) (по Бугров, Капленко, Ситдигов 2010: 21, рис. 2).

Fig. 24. Materials from Gulyukovo cemetery: 1—7 — burial 1K; 8, 9 — burial 11K; 10, 11 — burial 8; 12—15 — stray material (1—3, 9, 10, 12, 14 — bronze; 4, 6 — glass; 5 — rock crystal; 7 — carnelian; 8 — silver (?); 11 — terne metal; 13 — gold; 15 — bone) (after Бугров, Капленко, Ситдигов 2010: 21, рис. 2).

Тиганском или Чишминском⁵⁰ (Chalikowa, Chalikow 1981: 100—132, Taf. II—XXXIV; Казаков 1978: 20, 27). Западная ориентировка является преобладающей в Танкеевском могильнике IX—X вв., как на языческой, так и на мусульманской части этого некрополя, причем на последней положение костяков — вытянутое на спине, иногда с небольшим поворотом на правый бок (Казаков 1992: 93). Встречаются и деревянные погребальные конструкции, которые Е. А. Халикова считала важной деталью погребального ритуала ранних булгар (Халикова 1986: 40).

К характерным чертам чияликских погребений нужно отнести и своеобразный набор сопровождавших умершего предметов, прежде всего лепной округлодонной керамики с примесью толченой раковины в тесте, украшенной гребенчатым орнаментом или оттисками гребенчатого штампа (Казаков 1987: 26). Достаточно часто встречаются крупные металлические (чаще серебряные) круглые пластинки с ушком, зафиксированные у черепа костяков (Казаков 1978: 67, рис. 33: 27).

Немногочисленностью характеризуется и поселенческий материал этого населения, судя по изученным селищам, таким как Чияликское, Игимское, VI Меллятамакское (Казаков 1978: 42—48; 1987: 28, рис. 1; 2; 2007: 59—60). Исследователь этих памятников Е. П. Казаков считает, что население, оставившие могильники и поселения чияликской культуры, вело «преимущественно подвижный образ жизни» (Казаков 1987: 26). В отличие от кочевников-кипчаков, появившихся в пойме Камы и Волги в ордынское время, население чияликской культуры⁵¹ сохранило ареал своего обитания к востоку от булгарских земель, в междуречье Ика и Белой, занятый ими в IX—X вв., как и достаточную территориальную обособленность⁵². Связь между чияликцами и булгарами в ордынский период по материалам могильников, кроме нескольких украшений из серебра и бронзы, отнесён-

ных к булгарским изделиям из-за использования скани при их декорировании (Казаков 1978: 67), ничем больше не подтверждается⁵³. Причем такие украшения в Булгарской области в тот период не изготавливались и не встречаются (Руденко 2015а: 143—150).

Таким образом, доминирование в Булгарской области в XIII в. и особенно в XIV в. принадлежало кипчакам, чияликское население располагалось в пределах предшествующей территории их расселения. Нет оснований предполагать тюркизацию чияликцев в XIV в. вследствие прямых этнических контактов между уграми и кипчаками и их «близости по образу жизни», как это предполагал Е. П. Казаков, приведя в пример инвентарь Байряки-Тамакского могильника (Казаков 2007: 64). Последний пример не убедителен, поскольку в материалах этого некрополя нет никаких точек соприкосновения: зеркала, глиняные прясла, ножницы, амулеты (рис. 15) в чияликских могильниках не встречаются. Механизм взаимодействия золотоордынских кипчаков в Булгарской области с оседлым населением совершенно иной, построенный прежде всего на эксплуатации возникших рядом с местами их кочевания торгово-ремесленных поселений (рис. 3), а также на торговле с Булгаром и другими крупными поселениями. Собственных постоянных поселений — свидетельств оседлого образа жизни (что мы видим у чияликцев), у булгарских кипчаков не было, а процесс седентаризации активизировался только в конце XIV — начале XV в.

Спорен вопрос и о переселении в ордынское время булгар из Закамья в бассейн Ика на основании подъемного материала (в основном круговой керамики), по сути, с двух поселений — Бикбуловского и Меллятамакского селищ (Казаков 1978: 36—39, рис. 12, 13; 2007: 64). Территории, подконтрольные кипчакам и чияликцам, как и места их расселения, были различны (рис. 23) и территориально не соприкасались. Чияликское влияние на центральные и западные районы Булгарской области (если оно имело место) проследить по имеющимся данным нет возмож-

⁵⁰ Во второй половине IX — на рубеже IX—X вв. зафиксирована и восточная, и юго-восточная ориентировка (Игимский могильник) (Казаков 1978: 11, 19).

⁵¹ Г. Н. Гарустович расширил хронологические рамки чияликской культуры в сторону ее удревнения, предположив, что она существовала в домонгольский период. Е. П. Казаков с такой позицией не согласился (Казаков 2007: 61).

⁵² Е. П. Казаков локализовал чияликские памятники от р. Ик и до низовий Тобола, сочтя оставшее ее население уграми-скотоводами (Казаков 2007: 62).

⁵³ Крупные однобусинные серебряные височные кольца из чияликских захоронений (3 экз.) (Казаков 1978: 66, рис. 33) имеют замок в виде колечка с одной стороны и раскованной лопасти овальной формы с небольшим сквозным отверстием — с другой, что характерно для древнерусской традиции и никогда не встречается на булгарских изделиях. Возможно, эти серьги выполнены местными мастерами-ювелирами.

ности. Доказательств прямого болгарского воздействия также практически нет — обнаруженная на чияликских селищах круговая керамика представлена в основном фрагментами столовой посуды, которая была предметом торговли⁵⁴, а новые орнаментальные мотивы (волна) на чияликской керамике (Казак 1978: 48, рис. 21: 5—7) — только лишь предположение, требующее более глубокой аргументации.

Еще одну локальную группу населения в Булгарской области Золотой Орды представлял мордва (рис. 23), которая в домонгольский период занимала земли к западу от Булгарии, но частично проживала и на булгарской территории. Мордовские элементы были выявлены в материалах булгарских могильников второй половины VIII — X вв. — Большетарханском, Тетюшском, Танкеевском. В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков считали, что со второй половины VIII в. происходят прямые контакты пришлых болгар с мордовскими племенами, вследствие чего болгары восприняли от них некоторые типы вещей и, в свою очередь, оказали сильное воздействие на формирование мордовской материальной культуры (Генинг, Халиков 1964: 159).

Отдельные мордовские вещи IX—X вв., например, шумящие накладки (Петербургский 2011: 266, рис. 129: 7), встречаются на булгарских поселениях X—XI вв., таких как Измерское, IV Старокуйбышевское, Остолоповское (Казак 1991: 128, рис. 43: 20, 21). Таким образом, мордва входила в состав населения Булгарии в домонгольский период и более активно стала расселяться в эпоху Золотой Орды в Булгарском улусе целыми группами, образуя своего рода этнические анклавы, как правило, поблизости от больших рек, в частности, Волги и в низовьях Камы. В это время мордва стала активно селиться на волжском побережье от Казани, Булгара до Самарской Луки и южнее.

Наиболее активно этот процесс проходил в XIV — начале XV в. Известны мордовские могильники этого времени (с соответствующим погребальным обрядом) у с. Карташиха и Рождествено (на месте городища имениковского времени) (рис. 23). О масштабах этого явления свидетельствует тот факт, что даже в столице Булгарского улуса частично мусульманизованное мордовское население оставило целый некрополь (Усть-Иерусалимский могильник) (Газимзянов 2003: 46). Извест-

ны захоронения знатных мордвовок на других, элитных кладбищах Булгара, в том числе и в мавзолеях, как, например, в «Ханской усыпальнице» (Смирнов 1951: 65). Мордовское погребение было зафиксировано в Болгарах на могильнике Бабий бугор при раскопках в 1920 г. Умершая лежала в скорченном положении на правом боку с подогнутыми ногами и руками, при этом правая ладонь была положена под висок (Смирнов 1951: 65).

Кроме того, на булгарских эпитафиях, в том числе и из Булгара, имеется этноним «мухши», то есть выходец из Мухши (улус Золотой Орды на мордовских землях) (Мухаметшин, Хакимянов 1987: 112). А. П. Смирнов, опираясь на факт захоронения мордовских женщин в элитных мавзолеях, считал, что это «указывает на тесную связь булгарских ханов с мордовскими князьями, скреплявших свои политические союзы с мордвой брачными узами» (Смирнов 1951: 66). Этот факт подтверждает и находка серебряных мордовских сюльгам в Карашамском кладе (Руденко 2015а: 495, кат. №382), принадлежавшем представителю элиты Булгарского улуса (Калинин, Халиков 1954: 120, рис. 37).

Погребальный обряд мордовского населения на территории Булгарского улуса достаточно выдержан и традиционен (Зеленева 2013: 253). На протяжении XIV—XVI вв. женские мордовские (мокшанские) захоронения, как правило, совершались в скорченном положении, на правом боку, головой на запад, с отклонением к северу; руки согнуты в локтях, кисть правой руки у лица, вторая — на животе. В мужских захоронениях костяк обычно располагался в вытянутом положении, головой на запад или юго-запад; руки согнуты в локтях. Умершие имели погребальный инвентарь (глиняные сосуды); сохранялись элементы костюма — металлические пряжки, застежки-сюльгамы, бронзовые браслеты, иногда встречались монеты (Археологическая... 1981: 73—76, №281, 292). Встречаются также мордовские захоронения, совершенные в валах более древних городищ, например, Ташкирменского и Рождественского (именьковской археологической культуры середины — второй половины I тыс. н. э.) в Лаишевском районе РТ (Археологическая... 1981: 84, 92, №338, 377—383). Эти захоронения по времени, погребальному обряду и вещевому инвентарю совпадают с захоронениями на мордовских могильниках Булгарского улуса.

Раскопки, проведенные на одном из мордовских поселений XIV—XV вв. (Карташинском), выявили остатки жилища, пред-

⁵⁴ В связи с этим отметим, что на чияликских памятниках встречаются и фрагменты от древнерусских сосудов (Казак 1978: 38, рис. 13: 11).

меты быта: фрагменты лепной и круговой посуды, железные ножи, глиняное грузило, железный гарпун, железный шлак (Археологическая... 1981: 76, №293). Поселенческая материальная культура этого населения в целом мало отличалась от булгарской или русской.

Мордва была частью населения Булгарского улуса, подвергаясь частичной ассимиляции; впрочем, существовали и моноэтничные мордовские поселки, например, Карташихинские, Богишевское и Богородицкое селища, где мордовское население полностью сохраняло свою идентичность. Они проживали здесь и в эпоху Казанского ханства — в XV—XVI вв. Мордовское население зафиксировано в XIV—XVI вв. в Предкамье и Предволжье, например, в с. Ташкирмень (Халиков 1965: 164). Не исключено, что своего рода центром предволжской группы мордвы (здесь проживает и по сей день группа мордвы-каратаев) было Сюкеевское городище (Калинин, Халиков 1954: 90), одно из немногих возникших в Булгарском улусе в период Золотой Орды, скорее всего, в XIV в. В Булгаре из находок, собранных в конце XIX — XX вв., происходит значительное количество мордовских застежек-сюльгам⁵⁵. Эти универсальные украшения были весьма популярны среди населения Среднего Поволжья, в том числе и в Булгарском улусе, независимо от этнической принадлежности их владельца, хотя предпочтение им, конечно, больше отдавали представители мордовского этноса. Миграция мордвы на территорию Булгарской области относится в основном к XIV—XV вв. В этот же период складывается и ордынский центр на мордовских землях — Мохши (Наровчатское городище) (Зеленева 2013: 248—252).

На Правобережье Камы и в части Заказанья, включая саму Казань, жили марийцы, активно контактировавшие с русскими, булгарами и удмуртами. Территория в Заказанье, как и в окрестностях самой Казани, была заселена марийцами еще до появления здесь булгар. Об этом свидетельствует Борисковский могильник (в настоящее время территория современной Казани), датированный IX—X вв. (Археологическая... 1981: 62, №223). К сожалению, могильников и поселений этого населения XIII—XIV вв. в Предкамье пока не выявлено.

Дискуссионным остается вопрос о том, какой этнос заселял территорию восточного

Предкамья (Кукморский, Арский, Балтасинский районы РТ). Приводятся доказательства, что здесь проживали марийцы и удмурты, наряду с тюркоязычным населением. Последнее стало преобладающим (в основном за счет внутренней миграции из районов Закамья) в XVIII в. (Никитина 1992: 82, 83). Материалы поздних могильников дают представление о немалом пласте населения, которое можно связать как с марийцами, так и с удмуртами (Шутова 1992: 256—257). Удмуртское население расселилось в восточном Предкамье, например, в Елабуге, в XI—XIII вв., об этом свидетельствуют захоронения в Елабужском IV могильнике, совершенные по языческому обряду, с украшениями, характерными для погребений северных удмуртов X—XI вв. (Нигамаев 2005: рис. 74; 75). Низовья Вятки и Арский край до начала XV в. были заселены удмуртами и булгарами.

В ряде районов Булгарской области (в том числе и в центральных) в конце XIII — первой половине XIV в. проживало немногочисленное пермяцкое население. Это небольшие поселки (например, селище Песчаный остров) с характерной лепной и подправленной на круге керамикой, жилыми и хозяйственными постройками, аналогичными тем, что встречаются в родановской культуре (Руденко 1994: 121—139; 1998: 60—71), а также керамические находки на других булгарских памятниках, в числе которых характерные керамические котлы, широкие чашевидные сосуды, «сковородки» с примесью толченой раковины в тесте (Булгарское городище, Донауровское III селище). Ко второй четверти XIV в. оно было практически ассимилировано булгарами. В начале XIV в. в материальной культуре этого населения становятся обычными новые виды изделий — чугунные котлы, крупные круговые тарные и столовые сосуды (кувшины, корчаги), вытесняющие традиционные формы керамики; только кухонная посуда сохранила ряд своеобразных черт, однако уже стала изготавливаться на поворотном столике или простейшем гончарном круге. Появляются даже металлические зеркала (рис. 17), использовавшиеся жителями селища Песчаный остров. Перестраивается комплекс усадьбы с жилой постройкой нового типа (Руденко 1998: 60—71). Интересно, что процесс ассимиляции проходил достаточно быстро — на протяжении жизни одного-двух поколений.

Русское население в Булгарской области Золотой Орды проживало вместе с булгарами, как в городах, так и в сельской местности. В крупных городах, например, в Булга-

⁵⁵ Коллекция НМ РТ, инв. №7719.

ре, часть его обитала в отдельном поселке, исследованном в XX в. Т.А. Хлебниковой, а на остальной территории города — чересполосно (Полубояринова 1993: 13—97). В Казани XIV — первой половины XVI вв. ситуация была практически такой же (Ситдииков 2006: 72). Находки, связанные, с русскими зафиксированы на многих золотоордынских поселениях в нижнем течении Камы, например, Лаишевском, Богородицком селищах, на некоторых селениях в Центральном Закамье (Руденко 2007: 349, 350).

В сельской местности (материалы Измерского, VI Алексеевского, I Семеновского, Мурзининского селищ), как и в болгарских городах в Закамье, например, в Биляре, судя по находкам древнерусской керамики и других изделий, прежде всего этнических украшений, например, височных славянских колец, русские стали селиться с XI в. (Кочкина 1986: 117—122; Казаков 1986: 76—88; Руденко 2015в: 144) и этот процесс спонтанно продолжался в последующие столетия, вплоть до запустения этих земель в XV в. Особенно хорошо это фиксируется на археологических памятниках низовьев Камы — поблизости от торговых речных путей.

Представители другого этноса — армяне в конце XIII — XIV вв. жили отдельными диаспорами в Булгаре и Казани. Археологически исследованы остатки христианской церкви в Булгаре на территории армянской колонии; здесь же выявлены каменные надгробия с эпитафиями на армянском языке (Смирнов 1958: 330—359). На правом берегу Волги армянское надгробие было обнаружено близ Тетюш, недалеко от Булгара. Армянские надгробия более позднего времени известны в Казани (Высоцкий 1885: 18—19), где армянская диаспора могла существовать с XIV в.; причем, она существенно пополнилась в первой половине XV в. за счет переез-

да армян из Булгара, пришедшего в то время в упадок.

Таким образом, основными этническими компонентами на территории Булгарского улуса были: оседлые болгары — в качестве этнического субстрата; тюрко- и угроязычное преимущественное кочевое или полукочевое население; оседлое население — удмурты и марийцы, а также мордва и русские. Локальной малочисленной этнической группой были армяне. Возможно, были и другие группы иноэтничного населения, но выявить их на территории Булгарской области Золотой Орды пока не удалось.

Отметим, что характерное для многих областей Золотой Орды деление населения и отчасти территории проживания по способу ведения хозяйства (кочевое и оседлое) было свойственно и Булгарскому улусу. С момента его возникновения и до распада здесь сохранилась особая территория в камско-волжской пойме для кочевания ордынской знати, а затем сменивших ее выходцев из улуса Шибана (при хане Тохтамыше в 1380-х гг.).

Вторая особенность Булгарского улуса — внутренние миграции, например, во второй половине XIII в. со Средней и Верхней Камы в низовья Камы (принудительно или добровольно, трудно сказать). Во второй половине XIV в. в Центральном Закамье локально стали появляться выходцы из северных территорий, смешанное марийско-русское население. Оно же активно заселяет и правый берег Камы в приустьевой его части. Следы его (судя по керамике) обнаруживаются в больших болгарских городах, например, в столице Булгарской области — городе Булгаре. Таким образом, этнокультурная карта Булгарского улуса отличалась пестротой и разнообразием, была весьма динамичной и менялась на протяжении всего золотоордынского периода.

Литература

- Акимова М. С. 1964. Материалы к антропологии ранних болгар. В: Генинг В. Ф., Халиков А. Х. *Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник)*. Москва: Наука, 177—196.
- Алексеева Т. И., Козловская М. В. 2002. Антропологический облик населения. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 111—123.
- Алпаткина Т. Г. 2009. Изображения львов в резном декоре дворца правителей Термеза XI—XII вв. (вариант реконструкции). В: Смирнов И. С. (ред.). *Культура, история и археология Евразии*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ XXII. Москва: РГГУ, 185—196.
- Археологическая... 1981: Халиков А. Х. (отв. ред.). 1981. *Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье*. Москва: Наука.
- Археологическая... 1986: Старостин П. Н. (ред.). 1986. *Археологическая карта ТАССР. Западное Закамье*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.
- Археологические... 1988: Халиков А. Х. (отв. ред.). 1988. *Археологические памятники Центрального Закамья*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.
- Археологические... 1989: Казаков Е. П. (отв. ред.). 1989. *Археологические памятники Восточного Закамья*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.
- Бабенко В. А. 2012. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья. В: Евлевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 11. Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 193—230.
- Баранов В. С. 2015. Об одном из жилищ с древнерусской

- керамикой на территории Болгарского городища X—XV вв. В: Наградов И. С., Щербаков В. Л. (сост.). *Этнокультурные взаимодействия на территории Верхнего Поволжья и сопредельных территориях в древности, Средневековье и в Новое время*. Кострома: Костромаиздат, 14—25.
- Баранов В. С., Кавеев М. М. 2001. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Монуменальное строительство, архитектура, благоустройство*. Москва: Наука, 176—199.
- Бугарчев А. И., Руденко К. А. 2013. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п. Лаишево, Республика Татарстан). *Поволжская археология* 6 (4), 64—78.
- Бугров Д. Г., Капленко Н. М., Ситдииков А. Г. 2010. К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии. *Научный Татарстан* (4), 19—25.
- Бужилова А. П. 2013. Палеоантропологические исследования материалов могильника Песчаный остров. Приложение: Руденко К. А. 2013. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии). *Поволжская археология* (2), 210—211.
- Бужилова А. П., Медникова М. Б., Козловский М. В. 2002. Демографическая и социальная структура средневековой популяции. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 168—175.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Газимзянов И. Р. 2004. Палеодемографические показатели Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар). В: Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья*. Материалы III Халиковских чтений. Казань: ИИ АН РТ, 38—40.
- Васильева И. Н. 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья. В: Басин С. Г. (отв. ред.). *Древняя история Поволжья*. Труды КГПИ 230. Куйбышев: КГПИ, 202—240.
- Васильева И. Н. 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области. В: Матвеева Г. И. (отв. ред.). *Древности Среднего Поволжья*. Куйбышев: КГУ, 176—178.
- Васильева И. Н. 2013. Археологические исследования на Сухореченском поселении в 1979 и 1981 гг. В: Богачёв А. В. (отв. ред.). *Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области)*. Самара: ООО «САО», 187—235.
- Веймарн Б. В. 1940. *Искусство Средней Азии*. Москва; Ленинград: Искусство.
- Винников А. З., Цыбин М. В. 2002. Материалы Новохарьковского могильника. В: Пряхин А. Д. (отв. ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 14—105.
- Высоцкий Н. Ф. 1885. Следы древнего армянского кладбища в Казани. В: Загоскин Н. П. (ред.). *ИОАИЭ VI* (1). Казань: Типо-литография Казанского университета, 18—19.
- Газимзянов И. Р. 1999. Кочевническое захоронение на территории Болгарского городища. В: Старостин П. Н. (отв. ред.). *Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья*. Тезисы конференции. Болгар: БГИАМЗ, 47—48.
- Газимзянов И. Р. 2001. Еще раз о могильнике «Бабий бугор». В: Казаков Е. П. (отв. ред.). *Вопросы древней истории Волго-Камья*. Казань: Мастер-Лайн, 132—137.
- Газимзянов И. Р. 2003. Усть-Иерусалимский могильник (к вопросу о мордовском компоненте в составе городского населения средневекового Болгара). В: Гришаков В. В. (отв. ред.). *Поволжские финны и их соседи в эпоху раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической истории)*. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 45—47.
- Газимзянов И. Р. 2004. Краниология Усть-Иерусалимского могильника. В: Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья*. Материалы III Халиковских чтений. Казань: ИИ АН РТ, 46—49.
- Газимзянов И. Р. 2015. Население средневекового Богара по данным краниологии, предварительные результаты по материалам раскопок 2010—2013 гг. *Поволжская археология* 13 (3), 112—124.
- Газимзянов И. Р., Хохлов А. А. 1999. Черепа из средневековых захоронений на территории древнего поселения Лебяжинка V. В: Выборнов А. А. (отв. ред.). *Вопросы археологии Поволжья 1*. Самара: СамГПУ, 302—304.
- Гарипова Ф. Г. 1991. *Исследования по гидронимии Татарстана*. Москва: Наука.
- Гарустович Г. Н. 1988. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников западной и центральной Башкирии. В: Пшеничный А. Х. (отв. ред.). *Проблемы древних угров на Южном Урале*. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 130—139.
- Гарустович Г. Н. 2012. *След Великой замятни (местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга)*. Уфа: АН РБ; Гилем.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А. 1992. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I — начале II тыс. н. э. В: Кананин В. А. (отв. ред.). *Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья*. Ижевск: УдГУ, 17—31.
- Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф. 1998. *Средневековые кочевники Поволжья (конца IX — начала XV века)*. Уфа: Гилем.
- Генинг и др. 1962: Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлинникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К. 1962. *Археологические памятники у села Рождествено*. Казань: Казанский государственный университет.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х. 1964. *Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник)*. Москва: Наука.
- Давыденко В. В., Гриб В. К. 2009. Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: типология и семантика. В: Евлевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья. 7. Хазарское время*. Донецк: ДонНУ, 187—206.
- Дмитриев В. Д. 1986. Об основной аргументации теории чувашского этногенеза. В: Кузеев Р. Г. (ред.). *Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья*. Уфа: БФАН СССР, 26—35.
- Дружинина И. П., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И. 2011. *Средневековые кочевники в Восточном Приазовье*. Армавир; Москва: ЦАИ АГПА.
- Егоров В. Л. 2010. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* 3-е изд. Москва: Красанд.
- Ельников М. В. 2004. Грунтовый кочевнический могильник Мамай-Гора XIV в. из Нижнего Поднепровья. *Татарская археология* 12—13 (1—2), 86—110.
- Ельников М. В. 2006. *Средневековый могильник Мамай-*

- Сурка (по материалам исследований 1993—1994 гг.) II. Запорожье: ЗНУ.
- Ефимова А.М. 1960. Могильник на Бабьем бугре. В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции* III. МИА 80. Москва: АН СССР, 169—194.
- Ефимова А.М. 1969. Кладбище у «Ханской усыпальницы» на Болгарском городище. В: Евтюхова Л.А. (отв. ред.). *Древности Восточной Европы*. К 70-летию А.П. Смирнова. Москва: Наука, 64—74.
- Ефимова А.М. 1974. Кладбище на окраине посада города Болгара. В: Смирнов А.П., Фёдоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 24—29.
- Ефимова С.Г. 1976. Антропологические материалы из Билярских некрополей. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Исследования Великого города*. Москва: Наука, 169—185.
- Ефимова С.Г. 1991. *Палеоантропология Поволжья и Приуралья*. Москва: МГУ.
- Зеленеев Ю.А. 2013. *Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII—XV вв.* Йошкар-Ола: МарГУ.
- Иванов В.А. 1984. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал. В: Иванов В.А. (отв. ред.). *Памятники кочевников Южного Урала*. Уфа: БФАН СССР, 75—97.
- Иванов В.А., Кригер В.А. 1988. *Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.)*. Москва: Наука.
- Иванов П.П. 1952. *Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.: Крюково-Кузнковский могильник*. Моршанск: Моршанский краеведческий музей.
- Илюшин А.М. 2012. *Курганы поздних кочевников близ устья Ура*. Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 4. Кемерово: КузГТУ.
- Илюков Л.С., Казакова Л.М. 1988. *Курганы Миусского полуострова*. Ростов-на-Дону: РГУ.
- Казаков Е.П. 1978. *Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии*. Москва: Наука.
- Казаков Е.П. 1986. О ранних контактах волжских болгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-болгарского договора)*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 76—88.
- Казаков Е.П. 1987. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии. В: Иванова М.Г. (отв. ред.). *Погребальные памятники Прикамья*. Ижевск: УдНИИ, 25—38.
- Казаков Е.П. 1988. Болгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Волжская Булгария и монгольское нашествие*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 71—82.
- Казаков Е.П. 1991. *Болгарское село X—XIII веков низовой Камы*. Казань: Таткнигоиздат.
- Казаков Е.П. 1992. *Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории)*. Москва: Наука.
- Казаков Е.П. 1993. Коминтерновское II селище. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 117—129.
- Казаков Е.П. 1997. Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам). *Татарская археология* (1), 61—77.
- Казаков Е.П. 2007. *Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: проблемы взаимодействия*. Казань: ИИ АН РТ.
- Казаков Е.П., Руденко К.А. 2004. Археологические памятники низовой Курналинки. В: Гущина Л.К., Алексеева Л.Г. (ред.). *Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова*. Казань: Школа, 104—115.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. 1954. *Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.* Казань: Таткнигоиздат.
- Круглов Е.В., Клепиков В.М. 1993. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области. В: Мамонтов В.И. (сост., отв. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 3. Волгоград: Перемена, 138—151.
- Кокорина Н.А. 1994. О финно-угорском компоненте в болгарской и болгаро-татарской культурах (по материалам керамики). В: Архипов Г.А., Никитина Т.Б. (ред.). *Проблемы средневековой археологии волжских финнов*. АЭМК 23. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 185—213.
- Кокорина Н.А. 2000. Керамика в кыпчакских традициях с Камаевского городища. *Татарская археология* 6—7 (1—2), 177—191.
- Кокорина Н.А. 2002. *Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв.* Казань: ИИ АН РТ.
- Кокорина Н.А., Останина Т.И. 2000. Исследования Чалынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.). В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Древние Чаллы*. Казань: Мастер-Лайн, 76—174.
- Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А. 1993. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 106—116.
- Кочкина А.Ф. 1986. Находки древнерусской керамики на Билярском городище. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-болгарского договора)*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 117—122.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 1999. Исследование мусульманского могильника у д. Пролетарий. В: Сташенков Д.А. (сост.). *Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области* 1. Самара: СОИКМ, 179—200.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. 2005. Находки предметов религиозных культов на памятниках Самарской луки. В: Кабытова П.С. (гл. ред.). *Краеведческие записки XII*. Самара: СОИКМ, 107—116.
- Кравец В.В. 2005. *Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды*. Воронеж: ВГПУ.
- Ляхов С.В. 1992. Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья. В: Малов Н.М. (отв. ред.). *Археология Восточноевропейских степей* 5. Саратов: СГУ, 158—184.
- Ляхов С.В., Якубовский Г.Л. 1993. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени. В: Юдин А.И. (отв. ред.). *Археологические вести* 1. Саратов: СГУ, 175—185.
- Макаров Л.Д. 2011. Русская духовность в памятниках истории и археологии Прикамья. В: Мосалева Г.В. (отв. ред.). *Онтология и поэтика Традиции: язык и текст*. Ижевск: Удмуртский университет, 38—49.
- Макарова Е.М., Ситдинов А.Г., Бочаров С.Г. 2016. Морфология посткраниального скелета населения

- Болгара (по материалам СХСІ раскопа). *Поволжская археология* 16 (2), 244—259.
- Малиновская Н. В. 1974. Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории Евразийских степей. В: Смирнов А. П., Фёдоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 132—175.
- Мамонтов В. И., Ситников А. В. 1993. Средневековые погребения Царёвского курганного могильника В: Мамонтов В. И. (сост., науч. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 3. Волгоград: Перемена, 183—208.
- Мамонтов В. И., Ситников А. В. 1998. Курганный могильник у хутора Сенной. В: Мамонтов В. И. (сост., науч. ред.). *Древности Волго-Донских степей* 6. Волгоград: ВолГУ, 113—123.
- Марков Г. Е. 2010. *Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации*. 2-е изд., испр. Москва: Красанд.
- Масловский А. Н. 2009. О сельской округе Азака (к постановке проблемы). В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV Международной конференции. Донские древности 10. Азов: Азовский музей-заповедник, 321—339.
- Масловский А. Н. 2012. Золотоордынский Азак и кочевники. Пути интеграции в городскую жизнь и влияние на судьбу города. В: Тишкин А. А. (отв. ред.). *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Материалы международного конгресса. Барнаул: АлтГУ, 171—174.
- Моржерин К. Ю. 2009. Антропоморфный амулет VIII—IX вв. с берега р. Изнаир. В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV Международной конференции. Донские древности 10. Азов: Азовский музей-заповедник, 358—361.
- Моця А. П., Халиков А. Х. 1997. *Булгар-Киев. Пути, связи, судьбы*. Киев: ИА НАНУ.
- Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. 1987. *Эпиграфические памятники города Булгара*. Казань: Таткнигоиздат.
- Мыськов Е. П. 2015. *Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды*. Волгоград: ВФ РАНХиГС.
- Набиуллин Н. Г. 2011. *Джукетау — город болгар на Каме*. Казань: Таткнигоиздат.
- Недашковский Л. Ф. 2000. *Золотоордынский город Укек и его округа*. Москва: Наука.
- Нестеров С. П. 1990. *Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Нечвалода А. И. 2004. Индивидуальные портреты жителей Болгара (по материалам средневекового некрополя Усть-Иерусалимский). В: Ситников А. Г. (отв. ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья*. Материалы III Халиковских чтений. Казань: ИИ АН РТ, 134—138.
- Нигамаев А. З. 2005. *Булгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры и населения*. Казань: Казанский государственный университет.
- Никитина Т. Б. 1992. *Марийцы (конец XVI — начало XVIII вв.): по материалам могильников*. Йошкар-Ола: МарНИИ.
- Николаев В. С. 2004. *Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII—XIV вв.* Владивосток; Иркутск: ИГ СО РАН.
- Останина Т. И. 1987. Раннемусульманский могильник у д. Алтаево в Башкирской АССР. В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Погребальные памятники Прикамья*. Ижевск: УдНИИ, 33—38.
- Панова Т. Д. 2004. *Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков*. Москва: Радунца.
- Петербургский И. М. 2011. *Материальная и духовная культура мордвы в VII—X вв.* Саранск: Мордовский государственный университет.
- Писцовая... 1978: Ермолаев И. П., Усманова М. А. (науч. ред.). 1978. *Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов*. Публикация текста. Казань: Казанский государственный университет.
- Плетнева С. А. 1973. *Древности черных клобуков*. САИ Е1—19. Москва: Наука.
- Полубояринова М. Д. 1993. *Русь и Волжская Болгария в X—XV вв.* Москва: Наука.
- Полубояринова М. Д. 2003. *Город Болгар в XIII веке*. В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. Москва: Наука, 103—107.
- Полякова Г. Ф. 2000. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии. В: Белоцерковская И. В. (отв. ред.). *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. ТГИМ 122. Москва: ГИМ, 232—239.
- Полякова О. А. 2012. Лазуритовые подвески из погребений кочевников Юго-Восточной Европы XI—XIII вв. В: Евлевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 10. Половецкое время*. Донецк: ДонНУ, 281—298.
- Потемкина Т. М. 2011. Об этнокультурных признаках «монгольских» погребальных памятников Восточной Европы. В: Васильев Д. В., Зеленева Ю. А., Ситников А. Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань: ИИ АН РТ, 112—115.
- Ракушин А. И. 2016. *Монголы на Волге (обретение новой родины: от завоевания к ассимиляции)*. Саратов: Типография «Техно-Декор».
- Руденко К. А. 1994. Алексеевское селище и могильник («у дамбы») в Татарии. В: Архипов Г. А., Никитина Т. Б. (ред.). *Проблемы средневековой археологии волжских финнов*. АЭМК 23. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 121—139.
- Руденко К. А. 1998. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993—1994 гг. В: Зеленева Ю. А., Фёдоров-Давыдов Г. А. (ред.). *МИАП 1*. Йошкар-Ола: МарГУ, 60—71.
- Руденко К. А. 1999. Могильник на острове «Песчаный». *Татарская археология* 4—5 (1—2), 61—76.
- Руденко К. А. 1999а. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Болгарии XI—XIV вв. (на примере Лаишевского селища). В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья*. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 73—102.
- Руденко К. А. 1999б. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов. В: Иванова М. Г. (отв. ред.). *Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья*. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО

- РАН, 111—134.
- Руденко К. А. 2000. Тюркский мир и Волго-Камье в XI—XII вв. (археологические аспекты проблемы). *Татарская археология* 6—7 (1—2), 42—102.
- Руденко К. А. 2001. *Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI—XIV вв.* Казань: Школа.
- Руденко К. А. 2002. «Татарская земля»: археологические памятники XIV — начала XV в. в Среднем Поволжье. В: Полубояринова М. Д. (науч. ред.). *Поволжье и сопредельные территории в средние века.* ТГИМ 135. Москва: ГИМ, 154—165.
- Руденко К. А. 2002а. Исследования археологических памятников в Тюлячинском, Лаишевском и Алексеевском районах Республики Татарстан. В: Хузин Ф. Ш. (ред.). *Археологические открытия в Татарстане: 2001 г.* Казань: Школа, 105—109.
- Руденко К. А. 2002б. Золотоордынские кочевники в Среднем Поволжье (к постановке проблемы). *НАВ* 5, 308—320.
- Руденко К. А. 2003. *Железные наконечники стрел VIII—XV вв. из Волжской Булгарии. Исследования и каталог.* Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан. *Татарская археология* 12—13 (1—2), 111—156.
- Руденко К. А. 2004а. Волжская Булгария, Северо-Восточная Русь и Прикамье: проблемы исследования этнокультурных контактов и взаимовлияний в XI—XIV вв. (по археологическим материалам). В: Никитина Т. Б. (ред.). *Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье.* АЭМК 27. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 105—115.
- Руденко К. А. 2004б. *Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X — XIV вв. по археологическим данным.* Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Ижевск.
- Руденко К. А. 2005. Булгарские изделия из кости и рога. В: Руденко К. А. (науч. ред.). *Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды).* Казань: Школа, 67—97.
- Руденко К. А. 2007. Славяноидная керамика селищ низовий Камы XIV—XV вв. В: Никитин В. В. (отв. ред.). *Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения).* Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино, 5—10 августа 2006 года). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 349—355.
- Руденко К. А. 2007а. *Волжские болгары в зеркале истории (X—XIX в.).* Курс лекций. Часть I. Казань: Школа.
- Руденко К. А. 2009. Балымерский курганный могильник эпохи Золотой Орды: вопросы датировки. В: Миргалеев И. А. (отв. ред.). *Золотоордынское наследие.* Материалы Международной науч. конф. Вып. 1. Казань: Фэн, 282—294.
- Руденко К. А. 2010. *Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII—XVII вв. н. э. (справочник-определитель археологического материала): руководство для практической работы.* Уфа: ВЭГУ.
- Руденко К. А. 2010а. *Тетюшское II городище в Татарстане.* Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2011. Булгарский улус Золотой Орды: к постановке проблемы. В: Васильев Д. В. (отв. ред.). *Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды.* Сборник научных статей, посвященный памяти В. П. Костюкова. Астрахань: Астраханский университет, 155—163.
- Руденко К. А. 2011а. Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры). *Татарская археология* 20—21 (1—2), 32—151.
- Руденко К. А. 2013. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии). *Поволжская археология* (2), 189—211.
- Руденко К. А. 2013а. Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации. В: Дашковский П. К. (ред.). *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе VI.* Барнаул: АлтГУ, 72—101.
- Руденко К. А. 2014. *История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.).* Казань: Школа.
- Руденко К. А. 2014а. Украшения из лазурита XI—XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири. В: Соенов В. И. (отв. ред.). *Древности Сибири и Центральной Азии* 19 (7). Горно-Алтайск: ГАГУ, 224—244.
- Руденко К. А. 2015. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды). В: Бочаров С. Г., Ситдигов А. Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 255—364.
- Руденко К. А. 2015а. *Булгарское серебро.* Древности Биляра II. Казань: Заман.
- Руденко К. А. 2015б. Трансформация китайских и чжурчженских изобразительных сюжетов на металлических зеркалах Поволжья эпохи Золотой Орды. В: Артемьева Н. Г. (отв. ред.). *Средневековье древности Приморья.* Владивосток: Дальнаука, 135—152.
- Руденко К. А. 2015в. *Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992—1996 гг.* Казань: Казанская недвижимость.
- Руденко К. А. 2016. Булгарский улус Золотой Орды: историческая география. В: Бочаров С. Г., Ситдигов А. Г. (ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды.* Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus, 131—134.
- Руденко К. А. 2016а. Булгарский улус Золотой Орды во второй половине XIII — начале XV века: историко-археологический очерк. *Stratum plus* (6), 107—149.
- Руденко К. А. 2017. О датировке одного типа зеркал из Булгарского улуса Золотой Орды (к вопросу о культурных связях на евразийском пространстве в средневековье). В: Крадин Н. Н., Ситдигов А. Г. (отв. ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй.* III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 230—233.
- Руденко К. А. 2017а. Происхождение некоторых булгарских металлических зеркал (к характеристике культурных связей Поволжья со Средней Азией,

- Сибирью и Дальним Востоком в эпоху средневековья). В: Соенов В.И. (отв. ред.). *Древности Сибири и Центральной Азии* 20 (8), 160—181.
- Руденко К. А. 2017б. Идол из села Змеево: датировка, интерпретация и аналогии. В: Белавин А.М. (ред.). *Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная*. Труды КАЭЭ XII. Пермь: ПГГПУ, 161—173.
- Руденко К. А., Бугарчев А.И. 2015. Археологические и нумизматические находки из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ). *Поволжская археология* (3), 156—175.
- Ситдинов А.Г. 2006. *Казанский кремль: историко-археологическое исследование*. Казань: ИИ АН РТ.
- Смирнов А.П. 1951. *Волжские болгары*. Москва: ГИМ.
- Смирнов А.П. 1972. Об этническом составе Волжской Болгарии. В: Янин В.Л. (ред.). *Новое в археологии*. Москва: МГУ, 302—307.
- Смирнов А.П. 1958. Армянская колония города Болгара. *МИА* 61, 330—359.
- Сокровища... 2000: Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф., Елихина Ю.И. (авт.-сост.). *Сокровища Золотой Орды*. 2000. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Славия.
- Сташенков Д.А. 1999. Белоозерское погребение. В: Матвеева Г.И. (ред.). *Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции*. Самара: Самарский государственный университет, 174—186.
- Сташенков Д.А. 2014. Раскопки Барбашинского могильника. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году*. Материалы научных экспедиций. Самара: СНИЦ РАН, 5—50.
- Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. (сост.). 2012. *Археологические памятники Самары*. Самара: СОИИМ.
- Сташенков Д.А., Турецкий М.А. 1999. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.). В: Выборнов А.А. (отв. ред.). *Вопросы археологии Поволжья 1*. Самара: СамГПУ, 289—301.
- Табалдиев К., Жолдошов Ч. 2007. Позднесредневековые курганы Тянь-Шаня в свете новых исследований. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Средневековая археология евразийских степей I*. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань: ИИ АН РТ, 213—223.
- Тишкин А.А. 2009. *Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников)*. Барнаул: Азбука.
- Фахрутдинов Р.Г. 1975. *Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория*. Казань: Таткнигоиздат.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. 1974. Исследования трёх усадеб в восточном пригороде Нового Сарая/Царёвского городища. В: Смирнов А.П., Фёдоров-Давыдов Г.А. (отв. ред.). *Города Поволжья в Средние века*. Москва: Наука, 68—171.
- Халиков А.Х. 1965. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии. В: Рыбаков Б.А., Серебрянников Б.А., Смирнов А.П. (ред.). *Этногенез мордовского народа*. Саранск: Мордовское книжное издательство, 152—167.
- Халиков А.Х. 1986. Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Прикамья. В: Кузеев Р.Г. (отв. ред.). *Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья*. Уфа: БФАН СССР, 19—25.
- Халиков А.Х. 1989. *Татарский народ и его предки*. Казань: Татарское книжное издательство.
- Халиков А.Х. 1994. *Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария*. Казань: Фэн.
- Халикова Е.А. 1976. Билярские некрополи. В: Седов В.В. (отв. ред.). *Исследования Великого города*. Москва: Наука, 113—168.
- Халикова Е.А. 1976а. Сельские кладбища Волжской Болгарии XII — начала XIII вв. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Из истории культуры и быта татарского народа и его предков*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 39—59.
- Халикова Е.А. 1978. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах. В: Козенкова В.И., Краснов Ю.А., Розенфельд И.Г. (отв. ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука.
- Халикова Е.А. 1986. *Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в.* Казань: Казанский университет.
- Харузин Н.Н. 2011. *История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России*. 2-е изд. Москва: Либроком.
- Хлебникова Т.А. 1984. *Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения*. Москва: Наука.
- Хохлов А.А. 1999. Антропологический анализ погребенного у с. Белоозерка. В: Матвеева Г.И. (ред.). *Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции*. Самара: Самарский государственный университет, 187—188.
- Хохлов А.А. 2012. Антропологическая характеристика погребенных в Барбашинском могильнике (раскопки 2011—2012 гг.). В: Сташенков Д.А. *Новые археологические исследования на территории города Самары*. Самара: Ас Гард, 106—114.
- Худяков Ю.С. 1980. *Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Чернышев Е.И. 1971. Селения Казанского ханства. В: Халиков А.Х. (отв. ред.). *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: Археология и этнография I*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 272—292.
- Шутова Н.И. 1992. *Удмурты XVI — первой половины XIX в.: по данным могильников*. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН.
- Эрдели И.Ф. 1972. Об археологической культуре древних венгров конца IX — первой половины X в. н. э. В: Смирнов А.П., Чернецов В.Н., Эрдели И.Ф. (ред.). *Проблемы археологии и древней истории угров*. Москва: Наука, 128—144.
- Эрдман Ф.И. 1832. О восточных зеркалах. *Заволжский муравей* 5. Казань, 272—277.
- Ютина Т.К. 2007. Исследования Дербёшкинского могильника в Актанышском районе Республики Татарстан. *Finno-Ugrica* 10 (1), 73—98.
- Яблонский Л.Т. 2013. Население средневекового Болгара. В: Ситдинов А.Г. (науч. ред.). *Великий Болгар*. Москва; Казань: Феория, 294—303.
- Chalikowa E.A., Chalikow A.H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti füzetek II, 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

References

- Akimova, M.S. 1964. In Gening, V.F., Khalikov, A. Kh. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ., 177—196 (in Russian).
- Alekseeva, T.I., Kozlovskaya, M.V. 2002. In Priakhin, A.D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovskiy Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 111—123 (in Russian).
- Alpatkina, T.G. 2009. In Smirnov, I.S. (ed.). *Kul'tura, istoriia i arkhologiiia Evrazii (Culture, History, and Archaeology of Eurasia)*. Series: Orientalia et Classica. Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies XXII. Moscow: Russian State University for the Humanities, 185—196 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1981. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Kama Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Starostin, P.N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Sites of the Central Part of the Trans-Kama Area)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Kazakov, E.P. (ed.). 1989. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Babenko, V.A. 2012. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'e i v Novoe vremia (Ethnic-Cultural Processes in the Upper Volga Basin and Adjacent Territories in Antiquity, Middle Ages and Modern Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 193—230 (in Russian).
- Baranov, V.S. 2015. In Nagradov, I.S., Shcherbakov, V.L. (comp.). *Etnokul'turnye vzaimodeistviia na territorii Verkhnego Povolzh'ia i sopredel'nykh territoriiakh v drevnosti, Srednevekov'e i v Novoe vremia (Ethnic-Cultural Processes in the Upper Volga Basin and Adjacent Territories in Antiquity, Middle Ages and Modern Time)*. Kostroma: "Kostromaizdat" Publ., 14—25 (in Russian).
- Baranov, V.S., Kaveev, M.M. 2001. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176—199 (in Russian).
- Bugarchev, A.I., Rudenko, K.A. 2013. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 64—78 (in Russian).
- Bugrov, D.G., Kaplenko, N.M., Sitdikov, A.G. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 19—25 (in Russian).
- Buzhilova, A.P. 2013. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 210—211 (in Russian).
- Buzhilova, A.P., Mednikova, M.B., Kozlovskii, M.V. 2002. In Priakhin, A.D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovskiy Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 168—175 (in Russian).
- Vasil'ev, S.V., Borutskaya, S.B., Gazimzianov, I.R. 2004. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 38—40 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1979. In Basin, S.G. (ed.). *Drevniia istoriia Povolzh'ia (Antique History of the Volga Area)*. Series: Proceedings of the Kuybyshev State Pedagogical Institute 230. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 202—240 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1985. In Matveeva, G.I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Area)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 176—178 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 2013. In Bogachev, A.V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkhologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archeological sites of Samara region))*. Samara: "SAO" Publ., 187—235 (in Russian).
- Veimarn, B.V. 1940. *Iskusstvo Srednei Azii (Art of Central Asia)*. Moscow; Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Vinnikov, A.Z., Tsybin, M.V. 2002. In Priakhin, A.D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovskiy Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 14—105 (in Russian).
- Vysotskii, N.F. 1885. In Zagoskin, N.P. (ed.). *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* VI (1). Kazan: Typo-lithography of the Kazan University, 18—19 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 1999. In Starostin, P.N. (ed.). *Bolgar i problemy izuchenii drevnostei Uralo-Povolzh'ia (Bolgar and Problems of Research of Antiquities of the Ural-Volga Region)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 47—48 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2001. In Kazakov, E.P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 132—137 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2003. In Grishakov, V.V. (ed.). *Povolzhskie finny i ikh sosedi v epokhu srednevekov'ia (problemy khronologii i etnicheskoi istorii) (The Volga River Finns and Their Neighbors in the Middle Age (issues of chronology and ethnic history))*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 45—47 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2004. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 46—49 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R. 2015. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 112—124 (in Russian).
- Gazimzianov, I.R., Khokhlov, A.A. 1999. In Vybormov, A.A. (ed.). *Voprosy arkhologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 302—304 (in Russian).
- Garipova, F.G. 1991. *Issledovaniia po gidronimii Tatarstana (Studies on the Tatarstan Hydronymy)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Garustovich, G.N. 1988. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of Ancient Ugrians in Southern Ural)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Ural Branch, Bashkir Scientific Center, 130—139 (in Russian).
- Garustovich, G.N. 2012. *Sled «Velikoi ziamiatni». Mestonakhzhdenie XIV veka u derevni Brig-Alga (The Trace of the "Great Troubles": the 14th Century Site near the Brig-Alga Village)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Garustovich, G.N., Ivanov, V.A. 1992. In Kananian, V.A. (ed.). *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priural'ia (Issues of Ethnic Genesis of the Cis-Urals Finno-Ugric Peoples)*. Izhevsk: Udmurt State University, 17—31 (in Russian).
- Garustovich, G.N., Rakushin, A.I., Iaminov, A.F. 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ia (kontsa IX — nachala XV veka) (Medieval Nomads in the Volga Basin: Late 9th — Early 15th Centuries)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Gening, V.F., Stoianov, V.E., Khlbnikova, T.A., Vainer, I.S., Kazakov, E.P., Valeev, R.K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near the*

- Rozhdestveno Village). Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Gening, V.F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskiy mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Davydenko, V.V., Grib, V.K. 2009. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 7. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 187—206 (in Russian).
- Dmitriev, V.D. 1986. In Kuzeev, R.G. (ed.). *Problemy srednevekovoi arkhologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Medieval Archaeology of Ural Region and Volga Basin)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 26—35 (in Russian).
- Druzhinina, I.P., Chkhaidze, V.N., Narozhnyi, E.I. 2011. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e (Medieval Nomads on the Eastern Azov Sea Shore)*. Armavir; Moscow: Armavir State Pedagogical Academy, Center for Archaeological Research (in Russian).
- Egorov, V.L. 2010. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Krasand" Publ. (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2004. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2), 86—110 (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2006. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1993—1994 gg.) (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1993—1994)) II*. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Efimova, A.M. 1960. In Smimov, A.P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) III*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 169—194 (in Russian).
- Efimova, A.M. 1969. In Evtiukhova, L.A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A.P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Series: Materialy i Studies in the Archaeology of the USSR 169. Moscow: "Nauka" Publ., 64—74 (in Russian).
- Efimova, A.M. 1974. In Smimov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24—29 (in Russian).
- Efimova, S.G. 1976. In Sedov, V.V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 169—185 (in Russian).
- Efimova, S.G. 1991. *Paleoantropologiya Povolzh'ia i Priural'ia (Palaeoanthropology of the Volga Basin and Cis-Urals)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Zelenev, Yu.A. 2013. *Ocherki etnokul'turnoi istorii Povolzh'ia XIII—XV vv. (Essays on the Ethnic-Cultural History of the Volga Basin in 13th—15th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
- Ivanov, V.A. 1984. In Ivanov, V.A. (ed.). *Pamiatniki kochevnikov Iuzhnogo Urala (Sites of Southern Ural Nomads)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, 75—97 (in Russian).
- Ivanov, V.A., Kriger, V.A. 1988. *Kurgany kipchakskogo vremeni na Iuzhnom Urale (XIII—XIV vv.) (Barrows of the Kypchak Times in the Southern Ural, 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ivanov, P.P. 1952. *Materialy po istorii mordvy VIII—XI vv.: Kriukovo-Kuzhnovskii mogil'nik (Materials on the History of Mordva People in 8th—11th Centuries: Kryukovo-Kuzhnovsky Burial Ground)*. Morshansk: Morshansk Museum of Local Lore (in Russian).
- Iliushin, A.M. 2012. *Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ia Ura (Late Nomads Barrows near the Mouth of the Ur River)*. Series: Proceedings of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographical Expedition 4. Kemerovo: Kuzbass State Technical University (in Russian).
- Il'iukov, L.S., Kazakova, L.M. 1988. *Kurgany Miussskogo polostrova (Barrows of the Mius Peninsula)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu rusko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 76—88 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1987. In Ivanova, M.G. (ed.). *Pogrebal'nye pamiatniki Prikam'ia (Funerary Sites of the Kama Area)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of the Udmurtian ASSR, 25—38 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i mongol'skoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 71—82 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (10th — 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bolgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 117—129 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1997. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* (1), 61—77 (in Russian).
- Kazakov, E.P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugray i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th — 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Kazakov, E.P., Rudenko, K.A. 2004. In Gushchina, L.K., Alekseeva, L.G. (ed.). *Materialy kraevedcheskikh chtenii, posviashchennykh 135-letiiu Obshchestva estestvoispytatelei pri KGU, 110-letiiu so dnia rozhdeniia M.G. Khudiakova, 2—25 marta 2004 g. (Proceedings of Regional History Readings on the Occasion of 135th Anniversary of the Natural Society of the Kazan State University and 110th Anniversary since M.G. Khudyakov's Birth, 2—25 March 2004)*. Kazan: "Shkola" Publ., 104—115 (in Russian).
- Kalinin, N.F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkhologicheskikh rabot za 1945—1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945—1952)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Kruglov, E.V., Klepikov, V.M. 1993. In Mamontov, V.I. (ed., comp.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes) 3*. Volgograd: "Peremena" Publ., 138—151 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 1994. In Arkhipov, G.A., Nikitina, T.B. (ed.). *Problemy srednevekovoi arkhologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of Finno-Ugrians)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 185—213 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 2000. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 6—7 (1—2), 177—191 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bolgarii vtoroi poloviny XI — nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th — Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Kokorina, N.A., Ostanina, T.I. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnie Chally = Borngı Çallı (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 76—174 (in Russian).
- Kokorina, N.A., Khlebnikova, T.A. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bolgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR

- Academy of Sciences, 106—116 (in Russian).
- Kochkina, A.F. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus' (k 1000-letiiu rusско-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 117—122 (in Russian).
- Kochkina, A.F., Stashenkov, D.A. 1999. In Stashenkov, D.A. (comp.). *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury v Samarskoi oblasti (Conservation and Studying of Historical and Cultural Monuments in the Samara Oblast)* 1. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P.V. Alabin, 179—200 (in Russian).
- Kochkina, A.F., Stashenkov, D.A. 2005. In Kabytova, P.S. (ed.-in-chief). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XII. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P.V. Alabin, 107—116 (in Russian).
- Kravets, V.V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Middle Don Nomads in the Golden Horde Age)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
- Liakhov, S.V. 1992. In Malov, N.M. (ed.). *Arkhologiiia Vostochnoevropeiskikh stepei (Archaeology of the East European Steppe)* 5. Saratov: Saratov State University, 158—184 (in Russian).
- Liakhov, S.V., Iakubovskii, G.L. 1993. In Iudin, A.I. (ed.). *Arkhologicheskie vesti (Archaeological News)* 1. Saratov: Saratov State University, 175—185 (in Russian).
- Makarov, L.D. 2011. In Mosaleva, G.V. (ed.). *Ontologiya i poetika Traditsii: iazyk i tekst (Ontology and Poetics of Tradition: Language and Text)*. Izhevsk: Udmurt University, 38—49 (in Russian).
- Makarova, E.M., Sitdikov, A.G., Bocharov, S.G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 244—259 (in Russian).
- Malinovskaia, N.V. 1974. In Smimov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132—175 (in Russian).
- Mamontov, V.I., Sitnikov, A.V. 1993. In Mamontov, V.I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 3. Volgograd: Peremena, 183—208 (in Russian).
- Mamontov, V.I., Sitnikov, A.V. 1998. In Mamontov, V.I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 6. Volgograd: Volgograd State University, 113—123 (in Russian).
- Markov, G.E. 2010. *Kochevniki Azii. Struktura khoziaistva i obshchestvennoi organizatsii (Asian Nomads. Structure of Their Economy and Social Organisation)*. Moscow: "Krasand" Publ. (in Russian).
- Maslovskii, A.N. 2009. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Museum-Reserve, 321—339 (in Russian).
- Maslovskiy, A.N. 2012. In Tishkin, A.A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 171—174 (in Russian).
- Morzherin, K. Yu. 2009. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Museum-Reserve, 358—361 (in Russian).
- Motsya, A.P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Bulgar-Kiev. Puti, svyazi, sud'by (Bulgar-Kiev. Ways, Connections, Destinies)*. Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Mukhametshin, D.G., Khakimzianov, F.S. 1987. *Epigraficheskie pamiatniki goroda Bulgara (Epigraphic Monuments of the Bolgar Town)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Myskov, E.P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of Volga and Don Steppes in the Time of Golden Horde)*. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).
- Nabiullin, N.G. 2011. *Dzhuketau — gorod bulgar na Kame (Juke-tau, a Town of the Bulgarians on the Kama River)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Nedashkovskii, L.F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nesterov, S.P. 1990. *Kon' v kul'tur tiurkioazychnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ia (Horse in Cults of Turkic-speaking Peoples of Inner Asia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nechvaloda, A.I. 2004. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 134—138 (in Russian).
- Nigamaev, A.Z. 2005. *Bolgarskie goroda Predkam'ia: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury i naseleniia (Bulgarian Towns of the Cis-Kama: Alabuga, Kirmen, Chally. Originality of Material Culture and Population)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Nikitina, T.B. 1992. *Mariitsy (konets XVI — nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov (Mari People in Late 16th — Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
- Nikolaev, V.S. 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov iuga Srednei Sibiri v XII—XIV vv. (Funerary Complexes of Nomads in Southern Part of Middle Siberia, 12th—14th Centuries)*. Vladivostok; Irkutsk: Institute of Geography named after V.B. Sochava, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Ostanina, T.I. 1987. In Ivanova, M.G. (ed.). *Pogrebal'nye pamiatniki Prikam'ia (Funerary Sites of the Kama Area)*. Izhevsk: Udmurt Research Institute, 33—38 (in Russian).
- Panova, T.D. 2004. *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyi obriad srednevekovoi Rusi XI—XVI vekov (The Kingdom of Death. Funerary Rite of Medieval Rus' in 11th — 16th Centuries)*. Moscow: "Radunitsa" Publ. (in Russian).
- Peterburgskii, I.M. 2011. *Material'naia i dukhovnaia kul'tura mordvy v VII—X vv. (Material and Spiritual Culture of the Mordva People in 7th—10th Centuries)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).
- Ermolaev, I.P., Usmanova, M.A. (eds.). 1978. *Pistsovaia kniga Kazanskogo uezda 1602—1603 godov. Publikatsiia teksta (Census Book of the Kazan District, 1602—1603: Publication of the Text)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of the Chorni Klobuky)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1—19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Poluboiarinova, M.D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bulgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Poluboiarinova, M.D. 2003. In Makarov, N.A., Chernetsov, A.V. (eds.). *Rus' v XIII veke: drevnosti Temnogo vremeni (Russia in the 13th Century: Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103—107 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 2000. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 232—239 (in Russian).
- Poliakova, O.A. 2012. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 10. *Polovetskoe vremia (Cuman Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 281—298 (in Russian).
- Potemkina, T.M. 2011. In Vasil'ev, D.V., Zelenev, Yu.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 112—115 (in Russian).
- Rakushin, A.I. 2016. *Mongoly na Volge (obretenie novoi rodiny: ot zavoevaniia k assimiliatsii) (Mongols in the Volga Basin. Homeland Found: from the Conquest to the Assimilation)*. Saratov: "Tekhno-Dekor" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1994. In Arkhipov, G.A., Nikitina, T.B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of Finno-Ugrians)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari

- Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 121—139 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1998. In Zelenev, Yu.A., Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkhologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 1. Yoshkar-Ola: MarState University, 60—71 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1999. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 4—5 (1—2), 61—76 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1999. In Ivanova, M.G. (ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkhologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 73—102 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1999. In Ivanova, M.G. (ed.). *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkhologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 111—134 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2000. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 6—7 (1—2), 42—102 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2001. *Material'naiia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI—XIV vv. (Material Culture of Bulgar Unfortified Settlements in the Lower Kama Region in 11th — 14th Centuries)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2002. In Poluboiarinova, M.D. (ed.). *Povolzh'e i sopedel'nye territorii v srednie veka (The Volga River Region and Cross-border Regions in the Middle Ages)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 135. Moscow: State Historical Museum, 154—165 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2002. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2001 g. (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2001)*. Kazan: "Shkola" Publ., 105—109 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5, 308—320 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2004. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2), 111—156 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2004. In Nikitina, T.B. (ed.). *Vzaimodeistvie kul'tur v Srednem Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e (Cultural Interactions in the Middle Volga Area in Antiquity and Middle Ages)*. Series: Archaeology and Ethnography of Mari Land 27. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 105—115 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2004. *Protssy etnokul'turnogo vzaimodeistviia v Volgo-Kam'e v kontse X—XIV vv. po arkhologicheskim dannym (Processes of Ethnic and Cultural Interaction in the Volga-Kama Basin in the Late 10th — 14th Centuries by Archaeological Data)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2005. In Rudenko, K.A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 67—97 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2007. In Nikitin, V.V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv. IV Khalikovskie chteniia (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities: 4th Khalikov Readings)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 349—355 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2007. *Volzhskie bulgary v zerkale istorii (X—XIX vv.) (Volga Bulgars in the Mirror of History: 10th—19th Centuries)* I. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2009. In Mirgaleev, I.A. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 1. Kazan: "Fän" Publ., 282—294 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2010. *Srednevekovoe oruzhie Volgo-Kam'ia: zheleznye nakonechniki strel VIII—XVII vv.n.e. (spravochnik-opredelitel' arkhologicheskogo materiala). Rukovodstvo dlia prakticheskoi raboty (Medieval Weapons in the Volga-Kama Region: Iron Arrowheads of the 8th — 17th Centuries AD (Reference Book for Archaeological Materials). Guidelines for Practical Activities)*. Ufa: "Akademiia VEGU" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2010. *Tetiushskoe II gorodishche v Tatarstane (Tetyushi II Fortified Site in Tatarstan)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2011. In Vasil'ev, D.V. (ed.). *Voprosy istorii i arkhologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoi Ordy (Issues of History and Archaeology of Medieval Nomads and Golden Horde)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 155—163 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2011. In *Tatarskaia arkhologiya (Tatar Archaeology)* 20—21 (1—2), 32—151 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2013. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 189—211 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2013. In Dashkovskii, P.K. (ed.). *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive (The Worldview of Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospective)* VI. Barnaul: Altai State University, 72—101 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2014. *Istoriia arkhologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X — nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2014. In Soenov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 19 (7). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 224—244 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 255—364 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2015. In Artem'eva, N.G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 135—152 (in Russian)*.
- Rudenko, K.A. 2015. *Issledovaniia VI Alekseevskogo i Murzikhinskogo selishch v Tatarstane v 1992—1996 g. (Studies of VI Alekseevskoye and Murzikhina Unfortified Sites in Tatarstan in 1992—1996)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 131—134 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 107—149 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2017. In Kradin, N.N., Sitdikov, A.G. (eds.). *Mezhdu Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 230—233 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2017. In Soenov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Inner Asia)* 20 (8), 160—181 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2017. In Belavin, A.M. (ed.). *Srednevekovaiia arkhologiya Vostochnoi Evropy: ot Kamy do Dunaia (Medieval Archaeology of Eastern Europe: from Kama River to Danube)*. Series: Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University XII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 161—173 (in Russian).
- Rudenko, K.A., Bugarchev, A.I. 2015. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 156—175 (in Russian).
- Sitdikov, A.G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: Institute of History named after Sh.

- Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Smimov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Smimov, A. P. 1972. In Yanin, V. L. (ed.). *Novoe v arkhologii. Sbornik statei, posviashchennyi 70-letiiu A. V. Artsikhovskogo (New Archaeological Discoveries. Collected Papers to the 70th Birth Anniversary of A. V. Artsikhovskii)*. Moscow: Moscow State University, 302—307 (in Russian).
- Smimov, A. P. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 61, 330—359 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G., Poliakova, G. F., Elikhina, Yu. I. (auth., comp.). 2000. *Sokrovishcha Zolotoi Ordy = Altun Urda Xäzinäläre = The Treasures of the Golden Horde*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian, Tatar, and English).
- Stashenkov, D. A. 1999. In Matveeva, G. I. (ed.). *Voprosy arkhologii Urala i Povolzh'ia. K 30-letiiu Srednevolzhskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Issues of Archaeology of the Ural and Volga Regions: 30 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Samara: Samara State University, 174—186 (in Russian).
- Stashenkov, D. A. 2014. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Itogi arkhologicheskikh issledovaniy v Samarskoi oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh ekspeditsii (Results of Archaeological Research in the Samara Region in 2013. Materials of Scientific Expeditions)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 5—50 (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. (comp.). 2012. *Arkheologicheskie pamiatniki Samary (Archaeological Sites of Samara)*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Turetskii, M. A. 1999. In Vybomov, A. A. (ed.). *Voprosy arkhologii Povolzh'ia 1*. Samara: Samara State Pedagogical University, 289—301 (in Russian).
- Tabaldiev, K., Zholdoshev, Ch. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia arkhologiya evraziiskikh stepei: Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress)* I. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 213—223 (in Russian).
- Tishkin, A. A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkhologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Time: on the Materials of Archaeological Sites)*. Barnaul: "Azbukha" Publ. (in Russian).
- Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A., Väiner, I. S., Guseva, T. V. 1974. In Smimov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 68—171 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1965. In Rybakov, B. A., Serebriannikov, B. A., Smimov, A. P. (ed.). *Etnogenez mordovskogo naroda (Ethnic Genesis of the Mordovian People)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 152—167 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1986. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Problemy srednevekovoi arkhologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Medieval Archaeology of Ural Region and Volga Basin)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 19—25 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki (Tatar People and Its Ancestors)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1994. *Mongoly, tatars, Zolotaia Orda i Bulgarii (The Mongols, Tatars, Golden Horde and Bulgaria)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
- Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113—168 (in Russian).
- Khalikova, E. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39—59 (in Russian).
- Khalikova, E. A. 1978. In Kozenkova, V. I., Krasnov, Yu. A., Rozenfel'd, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkhologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropolii Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Kharuzin, N. N. 2011. *Istoriia razvitiia zhilishcha u kochevykh i polukochevykh tiurkskikh i mongol'skikh narodnostei Rossii (Evolution of Housing with Nomadic and Semi-Nomadic Turkic and Mongol Peoples of Russia)*. Moscow: "Librokom" Publ. (in Russian).
- Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khokhlov, A. A. 1999. In Matveeva, G. I. (ed.). *Voprosy arkhologii Urala i Povolzh'ia. K 30-letiiu Srednevolzhskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Issues of Archaeology of the Ural and Volga Regions: 30 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Samara: Samara State University, 187—188 (in Russian).
- Khokhlov, A. A. 2012. In Stashenkov, D. A. *Novye arkhologicheskie issledovaniia na territorii goroda Samary (New Archaeological Investigations on the Territory of Samara City)*. Samara: "As Gard" Publ., 106—114 (in Russian).
- Khudiakov, Yu. S. 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI—XII vv. (Armament of Yenisei Kyrgyzs in 6th—12th Centuries)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Chernyshev, E. I. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia: Arkheologiya i etnografiia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region: Archaeology and Ethnography)* I. Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 272—292 (in Russian).
- Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI — pervoi poloviny XIX v.: po danym mogil'nikov (Udmurt People in 16th — First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurt Research History, Language, and Literature Institute (in Russian).
- Erdélyi, I. F. 1972. In Smimov, A. P., Chernetsov, V. N., Erdélyi, I. F. (eds.). *Problemy arkhologii i drevnei istorii ugrov (Issues of the Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 128—144 (in Russian).
- Erdman, F. I. 1832. In *Zavolzhskii muravei (Trans-Volga Ant)* 5. Kazan, 272—277 (in Russian).
- Iutina, T. K. 2007. In *Finno-Ugrica* 10 (1), 73—98 (in Russian).
- Yablonsky, L. T. 2013. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoria" Publ., 294—303 (in Russian).
- Chalikowa, E. A., Chalikow, A. H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti füzetek II, 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

С. И. Валиулина

Svetlana Valiulina. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University¹.

Валиулина Светлана Игоревна. Кандидат исторических наук. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: svaliulina@inbox.ru

Address: ¹ Kremlevskaya St., 18, Kazan, 420008, Russian Federation

Золотоордынский Биляр

Keywords: Golden Horde, Bilyar town, Golden Horde Bilyar, 1240s — middle of the 14th century, material culture, ceramics

Ключевые слова: Золотая Орда, Билярское городище, золотоордынский Биляр, 40-е гг. XIII — середина XIV вв., материальная культура, керамика

S. I. Valiulina

The Golden Horde Bilyar

The article presents the results of the first studies on one of the early Mongol towns in Eastern Europe — the Golden Horde Bilyar. Rescue excavations on the site were carried out by the expedition of Kazan State University in 1994—1998. The researchers established that the town originated from scratch, almost out of touch with the pre-Mongol cultural tradition. The rich material culture of the site illustrates the initial stage in cultural development of the Golden Horde in the Middle Volga region, and its main ethno-cultural components based on pottery and stucco ceramics. Highly artistic works illustrate the conquerors' progress into the Middle Volga area. Products by masters from Central Asia and the Middle East, together with numismatics data, specify the period of existence of this town: 1240s — first half of the 14th century.

С. И. Валиулина

Золотоордынский Биляр

В статье представлены результаты первых исследований одного из ранних монгольских городов в Восточной Европе — золотоордынского Биляра. Спасательные раскопки памятника были осуществлены экспедицией Казанского государственного университета в 1994—1998 гг. В результате исследований установлено, что город возник на пустом месте, практически вне связи с домонгольской культурной традицией. Богатая материальная культура памятника иллюстрирует начальный этап сложения культуры Золотой Орды в Среднем Поволжье и основные ее этнокультурные составляющие по материалам гончарной и лепной керамики. Высокохудожественные произведения представляют маршрут завоевателей в их движении до Средней Волги. Изделия мастеров Средней Азии и Ближнего Востока вместе с данными нумизматики конкретизируют время существования города: 40-е гг. XIII в. — первая половина XIV в.

В течение 30 лет Билярская экспедиция Казанского университета осуществляет микрорегиональное исследование в центральной части Западного Закамья, изучая памятники Билярской агломерации в широком хронологическом диапазоне — от домонгольского времени до периода Казанского ханства: Билярское городище (Valiulina

2014; 2016a), Горкинское VIII селище (Валиулина, Галкина, Нуретдинова 2011), золотоордынский Биляр — Билярское III селище и Торецкое городское поселение (по двум последним памятникам существует довольно значительная библиография). Общая исследованная площадь составляет более 7000 м².

■ The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 16-06-00453 "Craft Biliarska monocentric agglomeration according to the natural scientific methods" ■ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-06-00453 «Ремесло Билярской моноцентрической агломерации по данным естественнонаучных методов».

© С. И. Валиулина, 2019.

Комплексное исследование памятников узкого микрорегиона северо-западнее Билярского городища, последовательно сменяющих друг друга на протяжении нескольких столетий, дает уникальную возможность представить реконструкцию исторического ландшафта от домонгольского времени до конца XV в., обнаружить трансформации в типе расселения, своеобразии формирования и динамику развития городской культуры в каждый исторический период. Все эти факторы развития Билярского микрорегиона в большей степени обусловлены широким спектром процессов межкультурного взаимодействия на протяжении XIII—XV столетий (Валиулина 2009).

Ареалообразующий центр региона — Билярское городище, обеспечивший высокую концентрацию поселений и высокую плотность населения в своей округе в домонгольское время, не пережил монгольского разорения. Итоги полевых исследований на всех 44 раскопах городища на площади около 20 000 м² — материалы и данные стратиграфии — однозначно определяют время гибели города в 1236 г. и показывают полное отсутствие свидетельств его возрождения в золотоордынское время (Халиков 1976: 45; 1994; Халиков, Валиулина 1984: 176; Хузин 1988; 1991; 1995; Валиулина 2000: 273).

Значительная часть болгарских городов во второй половине XIII в. не была восстановлена и разделила судьбу Биляра. По данным Р. Г. Фахрутдинова, из 93 домонгольских городских центров в золотоордынский период продолжили жить только 17 (Фахрутдинов 1990); из этого числа должны быть исключены Билярское городище и Сувар, таким образом, возродившиеся города составляют всего 16,1%. Новых городов, возникших на болгарских землях в период Золотой Орды, отмечено всего 14. Этот состав дополняет золотоордынский Биляр — Билярское III селище (Валиулина 1997; 2000).

Билярское III селище было открыто Р. Г. Фахрутдиновым разведками в 1964 году (Фахрутдинов 1975: 101, № 273, 274), в «Археологическую карту Татарстана» оно вошло объединенно с Билярским II селищем, под одним номером, с обозначением общей территории (Археологические памятники... 1990: № 433). А. Х. Халиков отождествлял золотоордынский Биляр со II—III Билярскими селищами, руководствуясь, прежде всего, обширной общей площадью (по его мнению около 2,5 млн. м²) и определял время его существования до середины XIV в. (Халиков 1994: 84—85). В полной

мере такой статус памятника и его хронология были доказаны в результате проведения широкомасштабных полевых исследований (Валиулина 2000). Памятник расположен в Алексеевском районе Татарстана — за северо-западной окраиной современного села Билярск и в 1,5 км севернее укреплений Билярского городища, между правым берегом речки Билярка и левым берегом реки Малый Черемшан. Площадь памятника распаивается (рис. 1).

В 1971 году на северо-восточной окраине селища жителем с. Билярск был найден клад из 38 серебряных монет первой половины XIV в. (Федоров-Давыдов 2003: 156), позднее были обнаружены еще 3 монеты XIV в. (Халиков 1976: 33). Определение монет клада выполнено Д. Г. Мухаметшиным (Валиулина 2001: прилож. 1).

В 1981—1982 годах Н. А. Кокорина рекогносцировочными раскопами площадью 32 м² исследовала северо-восточную окраину селища по левому берегу р. Малый Черемшан (Кокорина 1982; 1983; 1984: 152).

В 1994 году при строительстве дороги из села Билярск в урочище «Святой ключ» оказалась уничтоженной значительная часть территории памятника — на площади 107 600 м² культурный слой был срезан бульдозерами до материка (рис. 2).

Строительные работы удалось остановить, как показали последующие раскопки, на самой северо-западной границе золотоордынского города. Охранно-спасательные исследования в течение 1994—1999 гг. осуществлялись экспедицией Казанского университета, общая исследованная площадь составила 978 м², в том числе 148 м² в 1995—1996 гг. — совместно с отрядом Самарского музея им. П. А. Алабина (руководители А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков).

В первый год полевых работ четырьмя раскопами общей площадью 396 м² были обнаружены многочисленные и яркие материалы, получены сведения о топографии памятника, его сопряженности с рельефом, установлены западная и северо-западная границы, определена мощность культурного слоя, особенности стратиграфии и осознаны колоссальные масштабы утрат (Валиулина 2000).

Кроме раскопок, были проведены разведочные работы — шурфовка по маршруту продолжения строительства дороги в западном направлении до опушки леса, площадь шурфов составила 168 м². На всем маршруте было найдено всего несколько мелких фрагментов гончарной и лепной средневековой керамики. На самой опушке леса, у южно-

Рис. 1. Схема расположения памятников северо-западной округи Билярского городища. 1 — Билярское городище; 2 — Биляр золотоордынский (Билярское III селище); 3 — Билярское II селище; 4 — Торецкое поселение (по Валиулина 2008: рис. 2, с дополнениями).

Fig. 1. Scheme of location of monuments of the north-western district of Bilyar city. 1 — Bilyar; 2 — Golden Horde Bilyar (Bilyar III settlement); 3 — Bilyar II settlement; 4 — Toretz settlement (after Валиулина 2008: рис. 2, with additions).

го откоса дороги по концентрации керамического материала выявлено местонахождение срубной культуры.

В 1995—1996 гг. у северо-восточного края полотна дороги работы велись совместным отрядом Казанского университе-

та и Самарского музея им. П. А. Алабина. Раскопами 5 и 6 общей площадью 148 м² (руководители С. И. Валиулина, Е. А. Беговатов) исследованы жилые постройки, хозяйственные сооружения и получена интересная коллекция предметов материальной культуры.

Рис. 2. Золотоордынский Биляр — Билярское III селище, центральная часть, июль 1994 г. Строительный котлован дороги. Вид с севера, с горы Бальнгуз (фото А. Г. Фролова).

Fig. 2. Golden Horde Bilyar — Bilyar III settlement, central part, July 1994. Construction pit of the road. View from the north, from the mountain Balynguz (photo by A. G. Frolov).

В 1998 году в северо-западной пойменной части Билярского III селища раскопаны 7 и 8 площадью 100 м² и 80 м² (руководитель С. И. Валиулина) установлено полное отсутствие сооружений при наличии аморфного культурного слоя — слабо переработанной погребенной почвы с минимальным количеством материала — мелких осколков костей животных и керамики. Таким образом, были установлены западная и северная границы Билярского III селища, которые определялись рельефом — оврагами и низинной пойменной местностью правого берега реки Билярки на западе и левого берега реки Малый Черемшан на севере. Пойменные луга, очевидно, использовались в хозяйственной деятельности населения города.

Юго-западнее, за речкой Биляркой (левый приток р. М. Черемшан), на её левом берегу при рытье траншей канализации Билярского отделения Алексеевского молокозавода обнаружены остатки мусульманского могильника, возможно, связанного с Билярским III селищем (Археологические памятники 1990: 56). Еще один могильник мог находиться на северо-восточной окраине памятни-

ка, где в обрыве левого берега реки Малый Черемшан А. В. Худяковым в 1999 г. выявлены обнажения погребений.

Что касается южной окраины Билярского III селища, то она, вероятно, пострадала еще ранее, при строительстве дороги на маслозавод, здесь нет плавного, как на северной окраине, перехода от высокой концентрации объектов и сооружений, что демонстрировал строительный котлован 1994 г., к разреженной застройке окраины. Южная граница золотоордынского Биляра не выходит за пределы дороги на маслозавод, вдоль северной околицы села Билярск. В 1998 г. южнее — от дороги до села и на его северной окраине, нами проведены наблюдения с зачисткой профилей траншей под трубы газификации села, в результате установлено отсутствие культурных отложений ранее XVIII—XIX вв.

Неопределенной остается восточная граница памятника и, соответственно, не может быть названа его общая площадь, тем более, численность населения. Значительный участок в этом районе занят летним полем. В восточной и юго-восточной части золотоордынский Биляр «накладывается» — перекрывает

раннее Билярское II селище первой половины XI века (Валиулина, Беговатов 1999: 106). В 1999 г. в восточной части селища на площади 86 м² исследованы производственные объекты (руководитель Е. А. Беговатов при участии автора).

Раскоп № 1 1994 г. площадью 20 кв² был заложен на расстоянии 1100 м от северо-западной окраины современного села на непогруженной строительством дороги площади и примыкал к полотну дороги с северо-запада (Валиулина 1995). Раскоп был ориентирован с севера на юг. Стратиграфия: дерн — 5—8 см, под ним слой темно-серого рыхлого грунта — до 40 см, примерно 25 см из них переработано пашней, затем идет погребенная почва — темно-коричневый плотный суглинок. Материк — глина желтого цвета. Никаких сооружений, конструкций на раскопе не обнаружено. Находки раскопа № 1 — мелкие многочисленные фрагменты керамики, осколки костей животных, несколько обломков железных предметов и железный ключ (рис. 3: 17; рис. 5: 13) от цилиндрического навесного замка типа В1 широкого времени бытования — вторая половина XII — начало XV веков (Колчин 1958: 162). Отсутствие объектов на раскопе, скудость находок указывает на то, что данный участок являлся окраиной поселения. Памятник в этом районе ограничивается пологим склоном оврага.

Раскоп № 2 был разбит на расстоянии 31 м в юго-восточном направлении от первого раскопа на северном краю строительного котлована. Площадь раскопа составила 316 кв.² Работы были начаты общей зачисткой на уровне третьего штыка (верхние слои культурного слоя оказались срезаны бульдозером). На глубине 45—50 см от современной поверхности на фоне погребенной почвы выявились пятна сооружений: жилой постройки № 1, хозяйственных ям № 2—7, столбовых ямок.

Постройка площадью 18 кв.² имела столбовую конструкцию — сохранились следы столбовых ям с обугленным древесным тленом вдоль западной стены. Внутри жилища, ближе к юго-восточному углу, зафиксированы остатки очага — обломки обожженного кирпича и пятно прокала на земляном полу, диаметром около 1 м, рядом лежали крупные камни розового песчаника, кирпичи, куски глиняной обмазки, осколки керамических труб. В северной части постройки на глубине 165 см от современной поверхности располагался погреб. Близко подходящие грунтовые воды обеспечили хорошую сохранность органических материалов, на-

ходившихся в подвале: соломенную подстилку на дне, пучки толстых ниток, обрывки плетеной веревки (рис. 4: 11), скопление обугленных зерен пшеницы. В засыпи обнаружено обилие костей животных (1216 ед.), керамики, угля, обломки битого кирпича, щебень, куски глиняной обмазки. Вещевой комплекс землянки содержит следующие индивидуальные находки: шарнирные ножницы (рис. 3: 20), 6 глиняных пряслиц (5 из которых биконической и 1 — овальной в сечении формы с ямочными вдавлениями по всей поверхности (рис. 3: 1), 3 обломка сланцевых точильных брусков, осколок венчика стеклянного бесцветного сосуда высокого качества, сильно коррозированные обломки железных предметов, 3 железные крицы, ключ от навесного замка типа В1 по новгородской типологии, идентичный ключу с раскопа № 1 (рис. 3: 18; рис. 5: 14). Обращает на себя внимание железный нож с двумя бронзовыми пластинками-упорами подтреугольной формы, ограничивающими муфту у основания рукояти (рис. 3: 8; 5: 8). Интересен состав поливной керамики, относящейся к комплексу жилища. В засыпи обнаружено 2 фрагмента архитектурной мозаичной плитки на кашинной основе с ультрамариновой глазурью, 10 осколков поливной кашинной посуды: 3 фрагмента сосуда закрытой формы (типа альбарелло) с двусторонней бирюзовой прозрачной поливой и темно-зеленой подглазурной росписью; край чаши с отогнутым венчиком с черным линейным орнаментом под бледной бирюзовой поливой, с крупными синими точками по венчику; 1 осколок чаши на поддоне с мелким синим орнаментом на белом фоне и фрагмент закрытого сосуда с полихромным рисунком под прозрачной поливой. Редкой находкой является осколок селадона с подглазурным рельефом.

Хозяйственные ямы округлой и овальной формы, расположенные, в основном, в западной части раскопа, удалось исследовать на сохранившуюся глубину в 3—20 см. Исключение составляла яма № 4, достигавшая глубины 80 см от уровня выявления. В заполнении ямы найдены обломки камней, кирпичей, более 30 осколков костей животных, единичные фрагменты керамики, глиняное биконическое пряслице, фрагмент цилиндрического замка (рис. 3: 14; 5: 3), обломки других железных предметов. Вещевой материал, происходящий со дна ям № 2, 3, 5—7, весьма незначительный, потому определить характер и назначение этих сооружений сложно.

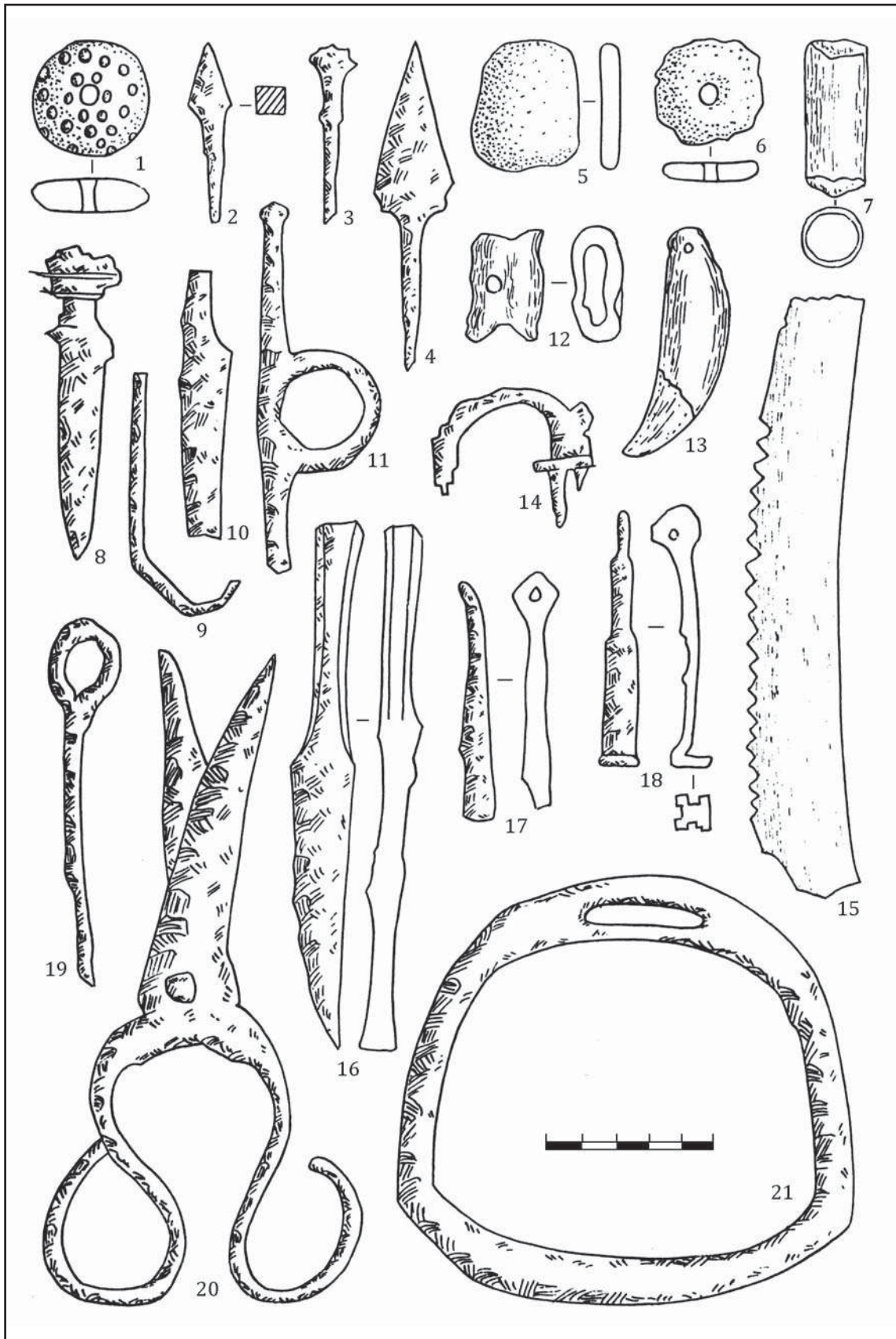

Рис. 3. Индивидуальные находки 1—4 раскопов Билярского III селища.

Fig. 3. Individual finds of excavations 1—4 of Bilyar III settlement.

Рис. 4. Индивидуальные находки Билярского III селища.

Fig. 4. Individual finds of the Bilyar III settlement.

Яма №3, неправильной формы, со следами прокала, является, возможно, остатком открытой печи. Она оказалась плотно заполненной кирпичным щебнем, кусками камня, обмазки; здесь же обнаружены единичные фрагменты керамики, раковины речных моллюсков. Индивидуальные находки из других хозяйственных ям немногочисленны: 2 глиняных биконических пряслица (рис. 4: 10), астрагал-лощило (рис. 4: 6)

и железный черешковый массивный наконечник стрелы ромбовидной формы без упора (рис. 3: 4). Стрелы подобной формы были широко распространены на средневековых памятниках Восточной Европы, в древнерусских, болгарских и кочевнических древностях (Кравченко 1986: 93, рис. 33: 4; Иванов, Кригер 1988: 9, рис. 1; Казаков 1993: 121, рис. 5: 1, 2). Четыре столбовые ямки диаметром 30—40 см (одна из них прорезает

Рис. 5. Металлические изделия Билярского III селища: 1 — медь; 2—14 — железо.

Fig. 5. Metal products from Bilyar III settlement: 1 — copper; 2—14 — iron.

яму № 7) не обнаруживают конструктивной взаимосвязи.

Раскоп № 3 заложен в 60 м юго-восточнее раскопа № 2. Исследуемая площадь составила 60 м². В этом районе, как и на большей площади строительства, культурный слой был уничтожен полностью, погребенная почва также была срезана вся до материковой глины. Зачистка выявила пятна от трех оставшихся ям.

Яма № 1 имела подпрямоугольно-округлую форму (3,60×2,30 м), вытянутую с восто-

ка на запад. Темно-коричневый рыхлый грунт заполнения насыщен костями животных, осколками керамики, камня, углем. Кроме массового материала, найдены следующие предметы: железные — обломок черешкового наконечника стрелы с упором для древка и плоским линзовидным в сечении пером (рис. 3: 3), гвозди (рис. 5: 5, 6), пробой (рис. 3: 19; 5: 11), накладка со штырьками, крючок (рис. 3: 9; 5: 10); костяные — астрагал с отверстием (рис. 3: 12; 4: 7), костяная полированная трубочка (рис. 3: 7; 4: 8); глиняные —

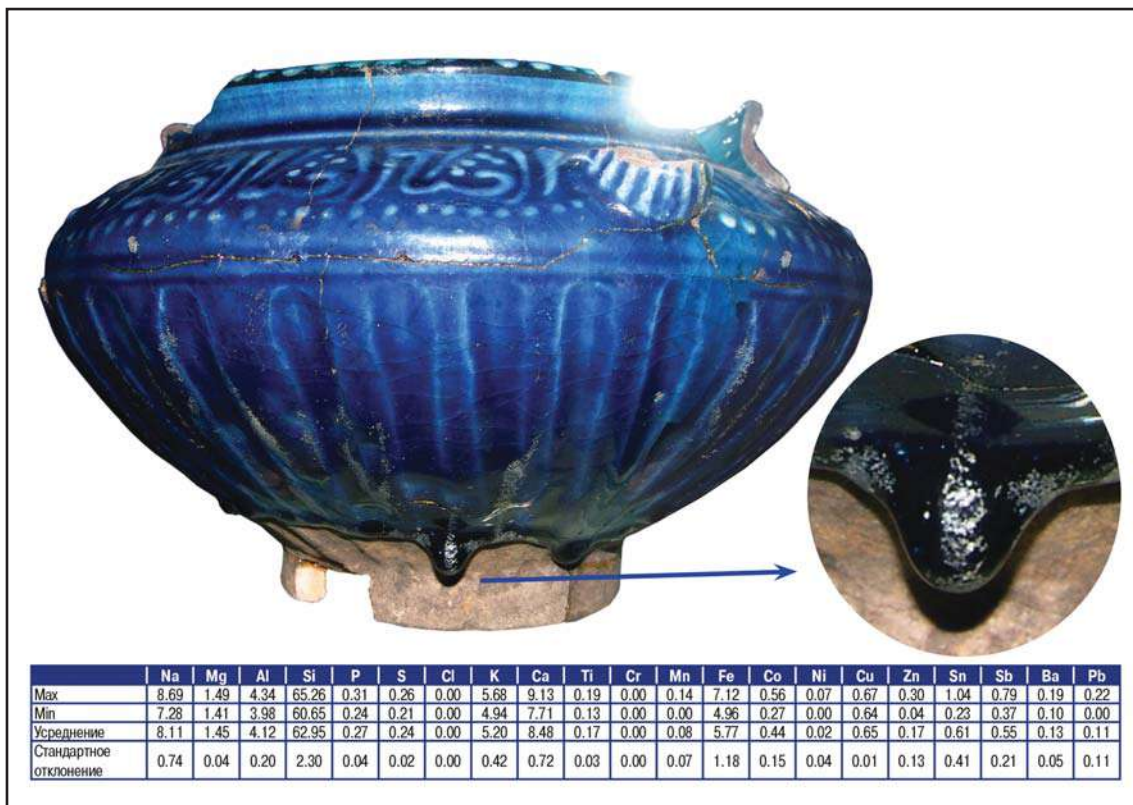

Рис. 6. Гульабдан (1) и результаты анализа его глазури (2).

Fig. 6. Gulabdan (1) and the results of his glaze analysis (2).

лощило из стенки кругового сосуда (рис. 3: 5), верхняя часть сероглиняного сфероконауса (рис. 4: 9), тип П.1.1 (Нуретдинова 2011), полная аналогия известна в Двине (Kalantaryan et al. 2009: 130, fig. 42: 3).

Из ямы №1 происходят великолепные образцы средневековой парадной посуды. Раньше других был обнаружен развал кашинной вазы «гульабдан» с бирюзовой и ультрамариновой глазурью. находку удалось почти полностью реставрировать (рис. 6). По форме — это крупный сосуд на кольцевом поддоне с широким выпуклым туловом и невысокой шейкой чуть раструбом. Диаметр венчика — 19 см, высота венчика — 1,8 см, наибольший диаметр тулова — 26 см, высота сосуда — 15,5 см, диаметр поддона — 11 см, высота поддона — 2 см, толщина черепка — 0,6—0,7 см. Сосуд, как и его ближайшие аналоги, был изготовлен в алебастровой форме. Характерной деталью «сосудов для розовой воды» являются конусовидные налесты с вертикальным рифлением — сохранилось 3. Внешняя поверхность гульабдана, кроме того, украшена рельефными горизонтальными линиями: одной — низ шейки, и двумя — ребро тулова. На плечики нанесен штампованный эпиграфический орнамент — арабская

надпись из повторяющихся слов «икбаль» — успех, дополненная декоративными точками. Нижнюю часть сосуда оформляют 36 рельефных удлиненных фестонов. Вазы с широким выпуклым туловом и рельефными конусовидными выступами на верхней внешней поверхности известны на средневековых памятниках Ирана, Средней Азии, Золотой Орды, Руси (Wade Haddon 2013: 105, fig. 10; Пугаченкова 1960: 197; Булатов 1972: 273; Абызова 1981: 296; Гражданкина, Ртвеладзе 1971: 129; Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 191, 207, 211; Масловский 2006: 427, рис. 46: 5, 6; Коваль 2010: 69, ил. 10: 1; 32: 1, 2; 37: 3).

Кашинное тесто и глазурное покрытие гульабдана аналогичны кашину и поливе иранского сосуда типа альбарелло с XXXVIII раскопа домонгольского Билярского городища. Иранским поливным сосудам XII—XIII вв., особенно с кобальтовой кроющей глазурью, присуща своеобразная декоративная деталь — густая глазурь щедро покрывает внешнюю поверхность сосуда, не доходя до поддона, и нависает над ним тяжелыми каплями (Fehervari 2000: 100, no 108, 109; 108, no 126; 106, no 122). Гульабдан Билярского III селища также отмечен подобным художественным приемом (рис. 6: 1).

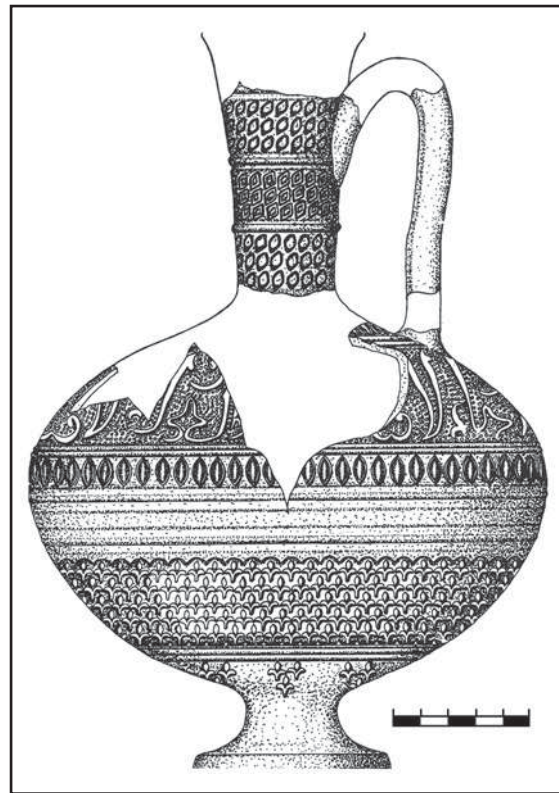
Рис. 7. Чаша с полихромной подглазурной росписью и рельефом.

Fig. 7. Bowl with polychrome underglaze painting and relief.

Методом сканирующей электронной микроскопии (аналитик А. А. Трифонов) существенно откорректированы полученные ранее результаты рентгено-флуоресцентного анализа поливы (Валиулина 2000: таб.1, № 6), установлено, что поверхность билярского глыбадана покрывала натриевая золистая глазурь с высоким содержанием соединений калия и кальция, большим количеством красителя — оксида кобальта, что в присутствии заметной концентрации цинка указывает на иранское происхождение кобальтового сырья (рис. 6: 2). Кобальт и цинк встречаются вместе в различных минеральных формах. Одним из вероятных источников этих минералов, использовавшихся в средневековье, считаются окрестности Тебриза, положительная корреляция кобальта и цинка отмечена также в стекле и глазурях Самарры на севере Ирака (Robertshaw et al 2010: 374).

Состав соответствует химии глазури иранских сосудов из гончарной мастерской предмонгольского времени в центре Билярского городища (Valiulina 2019: Tab.1: 262/19) и в стекле ближневосточных бус Болгара (Valiulina 2018: 170, Obr. F84).

Истоки сосудов подобной формы, видимо, следует искать в Иране. Гёза Фехервари опубликовал небольшой открытый сосуд на поддоне с тремя рельефными наклепами-ручками и коротким носиком, покрытый прозрачной светло-зеленой глазурью снаружи и желто-зеленой внутри. Автор сообщает о находках таких сосудов, в том числе, подписного, в Иране (Нишапур), Сирии, Афганистане, Средней Азии XII—XIII вв. и предполагает короткий период их производства после монгольского нашествия (Fehervari 2000: 84—85, по 86). Ранними образцами сосудов с наклепами-шишечками в Среднем Поволжье являются находки в Болгаре: фрагмент ка-

Рис. 8. Кувшин со штампованным орнаментом.

Fig. 8. Jug with stamped ornament.

шинной стенки с наклепом и лостровой росписью (Полубояринова 2008: 74) и фрагмент стенки сосуда из светло-красной глины с ребристым наклепом и с желто-зеленой двусторонней глазурью (БГИАЗ1009-779/270).

Следующий кашинный сосуд из ямы № 1 имеет плохую сохранность, которая, однако, позволила собрать почти половину чашпиалы и в полной мере представить ее декор (рис. 7). Чаша диаметром 19 см, высотой 8,8 см, на поддоне диаметром 7 см и высотой 1,5 см, черепок кремового цвета, песчаный, 0,5 см толщиной. Чаша относится к самой распространенной и многочисленной группе золотоордынской кашинной керамики с бесцветной прозрачной поливой, подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом (Булатов 1968: 99). Рельеф декора выполнен белым ангобом. На внутренней стороне чаш-пиал этой группы не прослежено ни одной устойчивой орнаментальной схемы. Орнамент билярской чаши также является примером «системы бесконечного разнообразия ограниченного числа элементов». Анализ кашинной основы пиалы селища (Валиулина 2000: табл. 1, а. № 1) показывает, что в сравнении с кашинном с бирюзовой и ультрамариновой поливой здесь мы имеем пониженное

Рис. 9. Индивидуальные находки Билярского III селища.

Fig. 9. Individual finds of the Bilyar III settlement.

содержание кремнезема, большее количество глины, извести. Этот образец занимает по составу промежуточное положение между кашинным тестом с бирюзовой и ультрамариновой поливой (Валиулина 2000: табл. 1, а. № 3, 5) и основой сосуда с люстровой росписью (Валиулина 2000: табл. 1, а. № 2), приближаясь к самаркандским образцам (Гражданкина 1971: 132, табл. 1) и кашинной керамике из мастерской Селитренного городища (Шляхова 1980: 76). Таким образом, можно предположить как золотоордынское, так и среднеазиатское-самаркандское происхождение чаши с Билярского III селища. Кроме развала рассмотренной чаши, в яме № 1 найдено еще 13 фрагментов от других сосудов с бесцветной прозрачной поливой, подглазурной росписью ангобом и полихромными красителями, 1 фрагмент с монохромной двусторонней бирюзовой глазурью и 9 мелких фрагментов ильханского люстра (рис. 9: 5).

Завершает обзор парадной посуды из ямы № 1 сероглиняный кувшин со штампованным орнаментом (рис. 8). Изящной формы сосуд имел следующие основные размеры: высота — примерно 30 см, диаметр тулова — 19 см, диаметр подставки — 7,5 см. Поверхность украшена мелким штампованным рисунком в виде частых рядов ромбиков и трилистников. Основной орнаментальный пояс располагался на плечиках — эпитафический орнамент с растительными мотивами чередовался с фигурными медальонами. К сожалению, верхняя часть тулова утрачена, надпись не читается. Лишь по аналогии можно предположить уже знакомое слово — «успех». Подобные кувшины известны в коллекциях Нового Сарая (Федоров-Давыдов 1976: 160—161, илл. 123; 124), Сарайчика (Агапов, Кадырбаев 1979: 190; Самашев, Кузнецова, Плахов 2008: 50, 162—163) и других памятников.

Ввиду практически полной гибели исследуемой части памятника чрезвычайно трудно определить характер и назначение объектов, связанных с изученными ямами. Одно бесспорно — дорогая праздничная посуда покоилась в засыпи ямы целой и пострадала под ножом бульдозера. В древности была разбита только пиала с люстровой росписью. Можно лишь предположить, что яма №1 раскопа №3 являлась погребом или тайником, где хранилась или была спрятана парадная посуда. Какому сооружению или жилищу принадлежал погреб, уже никогда не узнать. В заполнении ямы, кроме прочих находок, было выявлено более 40 осколков керамических труб.

В отвале грунта, сдвинутого строительством, в непосредственной близости от ямы №1, вместе с отдельными фрагментами сосуда с ультрамариновой и бирюзовой поливой была сделана редкая находка, которую, с определенной долей вероятности, можно связать с комплексом ямы №1. Костяная обойма являлась деталью наборного пояса и представляет собой плоскую коробочку прямоугольной формы (30×33×5 мм) с овальными боковыми прорезями для ремня и овальной петлей-дужкой внизу, которая у основания оформлена фигурной скобочкой (рис. 9: 1). Обратная сторона обоймы — гладкая, без орнамента. На лицевой стороне в технике пропиленной резьбы выполнена сложная композиция: оставлена узкая рамка по периметру и в заданное поле искусно вписано профильное изображение дракона. Дракон имеет удлинённую морду с достаточно выразительным глазом, развевающуюся гриву, плавник, змееподобное туловище, покрытое чешуей, показанной рядами мелких резных треугольников и кружков, 2 отростка — лапы (?), один из них обломан — правая часть изображения утрачена. Вся фигура опирается на раздвоенный хвост типа рыбьего или задние лапы. Композицию дополняют расположенные по углам декоративные детали в виде округлых и полукруглых сквозных фигурных прорезей.

Остатки поясов с прямоугольными обоймами с петелькой внизу из твердых материалов — бронзы, серебра, железа, агальматолита, рога — являются довольно частыми находками в средневековых памятниках евразийских степей (Степи... 1981: 198, рис. 73: 31). Исследователи рассматривают эти пояса как пример сохранения глубокой традиции, сложившейся в древности, видимо, в районе равнинных степей, в том числе в таштыкских памятниках. В монгольское время эта традиция стала господствующей на всей

территории степей. Бляхи-обоймы такого облика известны в памятниках Башкортостана, Алтая (Гаврилова 1965: 73), Южной Сибири (Медведев 1982: 65), в Болгаре (Полякова 1996: 215, 221—222). Два экземпляра бронзовых обойм с фигурными петельками поступили в фонды ГОМРТ в составе коллекции А.Ф. Лихачева. Место находки обоев — Биляр или его окрестности (ГОМРТ, №5427-41, 5427-100).

Являясь деталью богатой одежды, бляхи-обоймы часто украшались геометрическими или зооморфными изображениями, в том числе и фантастических животных — драконов (Кызласов 1983: 200). Обойма с Билярского III селища близка по материалу, форме и размерам костяным обоймам наборных поясов ундугунской культуры Восточного Забайкалья X—XV вв. (Кириллов 1983: 133, рис. 8). Но эти изделия украшал геометрический орнамент. По материалу, сюжету, композиции и технике исполнения билярская находка обнаруживает типологическую связь с костяными обоймами из Смоленска (Асташова 1993: 73).

М.Г. Крамаровский отмечает, что воинские («гвардейские») пояса с изображением драконов известны только по археологическим материалам из европейской зоны степей, куда они попадают вместе с первым поколением Джучидов уже в период 20—40-х гг. XIII в. и окончательно исчезают в самом начале XIV в. География находок ограничивается районами Поднепровья, Среднего Подонья и степного Предкавказья, Среднего и Нижнего Поволжья (Крамаровский 2000: 147, 157).

Билярская обойма, безусловно, представляет собой не только социально значимую престижную вещь, но и высокохудожественное произведение, которое может быть датировано не позднее начала XIV в.

На расстоянии 80 см севернее ямы №1 располагалась яма №2 почти правильной округлой формы, диаметром до 2 м. После второй выборки яма чуть сократила свои размеры, завершилась ровным материковым дном на глубине 1,5 м от уровня выявления. Заполнение ямы — рыхлая темно-серая супесь. Кроме массового материала — керамики, костей животных, угольков — обнаружены немногочисленные железные предметы: обломок черешкового наконечника стрелы с упором для древка (рис. 3: 3), деталь цилиндрического замка (рис. 3: 14; 5: 3), долото цельнометаллическое в виде граненого восьмиугольного стержня с лезвием на одном конце и обухом на другом (рис. 3: 16; 5: 12).

Яма № 3 (280×140 см) находилась в 80 см северо-восточнее ямы № 2, имела неправильную форму и располагалась вытянуто с запада на восток. После первой выборки яма в два раза сократилась, заполнение — темно-серая рыхлая супесь, по краям и ближе ко дну — пестроцвет (смесь материковой глины с супесью) — результат неоднократного оплыва глиняных стенок ямы. Индивидуальных находок немного: 6 фрагментов кашинной керамики (2 — с ультрамариновой двусторонней глазурью, 1 — с двусторонней бирюзовой и 3 — с бесцветной поливой полихромной подглазурной росписью и рельефом); пряслице из стеньки лепного с примесью толченой раковины сероглиняного сосуда (рис. 3: 6); амулет из клыка медведя (рис. 3: 13). Выразительной находкой является псалий от удил типа II в виде кольца, соединенного со стержнем из круглого дрота с шишечками на концах (рис. 3: 11). А. Н. Кирпичников такие удила датирует X—XIII вв., отмечая, что наибольшего распространения они достигают в XII—XIII вв. (Кирпичников 1973: 16—17, табл. VI). Стержневые псалии известны в Новогрудке, в постройке рубежа XII—XIII вв. (Гуревич 1981: 74; рис. 60: 10), в Ярополче Залесском, в слое начала XIII в. (Седова 1978: 108, табл. 16: 6), 2 экземпляра происходят из Биляра, оба — случайные находки на городище (Культура Биляра 1985: табл. LXV: 4, 8). В яме № 3 был найден также бронебойный пирамидальный наконечник стрелы с короткой массивной головкой квадратного сечения (рис. 3: 2). Такие стрелы были широко распространены с X по XIV вв. (Медведев 1991: 83, табл. 25: 7, 18).

Из этого же объекта происходит обломок зеркала диаметром 7,4 см с вертикальным узким, подтреугольной формы бортиком высотой 3 мм по краю и петелькой-ручкой в центре. Вокруг ручки расположена окружность с зубчиками и растительным узором с цветами лотоса (рис. 4: 1). Орнаментальному мотиву зеркала близки изображения цветов лотоса на поливных чашах и архитектурной майолике золотоордынских памятников (Федоров-Давыдов 1976: рис. 83, 105). По классификации Г. Ф. Поляковой, зеркало относится к типу В-II-3 (Полякова 1996: 230, рис. 73: 2). Из Болгара происходят 2 экземпляра подобных изделий. Одно из них, идентичное билярскому (тоже обломок), хранится в фондах ГОМРТ (5363; АА 7-43). Билярское зеркало отличает низкий рельеф, нечеткость, «размытость» орнамента. Этот тип зеркал не имеет аналогов на других памятниках, кроме Болгара (Полякова 1996: 238). По результа-

там сканирующей электронной микроскопии билярское зеркало выполнено из оловянно-свинцовой бронзы: Cu — 64,27%, Sn — 17,92%, Pb — 14,36%. Концентрация основных элементов и их соотношения показывают, что химический состав отличается от состава зеркал Болгара (Хлебникова 1996: 272—273, табл. 1) и Торецкого городского поселения XV века (Валиулина 2004: 35; Valiulina 2017: 94).

В строительном отвале вблизи раскопа № 3 был найден пул Узбека 30-х годов XIV в. чеканки Сарая (определение А. Г. Мухамадиева).

Раскоп 4, расположенный на расстоянии 58 м юго-западнее раскопа 3, ближе к западной стенке строительного котлована, представлял собой участок зачистки после среза грунта бульдозером. На площади 48 м² не выявлены объекты, фиксировались только следы разрушения и массовый материал: фрагменты керамики, осколки костей животных, обломки железных предметов.

В 1995 году на расстоянии 70 м к востоку-юго-востоку от раскопа 4 и в 10 м от восточной границы строительного котлована дороги, на непотревоженной площадке, был заложен **раскоп 5** площадью 76 м² с целью изучения стратиграфии памятника, мощности и особенностей культурного слоя (Валиулина, Беговатов, Кочкина 1997). Раскопками установлено, что памятник однослойный, с мощностью культурного слоя 36—56 см. Объекты, сооружения и богатый вещевой материал раскопа 5 требуют отдельного специального исследования, в настоящей статье обращено внимание только на отдельные находки (рис. 15; 16), важные для общей датировки памятника.

Фрагменты иранских сосудов с люстровой росписью производства Кашана, имеющих узкие рамки бытования в пределах начала XIII или конца XII — начала XIII вв., обеспеченные надежными аналогиями и контекстом — стеклянными изделиями, прежде всего, фрагментами высококачественных ближневосточных сирийских и египетских сосудов с росписью эмалью и золотом второй половины XIII в., подтверждают датировку раннего монгольского города.

Следующий **раскоп 6** площадью 72 м² (Беговатов, Кочкина 1997) был заложен в 1996 г. на границе створа дороги в 15 м к северу-северо-западу от раскопа 5, в 6 м с северо-восточной стороны от дороги. На раскопе исследованы остатки сооружения земляночного типа и двух печей, хозяйственные и столбовые ямы (Беговатов, Кочкина 1997: 11). Как и в предыдущие годы, на раскопе 6

Рис. 10. Горн №1 гончарной мастерской в восточной части Билярского III селища.

Fig. 10. Horn No. 1 of the pottery workshop in the eastern part of Bilyar III settlement.

Рис. 11. Горн №2 гончарной мастерской в восточной части Билярского III селища.

Fig. 11. Horn No. 2 of the pottery workshop in the eastern part of Bilyar III settlement.

выделен только один хронологический горизонт второй половины XIII — XIV вв. По мнению руководителя раскопок, «в материалах явно преобладают вещи XIV века» (Беговатов,

Кочкина 1997: 37), при этом не представлена аргументация такой датировки.

В 1999 г. в восточной части селища на площади 86 м² исследованы производственные

объекты (руководитель Е. А. Беговатов при участии автора). Южную часть площадки раскопа занимал комплекс гончарной мастерской — два горна, общая для обоих горнов предгорновая яма и яма сырцевая. У западной стенки раскопа, частично уходя за его пределы, обнаружена яма 4, в заполнении которой обращают на себя внимание заготовки костяных предметов, вероятно, накладок на лук.

Горн № 1 (рис. 10) кирпично-глинобитный двухъярусный с выступающей топкой относится к горнам ямного типа, внешний диаметр составлял 160 см, углублен в материк на глубину 144 см от условного «0». Нижняя камера имела диаметр 110 см при высоте 55 см с опорным столбом овального сечения в центре. Под печи диаметром 120 см был выполнен из сырцовых блоков и обмазан глиной, имел толщину 15 см и округлые продухи диаметром 6 см, расположенные двумя concentрическими кругами. Удалось зафиксировать 5 продухов внутреннего круга и 6 внешнего, внешний круг вплотную примыкал к стенке обжигательной камеры. Наземная часть горна — свод обжигательной камеры был, вероятно, глинобитным на жердевом каркасе, на что указывают следы выгоревших жердей по периметру основания обжигательной камеры и большое количество обмазки в развале горна. От каркаса сохранились, по меньшей мере, 8 столбовых ямок, аналогичных продухам пода. С западной стороны к нижней камере примыкал выносной топочный канал шириной 50 см, о его длине (45 см) можно судить по расположению плоских плит песчаника и известняка, закрывавших устье. И топочный канал, и предгорновая яма горна № 1 после завершения функционирования были перекрыты предгорновой ямой горна № 2 (рис. 10).

Горн № 2 (рис. 11) расположен на расстоянии 1 метра южнее горна № 1, имеет плохую сохранность. Развал горна обнаружен уже при снятии первого штыка. О его конструктивных особенностях можно лишь сказать, что это было наземное теплотехническое сооружение круглой формы, заглубленное в материковый грунт на 25—26 см, дно горна диаметром 140 см ограничено кирпичной кладкой стандартными кирпичами 25×25×6 см, поставленными на ребро и футеровано лекальными кирпичами 9×6×7 см. Лекальными кирпичами выложены и стенки топочного канала длиной до 120 см — от северо-западной стенки горна до предгорновой ямы, общей с горном № 2. Горны, как и другие объекты гончарной мастерской, относятся к одному стратиграфическому го-

ризонту. При этом очевидно несколько более позднее функционирование горна № 2. Судя по характеру боя и брака посуды из заготовки горна № 1, керамики в развале горна № 2 и стратиграфии заполнения предгорновой ямы, в горнах обжигалась разная продукция: в горне 1 — более грубая кухонная и тарная посуда, возможно, трупы (рис. 12: 5), а в горне 2 — тонкостенная, в основном малых форм, с тонким резным орнаментом всей поверхности и горизонтально срезанным краем венчика (рис. 13).

В 2000 году на расширенной площадке раскопа, исследующего ремесленный комплекс, выявлен еще один гончарный горн № 3, аналогичный горну 1, но лучшей сохранности (Беговатов 2001: 150).

Горны мастерской золотоордынского Биляра обнаруживают параллели с гончарными печами болгарских памятников (Васильева 1988: 143), в том числе с горнами первого типа гончарной слободы Билярского городища (Кокорина 1983: 55, 60, 62, 64). В то же время они близки гончарным комплексам древнерусских памятников, расположенных в верховьях Дона: это три горна первой половины XIII в. и один середины — второй половины XIII в. на поселении Монастырщина 5, горны второй половины XIII в. на поселении Яблоново (Гоняный, Кокорина, Свирина 1993: 149—150) и на поселении у с. Каменное в Липецкой области (Матвеева 1982: 99—103). Но самые близкие аналогии — два горна, работавшие рядом, с разделением специализации на кухонную и столовую посуду, с использованием жердевого каркаса, опорных кольшков вдоль основания стенок (горн 1) и по другим конструктивным признакам, обнаруживают с горнами гончарной мастерской середины — второй половины XIII века Горкинского VIII селища в трех километрах севернее Билярского III селища (Валиулина, Галкина, Нуретдинова 2012: 122—138). Как и Горкинский комплекс, билярская мастерская не содержит бытовых предметов, что позволяет предположить ее периферийное расположение на восточной окраине памятника, дистанцируясь от жилой застройки. Впрочем, говорить о восточной границе золотоордынского Биляра, как и о его площади, в настоящее время можно только предположительно, точные определения делать преждевременно — необходимы полевые исследования.

При осмотре полностью уничтоженного культурного слоя в результате строительства в 2005 г. ипподрома вдоль трассы дороги в западной части памятника был поднят пул Менгу каана 50-х годов XIII века чекан

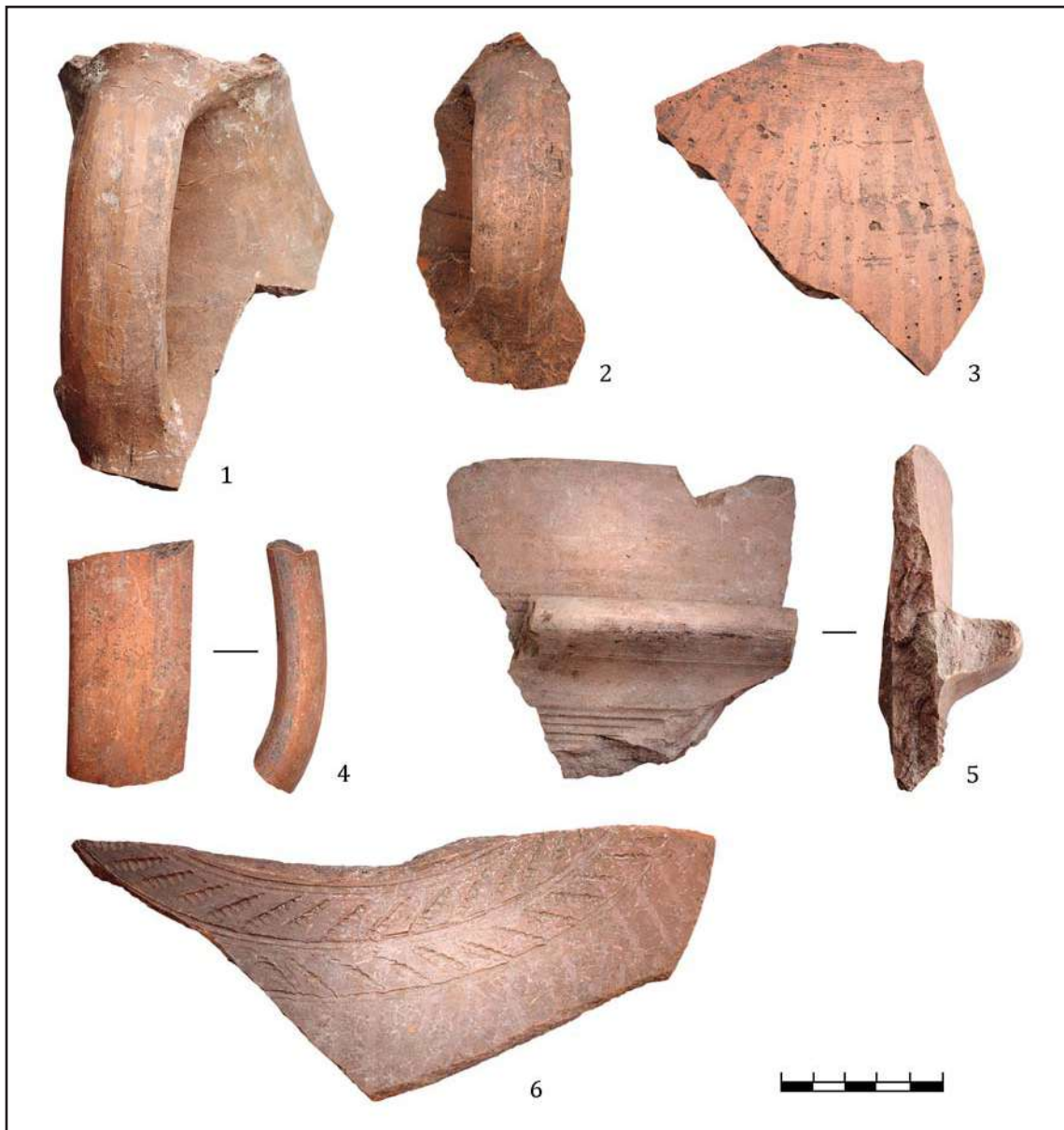

Рис. 12. Первый вариант круговой красноглиняной керамики.

Fig. 12. The first variant of red clay ceramics.

Болгара (определение А.З. Сингагуллиной) (рис. 9: 3). Здесь же был обнаружен фрагмент изделия из белого сплава (рис. 4: 2; 9: 4). Предмет, очевидно, является частью поддона кубка или другого сосуда из высокооловянной латуни: Cu — 54,58%, Sn — 30,85%, Pb — 1,38%, Zn — 2,12%, As — 1,96% (Valiulina 2017: 94). Литой поддон конической формы диаметром 5,2 см по краю украшал «бегунок» — выющая ветвь с цветами из трех лепестков округлой формы. Самые ранние образцы подобного орнамента известны в материалах иранских (Fehervari 2000: 56, по 53) и среднеазиатских памятников IX—X вв.; IX веком датируется керамическая чаша из Самарканда,

зооморфный сюжет в её композиции обрамляет точная копия орнамента биллярского поддона (Ильасова и др. 2016: 73, рис. 7; 365, рис. 65; 580, рис. 106: а), такой орнамент известен на иранских сосудах с люстровой росписью XII—XIII вв. (Hillenbrand 2015: 57, fig. 4: 1; Mason 1997a: 23, fig. 16); по классификации Р.Б. Масона это мотив «линия листьев» — “line leaf” (Mason 1997b: 115, fig. 5). Еще более близкой аналогией является бордюр подставки бронзового светильника XI—XII века из Тараза (Средневековые города Казахстана 2006: 61).

Исследование всей утраченной в результате строительства дороги площади селища,

Рис. 13. Второй вариант круговой красноглиняной керамики.

Fig. 13. The second variant of red clay ceramics.

в основном сводилось к сбору подъемного материала. Кроме того, производилась зачистка и фиксация уничтоженных объектов там, где от них сохранились хоть какие-то следы. Но даже по этим крупницам можно констатировать, что сооружения — жилища и хозяйственные постройки располагались уже в 200—250 м от северной окраины современного села Билярск, далее в северном направ-

лении плотность застройки, очевидно, увеличивалась. Здесь угадываются остатки производственных сооружений, горнов. Отвалы по обе стороны от строящегося полотна дороги были насыщены керамикой, костями животных, обломками железных предметов, шлака, крицы. Подъемный материал с южной и юго-восточной окраины селища содержал керамику, как золотоордынского време-

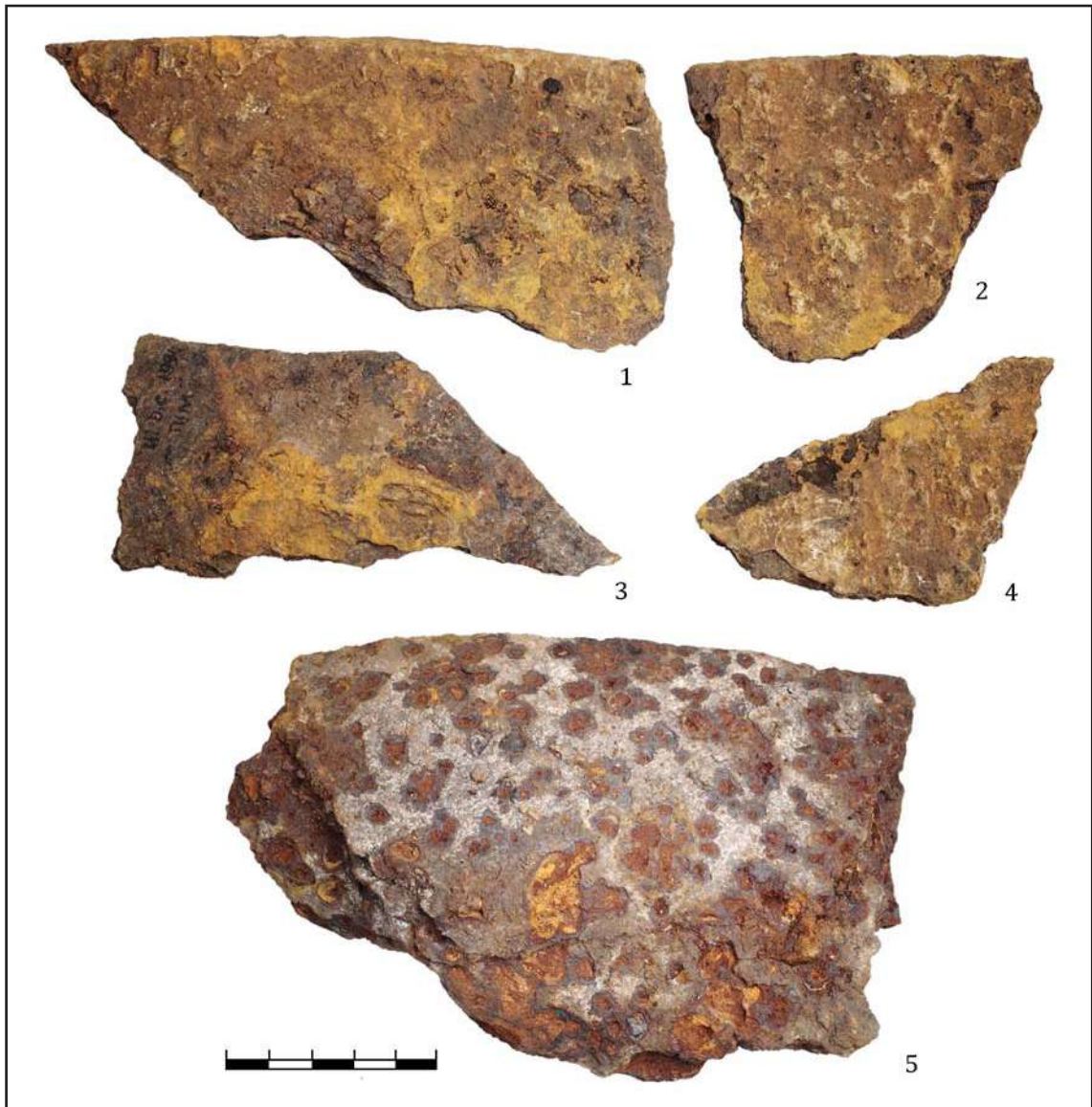

Рис. 14. Фрагменты чугунного котла.

Fig. 14. Fragments of a cast iron cauldron.

ни, так и иранскую и среднеазиатскую XI в. (Валиулина 2017).

Среди находок в подъемном материале оказались крупные осколки чугунного котла, стремя (рис. 3: 21) типа ЕШ по классификации Г. А. Федорова-Давыдова. Такие стремяна бытовали в XII—XIV вв. (Федоров-Давыдов 1965: рис. 1). Редкой находкой является костяное изделие (рис. 3: 15; 4: 4), которое по аналогии с предметом с городища Бабагата (Южный Казахстан) VIII—IX вв. можно атрибутировать как деталь инструмента для сучения веревок (Агапов, Кадырбаев 1979: 166—167, рис. 2).

За все время исследований на памятнике обнаружено всего три мелких фрагмента и одно скопление довольно крупных оскол-

ков, принадлежащих одному чугунному котлу (рис. 14). В этой связи интересна историческая параллель: древнерусский город Возягель — Новоград Волынский под Житомиром пережил монгольское нашествие 1238 г., но восстановился и продолжил существовать в новых условиях, пока в 1257 г. не был окончательно уничтожен междоусобным походом Даниила Галицкого. За 19 лет между двумя завоеваниями материальная культура города пополнилась чужими предметами, и среди них есть один чугунный котел (Біляева, Петраускас 2017: 49—50, рис. 1).

На памятнике найдено несколько мелких осколков стеклянных сосудов лилового, горчичного цвета и бесцветных с золотой и эмалевой росписью: на 3, 5 раскопах и слу-

Рис. 15. Реконструкция чаши с люстровой росписью с Билярского III селища (1) и ее аналогия (2) из Национального музея Кувейта (по Watson 2004: 359, Cat. 0.17).

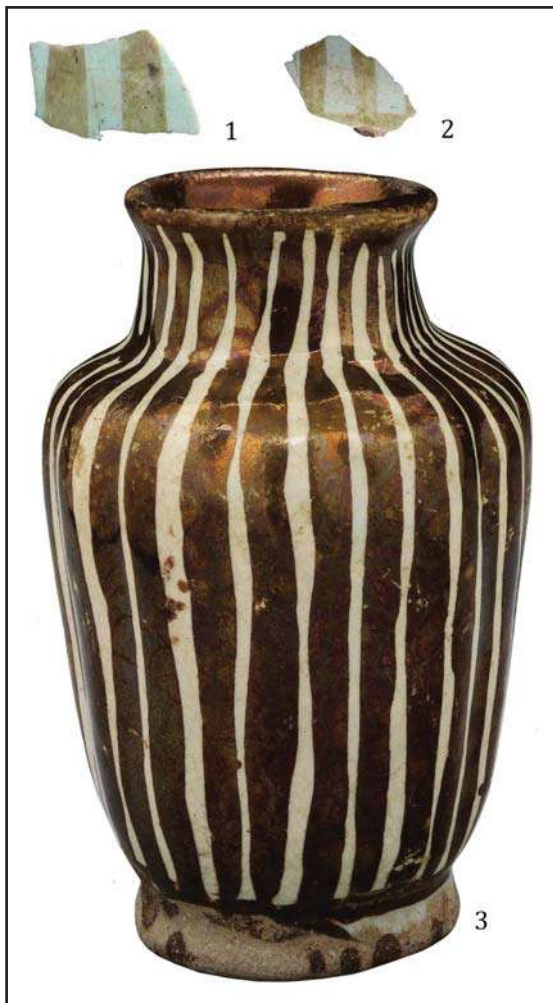
Fig. 15. Reconstruction of a bowl with a luster painting from Bilyar III settlement (1) and its analogy (2) from Kuwait National Museum (after Watson 2004: 359, Cat. 0.17).

чайные находки в нарушенном культурном слое. Самая представительная на Средней Волге коллекция стеклянных изделий с золотой и эмалевой росписью — стаканы, вазы, флаконы, лампы — египетского и сирийского производства — принадлежит Болгару. Кроме него, отдельные фрагменты обнаружены на Старо-Куйбышевском городище и в золотоордынском Биляре. Ближневосточное художественное стекло с росписью датируется серединой XIII—XIV вв., билярские находки относятся к начальному этапу поступления этих изделий в Восточную Европу (Валиулина 2015: 248). Показательно, что на Билярском III селище за все время исследований найдено менее 10 стеклянных бусин, в основном на 5 раскопе.

Особенно выразительны полихромные бусы с пятнистым орнаментом, (2 экз., раскоп 5), они выполнены навивкой стекла на стержень и прокаткой еще мягкой заготовки бусины по плоскости с крошками цветного стекла, то есть, по той же технологии, что и домонгольские с желто-

зелеными пятнами на темной основе из свинцово-кремнеземного стекла, но имеют иной состав: $\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$ и палитра их декора более яркая, включает красный и бирюзовый цвета (Валиулина 2005: табл. VI, ан. 30). Такие бусы присутствуют в собраниях Селитренного, Царевского городищ, Куны Ургенча, Уека (Валиулина, Недашковский 2005: 258—259, рис. 1: 21), Тындыкского городища (Галкин 2003: 52) и многих других. В Болгаре за все годы работ их найдено 156 экземпляров. Несколько бус имели пятна, не вполне «утопленные» в тело бусины, неровную, не гладкую поверхность и иризацию — все эти признаки являются следствием недостаточной температуры при окончательном отжиге бус. В то же время, с тем же химическим составом есть и очень качественные образцы (Valiulina 2018: Obr.13).

Принципиальное значение для датировки и определения статуса города имеют находки иранской керамики с люстровой росписью производства Кашана (Valiulina 2016b: 440),

Рис. 16. Фрагменты сосуда с люстровой росписью с Билярского III селища (1, 2) и их аналогия (3) из Национального музея Кувейта (по Watson 2004: 361, cat. 020; Curatola 2006: 106).

Fig. 16. Fragments of a vessel with a luster painting from Bilyar III settlement (1, 2) and its analogy (3) from Kuwait National Museum (after Watson 2004: 361, cat. 020; Curatola 2006: 106).

такие как фрагмент кашинного сосуда — чаши, оформленной люстровой росписью, в которой особенно примечательны вертикальные люстровые цепочки из пар встречных скобочек в нижней части сосуда — мотив «линия скобок» (“bracket-line”) по Р. Масону (Mason 1997b: 116, fig. 5). Чаша отличалась строгой геометрией формы — прямые, расходящиеся кверху стенки преломлялись горизонтальным ребром в нижней части тулова перед поддоном. Фрагмент с Билярского III селища как раз сохранил этот конструктивный элемент (рис. 9: 2), позволивший представить графическую реконструкцию сосуда (рис. 15). Роберт Масон, анализируя форму таких сосудов, считает, что она продиктована двумя конусами, а сочетание двух призна-

ков — мотива орнамента и формы, позволило датировать сосуды производства Кашана с люстровой росписью рядами-линиями скобок началом XIII в. (Mason 1997b: 116, fig. 4). Эту атрибуцию подтверждают многие известные аналогии, такие как сосуд в собрании Музея исламского искусства в Берлине (Inv. Nr. 1.1996.2¹), подписная чаша, выполненная в Кашане в 1215 году, и кувшин первой трети XIII в. в Лувре (Miroudot 2008: 52, по 29; 56, по 34; 2012: 196—199), чаша 1200—1220 гг. в Национальном музее Кувейта (Watson 2004: 359, Cat. 0.17), сосуды начала XIII века в собрании Тарег Раджаб музея (Fehervari 2000: 121, no. 148; 123, no. 150). Подобный люстровый декор мог украшать и, как будто, более ранние изделия — чаши и кувшины с округлыми стенками конца XII — начала XIII в. (Porter 2014: 74, no. 56; 78, no. 63; Pancaroglu 2007: 139, no. 91). Однако Оливер Ватсон и те и другие сосуды объединяет в одну группу и датирует одним временем — 1200—1220 гг. (Watson 2004: 359—360, cat. 0.17, 0.18).

Более широкие рамки бытования — 1170—1220 гг. у сосудов типа альбарелло с декором широкими вертикальными люстровыми полосами (Watson 2004: 361, cat. 020; Curatola 2006: 106), фрагменты такого сосуда обнаружены на V раскопе золотоордынского Биляра (рис. 16). Находки образцов иранского люстра производства Кашана начала XIII в. позволяют предположить основание ордынского Биляра сразу после завоевания, т. е., возможно, уже в 40-е годы XIII века.

Важно отметить отсутствие сосудов с подобными типами росписи и в домонгольском Биляре, и в Болгаре. Золотоордынский Биляр — единственный в Поволжье город, обладавший уникальными художественными произведениями иранского Кашана первой трети XIII века. В собрании Болгара большинство фрагментов люстровых сосудов относятся к поздним вариантам иранских люстров ильханского периода второй половины XIII — первой половины XIV в. (Полубояринова 2008: 75). В золотоордынском Биляре мелкие фрагменты ильханского люстра происходят из ямы 1 раскопа III (рис. 9: 5), ранее эти находки получили ошибочную атрибуцию (Валиулина 2000: 277—278, рис. 8).

Показательным является фрагмент фаянсового сосуда типа раннего ладжвардина.

¹ Выражаю сердечную благодарность куратору Музея исламского искусства в Берлине доктору Альмут фон Гладис за предоставленную возможность работы с коллекциями и ценные консультации.

Классический ладжвардин датируется концом XIII — XIV вв. (Watson 2004: 87; Curatola 2006: 121—122; Khalili 2008: 96). Билярская находка являет собой редкий переходный тип от техники минаи к собственно ладжвардину и датируется по аналогиям серединой XIII в. (Fecherwari 2000: 229, no 295).

Важно отметить, что суммарно поливная керамика на кашинной основе почти в 10 раз превосходит количество глиняной поливной посуды.

Неполивная керамика отражает основные этнические составляющие населения и процесс их взаимодействия.

Соотношение гончарной и лепной керамики золотоордынского Биляра варьирует на разных участках памятника, на площадке гончарной мастерской лепной керамики почти нет, в центральной части памятника (раскопы 1—4) соотношение составляет 45,6%:54,4% (Валиулина 2009: 58). Что кардинально отличается от материалов Билярского городища, где лепная керамика составляет от 0,5 до 5% от общего количества (Хузин 1986: 4).

Круговая ремесленная керамика

Круговая ремесленная красная и красно-коричневая керамика составляет в коллекции большинство, представлена фрагментами кувшинов, хумов, горшков, кринок, мисок. Часто поверхность сосудов оформлялась лощением, украшалась линейным и волнистым орнаментом, иногда в сочетании с оттисками гребенчатого штампа. В целом гончарная посуда может быть определена как общебулгарская золотоордынского времени (Хлебникова 1988). В то же время, внутри этой группы обнаруживается разнообразие вариантов по морфологическим и технологическим признакам, не имеющее аналогий ни на одном болгарском памятнике. Эти варианты особенно очевидны в материалах гончарной мастерской в восточной части города. Первый вариант наиболее сопоставим собственно с I группой золотоордынской керамики Болгара — это в основном кувшины, хумы, миски, один светильник, трубы. Все изделия ровного обжига, выполнены из тонко отмученной глины с естественной примесью мелкого песка и минеральной добавкой более крупных фракций округлой формы после обжига, размерностью до 0,5—0,6 мм (рис. 12).

Самый яркий образец в этом сообществе (уже потому, что сохранился целым) — кувшин из сырьевой ямы (сооружение 1) рядом с горном №1 (рис. 17). Кувшин не был в ис-

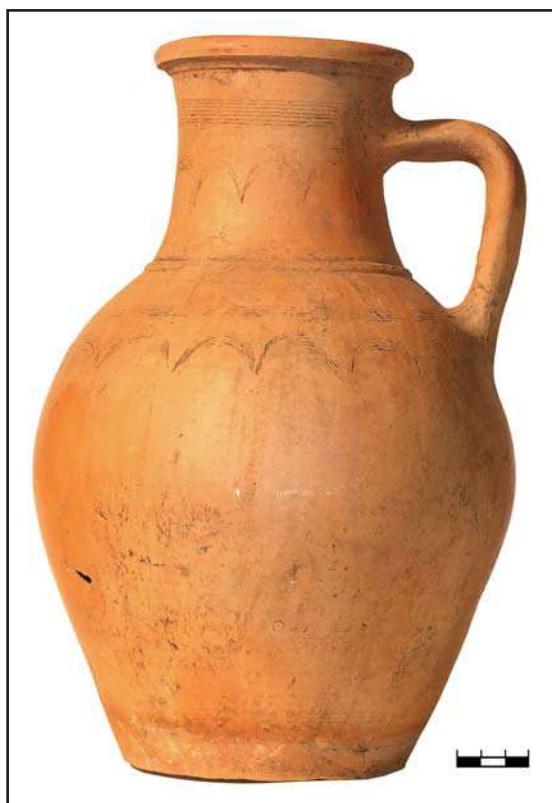

Рис. 17. Гончарный кувшин из сырьевой ямы №2 гончарной мастерской в восточной части Билярского III селища.

Fig. 17. Pottery jug from the raw pit no.2 of the pottery workshop in the eastern part of Bilyar III settlement.

пользовании, т.к. в процессе изготовления получил изъян — сквозное отверстие в стенке, и оказался отбракован. По форме, пропорциям, декору сосуд представляет пример сочетания собственно болгарских и болгаро-золотоордынских традиций. Так, декор по горлу и плечикам составляет чередование зон резного линейного и резного фестончатого орнамента, выполненного многозубчатым инструментом, основание горла подчеркнуто рельефным валиком, и, видимо, как дань домонгольской традиции, поверх тонкого орнамента и нарушая его, выполнено лощение разреженными вертикальными полосами. Нужно отметить, что такой способ лощения присутствует на всей керамике первого варианта, кроме труб (рис. 12: 5).

Особое место занимают три предмета в форме усеченного конуса из красной и коричневой глины мелкой структуры с примесью песка, известняка и органики, с лощением всей поверхности двух из них (АКУ 310/755; АКУ 310/166; рис. 18: 1, 2), не исключая основания дна у самого крупного, и один — без лощения (рис. 18: 3). Предметы напоми-

Рис. 18. Керамические поддоны — подставки (?) из гончарной мастерской в восточной части Билярского III селища.

Fig. 18. Ceramic pallets — stands (?) from pottery workshop in the eastern part of Bilyar III settlement.

нают массивные поддоны диаметром 9,2 см, 9,0 см, 6,5 см. С внутренней стороны «воронки» поддонов вырезаны ножом, оставив стенки 1—1,5 см толщиной. Все три предмета получены из развалов горнов. Изделиям не найдены аналогии, что затрудняет атрибуцию. Исходя из места находок, предметы могли быть связаны с процессом обжига, возможно, являлись подставками, но, в таком случае, вряд ли оправдано тщательное лощение поверхности.

Второй вариант гончарной керамики имеет узкую локальную концентрацию — в развале горна №2 и в предпечной яме (41 экз.). Сосуды из тонкоотмученной глины с редкими видимыми включениями известняка отличаются, прежде всего, особенностями декора, тонкими стенками (3—5 мм), изящными формами. Некоторые образцы позволяют определить форму сосудов — три фрагмента представляют два широкогорлых кувшина коричневого и красного цвета — диаметр горла обоих 10 см. Коричневый кувшин (АКУ 310/772,778, рис. 13: 3) имел чашевидное завершение горла и горизонтальный срез края венчика (диаметр венчика 13 см), площадка среза украшена тройной частой резной волной. Такой же, но многорядной волной в обрамлении серии резных горизонтальных линий оформлено горло, ниже — расположен

рельефный валик с глубокими косыми насечками (рис. 13: 1). По такой же схеме выполнен декор второго кувшина (АКУ 310/780; рис. 13: 2).

Особый интерес представляет миниатюрный кувшинчик (АКУ 310/756), благодаря лучшей сохранности и богатой орнаментации практически всей поверхности (рис. 13: 5). Сосуд имел высокое узкое цилиндрическое горло (диаметр 3 см) и шаровидное тулово (диаметр 18 см). Использованы приемы орнаментации как у кувшинов, рассмотренных выше, но с добавлением геометрического пояса по центру тулова и фестонов внизу. Внутренняя поверхность покрыта известковым ангобом, с внешней стороны серой пленкой «прикипевшей» золы — она присутствует на всех сосудах и осколках из развала горна №2. Кувшины подобной формы, глиняные и стеклянные, были широко распространены на Востоке, в XII—XIII вв. они известны в Иране и в Закавказье, в частности, в Двине (Kalantaryan et al. 2009: 130, Pl. XLIX: 4, 7). Кроме кувшинов, присутствует фрагмент венчика и стенки неглубокого блюда (АКУ 310/762), очевидно, полусферической формы (рис. 13: 4). Горизонтальный край венчика украшен, как и у первого кувшина, также декорирована и верхняя часть стенок. На горизонтальном крае еще одно-

Рис. 19. Третий вариант круговой красноглиняной керамики.

Fig. 19. The third version of red clay pottery.

го сосуда выгравирована арабская надпись. На нескольких сосудах на дне и в одном случае на стенке имеется клеймо самого распространенного в домонгольском Биляре типа в виде буквы «А» с опущенной углом перекадиной. Тем не менее, по всему комплексу признаков в болгарских и золотоордынских памятниках аналогии керамике второго варианта не известны.

Общей чертой посуды первого и второго вариантов является лощение поверхности уже после нанесения резного орнамента, прием не свойственный домонгольскому болгарскому гончарству.

Третий вариант гончарной красно-коричневой керамики отличается более грубым исполнением, толстыми стенками, гребенчатым и резным декором, отсутствием лощения. Глиняное тесто плотное с примесью мелкого песка. Ручки кувшинов этого варианта (АКУ 335/52, 176) часто имеют мягкое ребро-налеп вдоль по центру (рис. 19: 3), а горловины — поперечные валики (АКУ 336/64, рис. 19: 4, 5). Поперечное рифление — известный прием

в золотоордынском гончарстве (Федоров-Давыдов 2001: 99, рис. 49: 1, 2; 111, рис. 58: 2).

Особняком в этом ряду стоит стенка сосуда, вероятно, закрытой формы, с высоко поднятыми крутыми плечиками, поверхность украшена отрисками гребенчатого штампа и геометрическим резным орнаментом (АКУ 335/48, рис. 19: 2).

Если группа красноглиняной гончарной керамики демонстрирует своеобразие, вариативность, и большая ее часть не имеет аналогий, то две другие группы гончарной посуды узнаваемы и могут быть надежно атрибутированы. Речь идет о небольшом числе находок керамики XIV и XVI группы древнерусской (АКУ 335/111, АКУ 336/6) и славяно-идной марийско-чувашского происхождения (рис. 20: 5, 6). XIV группа древнерусской керамики представлена 28 фрагментами горшков серого цвета с примесью в тесте песка и слюды, или дресвы и слюды. Венчики обладают характерным перегибом с завернутым внутрь черновым краем, образующим валик округлого сечения (рис. 20: 1—4). Такая

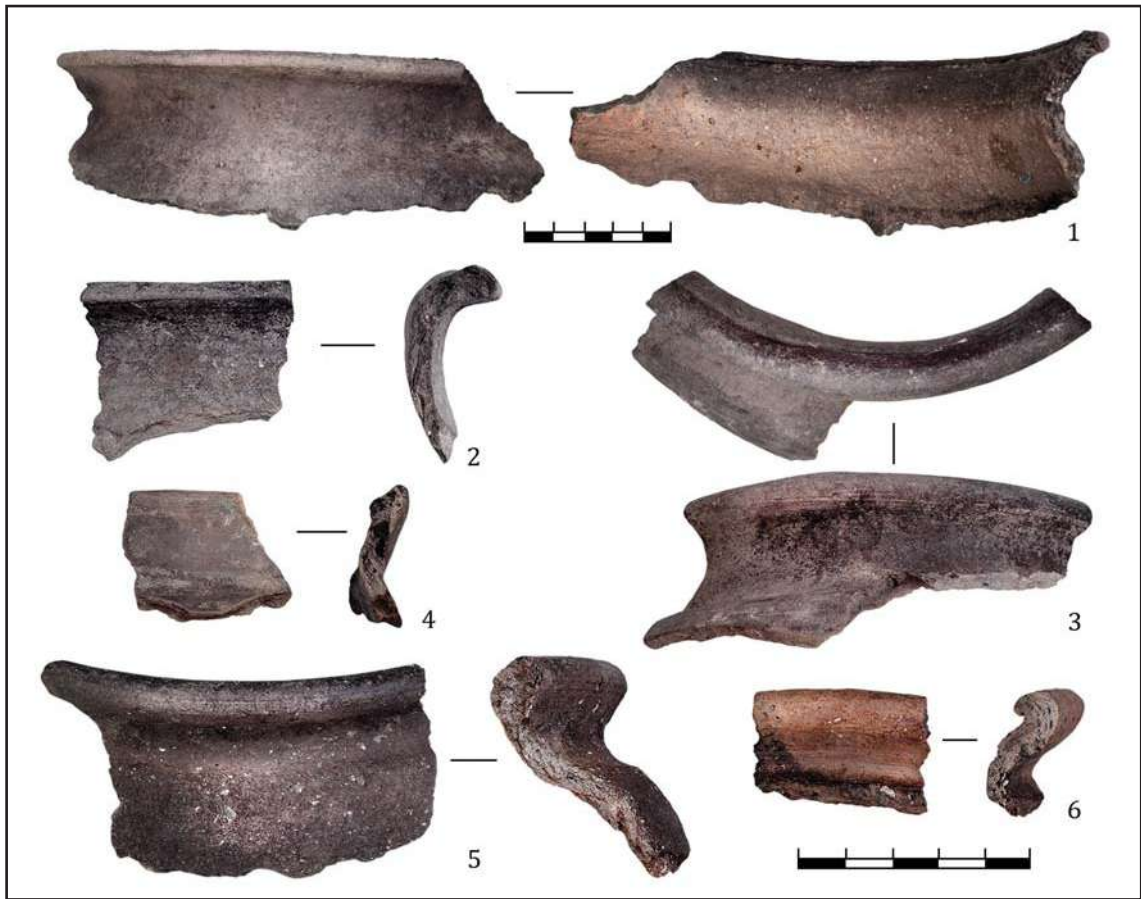

Рис. 20. Образцы XIV древнерусской и XVI славяноидной групп гончарной керамики.

Fig. 20. Samples of XIV Old Russian and XVI Slavonic groups of pottery.

посуда присутствует на Билярском городище, концентрируясь в районе русских усадеб XXIII раскопа, в Болгаре (Хлебникова 1988: 33; Полубояринова 1993) и полностью идентична материалам древнерусских памятников, в частности, Суздаля и Городца XIII века. Славяноидная керамика XVI группы (марийско-чувашского происхождения), русская по форме, но с примесью толченой раковины в тесте, обнаружена единичными фрагментами (рис. 20: 5, 6). На присутствие христианского, в том числе русского населения в городе могут указывать и данные остеологии — в коллекции отмечено наличие костей свиньи (Асылгараева 2001: 81).

Традиционная лепная и подправленная на круге керамика

В керамической коллекции Билярского III селища довольно представительны образцы лепной посуды IX этнокультурной группы (рис. 21). Т. А. Хлебникова связывает возникновение этой керамики во второй поло-

вине I тыс. н. э. с территорией Казахстана и Киргизии и отмечает раннее ее присутствие в болгарских памятниках. Это не входит, однако, в противоречие с общей датировкой золотоордынского Биляра. «Материалы Болгара, позволяют, в какой-то мере, говорить о бытовании подобной керамики и в золотоордынский период, что, очевидно, объясняется продолжавшимся притоком тюркского населения юго-восточного происхождения из пограничных регионов между оседлым и кочевым населением Средней Азии» (Хлебникова 1988: 29). Заметное присутствие посуды IX группы на Билярском III селище можно расценить как свидетельство нового импульса носителей традиции этой керамики в период монгольского завоевания.

Возможно, некоторые образцы керамики отражают генезис новых групп и представляют гибридные формы (рис. 21: 6) между IX группой и появившейся на ее основе XIII группой «джукетау» (Хлебникова 1988: 31). При инструментальном осмотре образца АКУ335/115 обнаружен прием оформления венчика: его сначала вытянули на высо-

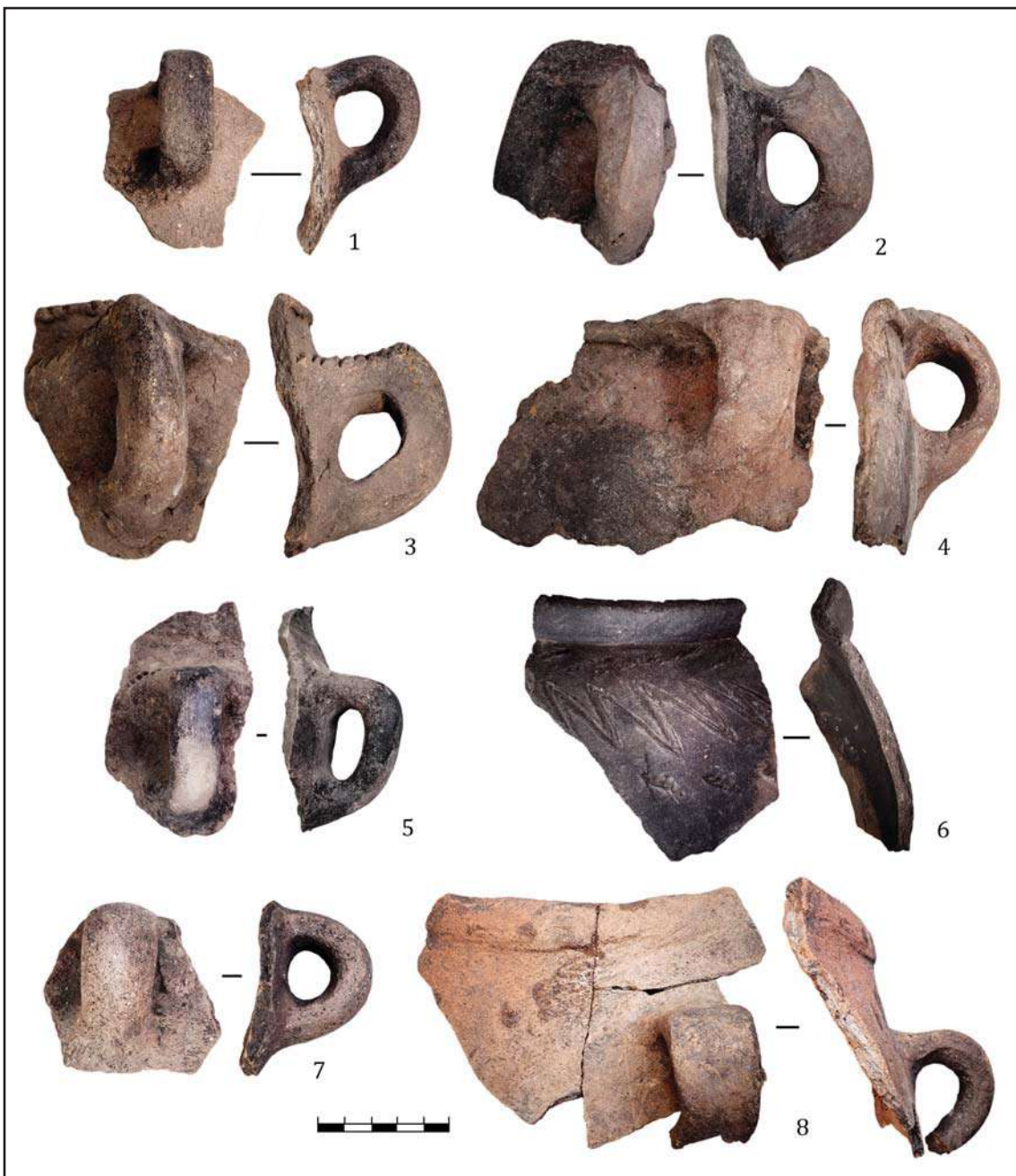

Рис. 21. Образцы лепной керамики IX этнокультурной группы.

Fig. 21. Samples of handmade ceramics IX ethnocultural group.

ту примерно 3 см, а затем сложили пополам, отогнув наружу, и получившийся цилиндрический венчик — горло высотой 1,5 см, украсили по краю косым гребенчатым штампом. Двумя рядами такого штампа и между ними широкой размашистой одинарной бегущей волной оформлены плечики горшка шаровидной формы.

Спецификой керамического комплекса Билярского III селища является «размытость» признаков разных групп, что объясняется взаимодействием, смешением их носи-

телей. В качестве примера этой особенности выступает самая многочисленная группа традиционной керамики, в целом соответствующая XVIII этнокультурной группе Болгара (Хлебникова 1988: 35): лепные горшковидные сосуды (на стенках с внутренней стороны четко фиксируются отпечатки пальцев) с подправкой верхней части на круге. Тесто сосудов содержит примесь толченой раковины, иногда в очень большом количестве, а также органику и песок, цвет темно-серый, бурый, иногда желто-серый. Горшки мог-

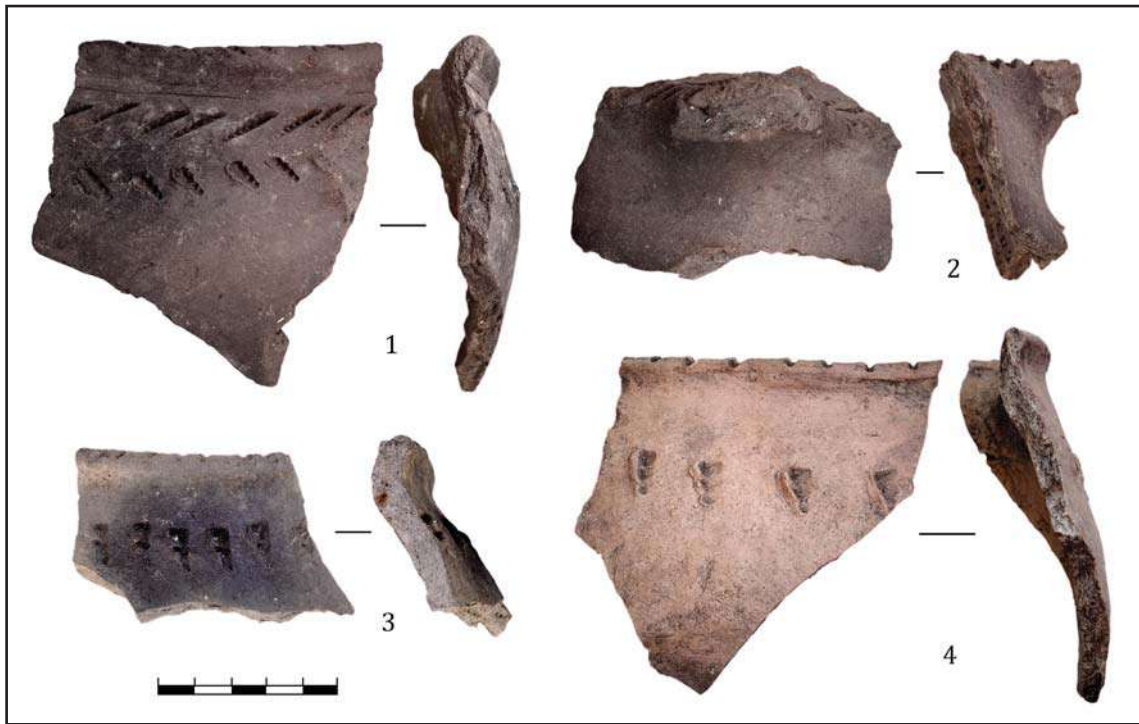

Рис. 22. Образцы лепной керамики XVIII и XIX этнокультурных групп.

Fig. 22. Samples of handmade ceramics of the XVIII and XIX ethnocultural groups.

ли иметь вертикальные петлеобразные ручки округлого или подтреугольного сечения с уплощенной площадкой сверху. Плечики сосуда и площадка ручки украшались гребенчатым штампом (рис. 23: 1). Археологически целый сосуд из заполнения ямы 1 раскопа 2 (АКУ 335/171) обладает всеми характерными признаками, но не имеет орнаментации, диаметр венчика — 14,5 см, наибольший диаметр тулова — 18,5 см, высота сосуда 10,5 см (рис. 23: 3). Т. А. Хлебникова считала керамику XVIII группы наиболее близкой посуде родановской культуры Пермского Прикамья, отмечала появление в Болгаре не ранее второй половины XIII в. и бытование до начала XV в., рассматривая ее присутствие как свидетельство контактов Болгара с финно-угорским населением Верхнего Прикамья (Хлебникова 1988: 38). Видимо, широким контактам в середине XIII в. способствовали этнокультурные трансформации этого времени. В середине — второй половине XIII века на средней Вятке возникло государственное образование — Вятская земля, объединившее как пришлое, так и местное удмуртское население (Макаров 1993: 32; Голдина 1999: 339). Следствием этого процесса могло быть переселение отдельных групп соседнего с Вятской землей пермского населения родановской культуры на юг к Камскому устью и далее

в лесостепные области Западного Закамья (Валиулина 2009: 59). Анализ сосудов XVIII группы методом массбауэровской спектроскопии показал иную характеристику исходного сырья, чем у прикамско-приуральских сосудов Билярского городища и Торевского городского поселения, т. е., посуда XVIII группы Билярского III селища выполнена из «чужой» глины. В Болгаре эта керамика не особенно заметна (Хлебникова 1988: 36).

Единичными фрагментами представлена XIX группа лепной, часто подправленной на круге, керамики. Наиболее крупные образцы в коллекции позволяют говорить о более узкой, чем в Болгаре, номенклатуре форм. На Билярском III селище это котлы и котелочки, примером последней формы служит, сохранивший полный профиль небольшой (диаметр венчика 10,5 см, диаметр тулова 15 см, высота 11 см) слабопрофилированный сосуд со слегка округлым дном и четко выраженным ребром при переходе стенок ко дну (АКУ335/58, рис. 23: 2). При толщине стенок до 7—8 мм, минимальная толщина дна составляла 2,5 мм. Сосуды обладают характерным для группы составом теста: тонкой структурой с примесью песка (Хлебникова 1988: 38), в ряде случаев, в отличие от материалов Болгара, отмечены следы присутствия органики. Технологической особенностью XIX

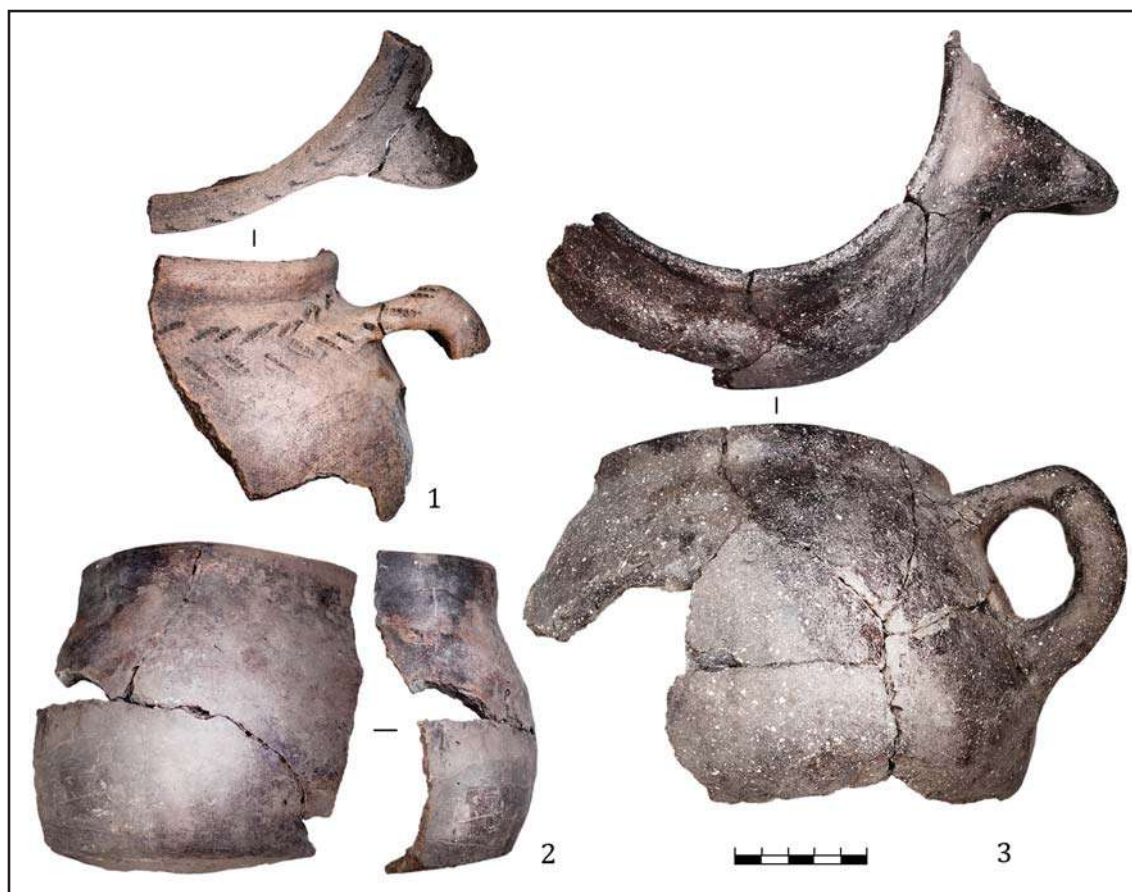

Рис. 23. Образцы лепной керамики XVIII и XIX этнокультурных групп.

Fig. 23. Samples of handmade ceramics of the XVIII and XIX ethnocultural groups.

группы золотоордынского Биляра является выравнивание снаружи нижней части сосудов срезанием глины ножом в горизонтальном направлении (рис. 23: 2). Некоторые образцы украшает орнамент гребенчатым штампом (рис. 22: 1; 23: 1). Появление XIX группы в Болгаре в начале золотоордынского периода Т. А. Хлебникова связывала с перемещением ремесленников из Средней Азии в результате монгольского нашествия (Хлебникова 1988: 47).

Таким образом, керамический комплекс достаточно выразительно отражает основные этнические составляющие населения и начальный этап процесса их взаимодействия в раннем золотоордынском городе.

Проведенный обзор результатов исследований Билярского III селища позволяет перейти к заключению.

На основной территории памятник предстает однослойным золотоордынским. Никаких свидетельств существования подстилающего домонгольского слоя раскопками не обнаружено. Анализ подъемного материала в юго-восточной части и раскопки гон-

чарной мастерской на восточной периферии памятника показывают, что здесь имеет место «наложение» слоя раннезолотоордынского города на поселение, судя по характеру материальной культуры, явно городского типа рубежа X—XI — первой половины XI века. Этот памятник никак не может рассматриваться в качестве посада домонгольского Биляра, но может претендовать на ранний Биляр. Исследованиями 1994—1998 гг. определены северная, западная и южная границы Биляра золотоордынского. Можно предположить гончарную мастерскую крайним восточным объектом памятника. Окончательное решение топографии золотоордынского Биляра в этом районе остается актуальной задачей.

Автодорога на «Святой ключ» проходит по центру золотоордынского Биляра, пересекая его с севера на юг. С учетом рельефа местности, вероятно, здесь с домонгольского времени действовал наиболее оптимальный путь на Каму, который и определил место основания нового города. На этой территории отмечена самая высокая плотность сооружений. Однако их сохранность (в основном следы)

не позволяет делать заключение о планировочной структуре города. Приходится констатировать, что наиболее богатая объектами и материалами часть памятника уничтожена строительством.

Золотоордынский Биляр задает новое топографическое направление формирования поселенческой структуры микрорегиона на перспективу XIII—XV вв., определяющим стержнем этой структуры явилась дорога на Каму. С этого времени на смену домонгольскому концентрическому расположению памятников билярской моноцентрической агломерации вокруг ареалообразующего Билярского городища, приходит векторальная северо-западная, относительно руин Биляра.

Билярское III селище — золотоордынский Биляр особенно выразительно демонстрирует и новый вектор развития культуры на территории Волжской Булгарии с середины XIII века.

С самого начала изучения был очевиден городской характер памятника (Валиулина 1997). Золотоордынский Биляр пополнил список тех немногих городских центров, которые возникли на территории Волжской Булгарии в золотоордынское время. Новый город относится к числу самых ранних монгольских городов Восточной Европы.

Богатая материальная культура памятника, еще не синкретичная золотоордынская, а, скорее, «мозаичная» — четко отражает отдельные формирующие ее компоненты. Причем, как было очевидно с первого года работ на памятнике, собственно болгарская составляющая менее всего выражена в этой «мозаике» (Валиулина 2000: 284). Этот факт следует рассматривать как еще одно подтверждение грандиозных масштабов катастрофы Билярского городища и особой политики завоевателей по отношению к населению погибшего города и его окружи.

Золотоордынский Биляр возник на незастроенной свободной территории. В предмонгольское время здесь не было ни посада Биляра, ни поселения. В этой особенности проявилась закономерность, отмеченная В.Е. Егоровым — «первые золотоордынские города были основаны буквально на пустом месте вне связи с какой-либо культурной традицией. Это были города с одной ярко выраженной функцией — административно-политической... Естественно, что это была только первая стадия существования будущего города, в дальнейшем он обростал ремесленниками» (Егоров 2000: 267). Обнаруженная в восточной части золотоордынского Биляра гончарная мастерская, как будто бы иллю-

стрирует этот процесс, в тоже время, продукция мастерской показывает отсутствие преемственности с домонгольским гончарством Волжской Булгарии.

Результаты раскопок и, прежде всего, вещевые материалы памятника демонстрируют четко разграниченные разные этнокультурные составляющие будущей синкретичной культуры Булгарского улуса Золотой Орды. Памятник представляет собой начальный этап процесса формирования культуры нового государства, в которой, по крайней мере, на начальном этапе, практически не нашлось места культурной традиции местного булгарского населения. Последний тезис особенно красноречиво иллюстрирует керамический материал. Для булгар это был чужой город, демонстрирующий практически полное отсутствие континуитета его культуры с домонгольским Билярским городищем.

Есть один важный штрих, который проливает свет на отношение завоевателей к населению уничтоженной столицы и ее окружи — очевидный запрет на захоронение жителей, погибших при осаде. Верхний горизонт культурного слоя Билярского городища представляет золисто-углистый слой с отдельными человеческими костями и костяками.

При определении статуса и хронологии Биляра золотоордынского особого внимания заслуживает выпуск «Монеты Биляра». А.З. Сингагуллина, отмечая тесную связь монетных дворов Булгара и Биляра, предполагает функционирование билярского денежного двора на положении филиала, работавшего периодически по мере необходимости, что позволяло привлекать билярских мастеров для работы на булгарском монетном дворе (Сингагуллина 2009: 46—47). В то же время автор, обращает внимание на своеобразие в оформлении ранних билярских монет 1270-х — начала 80-х гг. и большое сходство монет 1292/93 гг. с одновременными болгарскими монетами. После 1292/3 года монетный двор Биляра был закрыт (Сингагуллина 2009: 121, 48). Такая динамика отражает меняющийся в течение второй половины XIII века статус города и объясняет его верхнюю хронологическую грань — начало или первая половина XIV века. На памятнике найдено всего 5 монет — все подъемный материал и клад 1971 г. (38 монет 30-х гг. XIV в.), точное место, находки которого, не установлено. Монеты середины — второй половины XIV отсутствуют.

Вместе с данными нумизматики богатые и выразительные материалы, обеспеченные многочисленными и надежными аналогиями

по всему маршруту завоевателей до Средней Волги, несформированность единой культуры, отсутствие сельской инфраструктуры, на что указывает отсутствие синхронных па-

мятников в его округе, дают основания датировать золотоордынский Биляр 40-ми годами XIII — началом, возможно, первой половиной XIV в.

Литература

- Абызова Е. Н. 1981. Кашинный сосуд из Старого Орхья. СА (2), 296—298.
- Агапов П. В., Кадырбаев М. К. 1979. *Сокровища древнего Казахстана. Памятники материальной культуры*. Алма-Ата: Жалын.
- Акишев А. К., Байпаков К. М. 1981. Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара. СА (4), 229—238.
- Археологические памятники... 1990: Халиков А. Х. (ред.). 1990. *Археологические памятники бассейна р. Черемшан*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР.
- Асташова Н. И. 1993. Костяные изделия средневекового Смоленска. В: Недошивина Н. Г. (ред.). *Средневековые древности Восточной Европы*. Труды ГИМ 82. Москва: ГИМ, 69—78.
- Асылгараева Г. Ш. 2001. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок селищ северо-западной округи Билярского городища. В: Гусева Т. В. (ред.). *Поволжье в средние века*. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931—2000). Нижний Новгород: НГПУ, 79—83.
- Беговатов Е. А. 2000. *Отчет о раскопках на II Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 1999 г.* Казань. Архив ИА АН РТ. Ф. 4. № 120.
- Беговатов Е. А. 2001. Ремесленный комплекс Билярского II селища. В: Завьялов В. И. (отв. ред.). *Древние ремесленники Приуралья*. Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск, 21—23 ноября 2000 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 148—159.
- Беговатов Е. А., Кочкина А. Ф. 1997. *Отчет о раскопках на III Билярском селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 1996 г.* Казань; Самара. Архив ИА АН РТ. Ф. 4. № 58.
- Біляєва С. О., Петраускас А. В. 2017. Давньоруське місто Возвягль у реаліях середини XIII ст. В: Моця О. П. (відп. ред.). *Возвягль — Звягель — Новгород-Волинський у часовому зрізі тисячоліть*. Харків; Київ, 48—53.
- Брусенко Л. Г. 1986. *Глазурованная керамика Чача IX—XII вв.* Ташкент: ФАН.
- Булатов Н. М. 1968. Классификация поливной кашинной керамики золотоордынских городов. СА (4), 95—110.
- Булатов Н. М. 1972. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища. СА (1), 271—274.
- Валиулина С. И. 1995. *Отчет об охранных раскопках на Билярском III селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 1994 г.* Казань. Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф. 105. № 92.
- Валиулина С. И. 1997. Билярское III селище (к вопросу о Биляре золотоордынского периода) В: Хузин Ф. Ш. (ред.). *Биляр и Волжская Булгария*. Материалы конференции «Изучение и охрана археологических памятников». Казань: Фест, 21—24.
- Валиулина С. И. 2000. Исследования золотоордынского Биляра. В: Белоцерковская И. В. (отв. ред.). *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Материалы научной конференции. Труды ГИМ 122. Москва: ГИМ, 273—285.
- Валиулина С. И. 2001. Золотоордынский Биляр: начало исследований. В: Усманов М. А. (ред.). *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556*. Материалы международного семинара. Казань: ИИ АН РТ, 216—243.
- Валиулина С. И. 2004. Изделия из цветного металла Бальнгузского (Торецкого) III селища. В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Древность и средневековье Волго-Камья*. Материалы третьих Халиковских чтений 27—30 мая 2004 г. Казань; Болгар: ИИ АН РТ, 32—36.
- Валиулина С. И. 2005. *Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища)*. Казань: Казанский государственный университет.
- Валиулина С. И. 2008. *Отчет о раскопках на Торцеком поселении в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2007 г.* Казань. Архив ИА АН РТ. Ф. 4. № 233.
- Валиулина С. И. 2009. Миграционные процессы в лесостепной зоне Западного Закамья в XIII—XV вв. (на примере памятников округи Билярского городища). В: Хузин Ф. Ш. (ред.). *Форум «Идель-Алтай»*. Материалы научно-практической конференции «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань: ИИ АН РТ, 58—60.
- Валиулина С. И. 2015. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе. В: Гайдуков П. Г. (отв. ред.). *Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 236—261.
- Валиулина С. И. 2017. Ближневосточная поливная керамика рубежа X—XI и XI вв. в памятниках Среднего Поволжья. В: Бочаров С. Г., Франсуа В., Ситдиков А. Г. (ред.). *Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв.* 2. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 625—638.
- Валиулина С. И., Беговатов Е. А., Кочкина А. Ф. 1997. *Отчет о раскопках на Билярском III селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 1995 г.* Казань. Архив ИА АН РТ. Ф. 4. № 58.
- Валиулина С. И., Беговатов Е. А. 1999. Исследование Билярского городища и памятников в его округе. В: Белоцерковская И. В. (отв. ред.). *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова. Москва, 107—109.
- Валиулина С. И., Недашковский Л. Ф. 2005. Стекланные изделия Укека и его округи. НАВ 7, 257—280.
- Валиулина С. И., Галкина А. А., Нуретдинова А. Р. 2012. Гончарные горны Горкинского VIII селища. В: Сташенков Д. А. (ред.). *Актуальные вопросы археологии Поволжья*. К 65-летию студенческого

- научного археологического кружка Казанского университета. Казань: Яз, 122—138.
- Васильева И. Н. 1988. О технологии производства неполированной керамики Болгарского городища. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука, 103—150.
- Гаврилова А. А. 1965. *Могильник Кудьргэ как источник по истории алтайских племен*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Галкин Л. Л. 2003. Коробейники Золотой Орды. *Техника — молодежи*. Февраль, 52—56.
- Голдина Р. Д. 1999. *Древняя и средневековая история удмуртского народа*. Ижевск: Удмуртский университет.
- Гоняный М. И., Кокорина Н. А., Свирина А. Б. 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5. В: Недошвинова Н. Г. (ред.). *Средневековые древности Восточной Европы*. Труды ГИМ 82. Москва: ГИМ, 143—160.
- Гражданкина Н. С., Ртвеладзе Э. В. 1971. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара. *СА* (1), 127—129.
- Гуревич Ф. Д. 1981. *Древний Новогрудок*. Ленинград: Наука.
- Егоров В. Л. 2000. Города Руси и Золотой Орды в XIII—XIV вв. — общее и особенное. В: *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Материалы научной конференции. Труды ГИМ 122. Москва: ГИМ, 263—272.
- Иванов В. А., Кригер В. А. 1988. *Курганы кипчакского времени на Южном Урале (XIII—XIV вв.)*. Москва: Наука.
- Ильясова и др. 2016: Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я., Имамбердыев Р. А., Исакова Е. А. 2016. «Нет блага в богатстве...» Глазуванная керамика Ташкентского оазиса IX—XII веков. Москва: Фонд Марджани.
- Казакон Е. П. 1993. Коминтерновское II селище. В: Хузин Ф. Ш. (ред.). *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. Казань: ИЯЛИ, 117—129.
- Кириллов И. И. 1983. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье. В: Коновалов П. Б. (отв. ред.). *По следам древних культур Забайкалья*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 123—138.
- Кирпичников Н. А. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Ленинград: Наука.
- Коваль В. Ю. 2010. *Керамика Востока на Руси IX—XVII вв.* Москва: Наука.
- Кокорина Н. А. 1982. Раскоп на III Билярском селище. В: *Отчет об археологическом исследовании Билярского городища в 1981 году*. Т. 2. Казань. ААМ КГУ. Ф. 3, № 31. Л. 16—50.
- Кокорина Н. А. 1983. *Отчет об археологическом исследовании Билярского городища и его окрестностей в 1982 г.* Казань. ААМ КГУ. Ф. 3, № 32.
- Кокорина Н. А. 1983а. Гончарные горны Билярского городища. В: Халиков А. Х. (ред.). *Средневековые археологические памятники Татарии*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 50—69.
- Кокорина Н. А. 1984. Работы в окрестностях Биляра. *АО 1982 года*, 152.
- Колчин Б. А. 1986. Хронология новгородских древностей. *СА* (2), 92—112.
- Колчин Б. А., Рыбина Е. А. 1982. Раскоп на улице Кириллова. В: *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. Москва: Наука, 178—238.
- Кравченко А. А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII — XIV вв.)*. Киев: Наукова думка.
- Крамаровский М. Г. 2001. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII — первой половины XIII вв. (историко-ведческие аспекты). В: Усманов М. А. (ред.). *Историко-ведческое исследование истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223—1556*. Казань: ИИ АН РТ, 43—75.
- Культура Биляра 1985: Халиков А. Х. (отв. ред.). 1985. *Культура Биляра: болгарские орудия труда и оружие X—XIII вв.* Москва: Наука.
- Кызласов И. Л. 1983. *Аскизская культура Южной Сибири. X—XIV вв.* САИ ЕЗ—18. Москва: Наука.
- Макаров Л. Д. 1993. Об особенностях славяно-финских контактов в XI—XVI вв. на территории Вятского края. В: Иванов В. В., Пузанов В. В. (ред.). *Историческое познание: традиции и новации*. Тезисы международной конференции. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 32.
- Масловский А. Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. *ИАИАИИД в 2004 г.* 21, 308—473.
- Матвеева В. И. 1982. Горн для обжига посуды на поселении у с. Каменное. *КСИА* 171, 99—103.
- Медведев В. Е. 1982. *Средневековые памятники острова Уссурийского*. Новосибирск: Наука.
- Нуретдинова А. Р. 2011. Сфероконические сосуды: проблема атрибуции. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 153 (3), 51—62.
- Полубояринова М. Д. 1993. *Русь и Волжская Болгария в X—XV вв.* Москва: Наука.
- Полубояринова М. Д. 2008. Торговля Болгара. В: Старостин П. Н. (отв. ред.). *Город Болгар: культура, искусство, торговля*. Москва: Наука, 27—107.
- Полякова Г. Ф. 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов. В: Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ, 154—269.
- Пугаченкова Г. А. 1960. Орнаментированный сосуд из Куны-Ургенча. *Труды ТашГУ* 172, 197—200.
- Самашев З., Кузнецов О., Плахов В. 2008. *Керамика Сарайчика*. Алматы: Археология.
- Седова М. В. 1978. *Яропол Залесский*. Москва: Наука.
- Сингагуллина А. З. 2003. *Джучидские монеты*. Казань: Заман.
- Средневековые города Казахстана*. 2006. Алматы: Онер ТОО.
- Степи... 1981: Плетнева С. А. (отв. ред.). 1981. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука.
- Фахрутдинов Р. Г. 1975. *Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория*. Казань: Татарское книжное издательство.
- Фахрутдинов Р. Г. 1990. Классификация и топография болгарских городищ. *СА* (4), 68—84.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1965. О датировке типов вещей по погребальным комплексам. *СА* (3), 50—66.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1976. *Искусство кочевников и Золотой Орды*. Москва: Наука.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов Г. А. 2001. *Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт*. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов Г. А. 2003. *Денежное дело Золотой*

- Орды. Москва: Палеограф.
- Халиков А. Х. 1976. История изучения Билярского городища и его историческая топография. В: Семенов В. В. (ред.). *Исследования Великого города*. Москва: Наука, 5—56.
- Халиков А. Х. 1984. Монгольское нашествие и судьба Великого города. В: Халиков А. Х. (ред.). *Археологические памятники Нижнего Прикамья*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 82—98.
- Халиков А. Х. 1994. *Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария*. Казань: Фэн.
- Халиков А. Х., Валиулина С. И. 1991. Проблемы изучения археологии Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете. В: Тагиров И. Р. (ред.). *Страницы истории Поволжья и Приуралья*. Казань: Казанский государственный университет, 162—182.
- Хлебникова Т. А. 1988. *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука.
- Хлебникова Т. А. 1996. Анализы Болгарского цветного металла. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань: ИЯЛИ, 269—292.
- Хузин Ф. Ш. 1986. Лепная керамика. В: Халиков А. Х. (отв. ред.). *Посуда Биляра*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 4—23.
- Хузин Ф. Ш. 1988. Великий город и монгольское нашествие. В: Халиков А. Х. (ред.). *Волжская Булгария и монгольское нашествие*. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 43—58.
- Хузин Ф. Ш. 1991. О верхней дате существования Билярского городища. В: Халиков А. Х. (ред.). *Проблемы археологии Среднего Поволжья*. Казань: Казанский государственный университет, 40—58.
- Хузин Ф. Ш. 1995. *Великий город на Черемшане*. Казань: ИЯЛИ АН РТ.
- Шляхова И. В. 1980. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ). *СА* (4), 75—86.
- Curatola G. 2006. *Persian Ceramics from the 9th to the 14th century*. Milan: Skira.
- Feherwari G. 2000. *Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum*. London; New York: B. Tauris.
- Hillenbrand R. 2015. Content versus context in Samanid epigraphic pottery. In: Peacock A. C. S., Tor D. G. (ed). *Medieval Central Asia and the Persianate World. Iranian Tradition and Islamic Civilisation*. I. B. Tauris. London, 56—107.
- Khalili N. D. 2008. *Visions of splendour in Islamic World Art and Culture*. London: Worth Press.
- Kalantaryan et al. 2009: Kalantaryan A., Karakhanyan G., Melkonyan H., Petrosyan H., Hakobyan N., Babayan F., Zhamkochan A., Nawasardyan K., Hayrapetyan A. 2009. *Armenia in the cultural context of East and West*. Yerevan: Gitutyun.
- Mason R. 1997a. Early Mediaeval Iraqi Lustre-Painted and Associated Wares: Typology in a Multidisciplinary Study. *Iraq* 59, 15—61.
- Mason R. 1997b. Mediaeval Iranian Lustre-Painted and Associated Wares: Typology in a Multidisciplinary Study. *Iran* 35, 103—135.
- Miroudot D. 2008. L'Iran medieval. In: Dectot X. (com.). *Reflets d'or d'Orient en Occident la céramique lustrée IXe — XVe siècle*. Paris: Flammarion; RMN.
- Miroudot D. 2012. Ewer with dragons. In: Makariou S. *Islamic Art at the Musee du Louvre*. Paris: Hazan; Musée du Louvre, 198—200.
- Pancaroglu O. 2007. *Perpetual Glory. Medieval Islamic ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection*. Chicago: Art Institute of Chicago; New Haven, Conn.; London: Yale University Press.
- Porter Y. 2014. Les céramiques de l'Orient musulman médiéval (VIIe—XVe siècle). In: Schumacher A.-C. (com.). *Terres d'Islam. Les Collections de Céramique Moyen-Orientale du Musée Ariana à Genève*. Milan: Continents, 21—97.
- Robertshaw et al. 2010: Robertshaw P., Benco N., Wood M., Dussubieux L., Melchiorres E., Ettahiri A. 2010. Chemical analysis of Glass Beads from medieval Al Basra (Marocco). *Archaeometry* 52, 355—379.
- Valiulina S. 2014. Comprehensive Investigation of a Pottery Workshop Used for Production of Glazed Ceramics in Bilyar City Excavation. In: Scott R. B. (ed.). *Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry*. Leuven, 2012. Leuven: Centre for Archaeological Sciences, 285—290.
- Valiulina S. 2016a. Medieval Workshop of an Alchemist, Jeweller and Glassmaker in Bilyar (Middle Volga Region, Russian Federation). *Památky archeologické* CVII, 237—278.
- Valiulina S. 2016b. Technological Features of Glazed Ceramics from the Golden Horde Bilyar. In: Zacharias N., Palamara E. (eds.). *41st International symposium on Archaeometry*. ISA may 15—21. Kalamata: University of the Peloponnese, 440.
- Valiulina S. 2017. Traditions of nonferrous metalworking in the Middle Volga region in the 13th—15th cc. (based on materials from the Bilyarsk monocentric agglomeration). *Archeometrie* 40. XXI eme colloque du GMPCA 18—21 avril 2017 — Rennes. Renn, 94 94.
- Valiulina S. 2018. Chemické zloženie sklenených korálikov z Bolgaru (od obdobia vikingov po Zlatú Hordu). In: *Historické sklo*. Multidisciplinárne o historickom skle III. Bratislava, 165—185.
- Valiulina S. 2018a. The chemical composition of Bolgar glass beads (from the Viking Age to the Golden Horde). In print.
- Valiulina S. I. 2019. Glazed Ceramics from a Pottery Workshop in the Center of Bilyar. In: Siemianowska S. (ed.). *The 3rd International Symposium on Pottery and Glass Ostrakon. Ceramics and Glass in Interdisciplinary Research*. Wroclaw, in print.
- Wade Haddon R. A. 2013. Mongol Influences on Mamluk Ceramics in the Fourteenth Century. In: Behrens-Abouseif D. (ed.). *The Arts of the Mamluks in Egypt and Syria — Evolution and Impact*. Goettingen: Bonn University Press, 95—113.
- Watson O. 2004. *Ceramics from Islamic Lands. Kuwait National Museum the al-Sabah Collection*. London: Thames & Hudson.

References

- Abyzova, E. N. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 296—298 (in Russian).
- Agapov, P. V., Kadyrbaev, M. K. 1979. *Sokrovishcha drevnego Kazakhstana. Pamiatniki material'noi kul'tury (Treasures of Ancient Kazakhstan: Monuments of the Material Culture)*. Alma-Ata: "Zhalyn" Publ. (in Russian).
- Akishev, A. K., Baipakov, K. M. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 229—238 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1990. *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR. Arkheologicheskie pamiatniki basseina r. Cheremshan (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Archaeological Sites in the Cheremshan River Basin)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Astashova, N. I. 1993. In Nedoshivina, N. G. (ed.). *Srednevekovye*

- drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities in Eastern Europe)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 82. Moscow: State Historical Museum, 69—78 (in Russian).
- Asylgaraeva, G. Sh. 2001. In Guseva, T.V. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 79—83 (in Russian).
- Begovatov, E.A. 2000. *Otchet o raskopkakh na II Biliarskom selishche v Alekseevskom raione Respubliki Tatarstan v 1999 g. (Report on Excavations of the 2nd Bilyar Unfortified Site in the Alekseevskoye District, Republic of Tatarstan, in 1999)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 4, no. 120 (in Russian).
- Begovatov, E.A. 2001. In Zav'ialov, V.I. (ed.). *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 148—159 (in Russian).
- Begovatov, E.A., Kochkina, A.F. 1997. *Otchet o raskopkakh na III Biliarskom selishche v Alekseevskom raione Respubliki Tatarstan v 1996 g. (Report on Excavations of the 3rd Bilyar Unfortified Site in the Alekseevskoye District, Republic of Tatarstan, in 1996)*. Kazan; Samara. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 4, no. 58 (in Russian).
- Bilyayeva, S.O., Petrauskas, A.V. 2017. In Motsya, O.P. (ed.). *Vozvyahl' — Zvyahel' — Novhorod-Volytskyj u chasovomu zrizi tysyacholit' (Vozvyagl — Zvyagel — Novgorod Volhynsky in Diachrony of Millennia)*. Kharkiv; Kiev: "Starodavnij svit" Publ., 48—53 (in Ukrainian).
- Brusenko, L.G. 1986. *Glazurovannaia keramika Chacha IX—XII vekov (Glazed Pottery of Chach of 9th—12th Centuries)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
- Bulatov, N.M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 95—110 (in Russian).
- Bulatov, N.M. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 271—274 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 1995. *Otchet ob okhramnykh raskopkakh na Biliarskom III selishche v Alekseevskom raione Respubliki Tatarstan v 1994 g. (Report on Rescue Excavations of the 3rd Bilyar Unfortified Site in the Alekseevskoye District, Republic of Tatarstan, in 1994)*. Kazan. Archive of the Institute for Language, Literature, and History, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 105, no. 92 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 1997. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar i Volzhskaya Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: Study and Protection of Archaeological Sites)*. Kazan: "Fest" Publ., 21—24 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2000. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 273—285 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2001. In Usmanov, M.A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ord'y). Ot Kalki do Astrakhani. 1223—1556 (Source Study of the Jochid Ulus (Golden Horde) History: from Kalka to Astrakhan. 1223—1556)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 216—243 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan; Bolgar: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 32—36 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Site)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2008. *Otchet o raskopkakh na Toretskom poseleonii v Alekseevskom raione Respubliki Tatarstan v 2007 g. (Report on Excavations of the Toretskoe Settlement in the Alekseevskoye District, Republic of Tatarstan, in 2007)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 4, no. 233 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2009. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Conference)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 13. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 58—60 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2015. In Gaidukov, P.G. (ed.). *Steklo Vostochnoi Evropy s drevnosti do nachala XX veka (East European Glass from the Earliest Past to the Early 20th Century)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 236—261 (in Russian).
- Valiulina, S.I. 2017. In Bocharov, S.G., François, V., Sitdikov, A.G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)* 2. Kazan; Kishinev: Stratum plus P.P.; "High Anthropological School" University, 625—638 (in Russian).
- Valiulina, S.I., Begovatov, E.A., Kochkina, A.F. 1997. *Otchet o raskopkakh na Biliarskom III selishche v Alekseevskom raione Respubliki Tatarstan v 1995 g. (Report on Excavations of the 3rd Bilyar Unfortified Site in the Alekseevskoye District, Republic of Tatarstan, in 1995)*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 4, no. 58 (in Russian).
- Valiulina, S.I., Begovatov, E.A. 1999. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 107—109 (in Russian).
- Hillenbrand R. 2015. Content versus context in Samanid epigraphic pottery. In: Peacock A. C. S., Tor D. G. (ed). *Medieval Central Asia and the Persianate World. Iranian Tradition and Islamic Civilisation*. I. B. Tauris. London, 56—107.
- Valiulina, S.I., Nedashkovskii, L. F. 2005. In *Nizhnevolszhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7, 257—280 (in Russian).
- Valiulina, S.I., Galkina, A.A., Nuredinova, A.R. 2012. In Stashenkov, D.A. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "Iaz" Publ., 122—138 (in Russian).
- Vasil'eva, I.N. 1988. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103—150 (in Russian).
- Gavrilova, A.A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Ground as a Source on History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Galkin, L.L. 2003. In *Tekhnika — molodezhi (Technology for the Youth)* (2), 52—56 (in Russian).
- Goldina, R.D. 1999. *Drevniia i srednevekoviaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
- Gonianski, M.I., Kokorina, N.A., Svirina, A.B. 1993. In Nedoshivina, N.G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities in Eastern Europe)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 82. Moscow: State Historical Museum, 143—160 (in Russian).
- Grazhdankina, N.S., Rtveladze, E.V. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 127—129 (in Russian).
- Gurevich, F.D. 1981. *Drevnii Novogrudok. Okol'nyi gorod (Ancient Novogrudok: Outer City)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Egorov, V.L. 2000. In Belotserkovskaya, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 263—272 (in Russian).
- Ivanov, V.A., Kriger, V.A. 1988. *Kurgany kipchakskogo vremeni na Iuzhnom Urale (XIII—XIV vv.) (Barrows of the Kyp-*

- chak Times in the Southern Ural, 13th—14th Centuries). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Il'iasova, S.R., Il'iasov, Dzh. Ya., Imamberdyev, R.A., Iskhakova, E.A. 2016. «Net blaga v bogatstve...» Glazurovan-naia keramika Tashkentskogo oazisa IX—XII vekov ("No Good in Wealth...": Glazed Pottery of the Tashkent Oasis, 9th—12th Centuries). Moscow: "Fond Mardzhani" Publ. (in Russian).
- Kazakov, E.P. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia* (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers). Kazan: Institute for Language, Literature, and History, 117—129 (in Russian).
- Kirillov, I.I. 1983. In Kononov, P.B. (ed.). *Po sledam drevnikh kultur Zabaikal'ia* (Following the Traces of Ancient Cultures of Trans-Baikal). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 123—138 (in Russian).
- Kirpichnikov, N.A. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX—XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th—13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka* (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kokorina, N.A. 1982. In *Otchet ob arkheologicheskom issledovanii Biliarskogo gorodishcha v 1981 godu* (Report on Archaeological Studies of the Bilyar Fortified Site in 1981) 2. Kazan. Archive of the Archaeological Museum, Kazan State University. Fund 3, no. 31, sheets 16—50 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 1983. *Otchet ob arkheologicheskom issledovanii Biliarskogo gorodishcha i ego okrestnostei v 1982 g* (Report on Archaeological Studies of the Bilyar Fortified Site and its Environs in 1981). Kazan. Archive of the Archaeological Museum, Kazan State University. Fund 3, no. 32 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 1983. In Khalikov, A. Kh., Starostin, P.N. (eds.). *Srednevekove arkheologicheskie pamiatniki Tatarii* (Medieval Archaeological Sites of Tataria). Kazan: Institute for Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 50—69 (in Russian).
- Kokorina, N.A. 1984. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda* (Archaeological Discoveries of 1982), 152 (in Russian).
- Kolchin, B.A. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 92—112 (in Russian).
- Kolchin, B.A., Rybina, E.A. 1982. In Kolchin, B.A., Yanin, V.L. (eds.). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda)* (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod)). Moscow: "Nauka" Publ., 178—238 (in Russian).
- Kravchenko, A.A. 1986. *Srednevekovi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV vv.)* (Medieval Belgorod on Dniester (Late 13th — 14th Centuries)). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2001. In Usmanov, M.A. (ed.). *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoi Ord)*. *Ot Kalki do Astrakhani. 1223—1556* (Source Study of the Jochid Ulus (Golden Horde) History: from Kalka to Astrakhan. 1223—1556). Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 43—75 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X—XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th — 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 1983. *Askiz Culture of Southern Siberia in 10th — 14th Centuries* (The Askiz Culture of Southern Siberia in 10th — 14th Centuries). Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3—18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Makarov, L.D. 1993. In Ivanov, V.V., Puzanov, V.V. (eds.). *Istoricheskoe poznanie: traditsii i novatsii* (Historical Research: Traditions and Innovations). Izhevsk: Udmurt State University, 32 (in Russian).
- Maslovskii, A.N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004) 21, 308—473 (in Russian).
- Matveeva, V.I. 1982. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 171, 99—103 (in Russian).
- Medvedev, V.E. 1982. *Srednevekove pamiatniki ostrova Ussuriiskogo* (Medieval Sites of the Ussuriysky Island). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nuretdinova, A.R. 2011. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific Bulletin of Kazan State University). Series: Humanities 153 (3), 51—62 (in Russian).
- Poluboiarinova, M.D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Poluboiarinova, M.D. 2008. In Starostin, P.N. (ed.), Poluboiarinova, M.D. (comp.). *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, torgovlia* (The Town of Bolgar: Culture, Art, Trade). Moscow: "Nauka" Publ., 27—107 (in Russian).
- Poliakova, G.F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov* (Town of Bolgar: Craft of Metallurgists, Smiths, Founders). Kazan: Institute for Language, Literature, and History, 154—269 (in Russian).
- Pugachenkova, G.A. 1960. In *Trudy Tashkentskogo gosudarstvennogo universiteta* (Transactions of the Tashkent State University) 172, 197—200 (in Russian).
- Samashev, Z., Kuznetsov, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Sarai-chika* (Saraychik Pottery). Almaty: "Arkheologiya" Publ. (in Russian).
- Sedova, M.V. 1978. *Iaropolch Zalesskii* (The Yaropolch Zalessky Town). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Singatullina, A.Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
- Srednevekove goroda Kazakhstana* (Medieval Towns of Kazakhstan). 2006. Almaty: "Oner TOO" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S.A. (ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* (Eurasian Steppes in the Middle Ages). Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fakhrutdinov, R.G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhskokamskoi Bulgarii i ee territorii* (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory). Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Fakhrutdinov, R.G. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (4), 68—84 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 50—66 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ord. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov* (Art of Nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia* (Golden Horde Towns in the Volga Area). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, torgovlia, byt* (Golden Horde Towns in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ord* (Coinage of the Golden Horde). Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1976. In Sedov, V.V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda* (Studies of the Great City). Moscow: "Nauka" Publ., 5—56 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia* (Archaeological Sites of Lower Kama Region). Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 82—98 (in Russian).
- Khalikov, A. Kh. 1994. *Mongoly, tatory, Zolotaia Orda i Bulgariia* (The Mongols, Tatars, Golden Horde and Bulgaria). Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
- Khalikov, A. Kh., Valiulina, S.I. 1991. In Tagirov, I.R. (ed.). *Stran-*

- itsy istorii Povolzh'ia i Priural'ia (*Pages from the History of the Volga Basin and Cis-Urals*). Kazan: Kazan State University, 162—182 (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1988. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslenoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1996. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, 269—292 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Bilyar Pottery)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 4—23 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i mongol'skoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 43—58 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 1991. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Problemy arkheologii Srednego Povolzh'ia (Problems of the Archaeology of Middle Volga Region)*. Kazan: Kazan State University, 40—58 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 1995. *Velikii gorod na Cheremshane. Stratigrafiia, khronologiiia. Problemy Biliara-Bulgara (Great Town on Cheremshan River. Stratigraphy, Chronology. Problems of Bilyar and Bulgar)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
- Shliakhova, I. V. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (4), 75—86 (in Russian).
- Curatola, G. 2006. *Persian Ceramics from the 9th to the 14th century*. Milan: Skira.
- Feherwari, G. 2000. *Ceramics of the Islamic World in the Tareq Rajab Museum*. London; New York: B. Tauris.
- Khalili, N.D. 2008. *Visions of splendour in Islamic World Art and Culture*. London: Worth Press.
- Kalantaryan, A., Karakhanyan, G., Melkonyan, H., Petrosyan, H., Hakobyan, N., Babayan, F., Zhamkochan, A., Nasardyan, K., Hayrapetyan, A. 2009. *Armenia in the cultural context of East and West*. Yerevan: Gitutyun.
- Mason, R. 1997. Early Mediaeval Iraqi Lustre-Painted and Associated Wares: Typology in a Multidisciplinary Study. *Iraq* 59, 15—61.
- Mason, R. 1997. Mediaeval Iranian Lustre-Painted and Associated Wares: Typology in a Multidisciplinary Study. *Iran* 35, 103—135.
- Miroudot, D. 2008. L'Iran medieval. In Dectot, X. (com.). *Reflets d'or d'Orient en Occident, la céramique lustrée IXe — XVe siècle*. Paris: Flammarion; RMN.
- Miroudot, D. 2012. Ewer with dragons. In Makariou, S. *Islamic Art at the Musée du Louvre*. Paris: Hazan; Musée du Louvre, 198—200.
- Pancaroglu, O. 2007. *Perpetual Glory. Medieval Islamic ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection*. Chicago: Art Institute of Chicago; New Haven, Conn.; London: Yale University Press.
- Porter, Y. 2014. Les céramiques de l'Orient musulman médiéval (VIIe — XVe siècle). In Schumacher, A.-C. (com.). *Terres d'Islam. Les Collections de Céramique Moyen-Orientale du Musée Ariana à Genève*. Milan: Continents, 21—97.
- Robertshaw, P., Benco, N., Wood, M., Dussubieux, L., Melchiorres, E., Ettahiri, A. 2010. Chemical analysis of Glass Beads from medieval Al Basra (Morocco). *Archaeometry* 52, 355—379.
- Valiulina, S. 2014. Comprehensive Investigation of a Pottery Workshop Used for Production of Glazed Ceramics in Bilyar City Excavation. In Scott, R.B. (ed.). *Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry*. Leuven, 2012. Leuven: Centre for Archaeological Sciences, 285—290.
- Valiulina, S. 2016. Medieval Workshop of an Alchemist, Jeweller and Glassmaker in Bilyar (Middle Volga Region, Russian Federation). *Památky archeologické* CVII, 237—278.
- Valiulina, S. 2016. Technological Features of Glazed Ceramics from the Golden Horde Bilyar. In Zacharias, N., Palamara, E. (eds.). *41st International symposium on Archaeometry*. ISA may 15—21. Kalamata: University of the Peloponnese, 440.
- Valiulina, S. 2017. Traditions of nonferrous metalworking in the Middle Volga region in the 13th—15th cc. (based on materials from the Bilyarsk monocentric agglomeration). *Archeometrie* 40. XXIe eme colloque du GMPCA 18—21 avril 2017 — Rennes. Renn, 94.
- Valiulina, S. 2018. Chemické zloženie sklenených korálikov z Bolgaru (od obdobia vikíngov po Zlatú Hordu). In: *Historické sklo*. Multidisciplinárne o historickom skle III. Bratislava, 165—185.
- Valiulina, S. 2018. The chemical composition of Bolgar glass beads (from the Viking Age to the Golden Horde). In print.
- Valiulina, S.I. 2018. Glazed Ceramics from a Pottery Workshop in the Center of Bilyar. In print.
- Valiulina, S.I. 2019. Glazed Ceramics from a Pottery Workshop in the Center of Bilyar. In: Siemianowska, S. (ed.). *The 3rd International Symposium on Pottery and Glass Ostrakon. Ceramics and Glass in Interdisciplinary Research*. Wrocław, in print.
- Wade Haddon, R.A. 2013. Mongol Influences on Mamluk Ceramics in the Fourteenth Century. In: Behrens-Abouseif, D. (ed.). *The Arts of the Mamluks in Egypt and Syria — Evolution and Impact*. Goettingen: Bonn University Press, 95—113.
- Watson, O. 2004. *Ceramics from Islamic Lands. Kuwait National Museum the al-Sabah Collection*. London: Thames & Hudson.

Д. А. Сташенков

Dmitriy Stashenkov. Candidate of Historical Sciences. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin ¹.

Сташенков Дмитрий Алексеевич. Кандидат исторических наук. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина.

E-mail: archeo@list.ru

Address:¹ Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation

Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды

Keywords: Middle Volga, Golden Horde, Mordovian, burial ground, funerary rite

Ключевые слова: Средняя Волга, Золотая Орда, мордва, грунтовый могильник, погребальный обряд

D. A. Stashenkov

Kuzkino Mordovian Burial Ground of the Late 13th—14th Centuries: toward the history of the population of the right bank of the Samara Volga region in the Golden Horde era

The article addresses studies on the burial ground of the late 13th—14th century in the Volga region near Samara. The funerary rite and objects from 16 burials find analogies in the Muranka, Barbashinsky, and Usinsky burial grounds, associated mainly with the Mordovian groups. The appearance of large Mordovian burial grounds in the Middle Volga region is conditioned by the policy of economic development of the Volga region, pursued by the Golden Horde administration. The chronological framework of the archaeological objects studied in the region with the Mordovian ethno-cultural component — late 13th — middle of the 14th centuries. There is no evidence to support the existence of these sites after 1360s — the beginning of the “Great troubles” period in the Horde.

Д. А. Сташенков

Кузькинский мордовский могильник конца XIII—XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды

Статья посвящена исследованиям грунтового могильника кон. XIII — сер. XIV в. в Самарском Поволжье. Погребальный обряд и предметы из 16 захоронений находят аналогии в Муранском, Барбашинском, Усинском грунтовых могильниках, связываемых преимущественно с мордовскими группами. Появление в Среднем Поволжье крупных мордовских могильников обусловлено политикой хозяйственного освоения Поволжья, проводимой золотоордынской администрацией. Хронологические рамки исследованных в регионе памятников с мордовским этнокультурным компонентом — конец XIII — середина XIV в. Свидетельств существования этих памятников после 1360-х гг. — начала периода «Великой замятни» в Орде — в регионе не имеется.

Осенью 2003 г. в Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина поступила информация о том, что карьером по добыче песка у с. Кузькино Шигонского района Самарской области разрушаются древние погребения. В 2004 г. разведочным отрядом СОИКМ им. П. В. Алабина в окрестностях с. Кузькино был обнаружен разрушающийся песчаным карьером грунтовый мо-

гильник и исследовано женское погребение (Сташенков 2005). Раскопки могильника проводились в 2005—2006 гг. На краю карьера было заложено два раскопа: раскоп 1 площадью 36 кв. м и раскоп 2 площадью 104 кв. м (рис. 1; 2; 4). Общая площадь, исследованная на памятнике — 140 кв. м. В раскопе 1 выявлены два детских погребения, в раскопе 2 — 14 погребений.

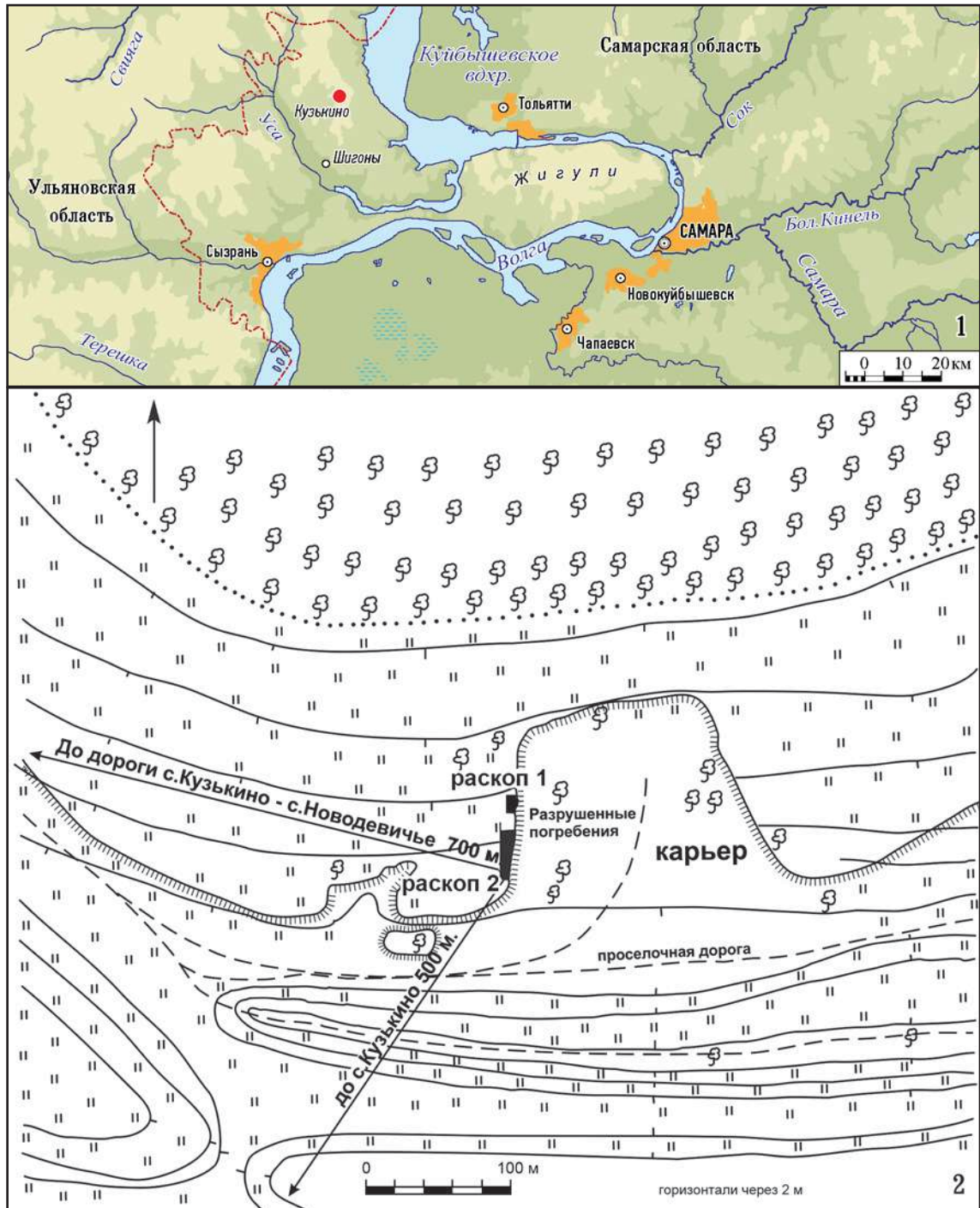

Рис. 1. Кузькинский могильник: 1 — локализация; 2 — ситуационный план.

Fig. 1. Kuzkino burial ground: 1 — location; 2 — situational plan.

Стратиграфическая ситуация на раскопах общая:

1) Дерновый слой, в некоторых местах перекрытый слоем отвала из грабительских шурфов и карьера.

2) Гумусированная супесь серого цвета мощностью до 40 см.

3) Материк. На разных участках раскопов это или плотный белый песок, или желтый су-

глинок с вкраплениями плитчатого известняка. Все погребения были опущены в материк.

Всего на двух раскопах исследовано 16 погребений: три мужских, пять женских, восемь детских. По набору погребального инвентаря и положению погребенных среди детских можно выделить два погребения мальчиков и три — девочек. Два погребения, зафиксированные как прямоугольные ямы малых разме-

ров, костей и находок не содержали. Вероятно, они принадлежали младенцам.

Могильные ямы прямоугольной формы были ориентированы по линии С-Ю. Погребения головами были ориентированы на юг. Костяки в мужских погребениях находились в вытянутом на спине положении и сопровождались железными ножами, топорами, кресалом, пряжкой. Женские погребения совершены в скорченном положении на левом или правом боку. Погребальный инвентарь представлен глиняными лепными горшками, стеклянными бусами, бронзовыми лопастными сьюльгами. В двух женских погребениях были выявлены нагрудные украшения в виде прямоугольных пластин с основой из органических материалов, на которую шерстяными нитями нашивались бронзовые лопастные сьюльгамы. Среди характерных женских украшений можно отметить наконечник пулокерь: деревянная палочка вставлялась в женскую косу, заключенную в лубяной футляр и обмотанную тонкой медной проволокой. В детских погребениях обнаружены стеклянные бусины, которые не только использовались в составе ожерелья, но и служили украшениями головного убора.

На раскопе 1 были выявлены два погребения.

Погребение 1 (рис. 3: I). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 105×50 см, ориентирована по линии север-юг. В материк яма углублена на 11—25 см. В заполнении могильной ямы над ногами погребенного найдены 2 фрагмента сильно коррозированного железного предмета (шила?). Кости погребенного практически полностью истлели. Удалось зафиксировать череп, фрагмент таза и 2 бедренные кости. По их расположению восстанавливается, что погребение ребенка в возрасте до 7 лет (молочные зубы еще не сменились постоянными), ориентированное на юг, было совершено в скорченном положении на левом боку. Ноги были согнуты в коленях.

На дне могильной ямы в районе колен найдена бронзовая застежка-сьюльгама без иглы (рис. 3: I: 2).

Погребение 2 (рис. 3: II). Погребение в западной части нарушено грабительской ямой. Южный край погребения нарушен при проведении земляных работ, связанных с разработкой карьера. Могильная яма, ориентированная по линии С-Ю, имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 120×70 см. В материк яма углублена на 7—14 см. Зафиксированы остатки черепа и фрагменты берцовых костей ног плохой сохранности. Погребение девоч-

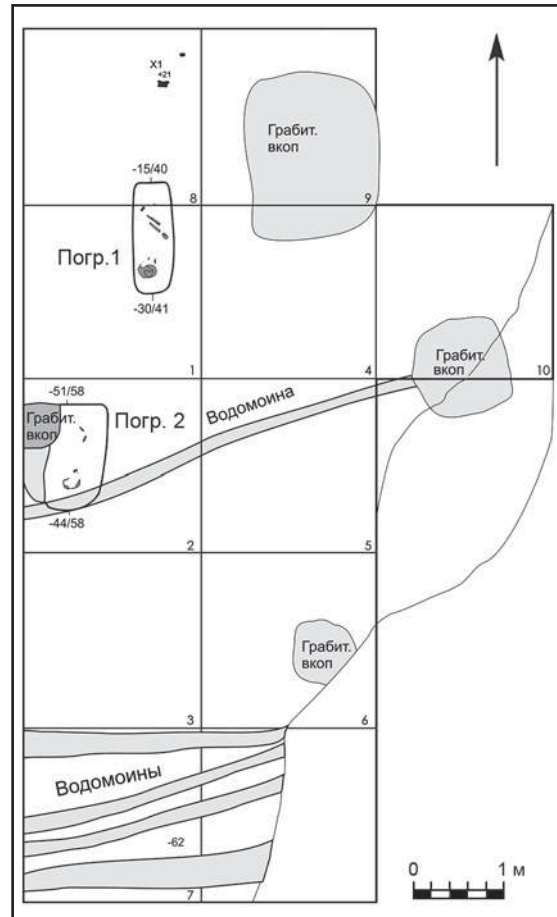

Рис. 2. Кузькинский могильник. Раскоп 1. План.

Fig. 2. Kuzkino burial ground. Excavation 1. Plan.

ки 6—7 лет было совершено на правом боку, ноги были согнуты в коленях. Положение рук не прослежено.

В районе лобных костей черепа, под челюстью и слева от челюсти находились 14 стеклянных бус. При снятии черепа под его средней частью было обнаружено еще 4 синих стеклянных бусины разных размеров (рис. 3: II: 2—19). Возможно, бусами могла быть украшена шапочка или налобная повязка. Остальные бусы, видимо, являлись частью ожерелья или украшения воротника.

Раскоп 2 заложен на западном краю песчаного карьера к югу от раскопа 1 (рис. 4). Поверхность площадки раскопа имеет значительный уклон к югу. Перепад высотных отметок на раскопе составил 231 см. В северной части раскопа прослеживаются следы грабительских вкопов.

Очертания погребений были выявлены на фоне материка.

Погребение 1 (рис. 5). Выявлено в обнажении карьера по темному цвету заполнения могильной ямы. Погребение было совершено

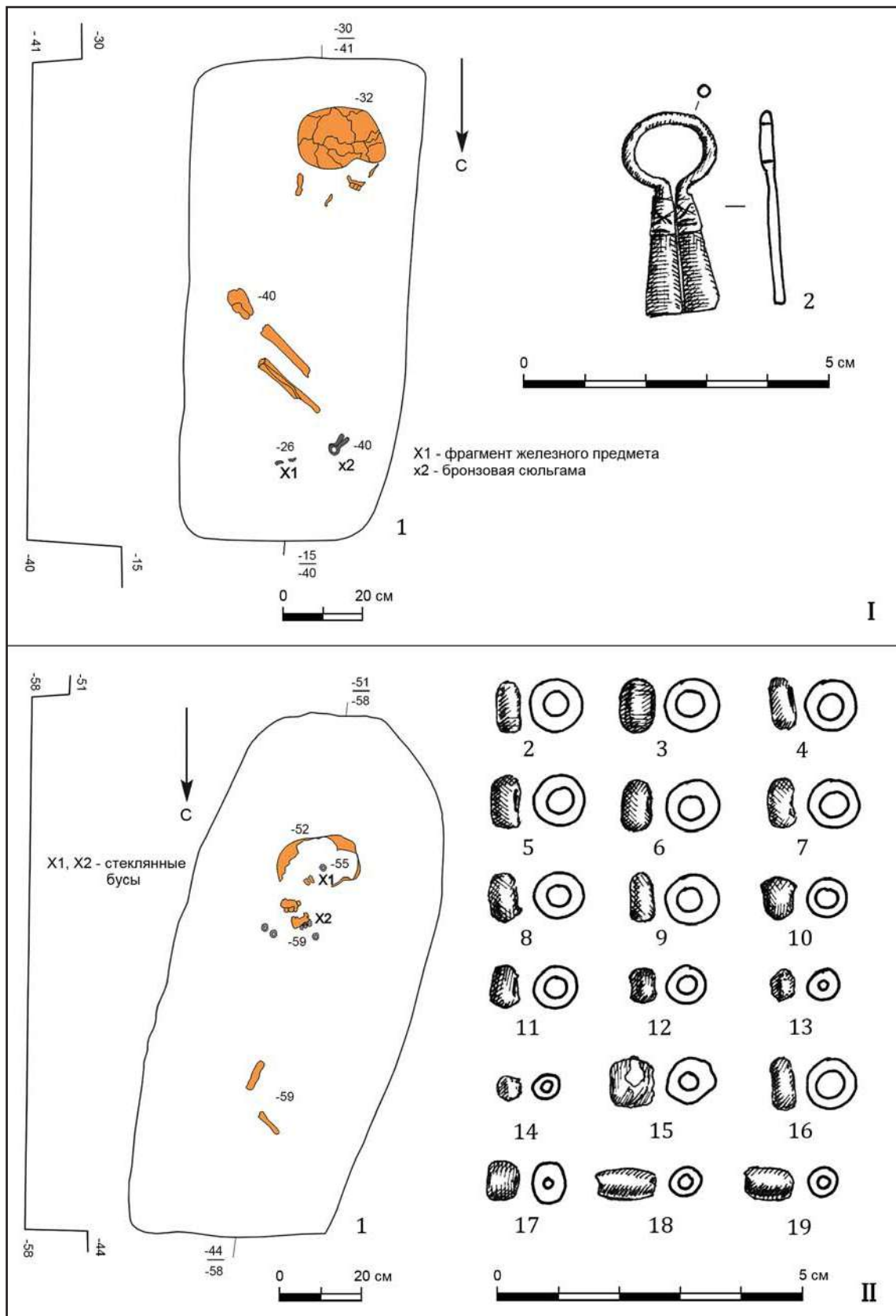

Рис. 3. Кузькинский могильник. Раскоп 1. I — погребение 1: 1 — план; 2 — сольгама (бронза); II — погребение 2: 1 — план; 2—19 — бусы (стекло).

Fig. 3. Kuzkino burial ground. Excavation 1. I — burial 1: 1 — plan; 2 — sulgama (bronze); II — burial 2: 1 — plan; 2—19 — beads (glass).

в яме подпрямоугольной формы длиной 2,3 м и шириной 0,6 м. Стенки ямы отвесные, дно находится на глубине 1 м от современной поверхности. Погребение женское, ориентированное в южном секторе, совершено в слабо скорченном положении на правом боку. Руки согнуты в локтях, кисти рук находились перед лицом. Ноги подогнуты в коленях. Волосы погребенной были собраны в косу, обложенную лубом и обмотанную медной проволокой (накосник «пулокерь»). Между локтями рук на расстоянии 7 см одна от другой находились две бронзовые сьюльгамы. К востоку от правой ноги на уровне таза лежало крупное глиняное пряслице. Часть могильной ямы уничтожена карьером. Вероятно, в ногах погребенной в северо-восточной части ямы находился глиняный горшок, фрагменты которого были собраны в осыпи карьера под погребением.

У восточной стенки могильной ямы прослежен древесный тлен, вероятно, от гробовища.

Погребение 2 (рис. 6) разрушено карьером. Сохранилась западная кромка могильной ямы и отдельные кости левой ноги. Могильная яма длиной 205 см, ориентированная по линии С-Ю, углублена в материк на 9 см.

Погребенный, вероятно, мужчина, был ориентирован в южном секторе.

В районе левого бедра погребенного лежал крупный железный нож (рис. 6: 2). В осыпи карьера в районе ног погребенного найден железный топор (рис. 6: 3).

Погребение 3 (рис. 7). Могильная яма, ориентированная по линии С-Ю, имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 210×70 см. В материк яма углублена на 54 см. Кости взрослой женщины (рост не менее 165 см) имели плохую сохранность. Погребение было совершено в скорченном положении на правом боку, ноги были согнуты в коленях. Руки были согнуты в локтях, кисти рук находились перед лицом. На запястье левой руки был надет железный браслет. В районе кистей зафиксированы остатки бронзового перстня, который рассыпался при расчистке.

Перед животом сохранились остатки нагрудного украшения — сьюльгамы, прикрепленные к берестяной (?) основе (рис. 7: 4—7). Там же находилось лепное глиняное пряслице биконической формы. Между голенями ног и западной стенкой могильной ямы находился крупный глиняный сосуд (рис. 7: 8).

Погребение 4 (рис. 8). Могильная яма, ориентированная по линии С-Ю, имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 120×35—40 см. В материк яма углубле-

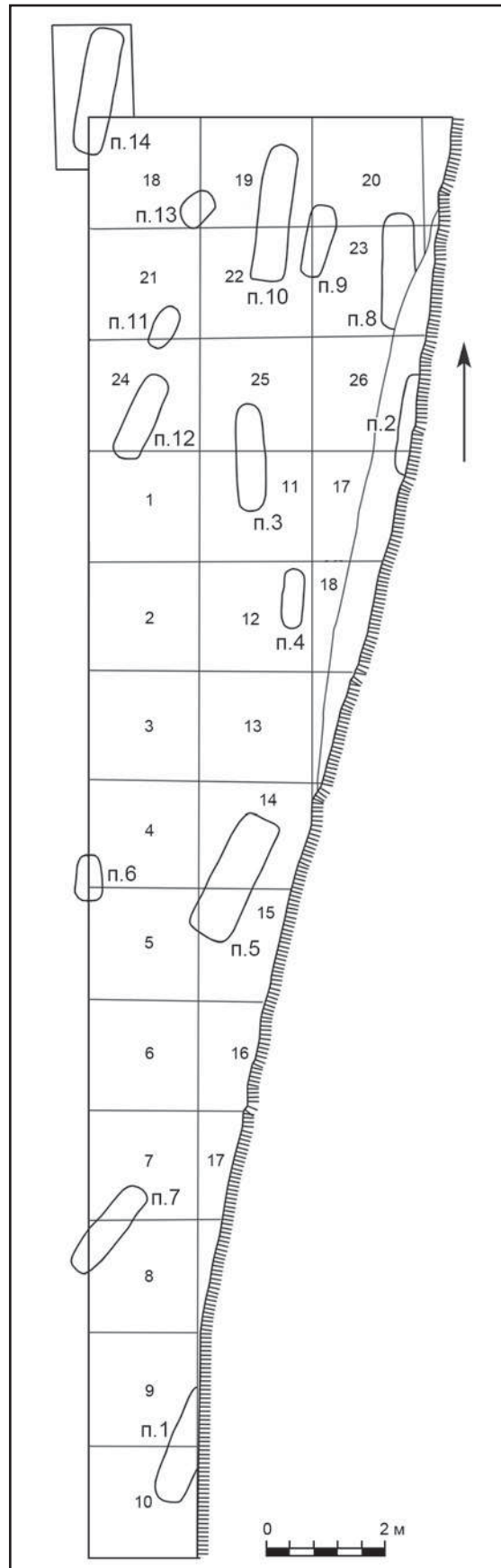
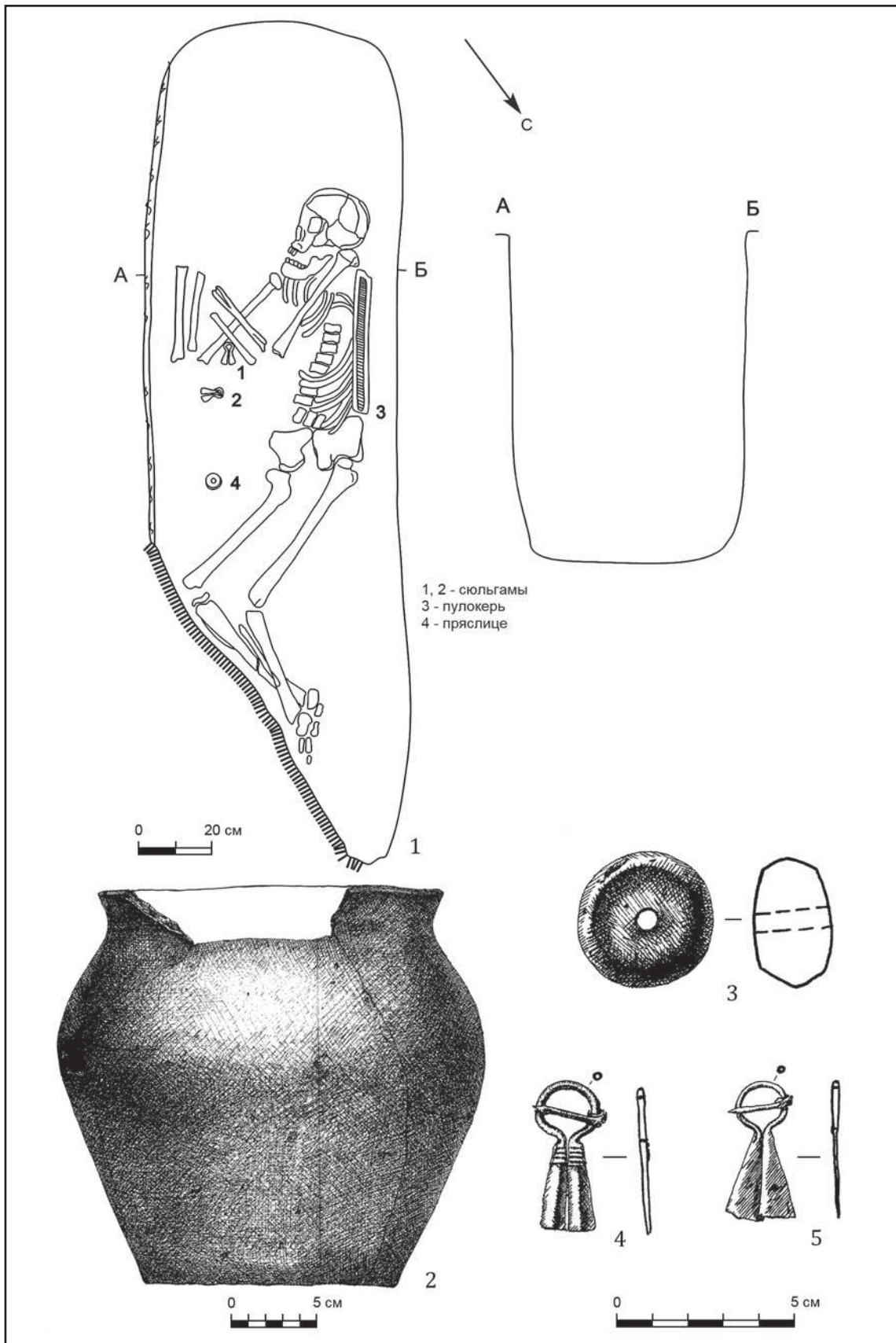

Рис. 4. Кузькинский могильник. Раскоп 2. План.

Fig. 4. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Plan.

Рис. 5. Кузькинский могильник. Раскоп 2. Погребение 1: 1 — план; 2 — сосуд; 3 — пряслице; 4, 5 — сюльгамы (2, 3 — глина; 4, 5 — бронза).

Fig. 5. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Burial 1: 1 — the plan; 2 — vessel; 3 — wire; 4, 5 — sulgams (2, 3 — clay; 4, 5 — bronze).

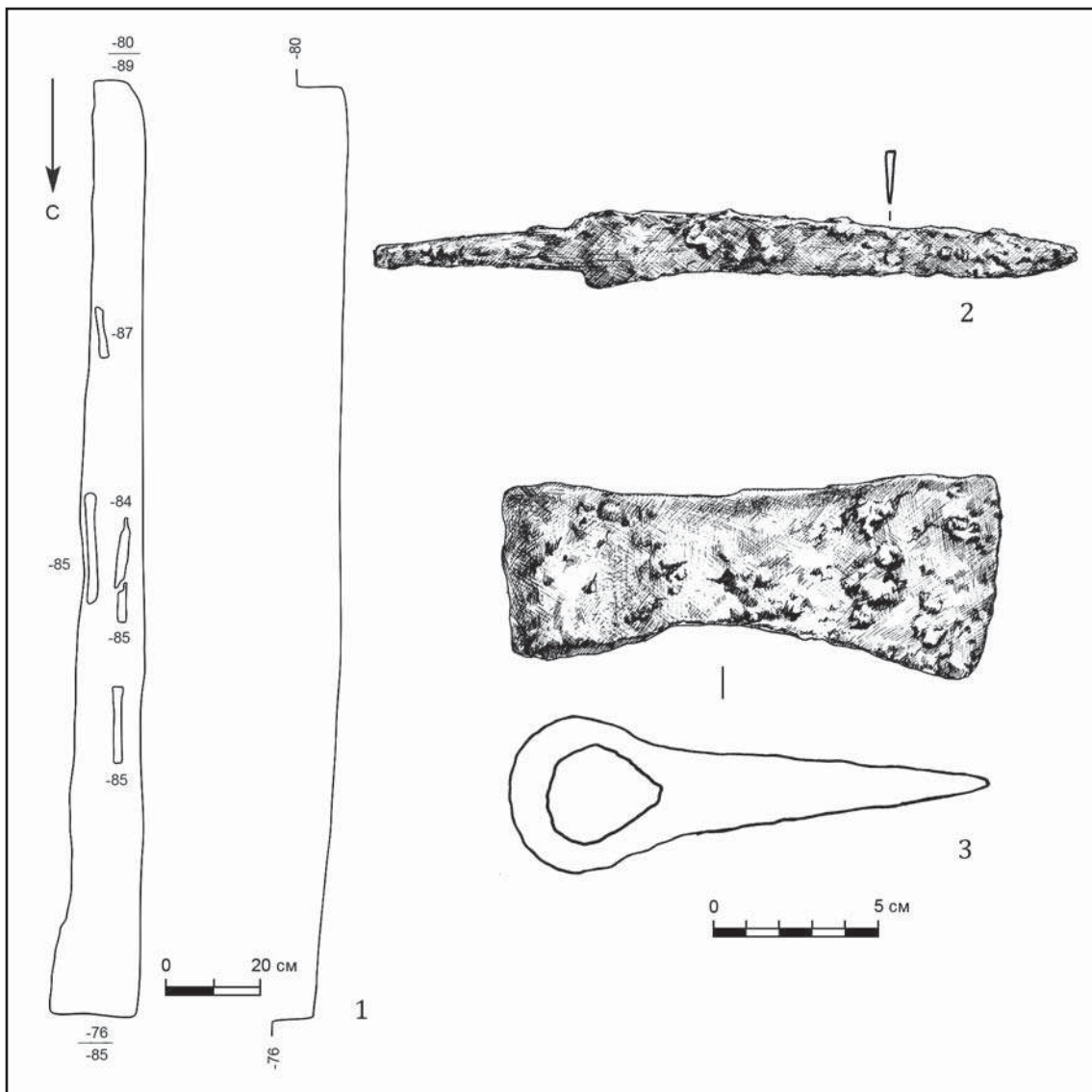

Рис. 6. Кузькинский могильник. Раскоп 2. Погребение 2: 1 — план; 2 — нож; 3 — топор (2, 3 — железо).

Fig. 6. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Burial 2: 1 — the plan; 2 — the knife; 3 — an ax (2, 3 — iron).

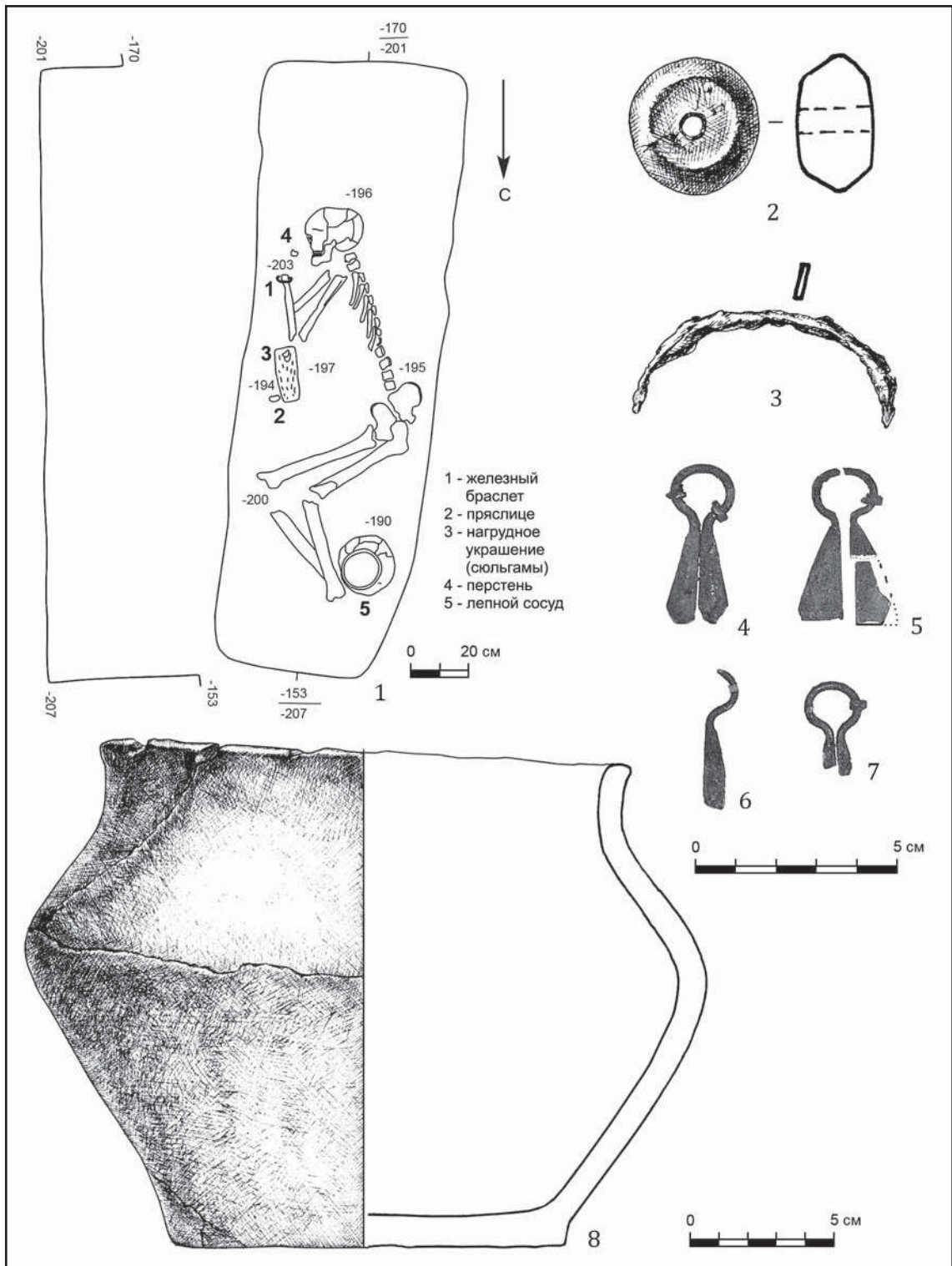
на на 10—12 см. Кости погребенной девочки в возрасте 5—6 лет истлели. Зафиксированы остатки черепа и молочных зубов. В районе шеи находились 6 стеклянных мозаичных бус (5 целых и 1 фрагмент) (рис. 8: 2—6). Бусы, видимо, являлись частью ожерелья или украшения воротника.

Погребение 5 (рис. 9). Могильная яма, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 205×60 см. В материк яма углублена на 36 см.

Погребение взрослого мужчины (рост 165—170 см) было совершено в вытянутом на спине положении. Кости имеют плохую сохранность. Головой погребение ориентировано на ЮЗ. Голова была повернута на ле-

вый бок. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и кисть руки, вероятно, находилась на тазовых костях.

На правой тазовой кости зафиксировано железное кольцо (рис. 9: 4). Слева между бедром и стенкой могильной ямы лежали фрагменты железного коррозированного предмета, железные нож, шило, кресало (рис. 9: 3, 5—8). Между ними и бедренной костью на уровне кресала найдена серебряная монета — дирхем (рис. 9: 2). По определению П. Н. Петрова, которому автор приносит свою искреннюю благодарность, это данг монетного двора Булгар ал-Махруса 732 или 733 г.х. (цифра единиц видна неотчетливо) с именем Узбек-хана (1332—1333 гг.). Штемпель уже основательно порабо-

Рис. 7. Кузькинский могильник. Раскоп 2. Погребение 3: 1 — план; 2 — пряслице; 3 — браслет; 4—7 — сьюлгамы; 8 — сосуд (2, 8 — глина; 3 — железо; 4—7 — бронза).

Fig. 7. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Burial 3: 1 — the plan; 2 — spindle; 3 — bracelet; 4—7 — sulgams; 8 — vessel (2, 8 — clay; 3 — iron; 4—7 — bronze).

тал и сильно сбит. По некоторым четким, не потертым линиям чекана можно утверждать, что монета была в обращении недолго (не более 1—2 лет). Следовательно, захо-

ронение было совершено не позднее конца 1330-х гг.

В изголовье погребенного справа находилась небольшая кость животного. В ногах по-

гребенного находилась крупная кость — лопатка лошади или коровы.

Погребение 6 (рис. 10: 1). Могильная яма, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ, имела трапециевидную форму. Размеры ямы 70×30—42 см. В материк яма углублена на 10 см. Кости в погребении не сохранились. Вещи не обнаружены. Вероятно, погребение принадлежало младенцу.

Погребение 7 (рис. 10: 2). Могильная яма, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ, имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 220×45—50 см. В материк яма углублена на 19 см.

Погребение подростка (рост 140—145 см) было совершено в вытянутом на спине положении. Кости имеют плохую сохранность. Головой погребение ориентировано на ЮЮЗ. Голова была повернута на правый висок. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, и кисть руки, вероятно, находилась на тазовых костях.

В районе таза зафиксирована железная пряжка (рис. 10: 3), у левого бедра у стенки ямы находился железный нож (рис. 10: 4).

Погребение 8 (рис. 11: 1). Могильная яма, ориентированная по линии С-Ю, имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 200×60—65 см. В материк яма углублена на 5—15 см.

Кости погребенной (взрослой женщины) плохой сохранности. Зафиксированы череп, кости рук и ног. Погребение было совершено в скорченном положении на левом боку, ноги были согнуты в коленях. Руки были согнуты в локтях, кисти рук, вероятно, находились перед лицом.

Под локтями находились две целых и фрагмент бронзовых сьюльгам (рис. 11: 2—4). У таза между краем бедренной кости и стенкой могильной ямы лежал плохо обожженный фрагмент глиняного предмета, вероятно, фрагмент пряслица (рис. 11: 5).

Погребение 9 (рис. 11: 6). Могильная яма, ориентированная по линии С-Ю, имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 150×40—50 см. В материк яма углублена на 20 см. Кости погребенной девочки возрастом до 8—10 лет истлели. Зафиксированы остатки черепа и двух молочных зубов. Головой погребенная была ориентирована на юг. В левой половине ямы у стенки зафиксирована пулокерь (рис. 11: 7), по которой можно реконструировать положение погребенной как скорченное на левом боку.

Погребение 10 (рис. 12). Могильная яма, ориентированная по линии С-Ю, име-

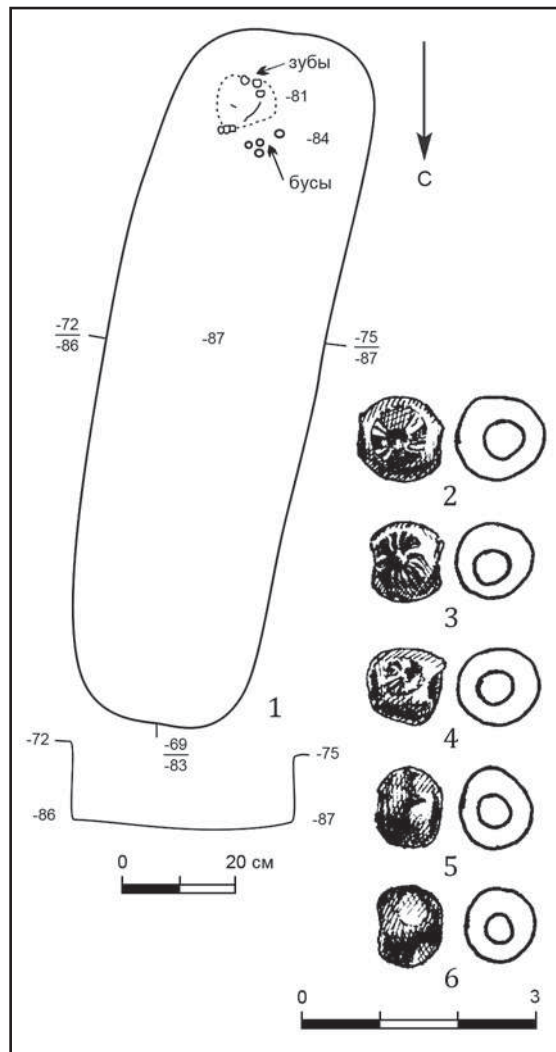

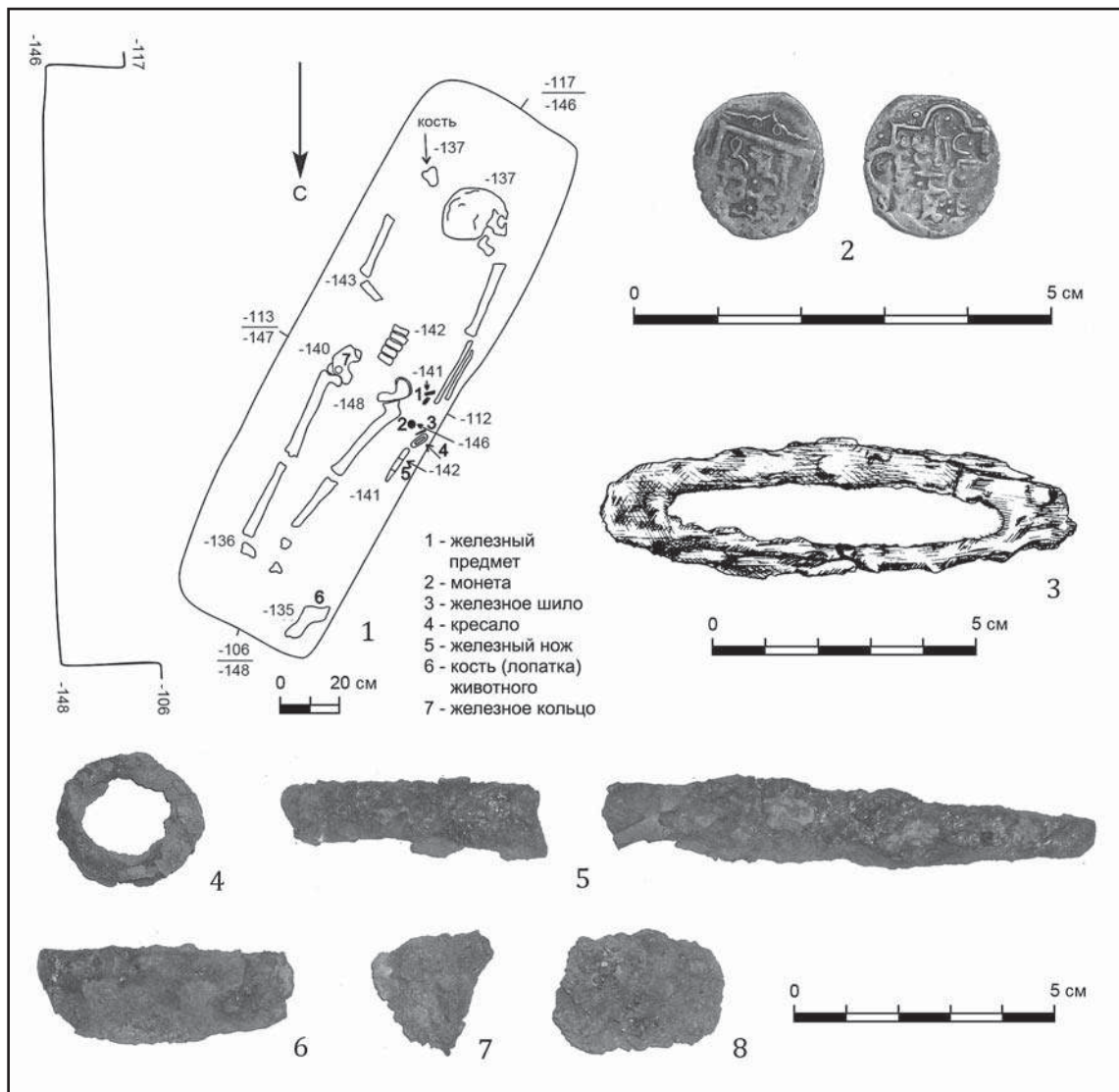
Рис. 8. Кузькинский могильник. Раскоп 2. Погребение 4. 1 — план; 2—6 — бусы (стекло).

Fig. 8. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Burial 4. 1 — the plan; 2—6 — beads (glass).

ла подпрямоугольную форму. Размеры ямы 236×50 см. В материк яма углублена на 15—35 см. В северной части на уровне дна зафиксированы мелкие угольки. Погребение взрослой женщины было совершено в скорченном положении на правом боку, ноги были согнуты в коленях. Руки были согнуты в локтях, кисти рук, вероятно, находились перед лицом.

В районе груди погребенной находилось нагрудное украшение, в составе которого имелась деревянная основа (кора?) и 11 бронзовых сьюльгам (рис. 12: 3—13). Длина украшения — около 20 см. Коса женщины была убрана в пулокерь длиной 40 см (рис. 12: 2).

Погребение 11 (рис. 13: 1). Могильная яма, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, имела подпрямоугольную форму со скругленны-

Рис. 9. Кузькинский могильник. Раскоп 2. Погребение 5: 1 — план; 2 — монета; 3 — кресало; 4 — кольцо; 5 — нож; 6—8 — фрагменты неопределённых предметов (2 — серебро; 3—8 — железо).

Fig. 9. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Burial 5: 1 — the plan. 2 — coin; 3 — bared; 4 — ring; 5 — the knife; 6—8 — fragments of undefined objects (2 — silver; 3—8 — iron).

ми углами. Размеры ямы 75×40 см. В материк яма углублена на 10—20 см. Кости и вещи в погребении не обнаружены. Скорее всего, в яме был захоронен младенец.

Погребение 12 (рис. 13: 2). Могильная яма, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ, имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 192×50 см. В материк яма углублена на 20 см. Погребение мальчика 7—10 лет (появились постоянные зубы, рост 105—110 см) было совершено в вытянутом положении на спине, голова повернута на правую сторону. Головой погребение было ориентировано на ЮЮЗ. Кости имеют плохую сохранность. Руки были вытянуты вдоль туловища. Справа на тазовых костях зафиксирован железный

коррозированный предмет. В ногах погребенного стоял глиняный сосуд (рис. 13: 3).

Погребение 13 (рис. 14). Могильная яма, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, имела подпрямоугольную форму со скругленными углами. Размеры ямы 50×25 см. В материк яма углублена на 5 см. Кости погребенного младенца не сохранились. находки стеклянных небольшой бусины белого цвета и крупной прямоугольной бусины-амулета (рис. 14: 2, 3), обычно встречающихся в детских погребениях в районе черепа, позволяют сделать предположение, что погребение было ориентировано головой на ЮЗ.

Погребение 14 (рис. 15). Могильная яма, ориентированная по линии ССВ-ЮЮЗ,

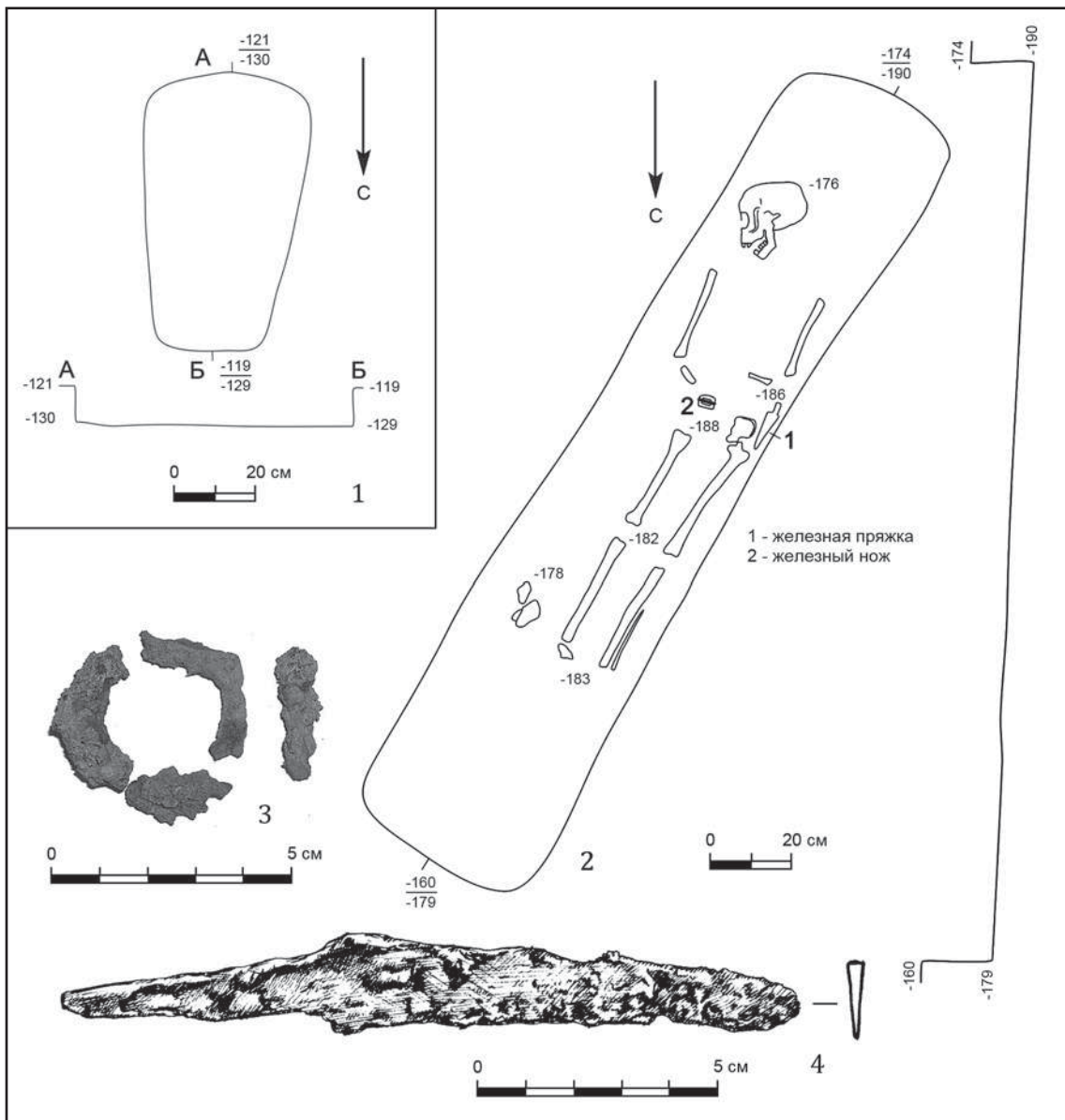

Рис. 10. Кузькинский могильник. Раскоп 2: 1 — погребение 6; 2 — план погребения 7; 3 — пряжка; 4 — нож (3, 4 — железо).

Fig. 10. Kuzkino burial ground. Excavation 2: 1 — burial 6; 2 — plan of the burial 7; 3 — buckle; 4 — the knife (3, 4 — iron).

имела подпрямоугольную форму. Размеры ямы 210×60 см. В материк яма углублена на 26 см. Погребение мужчины в возрасте более 40 лет было совершено в вытянутом положении на спине. Головой погребение было ориентировано на ЮЮЗ. Кости имеют плохую сохранность. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кисть должна была лежать на тазовых костях. Тазовые кости смещены и находятся в районе колен. Голени, возможно, были отчленены и перекрещены.

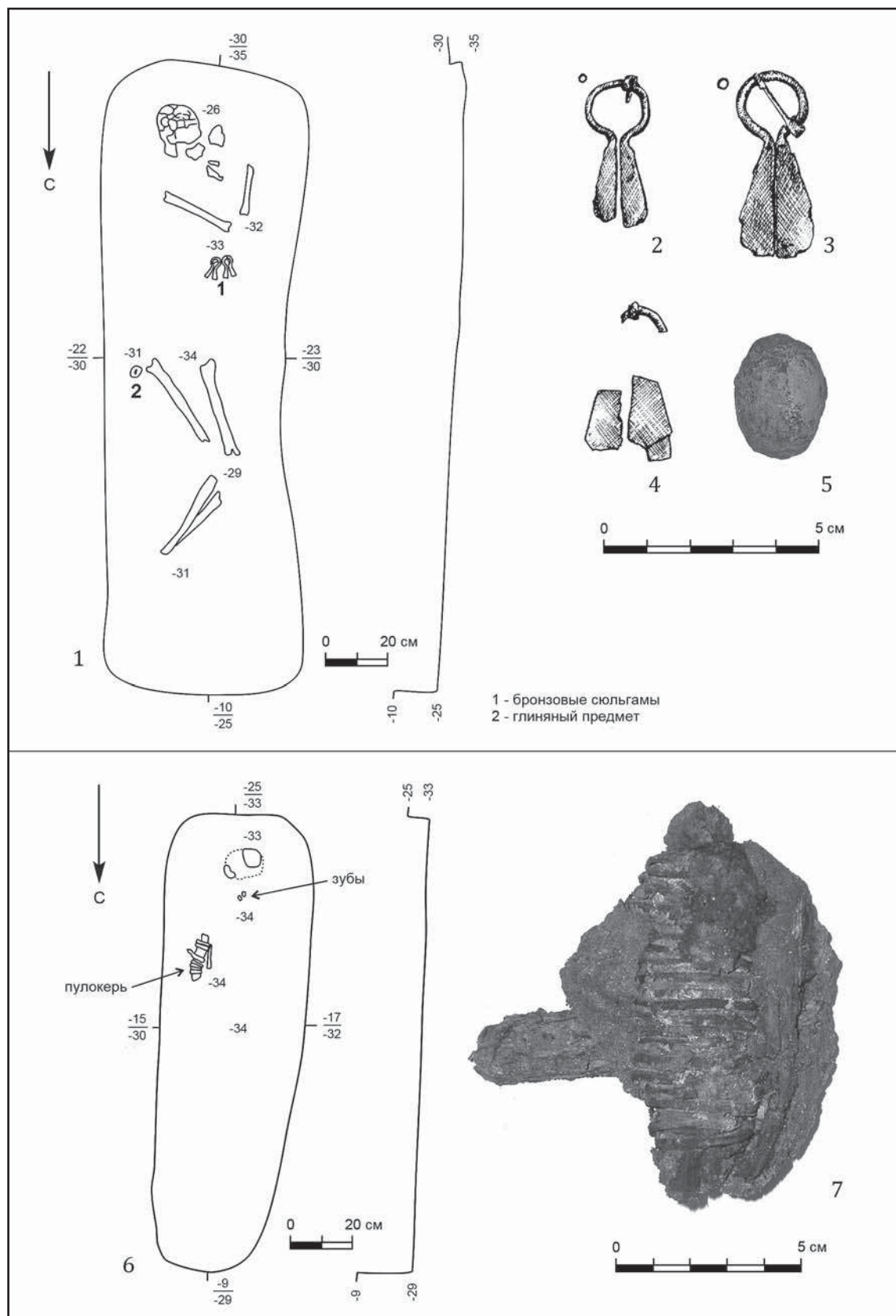
Череп смещен со своего первоначального положения. Справа от черепа лежал железный топор (рис. 15: 4). На черепе находилась

крупная стеклянная бусина черного цвета (рис. 15: 2). На правой бедренной кости, ближе к коленям, рукояткой вниз, зафиксирован железный нож (рис. 15: 3).

Описание инвентаря погребений

Железные топоры найдены в двух мужских погребениях. Оба топора проушные с треугольным клином. Топор из погребения 2 относится к узколезвийным топорам с симметричным лезвием, по форме близок к колунам (рис. 6: 3). Общая длина его — 15,6 см, ширина обуха — 4,9 см, ширина клинка —

Рис. 11. Кузькинский могильник. Раскоп 2: 1 — план погребения 8; 2—4 — сюльгамы (бронза); 5 — глиняный предмет; 6 — план погребения 9; 7 — пулокерь (бронза).

Fig. 11. Kuzkino burial ground. Excavation 2: 1 — plan of the burial 8; 2—4 — sulgams (bronze); 5 — clay object; 6 — plan of the burial 9; 7 — the puloker (bark, bronze).

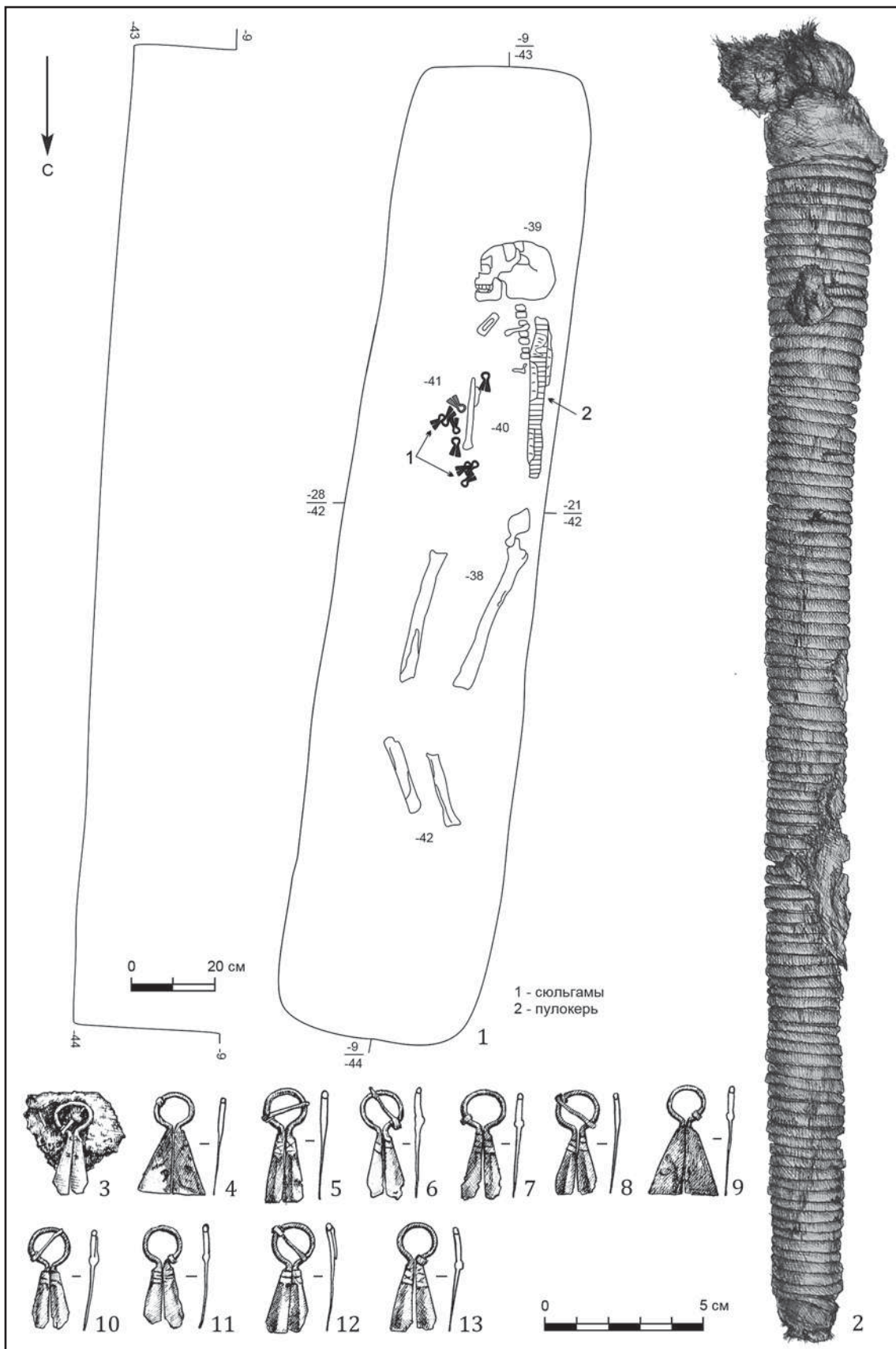

Рис. 12. Кузькинский могильник. Раскоп 2. Погребение 10: 1 — план; 2 — пулокерь (кора, бронза); 3—13 — сольгамы (бронза).

Fig. 12. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Burial 10: 1 — the plan; 2 — the puloker (bark, bronze); 3—13 — sulgams (bronze).

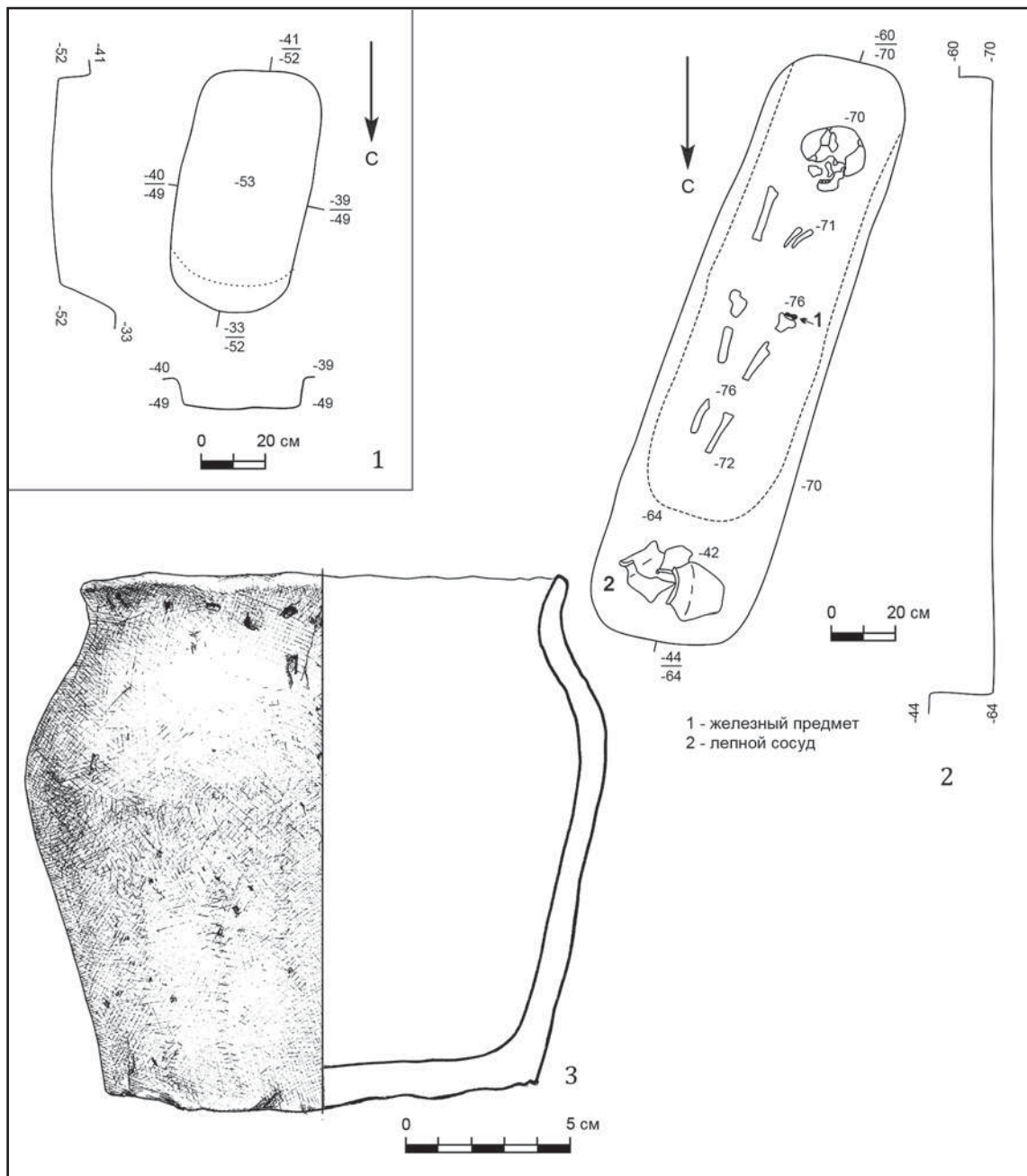

Рис. 13. Кузькинский могильник. Раскоп 2: 1 — погребение 11; 2 — погребение 12, план; 3 — глиняный сосуд.

Fig. 13. Kuzkino burial ground. Excavation 2: 1 — burial 11; 2 — burial 12, plan; 3 — ceramic vessel.

6,2 см, толщина — 2,8 см, размеры отверстия обуха — 3,0×3,4 см.

Второй топор из погребения 14 относится к типу широколезвийных клиновидных топоров (рис. 15: 4). Внутри обуха прослеживаются следы дерева с отпечатками ткани. Его общая длина — 15,8 см, ширина обуха — 5,2 см, ширина клинка — 7,0 см, толщина — 1,8 см, диаметр отверстия обуха — 3,3 см.

Железные ножи представлены 4 экземплярами (рис. 6: 2; 9: 5; 10: 4; 15: 3). Найдены в мужских погребениях.

Все они имеют довольно крупные размеры — длина от 15,3 см до 21,5 см. Ножи относятся к типу универсальных. Спинка слегка выпуклая или прямая, переход от черенка к лезвию выделен уступчиком, лезвие имеет клиновидное сечение, черенок прямоугольный в сечении. Нож из погребения 14 (рис. 15: 3) имеет следующие размеры: длина — 15,5 см, длина черенка ширина лезвия — 1,4 см, толщина спинки 0,3 см. Близок к нему нож из погребения 7. Его длина — 15,3 см, длина черенка — 5,3 см, ши-

рина лезвия — 1,6 см, толщина спинки 0,5 см (рис. 10: 4).

Выделяется своими размерами нож из погребения 2: длина — 21,5 см, длина черенка 6,4 см, ширина лезвия — 1,6 см, толщина спинки 0,3—0,5 см (рис. 6: 2).

Нож из погребения 5 (реконструируемая длина — 18,8 см, длина черенка — 4,8 см, ширина лезвия — 1,7 см, толщина спинки 0,3 см) отличается прямой спинкой, лезвие сточено (рис. 9: 5).

Железное шило из квадратного в сечении прута найдено в погребении 5. Кончик обломан. На черенке — следы деревянной рукоятки. Размеры: общая длина 5,9 см, ширина 0,5 см.

Возможно, шильями являлись стержневидный квадратный в сечении предмет из погребения 5 (длина 5,9 см, ширина 0,5 см) и стерженек длиной 2,6 см и диаметром 0,3 см (погр. 1 раскопа 1).

Железное двулезвийное кресало овальной формы с прорезью (погр. 5). Его длина — 9,9 см, ширина — 2,4 см, толщина спинки 0,4 см (рис. 9: 3).

В погребении 5 были обнаружены также **железное кольцо** из прямоугольного в сечении прута диаметром 2,4 см и толщиной 0,3 см и фрагменты железного предмета, представляющего собой пластину прямоугольной формы шириной 1,8 см и длиной 5,6 см.

Железная пряжка прямоугольно-арочной формы из прямоугольного в сечении прута найдена в погребении 7 (рис. 10: 3). Ее размеры: длина — 4,5 см, ширина — 3,0 см, толщина 0,5 см.

Глиняное пряслице, биконическое в сечении (погр. 1, рис. 5: 3). Диаметр пряслица 3,8 см, диаметр отверстия 0,6 см, высота — 2 см. Поверхность пряслица светлорыжевого цвета, в составе формовочной массы имеется мелкий шамот и песок. Подобные пряслица встречены в Барбашинском и Усинском могильниках (Васильева 1993: рис. 3: 10; 5: 21—22).

Украшения найдены преимущественно в женских и детских захоронениях. Они представлены бронзовыми и стеклянными изделиями. В одном случае был найден железный браслет.

Бронзовые лопастные сюльгамы найдены в пяти погребениях (№1, 3, 5, 8, 10). Сюльгамы как литые, так и кованые. Кольцо рамки имеет овальную форму и размеры до 1,6×1,3 см. Ширина лопастей у основания 0,6 см. В верхней части лопасти иногда украшены 2 поперечными насечками, между которыми имеются крестовидные насечки.

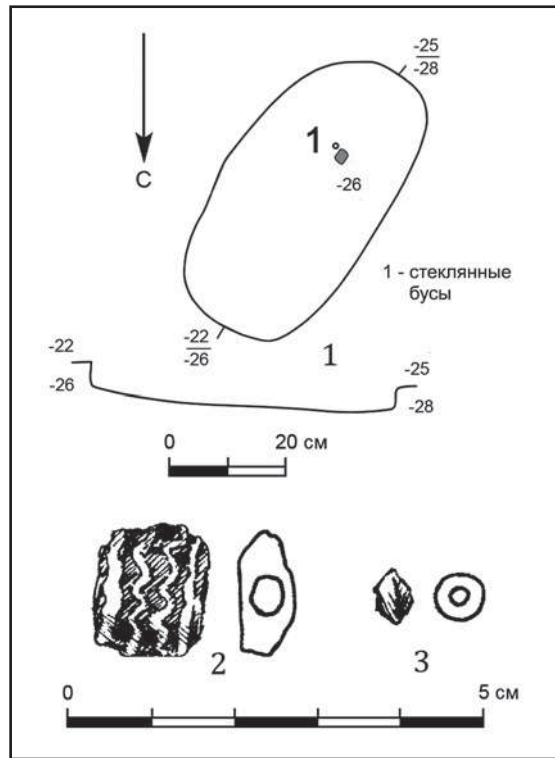

Рис. 14. Кузькинский могильник. Раскоп 2. Погребение 13: 1 — план; 2, 3 — бусы (стекло).

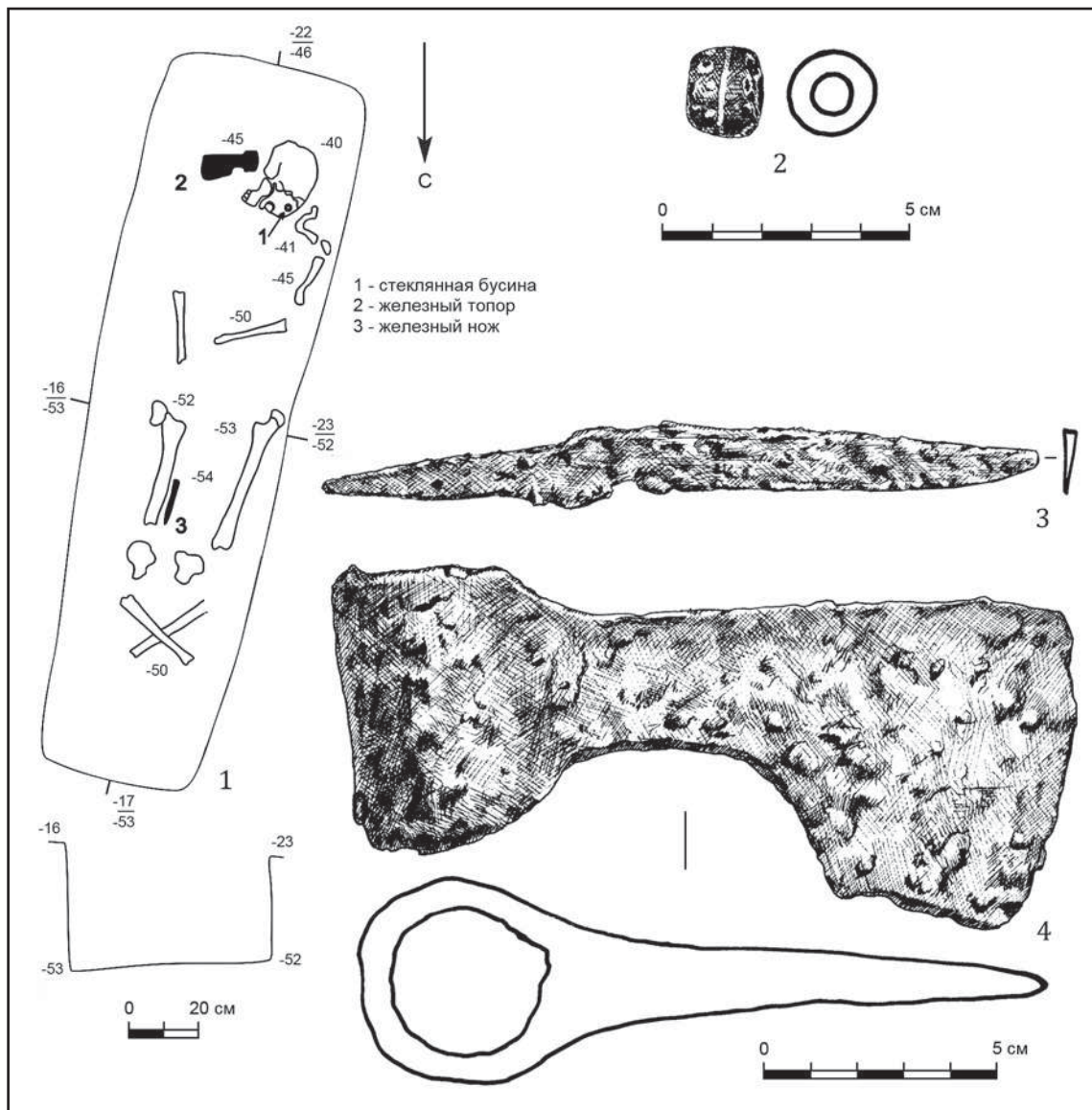
Fig. 14. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Burial 13: 1 — plan; 2, 3 — beads (glass).

В двух женских погребениях были выявлены нагрудные украшения в виде прямоугольных пластин с основой из органических материалов, на которую шерстяными нитями нашивались лопастные сюльгамы. В погребении 3 оно состояло из 6 сюльгам (рис. 7: 4—7). Размеры сюльгам — 2,6×1,6 см, общая длина изделия составляла примерно 12 см.

В погребении 10 в состав нагрудного украшения входили 9 бронзовых лопастных сюльгам с узкими подтреугольными в сечении лопастями, орнаментированные у кольца насечками, и 2 лопастные сюльгамы с плоскими лопастями треугольной формы (рис. 12: 3—13). Размеры первых сюльгам: длина 3,3—3,8 см, ширина 1,2—1,3 см, размеры вторых: длина 3,7 см, ширина 2,1 см.

В погребении 8 найдены две целые бронзовые лопастные сюльгамы. Одна сюльгама с узкими лопастями, подтреугольными в сечении, орнаментированная у кольца насечками, имеет длину 3,4 см и ширину 1,2 см. Вторая сюльгама с плоскими широкими лопастями треугольной формы имеет длину 4,3 см и ширину 1,8 см (рис. 11: 2, 3).

В погребении 1 найдено две сюльгамы с широкими лопастями (рис. 5: 4, 5). Одна

Рис. 15. Кузькинский могильник. Раскоп 2. Погребение 14: 1 — план; 2 — бусина; 3 — нож; 4 — топор (2 — стекло; 3, 4 — железо).

Fig. 15. Kuzkino burial ground. Excavation 2. Burial 14. 1 — the plan; 2 — bead; 3 — the knife; 4 — an ax (2 — glass; 3, 4 — iron).

сюльгама высотой 4,2 см, литая. Кольцо рамки имеет округлую форму и диаметр 1,8 см. Игла из круглой проволоки с заостренным концом имеет раскованный второй конец, загнутый в 1,5 оборота вокруг кольца. Ширина лопастей у основания 0,7 см. В верхней части лопасти украшены 3 (левая) и 4 (правая) поперечными насечками.

Вторая сюльгама, по форме аналогичная первой, выполнена из раскованной круглой проволоки диаметром 0,15 см. Длина сюльгама 3,85 см, ширина кольца 1,45 см. Игла из круглой проволоки с заостренным концом длиной 1,8 см имеет раскованный второй конец, загнутый в 1,5 оборота вокруг кольца. Ширина лопастей у основания 1,05 см.

В погребении 1 раскопа 1 найдена литая сюльгама высотой 3,3 см (рис. 3: 2). Застежка имеет узкие лопасти. Кольцо рамки имеет овальную форму и размеры 1,6×1,3 см. Игла отсутствует. Ширина лопастей у основания 0,6 см. В верхней части лопасти украшены 2 поперечными насечками, между которыми имеются крестовидные насечки.

Нужно подчеркнуть, что в погребениях найдены только лопастные сюльгама. Подобные сюльгама имеются во всех мордовских могильниках золотоордынского времени на территории Самарского Поволжья — Муранском (Алихова 1954: 272—274), Барбашинском (Ключникова 1995: рис. 4), Усинском (Васильева 1993: рис. 3; 4; 5). Счи-

тается, что лопастные сюльгамы характерны для культуры мордвы-мокши (Васильева 1993: 64), а круглорамчатые — для мордвы-эрзи, но в погребениях Барбашинского могильника, например, в одном захоронении могли встречаться украшения обоих типов (Ключникова 1995: рис. 4).

Остатки наконсика «пулокерь» — найдены 3 экз. (погр. 1, 9, 10). Наконсик представляет собой деревянную палочку, вставленную в женскую косу, заключенную в лубяной футляр и обмотанную тонкой медной проволокой. В погребении 1 пулокерь лежала на продолговатом куске коры. По мнению И. Н. Васильевой, подобные наконсики являются типично мокшанскими украшениями. В Усинском могильнике наконсики были найдены в двух погребениях (Васильева 1993: 63—64).

Стеклянные бусины.

В погребении 14 найдена крупная стеклянная бусина черного цвета с бело-синими глазками и бело-синей поперечной несомкнутой полосой (рис. 15: 2). Сечение круглое, цилиндрической формы. Высота — 2,6 см, диаметр — 1,8 см, диаметр отверстия — 0,7 см.

В погребении 4 обнаружено 6 стеклянных бус (рис. 8: 2—6, всего 5 целых бусин и один глазок). 3 бусины из желтого стекла с печеночного цвета глазками с белыми радиальными линиями, глазок печеночного цвета с белыми радиальными линиями. 2 бусины из черного стекла, одна — с белыми круглыми глазками, другая — с желтой толстой инкрустированной полосой неправильной формы и тонкими белыми полосками. Черные бусины относятся к группе V, отделу 1, типу 3 золотоордынских бус по классификации Н. Н. Бусятской (Бусятская 1976: 42, табл. 2: 25). Бусы круглые в поперечном сечении. Размеры бус: 1,0×1,2×0,4 см; 0,9×1,1×0,35 см; 0,8×1,1×0,35 см; глазок — 0,4×0,5 см; 0,8×1,0×0,4 см; 0,8×1,1×0,3 см.

Желтые бусы относятся к группе III бус, изготовленных способом навивки, подгруппе Б орнаментированных бус с плоскими ресниччатыми глазками, шарообразные и зонные (Полубояринова 1988: 179—180).

В погребении 13 найдена стеклянная бусина бледно-голубого цвета биконической формы, круглая в сечении (рис. 14: 2). Высота бусины 0,4 см, диаметр 0,6 см, диаметр отверстия 0,1 см. В этом же погребении найдена стеклянная бусина черного цвета прямоугольной формы, уплощенная в сечении. Инкрустирована волнистыми белыми накладными нитями. Размеры бусины: 1,4×1,7×0,7 см.

Подобные бусины встречены и в других мордовских могильниках Самарского Поволжья — Барбашинском и Усинском (Васильева 1993).

В погребении 2 раскопа 1 найдено 18 стеклянных бусин, как от ожерелья, так и являвшихся украшениями головного убора (рис. 3: II: 2—19). Бусины нескольких типов.

Тип 1. Золотостеклянные бусины цилиндрической формы (2 экз.). Высота бусин 0,85—1 см, диаметр 0,6—0,55 см, диаметр отверстия 0,25 см. М. Д. Полубояринова считает, что подобные бусы, изготавливавшиеся на Ближнем Востоке, в основном датируются X — началом XII вв. (Полубояринова 1988: 157).

Тип 2. Навивная бусина бочонковидной формы черного цвета. Вдоль средней части бусины довольно грубо вплавлены нити белого стекла. Высота бусины 0,8 см, диаметр 0,8 см, диаметр отверстия 0,3 см. Относится к группе V, отделу 1, типу 3 золотоордынских бус по классификации Н. Н. Бусятской (Бусятская 1976: 42, табл. 2: 25).

Тип 3. Одноцветная бусина бочонковидной формы из непрозрачного стекла бирюзового цвета. Высота бусины 0,5 см, диаметр 0,7 см, диаметр отверстия 0,2 см. Относится к группе I, отделу 1, типу 2 золотоордынских бус по классификации Н. Н. Бусятской (Бусятская 1976: 39, табл. 2: 2). По мнению М. Д. Полубояриновой, бирюзовое непрозрачное стекло, применявшееся для изготовления подобных бус, особенно свойственно золотоордынским древностям. В Болгаре в поздних слоях найдено около 20 подобных бус (Полубояринова 1988: 165).

Тип 4. Кольцевидные крупные бусины из непрозрачного стекла темно-синего цвета. К этому типу относится основная масса бусин (12 экз.). Высота бусин 0,4—0,6 см, диаметр 0,6—0,95 см, диаметр отверстия 0,3—0,5 см. По классификации Н. Н. Бусятской они относятся к группе I, отделу 1, типу 4 золотоордынских бус (Бусятская 1976: 40, табл. 2: 4). Н. Н. Бусятская указывает, что эти бусины особенно многочисленны в мордовских могильниках, начиная с XIII в.

Подобные бусины встречены и в других мордовских могильниках Самарского Поволжья — Барбашинском и Усинском (Васильева 1993: рис. 4).

Тип 5. Витые усеченно-конические маленькие бусины из непрозрачного стекла темно-синего цвета (2 экз.). Высота бусин 0,4 см, диаметр 0,4—0,55 см, диаметр отверстия 0,2 см.

Важное значение для уточнения датировки исследованных погребений имеет находка

серебряной монеты в погребении 5. Это данг монетного двора Булгар ал-Махруса 732 или 733 г. х. (1332—1333 гг.) с именем Узбек-хана. Состояние монеты позволяет утверждать, что в погребение она попала не позднее конца 1330-х гг.

Керамика из погребений представлена тремя сосудами.

Погр. 1. Лепной сосуд горшковидной формы высотой 23 см имеет слабо отогнутый наружу венчик (рис. 5: 2). Диаметр венчика 19,5 см, диаметр наибольшего расширения в верхней трети сосуда 25 см, диаметр дна 14,5 см. Сосуд изготовлен из запесоченной глины с добавлением мелкого шамота. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, тщательно заглажена. Дно плоское, без закраин. Обжиг неравномерный, черепок в изломе трехслойный.

Погр. 3. Сосуд изготовлен с использованием гончарного круга (рис. 7: 8). Сосуд асимметричный. Форма — горшковидная, с выпуклыми плечиками, наибольшее расширение тулова находится немного выше середины высоты. Придонная часть имеет усеченноконическую форму. Шейка короткая, слегка отогнута, венчик прямой, слегка отогнут наружу, край венчика заострен. Переход ко дну четкий. Днище плоское. Формовочная масса состоит из запесоченной глины с примесью мелкого шамота в значительной концентрации, комочков глины, известковой крошки и органики. Черепок слоистой структуры, сравнительно плотный. Обжиг хороший. Цвет внешней и внутренней поверхности светло-коричневый, поверхность тщательно заглажена. Сосуд не орнаментирован. Высота 17,4 см, диаметр венчика 18,5 см, диаметр тулова 24,0 см, диаметр дна 13,5 см, толщина стенок 0,9—1,0 см.

Погр. 12. Сосуд лепной, асимметричный, горшковидной формы, плечики покатые, наибольший диаметр тулова приходится на верхнюю треть общей высоты (рис. 13: 3). Шейка короткая, немного отогнута наружу. Венчик прямой, край венчика округло-уплощенный с натеками снаружи и внутри. Переход ко дну четкий, стенка придонной части с одной стороны почти прямая, с другой скошена. Днище плоское, овальное в плане, на днище прослеживаются опечатки подставки, на которой, вероятно, формовали сосуд. Сосуд изготовлен из глины с примесью шамота, органики, измельченной известковой крошки, глина, вероятно, запесоченная. Черепок плотный. Обжиг плохой. Цвет поверхности коричневато-бурый с темно-серыми пятнами, в изломе темно-серый, внутри — буровато-серый. Поверх-

ности сосуда заглажены, причем на внешней поверхности имеются следы заглаживания, горизонтальные по плечикам, в придонной части диагональные. Высота 11,9 см, диаметр венчика 12,5 см, диаметр тулова 13,8 см, диаметр дна 8,9 см, толщина стенок 0,8—1,0 см.

Формовочная масса и характер обработки поверхности сосудов типичны для мордовской керамики Среднего Поволжья (т.н. керамики «барбашинского типа»). Группу керамики барбашинского типа в 1920-х гг. на материалах Самарской Луки и Барбашинского могильника выделила В.В. Гольмстен. Однако выделенная ею группа включала разные в культурном и хронологическом отношении группы керамики. Правильнее будет соотносить данное название с группой керамики, происходящей только из мордовских памятников XIII—XIV вв. Эта керамика представлена преимущественно неорнаментированными горшками и банками светло-коричневого и красноватого цвета с темной прослойкой в изломе. Подробно мордовская керамика золотоордынского времени изучалась на основе технико-типологического анализа И.Н. Васильевой (Васильева 1993а: 124; 1995: 248). В мордовских погребальных комплексах глиняная посуда встречается сравнительно редко, обычно она ставилась в ногах или в головах умерших.

* * *

На основании анализа погребального инвентаря и находки в погребении 5 серебряного дирхема хана Узбека чекана города Болгар 1332—1333 гг. погребения датируются концом XIII — серединой XIV в. Исследованные захоронения могут быть связаны с мордовским населением, переселенным в Среднее Поволжье в золотоордынскую эпоху.

Остатки поселения, к которому относился могильник, пока не выявлены. Возможно, оно могло располагаться на месте современного села. Не локализовано также место находки серебряных изделий и золотоордынских монет, сведения о которой приводятся В.Н. Поливановым: «в селе Кузькине, в 20 верстах от реки Волги, в 1898 году были найдены два серебряные браслета, три подвески болгарского типа, тождественные с найденными в Муранском могильнике, и двадцать татарских монет XIV века» (Поливанов 1900: 23). Находка сразу двадцати монет позволяет сделать предположение, что это небольшой кладовый комплекс, связанный с поселением золотоордынской эпохи.

Погребения Кузькинского могильника находят аналогии в материалах мордовских

могильников золотоордынского времени. На территории Самарского Поволжья исследованы три крупных мордовских могильника: Муранский, раскапывавшийся В. Н. Поливановым в конце XIX в. и А. Е. Алиховой в середине XX в. (Поливанов 1896; 1900; Алихова 1954), Барбашинский, исследованный в 1907—1908, 1916, 1918, 1935, 2011—2014 гг. В. Н. Глазовым, В. А. Миллером, К. П. Головкиным, Ф. Т. Яковлевым, Б. А. Латыниным, Д. А. Сташенковым (Ключников 1995; Сташенков, Кочкина 2008; 2011; Сташенков 2012; 2014), и Усинский II, изучавшийся И. Н. Васильевой в 1988—1989 гг. (Васильева 1993).

Географически наиболее близко к Кузькинскому могильнику расположен Муранский могильник. Этот памятник золотоордынского времени, расположенный на левом берегу р. Усы в 3 км к югу от с. Муранки, в 1891—1893 и 1900 гг. раскапывал симбирский археолог В. Н. Поливанов (Поливанов 1893; 1896). За 4 полевых сезона им было исследовано 445 погребений. Всего в Муранском могильнике на площади 17 га, по подсчетам исследователей, могло находиться около 5000 костяков (Васильев, Матвеева 1986: 225). В 1950 г. исследование памятника было продолжено отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под руководством А. Е. Алиховой, которая вскрыла 40 погребений и обнаружила, что рядом с языческим мордовским могильником находился мусульманский (Алихова 1954). В мордовском могильнике погребальный обряд устойчив и типичен для мокшанских захоронений XIV в. В мужских погребениях постоянно встречаются ножи, реze топоры и огнива. Количество украшений в женских погребениях сравнительно невелико. Обычны застежки-сольгамы, расположенные в ряд вдоль туловища, трубчатые наконечники, серьги и бусы. В немногих погребениях обнаружены брас-

леты — бронзовые, железные и серебряные. В женских погребениях встречаются также глиняные пряслица. Найденные монеты относятся к середине — второй половине XIV в.

В настоящее время на территории Самарской области известно более 70 археологических памятников, относящихся к золотоордынскому времени (Васильева 2000: табл. XIII). Материалы, соотносимые с мордовским населением, являвшимся одним из основных этнических компонентов населения поволжской части Улуса Джучи, присутствуют, помимо указанных могильников, и на части из исследованных поселенческих памятников: Муранском, Усинском, Кануевском, Барбашинском селищах, Междуреченском городище (Васильева 1993; 1995; Кочкина 2003; Кочкина, Сташенков 2013).

Крупнейшими из них является Муранское II селище площадью около 2 кв. км, исследовавшееся А. Е. Алиховой в 1952 г. (Алихова 1960: 112—115). Этот памятник, по мнению исследователей, представлял собой большой племенной ремесленно-торговый центр, который А. Е. Алихова и М. Ф. Жиганов называли вторым городом мордвы после Наровчата (Мохши) (Алихова 1954; Голубева 1987: 106). В настоящее время селище находится под водами Усинского залива (Кочкина, Сташенков 2013).

Материалы Кузькинского могильника, публикуемые в настоящей статье, подтверждают ранее сделанный на основании анализа археологических и нумизматических материалов вывод о том, что освоение Самарского региона мордовским населением началось не ранее последней трети XIII в. и проходило в рамках государственной политики Золотой Орды. Достоверных свидетельств существования мордовских памятников после 1360-х гг. — начала периода «Великой замятни» в Орде — в регионе не имеется.

Литература

- Алихова А. Е. 1954. Муранский могильник и селище. *МИА* 42, 259—301.
- Алихова А. Е. 1960. Русский поселок XIII—XIV вв. у с. Березовка. *МИА* 80, 195—209.
- Васильева И. Н. 1993. II Усинский грунтовый могильник XIII—XIV вв. на Самарской Луке. В: Ковалевская В. Б. (ред.). *Новое в средневековой археологии Евразии*. Самара: СамВен, 58—76.
- Васильева И. Н. 1993а. *Гончарство Волжской Болгарии в X—XIV вв.* Екатеринбург: Наука.
- Васильева И. Н. 1995. Болгарский керамический комплекс Междуреченского городища. В: Кабытов П. С. (ред.). *Краеведческие записки VII*. Самара: СамВен, 226—255.
- Васильева И. Н. 2000. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья. В: Васильева И. Н., Матвеева Г. И. (ред.). *История Самарского Поволжья. Ранний железный век и средневековье*. Москва: Наука, 293—346.
- Голубева Л. А. 1987. Поволжские финны. В: Седов В. В. (отв. ред.). *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Археология СССР 17. Москва: Наука.
- Гольмстен В. В. 1925. Керамика древних мест поселений Самарской Луки. *Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии, естествознания* 3. Самара: Самарский университет, 5—15.
- Ключникова Р. М. 1995. Археологические изыскания К. П. Головкина. В: Кабытов П. С. (ред.). *Краеведческие записки VII*. Самара: СамВен, 199—207.
- Кочкина А. Ф. 2003. Новые материалы золотоордынского времени в Самарском Поволжье. В: Белорыбкин Г. Н., Ставицкий В. В. (ред.). *Археология вос-*

- точноевропейской степи. Сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Е. Алиховой (11—14 ноября 2002 г.). Пенза: ПГПУ, 494—507.
- Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. 2013. Муранское селище — памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы). В: Богачев А. В. (ред.). *Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области)*. Научно-популярное издание. Самара: Альфа-Порте, 248—276.
- Поливанов В. Н. 1893. *Муранский могильник: археологический очерк*. Симбирск: Типография О. В. Мураховской
- Поливанов В. Н. 1896. *Муранский могильник*. Москва: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон.
- Поливанов В. Н. 1900. *Археологическая карта Симбирской губернии*. Симбирск: Типо-литография А. Т. Токарева.
- Сташенков Д. А. 2005. *Отчет о разведках в Шигонском районе Самарской области в 2004 г. по открытому листу №863 (форма 1)*. Самара. Архив ИА РАН.
- Сташенков Д. А. 2012. *Новые археологические исследования на территории города Самары*. Самара: Ас Гард.
- Сташенков Д. А. 2014. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования. *Известия СНЦ РАН* 16 (3), 326—329.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. 2008. *Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни*. Саратов: Новый ветер.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. 2011. *Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В. Н. Глазова и В. А. Миллера на Барбашинском могильнике*. Самара: СНЦ РАН.

References

- Alikhova, A. E. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 42, 259—301 (in Russian).
- Alikhova, A. E. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 80, 195—209 (in Russian).
- Vasil'eva, I. N. 1993. In Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkhologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara: "SamVen" Publ., 58—76 (in Russian).
- Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X—XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th—14th Centuries)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Vasil'eva, I. N. 1995. In Kabytov, P. S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* VII. Samara: "SamVen" Publ., 226—255 (in Russian).
- Vasil'eva, I. N. 2000. In Vasil'eva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Early Iron Age and the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 293—346 (in Russian).
- Golubeva, L. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 17. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gol'msten, V. V. 1925. In *Biulleten' Obshchestva arkhologii, istorii, etnografii, estestvoznaniia (Bulletin of the Society for Archaeology, History, Ethnography, and Natural Sciences)* 3. Samara: Samara University, 5—15 (in Russian).
- Kliuchnikova, R. M. 1995. In Kabytov, P. S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* VII. Samara: "SamVen" Publ., 199—207 (in Russian).
- Kochkina, A. F. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitskii, V. V. (eds.). *Arkhologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of the East European Steppe)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 494—507 (in Russian).
- Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkhologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archeological sites of Samara region))*. Samara: "Al'fa-Porte" Publ., 248—276 (in Russian).
- Polivanov, V. N. 1893. *Muranskii mogil'nik. Arkheologicheskii ocherk (Muranka Burial Ground: Archaeological Sketch)*. Simbirsk: "O. V. Murakhovskaia" Publ. (in Russian).
- Polivanov, V. N. 1896. *Muranskii mogil'nik (Muranka Burial Ground)*. Moscow: "A. A. Levenson" Publ. (in Russian).
- Polivanov, V. N. 1900. *Arkheologicheskaia karta Simbirskoi gubernii (Archaeological Map of the Simbirsk Province)*. Simbirsk: Typo-lithography of A. T. Tokarev (in Russian).
- Stashenkov, D. A. 2005. *Отчет о разведках в Шигонском районе Самарской области в 2004 г. по открытому листу №863 (форма 1) (Report on Archaeological Surveys in the Shigony District, Samara Oblast, under Permission no. 863, Form 1)*. Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Stashenkov, D. A. 2012. *Novye arkhologicheskie issledovaniia na territorii goroda Samary (New Archaeological Investigations on the Territory of Samara City)*. Samara: "As Gard" Publ. (in Russian).
- Stashenkov, D. A. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 16 (3), 326—329 (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskii period zhizni (Boris Aleksandrovich Latynin: the Samara Period of Life)*. Saratov: "Novyi veter" Publ. (in Russian).
- Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2011. *Arkhologicheskie issledovaniia na territorii goroda Samary. Raskopki V. N. Glazova i V. A. Millera na Barbashinskoi mogil'nike (Archaeological Investigations on the Territory of Samara City: Excavations by V. N. Glazov and V. A. Miller on the Barbashino Burial Ground)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

**А. М. Гайнутдинов,
А. Г. Ситдинов,
А. С. Старков**

Aydar Gaynutdinov. Candidate of Philological Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences¹.

Гайнутдинов Айдар Марсилевич. Кандидат филологических наук. Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

E-mail: aydargm@yandex.ru

Ayrat Sitdikov. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences²; Kazan (Volga Region) Federal University³.

Ситдинов Айрат Габитович. Доктор исторических наук. Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: sitdikov_a@mail.ru

Andrey Starkov. Volga River Region Archaeology, Ltd⁴

Старков Андрей Сергеевич. ООО «Поволжская археология».

E-mail: 2647425@mail.ru

Addresses: ¹ Baturin St., 7, Kazan, 420111, Russian Federation; ² Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Russian Federation; ³ Kremlevskaya St., 18, Kazan, 420008, Russian Federation; ⁴ Nekrasov St., 28, ap. 1.203, Kazan, 420012, Russian Federation

Арабографичные надписные камни из раскопок Казанского кремля 2000-х гг.

Keywords: Kazan, 16th century, Islam, Khanate, Kremlin, Arabic epigraphic

Ключевые слова: Казань, XVI в., ислам, ханство, кремль, арабская эпиграфика

A. M. Gaynutdinov, A. G. Sitdikov, A. S. Starkov

Stones with Arabic Inscriptions from the Excavations in Kazan Kremlin in 2000s

Medieval epigraphs written in Arabic and found in the Middle Volga region provide some very important historical evidence for any student of the regional history. For they preserved an important page of the medieval written culture. The authors address a corpus of Arabic inscriptions made on stones in the first half of the 16th century, identified during the excavations on the territory of the Kazan Kremlin in the early 2000s. Fragments of stones stored in the Museum of Archaeology (Institute of Archaeology, Academy of Sciences, Republic of Tatarstan) contain some fragments of texts in Arabic, including fragments of words and some separate letters. The paper describes the context in which these inscriptions were revealed and offers a reading of the texts on stones. Specific usages of these stones are suggested. Some fragments could be architectural elements.

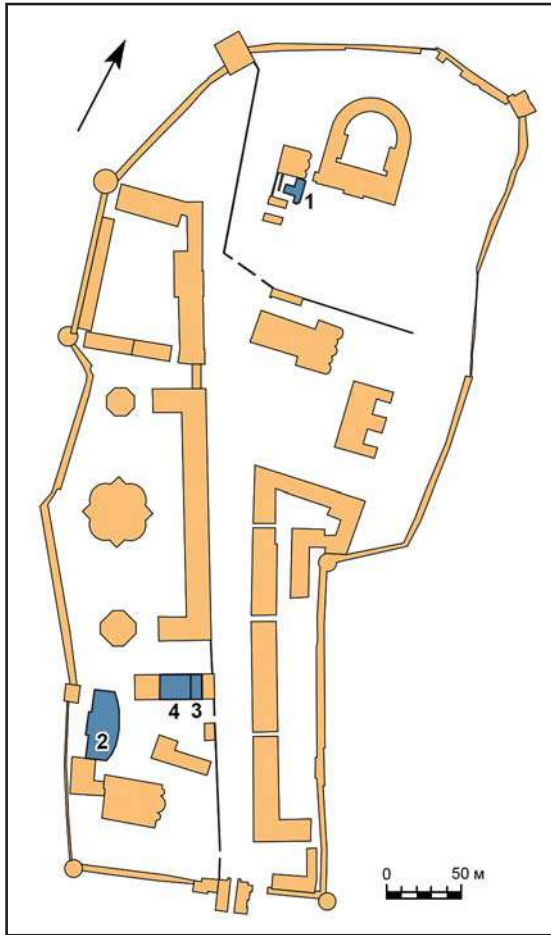
A. M. Гайнутдинов, А. Г. Ситдинов, А. С. Старков

Арабографичные надписные камни из раскопок Казанского кремля 2000-х гг.

Средневековые арабографичные эпиграфические памятники в Среднем Поволжье являются важными историческими источниками для изучения прошлого региона, одной из значимых страниц его письменной культуры. В данной работе рассматривается коллекция фрагментов арабографичных надписных камней первой половины XVI в., найденных во время раскопок на территории Казанского кремля в начале 2000-х годов и хранящихся в Музее археологии Института археологии Академии наук Республики Татарстан. Обломки камней содержат отрывки арабографичных текстов, включающие части слов и отдельные буквы. В статье приводится описание условий их обнаружения и прочтение текстов надписных камней. Установлено первоначальное функциональное назначение данных надписных камней: часть из них представляла собой надгробные плиты, а некоторые, вероятно, являются архитектурными элементами.

В фондах Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан хранится коллекция арабографичных надписных камней XVI века, найденных при раскопках Казанского кремля в начале 2000-х годов (рис. 1). Подобные

находки хорошо известны и по предшествующим исследованиям на территории Казани, в том числе Казанского кремля (Марджани 1989; Калинин 1945; 1955; Халиков 1996; Бурханов 1997—1998; Ситдинов 2006; и др.).

Рис. 1. План Казанского кремля и расположение раскопов: 1 — раскоп XLI 2001 г.; 2 — раскоп LII 2004 г.; 3 — раскоп LXIV 2004 г.; 4 — раскоп LXIV-2 2004 г.

Fig. 1. Plan of Kazan Kremlin and location of the excavations: 1 — excavation XLI from 2001; 2 — excavation LII from 2004; 3 — excavation LXIV from 2004; 4 — excavation LXIV-2 from 2004.

Большая часть рассматриваемой коллекции происходит из раскопа LII 2004 г. Раскоп площадью 750 кв. м располагался к северу от бывшей церкви Николая Ратного Спасо-Преображенского монастыря (рис. 1: 2) (Ситдииков 2004а; 2004б; 2004в; 2004г).

Все фрагменты надписных камней происходят из культурного горизонта, связанного с эпохой Казанского ханства (рис. 2; 3). С этим периодом в раскопе связано 59 объектов, представленных как крупными наземными постройками, так и небольшими хозяйственными ямами. К объектам Казанского ханства также относится мусульманский некрополь в северной части раскопа, который, вероятно, представляет единый могильник с захоронениями раскопа LXIV (рис. 1) (Ситдииков 2004д; 2004е; 2004ж).

Исследуемые фрагменты камней с арабографичным текстом были обнаружены в рас-

копе LII в сооружении 41 (участок И—Л/7—9). Объект представлял собой яму размера 300×240 см. По периметру углубления было выложено 5—6 крупных камней, на части из них имеется арабографичный текст (рис. 4). Сохранился нижний ряд вертикально установленных каменных блоков и дно, выложенное обломками камней (рис. 4; 5). Следы раствора между ними не выявлены. Внутреннее пространство ямы было засыпано мелкими и крупными камнями. На 11 обломках камней имелись арабские буквы или фрагменты строк текста из нескольких букв. Все эти камни зафиксированы в переотложенном контексте. Других находок в углублении не было обнаружено. Погребения также не выявлено (Ситдииков 2004б). Назначение сооружения не установлено.

Приведем ниже описание пяти фрагментов надгробных камней, происходящих из этого объекта, в которых сохранились надписи в виде слов или букв:

1. Размеры : 65×34×17 см. Сохранившийся текст представляет собой рельефную надпись на арабской графике почерком сульс на татарском языке в три строки (рис. 6):

... ирде ...

...мэк султан с[эйед] бек дарел-фэнадин дар-

-[эл-бэка]га ... [рэх]мэт [эйлэ]сун.

Перевод: «... было, ... мэк султан из мира тленного в мир вечный [переселился]. [Пусть Аллах] помилует его».

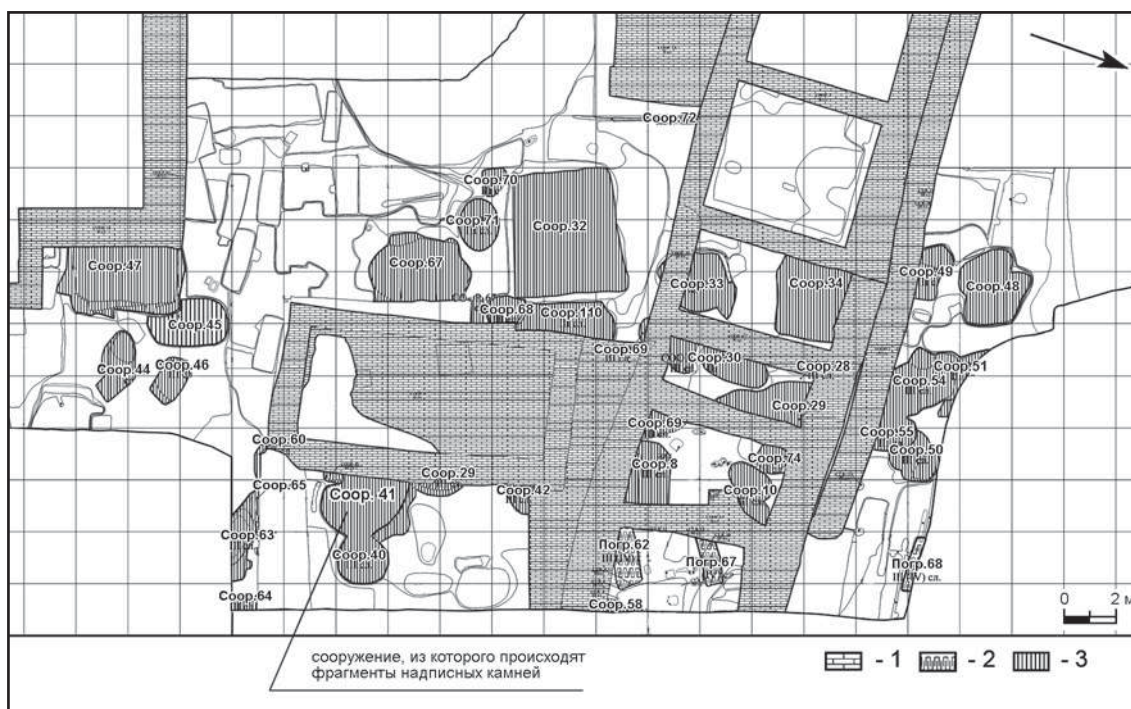
Этот фрагмент камня своим внешним видом и особенностями почерка напоминает надгробия XVI—XVII веков (Юсупов 1960: 143). Данный образец более характерен для надгробных камней первой половины XVI века. На это указывает слово «сэйед» — титул сеидов, обозначающий принадлежность к потомкам пророка Мухаммеда и распространенный во время Казанского ханства.

Данный фрагмент раскололся на восемь частей, а остальные части надгробия не найдены. Поэтому надписи читаются только фрагментарно, дата не отображена, имя заканчивается на слог «мэк». Возможно, это было имя Ярмэк. Каждая строка обрамлена в орнаментированную рамку. Исходя из того, что камень надписан каллиграфическим почерком высокого мастерства, можно утверждать, что он был поставлен на могилу представителя знатного рода — бека.

2. Размеры: 38×36×11 см. Рельефная надпись на арабской графике почерком насх на татарском языке (рис. 7):

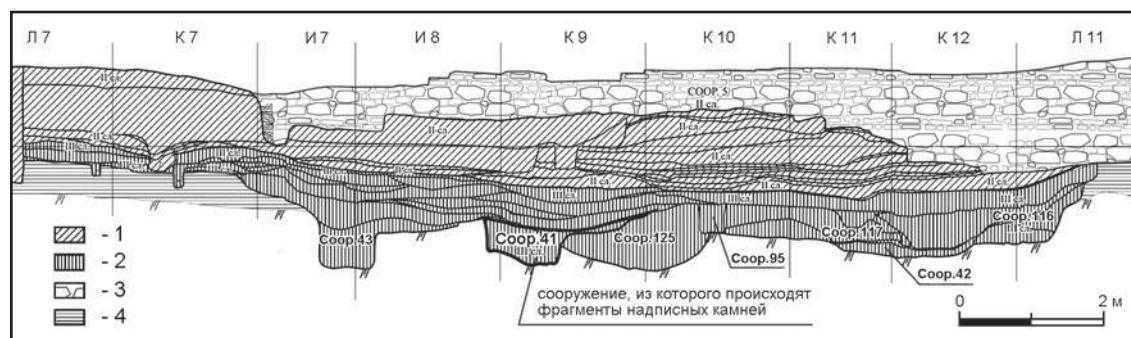
...ал да[рел-фэн]адин...

Перевод: «...ал из мира бренного...».

Рис. 2. План раскопа LII 2004 г. на уровне III слоя (XV — 1-я половина XVI вв., период Казанского ханства). Условные обозначения: 1 — кирпичная кладка; 2 — погребения; 3 — сооружения.

Fig. 2. Plan of excavation LII from 2004, level of the third layer (15th — 1st half of the 16th centuries, Kazan khanate). Legend: 1 — brick masonry; 2 — graves; 3 — structures.

Рис. 3. Фрагмент профиля стенки раскопа LII 2004 г. Разрез сооружения 41 (контуры отмечены жирной линией). Условные обозначения: 1 — II слой, культурный горизонт 2-й половины XVI — XVIII вв.; 2 — III слой, культурный горизонт XV — 1-й половины XVI вв.; 3 — каменная и кирпичная кладка; 4 — подзол.

Fig. 3. Profile of the wall of excavation LII from 2004, fragment. Cross-section of structure 41 (its contours marked in bold). Legend: 1 — II layer, cultural horizon of the 2nd half of the 16th — 18th centuries; 2 — III layer, cultural horizon from the 15th — 1st half of the 16th centuries; 3 — stone and brick masonry; 4 — ash gray soil.

Строка обрамлена рельефной рамкой. Текст указывает на то, что находка является фрагментом надгробного камня.

3. Размеры: 80×55×13 см. Рельефная надпись на арабской графике почерком сульс на арабском языке в три строки (рис. 8):

ралар ... рэллэр мах...
нэувэраллаһу (Алла нурлы итсен) ...
кабрах.

Перевод: «... пусть Аллах освятит его могилу».

По тексту ясно, что это фрагмент надгробного камня. Надписи на нем отличаются тем, что все буквы соединены друг с другом, даже те, которые по правилам арабской грамматики не должны соединяться, например, буквы «уау» и «ра».

4. Размеры: 23,5×23×9 см. Рельефная надпись почерком насх (рис. 10):
«...һэшэнэ...».

По тексту непонятно, на каком языке сделана надпись. Строка обрамлена рельефной

Рис. 4. Сооружение 41 раскопа LII, участок И, К/8, слой III (фото А. С. Старкова).

Fig. 4. Photo of structure 41 excavation LII, section I, K/8, layer III (photo by A.S. Starkov).

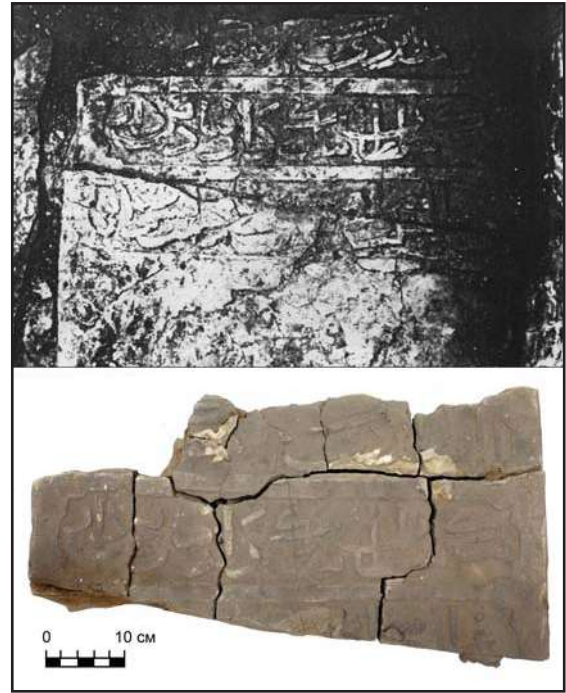

Рис. 5. Камни с арабграфичными надписями в сооружении 41 раскопа LII (фото А. С. Старкова).

Fig. 5. Stones with Arabic inscriptions from structure 41 excavation LII (photo by A.S. Starkov).

рамкой. Возможно, данный фрагмент является архитектурным элементом мусульманского здания или закладным камнем.

5. Размеры: 15×9,5×5. Рельефная надпись на арабской графике почерком сульс (рис. 11). На фрагменте видна только нижняя половина строки, поэтому невозможно прочесть текст. Возможно, данный фрагмент также является

Рис. 6. Фрагмент камня с надписью. КК.04/LII-995. Сооружение 41 раскопа LII (фото А. С. Старкова).

Fig. 6. Fragment of stone with inscription. КК.04/LII-995. Structure 41 excavation LII (photo by A.S. Starkov).

Рис. 7. Фрагмент камня с надписью. КК.04/LII-996. Сооружение 41 раскопа LII (фото Н.Р. Садриева).

Fig. 7. Fragment of stone with inscription. КК.04/LII-996. Structure 41 excavation LII (photo by N.R. Sadriev).

ся архитектурным элементом мусульманского здания или закладным камнем.

В фондах Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан имеются еще два обработанных камня из раскопа LII, но на них нет надписей. Их размеры: 16×79×82, 12×33×65 см (рис. 12; 13). Предположительно, они являются также

Рис. 8. Фрагмент камня с надписью. КК.04/LII-997. Сооружение 41 раскопа LII (фото Н.Р. Садриева).

Fig. 8. Fragment of stone with inscription. КК.04/LII-997. Structure 41, excavation LII (photo by N.R. Sadriev).

Рис. 9. Фрагмент камня с надписью. КК.01/XLI-735 (фото Н.Р. Садриева).

Fig. 9. Fragment of stone with inscription. КК.01/XLI-735 (photo by N.R. Sadriev).

обломками надгробий, на что указывает особенности обработанной формы. Они найдены в том же сооружении, что и вышеописанные пять камней. Вероятно, они были использованы вместе с другими в конструкции объекта, но текст мог находиться на утраченной части камня (Ситдигов 2004б).

В культурном слое Казанского кремля обломки надписных камней найдены также

Рис. 10. Фрагмент камня с надписью. КК.04/LII-999. Сооружение 41 раскопа LII (фото Н.Р. Садриева).

Fig. 10. Fragment of stone with inscription. КК.04/LII-999. Structure 41, excavation LII (photo by N.R. Sadriev).

Рис. 11. Фрагмент камня с надписью. КК.04/LII-1001 (фото Н.Р. Садриева).

Fig. 11. Fragment of stone with inscription. КК.04/LII-1001 (photo by N.R. Sadriev).

в раскопе XLI (Ситдигов 2001). На выявленных фрагментах сохранились лишь отдельные буквы на арабской графике.

1. Размеры 5×15×10 см (рис. 14). Он надписан рельефной надписью, почерком, похожим на сульс. Этот камень, вероятно, был плитой, толщина которой не превышает 7 см. С обратной стороны он имел ровную поверхность.

2. Размеры: 19,5×13×4,5 см. Рельефная надпись на арабской графике почерком наста'лик на арабском языке (рис. 9):

... ин бари эл... »

Перевод: «... Творец... ».

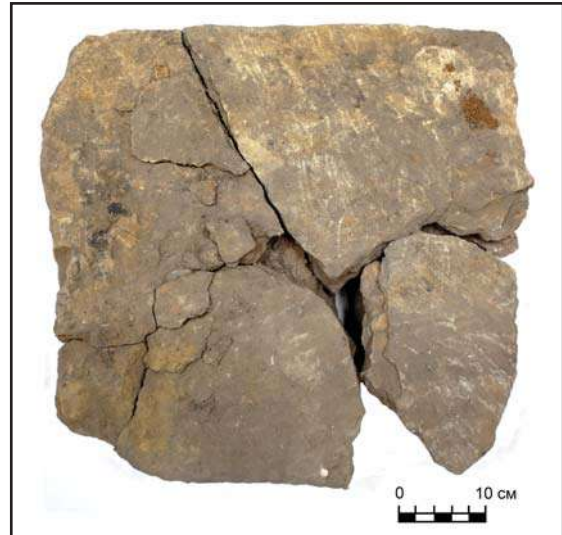

Рис. 12. Фрагмент надгробного камня. КК.04/ЛИ-998 (фото Н.Р. Садриева).

Fig. 12. Fragment of gravestone. КК.04/ЛИ-998 (photo by N.R. Sadriev).

На камне можно разглядеть растительный орнамент. По его форме и тексту сложно сказать, является ли он фрагментом надгробного камня или же какого-нибудь закладного камня, фриза или других архитектурных элементов мусульманского здания.

Все они надписаны рельефной надписью, почерком, похожим на сульс. Эти камни, вероятно, были одной плитой, толщина которой не превышает 7 см. С обратной стороны

Рис. 13. Фрагмент надгробного камня. КК.04/ЛИ-1000. Сооружение 41 раскопа ЛИ (фото Н.Р. Садриева).

Fig. 13. Fragment of gravestone. КК.04/ЛИ-1000. Structure 41, excavation LI (photo by N.R. Sadriev)

они имеют ровную поверхность. Особенности обработки камня позволяют предположить, что они не являются надгробными камнями. Учитывая место находки — рядом с ханским мавзолеем, мечетью и дворцом — можно предположить, что данный камень, вероятнее всего, является архитектурным элементом или частью закладного камня в одном из этих зданий.

Рассмотренные в работе каменные надгробия дополняют важный аспект исследований в материальной и духовной культуры ханской Казани. Обнаружение надписных камней различного назначения демонстрирует развитие камнетесного ремесла в создании надгробий и в области монументальной архитектуры с каменной резьбой и текстовы-

Рис. 14. Фрагмент камня с надписью. КК.01/ХЛИ-294. Раскоп ХЛИ, 2001, участок Е/2, слой I—II (фото Н.Р. Садриева).

Fig. 14. Fragment of stone with inscription. КК.01/ХЛИ-294. Excavation ХЛИ, 2001, section E/2, layer I—II (photo by N.R. Sadriev).

ми посвящениями. Локализация этих находок в Казанском кремле, в районе расположения крупных каменных сооружений ханского времени, указывает на непосредственное их использование в конструкции здания, что является устойчивой традицией в средневековой архитектуре.

Исследования данных надписных камней из Казанского кремля направлены на дальнейшее обобщение сведений о средневековых арабографичных надписных камнях на территории Казани для создания более полного представления об этом важном элементе городской культуры.

Литература

- Ашмарин Н. И. 1905. Об одном мусульманском камне в загородном архиерейском доме. *ИОАИЭ XXI* (1), 92—112.
- Бурханов А. А. 1997. *Историко-археологические исследования в Кабанском городище на территории Приволжского района г. Казани*. НФ МА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4.
- Бурханов А. А. 1997—1998. Новые археологические исследования в Заказанье и Казани (предварительные сообщения). *Tatarica* 1, 137—144.
- Калинин Н. Ф. 1945. *Отчет по археологической экспедиции в Камеево, Архиерейскую дачу, Зилантову гору*. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 33.
- Калинин Н. Ф. 1955. *Казань. Исторический очерк*. Казань: Татгосиздат.
- Марджани Ш. 1989. *Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар (Источники по истории Казани и Булгара)*. Казань: Татарское книжное издательство (на тат. яз.).
- Ситдинов А. Г. 2001. *Отчет от археологических исследований на Р. XLI в Казанском Кремле весной и летом 2001 г.* НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132.
- Ситдинов А. Г. 2004а. *Отчет об археологических исследованиях в Казанском Кремле в 2004 г.* Р. LII. Т. II. Ч. 2 (пласты, сооружения). НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 169.
- Ситдинов А. Г. 2004б. *Отчет об археологических исследованиях в Казанском Кремле в 2004 г.* Р. LII. Т. II. Ч. 3 (сооружения). НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 170.
- Ситдинов А. Г. 2004в. *Отчет об археологических исследованиях в Казанском Кремле в 2004 г.* Р. LII. Т. II. Ч. 4 (профиля). НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171.
- Ситдинов А. Г. 2004г. *Отчет об археологических исследованиях в Казанском Кремле в 2004 г.* Р. LII. Т. III. НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 173.
- Ситдинов А. Г. 2004д. *Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках в Казанском Кремле на месте реставрации Манежа в 2004 г.* Р. LXIV. НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 192.
- Ситдинов А. Г. 2004е. *Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках в Казанском Кремле на месте реставрации Манежа в 2004 г.* Р. LXIV (2). Т. I. НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 193.
- Ситдинов А. Г. 2004ж. *Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках в Казанском Кремле на месте реставрации Манежа в 2004 г.* Р. LXIV (2). Т. II. НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 194.
- Ситдинов А. Г. 2006. *Казанский Кремль: историко-археологическое исследование*. Казань.
- Халиков А. Х., Шавахин Л. С. 1996. Древнейшая Казань. В: *Древняя Казань глазами современников и историков*. Казань, 235—317.
- Шарифуллин Р. Ф. 2001. *Отчет об археологических исследованиях на Р. XLII*. НФ МА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 133.
- Юсупов Г. В. 1960. *Введение в болгаро-татарскую эпиграфику*. Москва; Ленинград: АН СССР.

References

- Ashmarin, N. I. 1905. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University) XXI* (1), 92—112 (in Russian).
- Burkhanov, A. A. 1997. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Kabanskom gorodishche na territorii Privolzhskogo raiona g. Kazani (Historical and Archaeological Research on the Kaban Fortified Site, Privolzhsky District, Kazan City)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 3. Inv. 1, dossier 4 (in Russian).
- Burkhanov, A. A. 1997—1998. In *Tatarica* 1, 137—144 (in Russian).
- Kalinin, N. F. 1945. *Otchet po arkheologicheskoi ekspeditsii v Kamaevo, Arkhiereiskuiu dachu, Zilantovu goru (Report on the Archaeological Expedition to Kamaevo, Arkhiereiskaia Dacha (Bishop's Cottage) and the Zilant Mountain)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1. Inv. 1, dossier 33 (in Russian).
- Kalinin, N. F. 1955. *Kazan'. Istoricheskii ocherk (Kazan: a Historical Essay)*. Kazan: "Tatgosizdat" Publ. (in Russian).
- Marjani, Sh. 1989. *Mustafad al-ahbar fi ahvali Kazan va Bulgar (Sources on the History of Kazan and Bulgar Cities)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Tatar).
- Sitdikov, A. G. 2001. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh na R. XLI v Kazanskom Kremle vesnoi i letom 2001 g. (Report on Archaeological Investigations on excavation XLI in the Kazan Kremlin in spring and summer 2001)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 132 (in Russian).
- Sitdikov, A. G. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh v Kazanskom Kremle v 2004 g. (Report on Archaeological Investigations in the Kazan Kremlin in 2004)*. Dig LII. Vol. II. Part 2: Plasty, sooruzheniia (Layers, Structures). Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 169 (in Russian).
- Sitdikov, A. G. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh v Kazanskom Kremle v 2004 g. (Report on Archaeological Investigations in the Kazan Kremlin in 2004)*. Dig LII. Vol. II. Part 3: Sooruzheniia (Structures). Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 170 (in Russian).
- Sitdikov, A. G. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh v Kazanskom Kremle v 2004 g. (Report on Archaeological Investigations in the Kazan Kremlin in 2004)*. Dig LII. Vol. II. Part 4: Profilii (Profiles). Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 171 (in Russian).
- Sitdikov, A. G. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh v Kazanskom Kremle v 2004 g. (Report on Archaeological Investigations in the Kazan Kremlin in 2004)*. Dig LII. Vol. III. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 173 (in Russian).
- Sitdikov, A. G. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh okhranno-*

- spasatel'nykh raskopkakh v Kazanskom Kremlе na meste restavratsii Manezha v 2004 g. (Report on Rescue Archaeological Excavations on the Manege Restoration Site in the Kazan Kremlin in 2004)*. Dig LXIV. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 192 (in Russian).
- Sitdikov, A. G. 2004. *Otchet ob arkhеologicheskikh okhranno-spasatel'nykh raskopkakh v Kazanskom Kremlе na meste restavratsii Manezha v 2004 g. (Report on Rescue Archaeological Excavations on the Manege Restoration Site in the Kazan Kremlin in 2004)*. Dig LXIV (2). Vol. I. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 193 (in Russian).
- Sitdikov, A. G. 2004. *Otchet ob arkhеologicheskikh okhranno-spasatel'nykh raskopkakh v Kazanskom Kremlе na meste restavratsii Manezha v 2004 g. (Report on Rescue Archaeological Excavations on the Manege Restoration Site in the Kazan Kremlin in 2004)*. Dig LXIV (2). Vol. II. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 194 (in Russian).
- Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskiy Kreml'': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan (in Russian).
- Khalikov, A. Kh., Shavokhin, L. S. 1996. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (comp.). *Drevniaia Kazan' glazami sovremennikov i istorikov (Ancient Kazan in the Eyes of Contemporaries and Historians)*. Kazan: "Fest" Publ., 235—317 (in Russian).
- Sharifullin, R. F. 2001. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniakh na R. XLII (Report on Archaeological Investigations on Dig XLII)*. Scientific Fund of the Museum of Archaeology, Republic of Tatarstan. Fund 2. Inv. 1, dossier 133 (in Russian).
- Yusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuiu epigrafiku (Introduction to Bulgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Нижняя Волга

Lower Volga

Д. А. Кубанкин

Dmitry Kubankin. Saratov Regional Museum of Local Lore¹.

Кубанкин Дмитрий Александрович. Саратовский областной музей краеведения.

E-mail: kubankin2008@yandex.ru

Address: ¹ Lermontov St., 34, Saratov, 410000, Russian Federation

Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища

Keywords: Volga Region, Ukek, Golden Horde town, Christians, Muslims, pagans, Russians, Mordovians, Italians, necropolises, churches, mausoleums, bath-houses, amulets, ongons, ceramics, seals

Ключевые слова: Поволжье, Укек, золотоордынский город, христиане, мусульмане, язычники, русские, мордва, итальянцы, некрополи, церкви, мавзолеи, бани, амулеты, онгоны, керамика, печати

D. A. Kubankin

Religious and Ethnic Compositions of the Ukek Population. To the issue of the ethnic-confessional topography of the town

Multinational population of the Golden Horde towns used to practice various religions. To a certain extent, this diversity may be traced in the material culture of Ukek. Islamic necropolises and occasional cult-related items are indicative of the large number of Muslims and of their presence in the town as early as in the 13th century. Some Mordovians could have been islamized. The objects of the Christian cult are concentrated mostly in the southern part of the settlement, in the whereabouts of the Christian quarter. Substantial amounts of the Old Russian ceramics are encountered there, minor amounts of Mordovian and Italian pottery occur invariably. Items associated with pagan rites are scarce. Those are dated back not just to the 13th century, but to the second half of the 14th century, as well. Small amount of the Old Russian and Mordovian crockery and ceramics of the Finno-Ugrians from the Kama region was found in various parts of the town.

Д. А. Кубанкин

Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища

Многонациональное население золотоордынских городов исповедовало различные религии. Это разнообразие прослеживается в материальной культуре Укека. Исламские некрополи и единичные предметы, связанные с культом, указывают на многочисленность мусульман и их присутствие в городе еще в XIII в. Часть мордвы, вероятно, была исламизирована. Предметы христианского культа сосредоточены преимущественно в южной части городища, где существовал христианский квартал. Здесь сосредоточена в большом количестве древнерусская керамика, стабильно встречается в незначительном объеме мордовская и итальянская посуда. Предметы, связанные с языческим обрядом, немногочисленны. Они датируются не только XIII в., но и второй половиной XIV в. В малом количестве древнерусская и мордовская посуда, а также керамика финно-угров Прикамья, обнаружена в различных частях города.

Исходя из данных письменных источников, можно полагать, что этно-религиозный состав населения золотоордынских городов был пестрым. Ибн Баттута так описывает жителей столичного Сарая в XIV в.: «Монголы — это (настоящие) жители страны и владыки (ее); некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, рус-

ские и византийцы, которые христиане» (Тизенгаузен 1884: 306). Конкретизировать эти сведения для Укека затруднительно, поскольку нарративные средневековые материалы весьма отрывочны. Какие же сведения письменных источников мы можем привлечь для изучения затронутого в заглавии работы вопроса?

Прежде всего, это упоминание о францисканской миссии анонимного минорита, датированное не позднее 1329 г. и опубликованное на русском языке А.Б. Мальшевым. Сообщается, что «в Северной Татарии у братьев миноритов имеется восемнадцать (18) постоянных монастырей, а именно в общинах и городах...», среди обозначенных мест в Поволжье упоминается Укек (Ugek) (Мальшев 2006: 187). Название города Укек (Ugek, Ugueth) встречается еще несколько раз при упоминании миссий в документах 1334 и 1390 гг. (Мальшев 2006: 188). Итак, письменные источники неоднократно упоминают францисканскую миссию в Укеке, что позволяет нам предположить присутствие здесь католиков, однако их число, национальная принадлежность, равно как и местоположение этих людей в средневековом городе, остаются пока неизвестными.

В 1253 г. францисканский монах и посол французского короля Гиљом де Рубрук проезжал через новый поселок на берегу Волги, «который татары устроили вперемежку из русских и сарацин, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда» (Рубрук 1997: 116). Поскольку названия поселка путешественник не приводит, его локализация вызывает затруднение. Существует мнение, что им мог быть будущий город Укек (подробнее см. Недашковский 2000: 13), однако этих данных недостаточно для окончательного решения вопроса.

В свете письменных источников рассматриваемая тема практически не раскрываема. Поэтому основой для нашего исследования послужили материалы археологических раскопок и сборов. Совершенно очевидно, что мы не найдем в археологических источниках полного отражения религиозного, а уж тем более этнического разнообразия населения золотоордынских городов. Часто материальная культура приобретает унифицированные черты у различных этносов и конфессий и слабо отражается в культурных слоях города. Вместе с тем, имеется целый набор данных, которые позволяют уверенно выделить исламское, христианское и языческое население Укека, русский и мордовский этнос; возможно, незначительное или даже временное присутствие здесь итальянцев. Предпринята попытка картографировать имеющиеся данные. В тексте археологический материал представлен по религиозным, а затем по этническим признакам.

Часть I. Религии

1. Ислам

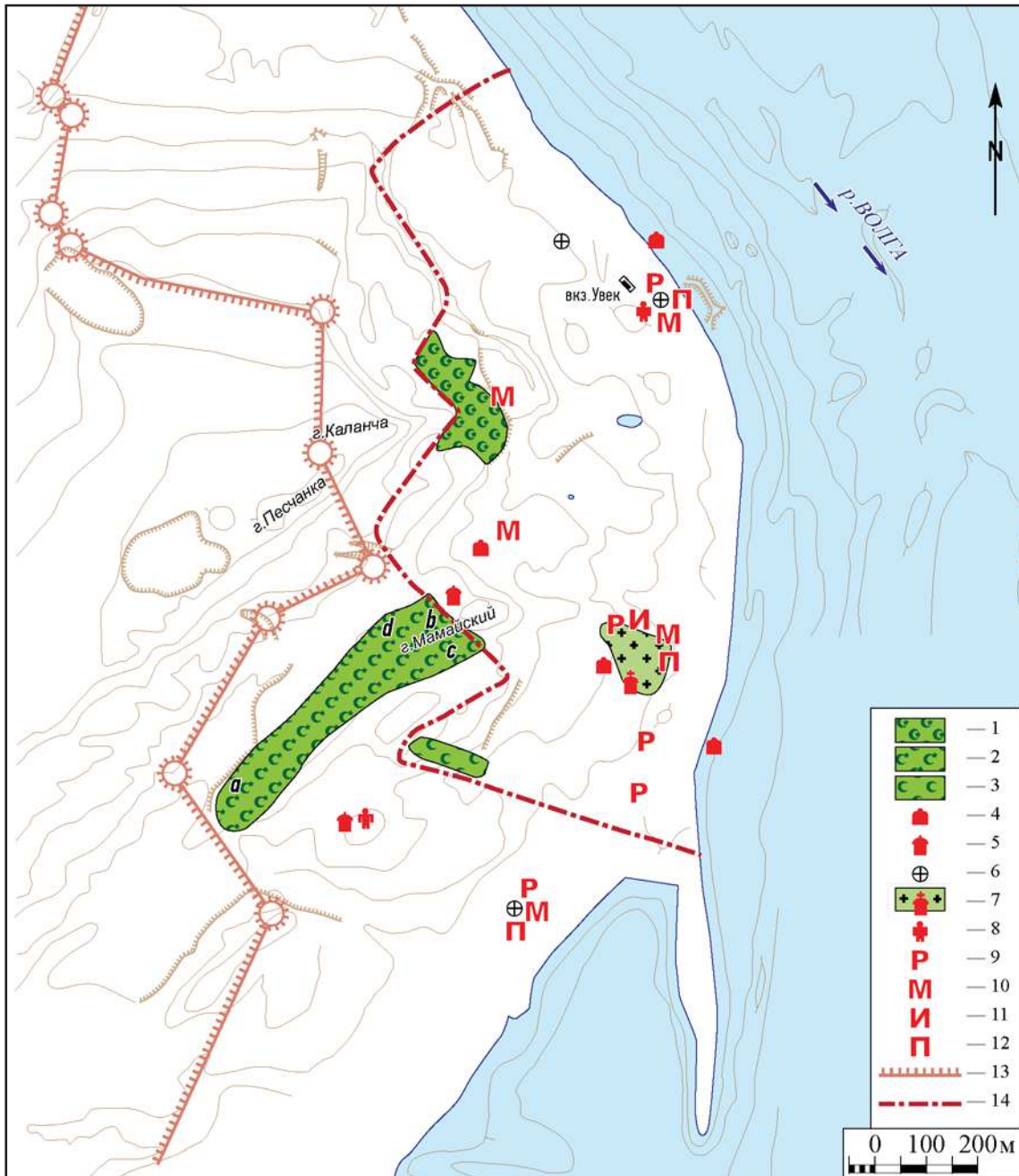
Общеизвестно, что ислам стал доминирующей религией в городах Золотой Орды после 1313 г. Однако специфика ислама довольно редко позволяет выделить его представителей по предметам материальной культуры. Поэтому помимо единичных вещей, происходящих с Увекского городища и связанных, по нашему мнению, с мусульманами, мы используем материалы местных некрополей и архитектурных сооружений.

Некрополи

Укек окружают многочисленные средневековые кладбища, известные по отрывочным данным. Этих данных пока недостаточно, чтобы четко определить границы некрополей, время их функционирования, религиозную принадлежность. Вместе с тем, имеющийся материал позволяет с большой долей уверенности говорить об исламских некрополях или отдельных исламских захоронениях на этих кладбищах. Нам удалось выделить четыре основных скопления мусульманских погребений. Повторюсь, что их границы выделены пока условно.

1. *Северо-западный некрополь.* Располагается на возвышенном, доминирующем над городом участке горы Увек (рис. 1: 1; 2—4). Гора оползневого происхождения, каждый ее уступ имеет свое название. Уступ, на котором располагается могильник, называется Шаблиха. Некрополь исследовался нами эпизодически в 2006—2007, 2012 и 2014 гг. За это время было обнаружено 16 захоронений на площади 240 кв. м, проведены антропологические исследования (Евтеев, Кубанкин 2006; 2009; Евтеев и др. 2013). Осмотр обнажений и опрос местных жителей позволил очертить приблизительные границы некрополя. На карте Увекского городища, составленной Ф.В. Баллодом, он обозначен как «I кладбище» (Баллод 1923: 72, рис. 24).

Несмотря на свои небольшие размеры, серия погребений имеет значительное сходство между собой как по погребальной обрядности, так и по антропологическому типу. Это грунтовые погребения с заплечиками, перекрытые деревянным настилом, чаще всего без гробовиц. В узкой могильной щели шириной в среднем 40 см располагался костяк человека головой на запад с незначительными отклонениями, лицом на юг, с доворотом тела на правый бок. Наличие савана в безынвентарных захоронениях фиксировалось неестествен-

Рис. 1. Карта Уекского городища.

1 — северо-западный исламский некрополь; 2 — западный исламский некрополь (а — траншея под водопровод с обнаруженными погребениями; b — разрушенный кирпичный склеп; с — разрушенные погребения на дороге; d — погребения в раскопе VIII); 3 — исследованные погребения из некрополя у бывших складов Нобеля; 4 — бани; 5 — мавзолеи; 6 — находки предметов христианского культа; 7 — христианский квартал с храмами; 8 — находки онгонов; 9 — находки древнерусской керамики; 10 — находки мордовской лепной керамики; 11 — находки итальянской керамики; 12 — находки лепной керамики с толченой раковины прикамских финно-угров (XVIII группа по Т.А. Хлебниковой); 13 — границы Уекского городища; 14 — граница зоны сплошного распространения культурного слоя.

Fig. 1. Map of Ukek.

1 — North-western Islam necropolis; 2 — western Islam necropolis (a — waterpipe trench where graves were discovered; b — destroyed brick vault; c — destroyed graves along the road; d — graves from dig VIII); 3 — studied graves from the necropolis at former Nobel's deposits; 4 — baths; 5 — mausoleums; 6 — Christian finds; 7 — Christian quarters with churches; 8 — finds of ongons; 9 — finds of the early Russian ceramics; 10 — finds of Mordovian handmade ceramics; 11 — finds of Italian ceramics; 12 — finds of handmade ceramics with ground shells, made by the Finno-Ugrians from the Kama region (group XVIII by T.A. Khlebnikova); 13 — boundaries of Ukek; 14 — boundaries of the cultural layer.

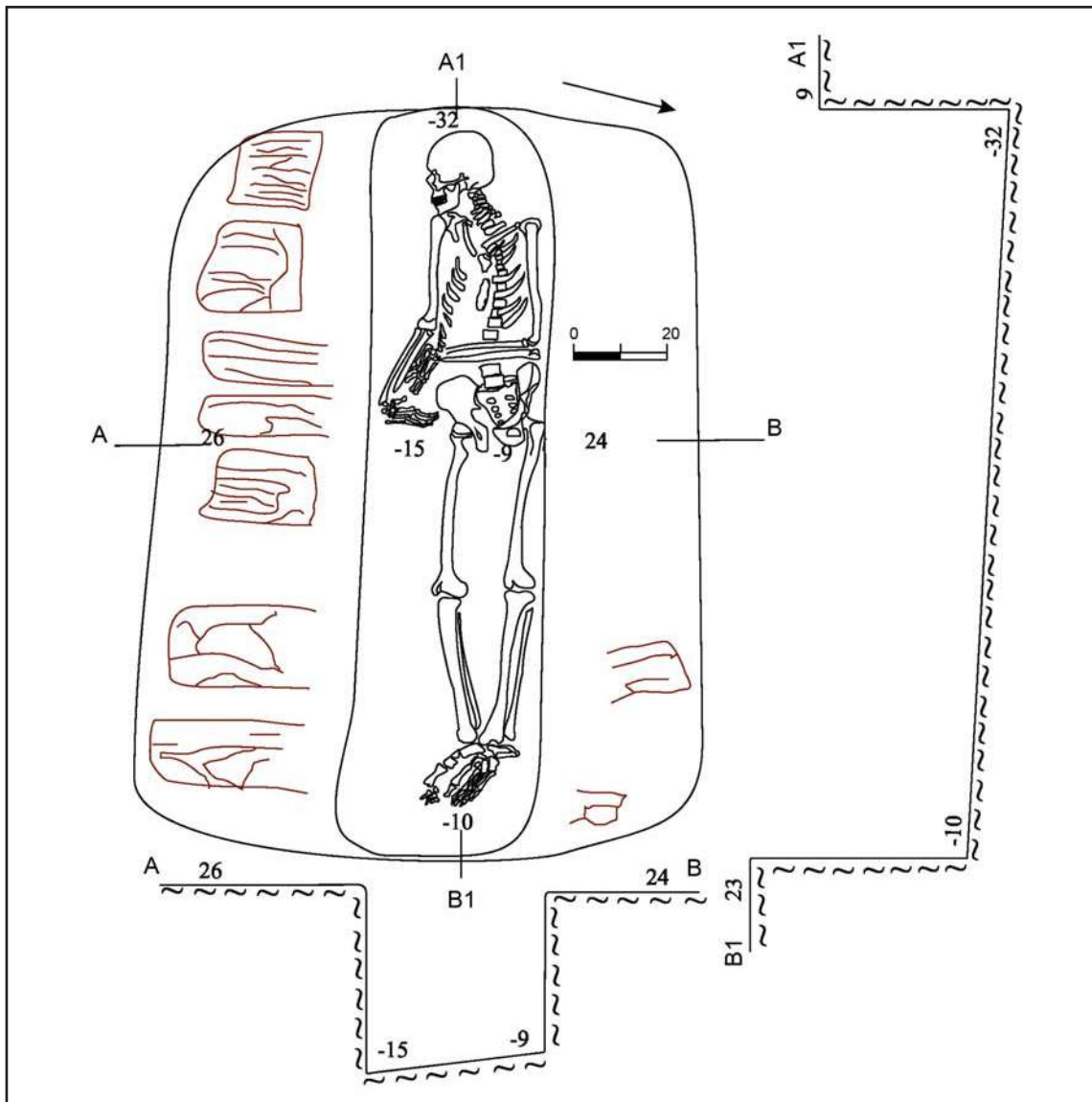

Рис. 2. Северо-западный некрополь Укекского городища. Погребение 4.

Fig. 2. North-Western necropolis of Ukek, grave 4.

ным положением конечностей умерших, достигавшимся тугим пеленанием. Соблюдение норм ислама в погребальном обряде сочетается, возможно, с этническим и социальным своеобразием этой группы. Палеоантропологические сведения «скорее подтверждают гипотезу о принадлежности данного могильника малообеспеченной части жителей города и отчетливо показывают отличия физического облика этого слоя населения от исследованных ранее черепов из “элитарных” погребений...¹ Наиболее близкие параллели

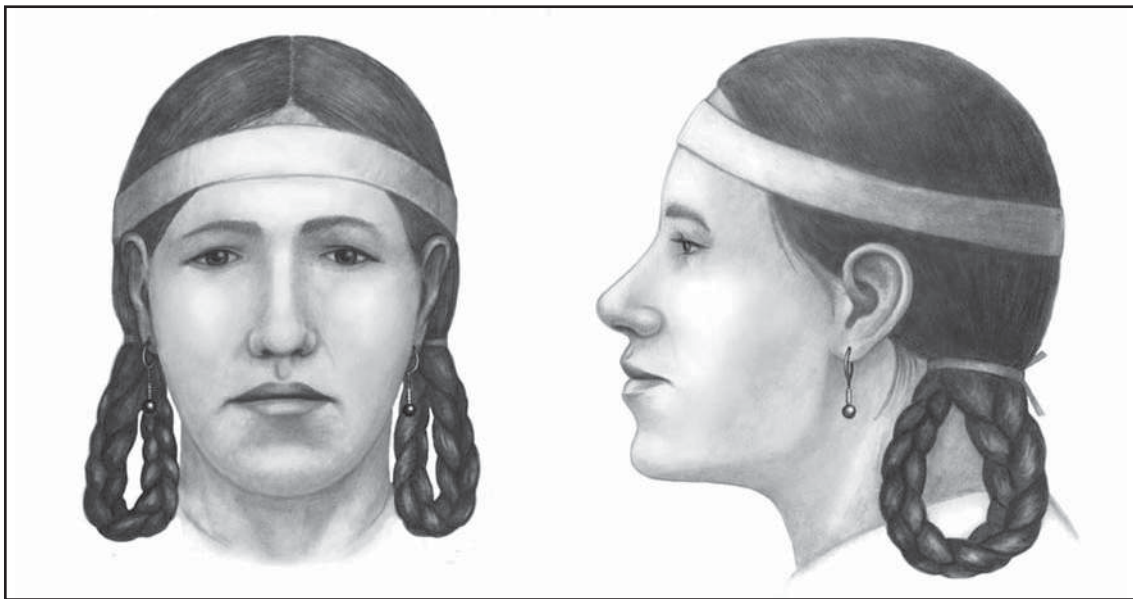
исследуемая серия находит в некоторых средневековых восточнославянских группах, в которых по данным археологии и антропологии фиксируется сильный финно-угорский компонент, и которые, возможно, по сути, представляли собой славянизированное мерянское или мордовское население. Также очень близки к исследуемой выборке серия из Муранского могильника» средневековой мордвы, расположенного на территории Самарской области (Евтеев и др. 2013: 88, 100). Среди датирующего материала в заполнении некрополя обнаружены единичные фрагменты красноглиняной неглазурованной керамики, а на одном из склонов нами найден медный джучидский пул, тип «лев и солнце», аноним, чекан Сарай 737—740 гг.х., т.е.

¹ Невысокая продолжительность жизни, низкорослость и грацильность, высокий процент эмалевой гипоплазии у погребенных.

Рис. 3. Графическая реконструкция лица по черепу. Укекское городище, северо-западный исламский некрополь, погребение 4 (раскопки автора, реконструкция А. В. Рассказовой).

Fig. 3. Graphic reconstruction of face by skull. Ukek, North-Western Islamic necropolis, grave 4 (digs by D.A. Kubankin, reconstruction by A.V. Rasskazova).

Рис. 4. Графическая реконструкция лица по черепу. Укекское городище, северо-западный исламский некрополь, погребение 9 (раскопки автора, реконструкция А. В. Рассказовой).

Fig. 4. Graphic reconstruction of face by skull. Ukek, North-Western Islamic necropolis, grave 9 (digs by D.A. Kubankin, reconstruction by A.V. Rasskazova).

1336/1337—1339/1340 гг. н. э. (Кубанкин 2015: 189, рис. 128: 1).

2. *Западный некрополь.* Расположен к западу от вала и рва городища, в его западной части, к западу и юго-западу от Мамайского шихана (рис. 1: 2). Исламским его можно

признать лишь условно. В 2005 г. с западного края обрисованной нами границы некрополя по 8-му Укекскому проезду была проложена траншея под водопровод длиной 142 м (рис. 1: 2а). В ней обнаружено порядка 17 захоронений (Сингатулин 2008: 140; Кубан-

кин 2006а: 12—17, рис. 2—8). Они были ориентированы по линии запад-восток и почти все содержали деревянные перекрытия. Часто под перекрытием располагался деревянный гроб. Погребения на этом участке раскопаны не были. Поэтому приходится лишь условно говорить об их сходстве с захоронениями северо-западного некрополя. Однако обнаруженный в траншее по 8-му Увекскому проезду череп женщины 15—20 лет имеет существенные отличия от подобных из серии северо-западного некрополя и содержит некоторые черты монголоидности (Евгеев и др. 2013: 91).

На противоположном северо-восточном краю некрополя в 2005 и 2007 гг. нами были найдены следы разрушенного кирпичного склепа (рис. 1: 2b) с фрагментами человеческих костей (Кубанкин 2006а: 17—18, рис. 9—11) и трех грунтовых погребений на дороге (рис. 1: 2c) с древесным тленом, предположительно, от перекрытия могильных ям, ориентированных по линии запад-восток (Кубанкин 2008а: 38—40, рис. 85—90).

В раскопе IX 2016 г. предположительно удалось обнаружить западную периферию некрополя из трех погребений (рис. 1: 2d). Они не имели строгой унификации. Одно захоронение содержало две медные монеты — пулы Гюлистана 766 г. х.

По рассказам жителей домов, расположенных по 8-му Увекскому проезду, они часто находят безымянные захоронения на своих земельных участках. Эта информация позволила условно очертить границы некрополя. Часто встречаемые захоронения под деревянными перекрытиями с западной ориентировкой, по аналогии с могилами из северо-западного некрополя, позволяют предположить их принадлежность к исламу. Погребения с инвентарем и неустойчивым обрядом, видимо, свидетельствуют о разнообразии традиций захороненного здесь населения.

На предполагаемой западной окраине данного некрополя или на прилегающих территориях были известны многочисленные каменные могильные плиты (Гусев 1891).

3. *Некрополь у бывших складов Нобеля.* Располагается к югу от Мамайского шихана, в непосредственной близости от западного некрополя (рис. 1: 3). В 1907 г. при выравнивании территории были обнаружены многочисленные захоронения. Одно из них содержало каменную могильную плиту, которая хранится теперь в Саратовском областном музее краеведения (СМК 75963). Надпись на ней слабо прослеживается и требует

более квалифицированного перевода. Единственная попытка была предпринята в начале XX в. сыном саратовского муллы С. М. Енгальчевым: «Да будет над ним благословение Божие в изобилии. Ях'и сына Мухаммеда это есть могила. 697 г. х.» (Материалы...: Л. 34).

П. Н. Шишкиным в 1913 г. здесь же было раскопано семь безымянных захоронений в колодах и деревянных гробах. Костяки лежали вытянуто, головой на северо-запад, в одном погребении голова повернута набок, лицом к югу (Шишкин 1913: Л. 30—30 об.). Вероятно, эти погребения следует также отнести к исламской обрядности.

В 2014 г. нами были раскопаны частично разрушенные водопроводной траншеей пять погребений на склоне (рис. 1: 3), примыкавшем к территории бывших складов Нобеля. По описанию они схожи с погребениями, раскопанными ранее П. Н. Шишкиным — ориентированы головой на северо-запад, с поворотом лица на юг, со следами деревянных конструкций — дубовых плах или досок перекрытия могильной ямы и дубовых досок гробовища. В погребении 2 прослежены следы истлевшей ткани, плотно облегавшей тело умершего мужчины 25—35 лет (предположительно, саван); в погребении 5 зафиксирован скелет женщины 45—55 лет, здесь прослежены фрагменты ткани и найдено сердоликовое украшение в районе нижней челюсти. В разрушенном погребении 1 были найдены многочисленные фрагменты шелка, предположительно, с золотой нитью; здесь была захоронена женщина 30—40 лет (Кубанкин 2015: 36—41, 140—159).

Итак, обнаруженные захоронения в могильнике у бывших складов Нобеля можно условно назвать исламскими, а найденная здесь могильная плита позволяет датировать часть из них концом XIII в.

Бани

Совершенно очевидно, что в Уеке, как и в других золотоордынских городах, были мечети. В настоящее время ни одну из построек Увекского городища нам не удается идентифицировать с данным типом монументальных сооружений. В условиях плотной застройки Увекского городища современным частным сектором редкие монументальные здания были раскопаны по всей площади. Однако обнаружены следы нескольких бань, которые чаще всего принято связывать с мусульманскими традициями.

Бани играли значительную роль в жизни мусульман (Хованская 1954: 302). Джелал

Эссад-бей писал: «Бани так же важны для мусульманина, как и мечети» (Эссад 1919: 267). Это не означает, что подобные помещения посещались исключительно приверженцами ислама, но рассматриваемые сооружения четко фиксируют присутствие мусульман в золотоордынских городах. По материалам исследований различных лет нам условно удалось идентифицировать четыре общественных бани с подпольным отоплением.

Баня №1 была частично раскопана в 1891 г. Предположительно, располагалась она в юго-восточной части городища, в 200 м к югу от южной подошвы Мамайского шихана и в 200 м к западу от берега Волги (Кубанкин 2007: 201—205). На берегу Волги, в южной части городища, к северо-востоку от искусственного затона, в конце XIX в. прослежены следы монументальной постройки длиной не менее 40 м из жженого кирпича с водопроводными трубами и, предположительно, подпольным отоплением (Духовников 1893: 108—109). Условно назовем ее баней №2. В районе станции Увек по берегу Волги в начале XX в. прослежено монументальное сооружение из кирпича с глиняными трубами (Кубанкин 2005: 201), возле которого была обнаружена чаша фонтана (СМК 75954), аналогичная найденным в Болгаре. Условно назовем ее баней №3. Следы предположительно еще одной бани обнаружены в шурфе Р.А. Сингатулина, заложенном в центральной части Увекского городища в 2005 г. Здание датировано найденной в фундаменте монетой Хызра не ранее 1360 г. (Сингатулин 2008: 145—147).

Находки

К числу предметов, связанных с исламским культом, следует отнести два глиняных изделия, найденных на Увекском городище (рис. 5: 1, 2). Это круглые предметы, полученные в результате отиска в форме, с двусторонней арабской надписью: «Царство [принадлежит] Аллаху», «Величие [принадлежит] Аллаху»². У второго изделия сохранилась лишь одна сторона с надписью. Аналогии не известны. Можно лишь отметить, что подобный арабский девиз, *ал-мулк Аллах* (Власть [принадлежит] Богу), происходит из Корана и встречается на персидской миниатюре начала XIV в. Там он представ-

² Выражаю глубокую признательность за прочтение надписей Е. Ю. Гончарову, В. Н. Настичу, И. В. Волкову.

Рис. 5. Находки с Увекского городища. 1, 2 — глиняные амулеты с арабской надписью (СОМК. СМК 76316, СМК 76317); 3 — бронзовый амулет с изображением магического квадрата и арабской надписью (ГИМ. Инв. №34162. Оп. 952. №55).

Fig. 5. Finds from Ukek. 1, 2 — clay amulets with Arabic inscription (Saratov Regional Museum of Local Lore. СМК 76316, СМК 76317); 3 — bronze amulet with the image of a magic square and Arabic inscription (State Historical Museum, inv. no.34162. op. 952. no.55).

лен в виде надписи над входом в шатровую мечеть; рядом монгольские принцы изучают Коран (Юрченко 2012а: 151).

Еще один предмет с арабской надписью хранится в ГИМе. Это бронзовый амулет с петлей для подвешивания (рис. 5: 3). На одной стороне — магический квадрат с арабскими цифрами, которые по линии в сумме составляют 15, на другой — арабская надпись. Изображение сильно потерто. Предмет найден в прибрежной части городища, без указания более точных ориентиров (Архив ИИМК. Ф I/1893. Д. 107. Л. 79).

Е. М. Пигарев и С. Ю. Скисов полагают, что «источником попадания магического квадрата в золотоордынские города были страны мусульманского мира, где эта форма магии достоверно известна задолго до монгольского завоевания» (Пигарев, Скисов 2007: 244).

На южной окраине городища в 1919 г. Ф. В. Баллодом был раскопан горн №1, возможно, для обжига кашинных изразцов. Возле топки была найдена разбитая глиняная плита с арабской надписью (Баллод 1923: 78, табл. 23: 1). Сын местного муллы С. М. Енгальчев сумел разобрать слова «летиф» (красивый, изящный) и «Алла» (Баллод 1919: 25). Однако В. В. Бартольд, рецензировавший отчет Ф. В. Баллода, усомнился в верности прочтения первого слова (Бартольд 1921: 126).

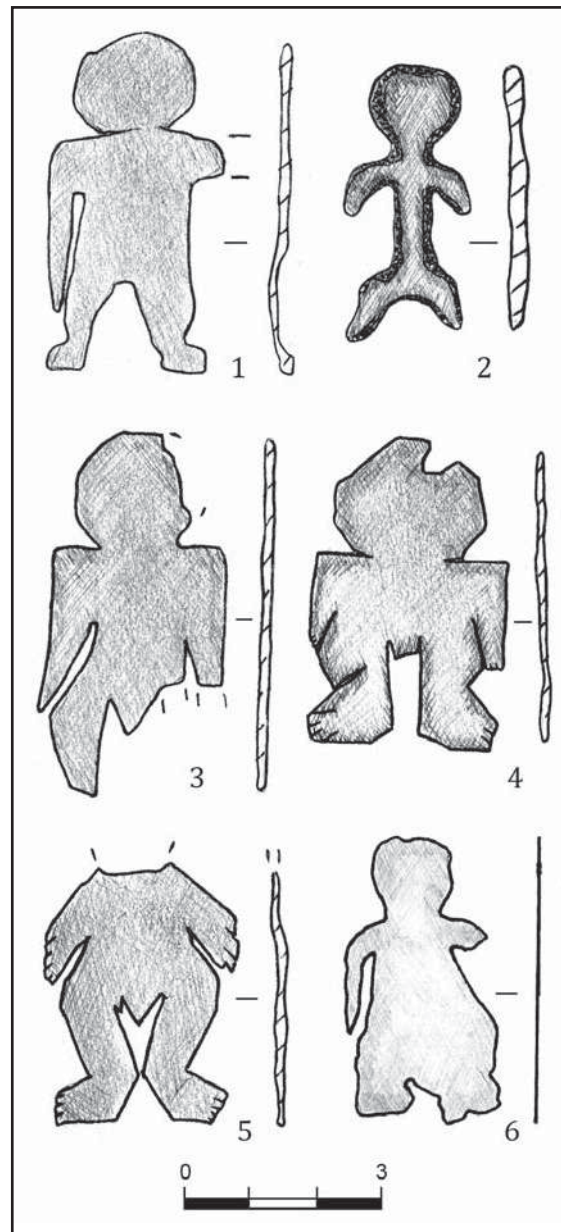
2. Язычество

Онгоны

Находки онгонов на золотоордынских памятниках немногочисленны, но их выпадение в культурный слой устойчиво (Федоров-Давыдов 1965; Пигарев 2011). Г. А. Федоров-Давыдов отмечал, что они появились в степях Поволжья только с приходом монголов, практически полностью аналогичны бурятским этнографическим ильтаханам и, вероятно, являлись вместилищем одной из душ человека. Эти находки принято связывать со следами шаманизма и присутствием монголов на золотоордынских памятниках (Федоров-Давыдов 1965: 275—276).

Существует и другое мнение. А. Г. Юрченко полагает, что онгоны делали из шелка или войлока, а металлические фигурки являлись частью известного в средневековье обряда клятвы, описанного неоднократно в источниках еще в домонгольское время. В качестве подтверждения он приводит изображение фигурки человека на поясе каменного половецкого изваяния (Юрченко 2012: 76). Однако находки медных антропоморфных фигурок на домонгольских памятниках исследуемого региона нам неизвестны.

С Увекского городища происходит не менее восьми онгонов. В Саратовском областном музее краеведения хранится шесть фигурок. Одна из них (рис. 6: 6) найдена в районе станции Увек (раскоп VIII, раскопки Д. А. Кубанкина, 2016 г.). Еще пять (рис. 6: 1—5) были собраны или закуплены у местных жителей членами Саратовской ученой архивной комиссии в начале XX в. (Федоров-Давыдов

Рис. 6. Онгоны. 1, 3—6 — Увекское городище, медь; 2 — Терновское городище, свинец. 1—5 — сборы членов СУАК (СОМК. СМК 53335/1—5); 6 — раскоп VIII, раскопки автора (СОМК. СМК 78055/2).

Fig. 6. Ongons. 1, 3—6 — Ukek, copper; 2 — Ternovka settlement, lead. 1—5 — collected by members of the Saratov Scientific Archival Commission (Saratov Regional Museum of Local Lore. СМК 53335/1—5), 6 — dig VIII, digs led by D.A. Kubankin (Museum of Local Lore from Saratov Oblast. СМК 78055/2).

1965: 277, рис. 2: 4—8). Примечательно, что из них одна фигурка вырезана не из листа меди, а отлита из свинца (рис. 6: 2). В книге поступлений Саратовского областного музея краеведения, вероятно, ошибочно, этот предмет записан как находка с Увекского городища, но в более ранней публикации с фотографией абсолютно аналогичного предме-

та указано, что он происходит с Терновского городища (Спицын 1914: 101—102, рис. 23). Имеется упоминание об онгоне, найденном при раскопках мавзолея, в верхних слоях строительного мусора (Кротков 1915: 115). Не менее двух подобных фигурок были найдены на городище Ф. В. Духовниковым и переданы в Императорскую Археологическую комиссию в 1893 г. (Духовников 1893: 38; Nedashkovsky 2004: 188. fig. 7).

Мавзолеи

Примечательно, что один из онгонов был найден в мавзолее, в слое строительного мусора. Полагаем, что в нем была захоронена местная языческая монголизированная элита, о чем свидетельствует северо-восточная ориентировка погребенных и богатый сопроводительный инвентарь: изделия из шелка, серебряный поясный ковш, украшения из драгоценных металлов и пр. (Кротков 1915; Кубанкин 2006: 190—200). Этот мавзолей располагается на юго-западной окраине городища, и рядом с ним неоднократно были обнаружены элитарные захоронения с северо-восточной ориентировкой (Кубанкин 2006: 201—203).

Меньшим количеством вещей сопровождаются захоронения в сырцовом мавзолее западного некрополя, также ориентированные на северо-восток, хотя грунтовые могилы того же кладбища, как правило, содержат безынварные захоронения по исламским канонам, в вытянутом положении головой на запад, лицом на юг с доворотом тела на правый бок, т. е. в сторону Мекки (Кубанкин 2006: 204—206). В обоих мавзолеях содержались женские захоронения с боктаг (шапочками-бокка). На большинстве золотоордынских городищ Поволжья захоронения в мавзолеях XIV в. совершены по исламским канонам. Нам известно о трех мавзолеях на Уевском городище. Один из них содержал подземный склеп, возможно, с семьей погребенными; однако отсутствуют проверенные данные о положении костяков и сопроводительном инвентаре (Кубанкин 2007: 208—209), поэтому интерпретировать религиозную принадлежность умерших не представляется возможным. Два других мавзолея содержали погребения с северо-восточной ориентировкой и зачастую с богатым инвентарем. Видимо, последние два мавзолея были возведены над захоронениями местной неисламизированной элиты на рубеже XIII—XIV вв., когда ислам еще не был принят в качестве официальной религии.

3. Христианство

Предметы культа

Предметы христианского культа встречаются на Уевском городище довольно часто. Нам удалось проследить не менее 27 подобных изделий, однако на карте по месту их нахождения даже приблизительно удалось идентифицировать лишь 12 (рис. 1: 6). В коллекции находок, собранных Ф. В. Духовниковым в 1893—1894 гг., были крестики, иконки, кацея, фрагмент паникадила (Nedashkovsky 2004: 188, fig. 7; 10; Полубояринова 1978: 95—99; Недашковский 2000: 109—112).

А. А. Кротков в начале XX в. отмечал, что в северной части городища (от станции Уевек и далее на север) встречаются многочисленные находки каменных образков и медных крестиков. Именно этот участок он называл «русским концом Уека» (Кубанкин 2005: 208). Среди картографированных находок христианского благочестия к обозначаемому А. А. Кротковым месту относятся литой бронзовый крест, который экспонируется в Государственном историческом музее³ (Полубояринова 1978: 98—99; ИИМК. Ф. 1/1893. Д. 107. Л. 80), и серебряный с позолотой нательный крест с криновидными концами (рис. 8: 3). Раскопки в этой части городища проводились единожды. В материалах раскопок древнерусская керамика составляла незначительный процент.

Наибольшее скопление предметов христианского культа сосредоточено в южной части городища, где нами был выделен христианский квартал. В конце 1990-х гг. здесь была найдена каменная иконка «Спас на троне» (рис. 7: 6), находящаяся ныне в частной коллекции (Станюкович 2012). В 1994 г. в результате археологических раскопок, проводившихся без Открытого листа, были обнаружены изготовленные из медистого сплава два обломка энколпионов (рис. 7: 4, 5), оглавление иконки или энколпиона (рис. 7: 3) и красноглиняная чаша с зеленой поливой, на внешней стороне поддона которой был прочерчен крест (рис. 7: 8). Чаша была изготовлена в Солхате и датируется рубежом XIII—XIV вв.⁴ При раскопках в Каффе греческого храма Св. Теодора Тирона и Стратилата в разных местах было обнаружено семь красноглиняных чаш с прочерченным крестом на внешней стороне под-

³ ГИМ. №34162. Оп. 952. №1.

⁴ Выражаю признательность А. Н. Масловскому и С. Г. Бочарову за определение керамики.

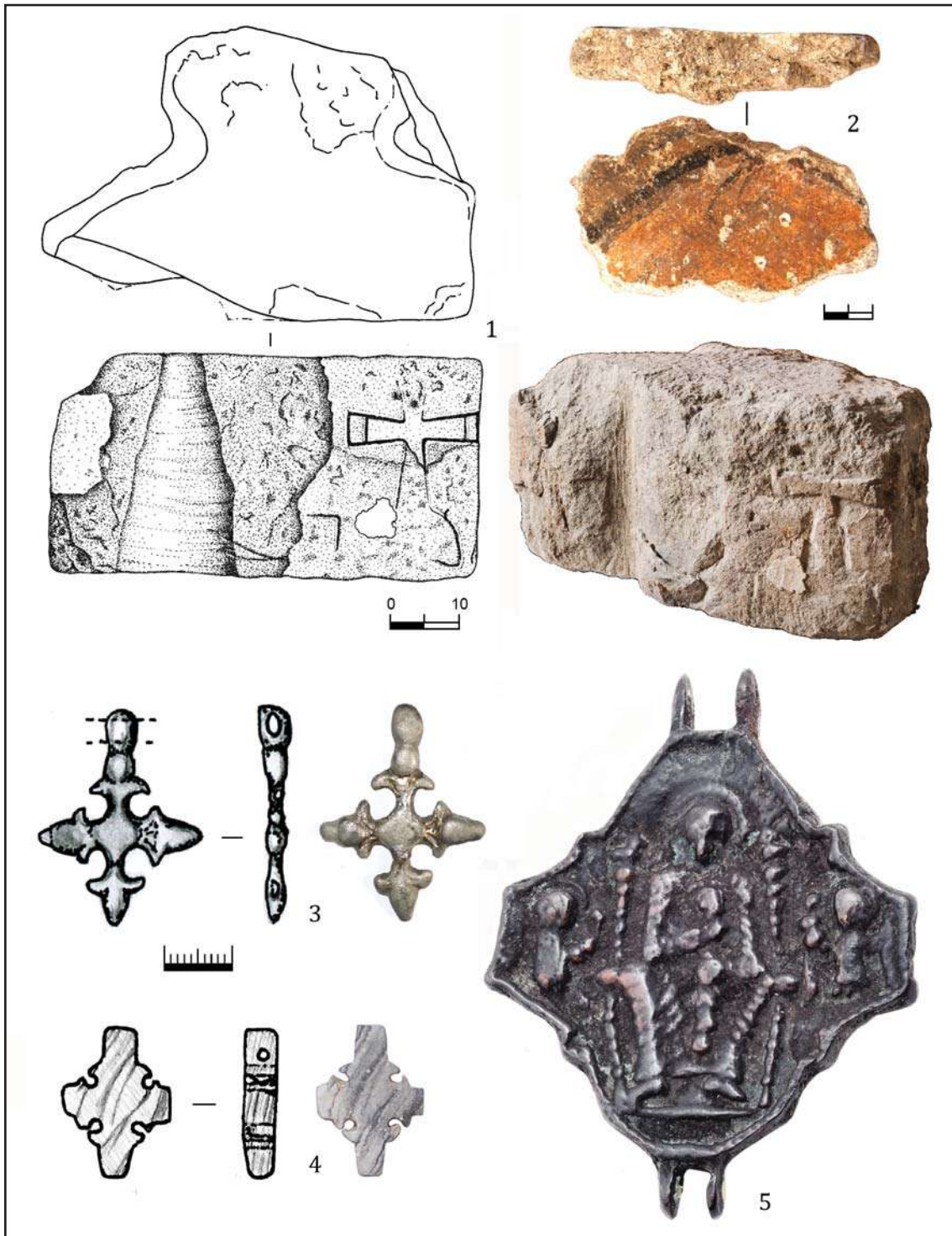
Рис. 7. Находки предметов христианского культа с территории христианского квартала Укекского городища. 1 — лампада медная из клада (ЭКМ. НВСП 15944); 2 — оглавие из медистого сплава иконки или энколпиона, раскоп IV (СОМК. СМК); 3 — оглавие из медистого сплава иконки или энколпиона, раскопки 1994 г. (ЭКМ. НВСП 9088); 4, 5 — фрагменты энколпиона из медистого сплава, раскопки 1994 (ЭКМ. ЭКМ 12314, 12319); 6 — иконка каменная с изображением Спаса на престоле (частная коллекция); 7 — фрагмент каменного нательного крестика, раскоп III (СОМК. СМК 75784/24); 8 — чаша красноглиняная поливная с процарапанным крестом по дну с внешней стороны, Солхат, рубеж XIII—XIV вв., раскоп 1994 г. (ЭКМ. НВСП 9183).

Fig. 7. Christian finds from the Christian quarters of Ukek. 1 — copper lamp from a hoard (Engels Regional Museum, НВСП 15944); 2 — icon or encolpion's frame from copper alloy, dig IV (Saratov Regional Museum of Local Lore, СМК); 3 — icon or encolpion's frame from copper alloy, digs of 1994 (Engels Regional Museum, НВСП 9088); 4—5 — icon or encolpion's frame from copper alloy, digs of 1994 (Engels Regional Museum, ЭКМ 12314, 12319); 6 — stone icon with the image of Savior enthroned (private collection); 7 — fragment of a stone baptismal cross, dig III (Saratov Regional Museum of Local Lore, СМК 75784/24); 8 — glazed red-clay cup with a cross scratched on its bottom, on the external side, Solkhat, turn of the 13th—14th centuries, digs of 1994 (Engels Regional Museum, НВСП 9183).

дона⁵ (Айбабина, Бочаров 2002). Это позволя-

⁵ Номера по коллекционной описи 19—20, 24—27, 44. Выражаю признательность С.Г. Бочарову за возможность ознакомиться с отчетом о раскопках.

ет предположить, что найденная на Укекском городище чаша относилась к храмовому комплексу. В 1994 г. в пределах очерчиваемого нами христианского квартала был обнаружен клад вещей, который содержал медную лампаду (рис. 7: 1) (Кубанкин, Сергеева 2013).

Рис. 8. Находки предметов христианского культа с территории Укекского городища. 1 — каменный блок с изображением креста, христианский квартал, раскоп III; 2 — фрагмент фресковой росписи, христианский квартал, раскоп III (СМК. НВСП 47404/1); 3 — крестик нательный криволинейный, серебро с позолотой, центральная часть городища, раскоп VIII (СМК. СМК 78055/1); 4 — крестик нательный каменный, южная окраина городища, раскоп VII (СМК. СМК); 5 — створка энколпиона-квадрифолия, место находки не установлено (СМК. СМК 57930).

Fig. 8. Christian finds from the Christian quarters of Ukek. 1 — stone block with the image of cross, Christian quarters, dig III; 2 — fragment of a fresco, Christian quarters, dig III (Saratov Regional Museum of Local Lore, НВСП47404/1); 3 — baptismal lily-shaped cross, gilded silver, from the central part of the town, dig VIII (Saratov Regional Museum of Local Lore, СМК 78055/1); 4 — stone baptismal cross, southern outskirts of the town, dig VII (Saratov Regional Museum of Local Lore, СМК); 5 — leaf of a quadrifolium encolpion, place of find not localized (Saratov Regional Museum of Local Lore, СМК 57930).

Церковь

В 2010—2013 гг. нам удалось частично проследить фундаменты, предположительно, двух церквей (рис. 9). Одна из них датируется 1280—1300 гг., вторая, предположительно, 1330—1350 гг. (Кубанкин 2014: рис. 1). Были обнаружены каменный блок с изображением креста (рис. 8: 1), многочисленные фрагменты фресок (рис. 8: 2), фрагмент каменного нательного креста (рис. 7: 7), бронзовое оглавие иконки или энколпиона (рис. 7: 2). Итак, в пределах христианского квартала задокументировано не менее девяти предметов, связанных с христианским благочестием. На сегодняшний день это самое массовое из известных нам скоплений находок подобного рода на Увекском городище.

Каменный нательный крест (рис. 8: 4) был обнаружен нами в результате раскопок в юго-восточной части городища, южнее христианского квартала, среди многочисленных находок древнерусской керамики.

Картографирование находок христианского благочестия (рис. 1: 6) позволяет очертить основное количество исследуемых изделий в пределах христианского квартала, ближе к южной окраине городища, и выделить отдельные находки на значительном расстоянии от этого квартала, но в пределах современного побережья. Большинство находок относится к предметам православного круга. В письменных источниках отмечается присутствие католиков в Уеке, о чем говорилось ранее. Видимо, их число было небольшим по сравнению с православным населением.

В городе, вероятно, было налажено литье культовых изделий. Об этом свидетельствуют литейные браки энколпиона (Полубояринова 1978: 95—96) и двух иконок (Полубояринова 1978: 96—97; Недашковский 2000: 107, 109). Найдено две практически идентичные створки квадрифолия-энколпиона с изображением Богоматери на троне (рис. 8: 5) (Полубояринова 1978: 96—98). Эти изделия, видимо, были отлиты в одной форме. Остается только понять, привезли данные мощевники из русских земель или они были изготовлены в Уеке.

Итак, по данным археологических и письменных источников удалось зафиксировать присутствие на Увекском городище представителей ислама, христианства и язычества. Отчетливо прослеживается скопление предметов христианского культа, позволяющее выделить христианский квартал. Исследуемые изделия относятся преимущественно к православной конфессии, что подтверждается находимыми здесь многочисленными

фрагментами средневековой русской керамики.

Присутствие ислама удалось зафиксировать преимущественно по многочисленным могильникам на западной окраине городища. Их расположение на окраинных участках городища, возможно, следует связывать с формированием некрополей с большим количеством захоронений уже после утверждения ислама в качестве официальной религии, т. е. не ранее 1320-х гг. Эта идея косвенно подтверждается находкой погребения с монетами 1360-х гг. на западном некрополе и могильной плитой мусульманского жителя, умершего в конце XIII в. Последняя обнаружена внутри границ городища (рис. 1: 3), образуемых линией западных некрополей (рис. 1: 1, 2), т. е. погребение было совершено ранее, чем образовались указанные ранее кладбища, на территории, которая позднее была поглощена городом, в отличие от западных некрополей.

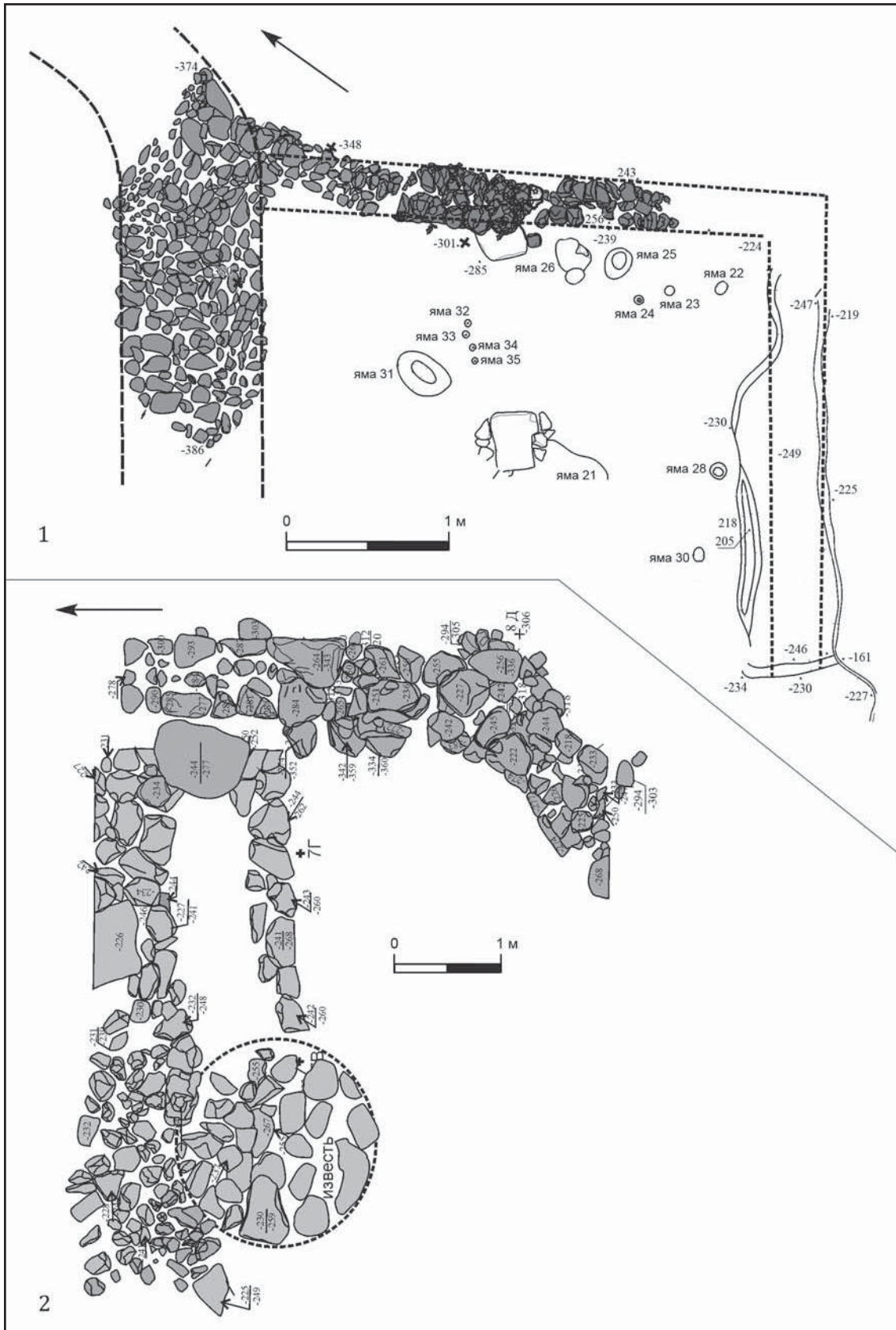
Язычники-шаманисты присутствовали в Уеке на рубеже XIII—XIV вв., о чем свидетельствуют богатые погребения с северо-западной ориентировкой. В мавзолее встречен онгон. Еще один онгон датируется 1330—1360-ми гг. Пока это единичный случай, он заставляет предположить, что шаманисты присутствовали в Уеке и после принятия ислама в качестве официальной религии. Иосафат Барбаро сообщает, что принятие ислама практически у всего кочевого населения относится ко времени Едигея, но даже после этого в XV в. остались язычники (Барбаро 1993: 130, 136).

Часть II. Этносы

Большинство этносов на сегодняшний день сложно выделить по предметам материальной культуры золотоордынских городов. Исключение составляют средневековые русские и мордва со специфической посудой, используемой в быту.

Русские

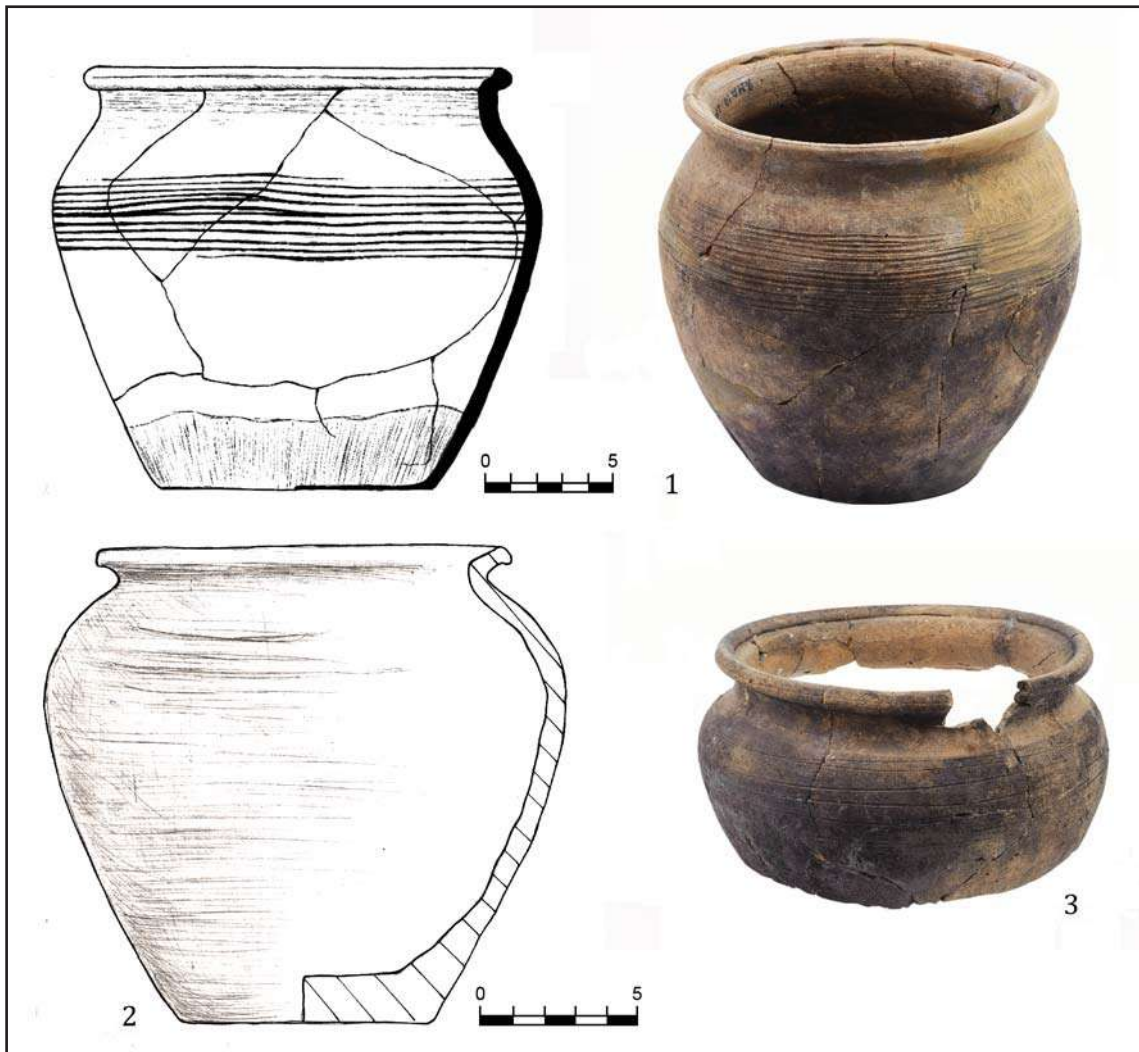
Русское население оставило после себя многочисленные фрагменты горшков (рис. 10). Примечательно, что значительная часть этих скоплений отчетливо группируется на отдельных участках. Это южная часть городища. В нижних горизонтах христианского квартала, на раскопах III и IV, доля русской керамики достигает 26%, уменьшаясь в слоях XIV в. На раскопе VII, прилегающем к христианскому кварталу, она составляет 23%. В северной части городища, в рас-

Рис. 9. Фундаменты христианских храмов Укекского городища, фрагменты каменных кладок. 1 — храм 1, раскоп III; 2 — храм 2, раскоп IV.

Fig. 9. Foundations of Christian churches from Ukek, fragments of stone masonry. 1 — church 1, dig III; 2 — church 2, dig IV.

Рис. 10. Древнерусские горшки из христианского квартала Укекского городища. 1 — раскоп IV, яма 10 (СОМК. СМК 77294/9); 2 — случайная находка (СОМК. СМК 71307); 3 — подвальное помещение храма, раскоп III (СОМК. НВСП 46945/141).

Fig. 10. Early Russian pots from the Christian quarters of Ukek. 1 — dig IV, pit 10 (Saratov Regional Museum of Local Lore, СМК 77294/9); 2 — stray find (Saratov Regional Museum of Local Lore, СМК 71307); 3 — basement of a church, dig III (Saratov Regional Museum of Local Lore, НВСП 46945/141).

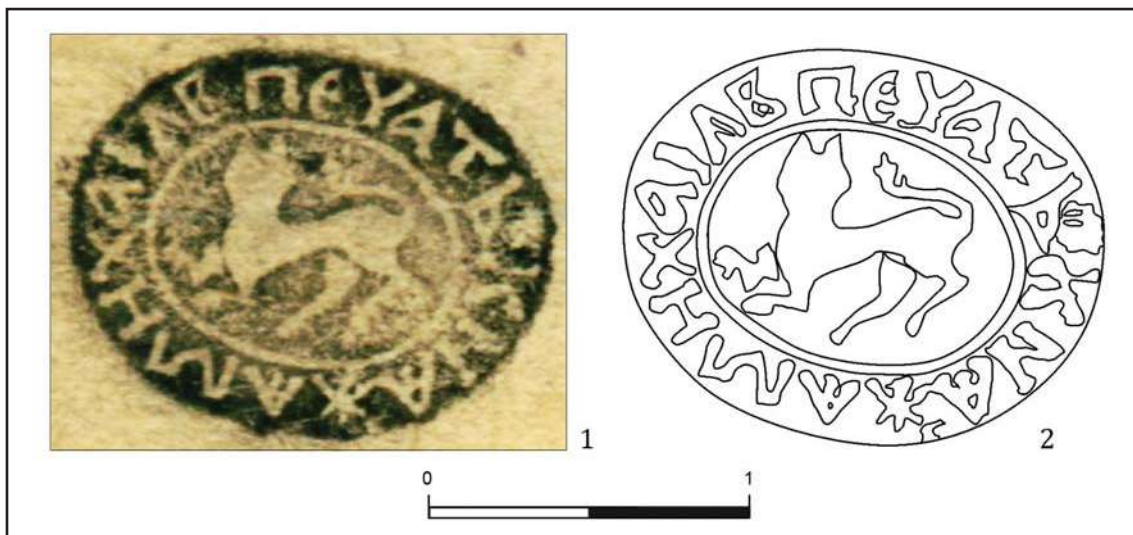
копе VIII, ее процент ничтожно мал — 1%, и вся она сосредоточена в самых ранних слоях. В раскопах, расположенных близко к исламским некрополям, не встречено ни одного фрагмента древнерусской керамики. Таким образом, имеющиеся у нас данные позволяют отметить массовое присутствие древнерусского населения в Укеке в районе христианского квартала и на прилегающих участках. Среди данной керамики большинство форм представляют горшки.

Подобное соотношение древнерусской керамики для золотоордынских городов следует считать высоким. На Водянском городище в раннем русском поселке начала XIV в. доля древнерусской керамики составляет 29%,

а в русском квартале 1330—1360-х гг. — 15% (Лапшин, Мыськов, 2013: 100, 109, табл. 1; 7). По предварительным данным Н.И. Юдина, древнерусская керамика на Царевском городище составляет 1—1,5% от общего числа глиняной посуды (Юдин 2016: 16), а на Селитренном городище равна нулю, за исключением единичных импортов (Пигарев 2017)⁶.

Доля древнерусской керамики из христианского квартала Укека рубежа XIII—XIV вв. в четыре-пять раз превосходит синхронные

⁶ Выражаю признательность за консультации по материалам с Селитренного городища Е.М. Пигареву и А.Н. Масловскому по исследованиям в Азаке.

Рис. 11. Оттиск (1) и прорисовка по оттиску (2) с печати князя Михаила, найденной на Укекском городище (по Кубанкин 2008: 161, рис. 1).

Fig. 11. Impress (1) and drawing of the impress (2) from Prince Mikhail's stamp found on Ukek (after Кубанкин 2008: 161, рис. 1).

комплексы из Азака. Яма 7 из раскопа в Азове по улице Московская, 4, содержит 5% древнерусской керамики. За все время раскопок в Азаке яма 7 дала наибольшее количество древнерусской керамики. По мнению А. Н. Масловского, этот комплекс принадлежал выходцу из Древней Руси (Масловский 2006а: 287—288, 290, 292). Примечательно, что импортная светлоглиняная древнерусская керамика с Укекского городища составляет 4—12% от общего числа находок древнерусской керамики в комплексе христианского квартала и на прилегающих участках.

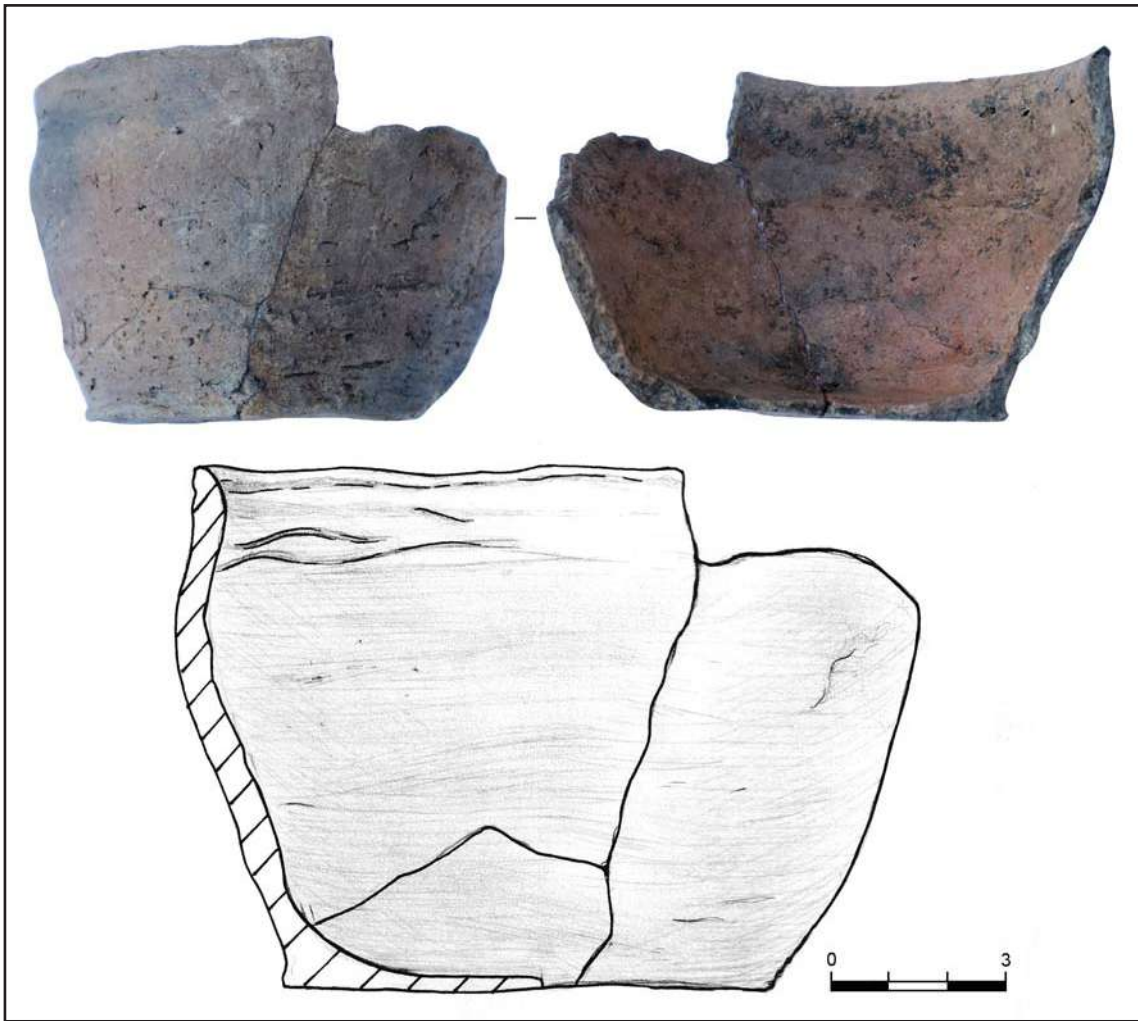
Известно, что русские общины проживали в средневековом Азаке и в Сарая, но там славянская керамика крайне незначительна и несравнима с долей подобной посуды с Укекского и Водянского городищ. Вслед за А. Н. Масловским (Масловский 2015: 394) мы полагаем, что в Укеке, в отличие от Азака, Царевского и Селитренного городищ, было налажено производство местной керамики, преимущественно горшков, для нужд русского населения. В отличие от Азака и Сарая, русские Укека не так резко переходили на использование стандартной ордынской посуды, поскольку наладили здесь производство традиционных горшков.

Еще одним возможным свидетельством пребывания в Укеке древнерусского населения могут послужить находки двух русских печатей. Первая не сохранилась до наших дней, но известен ее оттиск (рис. 11). Она представляла собой каменную вставку в перстень с изображением по центру коша-

чьего хищника с надписью по внешнему кругу «**ПЕЧАТЬ КНЯЖА МИХАИЛЪ**». Исходя из сфрагистических и палеографических данных, следует считать, что изначально перстень принадлежал русскому князю Михаилу, изделие условно датируется первой четвертью XIV в. (Кубанкин 2008). В Эрмитаже хранится костяная печать Семена, датируемая концом XIII — XIV в. Она была найдена на городище в конце XIX в. (Крамаровский 1999).

Мордва

Лепная мордовская керамика менее многочисленна в Укеке по сравнению с русской, но встречается она стабильно (рис. 1: 10; рис. 12). В христианском квартале (раскоп III и раскоп IV) ее доля — примерно в пределах 1% от общего числа фрагментов керамики, на остальной территории — 0,5—0,1%. Видимо, это была привозная керамика, которая могла прибыть в город вместе с ее владельцем в качестве кухонной посуды, а в отдельных случаях, когда на ней не прослежены следы сажи, могла быть товарной тарой. О присутствии средневековой мордвы свидетельствуют три находки бронзовых лопастных сьюльгам, две из них обнаружены в конце XIX — начале XX в. — это фрагмент дужки (Недашковский 2000: 46, 47) и целая узколопастная застежка с крестообразными насечками (Кубанкин 2013: рис. 2: 3). Еще одна подобная сьюльгама была найдена в шурфе Р. А. Сингагулина в 2005 г. (Сингагулин 2005:

Рис. 12. Мордовский лепной горшок. Южная окраина Укекского городища, раскоп VII (2017 г.).

Fig. 12. Mordovian handmade pot. Southern outskirts of Ukek, dig VII, digs of 2017.

Рис. 13. Фрагмент глиняного лепного сосуда с толченой раковинной. Южная окраина Укекского городища, раскоп VII (2017 г.).

Fig. 13. Fragment of a copper handmade vessel with ground shells. Southern outskirts of Ukek, dig VII, digs of 2017.

154, рис. 13). Изделия этого типа А.Е. Алихова датировала XIV в. и считала их племенным украшением мокши (Алихова 1958: 70, 76—77).

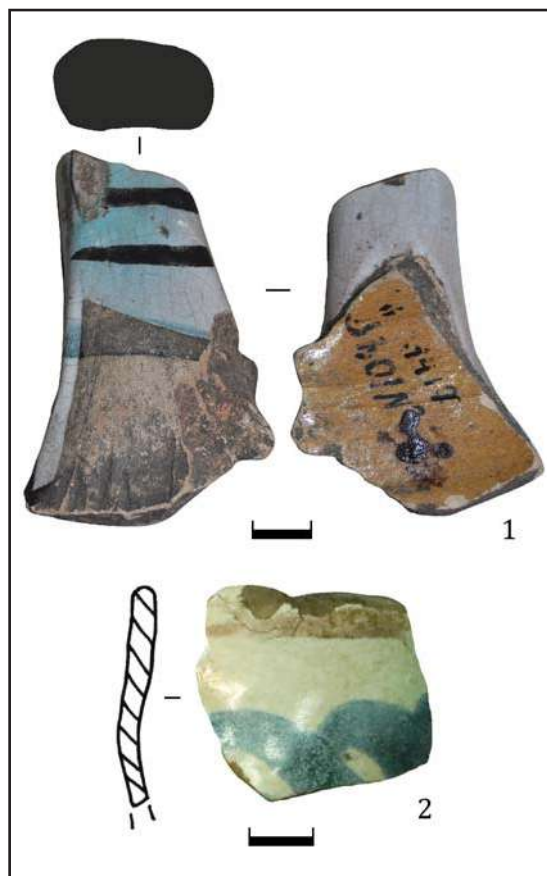
На северо-западном исламском некрополе Укека по антропологическим данным удалось предположить наличие мордовского компонента (Евтеев и др. 2013: 88, 100), (рис. 3; 4). В начале XX в. при земляных работах в южной части городища отмечалось наличие скорченных погребений. В 2017 г. при раскопках западного некрополя нами было обнаружено женское безынвентарное захоронение с согнутыми ногами. В последних двух случаях принадлежность захоронений к мордовскому этносу может быть установлена лишь условно, в качестве предположения.

Возможно, к числу вещей переселенцев следует отнести единичные находки керамики с толченой раковинной — XVIII группы по Т.А. Хлебниковой (рис. 13). Подобную по-

суду принято относить к финно-уграм Прикамья (Хлебникова 1988: 36). Фрагменты сосудов с толченой раковиной единичны (составляют менее 0,1% от общей массы керамики), но они стабильно встречаются на разных участках раскопа IV христианского квартала, раскопа VII в южной части городища и раскопа VIII в центральной прибрежной части (рис. 1: 12).

Итальянцы

При раскопках подвального помещения храма в 2011 г. нам удалось обнаружить фрагменты пифоса (СОМК, НВСП 47304/18—20). Центры изготовления подобных сосудов И. В. Волков и А. Н. Масловский предположительно связывают с Критом (Волков, Губайдуллин 2012: 202; Масловский 2006: 435), а В. Ю. Коваль — с испанской Каталонией (Коваль 2016: 108—109). Еще одна стенка подобного пифоса была найдена в христианском квартале Укека при раскопках 1994 г. (СОМК, НВСП 46214). Исследователи сходятся во мнении, что эти пифосы были тарой для вина или оливкового масла, а их транспортировкой в Золотую Орду занимались итальянцы (Волков, Губайдуллин 2012: 202; Коваль 2016: 121). Примечательно, что помимо тарной посуды данного типа, которую привозили в Улус Джучи, видимо, итальянцы, в Укеке обнаружены единичные фрагменты итальянской красноглиняной поливной посуды (рис. 1: 11). В христианском квартале в ходе раскопок 2012—2013 гг. было обнаружено два фрагмента от разных венецианских чаш. Еще один фрагмент красноглиняного поливного сосуда (кувшина фаенсо?) (рис. 14: 2) является случайной находкой в пределах христианского квартала. И только ручка венецианского кувшина (рис. 14: 1) происходит из сборов на территории Увекского городища в начале XX в. без указания места находки (СОМК, НВСП 31417). Таким образом, из пяти известных нам фрагментов от разных итальянских сосудов все четыре локализованных находки обнаружены в христианском квартале. Здесь же найдены все известные фрагменты пифосов, распространение которых принято связывать с итальянскими купцами. Если пифосы являются тарной посудой и их содержимое было предметом торговли, то большинство обнаруженных фрагментов чаш таковыми не являлись и, видимо, прибыли в Укек вместе с их владельцами. Вряд ли итальянцы здесь проживали на постоянной основе. Скорее, мы имеем дело со следами их активного перемещения по территории Золотой Орды,

Рис. 14. Фрагменты итальянской керамики с Увекского городища: 1 — ручка венецианского кувшина, без указания точного места нахождения (СОМК, НВСП 31417); 2 — фрагмент итальянского кувшина (фаенсо), христианский квартал, случайная находка.

Fig. 14. Sherds of Italian ceramics from Ukek. 1 — handle of a Venetian mug, the place of find not localized (Saratov Regional Museum of Local Lore, НВСП 31417); 2 — sherd of an Italian jar (faience), Christian quarters, stray find.

которое, как известно из письменных источников, было связано с торговлей и дипломатическими посольствами. Какое-то время эти люди пребывали на территории христианского квартала Укека.

Заключение

Подведем итоги исследованию. Несмотря на относительно слабую степень археологической изученности Увекского городища (менее 1% от общей площади памятника), следует признать наличие этнических и конфессиональных признаков в материальной культуре средневекового города. Мусульманское население, судя по городским некрополям, было многочисленным, представители христианства (православные и католики) также присутствовали среди городских жителей. Услов-

но выделяется христианский квартал. В нем проживало многочисленное древнерусское население, отмечены единичные следы пребывания итальянцев. Примечательно, что единичные находки древнерусской керамики и предметов христианского культа встречены за пределами христианского квартала. Они рассеяны по современной прибрежной части городища, а на южной окраине, за пределами христианского квартала, вновь образуют скопление. Предметы и захоронения языческого культа связаны преимущественно с монголизированной элитой. Однако эти находки малочисленны и не образуют скопления на карте. Прослеживается существен-

ное включение мордовского этнического субстрата в городской среде Укека. Встречены лопастные застезки-сюльгамы и фрагменты лепной посуды, которая составляет не более 1% от общего числа находок керамических изделий на раскопах. Основное скопление обнаружено в христианском квартале. Единичные изделия, связанные с мордвой, рассеяны по площади городища. Видимо, часть мордвы Укека приняла ислам, о чем свидетельствуют захоронения северо-западного мусульманского некрополя. Полагаем, что дальнейшие археологические исследования на Увекском городище позволят конкретизировать и уточнить полученные выводы.

Литература

- Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. 2002. Греческие церкви средневековой Каффы. В: Юрочкин В. Ю. (ред.-сост.). *Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии*. Киев: Стилюс, 159—168.
- Алихова А. Е. 1958. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. *СА* (2), 66—77.
- Баллод Ф. В. 1919. *Отчет о раскопках на Увекке летом 1919 года*. Саратов.
- Баллод Ф. В. 1923. *Приволжские «Помпей» (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратово-Царицынской приволжской полосы)*. Москва; Петроград: Мосполиграф.
- Барбаро И. 1993. Путешествие в Тану. «Арабески» истории 5—6. «Каспийский транзит» 2. Москва: ДИ ДИК Танаис, 125—180.
- Бартольд В. В. 1921. *Отзыв на отчет Ф. Баллода о раскопках на Увекке в 1919 г.* Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103.
- Волков И. В., Губайдуллин А. М. 2012. Редкие группы керамического импорта в Болгарях. *ПА* 1 (1), 190—203.
- Гусев С. 1891. Город мертвых (С раскопки древнего Увека). *Русская жизнь* 224.
- Духовников Ф. В. 1893. *Перечневая опись предметам древности, доставленным Ф. В. Духовниковым из раскопок 1893 г., произведенным в деревушке Набережный Увек*. Архив ИИМК. Ф. 1893. Д. 107. Л. 34—47.
- Евтеев А. А., Кубанкин Д. А. 2006. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005—2006 гг. В: Малов Н. М. (ред.). *Народы Саратовского Поволжья: история, этнография и современность*. Материалы обл. науч.-практич. конф. Труды СОМК 8. Саратов: Триумф, 135—142.
- Евтеев А. А., Кубанкин Д. А. 2009. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005—2007 гг. *Археологическое наследие Саратовского края* 9. Саратов: Полиграфия Поволжья, 129—151.
- Евтеев и др. 2013: Евтеев А. А., Кубанкин Д. А., Куфтерин В. В., Рассказова А. В. 2013. Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища. *Вестник МГУ. Серия XXIII: Антропология* (1), 88—103.
- Коваль В. Ю. 2016. Испанская керамика в средневековом Болгаре. *ПА* 18 (4), 99—124.
- Крамаровский М. Г. 1999. Печать конца XIII — XIV в. с исламским вариантом христианской легенды об отроках из Эфеса. *Татарская археология* (1—2), 39—48.
- Кротков А. А. 1915. Раскопки на Увекке в 1913 году. *Труды СУАК* 32, 111—133.
- Кубанкин Д. А. 2005. Неопубликованная рукопись А. А. Кроткова «Увек-Саратовский по данным истории и археологии». *Поволжский край* 12. Саратов: СГУ, 200—212.
- Кубанкин Д. А. 2006. Погребальные памятники Увекского городища. *АВЕС* 4. Саратов: Научная книга, 190—213.
- Кубанкин Д. А. 2006а. *Отчет об археологических работах на Увекском городище в 2005 году*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 26988.
- Кубанкин Д. А. 2007. Археологические раскопки на Увекском городище в конце XIX века. *АВЕС* 5. Саратов: Научная книга, 200—217.
- Кубанкин Д. А. 2008. Находка на Увекке печати «князя Михаила». *Археологическое наследие Саратовского края* 8. Саратов: Научная книга, 156—161.
- Кубанкин Д. А. 2008а. *Отчет об археологических работах на Увекском городище Саратовской области города Саратова в 2007 году*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 43175.
- Кубанкин Д. А. 2013. Мордовское население на золотоордынских памятниках правобережья Саратовской области. *АВЕС* 10. Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции. Саратов: Типография И. П. Беглакова Е. С., 369—381.
- Кубанкин Д. А. 2014. Христианский квартал золотоордынского города Увек по материалам раскопок 2010—2013 гг. В: Ситдииков А. Г., Макаров Н. А., Деревянко А. П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани* III. Казань: Отечество, 388—392.
- Кубанкин Д. А. 2015. *Отчёт об археологических исследованиях на Увекском городище и на поселении Лисья Балка в Саратовской области в 2014 году*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Д. 45799.
- Кубанкин Д. А., Сергеева О. В. 2013. Клад с Увекского городища (случайная находка 1994 года). *ПА* 4 (2), 259—271.

- Лапшин А. С., Мыськов Е. П. 2013. Исследования на Водянском городище в 2011—2012 гг. Москва: Перо.
- Мальшев А. Б. 2006. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. *АВЕС* 4. Саратов: Научная книга, 183—189.
- Масловский А. Н. 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. *ИАИАНД* 21. Азов: АИАПМЗ, 308—473.
- Масловский А. Н. 2006а. О времени возникновения Азака. *ИАИАНД в 2005 г.* 22. Азов: АИАПМЗ, 257—295.
- Масловский А. Н. 2015. Заметки по топографии золотоордынского города Азака. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 383—409.
- Материалы...: *Материалы о городах Золотой Орды*. СОМК. Фонд А. А. Кроткова. Оп. 1. Д. 132.
- Недашковский Л. Ф. 2000. *Золотоордынский город Уек и его округа*. Москва: Восточная литература.
- Пигарев Е. М. 2011. Бронзовые фигурки человека с Селитренного городища. *РА* (2), 161—162.
- Пигарев Е. М. 2017. Кувшин из Твери на Селитренном городище. *КСИА* 246, 336—343.
- Пигарев Е. М., Скисов С. Ю. 2007. Магический квадрат в городской культуре Золотой Орды. *АВЕС* 5. Саратов: Научная книга, 238—246.
- Полубояринова М. Д. 1978. *Русские люди в Золотой Орде*. Москва: Наука.
- Рубрук Г. 1997. Путешествие в Восточные страны. В: Горнунг М. Б. (ред.). *Путешествия в Восточные страны. Плано Карпини Дж., дель. История монгалов. 3-е изд.; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 3-е изд.; Книга Марко Поло. 4-е изд.*. Москва: Мысль, 88—189.
- Сингатулин Р. А. 2008. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. *Археологическое наследие Саратовского края* 8. Саратов: Научная книга, 139—155.
- Спицын А. А. 1914. Некоторые новые приобретения Саратовского музея. *Известия Археологической комиссии* 53, 96—106.
- Станюкович А. К. 2012. Каменная иконка из Уека. *Родная старина* (1), 13—14.
- Тизенгаузен В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1965. Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья. В: Крупнов Е. И. (ред.). *Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселева*. МИА 130. Москва: Наука, 275—277.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники*. Москва: МГУ.
- Хлебникова Т. А. 1988. Неполивная керамика Болгара. В: Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука, 7—102.
- Хованская О. С. 1954. Бани города Болгара. В: Смирнов А. П. (отв. ред.). *Труды Куйбышевской археологической экспедиции* 1. МИА 42. Москва: АН СССР, 392—423.
- Шишкин П. Н. 1913. Материалы к описанию Увекского городища. В: *Материалы о проведении археологических разведок и изысканий*. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 975.
- Эссад Д. 1919. *Константинополь: от Византии до Стамбула*. С предисловием Ш. Диля. Перевод П. Безобразова. Страны, века и народы. Москва: Издание М. С. Сабашниковых.
- Юдин Н. И. 2016. О русских людях на Царевском городище (по материалам керамики). В: Обухов Ю. Д., Ситдииков А. Г. (ред.). *Материалы Первого Маджарского археологического форума*. Пятигорск; Буденновск, 2012 год. АЕС 23. Казань: Казанская недвижимость, 16—19.
- Юрченко А. Г. 2012. *Элита Монгольской империи: время праздников, время казней*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Юрченко А. Г. 2012а. *Хан Узбек: Между империей и исламом (структура повседневности)*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Nedashkovsky L. F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery*. BAR IS 1222. Oxford: Archaeopress.

References

- Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 2002. In Iurochkin, V. Yu. (ed., comp.). *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii) (Orthodox Antiquities of Taurica (Collected Papers on Church Archaeology))*. Kiev: "Stilos" Publ., 159—168 (in Russian).
- Alikhova, A. E. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 66—77 (in Russian).
- Ballod, F. V. 1919. *Otchet o raskopkakh na Uveke letom 1919 goda (Report on Excavations in Uvek, Summer 1919)*. Saratov (in Russian).
- Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie «Pompei» (Opyt khudozhestvenno-arkheologicheskogo obsledovaniia chasti pravoberezhnoi Saratovo-Tsaritsynskoi privolzhskoi polosy) (Pompeii in the Volga Area: an Essay of Artistic and Archaeological Survey of a Part of the Right Bank of the Volga River in the Saratov and Tsaritsyn Region)*. Moscow; Petrograd: "Mospoligraf" Publ. (in Russian).
- Barbaro, J. 1993. In «Arabeski» istorii ("Arabesques" of History) 5—6. «Kaspiiskii tranzit» (Caspian Transit) 2. Moscow: "DI DIK Tanais" Publ., 125—180 (in Russian).
- Bartold, V. V. 1921. *Otzyv na otchet F. Balloda o raskopkakh na Uveke v 1919 g. (Comment on F. Ballod's Report on Excavations in Uvek in 1919)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.
- Fund 2. Inv. I, dossier 103 (in Russian).
- Volkov, I. V., Gubaidullin, A. M. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 1 (1), 190—203 (in Russian).
- Gusev, S. 1891. In *Russkaia zhizn' (Russian Life)* 224 (in Russian).
- Dukhovnikov, F. V. 1893. *Perechnevaia opis' predmetam drevnosti, dostavlenym F. V. Dukhovnikovym iz raskopok 1893 g., proizvedennym v derevushke Naberezhnyi Uvek (Inventory List of Antiquities Delivered by F. V. Dukhovnikov from Excavations of 1893 in the Naberezhnyi Uvek Village)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1893, dossier 107, sheets 34—47 (in Russian).
- Evteev, A. A., Kubanin, D. A. 2006. In Malov, N. M. (ed.). *Narody Saratovskogo Povolzh'ia: istoriia, etnografiia i sovremenost' (Peoples of the Saratov Volga Region: History, Ethnography, and Present Day)*. Series: Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia (Proceedings of the Saratov Regional Museum of Local Lore) 8. Saratov: "Triumf" Publ., 135—142 (in Russian).
- Evteev, A. A., Kubanin, D. A. 2009. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 9. Saratov: "Poligrafia Povolzh'ia" Publ., 129—151 (in Russian).

- Evtcev, A.A., Kubankin, D.A., Kufterin, V.V., Rasskazova, A.V. 2013. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Moscow State University). Series XXIII: *Antropologiya* (Anthropology) (1), 88—103 (in Russian).
- Koval, V. Yu. 2016. In *Povolzhskaya arkhologiya* (Volga River Region Archaeology) 18 (4), 99—124 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1999. In *Tatarskaia arkhologiya* (Tatar Archaeology) (1—2), 39—48 (in Russian).
- Krotkov, A.A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komisii* (Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission) 32, 111—133 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2005. In *Povolzhskii kraj* (Volga Land) 12. Saratov: Saratov State University, 200—212 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2006. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi* (Archaeology of East-European Steppe) 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 190—213 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2006. *Otchet ob arkhologicheskikh rabotakh na Uvekskom gorodishche v 2005 godu* (Report on the Archaeological Fieldworks on the Uvek Site in 2005). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund I. R-I, dossier 26988 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2007. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi* (Archaeology of East-European Steppe) 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 200—217 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2008. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia* (The Archaeological Heritage of the Saratov Region) 8. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 156—161 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2008. *Otchet ob arkhologicheskikh rabotakh na Uvekskom gorodishche Saratovskoi oblasti, g. Saratova v 2007 godu* (Report on the Archaeological Fieldworks on the Uvek Site, Saratov Oblast, Saratov City, in 2007). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund I. R-I, dossier 43175 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2013. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi* (Archaeology of East-European Steppe) 10. Saratov: Typography of Beglakov E. S., 369—381 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevianko, A.P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhologicheskogo s"ezda v Kazani* (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan) III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 388—392 (in Russian).
- Kubankin, D.A. 2015. *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniakh na Uvekskom gorodishche i na poselenii Lis'ia Balka v Saratovskoi oblasti v 2014 godu* (Report on Archaeological Investigations on the Uvek Fortified Site and on the Lisya Balka Settlement, Saratov Oblast, in 2014). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund I. R-I, dossier 45799 (in Russian).
- Kubankin, D.A., Sergeeva, O.V. 2013. In *Povolzhskaya arkhologiya* (Volga River Region Archaeology) 4 (2), 259—271 (in Russian).
- Lapshin, A.S., Mys'kov, E.P. 2013. *Issledovaniia na Vodianskom gorodishche v 2011—2012 gg.* (Studies on Vodyanskoe Fortified Settlement in 2011—2012). Moscow: "Pero" Publ. (in Russian).
- Malyshev, A.B. 2006. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi* (Archaeology of East-European Steppe) 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 183—189 (in Russian).
- Maslovskii, A.N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region) 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 308—473 (in Russian).
- Maslovskii, A.N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu* (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region) v 2005 g. 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 257—295 (in Russian).
- Maslovskii, A.N. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaya Gazariia i Zolotaia Orda* (The Genoese Gazaria and the Golden Horde). Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 383—409 (in Russian).
- Materialy o gorodakh Zolotoi Ordy* (Materials on Golden Horde Cities). Saratov Regional Museum of Local Studies. Fund of A.A. Krotkov. Inv. 1, dossier 132 (in Russian).
- Nedashkovsky, L.F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okrug* (The Golden Horde City of Ukek and its Region). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (2), 161—162 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 246, 336—343 (in Russian).
- Pigarev, E.M., Skisov, S. Yu. 2007. In *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi* (Archaeology of East-European Steppe) 5. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 238—246 (in Russian).
- Poluboyarinova, M.D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde* (Russian People in the Golden Horde). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rubrout, G. de. 1997. In Gornung, M.B. (preface, comments). *Plano Carpini, G. del. Istoriia mongalov. 3-e izd.; Guillaume de Rubrouck. Puteshestvie v vostochnye strany. 3-e izd.; Kniga Marko Polo. 4-e izd.* (Plano Carpini, G. del. *Ystoria Mongalorum*; Guillaume de Rubrouck. *The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts*; Book of Marco Polo). Moscow: "Mysl'" Publ., 88—189 (in Russian).
- Singatulina, R.A. 2008. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia* (Archaeological Heritage of Saratov Land) 8. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 139—155 (in Russian).
- Spitsyn, A.A. 1914. In *Izvestiia Arkheologicheskoi komisii* (Bulletin of the Imperial Archaeological Commission) 53, 96—106 (in Russian).
- Staniukovich, A.K. 2012. In *Rodnaia starina* (Home antiquities) (1), 13—14 (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otosiaschikhsia k istorii Zolotoi Ordy* (Collected Works Related to the History of the Golden Horde) 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh* (Excerpts from Arab Writings). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1965. In Krupnov, E.I. (ed.). *Novoe v sovetskoi arkhologii* (New Discoveries of the Soviet Archaeology). Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii* (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 130. Moscow: "Nauka" Publ., 275—277 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khonov: Arkheologicheskie pamiatniki* (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G.A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti* (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts). Moscow: "Nauka" Publ., 7—102 (in Russian).
- Khovanskaia, O.S. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkhologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) 1. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii* (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 392—423 (in Russian).
- Shishkin, P.N. 1913. In *Materialy o provedenii arkhologicheskikh razvedok i izyskanii* (Materials on Archaeological Field Surveys and Research). State Archive of the Saratov Oblast. Fund 407. Inv. 2, dossier 975 (in Russian).
- Essad, D. 1919. *Konstantinopol': ot Vizantii do Stambula* (Constantinople: from Byzantium to Istanbul). Series: *Strany, veka i narody* (Countries, Ages, and Peoples). Moscow: "M.S. Sabashnikov" Publ. (in Russian).
- Iudin, N.I. 2016. In Obukhov, Yu.D., Sitdikov, A.G. (eds.). *Materialy Pervogo Madzharskogo arkhologicheskogo foruma* (Proceedings of the First Madjar Archaeological Forum). Series: *Archaeology of the Eurasian Steppes* 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ., 16—19 (in Russian).
- Yurchenko, A.G. 2012. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei* (The Elite of the Mongol Empire: the Time for Holidays, the Time for Executions). Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Yurchenko, A.G. 2012. *Khan Uzbek: Mezhdia imperiei i islamom* (strukturny povsednevnosti). *Kniga-konspekt* (Khan Uzbek: Between Empire and Islam (Daily Life Structures). Workbook). Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Nedashkovsky, L.F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery*. BAR IS 1222. Oxford: Archaeopress.

**Л. Ф. Недашковский,
М. Б. Шигапов**

Leonard Nedashkovsky. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University¹.

Недашковский Леонард Федорович. Доктор исторических наук. Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Marat Shigapov. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences².

Шигапов Марат Баязитович. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

E-mail: maratshigapov@gmail.com

Addresses:¹ Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Russian Federation;² Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Russian Federation

Особенности топографии и застройки Багаевского селища

Keywords: Low Volga region, Golden Horde, 13th—14th centuries, settlements, material culture

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Золотая Орда, XIII—XIV вв., поселения, материальная культура

L. F. Nedashkovsky, M. B. Shigapov

Characteristics of the Topography and Development of Bagaevka Rural Settlement

The article aims to characterize the topography of the Golden Horde Bagaevka settlement, which is situated in the Saratov District of the Saratov Oblast. The settlement was included in the past in the region of the Golden Horde city Ukek and existed in the second half of the 13th — 14th century. Special attention is paid to trench I, works on which were conducted in 2002—2003, 2007—2012 and 2014—2016. Such questions as use of the discovered structures, distribution of separate categories of finds in them, including numismatic materials (which are dated in general from the last quarter of the 13th century to 1360/1361 AD), the imports and artefacts associated with presence of various ethnic groups on the site are addressed.

Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов

Особенности топографии и застройки Багаевского селища

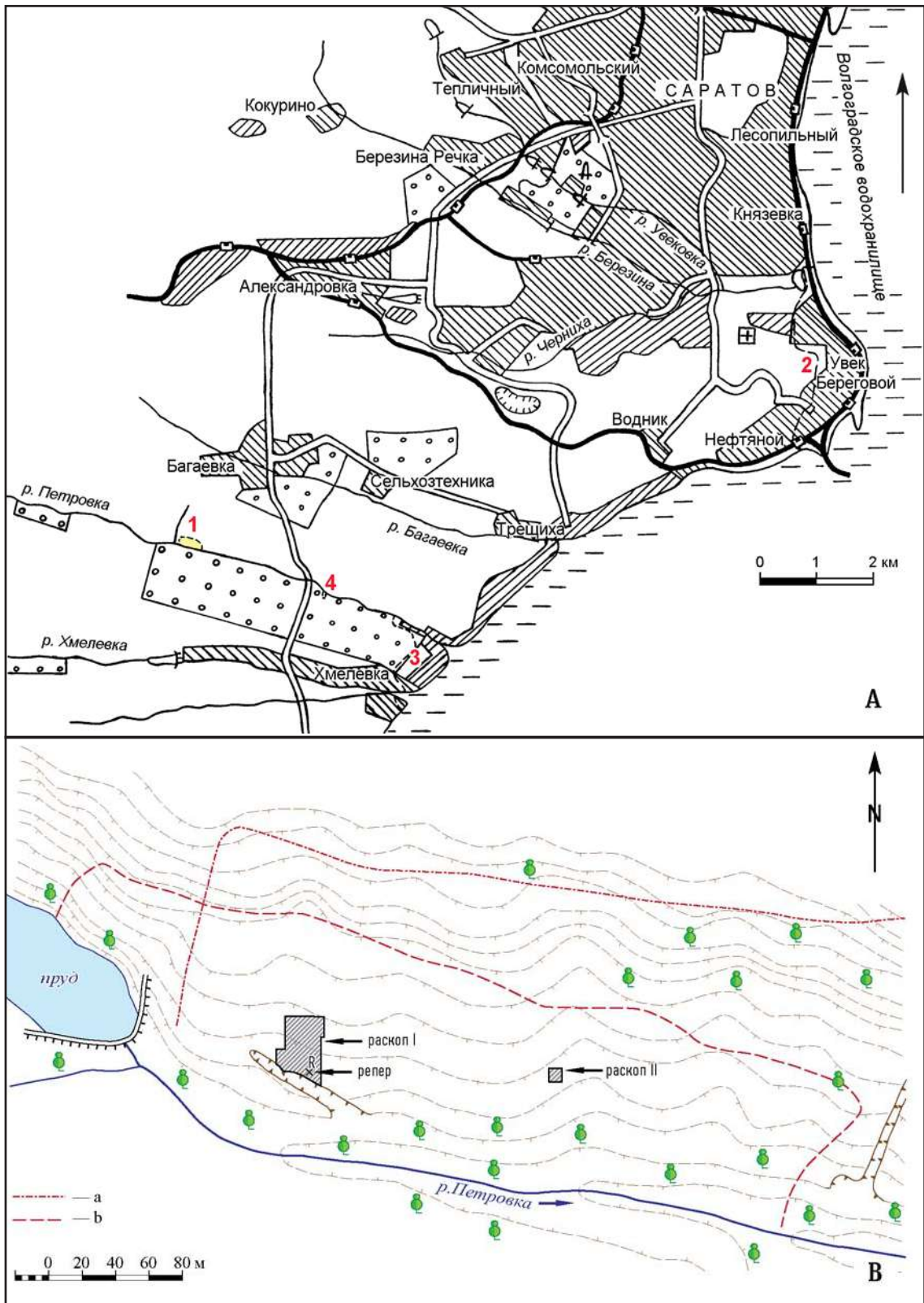
Целью статьи является характеристика топографии золотоордынского Багаевского селища, расположенного в Саратовском районе Саратовской области. Селище входило в округу золотоордынского города Укека и существовало во второй половине XIII — XIV в. Особое внимание уделено раскопу I, работы на котором велись в 2002—2003, 2007—2012 и 2014—2016 гг. Рассматриваются назначение выявленных сооружений, распределение в них отдельных категорий находок, включая нумизматические материалы (датирующиеся в целом с последней четверти XIII в. до 1360/1361 г.), импорты и предметы, связанные с присутствием на памятнике различных этнических групп.

Ввиду полного отсутствия письменных источников, которые бы характеризовали жизнь сельских поселений Улуса Джучи, имеющиеся археологические данные на сей счет трудно переоценить. Вопросы топографии и застройки золотоордынских поселений, которые возможно решить только на базе археологических источников, являются сравнительно малоисследованными, хотя к ним обращались еще Ф. В. Баллод и Г. А. Федоров-Давыдов (см. библиографию: Недашковский 2008: 23—24; Nedashkovsky 2012: 227). Работы по данной тематике при-

надлежат также Т. В. Гусевой (Гусева 1975), В. Г. Рудакову (Рудаков 2002; 2007), А. А. Глухову (Глухов 2006; 2014; 2015), О. А. Ильиной (Ильина 2006; 2015), Д. А. Кубанкину (Кубанкин 2015) и А. Н. Масловскому (Масловский 2015).

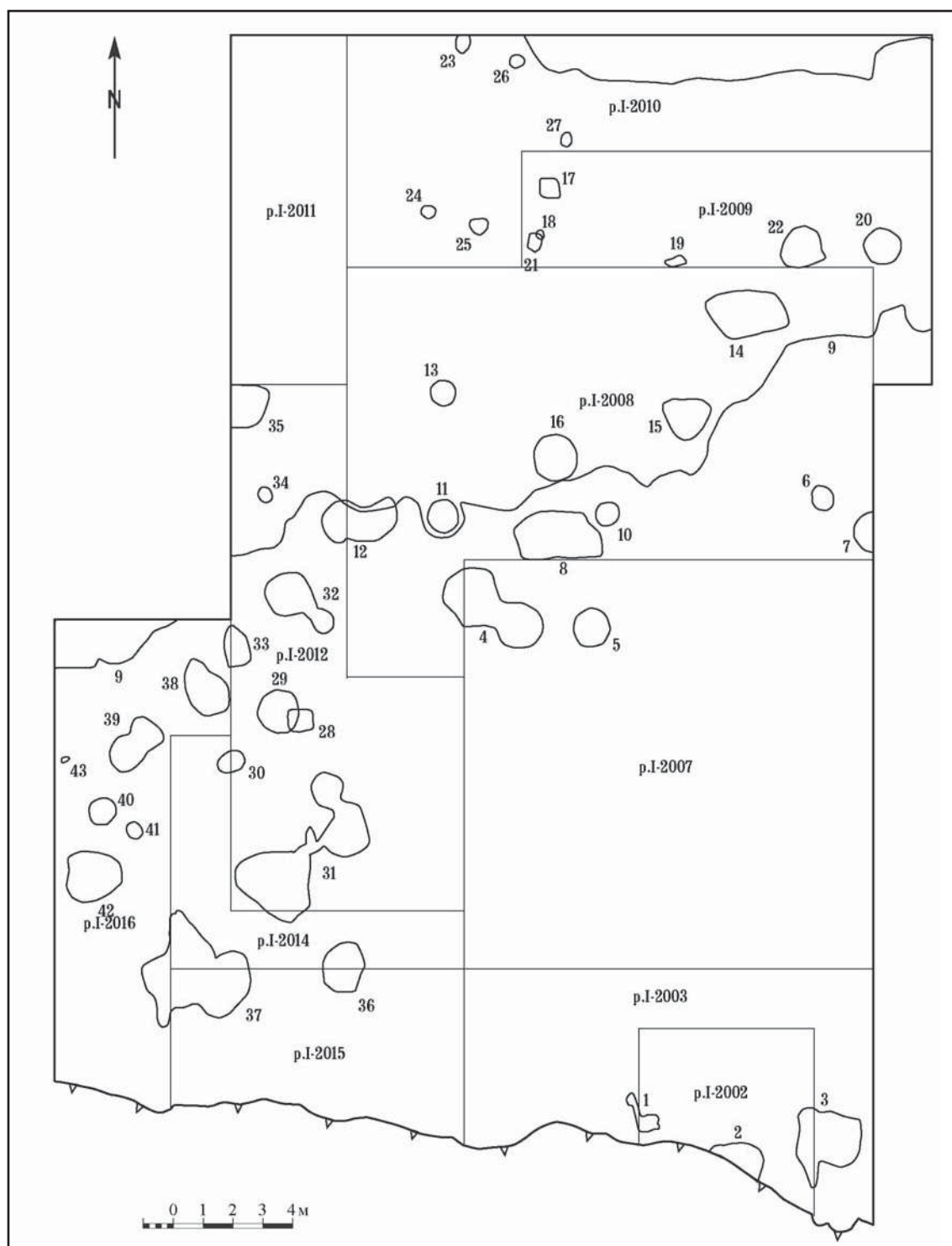
Багаевское селище, которому посвящена данная работа, расположено в округе золотоордынского города Укека, у села Багаевка Саратовского района Саратовской области. Расположение поселений на местности всегда находится в определенной зависимости от физико-географических и историче-

Рис. 1. А — схема расположения Багаевского селища: 1 — Багаевское селище; 2 — Увекское городище; 3 — Хмелевское I селище; 4 — Хмелевское II селище; В — план Багаевского селища. Условные обозначения: а — грунтовая дорога; б — границы памятника (горизонталь проведена через 2 м).

Fig. 1. A — scheme of location of Bagaevka settlement: 1 — Bagaevka settlement; 2 — Uvek; 3 — Hmelevskoe I settlement; 4 — Hmelevskoe II settlement; B — plan of the Bagaevka settlement. Legend: a — dirt road; b — borders of the site (horizontal drawn through 2 m).

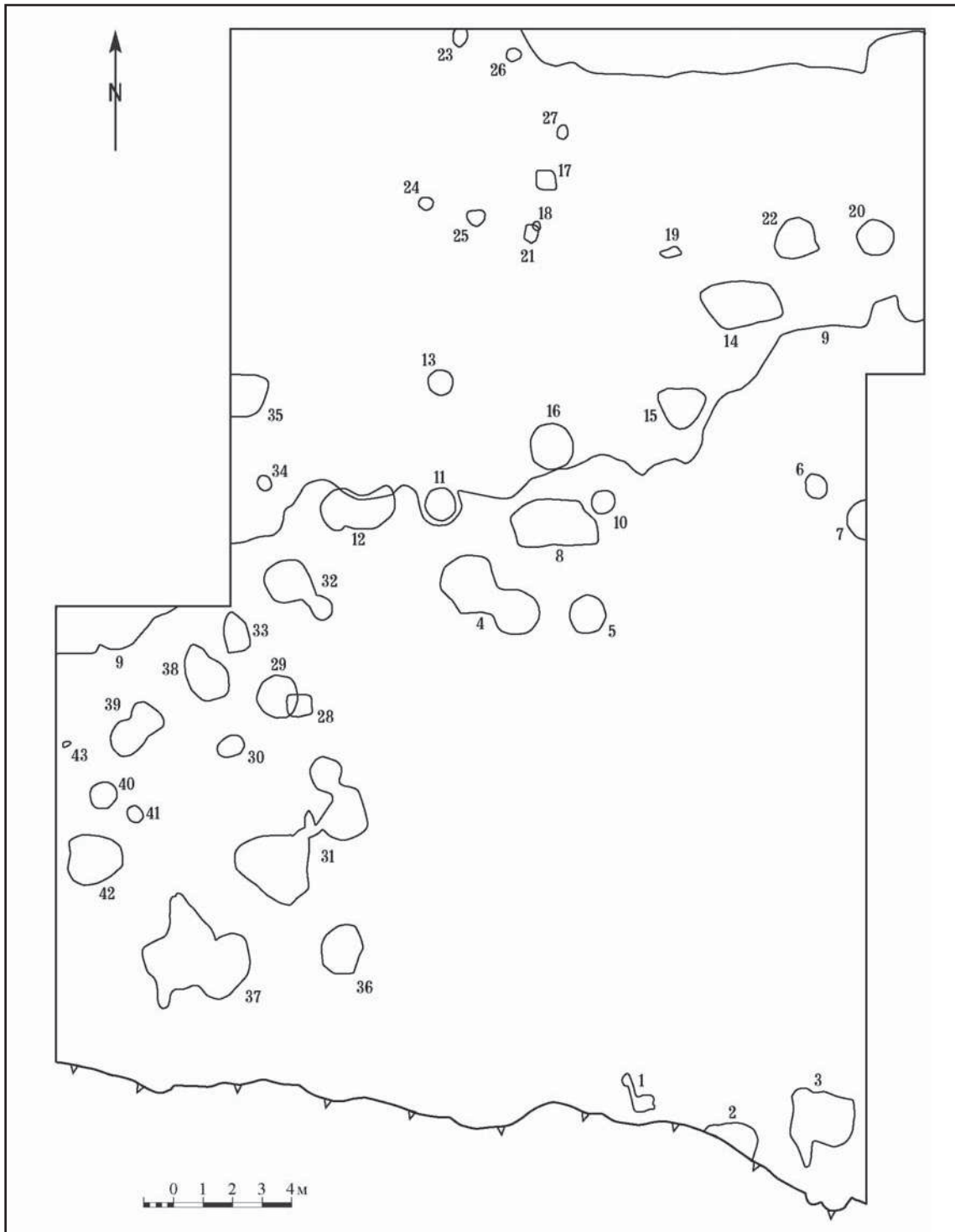

Рис. 2. Схема расположения участков работ разных лет на раскопе I Багаевского селища.

Fig. 2. The scheme of arrangement of works of different years on the excavation I on Bagayevka settlement.

ских условий. Багаевское селище, как и другие золотоордынские поселения центральной части Саратовского Поволжья, располагается на первой надпойменной террасе. Размеры селища, обнаруженного Л. Ф. Недашковским в 1995 г. (Недашковский 1996: 281) на левом берегу р. Петровка (рис. 1), правого прито-

ка Волги, составляют 225×490 м; площадь памятника — 5,1 га. Это довольно крупное сельское поселение, вытянутое вдоль берега реки. Средняя мощность культурного слоя 30—40 см, местами она достигает до 90 см. Площадка поселения ровная, покатая к югу, перепад высот на основной площади памят-

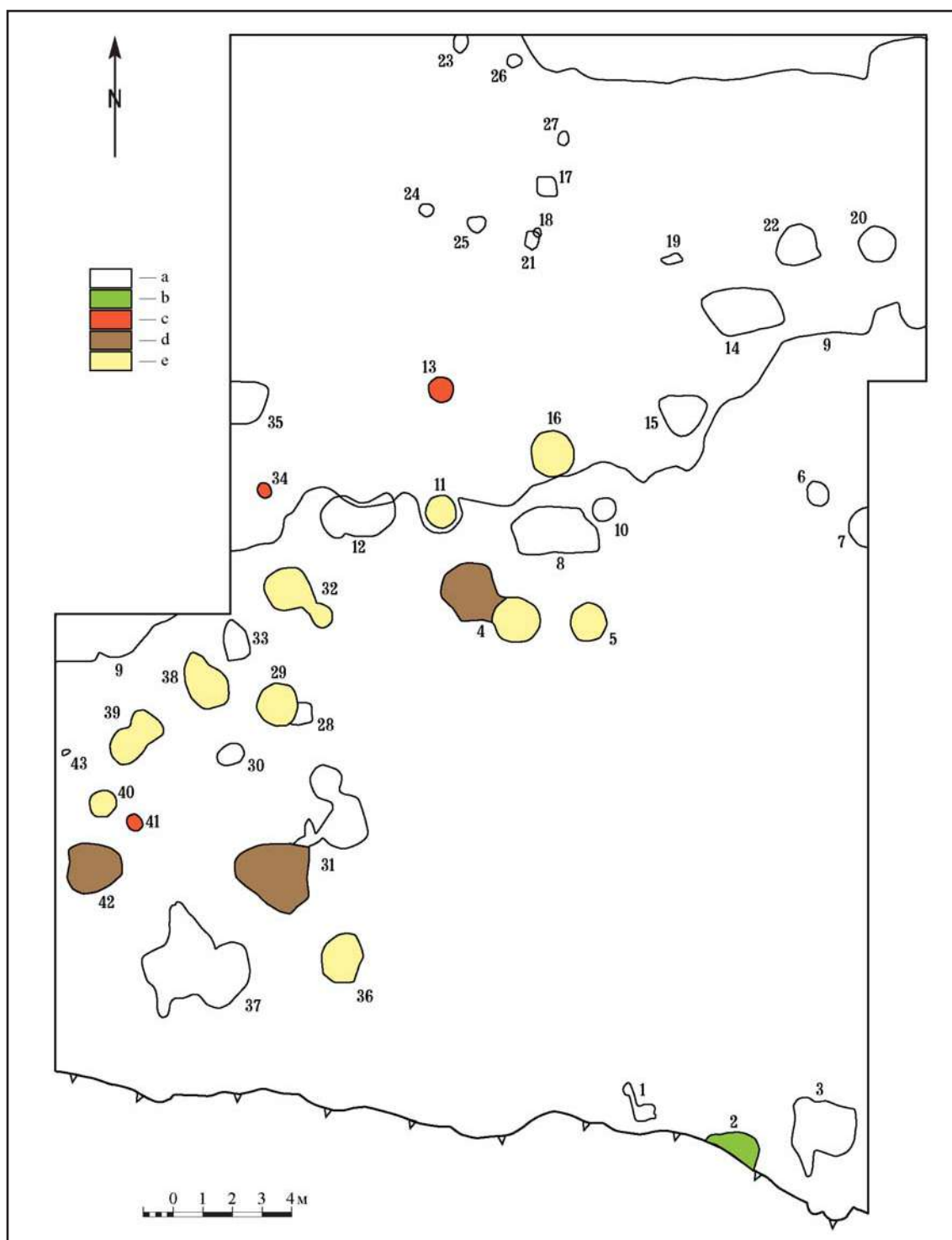
Рис. 3. Схема расположения ям раскопа I на Багаевском селище.

Fig. 3. The scheme of arrangement of pits of the excavation I on Bagaevka settlement.

ника составляет 2—6 м, а в северной части, где подъемный материал выявлен на крутом склоне водораздела, до 12 м. Селище датируется по найденным артефактам второй половиной XIII — XIV в.

Археологические раскопки на селище проводились в течение 12 полевых сезонов,

в 2002—2003, 2006—2012 и 2014—2016 гг. (см. Недашковский 2013). Основной раскоп I (рис. 2) располагается в юго-западной части поселения вдоль оврага, который образовался в результате прорывов вод пруда. Площадь раскопа I составила 959,2 кв. м. Раскоп II площадью 64 кв. м был заложен в юго-восточной

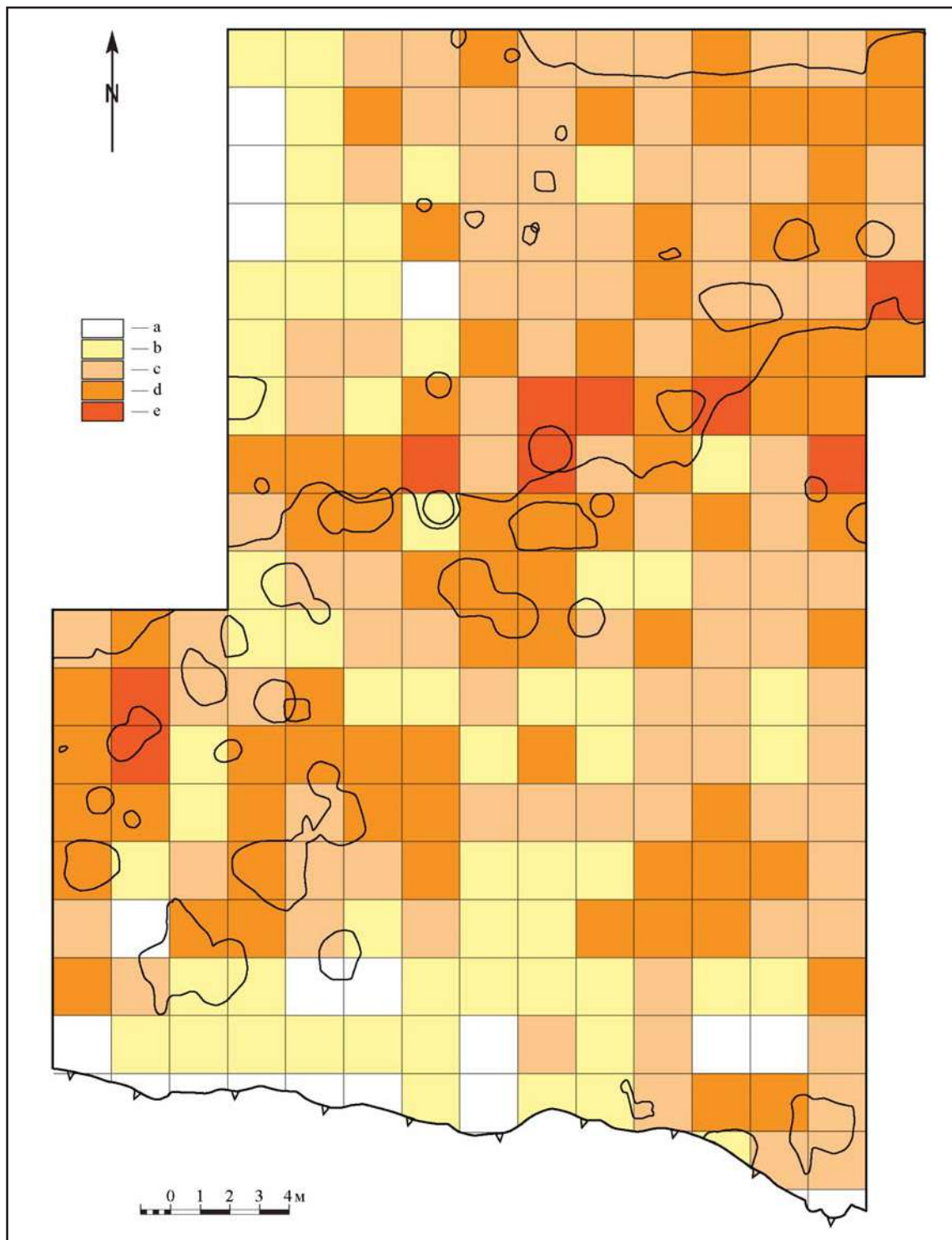

Рис. 4. Назначение ям раскопа I на Багаевском селище: а — хозяйственные; б — овин; с — очаги; д — погреба; е — зерновые.

Fig. 4. Functions of pits of the excavation I on Bagaevka settlement: a — household ones; b — barn; c — fireplaces; d — cellars; e — granaries.

части селища, сооружений на нем обнаружено не было. Исследования показали, что наиболее мощный культурный слой, насыщенный находками, располагается в юго-западной части поселения, тогда как в юго-восточной

части интенсивность насыщенности культурных напластований падает. На поселении выделяются два горизонта культурного слоя золотоордынского времени. Верхний горизонт представляет собой слой старой

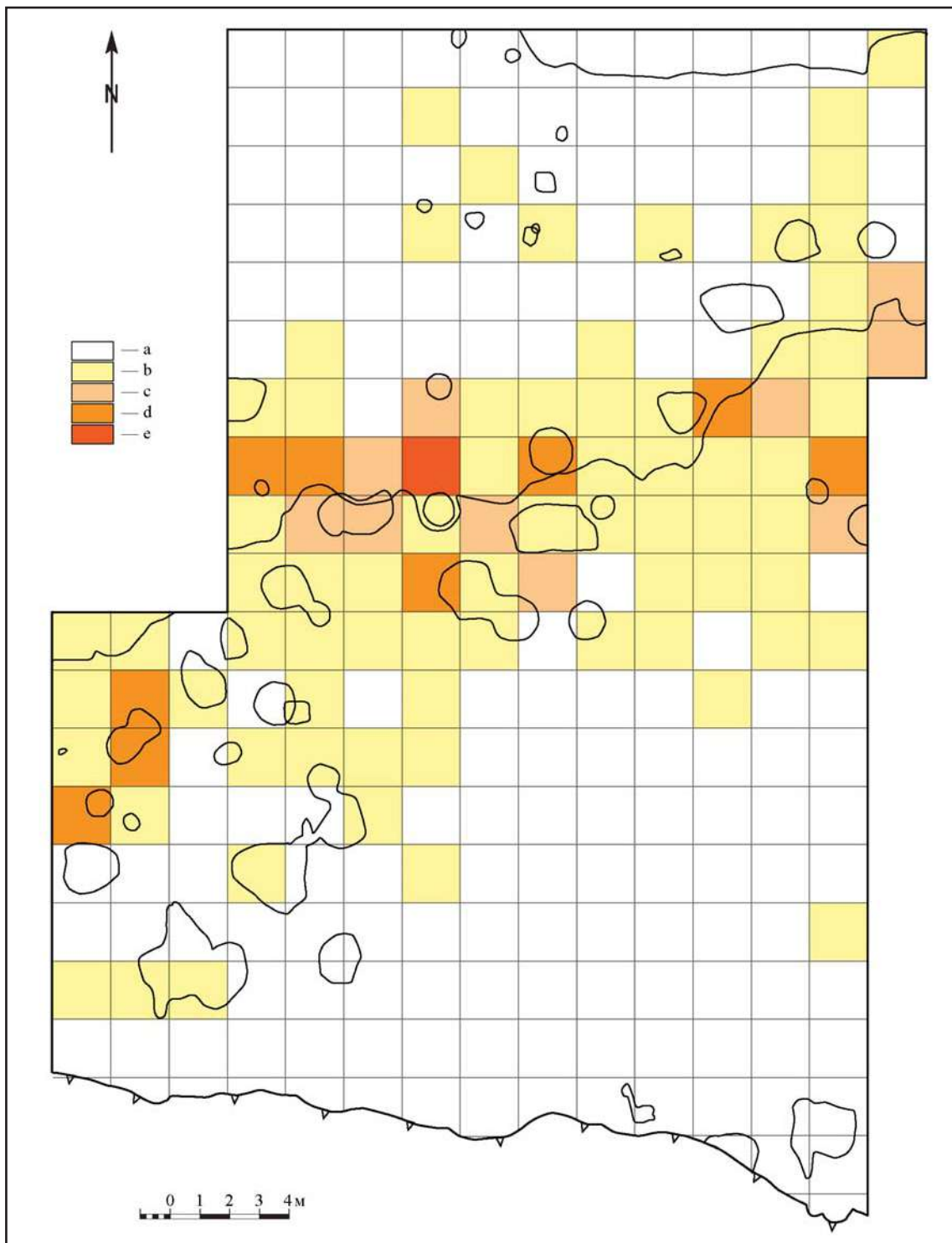

Рис. 5. Распределение неполивной золотоордынской керамики из культурного слоя по участкам раскопа I (количество фрагментов): а — 0—10; б — 11—30; в — 31—50; д — 51—100; е — более 100.

Fig. 5. The distribution of unglazed Golden Horde pottery from the cultural layer on square parts of the excavation I (number of fragments): a — 0—10; b — 11—30; c — 31—50; d — 51—100; e — more than 100.

пашни светло-серого цвета, перекрытый серым слоем дерна. Его мощность на раскопе I достигает 61 см (в северо-восточной части раскопа); в юго-западной части раскопа горизонт смыт эрозией. Нижний горизонт — се-

рая супесь, на раскопе I имеющая мощность до 85 см (в северо-западной части раскопа); в западной части раскопа горизонт местами полностью переработан. С нижним горизонтом связаны дневные уровни всех исследо-

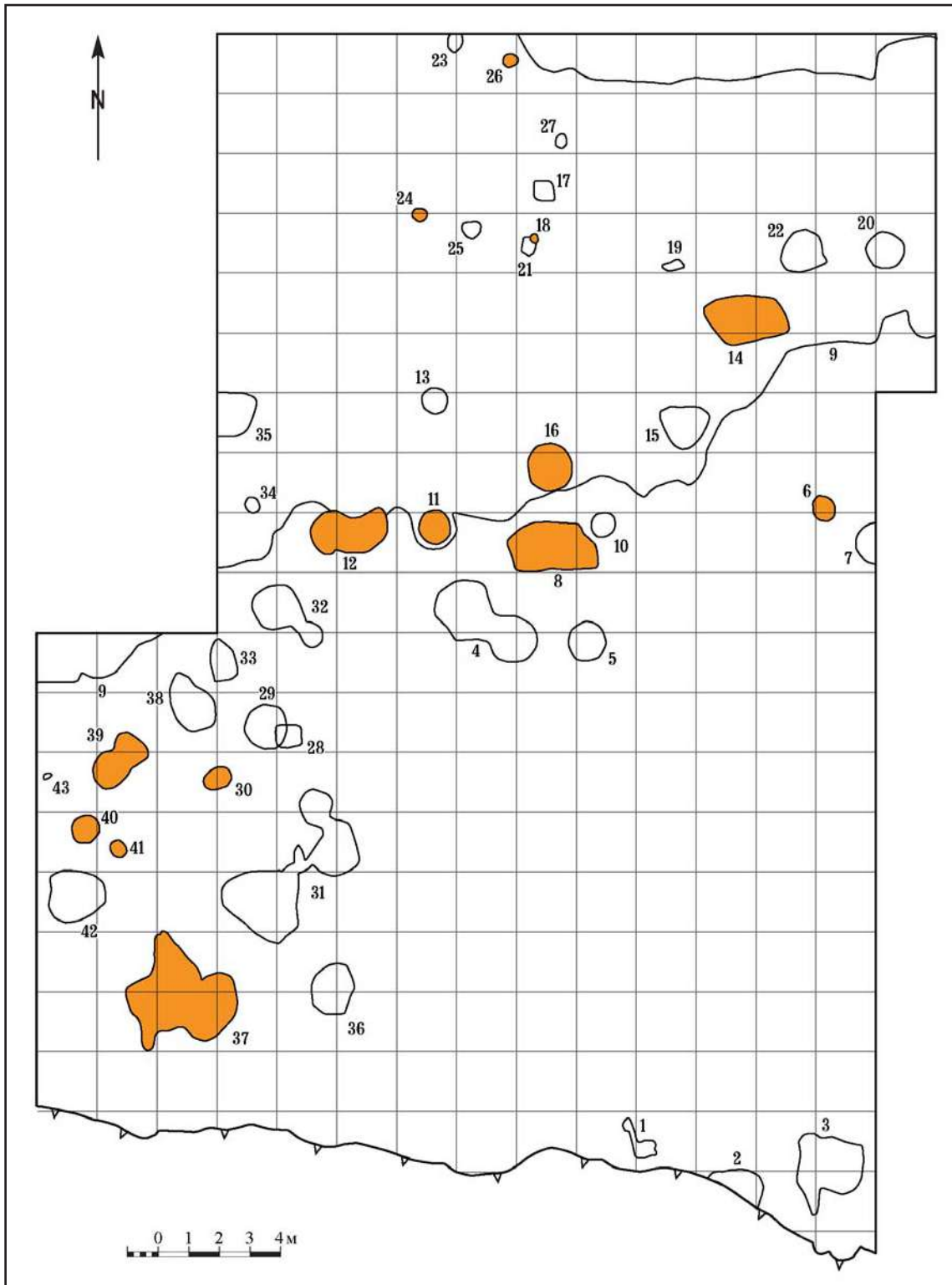

Рис. 6. Распределение древнерусской керамики из культурного слоя по участкам раскопа I (количество фрагментов): а — 0—10; б — 11—30; в — 31—50; г — 51—100; д — более 100.

Fig. 6. The distribution of Old Russian pottery from the cultural layer on square parts of the excavation I (number of fragments): а — 0—10; б — 11—30; в — 31—50; г — 51—100; д — more than 100.

ванных сооружений (кроме ямы 38 и позднего этапа существования ямы 12) — всего их на раскопе I зафиксировано 43 (рис. 3), все они датируются золотоордынским временем.

Ямы 1, 3, 6—8, 10, 28, 30, 33 и 37 являлись хозяйственными, а яма 2 — остатками овина (рис. 4). Яма 31 представляла собой хозяйственную яму, соединенную с более глубоким колоколовидным в сечении погре-

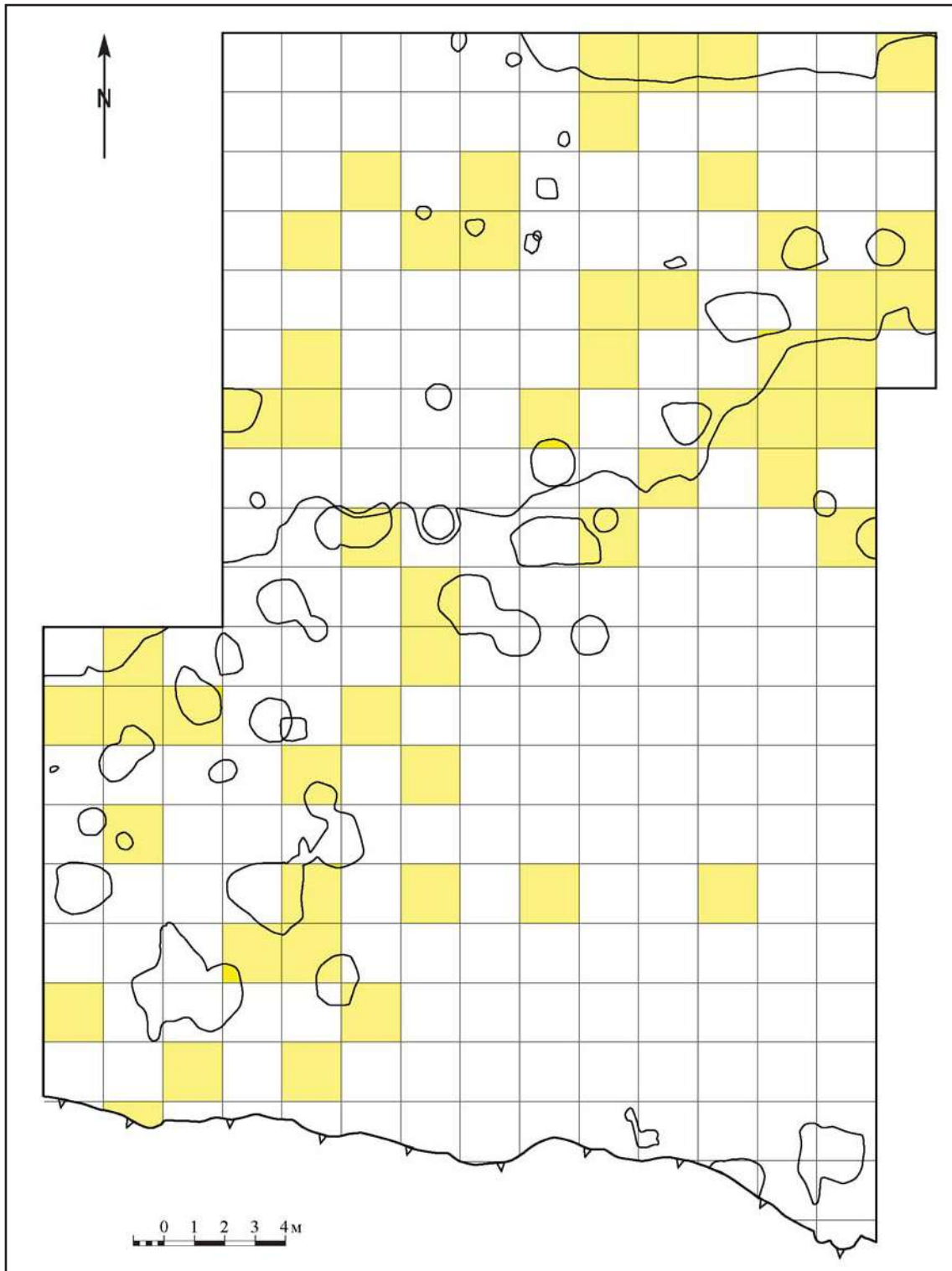

Рис. 7. Ямы, в которых древнерусская керамика количественно преобладает над золотоордынской.

Fig. 7. Pits, in which Old Russian pottery quantitatively prevailed over the Golden Horde one.

бом. Яма 4 была колоколовидной зерновой ямой, соединенной с более глубоким погребом аналогичного сечения; зерновыми являлись и колоколовидные в сечении ямы 5, 29, 32, 36 и 38—40. Яма 41 является остат-

ками очага. Яма 42 представляла собой колоколовидный в сечении погреб, а небольшая яма 43 являлась столбовой. Яма 9, видимо, представляет собой природное понижение, в южной части которого была оборудована

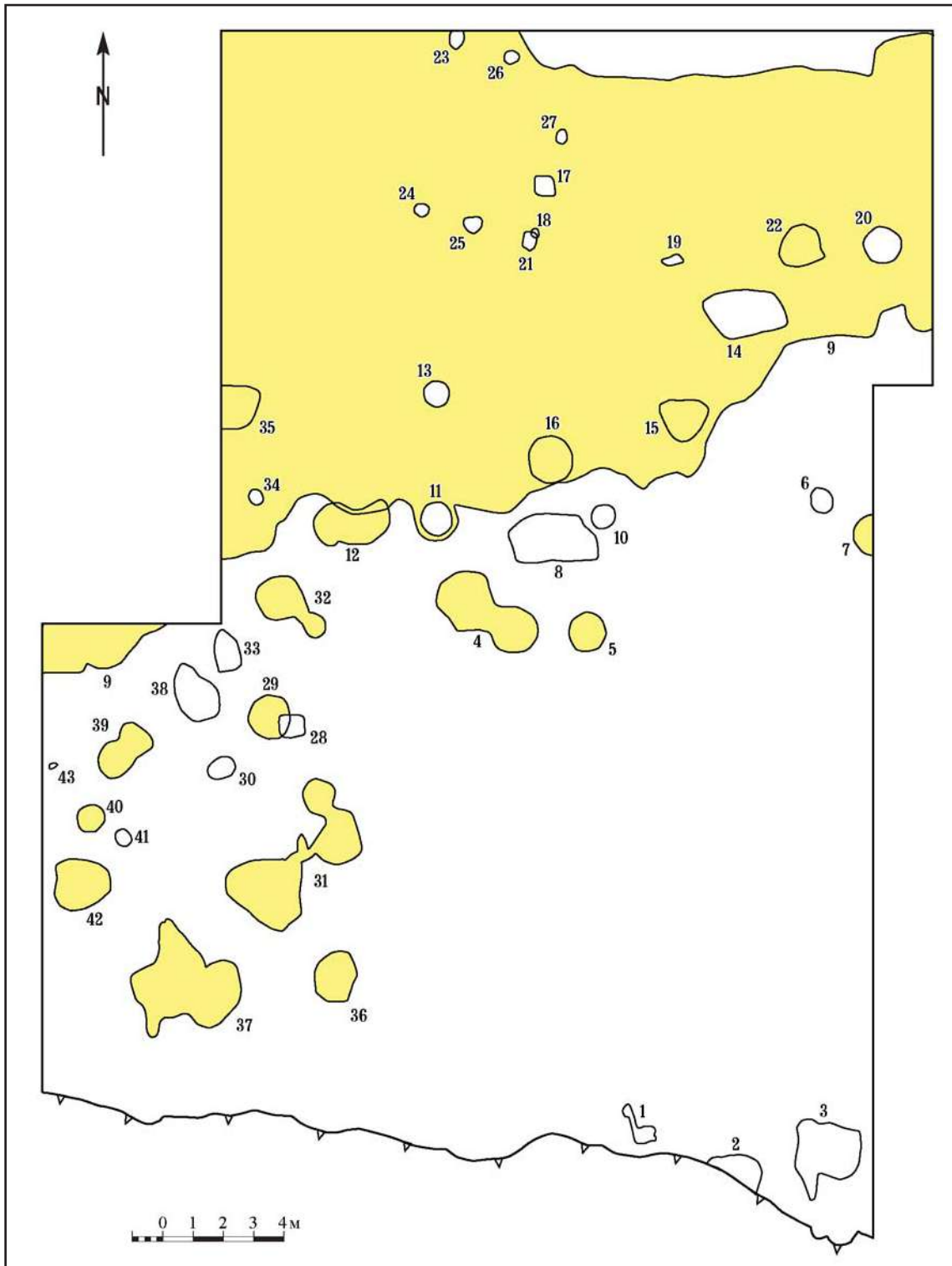
Рис. 8. Распределение мордовской керамики из культурного слоя по участкам раскопа I (закрашены участки, на которых найдена мордовская керамика).

Fig. 8. The distribution of the Mordvin pottery from the cultural layer on square parts of the excavation I (shaded square parts, on which Mordvin pottery was found).

полуземлянка; в створе ямы 9 были изучены 2 очага (ямы 13 и 34), зерновые (11, 16) и хозяйственные (12, 14—15, 17—27 и 35) ямы.

На раскопе I найдено значительное количество неполивной золотоордынской, древнерусской, мордовской посуды, а также небольшое количество кашинной, красноглиняной

Рис. 9. Ямы, в которых найдена мордовская керамика.

Fig. 9. Pits, in which Mordvin pottery was found.

поливной, штампованной и импортной (трапезундские и трилийские амфоры, фрагменты иранских лостровых сосудов) керамики.

Картина распределения находок по площади раскопа позволяет сделать определенные выводы. Наибольшая концентрация ке-

рамики, а также индивидуальных находок наблюдается возле крупных ям, в их заполнении и над ними. В юго-восточной части раскопа расположено свободное от сооружений пространство площадью более 280 кв. м (рис. 4): возможно, что данная территория являлась

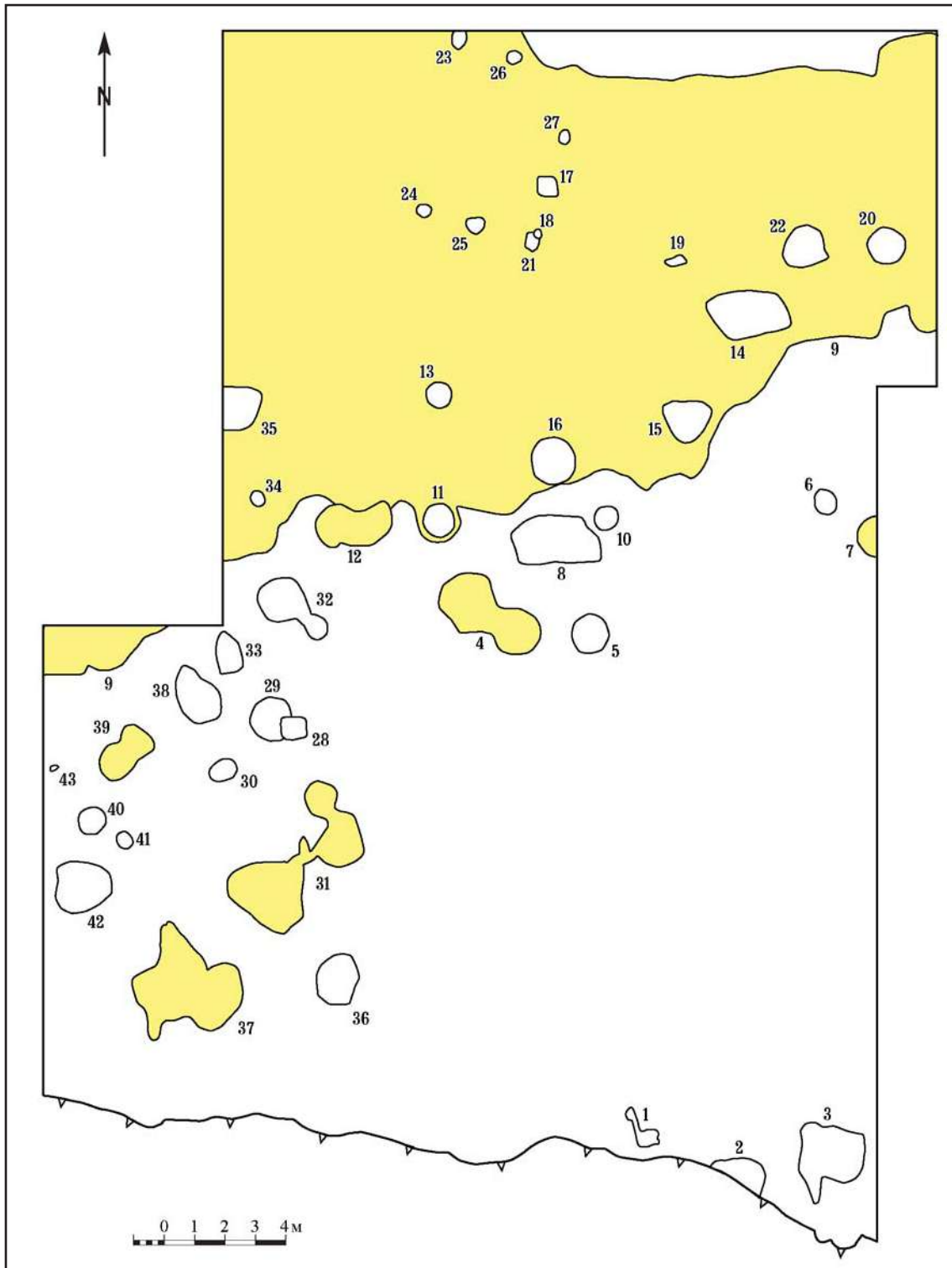

Рис. 10. Ямы, в которых найдены кости свиньи.

Fig. 10. Pits, in which pig bones were found.

внутренним двором усадьбы либо частью улицы, однако нам представляется наиболее вероятным, что незастроенное пространство было оставлено намеренно, чтобы обезопасить все деревянные сооружения усадьбы путем их максимального удаления от потенци-

ально пожароопасного объекта — овина (яма 2) и близлежащих к нему двух хозяйственных ям. В ямах, как правило, зафиксировано большое количество керамики. Исключения составляют небольшие хозяйственные ямы, включая столбовые и очаг, с не столь

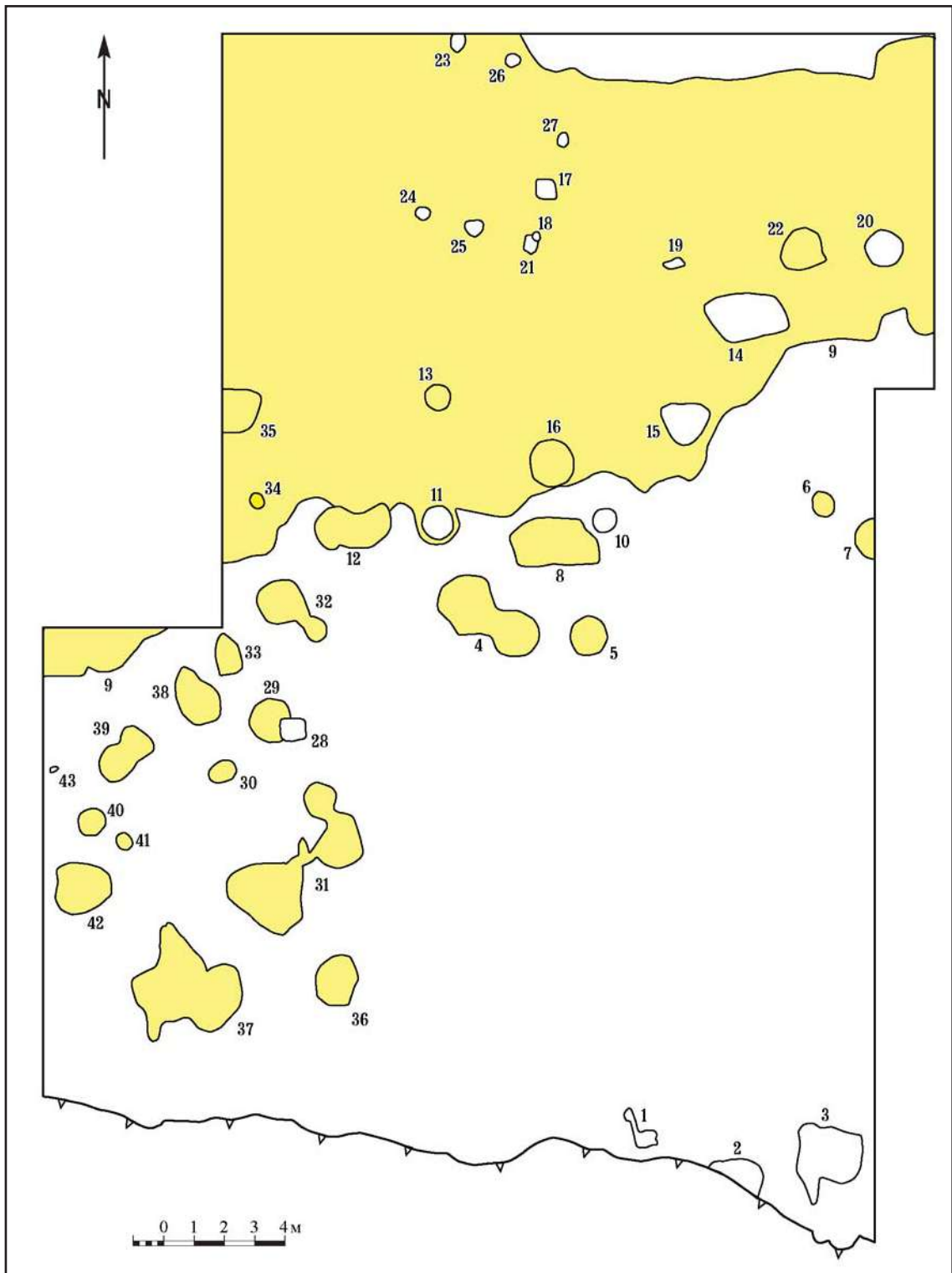

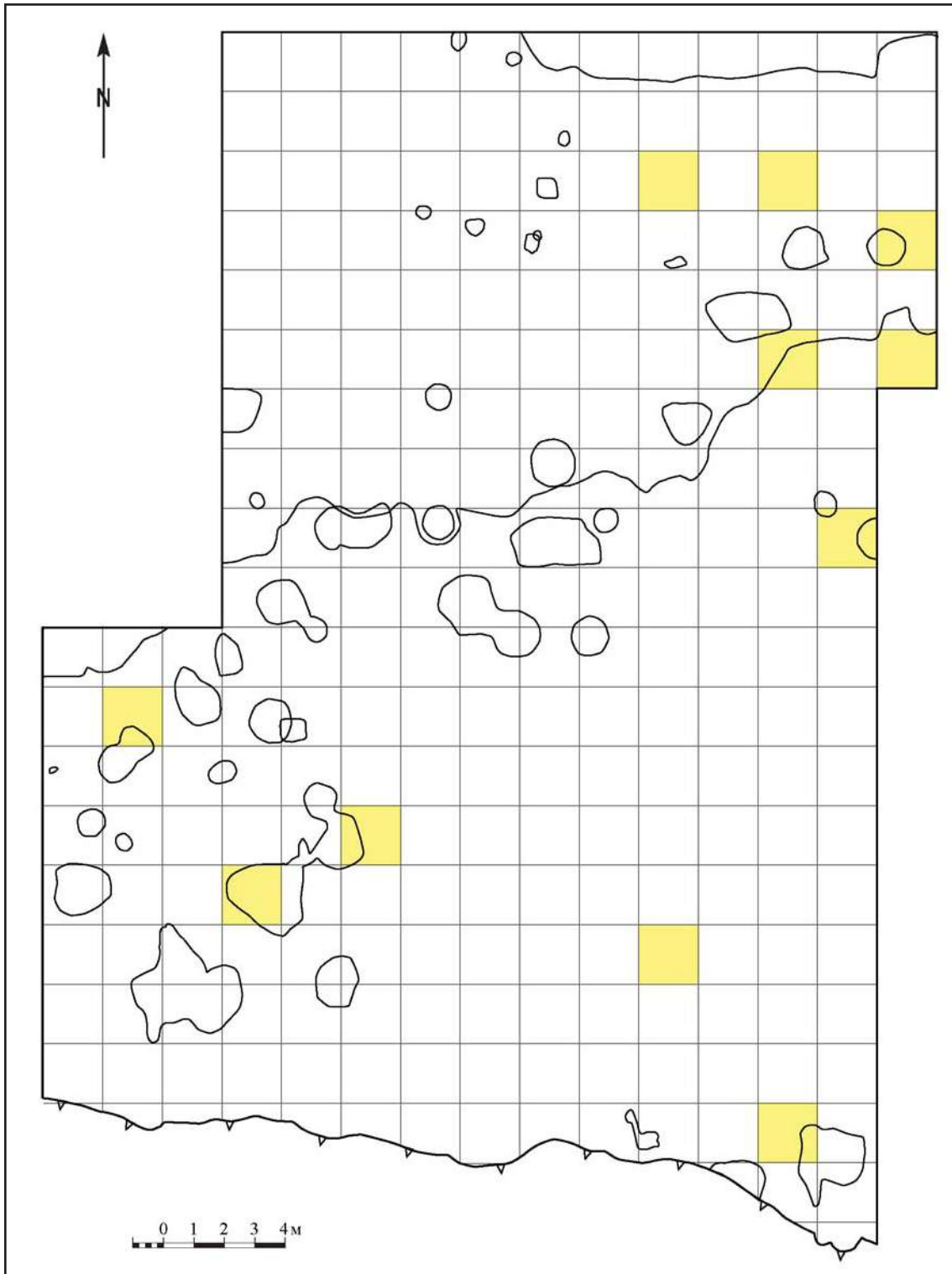
Рис. 11. Ямы, в которых найдены кости рыб.

Fig. 11. Pits, in which fish bones were found.

значительным числом находок — это ямы 1, 13, 17—21 и 23—28. В другом очаге (яма 34) и столбовой яме (яма 43) керамики вообще обнаружено не было.

Золотоордынская неполированная керамика массово встречается в культурном слое цен-

тральной части раскопа, преимущественно над ямами и в центральной части пустого пространства между овином (яма 2) и другими сооружениями (рис. 5); наибольшая ее концентрация зафиксирована над юго-восточной частью ямы 9 и к югу от нее. Можно сделать

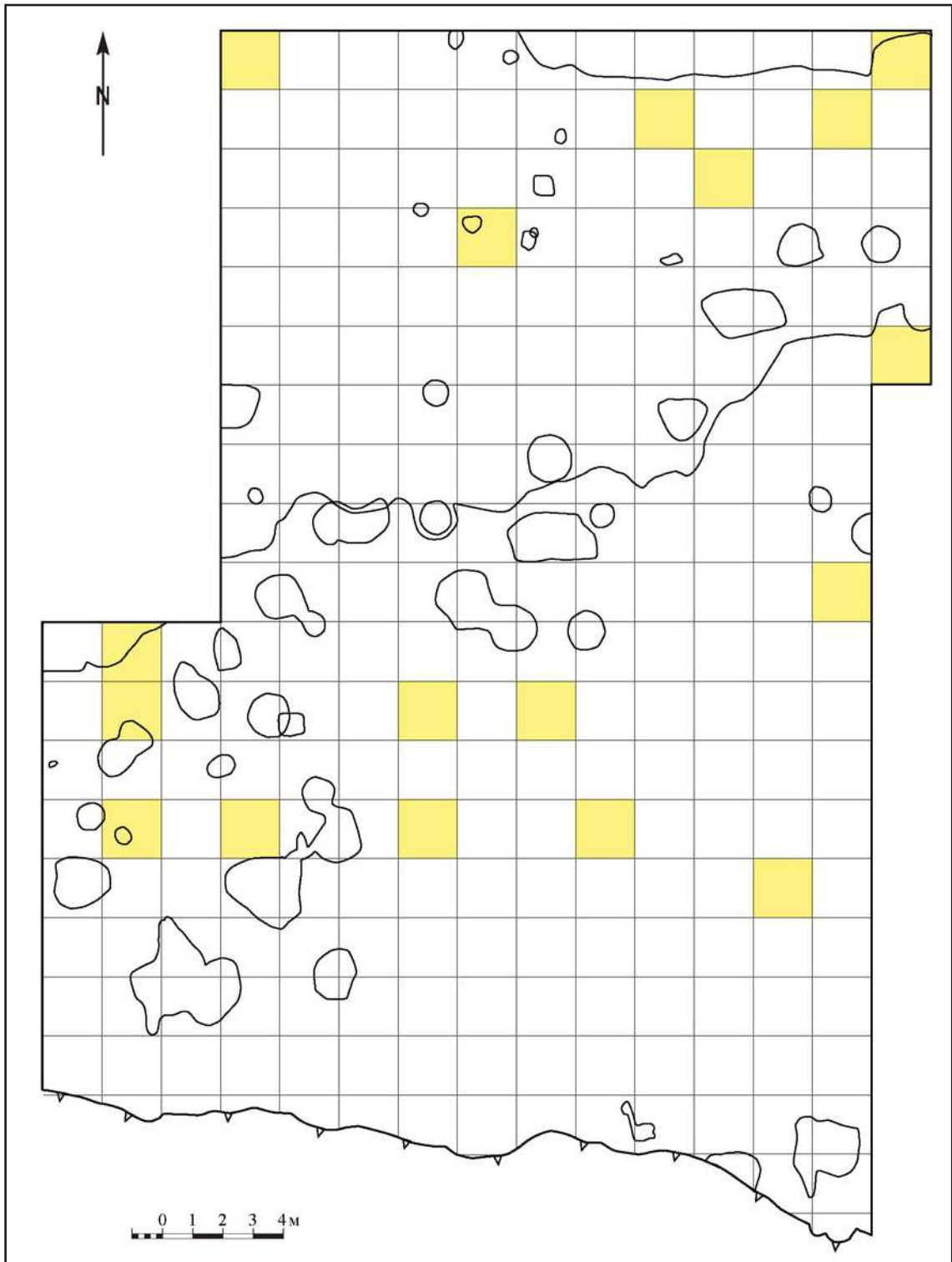

Рис. 12. Распределение кашинной керамики из культурного слоя по участкам раскопа I (закрашены участки, на которых найдена кашинная керамика).

Fig. 12. The distribution of kashi ceramics from the cultural layer on square parts of the excavation I (shaded square parts, on which kashi ceramics was found).

вывод, что на усадьбе мусор выбрасывали на задворки и во двор, расположенный к юго-востоку от основных сооружений. В заполнении ям также практически всегда встречена

золотоордынская посуда (она не обнаружена лишь в яме 18), причем в ямах 2, 4, 5, 9, 12, 29, 31, 36, 37, 39 и 42 ее найдено более 100 фрагментов.

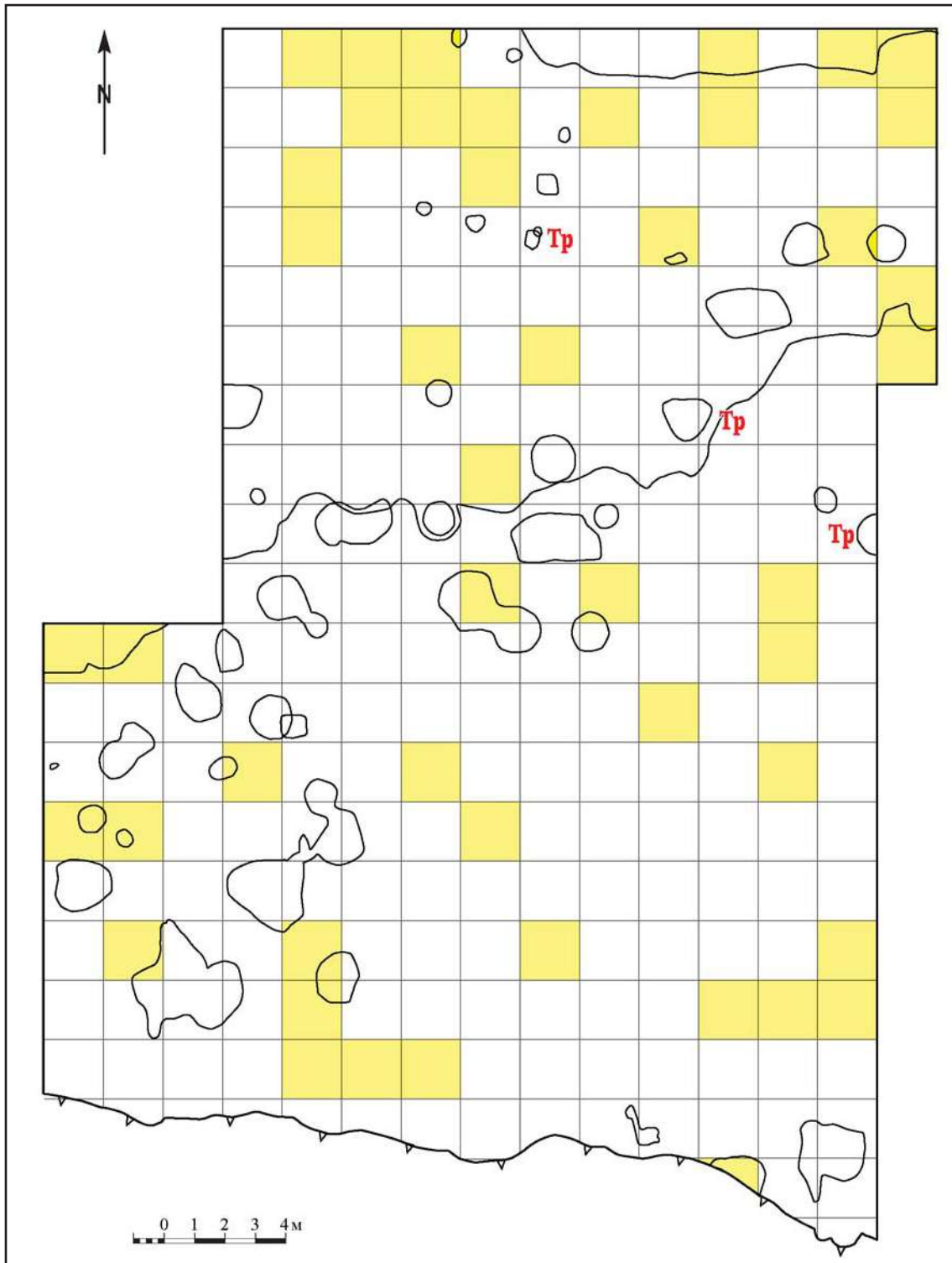

Рис. 13. Распределение красноглиняной поливной керамики из культурного слоя по участкам раскопа I (закрашены участки, на которых найдена красноглиняная поливная керамика).

Fig. 13. The distribution of red-clay glazed ceramics from the cultural layer on square parts of the excavation I (shaded square parts, on which red-clay glazed ceramics was found).

Находки древнерусской керамики в культурном слое также концентрируются в районе жилища и возле южной границы ямы 9 в центральной части раскопа I (рис. 6).

Встречена древнерусская посуда и в заполнении почти всех ям (кроме объектов 17, 23, 25, где отмечены фрагменты лишь золотоордынских сосудов). В ямах 6, 8, 11, 12, 14, 16,

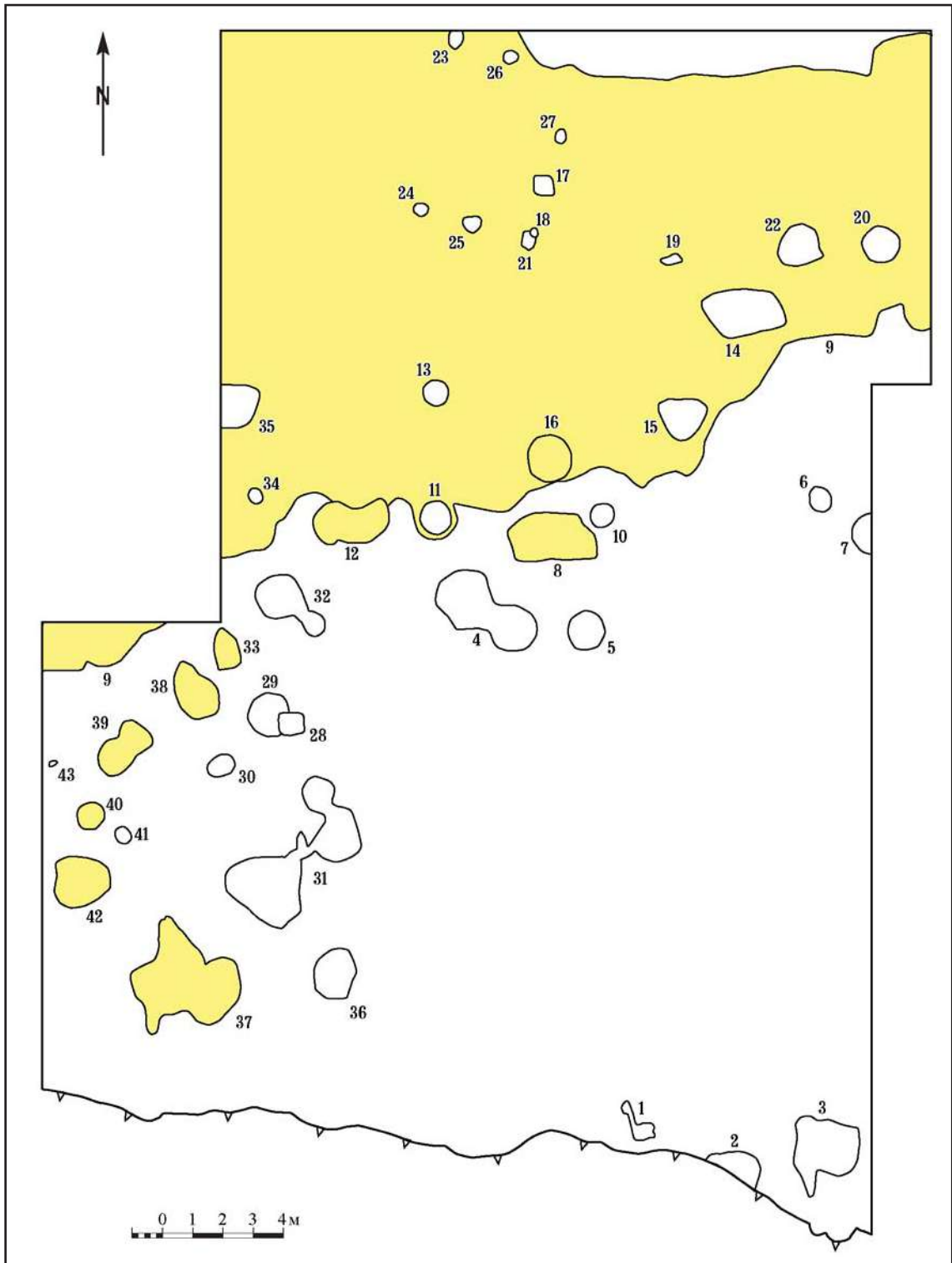

Рис. 14. Распределение трапезундских и трилийских амфор из культурного слоя по участкам раскопа I (закрашены участки, на которых найдены трапезундские амфоры, Тр — находки трилийских амфор).

Fig. 14. The distribution of Trebizond and Triliya amphorae from the cultural layer on square parts of the excavation I (shaded square parts, on which Trebizond amphorae were found, Тр — finds of Triliya amphorae).

18, 24, 26, 30, 37 и 39—41, т. е. в 14 из 43 всех исследованных ям (рис. 7), древнерусская посуда даже количественно преобладает над золотоордынской. Также следует отметить,

что в заполнении большинства крупных ям найдено более 100 фрагментов древнерусской керамики в каждой (ямы 4, 9, 12, 29, 31, 37, 39, 40 и 42). В северо-западной и юго-

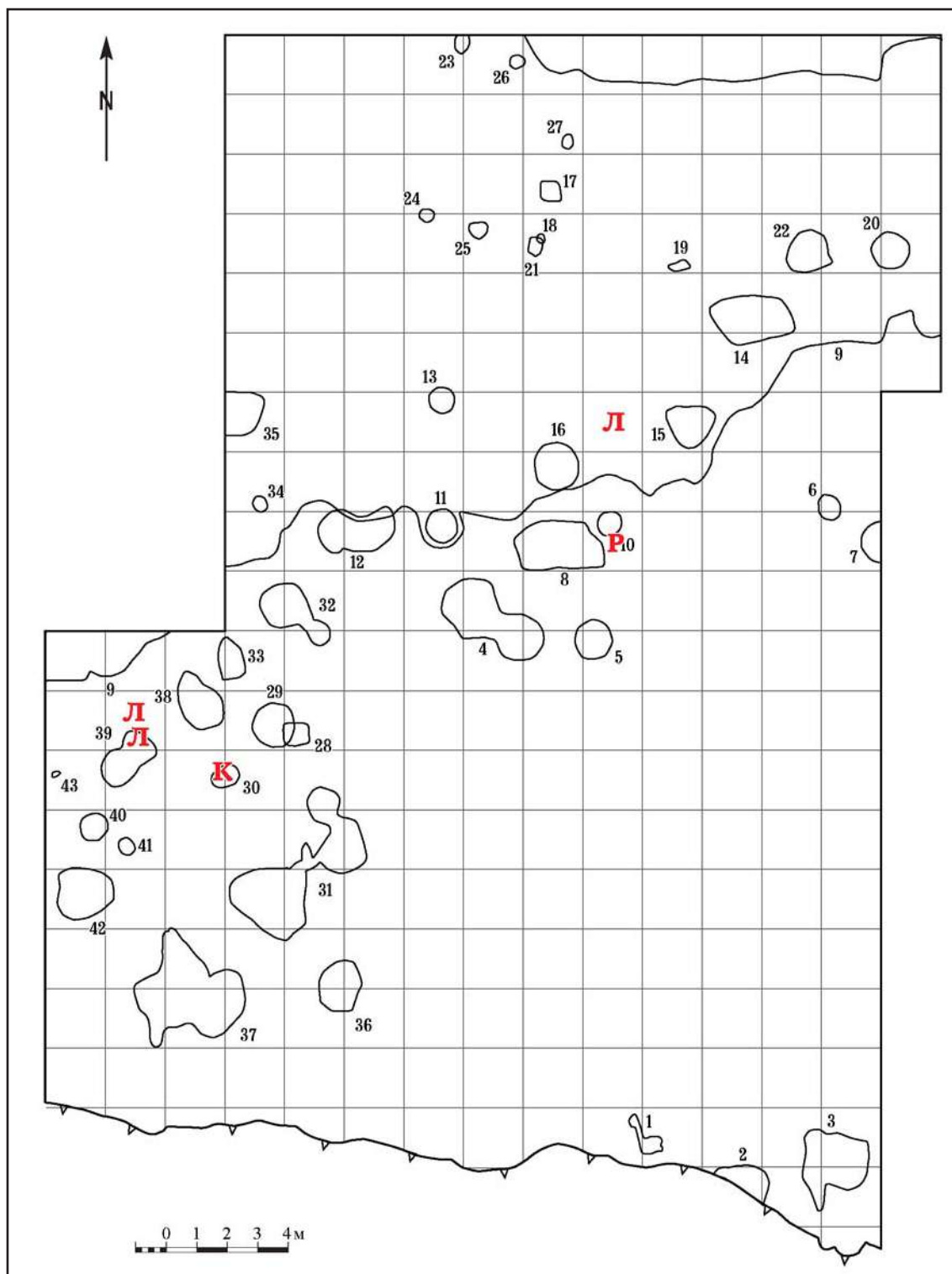
Рис. 15. Ямы, в которых найдены трапезундские амфоры.

Fig. 15. Pits, in which Trebizond amphorae were found.

восточной частях раскопа (рис. 6) древнерусская посуда встречена в слое лишь в незначительных количествах (не более 10 фрагментов на участок).

Закономерности встречаемости мордовской керамики в культурном слое в целом на-

поминают закономерности встречаемости древнерусской, с той лишь разницей, что мордовской лепной посуды найдено значительно меньше. На большинстве участков раскопа она полностью отсутствует, а там, где встречается (рис. 8), как правило, фиксируются

Рис. 16. Находки предметов импорта на раскопе I. Р — расписной стеклянный сосуд, К — раковина каури, Л — фрагменты люстровой керамики.

Fig. 16. The distribution of imported goods on the excavation I. P — painted glass vessel, K — cowrie seashell, Л — fragments of luster ceramics.

лишь отдельные находки на участках. Фрагменты мордовских сосудов отмечены в ямах (рис. 9) 4, 5, 7, 9, 12, 15, 16, 22, 29, 31, 32, 36, 37, 39, 40 и 42 (в яме 36 наряду с 5 фрагментами

мордовской посуды была найдена и мордовская лопастная сьюльгама), в незначительных количествах относительно общего объема керамической посуды из этих сооружений.

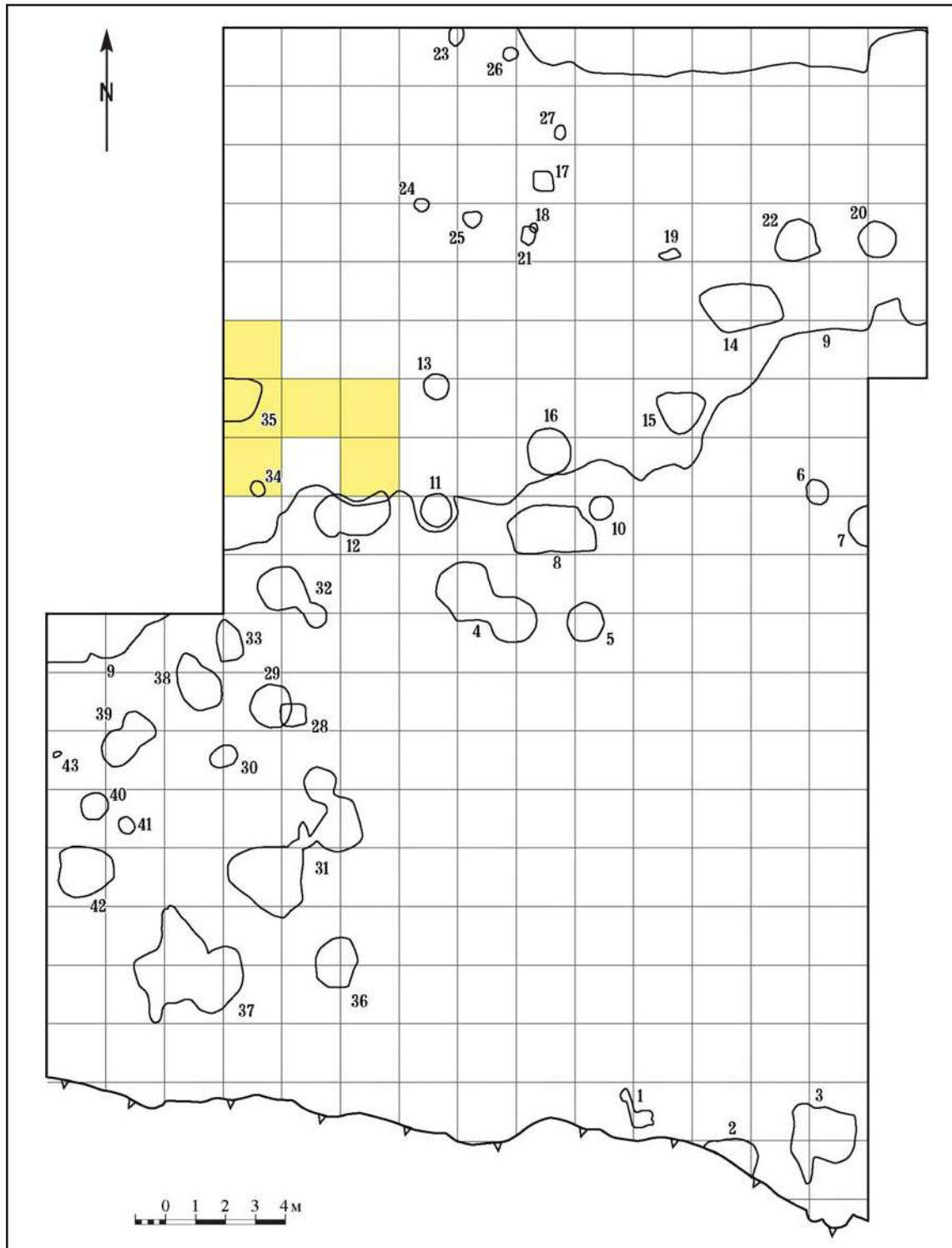

Рис. 17. Участки, на которых зафиксированы сгоревшие перекрытия ямы 9.

Fig. 17. Square parts, on which burned ceilings of pit 9 were recorded.

В яме 9 был найден серп, в культурном слое — фрагмент косы, а также рыболовные принадлежности, представленные железным крючком и двумя керамическими грузилами.

Представляет интерес, что в ямах 4, 7, 9, 12, 31, 37 и 39 (рис. 10) встречены кости сви-

ни (остеологические определения производились Л. В. Яворской); из всех этих объектов происходит также и древнерусская, и мордовская керамика. Кости и чешуя рыб отмечены еще на большем количестве объектов — в ямах 4—9, 12—13, 16, 22 и 29—42 (рис. 11),

т.е. в 24 сооружениях (в более чем половине от всех исследованных); во всех из них найдена древнерусская посуда, а в 15 — мордовская. Приведенные данные свидетельствуют, что присутствие древнерусского и мордовского населения на Багаевском селище могло оказать влияние на хозяйство его жителей, интенсифицируя развитие земледелия, скотоводства и рыбной ловли.

Кашинной керамики на раскопе I найдено весьма небольшое количество. Она встречена лишь на нескольких участках раскопа в слое (рис. 12), а также в заполнении ям 5, 9, 31, 36, 39 и 42. Красноглиняной поливной посуды в слое немного больше (рис. 13), она есть также в ямах 4, 9, 30, 31, 37, 39, 40 и 42.

Фрагменты трапезундских амфор, которые встречаются на золотоордынских поселениях Нижнего Поволжья, найдены и на Багаевском селище. Они распространены в культурном слое по площади раскопа I довольно равномерно (рис. 14). Встречены трапезундские амфоры в ямах 8—9, 12, 16, 33, 37—40 и 42 (рис. 15). Кроме того, найдены 4 фрагмента трилийских амфор, два из них в заполнении ямы 9 и два в слое, прилегающем к ней (рис. 14).

Характерно, что находки привозных вещей, нечастых на сельских памятниках, представлены фрагментами ближневосточного расписного стеклянного сосуда (рис. 16), красноглиняного поливного сосуда с рельефным орнаментом, происходящего из Восточного Крыма, и раковины устрицы (связанной происхождением с Черным или Средиземным морями), сделаны в слое, непосредственно прилегающем к яме 9, и в слое над ней; из ямы 9 происходят также фрагмент иранской люстровой керамики и фрагменты крымского поливного кувшинчика. Находка раковины каури со стеклянной бусиной внутри происходит из заполнения ямы 30. Два фрагмента керамики с люстровой росписью происходят из ямы 39 и из прилегающего к ней и яме 9 культурного слоя.

Распределение монет в культурном слое раскопа относительно равномерное, найдены дирхем 681 г.х. (1282—1283 гг.) и пулы 731—752 г.х. (1330—1352 гг.). Монеты найдены и в трех сооружениях: яма 4 — пулы 731 (1330—1331 гг.) и 736 (1335—1336 гг.) г.х., яма 9 — фрагмент дореформенного дирхема Токты, пулы 726—762 г.х. (1325—1361 гг.), яма 37 — пул 1340-х гг.

Заполнение ямы 9 представлено серо-коричневой супесью с включением углей, в южной части сооружения в заполнении

были отмечены золисто-углистые прослойки (рис. 17), являющиеся остатками сгоревших перекрытий и деревянной обшивки стен полуземлянки; не исключено, что в средневековье было использовано природное понижение (археологически зафиксированное как яма 9), в южной части которого было оборудовано частично заглубленное в землю жилище. Не исключено, что гибель сооружения 9, если не всего селища, связана с междоусобными войнами, начавшимися в 60-х гг. XIV в. Это предположение можно подкрепить тем, что самая младшая монета, найденная на поселении (именно в яме 9), датируется 1360/61 г.

С площадью и размерами селища непосредственно связан вопрос о типе его застройки. Очертания поселения вытянуты вдоль берега реки, оно отходит от русла на 98—145 м, что позволяет сделать предположение, что застройка велась либо рядами вдоль берега, и было как минимум два ряда, либо была кучевой, состоявшей из нескольких крупных усадеб, расположенных бессистемно; к подобным выводам приходит В. В. Седов на материалах сходных по форме селищ Смоленской земли (Седов 1960: 26—29). На данном крупном сельском поселении, по нашему мнению, могло проживать от 75 до 255 человек.

Между усадьбами и на них самих, скорее всего, располагались участки плодородной земли, использовавшиеся под огороды. Такой участок, вероятнее всего, зафиксирован в юго-восточной части раскопа I.

Строительство жилищ и хозяйственных сооружений велось в основном из дерева, следы которого в виде углистых прослоек и древесного тлена найдены в сооружениях и слое. Нехватка строевого леса вынуждала строить полуземлянки и применять другие материалы (горбыль, жерди, солому). В процессе строительства также активно использовались глиняная обмазка, камни и кирпичи. Постройки имели каркасно-столбовую конструкцию. В хозяйстве использовались открытые очаги и печи-тандыры (найлены фрагменты тандырной обмазки, в том числе в ямах 2, 3, 5, 9, 31 и 36).

Погрeba имели ступеньки для удобства спуска в них. Вокруг хозяйственных построек практически не выявлено столбовых ям, возможно, они перекрывались лишь легкими конструкциями без каркасов и столбов.

Судя по концентрации 10 зерновых ям, 3 погребов и 3 очагов на сравнительно ограниченной территории, мы можем полагать, что все эти сооружения относятся к одной, а не к нескольким усадьбам.

Литература

- Глухов А. А. 2006. Новые данные по топографии Царевского городища. В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне*. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931—2000). Москва: Нумизматическая литература, 122—124.
- Глухов А. А. 2014. Историческая топография Царевского городища. *ПА* 8 (2), 92—111.
- Глухов А. А. 2015. *Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология*. Волгоград: Волгоградское научное издательство.
- Гусева Т. В. 1975. *Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (основные этапы развития, социальная топография)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Ильина О. А. 2006. *Историческая топография и локализация золотоордынских городов Нижнего Поволжья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Ильина О. А. 2015. Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 207—241.
- Кубанкин Д. А. 2015. Историческая топография Увекского городища. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 243—254.
- Масловский А. Н. 2015. Заметки по топографии золотоордынского города Азака. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 383—409.
- Недашковский Л. Ф. 1996. Разведки в южной части Саратовского района. В: Седов В. В., Лопатин Н. В. (отв. ред.). *АО 1995 года*, 280—281.
- Недашковский Л. Ф. 2008. История развития взглядов на золотоордынские древности. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки* 150 (1), 22—30.
- Недашковский Л. Ф. 2013. Исследования Багаевского селища. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 155. Кн. 3. Ч. 1, 7—19.
- Рудаков В. Г. 2002. К топографии города Сарая в конце XIV в. В: Егоров В. Л., Зеленева Ю. А. (отв. ред.). *Поволжье и сопредельные территории в средние века*. Труды ГИМ 135. Москва: Тиссо-Полиграф, 144—154.
- Рудаков В. Г. 2007. *Селитренное городище: хронология и топография*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Седов В. В. 1960. *Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.)*. Москва: АН СССР.
- Nedashkovsky L. F. 2012. Golden Horde Antiquities: The development of research ideas. *Acta Archaeologica* 83 (1), 225—255.

References

- Glukhov, A. A. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evro-aziat'skoi zone (Towns and the Steppe in the Europe-Asia Contact Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaiia literatura" Publ., 122—124 (in Russian).
- Glukhov, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 92—111 (in Russian).
- Glukhov, A. A. 2015. *Tsarevskoe gorodishche: istoriia izuchenii, istoricheskaiia topografiia, khronologiia (Tsarev Hillfort: History of Study, Historical Topography, Chronology)*. Volgograd: "Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Guseva, T. V. 1975. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (osnovnye etapy razvitiia, sotsial'naia topografiia) (The Golden Horde Town of Sarai al-Jadid: Main Stages of Development, Social Topography)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Il'ina, O. A. 2006. *Istoricheskaiia topografiia i lokalizatsiia zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Historical Topography and Localisation of Golden Horde Cities in the Lower Volga Basin)*. PhD Thesis. Volgograd (in Russian).
- Il'ina, O. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 207—241 (in Russian).
- Kubankin, D. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 243—254 (in Russian).
- Maslovskii, A. N. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 383—409 (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 1996. In Sedov, V. V., Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1995 goda (Archaeological Discoveries in 1995)*, 280—281 (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 2008. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)* 150 (1), 22—30 (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 2013. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)* 155. Book 3. Part 1, 7—19 (in Russian).
- Rudakov, V. G. 2002. In Egorov, V. L., Zeleneva, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga Region and Neighbouring Territories in the Middle Ages)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow: "Tisso-Poligraf" Publ., 144—154 (in Russian).
- Rudakov, V. G. 2007. *Selitrennoe gorodishche: khronologiia i topografiia (Selitrennoye Hillfort: Chronology and Topography)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Sedov, V. V. 1960. *Sel'skie poseleniia tsentral'nykh raionov Smolenskoi zemli (Rural Settlements in the Central Zone of the Smolensk Land)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 92. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
- Nedashkovsky, L. F. 2012. Golden Horde Antiquities: The development of research ideas. *Acta Archaeologica* 83 (1), 225—255.

Е. М. Пигарёв

Evgenii Pigarev. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences¹.

Пигарёв Евгений Михайлович. Кандидат исторических наук. Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

E-mail: pigarev1967@mail.ru

Address: ¹ Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Russian Federation

Административно-территориальная структура области Сарай (дельта р. Волга)

Keywords: Jochi Ulus, Golden Horde, historical geography, administrative-territorial structure, Sarai region (vilayet), Orda, Hadji-Tarkhan, Summerkent, Saray al-Jadid, Kizil

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, историческая география, административно-территориальная структура, область (вилайет) Сарай, Орда, Хаджи-Тархан, Суммеркент, Сарай ал-Джедид, Кизиль

E. M. Pigarev

The Administrative-Territorial Structure of the Capital Sarai Region (Delta of the Volga River)

The article is devoted to the administrative-territorial structure of the political center of a Golden Horde region (vilayet) known as Sarai, which was located in the Delta of the Volga River. Research history of the largest towns and their environs is discussed. The administrative units are characterized in accordance with the chronology of historical events. The life span of the settlements and the stages in their development are determined through analysis and comparison of archaeological, numismatic and written data. The process of urbanization in the region is linked to the changes in the level of the Caspian Sea. Suggestions are made about the location of the first capital of Jochi Ulus (the city of Sarai) and the name of Krasny Yar town.

E. M. Pigarev

Административно-территориальная структура области Сарай (дельта р. Волга)

Статья посвящена административно-территориальной структуре политического центра золотоордынского государства — области (вилайету) Сарай, расположенного в дельте р. Волга. Рассматривается история изучения крупнейших городищ и их округ. Приводится характеристика этих административных единиц в соответствии с хронологией исторических событий. На основании анализа и сопоставления археологических, нумизматических и письменных данных определяется время существования населенных пунктов и выделяются этапы их развития. Процесс урбанизации региона увязывается с изменениями уровня Каспийского моря. Предлагаются версии о местонахождении первой столицы Улуса Джучи города Сарай и названии Красноярского городища.

В первой половине XIII века, после завершения западного похода монгольских войск, в восточноевропейских степях возникло новое государство Улус Джучи (Золотая Орда). На протяжении XIII века происходило становление государственной структуры, сформировавшееся полностью к началу XIV века. Основой административно-территориального деления этого государства была улусная система. Улусы Сарай, Хорезм, Крым, Дешт-и-Кыпчак являлись крупнейшими административными единицами, возглавляемыми наместниками хана — улусбеками. Каждый из этих улусов, в свою очередь, делился на ряд более мелких территорий — областей (вилайетов),

возглавляемых эмирами более низкого ранга. Предполагается, что вся территория Золотой Орды в XIV в. разделялась на 70 областей. Центр государства — левый берег Волги — являлся ханским доменом (Фёдоров-Давыдов 1973: 60—61). Границы ханского домена (области Сарай) соответствовали границам кочевья ханской орды: с запада до р. Дон, с востока до р. Урал, с севера до границы болгарских земель (г. Увек), с юга до волжской дельты (рис. 1). Особые административные единицы представляли собой золотоордынские города, возглавляемые начальниками (Егоров 2009: 163—168). Дельтовая часть области (вилайета) Сарай, где располагались обе столицы,

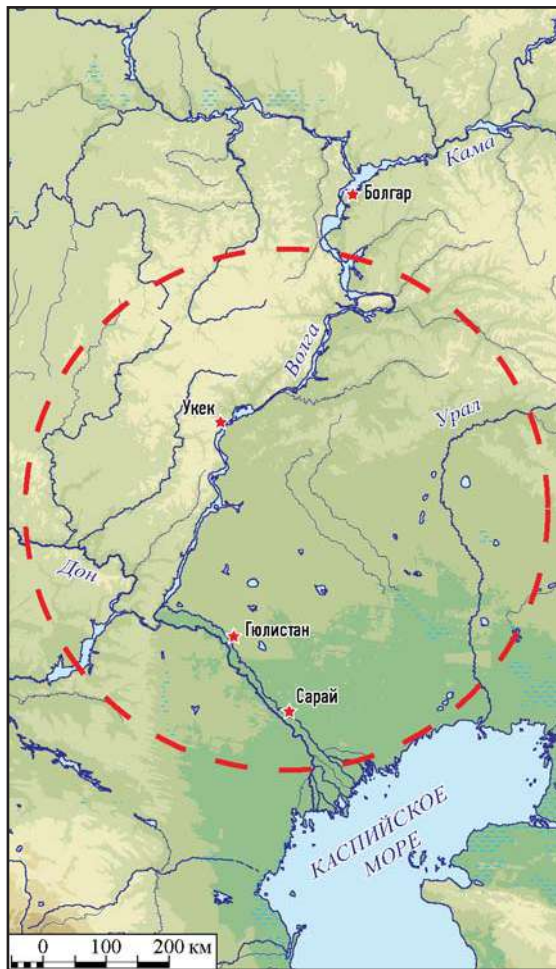

Рис. 1. Область (вилайет) Сарай (условные границы).

Fig. 1. The province (vilayet) of the Sarai (suppositive boundaries).

на протяжении всей истории золотоордынского государства являлась его политическим центром. Развитие государства требовало создания постоянных опорных пунктов государственной власти, что вызвало активную градостроительную деятельность по всей территории Улуса Джучи, в том числе и в ханском домене. В этот период шло как строительство новых городов, так и использование поселений, появившихся в домонгольское время.

Низовья Волги, а точнее, её дельта и Волго-Ахтубинская пойма являлись столичным регионом, центром ханского домена. Волжская дельта, на территории которой находятся практически все известные нам золотоордынские памятники Астраханской области, формируется рекой Волга и её крупными рукавами — реками Ахтуба, Бузан, Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Кигач. Расстояние между западным и восточным рукавами дельты составляет 170 км; в ней насчитывается до 800 русел, протоков и мелких речек (Атлас... 1997: 4). Пери-

одические колебания уровня Каспийского моря приводили то к осушению обширных участков морского дна, создавая удобные для жизни человека территории, то к заводнению этих территорий, вытесняя человека на более благоприятные земли. Главные рукава, являясь естественными природными границами, делят всю эту территорию на ряд микрорегионов, в каждом из которых обнаружены золотоордынские населенные пункты (Пигарёв 2015: 183). К настоящему времени здесь известно свыше 60 поселений или усадебных комплексов и 6 городов (рис. 2): Селитренное, Красноярское, Ахтубинское, Мошаик, Шареный бугор, Самосдельское (Пигарёв 2010: 347—350). Селитренное городище является остатками столицы Улуса Джучи, крупнейшим его городом Сарай (ал-Махруса, ал-Джедид). Городища Самосдельское и Мошаик возникают на рубеже XI—XII веков как крупные городские центры области Саксин и продолжают существовать в Золотой Орде (Васильев 2016: 153).

До недавнего времени считалось, что низовья Волги в домонгольский период были практически не заселены оседлым населением (Фёдоров-Давыдов 1973: 77; Васильев и др. 2003: 83). Единственным памятником предмонгольского периода до конца 1990-х годов считалось Самосдельское городище. Однако археологические разведки, проведенные в волжской дельте в последние два десятилетия, изменили понимание этого периода. К настоящему времени известно уже несколько десятков поселений, относящихся к XI—XII вв., и два крупных города — городища Самосдельское и Мошаик (Мирсияпов 2008: 5—16; Васильев 2016: 153; Ситдииков 2013: 157). В XI—XII вв., в период существования области Саксин, уровень Каспийского моря фиксируется на отметках -32 и -31 м АБ (современный уровень -27 м АБ) (абсолютной высоты). Это позволило человеку активно использовать обширную территорию дельты, изобилующую лугами и мелкими протоками.

К началу XIII в. ситуация на Нижней Волге меняется, происходит постепенный подъем уровня Каспийского моря (до -26 м АБ), что, естественно, значительно уменьшает заселенную территорию. В этот же период происходит освоение Нижнего Поволжья монголами, которые сделали его центром своего государства. На первом этапе активного градостроительства здесь не наблюдается, монголы использовали населенные пункты области Саксин. Это фиксируется в материалах исследований крупных городских центров —

городищ Самосдельское и Мошаик. Часть сельских поселений, расположенных в дельтовой зоне и доживших до золотоордынского времени (Хуторская шишка, Малое Могутиновское II, Большое Могутиновское II, Кирельта II), также продолжают своё существование вплоть до конца XIV в. (Мирсияпов 2008: 5—16).

Во второй половине XIII в. появилось лишь несколько новых, собственно золотоордынских, населенных пунктов: столичный город Сарай, Красноярское городище и, возможно, городища Шареный бугор (Хаджи-Тархан) и Ахтубинское (рис. 3). В этот период происходило становление и оформление золотоордынской государственности, еще не были сформированы торгово-транспортные сети, четкое административно-территориальное разделение, не получила развития местная ремесленная промышленность. Большая часть степного населения вела кочевой или полукочевой образ жизни.

Ситуация в нижневолжских степях меняется к началу XIV в., в этот период продолжается подъем уровня Каспийского моря (до –25 м АВ), что приводит к уменьшению комфортной дельтовой территории и выдавливанию населения в степи и Волго-Ахтубинскую пойму. К этому времени заканчивается оформление государственно-административной структуры Улуса. С приходом к власти хана Узбека происходят кардинальные изменения в Золотой Орде. Годы его правления характеризуются возникновением большого количества новых населенных пунктов, в том числе и новой столицы — Сарай ал-Джедид, и ростом территории уже существовавших городов. Активная урбанизация, происходившая на Нижней Волге, приток туда огромной массы нового населения из Хорезма и Закавказья, приводят к появлению непрерывной полосы оседлости, состоящей из небольших городов и поселков (Егоров 2009: 77). Вокруг городских центров оформляются округи, состоящие из многочисленных сельских поселений и их могильников. Такие конгломерации превращались в экономические микрорегионы, образующие административно-территориальную структуру нижневолжского ханского домена. Ниже мы приводим характеристику этих административных единиц в соответствии с хронологией исторических событий и опираясь, на предложенную В. Л. Егоровым периодизацию градостроительства в Золотой Орде (Егоров 2009: 78).

Первый период — 40-е годы XIII в. — время восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода

монголов. К этому периоду в низовьях Волги относятся два археологических памятника.

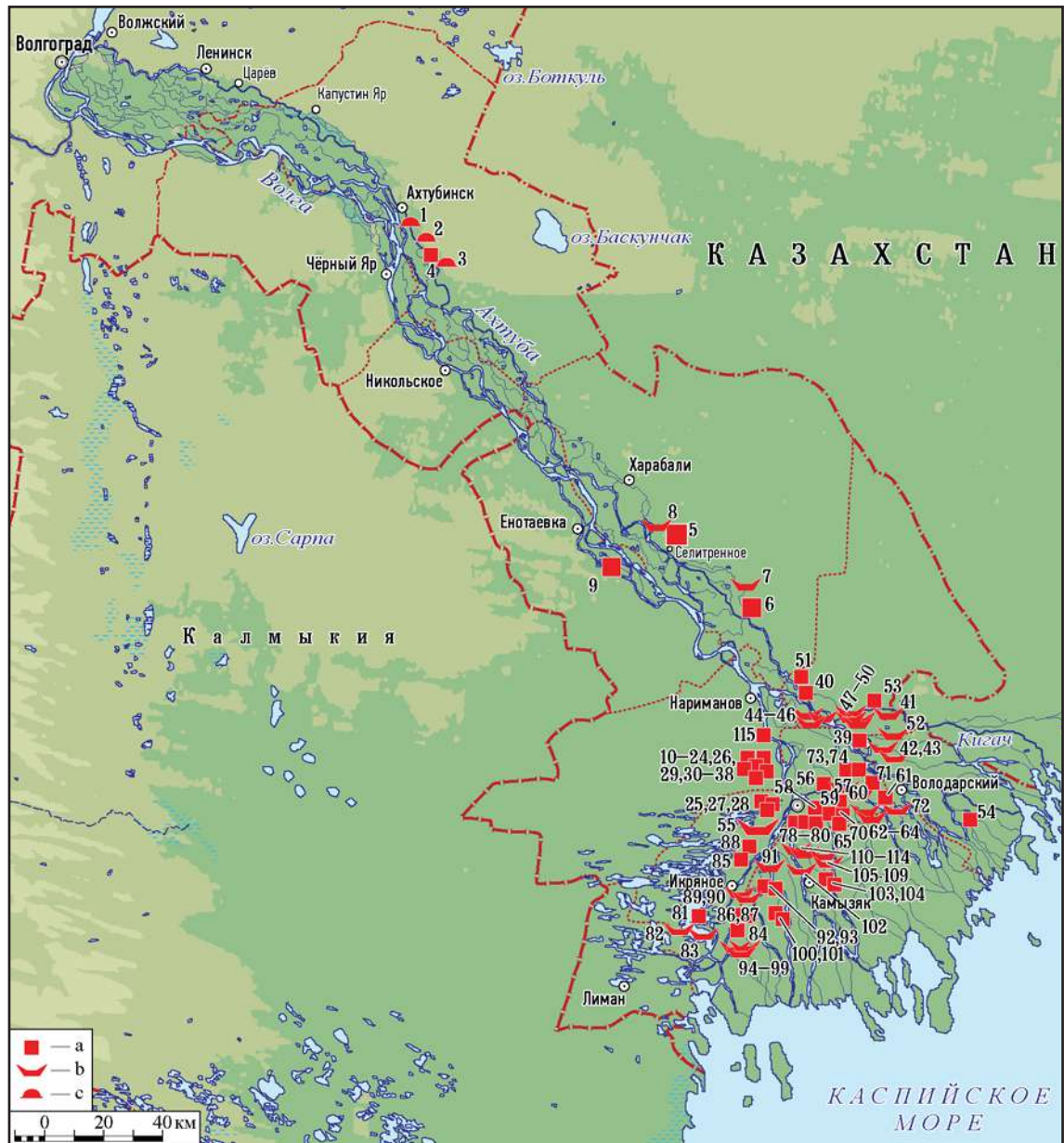
Второй — четвертый периоды — первая половина 50-х годов XIII в. (начало градостроительства во время правления Бату); с середины 50-х до середины 60-х годов XIII в. (подъем градостроительства при Берке); с 70-х годов XIII в. до начала второго десятилетия XIV в. (период замедленного роста городов).

Пятый период — расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке — со второго десятилетия XIV до 60-х годов XIV в.

Первый период

Самосдельское городище

Находится в 43 км ниже г. Астрахань на правом берегу р. Старая Волга (Бирюль). Основная часть городища расположена на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги. Изучается с 1990 г. до настоящего времени. Подробная история изучения Самосдельского городища представлена в работах одного из его исследователей Д. В. Васильева (Васильев и др. 2003: 83—107; Васильев 2015: 191—195). Размеры памятника составляют около 2 км², при мощности культурного слоя в островной части до 2—3 м. На городище за время исследований было вскрыто около 800 м², на которых изучены наземные дома с канами и суфами, землянки, юртообразные жилища, обработан огромный комплекс лепной и гончарной керамики (Недашковский 2010: 128—129; Попов 2011: 60—88). В ходе археологического изучения городища проводились естественнонаучные исследования (Бронникова и др. 2001: 43—47; Яворская 2010: 399—402). Культурные пласты памятника делятся на два периода — домонгольское и золотоордынское время. Самосдельское городище соотносится исследователями с остатками г. Саксин, столицы одноименной полуоседлой области (Васильев 2016: 153). В XI—XII вв., в период существования области Саксин, уровень Каспийского моря фиксируется на отметках –32 и –31 м АВ, а уровень Самосдельского городища — –28 м АВ. В этот период дельта покрывается сетью сельских поселений, которые располагаются по берегам рек. В начале XIII в. уровень моря поднимается до отметки –26 м АВ, что, естественно, привело к сокращению ранее освоенных человеком территорий и угасанию существовавшей экономики. Видимо, в этот период город Саксин начинает терять свой столичный статус, постепенно превраща-

Рис. 2. Карта памятников золотоордынской эпохи на территории Астраханской области (а — городище, поселение; б — могильник грунтовый; с — могильник курганный). 1, 4 — Бутырки; 2 — Успенка; 3 — «301 км»; 5 — Сарай; 6 — Ак-Сарай (Лапас); 7 — Хошеутовский; 8 — Баста; 9 — Енотаевское; 10 — Тинаки-1; 11 — Становский; 12 — Большой Джулер; 13 — Бердин; 14 — Камынкуль; 15 — Городок; 16 — Кизелькуль; 17 — Саргуль; 18 — Водяной; 19 — Турганши; 20 — Долгий; 21 — Джанак-Куль; 22 — Усадебный; 23 — Малый; 24 — Куга; 25 — Средний; 26 — Майле-Куль; 27 — Бактюбе; 28 — Ильку-Тюбе; 29 — Карантинный; 30 — Тинаки; 31 — Кара-Тобе; 32 — Приволжский; 33, 34 — Петропавловка; 35 — Рассвет; 36 — Ильмень; 37 — Николаевка; 38 — «34-й км»; 39 — Красноярское (Монгольское); 40 — Ахтубинское; 41 — Калмыцкий; 42 — Мечетный-I; 43 — Мечетный-II; 44—46 — Комсомольский; 47 — Маячный-I; 48 — Маячный-II; 49 — Вакуровский-I; 50 — Вакуровский-II; 51 — ст. Досанг; 52 — Лебединый; 53 — Мыльников; 54 — Новорычанское; 55 — Кан-тюбе; 56, 57 — Мошаик; 58 — Алаучук; 59 — Барский; 60 — Касыпак-Тобе; 61 — Началовский-I; 62 — Началовский-II; 63 — Бараний; 64 — Артельный; 65 — Малый Чека; 66 — Большой Чека; 67 — Красный; 68 — Песчаный; 69 — Камышин; 70 — Болдинский; 71 — Черный; 72 — Садовый; 73 — Хлебный; 74 — Седой; 75 — Татарская Башмаковка-I; 76 — Татарская Башмаковка-II; 77 — Кирпичный-II; 78 — Золотой; 79 — Казлар-Тобе; 80 — Тимошкин; 81 — Чертово; 82 — Большой Черный; 83 — Малый Черный; 84 — Красный; 85 — Ильинка; 86 — Большой Толчин; 87 — Малый Хаджи; 88 — Шантемир; 89 — Большой Ходжи; 90 — Петухов; 91 — Габбас тюбе; 92 — Долгий; 93 — Исмаил тюбе; 94 — Большой Морской; 95 — Попок; 96 — Федоровский; 97 — Хмелевинский-I; 98 — Хмелевинский-II; 99 — Чулпанский; 100 — Самосдельское; 101 — Кочкаринский; 102 — Большой Долгий; 103 — Тумак-тюбе; 104 — Касыпак-Тобе; 105 — Кара-Тобе; 106 — Ялан-Тобе; 107 — Жулан-Тобе; 108 — Ажанай; 109 — Кюзене; 110 — Промысловый; 111 — Бос-Тобе; 112 — Коц-Тобе; 113 — Джидале; 114 — Троицкий; 115 — Хаджитархан (Шареный бугор).

Fig. 2. Map of Golden Horde sites on the territory of Astrakhan region (a — town, settlement; b — grave ground; c — barrow cemetery). 1, 4 — Butyrki; 2 — Uspenka; 3 — “301 km”; 5 — Sarai; 6 — Ak-Sarai (Lapas); 7 — Khosheutovskii; 8 — Basta; 9 — Enotaevskoe; 10 — Tinaki-I; 11 — Stanovskii; 12 — Bol’shoi Dzhuler; 13 — Berdin; 14 — Kamykul; 15 — Gorodok; 16 — Kizel’kul; 17 — Sargul; 18 — Vodiano; 19 — Turganshi; 20 — Dolgii; 21 — Dzhanak-Kul; 22 — Usadebnyi; 23 — Malyi; 24 — Kuga; 25 — Srednii; 26 — Maile-Kul; 27 — Baktiube; 28 — Il’ku-Tiube; 29 — Karantinnyi; 30 — Tinaki; 31 — Kara-Tobe; 32 — Privolzhskii; 33, 34 — Petropavlovka; 35 — Rassvet; 36 — Il’men’; 37 — Nikolaevka; 38 — “34 km”; 39 — Krasnoarskoe (Mongol’skoe); 40 — Akhtubinskoe; 41 — Kalmytskii; 42 — Mechetnyi-I; 43 — Mechetnyi-II; 44—46 — Komsomol’skii; 47 — Maiachnyi-I; 48 — Maiachnyi-II; 49 — Vakurovskii-I; 50 — Vakurovskii-II; 51 — st. Dosang; 52 — Lebedinyi; 53 — Myl’nikov; 54 — Novorychanskoe; 55 — Kan-tiube; 56, 57 — Moshai; 58 — Alauchuk; 59 — Barskii; 60 — Kasypak-Tobe; 61 — Nachalovskii-I; 62 — Nachalovskii-II; 63 — Baranii; 64 — Artel’nyi; 65 — Malyi Cheka; 66 — Bol’shoi Cheka; 67 — Krasnyi; 68 — Peschanyi; 69 — Kamyshin; 70 — Boldinskii; 71 — Chernyi; 72 — Sadovyi; 73 — Khlebnyi; 74 — Sedoi; 75 — Tatarskaia Bashmakovka-I; 76 — Tatarskaia Bashmakovka-II; 77 — Kirpichnyi-II; 78 — Zolotoi; 79 — Kazlar-Tobe; 80 — Timoshkin; 81 — Chertovo; 82 — Bol’shoi Chernyi; 83 — Malyi Chernyi; 84 — Krasnyi; 85 — Il’inka; 86 — Bol’shoi Tolchin; 87 — Malyi Khadzhi; 88 — Shantemir; 89 — Bol’shoi Khodzhi; 90 — Petukhov; 91 — Gabbas tiube; 92 — Dolgii; 93 — Ismail tiube; 94 — Bol’shoi Morskoi; 95 — Popok; 96 — Fedorovskii; 97 — Khmelevinskii-I; 98 — Khmelevinskii-II; 99 — Chulpanskii; 100 — Samosdel’skoe; 101 — Kochkarinskii; 102 — Bol’shoi Dolgii; 103 — Turnak-tiube; 104 — Kasypak-Tobe; 105 — Kara-Tobe; 106 — Ialan-Tobe; 107 — Zhulan-Tobe; 108 — Azhanai; 109 — Kiuzene; 110 — Promyslovyi; 111 — Bos-Tobe; 112 — Kots-Tobe; 113 — Dzhidale; 114 — Troitskii; 115 — Hajitarkhan (Sharenyi bugor).

ясь в небольшой населенный пункт. С приходом монголов он, несомненно, использовался как один из опорных пунктов в дельте Волги, о чем свидетельствуют нумизматические находки, но очень недолго (Васильев и др. 2003: 119; Гончаров 2011: 146—150). В начале XIV в. происходит быстрое повышение уровня Каспийского моря (до –25 м АВ), в результате чего городище оказалось в затопляемой зоне. Часть его населения переселилась на противоположный правый, более высокий (–23 м АВ), берег Волги (Васильев и др. 2003: 119). Среди письменных источников интерес представляет свидетельство о Саксине у автора XV в. Абд ар-Рашид ал-Бакуви: «Саксин... большой, многолюдный город в стране ал-Хазар... Сейчас вода затопила город, и от него не осталось и следа» (Абд ар-Рашид ал-Бакуви 1971: 107). Из вышеизложенного мы можем предположить, что в формировании административно-территориальной структуры области Сарай, проходившей в первых десятилетиях XIV в., Самосдельское городище (город Саксин) участие не принимало, превратившись к этому времени, в результате природных катаклизмов, в небольшое поселение, вошедшее в округу городища Мошаик (Суммеркент).

Городище Мошаик

Находится в Приволжском районе Астраханской области, на восточной окраине города Астрахани, на территории поселков Мошаик, Войково, Садовый. Оно расположено на правом берегу реки Прямая Болда, являющейся одним из основных волжских рукавов. Площадь городища около 250 га. Следов оборонительных сооружений не фиксируется. Значительная часть городища, особенно наиболее высокая его часть, расположенная

на бугре, застроена. Остальная часть территории подверглась достаточно серьезному современному хозяйственному освоению: выборка грунта, нивелировка, распахка, садоводство и т.д. Мощность культурного слоя на некоторых участках памятника достигает 2,5 м.

В 1978 г. Е.В. Шнайдштейн были проведены первые археологические исследования памятника. На раскопе площадью 37 м² были обнаружены хозяйственные ямы и остатки жилого сооружения из сырцового кирпича с подполом и системой отопления. В стене подполья, между сырцовыми кирпичами, найдена монета 1310 года (Шнайдштейн 1979: 7—13). Исследователем отмечены прослойки чистого речного песка без находок, разделяющие строительные горизонты и связываемые с крупными паводковыми подтоплениями территории. Кроме того, была собрана коллекция керамического материала, включающая в себя обломки как гончарных, так и лепных сосудов. В это же время были обследованы первые разрушаемые погребения, которые были обнаружены на бэровском бугре «Татарский», расположенном на окраине поселка Мошаик (Пантелеев 2010: 92). Последующие работы на городище проводились в 1999 г. Д.В. Рябичкиным (Рябичкин 1999), в 2012 г. С.А. Пантелеевым (Пантелеев 2012), а в 2011—2012 гг. А.Г. Ситдиковым (Ситдиков 2014).

С.А. Пантелеевым были обработаны и проанализированы погребения с могильника, относящегося к городищу, обнаруженные в разные годы. По мнению исследователя, на могильнике выделяются ранние болгарские погребения, датируемые серединой IX — X вв.; погребение, относящееся к печенего-огузскому кругу X—XI вв.; мусульманские погребения X—XI вв. и XIII—XIV вв. (Пантелеев 2010: 105).

Изучение керамического комплекса памятника показало присутствие в его культурных слоях золотоордынской красноглиняной гончарной керамики с линейно-волнистым орнаментом и большого процента керамики лепной, с неровным костровым обжигом, украшенной прочерченными по сырой глине растительными и геометрическими узорами. Подобного рода керамика известна на Самосдельском городище (Попов 2008: 207).

По мнению исследователей, городище возникает на рубеже XI—XII вв. (Ситдииков 2013: 158). Местоположение городища Мошаик в самой узкой части волжской дельты позволяет предположить, что оно обслуживало волжскую переправу. Д. В. Васильев считает, что городище Мошаик является наиболее вероятным претендентом на то, чтобы локализовать на нем город Суммеркент (Васильев 2016: 153). Комплекс монет, собранных в окрестностях Мошаика, укладывается в хронологические границы от начала XIV в. до 20-х гг. XV в. (Гречкина 2013: 98). На наш взгляд, в период экономического развития Улуса Джучи, для усиления управленческой структуры домена и контроля над водными торговыми магистралями, возникла необходимость в организации еще одного административного центра. Для достижения этих целей старое домонгольское поселение превратилось в новый административно-территориальный центр, под возможным названием Суммеркент. О его экономической стабильности свидетельствует и то, что за сто лет своего существования он имел устойчивое денежное обращение, представленное надежной цепочкой типов монет, последовательно сменявших друг друга в денежном деле Золотой Орды (Гречкина 2013: 99).

В результате повышения уровня Каспийского моря (до –25 м АБ) в середине XIII — начале XIV вв., когда большая часть области Саксин была затоплена, город Саксин утратил свое административное и экономическое значение, удобное месторасположение городища Мошаик (высота над уровнем моря: –23 м АБ) сделало его единственным крупным населенным пунктом в низовьях Волги, способным стать административным центром микрорегиона. Городище расположено на вершине волжской дельты, в самой узкой ее части, на правом берегу реки Прямая Болда. Два крупных волжских рукава, реки Бахтемир (с запада) и Бузан (с востока), образуют центральную часть дельты. По нашему мнению, именно эти две реки и образовали гра-

ницы «Мошаикского улуса» (рис. 2; 5), состоящего из регионального города (возможно, город Суммеркент) и сельских поселений, составляющих его округу (Пигарёв 2017б: 283—290).

К настоящему времени известен ряд объектов золотоордынской эпохи, которые условно можно отнести к округе городища Мошаик (Пигарёв 2015: 181—196). **Поселения:** Алаучук, Барский, Началовский-I, Малый Чека, Большой Чека, Красный, Песчаный, Камышин, Болдинский, Черный, Хлебный, Седой, Татарская Башмаковка-I, Татарская Башмаковка-II, Кирпичный-II, Золотой, Казлар-Тобе, Тимошкин, Тумак-тюбе, Большой Толчин, Малый Хаджи, Долгий, Исмаил тюбе, Попок, Самосдельское, Кочкаринский. **Могильники:** Кан-тюбе, Мошаик, Касыпак-Тобе, Началовский-II, Бараний, Артельный, Песчаный, Садовый, Казлар-Тобе, Большой Долгий, Кара-Тобе, Ялан-Тобе, Жулан-Тобе, Ажанай, Кюзене, Промысловый, Бос-Тобе, Коц-Тобе, Джидале, Троицкий, Большой Хаджи, Петухов, Габбастюбе, Большой Морской, Попок, Федоровский, Хмелевинский-I, Хмелевинский-II, Чулпанский, Большой Долгий.

Примечательно, что позднее Мошаикский улус стал центром Астраханского царства в составе России. Именно на его территорию в 1558 году был перенесен город Астрахань (Штылько 1897: 3). О границах Мошаикского улуса и его статусе интересные сведения дает нам переписка царя Ивана Грозного с мирзой Измаилом. В 1562 году ногайский мирза Измаил просил царя Ивана Васильевича разрешения на кочевку по реке Бузан, на что получил ответ: «...а о Бузана есмь сыскивали. Ино сказывают, *изстари по Бузан был рубеж Астраханский при прежних царях* (выделено мной — Е. П.) ...И ты б своей стороны по Бузану людям своим велел кочевати, а то за Бузан бы не перелазили...» (Хлебников 1907: 69).

Второй — четвертый периоды

Город Сарай (Старый Сарай)

Местонахождение первой столицы Золотой Орды до сих пор остается неясным. Не одно десятилетие ведутся споры по этому вопросу. К концу XX столетия в науке утвердилось мнение, что в золотоордынском государстве существовало две столицы: Сарай — первая столица, построенная Багу-ханом, и Новый Сарай, строительство которого началось при хане Узбеке. При этом ранний

Сарай отождествляется с Селитренным городищем, расположенным на территории Астраханской области, а Новый Сарай — с Царевским городищем Волгоградской области (Фёдоров-Давыдов 1973: 75). Подробная историография этого вопроса представлена в трудах Г. А. Фёдорова-Давыдова, поэтому в данной работе останавливаться на ней мы не будем (Фёдоров-Давыдов 1994: 20—24).

На рубеже XX—XXI веков, после выхода статьи И. В. Евстратова, научная дискуссия о золотоордынских столицах получила продолжение (Евстратов 1997: 88—103). Ряд исследователей стал придерживаться мнения о единстве Сарая и Сарая ал-Джедид, помещая их на Селитренное городище, а Царевское городище отождествляя с городом Гюлистан (Варваровский 2000: 251—265; Гончаров 2000: 345—349; 2003: 310; Рудаков 1999: 97—100; 2000: 310—315). И. В. Волков, изучая картографический материал и данные письменных источников, поддерживает мнение о двух столицных городах (Волков 2000: 328, 333; 2005: 323—333; 2006: 119—120; 2011: 145—151). Кроме обозначенных выше, появилась и другая версия решения этого вопроса.

А. В. Пачкалов, опираясь на нумизматический материал, полученный в ходе исследований средневекового городского некрополя «Маячный бугор», предлагает считать первым Сараем Красноярское городище Астраханской области (Пачкалов 2002: 177; 2007; 2010: 332—340). Его версию поддержал Д. В. Васильев (Васильев 2009: 165—176; 2009а: 436—445; 2011: 64—72). И. В. Волков, проанализировав «Путешествие» Г. Рубрика, указал на несоответствие приводимых там описаний Красноярскому городищу (Волков 2011: 148). Исследователи, предложившие отождествлять Красноярское городище с ранним Сараем, аргументировали это находками в погребениях могильника «Маячный бугор» некоторого количества золотоордынских монет конца XIII века (Пачкалов, Скисов 2009: 75—76). Однако монета, находящаяся в погребении, не может приниматься как узко датирующий источник. Г. А. Фёдоров-Давыдов отмечал: «Клады серебряных монет показывают длительное сохранение в обращении дирхемов. Мало изменяемый по весу и пробе серебряный дирхем удерживался в обращении не одно десятилетие» (Фёдоров-Давыдов 2003: 40). Кроме того, Ключаревская летопись, составленная ключарем Астраханского кафедрального собора Кириллом Васильевым, сообщает нам иное название населенного пункта, известно-

Рис. 3. Дельта р. Волга в середине XIII — начале XIV вв. (a — зимняя ставка кочевой орды; b — города, основанные до монголов; c — города, основанные монголами).

Fig. 3. The Delta of the Volga river in the middle of the 13th — beginning of 14th centuries (a — winter rate of the nomadic horde; b — towns founded before Mongols; c — towns founded by the Mongols).

го в начале XVII в. (Ключаревская летопись 1887: 13).

Существует еще одна точка зрения на месторасположение первой золотоордынской столицы в районе современного Аксарайска Астраханской области, которую аргументированно предложил И. В. Волков (Волков 2011: 149—150) и которую поддерживает автор данной работы. В 1957 г. во время работ Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством В. Д. Белецкого на левом берегу р. Ахтуба напротив села Сеитовка Красноярского района Астраханской области были обнаружены средневековые поселения и курганный могильник (Белецкий 1957). Астраханский археолог В. А. Филипченко также говорит об остатках поселения Аксарай и находках золотоордынской керамики и монет в пределах с. Сеитовка (Филипченко 1958: 247). Упоминает об этом поселении и Г. А. Фёдоров-Давыдов (Фёдоров-Давыдов 1994: 36). Топонимика этой территории приводит нам следую-

щие названия: местность Аксарайск и ерик Ай-Сарал. Интересна географическая характеристика этой местности. Здесь р. Ахтуба, сворачивая на восток, делает петлю, ограниченную с севера и востока ериком Ай-Сарал, в результате чего образуется остров площадью до 5 км². Природное удобство этой территории позволяло устроить здесь зимник кочевой орды, который, видимо, и являлся прототипом раннего Сарая. Примечательно, что в XVIII—XIX вв. эта местность также являлась зимником для кундровских татар (Списки... 1861: 81; Труды... 1877: 98—100). За последние тридцать лет на этой территории произошли серьезные изменения в связи со строительством здесь Астраханского газодобывающего и перерабатывающего комплекса и жилого поселка «Молодежный». Большая часть археологических объектов была или уничтожена в ходе промышленного освоения, или заболочена из-за изменения гидрорежима территории.

До нас дошло описание орды хана Узбека Ибн-Баттутой: «Подошла ставка, которую они называют урду... и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю ...Таким же образом они устраивают мечети и лавки... подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» (Тизенгаузен 1884: 289). Подобным же образом описывает ставку и Г. Рубрук: «Итак, когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственноручно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье. И как в Израильском народе, каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома с повозок. Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так как он всегда находится по середине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо перед двором или напротив двора» (Путешествия... 1957: 119).

Вероятно, что ордынская ставка была растянута на несколько километров вдоль берега Ахтубы. В южной ее части, между Ахтубой и ериком Ай-Сарал, располагались шатры ханской семьи и кочевой аристократии, к северу по речному берегу вытягивались жи-

лица рядовых ордынцев. Возможный перевод названия «Ай-Сарал» может звучать как «Лунный дворец». О почитании луны сообщает Плано Карпини: «Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся» (Путешествия... 1957: 31). В монгольской имперской символике полумесяц (луна) представлен на знамени Чингизхана, на пайцзах, в декоре костюмов золотоордынской аристократии (Юрченко 2012: 143—165). З. В. Доде, изучая эмблемы на костюмах монгольской кочевой элиты, приходит к выводу, что в монгольской системе координат луна символизировала мужское начало и являлась символом императора (Доде 2012: 255—268). Арабский писатель ал-Омари приводит описание этого города: «Столица тамошнего царя — Сарай. Это небольшой город между песками и рекой. Пребывающий там теперь султан его, Узбек, построил в нем медресе для науки... Место пребывания царя там большой дворец, на вершине которого находится золотое новолуние. В этом дворце их зимние помещения» (Тизенгаузен 1884: 229, 241). Из представленных выше текстов можно сделать заключение, что луна (полумесяц) являлась имперским знаком Чингизидов, что и нашло отражение в местной топонимике. Это также может служить доказательством высокого социального статуса рассматриваемой нами территории. За пределами ханской ставки, в северной части общего зимовища, стали появляться первые стационарные жилые и ремесленно-торговые постройки Сарая. Одним из косвенных свидетельств нахождения на этой территории Сарая времен хана Бату может служить описание, оставленное Рубруком: «Затем я пустился в путь к Сараю..., направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава... Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах. При среднем рукаве находится город по имени Суммеркент...» (Путешествия... 1957: 185—186). Д. В. Васильев рассматривает движение Рубрука от Красноярского городища, который считается им как старый Сарай (Васильев 2011: 66—67). Необходимо отметить, что если проложить маршрут Рубрука из Сарая, расположенного в аксарайской зоне, в сторону Суммеркента (Мошаика) и далее к волжской переправе, то получается такое же расстояние и время перехода, как и указывается в источнике. При этом движении также осу-

ществляется переправа через три больших реки — Ахтубу, Бузан и собственно Волгу (Итиль).

Впервые об Аксарайском городище сообщается в донесении царского посланника к ногаям Елизара Мальцова в 1558 г. Продвигаясь вдоль Ахтубы из Астрахани на север, Мальцов отметил «Аксарай Узюбека царя», не доходя до «Больших Сарай» («и шел до Аксарая до Алтынкешени»). Местность «Аксарав» фиксируется и в источниках XVIII в. Через этот пункт проходила дорога из Москвы на Астрахань (Васильев 2013а: 17—18). Остатки древнего города отмечены в 1770 г. академиком И. П. Фальком: «Лебяжинский городок (совр. город Нариманов), или станция..., а на реке лежит остров называемый Лебяжинским острогом. Насупротив видны развалины, фундаменты и кучи щебня татарского города на левом берегу Ахтубы, впадающей здесь в Бузан, восточный рукав Волги, где внизу стоит Красноярск...» (Фальк 1824: 143—144). П. Х. Хлебников, описывая историю города Астрахань, указывает, что кирпич для строительства в ней каменной крепости привозили из «ближних и дальних Сараев», где Сарай ближние в 80 верстах от Астрахани, Сарай дальние в 100 верстах (Хлебников 1907: 126, 154).

В местности, подходящей под описание «Сарай ближние», в настоящее время находятся остатки золотоордынского города, получившего в научной литературе название «Ахтубинское городище». Одним из первых это городище с городом Сарай связал П. С. Рыков (Рыков 1929: 6—7).

Городище Ахтубинское расположено на левом берегу Ахтубы у пос. Комсомольский, имеет длину с юга на север около 3 км, ширину около 1 км. В настоящее время памятник практически полностью застроен современным пос. Комсомольский, часть его уничтожена при строительстве железной и автодороги. В 1904 г. здесь были начаты работы по строительству Астраханской железной дороги на участке Астрахань — Сеитовка, полотно которой задевало часть городища. Городище было осмотрено С. Краснодубровским: «От мулл соседних татарских деревень я узнал, что городище находится на левом берегу Ахтубы, что на месте его когда-то стоял священный город Ак-Сарай, а на юг от городища находятся могилы святых... Городище, насколько оно обнаружено размывами Ахтубы, приводит к неопровержимому заключению, что на месте его был не мальй поселок, не деревня, а город, и город очень большой...» (Краснодубровский 1904: 3).

В 1926 г. на северной окраине городища П. С. Рыковым было вскрыто несколько погребений (Рыков 1929: 26). Современные исследования городища проводились В. В. Плаховым (Плахов 1986; 1987; 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; 1993; 1994), В. В. Дворниченко (Дворниченко 1990; 1991; 1992), Ю. А. Зеленевым (Зеленеев 2003). В ходе этих работ был исследован ряд монументальных объектов золотоордынской архитектуры (Плахов 1986; 2007: 132—136; 2008: 125—140; Павленко 1997: 35; Зиливинская 2010: 108—109) и городской некрополь (Плахов, Сумин 1996: 108; Павленко, Сумин 1997: 36; Пигарёв 2008: 505). Здесь же были исследованы полуземлянки и дом, относящиеся к концу XIV в. (Плахов 1995: 233—234; Пигарёв 1998: 45—46). В 3 км к юго-востоку от городища был обнаружен еще один могильник (Пигарёв 1995: 233). Нумизматический материал, обнаруженный в ходе раскопок, представлен медными монетами правления ханов Джанибека и Тохтамышша, чеканенных на монетных дворах Сарай ал-Джедид, Орда, Орда ал-Муаззам (Плахов 2007: 134; 2008: 132, 136). Подробно материал раскопок еще не опубликован.

И. В. Волков считает, что на памятнике «присутствует слой XIII в., по крайней мере до 80-х гг., а затем жизнь исчезает вплоть до конца XIV в.» (Волков 2003: 127). А. В. Пачкалов предполагает, что на городище располагался город Ак-Сарай или верховная ставка Тохтамышша Орда ал-Муаззам (Пачкалов 2007: 185—189).

На наш взгляд, Ахтубинское городище является остатками первой золотоордынской столицы города Сарай (Сарай ал-Махруса). Развиваясь из зимней ставки Орды со второй половины XIII века, он превратился в крупный населенный пункт к концу правления хана Узбека. На протяжении большей части XIV в. этот город играл вторичную роль в сравнении с новой золотоордынской столицей Сараем ал-Джедид, являясь, видимо, основным местом зимовки ханской орды. В ярлыке хана Джанибека венецианцам он назван «Отцовским Сараем» (Волков 2011: 149—150). Во время великой замятни Сарай и кочевая ставка становились опорным пунктом для некоторых ханов, например, для Абдуллаха и Мухаммед-Булака (Фёдоров-Давыдов 1973: 147). В период борьбы хана Тохтамышша за власть в Улусе Сарай становится его верховной ставкой, о чем свидетельствуют чеканенные здесь монеты: монетные дворы — «Орда», «Орда ал-Муаззам», «Орда ал-Джедид», «Сарай»,

«Сарай ал-Махруса» (Фёдоров-Давыдов 2003: 195—197). С захватом Тохтамышем Нового Сарая начинается чеканка монет с его именем и на монетном дворе Сарая ал-Джедид.

Город Хаджи-Тархан (городище Шареный бугор)

Городище «Шареный бугор» находится на правом берегу р. Волги выше по течению современного города Астрахань и занимает площадь более 300 га. Западная, северная и южная стороны города представлены многочисленными усадьбами, расположенными на бэровских буграх, растянувшихся на многие километры. Центральная его часть полностью разрушена течением Волги. Точная площадь города не установлена. Среди ученых не вызывает сомнений то, что именно здесь в золотоордынскую эпоху располагался один из крупнейших городских центров Нижнего Поволжья город Хаджи-Тархан. История его изучения насчитывает несколько десятилетий и достаточно подробно изложена в научной литературе (Гузейров 2004: 5—16; Недашковский 2010: 123—155). В основном исследование городища проходило в виде научных экскурсий, в ходе которых производился сбор археологических предметов и описание увиденного. Непосредственно археологические раскопки на памятнике проводились редко и нерегулярно. В 1893 году археологическим исследованием городища Шареный бугор занимался член Императорской археологической комиссии А. А. Спицын (Спицын 1893: 77—94). В 1913 году раскопки на городище проводились шведским археологом Т. Д. Арнэ (Образцов 1925: 2—26). В 1966 г. экспедицией под руководством А. М. Мандельштама и В. И. Филипченко был исследован один из бугров, находящийся в центральной части городища (Мандельштам 1966; Шилов 1966: 88—89). На сохранившейся южной окраине бугра был заложен раскоп 110×104 м. В ходе работ были обнаружены землянки, многочисленные ямы (мусорные, выгребные, очажные), две крупные печи для обжига керамики. В 1984 г. раскопки на окраине городища проводились археологическим отрядом Астраханского музея-заповедника под руководством В. В. Плахова (Плахов 1984). Их результатом было обнаружение комплекса усадьбы с четырьмя землянками. Кроме того, археологическим разведкам была подвергнута площадь вокруг средневекового города (Гузейров 2004: 5—6). В ходе этих работ были обнаружены десятки поселений, могильни-

ков и местонахождений материала, относящиеся к золотоордынскому времени.

Точное время основания города неизвестно, однако можно предположить, что в конце XIII в. он уже существовал. Из письменных источников известно, что ставка Бату кочевала вдоль Волги от Сарая до Болгары. Весной 1245 г. Карпини застал ее в низовьях Волги (Путешествия... 1957: 70—71). Рубрук засвидетельствовал местонахождение ханской ставки дважды: в августе 1253 г. в районе Волжской Болгарии и зимой в низовьях Волги у Сарая. Кроме того, он же указывает, что «Вблизи этих мест пребывают, около Рождества Христова, Бату с одной стороны реки, а Сартах с другой, и далее не спускаются... по поручению Сартаха, он строил большую церковь на западном берегу реки и новый поселок ...Сарай и дворец Бату находятся на восточном берегу; долина, по которой разливаются упомянутые рукава реки, имеет более 7 лье в ширину...» (Путешествия... 1957: 118—119, 185). Если принять во внимание, что Сарай находился на левобережье Ахтубы (см. выше), то возможно, что поселок Сартака и явился основой для будущего города Хаджи-Тархана. Такое предположение было высказано и другими исследователями (Васильев 2012: 229; Зиливинская, Васильев 2016: 646).

Интересное описание Хаджи-Тархана оставлено Ибн-Батуттой: «...мы отправились в путь с султаном и со ставкою прибыли к городу Хаджитархану. Тархан значит у них место, изъятое от податей. Город этот получил название от тюркского “хаджи” (паломника), одного из благочестивцев, поселившихся на этом месте. Султан отдал ему это место беспопытно и оно стало деревней; потом оно увеличилось и сделалось городом. Это один из лучших городов, с большими базарами, построенный на реке Итиль» (Тизенгаузен 1884: 301). Сообщение Ибн-Батутты некоторым образом переключается с описанием Рубрука: и в одном и в другом случае говорится о небольшом поселке (деревне) и о религиозной основе строительства.

По всей видимости, на протяжении конца XIII — середины XIV в. основной функцией города являлся контроль над волжской торговой магистралью, он стал крупным узлом транзитной торговли на пути Восток — Запад. Кроме этого, он являлся административным центром «микрорегиона», в округу которого входили поселения, расположенные на правом берегу р. Волга (Пигарёв 2015: 181—196). Восточной границей его округа, без всяких сомнений, являлась Волга. И сам город, и по-

селения, связанные с ним административными и экономическими нитями, располагались на её правом берегу. Северную и западную границы определить сложнее по причине слабой изученности территории; пока условно её можно провести по известным нам памятникам. Южная граница этой округи образуется в месте разделения волжского русла на рукава (условно у современного пос. Ильинка): Старая Волга, Кизань, Бахтемир. Таким образом, микрорегион «Хаджи-Тархан» состоит из следующих известных нам памятников (рис. 2; 5). **Поселения:** Тинаки-1, Становский, Большой Джулер, Бердин, Камынкуль, комплекс усадеб «Городок», комплекс усадеб «Кизелькуль», комплекс усадеб «Саргуль», комплекс усадеб «Водяной», комплекс усадеб «Турганши», комплекс усадеб «Долгий», комплекс усадеб «Джанак-Куль», комплекс усадеб «Усадебный», комплекс усадеб «Малый», комплекс усадеб «Куга», комплекс усадеб «Средний», комплекс усадеб «Майле-Куль», комплекс усадеб «Бактубе», комплекс усадеб «Ильку-Тюбе», комплекс усадеб «Карантинный», комплекс усадеб «Тинаки», комплекс усадеб «Кара-Тобе», Петропавловка, Рассвет, Ильмень, Николаевка, 34-й км, Ильинка, Шантемир, Верхне-Лебяжье 1, Чертово. **Могильники:** Приволжский, Петропавловка, Большой Черный, Малый Черный.

Во время «великой замятни» ситуация на Нижней Волге резко изменилась. Расположение Хаджи-Тархана на правом берегу Волги, определенная обособленность от Сарая, экономический потенциал, основанный на торговом транзите, значительно повысили статус города. В конце 60-х гг. XIV в. им владел Хаджи-Черкес. С 1374—1375 гг. начинается регулярная чеканка серебряной монеты и медных пулов на местном монетном дворе, продолжающаяся до середины XV в. (Зайцев 2004: 17, 28; Гончаров 1997: 177—188), а Хаджи-Тархан становится «городом власти» (Пигарёв 2017: 221). Впоследствии город неоднократно переходил из рук в руки многочисленных ханов-Чингизидов, пока в конце XV в. не стал столицей Астраханского ханства (Зайцев 2004: 35).

Красноярское городище

Красноярское (Монгольское) городище находится в с. Красный Яр, на слиянии р. Бузан и Маячная. Памятник был известен уже во второй половине XVIII в. (Каганов 1907: 241; Полное собрание... 1824: 143). Так, в Трудах Астраханского губернского статистического комитета в разделе «Описание

населенных местностей Красноярского уезда за 1875 г.», сообщается о многочисленных «могильных холмах» в окрестностях Красного Яра (Труды... 1877: 97—112). В это же время появились сведения о случайных находках археологических предметов в Красном Яру (Астраханские... 1857: 3). До середины XX в. памятник оставался вне поля зрения археологов. В 1957 г. городище было осмотрено экспедицией Государственного Эрмитажа (Белецкий 1957: 34). Упоминание о населенном пункте у современного Красного Яра дает нам Ключаревская летопись, составленная ключарем Астраханского кафедрального собора Кириллом Васильевым. Описывая события, связанные с пребыванием в Астрахани атамана Ивана Заруцкого и Марины Мнишек (1614 г.), он сообщает следующее: «Во время зимы в январе месяце, под предводительством того же Мамбеева и прочих, татары тронулись к северу к Кизилу — Красному бугру (ныне город Красный Яр: кизиль — по-татарски красный), где приуготовлена была у них для защиты земляная крепость. Воевода Голицын, не теряя времени, поспешил вслед за ними со своим войском и, нагнав их на самом Красном бугре, приказал сделать нападение на означенную крепость» (Ключаревская летопись 1887: 13).

Археологическое изучение Красного Яра началось в конце 1980-х — начале 1990-х гг. П. В. Казаковым (Казаков 1988; 1989), Е. В. Шнайдштейн (Шнайдштейн 1990), С. Б. Артемьевым (Артемьев 1991). Исследования 1989—1990 гг. проводились к северо-востоку от пересечения улиц Ворошилова и Советская, к востоку от консервного завода (Казаков, Пигарёв 1998: 72—83; Пигарёв 2017а: 713—716). Исследуемая территория во многих местах нарушена хозяйственной деятельностью XVIII—XX вв. Общая площадь раскопов составила около 300 м². В ходе работ было обнаружено и исследовано более 20 хозяйственных ям различного назначения, остатки 4 жилых домов, 8 погребений. В 1991 г. обследования проводились в северной части Красноярского бугра (Артемьев 1991). Здесь были выявлены остатки обжигательного горна, глиняные трубы со следами глазури, печной припас и обломки красноглиняной гончарной керамики. Наличие следов глазури и печного припаса позволяет сделать вывод, что на этом месте находилась мастерская по производству глазурованной керамики. В ходе изучения остеологических материалов городского некрополя — могильника Маячный бугор Е. В. Перерва обратил внимание на наличие дефектов

на зубах женщин, костные останки которых были обнаружены на могильнике. Исследователем высказано мнение, что зафиксированные дефекты на зубах могли возникнуть в процессе выделывания снастей для рыбной ловли либо в результате перекусывания, перетиранья или держания нитей при изготовлении тканей, ткацких изделий или шерстяных нитей при прядении (Перерва 2012: 85). Находки, связанные с сельским хозяйством: жернова, фрагменты дигирных сосудов, серпы, зерна проса, дынь, арбузов, винограда — говорят о развитом ирригационном земледелии. О важном месте рыболовства в хозяйстве жителей свидетельствуют многочисленные костные останки рыб осетровых и частиковых пород, находки железных рыболовных крючков и сетевых грузил. Во время исследований 1989—1990 гг. было найдено 18 медных и 3 серебряные монеты. Все монеты золотоордынской чеканки. Из них самая ранняя монета с тамгой дома Джучи относится к концу XIII в. Основная масса монет приходится на 20—30-е гг. XIV в., т.е. на время правления хана Узбека. Самая поздняя монета чеканена в 791 г.х. (1390—1391 гг.).

В процессе археологических разведок, которые проводились П.В. Казаковым в 1988 г., на бэровских буграх в окрестностях Красноярского городища обнаружены многочисленные грунтовые могильники эпохи средневековья (Казаков 1988). Им были введены в научный оборот могильники, расположенные на буграх Маячный, Мечетный-I, Мечетный-II, Вакуровский-I, Вакуровский-II, Соляной, Калмыцкий, Алча, Караульный. Им же в 1989 г. были проведены первые раскопки могильника Маячный бугор (Казаков 1989). В 1990—1996 гг. раскопки могильника проводились под руководством В.А. Никонова (Никонов 1990), С.А. Котенькова (Котеньков 1990; 1991; 1992; 1993; 1994; 1996), С.И. Четверикова (Четвериков 1991), А.Д. Юрьева (Юрьев 1996), В.И. Гордеева (Гордеев 2007; Пигарёв 2012; 2013), Д.В. Васильева (Васильев 2013б). В общей сложности было изучено свыше 700 средневековых погребений. В это же время проводятся исследования и других могильников, входящих в Красноярский «округ» (Никонов 1991). Особое внимание было направлено на могильник Вакуровский-I (Котеньков 1991а; Васильев 1992; Кутуков 2004; Кутуков и др. 2011: 101; Перерва и др. 2010), где было раскопано свыше 130 средневековых погребений. По данным антропологов, население, которому принадлежали погребенные в мо-

гильниках Маячный и Вакуровский, характеризуется как оседлое (Перерва 2012: 11), с низким процентом травмированности, что говорит о неагрессивности, т.е. мирном образе жизни (Балабанова, Перерва 2013: 76). Исследователями отмечается особенность этих могильников: краниологические серии мужчин и женщин отличны от других нижевожских групп (Перерва 2012а: 6). Население было более смешанным, чем население других нижевожских золотоордынских городов (Перерва и др. 2010: 145), и наибольшее сходство имело со среднеазиатскими и северокавказскими группами (Перерва 2012а: 6) с присутствием центральноазиатского и южносибирского монголоидного компонента (Балабанова, Перерва 2013: 79).

Традиционно все могильники, находящиеся на этой территории, относят к Красноярскому городищу. Вопрос о времени функционирования могильников и их взаимосвязи с Красноярским городищем уже рассматривался нами (Зеленев и др. 2003: 295; Пигарёв 2013а: 428—433; 2015: 272—276; 2016: 162—179; 2016а: 88—99; 2016б: 45—48). На основании анализа природных условий и результатов археологических исследований выделяются два основных этапа развития Красноярского городища с принципиальными изменениями планировки города и его связей с могильниками. 1 этап: конец XIII в. — 1320-е годы. Образование города. Город функционирует на острове, образованном реками Ахтуба, Караульная и Маячная. 2 этап: 1320-е — 1390-е годы. Перенос (расширение) городской застройки на правый берег р. Маячная. Город функционирует на острове, образованном реками Бузан, Маячная и Прорва.

Городище располагается в стратегически важном месте — в точке разделения главных протоков Волги (рек Ахтуба и Бузан), там, где была возможность осуществлять контроль за водной магистралью, соединяющей Верхнюю и Среднюю Волгу с Каспийским морем. Кроме того, именно здесь полупустыня и степь с востока подходят к вершине дельты, где была возможна переправа через Волго-Ахтубинскую пойму, что позволяло контролировать и сухопутную торговую магистраль, представляющую собой северную ветку Великого Шелкового пути (Пигарёв 2016в: 195—199).

В последние годы вновь активизировалась дискуссия по вопросу о двух золотоордынских столицах — Старом и Новом Сараях. А.В. Пачкаловым была высказана гипотеза

теза о локализации первой столицы Золотой Орды — города Сарая — на месте Красноярского городища (Пачкалов 2002: 177; 2010: 339). В своих работах исследователь опирается на нумизматический материал XIII в., не принимая во внимание то, что все ранние монетные находки были сделаны в погребениях могильника Маячный, находящегося на левом берегу р. Маячная (Пигарёв 2000: 285). А городские остатки, раскопанные в 1989—1991 гг., находятся на правом берегу этой реки под современным поселком Красный Яр, и в них ранние монетные комплексы не зафиксированы (Казаков, Пигарёв 1998: 82; Пигарёв и др. 2005: 148—149). Если бы под современным селом находились городские слои XIII в., то в сборах населения и случайных находках ранние монеты должны были бы встречаться в достаточном количестве.

На наш взгляд, логичнее было бы предложить название города, которое указывается в Ключаревской летописи, — Кизиль (Ключаревская летопись 1887: 13). В процессе освоения нижневолжских земель, после присоединения Астраханского ханства к Русскому государству, русские неоднократно использовали старые (традиционные) названия населенных пунктов, транскрибируя или переводя их: Хаджи-Тархан — Астрахань, Сарай — Аксарайск, Бельджамен — Дубовка (Егоров 2009: 109; Пигарёв 2013: 431). То же, видимо, произошло и с названием рассматриваемого нами населенного пункта: Кизиль — Кызыльяр — Красный Яр.

Как уже говорилось выше, Красноярское городище расположено на вершине волжской дельты, которая состоит из нескольких крупных водотоков (рек), разветвляющихся при своем движении к Каспийскому морю на многочисленные протоки и ерики (Атлас... 1997: 4). Два крупных волжских рукава, реки Бузан и Кигач, образуют восточную часть дельты. По нашему мнению, именно эти две реки и образуют границы «Красноярского улуса» (рис. 2; 5). В настоящее время нам известен ряд объектов золотоордынской эпохи, которые условно мы можем отнести к округе Красноярского городища: **поселения** — Альча, Альча-II, Барановка, Барановка-II, Вагажное-I, Мыльников, Новорычанское, Орлиное гнездо, Новоурусовка, Бузан, Алайский, **могильники** — Калмыцкий, Мечетный-I, Мечетный-II, Маячный-I, Маячный-II, Вакуровский-I, Вакуровский-II, Лебединь, Барановка-I, Барановка-II, Барановка-III (Пигарёв 2016: 162—179; Ситдииков 2013: 94—117).

Пятый период

Ханский некрополь у села Лапас

Важным археологическим объектом, связывающим в единое пространство область (вилайет) Сарай — кочевую ставку и обе золотоордынские столицы, Сарай (Сарай ал-Махруса) и Сарай ал-Джедид, является ханский некрополь у села Лапас Харабалинского района Астраханской области (рис. 4; 5). Памятник находится приблизительно посередине между населенными пунктами Селитренное (Сарай ал-Джедид) и Аксарайск (Сарай, Сарай ал-Махруса).

На итальянской карте братьев Пицигани 1367 года, в части, относящейся к территории Нижнего Поволжья, отмечен пункт с латинской надписью «Гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» (Чекалин 1889: рис. 17). Плано Карпини пишет: «В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое — то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдет, то его хватают, обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям» (Путешествия... 1957: 33). Об этом же некрополе имеются сведения в «Книге путешествия» турецкого дипломата Эвлии Челеби, посетившего Нижнее Поволжье в 1665—1666 гг. Им приводятся следующие сведения.

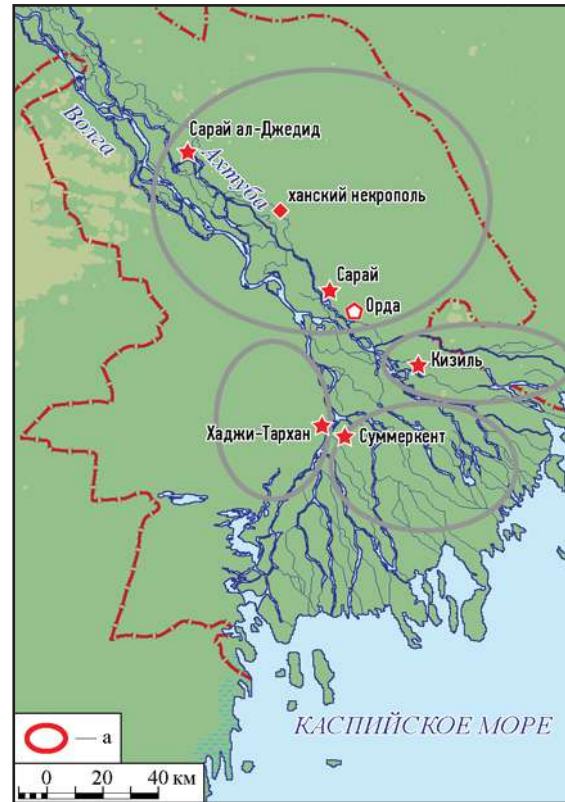
Из раздела «По поводу нашего подъема вверх по реке Волге»: «Затем, после Астрахани, на расстоянии дневного перехода по берегу Волги находится стоянка Бештепе — пять высоких гор правильной формы. Их верхняя часть — искусственная, это насыпные горы, наподобие трех священных гор, находящихся в Египте в окрестностях Гизы. Каждая из упомянутых пяти гор видна с расстояния трех дневных переходов» (Эвлия Челеби 1979: 134—135).

Из раздела «О причине разрушения города Сарая»: «И на высоком пороге каждой гробницы, на каменных плитах могил, отчетливым почерком написано: возраст и годы жизни обладателя могилы, его добрые дела и прекрасные свойства, перечислено все, чем он в своей жизни владел, что совершил, каким человеком был. То редкостные памят-

Рис. 4. Дельта р. Волга в XIV—XV вв. (a — зимняя ставка кочевой орды; b — ханский некрополь у с. Лапас; c — города XIV—XV вв.).

Рис. 5. Административно-территориальная структура дельтовой части области (вилайета) Сарай в XIV—XV вв. (a — условная граница микрорегиона (юрта, улуса)).

Fig. 4. The Delta of the river Volga in the 14th—15th centuries (a — winter range of the nomadic hordes; b — khans' necropolis near the Lapas village; c — towns of the 14th—15th centuries).

Fig. 5. The administrative-territorial structure of the deltaic part of the region (vilayet) Sarai in the 14th—15th centuries (a — conventional boundary of microregion (yurt, ulus)).

ники удивительного народа» (Эвлия Челеби 1979: 143).

Первое обследование объекта, расположенного у с. Лапас, были проведены в 1915 году группой краеведов во главе с хранителем Астраханского губернского музея М. Новиковым (Пигарёв 2009: 429). В то время обследование представляло собой осмотр и описание археологических объектов.

В научной литературе впервые описание памятника было сделано В.Л. Егоровым, предположившим, что в четырех крупнейших мавзолеях Лапаса погребены четыре хана-мусульманина: Берке (1257—1267), Узбек (1312—1341), Джанибек (1341—1357), Бердибек (1357—1359). Им же высказано предположение, что именно здесь находится место захоронения самого Бату и других золотоордынских ханов, не принявших ислама (Егоров 2009: 117—118). Археологическое изучение памятника началось в 1995 г. ПАЭ ИА РАН под руководством В.В. Дворниченко (Пигарёв 1995; 1997: 21—22; 2009: 428—436). В ходе этих работ было выявлено небольшое

золотоордынское поселение, расположенное на берегу реки Большой Ашулук, в котором проживали строители и обслуживающий персонал ханских мавзолеев, и развалины четырнадцати погребальных объектов, пять из которых являются остатками крупных архитектурных сооружений. В северо-восточной части поселения зафиксировано большое скопление пережженного и ошлакованного кирпича, что позволило предположить существование здесь керамической мастерской по изготовлению кирпича. Пять крупных мавзолеев (№1, 2, 3, 4, 6), расположенных в северной части пустыни Досанг у с. Лапас, образуют как бы две «аллеи», вытянутые перпендикулярно к левому берегу реки Большой Ашулук (Пигарёв 2014: 422—424). В 2000 г. здесь проводились комплексные археолого-этнографические исследования Д.В. Васильевым (Васильев 2000). В ходе раскопок был частично исследован дом из сырцового кирпича с остатками подворья (Васильев 2001: 68—71; 2017: 67—68). За годы исследований на поселении была собрана значительная кол-

лекция медных монет, которые уверенно датируют памятник 1312—1342 гг. (Васильев 2001: 68—71; 2017: 68; Пигарёв и др. 2005: 149—150).

Город Сарай ал-Джедид (Селитренное городище)

В археологической литературе, посвященной проблемам истории Улуса Джучи, обычно указываются две столицы — Сарай и Новый Сарай. Со Старым Сараем всегда отождествлялось Селитренное городище Астраханской области, с Новым Сараем — Царевское городище Волгоградской области. Обсуждение этой темы продолжается до сих пор. К настоящему времени большая часть исследователей склоняется к тому, что на месте Царевского городища находился город Гюлистан, а на месте Селитренного городища — город Сарай ал-Джедид.

Селитренное городище является крупнейшим в Нижнем Поволжье городищем золотоордынской эпохи. В XVIII—XIX вв. в период изучения территории Российской империи оно неоднократно посещалось учеными и путешественниками, оставившими первые его описания. Научное изучение городища началось в конце XIX в. с работ К.Н. Малиновского и А.А. Спицына, в 20—30-х гг. XX в. исследование было продолжено Ф.В. Баллодом и П.С. Рыковым (Малиновский 1892: 8; Спицын 1895: 83; Баллод 1923: 14—30; Рыков 1928: 131—132).

В 1959 г. А.П. Смирновым и Г.А. Фёдоровым-Давыдовым была создана программа археологического изучения золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (Смирнов, Фёдоров-Давыдов 1959). Для её реализации в составе Нижне-Донской археологической экспедиции Института археологии АН СССР был образован Золотоордынский отряд под руководством Г.А. Фёдорова-Давыдова. В 1958 г. в ходе проведенных отрядом разведок для археологического исследования был определен основной памятник — Царевское городище, наиболее известный к тому времени, благодаря раскопкам А.В. Терещенко. Эти работы велись уже в рамках исследований Поволжской археологической экспедиции.

В 1965 году для изучения золотоордынского городища у села Селитренное в Поволжской археологической экспедиции был создан Селитренский отряд. С середины 1970-х гг. Селитренное городище стало основным объектом исследований Поволжской археологической экспедиции Института археологии

АН СССР/РАН. В течение многих лет у руководства ПАЭ стояли Г.А. Фёдоров-Давыдов, В.Л. Егоров, Н.М. Булатов, В.В. Дворниченко. На памятнике велись крупномасштабные систематические раскопки. За 1960—90-е гг. было исследовано около 30000 м² территории городища. В 1990-х гг., в связи с экономическим кризисом в стране, масштабы этих работ хотя и сократились, но они не прекратились.

С начала XXI века исследованием городища занимается научная группа, основу которой составляет Поволжская археологическая экспедиция Марийского государственного университета (ПАЭ МарГУ), в которую вошли специалисты из различных научных центров России: Марийского государственного университета (Ю.А. Зеленева, Е.М. Пигарёв), Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (А.Г. Ситдинов, Р.Р. Валеев). За это время значительно расширилась география раскопок, заложенных на городище. Раскопкам подверглись территории к востоку и югу от села, а также участки, находящиеся под современной сельской застройкой. Для уточнения границ городской застройки проводились разведки в округе Селитренного городища.

За годы исследований городища были обнаружены и изучены жилища простых горожан и крупные дома дворцового типа столичной аристократии, усадебные комплексы, мечеть, остатки минарета, бани, медресе, мавзолеи, небольшие мастерские различного направления и мануфактуры типа «кархана» (Пигарёв 2015в). Мощностю культурного слоя памятника достигает 2 м. Для Селитренного городища характерна сплошная застройка с улицами и арыками. В центральной части города господствовала богатая усадебная застройка, там за глинобитными стенами располагались дома владельцев усадеб, жилища ремесленников и слуг, хозяйственные постройки, водоемы. Здесь же был раскопан центр аристократического района, состоящий из Джума-мечети, медресе и общественной бани-хаммам (Зиливинская 2016: 645).

Нумизматический материал показывает, что город появляется в 1330-х годах и существует как столичный центр до середины XV в., причем период его наиболее активной экономической жизни приходится на 1330—1390-е годы. В XV в. началась интенсивная чеканка на монетном дворе Иль Уй Муаззама («Дом страны высочайшей») поселения Каменный бугор, расположенном на юго-восточной окраине Селитренного городища, возможно, являвшимся ставкой золотоордынских ханов.

С распадом Золотой Орды Сарай ал-Джедид теряет свой столичный статус, но не исчезает. В различных письменных источниках неоднократно встречаются упоминания о Сарае этого периода: 1554 г. — поход московских войск на Астрахань (ПСРЛ 1904: 241); 1640—1641 гг. — путешествие Эвлия Челеби (Эвлия Челеби 1979: 140—142). Русские письменные источники сообщают, что многочисленные монументальные постройки Сарая сохранились до второй половины XVI века, когда царь Федор Иванович в 1578 г. велел ломать «мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город» Астрахань (ПСРЛ 1978: 196). Маловероятно, что разрушение Сарая производилось только силами пришедшего на Нижнюю Волгу русско-го населения, в силу его немногочисленности. Видимо, в этом процессе главную роль играло именно местное население, проживавшее здесь после распада Улуса Джучи.

Поход Тимура 1395—1396 гг. и последующие политические и экономические кризисы первой половины XV в. привели к распаду единого государства и образованию на его территории в XVI в. нескольких ханств, одним из которых являлось Астраханское. Тем не менее, несмотря на кризисы и регрессивное состояние, золотоордынское государство продолжало существовать на протяжении всего XV в. При резком снижении интенсивности торгово-экономических связей часть населенных пунктов, безусловно, приходит в запустение. Однако, нумизматический материал, идущий с Селитренного городища и Каменного бугра, Хаджи-Тархана и Мошаика, позволяет говорить о сохраняющемся на Нижней Волге общегосударственном экономическом центре (Гончаров 1997: 177—188; Зайцев 2004: 17, 28; Лебедев, Клоков 2004: 23—75; Гречкина и др. 2013: 98; Пигарёв 2015: 14—18).

Выводы

Проанализировав имеющиеся материалы, мы можем сделать следующие выводы:

1) В середине XIII века пришедшие на Нижнюю Волгу монголы основали зим-

нюю ставку кочевой орды на левобережье Ахтубы в районе современных пос. Аксарайский и Сеитовка.

2) В этот же период монголами активно использовались населенные пункты области Саксин, образованные еще в XI—XII вв. и среди них городища Самосдельское (г. Саксин) и Мошаик (г. Суммеркент).

3) На протяжении второй половины XIII века около кочевой ставки возникает и развивается первая столица Улуса Джучи — город Сарай (Сарай ал-Махруса, Ахтубинское городище у пос. Комсомольский).

4) В это же время появляются новые населенные пункты: поселок Сартака на правом берегу р. Волга, позднее превратившийся в город Хаджи-Тархан, и Красноярское городище (возможно, г. Кизиль) на правом берегу р. Бузан; также развивается город Суммеркент (городище Мошаик).

5) В начале XIV века начинается строительство новой столицы — города Сарай ал-Джедид (Селитренное городище) и монументальное оформление ханского некрополя у пос. Лапас.

6) К середине XIV века в низовьях Волги полностью оформляется административно-территориальная структура дельтовой части области (вилаяета) Сарай: столичный округ (белед?) Сарай, в который входили города Сарай (Сарай ал-Махруса) и Сарай ал-Джедид и кочевая ставка (Орда, Орда ал-Муаззам, Орда ал-Джедид, Иль Уй-Муаззам), а также три города, являвшихся центрами микрорегионов (юртов, малых улусов): Кизиль, Суммеркент, Хаджи-Тархан (рис. 4; 5).

7) Созданная городская структура позволяла полностью контролировать все речные и сухопутные торговые магистрали и превратила низовья Волги в крупнейший экономический центр золотоордынского государства.

8) На протяжении всего XV в. в низовьях Волги продолжала существовать система золотоордынских городов и поселений, сформировавшаяся в XIII—XIV вв. Более того, эта административно-территориальная модель позднее легла в основу структуры Астраханского ханства, а затем и Астраханской губернии.

Литература

- Абд ар-Рашид ал-Бакуви. 1971. *Китаб талхис ал-асар ва'аджа'иб ал-малик ал-каххар* (Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего). Пер. и предисл. З.М. Буниятова. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Артемьев С. Б. 1991. *Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе за 1991 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №16111, 16112.
- Астраханские... 1857: *Астраханские губернские ведомости* 50. 1857.
- Атлас... 1997: Пятин В. А. (гл. ред.). 1997. *Атлас Астраханской области*. Москва: Роскартография.
- Балабанова М. А., Перерва Е. В. 2013. *Маячный бугор — могильник Красноярского городища золотоордынского времени (антропология)*. Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС.

- Баллод Ф. В. 1923. *Приволжские «Помпеи»: опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы*. Москва; Петроград: Государственное издательство.
- Белецкий В. Д. 1957. *Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1957 год*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №2536.
- Бронникова М. А., Зазовская Э. П., Аржанцева И. А. 2001. Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований. В: Шнайдштейн Е. В. (ред.). *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Астрахань: АГПУ, 43—47.
- Варваровский Ю. Е. 2000. К вопросу о «теории двух Сарая» и локализации города Гюлистана. *Археологические вестки* 7. Санкт-Петербург, 251—265.
- Васильев Д. В. 1992. *Отчет о разведках в Красноярском, Приволжском, Наримановском районах Астраханской области в 1992 году*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №16988, 16989.
- Васильев Д. В. 2000. *Отчет об охранных научно-исследовательских работах на городище «Ак-Сарай» в Харабалинском районе Астраханской области в 2000 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №24687—24689.
- Васильев Д. В. 2001. Городище Ак-Сарай. В: Шнайдштейн Е. В. (ред.). *Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: АГПУ, 68—71.
- Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю., Зиливинская Э. Д. 2003. Городище Самосделка — памятник домонгольского периода в низовьях Волги. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 3. Половецко-золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 83—122.
- Васильев Д. В. 2003. *Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор-1» в Красноярском районе Астраханской области в 2003 году*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №28423.
- Васильев Д. В. 2009. К вопросу о локализации первой столицы Золотой Орды на Красноярском городище. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 9 (1). Уральск, 165—176.
- Васильев Д. В. 2009. К вопросу о местонахождении первой столицы Золотой Орды. В: Миргалеев И. М. (отв. ред.). *Золотоордынское наследие 1*. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII—XIV вв)». Казань: Фэн, 436—445.
- Васильев Д. В. 2011. О пути Гильома Рубрика через дельту Волги и о населённых пунктах, которые он посетил. В: Миргалеев И. М. (отв. ред., сост.). *Золотоордынское наследие 2*. Материалы II Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящённой памяти М. А. Усманова. Казань: Фолиант; ИИ АН РТ, 64—72.
- Васильев Д. В. 2012. Где находилась и как называлась татарская Астрахань? (о фальсификациях истории происхождения города). *Гуманитарные исследования* 44 (4), 228—236.
- Васильев Д. В. 2013а. Анализ сведений об археологическом наследии нижневолжского фронта в источниках XVII—XVIII вв. *Каспийский регион: политика, экономика, культура* 36 (3), 13—23.
- Васильев Д. В. 2013б. Новые археологические материалы периода исламизации Золотой Орды. В: Миргалеев И. М. (гл. ред.). *Золотоордынская цивилизация* 6, 10—21.
- Васильев Д. В. 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии. *ПА* 12 (2), 189—267.
- Васильев Д. В. 2016. Дельта Волги в XIII веке (по материалам Самосдельского городища и новых памятников, выявленных в дельте). В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum plus, 153—155.
- Васильев Д. В. 2017. Еще раз о мавзолеях у поселка Лапас. В: Курапов А. А., Герасимиди Е. И., Буракова М. С. (ред.). *Астраханские краеведческие чтения IX*. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 67—78.
- Волков И. В. 2000. Столицы Золотой Орды во внешних источниках. В: Белоцерковская И. В. (отв. ред.). *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Труды ГИМ 122. Москва, 326—334.
- Волков И. В. 2003. Поселения Приазовья в XII—XIII веках. В: Макаров Н. А., Чернецов А. В. (ред.). *Русь в XIII веке: древности темного времени*. Москва: Наука, 108—130.
- Волков И. В. 2005. Окончательное решение вопроса о Старом и Новом Сараях и блеск новаторов. *НАВ* 7. Волгоград: ВолГУ, 323—333.
- Волков И. В. 2006. Источники о двух столицах Золотой Орды. В: Мурашева В. В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне*. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000). Москва: Нумизматическая литература, 119—120.
- Волков И. В. 2011. Два Сарая на карте Андреа Вальшпергера 1448 г. В: Васильев Д. В., Зеленева Ю. А., Ситдииков А. Г. (ред. колл.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань: ИИ АН РТ, 145—150.
- Гончаров Е. Ю. 1997. Медные монеты XIV века города Хаджи-Тархан. *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины* 5, 177—188.
- Гончаров Е. Ю. 2000. Старый и Новый Сарай — столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники). В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 1*. Донецк: ДонГУ, 345—349.
- Гончаров Е. Ю. 2003. «...страдает сильной неточностью» (демонстрация научных фокусов с последующим их разоблачением). *НАВ* 6, 318—328.
- Гончаров Е. Ю. 2011. Очерк нумизматики Самосдельского городища. В: Васильев Д. В. (ред.). *Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации*. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 146—150.
- Гордеев В. И. 2007. *Отчет об археологических исследованиях могильника «Маячный бугор-1» в Красноярском районе Астраханской области в 2001 г.* Йошкар-Ола. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1.

- №42720—42725.
- Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В., Скисов С.Ю. 2013. Новые нумизматические материалы полевого сезона 2013 года. В: Курапов А.А. (отв. ред.). *Астраханские краеведческие чтения V*. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 96—100.
- Гузейров Р.А. 2004. *Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань.
- Дворниченко В.В. 1990. *Отчет о работе Красноярского отряда на могильнике у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1990 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №15466.
- Дворниченко В.В. 1991. *Отчет о работе Аксарайского отряда на могильнике у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1991 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №15972.
- Дворниченко В.В. 1992. *Отчет о раскопках участков городища XIII—XV вв., расположенного у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1992 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №17094.
- Доде З.В. 2012. Эмблемы с изображениями луны, солнца и драконов в костюме монгольской кочевой элиты XIII—XIV веков. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 11. Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 251—278.
- Евстратов И.В. 1997. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья). В: Юдин А.И. (науч. ред.). *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей 2*. Материалы Международной конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. Ч. 2. Саратов: СГПУ, 104—105.
- Егоров В.Л. 2009. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Либроком.
- Зайцев И.В. 2004. *Астраханское ханство*. Москва: Восточная литература.
- Зеленев Ю.А. 2003. *Отчет об археологических раскопках Ахтубинского городища у поселка Комсомольского в Красноярском районе Астраханской области в 2003 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №24276.
- Зеленев Ю.А., Краснов С.А., Пигарёв Е.М. 2003. Остатки золотоордынского дома на территории могильника «Маячный бугор I». В: Михайлов Е.П. (ред.-сост.). *Новые археологические исследования в Поволжье*. Чебоксары: ЧГИГН, 291—296.
- Зиливинская Э.Д. 2010. Усадебные и дворцовые здания золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Планировка, традиции, инновации. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 8. Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 97—162.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. 2016. Города Золотой Орды. В: Миргалеев И., Хаутала Р. (отв. ред.). *Золотая Орда в мировой истории*. Казань: ИИ АН РТ, 633—664.
- Казаков П.В. 1988. *Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе за 1988 г.* Архив ИА РАН. Ф.Р-1. №13216.
- Казаков П.В. 1989. *Отчет об исследованиях в райцентре Красный Яр Астраханской области за 1989 г.* Архив ИА РАН. Ф.Р-1. №14994, 14995.
- Казаков П.В., Пигарёв Е.М. 1998. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989—90 гг.). МИАП 1. Йошкар-Ола: МарГУ, 72—83.
- Катанов Н.Ф. 1907. О древностях Волги и Кавказа. *ИОАИЭ* 23 (3), 241.
- Ключаревская летопись 1887: Васильев К. 1887. *Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, о архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах*. Астрахань: Типография губернского правления.
- Котеньков С.А. 1990. *Отчет о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике бугор «Маячный-I» Красноярского района в 1990 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №17564, 17565.
- Котеньков С.А. 1991а. *Отчет об археологических исследованиях на юге Астраханской области в 1990 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №15862.
- Котеньков С.А. 1991б. *Отчет об исследованиях грунтового могильника «Маячный бугор-I» Красноярского района в 1991 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №16787—16789.
- Котеньков С.А. 1992. *Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 1992 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №17655, 17656.
- Котеньков С.А. 1993. *Отчет об исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе в 1993 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №18395, 18396.
- Котеньков С.А. 1994. *Отчет о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» Красноярского района Астраханской области в 1994 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №18983, 18984.
- Котеньков С.А. 1996. *Отчет об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный-I» и «Маячный-II» Красноярского района Астраханской области в 1996 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №20630, 20631.
- Краснодубский С. 1904. В защиту старины. Открытое письмо правлению общества Рязанско-Уральской железной дороги. *Московские ведомости* 240, 2.
- Кутуков Д.В. 2004. *Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 2004 году*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №45591.
- Кутуков Д.В., Перерва Е.В., Резк М.Я. 2011. Погребение с берестой золотоордынского времени на могильнике Вакуровский-I в Астраханской области. *Научный вестник ВАГС. Секция: политология и социология* 5 (1). Волгоград, 99—104.
- Лебедев В.П., Клоков В.Б. 2004. Монеты с юго-восточных окраин Сарая и его окружи после 1395 г. В: Петров П.Н. (ред.). *Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник V* (4). Москва; Нижний Новгород: Нумизматическая литература, 23—75.
- Малиновский К.Н. 1892. Отчет о поездке в село Селитренное (Княжевской волости, Енотаевского уезда), летом 1888 года члена Общества К.Н. Малиновского. В: *Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края*. Астрахань: Типография «Астраханского Листка».
- Мандельштам А.М. 1966. *Отчёт о полевых работах Первого отряда Астраханской археологической*

- экспедиции. Архив ИА РАН. Ф.Р-1. №3358, 3358/а.
- Мирсияпов И. Ю. 2008. *Отчет о разведках археологических памятников в Икрянинском районе Астраханской области в 2007 г.* Йошкар-Ола. Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. №48178.
- Недашковский Л. Ф. 2010. *Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа.* Москва: Восточная литература.
- Никонов В. А. 1990. *Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-1» в Красноярском районе Астраханской области в 1990 г.* Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. №16976, 16977.
- Никонов В. А. 1991. *Отчет об исследованиях на буграх «Мечетный-1» и «Вакуровский-1» в Красноярском районе Астраханской области и на бугре «Долгий» в Трусовском районе г. Астрахани в 1990 г.* Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. №16978, 16979.
- Образцов М. И. 1925. Золотоордынская Астрахань. В: *Астрахань в кармане. Иллюстрированный альманах-ежегодник.* Астрахань, 2—26.
- Павленко Ю. А. 1997. Архитектурный комплекс второй половины XIII века у пос. Комсомольский (К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье). В: *Тезисы докладов итоговой научной конференции АГПУ.* Астрахань, 35.
- Павленко Ю. А., Сумин А. Ю. 1997. Мусульманский некрополь золотоордынского времени у пос. Комсомольский. В: *Тезисы докладов итоговой научной конференции АГПУ.* Астрахань, 36.
- Пантелеев С. А. 2010. Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик. *Научный Татарстан* (4), 92—106.
- Пантелеев С. А. 2012. *Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на бугре «Татарский», грунтовом могильнике городища «Мошаик» в Приволжском районе Астраханской области в 2012 г.* Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. №35341.
- Пачкалов А. В. 2002. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды). *Археология та этнологія східної Європи: Матеріали і дослідження 3. Міжнародний конгрес. Крок молоді у XXI століття.* 24—27 квітня 2002 р. Одеса: Друк, 177.
- Пачкалов А. В. 2007. Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии. *Восток — Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии* 8. Казань: АН РТ, 171—180.
- Пачкалов А. В. 2007а. Сведения о золотоордынском населенном пункте, располагавшемся в пос. Комсомольский (Аксарайский) Астраханской области. В: Васильев Д. В., Липчанский А. М., Сызранов А. В. (ред. колл.). *Перекрестки истории: актуальные проблемы исторической науки* 8. Астрахань: АГУ, 131—135.
- Пачкалов А. В., Скисов С. Ю. 2009. Нумизматические находки на Красноярском городище в Астраханской области. В: Ширяков И. В. (отв. ред.). *Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция.* Тез. докл. и сообщ. Москва: Нумизматическая литература, 75—76.
- Пачкалов А. В. 2010. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги. В: Васильев Д. В. (отв. ред.). *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия.* Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань: Астраханский университет, 346—351.
- Пигарёв Е. М. 1995. *Отчет об археологических разведках в Харабалинском районе Астраханской области в 1995 г.* Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. №19473.
- Пигарёв Е. М. 1997. Исследования золотоордынского городища у с. Лапас. В: *Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни.* Тезисы докладов международного симпозиума. Волгоград, 21—22.
- Пигарёв Е. М. 1998. Археолого-этнографические исследования в Астраханской области в 1994 г. *Вопросы краеведения. Материалы VI и VII краеведческих чтений.* Вып. 4—5. Волгоград, 45—46.
- Пигарёв Е. М. и др. 2005: Пигарёв Е. М., Скисов С. Ю., Лосев Г. А., Минаев А. П. 2005. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас», «Чертово городище». В: Петров П. Н. (ред.). *Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков.* Труды Международных нумизматических конференций. Саратов, 2001. Муром, 2003. Москва: Нумизматическая литература, 148—152.
- Пигарёв Е. М. 2008. Погребения в склепах «гурхана» Селитренного городища (по материалам раскопок 2004—2005 гг.). В: Деревянко А. П., Макаров Н. А. (отв. ред.). *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале II.* Москва: ИА РАН, 503—505.
- Пигарёв Е. М. 2009. Ханский некрополь у села Лапас Астраханской области. В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.* Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова. Донские древности 10. Азов: АИАПМЗ, 428—436.
- Пигарёв Е. М. 2010. Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге. В: Васильев Д. В. (отв. ред.). *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия.* Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань: Астраханский университет, 346—351.
- Пигарёв Е. М. 2012. Материалы раскопок грунтового могильника «Маячный бугор-1» в 2001 г. (раскоп 1). *Астраханские краеведческие чтения IV.* Астрахань, 59—66.
- Пигарёв Е. М. 2013. Находки птичьих яиц на средневековом могильнике «Маячный бугор». *РА* (1), 179—181.
- Пигарёв Е. М. 2013а. Красноярское городище (или снова о двух золотоордынских столицах). *АВЕС* 10. Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции. Саратов: СГУ, 428—433.
- Перерва и др. 2010: Перерва Е. В., Кутуков Д. В., Балабанова М. А., Зубарева Е. Г. 2010. *Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология).* Волгоград: ВАГС.
- Перерва Е. В. 2012. Непреднамеренные искусственные изменения зубов у древнего населения дельты Волги (по материалам золотоордынского могильника Маячный бугор). *ВААЭ* 17 (2), 79—86.
- Перерва Е. В. 2012а. Население Красноярского городища золотоордынского времени, по материалам могильника Вакуровский бугор (палеопатологический аспект). *Вестник ВолГУ. Серия 4: История* 21 (1), 6—12.

- Пигарёв Е. М. 2014. Предварительные результаты использования методики ДЗЗ на территории ханского некрополя у села Лапас Астраханской области. В: Ситдииков А. Г., Макаров Н. А., Деревянко А. П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани III*. Казань: Отечество, 422—424.
- Пигарёв Е. М. 2015. Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 181—196.
- Пигарёв Е. М. 2015а. Золотоордынское городище у с. Красный Яр Астраханской области. *Археологические вестн ИИМК РАН* 21. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 272—276.
- Пигарёв Е. М. 2015б. Археологическое исследование Каменного бугра в 2014 году. *Каспийский регион: политика, экономика, культура* (2), 14—18.
- Пигарёв Е. М. 2015в. *Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище)*. МИАП 7. Йошкар-Ола: МарГУ.
- Пигарёв Е. М. 2016. Красноярское городище и его округа. *ПА* 16 (2), 162—179.
- Пигарёв Е. М. 2016а. Красноярский комплекс: городище и могильники (история, этапы развития, название). *Вестник НИИГН при Правительстве Республики Мордовия* 38 (2), 88—99.
- Пигарёв Е. М. 2016б. Красноярское городище — этапы развития. В: Обухов Ю. Д., Ситдииков А. Г. (ред.). *Материалы Первого Маджарского археологического форума*. Пятигорск — Буденовск, 2012 год. АЕС 23. Казань: Казанская недвижимость, 45—48.
- Пигарёв Е. М. 2016в. Находки иноземных монет в зоне Красноярского городища в Астраханской области. *РА* (2), 195—199.
- Пигарёв Е. М. 2017. Золотоордынские города Нижнего Поволжья (к проблеме изучения малых городов). В: Крадин Н. Н., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй*. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 220—224.
- Пигарёв Е. М. 2017а. Поливная керамика Красноярского городища. В: Бочаров С. Г., Франсуа В., Ситдииков А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* 2. Казань; Кишинёв: Stratum plus P.P.; Университет «Высшая антропологическая школа», 713—716.
- Пигарёв Е. М. 2017б. Формирование городских центров ханского домена Улуса Джучи (городище Мошайк). В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследования, сохранения и музеефикации*. АЕС 1. Казань: Казанская недвижимость; ИА АН РТ, 283—290.
- Плахов В. В. 1984. *Текстовый отчет по раскопкам усадьбы XIV в. на городище Хаджи-Тархан Астраханской области*. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 11416; 11416/а.
- Плахов В. В. 1986. *Отчет по предварительным работам на мавзолее у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1986 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 11614.
- Плахов В. В. 1987. *Отчет о раскопках мавзолея XIV в. и могильника у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1987 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 12519.
- Плахов В. В. 1988. *Отчет об археологических раскопках могильника у пос. Комсомольский в Астраханской области в 1988 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 14329.
- Плахов В. В. 1989. *Отчет о раскопках культового комплекса XVIII в. в Астраханской области в 1989 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 14194.
- Плахов В. В. 1990. *Отчет о раскопках участка городища, расположенного в Красноярском районе в 1990 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 15762, 15763.
- Плахов В. В. 1991. *Отчет о раскопках участка городища XIII—XV вв., расположенного у пос. Комсомольский Красноярского района в 1991 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 16333.
- Плахов В. В. 1993. *Отчет о раскопках участка городища XIII—XIV вв., расположенного на территории поселка Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1992—1993 гг.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 17959.
- Плахов В. В. 1993а. *Отчет о раскопках участка городища XIII—XIV вв., расположенного на территории пос. Комсомольский Красноярского р-на и исследования могильника на территории городища XIV в. Хаджи-Тархан (Старая Астрахань) в 1993 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 17885.
- Плахов В. В. 1994. *Научный отчет о раскопках участков городища XIII—XIV веков на территории поселка Комсомольский Красноярского р-на Астраханской обл. в 1994 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 18688.
- Плахов В. В. 1995. Работы в поселке Комсомольский. *АО* 1994 г., 233—234.
- Плахов В. В. 2007. Предварительные результаты исследования остатков административного здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области. В: Хузин Ф. Ш., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса II*. АЕС 1. Казань: ИИ АН РТ, 132—136.
- Плахов В. В. 2008. Дворцовые здания конца XIV века у поселка Комсомольский в Астраханской области. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 6. Золотоордынское время*. Донецк: ДонГУ, 125—140.
- Плахов В. В., Сумин А. Ю. 1996. Погребальные сооружения рубежа XIV—XV веков городища у пос. Комсомольский (Предварительное сообщение). *XIII Уральское археологическое совещание II*. Тезисы докладов. Уфа, 108.
- ПСРЛ 1904: *Патриаршая или Никоновская летопись*. 1904. ПСРЛ XIII. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова.
- ПСРЛ 1978: *Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы*. 1978. ПСРЛ 34. Москва: Наука.
- Полное собрание... 1824: *Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента 3*. 1824. Санкт-Петербург, 143.
- Попов П. В. 2008. К вопросу о датировке городища Мошайк. *НАВ* 9, 206—226.
- Попов П. В. 2011. Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища. В: Васильев Д. В. (ред.). *Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации*. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 60—88.
- Путешествия... 1957: Шастина Н. П. (ред.). 1957. *Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Москва: Государственное изда-

- тельство географической литературы.
- Рудаков В. Г. 1999. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана. *Татарский государственный гуманитарный институт. Ученые записки* 7. Казань, 92—120.
- Рудаков В. Г. 2000. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана. В: Белоцерковская И. В. (отв. ред.). *Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья*. Труды ГИМ 122. Москва: ГИМ, 305—323.
- Рыков П. С. 1929. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. *Известия Нижне-Волжского института краеведения* 3. Саратов, 132—156.
- Рябичкин Д. В. 1999. *Отчет об археологических исследованиях на городище «Мошаик» в Астраханской области в 1999 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №24173.
- Ситдииков А. Г. 2012. *Отчет об археологических раскопках на городище Мошаик в Приволжском районе Астраханской области в 2011—2012 гг.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №35563—35566.
- Ситдииков А. Г. 2013. *Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Камызякского и Красноярского районов Астраханской области в 2013 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №46647, 46648.
- Смирнов А. П., Фёдоров-Давыдов Г. А. 1959. Задачи археологического изучения Золотой Орды. *СА* (4), 128—135.
- Списки... 1861: *Списки населенных мест Российской империи*. 1861. Т. II. Астраханская губерния. *Список населенных мест по сведениям 1859 года*. Санкт-Петербург: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел.
- Спицын А. А. 1895. Отчёт о поездке члена Археологической комиссии А. А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города. *ОАК за 1893 г.*, 77—94.
- Тизенгаузен В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. 1. *Извлечение из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Труды... 1877: *Труды Астраханского губернского статистического комитета* 5. 1877. Астрахань.
- Фальк И. П. 1824. *Записки путешествия Академика Фалька*. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента VI. Санкт-Петербург: Императорская Акаде-
- мия наук.
- Фёдоров-Давыдов Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.
- Фёдоров-Давыдов Г. А. 1994. *Золотоордынские города Поволжья*. Москва: МГУ.
- Фёдоров-Давыдов Г. А. 2003. *Денежное дело Золотой Орды*. Москва: Палеограф.
- Филипченко В. А. 1958. О новых находках на территории Астраханской области. *СА* (1), 245—247.
- Чекалин Ф. Ф. 1889. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным. *Труды Саратовской ученой архивной комиссии* 2 (1). Саратов, 14—25.
- Четвериков С. И. 1991. *Отчет об охранных раскопках грунтового могильника «Маячный-II» Красноярского района в 1991 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №16750.
- Хлебников П. Х. 1907. *Астрахань в старые годы I. Вторая половина XVI века*. Санкт-Петербург: Электро-типография П. Я. Стойковой.
- Шилов В. П. 1967. Работы Астраханской экспедиции. *АО 1966 г.*, 88—89.
- Шнайдштейн Е. В. 1979. *Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №7549.
- Шнайдштейн Е. В. 1990. *Отчет об археологических разведках в Красном Яру Астраханской области в 1990 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №18977, 18978.
- Шнайдштейн Е. В. 1992. *Северный Прикаспий в древности*. Учебное пособие. Астрахань.
- Штылько А. 1897. *Астраханская летопись*. Астрахань: Типография Н. Л. Рослякова.
- Эвлия Челеби. 1979. *Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья*. Москва: Наука.
- Юрченко А. Г. 2012. *Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности)*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Юрьев А. Д. 1996. *Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в 1996 г.* Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №20115, 20116.
- Яворская Л. В. 2010. Самосдельское городище в золотоордынский период по данным археозоологии. В: Васильев Д. В. (отв. ред.). *Археология Нижнего Поволжья: поиски, проблемы, открытия*. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань: Астраханский университет, 399—402.

References

- Abd ar-Rashid al-Bakuvî. 1971. *Kitab talkhis al-asar va'adzha'ib al-malik al-kakhkhar (Sokrashchenie [knigi o] «Pamiatnikakh» i chudesa tsaria moguchego)* (Abstracts from the Book on Monuments, and on Wonders of the Mighty King). Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).
- Artemiev, S. B. 1991. *Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе за 1991 г.* (Report on Archaeological Investigations in the Krasny Yar District for 1991). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 16111, 16112 (in Russian).
- Astrakhanskii gubernskie vedomosti (Astrakhan Provincial Bulletin)* 50. 1857 (in Russian).
- Pyatin, V. A. (ed.-in-chief). 1997. *Atlas Astrakhanskoi oblasti (Atlas of the Astrakhan Region)*. Moscow: "Roskartografiya" Publ. (in Russian).
- Balabanova, M. A., Pererva, E. V. 2013. *Maiachnyi bugor — mogil'nik Krasnoiar'skogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni (antropologiya) (Mayachni Bugor, the Burial Ground of the Krasny Yar Hillfort, Golden Horde Time: Anthropology)*. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).
- Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie «Pompei» (Opyt khudozhestvenno-arkheologicheskogo obsledovaniia chasti pravoberezhnoi Saratovo-Tsaritsynskoi privolzhskoi polosy) (Pompeii in the Volga Area: an Essay of Artistic and Archaeological Survey of a Part of the Right Bank of the Volga River in the Saratov and Tsaritsyn Region)*. Moscow; Petrograd: "Gosizdat" Publ. (in Russian).
- Beletsky, V. D. 1957. *Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1957 г.* (Report on the Fieldworks of

- the Lower Volga Archaeological Survey Expedition of the State Hermitage Museum in 1957). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 12536 (in Russian).
- Bronnikova, M.A., Zazovskaia, E.P., Arzhantseva, I.A. 2001. In Shnaidshtein, E. V. (ed.). *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of the Lower Volga Region at the Turn of Millennia)*. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 43—47 (in Russian).
- Varvarovskii, Yu. E. 2000. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 7. Saint Petersburg, 251—265 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 1992. *Otchet o razvedkakh v Krasnoiarskom, Privolzhskom, Narimanovskom raionakh Astrakhanskoi oblasti v 1992 godu (Report on Excavations in the Krasny Yar, Privolzhsky, Narimanov Districts, Astrakhan Oblast, in 1992)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 16988, 16989 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2000. *Otchet ob okhrannykh nauchno-issledovatel'skikh rabotakh na gorodishche «Ak-Sarai» v Kharabalinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2000 g. (Report on Rescue Research on the «Ak-Saray» Hillfort, Kharabali District, Astrakhan Oblast, in 2000)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 24687—24689 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2001. In Shnaidshtein, E. V. (ed.). *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of the Lower Volga Region at the Turn of Millennia)*. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 68—71 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V., Grechkina, T. Yu., Zilivinskaia, E. D. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (Cuman and Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 83—122 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2003. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike «Vakurovskii bugor-I» v Krasnoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2003 godu (Report on Archaeological Excavations in the «Vakurovsky Bugor-1» Plain Necropolis in the Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 2003)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 28423 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2009. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues on History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 9 (1). Ural'sk, 165—176 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 1. Kazan: "Fän" Publ., 436—445 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed., comp.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan: "Foliant" Publ.; II Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 64—72 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2012. In *Gumanitarnye issledovaniia (Humanitarian Studies)* 44 (4), 228—236 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2013. In *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura (The Caspian Region: Politics, Economics, Culture)* 36 (3), 13—23 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2013. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* 6, 10—21 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 189—267 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G. A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 153—155 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2017. In Kurapov, A. A., Gerasimidi, E. I., Burakova, M. S. (eds.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* IX. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 67—78 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 122. Moscow, 326—334 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2003. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v XIII veke: drevnosti Temnogo vremeni (Russia in the 13th Century: Antiquities of the Dark Age)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108—130 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2005. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7. Volgograd: Volgograd State University, 323—333 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evro-aziatskoi zone: Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu so dnia rozhdeniia G. A. Fedorova-Davydova (Towns and the Steppe in the Europe-Asia Contact Zone: Abstracts for the 3rd International Conference in Honor in the 75th Anniversary of G. A. Fyodorov-Davydov)*. Moscow: "Numizmaticheskaiia literatura" Publ., 119—120 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2011. In Vasil'ev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (ed. board). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 145—150 (in Russian).
- Goncharov, E. Yu. 1997. In *Vostochnoe istoricheskoe istochnikovedenie i spetsial'nye istoricheskie dissipliny (Oriental Historical Source Study and Special Historical Disciplines)* 5, 177—188 (in Russian).
- Goncharov, E. Yu. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk State University, 345—349 (in Russian).
- Goncharov, E. Yu. 2003. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 6, 318—328 (in Russian).
- Goncharov, E. Yu. 2011. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 146—150 (in Russian).
- Gordeev, V. I. 2007. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax mogil'nika «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2001 g. (Report on Archaeological Investigations in the «Mayachny Bugor-1» Burial Ground, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 2001)*. Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 42720—42725 (in Russian).
- Grechkina, T. Yu., Kutukov, D. V., Skisov, S. Yu. 2013. In Kurapov, A. A. (ed.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* V. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 96—100 (in Russian).
- Guzeirov, R. A. 2004. *Zolotoordynskii gorod Khadzhi Tarkhan i ego okruza (Golden Horde Town of Hagi Tarhan and Its Surroundings)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
- Dvornichenko, V. V. 1990. *Otchet o rabote Krasnoiarskogo otriada na mogil'nike u pos. Komsomol'skii Krasnoiarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1990 g. (Report on Fieldworks of the Krasny Yar Team in the Burial Ground near the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1990)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 15466 (in Russian).
- Dvornichenko, V. V. 1991. *Otchet o rabote Aksaraiskogo otriada na mogil'nike u pos. Komsomol'skii Krasnoiarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1991 g. (Report on Fieldworks of the Aksaray Team in the Burial Ground near the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1991)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 15972 (in Russian).
- Dvornichenko, V. V. 1992. *Otchet o raskopkakh uchastkov gorodishcha XIII—XV vv., raspolzhenogo u pos. Komsomol'skii Krasnoiarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1992 g. (Report on Excavations of Sectors in the Hillfort of*

- 13th—14th Centuries Situated near the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1992). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 17094 (in Russian).
- Dode, Z. V. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. *Zolotoordynskoe vremia*. Donetsk: Donetsk National University, 251—278 (in Russian).
- Evstratov, I. V. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek v istorii drevnikh plemen iuzhnorusskikh stepei (Bronze Age and Early Iron Age in the History of Ancient Tribes in South Russian Steppes)* 2. Ch. 2. Saratov: Saratov State Pedagogical University, 104—105 (in Russian).
- Egorov, V. L. 2009. *Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Librokom" Publ. (in Russian).
- Zaitsev, I. V. 2004. *Astrakhanskoe khanstvo (Astrakhan Khanate)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Zelenev, Yu. A. 2003. *Otchet ob arkhelogicheskikh raspokkakh Akhtubinskogo gorodishcha u poselka Komsomol'skogo v Krasnoarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2003 g. (Report on Archaeological Excavations of the Akhtuba Hillfort near the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 2003)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 24276 (in Russian).
- Zelenev, Yu. A., Krasnov, S. A., Pigarev, E. M. 2003. In Mikhailov, E. P. (ed., comp.). *Novye arkhelogicheskie issledovaniia v Povolzh'e (New Archaeological Research in the Volga Region)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 291—296 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 97—162 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D., Vasil'ev, D. V. 2016. In Mirgaleev, I., Hautala, R. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in World History)*. Series: Tartaria Magna. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 633—664 (in Russian).
- Kazakov, P. V. 1988. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax v Krasnoarskom raione za 1988 g. (Report on Archaeological Investigations in the Krasny Yar District for 1988)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, no. 13216 (in Russian).
- Kazakov, P. V. 1989. *Otchet ob issledovaniiax v raitsentre Krasnyi Yar Astrakhanskoi oblasti za 1989 g. (Report on Investigations in the Krasny Yar District Center, Astrakhan Oblast, for 1989)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, no. 14994, 14995 (in Russian).
- Kazakov, P. V., Pigarev, E. M. 1998. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University, 72—83 (in Russian).
- Katanov, N. F. 1907. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* 23 (3), 241 (in Russian).
- Vasil'ev, K. 1887. *Kliucharevskaiia letopis'. Istoriia o nachale i vozobnovlenii Astrakhani, sluchivshikhsia v nei buntakh, o arkhieriakh v onoi byvshikh, a takzhe o voevodakh, gradonachal'nikakh i gubernatorakh (Klyucharevskaya (Ecclesiarch) Chronicle. Story of the Beginning and Renewal of Astrakhan, Its Routs, Former Hierarchs, as well as Commanders, City Administrators and Governors)*. Astrakhan: Typography of Provincial Administration (in Russian).
- Kotenkov, S. A. 1990. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkhelogicheskikh rabotakh na gruntovom mogil'nike bugor «Maiachnyi-I» Krasnoarskogo raiona v 1990 g. (Report on Archaeological Investigations in the "Mayachny Bugor-1" Plain Necropolis, Krasny Yar District, in 1990)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 17564, 17565 (in Russian).
- Kotenkov, S. A. 1991. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax na iuge Astrakhanskoi oblasti v 1990 g. (Report on Archaeological Investigations in Southern Part of the Astrakhan Oblast in 1990)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 15862 (in Russian).
- Kotenkov, S. A. 1991. *Otchet ob issledovaniiax gruntovogo mogil'nika «Maiachnyi bugor-I» Krasnoarskogo raiona v 1991 g. (Report on Archaeological Investigations in the "Mayachny Bugor-1" Plain Necropolis, Krasny Yar District, in 1991)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 16787—16789 (in Russian).
- Kotenkov, S. A. 1992. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1992 g. (Report on Archaeological Investigations in the "Mayachny Bugor-1" Plain Necropolis, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1992)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 17655, 17656 (in Russian).
- Kotenkov, S. A. 1993. *Otchet ob issledovaniiax na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoarskom raione v 1993 g. (Report on Archaeological Investigations in the "Mayachny Bugor-1" Plain Necropolis, Krasny Yar District, in 1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 18395, 18396 (in Russian).
- Kotenkov, S. A. 1994. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkhelogicheskikh rabotakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» Krasnoarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1994 g. (Report on Archaeological Investigations in the "Mayachny Bugor-1" Plain Necropolis, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1994)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 18983, 18984 (in Russian).
- Kotenkov, S. A. 1996. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax na berovskikh bugrakh «Maiachnyi-I» i «Maiachnyi-II» Krasnoarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1996 g. (Report on Archaeological Investigations in the "Mayachny-1" and "Mayachny-2" Baer Hills, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1991)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 20630, 20631 (in Russian).
- Krasnodubskii S. 1904. In *Moskovskie vedomosti ('Moskovskie vedomosti' Newspaper)* 240, 2 (in Russian).
- Kutukov, D. V. 2004. *Otchet ob arkhelogicheskikh raspokkakh na gruntovom mogil'nike «Vakurovskii bugor-I» v Krasnoarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2004 godu (Report on Archaeological Excavations in the "Vakurovsky Bugor-1" Plain Necropolis, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 2004)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 45591 (in Russian).
- Kutukov, D. V., Pererva, E. V., Rezk, M. Ya. 2011. In *Nauchnyi vestnik Volgogradskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby. Sektsiia: politologii i sotsiologii (Scientific Bulletin of the Volgograd Academy of Public Administration. Section: Political Studies and Sociology)* 5 (1). Volgograd, 99—104 (in Russian).
- Lebedev, V. P., Klokov, V. B. 2004. In Petrov, P. N. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov. Numizmaticheskii sbornik (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas: Numismatical Collected Papers)* V (4). Moscow; Nizhny Novgorod: "Numizmaticheskaiia literatura" Publ., 23—75 (in Russian).
- Malinovskii, K. N. 1892. In *Sbornik trudov chlenov Petrovskogo obshchestva issledovatelei Astrakhanskogo kraia (Collected Papers of the Peter the Great Society of Researchers of the Astrakhan Region)*. Astrakhan: Typography of the "Astrakhanskii Listok" Newspaper (in Russian).
- Mandel'shtam, A. M. 1966. *Otchet o polevykh rabotakh Pervogo otriada Astrakhanskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Report on Fieldworks of the First Unit, Astrakhan Archaeological Expedition)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, no.

- 3358, 3358/a (in Russian).
- Mirsiyapov, I. Yu. 2008. *Otchet o razvedkakh arkhelogicheskikh pamiatnikov v Ikrianiiskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2007 g.* (Report on Field Surveys of Archaeological Sites in the Ikriyanoye District, Astrakhan Oblast, in 2007). Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 48178 (in Russian).
- Nedashkovsky, L.F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga* (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Regions). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Nikonov, V.A. 1990. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniikh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-1» v Krasnoarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1990 g.* (Report on Archaeological Investigations in the "Mayachny Bugor-1" Plain Necropolis, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1990). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 16976, 16977 (in Russian).
- Nikonov, V.A. 1991. *Otchet ob issledovaniikh na bugrakh «Mechetnyi-1» i «Vakurovskii-1» v Krasnoarskom raione Astrakhanskoi oblasti i na bugre «Dolgi» v Trusovskom raione g. Astrakhani v 1990 g.* (Report on Investigations in the "Mechetny-1" and "Vakurovsky-1" Baer Hills, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, and in the "Dolgy" (Long) Baer Hill, Trusovo Borough, Astrakhan City, in 1990). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 16978, 16979 (in Russian).
- Obraztsov, M.I. 1925. In *Astrakhan v karmane. Illustrirovanniy al'manakh-ezhгодnik* (Astrakhan in Pocket: Illustrated Yearbook). Astrakhan, 2—26 (in Russian).
- Pavlenko, Yu.A. 1997. In *Tezisy dokladov itogovoi nauchnoi konferentsii Astrakhanskogo GPU* (Abstracts of the Final Scientific Conference of the Astrakhan State Pedagogical University). Astrakhan, 35 (in Russian).
- Pavlenko, Yu.A., Sumin, A. Yu. 1997. In *Tezisy dokladov itogovoi nauchnoi konferentsii Astrakhanskogo GPU* (Abstracts of the Final Scientific Conference of the Astrakhan State Pedagogical University). Astrakhan, 36 (in Russian).
- Pantelev, S.A. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 92—106 (in Russian).
- Pantelev, S.A. 2012. *Otchet ob arkhelogicheskikh okhrannospasatel'nykh issledovaniikh na bugre «Tatarskii», gruntovom mogil'nike gorodishcha «Moshaik» v Privolzhskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2012 g.* (Report on Rescue Archaeological Investigations in the "Tatarsky" Baer Hill, Plain Necropolis of the "Moshaik" Hillfort in the Privolzhsky District, Astrakhan Oblast, in 2012). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 35341 (in Russian).
- Pachkalov, A.V. 2002. In *Arkheolohiya ta etnolohiya Skhidnoi Yevropy: materialy i doslidzhennya* (Archaeology and Ethnology of Eastern Europe: Materials and Studies) 3. Odessa: "Druk" Publ., 177 (in Russian).
- Pachkalov, A.V. 2007. In *Vostok-Zapad: dialog kul'tur i tsivilizatsii Evrazii* (West and East: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia) 8. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 171—180 (in Russian).
- Pachkalov, A.V. 2007. In Vasil'ev, D.V., Lipchanskii, A.M., Syzranov, A.V. (ed. board). *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki* (Crossroads of History. Current Issues of Historical Science) 8. Astrakhan: Astrakhan State University, 131—135 (in Russian).
- Pachkalov, A.V., Skisov, S. Yu. 2009. In Shiriaikov, I.V. (ed.). *Piatnadsataia Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (15th All-Russian Numismatic Conference)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 75—76 (in Russian).
- Pachkalov, A.V. 2010. In Vasil'ev, D.V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia* (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries). Astrakhan: Astrakhan State University, 332—340 (in Russian).
- Pererva, E.V., Kutukov, D.V., Balabanova, M.A., Zubareva, E.G. 2010. *Vakurovskii mogil'nik Krasnoarskogo gorodishcha epokhi Zolotoi Ordy* (arkheologiia i antropologiia) (Vakurovsky Burial Ground of the Krasny Yar Hillfort, Golden Horde Time: Archaeology and Ethnography). Volgograd: Volgograd Academy of Public Administration (in Russian).
- Pererva, E.V. 2012. In *Vestnik arkhelogii, antropologii i etnografii* (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography) 17 (2), 79—86 (in Russian).
- Pererva, E.V. 2012. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 4: Istoriia* (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History) 21 (1), 6—12 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 1995. *Otchet ob arkhelogicheskikh razvedkakh v Kharabalinskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1995 g.* (Report on Archaeological Field Surveys in the Kharabali District, Astrakhan Oblast, in 1995). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 19473 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 1997. In *Osobo okhraniaemye territorii i formirovanie zdorovogo obraza zhizni* (Specially Protected Territories and Formation of a Healthy Lifestyle). Volgograd, 21—22 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 1998. In *Voprosy kraevedeniia* (Problems of Regional Studies) 4—5. Volgograd, 45—46 (in Russian).
- Pigarev, E.M., Skisov, S. Yu., Losev, G.A., Minaev, A.P. 2005. In Petrov, P.N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vekov. Trudy mezhdunarodnykh numizmaticheskikh konferentsii* (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th—15th Centuries: transactions of international numismatic conferences). Moscow: Numizmaticheskaiia literatura, 148—152 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2008. In Derevianko, A.P., Makarov, N.A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Suzdale 2008 g.* (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal, 2008) II. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 503—505 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2009. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve* (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory). Series: Antiquities of the Don 10. Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 428—436 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2010. In Vasil'ev, D.V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia* (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries). Astrakhan: Astrakhan State University, 346—351 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2012. In *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia* (Astrakhan Readings of Local History) IV. Astrakhan, 59—66 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (Russian Archaeology) (1), 179—181 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2013. In *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi* (Archaeology of East-European Steppe) 10. Saratov: Saratov State University, 428—433 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevianko, A.P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani* (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan) III. Kazan: Otechestvo, 422—424 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda* (The Genoese Gazaria and the Golden Horde). Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 181—196 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2015. In *Arkheologicheskie vesti* (Archaeological News) 21. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 272—276 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2015. In *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* (The Caspian Region: Politics, Economics, Culture) (2), 14—18 (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2015. *Goncharnoe proizvodstvo zolotoordynskogo goroda Sarai* (Selitrennoe gorodishche) (Pottery Industry in the Golden Horde City of Saray (Selitrennoe Hillfort)). Series: Materialy i issledovaniia po arkhelogii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region) 7. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
- Pigarev, E.M. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiia* (Volga River Re-

- gion Archaeology) 16 (2), 162—179 (in Russian).
- Pigarev, E. M. 2016. In *Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve Respubliki Mordovia (Bulletin of the Research Institute for Humanities Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia)* 38 (2), 88—99 (in Russian).
- Pigarev, E. M. 2016. In Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. (ed.). *Materialy Pervogo Madzharskogo arkhelogicheskogo foruma (Proceedings of the First Madjar Archaeological Forum)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ., 45—48 (in Russian).
- Pigarev, E. M. 2016. In *Rossiiskaia Arheologiya (Russian Archaeology)* (2), 195—199 (in Russian).
- Pigarev, E. M. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (ed.). *Mezhdzhu Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 220—224 (in Russian).
- Pigarev, E. M. 2017. In Bocharov, S. G., François, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)* 2. Kazan; Kishinev: Stratum plus P.P.; "High Anthropological School" University, 713—716 (in Russian).
- Pigarev, E. M. 2017. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *VII Khalikovskie chteniia: Srednevekovye arkhelogicheskie pamiatniki Povolzh'ia i Urala: problemy issledovaniia, sokhraneniia i muzeifikatsii (7th Khalikov Readings. Medieval Archaeological Sites of the Volga Basin and Ural: Issues of Investigations, Conservation, and Museumification)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 1. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ.; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 283—290 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1984. *Tekstovoi otchet po raskopkam usad'by XIV v. na gorodishche Khadzhi-Tarkhan Astrakhanskoi oblasti (Textual Report on Excavations of the Farmstead of 14th Century in the Haji Tarhan Hillfort, Astrakhan Oblast)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 11416; 11416/a (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1986. *Otchet po predvaritel'nym rabotam na mavzolee u pos. Komsomol'skii Krasnoarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1986 g. (Report on Preliminary Fieldworks in the Mausoleum near the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1986)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 11614 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1987. *Otchet o raskopkakh mavzoleia XIV v. i mogil'nika u pos. Komsomol'skii Krasnoarskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1987 g. (Report on Excavations of the Mausoleum of 14th Century and the Necropolis near the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1987)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 12519 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1988. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh mogil'nika u pos. Komsomol'skii v Astrakhanskoi oblasti v 1988 g. (Report on Excavations of the Necropolis near the Komsomolsky Village, Astrakhan Oblast, in 1988)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 14329 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1989. *Otchet o raskopkakh kul'tovogo kompleksa XVIII v. v Astrakhanskoi oblasti v 1989 g. (Report on Excavations of the Cult Complex of 18th Century in the Astrakhan Oblast in 1989)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 14194 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1990. *Otchet o raskopkakh uchastka gorodishcha, raspolozhennogo v Krasnoarskom raione v 1990 g. (Report on Excavations of a Sector of the Hillfort in the Krasny Yar District in 1990)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 15762, 15763 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1991. *Otchet o raskopkakh uchastka gorodishcha XIII—XV vv., raspolozhennogo u pos. Komsomol'skii Krasnoarskogo raiona v 1991 g. (Report on Excavations of a Sector of the Hillfort of 13th—15th Centuries near the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, in 1991)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 16333 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1993. *Otchet o raskopkakh uchastka gorodishcha XIII—XIV vv., raspolozhennogo na territorii poselka Komsomol'skii Krasnoarskogo r-na Astrakhanskoi oblasti v 1992—1993 gg. (Report on Excavations of a Sector of the Hillfort of 13th—15th Centuries in the Territory of the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1992—1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 17959 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1993. *Otchet o raskopkakh uchastka gorodishcha XIII—XIV vv., raspolozhennogo na territorii pos. Komsomol'skii Krasnoarskogo r-na i dosledovaniia mogil'nika na territorii gorodishcha XIV v. Khadzhi-Tarkhan (Staraia Astrakhan) v 1993 g. (Report on Excavations of a Sector of the Hillfort of 13th—15th Centuries in the Territory of the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, and Further Investigation on the Territory of the Haji Tarhan Hillfort (Old Astrakhan) in 1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 17885 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1994. *Nauchnyi otchet o raskopkakh uchastkov gorodishcha XIII—XIV vekov na territorii poselka Komsomol'skii Krasnoarskogo r-na Astrakhanskoi obl. v 1994 g. (Report on Excavations of Sectors of the Hillfort of 13th—15th Centuries in the Territory of the Komsomolsky Village, Krasny Yar District, Astrakhan Oblast, in 1994)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 18688 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 1995. In *Arkhelogicheskie otkrytiia 1994 g. (Archaeological Discoveries in 1994)*, 233—234 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 2007. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (eds.). *Srednevekovaia arkhelogiia evraziiskikh stepei: Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress)* II. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 132—136 (in Russian).
- Plakhov, V. V. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 125—140 (in Russian).
- Plakhov, V. V., Sumin, A. Yu. 1996. In *XIII Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshchanie (13th Ural Archaeological Conference)* II. Ufa, 108 (in Russian).
- Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis' (Patriarch's or Nikon's Chronicle)*. 1904. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XIII. Saint Petersburg: Typography of I. N. Skorokhodov (in Russian).
- Postnikovskii, Piskarevskii, Moskovskii i Bel'skii letopistsy (Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscow and Belsk Chronicles)*. 1978. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 34. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoiu Akademiei Nauk, po predlozheniiu ee prezidenta (Complete Collection of Scientific Journeys through Russia Published by Emperor's Academy of Sciences on the Suggestion of its President)* 3. 1824. Saint Petersburg, 143 (in Russian).
- Popov, P. V. 2008. In *Nizhnevolzhskii arkhelogicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9, 206—226 (in Russian).
- Popov, P. V. 2011. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 60—88 (in Russian).
- Shastina, N. P. (ed.). 1957. *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ. (in Russian).
- Rudakov, V. G. 1999. In *Tatarskii gosudarstvennyi gumanitarnyi institut. Uchenye zapiski (Tatar State Institute for Human-*

- ties: *Scientific Notes* 7. Kazan, 92—120 (in Russian).
- Rudakov, V.G. 2000. In Belotserkovskaia, I.V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia* (A.P. Smirnov's Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology). Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 305—323 (in Russian).
- Rykov, P.S. 1929. In *Izvestiia Nizhne-Volzhskogo Instituta kraevedeniia im.M. Gor'kogo* (Proceedings of the Lower Volga Institute of the Regional Studies Named after M. Gorky) 3. Saratov, 132—156 (in Russian).
- Riabichkin, D.V. 1999. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh na gorodishche «Moshaiik» v Astrakhanskoi oblasti v 1999 g.* (Report on Archaeological Investigations in the “Moshaiik” Hillfort, Astrakhan Oblast, in 1999). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 24173 (in Russian).
- Sitdikov, A.G. 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gorodishche Moshaiik v Privolzhskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2011—2012 gg.* (Report on Archaeological Investigations in the Moshaiik Hillfort, Privolzhsky District, Astrakhan Oblast, in 2011—2012). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 35563—35566 (in Russian).
- Sitdikov, A.G. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Privolzhskogo, Kamyziakskogo i Krasnoiar-skogo raionov Astrakhanskoi oblasti v 2013 g.* (Report on Archaeological Field Surveys in Privolzhsky, Kamyzyak and Krasny Yar Districts, Astrakhan Oblast, in 2013). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 46647, 46648 (in Russian).
- Smirnov, A.P., Fyodorov-Davydov, G.A. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (4), 128—135 (in Russian).
- Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii* (Lists of Localities of the Russian Empire). 1861. Vol. II. Astrakhanskaia guberniia. *Spisok naselennykh mest po svedeniiam 1859 goda* (Astrakhan Province. List of Localities by Data of 1859). Saint Petersburg: Central Statistic Committee of the Ministry of Interiors (in Russian).
- Spitsyn, A.A. 1895. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1893 g.* (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1893), 77—94 (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy* (Collected Works Related to the History of the Golden Horde) 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arab-skikh* (Excerpts from Arab Writings). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* (Proceedings of the Astrakhan Provincial Statistic Committee) 5. 1877. Astrakhan (in Russian).
- Falk, J.P. 1824. *Zapiski puteshestviia Akademika Fal'ka* (Notes of Academician Falk's Journey). Series: Complete Collection of Scientific Journeys through Russia Published by Emperor's Academy of Sciences on the Suggestion of its President VI VI. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy* (Social Order of Golden Horde). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia* (Golden Horde Towns in the Volga Area). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy* (Coinage of the Golden Horde). Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).
- Filipchenko, V.A. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (1), 245—247 (in Russian).
- Chekalin, F.F. 1889. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komis-sii* (Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission) 2 (I). Saratov, 14—25 (in Russian).
- Chetverikov, S.I. 1991. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh gruntovogo mogil'nika «Maiachnyi-II» Krasnoiar-skogo raiona v 1991 g.* (Report on Rescue Excavations of the “Mayachnyi-II” Plain Necropolis, Krasny Yar District, in 1991). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 16750 (in Russian).
- Khlebnikov, P.Kh. 1907. *Astrakhan v starye gody* (Astrakhan of the Old Times) I. *Vtoraia polovina XVI veka* (Second Half of 16th Century). Saint Petersburg: Electro-typography of P. Ya. Stoikova (in Russian).
- Shilov, V.P. 1967. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1966 g.* (Archaeological Discoveries in 1966), 88—89 (in Russian).
- Shnaidshstein, E.V. 1979. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Narimanovskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1979 g.* (Report on Archaeological Field Surveys in the Narimanov District, Astrakhan Oblast, in 1979). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 7549 (in Russian).
- Shnaidshstein, E.V. 1990. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Krasnom Iaru Astrakhanskoi oblasti v 1990 g.* (Report on Archaeological Field Surveys in Krasny Yar, Astrakhan Oblast, in 1990). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 18977, 18978 (in Russian).
- Shnaidshstein, E.V. 1992. *Severnyi Prikaspii v drevnosti* (Northern Caspian Sea Region in Antiquity). Astrakhan (in Russian).
- Shtylko, A. 1897. *Astrakhanskaia letopis'* (Astrakhan Chronicle). Astrakhan: Typography of N.L. Rosliakov (in Russian).
- Evliya Çelebi. 1979. *Kniga puteshestviia (izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII v.)* (The Book of Travels. Extracts from the Tractate of a Turkish Traveller of the 17th Century) 2. *Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ia i Podon'ia* (Lands of the Northern Caucasus, the Volga Area and the Don Area). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Yurchenko, A.G. 2012. *Khan Uzbek: Mezhdru imperiei i islamom* (strukturny povsednevnosti). *Kniga-konspekt* (Khan Ozbeg: Between Empire and Islam (Daily Life Structures). Workbook). Saint Petersburg: “Evrasiia” Publ. (in Russian).
- Iuriev, A.D. 1996. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v 1996 g.* (Report on Archaeological Excavations in the “Mayachnyi Bugor-I” Plain Necropolis in 1996). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 20115, 20116 (in Russian).
- Yavorskaya, L.V. 2010. In Vasil'ev, D.V. (ed.). *Arkheologiya Nizh-nego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia* (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries). Astrakhan: Astrakhan University, 399—402 (in Russian).

**М. В. Цыбин,
Н. М. Савицкий**

Mikhail Tsybin. Candidate of Historical Sciences. Voronezh State University¹.

Цыбин Михаил Владимирович. Кандидат исторических наук. Воронежский государственный университет.

E-mail: mvcibin@yandex.ru

Nikolay Savitskiy. Candidate of Historical Sciences. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation².

Савицкий Николай Михайлович. Кандидат исторических наук. Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

E-mail: nmsavitskiy@yandex.ru

Addresses: ¹ University Sq., 1, Voronezh, 394006, Russian Federation; ² Patriots Ave., 53, Voronezh, 394065, Russian Federation

Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области

Keywords: Middle Don region, Golden Horde, mausoleum, crypt, nomads, aristocracy

Ключевые слова: Среднее Подонье, Золотая Орда, мавзолей, склеп, кочевники, аристократия

M. V. Tsybin, N. M. Savitskiy

The Complex of the Golden Horde Sites near Krasnyi Village, Bobrov District, Voronezh Oblast

The article offers materials of research on the complex of the Golden Horde sites found near Krasnyi village, Bobrov District of the Voronezh Oblast. The complex included the remains of two mausoleums, a settlement, and a kiln for firing bricks. Mausoleum 1 and the kiln were studied by V.P. Levashova in 1948. Here the main attention focuses on the results of excavations in mausoleum 2, conducted by the expedition of the Voronezh State University in 1989 and 2002. The dimensions of the mausoleum are 21,5×10,5 m. It belongs to a rare in the Golden Horde type of two-chamber rectangular mausoleums with a wide pishtak. The architectural decor of the mausoleum finds analogies among the materials of the Selitrennoe settlement on the Lower Volga. The crypt in the mausoleum was intended for interment of aristocratic members of the nomadic ulus in the Middle Don region. The complex under consideration is not the remains of an urban settlement.

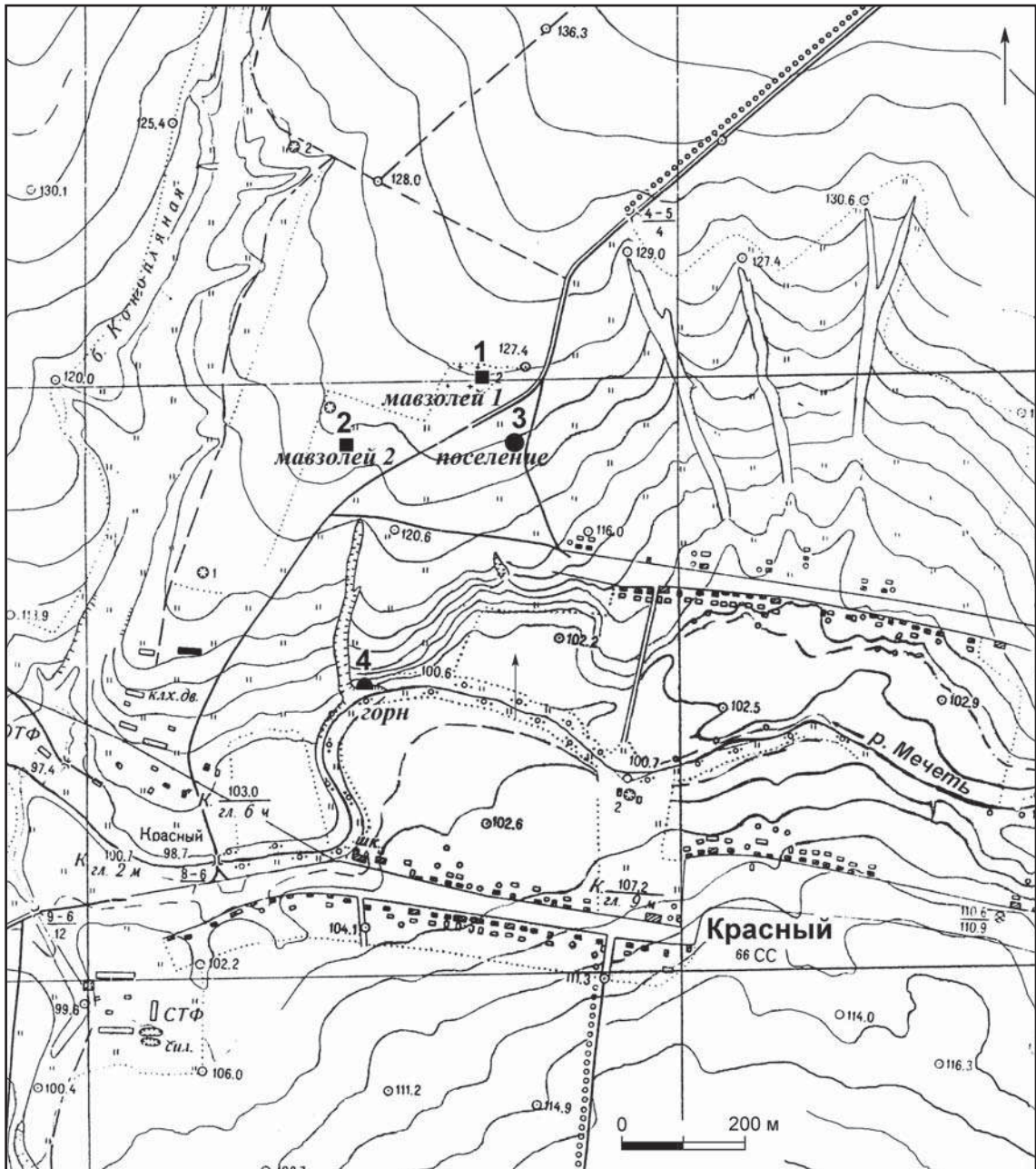
M. V. Tsybin, N. M. Savitskiy

Комплекс золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области

Публикуются материалы исследования комплекса золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области. Комплекс включал остатки двух мавзолеев, поселения, горна для обжига кирпичей. Мавзолей 1 и горн изучались В.П. Левашевой в 1948 г. Основное внимание уделено результатам раскопок мавзолея 2, проводившимся экспедицией Воронежского государственного университета в 1989 и 2002 гг. Размеры мавзолея 21,5×10,5 м. Он относится к редкому в Золотой Орде типу двухкамерных прямоугольных мавзолеев с широким пештаком. Архитектурный декор мавзолея имеет аналогии в материалах Селитренного городища в Нижнем Поволжье. Склеп в усыпальнице мавзолея предназначался для погребения представителей аристократии кочевого улуса в Среднем Подонье. Рассматриваемый комплекс не является остатками поселения городского типа.

На правом берегу р. Мечеть (левый приток р. Битюг) у пос. Красный Бобровского района Воронежской области находится самый северный по Дону комплекс золотоордынских памятников. Он включал остатки двух мавзолеев, поселения, горна для обжига кирпичей (рис. 1). В научной литературе фигурировал под названием «городище Красно-

хуторское» (Егоров 1985: 91, рис. 2). Остатки золотоордынских мавзолеев у пос. Красный впервые были упомянуты в отчете Ивана Жолобова, который в 1685 г. возглавлял военно-топографическую экспедицию, обследовавшую берега рек Битюг, Осередь, Дон. «Повыше того броду, — говорится в отчете, — с левой стороны с Нагайской степи

Рис. 1. Схема расположения золотоордынских памятников у пос. Красный Бобровского района Воронежской области (топографическая съемка середины XX в.): 1 — мавзолей 1; 2 — мавзолей 2; 3 — поселение; 4 — горн для обжига кирпича.

Fig. 1. The scheme of the Golden Horde sites near the Krasnyi village, Bobrovsky district of Voronezh region (topographic survey of the middle of 20th century): 1 — mausoleum 1; 2 — mausoleum 2; 3 — settlement; 4 — brick kiln.

пришла и впала в Битюк реку речка Мечеть. А лесов по ней нет. А вверху той речки на левой стороне стоит татарская мечеть каменная. А от того броду до мечети по сказке того ж воронежца Ивана Дрозжигина с товарищи версты с четыре. А по досмотру та мечеть стоит на степь в вышину сажени четыре, а около той мечети — сажень с десять. А своды вверху у той мечети развалились» («Доезд» 2006:

16). Обращает на себя внимание и название речки Мечеть, связанное с золотоордынским архитектурным памятником.

Остатки золотоордынских кирпичных зданий были обследованы в 1901 г. членом Воронежской ученой архивной комиссии М. П. Труновым. Тогда это были земли крестьян с. Мечетка Бобровского уезда Воронежской губернии (поселок Красный возник

в 20-е гг. XX вв.). Он отмечал, что два «каменных» кургана представляют собой развалины кирпичных построек (один «курган» имел в диаметре 50 аршин, высоту 3—4 аршина, второй, соответственно, 40 и 3 аршина). Наряду с кирпичами на поверхности «курганов» встречены изразцы, которые М.П. Трунов с помощью консультации специалистов правильно отнес к золотоордынскому периоду. Большой «курган» находился внутри четырехугольника, ограниченного валом незначительной высоты (длина четырехугольника 80 аршин, ширина 65) (Трунов 1902).

В 1947 г. сотрудница ГИМа В.П. Левашева проводила разведочные работы в этом районе, она осмотрела развалины зданий и в обрыве р. Мечеть нашла остатки горна для обжига кирпичей (Левашева 1947: 4—6). В 1948 г. В.П. Левашева полностью исследовала остатки горна и заложила раскоп на одном из холмов (первый курган по описанию М.П. Трунова). Во время Великой Отечественной войны жители поселка Красный устроили кладбище на одном из холмов. Именно этот холм и стал объектом исследования В.П. Левашевой (Левашева 1960: 175—185).

Она отмечала, что по внешнему виду этот холм похож на курганную насыпь высотой 1,6 м, диаметром 35 м. На его поверхности были кладоискательские ямы глубиной до 1,5 м. Южная и центральная части холма заняты кладбищем. Раскоп В.П. Левашевой имел площадь 64 кв. м (это две траншеи от подножия холма к вершине и широкий раскоп на северо-северо-западном секторе центральной части памятника). Полностью сохранившихся частей стен исследовательнице обнаружить не удалось. В.П. Левашева открыла северо-восточный угол фундамента здания. Местами прослежен пол мавзолея из кирпичей. Внутри здания были зафиксированы четыре погребения (два изучены полностью). Как пишет В.П. Левашева, погребения совершены в кирпичных склепах прямоугольной формы длиной 2—2,3 м, шириной 1—1,4 м, впущенных в материк на глубину до 0,5 м. Ориентировка склепов — запад-восток. Опорные стенки выложены в один кирпич (сохранилось до семи рядов). Пол в двух склепах был выложен кирпичом. О характере перекрытия В.П. Левашева не сообщает. Покойники были захоронены в деревянных гробах в вытянутом положении на спине головой на запад. В могиле №3 фиксировался разворот лица покойника к югу. Единственная вещь, найденная в могиле №2, это сердоликовый амулет-печать в виде прямоугольной пластинки с арабской надписью:

«Во имя Аллаха справедливого милостивого Победа от Аллаха и одоление близ[кое], и... правоверных» (Левашева 1960: рис. 2: 2). За пределами мавзолея было исследовано погребение в яме длиной 2,3 м, шириной 0,75 м, глубиной 0,8 м. В яме найдены гвозди от гроба.

В середине 80-х гг. прошлого века этот памятник осматривался М.В. Цыбиным. Площадь остатков мавзолея, который исследовала В.П. Левашева (назовем его мавзолеем 1), находилась под действующим кладбищем. Площадь второго здания (мавзолея 2) распахивалась. Явных следов поселения вокруг этих кирпичных построек не было. По словам местного населения, из остатков второго здания неоднократно добывался кирпич, при этом использовался бульдозер. Поэтому в 1989 г. были проведены разведочные раскопки на мавзолее 2. Были заложены два раскопа. В раскопе 1, площадью 8 кв. м., остатков строительной конструкции выявлено не было. А в раскопе 2, площадью 12 кв. м, был выявлен небольшой участок фундаментной кладки. Она не разбиралась, а была после фиксации законсервирована (Цыбин 1989). Стало очевидным, что исследование мавзолея 2 имеет перспективу, несмотря на сильнейшее разрушение этого памятника. В 2002 г., в связи с начавшимися на площади мавзолея 2 строительными работами, он был исследован экспедицией кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета (Цыбин и др. 2003: 200—201). Предварительная информация о результатах исследования данного комплекса отражена в печати (Цыбин 2007; Цыбин, Савицкий 2009; 2010; Зиливинская 2014).

Стены мавзолея 2 не сохранились. Фундамент здания не был углублен в материковое основание. Толщина погребенной почвы в пределах здания составляла около 0,4—0,45 м. Можно полагать, что такую толщину имела кирпичная фундаментная кладка на глиняном растворе. Фундаментные кирпичи укладывались на материковый суглинок. Толщина фундамента достигала 1,8 м. При строительстве здания были в основном использованы квадратные кирпичи размерами 23,5—24×23,5×24×5—6 см. Использовались также прямоугольные кирпичи шириной 10—12,5 см. Единичными экземплярами представлены кирпичи, имеющие форму трапеции.

Фундаментная кладка сохранилась фрагментарно. Однако фиксировалось направление и конфигурация фундаментной траншеи, размеры и конфигурация участков погребен-

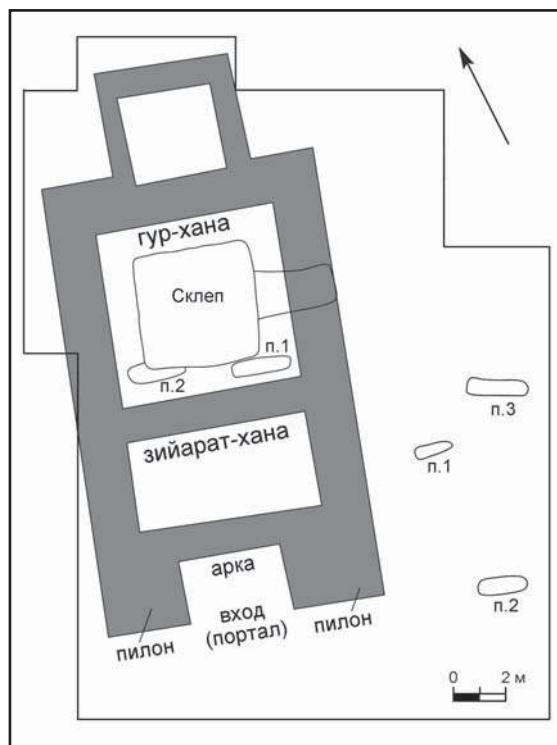

Рис. 2. План раскопа мавзолея 2.

Fig. 2. The plan of the excavation of the mausoleum 2.

ной почвы, отпечатки кирпичей фундаментной кладки на материковом основании.

Удалось установить, что мавзолей имел общие размеры примерно $21,5 \times 10,5$ м и был ориентирован по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 2). Основу плановой структуры мавзолея составляло прямоугольное помещение размерами около $14,5 \times 10,5$ м (по внешнему контуру), разделенное стеной на две камеры: усыпальницу (гур-хана) и место оплакивания (зийарат-хана). Размеры гур-ханы по внутреннему контуру около $6,8 \times 7$ м.

В гур-хане мавзолея находился полностью ограбленный склеп, имевший размеры $4,5 \times 4,6$ м и углубленный в материк до 1,5 м. В склеп вел вход-коридор, по которому прошла юго-восточная стена здания (рис. 2). На полу склепа местами сохранились кирпичи, скорее всего, от сплошной вымостки дна. Склеп, видимо, имел боковые опорные конструкции и перекрытие. Но об их характере данных получить не удалось. Не ясно и количество погребений, которые находились в склепе. Отметим лишь, что подобные сооружения в мавзолеях Золотой Орды достаточно редки (Васильев 2006).

Рядом со склепом выявлены два вторичных погребения. Стена котлована склепа была перерезана ямой погребения 2. Могильная яма имела овальную форму. Ее разме-

ры: длина — 2,14 м, ширина сохранившейся части — 0,8 м. Глубина ямы в материковом основании — до 0,42 м. Заполнение ямы — коричневым слоем с фрагментами средневековых кирпичей. Погребение 2 было полностью разрушено в позднейшее время. Кости скелета человека и находки из заполнения котлована склепа (фрагменты гвоздей, металлических изделий и половина серебряной пуговицы) могли быть связаны с погребением 2. Само погребение относится к периоду функционирования средневекового здания, но по времени совершения оно позже, чем сооружение склепа.

Над погребением 1 фиксировалось кирпичное перекрытие (видимо, сводчатое) (рис. 4: 1). Оно состояло из квадратных кирпичей ($23-24 \times 23-24 \times 5-6$ см), прямоугольных кирпичей шириной 11—11,5 см, а также частей квадратных кирпичей. Лишь один кирпич находился в вертикальном положении. Остальные кирпичи имели наклон внутрь могильной ямы или лежали в горизонтальной плоскости. За исключением одного кирпича, все остальные находились в площади могильной ямы. Кирпичное перекрытие сохранилось практически полностью. Скорее всего, перекрытие относится к типу А2—26 по классификации Д. В. Васильева (Васильев 2007: 76, рис. 5). Это двускатный свод, образованный тремя рядами кирпичей, стоящих на ребре между тычком и постелью. В черноземе, видимо, была ступенька, в которую упирались нижние концы кирпичей боковых рядов. Верхние концы кирпичей боковых рядов опирались на кирпичи центрального замкового ряда.

Могильная яма погребения 1 имела подпрямоугольную форму (рис. 4: 2). Ее длина — 2,36 м, ширина — до 0,6 м. Глубина в материковом основании — до 0,22 м, а от уровня, с которого копалась яма — около 0,6 м. Как уже говорилось выше, могла быть ступенька вдоль длинных сторон ямы. Погребенная женщина 25—35 лет (Казарницкий 2013: табл. 1) лежала в деревянном гробу вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Череп был развернут влево. Кисть левой руки находилась в области живота, правой — на бедре. У черепа лежала кость животного. От гроба сохранился древесный тлен и железные скобы, скреплявшие его (рис. 5: 1—5). Остатки тлена не прослежены в районе северного угла могильной ямы. Скобы скрепляли каждый угол гроба. Кроме того, по одной скобе фиксировалось ближе к центру коротких стенок гроба. Южная длинная стенка гроба скреплялась двумя скобами (у северной

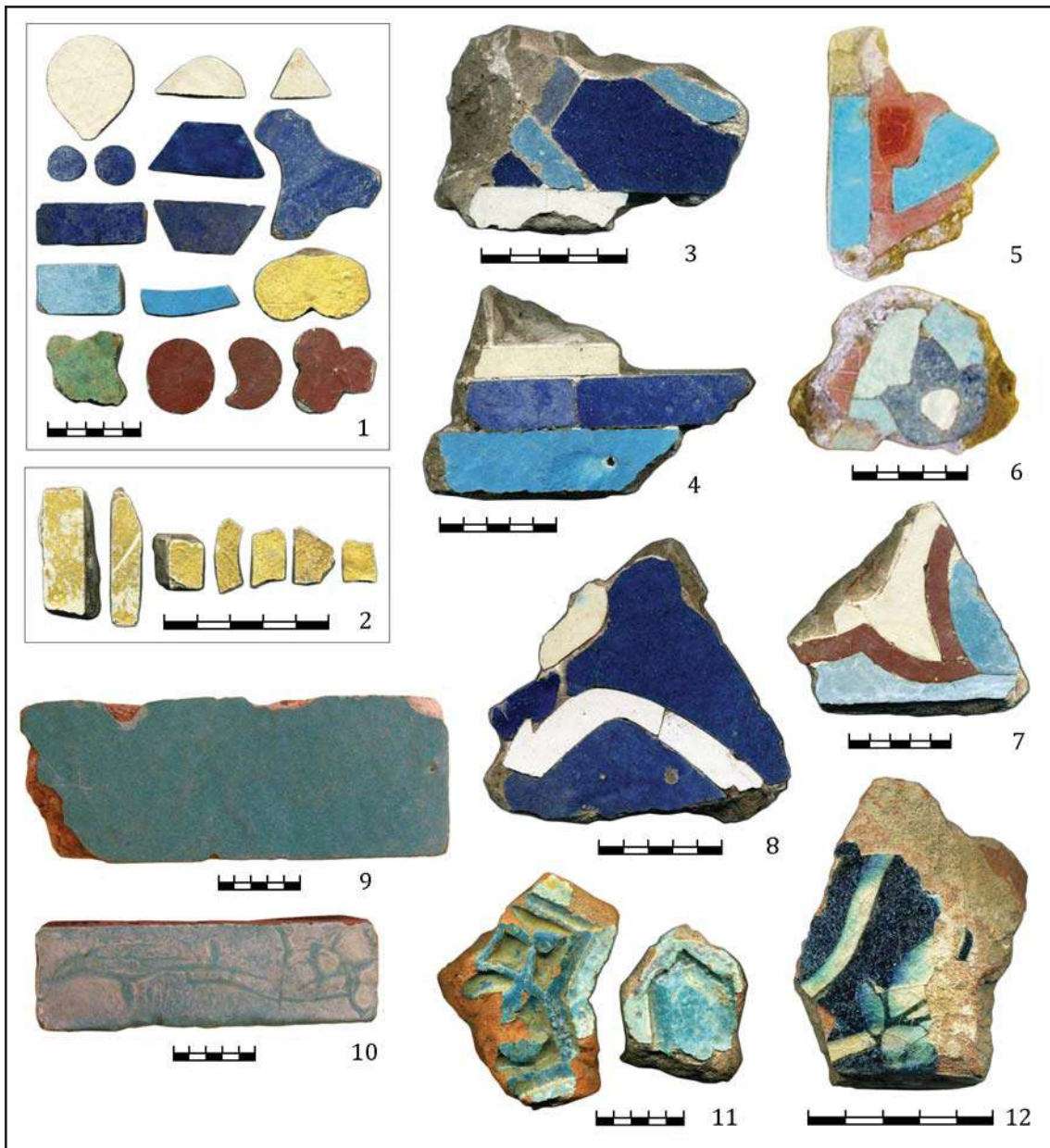

Рис. 3. Детали архитектурного декора мавзолея 2.

Fig. 3. Details of architectural decoration of the mausoleum 2.

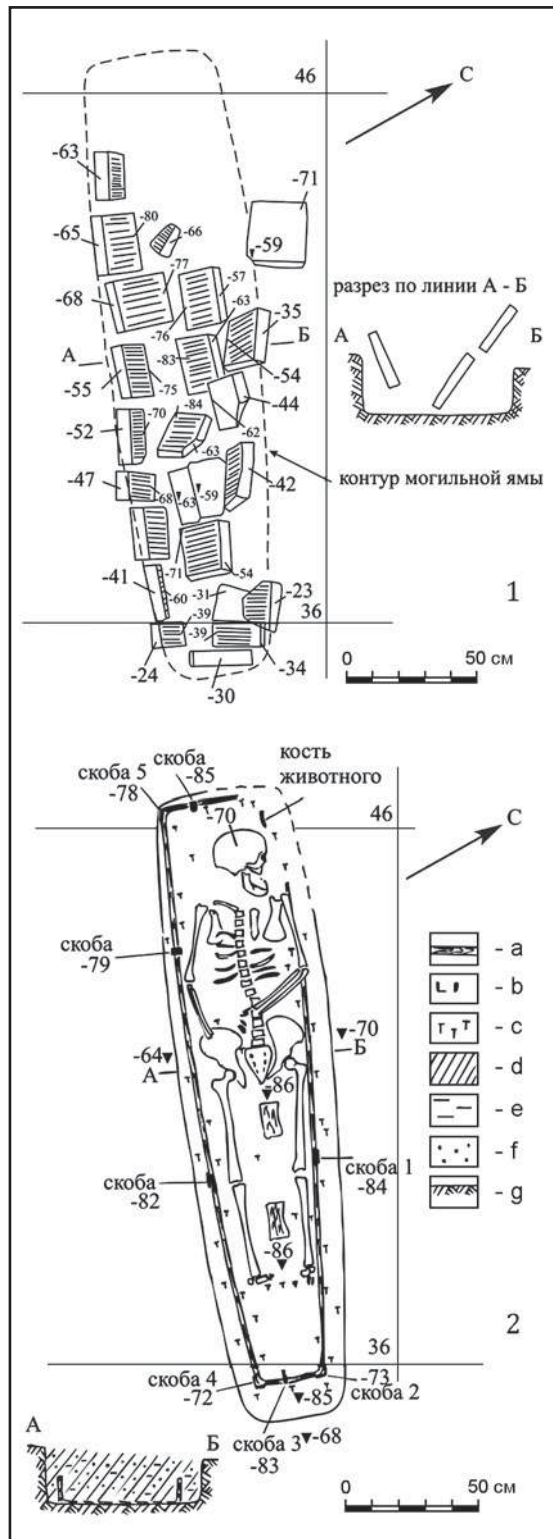
стенки сохранилась одна). Скобы имели фигурную форму. Они изогнуты под прямым углом. Длина сторон скоб 5,5—8 см, ширина — 2,5—3 см. Толщина пластин 1,5—3 мм. Некоторые гвозди, которыми крепились скобы, загнуты.

На внешней поверхности скоб — следы кожи, фрагменты кожи фиксировались и с внешней стороны древесного тлена. Таким образом, гроб был оббит кожей, которая могла крепиться небольшими гвоздями. На дне ямы и вдоль древесного тлена найдено 45 фрагментарно сохранившихся гвоздей (рис. 5: 6—9). Некоторые из них загнуты.

Фиксируемая по этому признаку толщина доски — 1,5—2 см.

По подсчетам Д.В. Васильева, среди погребений в мавзолеях около 35% были совершены в гробах (Васильев 2006). Разворот лица влево наблюдался лишь в 6% погребений. В погребении 1 положение рук также не является канонически правильным для мусульман. Лишь 51% погребений в мавзолеях были канонически правильными.

Судя по стратиграфическим наблюдениям и расположению, погребение 1 является более поздним по времени, чем погребение (погребения) в склепе. Возможно, оно синхрон-

Рис. 4. Погребение 1 в мавзолее 2. 1 — план и разрез кирпичного перекрытия; 2 — план и разрез погребения. Условные обозначения: а — дерево; б — скобы от гроба; с — гвозди; d — чернозем; e — суглинок; f — известь; g — материковое основание.

Fig. 4. Burial 1 in the mausoleum 2. 1 — plan and section of the brick cover; 2 — plan and section of the burial. Legend: a — wood; b — brackets from the coffin; c — nails; d — black soil; e — loam; f — lime; g — untouched land.

но погребению 2. Рядом с погребением найдена бусина из сердолика (рис. 9: 1).

С ССВ стороны к гур-хане было пристроено прямоугольное помещение, размерами по внутреннему контуру около 3,5×3,7 м, ширина помещения по внешнему контуру около 5 м. В этом помещении, судя по находкам костей человека и двух бронзовых бубенчиков с железными шариками внутри (рис. 9: 3, 4), также совершались захоронения, впоследствии разрушенные. Один из бубенчиков (рис. 9: 3) сохранился полностью. Второй бубенчик раздавлен (рис. 9: 4). Уровень пола в рассматриваемом помещении находился на уровне материкового основания.

Размеры зийарат-ханы — 3,5×7 м (по внутреннему контуру).

Длинные стены мавзолея с ЮЮЗ оканчивались пилонами шириной 3,2 и 3,6 м. Вход, видимо, перекрывался аркой, которая вместе с пилонами образовывала портал, украшенный мозаикой на кашине. При рассмотрении предложенного варианта реконструкции плана мавзолея следует учитывать практически полное разрушение остатков здания.

Значительный интерес представляет архитектурный декор мавзолея. Были найдены элементы мозаики на кашине (рис. 3: 1) и кашинные изразцы с продольными боковыми пазами (рис. 3: 9, 10) (всего более 13600 целых и обломков таких элементов). Элементы мозаики на кашине имели различную геометрическую форму. Сохранились фрагменты мозаичных панно с геометрическим орнаментом (рис. 3: 3, 4); с изображениями цветов (рис. 3: 5—7); видимо, с буквами (рис. 3: 8). Кашинные плитки имели толщину 1,6—2,4 см, наиболее часто их толщина составляла 1,8—2 см. Цвета поливы элементов мозаики следующие: ультрамариновый — около 40% элементов мозаики; бирюзовый — около 26%; белый — около 25%; красно-коричневый — около 4%; желтый — около 0,5%; зеленый — около 0,1%. Встречены элементы, покрытые золотой фольгой по белой поливе (рис. 3: 2) (96 экз., включая мелкие фрагменты) — около 0,7%. Элементы мозаики скреплялись гипсовым раствором (его толщина 3—5 см).

Встречены большие кашинные изразцы с продольными боковыми пазами, представленные преимущественно фрагментами (232 экз.) (рис. 3: 9, 10). Эти изразцы покрыты только поливой бирюзового цвета. Изразцы имеют различные размеры. Большая их часть, судя по сохранившимся обломкам, имела длину около 19 см, ширину — око-

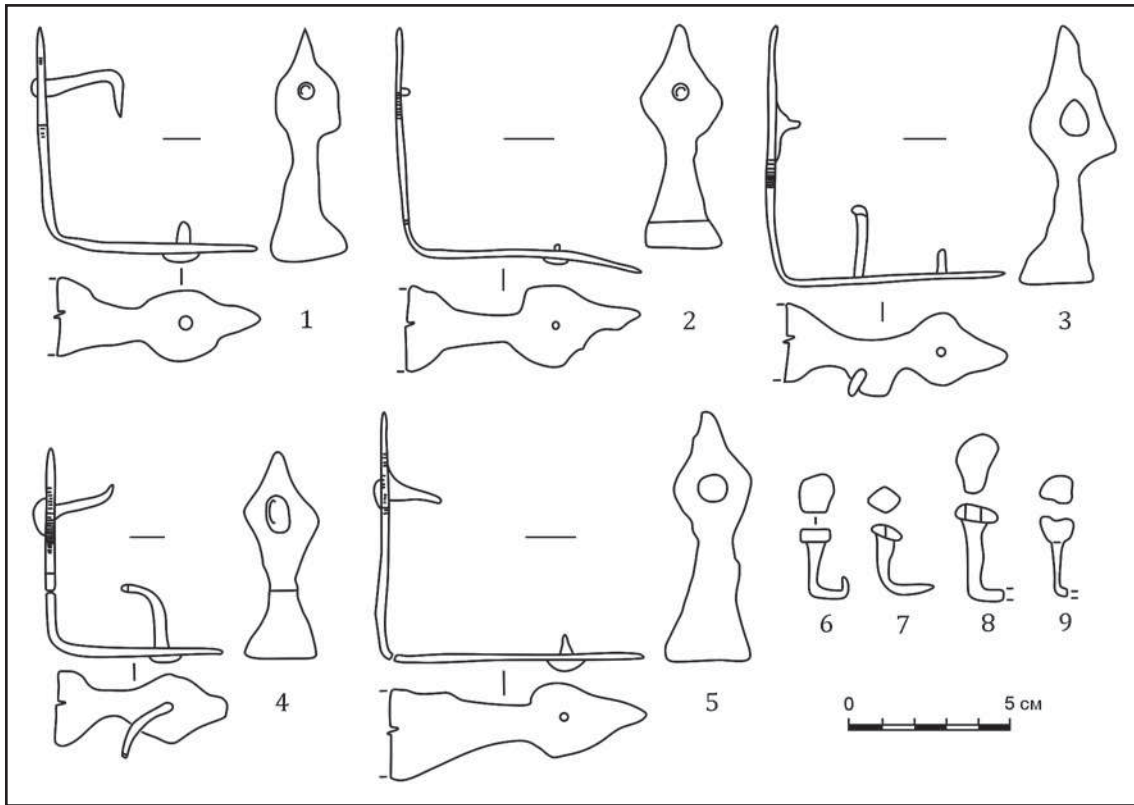

Рис. 5. Погребение 1 в мавзолее 2. Скобы (1—5) и гвозди (6—9) от гроба.

Fig. 5. Burial 1 in the mausoleum 2. Brackets (1—5) and nails (6—9) from coffin.

ло 6 см, толщину — около 5—6 см. Изразцы большего размера представлены единичными экземплярами. Один из них сохранился почти полностью. Его размеры: длина — 24 см, ширина — 9,2 см, толщина — 6 см (рис. 3: 9). Наиболее крупный изразец, сохранившийся частично, имел ширину 9,2 см, толщину — 11,5 см. Встречен фрагмент изразца шириной 11 см, при толщине 5,7 см.

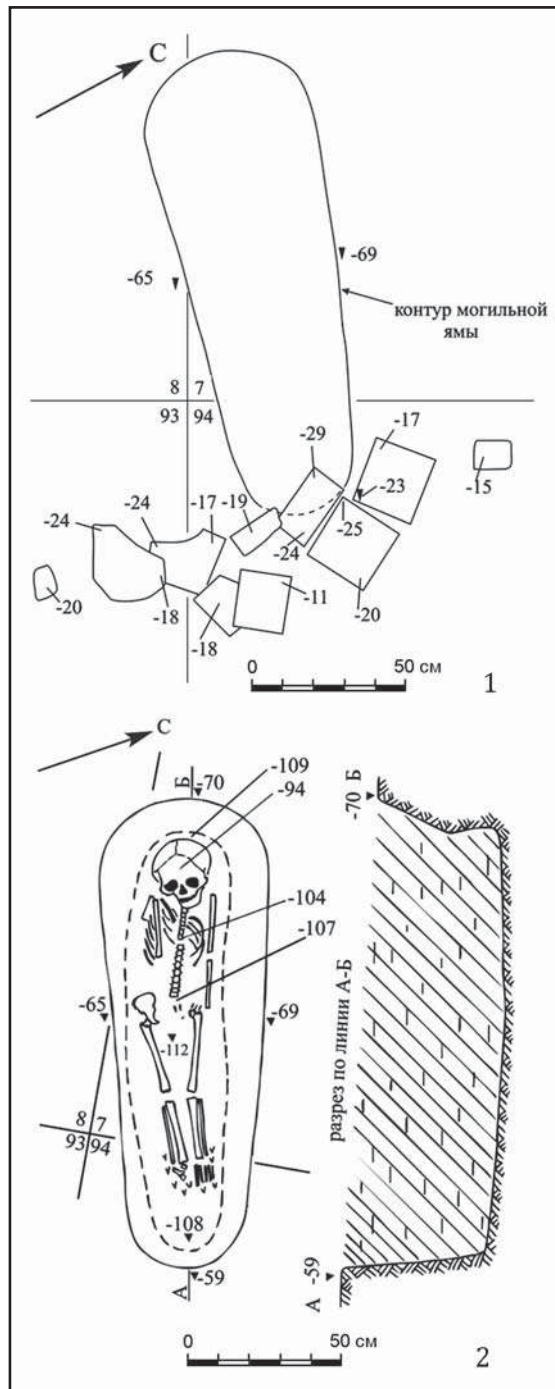
Планиграфический анализ распределения изразцов показал, что наиболее орнаментированным был вход в мавзолей. Именно у входа концентрировались элементы мозаики, покрытые золотой фольгой.

Встречены также два фрагмента штампованных терракотовых плиток (их толщина 3,2 и 3,8 см) (рис. 3: 11). Плитки покрыты поливой бирюзового цвета. Найден фрагмент майоличного изразца на глине (рис. 3: 12). Толщина плитки — 3,2 см.

Ближайшие аналогии архитектурному декору мавзолея у пос. Красный можно указать в Поволжье: например, мавзолей на Селитренном городище (Зиливинская 2008: 155—159, рис. 65; 69—73). Не исключено, что именно из поволжских центров в Побитюжье доставлялись основные элементы архитектурного декора.

По типологии Д.В. Васильева, рассматриваемый мавзолей относится к группе Б (двухкамерные), отделу 1 (прямоугольные двухкамерные), типу Б1-3 (двухкамерные прямоугольные в плане с широким пештаком) (Васильев 2007: 69, рис. 2). Двухкамерные мавзолеи в сводке Д.В. Васильева составляют около трети всех учтенных мавзолеев на территории Золотой Орды (Васильев 2003). Тип Б1-3 представлен лишь одним мавзолеем на Водянском городище (мавзолей №3) (Егоров 1980). Мавзолей построен из кирпича на каменном цоколе. Его размеры 16,6×10,5 м. В мавзолее было два помещения: зийарат-хана и гур-хана. Западная и восточная стены мавзолея с юга оканчивались пилонами. Вход перекрывался аркой, которая вместе с пилонами образовывала украшенный мозаикой портал (пештак) (Егоров 1980: рис. 6). Мавзолей 2 у пос. Красный практически полностью аналогичен по планировке мавзолею №3 Водянского городища. Есть и отличия: у мавзолея из Воронежской области есть пристроенное в ССВ стороны помещение, а в гур-хане — большой углубленный в материковое основание склеп.

За пределами мавзолея исследованы три погребения (рис. 2).

Рис. 6. Погребение 1 за пределами мавзолея. 1 — план остатков кирпичного надгробия; 2 — план и разрез погребения.

Fig. 6. Burial 1 outside of the mausoleum. 1 — plan of the remains of a brick gravestone; 2 — plan and section of burial.

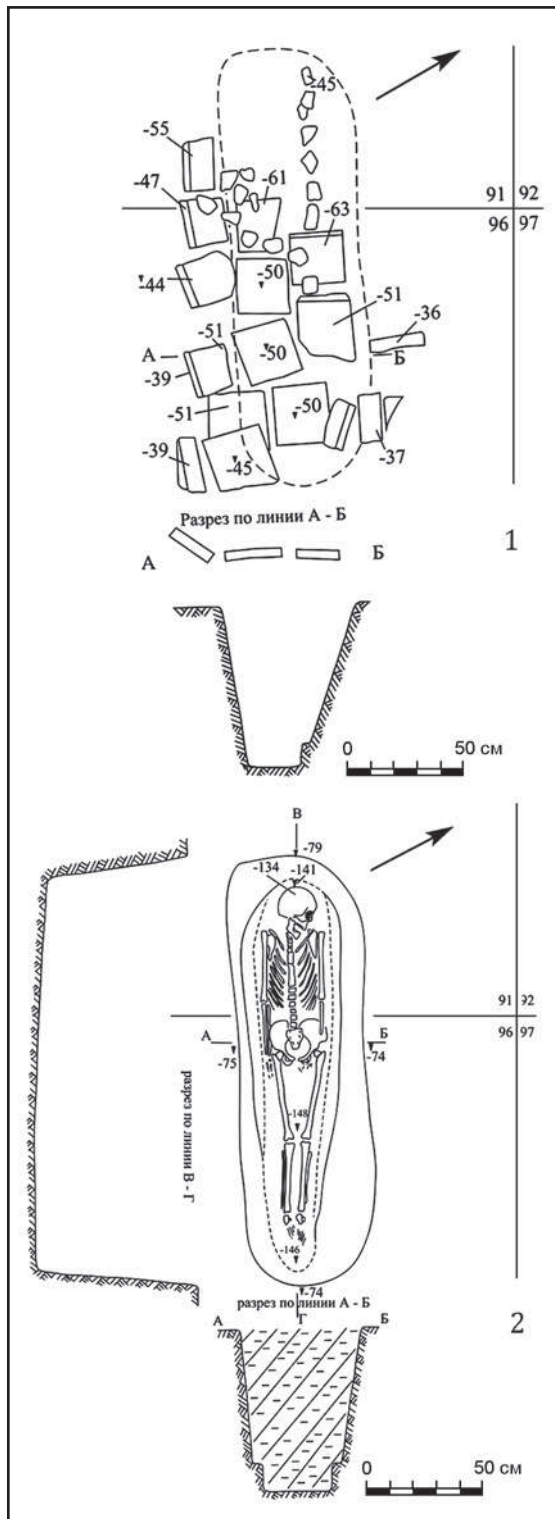
У погребения 1 за пределами мавзолея фиксировалось фрагментарно сохранившееся кирпичное надгробие (рис. 6: 1). Оно было сооружено из кирпичей разного размера и формы: три целых квадратных кирпича, один — прямоугольный, а также части и обломки кирпичей. Кирпичи составляли вымостку.

Пятно могильной ямы удалось зафиксировать только на уровне материкового основания, так как в заполнении ямы были значительные включения суглинка, аналогичного материковому основанию (также суглинок). Могильная яма имела овальную форму (рис. 6: 2). Ее размеры: длина — 1,5 м, ширина — до 0,54 м. Глубина ямы в материковом основании — до 0,5 м. Контур дна ямы имел овальную форму размерами 1,35×0,33 м. Заполнение ямы — чернозем с суглинком. В нем встречены несколько фрагментов средневековых кирпичей и мозаики на кашине. На дне ямы находился скелет ребенка (подростка). Умерший был положен вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, лицом вверх. Левая рука находилась вдоль туловища, отдельные фаланги лежали в области таза. От правой руки сохранилась только плечевая кость. В ногах погребенного встречены угольки. Каких-либо следов гроба не фиксировалось. Погребального инвентаря нет.

Над погребением 2 также фиксировалось кирпичное надгробие в виде вымостки (рис. 7: 1). Для сооружения надгробия использовались квадратные кирпичи, крупные части кирпичей и обломки. Кирпичи надгробия перекрывали площадь могильной ямы и выходили за ее контуры. Площадь пятна несколько отличалась по цвету и структуре (чернозем с суглинком) от материкового основания (суглинок с кротовинами).

Могильная яма имела овальную форму (рис. 7: 2). Ее размеры: длина — 1,94 м, ширина — до 0,61 м. Глубина ямы в материковом основании — до 0,74 м. У дна ямы вдоль длинных сторон есть ступенька шириной до 5 см (по классификации Д. В. Васильева, яма относится к типу А-4: Васильев 2007: 71). В данном случае можно говорить о щелевидной погребальной камере. Заполнение могильной ямы — чернозем с суглинком. В заполнении в центре ямы находился квадратный кирпич и обломок кирпича. На дне могильной ямы — скелет взрослого человека. Умерший (мужчина 25—35 лет) был уложен вытянуто на спине головой на ЗСЗ, лицом влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Следов гроба не фиксировалось. Погребального инвентаря нет.

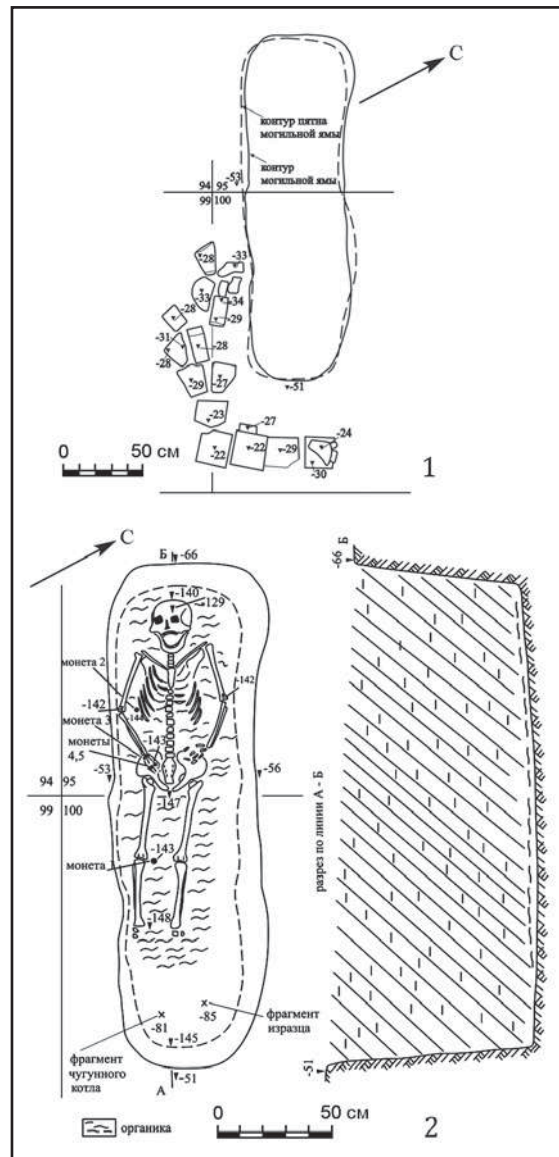
Рядом с погребением 3 фиксировался фрагмент кирпичной вымостки (рис. 8: 1). В ней были квадратные, прямоугольные кирпичи, их обломки, кирпич трапециевидной формы. Кирпичи лежали на слое чернозема толщиной 15—20 см. Сохранившаяся часть вымостки (надгробия?) не перекрывала пятна могильной ямы. Само пятно могильной

Рис. 7. Погребение 2 за пределами мавзолея. 1 — план и разрез кирпичного надгробия; 2 — план и разрезы погребения.

Fig. 7. Burial 2 outside of the mausoleum. 1 — plan and section of a brick gravestone; 2 — plan and sections of burial.

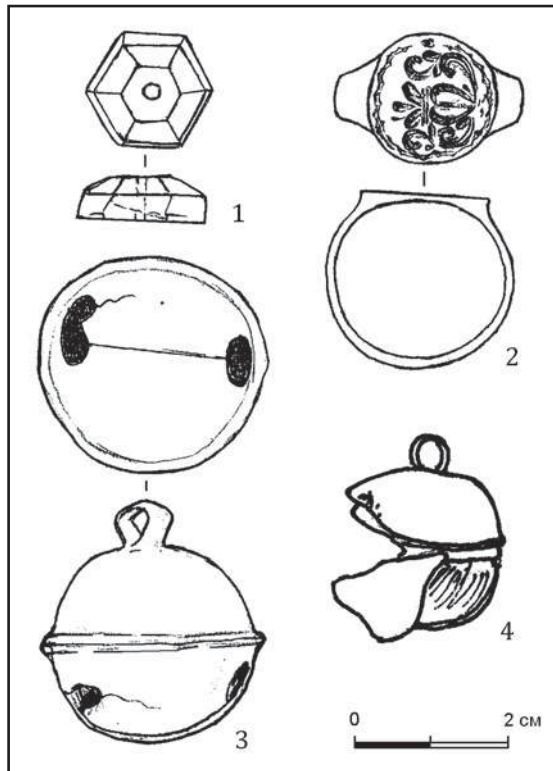
ямы четко выделялось на фоне материкового основания более светлым цветом (заполнение ямы — чернозем со светлым суглинком).

Рис. 8. Погребение 3 за пределами мавзолея. 1 — план остатков кирпичной вымостки (надгробия?); 2 — план и разрез погребения.

Fig. 8. Burial 3 outside of the mausoleum. 1 — plan the remnants of a brick coating surface (gravestone?); 2 — plan and section of burial.

Могильная яма имела овальную форму (рис. 8: 2). Ее размеры: длина — 2,3 м, ширина — до 0,73 м. Глубина ямы в материковом основании — до 0,94 м. Контур дна ямы имеет овальную форму, размеры 2,1 × 0,55 м. В заполнении ямы найдены фрагмент чугунного котла и фрагмент изразца (мозаики на кашине). Кроме того, в заполнении встречены фрагменты средневековых кирпичей. На дне могильной ямы лежал скелет взрослого человека. Под ним фиксировалась тонкая органическая прослойка черного цвета, толщиной до 1 см.

Рис. 9. Находки в мавзолее (1, 3, 4) и за его пределами (2): 1 — сердоликовая бусина; 2 — перстень из медного сплава; 3, 4 — бронзовые бубенчики.

Fig. 9. Finds in the mausoleum (1, 3, 4) and beyond (2): 1 — cornelian bead; 2 — copper alloy finger ring; 3, 4 — bronze bells.

Погребенная женщина 35—45 лет была положена вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, лицом вверх. Руки погребенной были слегка согнуты в локтевом суставе. Фаланги кистей рук лежали на тазовых костях. Под плечевой костью левой руки найден мелкий фрагмент мозаики на кашине с белой поливой.

В погребении найдены пять серебряных золотоордынских монет (дирхемов). Монета 1 найдена между коленными суставами ног; монета 2 — у локтевого сустава правой руки; монета 3 — под правой тазовой костью на дне могильной ямы; монеты 4 и 5 — на правой тазовой кости между фалангами правой кисти (видимо, эти монеты были в правой руке погребенной).

Определение монет проведено Е.Ю. Гончаровым. *Монета 1:* Токтамыш; на обеих сторонах — имя и титул; 790-е гг.х.; место чекана не определяется (западные районы Улуса). *Монета 2:* аналогична монете 1. *Монета 3:* Токтамыш; на реверсе — символ веры; дата и место чеканки не известны. *Монета 4:* подражание джучидской монете Сарая ал-Джедид. *Монета 5:* Токтамыш; чекан Азака; 780-е гг.х.

Учитывая тот факт, что в погребениях 1, 2, 3 за пределами мавзолея встречаются фрагменты мозаики, кирпичи, в кирпичных надгробиях использовались кирпичи, аналогичные тем, из которых возведено здание (есть и кирпич в форме трапеции), можно предполагать, что данные погребения совершены позднее времени возведения здания и, возможно, связаны с окончанием его функционирования. По мнению Е.Ю. Гончарова, комплекс монет из погребения 3 мог попасть в погребение в начале XV в.

По заключению А.А. Казарницкого, ближайшие аналогии мужскому брахикранному черепу с уплощенным лицом и слабо выступающим носом (погребение 2 возле мавзолея) обнаружались среди городского населения Золотой Орды, тюркских кочевников доноволжских и казахстанских степей и погребенных в Ханской усыпальнице и культурном слое Булгара. Женские черепа (погребение 1 в мавзолее и погребение 3 возле мавзолея) расположились среди серий южносибирского облика (Казарницкий 2013: 86).

За пределами мавзолея найден перстень из медного сплава (рис. 9: 2), но его связь с мавзолеем не ясна.

Погребения в мавзолее и за его пределами, несомненно, связаны с мусульманским населением. Склеп в мавзолее, судя по размерам здания и архитектурному декору, предназначался для погребения представителей кочевой аристократии Орды. Видимо, им же могли принадлежать и вторичные погребения. Как уже отмечалось, погребение 1 в мавзолее не соответствует в полной мере каноническим требованиям ислама. Находки колокольчиков, явно происходящих из разрушенных погребений, свидетельствуют о наличии доисламских элементов в верованиях погребенных в мавзолее.

Положение лица погребенного вверх в погребении 3 за пределами мавзолея, находки в нем монет также являются отступлением от канона. По мнению Д.В. Васильева, монеты, встреченные примерно в 4% проанализированных им погребений, связаны с языческой традицией (Васильев 2007: 141).

Следует подчеркнуть, что мавзолеи у пос. Красный удалены от центров оседлости в Орде, поэтому отступления от канонических требований ислама в некоторой степени можно объяснить этим обстоятельством. Отклонения от мусульманского обряда характерны для захоронений в мавзолеях на всей территории Золотой Орды, в том числе и в городах (Васильев 2006: 118). Мавзолеи у пос. Красный маркировали перифе-

рийный кочевой улус, среди населения которого доисламские верования сохранялись и во второй половине XIV в. В этой связи стоит упомянуть подкурганное кочевническое погребение, раскопанное М.П. Труновым в начале XX в. примерно в 8 км севернее мавзолеев. В погребении с северо-западной ориентировкой была деревянная конструкция, ряд вещей (золотая серьга, железная пряжка, чаша из «белого металла с примесью меди», покрытая куском парчи на подкладке. В районе ног погребенного найден медный кованый котел (Трунов 1902). В фондах Воронежского областного краеведческого музея сохранились части медного сосуда и фрагмент ткани из этого погребения.

В 2007 и 2008 гг. обследовалась округа мавзолеев. Был проведен сбор подъемного материала и шурфовка поселения, одновременного мавзолеям (площадь сбора подъемного материала 150 × 30 м). Поселение располагалось примерно в 140 м к юго-востоку от мавзолея 1. Были найдены немногочисленные фрагменты кирпичей с бирюзовой поливой, фрагменты штампованных терра-

котовых плиток с бирюзовой поливой, мозаики на кашине, фрагменты неполивной керамики. Явно, что крупного поселения (городища) не было. Около месторасположения горна для обжига кирпичей, исследованного В.П. Левашевой в 1948 г., культурный слой не выявлен (Савицкий 2010; 2011).

Мавзолеи у пос. Красный — самые северные по Дону золотоордынские архитектурные памятники. Они датируются серединой — второй половиной XIV в. Мавзолеи были сооружены для погребения представителей аристократии кочевого улуса в Среднем Подонье. Погребения в мавзолеях и за пределами мавзолея 2 не соответствуют в полной мере каноническим требованиям ислама. Архитектурный декор мавзолеев имеет близкие аналогии на Селитренном городище в Нижнем Поволжье. Возможно, что из поволжских центров в Побитюжье доставлялись основные элементы архитектурного декора. Существование поселения городского типа («городище Краснохуторское») на р. Мечеть археологическими материалами не подтверждено.

Литература

- Васильев Д.В. 2003. Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации. *Учёные записки Астраханского государственного университета*. Астрахань: Астраханский университет, 110—119.
- Васильев Д.В. 2006. Захоронения в золотоордынских мусульманских мавзолеях (опыт статистической обработки). В: Мурашева В.В. (отв. ред.). *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне*. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000). Москва: Нумизматическая литература, 117—118.
- Васильев Д.В. 2007. *Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование)*. Астрахань: Астраханский университет.
- «Доезд» 2006: Гамаюнов А.И., Яблонский А.Я. (публикация и предисловие). «Доезд» жильца Ивана Жолобова 1685 года: описание незаселённых территорий по рекам Битюг, Цна, Осередь и Дон, «мочно ли по тем рекам... построить города и слободы, и поселить села и деревни...». *Записки Липецкого областного краеведческого общества* V, 8—25.
- Егоров В.Л. 1980. Мавзолеи Водянского городища. *СА* (1), 74—89.
- Егоров В.Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Зиливинская Э.Д. 2008. *Усадьбы золотоордынских родов*. Астрахань: Астраханский университет.
- Зиливинская Э.Д. 2014. Мавзолеи западных районов Золотой Орды. *Крымское историческое обозрение* (1), 256—281.
- Казарницкий А.А. 2013. Краниологические материалы золотоордынского времени из Воронежской области. В: Матишов Д.Г. (отв. ред.). *Население Юга России с древнейших времен до наших дней*. Международная научная конференция. Донские антропологические чтения. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 82—87.
- Левашева В.П. 1947. *Отчет об археологическом обследовании в Воронежской области по р. Битюг от г. Боброва до устья Битюга в 1947 г.* Архив ИА РАН. Р-1. №142.
- Левашева В.П. 1960. Золотоордынские памятники в Воронежской области. *Труды ГИМ* 37, 175—185.
- Савицкий Н.М. 2010. Разведочные работы в Бобровском районе Воронежской области. *АО 2007 года*, 182.
- Савицкий Н.М. 2011. Разведочные работы в Бобровском районе Воронежской области. *АО 2008 года*, 203.
- Трунов М.П. 1902. Раскопки в Бобровском уезде. *Труды ВУАК I, XXXV—XLIV*.
- Цыбин М.В. 1989. *Отчет об исследованиях в Воронежской и Тамбовской областях в 1989 году*. Архив ИА РАН. Р-1. №14432.
- Цыбин М.В. 2007. Архитектурный декор золотоордынского мавзолея у пос. Красный Воронежской области. В: Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. (отв. ред.). *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.* II международная научная конференция (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.). Тезисы конференции. Ялта: Копи-Центр, 114—115.
- Цыбин М.В., Савицкий Н.М. 2009. Планировка мавзолея у пос. Красный Бобровского района Воронежской области. В: Килейников В.В. (отв. ред.). *Археологические памятники Восточной Европы* 13. Воронеж: ВГПУ, 218—220.
- Цыбин М.В., Савицкий Н.М. 2010. Погребения золото-

ордынского мавзолея у пос. Красный Бобровского района Воронежской области. В: Бессуднов А. Н. (отв. ред.). *Верхнедонской археологический сборник* 5. Липецк: ЛГПУ, 304—318.

Цыбин и др. 2003: Цыбин М. В., Матвеев Ю. П., Сафонов И. Е., Ковалевский В. Н. 2003. Исследования в бассейне реки Битюг на территории Воронежской области. *АО 2002 года*, 200—202.

References

- Vasil'ev, D. V. 2003. In *Uchenye zapiski Astrakhanskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Astrakhan State University)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 110—119 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evro-aziatskoi zone: Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu so dnia rozhdeniia G. A. Fedorova-Davydova (Towns and the Steppe in the Europe-Asia Contact Zone: Abstracts for the 3rd International Conference in Honor in the 75th Anniversary of G. A. Fyodorov-Davydov)*. Moscow: "Numizmaticheskaiia literatura" Publ., 117—118 (in Russian).
- Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).
- Gamaiunov, A. I., Yablonsky, A. Ya. (publ.). 2006. In *Zapiski Lipetskogo oblastnogo kraevedcheskogo obshchestva (Papers of the Lipetsk Oblast Society for Local Studies)* V, 8—25 (in Russian).
- Egorov, V. L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 74—89 (in Russian).
- Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2008. *Usad'by zolotoordynskikh gorodov (Manors in the Golden Horde Cities)*. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2014. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean Historical Review)* (1), 256—281 (in Russian).
- Kazarnitskii, A. A. 2013. In Matishov, D. G. (ed.). *Naselenie Iuga Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Residents of Southern Russia from the Earliest Times to Present Days)*. Series: Donskie antropologicheskie chteniia (Don Anthropological Readings). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 82—87 (in Russian).
- Levasheva, V. P. 1947. *Otchet ob arkheologicheskom obsledovanii v Voronezhskoi oblasti po r. Bitiug ot g. Bobrova do ust'ia Bitiuga v 1947 g. (Report on Archaeological Survey in the Voronezh Oblast, in the Bitiug River Basin from the Bobrov Town to the Bitiug Mouth, in 1947)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-I, no. 142 (in Russian).
- Levasheva, V. P. 1960. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 37, 175—185 (in Russian).
- Savitskiy, N. M. 2010. In *Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries) 2007 goda*, 182 (in Russian).
- Savitskiy, N. M. 2011. In *Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries) 2008 goda*, 203 (in Russian).
- Trunov, M. P. 1902. In *Trudy Voronezhskoi uchenoi arkhivnoi komisii (Proceedings of the Voronezh Scientific Archival Commission)* I, XXXV—XLIV (in Russian).
- Tcybin, M. V. 1989. *Otchet ob issledovaniakh v Voronezhskoi i Tambovskoi oblastiakh v 1989 godu (Report on Investigations in the Voronezh and Tambov Oblasts in 1989)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 14432 (in Russian).
- Tcybin, M. V. 2007. In Bocharov, S. G., Koval, V. Yu. (eds.). *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X—XVIII vv. (Glazed Pottery of Eastern Europe, the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Yalta: "Kopi-Tsentr" Publ., 114—115 (in Russian).
- Tcybin, M. V., Savitskiy, N. M. 2009. In Kileinikov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 13. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 218—220 (in Russian).
- Tcybin, M. V., Savitskiy, N. M. 2010. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers)* 5. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 304—318 (in Russian).
- Tcybin, M. V., Matveev, Yu. P., Safonov, I. E., Kovalevskii, V. N. 2003. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2002 goda (Archaeological Discoveries in 2002)*, 200—202 (in Russian).

З. В. Доде

Zvezdana Dode. Doctor of Historical Sciences. Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences¹.

Доде Звездана Владимировна. Доктор исторических наук. Южный научный центр Российской Академии наук.

E-mail: zvezdana.dode@gmail.com

Address: ¹ Chekhov St., 41, Rostov on Don, 344006, Russian Federation

Ртутный странник: об исследовании одного средневекового погребения

Keywords: Central Asia, Mongol Empire, Golden Horde, medieval nomads, Shumaevo cemetery, burial with mercury, archaeological textiles, defleshing, radiocarbon analysis, embalming, funerary rite

Ключевые слова: Центральная Азия, Монгольская империя, Золотая Орда, средневековые кочевники, Шумаевский могильник, погребение с ртутью, археологический текстиль, дефлешинг, радиоуглеродный анализ, бальзамирование, погребальный обряд

Z. V. Dode

Mercury Wanderer: a study of a medieval burial

The excavation process of a unique medieval burial containing mercury in one of the kurgans of the Shumaevo burial ground was conducted with a number of methodological and analytical errors, that resulted in an incorrect attribution of the complex to the period of the Golden Horde. "Technical details" that were taken for granted without any critical examination were reproduced in a number of publications and engendered a number of invalid conclusions regarding the origin, social station and spiritual habits of the Shumaevo warrior. New data obtained from studying textiles from the burial indicate the mistaken dating of the burial and the premature nature of the conclusions regarding the complex's connection with the political and cultural history of the Mongols. The burial was made by the early medieval nomads that were dominant in Central Asia long before the arrival of the Mongols.

З. В. Доде

Ртутный странник: об исследовании одного средневекового погребения

В процессе раскопок уникального средневекового погребения с ртутью в одном из курганов Шумаевского могильника был допущен ряд методических и аналитических ошибок, приведших к неверному выводу о принадлежности комплекса к золотоордынским древностям. Воспринятые на веру, без критического анализа и повторенные в ряде публикаций, «технические подробности» стали обрастать ложными заключениями о происхождении, социальном положении и духовных пристрастиях шумаевского воина. Новые данные, полученные в результате изучения массива тканей, указывают на ошибочность датировки погребения и поспешность выводов, отражающих связь комплекса с культурно-политической историей монголов. Погребение кочевника было совершено раннесредневековыми номадами, господствовавшими в Центральной Азии и за ее пределами задолго до появления там монгольских племен.

В начале этого столетия (2000—2002 гг.) в результате исследования курганных могильников в окрестностях села Шумаево в Ташлинском районе Оренбургской области археологической экспедицией Оренбургского государственного педагогического университета под руководством Н. Л. Моргуновой было выявлено уникальное погребение средневекового кочевника (Шумаевский II, курган 7, погребение 5). Погребение сопро-

вождалось захоронениями двух лошадей и отличалось богатством инвентаря (наступательное и оборонительное вооружение, конская упряжь, железный котел, серебряная чаша, шелковые ткани). Исключительность комплекса обуславливается присутствием в погребении ртути. Полученный материал был незамедлительно введен археологами в научный оборот в контексте опубликованного отчета о работах экспедиции (Моргунова

и др. 2003: 107—117, 222—223). Дата погребения — XIII—XIV вв. — и его принадлежность «тюркскому богатому и знатному воину-профессионалу» были предложены несколько позже в статье И. В. Матюшко (Матюшко 2008: 147). Такая датировка и этнокультурная атрибуция комплекса первоначально не вызвали вопросов и легли в основу осмысления материала другими специалистами.

Особый случай применения ртути в погребальном обряде привлек внимание исследователей истории Монгольской империи, которые интерпретировали его как проявление буддийской погребальной традиции в кочевой среде в период владычества монголов в евразийском пространстве (Костюков 2009: 227; Юрченко 2013: 266—269) и как пример «яркой манифестации элитарной имперской мифологии» (Юрченко 2012: 267). По их мнению, погребение шумаевского кочевника является эталонным для рассмотрения погребений золотоордынского времени с признаками буддийских практик (Юрченко 2012: 263).

Иначе подошел к культурно-хронологической атрибуции шумаевского комплекса П. В. Харламов. На основе анализа вооружения он пришел к заключению, что погребение было совершено в домонгольское время, во второй половине XII — первой половине XIII века, и предположил, что «умерший был наемником на службе хорезмшахов» (Харламов 2013: 162—164).

Такова краткая история изучения и интерпретации материалов из кочевнического погребения с ртутью из Шумаевских курганов.

После опубликования результатов раскопок текстиль из шумаевского погребения был передан руководителем работ Н. Л. Моргуновой для исследования в ГУП «Наследие» (г. Ставрополь). В нашем распоряжении оказались фрагменты шелковых тканей¹, кожаного изделия с бронзовы-

ми бляхами, череп, покрытый несколькими слоями разных тканей, несколько мелких костей верхних и нижних конечностей, ключичная кость и позвонок погребенного человека². Результаты работы с тканями вышли за рамки текстильной проблематики и при-

ся в другой коробке и находившиеся там вместе с фрагментами разрушенного деревянного предмета. Поскольку, согласно надписи на коробке («II Изобил Мавзолей парча»), фрагменты происходят из другого памятника, то при исследовании шумаевского погребения эти фрагменты не рассматривались. В дальнейшем анализ структуры данных текстильных фрагментов выявил их полную идентичность с шелком с драконами из бумажного свертка. Это дало основание предположить, что крупные фрагменты ткани с изображением драконов из безымянного бумажного свертка и мелкие фрагменты ткани вместе с остатками деревянного предмета из подписанной коробки происходят из одного памятника — сырцового склепа, открытого во II Курганном могильнике у села Изобильное Оренбургской области. Согласно полевому отчету, под одним из двух костяков, захороненных в склепе, были «прослежены остатки тонких досок (толщина 1 см). На них в районе обеих рук, правой ноги и черепа прослежены остатки ткани (шелк?) с растительным узором, наиболее хорошо сохранившимся около правой голени (рис. 21)» (Турецкий 1994: Л. 14). Несмотря на то, что в описании говорится о растительном узоре, на указанном рисунке представлен текстильный фрагмент с четким изображением лапы дракона, полностью соответствующим орнаментике ткани, переданной вместе с материалами из шумаевского могильника. В подписи к рисунку значится: «II Изобильненский мог-к. Курган I/мавзолей/. Фрагмент ткани/шелк?/из погребения» (Турецкий 1994: Л. 35). По заключению М. А. Турецкого, автора отчета о раскопках Изобильненского могильника, погребение, содержащее ткань, «судя по деталям обряда... может относиться к золотоордынской эпохе. Сочетание мусульманских и домусульманских черт погребального обряда позволяет ограничить рамки его сооружения п/п XIV века» (Турецкий 1994: 14). Такая датировка соответствует и предложенной нами атрибуции шелковой ткани с драконами, а сама ткань не имеет отношения к шумаевскому погребению, поскольку была обнаружена во II Изобильненском курганном могильнике и передана вместе с материалами из Шумаевского могильника ошибочно.

¹ Среди переданных материалов из шумаевского захоронения, в отдельном бумажном свертке, находилась ткань с изображением драконов. Орнаментика и техника изготовления этой ткани характерны для текстиля монгольского времени, что соответствовало первоначальной датировке комплекса XIII—XIV вв., предложенной И. В. Матюшко. На этом основании шелк с драконами был рассмотрен в контексте монгольских древностей (Доде 2012: 270—272). Однако в процессе исследования других текстильных находок и дискуссии об иной культурно-хронологической атрибуции шумаевского погребения появились сомнения относительно принадлежности ткани с драконами к этому комплексу. В связи с этим, важными оказались мелкие фрагменты ткани, содержавшие

² В настоящий момент все антропологические останки погребенного находятся на исследовании в Отделе судебно-медицинской идентификации личности Российского Центра судебно-медицинской экспертизы (г. Москва), руководимом антропологом, д. м. н., В. Н. Звягиным. В скором времени в отдельной работе им будут представлены результаты полного антропологического исследования костных останков «ртутного странника». С любезного позволения В. Н. Звягина я привожу здесь его мнение, высказанное им устно при нашем обсуждении шумаевского комплекса. Приношу свою благодарность А. А. Хохлову за содействие в передаче антропологических материалов в РЦСМЭ. Фотографии — И. В. Кожевников, рисунки тканей и графическая обработка изображений — М. М. Хитеева.

вели к заключениям, отличающимся от выводов исследователей памятника. Новые данные, полученные в результате изучения всего массива тканей, указывают на ошибочность датировки погребения и поспешность выводов, отражающих связь комплекса с культурно-политической историей монголов. Вновь полученная информация была сообщена Нине Леонидовне Моргуновой и, пользуясь случаем, выражаю ей признательность не только за предоставленный материал, но и за готовность к обсуждению сомнительных моментов в интерпретации рассматриваемого комплекса.

Опыт работы со средневековыми кочевническими памятниками, содержащими органические находки, позволяет нам иначе представить картину шумаевского погребения, обосновать его датировку и культурную принадлежность, что и является целью данной статьи.

Поскольку без знакомства с погребением *in situ* сложно оспаривать ситуацию, описанную непосредственным раскопщиком, обсуждение первичной фиксации материала, представленного в археологическом отчете, не может быть паритетным. Вместе с тем следует отметить, что средневековое захоронение шумаевского кочевника являлось впускным в кургане, сооруженном в конце эпохи ранней — начале эпохи средней бронзы (Моргунова и др. 2003: 117). Оно было раскопано авторитетным специалистом в области археологии бронзового века, однако органические материалы в средневековых комплексах требуют особой методики расчистки, фиксации и извлечения. Отсутствие соответствующего опыта может привести к заблуждениям вследствие субъективного восприятия материала и его интерпретации. Поэтому возражения в большей степени вызывают выводы, полученные в результате анализа и, как предполагается, осмысления комплекса специалистом по быту средневековых кочевников И.В. Матюшко. Цель своей статьи И.В. Матюшко видела в определении датировки и этнической принадлежности погребения, а также анализе погребального обряда и способа бальзамирования (Матюшко 2008: 141). На деле, в ее статье в большинстве случаев пересказывается первичная информация из археологического отчета. Фотодокументация, которая бы подтверждала описываемую автором ситуацию («обмазка из глины и шерстяной ткани на костях ног и таза погребенного», «кожаные повязки на его бедренных и берцовых костях», «шелковые ленты на грудной клетке и голо-

ве», «шерстяная ткань на черепе», «ртуть под позвоночными дисками» и т.д.), отсутствует. Аргументация в статье И.В. Матюшко основывается на трансформации предположения в утверждение. Автор априори признает золотоордынское время шумаевского погребения и для обоснования его датировки прибегает к явным натяжкам. Надуманными являются как заключение о снятии с костей умершего мягких тканей и бальзамировании останков глиняной обмазкой с содержанием ртути, так и установленные автором цели использования ртути в данном погребальном комплексе. Возражения вызывают утверждения об отсутствии на погребенном одежды и обуви. Данные антропологического исследования не соответствуют действительности. И как результат, обоснование культурно-хронологической принадлежности шумаевского погребения, предложенное И.В. Матюшко, оказывается крайне неубедительным. Воспринятые на веру, без критического анализа, и повторенные другими авторами «технические подробности» об освобождении костей умершего от мягких тканей и покрытии их глиняной обмазкой, содержащей ртуть, изложенные в статье И.В. Матюшко, привели историков к ложным заключениям о происхождении, социальном положении и духовных пристрастиях шумаевского воина (см. Юрченко 2012: 263, 265, 272).

Одежда

Одним из аргументов, поддерживающим надуманный тезис об освобождении костей умершего от мышечной массы, стало ошибочное утверждение об отсутствии на погребенном одежды. В отчете сказано, что «первоначально с умершего, видимо, были удалены мягкие ткани. Подтверждением данного предположения служит факт отсутствия каких-либо признаков наличия одежды, в то время как наблюдается хорошая сохранность тканей погребального савана» (Моргунова и др. 2003: 112).

В действительности же определение текстильных фрагментов, обнаруженных при расчистке погребения, как «тканей погребального савана» или «бинтов» и «шелковых лент» (Моргунова и др. 2003: 112) ошибочно. Дело не столько в том, что погребальное покрывало или специальное одеяние для усопшего отличаются от пеленального материала в виде длинных повязок, которыми в некоторых случаях обвивают мумифицированное тело. Путаница в терминах свидетельствует

Рис. 1. Фрагменты ткани верхней одежды. Самит (саржа 1:2 Z), шелк.

Fig. 1. Fragments of outerwear fabric. Samit (twill 1: 2 Z), silk.

ет об отсутствии у исследователей шумаевского комплекса ясного представления о том, чем в действительности являлся сохранившийся текстиль, и искажает реальную ситуацию в шумаевском погребении. В процессе научного анализа материалов И. В. Матюшко не стала разбираться в характере текстильных находок, повторив лишь, что «шелковые ткани представляли собой ленты» (Матюшко 2008: 142), что не соответствует действительности.

Ниже приводится сопоставление результатов анализа текстильных и кожаных фрагментов с данными археологического отчета.

Сохранившиеся текстильные куски имеют разные размеры, конфигурацию и соединительные швы (рис. 1), а в некоторых случаях, по-видимому, и подкладочную ткань; прослеживаются детали кроя и отделки: на одном из фрагментов верхнего платья (судя по всему, полочке) сохранилась двойная планка размером 38×4,3 см (рис. 2). Узорные

ткани вытканы в одной ткацкой технике цветными шелковыми нитями. Ткани полотняного переплетения изготовлены из шелкового и растительного сырья (льна и хлопка) (см. Приложение 2).

Обнаруженный «на запястье и кисти правой руки... кусок шелковой ткани, свернутый в несколько слоев и прошитый по краям», интерпретированный Н. Л. Моргуновой как «повязка» (Моргунова и др. 2003: 112, 113), представлял собой вложенные один в другой фрагменты нижней части рукавов двух платьев, сшитых из разных шелковых тканей, вытканых в технике самит саржевым переплетением с преобладанием образующих орнамент цветных уточных нитей на лицевой поверхности, заработанных от кромки до кромки (рис. 3).

Верхнее платье было сшито из шелковой ткани, отличавшейся от ткани нижней одежды (саржа 1:2 S — на нижней ткани, саржа 1: 2 Z — на верхней). Рисунок на ткани нижней одежды утрачен из-за практически полной деструкции красителя на узоробразующих утках (рис. 4). На кусках ткани верхнего платья сохранились фрагменты орнамента, что позволило реконструировать раппорт узора. Эта ткань заткана сложным растительноманималистическим орнаментом с изображением козорогов (рис. 5; 5а).

На отдельных спрессованных кусках текстиля между изнаночной поверхностью верхнего и лицевой поверхностью нижнего платья прослежена шелковая ткань полотняного переплетения, что с большой долей вероятности позволяет предположить наличие подкладки на верхнем платье.

В отчете указано, что «Верхняя часть туловища и голова были в три слоя забинтованы шелковыми лентами. Бинты от плеч переходили на череп, внахлест покрывая голову. Под подбородком обнаружен сложный узел, скреплявший обмотку черепа и грудной клетки»³ (Моргунова и др. 2003: 112).

В действительности же голова погребенного не была забинтована. Куски тканей

Рис. 2. Фрагмент детали верхней одежды (полочки?) с планкой.

Fig. 2. Fragment details of outer clothing (shelves?) with a strap.

из шелковых и растительных волокон сохранились только на лицевой поверхности черепа и лежали поверх естественно мумифицированных кожных покровов (рис. 6; 7). На задней поверхности черепа хорошо прослеживается фрагмент деревянного предмета, вероятно, от носилок, на которых лежал умерший (См. Моргунова и др. 2003: 109) (рис. 8). Между костями черепа и деревом нет текстильной прослойки, что опровергает довод о бинтовании головы и предполагает иную трактовку фрагментов тканей, сохранившихся на лице погребенного. Поскольку шелковая ткань на черепе аналогична ткани от рукава нижней одежды, то фрагменты этих тка-

³ Повторив это ошибочное утверждение, И.В. Матюшко дополнила его неподтвержденной информацией о наличии в «обмотке» головы шерстяной ткани (Матюшко 2008: 142). Не разобравшись в характере сохранившегося в погребении текстиля и прямо следуя тексту археологического отчета, И.В. Матюшко утверждала, что «грудная клетка погребенного была обмотана шелковой тканью в несколько слоев» (Матюшко 2008: 142). Однако шелковые ткани в области грудной клетки, по всей видимости, являлись не обмоткой, а деталями одежды шумаевского воина.

Рис. 3. Фрагменты ткани на запястье и кисти правой руки: 1 — в момент поступления в лабораторию ГУП «Наследие»; 2 — два фрагмента от нижней части рукавов нижнего и верхнего платья после сухой чистки.

Fig. 3. Fragments of the textile on the wrist and the wrist of the right hand: 1 — at the time of arrival in the laboratory of State Unitary Enterprise "Heritage"; 2 — two fragments from the bottom of the sleeves of the lower and upper dress after dry cleaning.

ней, по всей видимости, являются частями одного платья.

Упомянутый «сложный узел» относился к сшитым завязкам из коричневого шелка (рис. 9). Несколько кусков из аналогичного шелка выявлены среди других текстильных находок. Размеры и форма этих фрагментов со следами соединительных швов позволяют отождествить их с завязками от одежды. Наиболее вероятно, что лицо умершего было накрыто полой нижнего платья с шелковыми завязками, связанными узлом и, как указано в отчете, прослеженными при расчистке под подбородком погребенного.

По наблюдению Н.Л. Моргуновой, на лицо умершего был положен «кусоч материи белого цвета простого плетения» (Моргунова и др. 2003: 112). Эта льняная

ткань⁴, действительно, сохранилась среди текстильных фрагментов на лицевой поверхности черепа. Аналогичная ткань полотняного переплетения из льняных нитей также зафиксирована поверх металлических бляшек на обуви погребенного (рис. 11а). Поскольку отмеченное на черепе льняное полотно находилось поверх шелковых тканей, а на сапогах — поверх металлических бляшек, его, с большей долей вероятности, можно интерпретировать как остатки погребального покрывала, которым накрыли умершего, одетого в шелковые одежды. Надо полагать, что упоминаемая И. В. Матюшко ткань «полотня-

⁴ Определение растительных волокон см. Приложение 2.

Рис. 4. Фрагменты ткани нижней одежды. Самит (саржа 1:2 S), шелк.

Fig. 4. Fragments of the textile of the lower clothing. Samit (twill 1: 2 S), silk.

ного плетения», покрывавшая грудную клетку погребенного (Матюшко 2008: 142), являлась частью этого покрывала.

Между складками шелковой ткани на лицевой поверхности черепа обнаружен небольшой фрагмент хлопковой ткани полотняного переплетения, первоначально окрашенной индиго⁵, с нашитой на нее латунной (сплав цинка и меди с примесями железа, мышьяка и ртути)⁶ пластиной; пластина плохой сохранности, и ее назначение неясно (рис. 10).

По причине хорошей, хотя и фрагментарной сохранности раскопщики отрицали принадлежность к обуви «кожаные накладки сложной конструкции», лежавших «чуть выше колен» и на голених погребенного (Моргунова и др. 2003: 109, 113). В своем исследовании И.В. Матюшко заключила, что кожаные накладки и повязка на ногах погребенного не являлись остатками одежды, и что они были сшиты специально для скрепления костей в районе коленей и голених (Матюшко 208: 142). С автором данного вывода можно согласиться только в том, что выявленные куски кожи «не являлись остатками одежды» — это фрагменты высоких кожаных сапог (рис. 11).

⁵ Определение растительных волокон и красителя см. Приложение 2.

⁶ Определение металла см. Приложение 1.

При верно выбранной методике расчистки археологи смогли бы проследить, что предмет, принятый ими за «кожаные накладки и повязку», не оборачивал ноги погребенного, а лежал только поверх коленных суставов и в реальности являлся верхним краем голенища сапог с округлым мысом, закрывающим колено, и был отделан шелковой тканью (самит: саржа 2:1 S) зеленовато-желтого цвета (рис. 11б). И.В. Матюшко же, надо полагать, имея дело с предметами, уже извлеченными из погребения и прошедшими камеральную обработку, продолжала придерживаться первоначальной ошибочной атрибуции.

Описанный в археологическом отчете «кожаный предмет с закрепленными на его поверхности двумя бронзовыми круглыми бляхами», внутри которого «были зажаты фаланги левой ноги погребенного, обернутые зеленоватого цвета шелком» (Моргунова и др. 2003: 109), является союзкой сапог. Союзка и верхняя часть голенища этих сапог украшены металлическими бляхами. Внутри сапоги имели текстильную подкладку: непосредственно к коже примыкала ткань полотняного переплетения. Шелк, сохранившийся на внутренней поверхности союзки, можно предположительно связать с фрагментами шелковых чулок.

Таким образом, отсутствие фиксированной формы и размеров, а также наличие соедини-

Рис. 5. Текстиль верхнего платья (фрагменты) с растительно-анималистическим орнаментом.

Fig. 5. Textiles of the top dress (fragments) with vegetative-animalistic ornament.

тельных швов и, в некоторых случаях, по всей видимости, подкладочной ткани на текстильных фрагментах из шумаевского комплекса не позволяют видеть в них пеленальный материал. Более того, сомнительно, чтобы узорные шелка вообще использовали в таком качестве. Вытканые в разных техниках шелковые ткани, принятые раскопщиками за бинты или погребальный саван, являются фрагментами нескольких одежд. На сегодняшний день реконструировать крой одежды и опре-

делить ее тип по сохранившимся фрагментам невозможно. Однако то, что шумаевский воин был погребен в двух платьях, надетых одно на другое, сшитых из разных шелковых тканей, и обут в высокие кожаные сапоги, декорированные шелком и металлическими бляшками, не вызывает сомнения.

В результате, утверждение об отсутствии на погребенном одежде в качестве доказательства освобождения его костей от мышечной массы, полностью несостоятельно.

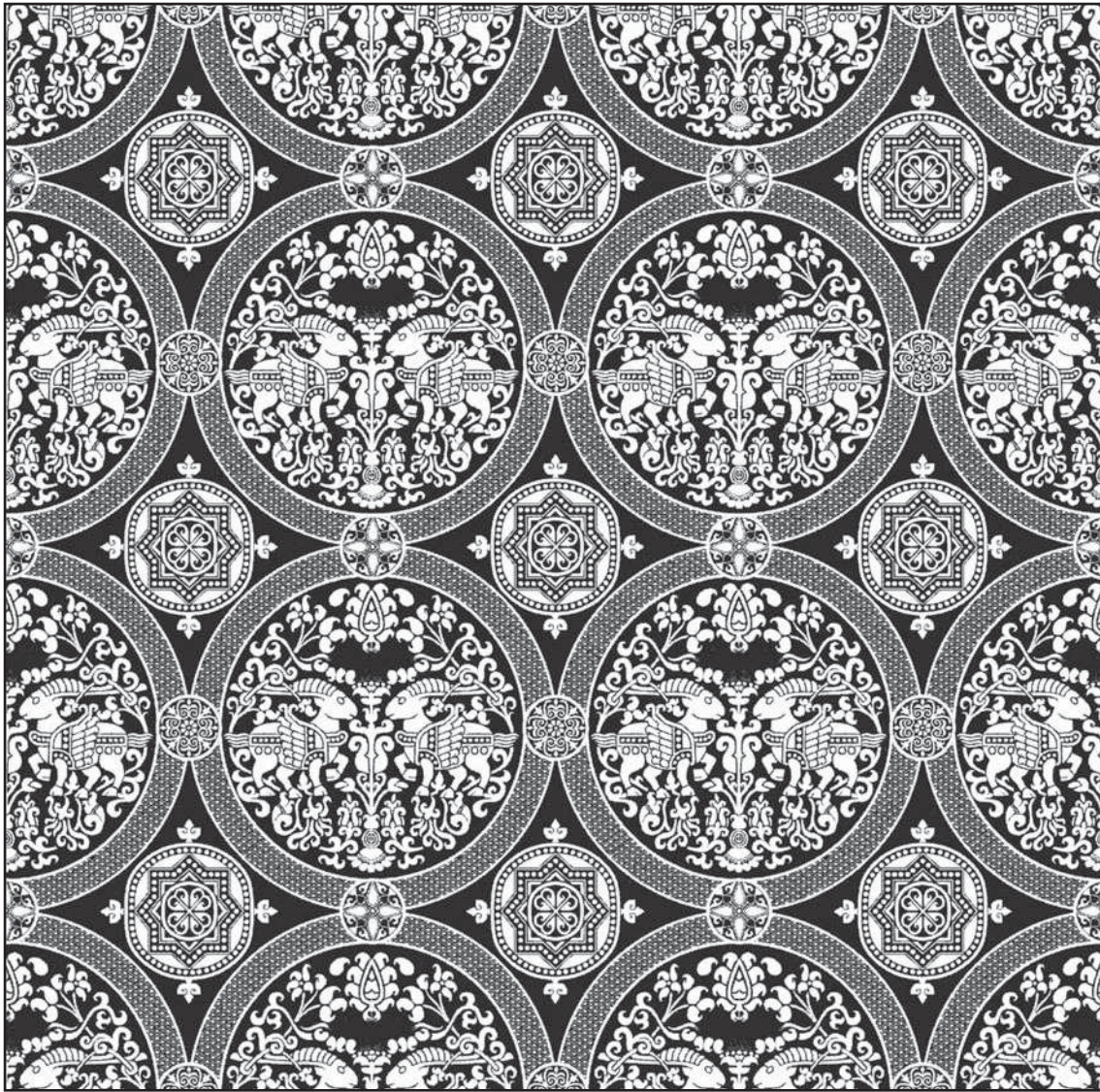

Рис. 5а. Реконструкция орнамента ткани от верхнего платья.

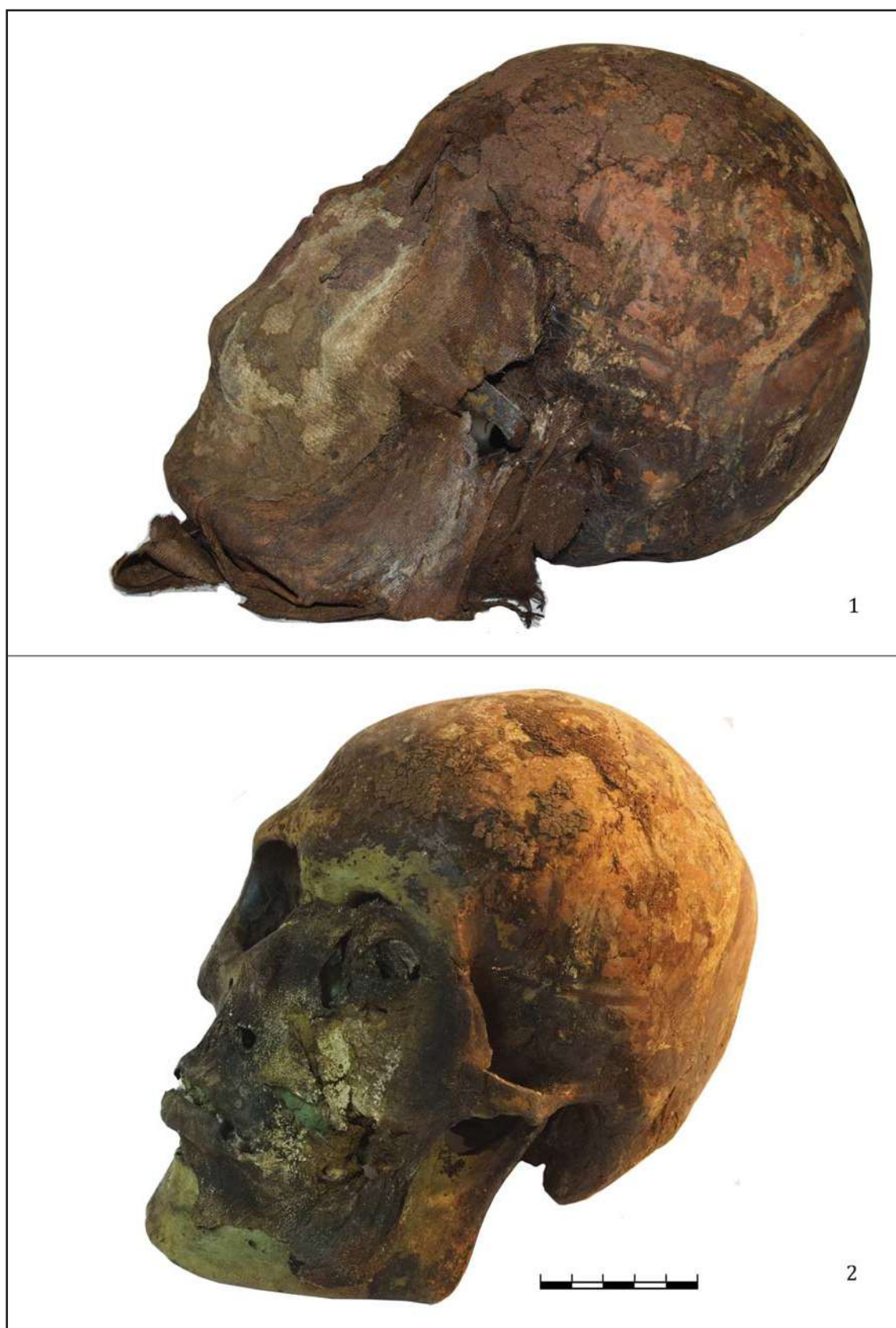
Fig. 5a. Reconstruction of the fabric ornament from the top dress.

Антропологические характеристики

Согласно И.В. Матюшко, антропологические определения останков человека, погребенного в шумаевском кургане, были сделаны Л.Т. Яблонским: «по антропологическим данным в погребении был захоронен мужчина типично монголоидной расы центрально-азиатского типа в возрасте 40 лет (определение Л.Т. Яблонского)» (Матюшко 2008: 142). Однако ни апелляция к экспертной оценке Л.Т. Яблонского, ни приведенные данные о возрасте погребенного не соответствуют действительности.

После осмотра черепа эксперты судебной медицины В.М. Филиппов (Ставропольское Краевое бюро судебно-медицинской экс-

пертизы, г. Ставрополь), Б.В. Школьников (Главный государственный центр медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России, г. Ростов-на-Дону) и В.Н. Звягин (Отдел судебно-медицинской идентификации личности Российского центра судебной медицины, г. Москва) независимо друг от друга пришли к единому выводу о том, что погребенный был молодым человеком не старше 18 лет. Для уточнения возраста была сделана ортопантограмма его нижней челюсти (рис. 12). По заключению челюстно-лицевого хирурга Л.Э. Порфириадис, «на представленной к анализу ортопантограмме определяется тело, ветви и альвеолярный отросток нижней челюсти с постоянными зубами и двумя зачатками третьих моляров (38, 48). Коронковые части 38, 48 сформир-

Рис. 6. 1 — череп с фрагментами шелкового текстиля и льняных тканей на лицевой поверхности; 2 — череп после снятия текстильных фрагментов с естественно мумифицированным кожным покровом.

Fig. 6. 1 — skull with fragments of silk textiles and linen fabrics on the front surface; 2 — the skull after removal of textile fragments with naturally mummified skin.

Рис. 7. Фрагменты шелковой и льняной тканей, снятые с лицевой поверхности черепа.

Fig. 7. Fragments of silk and linen fabrics taken from the face of the skull.

рованы полностью, а корни только на 1/3 их длины, что может служить основанием для определения приблизительного возраста человека в границах 14—16 лет. По стоматологическим данным сроки прорезывания третьих моляров коррелируют от 15 до 24 лет. Так как минимальный возраст прорезывания 15 лет, а в данном случае зубы не прорезались и даже не сформировались, возраст может быть не старше 15 лет». Однако возможно, что в данном случае имеет место медицинская патология. Впоследствии антропологи Р.М. Галеев (ИЭА РАН, г. Москва) и Е. А. Алексеева (ИПОС СО РАНБ, г. Тюмень) пришли к заключению, что возраст погребен-

ного не превышал 18—25 лет. В.Н. Звягин согласен с этим заключением, полагая 18 лет как наиболее вероятный возраст шумаевского воина.

При наличии нескольких близких определений возраста погребенного казалось непонятным, каким образом антрополог такого уровня, как Л.Т. Яблонский, мог допустить значительную ошибку. При моем личном обращении к Л.Т. Яблонскому с просьбой прояснить данное противоречие выяснилось, что он вообще не был знаком с материалами из Шумаевского могильника и, соответственно, подобных заключений не делал. К сожалению, наш телефонный разговор со-

Рис. 8. Фрагменты деревянного предмета на задней поверхности черепа.

Fig. 8. Fragments of a wooden object on the back of the skull.

стоялся незадолго до скоротечной кончины Л.Т. Яблонского, и он не успел опровергнуть некорректные ссылки И.В. Матюшко.

В настоящий момент исследование останков человека из Шумаевского могильника продолжается в Отделе судебно-медицинской идентификации личности Российского Центра Судебно-медицинской экспертизы (г. Москва). По предварительному заключению В.Н. Звягина, это был монголоид дальневосточного типа. В.Н. Звягин согласился с реконструкцией облика шумаевского воина, выполненной Р.М. Галеевым и Е.А. Алексеевой (рис. 13). В скором времени ожидаются результаты диагностики костных останков погребенного на основе выделения ядерной ДНК, проводимой в Институте Макса Планка (Германия), что, возможно, прояснит и культурную принадлежность комплекса.

«Обмазка»

В отчете указано: «Кости таза и ног погребенного были покрыты обмазкой красного цвета толщиной около 1 мм, на тканой основе. Обмазка состояла из шерстяной ткани, пропитанной красноватым минеральным веществом. Плотное прилегание красной обмазки и кожи от накладки к костям погребенного позволяет предположить, что с трупа перед погребением были сняты мышечные ткани» (Моргунова и др. 2003: 112). Под «накладкой» надо понимать фрагменты кожаной обуви, о которой говорилось выше.

Утверждения о наличии «красной обмазки» на костях шумаевского воина в тексте отчета не вызывают доверия, поскольку основываются на субъективном восприятии и не подтверждаются документально⁷.

⁷ То же относится к предположению о том, что «были удалены и все внутренние органы, а брюшная полость и грудная клетка заполнены какими-то специальными веществами растительного происхождения и введена ртуть или соединение ртути (консервирующее средство?), так как под костями позвоночного столба была обнаружена полоска из лужиц ртути» (Моргунова и др. 2003: 112). Объяснение того, что собой представляли «вещества растительного происхождения», осталось за рамками отчета, хотя исследование других растительных материалов из этого захоронения было проведено (См. Моргунова и др. 2003: 223, 235). Закономерно возникает вопрос: не являются ли эти остатки «растительного происхождения» «войлоком из под ребер», который, по утверждению авторов раскопок, «представляет собой фрагменты плетеной циновки из стеблей крупных трав, скорее всего, рогоза» (Моргунова и др. 2003: 223)? Возникает и другой вопрос — понимают ли авторы очевидную разницу между войлоком, изготовленным методом валяния

Рис. 9. Шелковые завязки от одежды.

Fig. 9. Silk ties from clothes.

Рис. 10. Хлопковая ткань с фрагментами нашитой латунной пластины.

Fig. 10. Cotton fabric with fragments of sewn brass plate.

Выводы в статье И.В. Матюшко не являются результатом научного исследования, а всего лишь воспроизводят первичный текст по

животного сырья, и плетеными циновками из растительных материалов?

Рис. 11. Фрагменты кожаных сапог с шелковой отделкой и металлическими бляхами.

Fig. 11. Fragments of leather boots with silk decoration and metal plates.

левой документации, в которой данные о локализации так называемой обмазки весьма противоречивы. Согласно И.В. Матюшко, обмазка ног и таза «плотно прилежала к костям», а голова при этом была «обмазана глиной» поверх нескольких слоев шелковой и шерстяной ткани и тонких лент древесной коры. Также нет ясности и относительно состава так называемой обмазки. По словам И.В. Матюшко, на костях конечностей обмазка «состояла из глины и шерстяной ткани, пропитанной красноватым минеральным веществом» и содержала ртуть, а для обмазки головы использовали только глину (Матюшко 2008: 142).

В действительности же заключение о снятии с костей умершего мягких тканей и якобы нанесении обмазки на костные останки является заблуждением раскопщиков. То, что одежда и обувь находились непосредственно на костях погребенного, явилось результатом естественных процессов разложения, а не преднамеренного снятия с умершего мышечных тканей. Фотоматериалами полевой документации (Моргунова 2003: рис. 94, 98, 101) и на чертеже погребения (Моргунова и др. 2003: рис. 71) зафиксировано, что при расчистке костяк имел полную анатомическую сохранность. При удалении мягких тканей сохранение анатомической

Рис. 11а. Фрагмент союски сапога с льняной тканью на поверхности металлической бляшки.

Fig. 11a. A fragment of a boot with a linen cloth on the surface of a metal plaque.

целостности скелета в погребении невозможно⁸, а на костных останках неизбежно остаются следы дефлешинга, которых нет на костях человека, погребенного в шумаевском кургане.

За «обмазку» на костях, по всей видимости, был принят тонкий налет бурого цвета от разложившихся мягких тканей и связочного аппарата в области суставов, который виден на фотографиях в полевом отчете (см. Моргунова 2003: рис. 101). Указанная толщина наслоений (1 мм) более соответствует естественному органическому налету на костях, нежели слою искусственно нанесен-

⁸ Описывая один из случаев посмертного нарушения опорно-двигательного аппарата погребенного в обряде предкавказской культуры, исследователи пришли к заключению, что «вскрытие или удаление мягких тканей не могло быть полным (по крайней мере, в районе суставов), так как в момент ингумации кости сохраняли анатомический порядок, что было бы маловероятным в противном случае» (Геннадиев и др. 1987: 132).

ного на них вещества, якобы содержавшего, по словам раскопщиков, глину и шерстяную ткань.

По заключению В.Н. Звягина, к которому я обратилась за консультацией, на костях погребенного нет следов снятия мышечных тканей, как, равным образом, нет на них каких-либо искусственных наложений, напоминающих «обмазку»; в настоящий момент на отдельных участках костей прослеживаются участки с изменениями естественного цвета в виде серых и зеленоватых пятен, появившихся, скорее всего, вследствие контакта с металлическими предметами, находившимися в захоронении (рис. 14).

На голове погребенного наслоения красноватого и серого цвета фиксируются как непосредственно на костях черепа, так и поверх шелковых тканей, сохранившихся на лицевой поверхности. В состав этих наслоений входят кремний, медь, железо и ртуть. Состав химических элементов свидетельствует, что наслоения на черепе погребенного являются почвенными загрязнениями, а не искусственным составом, изготовленным для специальных действий⁹. Наличие в них ртути объясняется ее присутствием в погребении.

Таким образом, утверждение о наличии специальной обмазки на костях погребенного является ошибочным¹⁰. С телом умершего не проводили действий, связанных с де-

⁹ См. Приложение 1. Наличие шерстяной ткани и древесной коры на костях черепа, как утверждали Н.Л. Моргунова и И.В. Матюшко (Моргунова и др. 2003: 223; Матюшко 2008: 142), установить не удалось. Умозрительное утверждение авторов раскопок о том, что образец обмазки черепа «является фрагментом шерстяной ткани, пропитанной каким-то красноватым минеральным веществом» (Моргунова и др. 2003: 223), сродни их определению «войлока из под ребер» (Моргунова и др. 2003: 223), упомянутому выше.

¹⁰ Следует подчеркнуть, что если в полевой документации тезисы о снятии с умершего мягких тканей высказываются как предположение (Моргунова и др. 2003: 112), то в аналитической статье И.В. Матюшко они трансформированы в утвердительное заключение: «Таким образом, обмотка головы и обмазка раствором глины с ртутью, а также снятие мягких тканей с ног и рук погребенного и обмазывание их глиной с ртутью являются свидетельствами процесса бальзамирования тела кочевника» (Матюшко 2008: 142). Сам по себе этот вывод в корне ошибочен уже потому, что бальзамирование применяется для сохранения целостности тела, а не костей умершего. Для И.В. Матюшко же такого противоречия не существует, поскольку в ее понимании бальзамирование тела сопровождается снятием мягких тканей (Матюшко 2008: 142, 147).

Рис. 116. Текстильная отделка верхнего края голенища. Самит (саржа 1:2 S), шелк.

Fig. 11b. Textile finishing of the upper edge of the shaft. Samit (twill 1:2 S), silk.

флешингом и обмазыванием останков специальным составом. Тело шумаевского воина похоронили в полной анатомической сохранности.

Датировка памятника

После реконструкции орнамента на ткани верхней одежды возникло сомнение относительно правомерности датирования шумаевского комплекса золотоордынским временем. Декор и тектоника орнамента на этой ткани вызвали ассоциации и аналогии с текстилем, предшествовавшим эпохе монгольского владычества. Это заставило более критично рассмотреть аргументы И.В. Матюшко относительно датировки шумаевского погребения.

Как уже указывалось, общую датировку погребения эпохой средневековья И.В. Матюшко, на основе анализа погребального инвентаря, сузила до XIII—XIV вв. В монографии 2016 года она повторила основания для датировок, но саму дату, без объяснения причин, изменила на XII—XIII вв. (Матюшко 2016: 98—99). В качестве датирующего маркера И.В. Матюшко рассматривала, главным образом, набор вооружения. Приведенные ею аналогии имеют очень широкую хронологию (удила — XI—XIV вв., железный меч — конец I тыс. до н. э. — XIV в. н. э., дротики — XII—XIII вв., стрелы — XI—XIV вв.

и т.д.) (Матюшко 2008: 143—144). Находки, указывающие на более раннюю дату, автор интерпретировала как не соответствующие монгольскому времени в золотоордынском погребении. Таковым был объявлен лук. По словам И.В. Матюшко, «судя по количеству и форме накладок, лук является разновидностью луков тюркского типа. Для монгольского времени он выглядит архаично, т.к. в этот период широко распространяется лук «монгольского типа» с одной широкой срединной фронтальной накладкой веелообразной формы» (Матюшко 2008: 144). Пять асимметрично-ромбических наконечников стрел, аналогии которым, по утверждению И.В. Матюшко, «появились еще в XI в. у кочевников Центральной Азии и Южной Сибири», для датировки погребения в расчёт приняты не были; автор акцентирует внимание на том, что «выделяется только пентаграммный наконечник стрелы, аналогии которому известны не ранее XIII в. [Худяков, Ю.С., 1991, с. 118]» (Матюшко 2008: 144). При этом И.В. Матюшко ссылается на монографию Ю.С. Худякова, в работе которого на указанной странице приведена сводная таблица монгольских железных наконечников стрел, где в группе II под типом 3 указаны и 4 экземпляра пентаграммных наконечников XIII—XIV вв. из Прибайкалья и Забайкалья (Худяков 1991: 118), но информации о том, что такие наконечники не встре-

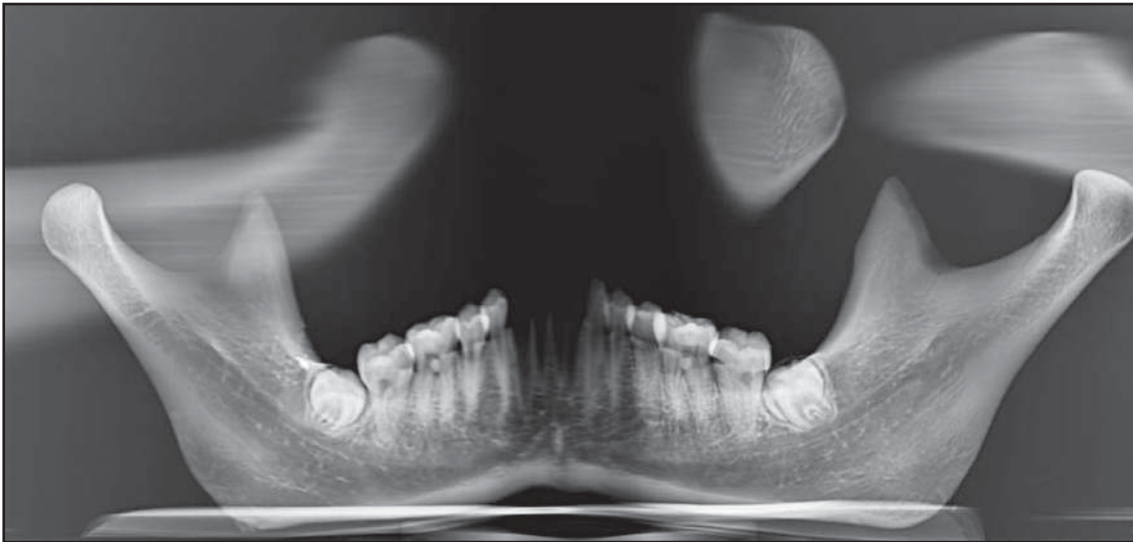

Рис. 12. Ортопантомограмма нижней челюсти человека из шумаевского погребения.

Fig. 12. Orthopantomogram of a man's lower jaw from a Shumaevo burial.

чаются ранее XIII в., в таблице нет. Вопрос об отсутствии таких наконечников в более раннее время Ю.С. Худяковым не обсуждается и в тексте (см. Худяков 1991: 107—108).

Утверждение о наличии в шумаевском погребении «пентаграммного» типа наконечника, опять же со ссылкой на Ю.С. Худякова (Матюшко 2008: 144), также сомнительно. Согласно публикации материала раскопок, обнаруженные в шумаевском погребении семь железных наконечников стрел плотно спеклись друг с другом от коррозии металла (Моргунова и др. 2003: 112). Если при такой сохранности один из наконечников рассматривается как основание для датировки всего комплекса, его форма должна быть четко прослежена. В статье И.В. Матюшко фотографий наконечников стрел нет, а прорисовки приведены те же, что и в отчете, где форма «пентаграммного» наконечника 7 близка и наконечникам 2 и 4, которые, судя по ее описанию, И.В. Матюшко относит к «асимметрично-ромбическим» (Матюшко 2008: 144).

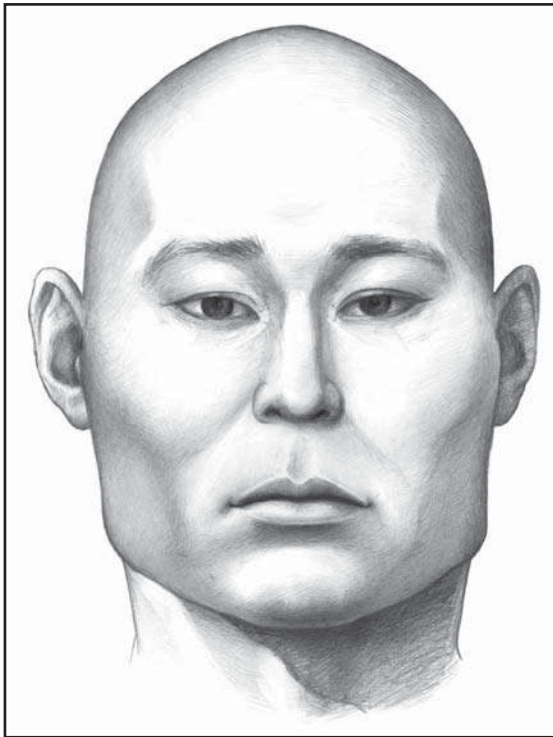
С явными натяжками определено и время стремян из шумаевского погребения. Опираясь на классификацию Г.А. Федорова-Давыдова, И.В. Матюшко относит их к типам ДII и ДIII, и ссылаясь на стр. 16 его работы 1966 г., делает вывод, что «такой тип стремян широко бытует в комплексах XIII—XIV вв.» (Матюшко 2008: 143). Однако Г.А. Федоров-Давыдов писал только о том, что «стремена отделов В, Г, и Д в более ранних памятниках, чем XII в., не встречаются...», и что «Стремена типа ДII известны в курганах адыгов у Геленджика. Стремена

этого же типа были найдены в Горьковской обл.» (Федоров-Давыдов 1966: 16).

Таким образом, предложенные И.В. Матюшко узкие датировки погребения установлены в результате неправомерных допущений в пользу золотоордынского времени шумаевского погребения. Возможно, непредвзятый анализ вооружения и мог бы привести И.В. Матюшко к другому результату, если бы у автора не было установок на доказательство золотоордынского времени данного комплекса.

В целом, при рассмотрении вооружения из шумаевского захоронения представляется, что хронологическим репером должен служить «лук тюркского типа». Оставляя заключение по этому вопросу экспертам по вооружению средневековых кочевников, вернусь к шелковому текстилю с изображением козерогов. В контексте широкой хронологии остального погребального инвентаря эта ткань является убедительным аргументом для датировки шумаевского погребения. Датировка ткани определена как по аналогиям, так и методом радиоуглеродной диагностики.

В декоре ткани парное изображение козерогов и растительно-цветочные мотивы окружены кольцом, заполненным ромбической сеткой. Кольцевые фигуры, соединенные между собой узорными розетками, расположены в последовательных рядах по фону ткани, пространство между ними заполнено сложными геометрическими формами. Наиболее близкой параллелью этой ткани является византийский шелк с грифонами из со-

Рис. 13. Графическая реконструкция внешности человека, погребенного в Шумаевском могильнике. Выполнена Р.М. Галеевым (ИЭА РАН, г. Москва) и Е.А. Алексеевой (ИПОС СО РАНБ, г. Тюмень).

Fig. 13. Graphic reconstruction of the exterior of a person buried in the Shumaevo burial ground. Carried out by R.M. Galeev (IEA RAS, Moscow) and E.A. Alekseeva (IPOS SB RASB, Tyumen).

кровищницы собора в городе Бамбергер в Германии (рис. 15). На основе технологического и искусствоведческого анализа самит из Бамберга датирован XI—XII вв. (Helmecke 2001: 65). Технологические показатели бамбергского и шумаевского самитов очень близки, а кольцевое обрамление основных мотивов орнамента, заполненное ромбической сеткой, практически тождественно. Совпадение конструктивных деталей орнамента позволяет предполагать очень близкие текстильные центры изготовления этих тканей, идентификация которых, однако, все еще остается на гипотетическом уровне. Считается, что XI век — это время интернационального стиля в шелкоткачестве, поэтому подчас очень сложно разделить исламские и византийские шелка (Muthesius 1995: 145). Однако в X—XI вв. византийские мастера больше зависели от персидских образцов, чем в предшествующее время (Falke 1936: 25). Поэтому персидский стиль преобладал практически неограниченно в анималистических мотивах, которые во многом сохранили элементы сасанидского дизайна.

Только при передаче орнаментальных деталей круговых полос, круглой формы розеток в клиньях и иных растительных форм византийские ткачи придерживались своего собственного стиля (Falke 1936: 26). Совпадение дизайна кольцевого обрамления бамбергской и шумаевской ткани позволяет предполагать их производство в одном пространственно-хронологическом континууме. Однако ткань с козерогами демонстрирует художественные черты, более присущие продукции мусульманских текстильных центров, в то время как ткань с грифонами, скорее отражает их влияние на византийский текстиль.

Для уточнения даты самит из шумаевского погребения был также исследован методом радиоуглеродной диагностики в лаборатории Майнхейма (Германия)¹¹. В результате, с вероятностью 95,4%, период создания ткани был установлен между 970 и 1030 гг.¹², что соответствует датировке бамбергского самита в пределах XI в.

Более того, чтобы исключить предположение о возможном попадании раннего текстиля в позднее погребение¹³, был проведен радиоуглеродный анализ фрагмента деревянного предмета (предположительно, от носилок, на которых лежал погребенный), сохранившегося на затылочной части черепа. Полученные в результате анализа даты 1029—1157 гг.¹⁴, по всей вероятности, и указывают тот хронологический промежуток, в который было совершено захоронение. Поскольку дата ткани и дата дерева пересекаются в интервалах калибровки, с наибольшей вероятностью погребение можно датировать первой третью XI в.

Таким образом, все интерпретации шумаевского комплекса в контексте истории Монгольской империи оказываются несостоятельными. Погребение кочевника в шумаевском могильнике было совершено раннесредневековыми номадами, господствовавшими в Центральной Азии и за ее пределами гораздо раньше, чем там появились монгольские племена.

¹¹ Klaus-Tschira-Archäometrie-Zentrum Institute of CEZ Archäometrie gGmbH, C4, 8, 68159 Mannheim, Germany.

¹² Labor. nr. 28356.

¹³ В поздних археологических памятниках изредка встречается текстиль более раннего времени, попавший туда, например, в результате ограбления монголами сокровищниц христианских церквей, где драгоценные ткани хранили веками (Доде 2014: 57).

¹⁴ Labor. nr. 28357.

Рис. 14. Кости конечностей погребенного, находящиеся в настоящий момент в Отделе судебно-медицинской идентификации личности Российского центра судебной медицины, г. Москва.

Fig. 14. Bones of limbs buried, currently in the Department of Forensic Medical Identification of the Person of the Russian Center of Forensic Medicine, Moscow.

Ртуть

Именно присутствие ртути в шумаевском погребении обуславливает его уникальность в контексте древностей средневековых кочевников. Согласно отчету, исключая несостоятельные измышления о «ртутной обмазке» костей погребенного, о присутствии этого металла в погребении известно только то, что «под костями позвоночного столба была обнаружена полоска из лужиц ртути» (Моргунова и др. 2003: 112). Фотофиксация ртути выполнена не была, ее местонахождение на плане погребения не отмечено, объем не выяснен, дальнейшая судьба металла после его обнаружения в погребении неизвестна. Таким образом, факт использования

ртути в шумаевском погребении зафиксирован только в тексте археологического отчета. Однако, благодаря тому, что ртутные шарики сохранились в складках одежды, факт использования ртути в шумаевском погребении подтверждается. При расчистке текстиля нам удалось собрать около одного кубического сантиметра жидкого металла, главным образом, в слоях верхнего платья, где также были выявлены небольшие тонкие кристаллические пластины и фрагмент предмета из металлоподобной массы темного цвета, содержащие ртуть (рис. 16). Надо полагать, что в обряде использовали самородный металл.

Также, исследованием имеющихся в нашем распоряжении костных останков и кожного покрова на лице умершего методом спектрального анализа их элементного состава¹⁵, было установлено наличие ртути во всех представленных образцах (позвонок, фрагмент запястья и фрагмент кожного покрова), что объясняется свойством ртути испаряться, а кости и кожи — абсорбировать химические элементы. Содержание ртути в исследованных образцах неравномерно. Интенсивность импульса оказалась выше в позвонке, ниже в запястье и намного меньше в тканях кожного покрова, сохранившихся на черепе погребенного, то есть наибольшая интенсивность импульса в позвонке оказалась напрямую связана с локализацией ртути в погребении под костями позвоночника.

Распределение ртути под позвоночником и в складках только верхнего платья, а также неравномерность содержания ее элементов в костных останках, позволяет предполагать, что металл первоначально нанесли на погребяемое тело поверх одежды. Вероятно, впоследствии, в силу известных физических свойств, ртуть в основной массе стекла и локализовалась под позвоночником умершего.

Если факт использования ртути в погребальном обряде шумаевского погребения бесспорен, то ее назначение непонятно.

И.В. Матюшко, проецируя на шумаевский комплекс рассказ об убийстве «в Самарканде бухар-худата и о погребении его не на месте кончины — в чужом городе, а о перенесении останков в родной город — Бухару», объясняет использование ртути в шумаевском погребении следующим образом: «Уникальный случай сохранения останков с помощью ртути в степях Южного Урала, вероятно, был связан с необходимостью доставки останков погребенного в другой, отдаленный от места

¹⁵ См. Приложение 1.

Рис. 15. Прорисовка орнамента на шелковом самите из сокровищницы собора в городе Бамбергер в Германии (по Helmecke 2001: 64).

Fig. 15. Drawing an ornament on a silk clip from the treasury of the cathedral in Bamberg in Germany (after Helmecke 2001: 64).

смерти пункт» (Матюшко 2008: 147). Однако, если отталкиваться от практики погребения кочевников на родовых кладбищах независимо от места смерти, идею переноса останков шумаевского воина не подтверждает археологическая ситуация на могильнике Шумаевский II. Только один курган (к. 11) в этом могильнике отнесен исследователями к развитому средневековью. Остальные исследованные курганные насыпи могильника были сооружены в период ранней бронзы или раннего железного века. Впускные погребения относились к разным периодам древности: средней бронзе, раннесарматскому времени и одно — к периоду раннего средневековья (к. 6, п. 5). Рассматриваемое средневековое погребение в кургане 7 также было впускным в насыпь, сооруженную в период ранней — начала средней бронзы. Таким образом, могильник Шумаевский II не являлся родовым кладбищем погребенного кочевника. Ситуативное совершение обряда в чужом погребальном памятнике отрицает необходимость перенесения тела погребенного

«на большие расстояния» и использования ртути с целью консервации.

Отсутствие аргументов относительно использования ртути в шумаевском погребении заставило И.В. Матюшко прибегнуть к широкому кругу информации, от Геродота до Большой Советской энциклопедии, что привело ее к бесполезному, в сущности, выводу о том, что «использование ртути для бальзамирования, безусловно, свидетельствует о том, что группа людей, совершивших данный обряд, обладала прекрасными знаниями об анатомии, антисептических свойствах ртути и возможностях их применения в погребальной практике...» (Матюшко 2008: 146, 147).

Упомянутые выше заключения В.П. Костюкова и А.Г. Юрченко об использовании ртути в контексте истории Монгольской империи применительно к шумаевскому погребению XI века также оказываются несостоятельными.

Уникальность рассматриваемого погребения среди кочевнических древностей средневековья пока свидетельствует в пользу случайности использования ртути в данном погребальном комплексе. Причина использования ртути в обряде шумаевского погребения на сегодняшний день не имеет объяснения, но вызывает множество вопросов, которые, по-видимому, и определяют вектор научного поиска. Связана ли исключительность данного комплекса с особыми условиями сохранения в погребении? Можно ли полагать, что в других погребениях ртуть имела, но не была прослежена? Прежде чем связывать применение ртути в данном комплексе с осведомленностью участников погребального ритуала об антисептических свойствах ртути или ее применении в религиозных практиках, более актуальным является вопрос о том, где и каким образом эта группа кочевников получила ртуть. Почему в момент захоронения люди, которые совершили обряд погребения, имели при себе ртуть? Являлся ли для них этот металл сакральным веществом, товаром, подарком или трофеем? Была ли ртуть привычна для кочевников или, напротив, это вещество было чем-то необычным и поэтому достойным того, чтобы сопровождать умершего?

Возможно, направления поиска подскажут также результаты ДНК-диагностики и определенный круг письменных источников, в которых могут содержаться описания использования ртути в погребальном обряде ранне-средневековых номадов.

Рис. 16. Шарики ртути и фрагменты кристаллических пластин, содержащие самородную ртуть, из погребения.

Fig. 16. Mercury beads and fragments of crystal plates containing native mercury, from burial ground.

Приложение 1

Исследование костных останков и кожного покрова из погребения средневекового кочевника (Шумаевский II, курган 7, погребение 5) методом спектрального анализа

Исследование проводила ведущий эксперт ФБУ Северо-Кавказский РЦСЭ МЮ РФ И. А. Сергеева, имеющая экспертную специальность «Исследование лакокрасочных материалов и покрытий» и владеющая методом рентгенофазового анализа, стаж экспертной работы по данной экспертной специальности с 1989 года.

С целью установления элементного химического состава веществ, входящих в костные останки и наслоения на черепе, проводилось исследование представленных объектов методом рентгенофлуоресцентного спектрального анализа на рентгеновском сканирующем кристалл-дифракционном вакуумном спектрометре «СПЕКТРОСКАН МАКС-GV».

Условия проведения анализа: номинальное напряжение трубки 60 кВ, ток накала 4,4 мА, размер эффективного фокусного пятна малая ось овала 1,4—1,96 мм.

На основании полученных рентгенофлуоресцентных спектров установлен элементный состав представленных объектов, а именно:

— в состав позвоночной кости (рис. П1-1), кроме кальция и фосфора, входящего в состав костной

ткани, в большом количестве входят ртуть и медь; как загрязнение — железо, сера, хлор;

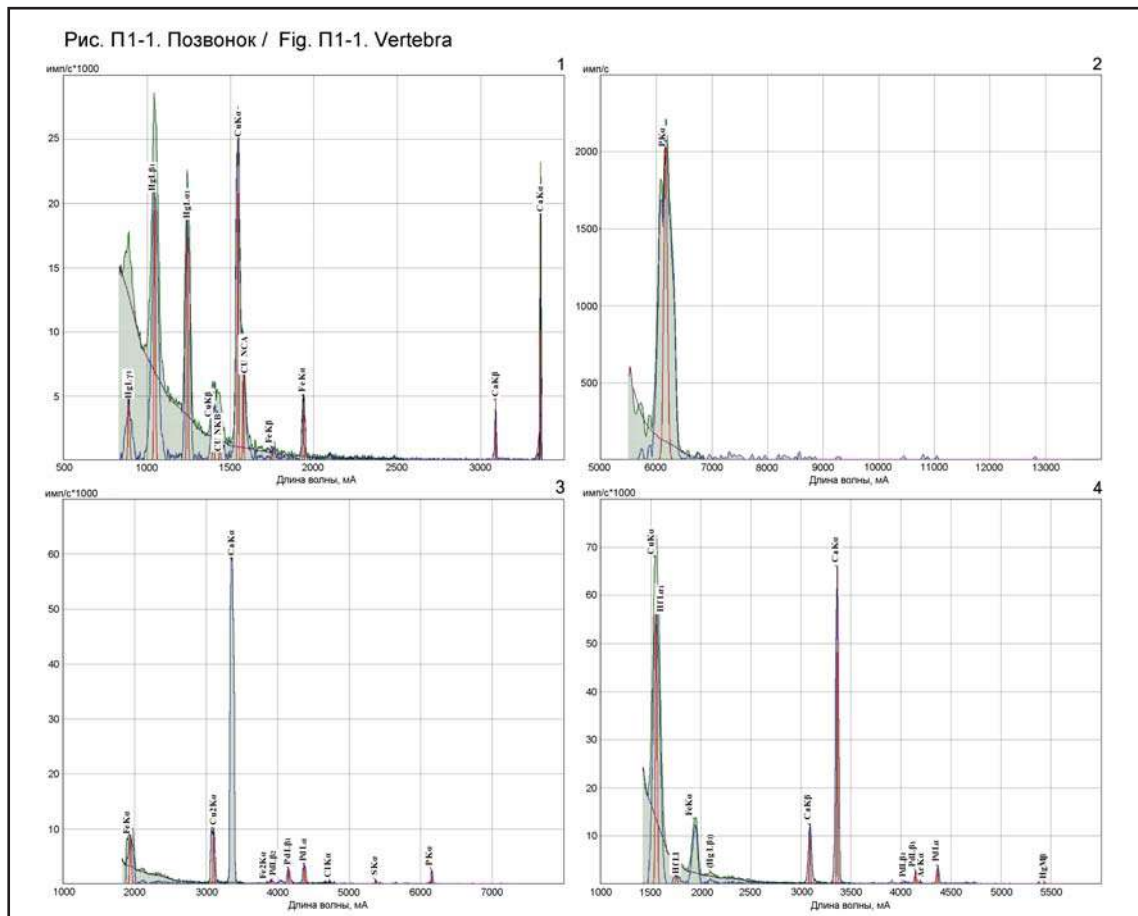
— в состав костей запястья (рис. П1-2), кроме кальция и фосфора, входящего в состав костной ткани, в большом количестве входят медь и в меньшем ртуть; как загрязнение — железо, марганец, сера;

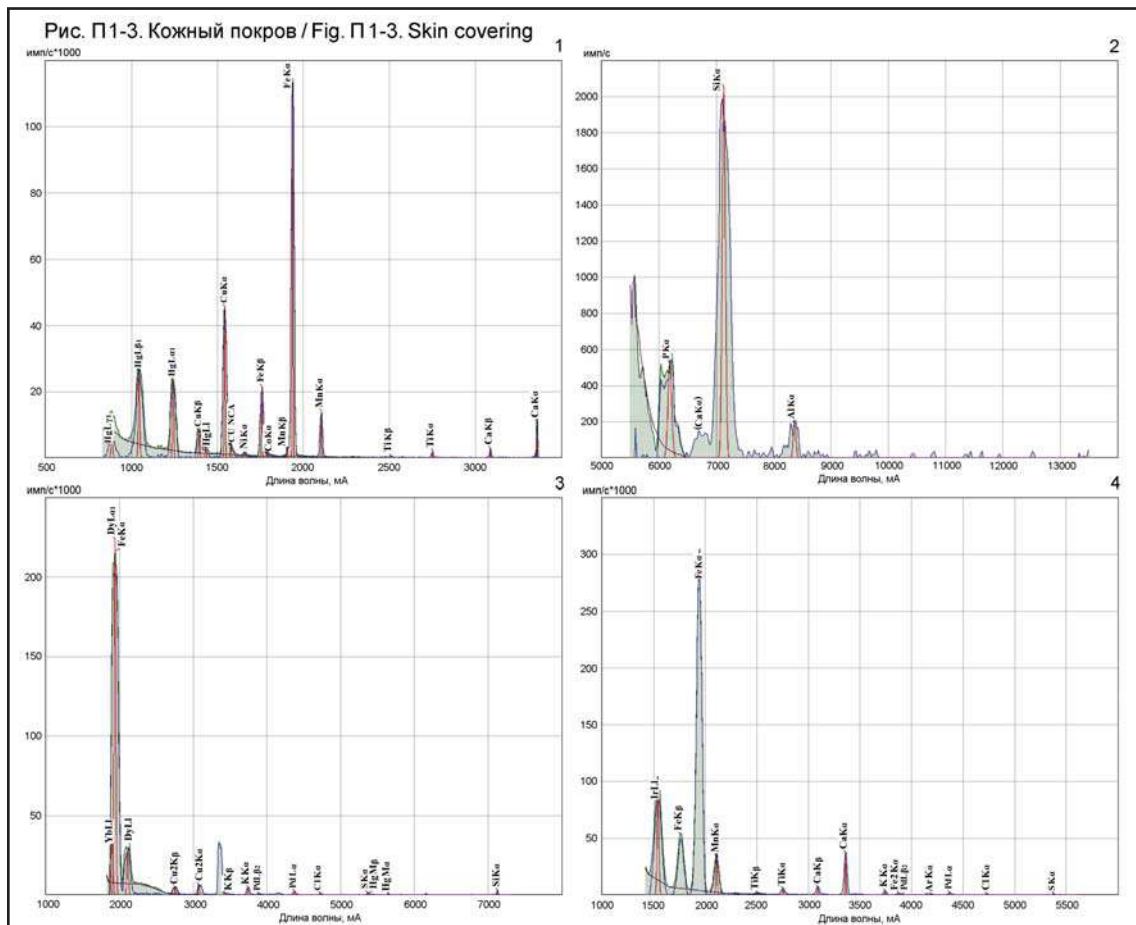
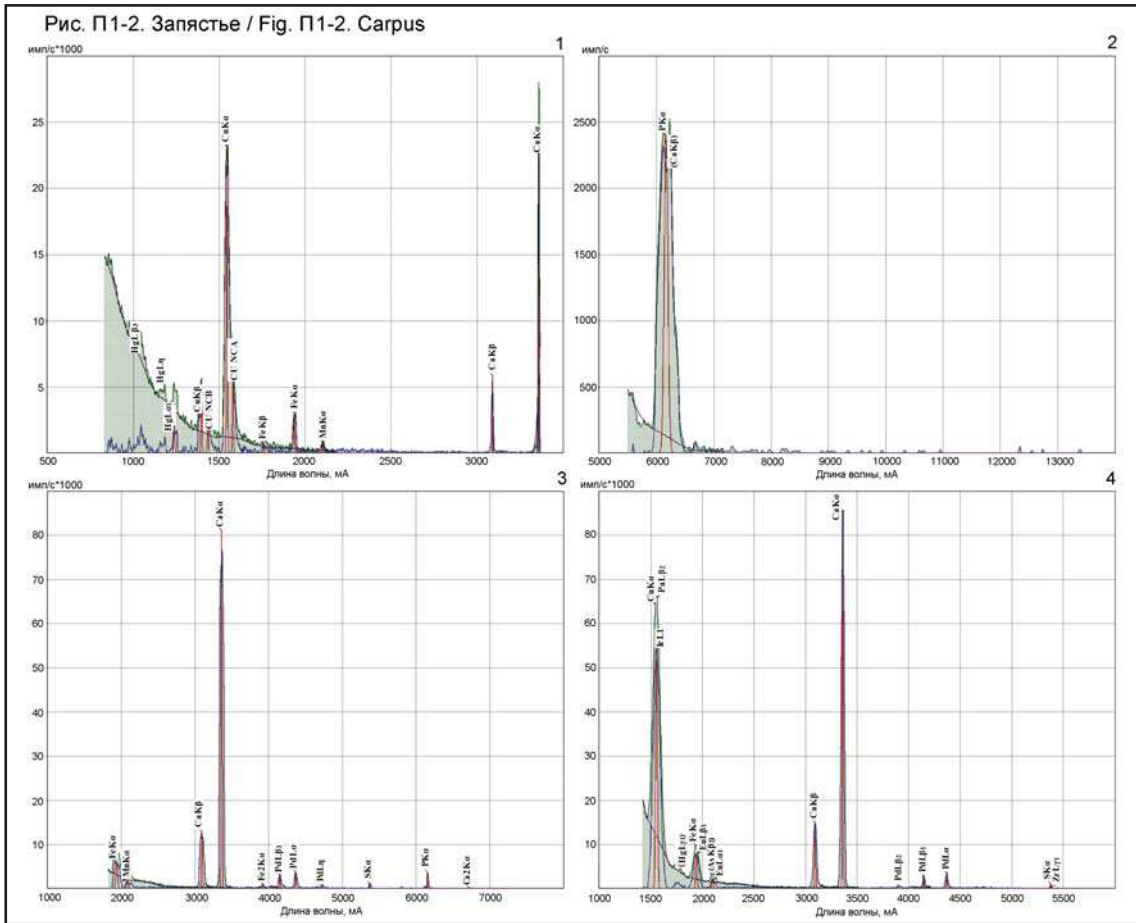
— в состав тканей кожного покрова (рис. П1-3), кроме кальция и фосфора, входящего в состав тканей кожного покрова, а также железа, кремния и алюминия, входящего в состав почвы, входят ртуть и медь (в меньшем количестве, чем в костных тканях); как загрязнение — марганец, титан, никель, кобальт, калий, сера, хлор;

— в состав вещества оранжево-коричневого цвета, изъятых с текстильного покрывала и костей черепа, входят кремний, медь и железо, в меньшем количестве кальций, а также ртуть;

— в состав вещества серебристо-серого цвета, изъятых с покрывала на черепе, входят кремний, медь, железо и ртуть, как почвенные загрязнения.

Следует отметить, что ртуть накапливается в костной ткани, что и подтверждается ее большим количеством в костях запястья и позвоночника.

Также исследовался элементный состав сплава металлической пластины плохой сохранности на ткани белого цвета. При этом установлено, что

в состав сплава входят цинк и медь с примесями железа, мышьяка и ртути, что свидетельствует о принадлежности металла к латуни.

Приложение 2

Исследование морфологических признаков волокон ткани и покрывала с черепа из погребения средневекового кочевника (Шумаевский II, курган 7, погребение 5)

Исследование проводила ведущий эксперт ФБУ Северо-Кавказский РЦСЭ МЮ РФ И. А. Сергеева, имеющая экспертную специ-

альность «Исследование волокнистых материалов и изделий из них», стаж экспертной работы по данной экспертной специальности с 1986 года.

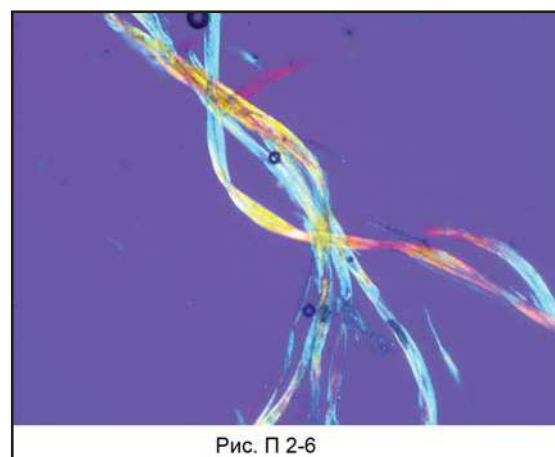
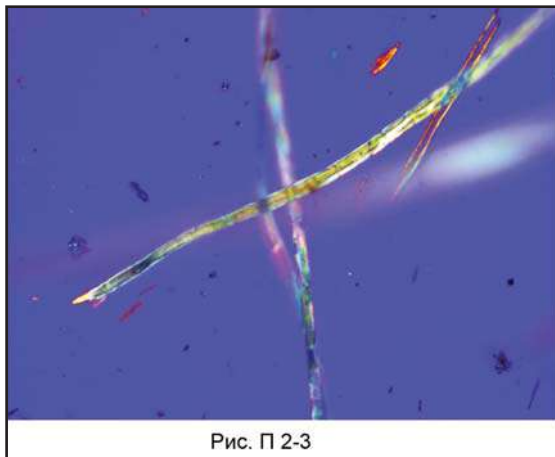

Рис. П 2-7

Исследование морфологических признаков волокон тканей проводили в проходящем и поляризованном свете в поле зрения микроскопа Leica FS4000.

1. Ткань покрывала белого цвета (толстая ткань) (рис. П2-1).

В проходящем свете волокна ткани сравнительно гладкие, имеют толстые стенки, на поверхности видны поперечные линии и небольшие утолщения в виде «бамбука», называемые сдвигами; хорошо виден канал, который проходит по всей длине; концы волокон острые с замкнутым каналом (рис. П2-2). В поляризованном свете у волокон ткани хорошо просматриваются сдвиги в виде двойных крестиков белого цвета на фоне слоистой окраски с чередованием участков светло-зеленого, светло-фиолетового и желто-коричневого цветов (рис. П2-3). Морфологические признаки волокон ткани покрывала белого цвета (толстая ткань) сви-

детельствуют об их принадлежности к волокнам льна.

2. Ткань белого цвета с остатками красителя синего цвета (тонкая ткань) (рис. П2-4) с нашитой на нее латунной пластиной плохой сохранности.

В проходящем свете волокна ткани имеют плоскую лентообразную форму с характерной извитостью вдоль продольной оси с каналом внутри или без него (рис. П2-5). В поляризованном свете у волокон ткани наблюдается голубая окраска с желтыми, красно-фиолетовыми и синими участками (рис. П2-6).

Морфологические признаки волокон ткани покрывала белого цвета с остатками красителя синего цвета (тонкая ткань) свидетельствуют об их принадлежности к волокнам хлопка.

3. Далее проводили исследование красителя синего цвета (рис. П2-7) на волокнах ткани покрывала белого цвета методом тонкослойной хроматографии.

Краситель экстрагировали с волокон исследуемой ткани диметилформамидом (ДМФА) при нагревании, «свидетель» — экстракт красителя Индиго из коллекции Центра. Полученные экстракты наносили на стартовую линию хроматографических пластин Sorbfil и хроматографировали в двух различных по полярности системах растворителей: толуол-этанол (4:3) и гексан-ацетон (2:1). После разделения на хроматографических пластинах наблюдаются пятна синего цвета, совпадающие с пятнами экстракта красителя Индиго в каждой из систем по величине хроматографической подвижности.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о принадлежности красителя ткани покрывала белого цвета к красителю Индиго.

Литература

- Геннадиев и др. 1987: Геннадиев А.Н., Державин В.Л., Иванов В.К., Мирнов Ю.А. 1987. О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре. *СА* (2), 124—141.
- Доде З.В. 2012. Эмблемы с изображениями луны, солнца и драконов в костюме монгольской кочевой элиты XIII—XIV веков. В: Евлевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 11. Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 251—278.
- Доде З.В. 2014. Ткани с христианской символикой в костюме золотоордынской элиты. *РА* (1), 54—66.
- Костюков В.П. 2009. Буддизм в культуре Золотой Орды. В: Кляшторный С.Г. (пред. ред. колл.). *Тюркологический сборник 2007—2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран*. Москва: Восточная литература, 189—236.
- Матюшко И.В. 2008. Захоронение бальзамированного воина XIII—XIV веков на левобережье Иртека. В: Евлевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 6. Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 141—156.
- Матюшко И.В. 2016. *Памятники IX—XIV вв. Степного Приуралья*. Москва; Берлин: DirectMedia.
- Моргунова Н.Л. 2003. Отчет о раскопках Шумаевских курганов в Ташлинском районе Оренбургской области в 2002 году по Открытому листу №359. Оренбург.
- Моргунова и др. 2003: Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий, М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. 2003. *Шумаевские курганы*. Оренбург: ОГПУ.
- Турецкий М.А. 1994. *Отчет о раскопках курганных могильников у с. Изобильное в Соль-Илецком районе Оренбургской области в 1993 году по Открытому листу №190*. Самара. Архив ИА РАН. Р-1, №18708.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.
- Харламов П.В. 2013. Комплекс вооружения знатного воина из II Шумаевского курганного могильника в Оренбургской области. В: Родинкова В.Е., Федорина О.Н. (отв. ред.). *Новые материалы и методы археологического исследования*. Материалы II Международной конференции молодых ученых. Москва, 19—21 марта 2013 г. Москва: ИА РАН, 162—164.
- Худяков Ю.С. 1991. *Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья*. Новосибирск: Наука.

- Юрченко А.Г. 2012. *Элита монгольской империи: время праздников, время казней*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Falke O. von. 1936. *Decorative Silks*. 3rd ed. New York: William Helburn Inc.
- Helmecke G. 2001. *Byzantinische und orientalische Seidenstoffe Grabfunde aus der Sepultur der Bamberger Domherren*. Bamberg: Diözesanmuseum.
- Muthesius A. 1995. *Studies in Byzantine and Islamic Silk Weaving*. London: The Pindar Press.

References

- Gennadiev, A.N., Derzhavin, V.L., Ivanov, V.K., Mirnov, Yu.A. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 124—141 (in Russian).
- Dode, Z.V. 2012. In *Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 251—278 (in Russian).
- Dode, Z.V. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 54—66 (in Russian).
- Kostiukov, V.P. 2009. In *Kliashptomii, S.G. (ed.). Tiurkologicheskii sbornik 2007—2008: Istorii i kul'tura tiurkoiazychnykh narodov Rossii i sopredel'nykh stran (Collected Papers on Turkic Studies 2007—2008: History and Culture of the Turkic-Speaking Peoples of Russia and Adjacent Countries)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 189—236 (in Russian).
- Matiushko, I.V. 2008. In *Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 141—156 (in Russian).
- Matiushko, I.V. 2016. *Pamiatniki IX—XIV vv. Stepnogo Priural'ia (Sites of 9th—14th Centuries in Cis-Urals Steppes)*. Moscow; Berlin: "DirectMedia" Publ. (in Russian).
- Morgunova, N.L. 2003. *Otchet o raskopkakh Shumaevskikh kurganov v Tashlinskom raione Orenburgskoi oblasti v 2002 godu po Otkrytomu listu № 359 (Report on Excavations of Shumaevo Barrows in the Tashla District, Orenburg Oblast, in 2002, Permission no. 359)*. Orenburg (in Russian).
- Morgunova, N.L., Gol'eva, A.A., Kraeva, L.A., Meshcheriakov, D.V., Turetskii, M.A., Khaliapin, M.V., Khokhlova, O.S. 2003. *Shumaevskie kurgany (The Shumaevo Burial Mounds)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
- Turetskii, M.A. 1994. *Otchet o raskopkakh kurgannykh mogil'nikov u s. Izobil'noe v Sol'-Iletskom raione Orenburgskoi oblasti v 1993 godu po otkrytomu listu № 190 (Report on Excavations of Barrow Necropolises near the Izobil'noye Village, Sol-Iletsk District, Orenburg Oblast, in 1993, Permission no. 190)*. Samara. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 18708 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Kharlamov, P.V. 2013. In *Rodinkova, V.E., Fedorina, O.N. (eds.). Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia (New Materials and Methods of Archaeological Research)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 162—164 (in Russian).
- Khudiakov, Yu.S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ia (Central Asian Nomads Armament in the Early and High Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Yurchenko, A.G. 2012. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire: the Time for Holidays, the Time for Executions)*. Saint Petersburg: "Evrasiia" Publ. (in Russian).
- Falke, O. von. 1936. *Decorative Silks*. 3rd ed. New York: William Helburn Inc.
- Helmecke, G. 2001. *Byzantinische und orientalische Seidenstoffe Grabfunde aus der Sepultur der Bamberger Domherren*. Bamberg: Diözesanmuseum.
- Muthesius, A. 1995. *Studies in Byzantine and Islamic Silk Weaving*. London: The Pindar Press.

И. Ю. Лапшина

Irina Lapshina. Candidate of Historical Sciences. Volgograd Regional Museum of Local Studies¹.

Лапшина Ирина Юрьевна. Кандидат исторических наук. Волгоградский областной краеведческий музей.

E-mail: lapshina.vokm@mail.ru

Address: ¹ Lenin Ave., 7, Volgograd, 400131, Russian Federation

Проблема правления Тинибека

Keywords: Golden Horde, khan, successor, legitimacy, reign, annals, Arab sources

Ключевые слова: Золотая Орда, хан, наследник, легитимность, правление, летопись, арабские источники

I. Yu. Lapshina

The Problem of Tinibek's Reign

The question of Tinibek's regiment is ambiguously considered in historiography. Russian, Western European and Arab sources, which cover the problem of devolution after Uzbek khan's death, have been analyzed in this research. These documents let us think that Tinibek wasn't a khan of Sarai. That point is also confirmed by the absence of silver coins minted on behalf of Tinibek. Benedict Pope's letters represent some interesting information, according to which Janibek could become a heir in the lifetime of his father. However, Tinibek's actions after Uzbek's death show that he wished for occupying Sarai's throne and did not intend to stay as a regent in Sygnak.

И. Ю. Лапшина

Проблема правления Тинибека

Вопрос о правлении Тинибека рассматривается в историографии неоднозначно. В работе проанализированы русские, западноевропейские, арабские источники, освещающие проблему передачи власти после смерти хана Узбека. Данные свидетельства позволяют полагать, что Тинибек не был сарайским ханом, подтверждением чему является также отсутствие серебряных монет, чеканенных от его имени. Письма папы Бенедикта представляют интересную информацию о том, что Джанибек мог стать наследником еще при жизни своего отца. Тем не менее, действия самого Тинибека после смерти Узбека свидетельствуют о том, что он стремился занять сарайский престол и не был намерен оставаться правителем в Сыгнаке.

Джанибек пришел к власти в результате государственного переворота и убийства своего старшего брата Тинибека, чуть позже им был убит и младший брат Хызрбек (СМИЗО 1884: 263—264), из опасений, что последний будет претендовать на отцовский трон. Персидские источники сообщают, что при Джанибеке началось активное строительство мечетей, создание медресе, кроме того, он привлекал к своему двору «много людей превосходных и ученых из разных краев и сторон государств ислама» (СМИЗО 1941: 128). Интересно отметить, что на момент своего воцарения Джанибек назван в русских летописях «поганым» (ПСРЛ 4 1848: 57; ПСРЛ 5 1851: 224), что, вероятно, связано с убийством Тинибека и Хызрбека: «ходи князь Семен к поганому Зянибеку, иже бе сел на царстве, убив

два брата своа» (ПСРЛ 3 1841: 81). Иная характеристика дана этому хану на момент его кончины: во многих летописях он назван «добрым», включая и те, где ранее его именовали «поганым» (ПСРЛ 4 1848: 63; ПСРЛ 5 1851: 228; ПСРЛ 8 1859: 10; ПСРЛ 10 2000: 229; ПСРЛ 16 2000: 87; ПСРЛ 24 2000: 122; ПСРЛ 25 1949: 180). Такое отношение, по всей видимости, связано с тем, что Джанибек не проявлял активного вмешательства в дела русских княжеств в период своего правления, и годы его царствования оказались относительно спокойными для Руси, кроме того, хорошо представлены ярлыки, выданные в его правление и освобождавшие русскую церковь от пошлин (Усманов 2009: 844).

Вопрос о том, правил ли Тинибек, рассматривается в историографии неоднозначно

(Федоров-Давыдов 1973: 106; Сафаргалиев 1996: 368—369; Мыськов 1998: 52—55; Почечкаев 2010: 182—183; Лапшина 2013: 56—64). Близкую к обоснованной в данной работе точку зрения в отношении того, что Тинибек не был ханом в Сарае, высказал К.З. Ускенбай (Ускенбай 2013: 227—232).

В связи с вопросом наследования власти после смерти Узбека интересны сведения о Тинибеке и Джанибеке, оставленные Ибн Баттутой: «Тинабек наружностью был одним из красивейших созданий Аллаха. Отец назначил его преемником царства и он пользовался у него влиянием и почетом. ...По смерти отца своего он правил короткое время, но потом был убит за постыдные дела, которые с ним приключились, и воцарился брат его Джанибек, который был лучше и превосходнее его» (СМИЗО 1884: 296). Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в середине 30-х гг. Узбек планировал передать престол Тинибеку.

Однако наши представления о наследнике Узбека непосредственно перед его смертью могут носить только вероятностный характер. Косвенным свидетельством в пользу возвышения Джанибека служат письма папы Бенедикта XII к Узбеку и Джанибеку, датированные 1340 г. В каждом из них Бенедикт XII именует Джанибека «первородным сыном» Узбека (Письма папы... 1863: 1002—1005). Кроме того, сам факт вступления Джанибека (а не Тинибек) в дипломатические отношения еще при жизни отца может свидетельствовать об определенных изменениях в положении братьев при дворе. В письме папы упоминается, что Джанибек передал ему подарок с дипломатической миссией: «За присланный Вами подарок, представленный упомянутым посланником, и за милости, оказанные Вами упомянутым христианам, мы еще раз изъявляем чувствительнейшую благодарность» (Письма папы... 1863: 1004—1005). А также папа выражает ему свою признательность за покровительство, оказываемое Джанибеком католическому населению империи его отца: «...о любви Вашей ... которую Вы питаете и питали до сих пор к св. апостольской столице и Римской церкви... а вместе с тем о благосклонности и расположении, которые оказываете постоянно и беспрестанно христианам католикам, повинующимся Римской церкви, живущим в Империи отца Вашего... мы давно слышали из приятных нам донесений...» (Письма папы... 1863: 1004—1005).

Содержание этих писем в целом довольно трудно согласуется с данными русских

и арабских источников, в то время как русские князья и султан Египта имели гораздо больше контактов с правителями Золотой Орды. Трудно предположить, что информация, известная Бенедикту XII, была недоступна русским или арабам. И все же, как русские, так и египетские сведения говорят именно о нарушении Джанибеком закона, о заговоре против Тинибек, состоявшемся уже после смерти Узбека. Хотя в какой-то мере удаление Тинибек из столицы (его отправление в военный поход «в земли джагатайские») может свидетельствовать о разногласиях Узбека со старшим сыном.

Вероятнее всего, Тинибек не успел вступить в права наследования престола. При этом развитии событий до нас дошли бы его монеты. Факт отсутствия монет уже был отмечен Е.П. Мыськовым (Мыськов 1998: 52—53). В золотоордынской истории есть пример кратковременного царствования Тимур-ходжи, который правил, по сведениям летописей, 1—2 недели, и успел отчеканить свою монету (ПСРЛ 5 1851: 229; ПСРЛ 8 1859: 11; ПСРЛ 2000: 89—90; ПСРЛ 16 2000: 122; ПСРЛ 25 1949: 181; ПСРЛ 15 2000: 71; Сагдеева 2005: 34). Наиболее длительный срок правления Тимур-ходжи (1 месяц и семь дней) указан в Никоновской летописи, возможно, что там был указан весь период, включавший его бегство за Волгу, то есть то время, когда он, по сути, уже не владел Сараем (ПСРЛ 10 2000: 233).

В связи с именем Тинибек интересен еще и вопрос о посвящении ему и его жене Мелике поэмы «Хосров и Ширин» (Кляшторный и др. 1992: 192).

Упоминание о Тинибек и его жене в поэме позволяет полагать, что к Тинибек обращаются как к хану. Т.И. Султанов полагает, что это является доказательством соответствия терминов «улус Бату» и «Ак-Орда» (Кляшторный, Султанов 1992: 193). К.З. Ускенбай считает данный факт подтверждением теории, что Ак-Орда — это улус Орды (Ускенбай 2005: 353—380). Тем не менее, не теряют своей ценности доказательства, приведенные Г.А. Федоровым-Давыдовым относительно наименования западного и восточного улусов (Федоров-Давыдов 1973: 141—144).

В качестве дополнительного аргумента К.З. Ускенбай приводит так называемое восстание Мубарака, полагая, что Тинибек был отправлен в Сыгнак с целью наведения там порядка (Ускенбай 2002: 28). Достаточно трудно согласиться с версией, что Узбек ждал два-три года, чтобы наказать мятежника. Да и сам факт мятежа, основанный на мо-

нете 739 г.х. (1338/1339 гг.) (или 729 г.х. (1328/1329 гг.)), другими исследователями подвергается сомнению. Так, В. П. Костюков указывает на возможность датировки этой монеты 769 г.х. (1367/1368 гг.) (Костюков 2009: 142), то есть временем замятни, когда ее появление вполне объяснимо.

Довольно трудно на основании посвящения поэмы Тинибеку и его жене утверж-

дать, что правление Тинибека имело место (при отсутствии монет, являвшихся общепризнанным символом легитимности власти). Однако действия самого Тинибека (то есть его возвращение) свидетельствуют о его намерении занять сарайский престол, следовательно, к своему пребыванию в Сыгнаке он относился как к временному.

Литература

- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. 1992. *Казахстан — летопись трех тысячелетий*. Алма-Ата: Рауан.
- Костюков В. П. 2009. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV в. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* (1), 138—149.
- Лапшина И. Ю. 2011. О смерти Узбека и воцарении Джанибека. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* (2), 190—193.
- Лапшина И. Ю. 2013. *Политическая история Золотой Орды (1312—1380 гг.)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Лапшина И. Ю. 2013. Вопросы воцарения и смерти Узбек-хана. *Золотоордынская цивилизация* (6), 112—120.
- Мыськов Е. П. 1998. Борьба за власть в Золотой Орде после смерти Узбека. *Вопросы краеведения* 4—5, 51—55.
- Письма папы... 1863: Письма папы Венедикта XII к Хану Узбеку, его жене Тайдоллю и сыну Джанибеку, в 1340 году. 1863. *ЗООИД* 5, 1002—1006.
- Почекаев Р. Ю. 2010. *Ханы Золотой Орды*. Санкт-Петербург: Евразия.
- ПСРЛ 3 1841: *Новгородские летописи*. 1841. ПСРЛ 3. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.
- ПСРЛ 4 1848: *Новгородские и псковские летописи*. 1848. ПСРЛ 4. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.
- ПСРЛ 5 1851: *Псковские и Софийские летописи*. 1851. ПСРЛ 5. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.
- ПСРЛ 8 1859: *Продолжение летописи по Воскресенскому списку*. 1859. ПСРЛ 8. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.
- ПСРЛ 10 2000: *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*. 2000. ПСРЛ 10. Москва: Языки русской культуры.
- ПСРЛ 15 2000: *Рогожский летописец*. 2000. ПСРЛ 15. Москва: Языки русской культуры.
- ПСРЛ 16 2000: *Летописный сборник, именуемый лето-*

- писью Авраамки*. 2000. ПСРЛ 16. Москва: Языки русской культуры.
- ПСРЛ 24 2000: *Типографская летопись*. 2000. ПСРЛ 24. Москва: Языки русской культуры.
- ПСРЛ 25 1949: *Московский летописный свод конца XV в.* 1949. ПСРЛ 25. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Сагдеева Р. З. 2005. *Серебряные монеты ханов Золотой Орды*. Москва: Горячая линия-Телеком.
- Сафаргалиев М. Г. 1996. Распад Золотой Орды. В: Муслимов И. Б. (сост.). *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X—XVI вв.)*. Москва: Инсан, 280—526.
- СМИЗО 1884: Тизенгаузен В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. *Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.
- СМИЗО 1941: Тизенгаузен В. Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. II. *Извлечения из персидских сочинений*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Ускенбай К. З. 2002. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII—XIV веках. Из истории Ак-Орды. *Вопросы истории Казахстана* (3), 7—37.
- Ускенбай К. З. 2005. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда. В: Кляшторный С. Г. и др. (ред.). *Тюркологический сборник 2003—2004. Тюркские народы в древности и средневековье*. Москва: Восточная литература, 353—380.
- Ускенбай К. З. 2013. Танибек бин Узбек на сыгнакском троне. *Золотоордынская цивилизация* (6), 227—232.
- Усманов М. (науч. ред.). 2009. *История татар с древнейших времён в семи томах*. Т. III. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды*. Москва: МГУ.

References

- Kliashorny, S. G., Sultanov, T. I. 1992. *Kazakhstan. Letopis' trekh tysiacheletii (Kazakhstan. A Chronicle of Three Millennia)*. Alma-Ata: "Rauan" Publ. (in Russian).
- Kostiukov, V. P. 2009. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues on History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (1), 138—149 (in Russian).
- Lapshina, I. Yu. 2011. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues on History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (2), 190—193 (in Russian).
- Lapshina, I. Yu. 2013. *Politicheskaia istoriia Zolotoi Ordy (1312—1380 gg.) (The Political History of the Golden Horde in 1312—1380)*. PhD Diss. Volgograd (in Russian).
- Lapshina, I. Yu. 2013. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* (6), 112—120 (in Russian).
- Myskov, E. P. 1998. In *Voprosy kraevedeniia (Problems of Regional*

- Studies)* 4—5, 51—55 (in Russian).
- Pis'ma papy Venedikta XII k Khanu Uzbeku, ego zhene Taidoliu i synu Dzhanibeku, v 1340 godu (Messages of the Pope Benedictus XII to the Khan Ozbeg, his Wife Taidoliu and his Son Jani Beg, in 1340). 1863. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 5, 1002—1006 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. 2010. *Khany Zolotoi Ordy (Golden Horde Khans)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Novgorodskie letopisi (Novgorod Chronicles)*. 1841. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 3. Saint Petersburg: Eduard Prats typography (in Russian).
- Novgorodskie i pskovskie letopisi (Novgorod and Pskov Chronicles)*.

1848. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 4. Saint Petersburg: Eduard Prats typography (in Russian).
- Pskovskie i Sofiiskie letopisi (Pskov and Sophia Chronicles)*. 1851. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 5. Saint Petersburg: Eduard Prats typography (in Russian).
- Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku (Continuation of the Resurrection Version Chronicle)*. 1859. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 8. Saint Petersburg: Eduard Prats typography (in Russian).
- Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu (Collection of Chronicles, named Patriarch's or Nikon Chronicle)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 10. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Rogozhskii letopisets (Rogozhskoe Chronicle)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 15. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Letopisnyi sbornik, imenuemyi letopis'iu Avraamki (Collection of Chronicles known as Avraamka's Chronicle)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 16. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Tipografskaia letopis' (Chronicle Following the Typograph Copy)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 24. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v. (Moscow Chronicle of Late 15th Century)* 1949. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 25. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Sagdeeva, R. Z. 2005. *Serebrianye monety khanov Zolotoi Ordy (Silver Coins of the Khans of the Golden Horde)*. Moscow: "Goriachaia liniia-Telekom" Publ. (in Russian).
- Safargaliev, M. G. 1996. In Muslimov, I. B. (comp.). *Na styke kontinentov i tsivilizatsii (iz opyta obrazovaniia i raspada imperii X—XVI vv.) (On the Joint of Continents and Civilizations (from experience of formation and fall of empires in 10th — 16th Centuries))*. Moscow: "Insan" Publ., 280—526 (in Russian).
- Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otosiaschikhisia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* 1. *Izvecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Tiesenhausen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otosiaschikhisia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Izvecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Uskenbai, K. Z. 2002. In *Voprosy istorii Kazakhstana (Issues of the History of Kazakhstan)* (3), 7—37 (in Russian).
- Uskenbai, K. Z. 2005. In Kliashtornyi, S. G., et al. (eds.). *Tiurkologicheskii sbornik 2003—2004. Tiurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e (Turkological Collection 2003—2004. Turkic Peoples in Ancient and Medieval Times)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 353—380 (in Russian).
- Uskenbai, K. Z. 2013. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* (6), 227—232 (in Russian).
- Usmanov, M. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes)* III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social Order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, СЕВЕРНОЕ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КРЫМ**

*The Northern Caucasus,
North Black Sea Region and the Crimea*

Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор

Keywords: Eastern Europe, cities of the Russian north-west, cities of the Golden Horde, bone pavements, archaeozoological research, taxonomic composition, anatomical spectrum, handicraft production of animal materials, processing of hides

Ключевые слова: Восточная Европа, города русского северо-запада, города Золотой Орды, костные вымостки, археозоологическое исследование, таксономический состав, анатомический состав, косторезные производства, обработка шкур

L. V. Yavorskaya

Concentrations of Animal Bones in the Cities of the Golden Horde: main finds, species, anatomical set

Novgorod and Pskov, medieval cities of the Russian North-West, are known for concentrations of bones dated by the early 16th century. These “bone pavements” consisted of the remains of meat trade, which were used within the urban space as a sealing layer under wooden structures, that is, for the site improvement.

The article analyzes species and anatomical set of bone concentrations found in another cultural-landscape space of medieval Eastern Europe — in three cities of the Golden Horde: Azak, Majar and Bolgar. Within these concentrations, the usual taxonomic set of animal bone remains is recorded, but somewhat depleted. Shares of bones of birds and fish, as well as wild mammals and domestic animals are significantly less numerous than in ordinary household accumulations. In some concentrations, the share of horse bones is sharply reduced. Basically, the osteological range in these concentrations includes the remains of cattle, with a particularly high share of small cattle, which can exceed the share of big cattle by 2—5 and even 8 times. An analysis of the anatomical collection of bones from the concentrations revealed two sets of cattle remains. The first set, consisting of the remains of the heads and lower parts of the limbs of animals, we associate with industrial waste from large-scale slaughter of livestock for their hides. The second set: scapular, radial, femoral and tibial bones of cattle, shoulder blades and tibial bones of small cattle are interpreted as blanks of bone material for the production of products. Thus, bone accumulations in the cities of the Golden Horde have a “production” origin. All such concentrations were found in the craft quarters of cities, and in case the respective anatomical set of bone remains is documented by archeozoological study can serve as a marker for existence of craft activities, aimed at production of articles from raw animal material.

Л. В. Яворская

Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор

В средневековых городах русского Северо-Запада — Новгороде и Пскове — известны скопления костных остатков начала XVI века. Эти «костные вымостки» состояли из остатков мясной торговли, которые использовались в пределах городского пространства в качестве уплотняющих грунт подсыпок под деревянные конструкции, то есть для благоустройства.

В настоящей статье анализируется видовой состав и анатомический набор костных скоплений, обнаруженных в другом культурно-ландшафтном пространстве средневековой Восточной Европы — в трех городах Золотой Орды: Азаке, Маджаре и Болгаре. В скоплениях зафиксирован обычный таксономический набор костных остатков животных, но несколько обедненный. Значительно меньшими, чем в обычных бытовых накоплениях, здесь фиксируются доли остатков птиц и рыб, также диких млекопитающих и домашних животных — помощников человека. В некоторых скоплениях резко снижена доля остатков лошади. В основном остеологический спектр в скоплениях построен на остатках рогатого скота с особенно высокой долей МРС, которая может превышать долю КРС в 2—5 и даже в 8 раз. Анализ анатомического набора костей из скоплений выявил два комплекса остатков рогатого скота. Первый набор, состоящий из остатков голов и нижних отделов конечностей животных, связывается нами с производственными отходами от масштабных забоев скота для снятия шкур. Второй набор — лопаточные, лучевые, бедренные и берцовые кости КРС, лопатки и берцовые кости МРС — интерпретируется как заготовки костяного сырья для производства изделий. Таким образом, костные скопления в городах Золотой Орды имеют «производственное» происхождение. Все подобные накопления обнаружены на территории ремесленных кварталов городов, и фиксация при археозоологическом исследовании соответствующего анатомического набора костных остатков может служить маркером ремесленных производств из животного сырья.

Одной из наиболее массовых категорий археологических материалов, получаемых при раскопках средневековых городов, являются кости животных. Накопление бытового мусора, включающего кости животных, в замкнутом пространстве городов происходит значительно интенсивнее, чем, скажем, в не ограниченных стенами сельских поселениях. Городские культурные напластования наполнены костными остатками плотнее, чем сельские. Кости животных могут оказываться в культурном слое по целому ряду причин и, соответственно, могут быть отнесены к различным категориям археологических и археозоологических материалов (Антипина 2016). Остатки погибших животных, обычных обитателей города — домашних питомцев и комменсалов, как умерших естественной смертью, так и в результате эпидемий или катастроф, как правило, представлены целыми скелетами или крупными их частями. Если руины древнего города расположены под культурными напластованиями более поздних поселений, то часто встречаются интрузивные захоронения целых скелетов современных животных, представляющие другой контекст их попадания в культурный слой (Антипина, Яворская 2018). Основную часть содержащихся в культурных напластованиях костей животных составляют остатки мясной пищи, или «кухонные» остатки. Такие фрагменты несут на себе следы разделки туш и манипуляций с мясом: разрубов, специфичного кухонного дробления, следы лезвия ножа, погрызов собаками, воздействия огня и высокой температуры (Антипина 2009; 2016). Кроме них, в городах фиксируется категория «ремесленных» отходов обработки кости — остатки от раскроя костей и плотного рога, опилки, обрезки, заготовки, а также недоделанные или сломавшиеся изделия (Антипина 2016). Кроме вышеупомянутых и хорошо известных археологам категорий костных остатков, в городах эпизодически обнаруживаются их крупные скопления. Интерпретации этих необычных накоплений костей могут быть весьма неоднозначны: археологическое изучение, дополненное археозоологическим исследованием может привести к совершенно другому объяснению появления и функционирования скоплений, чем казалось при обнаружении.

Наиболее известными скоплениями являются так называемые костные вымостки, обнаруженные в культурных напластованиях крупнейших древнерусских городов северо-западной Руси — Великом Новгороде и Пскове (Строков, Богусевич 1939; Арциховский

1949; Гроздилов 1957). Тщательные археологические исследования этих скоплений последних 10 лет выявили, что в эпоху позднего средневековья и нового времени костные остатки использовались в качестве специальных подсыпок для выравнивания участков городской территории, ликвидации топких мест, заполнения выбоин, обеспечения бесперебойной работы дренажной системы, то есть для благоустройства значимых городских объектов, таких как Ярославово Дворище в Великом Новгороде, Новый Торг и один из основных городских въездов в Пскове (Яворская 2013; 2013а; Салмин, Яворская 2016). Археозоологическое исследование этих скоплений позволило установить специфику видового состава и анатомического набора костных остатков в скоплениях, выявить причины и проследить пути их накоплений (Яворская 2013а; 2014).

В видовом наборе таких скоплений необычно велика доля костей крупного рогатого скота: она доходит до 98% от всех остатков. Специфичен и анатомический набор: стандартно разделанные части коровьих голов, причем именно те, на которых почти нет мяса — зубные части верхней и нижней челюстей, лобные кости и роговые стержни (Яворская 2013). В данном анатомическом наборе представлены нереализуемые при продаже части туш, получение которых возможно лишь при торговле мясом. Накопление таких остатков могло происходить в тех местах, где они использовались: в трактирах и харчевнях из этих частей получали бульон, а вываренные костные остатки, уже не представляющие опасности для городской санитарной ситуации, накапливали в специально устроенных местах на задних дворах (Яворская 2013а). Впоследствии эти накопления использовались для благоустройства наиболее значимых участков городской территории. Так, в начале XVI века на мощную подсыпку из остатков коровьих голов устанавливали деревянные конструкции, например, Нового Торга в Пскове (Яворская 2013а). Похожее использование этих костных остатков наблюдается и на торговом Дворище в Великом Новгороде (Арциховский 1948). В XVIII веке при сооружении одного из главных въездов в город Псков для отведения вод речки Зрачки деревянный дренаж-водоотвод поместили в специальную подсыпку из таких же специфичных костных накоплений (Салмин, Яворская 2016: 55).

Костные остатки из исследованных вымосток трижды сменили как свое местоположение в пределах городской территории, так

и функциональное назначение: во-первых, они были остатками мясной торговли, затем, во-вторых, после варки бульона стали «кухонными» остатками, а наше исследование обнаружило их уже в третьем варианте использования — в виде уплотнительной подсыпки, то есть, как строительный материал.

Одним из основных выводов изучения скоплений стало и то, что сама возможность подобных масштабных накоплений костных остатков была связана с уже рождающимся массовым производством сельскохозяйственных продуктов и услуг общественного питания. Это могли быть скотоводческие хозяйства, поставлявшие скот для мясного торгова, а также трактиры и харчевни, на кухнях которых блюда готовились в больших объемах. Востребованность такого специфического строительного материала, как костные остатки, связана как с политическими событиями рубежа XV—XVI веков, так и со спецификой природно-ландшафтных условий.

Политические события рубежа XV и XVI веков — присоединение Новгородской и Псковской аристократических республик к Московскому государству — привели к необходимости уменьшить влияние крупной торговой аристократии и купеческих корпораций на политические процессы. В обоих городах произошла перепланировка территорий торгова. В Новгороде сохранилось прежнее место торговли — Дворище, но оно было перепланировано «по-московски», то есть, полностью перестроено. В Пскове основной городской торг был перенесен из «среднего города» в «окольный», где он был по-новому распланирован и обустроен, получив название Новый Торг (Салмина и др. 2017). Важно отметить, что в обоих городах на торгах археологическим исследованием зафиксированы мощные подсыпки из костных фрагментов коровьих голов над и под деревянными конструкциями. Для городов русского северо-запада такая забутовка из костей лучше любой другой подсыпки выполняла как амортизирующие, так и дренирующие функции. Талая и атмосферная влага не накапливалась непосредственно под постройками, а проходила сквозь костную подсыпку в нижележащие напластования. Тем самым сохранялся доступ воздуха к основанию деревянных конструкций, предохраняя их от погружения в переувлажненный грунт и гниения. Часть рядов Нового Торга в Пскове должны были располагаться в низинном и сильно увлажненном участке вблизи древнего городского рва. Использование костной подсыпки позволило выровнять и, соответственно, осушить этот

участок, сохранность деревянных конструкций лавок и дороги-настила, обнаруженных при раскопках, была довольно хорошей. Предохраняющее использование костной подсыпки фиксируется в Пскове при обустройстве одного из городских въездов XVIII века: воды небольшой речки были отведены в специальный деревянный дренаж, который также «впустили» в подсыпку-забутовку из костных остатков коровьих голов. Вода речки могла протекать и за пределами дренажа, однако вся конструкция из дерева и костей обеспечивала устойчивость дороги, проходившей над ней. То есть, остроумное использование костных остатков как строительного материала, предохраняющего деревянные конструкции, продолжалось в Пскове уже в новое время.

В городах Золотой Орды, расположенных в сухих степях или на лесостепных территориях, костные скопления имели, скорее всего, иное назначение, чем в русских городах северо-запада, а возможно, и иное происхождение. Первая фиксация золотоордынских костных скоплений произошла лишь в XXI веке, и на настоящий момент они известны из археологических исследований в трех городах: Азаке (современная Ростовская область, Нижний Дон), Маджаре (Ставропольский край, Северный Кавказ) и Болгаре (Спасский район, Республика Татарстан). Рассмотрим основные находки костных скоплений в городах Золотой Орды, археологический контекст таких находок, видовой и анатомический состав остатков, предположим причины их накопления и характер использования в городском пространстве.

Скопления Азака

При раскопках золотоордынского Азака обнаружено несколько мощных скоплений костных остатков животных: на раскопке по ул. Толстого, 41 (2000—2002 гг.), на раскопке II по ул. Мира, 4 (2007 г.) и на раскопке II по Петровскому бульвару (2013 г.). Все скопления расположены в центральной части средневекового города.

На раскопке по ул. Мира, 4, помимо обычного состава культурного слоя в пяти ямах было зафиксировано специфичное заполнение, где слои гумуса перемежались с золистыми слоями, прослойками глины и органического тлена, а между ними залежали мощные накопления из большого количества костей животных. Общее число костных остатков с этого раскопа составило свыше 16 тыс. фрагментов, среди которых около 30% занимают не опре-

делимые до вида остатки, а также единичные кости лошади, собак, кошек, птиц и рыб. Свыше 70 % костных остатков составили определяемые кости крупного и мелкого рогатого скота, преимущественно остатки овец, которых было в 4—5 раз больше, чем коровьих костей. В анатомическом наборе наиболее многочисленного вида преобладают остатки черепов, метаподиев и фаланг (Яворская, Масловский 2018: 364). Датировка этих напластований — 1330—1340-е гг.

На раскопах по ул. Толстого, 41 и на Петровском бульваре, 7, расположенных недалеко друг от друга, в разные годы был исследован крупный участок центра золотоордынского Азака. Двумя раскопами, каждый из которых исследовался по несколько лет, вскрыты части магистральной улицы Азака и улицы, параллельной ей, а также большое количество остатков разнотипных жилых и хозяйственных сооружений, в том числе крупных подвальных помещений, зафиксированы следы ряда разнообразных ремесленных производств, включая металлургическое, керамическое, косторезное. Горизонт, связанный с большим количеством костных остатков животных, датируется первой четвертью XIV века. Наиболее мощные накопления костей зафиксированы в заполнении подполья наземных жилищ, земляночных жилищ, крупных ям, а также в укладке уличной мостовой (Яворская, Масловский 2018: 364). Анализ археологического контекста указанных сооружений свидетельствует о том, что по завершении функционирования в своем основном назначении, все крупные углубления в центре Азака использовались для свалки мусора. Центральная улица на рубеже XIII и XIV вв. была обустроена как мостовая, на которой велась активная розничная торговля (Яворская, Масловский 2018: 359). По трассе будущей мостовой шириной 8 м было специально сооружено углубление, примерно в 20 см глубиной, на дно уложены плитки уплотняющего грунта, а затем дополнительное уплотнение производилось в разное время, досыпкой различных видов твердого мусора, одним из которых были кости животных (Яворская, Масловский 2018: 359).

На раскопе 2000 года по ул. Толстого, 41 особый интерес представляло заполнение крупной ямы №6, где были прослежены пласты гумуса и золы, слои, насыщенные органикой и органическим тленом, а дно ямы перекрывал мощный слой, состоящий почти исключительно из костей животных (Масловский, Белинский 2001: 11). Видовой и анатомический набор костных

остатков, зафиксированный и опубликованный специалистом-палеонтологом Г.И. Тимониной (Тимонина 2002), оказался еще более выразительным, чем в ямах на ул. Мира, 4. Здесь неопределимые костные остатки и единичные кости лошадей, птиц и рыб составили лишь 13 % от всех находок костей животных, все остальные 87 % составляли кости крупного и мелкого рогатого скота, причем овечьих костей оказалось в 5 раз больше, чем коровьих. В анатомическом наборе основную массу остатков (71 %) составляли фрагменты черепов, метаподиев и фаланг МРС. На долю остальных частей скелета овцы пришлось в совокупности лишь 29 % от всех остатков (Яворская, Масловский 2018: 362). Отметим, несмотря на то, что коровьих костей в этой яме было значительно меньше, чем овечьих, анатомический набор КРС оказался также специфичен — в нем 80 % остатков занимали фрагменты голов и дистальных частей конечностей — метаподиев и фаланг, а также лопаток со следами ремесленной обработки (Яворская, Масловский 2018: 362).

Заполнение наиболее значимых объектов в центре Азака костями животных удалось изучить на материалах коллекции, полученной в 2013 году на раскопе II по Петровскому бульвару, 7. Общий объем коллекции составил около 25 тысяч костных фрагментов, которыми были наполнены культурный слой XIV века, огромный, шириной 21 м, подвал купеческого дома (жилище №5 — «землянка») и остатки той же магистральной мостовой, которую зафиксировали на раскопе по ул. Толстого, 41 в 2000—2002 гг., а также другие, менее крупные объекты. Подробное археозоологическое исследование остеологических материалов по методической схеме, принятой в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Антипина 2004; 2009; 2016), позволило установить некоторые особенности накопления костей животных в культурных напластованиях и разновременных объектах центра города, охарактеризовать скопления костей, предположить причины и условия возникновения подобных накоплений, а также способы их использования в золотоордынском Азаке.

Сохранность костных фрагментов на этом раскопе оказалась обычной для Азака. В этих скоплениях, как и в вышеописанных, обнаружены прослойки органического тлена, поэтому судить о сохранности и раздробленности возможно лишь по тем остаткам, которые удалось извлечь при раскопках. Раздробленность костей, в целом укладывающаяся в рам-

ки обычной «кухонной» (20—50 фрагментов в 1 куб. дм — см.: Антипина 1999: 108), различалась по исследуемым выборкам: в выборке из культурного слоя кости оказались более раздроблены, чем в заполнении мостовой и землянки (Яворская, Масловский 2018: 366, табл. 1). В таксономическом наборе присутствуют обычные для Азака XIV в. остатки домашних и диких млекопитающих, птиц и рыб, однако соотношения остатков различных таксонов и видов млекопитающих оказались необычными. Доля остатков птиц и рыб составляет величину существенно меньшую, чем обычно. Не определимых до вида костей млекопитающих во всех выборках неожиданно оказалась вполонину меньше, чем на обычных раскопах, хотя степень сохранности и характер раздробленности обычны для Азака. Остатки диких животных представлены лишь одной костью зайца, а доля костей домашних животных-«помощников» (собак, кошек, верблюда) в несколько раз ниже обычной для Азака (Яворская, Масловский 2018: 365—367). Наиболее высокая доля в таксономическом наборе принадлежит остаткам мясных домашних млекопитающих — около 95% от всех костей. Причем кости крупного и мелкого рогатого скота в совокупности составили 93%, а на долю единичных остатков лошадей и свиней пришлось лишь 2% (Яворская, Масловский 2018: табл. 1: 2). Столь высокая доля определимых остатков рогатого скота и невероятно низкая — для всех остальных обычных видов, в археозоологических коллекциях Азака выявлена впервые, и соотношения существенно отличаются от обычных для этого города.

Анализ количественных соотношений остатков крупного и мелкого рогатого скота, а также анатомического набора каждого из этих видов животных проводился по трем крупным выборкам с разным археологическим контекстом: культурный слой, мостовая и землянка (жилище №5). Соотношения между остатками крупного и мелкого рогатого скота не показали неожиданных результатов. В выборках из культурного слоя и землянки доля костей КРС составляла немногим более 40%, а доля МРС — немногим более 50%. В заполнении мостовой соотношения несколько изменяются: 36% составили остатки КРС и 64% — остатки МРС (Яворская, Масловский 2018: 268, табл. 2). В отличие от рассмотренных выше скоплений в ямах на раскопах по ул. Толстого и Мира, где доля костей МРС в 4—5 раз превышала долю КРС, здесь соотношения оказались обычными для коллекций костных остатков из жилой застройки Азака,

когда в остеологическом спектре доля мелкого рогатого скота лишь на 5—15% превышает долю крупного.

Для анализа анатомического набора к сравнению использовался спектр костных остатков одного животного — представителя рогатого скота («стандарт»), поскольку количество и распределение костей в отделах скелета как крупного, так и мелкого рогатого скота примерно одинаковые. Обсуждаются те значения, которые отличаются от значений стандарта более, чем на 5% (табл. 1).

Для остатков крупного рогатого скота в двух выборках превышение значений установлено для лопаточных костей, бедренных и берцовых. В третьей выборке — с мостовой, превышение фиксируется по совершенно другому набору остатков от самых верхних и самых нижних частей туш животных — от костей головы, метаподий и фаланг.

Для остатков мелкого рогатого скота по всем выборкам существенно, в 10—15 раз, завышены показатели по лопаточным костям и метаподиям. В выборке с мостовой добавляется еще особенность: здесь высокие показатели фиксируются по скелету головы — черепу и нижним челюстям. Довольно высокие значения для нижних челюстей в культурном слое и для берцовой кости — в землянке. Следует отметить, что заполнение выборки с мостовой костями МРС несколько отличается от выборки из культурного слоя и землянки, которые похожи между собой. На мостовой заметно высока доля остатков черепа, а доли нижних челюстей и метаподий завышены по отношению к стандарту в 10 раз. Но именно здесь доля лопаточных костей, хоть и превышена, но заметно ниже, чем в выборках из культурного слоя и землянки. Эта ситуация повторяется с остатками метаподий в выборках из культурного слоя и землянки: их доля превышена в 4—5 раз, но существенно уступает тем значениям, которые фиксируют долю метаподий на мостовой, где она превышена в 10 раз. Специфика заполнения мостовой состоит в наиболее высоких показателях по набору остатков головы и метаподий, лопаток здесь несколько меньше. Для культурного слоя и землянки набор отличается от набора мостовой невероятно высокими показателями именно по лопаткам, а вот доля метаподий и голов превышена, но не так существенно, как на мостовой.

Очевидно, что обычная процедура заполнения культурных напластований центральной части средневекового города «кухонными» остатками оказалась нарушена для всех анализируемых выборок, и отчетливо про-

Таблица 1.

Азов-2013. Петровский бульвар, 7, раскоп II. Анатомические спектры (%) костных остатков крупного и мелкого рогатого скота по крупным выборкам из объектов, выявленных на раскопе*

	Крупный рогатый скот			СТАНДАРТ	Мелкий рогатый скот		
	Культурный слой	Мостовая	Землянка		Культурный слой	Мостовая	Землянка
рога, череп	5,6	9,8	7,2	4,4	5,3	10,2	7,9
нижняя челюсть	4,1	9,9	4,6	1,5	9,6	15,4	4,4
зубы	4,4	13,7	1,3	17,5	4,4	16,8	3,5
позвонки	9,7	2,7	10,1	19,7	7,6	1,4	5,6
ребра	19,9	3,5	13,7	19,0	16,5	3,3	6,2
лопатка	8,6	3,6	18,6	1,5	20,7	10,6	26,5
плечевая	4,1	2,2	2,9	1,5	3,8	1,1	4,7
лучевая+локтевая	4,0	4,3	3,9	2,9	4,7	1,8	6,5
тазовая	2,7	1,3	4,2	1,5	3,9	1,4	4,7
бедренная	8,2	5,1	6,9	1,5	3,1	1,2	4,4
берцовая	3,8	3,4	6,9	1,5	6,1	2,5	9,7
метаподии	6,3	7,9	6,5	2,9	11,5	29,7	14,4
подиальные	10,3	10,5	9,2	7,3	1,2	0,3	0,9
фаланги	8,1	22,1	3,9	17,5	1,6	4,3	0,6
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего (абс. число)	7560	1097	1764	137	8536	1886	2276

* Примечание: цветовым маркером (серым фоном) в таблице выделены показатели, которые превышают значения «стандарта» более чем на 5%.

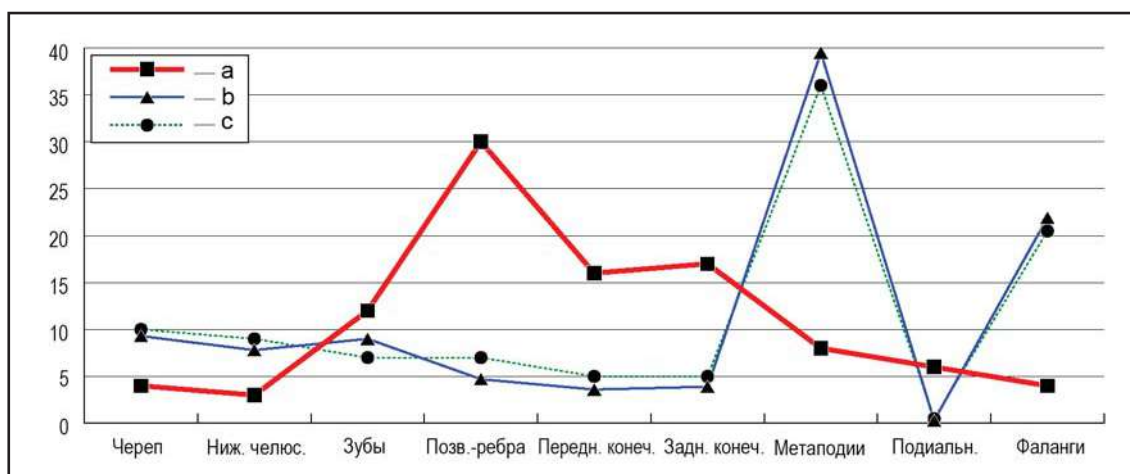
слежена тенденция целенаправленного отбора конкретных частей туш животных.

В выборке с мостовой, где высоки значения фрагментов голов и нижних частей конечностей животных, происхождение именно такого отбора очевидно: это остатки масштабного забоя рогатого скота для последующего снятия шкуры, когда в первую очередь отчлениваются голова и ноги, а вся остальная «мясная» часть туши поступает в продажу. Отбор лопаток крупного рогатого скота в других выборках (культурный слой, землянка), скорее всего, следует связать с нуждами косторезного производства, поскольку на части этих костей есть соответствующие следы обработки. Не исключено, что бедренные и берцовые кости КРС отбирались для тех же нужд, поскольку они имеют хорошую компакту. Однако непонятным остается, почему в этих же выборках нет превышения значения по метаподиям — самой востребованной у косторезов части скелета крупного рогатого скота.

Отбор лопаток мелкого рогатого скота, очевидно, также велся целенаправленно: их отбирали в качестве заготовок для изготовления плоских пластин для различных нужд,

в частности, табличек для письма, как это было установлено, например, для археозоологической выборки из ремесленного квартала золотоордынского Болгара (Антипина, Яворская, Ситдииков 2015). В настоящее время коллекция вариантов изделий, изготовленных из лопаток и трубчатых костей МРС, в золотоордынских городах постоянно пополняется. Из берцовых костей МРС в золотоордынских городах изготавливали мочеотводные трубочки — сунаки для детских люлек, а также небольшие рукоятки и обоймицы. То есть, несколько завышенная доля берцовых костей, обнаруженная в выборках из культурного слоя и землянки, также может быть объяснена специальным их отбором в качестве заготовок для нужд косторезного производства.

Отметим некоторые различия между изучаемыми выборками из центральной части Азака. Очевидно, что в выборке с мостовой преобладают такие остатки двух видов рогатого скота, которые могут образоваться исключительно при специальном забое скота для получения шкур: остатки голов и нижних отделов конечностей. В очень похожих между

Рис. 1. Городище Маджары. Шурф 2 2016 г. Анатомические спектры остатков МРС из культурного слоя: а — кухонные отходы; б — культурный слой, 1—4 пласт; с — культурный слой, 5—9 пласт.

Fig. 1. Madzhary town. Trench 2 of 2016. Anatomical spectra of remnants of small cattle from the cultural layer: a — kitchen debris; b — cultural layer, 1—4 layer; c — cultural layer, 5—9 layer.

собой по анатомическому набору двух видов рогатого скота выборках из культурного слоя и землянки есть такие же остатки, но преобладают кости, которые могут быть использованы для изготовления изделий — лопатки обоих видов рогатого скота, а также бедренная и берцовая кости КРС, берцовая МРС. Получается, что мостовая была заполнена преимущественно отходами производства шкур, к которым было добавлено небольшое количество «кухонных» и ремесленных остатков. Культурный слой и землянка были заполнены как вышеуказанными производственными отходами, так и обычными «кухонными» остатками, и еще довольно большая часть костных остатков здесь являлась заготовками и отходами косторезного ремесла.

Скопления Маджара

На Маджарском городище исследовано 6 археозоологических коллекций, происходящих из раскопок памятника. Скопления костных остатков обнаружены в двух раскопах, расположенных в центральной торгово-ремесленной части города: в шурфе №2, исследованном в 2016 году на восточном участке, и в северной части на раскопе XIII, исследованном в 2017 году.

В шурфе №2 площадью 4 кв.м общее количество костных остатков составило 2246 фрагментов — почти вдвое выше, чем на раскопе XII того же 2016 года, существенно большей площади (36 кв.м — 1373 фрагмента). То есть плотность наполнения культурных напластований костями на данном участке памятника оказалась очень высо-

кой. Обнаруженные в шурфе костные остатки сильно раздроблены: 35—39 фрагментов в 1 куб.дм, что превышает раздробленность костных остатков на жилых участках Маджара (17—25 фрагментов в 1 куб.дм). С учетом раздробленности, необычно высокой оказалась доля определяемых до вида остатков — 92%. Таксономический набор почти совпадает со всеми предшествующими коллекциями, изученными на данном памятнике, однако соотношения остатков животных разного хозяйственного назначения совсем иные. Кости птиц и рыб единичны, так же, как и остатки домашних «помощников» (собак). Костей диких животных не обнаружено. Основное место занимают остатки домашних копытных — 2069 фрагментов. Однако лишь 11 костей принадлежат лошади (0,5% от всех остатков домашних копытных), 239 костей — крупному рогатому скоту (11,6%), а все остальные 1819 фрагментов — мелкому рогатому скоту (87,9%). Столь высокая доля остатков МРС сопровождается заметной особенностью анатомического набора этого вида — в нем преобладали метаподии и фаланги (35—40% от всех остатков), и отмечена более высокая доля костей головы (череп и нижняя челюсть по 8—10%), чем в обычных «кухонных» остатках (рис. 1).

Представленный в данном шурфе анатомический набор мелкого рогатого скота — остатки голов и нижних отделов конечностей, очень хорошо маркирует специфику «производственных» костных отходов перед процедурой снятия шкуры. Следует указать, что на части костей, извлеченных из данного шурфа, обнаружены специфичные следы — кри-

Таблица 2.

Маджарское городище. Раскоп XIII 2017 г. Анатомические спектры (%) костных остатков крупного и мелкого рогатого скота по объектам раскопа*

	Крупный рогатый скот		Стандарт	Мелкий рогатый скот	
	Культурный слой	Кв. А1, 5 пласт		Культурный слой	Кв. А1, 5 пласт
рога, череп	11,1	20	4,4	4,9	3,4
нижняя челюсть	11,1	16,9	1,5	14,3	12,7
зубы	1,8	7,5	17,5	10,2	7,1
позвонки	3,8	4,4	19,7	0,4	0,4
ребра	7,8	13,1	19	1,6	1,5
лопатка	7,1	1,3	1,5	2,9	3,4
плечевая	4,5	1,9	1,5	8,6	2,2
лучевая+	8,5	1,9	2,9	7,8	5,2
тазовая	5,6	1,9	1,5	4,5	2,6
бедренная	2,9	1,9	1,5	2,0	0,7
берцовая	3,1	1,9	1,5	13,9	2,6
метаподии	16,9	14,4	2,9	25,4	54,1
подиальные	7,8	5	7,3	1,2	1,1
фаланги	8,0	8,1	17,5	2,0	3,0
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
От какого числа костей	449	160	137	244	268

* Примечание: цветовым маркером (серым фоном) в таблице выделены показатели, которые превышают значения «стандарта» более чем на 5%.

сталлический осадок цвета ржавчины. Не исключено, что это остатки вещества, используемого для обработки шкур или отчлененных частей туш животных.

Очень похожие следы зафиксированы и на костных фрагментах из раскопа XIII Маджарского городища (2017 год), где при полевом археологическом исследовании в одном из квадратов было визуальное различие скопление однотипных костей мелкого и крупного рогатого скота. На данном раскопе зафиксированы напластования одного хронологического периода 1330—1340 гг. Общее количество костных остатков — 3343 фрагмента. Около 11% в коллекции составляют неопределимые кости млекопитающих, еще 0,5% в совокупности составили 1 кость верблюда, 8 костей собак и 7 костей рыб. Все остальные кости — 88,5% определены до вида и принадлежат трем видам домашних копытных: крупному и мелкому рогатому скоту, а также лошади. Остатков свиньи на данном раскопе не обнаружено. Коллекция исследовалась в соответствии с археологическим контекстом, рассматривались следующие выборки: выборка из распаханного культурного слоя (1—3 пласт), выборка из заполнения культурного слоя над кирпичной вымосткой (сооружение 1) (4—5 пласт), вы-

борка из узкой траншеи непонятного назначения (сооружение 2), выборка из квадрата А1, где в пласте 5 и ниже визуальное фиксировалось скопление костей. Индексы раздробленности в этой коллекции обычны для Маджара и соответствуют «кухонной» раздробленности (Яворская 2018). Остеологический спектр домашних копытных почти не отличался по изучаемым выборкам. Основное место в нем — около 50% неизменно занимали остатки крупного рогатого скота, чуть более 30% составляли кости мелкого рогатого скота и 14—17% — остатки лошади. Обе выборки из заполнения культурного слоя и выборка из сооружения 2 оказались очень сходными по видовому набору остатков — поэтому в таблице 2 данные по выборкам из культурного слоя объединены. И лишь одна выборка из квадрата А1 на пласте 5 отличалась от прочих существенно более высокой, свыше 60%, долей остатков мелкого рогатого скота и, соответственно, заниженной долей костей КРС — 36% и низкой долей остатков лошади — около 4%.

Исследование анатомических спектров наиболее многочисленных видов — крупного и мелкого рогатого скота из этого раскопа показало, что и в культурном слое, и в квадрате А1 существенно завышена доля остатков

голов и нижних челюстей животных, а также метаподиев. Доля последних завышена для остатков КРС в 4—6 раз, а для МРС — в 10—18 раз. Отмечу, что, помимо этих костей, в выборке из культурного слоя для КРС несколько завышена доля лопаточных и лучевых костей, а для МРС — плечевой, лучевой и берцовой костей. Особого упоминания заслуживает факт, что в квадрате А1, размером 4 кв. м, при расчистке с одного пласта было вынута около 500 фрагментов, то есть, шестая часть от всех костных остатков, полученных на данном раскопе. После расчистки напластований этого квадрата с уровня 5 пласта до материка выяснилось, что именно в этом месте существовало углубление рельефа, которое было заполнено подсыпкой из костных остатков голов и метаподиев крупного и мелкого рогатого скота, и именно в этой выборке доля бараньих костей существенно превысила долю коровьих.

Очевидно, что в напластованиях данного участка Маджарского городища плотность наполнения культурных отложений костными фрагментами чрезвычайно высока, а изучение видового и анатомического набора остатков не оставляет сомнений в том, что они получены при подготовке к снятию шкур домашних копытных, то есть, в производственных целях.

Скопления Болгара

Скопления костей животных на Болгарском городище выявлены исключительно в центральной части золотоордынского города на раскопах, расположенных к югу от Соборной мечети в ремесленном квартале. Археозоологическое исследование по культурно-хронологическим горизонтам крупной коллекции в 81 тысячу фрагментов из раскопа CLXXIX выявило динамичный рост интенсивности накопления костных остатков в культурных напластованиях золотоордынского времени. С середины XIII века, с началом золотоордынского периода, и до 1310-х годов интенсивность годового накопления костных остатков вырастает в 5 раз по отношению к домонгольскому периоду (конец X — начало XIII в.) и еще в пять раз — с наступлением позднеордынского периода истории Болгара (1310-е — конец XIV века) (Яворская 2015: 242, табл. 2). Наиболее важная роль в этом накоплении костей в культурном слое оказалась у остатков мелкого рогатого скота, доля которых (68—79%) превышала долю крупного рогатого скота (17—24%) в 3—4 раза в слоях каждого из 4 субгоризон-

тов золотоордынского времени, которые были выявлены на данном раскопе (Яворская 2015: 245, табл. 5). В других частях города в синхронных культурных напластованиях не наблюдалось ни столь высокой интенсивности накопления костных фрагментов, ни столь решительного преобладания остатков МРС, обычно они превышали долю остатков КРС не более чем в два раза (Яворская 2018а: 314, табл. 1). По анатомическому набору на данном раскопе никаких специально отобранных элементов скелета наиболее встречаемых видов животных не фиксировалось, по следам искусственного воздействия это были «кухонные» остатки. В 2014 году на участке «Л» в слоях позднеордынского времени была зафиксирована костная подсыпка, заполнившая глубоководную просадку грунта над крупным подпольем жилища более раннего времени. В золотоордынский период на этом месте проходила улица. Из-за наличия в нижних напластованиях крупной ямы, просадка грунта над ней вела к образованию на этом месте огромной лужи. В стратиграфическом срезе, расположенном непосредственно вблизи этой подпольной ямы, хорошо видно, как проседающий грунт над ней пытались «замостить» различными материалами, но удачной была попытка мощения костями. В анатомическом наборе этой вымостки на участке «Л» никакого специального отбора костей не наблюдается, это обычные «кухонные» остатки, более раздробленные (80 фрагментов в 1 куб. дм), чем обычно, и плотно уложенные в углубление.

На раскопе СХСVI, также расположенном в центральной части золотоордынского Болгара, в 270 м к юго-востоку от Соборной мечети, выявлена очень высокая плотность наполнения культурных напластований костными остатками. Здесь это накопление связано не с позднеордынским горизонтом, а с раннеордынским (середина XIII века — 1310-е гг.). В это время на данном участке города и южнее выявлено существование ремесленного квартала, зафиксированы остатки нескольких ремесленных производств — керамического, металлургического, косторезного и кожевенного. Обработанная часть коллекции костных остатков из средневековых напластований раскопа СХСVI составила 46,5 тысяч фрагментов (Антипина, Яворская, Ситдииков 2015: 402). Культурный слой в данной части городища был существенно изменен позднейшей культурно-хозяйственной деятельностью, поэтому археозоологическое исследование велось преимущественно по материалам, происходящим из ям. Од-

нако сохранился непотревоженным небольшой (60 кв. м) участок культурного слоя, и с него удалось получить крупную выборку в 13,5 тысяч костных фрагментов из 2 горизонтов IV золотоордынского слоя. Плотность наполнения культурных напластований костями животных оказалась в этом участке памятника очень высокой. В границах исследуемого непотревоженного участка накопление в напластованиях IV-позднего горизонта составило 1233 фрагмента, а в IV-раннем в 10 раз больше — 12343 фрагмента. По длительности накопления оба периода почти одинаковы, они оба функционировали примерно по 30—40 лет. Такое распределение костных остатков по горизонтам принципиально отличает данное накопление от соседнего участка в центре города, зафиксированного раскопом CLXXIX, где наибольшая интенсивность и плотность наполнения наблюдалась именно в позднеордынский период.

Таксономический набор животных на раскопе СХСVI обычен для Болгара этого периода: преобладают кости домашних млекопитающих (98%), кости диких млекопитающих, птиц и рыб представлены минимальным количеством (около 2%). В остеологических спектрах иерархия видов выстроилась точно так же, как на соседнем раскопе, с высокой долей остатков мелкого рогатого скота: 63% — в горизонте IV-поздний и 70% — в горизонте IV-ранний от всех идентифицированных до вида костей домашних копытных. Однако в анатомическом наборе МРС есть отличительная особенность — преобладание лопаточной кости, достигающей 40% от всех анатомических остатков этого вида (Антипина, Яворская, Ситдииков 2015: 404).

Такая же высокая интенсивность накопления костных остатков в IV раннеордынском горизонте, и при этом большое количество бараньих лопаток отмечено в археологических отчетах и для раскопов 1980-х годов в ремесленном квартале Болгарского городища LXXXIII и LXXXIV, расположенных в 120—200 метрах к югу от раскопа СХСVI (Аксенова и др. 1983: 15).

Таким образом, в центре Болгара в центральной ремесленной части обнаруживается не просто высокая плотность наполнения костными остатками культурного слоя раннеордынского горизонта, но и специальный отбор лишь конкретной анатомической части — бараньей лопатки. Изучение коллекции костяных изделий из раскопа СХСVI и находка нескольких однотипных изделий из бараньей лопатки позволило утверждать,

что на данном участке городища в ремесленном квартале раннеордынского времени велась заготовка костных остатков животных и лопаток МРС, в частности, для нужд косторезного ремесла (Антипина, Яворская, Ситдииков 2015: 403, рис. 1).

Обсуждение

Во всех исследуемых случаях скопления костных остатков выявлены визуально при раскопках. Археологи отмечают необычно высокую насыщенность костями животных культурных напластований или заполнения объектов раскопа. В одной из работ, посвященных скоплениям Азака, мы с соавтором попытались провести предварительный подсчет «насыщенности» слоя и объектов на различных раскопах — примерное количество костных остатков на единицу площади раскопа в 1 кв. м. Условный «индекс насыщенности», полученный для раскопов со скоплениями, оказался в 5—10 раз выше, чем при обычном бытовом накоплении костных остатков в культурном слое (Яворская, Масловский 2018: 371). Эта, несколько обобщенная и «грубая» прикидка, все же дает наглядное представление о том, какие именно накопления костей животных в ордынских городских напластованиях можно считать скоплениями.

Таксономический набор костных остатков на раскопах, где обнаружены скопления, выглядит обычным для золотоордынского города, но несколько обедненным. Доли остатков птиц и рыб снижены по отношению к доле млекопитающих в общем наборе остатков по сравнению с коллекциями с обычным бытовым накоплением отходов. Такая специфика отмечена практически для всех скоплений Азака и Маджара, а также для раскопа СХСVI Болгара. Остатки диких животных — объектов пушной охоты почти не встречаются в коллекциях из скоплений, а кости домашних млекопитающих-«помощников» (собак, кошек, верблюда, осла) единичны. Из домашних копытных кости свиньи традиционно редки в культурных напластованиях золотоордынских городов, то есть, единичность костей этого животного нельзя отнести за счет специфики видового набора в скоплениях. Но в необычно малом количестве в скоплениях часто представлены остатки такого традиционно использовавшегося в Золотой Орде в пищу животного, как лошадь. Во всех скоплениях Азака отмечена единичность остатков лошади, в скоплениях Маджара их доля в пределах 0,5—4%. Обычная же доля «кухонных» остатков лошади в остеологических

спектрах домашних копытных в золотоордынских городах в пределах 7—17%.

В золотоордынских городах, при раскопках бытовых памятников с обычным накоплением культурного слоя, в остеологических спектрах домашних копытных традиционно преобладают остатки крупного и мелкого рогатого скота в различных соотношениях. Чаще всего доля остатков крупного рогатого скота на 10—20% ниже или выше, чем доля мелкого рогатого скота. В скоплениях пропорции вклада остатков каждого вида рогатого скота могут сильно колебаться: доля МРС может быть равна доле КРС, а может превышать ее в 2—5 и даже в 8 раз, как, например, в Маджарском шурфе №2. В решающем большинстве случаев костные скопления в золотоордынских городах следует связывать преимущественно со значительными накоплениями остатков мелкого рогатого скота.

Для характеристики скоплений наиболее важными оказались результаты анализа анатомического состава костных остатков рогатого скота. В каждом скоплении фиксируется четкий анатомический набор, в котором некоторая часть элементов скелета копытных распределена так же, как в полном скелете одного животного («стандарте»), а показатели по другим элементам превышены или занижены на 5 и более процентов, а в некоторых случаях — в несколько раз.

Тщательный анализ «завышенной» доли тех или иных остатков в анатомической структуре рогатого скота по комплексам, полученным на анализируемых раскопах, позволяет предположить в скоплениях несколько вариантов отбора костей обоих видов.

Почти во всех исследуемых скоплениях, за исключением болгарских, в анатомическом наборе мелкого рогатого скота завышенные показатели фиксируются по остаткам головы (черепов и нижних челюстей) и метаподиев. Вполне понятно, что появление такого анатомического набора можно связать исключительно с производственными отходами — первичными остатками забоя МРС, когда для снятия шкур отсекаются голова и нижние части конечностей животного. Таким материалом заполнены скопления Маджара (шурф №2, раскоп XIII, квадрат А1) и мостовая Азака из раскопа на Петровском бульваре. Помимо этого анатомического набора, в культурном слое и землянке Петровского бульвара фиксируется отбор лопаточных и берцовых костей мелкого рогатого скота. Особый отбор исключительно лопаток МРС зафиксирован в скоплении в раннеордынском горизонте ремесленного квартала в Болгаре. Если для бол-

гарского скопления было выдвинуто предположение о заготовке в культурном слое и отдельных объектах лопаточных костей, как сырья для различных поделок из них (Антипина, Яворская, Ситдииков 2015), то такое же предположение можно выдвинуть и для скоплений Азака с большим количеством лопаток. На этом фоне вполне обоснованным может выглядеть предположение о заготовках берцовых костей МРС, поскольку изделия из них хорошо известны в золотоордынских городах.

В анатомическом наборе КРС в отдельных заполнениях завышены доли нескольких наименований костей — лопаточных, бедренных, берцовых (Азак, культурный слой и землянка раскопа на Петровском бульваре). В другом варианте на центральной мостовой Азака «завышены» показатели по другому комплексу костных остатков КРС: костям головы (рога, череп, нижние челюсти), метаподиев и фаланг.

Если по второму комплексу остатков интерпретация такая же, как для анатомического набора мелкого рогатого скота — это также первичные остатки забоя животных для снятия шкур, — то первый комплекс остатков, на мой взгляд, скорее всего, можно связать с заготовкой костяного сырья для изготовления изделий. Большое количество лопаток, зафиксированных на раскопах в центре Азака Г.И. Тимониной в 2000-х годах, были отходами косторезного производства. На Петровском бульваре, где очевидных находок «поделочных» лопаток было немного, можно предположить заготовку лопаток КРС как производственного сырья и точно так же интерпретировать завышенные показатели по бедренным и берцовым костям, у которых на диафизах очень хорошая и прочная компакта — великолепный материал для изделий. Большое количество целых метаподиев также может маркировать заготовку этих костей для нужд косторезного производства.

Таким образом, скопления костных остатков рогатого скота в золотоордынских городах сопряжены с производством изделий из животного сырья — будь то обработка шкур или изготовление изделий из кости.

«Производственные» причины появления выбранных остатков рогатого скота в скоплениях находят косвенные подтверждения в отмеченных археологами и зоологами контекстных особенностях.

Отмечу, что все находки скоплений обнаружены на территории ремесленных кварталов. Как правило, в материалах этих же раскопов зафиксированы остатки различных

производств: керамического, металлургического, обработки поделочного камня и стекольного. Наиболее интересной для данной темы является фиксация остатков косторезного и кожевенного производств. Остатки производства шкур и кож трудно зафиксировать в сухом культурном слое, и удается это крайне редко, преимущественно благодаря координации данных по археологическому контексту и анатомическому набору скелетных остатков животных, как это удачно получилось в Маджаре на материалах раскопа XIII (Яворская 2018). Что же касается косторезных мастерских, то они зафиксированы вблизи или непосредственно на всех исследуемых раскопах Болгара и Азака, где были находки скоплений (Яворская 2018б).

В некоторых азакских скоплениях археологам удалось проследить порядок и скорость заполнения отдельных объектов. Ямы заполнялись в течение короткого отрезка времени (Тимонина 2002: 226), а в заполнении их удается проследить слои золистого гумуса, прослойки золы, органического тлена. Часть костей в этих ямах имела плохую сохранность, на них зафиксированы необычные следы какого-то вещества. Особый «ржавый» налет отмечен и для костей из скоплений Маджара. Скорее всего, плохую сохранность костей и специфические следы следует объяснить воздействием специального химического вещества в виде раствора, используемого либо при обработке шкур, либо для обеззараживания отчужденных остатков туш животных, поскольку кости из обычных городских «кухонных» накоплений имеют хорошую и удовлетворительную сохранность. Специальный анализ химического состава веществ, обнаруженных на костях из скоплений, запланирован на самое ближайшее будущее. Быстрое заполнение ям отходами забоя животных представляется вполне возможным и оправданным именно при их «производственном» сбросе.

Для некоторых выборок анализ анатомического набора костных остатков, следов на них и сопряжение этих данных с археологическим контекстом позволяет выдвинуть некоторые предположения об использовании костных производственных отходов в пределах городского пространства.

Выше уже была обозначена забутовка костями крупной лужи, которая в XIV веке образовалась на одной из улиц Болгара.

По результатам анализа анатомического набора остатков рогатого скота в центре Азака на Петровском бульваре можно утверждать, что землянка, как и культурный слой

возле нее, использовались для утилизации как производственных, так и бытовых отходов, поскольку в этих выборках присутствуют не только специально отобранные, но и другие части туш животных, а комплекс мостовой, с иным анатомическим набором, показывает, что отходы от первичной разделки туш целенаправленно подвозились и укладывались в мостовую. Таким образом, функциональное назначение костных «производственных» отходов изменилось — они стали строительным материалом для уплотнения центральной проезжей улицы Азака. Это вполне сопоставимо с той функцией «костных вымоствок», которая уже зафиксирована для городов русского северо-запада.

В этой связи очень заманчивым выглядит предположение, что появление костных скоплений в Золотой Орде следовало бы связать с конкретными историческими событиями, как это выявлено для «костных вымоствок» Великого Новгорода и Пскова начала XVI века.

Документы по итальянской морской торговле шкурами домашних копытных, проанализированные С.Г. Бочаровым и А.Н. Масловским, свидетельствуют, что из Азака и Каффы в больших объемах вывозились шкуры крупного рогатого скота и лошадей, как обработанные, так и необработанные (Бочаров, Масловский 2015: 7). О шкурах мелкого рогатого скота упоминаний нет. Другой корпус документов — ханских ярлыков, выданных венецианскому сенату по поводу функционирования фактории Таны на Нижнем Дону, несколько уточняет эти сведения, устанавливая высокий коммерческий за вывоз невыделанных шкур разной величины — больших и малых (Бочаров, Масловский 2015: 7—8). Под «малыми», видимо, следует понимать шкуры мелкого рогатого скота, что позволяет уже сопоставлять результаты археологических исследований со сведениями письменных источников. Сам факт установления очень высокого, крайне невыгодного коммерция в 1340-х годах указывает на чрезвычайно широкое распространение практики вывоза необработанных шкур до времени выдачи этих ярлыков.

Датировки исследованных в золотоордынских городах скоплений «производственных» костных остатков домашних копытных имеют два «всплеска». Первый связан с рубежом XIII и XIV вв. — укладка мостовой в центре Азака и обильное и быстрое накопление костей МРС в IV-раннеордынском горизонте в ремесленном квартале Болгара. Эти накопления, по-видимому, следует связать

с первичным забоем скота и, соответственно, с вывозом преимущественно невыделанных шкур. Скопления Маджара, другие скопления в Азаке и Болгаре, кроме вышеуказанных, датируются 1340-ми годами — временем очень высокой торговой и производственной активности во всей Золотой Орде. Документы и артефакты с соответствующих раскопок свидетельствуют, что часть шкур обрабатывалась в золотоордынских городских мастерских, вывозилась обработанная кожа, изготавливались изделия. Тем не менее, мощные скопления костных остатков от первичного забоя, а также ханские ярлыки венецианцам этого времени свидетельствуют о том, что практика активного вывоза невыделанных шкур продолжалась и ее необходимо было ограничивать специальными мерами.

Заключение

Фиксация высокой концентрации костных остатков в локальной точке города позволяет говорить о скоплениях и отличать их от бытового накопления костного мусора.

Для золотоордынских городов археозоологические коллекции, полученные из скоплений, отличаются от коллекций бытового накопления обедненным таксономическим набором и видовым составом остатков млекопитающих. Наиболее высокие показатели в скоплениях у остатков рогатого скота, самые высокие принадлежат мелкому рогатому скоту.

Выявленная специфика анатомического спектра — остатки голов и нижних частей конечностей — позволяет атрибутировать основную часть костных остатков в скоплениях как отходы производств по обработке шкур. Выявление высоких показателей доли таких скелетных остатков в коллекции может служить маркером этих производств.

Кроме них, в скоплениях фиксируются другие специально выбранные кости с особыми свойствами, из которых возможно изго-

товление изделий — они представляют собой сырьё для косторезного производства.

Обнаружена корреляция между наличием производственных скоплений и присутствием на этой же территории различных остатков ремесленных производств, что позволяет считать наличие костных скоплений со специфичным анатомическим набором маркером ремесленного участка города.

Многочисленные костные остатки от производств из животного сырья в пределах городского пространства могли получать иное функциональное назначение — использоваться для заполнения крупных котлованов и мощения дорог, то есть для благоустройства города.

Дополнены сведения документальных источников о высоком уровне торгового вывоза как обработанных, так и необработанных шкур домашних копытных из Золотой Орды в страны Средиземноморья, поскольку археозоологическое исследование установило высокое значение в этих процессах мелкого рогатого скота, не упомянутого в письменных текстах.

В отличие от русских городов, причины появления золотоордынских скоплений связаны более с производствами по обработке шкур и другими ремесленными производствами, чем с торговлей мясом, хотя, безусловно, мясные части туш поступали в продажу в обоих случаях. Сближает эти два феномена городских скоплений использование костных производственных отходов как строительного материала для благоустройства городского пространства. Само появление скоплений в обоих рассматриваемых случаях возможно только при высоком уровне развития как средневековых производств, так и степени урбанизации в государстве, при отлаженных связях городов и их окружи, что и происходило как в Золотой Орде конца XIII—XIV вв., так и в городах русского северо-запада, начиная с XVI века.

Литература

- Аксенова и др. 1983: Аксенова Н. Д., Полубояринова М. Д., Хлебникова Т. А., Шарифуллин Р. Ф. 1983. *Отчет об археологических исследованиях Болгарского городища в 1982 году*. Т. III. Болгары; Казань; Москва. Архив ИА РАН. Р-1. № 9809.
- Антипина Е. Е. 2004. Археозоологические материалы. В: Черных Е. Н. (сост.). *Каргалы*. Т. III. *Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования*. Москва: Языки славянской культуры, 182—248.
- Антипина Е. Е. 2009. Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002—2006 годов. В: Черных Е. Н. (отв. ред., сост.). *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов*. 1. Москва: ИА РАН, 146—171.
- Антипина Е. Е. 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования. В: Черных Е. Н., Мишина Т. Н. (отв. ред.). *Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых)*. Москва: ИА РАН, 96—117.

- Антипина Е.Е., Моралес А. 2006. Археозоологический подход к изучению устройства общества: кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы. *АЭАЕ* 27 (3), 67—81.
- Антипина Е.Е., Яворская Л.В., Ситдилов А.Г. 2015. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013—2015 гг.). *КСИА* 241, 402—408.
- Антипина Е.Е., Яворская Л.В. 2017. Результаты экспертной оценки научной значимости остеологических коллекций из археологических раскопок в зоне строительства автотрассы «Таврида» на Керченском полуострове. *КСИА* 249 (2), 299—310.
- Арциховский А.В. 1949. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. *МИА* 11, 152—176.
- Бочаров С.Г., Масловский А.Н. 2015. Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии. *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки* 157 (3), 7—11.
- Гроздилов Г.П. 1962. Раскопки древнего Пскова. *АСГЭ* 4, 7—76.
- Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. 2015. Исследование центрального базара Болгара в 2012—2013 гг. *КСИА* 237, 188—199.
- Масловский А.Н., Белинский И.В. 2001. *Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Толстого, 41 в 2000 году. Раскоп I—II*. Азов. 2001. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. №24892.
- Салмин С.А., Яворская Л.В. 2016. Раскоп Незнанова горка-II в Пскове в 2013—14 гг. *АИППЗ* 61 (31). Москва: ИА РАН, 43—56.
- Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г. 2017. Новый Торп Пскова: результаты проекта и дальнейшие перспективы. *АИППЗ* 62 (32). Москва: ИА РАН, 57—62.
- Строков А., Богусевич В. 1939. *Археологическое исследование Новгорода*. Новгород: АН СССР.
- Тимонина Г.И. 2002. Сведения о массовых находках рогатого скота в Азаке. *ИАИАИАНД в 2001 г.* 18. Азов: Азовский краеведческий музей, 223—231.
- Цалкин В.И. 1956. *Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси*. МИА 51. Москва: АН СССР.
- Яворская Л.В. 2013. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки. *Зоологический журнал* 92 (9), 1179—1189.
- Яворская Л.В. 2013а. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский-II в Пскове. *АИППЗ* 59 (29). Москва: ИА РАН; Санкт-Петербург: Нестор-История, 42—55.
- Яворская Л.В. 2015. Динамика заполнения костями животных культурных напластований центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей. *КСИА* 237, 239—251.
- Яворская Л.В. 2015а. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам). В: Бочаров С.Г., Ситдилов А.Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 197—207.
- Яворская Л.В. 2018. Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства. *АЕС* 5, 68—73.
- Яворская Л.В. 2018а. К вопросу об обеспечении мясными продуктами средневекового города Болгар. *ПА* 24 (2), 307—318.
- Яворская Л.В. 2018б. Экзотическое сырье костяных артефактов из раскопок золотоордынских городов. *Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения* 23 (3), 206—217.
- Яворская Л.В., Масловский А.Н. 2018. Находки скопленных костей животных в золотоордынском Азаке: видовой состав, анатомический набор, топография. *ИАИАИАНД в 2014—15 гг.* 30. Азов: Азовский музей-заповедник, 358—378.

References

- Aksenova, N. D., Poluboiarinova, M. D., Khlebnikova, T. A., Sharifullin, R. F. 1983. *Отчет об археологических исследованиях Болгарского городища в 1982 году (Report on Archaeological Investigations of the Bolgar Fortified Site in 1982)* III. Bolgary; Kazan; Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 9809 (in Russian).
- Antipina, E. E. 2004. In Chernykh, E. N. (comp.). *Kargaly (Kargaly) III. Selishche Gornyi: arkheologicheskie materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheobiologicheskie issledovaniia (Gorny Site. Archaeological Materials. Mining and Metallurgy Technology. Archaeobiological Studies)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 182—248 (in Russian).
- Antipina, E. E. 2009. In Chernykh, E. N. (ed., comp.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory of the Natural Science Methods)* 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 146—171 (in Russian).
- Antipina, E. E. 2016. In Chernykh, E. N., Mishina, T. N. (ed.). *Mezhdistsiplinarnaiia integratsiia v arkheologii (po materialam lektsii dlia aspirantov i molodykh uchenykh) (Interdisciplinary Integration in Archaeology: by materials of lectures for PhD students and young researchers)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 96—117 (in Russian).
- Antipina, E. E., Morales, A. 2006. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 27 (3), 67—81 (in Russian).
- Antipina, E. E., Yavorskaya, L. V., Sitdikov, A. G. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 241, 402—408 (in Russian).
- Antipina, E. E., Yavorskaya, L. V. 2017. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 249 (2), 299—310 (in Russian).
- Artsikhovskii, A. V. 1949. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 11, 152—176 (in Russian).
- Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 157 (3), 7—11 (in Russian).
- Grozdilov, G. P. 1962. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 4, 7—76 (in Russian).
- Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 188—199 (in Russian).
- Maslovskii, A. N., Belinskii, I. V. 2001. *Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Толстого, 41 в 2000 году. Раскоп I—II (Report on Rescue Archaeological Excavations in the Azov Town, Lev Tolstoy St., 41, in 2000: Excavation Area I—II)*. Azov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 24892 (in Russian).
- Salmin, S. A., Yavorskaya, L. V. 2016. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of*

- Pskov and the Pskov Land*) 61 (31). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 43—56 (in Russian).
- Salmina, E. V., Salmin, S. A., Podgornaia, R. G. 2017. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 62 (32). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 57—62 (in Russian).
- Strokov, A., Bogusevich, V. 1939. *Arkheologicheskoe issledovanie Novgoroda (Archaeological Study of Novgorod)*. Novgorod: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Timonina, G. I. 2002. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2001)* 18. Azov: Azov Museum of Local Studies, 223—231 (in Russian).
- Tsalkin, V. I. 1956. *Materialy dlia istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi (Materials for the History of Cattle-Breeding and Hunting in Ancient Russia)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 51. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2013. In *Zoologicheskii zhurnal (Journal of Zoology)* 92 (9), 1179—1189 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2013. In *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)* 59 (29). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 42—55 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 239—251 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaiia Gazarii i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: *Archaeological Records of Eastern Europe*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 197—207 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 68—73 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 307—318 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, and International Relations)* 23 (3), 206—217 (in Russian).
- Yavorskaya, L. V., Maslovskii, A. N. 2018. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2014—15 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2014—2015)* 30. Azov: Azov Museum-Reserve, 358—378 (in Russian).

В. А. Бабенко

Vitaly Babenko. "Heritage" Ltd.¹

Бабенко Виталий Александрович. ООО «Наследие».

E-mail: vit-babenko@yandex.ru

Address: ¹ Osipenko St., 107b, Stavropol, 355019, Russian Federation

Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье

Keywords: Stavropol upland, stow, belt garniture, belt-bowl, ulus

Ключевые слова: Ставропольская возвышенность, урочище, поясной набор, поясной ковш, улус

V.A. Babenko

Localization of Finds from the Gashun-Usta Stow (Stavropol Governorate, 1890) and the Delimitation of the Golden Horde Possessions in the Central Ciscaucasia

The article analyzes materials of the Kumo-Manych expedition, 1860—1861, that allow you to specify the localization of the Gashun-Usta stow on the territory of the Stavropol Governorate. In 1890, the expedition found a belt garniture and a belt-bowl, dated by Mengu-Timur's time.

The Gashun-Usta stow is localized in the vicinity of the Basanta village, Arzgirsky district, Stavropol region in the basin of the Chogray river (North-Eastern slopes of the Stavropol Upland), known for its numerous burials of the Golden Horde. It was the area for summer and winter pastures of the medieval nomads, and it can be associated with G. de Rubruk's accounts on Berke's encampments.

V.A. Babenko

Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье

В статье анализируются материалы Кумо-Манычской экспедиции 1860—1861 гг., которые позволяют уточнить локализацию урочища Гашун-Уста на территории Ставропольской губернии. В 1890 г. здесь были обнаружены поясной ковш и поясной набор, датируемые временем Менгу-Тимура.

Урочище Гашун-Уста локализуется в окрестностях аула Башанта Арзгирского района Ставропольского края в бассейне реки Чограй на северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности. В этой зоне известны многочисленные погребения эпохи Золотой Орды. Здесь располагались летние и зимние кочевья средневековых кочевников. С этой территорией можно связать свидетельства Г. де Рубрука о кочевьях Берке.

Случайные находки золотоордынской эпохи на северо-востоке Ставропольской возвышенности

Во второй половине XIX в. происходило освоение крестьянами-переселенцами территорий на севере и северо-востоке Ставропольской губернии, сопровождавшееся массовым кладоискательством. Расположенные в приманычской зоне курганы отличались небольшими размерами, что облег-

чало деятельность кладоискателей. В 1888 г. уездный исправник Новогригорьевского уезда отмечал в опросных листах MAO для составления археологической карты России наличие в окрестностях сел Рогули (Рагули), Здвиженского (Воздвиженского), Кистинского (Манычского), Киевского (Киевка) и Дербетовского (Дербетовка) современного Апанасенковского района Ставропольского края многочисленных курганов, подвергающихся разграблению крестьянами (ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1749. Л. 27 об.).

В конце XIX — начале XX вв. здесь было обнаружено значительное количество случайных находок золотоордынской эпохи. В 1885 г. в Новогригорьевском уезде на участке землевладельца капитана Салмина на берегу р. Айгурки при добыче камня из насыпи кургана местными жителями были обнаружены золотая чаша, золотая копоушка, «5 золотых небольших тонких пластинок», «11 мелких серебряных вещей», 8 зерен жемчуга, бирюзовый камень (ИИМК. Ф. 1. 1885 г. Л. 45—47). В 1886 г. в окрестностях с. Дивного местный житель обнаружил «котел медный, обломки серебряной вызолоченной чаши..., медные: клинок, серьгу и гвоздь, кусок полированной латуни...» (ИИМК. Ф. 1. 1886 г. Д. 69. Л. 28). В с. Здвиженском в 1886 г. были обнаружены бронзовое зеркало и две золотые серьги черноклобуцкого типа (Отчет ИАК за 1882—1888: CLXII). В окрестностях с. Киевки в кургане на г. Юн-Баба в 1887 г. было разграблено погребение с чашей, браслетами «болгарского типа» и филигранными золотыми украшениями (Спицын 1906: 263; 261, рис. 71; Крамаровский 2008: 159, 162, кат. 131). В 1897 г. в окрестностях с. Кистинского были разграблены курганы, в которых были найдены «серебряные чашки, золотые браслеты, деньги, пряжки...» (ИИМК. Ф. 1. 1897 г. Д. 280. Л. 1). Наряду с артефактами позднесредневековой эпохи в этих курганах были обнаружены предметы других эпох.

Наибольшее количество случайных находок происходит из окрестностей с. Рагули. Современники отмечали склонность рагулинцев к воровству (Бубнов 1893: 232). Они удачно совмещали свои сельскохозяйственные занятия с грабежом курганов, о чем свидетельствуют архивные данные. В 1886 г. в большом кургане «Кольцова» кладоискателями была «найдена золотая чаша, палочка с головкой змейки и два железных кольца» (ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1749. Л. 25 об.; Отчет ИАК за 1882—1888: CLXII; Крамаровский 2001: 84—88, кат. 44). В 1887 г. крестьянин с. Ореховского (совр. Петровский район) Игнатий Дворядкин разрыл в 5 верстах от села несколько курганов. Среди найденных им предметов упоминаются «котелок красной меди», 3 серебряные монеты и «глиняный кувшин о двух ушках» (амфора или амфоровидный сосуд? — В. Б.) (НА ИИМК. Ф. 1. 1887 г. Д. 14. Л. 24). В 1887 г. крестьяне с. Рагули Михаил Мирошниченко и Афанасий Шведин обнаружили в разграбленных ими курганах в 4 верстах от села «два куса металла», пуговицу, кольцо и 5 серебряных монет

(НА ИИМК. Ф. 1. 1887 г. Д. 14. Л. 24, 24об). К сожалению, эти комплексы пока не локализованы.

История открытия комплекса из урочища Гашун-Уста

5 апреля 1890 г. житель с. Рагули Андрей Шевченко вместе с двумя односельчанами разграбил курган в урочище Гашун-Уста (ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1906. Л. 8). Среди сданных ими 19 золотых предметов (поясной ковш, поясной набор) вызывает интерес брелок с тамгой дома Бату. По мнению М. Г. Крамаровского, этот комплекс связан с «воинской ветвью батыевой семьи», верхняя дата пояса определяется серединой 70-х гг. XIII в. (Крамаровский 2001: 49).

А. Шевченко был опытным кладоискателем. Еще в 1886 г. он произвел раскопки кургана в своем дворе и обнаружил ряд предметов (Архив ИИМК. Ф. 1. 1891 г. Д. 133. Л. 1). Губернские власти установили факт преднамеренного разрытия кургана в урочище Гашун-Уста, и причитающиеся крестьянам 450 рублей вознаграждения за сданные ценности были перечислены на благотворительные цели. В ходе длительной переписки с ИАК ставропольский генерал-губернатор Н. Е. Никифораки обосновал свою позицию. Он считал, что с кладоискателями следует бороться экономическими методами, лишая их вознаграждения (Бабенко 2015: 293). Случайные находчики при этом получали причитающееся им вознаграждение, например, в истории с обнаружением клада золотоордынских монет в с. Грушевском Александровского уезда (ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1906. Л. 1—7, 14). На период нахождения Н. Е. Никифораки на этом посту (1887—1904) приходится большинство фактов обнаружения случайных находок и их передачи в распоряжение ИАК.

Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста

Комплекс с момента выхода публикаций А. А. Спицына и Я. И. Смирнова не был локализован. Я. И. Смирнов привел сведения об обнаружении комплекса на территории Трухменского приставства (Смирнов 1909: 10). А. А. Спицын уточнил, что его нашли крестьяне с. Рагули на землях кочевых трухмен в Новогригорьевском уезде (Спицын 1906: 261). В архивном деле ГАСК точная привязка урочища Гашун-Уста также отсутствует.

Ранее мы высказывали предположение о локализации этого урочища в окрестностях с. Киевка и с. Малая Джалга Апанасенковского района, где протекает ручей Гашун (Бабенко 2008: 728), но оно нуждается в пересмотре. Этимология названия урочища имеет калмыцкое происхождение («гашун» означает «горький») (Кичикова 2008: 70). Названия рек и балок с подобным корнем распространены на смежных территориях Калмыкии, Ставрополя и Ростовской области, где мелкие речки летом пересыхают, а вода в них имеет горько-соленый вкус.

Отмеченную выше противоречивость сведений современников можно объяснить тем, что Трухменское приставство и Ново-григорьевский уезд располагались по соседству. Территория Трухменского приставства (Туркменской степи) включала северо-восточные районы Ставрополя (Прикалаусские высоты, водораздел р. Калаус и р. Мокрой Буйволы, а также Кумо-Маньчский водораздел), примыкающие к Восточному Маньчу от среднего течения р. Калаус на западе до низовой р. Кумы на востоке (Прасолов 1909: вкл. 2). Здесь располагались летние и зимние пастбища кочевых туркмен.

В 1860 г. после завершения Кавказской войны на Северном Кавказе произошли значительные административно-территориальные преобразования. В их рамках часть территории Астраханской губернии отошла к Ставрополю и большей частью вошла в состав Трухменского приставства. Административная граница между двумя губерниями стала проходить по Кумо-Маньчской впадине (Административно-территориальное... 2008: 98). Свообразными оседло-земледельческими анклавами среди кочевого населения Туркменской степи являлись села Арзгир и Рагули, относившиеся к Ново-григорьевскому уезду (Цуциев 2006: 31, карта 9). Жители этих сел арендовали у туркмен пахотные земли, пастбища и сенокосы. С кочевниками у них складывались непростые отношения.

Версия А. А. Сплицына обязывает еще раз обратить внимание на окрестности с. Рагули. Очевидно, что крестьяне, ограбившие курган в урочище Гашун-Уста, не могли удалиться от родного села на значительное расстояние, особенно с учетом специфики их занятий. На картографических материалах второй половины XIX в. и более раннего времени территория к востоку и к юго-востоку от с. Рагули является «белым пятном». Но она хорошо описана в работах дореволюционных географов. В трудах Кумо-Маньчской экспедиции по со-

стоянию на 1861 г. описываются реки и балки на южном берегу Восточного Маньча, причем здесь даются их старинные названия: Эрбилю (Рагули — В. Б.), в верховьях называемая Кучурле (Кучерли — В. Б.), Хулва (Голубь — В. Б.), Чогра (Чограй — В. Б.). Отдельно упоминается р. Чограй и ее левые притоки. «Началом ее в кавказских предгорьях (территория Ставропольской возвышенности — В. Б.) служит балка Арзагар (Арзгир — В. Б.), которая, расширяясь с приближением к северу и принимая в себя балки Гашун-Уста, Амта-Уста, Хара-Бурук и множество мелких побочных оврагов, образует довольно глубокое русло р. Чогры» (Костенков 1868: 54).

В работе Л. Прасолова по состоянию на 1908 г. с указанием на отмеченный выше труд в той же последовательности приводятся новые названия левых притоков р. Чограй: б. Башанта, две Кондрашкины балки и б. Антуста (Прасолов 1909: 7—8, вкл. 2). Вероятно, смена названий на данной территории произошла во второй половине XIX в. в связи с изменением ее административной принадлежности и этнического состава населения (отселением калмыков Малодербетовского улуса за Маньч). Балка Башанта (Гашун-Уста) является левым притоком р. Чограй и расположена к западу от аула Башанта Арзгирского района и к северо-востоку от Кумо-Маньчского водораздела. Она расположена примерно в 45 км к юго-востоку от с. Рагули. Ее протяженность составляет около 12 км.

Балки, начинающиеся к юго-востоку от Кумо-Маньчского водораздела, ведут в Среднее и Нижнее Прикумье, к городищу Маджары и его округе. Комплекс из Гашун-Уста является связующим звеном между золотоордынскими памятниками Приманьчья и Прикумья. Уточнение его локализации позволяет поставить вопрос о его соотношении с другими позднекочевническими комплексами Центрального Предкавказья, выделении здесь кочевых владений.

Место золотоордынских памятников Северо-Восточного Ставрополя в Центральном Предкавказье

С завершением к началу 2000-х гг. комплексных охранных раскопок на севере Ставрополя территория Центрального Предкавказья стала сравнительно равномерно изученной, что позволяет выделить некоторые закономерности в размещении ар-

хеологических памятников на территории региона.

В Центральном Предкавказье выделяются высокой концентрацией курганов северо-восточные склоны Ставропольской возвышенности (низовья р. Калаус, р. Айгурки, р. Рагули, р. Чограй). Обилие курганов в устье Калауса впервые было отмечено К. М. Бэром (Лукина 1984: 298). В 1888 г. на территории Трухменского приставства отмечалось увеличение количества курганов на участке от верховий р. Айгурки до земель аула Шарахалсун, ближе к нижнему течению р. Рагули (ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 1749. Л. 22 об). По насыщенности курганными могильниками с районами Приманьчья могут сравниться части левобережье р. Кумы в ее среднем течении, ниже течение ее левого притока р. Мокрой Буйволы, а также в междуречье р. Кумы и р. Сухая Кума в их низовьях. Но они изучены неравномерно и недостаточно.

Отмеченные выше случайные находки доревوليонического периода и позднекочевнические погребения, исследованные в ходе охранных раскопок курганных могильников Айгурский 1 (Бабенко, Обухов 2013: 294), Айгурский 2 (Бабенко 2006: 110—112), Голубь (Кореняко 1977: 104), Дамба Калаус 2 (Ляхов 2010: 309—311; 310, рис. 1), Джухта 2 (Доде 2001а: 117—119;), Совруно 1 (Бабенко 2012: 196—199; 211—217; рис. 4—10), Типки 1 (Ляхов 2016: 88—90, 111, рис. 7), Чограй VII (Андреева 1989: 62—63; 79, рис. V; 85, рис. I; 86, рис. II)¹, Шарахалсун 5 (Бабенко 2012: 199—203; 218—228, рис. 11—21) локализуются в районе от долины р. Айгурки на западе до устьев рек Калаус, Рагули, Голубь и Чограй на востоке (рис. 1). Здесь, судя по данным антропологии, проживали представители центральноазиатской популяции монголоидной расы (Герасимова 2003: 63). Они отличались в антропологическом плане от монголоидной части населения Маджара (Евтеев 2003: 100). С учетом современной изученности территории Центрального Предкавказья, в Приманьчье памятники поздних кочевников встречаются чаще, чем в центральных и южных районах Центрального Предкавказья².

Несмотря на отсутствие в большинстве случаев информации о погребальном обряде, ряд погребений с рассматриваемой территории можно отнести к категории элитных.

Об этом свидетельствует, прежде всего, их богатый инвентарь. М. Г. Крамаровский обратил внимание на многочисленные находки сосудов XIII—XIV вв. на территориях ряда регионов, включая Северный Кавказ и связал их как распространением среди кочевников традиций парадного пира, так и с атрибутами воина-ветерана или представителя местной элиты (Крамаровский 2001: 83).

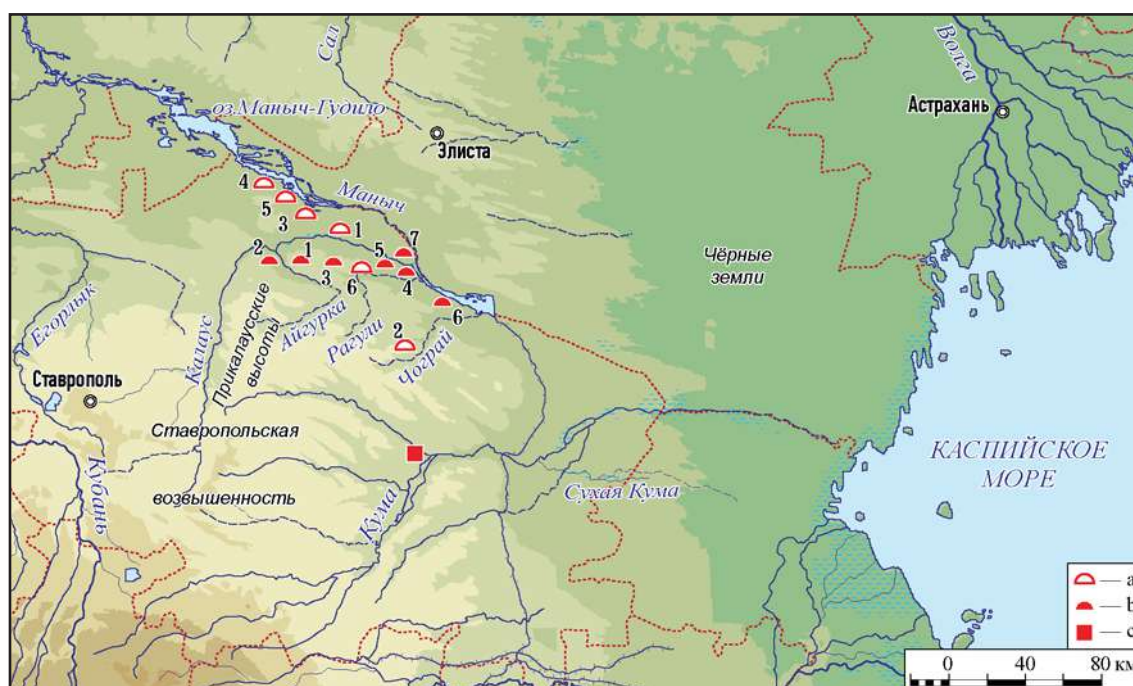
Среди погребений с богатым инвентарем следует отметить погребение из кургана на горе Юн-Баба, разграбленное погребение в кургане «Кольцова», погребение, разграбленное И. Дворянкиным в 1887 г., погребения 1 и 2 из кургана 1 курганного могильника Айгурский 1, подвергшиеся разграблению (Бабенко, Обухов 2013: 294), погребения 2 и 5 из кургана 2 курганного могильника Джухта 2 (Доде 2001б: рис. 39). Золотой сосуд, найденный в 1886 г. в «кургане Кольцова» и две серебряные чаши из курганного могильника Джухта 2 относятся к категории пиршественной и повседневной посуды кочевых ставков (Крамаровский 2001: 84—88). Погребение, разграбленное И. Дворянкиным в 1887 г., включало в состав инвентаря амфору. По мнению А. В. Евглевского и Т. М. Потемкиной, амфоры встречаются в погребениях, «отличающихся повышенным социальным уровнем и богатством инвентаря» (Евглевский и др. 2000: 221).

Комплекс из урочища Гашун-Уста относится к памятникам кочевой аристократии и свидетельствует о начале освоения татаро-монголами территории региона и складывании улусной системы в Центральном Предкавказье. Е. И. Нарожный и Ф. Б. Нарожная связали его с личным уделом «кого-то из знатных Чингизидов, получивших его за участие в завоевательной кампании». На основании ряда случайных находок из окрестностей с. Рагули, которые они посчитали монетными кладами, они допустили возможность возникновения здесь «какого-то населенного пункта, ведущего свое начало с XIII в.» (Нарожный, Нарожная 2001: 25). Предположение Е. И. Нарожного и Ф. Б. Нарожной о связи комплекса из Гашун-Уста с кочевым владением заслуживает рассмотрения³. Также как и комплексы из курганного могильника «Олень-Колодезь»

¹ Атрибуция М. В. Андреевой.

² В расчет не принимается округа Маджара, недостаточно изученная в археологическом отношении.

³ К сожалению, пока нет оснований для локализации в окрестностях с. Рагули золотоордынского поселения. Монеты, о которых идет речь в этой работе, происходят из разрушенных подкурганных погребений, рассматриваемых в данной работе (Бабенко, Обухов 2013: 291—293).

Рис. 1. Элитные погребения XIII—XIV вв. в Центральном Предкавказье. а — случайные находки XIX в.: 1 — Воздвиженское; 2 — Гашун-Уста; 3 — Дивное; 4 — Манычское (Кистинское); 5 — Киевка; 6 — Рагули; б — курганные могильники: 1 — Айгурский 1; 2 — Айгурский 2/Совруно 1; 3 — Джухта 2; 4 — Голубь/Дамба Калаус 2; 5 — Типки 1; 6 — Чограй VII; 7 — Шарахалсун 5; с — городище Маджары.

Fig. 1. Elite burials of 13th—14th centuries in Central Ciscaucasia. а — stray finds of 19th cent: 1 — Vozdvizhenskoe; 2 — Gashun-Usta; 3 — Divnoe; 4 — Manychskoe (Kistinskoe); 5 — Kievka; 6 — Raguli; б — burial mounds: 1 — Aigursky 1; 2 — Aigursky 2/Sovruno 1; 3 — Dzhukhta 2; 4 — Golub'/Damba Kalaus 2; 5 — Tipki 1; 6 — Chograi VII; 7 — Sharakhalsun 5; с — Madzhary town.

в Воронежской области, комплекс из урочища Гашун-Уста может быть локализован в границах определенной ландшафтной зоны и связан с крупным кочевым владением.

Большинство элитных комплексов на территории Центрального Предкавказья происходит из района с условным центром в с. Рагули, которое расположено в излучине одноименной реки. Судя по тому, что комплексы из кургана на горе Юн-Баба и курганных могильников Айгурский 1 и Джухта 2 локализуются на значительном удалении от с. Рагули, остальные комплексы также могут происходить с относительно удаленных территорий, куда дошли рагулинцы-кладоискатели. Следует отметить, что курган в урочище Гашун-Уста располагался в районе, удаленном от известных на сегодня элитных могильников, что может являться одним из проявлений свойственной аристократии замкнутости (Элита... 2015: 24). Отмеченная концентрация элитных погребений поздних кочевников на северо-востоке Ставрополя может быть связана с природно-климатическими особенностями Приманычья и функциями золотоордынской элиты на данной территории.

Особенности ландшафтов северо-восточных районов Ставрополя

Северо-восток Ставрополя занимают северо-восточные склоны Ставропольской возвышенности и Кумо-Манычская впадина. Северные склоны Ставропольской возвышенности представлены Прикалаусскими высотами, вытянувшимися вдоль правого берега р. Калаус почти на 140 км, бассейнами р. Калаус и его правого притока р. Айгурки. На Прикалаусских высотах берут начало многочисленных притоки Айгурки — Казгулак, Камбулат, Киричи, Уча, Ягурка и др. Ее долина изобилует родниками, что отмечено в «Книге Большому чертежу»: «ниже Алалы пала в Кулауз истока и колодезь (исток из кладязя) Какуйгыр (Какунгыр) (Книга... 1950: 86). И.-А. Гильденштедт отмечал наличие здесь хороших колодцев (Гильденштедт 2002: 305). Останцовые плато Прикалаусских высот в восточной части переходят в эрозивно-аккумулятивные равнины с долинно-балочным расчленением.

Аналогичные формы рельефа характерны для северо-восточных склонов Ставрополь-

ской возвышенности. Здесь расположены бассейны р. Рагули и р. Чограй. Межбалочные плоские водоразделы имеют преимущественно широтное и субширотное простирание. Климат в северных и северо-восточных частях Ставропольской возвышенности континентальный с жарким летом и прохладной зимой. Описываемые территории отличаются современными январскими температурами не ниже $-4,5^{\circ}\text{C}$ (Современные... 2002: 73—79). На рубеже XIX—XX вв. было отмечено, что юго-восточные ветры усугубляли жару летом и холод в зимний период. Облегчение зимой и летом приносили только западные ветры (Володин 1908: 19—20).

Еще в XIX в. реки северо-востока Ставрополья — Калаус, Рагули, Чограй, Голубь отличались маловодностью, их русла наполнялись водой во время весеннего половодья и осенних дождей (Барбот де Марни 1868: 18). Во время весенних разливов Калауса его воды часто прорывались в долину Восточного Маньча. Русло Маньча начинало наполняться водой в конце марта — начале апреля и через три недели высыхало (Барбот де Марни 1868: 23). Несмотря на маловодность, эти районы были доступны для освоения с помощью колодцев-копаней. Среди них преобладали копани с горько-соленой водой. В балках Гашун-Уста, Амта-Уста и Хара-Булук находились копани с пресной водой (Костенков 1868: 54—55).

На фоне описываемых территорий на северо-востоке Ставропольской возвышенности выделяется плодородием почв и наличием источников пресной воды южный берег маньчской долины. В этой зоне с глубокой древности выделялся благоприятными природными условиями участок устья р. Калаус и участок его стока в долину Восточного Маньча Шара-Хулсун (Шарахалсун — В. Б.). Его калмыцкое название означает «желтый камыш». Это сухое русло наполнялось водой только во время весенних разливов Калауса и зарастало камышом (Костенков 1868: 52—53). Урочище Типки, занимающее участок между устьями р. Рагули на южном берегу Маньчской долины и р. Хар-Зуха и Улан-Зуха на противоположном берегу, представляет собой большой полуостров на участке разделения устья Калауса на бассейны Западного и Восточного Маньчей. Он является наиболее возвышенными участком маньчской долины и отличается исключительно благоприятными природными условиями (Назаров, Цуцкин 2008: 376—379).

Кочевое хозяйство на северо-востоке Ставрополья

Несомненно, что татаро-монголы унаследовали на Северном Кавказе систему кочевания, сложившуюся задолго до них. Ибн-ал-Асир, описывая поход Джэбэ и Субэдэя против алан и половцев в 1222—1223 гг., подчеркивал преимущества степей Предкавказья: «Это земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом, и (есть в ней) места теплые зимою (также) со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря» (Тизенгаузен 1884: 26). Эта оценка относится в Северному Кавказу в целом. Но для территории Центрального Предкавказья необходимо учитывать его природные особенности.

Центральное Предкавказье удалено от побережий Азовского, Черного и Каспийского морей, а крупнейшие реки региона (Бол. Егорлык, Калаус и Кума) текут в меридиональном направлении только в своих средних течениях. Остальные реки и балки отличаются широтным характером течения. На северных и северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности меридиональным характером течения обладают только р. Калаус и его правый приток р. Айгурка, что предполагает иной характер кочевания, чем в районах с простой ландшафтной структурой. Так, в Нижнем Поволжье практиковалось кочевание по меридиональным маршрутам, отмеченное еще в эпоху средневековья (Рубрук 1997: 116).

Известно, что в районах с континентальным климатом зимой скот перегоняется в зону пустынь и полупустынь, где снежный покров отсутствует, а летом — в настоящие степи. Разделение пастбищ в регионе на летние и зимние можно проследить на основе археологических материалов, сведений письменных источников и этнографических материалов Нового времени о размещении здесь летних и зимних кочевий калмыков и туркмен. В эпоху Золотой Орды климат в регионе мог отличаться от современного климата в лучшую сторону, а границы климатических зон могли проходить значительно южнее современных, как это установлено для территорий Нижнего Поволжья и Ергенинской возвышенности (Демкин и др. 2005: 117).

Северо-восточные склоны Ставропольской возвышенности использовались под зимние пастбища калмыками Малодербетовского улуса (Булатов 2000: 133—136). В 1854 г. туркмены кочевали в летний пери-

од по левой стороне Кумы, по рекам Маныч и Калаус, по урочищам Арзгир, Кок-Айгур (долина р. Айгурки — В.Б.), Маштак-Кулак (верховья р. Айгурки — В.Б.), Кучерли, Юзунь-Джалга (Джалга — В.Б.), Маки и Кеста (Кеста — В.Б.) (Курбанов 1995: 54). Отмеченные реки и балки начинаются на северных и северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности и ведут в районы Приманычья. Еще в начале XX в. кочевые туркмены с зимних кочевий направлялись в балки Чограй, Антуста, Кучерли и Голуби (Володин 1908: 69).

Кумо-Манычская впадина использовалась в Новое время туркменами под зимние пастбища. Долина Кумы почти сплошь была покрыта камышом, в дождливые сезоны камыш вырастал также в долинах Калауса и Восточного Маныча. В долине Кумы, в камышовых зарослях в зимнее время укрывался скот (Курбанов 1995: 87—88). В весенне-летний период эти районы были непригодны для проживания из-за обилия насекомых. До 1860 г. в долине Кумы в районе Можарской соляной заставы при разливах Кумы зимовал Икицохуровский калмыцкий улус (Костенков 1868: 99). Имеются сведения о расположении в бассейне р. Горькая Балка, протекающей на Прикумской возвышенности и примыкающей к Кумо-Манычской впадине туркменских зимних кочевий (Курбанов 1995: 53). Очевидно, что в золотоордынскую эпоху эти территории были не менее привлекательными для ведения кочевого хозяйства.

Для реконструкции системы кочевания в Центральном Предкавказье в золотоордынскую эпоху можно использовать данные о системе кочевания скотоводов Казахстана и Калмыкии, проживавших в сходных природных условиях. Кочевники зимовали в районах с пересеченным рельефом местности. При этом в теплую и безветренную погоду скот выпасался на возвышенностях, наветренных сторонах склонов и холмов, а лощины, заросли камыша и кустарника использовались в холодную погоду. Для увеличения кормовой емкости пастбищ более заснеженные участки использовались в начале и в конце зимы, а понижения рельефа, северные склоны возвышенностей — в середине зимы (Масанов 2000: 121). Как показывают результаты исследований Н.Э. Масанова, выбор зимних пастбищ был ориентирован, в первую очередь, на оптимальный выпас мелкого рогатого скота, составлявшего основу стада. Граница зимних пастбищ определялась границей мест с глубиной снежного покрова не более 10—12 см, при которой овцы мог-

ли самостоятельно добывать корм (Масанов 2000: 120).

Таким образом, территория, примерно совпадающая с границами т.н. Туркменской степи Нового времени, представляла собой самодостаточный район для ведения кочевого хозяйства. Он сложился в границах сходных ландшафтных зон со своей речной системой, связанной с бассейном Восточного Маныча. Вероятно, летние кочевья эпохи позднего средневековья на северо-востоке Ставрополя могли располагаться на территории Прикалаусских высот Ставропольской возвышенности в верховьях рек и балок бассейна р. Айгурки. Местность, прилегающая к устью Калауса, является микрорегионом, пригодным для ведения кочевого хозяйства как в зимних условиях (Шарахалсун), так и в летних (Типки). После весенних разливов Калауса в летний период стада могли перегоняться как на Типки, так и на Прикалаусские высоты. Зоной преимущественного расположения зимних пастбищ следует считать территорию Кумо-Манычской впадины. Уточнить границы зимних пастбищ на севере Предкавказья в эпоху Золотой Орды могут помочь сведения письменных источников.

Письменные свидетельства о зимних пастбищах в Центральном Предкавказье

На наш взгляд, территория Приманычья и Кумо-Манычской впадины упоминается в письменных источниках, освещающих конфликт Берке и Хулагу, а также поход армии Тимура против нижневолжских городов и Дербента.

Причины конфликта Берке и Хулагу детально рассмотрены на фоне международной ситуации середины XIII в. на Ближнем Востоке и в Закавказье. Но изложение хронологии военных действий и их локализация отличаются неточностями, что можно объяснить недостаточной осведомленностью и необъективностью арабских и персидских авторов. На наш взгляд, важно учитывать сведения нейтральных наблюдателей (армянских и западноевропейских авторов). Не вдаваясь в анализ противоречий хронологии событий, считаем необходимым уточнить маршрут вторжения армии Хулагу во владения Берке и локализацию зимних пастбищ Джучидов в Предкавказье, которые подверглись разорению.

Из сочинений персидских авторов наиболее полная информация содержится в трудах Хамдалаха Казвини и Рашид-ад-Дина.

Хамдаллах Казвини излагает хрестоматийную версию событий: «Снова сразились в Дешт-и-Кипчаке, и войско Беркая опять обратилось в бегство. Эмир Илькай вслед за ними перешел через реку Терек и совершил бесчинства в зимовье Беркая. Беркай сам выступил против них и много их перебил. Иранцы, разбитые, бежали к Дербенду. Река Терек была скована льдом. Конница разом бросилась на него, лед сломался, и часть утонула в реке, а другие спаслись и пришли к Хулагу» (Тизенгаузен 1941: 92). Из сведений Рашид-ад-Дина следует, что армия Хулагу вторглась за Тереком именно в район зимних кочевий Джучидов: «Жилища всех эмиров, вельмож и воинов Беркея сияли в этой степи. Кипчакская степь была сплошь в палатках и больших шаграх, а земля та полна лошадей, мулов, верблюдов, коров и овец, а ратных их людей ни одного не было в жилищах. Все бежали, бросив жен и детей» (Рашид-ад-Дин 1946: 60).

Под влиянием этих сведений в историографии утвердилась версия о расположении зимних пастбищ Берке за Тереком. Действительно, у Дербента, за Тереком располагались кочевья Тама-Тогдая (Рашид-ад-Дин 1960: 74). Исследованные элитные погребения Новопавловского могильника в Кировском районе Ставропольского края не противоречат этой версии (Нарожный, Охонько 2007). Современные зимние пастбища в Дагестане расположены на песчаных дюнах в Терско-Кумской низменности (Беликов 2002: 44—45). Однако содержащиеся в ряде сочинений сведения об обстоятельствах похода Хулагу во владения Берке позволяют значительно расширить территориальные рамки вторжения армии Хулагу и уточнить его направление.

После вторжения армии Хулагу за Терек у Берке сложилась критическая ситуация. Иранская армия значительно продвинулась вглубь джучидских владений (Порсин 2009: 294). Марко Поло сообщает о первоначальных успехах Хулагу и опасности попасть в плен «на той стороне, откуда братья пришли, вперед же можно было идти» (Марко Поло 1997: 193). Вероятно, Марко Поло подразумевает здесь дорогу, связывавшую Сарай и Крым, откуда его отец Никколо с братом Маффео прибыли в Сарай.

Согласно сведениям арабского географа Ибн Са'ида ал-Магриби, армия Хулагу вторглась во владения Берке и переправилась через реки Мальй Аттил (Терек — В.Б.) и ал-Ганам (Куму — В.Б.): «Армия Хулавуна переправилась через обе эти реки, чтобы сра-

зиться с войском Берке. На обратном пути воины Хулавуна утонули в реке ал-Ганам, а те, которые спаслись, затем утонули в другой реке: они переправлялись через нее по льду и провалились в воду» (Коновалова 2009: 32). Известный географ при написании своего труда использовал не только труды своих современников и карты, но и устные свидетельства современников, которые он получил в ходе путешествий по Ираку, Сирии и, возможно, Армении (Коновалова 2009: 7—17).

На территории Терско-Кумского междуречья естественные преграды для армии Хулагу отсутствовали. Обойдя открытые пески в древних дельтах Куры, Горькой Балки и Кумы, она могла пройти дальше на север от Кумы. В таком случае, армия Хулагу могла разорить зимние кочевья Джучидов не только за Тереком, но и на севере Центрального Предкавказья. Ряд источников свидетельствуют о вторжении армии Хулагу еще дальше, в дельту Волги.

Согласно свидетельству Ибн Василя, армия Хулагу прошла р. Куру в Закавказье и Темиркапу (Дербент — В.Б.). Берке отступил на расстояние в 15 дней пути от Темиркапу. Хулагу переправился через р. Сейхун, застал страну покинутой и начал ее грабить. Берке, мобилизовав всех мужчин старше 10 лет, нанес удар по армии Хулагу. Лед реки, которая в этом отрывке именуется уже Джейхун, не выдержал. Ибн Василь называет лед снегом и оценивает ширину «снежного пространства» в 3 дневных перехода. Вызывает интерес его сравнение реки Сейхун/Джейхун с Нилом и описание продолжительных суровых зим в этой местности. В примечаниях В.Г. Тизенгаузена река Сейхун/Джейхун отождествляется с р. Курой в Закавказье, что противоречит логике изложения событий у Ибн Василя (Тизенгаузен 1884: 73—75). Реки Сейхун (Сырдарья — В.Б.) и Джейхун (Аму-Дарья — В.Б.) упоминаются у ал-Омари и помещаются им на востоке Золотой Орды (Тизенгаузен 1884: 236—237). Упоминание о суровой зиме противоречит особенностям природы Закавказья. Несомненно, что под названием Сейхун/Джейхун здесь упомянутая другая река, сопоставимая с Нилом. Такой рекой является только Волга. Под «снежным пространством» подразумеваются замерзшие протоки волжской дельты.

Киракос Гандзакенци сообщает, что Хулагу разделил свое войско на три части. Отправив часть сил во главе с сыном Абагой-ханом и Аргуном в Хорасан и оставив часть сил у Аланских ворот (Дарьяльского прохода? — В.Б.), он направил главные силы че-

рез Дербент. Хулагу «вступил на [территорию] далеко за Дербентскими воротами, ибо туда есть лишь два пути: через аланов и через Дербент. И, разорив часть улуса Джучи, дошел до великой и бездонной реки Теркн-Этиль (Волги — В.Б.), куда впадает множество рек и которая течет, разлившись подобно морю, и впадает в Каспийское море. Против него вышел Беркай с мощной ратью. И у великой реки имело место побоище. Много было павших с обеих сторон, но особенно много их было со стороны Хулагу, ибо они мерзли от сильного снега и мороза, и множество людей утонуло в реке» (Киракос Гандзакец 1976: 237).

Сочинение Киракоса Гандзакец в части описания монгольского нашествия содержит смесь достоверных фактов и вымысла. Но он был не только очевидцем, но и активным участником многих описываемых событий. Отрицательное отношение к монголам не мешало ему подробно и объективно описывать события (Ханларян 1976: 16—19). В описании конфликта Хулагу и Берке у армянского историка получилось логичное описание стратегического замысла Хулагу. Укрепив фланги у Аланских ворот и в Хорасане, он нанес удар в самое болезненное место, в район расположения зимних кочевий Берке. Очень важно его свидетельство о наличии только двух путей на эту территорию «через аланов и через Дербент». Это конкретизирует направление движения армии Хулагу из Дербента на север Предкавказья, куда он мог бы попасть и через земли алан. Вероятно, эти сведения были получены им из надежных источников.

Важные сведения о вторжении армии Хулагу содержатся также в сочинении Утемиша-хаджи «Чингис-наме». Согласно ему, армия Хулагу продвигалась вдоль побережья Каспийского моря к берегу Волги. Берке после долгих раздумий и сомнений переправился через Волгу и направился навстречу Хулагу. Там, где начиналось разделение русла Волги на отдельные рукава, в местности Кыр-Мачак состоялось решающее сражение (Утемиш-Хаджи 1992: 97—98). Сочинение Утемиша-Хаджи написано в основном на основе преданий и вызывает противоречивые оценки. Т. Кавагучи и Х. Нагаминэ считают, что оно было основано на критическом анализе исторических источников (Кавагучи, Нагаминэ 2009: 48—49). А.В. Парунин не считает его историческим источником, допуская им использование устных преданий, опирающихся на исторические труды (Парунин 2017: 8). Известно,

что Утемиш-Хаджи в XVI в. лично побывал на местах описываемых событий, в частности, в местности Кыр-Мачак (Утемиш-Хаджи 1992: 7, 98). Учитывая, что он конкретизирует приведенные выше сведения Ибн-Василя и Киракоса Гандзакец, следует признать достоверность его данных.

Таким образом, в письменных источниках присутствуют взаимоисключающие версии направления похода Хулагу во владения Берке. В то же время, содержащаяся в ряде сочинений информация о вторжении армии Хулагу далеко на север Предкавказья заслуживает доверия. Под «зимовьем Беркая» следует понимать территории, которые его армия оставляла, стремительно отступая от Дербента в Нижнее Поволжье в течение 15 дней пути. По пути в дельту Волги армия Хулагу пересекла Терек, Куму и Кумо-Маньчскую впадину, разоряя кочевья воинов Берке. Они могли располагаться в Терско-Кумской низменности, на северо-востоке Ставропольской возвышенности и на Черных землях в Северо-Западном Прикаспии. В зимнее время замерзала не только Волга, о которой пишет Ибн-Василь. Согласно сведениям Ибн Са'ида, Кума впадала в Каспийское море и замерзала зимой (Коновалова 2009: 32). Наверняка, замерзал зимой в нижнем течении и Терек.

На расположение на севере Центрального Предкавказья зимних пастбищ указывают и сведения, относящиеся к концу XIV в. Согласно Шереф-ад-дину Йезди, армия Тимура, покорив область Бешкенд и разорив область Чутур-Казак, провела зиму 1396/1397 гг. в местности Бугаз-Кум. Тимур прервал зимовку и совершил поход на Нижнюю Волгу. Возвратившись, его армия с трудом перенесла холода и дефицит продуктов, после чего совершила поход в район Дербента (Тизенгаузен 1941: 183—185). Х. А. Хизриев предположил, что под названием Чутур-Казак здесь упомянута Ставропольская возвышенность, под названием Бугаз-Кум — местность на Куме (Хизриев 1977: 152—153). Очевидно, что местность Бугаз-Кум была выбрана для зимовки именно как район традиционного расположения зимних пастбищ. Шереф-ад-дин Йезди называет эту местность зимовьем (Тизенгаузен 1941: 184). Местность Бугаз-Кум располагалась в районе, откуда открывалась дорога как в Нижнее Поволжье, так и в Дербент. Территории Кумо-Маньчской впадины вполне подходит для нужд зимовки столь крупного войска.

Отмеченную выше противоречивость сведений письменных источников можно объяснить многообразием природных условий

Центрального и Восточного Предкавказья, что предполагало возможность размещения летних и зимних пастбищ в различных ландшафтных зонах как в Терско-Кумской низменности, так и на севере Предкавказья.

Административная принадлежность территории Приманычья в золотоордынскую эпоху

Р.Ю. Почекаев отмечает наличие дуализма в административно-территориальном устройстве Золотой Орды, выразившегося в сочетании десятичной системы и улусного устройства, что было обусловлено укреплением позиций кочевой аристократии после смерти Чингис-хана и возвращением ею прежних привилегий. В результате вместе с административными единицами десятичной системы появились кочевые улусы (Почекаев 2011: 177—178). Вопрос об административной принадлежности Центрального Предкавказья на протяжении всей золотоордынской истории освещен в источниках недостаточно. В период становления Золотой Орды, при Бату, Берке и Менгу-Тимуре, эта территория могла неоднократно менять свою принадлежность. В письменных источниках содержится противоречивая информация о выделении Бату улусов на Северном Кавказе Берке, Тука-Тимуру и Шибану.

В одном из списков «Таварих-и Гузида — Нусрат-наме», в «Дастане о Бату-хане по прозвищу Саин» сообщается, что «Тумены, данные Шибан-хану [Батыем, таковы]: в горах Джулат Черкес, в степи — Кара Улак, в Крыму — Кырк йер...» (Мустакимов 2011: 231). И.А. Мустакимовым предложена локализация области Джулат-Черкес в районе городища Верхний Джулат (Мустакимов 2011: 241). Ж.М. Сабитов предположил, что улус Джулат позднее был передан Тука-Тимуридам (Сабитов 2012: 247).

В сочинении Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») содержатся сведения, что Бату, особо отметив заслуги тринадцатого сына Джучи Тука-Тимура во время семилетнего похода (1236—1242 гг.), пожаловал ему область ясов и Мангышлак; впоследствии его потомки владели также Хаджи-Тарханом (Кляшторный и др. 2001: 196). По мнению А.К. Алексеева, основной его территорией стала территория будущего Астраханского ханства, на раннем этапе главной его территорией являлись Северный Кавказ и Мангышлак (Алексеев 2006: 58).

В последнее время при рассмотрении сведений восточных источников и выделении границ улусов ранних Джучидов не всегда учитываются сведения Г. де Рубрука, которые позволяют выделить улус Берке до его перевода в 1254 г. к востоку от Волги. Проезжая в 1253 г. по владениям Сартаха и находясь в Волго-Донском междуречье, примерно в трех днях пути (трети всего пути — В.Б.) от Волги (Рубрук 1997: 109), он упоминает пастбища Берке: «У Бату есть брат по имени Берка (Jetta), пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам (Дербенту — В.Б.), где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берке, привозят ему дары... Тогда, при нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с этого места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения...» (Рубрук 1997: 115). В.П. Костюков считал, что причиной его перемещения стали военные приготовления к походу в Иран и мусульманское вероисповедание Берке, служившее препятствием для переброски войск в Закавказье; а улус Берке перешел к Сартаху (Костюков 2009: 80—81).

Кочевья Берке, упоминаемые Г. де Рубруком, еще не локализованы. Г.А. Федоров-Давыдов ограничивался указанием, что при жизни Бату «он кочевал где-то на Северном Кавказе» (Федоров-Давыдов 1973: 66). В.П. Костюков отождествлял пастбища Тамма-Тогдая на Тереке и пастбища Берке, упомянутые Рубруком (Костюков 2010: 87). Вопрос о локализации пастбищ Берке на Северном Кавказе может быть рассмотрен с учетом всех данных, включая материалы Нового времени. Известно, что наибольшую ценность для кочевников представляли зимние пастбища. Возможно, Г. де Рубрук упоминает именно зимние пастбища Берке. На наш взгляд, с учетом отмеченных выше природно-климатических и ландшафтных особенностей территорию Приманычья можно сопоставить с кочевыми владениями Берке, упоминаемыми Г. де Рубруком. Они также могут быть локализованы с учетом маршрута поездки Г. де Рубрука в Каракорум и в обратном направлении⁴.

В.Л. Егоров предположил, что в 1254 г. эти пастбища были присоединены к ханскому домену (Егоров 2013: 165). По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, это произошло

⁴ Маршрут поездки Г. де Рубрука рассматривается отдельно, в конце данной статьи.

во время правления Берке (Федоров-Давыдов 1973: 67). Приведенное выше свидетельство Рашид-ад-Дина о «жилищах всех эмиров, вельмож и воинов Беркея», захваченных армией Хулагу, подтверждает обоснованность этих предположений.

С учетом предложенных М. Г. Крамаровским атрибуции брелока и верхней даты пояса из Гашун-Уста, можно предположить, что район к северу и к северо-западу от Среднего Прикумья, где впоследствии возник город Маджар, в период правления Менгу-Тимура входил в состав владений одного из представителей рода Бату, который мог контролировать выход из района Прикалаусских высот к Восточному Маньчу и низовьям Калауса по правым притокам Восточного Маньча (реки Чограй, Рагули, Голубь, ряд балок) и правому притоку р. Калаус р. Айгурке. Это владение располагалось на границе летних и зимних пастбищ на территории с источниками пресной воды, дефицитной в этих местах. Оно могло входить в число тех 50—60 территориальных единиц, «областей», на которые разделялось государство в период правления Берке. К XIV в. их количество увеличилось до 70 (Тизенгаузен 1884: 193; Егоров 2013: 167). При Узбеке Золотая Орда была поделена на 70 тюменов, во главе которых стояли назначенные ханом эмиры-темники, заменившие удельных Чингизидов (Почекаев 2012: 111). Эта реформа могла затронуть и рассматриваемое владение.

В период правления Джанибека здесь продолжали кочевать представители элиты. В погребении 1 кургана 1 курганного могильника Айгурский 1 был обнаружен дирхем чекана Нового Сарая 1352—1353 гг. Погребение содержало богатый инвентарь и, вероятно, было совершено по языческим нормам (Бабенко, Обухов 2013: 294—295, рис. 1).

Независимо от административной принадлежности, отмеченная территория располагалась к северу от округа города Маджара, крупнейшего золотоордынского города на Северном Кавказе. Монгольская элита обосновалась в районе, благоприятствовавшем ведению кочевого хозяйства, и держалась обособленно от городского населения. Она могла получить эти кочевья в награду за участие в завоевательном походе. Согласно современным концепциям, признаками кочевой элиты в первую очередь является реализация функций, имеющих общеперское значение, каналы использования которых недоступны для большинства кочевников (Элита... 2015: 18). Здесь, в Центральном Предкавказье, она могла выполнять важней-

шую функцию охраны территории ханского домена и маршрутов перекочевок ханских ставок из Нижнего Поволжья на Северный Кавказ. Через отмеченный район вдоль долины р. Айгурки и р. Мокрая Буйвола проходили маршруты перекочевок ханских ставок из столичного региона в Маджар и далее на юг, в Пятигорье, о чем свидетельствуют зафиксированные И.-А. Гильденштедтом предания и топонимы, связанные с некими татарскими ханами (Гильденштедт 2002: 305; Бабенко 2016: 8).

Судя по археологическим находкам с этой территории, местная элита выполняла еще одну функцию — способствовала распространению кочевой моды (Элита... 2015: 18—19). Вероятно, этому способствовали близость городских центров и торговых путей.

Локализация маршрута поездки Г. де Рубрука в 1253—1254 гг.

Расположение пастбищ Берке может быть уточнено также на основе локализации маршрута поездки Г. де Рубрука в 1253—1254 гг. Многие авторы сходятся во мнении, что путь Г. де Рубрука в 1253 г. из Крыма в Каракорум проходил через Среднее Подонье и бассейн р. Хопер (Никитин 2016: 248—249). В этом месте располагалась переправа через Дон и проходила северная граница монгольских кочевий (Ефимов 1999: 107—108). Проезжая по владениям Сартаха через волгодонские степи, он мог упомянуть кочевья Берке, имея в виду то направление в сторону Железных ворот, которое выходило в район Червленого Яра и Ергеней через северные районы Центрального Предкавказья. Он свидетельствует, что через владения Сартаха во владения его отца Бату проезжают все христиане, включая алан (Плано Карпини 1997: 114). Маршрут его поездки в Каракорум и обратно по волго-уральским степям намечен в общих чертах В. П. Костюковым (Костюков 2009: 82). Д. В. Васильев предложил локализацию маршрута его поездки на обратном пути по дельте Волги (Васильев 2001: 67). Маршрут поездки Г. де Рубрука между дельтой Волги и Железными воротами на обратном пути нуждается в рассмотрении.

Возвращаясь осенью 1254 г. из Каракорума и покинув Сарай, Г. де Рубрук за 2 недели поездки по безводным районам достиг гор алан, еще не покоренных. «Две недели, начиная с праздника Всех Святых, мы не находили никого из людей; и мы чуть не умерли от жажды в течение одного дня и одной

ночи, не найдя воды почти до трех часов следующего дня. Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, аланами и Железными воротами». От этого места, проделав в сопровождении охраны из 20 человек 2 дневных перехода, Г. де Рубрук достиг Железных ворот (Плано Карпини и др. 1997: 181). Ко времени возвращения Рубрука аланы оказывали упорное сопротивление татаро-монголам где-то в горах, возможно, в крепости Дар-и-Алан в глубине Дарьяльского ущелья (Кузнецов 1971: 39—40).

Маршрут через Аланию и некую «пустыню» в Нижнее Поволжье существовал еще в домонгольский период. Вероятно, что европейцы воспринимали как пустыню не только и полупустынные районы Северного Кавказа и современной Калмыкии, но и путь из Матрики в Аланию (Хаутала 2016: 334—336). Вероятно, под безводными районами в тексте Г. де Рубрука следует понимать именно территорию Кумо-Маньчской впадины. На первый взгляд, Г. де Рубрук и его спутники должны были проехать от дельты Волги до Алании по кратчайшему маршруту вдоль западного берега Каспия. Однако, материалы Кумо-Маньчской экспедиции середины XIX в. свидетельствуют, что он был труднопроходим в весенний период, когда разливались рукава и протоки Волги, в районе Кумо-Маньчской впадины беспокойство доставляли зыбучие пески и недостаток пресной воды. В осенне-зимний период этот маршрут был не менее сложным.

В XIX в. в южной части маршрута путники поворачивали на т.н. «чумацкую дорогу», которая отклонялась от основного маршрута к юго-западу и выходила в район Можарского соленого озера, Можарской соляной заставы

и далее, на Куму (Костенков 1868: 71—73). Можарское соленое озеро расположено в 8,5 км к северо-востоку от пос. Прикумский Черноземельского района Республики Калмыкия. Оно входит в систему пересыхающих бессточных озер восточной части Кумо-Маньчской впадины. Можарская соляная застава располагалась юго-западнее и обозначена на карте-десятиверстке⁵ системы И. А. Стрельбицкого (Спецкарта Европейской России 1882: Л. 96). Здесь же показан Солевозный тракт и его ответвление («чумацкая дорога»), выходящее от Можарского соленого озера и Можарской соляной заставы к с. Урожайному совр. Левокумского района Ставропольского края. Здесь оба маршрута соединялись. Общее направление «чумацкой дороги» можно реконструировать вдоль западной границы песчаных бурунов до р. Кумы.

Судя по предложенной реконструкции, Рубрук проследовал из дельты Волги маршрутом, примерно совпадающим с «чумацкой дорогой» до Кумы и далее, в район Дарьяльского ущелья и в Дербент. Этот маршрут могли использовать аланы при поездках через владения Сартаха во владения Бату и «сарацины» при поездках из Персии и Турции через владения Берке. Очевидно, что отмеченный маршрут мог без серьезных изменений просуществовать с XIII в. по XIX в. Таким образом, кочевья Берке остались в стороне от маршрута поездки Г. де Рубрука как на пути в Каракорум, так и на обратном пути в 1254 г. из Каракорума на Ближний Восток через Нижнее Поволжье и Дербент.

Предложенная версия локализации на территории Приманьчья крупного кочевого владения максимально учитывает данные археологических и письменных источников. В дальнейшем необходимо продолжить уточнение локализации случайных находок XIX в. и границ улусов Джучидов в Центральном Предкавказье.

Литература

- Административно-территориальное... 2008: *Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год. Справочник*. 2008. Ставрополь: КСКДА; ГАСК.
- Алексеев А. К. 2006. *Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Андреева М. В. 1979. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.). В: Мунчаев Р. М. (отв. ред.), *Древности Ставрополя*. Москва: Наука, 24—124.
- Бабенко В. А. 2006. Древности эпохи Золотой Орды из долины р. Айгурки. В: Мурашева В. В. (отв. ред.), *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Фёдорова-Давыдова (1931—2000)*. Москва: Нумизматическая литература, 110—112.
- Бабенко В. А. 2008. Золотоордынские памятники Северного Ставрополя. В: Белинский А. Б. (гл. ред.).

⁵ Масштаб карты составляет в 1 английском дюйме 10 русских верст: 1:420 000.

- Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа VIII. Крупновские чтения 1971—2006. Москва: Памятники исторической мысли, 728.
- Бабенко В. А. 2012. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья. *Степи Европы в эпоху средневековья* 11. Донецк, 193—230.
- Бабенко В. А. 2015. Из истории культуuroохранительной деятельности на Ставрополье во второй половине XIX в. В: Крылов А. Б. (гл. ред.). *Историко-культурное наследие Юга России*. Научно-практическая конференция. Ставрополь, 9 февраля 2015 г. Москва: Книжный мир, 290—297.
- Бабенко В. А. 2016. Маршруты перекочевков ханских стаяков на территории Северного Кавказа в XIV в. В: Белозеров В. С., Щитова Н. А. (ред.). *Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе*. Материалы II Международной научно-практической конференции. Ставрополь 4—5 октября 2016 г. Ставрополь: СКФУ, 7—11.
- Бабенко В. А., Обухов Ю. Д. 2013. Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья. *МИИKN СК XI*, 291—308.
- Барбот де Марни Н. П. 1868. Геологическое описание Калмыцкой степи и прилежащих к ней земель (члена экспедиции, инженер-полковника Барбот-де-Марни). В: *Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции*. Санкт-Петербург: Издание Министерства государственных имуществ, 1—76.
- Беликов М. Ю. 2002. *Северный Кавказ: реалии социально-экономической сферы на пороге тысячелетия (географический аспект)*. Краснодар: КубГУ.
- Бубнов А. 1893. Село Рагули, Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда (составлено учителем Рагулинского училища А. Бубновым). *СМОПК* 16, 222—266.
- Булатов В. Э. 2000. Система сезонных кочевий у калмыков в XIX веке. *Труды ГИМ* 120, 131—142.
- Васильев Д. В. 2011. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населенных пунктах, которые он посетил. В: Миргалеев И. М. (отв. ред. и сост.). *Золотоордынское наследие 2*. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М. А. Усманова. Казань, 29—30 марта 2011 г. Казань: Фолиант; ИИ АН РТ, 64—72.
- Володин А. А. 1908. Трухменская степь и трухмены. *СМОПК* 38, 1—98.
- Герасимова М. М. 2003. Краниология калаусских ногайцев. *МИИKN СК IV*, 36—68.
- Гильденштедт И.-А. 2002. *Путешествие по Кавказу в 1770—1773 гг.* Пер. Т. К. Шафрановской. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Демкин и др. 2005: Демкин В. А., Алексеев А. О., Борисов А. В., Демкина Т. С., Якимов А. С. 2005. Палеопочвы и природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья. *НАВ* 7, 114—118.
- Доде З. В. 2001а. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника «Джухта-2». *МИИKN СК II*, 117—127.
- Доде З. В. 2001б. *Средневековый костюм народов Северного Кавказа*. Москва: Восточная литература РАН.
- Евглевский А. В., Потёмкина Т. М. 2000. О некоторых видах гончарной керамики у восточноевропейских номадов развитого средневековья. *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк, 209—226.
- Евтеев А. А., 2003. Население золотоордынского города Маджара по данным краниологии. *ВА* (10), 91—103.
- Егоров В. Л. 2013. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Изд. 4-е. Москва: Книжный дом «Либроком».
- Ефимов К. Ю. 1999. Золотоордынские погребения из курганного могильника «Олень-Колодезь». *ДА* (3—4), 93—108.
- Кавагучи Т., Нагаминэ Х. 2009. Некоторые новые данные о «Чингис-нама» Утемиша-Хаджи: в системе историографии в Дашт-и-Кипчаке. *Золотоордынская цивилизация* (3), 44—52.
- Киракос Гандзакечи. 1976. *История Армении*. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Кичикова Н. А. 2008. Оронимия Республики Калмыкия. *Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН* (4), 69—72.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. 2000. *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Книга... 1950: *Книга Большому чертежу*. 1950. Подготовка к печ. и ред. К. Н. Сербиной. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Коновалова И. Г. 2009. *Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII—XIV вв. Текст, перевод, комментарий*. Древнейшие источники по истории Восточной Европы. Москва: Восточная литература.
- Коренько В. А. 1977. Раскопки курганов на Восточном Маныче. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *АО 1976 года*. Москва: Наука, 104.
- Костенков К. И. 1868. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи. В: *Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции*. Санкт-Петербург: Издание министерства государственных имуществ, 1—177.
- Костюков В. П. 2009. Иранский поход Хулагу: предыстория. *Золотоордынская цивилизация* (2), 69—89.
- Костюков В. П. 2010. *Улус Шибана Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Казань: Фэн.
- Крамаровский М. Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Крамаровский М. Г. 2008. Китайская филигрань на путях к Ближнему Востоку. В: Притула А. Д. (автор концепции и куратор выставки). *Во дворцах и шатрах. Исламский мир от Китая до Европы*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: ГЭ, 156—163.
- Кузнецов В. А. 1971. *Алания в X—XIII вв.* Орджоникидзе: Ир.
- Курбанов А. В. 1995. *Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки*. Санкт-Петербург: Языковой центр СПбГУ.
- Лукина Т. А. (сост.). 1984. *Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853—1857 гг. Дневники и материалы*. Научное наследство 9.
- Ляхов С. В. 2010. Погребение с деталями повозки позднечувянского времени Егорлык-Калаусского междуречья. В: Васильев Д. В. (сост. и отв. ред.) *Археология Нижнего Поволжья: проблемы, по-*

- иски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань 18—21 октября 2010 г.). Астрахань: АГУ, 309—311.
- Ляхов С. В. 2016. Раскопки курганов в степной зоне Центрального Предкавказья в 1997 году. *АНСК* 14, 78—117.
- Марко Поло. 1997. Книга о разнообразии мира. В: *Джованни Дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло*. Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. Москва: Мысль, 192—380.
- Масанов Н. Э. 2000. Особенности функционирования традиционного кочевого общества у казахов. *Труды ГИИМ* 120, 116—130.
- Мустакимов И. А. 2011. Сведения «Таварих-и Гузида — Нусрат-наме» о владениях некоторых Джучидов. В: *Кляшторный С. Г. (пред. ред. колл.). Тюркологический сборник 2009—2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье*. Москва: Восточная литература, 228—248.
- Назаров А. Г., Цуцкин Е. В. 2008. *Карл Максимович Бэр. 1792—1876*. Москва: Наука.
- Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б. 2001. О золотоордынских памятниках в окрестностях с. Рагули на Ставрополье. *ВСКИ* 6 (I), 21—26.
- Нарожный Е. И., Охонько Н. А. 2007. *Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей*. МИАСК 7. Армавир; Ставрополь.
- Никитин А. П. 2016. Путь Рубрука в Доно-Волжском междуречье (среднедонская версия). В: *Кольцов П. М. (отв. ред.). Проблемы археологии Нижнего Поволжья. V Международная Нижневолжская археологическая конференция, 15—18 ноября 2016 г.* Элиста: КалмГУ, 248—249.
- Отчет ИАК за 1882—1888 гг.* 1891. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Парунин А. В. 2017. «Чингиз-наме» как источник по истории Золотой Орды. В: *Маслюженко Д. Н., Татауров С. Ф. (отв. ред.). История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири*. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган, 21—22 апреля 2017 г. Курган: Курганский государственный университет, 3—9.
- Порсин А. А. 2009. Причины и ход войны между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном (1262—1266 годы) В: *Миргалеев И. М. (отв. ред. и сост.). Золотоордынское наследие 1*. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII—XV вв.)». 17 марта 2009 г. Казань: Фэн, 200—210.
- Почекаев Р. Ю. 2011. К вопросу об административном устройстве Золотой Орды и постордынских государств: особенности управления оседлым и кочевым населением. В: *Рыкин П. О. (отв. ред.). Сибирский сборник-3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской*. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 176—186.
- Почекаев Р. Ю. 2012. *Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды*. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Евразия.
- Прасолов Л. 1909. Трухменская степь Ставропольской губернии. Естественно-исторический очерк 1908 года. *Сборник сведений о Северном Кавказе (материалы исторические и естественно-исторические)* III, 1—74.
- Рашид-ад-Дин. 1946. *Сборник летописей*. Т. III. Пер. с перс. А. К. Арендса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Рашид-ад-Дин. 1960. *Сборник летописей*. Т. II. Пер. с перс. Ю. П. Верховского под ред. И. П. Петрушевского. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Рубрук Г. 1997. Путешествие в восточные страны. В: *Джованни Дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло*. Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. Москва: Мысль, 88—189.
- Сабитов Ж. М. 2012. Военное противостояние Ногай и хана Токты. В: *Кушкумбаев А. К. (отв. ред.). Военное дело Улуса Джучи и его наследников*. Астана: Фолиант, 246—253.
- Смирнов Я. А. 1909. *Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи*. Издание Императорской Археологической Комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности. Санкт-Петербург: Императорская Археологическая комиссия.
- Спицын А. А. 1906. Из коллекции Императорского Эрмитажа. *Записки Отделения славяно-русской археологии Русского археологического общества VIII (I)*. Санкт-Петербург, 264—270.
- Современные... 2002: *Современные ландшафты Ставропольского края*. 2002. Ставрополь: СГУ.
- Тизенгаузен В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Тизенгаузен В. Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений*. Москва; Ленинград: Институт востоковедения АН СССР.
- Утемиш-хаджи. 1992. *Чингис-наме*. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Алма-Ата: Гылым.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1973. *Общественный строй Золотой Орды* Москва: МГУ.
- Ханларян Л. А. 1976. «История Армении» Киракоса Гандзакеди. В: *Киракос Гандзакеди. История Армении*. Пер с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. Москва: Наука, ГРВЛ.
- Хаутала Р. 2016. Запись брата Рикардуса об открытии Великой Венгрии (начало 1236 года). В: *Хакимов Р. С. (науч. рук.). История татар Западно-Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой Степи и Приуралья. Татарские средневековые государства*. Казань: ИИ АН РТ, 330—340.
- Хизриев Х. А. 1977. Из истории борьбы народов Чечено-Ингушетии и Ставрополья против Тимура. *Вопросы истории Чечено-Ингушетии XI*. Грозный, 142—157.
- Цуциев А. А. 2006. *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004)*. Москва: Европа.
- Элита... 2015: *Дашковский П. К. (отв. ред.). 2015. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии*. Барнаул: АлтГУ.

References

- Administrativno-territorial'noe ustroistvo Stavropol'ia s kontsa XVIII veka po 1920 god. Spravochnik (Administrative-Territorial Organization of the Stavropol Region from the Late 18th Century to 1920: Guidebook)*. 2008. Stavropol: Archival Committee of the Stavropol Krai; State Archive of the Stavropol Krai (in Russian).
- Alekseev, A.K. 2006. *Politicheskaia istoriia Tukai-Timuridov. Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniia Bakhr al-asrar (Political History of Tuka-Timurids: by the Data of the Persian Historical Writing "Bahr al-asrar")*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Andreeva, M.V. 1979. In Munchaev, R.M. (ed.). *Drevnosti Stavropol'ia (Antiquities of the Stavropol Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24—124 (in Russian).
- Babenko, V.A. 2006. In Murasheva, V.V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaiia literatura" Publ., 110—112 (in Russian).
- Babenko, V.A. 2008. In Belinskii, A.B. (ed.-in-chief). *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza VIII. Krupnovskie chteniia 1971—2006 (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of Northern Caucasus: Krupnov Readings of 1971—2006)*. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ., 728 (in Russian).
- Babenko, V.A. 2012. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. Donetsk, 193—230 (in Russian).
- Babenko, V.A. 2015. In Krylov, A.B. (ed.-in-chief). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Iuga Rossii (Historical and Cultural Heritage of the Southern Russia)*. Moscow: "Knizhnyi mir" Publ., 290—297 (in Russian).
- Babenko, V.A. 2016. In Belozerov, V.S., Shchitova, N.A. (eds.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsii na Severnom Kavkaze (Historical and Cultural Heritage of the Great Silk Road and the Promotion of Tourist Destinations in the Northern Caucasus)*. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference. Stavropol: North Caucasus Federal University, 7—11 (in Russian).
- Babenko, V.A., Obukhov, Yu.D. 2013. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus)* XI, 291—308 (in Russian).
- Barbot de Mami, N.P. 1868. In *Kalmytskaia step' Astrakhanskoi gubernii po issledovaniiam Kumo-Manychskoi ekspeditsii (The Kalmyk Steppe in the Astrakhan Province in the Studies of the Kuma-Manych Expedition)*. Saint Petersburg: Typography of the Ministry of State Property, 1—76 (in Russian).
- Belikov, M. Yu. 2002. *Severnyi Kavkaz: realii sotsial'no-ekonomicheskoi sfery na poroge tysiacheletii (geograficheskii aspekt) (Northern Caucasus: Social-Economic Realities at the Turn of the Millennia (geographical aspect))*. Krasnodar: Kuban State University (in Russian).
- Bubnov A. 1893. In *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza (Collected Sources for Description of Localities and Tribes of the Caucasus)* 16, 222—266 (in Russian).
- Bulatov, V.E. 2000. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 120, 131—142 (in Russian).
- Vasil'ev, D.V. 2011. In Mirgaleev, I.M. (ed., comp.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 64—72 (in Russian).
- Volodin, A.A. 1908. In *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza (Collected Sources for Description of Localities and Tribes of the Caucasus)* 38, 1—98 (in Russian).
- Gerasimova, M.M. 2003. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus)* IV, 36—68 (in Russian).
- Güldenstädt, J.A. 2002. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770—1773 gg. (Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürg von P.-S. Pallas)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Demkin, V.A., Alekseev, A.O., Borisov, A.V., Demkina, T.S., Iakimov, A.S. 2005. In *Nizhnevolzhskii arheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7, 114—118 (in Russian).
- Dode, Z.V. 2001. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus)* II, 117—127 (in Russian).
- Dode, Z.V. 2001. *Srednevekovyi kostium narodov Severnogo Kavkaza (Medieval Costume of the Peoples of the Northern Caucasus)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Evglevskii, A.V., Potyomkina, T.M. 2000. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk, 209—226.
- Evteev, A.A., 2003. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* (10), 91—103 (in Russian).
- Egorov, V.L. 2013. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. 4th ed. Moscow: "Librokom" Publ. (in Russian).
- Efimov, K. Yu. 1999. In *Donskaia arheologiiia (Archaeology of Don)* (3—4), 93—108 (in Russian).
- Kawaguchi, T., Nagamine, H. 2009. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* (3), 44—52 (in Russian).
- Kirakos of Gandzak. 1976. *Istoriia Armenii (History of Armenia)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).
- Kichikova, N.A. 2008. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniia RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* (4), 69—72 (in Russian).
- Kliashornyi, S.G., Sultanov, T.I. 2000. *Gosudarstva i narody evrazijskikh stepei. Drevnost' i srednevekov'e (States and Peoples of Eurasian Steppes: Antiquity and Middle Ages)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Serbina, K.N. (ed.). 1950. *Kniga Bol'shomu Chertezhu (Book of Great Sketch)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Konovalova, I.G. 2009. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII—XIV vv. (Eastern Europe in Writings of Arab Geographers of 13th—14th Centuries)*. Series: Most Ancient Sources for the History of Eastern Europe. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Koreniako, V.A. 1977. In Rybakov, B.A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiia 1976 goda (Archaeological Discoveries in 1976)*. Moscow: "Nauka" Publ., 104 (in Russian).
- Kostenkov, K.I. 1868. In *Kalmytskaia step' Astrakhanskoi gubernii po issledovaniiam Kumo-Manychskoi ekspeditsii (The Kalmyk Steppe in the Astrakhan Province in the Studies of the Kuma-Manych Expedition)*. Saint Petersburg: Typography of the Ministry of State Property, 1—177 (in Russian).
- Kostiukov, V.P. 2009. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* (2), 69—89 (in Russian).
- Kostiukov, V.P. 2010. *Ulus Shibana Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Shiban's Ulus in the Golden Horde in 13th—14th Centuries)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Genghisids' Gold: the Golden Horde Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2008. In Pritula, A.D. (author of the concept and curator of the exhibition). *Vo dvortsakh i shatrakh. Islamskii mir ot Kitaia do Evropy. Katalog vystavki (In Palaces and Yurtas. The Islamic World — from China to Europe. Catalogue of the exhibition)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 156—163 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. 1971. *Alaniia v XIII—XIV vv. (Alania in 13th—14th Centuries)*. Ordzhonikidze: "Ir" Publ. (in Russian).

- Kurbanov, A.V. 1995. *Stavropol'skie turkmeny: Istoriko-etnograficheskie ocherki (Stavropol Turkmens: Historical and Ethnographical Sketches)*. Saint Petersburg: Linguistic Center of the Saint Petersburg State University (in Russian).
- Lukina, T.A. (comp.). 1984. *Kaspiiskaia ekspeditsiia K.M. Bera 1853—1757 gg. Dnevnik i materialy (K.E. v. Baer's Caspian Expedition in 1853—1857: Journeys and Materials)*. Series: Nauchnoe nasledstvo (Scientific Heritage) 9. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Liakhov, S.V. 2010. In Vasil'ev, D.V. (ed., comp.). *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 309—311 (in Russian).
- Liakhov, S.V. 2016. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 14, 78—117 (in Russian).
- Marco Polo. 1997. In Gornung, M.B. (preface, comments). *Plano Carpini, G. del. Istoriiia mongalov. 3-e izd.; Guillaume de Rubrouck. Puteshestvie v vostochnye strany. 3-e izd.; Kniga Marko Polo. 4-e izd. (Plano Carpini, G. del. Ystoria Mongalorum; Guillaume de Rubrouck. The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts; Book of Marco Polo)*. Moscow: "Mysl'" Publ., 192—380 (in Russian).
- Masanov, N.E. 2000. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 120, 116—130 (in Russian).
- Mustakimov, I.A. 2011. In Kliashchyni, S.G. (ed.-in-chief). *Tiurkologicheskii sbornik 2009—2010. Tiurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Collected Papers on Turkic Studies 2009—2010. Turkic Peoples of Eurasia in Antiquity and Middle Ages)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 228—248 (in Russian).
- Nazarov, A.G., Tsutskan, E.V. 2008. *Karl Maksimovich Ber. 1792—1876 (Karl Ernst von Baer. 1792—1876)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Narozhnaia, F.B. 2001. In *Voprosy severokavkazskoi istorii (Issues of North-Caucasus History)* 6 (1), 21—26 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Okhon'ko, N.A. 2007. *Novopavlovskii mogil'nik XIV v. v sisteme evraziiskikh drevnostei (The Novopavlovsky Burial Ground of 14th Century in the System of Eurasian Antiquities)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus) 7. Armavir; Stavropol: Armavir State Pedagogical Institute (in Russian).
- Nikitin, A.P. 2016. In Kol'tsov, P.M. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ia (Issues of Archaeology of Lower Volga Region)*. 5th Lower Volga international archaeological congress. Elista: Kalmyk State University, 248—249 (in Russian).
- Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1882—1888 gg. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1882—1888). 1891. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Parunin, A.V. 2017. In Masliuzhenko, D.N., Tataurov, S.F. (eds.). *Istoriiia, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tiurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri (History, Economy and Culture of Medieval Turkic-Tatar States in Western Siberia)*. Kurgan: Kurgan State University, 3—9 (in Russian).
- Porsin, A.A. 2009. In Mirgaleev, I.M. (ed., comp.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 1. Kazan: "Fän" Publ., 200—210 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. 2011. In Rykin, P.O. (ed.). *Sibirskii sbornik-3. Narody Evrazii v sostave dvukh imperii: Rossiiskoi i Mongol'skoi (Siberian Collected Papers 3. Eurasian Peoples in two Empires: Russian and Mongolian)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 176—186 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. 2012. *Tsari ordynskie. Biografiia khanov i pravitelei Zolotoi Ordy (The Tsars of the Golden Horde: Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Prasolov, L. 1909. In *Sbornik svedeniia o Severnom Kavkaze (materialy istoricheskie i estestvenno-istoricheskie) (Collection of Facts about the Northern Caucasus: Historical and Naturalistic Materials)* III, 1—74 (in Russian).
- Rashid-al-Din. 1946. *Sbornik letopisei (Jami' al-tawarikh = Compendium of Chronicles)*. T. III. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Rashid-al-Din. 1960. *Sbornik letopisei (Jami' al-tawarikh = Compendium of Chronicles)*. T. II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Rubrouck, G. 1997. In Gornung, M.B. (preface, comments). *Plano Carpini, G. del. Istoriiia mongalov. 3-e izd.; Guillaume de Rubrouck. Puteshestvie v vostochnye strany. 3-e izd.; Kniga Marko Polo. 4-e izd. (Plano Carpini, G. del. Ystoria Mongalorum; Guillaume de Rubrouck. The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts; Book of Marco Polo)*. Moscow: "Mysl'" Publ., 88—189 (in Russian).
- Sabitov, Zh.M. 2012. In Kushkumbaev, A.K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov (Warfare in Jochi's Ulus and His Heirs)*. Astana: "Foliant" Publ., 246—253 (in Russian).
- Smirnov, Ya.A. 1909. *Vostochnoe serebro. Atlas drevnei serebranoi i zolotoi posudy vostochnogo proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi imperii (Oriental Silver: Atlas of the Ancient Golden and Silver Tableware of Oriental Origin Found Mainly on the Territory of the Russian Empire)*. Saint Petersburg: Imperial Archaeological Commission (in Russian).
- Spitsyn, A.A. 1906. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* VIII (1). Saint Petersburg, 264—270 (in Russian).
- Sovremennnye landshafty Stavropol'skogo kraia (Present-Day Landscapes of the Stavropol Krai)*. 2002. Stavropol: Stavropol State University (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1884. *Sbornik materialov, otosiaschchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* I. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1941. *Sbornik materialov, otosiaschchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Izvlecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Institute for Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Ötemish Hajji. 1992. *Chingis-name (Tarikh-i Dost Sultan)*. Alma-Ata: "Gyl'm" Publ. (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social Order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Khanlarian, L.A. 1976. In Kirakos of Gandzak. *Istoriiia Armenii (History of Armenia)*. Moscow: "Nauka" Publ. ("Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ.) (in Russian).
- Khautala, R. 2016. In Khakimov, R.S. (sci. adviser). *Istoriiia tatar Zapadnogo Priural'ia (History of Tatars in Western Cis-Urals)* 1. *Kochevniki Velikoi Stepi i Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva (Nomads of the Greater Steppe and the Cis-Urals; Medieval Tatar States)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 330—340 (in Russian).
- Khizriev, Kh.A. 1977. In *Voprosy istorii Checheno-Ingushetii (Issues of the History of Chechenya-Ingushetia)* XI. Grozny, 142—157 (in Russian).
- Tsutsiev, A.A. 2006. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774—2004) (Atlas of Ethnic and Political History of the Caucasus in 1774—2004)*. Moscow: "Evropa" Publ. (in Russian).
- Dashkovskii, P.K. (ed.). 2015. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii (Elites in History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Ю. В. Зеленский

Yuriy Zelenskiy. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-reserve named after E.D. Felitsyn¹.

Зеленский Юрий Викторович. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына.

E-mail: yuriy_zelenskiy@mail.ru

Address: ¹ Gimnazicheskaya St., 67, Krasnodar, 350910, Russian Federation

Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья

Keywords: Kuban, Middle Ages, Kuman, sculptures, museum

Ключевые слова: Кубань, средние века, половцы, скульптура, музей

Yu. V. Zelenskiy

Finds of Polovtsian Stone Sculptures as a Source for the Study of Geography of Polovtsian Nomadic Camps in the Kuban Steppe

The author reviews places where Polovtsian stone sculptures were found on the territory of the Kuban steppe and Eastern Trans-Kuban. First statues were delivered to the Museum in the late nineteenth century, and are still delivered nowadays. Before the revolution, there was no regular reporting about original locations of such finds. In 1950s — early 21st century, statues were brought from villages located on the territory of the Central steppe area in the middle Kuban area and Eastern Trans-Kuban. Finds of the Polovtsian stone sculptures are a valuable source on the geography of the Polovtsian nomadic camps in the Kuban basin.

Ю. В. Зеленский

Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья

В статье рассматриваются места находок половецких каменных изваяний на территории степного Прикубанья и Восточного Закубанья. Изваяния стали доставляться в музей в конце XIX в. и продолжают поступать до настоящего времени. До революции не всегда сообщалось, из каких населённых пунктов доставлялись изваяния. В 50-е гг. XX в. — начале XXI в. изваяния доставлялись из станиц, расположенных на территории Центрального степного района, среднего Прикубанья, Восточного Закубанья. Находки половецких каменных изваяний являются ценным источником по географии половецких кочевий Прикубанья.

В XVIII — начале XX вв. историки изучали историю половцев и географию «Половецкой земли» исключительно по письменным источникам. Рассматривались маршруты походов русских князей против половцев и в меньшей степени половецкие набеги на русские земли. Данные археологии почти не использовались. Также не учитывались как источник сообщения о находках половецких каменных изваяний.

Следует отметить, что в 1882 г. секретарь Кубанского областного статистического комитета Е. Д. Фелицын составил

Археологическую карту Кубанской области. На эту карту, наряду с другими археологическими памятниками (курганами, дольменами и так далее), были нанесены и «каменные бабы» (Фелицын 1882).

Однако следует отметить следующие соображения:

1) Не все каменные изваяния, нанесённые на карту Е. Д. Фелицына, являются половецкими. Они могли быть скифскими, древнетюркскими.

2) Необходимо также учитывать и тот факт, что не всегда было известно точное

местонахождение того или иного каменного изваяния. Очень часто, особенно в газетных статьях, в сообщении о находке «каменной бабы» употреблялся такой термин, как «юрт станицы», и дальше шло наименование станицы. В настоящий момент практически невозможно по такому неопределённому ориентиру определить точное место находки того или иного изваяния. Тем более, что очень многие станицы сменили своё название. Большинство изваяний было нанесено Е. Д. Фелицыным на карту и привезено в музей при областном статистическом комитете в Екатеринодаре (в дальнейшем Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей) из тех станиц Кубанской области, которые в настоящее время входят в состав Ставропольского края. Находки этих статуй подтверждают факт постоянного кочевания половцев в верховьях Кубани.

В начале XX в. директора Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея К. Т. Живило и И. Е. Гладкий неоднократно привозили в Екатеринодар половецкие каменные изваяния. В 1909 г. в каталог музея были включены 34 целых и фрагментированных статуи. Они были привезены из станиц Ахтырской, Новотроицкой, Григориполисской, Прочно-окопской, Николаевской, Новоалександровской, Калниболотской, с курганов восточной части Кубанской области (Каталог 1909). Однако не все изваяния из этого списка являлись половецкими. Так, из станицы Ахтырской в музей ни до этого, ни после этого не поступали половецкие изваяния. Позже «каменные бабы» были найдены в окрестностях станиц Калниболотская, Шкуринская, Успенская, Григориполисская, Новоджерелиевская, Дядьковская, Новоплатнировская. Все эти станицы находятся либо в так называемом Центральном степном районе на правом берегу и левобережье рек Бейсуг, Челбас, Ея, Кирпили, либо в верховьях Кубани, либо в Среднем Прикубанье. В целом, в дореволюционные годы половецкие изваяния достаточно часто находили на территории Кубанской области. Однако не всегда было известно их точное местонахождение и не всегда ясно, были ли они доставлены в Кубанский войсковой музей.

В 20—40-е гг. XX в. не зафиксировано находок половецких каменных изваяний. Несколько статуй было найдено в 50—80-е гг.

Два изваяния были найдены около станиц Старо-Леушковская и Ново-Леушковская (Белоруцкий 1956: 257). Эти станицы на-

ходятся на территории Центрального степного района. Статуя, найденная у станицы Ново-Леушковская, была доставлена в Краснодарский краеведческий музей (в настоящее время Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник) и хранится в этом музее. В эти же годы половецкие изваяния были обнаружены у ст. Березанская в центральном степном районе и у ст. Ловлинская и Ново-Владимировская в Среднем Прикубанье. Они также были доставлены в Краснодарский музей. Было также найдено женское половецкое изваяние у ст. Павловской в Центральном степном районе, ещё одно изваяние было найдено в Кореновском районе (Плетнёва 1974: 102).

В 1974 г. у ст. Новомалороссийская в Центральном степном районе было обнаружено половецкое изваяние (Ждановский 1977: 289—292). Оно было также привезено в Краснодарский музей.

В 1970-х — начале 1990-х гг. производились массовые раскопки в разных районах Краснодарского края. Следует отметить, что не все районы края исследовались равномерно. Если территория Нижнего Прикубанья и Восточного Приазовья была обследована очень хорошо, то территория Среднего Прикубанья, Восточного Закубанья, Центрального степного района и северные районы Краснодарского края практически не подвергались раскопкам.

В 1977—1979 гг. экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника под руководством А. А. Нехаева проводила раскопки в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края. Во время раскопок курганных групп у хут. Верхний и ст. Раздольной Кореновского района в насыпи курганов были обнаружены два половецких изваяния (Нехаев, Голубев, Чхаидзе 2009: 145—156). Данные населённые пункты расположены в Среднем Прикубанье. Эти изваяния были доставлены в Краснодарский музей. В 1982 г. во время раскопок у ст. Дмитриевская в Восточном Закубанье в насыпи кургана было обнаружено каменное изваяние, но А. В. Евглевский, С. В. Гуркин и Е. И. Нарожный в беседах со мной высказали сомнения в его половецкой принадлежности.

В 1950—1980-х гг. находки половецких каменных изваяний были достаточно редки. Однако всегда были известны точные места находок. Изваяния почти всегда поступали в Краснодарский музей или другие музеи Краснодарского края.

Рис. 1. Места находок каменных изваяний в Прикубанье: 1 — Ейский район; 2 — Приморско-Ахтарский район; 3 — Шкуринская; 4 — Ленинградская; 5 — Большие Челбасы; 6 — Новоплатнировская; 7 — Павловская; 8 — Старолеушковская; 9 — Новолеушковская; 10 — Тихорецкий район; 11 — Новоджерелиевская; 12 — Березанская; 13 — Новомалороссийская; 14 — Нововладимировская; 15 — Ловлинская; 16 — Дядьковская; 17 — Кореновский район; 18 — Раздольная; 19 — Ахтырская; 20 — Белоглинский район; 21 — Ильинская; 22 — Дмитриевская; 23 — Успенская; 24 — Горькая Балка; 25 — Калниболотская; 26 — Новоалександровская; 27 — Новотроицкая; 28 — Григориполисская (Григорополисская); 29 — Камышеваха; 30 — Прочноокопская; 31 — Николаевская. Условные обозначения: а — половецкие изваяния; б — изваяния сомнительной культурной принадлежности.

Fig. 1. Finds of stone figurines in the Kuban region: 1 — Yeysk district; 2 — Primorsko-Akhtarsk district; 3 — Shkurinskaya; 4 — Leningradskaya; 5 — Bolshie Chelbasy; 6 — Novoplatnirovskaya; 7 — Pavlovskaya; 8 — Staroleushkovskaya; 9 — Novoleushkovskaya; 10 — Tikhoretsk district; 11 — Novodzherelievskaya; 12 — Berezanskaya; 13 — Novomalorossiyskaya; 14 — Novovladimirovskaya; 15 — Lovlinskaya; 16 — Dyadkovskaya; 17 — Korenovsk district; 18 — Razdolnaya; 19 — Akhtyrskaya; 20 — Belaya Glina district; 21 — Ilyinskaya; 22 — Dmitrievskaya; 23 — Uspenskaya; 24 — Gorkaya Balka; 25 — Kalnibolotskaya; 26 — Novoaleksandrovskaya; 27 — Novotroitskaya; 28 — Grigoripolisskaya (Grigoropolisskaya); 29 — Kamyshevakh; 30 — Prochnookopskaya; 31 — Nikolaevskaya. Legend: a — Cumanic figurines; b — cultural attribution is dubitable.

Половецкие каменные изваяния были найдены на территории Восточного Закубанья в окрестностях хут. Горькая Балка и хут. Камышеваха, а также у ст. Прочноокопская. Эти статуи были привезены в Армавирский краеведческий музей (Навротский 1995: 157—164). Были также найдены половецкие изваяния в северных районах края — Тихорецком, Ленинградском и Белоглинском. Данные статуи поступили в Тихорецкий,

Ейский и Белоглинский краеведческие музеи.

В 2011—2016 гг. в разных станицах Краснодарского края были найдены половецкие каменные изваяния, которые были доставлены в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник.

Половецкое изваяние было найдено у с. Новодонецкое Выселковского райо-

на. Это территория Центрального степного района. Ещё одно изваяние было обнаружено у ст. Ильинской Новопокровского района на территории Восточного Закубанья. Статуя была также найдена у хут. Мирный Усть-Лабинского района в Среднем Прикубанье (Схатум, Зеленский 2014: 383—386). У хут. Большие Челбасы в Каневском районе в Центральном степном районе была обнаружена голова половецкого каменного изваяния. В окрестностях станции Ленинградской было обнаружено каменное изваяние, которое было доставлено в музей станции Ленинградской. Статуи были найдены также в Приморско-Ахтарском и Ейском районах и доставлены в местные музеи.

В 2016 г. в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник были привезены три половецких каменных изваяния. Они были найдены на тер-

ритории Центрального степного района: в ст. Березанской, ст. Бузиновской и у с. Заря Выселковского района (Зеленский, Схатум 2018).

Мы видим, что половецкие каменные изваяния являются ценным археологическим источником по географии половецких кочевий степного Прикубанья и Восточного Закубанья. Судя по их находкам, половцы кочевали в верховьях Кубани (в настоящее время это территория Ставропольского края и примыкающие к нему районы Краснодарского края), в Центральном степном районе (правобережье и левобережье рек Бейсуг, Челбас, Ея, Кирпили), в северных районах современного Краснодарского края, в Среднем Прикубанье и в Восточном Закубанье. Территория Нижнего Прикубанья и Восточного Приазовья не являлась постоянным местом кочевания половцев.

Литература

- Белоруцкий Н.Л. 1956. Находка каменного изваяния в Краснодарском крае. *СА* (3), 257.
- Ждановский А.М. 1977. Статуя половецкого воина из станции Новомалороссийской. *СА* (1), 289—292.
- Зеленский Ю.В., Схатум Р.Б. 2018. Новые поступления половецких каменных изваяний в Краснодарский музей-заповедник из степной части Прикубанья в 2016 году (предварительное сообщение). В: *Материалы международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения учёного-кавказоведа Ю.Н. Воронова*. Сухум: Дом печати, 269—274.
- Каталог 1909: *Каталог Войскового этнографического и естественноисторического музея*. 1909. Екатеринбург.
- Навротский Н.И. 1995. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея. *Историко-археологический альманах* 1. Армавир: Армавирский краеведческий музей; Москва: ИА РАН, 157—164.
- Нехаев А.А., Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н. 2009. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из хут. Верхний и ст. Раздольная Краснодарского края. *МИАСК* 10. Армавир, 145—156.
- Плетнёва С.А. 1974. *Половецкие каменные изваяния*. САИ Е4—2. Москва: Наука.
- Схатум Р.Б., Зеленский Ю.В. 2014. Новые поступления половецких изваяний в Краснодарский музей-заповедник. В: Коробов Д.С. (ред.). *Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения»*. Материалы Международной научной конференции. Москва: ИА РАН, 383—386.
- Фелицын Е.Д. 1882. *Археологическая карта Кубанской области*. Москва: Московское археологическое общество.

References

- Belorutskii, N.L. 1956. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 257 (in Russian).
- Zhdanovskii, A.M. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 289—292 (in Russian).
- Zelenskii, Yu. V., Skhatum, R.B. 2018. In *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo-kavkazoveda, Yu. N. Voronova (Proceedings of the International Scientific Conference in Honor of the 75th Anniversary of Yu. N. Voronov)*. Sukhum: "Dom pečhati" Publ., 269—274 (in Russian).
- Katalog Voiskovogo etnograficheskogo i estestvennoistoricheskogo muzeia (Catalogue of the Kuban Cossacks Host Museum for Ethnography and Natural History)*. 1909. Yekaterinodar (in Russian).
- Navrotskii, N.I. 1995. In *Istoriko-arheologicheskii almanakh (Historical-Archaeological Almanac)* 1. Armavir: Armavir Regional Museum; Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 157—164 (in Russian).
- Nekhaev, A.A., Golubev, L.E., Chkhaidze, V.N. 2009. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus)* 10. Armavir, 145—156 (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1974. *Polovetskie kamennye izvaiiia (Cuman Stone Sculptures)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4—2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Skhatum, R. B., Zelenskiy, Yu. V. 2014. In Korobov, D. S. (ed.). *E. I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII «Krupnovskie chteniia» (E. I. Krupnov and the Development of the Northern Caucasus Archaeology: 28th Krupnov Readings)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 383—386 (in Russian).
- Felitsyn, E.D. 1882. *Arkheologicheskaiia karta Kubanskoi oblasti (Archaeological Map of the Kuban Oblast)*. Moscow: Imperial Moscow Archaeological Society (in Russian).

Л. М. Носкова

Ludmila Noskova. Candidate of Historical Sciences. State Museum of Oriental Art¹.

Носкова Людмила Михайловна. Кандидат исторических наук. Государственный музей Востока.

E-mail: lmnoskova@rambler.ru

Address:¹ Nikitsky Bd., 12a, Moscow, 119019, Russian Federation

Адыгская керамика из археологических памятников XIII—XV веков в фондах Государственного музея Востока

Keywords: North-Eastern Black Sea region, Adygea, Golden Horde period, 13th—15th centuries, cemetery, kurgan, ceramics, pottery

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, Адыгея, золотоордынское время, XIII—XV века, могильник, курган, керамика, гончарство

L. M. Noskova

Adygean Pottery from the Archaeological Sites of the 13th—15th Centuries AD from the Collections of the State Museum of Oriental Art

The article discusses a small collection of ceramics of 13th—15th centuries from the excavations of the Caucasian archaeological expedition of the State Museum of Oriental Art in Adygea and on the Eastern Black sea coast of the Caucasus. Most of the pottery comes from the Shendjiy kurgan cemetery (Adygea) and Kabardinka kurgan cemetery (near Gelendzhik). Several vessels were found on the banks of the Krasnodar water reservoir, where late medieval funerary sites are situated. The material divides into two groups: one originates from the left bank of the Kuban river, and the other one from the Black Sea region. Vessels come in different forms, mostly jugs and mugs. All the vessels are made of red clay, which is typical for Adygea ceramics of the Golden Horde time made with the help of potter's wheel of slow rotation. Most of the jars in the second group have a rim in the shape of oenochoe, with spout on the side or opposite the handle, which is a feature of vessels from the Black Sea region, never found on the left bank of the Kuban River. At the same time, jugs with tubular spout — an imitation of metal jugs — appear among the ceramic finds. In general, ceramic forms represented in the collections of the Museum of the Oriental Art complement the main types of vessels, common in the North-Western Caucasus in the 14th—15th centuries.

Л. М. Носкова

Адыгская керамика из археологических памятников XIII—XV веков в фондах Государственного музея Востока

В статье рассматривается небольшая коллекция керамики XIII—XV вв. из раскопок Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока в Адыгее и на черноморском побережье Кавказа. Большая часть керамики происходит из Шенджийского курганного могильника (Адыгея) и курганного могильника в поселке Кабардинка (близ Геленджика). Несколько сосудов было найдено на берегах Краснодарского водохранилища, недалеко от мест расположения позднесредневековых захоронений. Материал делится на две группы: первая происходит с левобережья Кубани, вторая — из причерноморского региона. Сосуды представлены разными формами. Чаще всего встречаются кувшины и кружки. Все сосуды — красноглиняные, что характерно для адыгейской керамики золотоордынского времени, сделаны на медленном гончарном круге. Большинство кувшинов второй группы имеют ойнохоевидный венчик со сливом, боковым или расположенным напротив ручки — это особенность сосудов из причерноморского региона, не представленная на левом берегу Кубани. В керамических комплексах появляются кувшины с трубчатым сливом, имитирующие металлические кувшины. В целом, керамические формы, представленные в коллекции Государственного музея Востока, дополняют основные типы сосудов, распространенных на Северо-Западном Кавказе в XIV—XV вв.

Коллекция позднесредневековой адыгской керамики сформировалась в ГМВ в результате раскопок, проводившихся Кавказской археологической экспедицией ГМВ в Адыгее и Краснодарском крае. Коллекция небольшая, включает целых 30 сосудов и 7 во фрагментах. Весь керамический комплекс можно разделить на две группы — закубанскую и причерноморскую.

Закубанская керамика происходит из Шенджийского курганного могильника и с южного берега Краснодарского водохранилища (рис. 1: 1—4).

Шенджийский могильник, исследованный в 1981 году, находился недалеко от г. Теучежска (ныне Адыгейск), в 1 км к югу от дороги, ведущей из города в аул Октябрьский (ныне Тахтамукай), и в 3 км к востоку от аула Шенджий. Курганная группа состояла из 10 курганов, 9 из них были раскопаны, на 10-м находился триангуляционный знак. По погребальному обряду и инвентарю могильник относится к кругу памятников белореченского типа и датируется золотоордынским временем (Носкова 1991: 156—173). Керамика была найдена в шести захоронениях. Обычно сосуд ставился в ногах погребенного, только в двух случаях в разрушенных курганах они находились в переотложенном слое. Керамический комплекс представлен красноглиняными кувшинами, кружками и фрагментами горшка.

Кувшины происходят из четырех курганов и по форме относятся к разным типам.

1) Кувшин из кургана 3 (рис. 2: 4) небольших размеров (выс. 16,5 см, диаметр тулова 14 см), имеет равномерно вытянутое тулово с наибольшим расширением в средней части. Короткий венчик со сливом с внешней стороны оформлен тройным невысоким валиком. Поверхность сосуда покрыта сплошным лощением с неровным горизонтальным рифлением в средней части. — кувшин из кургана 7 (рис. 2: 3) таких же размеров (выс. 16 см, диаметр тулова 14 см) с приземистым туловом и четко выраженным ребром перегиба. Высокое горло заканчивается отогнутым венчиком с небольшим коротким сливом. Поверхность покрыта сплошным лощением.

2) Кувшин из кургана 6 (рис. 2: 1) более крупных размеров (выс. 21,5 см, диаметр тулова 14,2 см). Округлое тулово украшено двенадцатью широкими вертикальными каннелюрами. Узкое горло заканчивается широким воронкообразным венчиком. Сосуд имеет высокий трубчатый слив. Поверхность покрыта сплошным лощением.

3) Кувшин из кургана 8 (рис. 2: 2) значительно отличается от остальных и формой, и размерами (выс. 24 см, диаметр тулова 16,5 см). Тулово округлое, почти шаровидное; высокое широкое горло имеет прямой венчик с валикообразным утолщением с внешней стороны.

Кружки найдены в курганах 1 и 5. Полностью сохранилась кружка из кургана 5 (рис. 2: 5), вторая сильно фрагментирована, но по форме идентична первой. Тулово сосуда с наибольшим расширением в нижней трети, равномерно сужаясь кверху, имеет прямой край (выс. 13 см, диаметр тулова 12,5 см). Тулово украшено двумя поясками из тройных волнистых линий.

К закубанской группе относятся также несколько сосудов с южного берега Краснодарского водохранилища, где в 1980-е годы экспедицией музея проводились разведки и было доисследовано несколько могильников. Сосуды с водохранилища — это случайные находки из размытого берегового слоя, но они имеют довольно четкие привязки и, скорее всего, связаны с раскопанными средневековыми памятниками.

Двуручный красноглиняный сосуд (рис. 2: 10) обнаружен в устье р. Псекупс и, вероятно, имеет отношение к Псекупскому могильнику №5, который был частично исследован Н.Г. Ловпаче и датирован поздним средневековьем (Ловпаче 1985: 27—28). Сосуд имеет округлое тулово, невысокое раструбообразное горло с широким четырехлепестковым венчиком, украшен двумя горизонтальными поясками из неглубоких треугольных вдавлений. Размеры: выс. 20 см, диаметр тулова 15 см.

Два кувшина и корчага происходят с территории грунтового могильника, расположенного на левом берегу р. Пшиш, в 2,5 км к северо-западу от хут. Городской. Ранние погребения датированы ранним железным веком, относятся к протомеотской и более поздней меотской культуре, основная же часть захоронений — некрополь конца XIV — XV вв., оставленный адыгским населением, заселявшим эту местность в то время (Носкова 2005: 186—200). Могильник был обнаружен, когда при спуске воды в водохранилище обнажилась прибрежная зона. Памятник сильно размыт, многие комплексы были разрушены, в том числе и посуда. В погребениях найдены лишь единичные фрагменты керамики. Вполне возможно, что найденные кувшины происходят из разрушенных могил. Кувшины близки по форме, оба имеют округлое тулово, широкое горло, заканчи-

Рис. 1. Карта археологических памятников XIII—XV вв. (раскопки Кавказской археологической экспедиции ГМВ): 1 — Шенджийский курганный могильник; 2 — Псекупский могильник; 3 — Ленинохабльский могильник; 4 — могильник на р. Пшиш; 5 — курганный могильник у пос. Кабардинка.

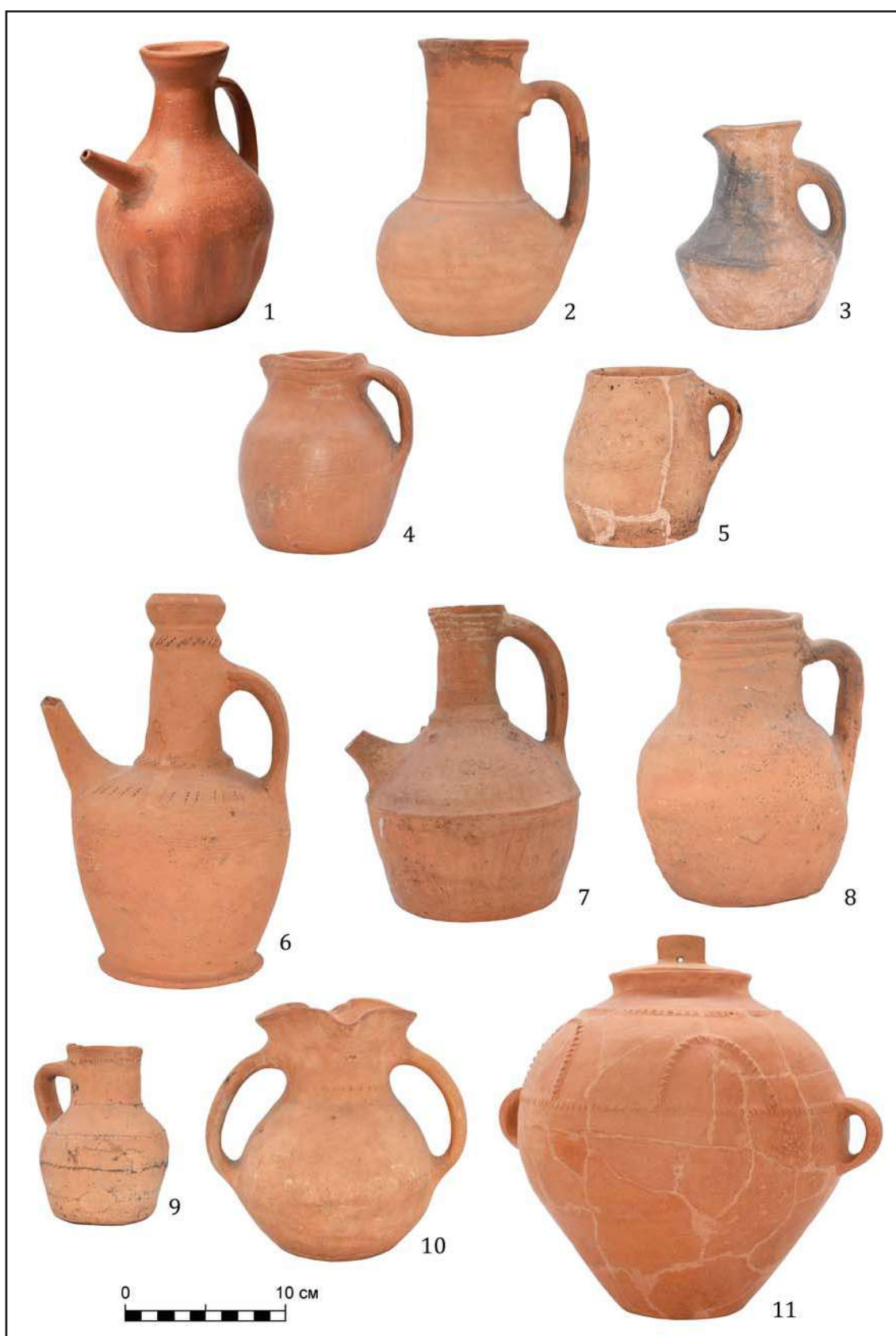
Fig. 1. Map of archaeological sites, 13th—15th centuries AD (excavations of the Caucasian Archaeological Expedition of the SMOA). 1 — Shendzhiy barrow cemetery; 2 — Psekups burial ground; 3 — Leninkhabl burial ground; 4 — River Pshish burial ground; 5 — barrows near the Kabardinka village.

вающееся слегка отогнутым венчиком с коротким заостренным сливом (рис. 2: 8, 9). Различаются сосуды размерами: у одного — выс. 21,5 см, диаметр тулова 16 см; у другого — выс. 12,5 см, диаметр тулова 10 см. Венчик более крупного кувшина оформлен с наружной стороны тремя валиками; на тулове, горле и ручке небрежно по сырой глине прочерчены кресты, создающие как бы три орнаментальных пояса. Второй кувшин декорирован четырьмя горизонтальными врезными линиями мелкого волнистого орнамента. Красноглиняная корчага с широким, почти шаровидным в верхней части туловом имеет короткий, слегка отогнутый венчик с горизонтальным уступом для крышки с внутренней стороны. Две петлевидные ручки расположены по бокам тулова, которое украшено налетными валиками с равномерной глубиной насечкой — горизонтальными и дуговыми, оформляющими верхнюю половину сосуда. Размеры: выс. 25,5 см, диаметр тулова 24,5 см (рис. 2: 11).

Еще два кувшина были найдены на территории средневекового Ленинохабльского могильника, раскопанного в середине 1970-х годов. В. А. Тарабанов, опубликовавший ма-

териалы этого памятника, отмечал, что в погребениях керамика отсутствовала (Тарабанов 1984: 169). Вполне возможно, что эти сосуды случайно оказались в районе некрополя и связаны с поселенческим слоем. Оба изделия имеют трубчатые сливы, но различаются формой тулова и декором. Один кувшин (рис. 2: 6) имеет округлое тулово с наибольшим расширением в верхней части, высокое узкое горло заканчивается высоким чашевидным венчиком. Необычно оформлено дно сосуда в виде выступающего дисковидного плитчатого поддона. Горло украшено двумя валиками с частыми косыми насечками, нанесенными зубчатым штампом. Пояс из таких же насечек расположен горизонтальной полосой в верхней части тулова. Размеры: выс. 27,5 см, диаметр тулова 17 см. Другой кувшин (рис. 2: 7) имеет биконическую форму тулова с выступающим валиком по середине в месте перегиба. Горло высокое узкое, венчик воронкообразный, с внешней стороны оформлен тремя валиками. Поверхность сосуда покрыта узкими пролощенными вертикальными полосами, на плечиках тулова — четыре небольших конических налета. Размеры: выс. 22,5 см, диаметр тулова 16 см.

Рис. 2. Керамика XIII—XV вв., закубанская группа. 1—5 — сосуды из Шенджийского могильника; 6—11 — сосуды с южного берега Краснодарского водохранилища.

Fig. 2. Pottery of the 13th—15th centuries, typological group of the left bank of the Kuban River. 1—5 — pottery vessels from the Shendzhiy burial ground; 6—11 — pottery vessels from sites on the southern bank of Krasnodar water reservoir.

Вся керамика закубанской группы краснотерракотовая. Почти все сосуды хорошего ровного обжига с небольшим количеством минеральных примесей в тесте. Исключение составляют кружки из Шенджия, тесто которых содержит органические включения, а черепки внутри серого цвета. Большая часть сосудов изготовлена на однодисковом круге медленного вращения. Кувшины с трубчатыми сливами и шенджийский сосуд из кургана 8 — на двухдисковом гончарном круге. Единственный горшок, сохранившийся во фрагментах, найден в насыпи кургана 6. Сосуд баночной формы с частым вертикальным рифлением всей поверхности вылеплен обычным ручным способом и имеет рыхлый плохо пропеченный черепок с большим количеством минеральных и органических примесей.

Вторая группа керамики происходит из курганного могильника, расположенного на юго-западной окраине пос. Кабардинка (Геленджикский район Краснодарского края). Раскопки проводились в 1990 году, было исследовано более 50 курганных насыпей с двумя видами погребального обряда: кремации и ингумации в каменных ящиках. Курганы с кремациями практически все были разрушены. Из керамического материала остались лишь фрагменты больших сосудов типа корчаг, использовавшихся для захоронения праха. В целом виде погребальная урна сохранилась в кургане 8. Это небольшой сосуд (рис. 4: 8) с двумя небольшими петлевыми ручками на месте наибольшего расширения яйцеобразного тулова, которое украшено лощеным орнаментом в виде косой сетки, налипным валиком и слабо заметным пролощенным зигзагообразным орнаментальным пояском под ним (выс. 25,2 см, диаметр тулова 22 см). В нескольких захоронениях найдены обломки краснотерракотовой керамики, по всей видимости, это были небольшие кувшины со сливом. В целом эта часть могильника датируется XII—XIII вв. Курганы с каменными гробницами относятся к XIV, а поздние — возможно, к XV в. (Носкова 2010: 181).

Весь керамический комплекс из Кабардинки, представленный в коллекции, происходит из захоронений в каменных ящиках. В 26 гробницах (19 насыпей) было найдено 39 сосудов, 19 из них хранятся в фондах ГМВ, остальные переданы в Геленджикский краеведческий музей. Основной категорией являются краснотерракотовые кувшины. Судя по их количеству в могильнике, в погребальной практике они занимали основное место, другие керамические формы встречаются в еди-

ничных экземплярах. Характерным признаком большинства сосудов является наличие слива или ойнохоевидного венчика. По размерам можно выделить несколько групп:

1) Кувшины высотой 24—25 см, диаметром тулова 16—18 см (к. 20, к. 22 п. 3, к. 24 п. 2, к. 15.). Часть сосудов имеет четко выраженное горло. Сливы либо боковые, либо расположены напротив ручки (рис. 3: 1—4).

2) Кувшины высотой 18,5—20 см, диаметром тулова 11—13 см (к. 16, к. 22 п. 1). У одного сосуда слив напротив ручки, у другого — боковой (рис. 3: 5—6).

3) Кувшинчики высотой 14—15 см, диаметром тулова 11,5—13 см (к. 7 п. 1, 3 и 4), все сосуды с боковыми сливами (рис. 3: 7—9).

Особо выделяется керамический комплекс из шести предметов, найденный в кургане 37. В каменном ящике было несколько костяков, видимо, при каждом новом подзахоронении в могилу ставили новый сосуд, но уже иной формы:

1) Кувшин с округлым туловом, плавно переходящим в высокий венчик со сливом (выс. 25,5 см, диаметр тулова 18 см). Поверхность покрыта частым сплошным рифлением и вертикальными расчесами под венчиком и в придонной части (рис. 4: 1);

2) Кувшин с выделенным горлом и ойнохоевидным венчиком (выс. 21 см, диаметр тулова 13,3 см) (рис. 4: 3);

3) Двуручная кружка с массивным венчиком в виде воротничка (выс. 10 см, диаметр тулова 8 см) (рис. 4: 5);

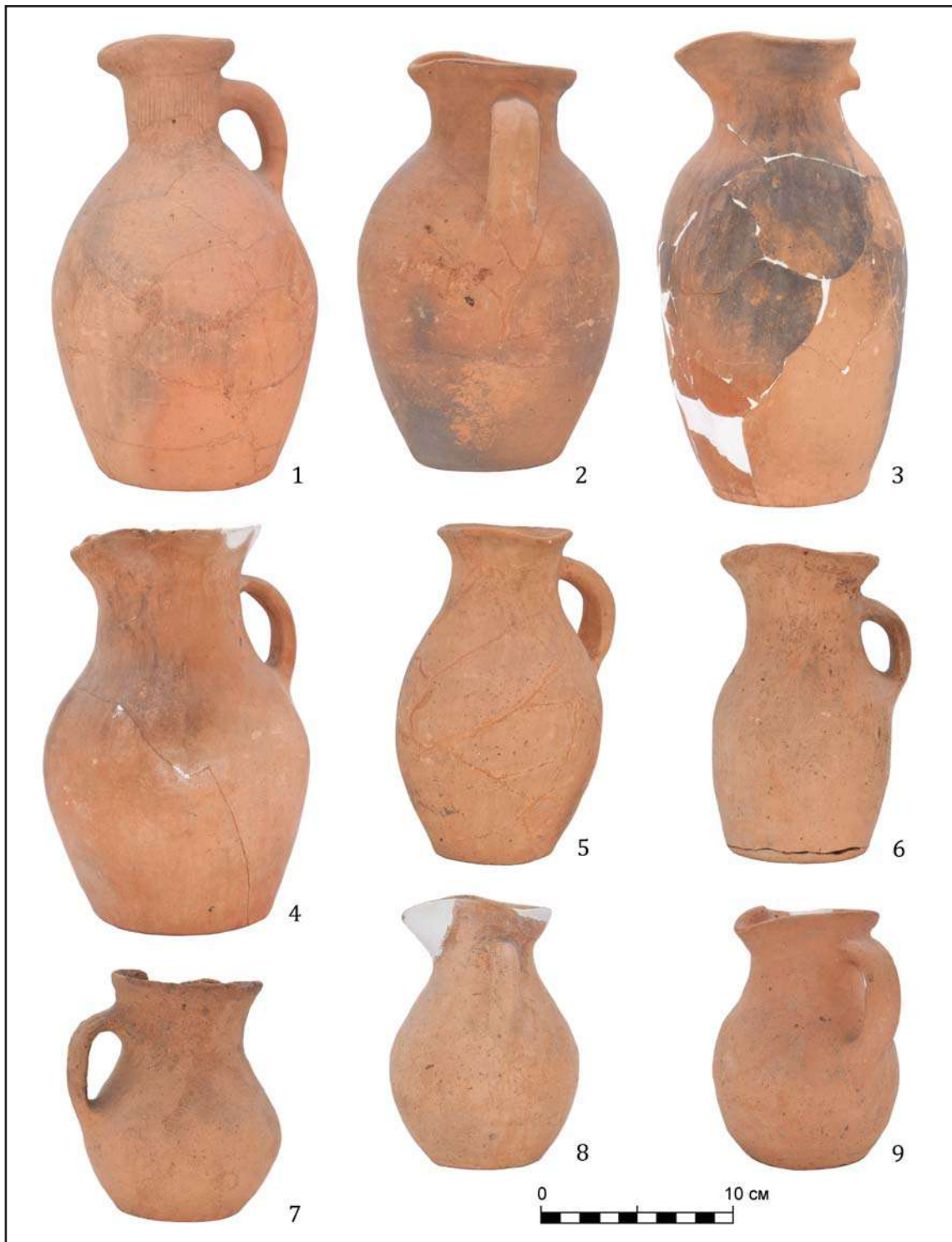
4) Двуручный сосуд с четырехлепестковым сливом (выс. 18,5 см, диаметр тулова 16 см) (рис. 4: 4);

5) Миниатюрный кувшинчик с выделенным горлом и боковым сливом (выс. 10 см, диаметр тулова 8 см) (рис. 4: 6);

6) Кувшин с округлым туловом и высоким горлом, сохранился не полностью (выс. 24,5 см, диаметр тулова 16 см) (рис. 4: 2).

К единичным экземплярам можно отнести кувшин с узким высоким горлом, заканчивающимся широким венчиком с боковым сливом (выс. 25 см, диаметр тулова 18,3 см) из погребения 1 кургана 23 (рис. 4: 10), а также кувшин с трубчатым сливом из погребения 1 кургана 24 (выс. 19,5 см, диаметр тулова 15,5 см) (рис. 4: 9).

Технология производства мало чем отличается от керамики закубанской группы. Сосуды все краснотерракотовые, хорошего качества, изготовлены на однодисковом круге медленного вращения. Исключение составляет лишь небольшой кувшин-

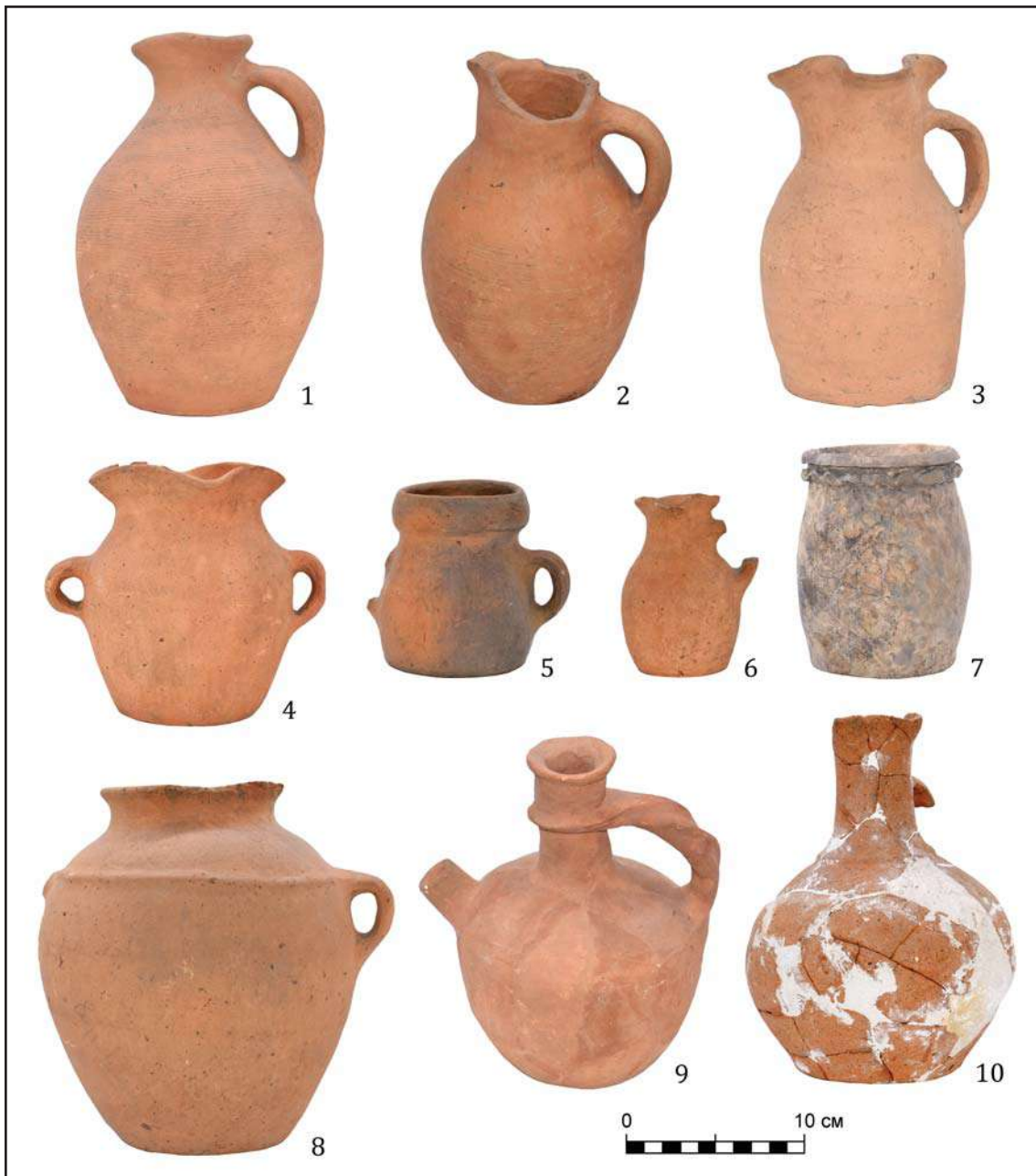

Рис. 3. Керамика XIV—XV вв., причерноморская группа. 1—9 — кувшины из могильника у посёлка Кабардинка.

Fig. 3. Pottery of the 13th—15th centuries, the Black Sea Regional Group. 1—9 — jugs from the burial ground near the Kabardinka village.

чик из погребения 1 кургана 23 (выс. 14 см, диаметр тулова 10 см), небрежно сформованный и обожженный. Поверхность практически всех сосудов покрыта сплошным лощением, без какого-либо дополнительного декора. Из общей массы выделяют-

ся два кувшина с рифленой поверхностью и вертикальными расчесами, проведенными гребенчатым штампом, а также узкогорлый кувшин со штампованным арочным орнаментом. В некоторых гробницах вместе с красноглиняными кувшинами были най-

Рис. 4. Керамика причерноморской группы из могильника у пос. Кабардинка: 1—6 — сосуды из кургана 37; 7—10 — редкие формы.

Fig. 4. Pottery of the Black Sea Regional Group from the burial ground near Kabardinka village. 1—6 — vessels from the kurgan 37; 7—10 — uncommon pottery forms.

дены фрагментированные лепные горшки. Все сосуды баночной формы, сделаны ручным способом из плохо обожженной глины с большим количеством минеральных и органических примесей. Музейный экземпляр, собранный из фрагментов, украшен под венчиком налепным гофрированным валиком (выс. 15 см, диаметр тулова 12,5 см) (рис. 4: 7).

Несмотря на достаточно большое количество исследованных в степном Закубанье

и на черноморском побережье Кавказа памятников золотоордынского времени, керамический материал из них практически не опубликован. Изучением адыгской керамики занимался Н.Г. Ловпаче. В его монографии «Художественная керамика средневековой Адыгеи» (Ловпаче 1995) дана довольно представительная выборка керамических форм и типов из Убинского могильника (хранятся в фондах КИАМЗ), отдельные находки с берега Краснодарского водохранилища

и из других разрушенных археологических объектов из разных районов Адыгеи и Краснодарского края. Большой массив составляет керамика из причерноморской зоны (западный вариант по Н.Г. Ловпаче). Кроме того, некоторое количество керамических сосудов из могильников и поселений Северо-Восточного Причерноморья дано в сводной таблице академического издания (Крым... 2003). Музейная коллекция может служить дополнением к уже собранному и представленному в этих работах материалу.

Вся посуда музейной коллекции красноглиняная, это относится и к керамическим комплексам золотоордынского времени в целом. В домонгольское время в могильниках степного Закубанья: Псекупском, Чернокленовском, Циплиевском и других — еще встречаются сероглиняные сосуды, хотя процент их невелик (Ловпаче 1985; Пьянков 1986; 1988). К середине XIII века из погребального инвентаря исчезают крупные формы — двуручные и трехручные кувшины-водоносы, часто использовавшиеся в качестве погребальных урн (Ловпаче 1985: табл. XXXa: 1—3; XXXb: 1).

Основной категорией посуды, представленной в коллекции, являются красноглиняные кувшины. Закубанская группа значительно отличается от причерноморской. Форма отдельных сосудов находит аналогии в более ранних памятниках. Так, небольшой кувшин из кургана 3 Шенджийского могильника вполне сравним с сероглиняными сосудами, встречающимися в керамических комплексах салтово-маяцкой культуры, в том числе и в Прикубанье (Савченко 1986: рис. 5: 6; Тарабанов 1983: рис. 2: 16). У кувшинов закубанской группы, хотя они отличаются формой и найдены на разных памятниках, можно выделить один общий признак — оформление венчика тремя валиками в процессе формовки сосуда (рис. 2: 4, 7, 8). Вполне вероятно, что эти изделия могли быть изготовлены в близлежащих гончарных мастерских. Остатки гончарных печей были обнаружены у аулов Тауыхабль и Нечерзий. По мнению Н.Г. Ловпаче, эти центры снабжали своей продукцией весь центральный район адыгского этнического массива (Ловпаче 1995: 107). Трудно сказать, поступали ли изделия из этих мастерских в отдаленные западные районы Закубанья, но, безусловно, население ближайших населенных пунктов пользовалось услугами местных гончаров. На кувшине с Пшиша интересен орнамент из прочерченных крестов. Возможно, ритуальное назначение сосуда определило особый спо-

соб орнаментации, весьма необычный для применявшейся в позднем средневековье системы украшения керамических изделий. Скорее всего, такой мотив связан с древними языческими культами, где крест являлся символом очищающего огня. К другому типу относится шенджийский кувшин из кургана 8 с высоким цилиндрическим горлом. Изготовленный на круге быстрого вращения, он отличается формой, пропорциями и высоким качеством обработки. В сводке Н.Г. Ловпаче такая форма отсутствует, возможно, этот сосуд был привезен в Закубанье из других гончарных центров.

Кувшины из пос. Кабардинка опубликованы в статье, посвященной раскопкам могильника (Носкова 2010: 174—175). Кувшины разных типов, но все имеют сливы или ойнохоевидный венчик. Сливы двух видов: боковые или расположенные напротив ручки. Близкие по форме сосуды довольно часто находят в керамических комплексах Восточного Причерноморья (Ловпаче 1995: табл. 14 (приложение): №246, 257, 258, 268—270, 278, 280—282; Онайко 1962: рис. 1: 3, 4; Крым... 2003: табл. 101: 5), в закубанских памятниках кувшины и кружки с боковым сливом встречаются повсеместно только в домонгольское время и не выходят за пределы XIII века (Монгайт 1955: рис. 4: 1, 2; Ловпаче 1985: табл. XXXa: 1; Носкова 1999: рис. 14: 1—3; Пьянков 1986: рис. 324; 1988: рис. 498; 500). Из общей массы выделяется кувшин из погребения 1 кургана 23 с высоким узким горлом. Похожие по форме сосуды известны и в Северо-Восточном Причерноморье (район Геленджика), и в Закубанье — на Убинском и Казазовском (поздняя группа) могильниках (Ловпаче 1995: табл. 14 (приложение): 86, 100, 119, 132, 246).

К особой категории, может быть, следует отнести кувшины с трубчатым сливом (т.н. кумганы). Сосуды такой формы известны только в поздних керамических комплексах. Н.Г. Ловпаче в сводной таблице отмечает 9 находок подобных кувшинов на территории Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья (Ловпаче 1995: табл. XXXII; табл. 14 (приложение): 94). Некоторые детали оформления дают основание видеть в них подражание декору металлической посуды. Это — широкие каннелюры на кувшине из шенджийского кургана 6, валик на тулове кумгана из Ленинохабля, имитирующий высокое ребро на месте соединения двух частей металлического изделия, витая ручка с широким перехватом на горле у кабардинского варианта. Другие элементы де-

кора вполне соответствуют принятым и использовавшимся в адыгском керамическом искусстве способам оформления и украшения поверхности — конические налепы, пояски с косыми насечками, опоясывающие тулово (Ловпаче 1995: табл. XXVII: 5, 10).

Двуручные сосуды из коллекции резко отличаются по форме друг от друга. Псекупский экземпляр — это устоявшийся тип с выдержанными пропорциями; аналогичный, но без орнамента найден в погребении 1 Псекупского могильника №2 (Ловпаче 1985: табл. XXXa: 4). Сосуд из Кабардинки представляет собой некое эклектическое изделие, в котором соединены разные керамические формы.

Кружки довольно часто встречаются в погребальных комплексах. Музейные экземпляры дополняют уже известные типы. Две кружки из Шенджийского могильника идентичны, возможно, изготовлены одним мастером или в одной гончарной мастерской. Кружка из Кабардинского могильника двуручная (одна ручка утрачена в процессе использования, и место крепления тщательно обработано). Форма редкая и, возможно, генетически каким-то образом связана с двуручными сосудами более раннего времени.

Красноглиняная корчага с Краснодарского водохрамлища типологически близка сосу-

дам, использовавшимся в кремационных захоронениях в качестве урны для праха. Почти идентичная урна найдена в кургане №8. Отличаются оба изделия лишь размерами и способом орнаментации. Кубанский экземпляр украшен налепными валиками, горизонтальным и дуговидными. Поверхность кабардинской урны покрыта сетчатым лощением. Дуговидные арочные композиции, украшавшие крупные керамические формы и кувшины, известны по материалам Чернокленовского, Абинского 4, Убинского и Гатлукаевского (поздняя группа) могильников, датировка которых не выходит за пределы XIII в. Возможно, к этому же времени следует отнести корчагу с Пшиша и связывать ее не со средневековыми ингумационными захоронениями некрополя, на территории которого она была найдена, а с поселенческим слоем. Сосуд имел чисто хозяйственное назначение, о чем свидетельствует тщательно подогнанная по размеру венчика дисковидная крышка. В кремационных захоронениях урны закрывали простым обломком сосуда или плоской каменной плиткой.

В заключение можно сказать, что адыгская керамика XIII—XV вв. отличается многообразием форм и различных вариаций, и небольшая коллекция ГМВ достаточно органично вписывается в этот круг.

Литература

- Крым... 2003: Макарова Т. И., Плетнева С. А. (отв. ред.). 2003. *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII века*. Москва: Наука.
- Ловпаче Н. Г. 1985. Могильники в устье реки Псекупса. В: Анфимов Н. В. (отв. ред.). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 16—64.
- Ловпаче Н. Г. 1995. *Художественная керамика средневековой Адыгеи*. Майкоп: Меоты.
- Монгайт А. М. 1955. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. *СА XXIII*, 321—340.
- Носкова Л. М. 1991. Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий. В: Абрамов А. П., Гавритухин И. О., Паромов Я. М., Эрлих В. Р. (отв. ред.). *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: Эвтектика, 156—173.
- Носкова Л. М. 1999. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинохабль в Адыгее. В: Носкова Л. М. (ред.). *Материальная культура Востока*. Москва: ГМВ, 191—225.
- Носкова Л. М. 2005. Средневековые погребения на р. Пшиш в Адыгее (по раскопкам 1986 и 1988 годов). В: Носкова Л. М. (ред.). *Материальная культура Востока* 4. Москва: ГМВ, 186—202.
- Носкова Л. М. 2010. Средневековый могильник в посел-
- ке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года). В: Носкова Л. М. (ред.). *Материальная культура Востока* 5. Москва: ГМВ, 167—200.
- Онайко Н. А. 1962. Средневековые сосуды из Раевского городища. *Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского*. Москва: МГУ, 190—196.
- Пьянков А. В. 1988. *Отчет о раскопках курганов в урочище Циплевский хутор в Абинском районе Краснодарского края в 1988 г.* Архив ИА РАН, Р-1. №13448.
- Пьянков А. В. 1986. *Отчет о раскопках 9 курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г.* Архив ИА РАН, Р-1. №11616 а, б, в.
- Савченко Е. И. 1986. Крымский могильник. В: Каменецкий И. С. (отв. ред.). *Археологические открытия на новостройках* 1. Москва: Наука, 70—101.
- Тарабанов В. А. 1983. Средневековый могильник у аула Казазово. В: Итс Р. Ф. (отв. ред.). *Историческая этнография: традиции и современность*. Проблемы археологии и этнографии II. Ленинград: ЛГУ, 148—155.
- Тарабанов В. А. 1984. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.). В: Анфимов Н. В. (отв. ред.). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 165—171.

References

- Makarova, T.I., Pletneva, S.A. (eds.). 2003. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia (The Crimea, North-Eastern Black Sea Region, and Transcaucasia in the Middle Ages; the 4th–13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Lovpache, N. G. 1985. In Anfimov, N. V. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of the Archaeology of Adygea)*. Maykop: Adygean Research Institute for Economy, Language, Literature, and History, 16–64 (in Russian).
- Lovpache, N. G. 1995. *Khudozhestvennaia keramika srednevekovoi Adygei (Artistic Pottery of Medieval Adygea)*. Maikop: "Meoty" Publ. (in Russian).
- Mongait, A. M. 1955. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) XXIII*, 321–340 (in Russian).
- Noskova, L. M. 1991. In Abramov, A. P., Gavritukhin, I. O., Paromov, Ya. M., Erlikh, V. R. (ed.). *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ia (Antiquities of Northern Caucasus and Pontic Region)*. Moscow: "Evtektika" Publ., 156–173 (in Russian).
- Noskova, L. M. 1999. In Noskova, L. M. (ed.). *Material'naiia kul'tura Vostoka (Material Culture of the East)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art, 191–225 (in Russian).
- Noskova, L. M. 2005. In Noskova, L. M. (ed.). *Material'naiia kul'tura Vostoka (Material Culture of the East) 4*. Moscow: The State Museum of Oriental Art, 186–202 (in Russian).
- Noskova, L. M. 2010. In Noskova, L. M. (ed.). *Material'naiia kul'tura Vostoka (Material Culture of the East) 5*. Moscow: The State Museum of Oriental Art, 167–200 (in Russian).
- Onaiko, N. A. 1962. In *Istoriko-arkheologicheskii sbornik v chest' A. V. Artsikhovskogo (Historical and Archaeological Collected Papers ad gloriam A. V. Artsikhovskii)*. Moscow: Moscow State University, 190–196 (in Russian).
- Pyankov, A. V. 1988. *Otchet o raskopkakh kurganov v urochishche Tsiplevskii khutor v Abinskom raione Krasnodarskogo kraia v 1988 g. (Report on Excavation of Barrows in the Tsiplevy Khutor Stow, Abinsk District, Krasnodar Kray, in 1988)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no.13448 (in Russian).
- Pyankov, A. V. 1986. *Otchet o raskopkakh 9 kurganov u g. Abinska Krasnodarskogo kraia v 1986 g. (Report on Excavation of 9 Barrows near the Abinsk Town, Krasnodar Kray, in 1986)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 11616 a, b, v (in Russian).
- Savchenko, E. I. 1986. In Kamenetskii, I. S. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh (Archaeological Discoveries on Construction Sites) 1*. Moscow: "Nauka" Publ., 70–101 (in Russian).
- Tarabanov, V. A. 1983. In Its, R. F. (ed.). *Istoricheskaia etnografiia. Traditsii i sovremennost' (Historical Ethnography. Traditions and Modernity)*. Series: Problemy arkheologii i etnografii (Issues of Archaeology and Ethnography) II. Leningrad: Leningrad State University, 148–155 (in Russian).
- Tarabanov, V. A. 1984. In Anfimov, N. V. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of the Archaeology of Adygea)*. Maykop: Adygean Research Institute for Economy, Language, Literature, and History, 165–171 (in Russian).

**А. В. Дмитриев,
Е. И. Нарожный**

Alexander Dmitriev. Non-public joint-stock company "Heritage of the Kuban"¹.

Дмитриев Александр Васильевич. Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани».

E-mail: al.mixsako@yandex.ru

Evgeny Narozhniy. Doctor of Historical Sciences. Non-public joint-stock company "Heritage of the Kuban"².

Нарожный Евгений Иванович. Доктор исторических наук. Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани».

E-mail: zai_ein@mail.ru

Address: ^{1,2} Krasnoarmeiskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation

Два захоронения воинов-кочевников XIII—XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды)

Keywords: North-Eastern Black Sea Region, Golden Horde, nomads, military affairs, armament, combat headgear, shields

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, Золотая Орда, номады, военное дело, вооружение, боевые наголовья, щиты

A. V. Dmitriev, E. I. Narozhniy

Two Burials of Nomadic Warriors of the 13th—14th Centuries from the North-Eastern Black Sea Region (to the history of the formation of the complex of weapons of the Golden Horde)

The article introduces two new and previously unpublished burial places for nomadic warriors from the burial mound "Molokanova Shchel" (near the village of Praskoveevka — Gelendzhik, Krasnodar Krai). Both burials of 35—45 year-old men were accompanied by certain sets of weapons — quiver kits, sabers and a spearhead. One of them contained a helmet composed of 4 parts and an ax; the other one contained the remains of a wooden shield with metal parts. Determining the dating of both complexes in the framework of the Golden Horde time, the authors dwell in detail on the attribution of the helmet and the remnants of the shield, linking their appearance in the Northeast Black Sea Coast with the resettlement here of the black hoods from the Southern Russia in 1260s. This raises the question of the need to take into account the contribution of the "pre-Mongol" Eastern European nomads, trapped inside the Golden Horde along with much of their traditional material culture, in modern disputes about the sources of armament of the population of the Golden Horde.

A. V. Dmitriev, E. I. Narozhniy

Два захоронения воинов-кочевников XIII—XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды)

Статья вводит в научный оборот два новых и ранее не публиковавшихся захоронения воинов-кочевников из курганного могильника «Молоканова щель» (окрестности сел. Прасковеевка — г. Геленджик Краснодарского края). Оба погребения мужчин 35—45 лет сопровождалось определенными наборами вооружения, включавшими колчанные наборы, сабли и наконечник копья. В одном из них находился четырехчастный шлем и топор, в другом — остатки деревянного щита с металлическими деталями. Определяя датировку обоих комплексов в рамках золотоордынского времени, авторы подробно останавливаются на атрибуции шлема и остатков щита, связывая их появление в Северо-Восточном Причерноморье с переселением сюда в 1260-е гг. черных клобуков из приграничья Южной Руси. Тем самым ставится вопрос о том, что в современных спорах об источниках вооружения населения Золотой Орды необходимо учитывать и вклад кочевников домонгольской Восточной Европы, оказавшихся внутри Золотой Орды вместе с большой частью своей традиционной материальной культуры.

Вводные замечания

История военного дела и формирования системы традиционного комплекса вооружения разноэтничного населения Золотой Орды — проблема не только давняя, но и современная. Будучи обеспеченной многочисленными исследованиями разнопрофильных специалистов (историки, археологи, искусствоведы и др.), тем не менее, проблема по-прежнему не лишена многих дискуссионных моментов, в связи с чем нуждается в дальнейшем расширении источниковой базы и последующем ее осмыслении. Подобную актуальность, к примеру, продемонстрировала недавняя, весьма интересная и полезная монография В. А. Иванова, предложившего читателям немало важных наблюдений и выводов по данной теме. Исследователь вполне справедливо обращается к работам своих предшественников, прежде всего М. В. Горелика, а также Ю. А. Кулешова (Иванов 2015: 98—100 и сл.). В частности, он обращает внимание на попытку Ю. А. Кулешова определить основные источники поступления в Золотую Орду различных категорий вооружения. Интенсивность таких поступлений Ю. А. Кулешов ставит в прямую связь с активностью или, наоборот, ослаблением центральной власти в Золотой Орде (Кулешов 2010: 73—97). При этом он полагает, что на территории Золотой Орды функционировало всего лишь два (?) собственно золотоордынских центра с развитым производством вооружения — Болгар и Новый Сарай (Кулешов 2010: 86—88). Солидаризируется с ним и В. А. Иванов, особенно в том, что «формирование золотоордынской «паноплии» осуществлялось в основном за счет закупок в других государствах, в частности — «в мамлюкском Египте, итальянских факториях в Крыму», что, якобы, «во многом объясняет и облик археологических источников по золотоордынскому оружию». Вывод завершается совершенно справедливым замечанием о том, что современные характеристики «структуры войска и удельный вес его контингентов вытекают из общеисторической эрудиции авторов, а потому — гипотетичны. Археологический материал также не является аутентичным источником для подобных реконструкций подобного рода. В лучшем случае он дает нам представление о том, как выглядел тот или иной компонент» (Иванов 2015: 100).

Совсем недавно появилась еще одна точка зрения, локализирующая еще один если не производственный центр, то — целый

регион, якобы обеспечивавший оружием не только Золотую Орду, но и другие регионы Восточной Европы. Ее предлагают Л. А. Бобров и А. В. Сальников. Упоминая отдельные «образцы защитного вооружения» золотоордынского времени с территории Северного Кавказа, А. В. Сальников пишет, что они «были изготовлены мастерами Северо-Западного Кавказа (здесь и далее выделено нами — Авт.), а их находки в памятниках кочевников Восточной Европы обусловлены импортом с территории Черкессии» (Сальников 2017: 97). Однако каких-либо аргументов в пользу гипотезы не приводится, но эта тезисно продекларированная «констатация факта» получает дальнейшее развитие в совместной публикации А. В. Сальникова с Л. А. Бобровым. В их совместной статье речь идет уже о том, что «в XIII—XIV вв. продукция местных мастеров (с территории Северо-Западного Кавказа — Авт.) была хорошо известна и популярна среди оседлых и кочевых народов Восточной Европы. Более того, отдельные образцы северокавказского вооружения вывозились далеко за пределы региона, в т. ч. в отдаленные районы Западной и Южной Сибири, Мавераннахра, Восточного Дашт-и-Кипчака. Наряду с клинковым и длиннодревковым оружием, предметом черкесского экспорта являлись шлемы, панцири, щиты и дополнительные защитные детали. Доспехи северокавказского производства отличались высоким качеством исполнения и впечатляющими боевыми характеристиками. Кроме того, местные оружейники экспериментировали с новыми видами корпусной брони, конструкцией шлемов и щитовых усилителей. Так, в частности, с территории Прикубанья происходит один из самых ранних образцов знаменитого кольчато-пластинчатого доспеха, получившего в XV—XVIII вв. широчайшее распространение среди воинов мусульманского Востока. Не исключено, что именно адыги являлись изобретателями шлемов, составленных из четырех (реже — из двух) пластин, соединенных между собой сваркой, которые стали особо популярны среди воинов Восточной Европы и Северного Кавказа в золотоордынский период. Кроме того, вероятно, именно мастера Северо-Западного Кавказа адаптировали западноевропейские щитовые усилители из металла для круглых ручных щитов азиатского образца, которые затем стремительно распространились по многим районам империи Чингизидов и т. д.» (Bobrov, Salnikov 2017: 727—728). Подобная картина впечатляющих успехов «мощных» производственных центров Северо-Западного Кавказа,

тем не менее, не убеждает. Подобная необъективность связана, прежде всего, с отсутствием конкретных доказательств в пользу продекларированных выводов; в других случаях авторы, без должной критической проверки наблюдений своих предшественников, принимают их на веру. Не учитывают они и того, что те или иные разновидности предметов вооружения, связываемые ими с местным («адыгским») производством, эпизодичны, например, в местных погребальных комплексах и пр. На этом фоне лишь новые археологические материалы вполне могут способствовать не только ликвидации дискуссионных оценок, но и более интенсивному движению вперед, в т. ч. и в изучении отмеченных выше научных проблем.

В настоящее время в научной литературе имеются сведения о нескольких тысячах раскопанных кочевнических захоронениях на огромной территории Евразии, с разной степенью информативности и полноты введения в научный оборот на страницах не только отдельных статей, но и монографий. Таких кочевнических комплексов золотоордынского времени ныне исследовано не менее 2—3 тысяч, что вполне сопоставимо с численностью кочевников, составлявших бы 2—3 «тумана». Однако их неравномерный географический разброс по территории Евразии, разная степень информативности и пр., не позволяют использовать эти материалы в качестве единого обобщающего «среза», в том числе для изучения военного дела, по многим причинам. В числе затруднений, на что в литературе уже указывалось, присутствует и довольно широкая, суммарная датировка многих комплексов в пределах временного диапазона, обозначаемого как «XII—XIV вв.» (Нарожный 2005: 71—100; Дружина и др. 2011: 12—13). На этом фоне масштабных обобщений и характеристик, причем не только по истории вооружения, не предвидится, поскольку датировка отдельных погребений или их групп в рамках «XII—XIV вв.» требует, как минимум, первоначального их разделения на более узкие хронологические периоды, в которых погребения XII в. должны иллюстрировать особенности погребальных обрядов домонгольского времени, демонстрируя их отличие или, наоборот, сходство с захоронениями рубежа XII — XIII вв., а также раннеордынского (XIII в.) и золотоордынского (XIII—XIV вв.) времени и т. д., что удастся далеко не всегда. Невозможность более узкого датирования таких погребений усугубляется и тем, что среди них есть значительная доля невоинских (женских, детских) захоро-

нений. Впрочем, среди них есть и часть мужских погребений, но без каких-либо предметов воинского и всаднического снаряжения. То же самое относится и к мужским захоронениям с явно «символическими» наборами предметов погребального инвентаря, в своем составе содержащего, например, лишь одно колючко от кольчуги или бармицы; 1 или 2 наконечника стрелы вместо полного колчанного набора, удила и стремена, вероятно, «замещающие» семиотику полной туши полностью снаряженного коня и пр. В результате интересные нас возможности открывает лишь «выборочная» подборка интересующих нас материалов. Надо отметить, что В. А. Иванов постоянно наращивает исходную источниковую базу (Иванов 1990 и ср.: Иванов 2015) для статистической обработки кочевнических захоронений. Ныне, помимо Поволжья и Приуралья, он опирается также на материалы Северного Кавказа. Используя более 300 погребальных кочевнических комплексов, В. А. Иванов указывает на небольшое количество собственно «воинских» погребений в выборке, хотя и этот материал, несомненно, заслуживает самого пристального внимания. Возможности преодоления широкой датировки кочевнических погребальных комплексов в рамках «XII—XIII вв.», скорее всего, будут реализованы. Вероятно, со временем изменятся представления об основных источниках распространения вооружения и основных оружейных производственных центрах в Золотой Орде. Изменения коснутся, прежде всего, тех из них, которые возникали и находились на пути традиционных маршрутов кочевания «орды» и «ставок» золотоордынских ханов. Если учитывать уровень развития кузнечного дела в разных уголках средневековой Руси (Завьялов, Розанов, Терехова 2007) и, в особенности, тех ее регионов, которые находились в тесном взаимодействии с Золотой Ордой, нельзя исключать и возможности разнообразных влияний, а также непосредственных «поставок» оттуда. Помимо этого, необходимо учитывать и следующие факторы:

Во-первых, значительная, если не преобладающая часть основных категорий вооружения монголо-татар на территории Восточной Европы — это прямые привнесения из Центральной Азии. В свое время основные типы, например, «монголо-татарских» наконечников стрел были выявлены на основе раскопанных материалов, происходивших с территории ряда средневековых русских городищ и укреплений (Медведев 1966: 55—60; Сытый, Скороход 2014: 62—71). Правда, сегодня подобную уверенность разделяют дале-

ко не все: как полагают некоторые современные авторы (Kaminska 2013: 29—37; Черненко 2016: 83—98), следы пожариц и разрушений на городищах, а следовательно, и различные предметы вооружения оттуда, не всегда связаны только с монголо-татарскими штурмами (Kaminska 2013: 29—37; Черненко 2016: 83—98). Однако среди ныне хорошо известных привнесений центральноазиатского происхождения улавливаются и отдельные типы предметов вооружения, еще в Центральной Азии заимствованные монголо-татарами у своих соседей. Есть веские основания часть подобных заимствований выводить из вооружения, например, киданей (Басов, Нарожный, Тихонов 2003: 105—111), или же, на что уже указывалось, дальневосточных чжурчженей (Нарожный 2003: 293, рис. 7: 4; 294; 2007: 60—64; 2017: 209 и др.). Подтверждают это находки чжурчженских наконечников копий с боковым крючком, как известно, широко бытовавших на территориях традиционного обитания дальневосточных чжурчженей (Деревянко 1987: 96, рис. 13: 1—3). Судя по свидетельству Плано Карпини, различные варианты этого типа наконечников копий по Восточной Европе, вероятнее всего, разнесли сами монголы, либо кто-то из их ближайших союзников, участвовавших в завоевательных кампаниях на разных направлениях «европейского фронта». Подтверждением тому является его информация о том, что: «у некоторых из них (монголов — *Е.Н.*) есть копьа, и на шейке железа копьа они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла» (Путешествия 1957: 31).

Во-вторых, еще в 2003 г., публикуя коллекцию булав, шестоперов¹ и кистеней из высокогорной Ингушетии, появившуюся в результате масштабных охранно-спасательных археологических исследований, мы констатировали следующее: интересующие нас образцы ударного вооружения широко использовались не только монголо-татарами, о чем, к примеру, сообщал Марко Поло, описывая одно из сражений. Использование разнотипных предметов ударного вооружения (он на-

зывал их «палицами») Марко Поло описывает так: сразу после того, как сражавшиеся «израсходовали все стрелы» из своих колчанов, они «схватились за мечи и палицы, бегут друг на друга и раздают удары сильные...» (Книга... 1956: 232). Таким образом, Марко Поло подтверждает наличие ударных «палиц», которые могли, вероятно, являться одним из таких же центральноазиатских привнесений монголов, сопровождавших их еще с территории Центральной Азии (Нарожный, Чахкиев 2003: 135). Некоторые из опубликованных тогда же наверший булав, шестоперов и кистеней имели, возможно, другой генезис. Так, некоторые из них, например, кистени, демонстрируют возможность их довольно длительного бытования в неизменном виде, но и предполагают возможность их эволюционного развития в границах Золотой Орды. Вполне возможно, что сохранялись они без особых видо-типологических изменений и на основе прообразов, известных у тюркоязычного населения Северного Кавказа еще с хазарского времени (Нарожный, Чахкиев 2003: 134—135).

Еще одна часть предметов ударного вооружения аналогична образцам русского происхождения, на что также уже обращалось внимание, и это совсем не исключает возможности подобных заимствований, пришедших в Золотую Орду (а через нее — глубоко в горы Восточного Придариья) из системы вооружения средневековой Руси. Либо же они могли являться результатом ремесленной деятельности русских оружейников, перемещенных в золотоордынские городские центры (Нарожный, Чахкиев 2003: 136). Известны также образцы ударного вооружения, которые можно рассматривать как дериваты, своим происхождением связанные с хулагуидским Ираном; оттуда они попадали на территорию высокогорья и в северокавказские владения Золотой Орды самыми различными путями. Известны данные письменных источников, называющих такие же предметы в числе подарков египетского султана, преподнесенных хану Золотой Орды (Нарожный, Чахкиев 2003: 136—140). Возможность увязки части предметов вооружения с такими подарками ныне разделяют и другие авторы (Кулешов, Абызова 2011: 92—100; Иванов 2017: 100). Немало подобных «заимствований» в вооружении Золотой Орды оказалось воспринятым из системы вооружения кочевого и оседлого населения Восточной Европы, включенных в систему политико-экономического диктата золотоордынского государства. Именно этот аспект пробле-

¹ Сегодня сведения о находках предметов ударного вооружения с территории Северного Кавказа увеличились, хотя и незначительно (Дружинина, Чхаидзе 2014: 73—84; Мамаев 2016: 229—230; 2017: 53—59). Еще один предмет, «напоминающий навершие булавы», упоминает С.Н. Савенко — он происходит из погребения «с железным крестом» в горной Ингушетии (Савенко 2016: 106, 116, рис. 7: 3). Однако это бронзовое полое навершие — не от булавы, а, возможно, от посоха или иного предмета, не связанного с военным делом.

мы сегодня представляется слабо изученным. В этой связи, в предлагаемой ниже публикации в научный оборот вводятся два новых кочевнических захоронения из курганного могильника «Молоканова щель», находившегося в окрестности сел. Прасковеевская, входящего в границы г. Геленджика (Северо-Восточное Причерноморье) (рис. 1).

Описание публикуемых погребений

Курганный могильник «Молоканова щель» (далее — Мщ) находился на правом берегу р. Азмашах, впадающей в Черное море. Необходимость его изучения была обусловлена потребностью возведения ограды вокруг строившегося крупного пансионата. По самому оптимальному варианту проекта, ограда была запланирована на переломе речной террасы и крутого склона долины реки, выходя на средоточие части курганного могильника. Охранно-спасательные археологические исследования проводились на протяжении трех полевых сезонов (Дмитриев, Нарожный, Соков 2008: 13—21)². Полученный археологический материал не опубликован. В научный оборот вводятся два погребения, входивших в курганную группу «Молоканова щель-4»: погребение №3 кургана №7 (далее — Мщ-4, 7/3) и погребение №1 кургана №14 (далее — Мщ-4, 14/1).

Погребение Мщ-4, 7/3

Погребение было выявлено к западу от центра кургана по аккуратной гряде необработанных камней приблизительно одинаковых размеров. Камни уложены на одном горизонтальном уровне, вытянуто по линии

² Держатели Открытого листа — А. В. и Т. В. Дмитриевы. Е. И. Нарожный на протяжении одного из полевых сезонов работал в качестве начальника отдельного отряда Центра археологических исследований АГПА; в составе этой экспедиции. П. В. Соков — начальник еще одного отряда в составе той же самой экспедиции, исследовал участок поселения раннего железного века и каменные конструкции эпохи бронзы, подстилавшие один из участков курганного могильника «Молоканова щель». Материалы раскопок пока не введены в научный оборот. Могильник связывается со смешанным населением, в составе которого доминирующую роль играли тюркоязычные кочевники (погребения в грунтовых ямах с сопровождающим их конем), активно смешивавшиеся с носителями обряда кремаций в керамических урнах и с местным населением, использовавшим ингумации в каменных ящиках. Могильник датирован XIII—XIV вв.

Рис. 1. Местонахождение курганного могильника «Молоканова щель» (отмечено цифрой 1).

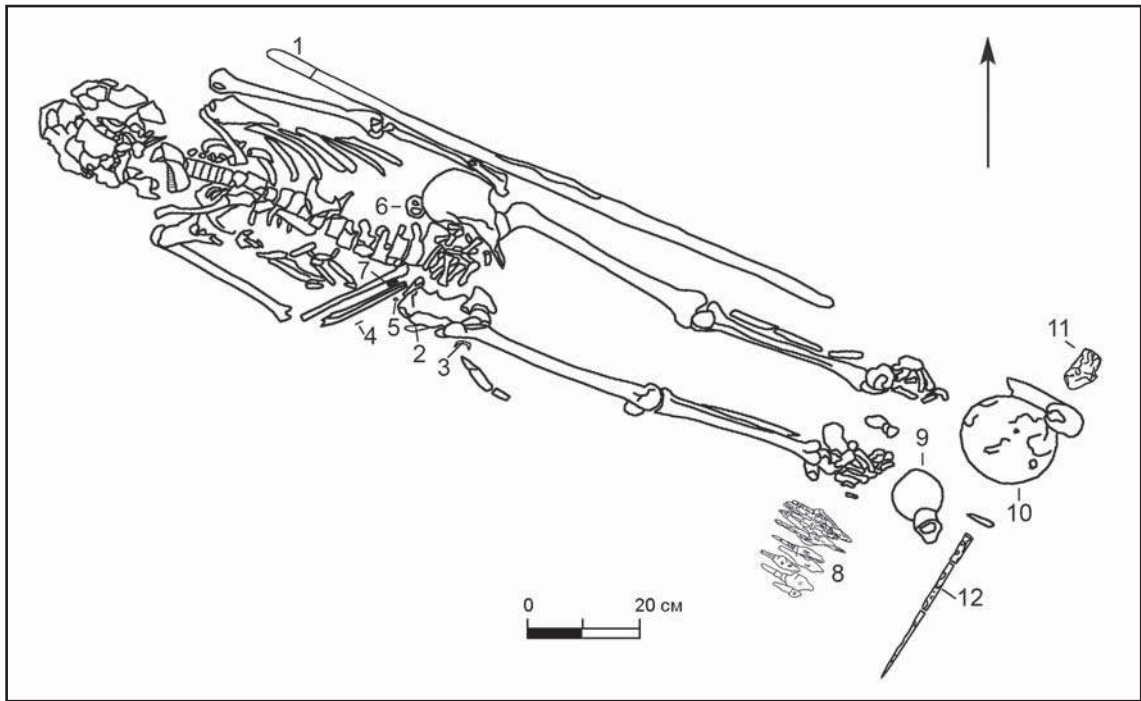
Fig. 1. Location of the burial cemetery "Molokanova Shchel" (is marked by number 1).

восток-запад. Длина гряды 2 м, располагалась она ровно по средней части длинной оси погребения, над ним. Границы грунтовой ямы захоронения не фиксировались. Под камнями, на глубине 0,65 м ниже них, были обнаружены кости скелета. Захоронение зачищено на площади 1,25×2,6 м. Скелет взрослого мужчины (35—40 лет) удовлетворительной сохранности, в полном анатомическом порядке. Череп раздавлен. Погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 2). Правая рука полусогнута в локтевом суставе, кистью на лобке, левая вытянута вдоль туловища, кистью у бедра, ноги прямо, правая ступня повернута в сторону (рис. 2).

Сопровождающий захоронение инвентарь представлен набором разнотипных предметов.

1. Длинная железная сабля плохой сохранности (рис. 2: 1; 4: 1), находившаяся вдоль левой стороны погребенного, рукоятью к ногам, острием в сторону плеча (рис. 2: 1). Перекрестье сабли напускное, в виде прямой и утолщенной горизонтальной пластины (?).

2. У правого бедра скелета находился железный черешковый нож с прямой (горизон-

Рис. 2. Курганный могильник «Молоканова щель», группа 4, курган 7. План погребения №3. Цифрами обозначены: 1 — сабля; 2 — нож; 3 — кресало; 4 — игла; 5 — кольцо; 6, 7 — пряжки; 8 — набор наконечников стрел; 9 — кувшин; 10 — шлем; 11 — топор; 12 — наконечник копья.

Fig. 2. Kurgan burial ground "Molokanova Shchel", group 4, burial mound 7. Plan of burial no.3. Numbers indicated: 1 — saber; 2 — knife; 3 — firestone; 4 — needle; 5 — ring; 6, 7 — buckles; 8 — arrowhead set; 9 — jug; 10 — helmet; 11 — axe; 12 — spearhead.

тальной) спинкой; длина черешка 3 см, лезвия — 15 см. Нож удовлетворительной сохранности (рис. 4: 7).

3. На небольшом удалении от ножа (рис. 2: 3) находилось железное кресало (рис. 4: 4).

4. Железная игла (?) (рис. 2: 4) — тонкий проволочный стержень с заостренным с одной стороны стержнем. С противоположной стороны край стержня расплюсчен, с частично сохранившимся сквозным отверстием. С этой стороны конец предмета обломан. Длина около 13 см, диаметр стержня в центральной части 0,15 см (предмет распался).

5. Там же, у правого бедра, отмечено железное кольцо (рис. 2: 5) диаметром 3 см, толщина корпуса 0,2 см (распалось при снятии с грунта).

6. Железная пряжка подтреугольной формы с язычком (рис. 4: 5) находилась в области пояса (рис. 2: 6).

7. В области пояса, справа (рис. 2: 7) лежала железная пряжка округлой формы с подвижным язычком (рис. 4: 6).

8. Справа от правой ступни находился спекшийся колчаный набор железных наконечников стрел (рис. 2: 8; 4: 2, 3). Наконечников всего — 12 экз., 10 из них с уплощенным пером, 2 — трехлопастные (рис. 4: 3 ж, л). 11 на-

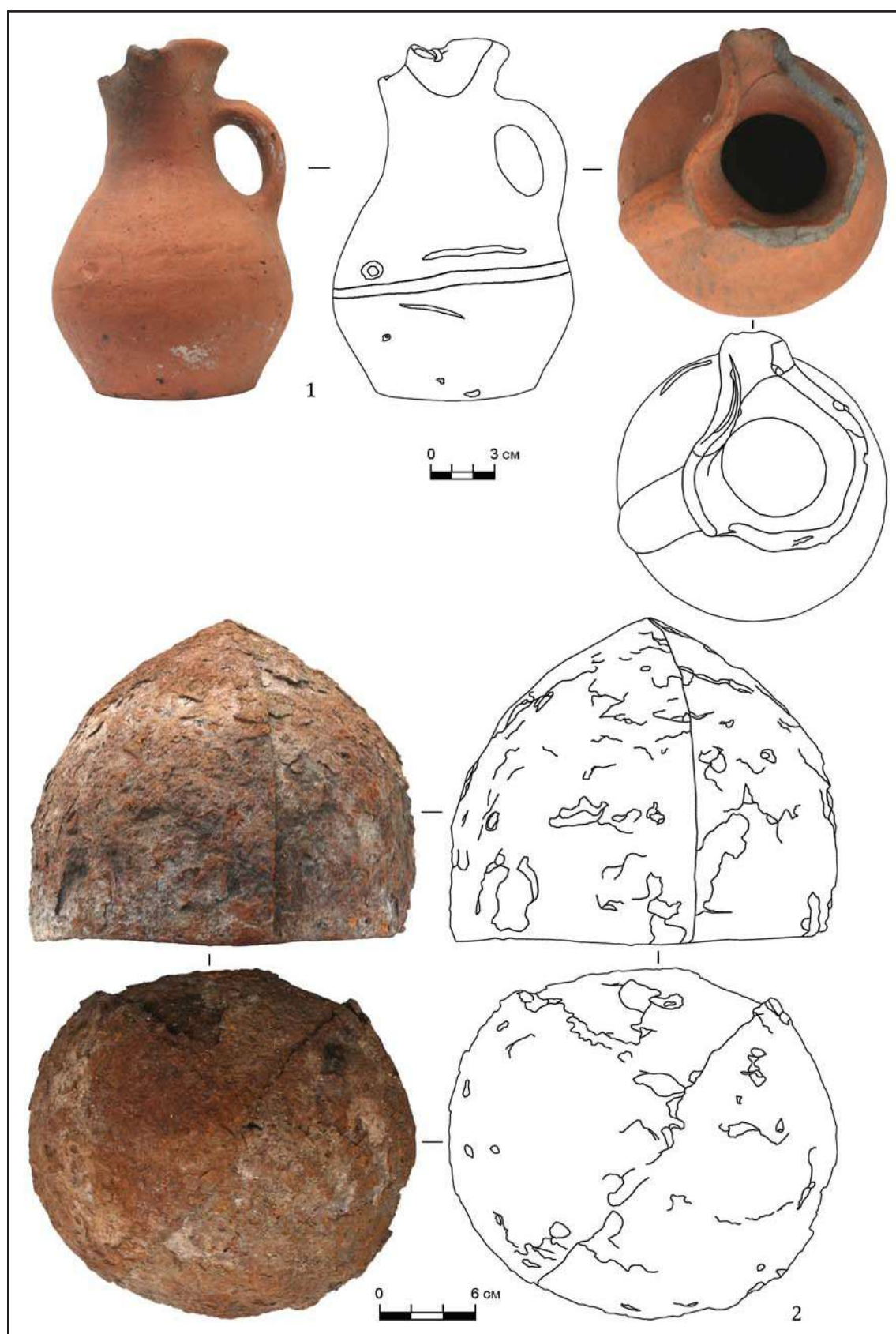
конечников стрел были уложены остриями к юго-востоку, один — в противоположном направлении.

9. У правой ступни погребенного находился красноглиняный кувшин со сливом влево (рис. 2: 9; 3: 1).

10. У левой ступни находился железный шлем (рис. 2: 10), склепанный из 4-х пластин. Высота шлема — 21 см, диаметр нижней его части — 24 см (рис. 3: 2; 6: 5).

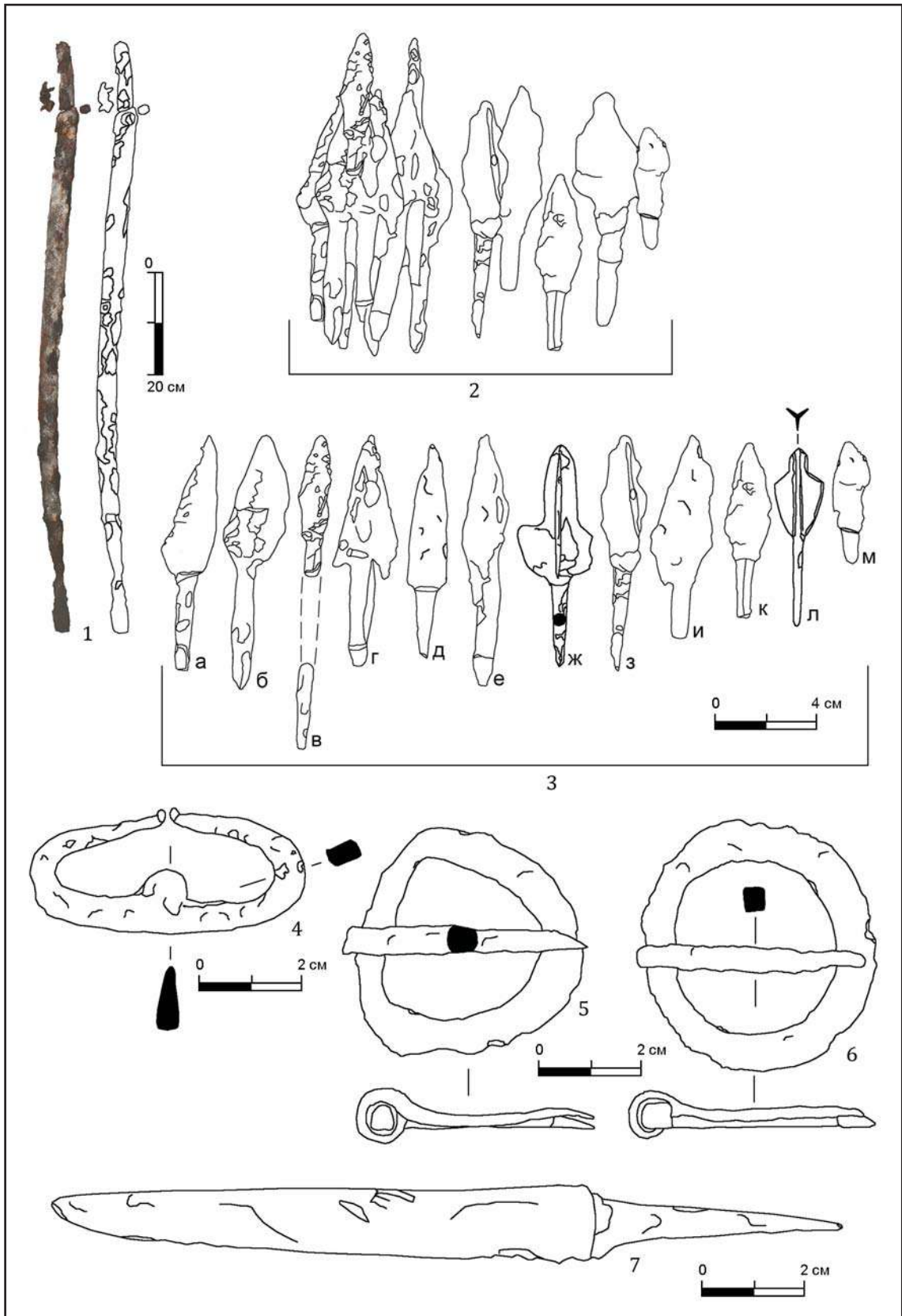
11. Рядом со шлемом находился железный топор, лезвием углубленный в материк (рис. 2: 11; 5: 2). Деревянный тлен, плохо заметный на материке — вероятно, от рукояти, вытянут в сторону головы погребенного и прослеживается в длину на 15—19 см.

12. Рядом с кувшином находился сильно коррозированный железный штырь, после очистки от ржавчины оказавшийся наконечником копья с узким пером подквадратной формы в сечении (рис. 2: 12; 5: 1). Сохранившаяся длина — 28 см, ширина граней — 1,2×1,2 см, диаметр втулки — 2,1 см. Под шлемом, вплоть до втулки наконечника копья, прослежена еще одна, плохо сохранившаяся полоска древесного тлена, вероятно — от предварительно обломанного древка наконечника копья.

Рис. 3. Курганный могильник «Молоканова щель», группа 4, курган 7, погребение №3. Инвентарь погребения: 1 — керамический сосуд; 2 — железный шлем.

Fig. 3. Mound burial ground "Molokanova Shchel", group 4, mound 7, burial No. 3. Inventory of burial: 1 — ceramic vessel; 2 — iron helmet.

Рис. 4. Курганный могильник «Молоканова щель», группа 4, курган 7, погребение №3. Инвентарь погребения: 1 — сабля; 2, 3 — наконечники стрел; 4 — кресало; 5, 6 — пряжки; 7 — нож (1—7 — железо).

Fig. 4. Kurgan burial ground "Molokanova Shchel", group 4, burial mound 7, burial No. 3. Inventory of burial: 1 — sword; 2, 3 — arrowheads; 4 — clasped; 5, 6 — buckles; 7 — knife (1—7 — iron).

Рис. 5. Курганный могильник «Молоканова щель», группа 4, курган 7, погребение №3. Инвентарь погребения: 1 — железный наконечник копья; 2 — железный топор.

Fig. 5. Barrow cemetery "Molokanova Shchel", group 4, mound 7, burial No. 3. Inventory of burial: 1 — iron spearhead; 2 — iron axe.

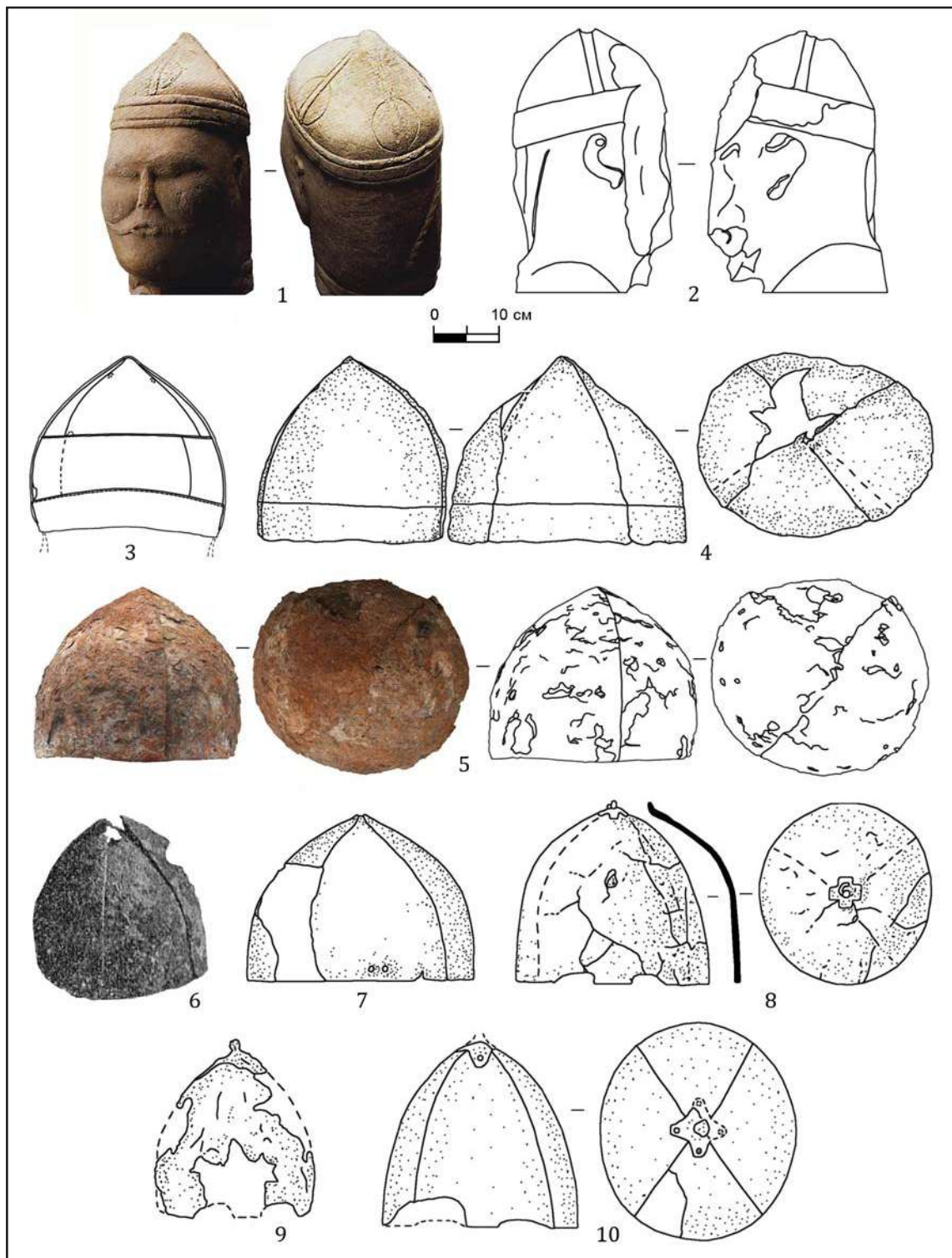
Погребение Мц-4, 14/1

Курган №14 находился в 65 м к северу от берега моря, прямо у планировавшейся строителями ограды пансионата. На кургане произрастало 9 деревьев. Диаметр насыпи — 7,3 м по линии восток-запад и 6,2 м по линии север-юг; высота кургана с се-

ра — 87 см, с юга — 87 см, с запада — 35 см, с востока — 163 см.

При ручной выборке грунта по краю кургана выявлена обкладка из крупных плоских камней, уложенных горизонтально (рис. 7: 1), овальной формы в плане, размером 5,6×6,2 м, вытянута с востока на запад. Со стороны склона обкладка из камня выло-

Рис. 6. Образцы четырехчастных шлемов: 1 — шлем на голове статуи половецкого воина из станицы Раздольная Краснодарского края (по Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 44—45, рис. 29; 30); 2 — шлем на голове статуи половецкого изваяния №3 (музей станицы Белая Глина в Краснодарском крае) (по Нарожный, Соков 2015: 123, рис. 12: а, б); 3 — шлем из-под г. Анапа (Краснодарский край) (прорисовка по Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 10—20 и сл.); 4 — шлем из погребения №1 кургана 2 могильника «Джубга-1» под г. Сочи (Краснодарский край) (по Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 5); 5 — шлем из погребения 3 кургана 7 группы 4 могильника «Молоканова щель»; 6 — шлем из-под г. Геленджика (по Саханев 1914: 196, рис. 50: 13); 7 — шлем из пос. Головинка Краснодарского края (по Ильюков 2010: 16, рис. 1: 1); 8 — шлем из подкурганного погребения у станицы Пролетарской Краснодарского края (по Зеленский 1997: 90); 9 — шлем из кочевнического захоронения в Восточном Приазовье (по Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 32, рис. 7: 1); 10 — шлем из кочевнического погребения на Дону (по Парусимов 2007: 322, рис. 4: 4).

Fig. 6. Samples of four-part helmets: 1 — helmet on the head of the statue of the Polovtsian warrior from the village of Razdolnaya of the Krasnodar Krai (after Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 44—45, рис. 29; 30); 2 — helmet on the head of the statue of the Polovtsian statue no.3 (museum of the Belaya Glina village in the Krasnodar Krai) (after Нарожный, Соков 2015: 123, рис. 12: a, b); 3 — helmet from near Anapa (Krasnodar Krai) (drawing after Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 10—20 and later); 4 — helmet from burial no.1 of burial mound 2 of the Dzhubga-1 burial ground near Sochi (Krasnodar Krai) (after Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 5); 5 — helmet from the burial no.3, mound 7 of group 4 of the burial mound "Molokanova Shchel"; 6 — helmet from near Gelendzhik (after Саханев 1914: 196, рис. 50: 13); 7 — helm of the village Golovinka of the Krasnodar Krai (after Ильюков 2010: 16, рис. 1: 1); 8 — helmet from the podkurgannogo burial near the village of Proletarskaya Krasnodar Krai (after Зеленский 1997: 90); 9 — helmet from the nomadic burial in the Eastern Priazovye (after Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 32, рис. 7: 1); 10 — helm from the nomadic burial on the Don (after Парусимов 2007: 322, рис. 4: 4).

жена в 2—3 ряда камней, частично сползших вниз (рис. 7: 1).

С восточной стороны, во внутреннем интерьере обкладки выявлена другая обкладка П-образной формы из камней, выложенных вдоль верхней части грунтовой ямы; обкладка частично повреждена (рис. 7: 2). Длина ее сохранившейся части около 2 м, расстояние между рядами 1,7 м. Ниже уровня этих камней на 0,5 м обнаружено погребение взрослого мужчины (35—45 лет).

Погребение 1 (рис. 7: 1, 2; 8) совершено в грунтовой яме, в ее верхней части выходящей за контур, обозначенный камнями, более чем наполовину. Яма прямоугольной формы размером 3×1,5 м, вытянута с запада на восток. Скелет лежал посередине ямы. Ориентировка головой на запад. Скелет хорошей сохранности, в полном анатомическом порядке. Череп раздавлен землёй. Погребённый лежал вытянуто на спине, череп на основании прямо, правая рука вытянута вдоль туловища, кисть у бедренной кости. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе, кисть лежит на лобке. Ноги вытянуты прямо, ступни развёрнуты в стороны. Погребение сопровождал выразительный инвентарь.

1. Поверх грудной клетки, от подбородка до бедер лежали остатки деревянного щита с железными деталями от него. Остатки щита овальной формы, размером 65×53 см (рис. 8: 2—7; 12: 1, 2). Вдоль внешнего периметра остатков щита, а также в центральной его части прослежены металлические оковки края, образующие овальный контур. В центральной части остатков щита — круглый умбон с крестообразно расположенными накладками поверх него. Умбон оконтурен еще одним «кольцом» из металлических обкладок, диаметром 33 см. С внутренней стороны щита выступали кольца, соединённые с накладками посредством железных заклёпок. Накладки щита имели отверстия, в которые вставлялись заклёпки, скреплявшие накладки с деревянной основой щита. Сохранность металлических деталей плохая, но позволяющая реконструировать форму щита и его специфические особенности (рис. 12).

2. Слева от скелета, рукоятью у голеностопного сустава и остриём у середины предплечья (под костью), лежала сабля, лезвием наружу (рис. 8). Сабля имела массивное и асимметричное перекрестие и металлические детали ножен (рис. 9: 1, 2).

3. В 15 см к востоку от левой ступни скелета (рис. 8; 9) находился высокий глиняный кувшин с ложновитой ручкой. Кувшин декорирован четырьмя сосцевидными выступами-налепами на тулове (рис. 8; 9; 10: 1).

4. К юго-востоку от кувшина находились обломки стеклянного стакана с рельефными выступами на тулове (рис. 8: 8; 11: 15).

5. От кувшина к ногам лежал сильно спекшийся набор из 4-х железных черешковых наконечников стрел (рис. 8: 14; 10: 2—6).

6. У головок бедренных костей симметрично лежали два бронзовых кольца (рис. 8: 10, 13; 10: 11, 12).

7. Между кольцами, на костях таза найдены две железные пряжки (?) небольших размеров, подквадратной формы с выступами наружу, без «язычков» (рис. 11: 7, 8).

8. У правого тазобедренного сустава лежали железное кресало (рис. 8: 13; 11: 13).

9. Рядом с кресалом (рис. 8: 15) находился фрагмент ножа (рис. 9: 5), впоследствии распавшийся. Сохранившаяся часть окончания лезвия (рис. 9: 5) утоплена в металлический «футляр», завершавший ножны (рис. 9: 4).

10. После снятия скелета, в районе подбородка погребенного обнаружена мелкая бронзовая пуговица (рис. 11: 14).

Характеристика погребального инвентаря и его датировка

Предметы повседневного быта

Детали одежды. Погребальный инвентарь этой категории, сопровождавший оба публикуемых захоронения, выразителен. Мелкая литая пуговица с корпусом конической формы (рис. 11: 14), происходящая из погребения Мщ-4, 14/1, имеет многочисленные аналогии на территории Северного Кавказа

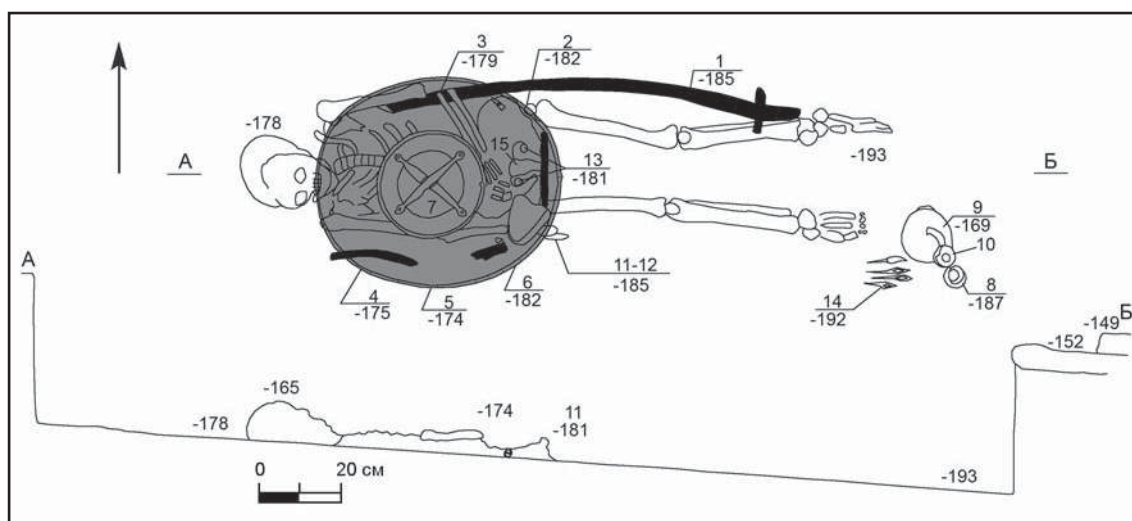

Рис. 7. Могильник «Молоканова щель», курганная группа 4, курган № 14, погребение № 1. 1 — общий вид кургана и погребения после снятия насыпи (вид с севера); 2 — погребение № 1 (вид с севера).

Fig. 7. The burial ground of the “Molokanova Shchel”, kurgan group 4, burial mound no. 14, burial no. 1. 1 — general view of the mound and burial after the removal of the mound (view from the north); 2 — burial no. 1 (view from the north).

(от Азово-Причерноморья до Каспия), а также в Крыму, где они датируются, как правило, золотоордынским временем (обзор находок см.: Дружинина и др. 2011: 123, 125—126, рис. 51: 1; 52: 1; Нарожный, Соков

2014: 153—154, рис. 8: 1—5; 9: 8—10; 2015б: 180, рис. 2: 3). Пуговицы с коническим туловом, но с иной формой петли, были в подкурганых погребальных комплексах Северо-Восточного Причерноморья, в свое время ис-

Рис. 8. Могильник «Молоканова щель», курганный группа 4, курган № 14. План погребения № 1. Цифрами обозначены: 1 — сабля; 2—7 — щит; 8 — стакан; 9 — кувшин; 10 — кольца; 11—12 — пряжки; 13 — кресало; 14 — наконечники стрел; 15 — нож.

Fig. 8. Imperial Eagle “Molokanova Shchel”, burial group 4, barrow № 14. Plan of burial no. 1. Numbers indicated: 1 — saber; 2—7 — shield; 8 — glass; 9 — jug; 10 — rings; 11—12 — buckles; 13 — clasp; 14 — arrowheads; 15 — knife.

следованных В. В. Саханевым (Саханев 1914: 197, рис. 51: 5). По известным аналогиям, публикуемые образцы пуговиц вполне укладываются в рамки XIII—XIV вв.

Железные ременные пряжки (рис. 4: 6, 7; 11: 9—11), вполне типичны для погребений из других курганов могильника «Молоканова щель».

Ножи. Публикуемым образцам из обоих захоронений известны многочисленные аналогии из захоронений, например, Цемдолинского могильника близ Новороссийска. Е. А. Армарчук и А. А. Малышев выделили там два их типа — ножи с горбатой и прямой спинками (Армарчук, Малышев 1997: 108). В погребении Мщ-4, 7/3 находился черешковый нож с прямой спинкой, длиной 15 см (рис. 4: 7). Лезвие треугольной формы в сечении. Черешок слегка отогнут в сторону лезвия, подпрямоугольной формы в сечении. Аналогии хорошо известны, например, в материалах того же Цемдолинского могильника (Армарчук, Дмитриев 2014: 123, рис. 34: 10, 19) и др.

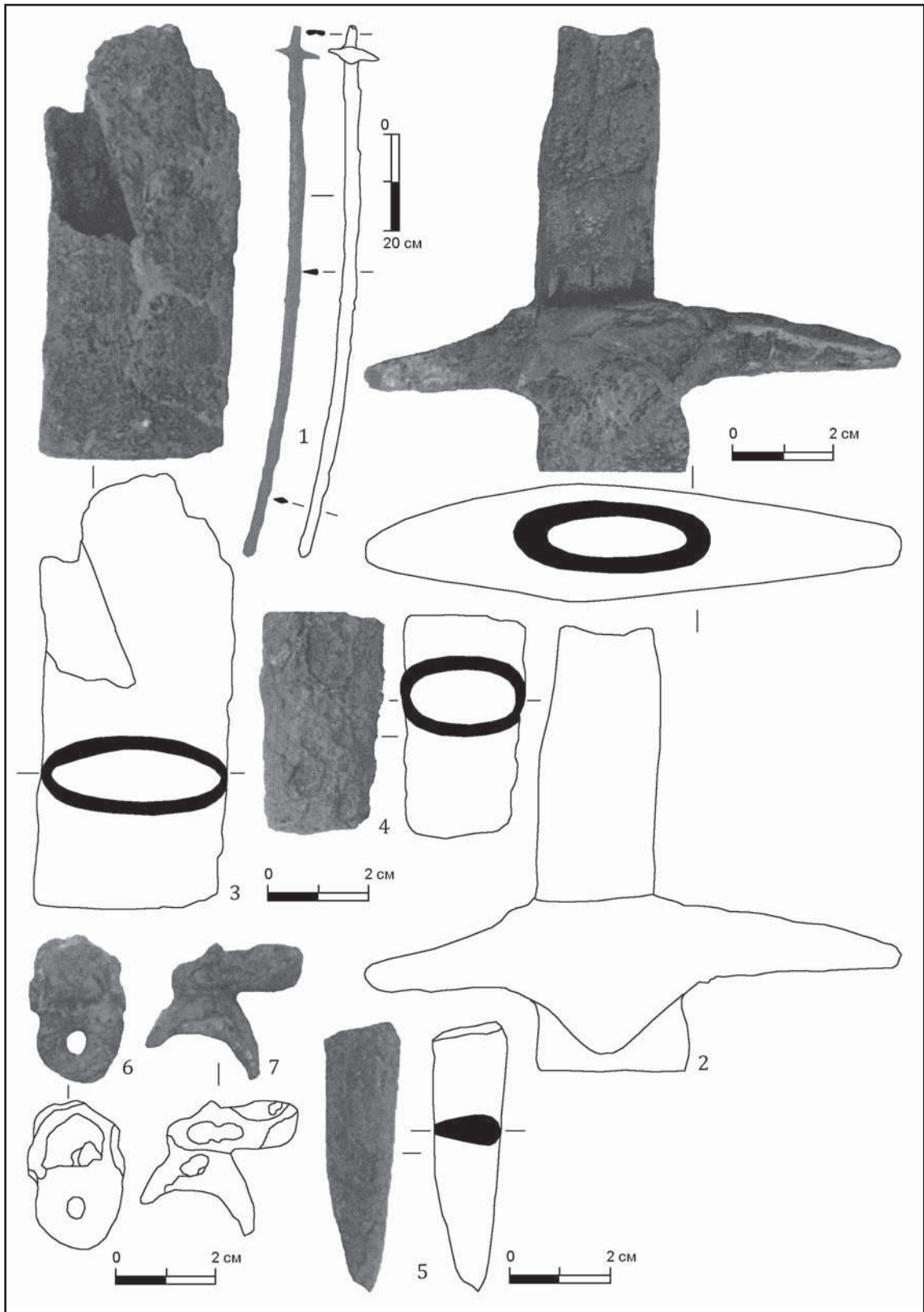
По всей вероятности, нож из погребения Мщ-4, 14/1, представленный лишь фрагментом (рис. 9: 5), однотипен предыдущему. Особенностью этого ножа, вероятно, изначально имевшего более крупные размеры, чем нож из погребения Мщ-4, 7/3, поскольку фрагмент лезвия ножа сопровождался металлическим наконечником (обоймой) от деревянных (?) несохранившихся ножен. Наконечник ножен (рис. 9: 4) массивный, его

высота — 4,5 см. Ширина верхней части — 2,4 см, нижней — 2,2 мм, в сечении наконечник овальной формы.

Кресала. Железные кресала являются одной из характерных находок для средневековых кочевнических (и не только кочевнических) захоронений Восточной Европы (Евглевский, Потемкина 2000б: 181—208). В погребении Мщ-4, 7/3 (рис. 4: 4) и Мщ-4, 14/1 (рис. 11: 4) отмечено по одному кресалу. Они относятся к типичным находкам на территории Северо-Восточного Причерноморья, обычно датируемым в пределах XII—XIV вв. (Армарчук, Дмитриев 2014: 123, рис. 53 и др.). Точно такие же кресала встречены и в других захоронениях могильника «Молоканова щель».

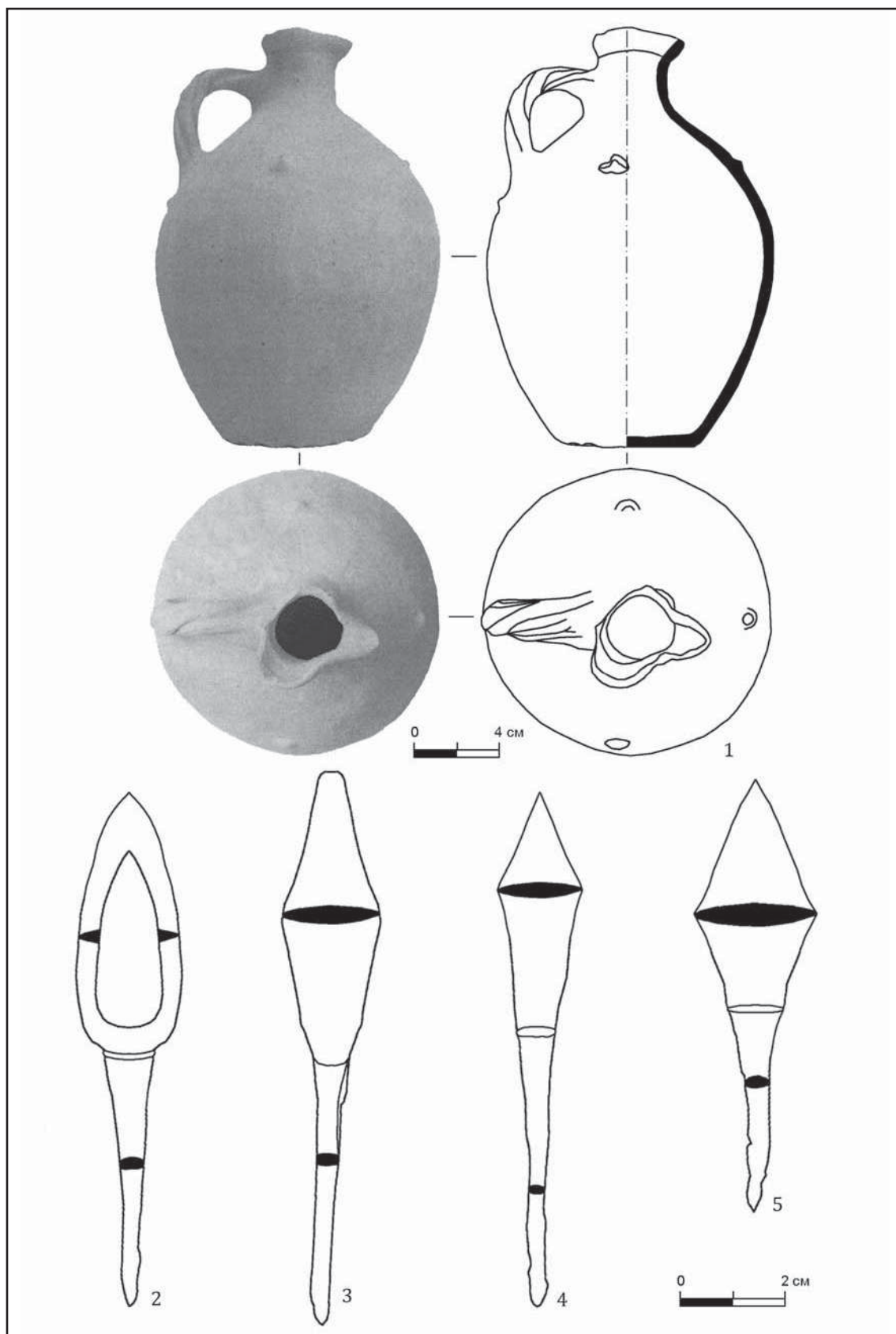
Посуда. В публикуемых материалах находки этой категории представлены двумя керамическими сосудами (рис. 3: 1; 10: 1) и одним стеклянным стаканом (рис. 11: 15), который находился в одном захоронении с керамическим сосудом (рис. 8: 8—9).

Керамика. Сосуд из погребения Мщ-4, 7/3 (рис. 3: 1) — одноручный кувшин со сливом, расположенным перпендикулярно ручке, гончарный, кирпично-красного цвета. В месте наибольшего расширения тулова орнаментирован плохо сохранившимися врезными горизонтальными линиями. Высота сосуда — 19,5 см, диаметр горловины — 6 см, в месте максимального расширения тулова — 12 см, дна — 6,7 см. Дно плоское. Ручка овальной формы в сечении.

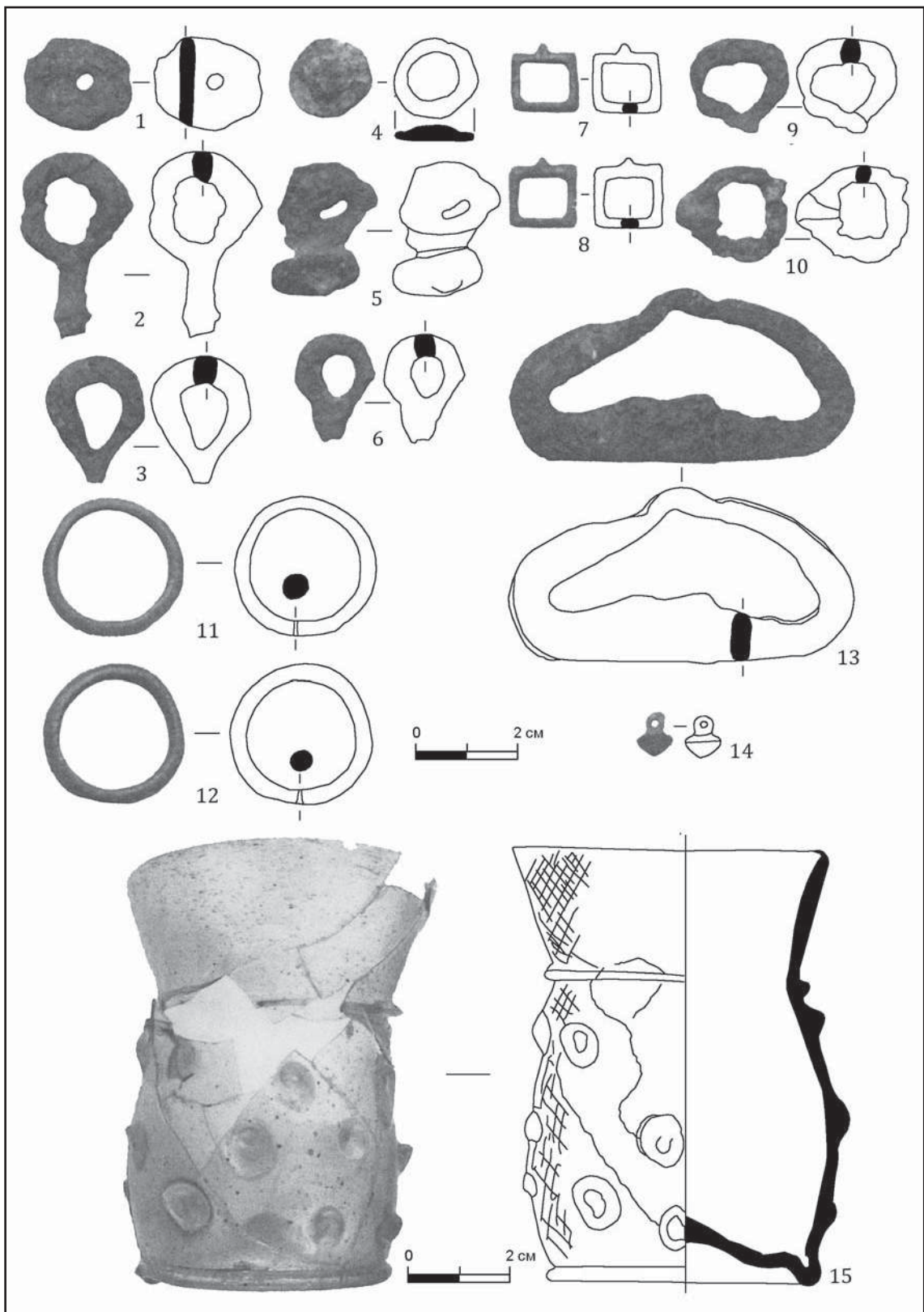
Рис. 9. Могильник «Молоканова щель», курганная группа 4, курган № 14. Инвентарь погребения № 1: 1 — сабля; 2 — перекрестье сабли; 3 — наконечник ножен сабли; 4 — наконечник ножен ножа; 5 — фрагмент лезвия ножа; 6, 7 — детали крепления ножен сабли (1—7 — железо).

Fig. 9. The burial ground "Molokanova Shchel", the barrow group 4, the mound № 14. Inventory of burial no. 1: 1 — saber; 2 — crosshairs of the saber; 3 — tip saber's scabbard; 4 — tip of the knife sheath; 5 — fragment of the knife blade; 6, 7 — the details of the attachment of the saber sheath (1—7 — iron).

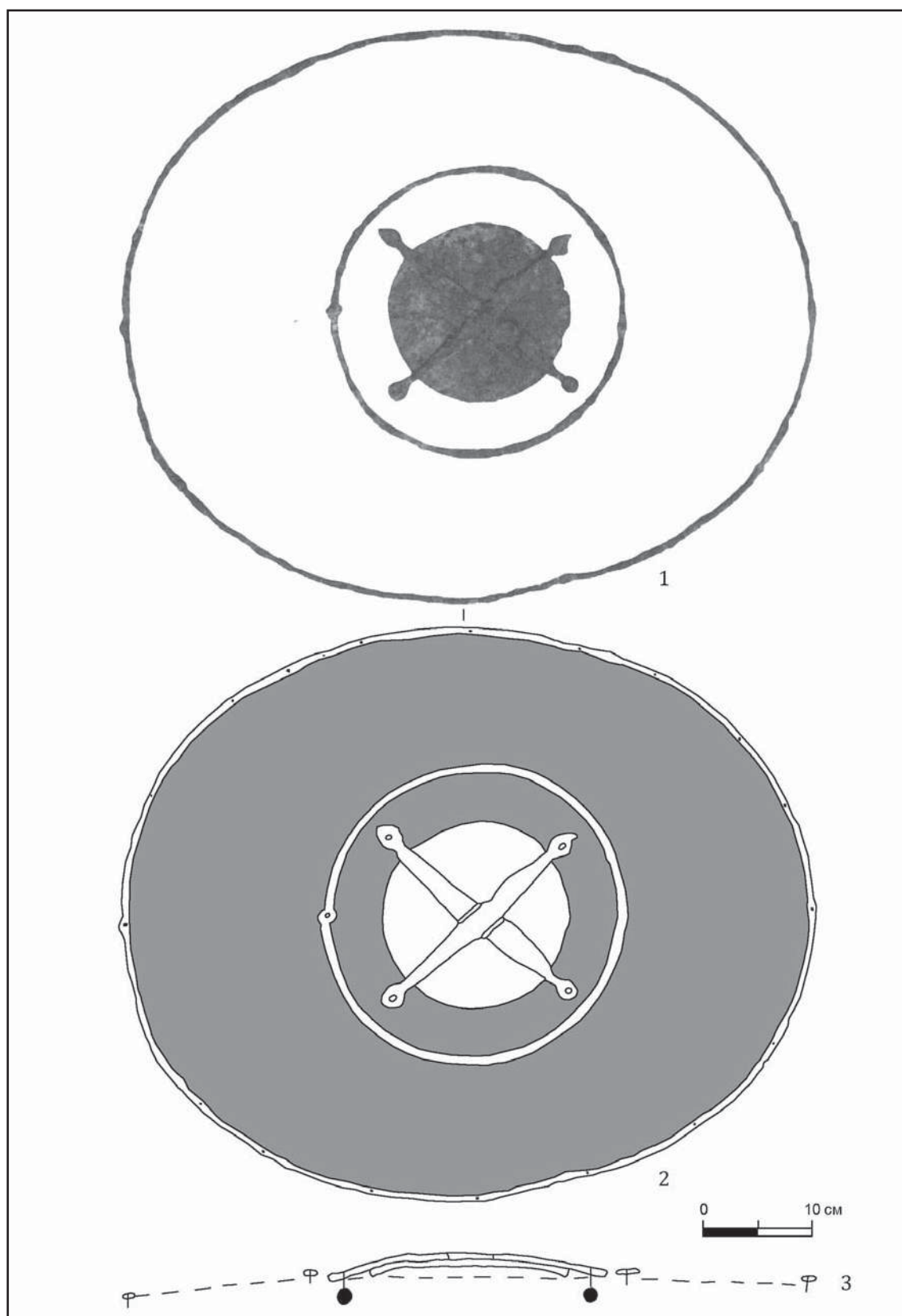
Рис. 10. Могильник «Молоканова щель», курганная группа 4, курган № 14. Инвентарь погребения № 1: 1 — керамический сосуд; 2—5 — железные наконечники стрел.

Fig. 10. The burial ground “Molokanova Shchel”, burial group 4, barrow no. 14. Inventory of burial no. 1: 1 — ceramic vessel; 2—5 — iron arrowheads.

Рис. 11. Могильник «Молоканова щель», курганная группа 4, курган № 14. Инвентарь погребения № 1: 1—6 — детали щита; 7, 8 — пряжки (?); 9, 10 — пряжки; 11, 12 — кольца; 13 — кресало; 14 — бубенчик-пуговица; 15 — стакан (1—10, 13 — железо, 11—13 — бронза, 15 — стекло).

Fig. 11. The burial ground "Molokanova Shchel", burial group 4, barrow no. 14. Inventory of burial no. 1: 1—6 — details of the shield; 7, 8 — buckles (?); 9, 10 — buckles; 11, 12 — rings; 13 — clasped; 14 — bug-button; 15 — glass (1—10, 13 — iron, 11—13 — bronze, 15 — glass).

Рис. 12. Могильник «Молоканова щель», курганная группа 4, курган № 14. Инвентарь погребения № 1: 1 — план расположения деталей щита; 2 — план расположения деталей щита и следов деревянного каркаса; 3 — щит, вид сбоку.

Fig. 12. The burial ground "Molokanova Shchel", burial group 4, barrow no. 14. Inventory of burial no. 1: 1 — the layout of the shield parts; 2 — the layout of the parts of the shield and the traces of the wooden frame; 3 — shield, side view.

Сосуд из второго погребения (Мш-4, 14/1) — крупный одноручный кувшин со сливом (рис. 10: 1), также красно-охристого цвета, высотой 28,5 см. Диаметр горловины 13×15 см. Горловина оформлена в виде заметно отогнутых наружу трех полукружий (частично отбиты), одно из которых (напротив ручки), чуть больших размеров, переходит в слив. Диаметр сосуда в месте наибольшего расширения тулова 21 см, дна — 12 см. Ручка овальной формы в сечении с выпуклой верхней поверхностью. По верхней плоскости ручки нанесены косые врезные линии, имитирующие витки. Подобные ложновитые ручки на могильнике «Молоканова щель» были встречены, как минимум, еще в трех погребениях.

Еще одной особенностью данного сосуда являлось то, что по его плечам (крест-накрест) располагалось по одному рельефному сосцевидному налепу (рис. 10: 1): самый высоко расположенный налеп находился под сливом. Перпендикулярно ему, по бокам сосуда, два налепа помещены на одном уровне. Последний, четвертый налеп — под нижним прилепом ручки. Подобные налепные украшения известны, к примеру, на пока не опубликованной керамике с территории поселения золотоордынского времени «Железнодорожное-1» (Краснодарский край) и Келийского могильника (высокогорная Ингушетия).

Стекланный стакан зеленого цвета (рис. 10: 15), фрагментирован. После реставрации высота сосуда определена в 14,6 см, диаметр по венчику — 6 см, по горловине, отделенной от тулова тонкой рельефной полоской, — 5,2 см, в месте наибольшего расширения тулова — 6,2 см. Дно, конусовидно заглубленное внутрь, с внешней стороны образует слабо выступающее наружу кольцо-поддон. По внешней поверхности стакан декорирован тремя рядами рельефных сосцевидных налепов. Стекланная посуда, как правило, происходит из подкурганых захоронений Северо-Восточного Причерноморья. Несмотря на отсутствие исчерпывающе полной публикации, коллекция ныне известных находок стекланный посуды достаточно представительна, выразительна, многочисленна и разнообразна. Из уже опубликованных материалов этого региона укажем на стекланный стакан иной формы из погребения № 16 Цемдолинского могильника (Армарчук, Малышев 1997: 100, рис. 8). Фрагменты таких же стаканов известны и значительно восточнее, например, на территории совр. Чечни (Мамаев, Мамаев, Нарожный 2012: 125, № 42, 46). Выразительная кол-

лекция стекланный посуды с территории Северо-Восточного Причерноморья, происходит из погребений курганных могильников «Криница» и «Молоканова щель» под г. Геленджиком (неопубликованные раскопки А.В. Дмитриева), а также из курганов в окрестностях г. Сочи (Василенко 2007: 250—251, рис. 3: 7; 4: 1; 262, рис. 12: 4; 264, рис. 14: 6; 2008: 279, рис. 14: 1). Известны они и на других памятниках микрорегиона, в т.ч. из погребений курганного могильника «Лобанова щель» (Марченко, Пьянков 2002: 213, рис. 25: 1; Козюменко, Раев 2002: 255, табл. 12: 3). Ныне известные в Северо-Восточном Причерноморье разнотипные изделия стекланный посуды, включая и публикуемый нами стакан, тяготеют к находкам посудного стекла, например, из золотоордынского Азака. Там такие предметы связывают с импортами стекланный продукции из мастерских Ближнего Востока, Средней Азии, Золотой Орды, включая и сам Азак и итальянской Венеции (Кравченко 2016: 39—44). Учитывая соседство вышеуказанных курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья, в инвентаре которых были выявлены упомянутые изделия из стекла, их распространение здесь более уместно соотносить с торговой активностью, осуществлявшейся через европейские (итальянские) фактории, якорные стоянки и иные специально использовавшиеся для торговли и обмена участки прибрежной полосы региона (Артюхин 2013: 347—362; Бочаров 2017: 57—63, рис. 1; Василенко 2017: 184—185). Именно с ними предпочтительнее связывать приток и распространение такой продукции в микрорегионе (Нарожный 2017б: 10—11).

Прочие предметы. В их число входит распавшаяся игла из железной проволоки, находившаяся в погребении Мш-4, 7/3 (рис. 2: 3), а также металлические кольца. Одно из них — распавшееся железное кольцо из погребения Мш-4, 7/3 (рис. 2: 6). Еще два бронзовых кольца из погребения Мш-4, 14/1 (рис. 11: 11, 12), неясного функционального назначения, могли являться частью портупейных ремней, при помощи которых эти ремни крепились к ножнам сабли.

Несколько железных предметов (рис. 11: 1—6), были обнаружены под центральной частью щита погребения Мш-4, 14/1 (рис. 8); они могли являться деталями крепления железных обивок щита. Пряжки (?) подпрямоугольной формы с перпендикулярно отходящим от рамки отростком (рис. 11: 7, 8), как и две железные пряжки небольших размеров

(рис. 11: 9, 10), скорее всего, от ремня, крепившегося с внутренней стороны щита к его центральной части.

Предметы вооружения

Топор. Средневековые авторы отмечали наличие боевых топоров, входивших в экипировку практически каждого татаро-монгольского воина (Путешествие 1957: 50—51). В. А. Иванов, разделяя точку зрения М. В. Горелика, на примере Болгарского улуса, называет эту категорию вооружения региональной (Иванов 2015: 81). Опираясь на свою выборку кочевнических погребальных комплексов из 382 погребений (это примерно 32,4% всех учтенных им кочевнических захоронений эпохи Золотой Орды, содержавших в себе как отдельные воинские предметы, так и полные наборы воинского снаряжения), В. А. Иванов отмечает: на все указанное количество погребений в этой выборке приходится всего 2 случая фиксации в них топоров (Иванов 2015: 81—82, табл. 9).

На территории Северо-Восточного Причерноморья (ныне — территория совр. г. Геленджика) еще один типологически близкий топор был опубликован В. В. Саханевым (Саханев 1914: 196, рис. 50: 2). Называя находку «топориком-секирой» (курган №35 из раскопок В. В. Саханева), исследователь полагал, что это «единственная находка» подобного типа на территории Причерноморья (Саханев 1914: 199). Находки близких топоров известны из культурного слоя поселений золотоордынского времени «Железнодорожное-1» и «Железнодорожное-2» (Нижнее Закубанье), исследованных в 2012 году (Василиненко, Нарожный, Соков 2017: 187, рис. 1). Они надежно синхронизируют и публикуемую нами находку. К тому же, ныне есть веские основания полагать возможной связь кочевого населения округа совр. г. Геленджика, включая и территорию, где расположен могильник «Молоканова щель», с частью населения, обитавшего в округе поселений «Железнодорожное-1» и «Железнодорожное-2» (Мокрушин, Нарожный, Соков 2016: 221—224).

Сабли. В обоих публикуемых захоронениях сабли были уложены аналогичным образом: вдоль погребенных, с левой стороны, острием сабельных клинков к плечу и концом рукоятей к ступне (рис. 2; 8). В качестве единственного отличия следует указать на то, что в погребении Мщ-4, 7/3 сабля лежала острой стороной лезвия к скелету; в погребении

Мщ-4, 14/1, острая часть лезвия была повернута к скелету. В обоих способах укладки сабель А. В. Евглевский видит определенный семантический смысл. Судя по другим кочевническим захоронениям Восточной Европы, способ положения сабли «острием к изголовью» был выделен А. В. Евглевским в отдельный признак (Евглевский 2002: 325—326, рис. 49). А. В. Евглевский ссылается на 38 случаев именно такого расположения сабли в кочевнических захоронениях; в 34 из них, как и в публикуемых нами захоронениях, сабли располагались слева от человеческого скелета. К тому же, как отмечает исследователь, такое положение сабель в захоронении статистически доминирует на территории «Прикубанья, Закубанья и на Нижнем Дону». При этом, продолжает он, «заметно бросается в глаза» их преобладание «в Северо-Западном Предкавказье» наряду с их «относительно частой встречаемостью в междуречье Днепра и Молочной, в Крыму и на Нижнем Дону» (Евглевский 2002: 227—327). Другими словами, публикуемые материалы выявленной ранее статистике не противоречат, а наоборот, подтверждают ее.

По мнению В. А. Иванова, также опирающегося на некоторые итоги собственной статистической обработки материалов из кочевнических захоронений, сабля, наряду с доспехом и наборным поясом (отсутствующими в нашем случае), могут восприниматься в качестве «социально-престижных предметов» (Иванов 2015: 62), вполне определенно маркирующих прижизненный статус погребенных в этих захоронениях.

У сабли из погребения Мщ-4, 7/3 перекрестье не сохранилось или отсутствовало при помещении сабли в погребение. Сохранилась обойма нижней части ножен сабли (рис. 9: 3) средних размеров. Следует заметить: эта деталь сабель на территории Северо-Западного Кавказа нередко имеет внушительную длину. Асимметричное перекрестье этой же сабли (рис. 9: 2) напускное. Его тип известен по аналогиям, датированным золотоордынским временем. Такое же перекрестье отмечено на сабле из кочевнического захоронения № 1 кургана 2 могильника Южный-34 в Краснодарском крае (Блохин, Дьяченко, Скрипкин 2003: 207, рис. 8: 10). Есть они и среди материалов золотоордынского времени из высокогорной Ингушетии, например, в погребении №11 Келийского могильника (Виноградов, Нарожный 1994: 90, рис. 17: 21). Наиболее ранние образцы сабель с таким типом перекрестья известны в Поросье (Толочко 2003: 84, рис. 24).

Обе публикуемые сабли по своей длине и, особенно, степени изогнутости (кривизне) сабельных клинков сопоставимы с саблями, происходящими из погребений других курганных могильников Северо-Восточного Причерноморья, среди которых наиболее изученными являются сабли из Цемдолинского могильника под Новороссийском. Весьма показательно, что сабли Цемдолинского могильника, на что Е. А. Армарчук и А. А. Мальшев обращают особое внимание, по своей «кривизне и длине... укладываются в соответствующие параметры сабель черноклобуцких древностей XII — 1-й пол. XIII вв.» (Армарчук, Мальшев 1997: 95; ср.: Плетнева 1973: 17—18). Аналогии вполне определяющие, хотя датировка публикуемых нами сабель, как и на Цемдолинском могильнике, вполне укладывается и в рамки золотоордынской эпохи. Одновременно они указывают, с одной стороны, на значительно более широкий ареал бытования дериватов «черноклобуцких» сабель вдали от ареала традиционной зоны обитания указанных кочевников (приграничье Южной Руси). С другой стороны, такие параллели не позволяют соглашаться и с иногда встречающейся трактовкой таких сабель как оружия с традиционно «адыгским» генезисом (Стрельченко 1960: 150).

Наконечник копья. Данная категория предметов вооружения, как полагают специалисты, активно использовались при нанесении «копейного удара», являвшегося одним из традиционных тактических приемов монгольской конницы (Горелик 1990: 159), или для «таранного удара» тяжеловооруженной конницей (Иванов 2015: 94). В уже упоминавшейся выше статистической выборке кочевнических погребений В. А. Иванова (382 погребения) «наконечники копий связаны были только с 21 захоронением, составляющих 5,4%» всей выборки (Иванов 2015: 92).

В археологических памятниках Северного Кавказа наконечники копий встречаются значительно чаще, хотя и здесь они немногочисленны. Помимо публикуемого образца, наконечники копий эпизодически известны в погребальном инвентаре и других воинских захоронений могильника «Молоканова щель». Наконечник копья из погребения Мш-4, 14/1 фрагментирован, сильно коррозирован. Общая его длина — 35 см, диаметр втулки — 2,2 см. Квадратная в сечении пера «пика» имеет близкие аналогии, в т. ч. с более развитым конусовидным втком. Аналогии таким наконечникам копий известны, например, в древностях Алтая монгольского времени (Тишкин 2009: 154, рис. 103: 1), в погреб-

бальном инвентаре кочевнических захоронений Поросья (Dąbrowska 1958: 167, tabl. VIII: 2) и в высокогорных частях Ингушетии (XIII—XIV вв.) (Чахкиев 1987: 70, рис. 1: 6) и Чечни (Алмазов, Дзариева, Чахкиев 1998: 41, рис. 4: 1). Наиболее близкие аналогии им известны с территории Краснодарского края (Схатум 2012: 68, рис. 2: 2), и в Башкортостане, где подобный наконечник опубликован среди железных «наконечников стрел» (Гарустович 2012: рис. 6: 1). Обращает на себя внимание то, что у публикуемого нами образца, впрочем, как и у предмета из Башкортостана — небольшой по диаметру вток, отчего диаметр древка, вставлявшегося внутрь, был небольшим. Это позволяет предполагать, что оба сравниваемых нами предмета могли являться не наконечниками копий, а наконечниками метательных дротиков (?).

Наконечники стрел. В публикуемых материалах наконечники стрел представлены колчанными наборами (рис. 2: 1, 2; 4: 2, 3, а-м; 10: 2—5), сопровождавшими оба захоронения. В первом случае (погребение Мш-4, 7/3) несмотря на то, что наконечники стрел были сильно коррозированы и спеклись в один массивный комок, последующая их расчистка позволила определить их количество — 12 экз. (рис. 4: 3, а-м). Интересно, что, по наблюдениям В. А. Иванова, основная масса исследованных им кочевнических захоронений демонстрирует среднестатистическое количество наконечников стрел в одном колчане, не превышающее 5 экз. (Иванов 2017: 100). Тем не менее, в некоторых захоронениях их бывает значительно больше. Публикуемое захоронение это подтверждает. Значительное количество наконечников стрел продемонстрировало также, например, разрушенное горноингушское воинское захоронение нач. XV в. из сел. Верхний Алкун. Находки оттуда позволяют считать, что в нем находился не один, а сразу два колчанных набора (Чахкиев, Нарожный 1990: 129—140)³.

³ Совсем недавно данное погребение и его погребальный инвентарь были использованы в совершенно ином этнокультурном контексте, на что в литературе мы уже указывали (Нарожный, Чахкиев 2010: 137—139). Так, без ссылок на первоисточник информации, часть предметов верхнеалкунского комплекса, которые хорошо и безошибочно угадываются (Березин, Нарожный 2010: 195—207), появилась в публикации образцов вооружения «северокавказских воинов-участников Куликовской битвы» (Щербаков, Дзыйс 2001: 24, рис. 1). Это совсем не соответствует историческим реалиям (Нарожный, Чахкиев 2010: 137—139) хотя бы по той причине, что комплекс из Верхнего Алкуна дати-

Большинство наконечников стрел из погребения Мщ-4, 7/3 — с плоским пером, но разнотипные по его форме (рис. 4: 3, а-м). Многие из них имеют многочисленные, как типологически близкие, так и тождественные аналогии среди наконечников стрел золотоордынского времени с территории Северного Кавказа (Мамаев, Чахкиев, Даутова 1983: 61—63, рис. 9; 10). Один наконечник (рис. 4: 3 м) с короткой боевой частью, пулевидной формы. Наибольший интерес представляют два трехлопастных наконечника (рис. 4, 3 ж, л). Один из них (рис. 4: 3 ж) относится к типу наконечников стрел, которых называют «трехлопастными с кунжутolistными лопастями». Аналогии известны в кочевнических памятниках Центральной Азии, в раскопанных материалах с территории русских городищ, разрушенных монголо-татарами, а также на территории бывшей Чечено-Ингушетии (Мамаев, Чахкиев, Даутова 1983: 63, рис. 11: 6, 6б, группа В, тип 2). Любопытно, что аналогии по своим размерам почти идентичны публикуемому образцу. А. Ф. Медведев рассматривал такие образцы как «сибирские» привнесения монголо-татар (Медведев 1966: 59, рис. 5: 5). Нередко наконечники стрел этого типа дополнительно имели костяной «свисток». Второй трехлопастный наконечник стрелы (рис. 4: 3 л), чуть меньших размеров. Насколько можно судить по сохранившимся остаткам, наконечники стрел находились, скорее всего, в деревянном колчане (или — колчанах), обтянутом кожей. Одиннадцать наконечников стрел в нем лежали острием вниз («в дно») и лишь один из них — в противоположном направлении.

руется двумя (Чахкиев, Нарожный 1990: 129—140), а не тремя, как ошибочно отметил А. В. Пачкалов, серебряными монетами Хаджитархана, битыми от имени Пулад-хана. Недавно этот же погребальный комплекс был воспроизведен и в 3-м томе 7-томной «Истории татар» (История татар... 2009: 418), в которой он был презентован как «кочевнический» погребальный комплекс. На самом деле мы имеем дело с погребением горно-ингушского воина, обитавшего в нач. XV века в высокогорной зоне Ингушетии (Нарожный, Чахкиев 2010: 237—238), как считается, не входившей в пределы Золотой Орды. Уточнилось и прочтение двух тождественных надписей на 2-х фрагментах керамики из погребения, начертанных буквами грузинского алфавита ассомтавули. Если раньше, по определению грузинских специалистов, надпись содержала средневековое личное имя (?): «ТАЛЕВР» (Чахкиев, Нарожный 1990), то ныне это прочтение, возможно, будет уточнено (Мамаев, Мамаева, Мамаев 2016: 334—335).

Второй колчаный набор, как и в первом случае, внутри погребения располагался справа от правой ступни погребенного (рис. 8: 14; 10: 2—5), также остриями вниз («в дно»). Но в отличие от первого захоронения, в погребении Мщ-4, 14/1 в колчанном наборе было всего 4 наконечника (рис. 10: 2—5). Все 4 экземпляра черешковые, с плоским пером. У одного из них (рис. 10: 2) в средней части пера расположен сквозной вырез, стороны которого заовалены и параллельны внешним контурам. Подобные наконечники стрел («с прорезью») хорошо известны в материалах золотоордынского времени (Мамаев, Чахкиев, Даутова 1983: 61, рис. 9: 12); они нередко квалифицируются как «зажигательные», поскольку, как считается, в такие прорези могла вставляться пакля, предварительно обильно смоченная нефтью или какими-либо другими горящими веществами, поджигавшимися перед выстрелом из лука.

Шлем. Шлемы, судя по свидетельствам некоторых из средневековых авторов, наряду с саблём и латами, являлись атрибутами только «богатых» и лишь «некоторых» кочевников (Путешествия 1957: 50—51).

В публикуемых материалах шлем представлен единственным экземпляром — в погребении Мщ-4, 7/3. Как уже отмечалось выше, шлем этот был склепан из 4-х секторов, края которых расположены внахлест, заходя на соседний сектор, и дополнительно скреплялись заклепками. Эта группа шлемов имеет прямые и близкие аналогии на территории Северо-Западного Кавказа и не только. Вероятно, в их типологической классификации сегодня следует выделять уже несколько вариантов, скорее всего, производных от одного типа. На такую постановку вопроса, к примеру, наталкивает относительно недавняя, небольшая по своему объему книга уважаемых коллег из музея-заповедника «Куликово поле» (Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012). Опираясь на беспартизанную находку еще одного четырехчастного шлема из-под г. Анапа в Краснодарском крае, указанные авторы создали актуальный прецедент для нового и несколько иного отношения к проблеме генезиса и атрибуции таких шлемов. Публикуя боевое наголовье из-под Анапы, О. В. Двуреченский, А. В. Барышев и П. В. Бирюков использовали различные возможности естественнонаучных методов, позволивших разносторонне изучить эту находку, выявив при этом множество ранее никем и никогда не фиксированных деталей. Такой подход к ис-

следуемым артефактам необходимо только приветствовать. Вместе с тем, наши коллеги недостаточно полно, а вследствие этого, недостаточно корректно представляют историографический аспект изучения таких шлемов⁴. В частности, они утверждают, что «внимание к шлемам подобного типа было привлечено совместной публикацией Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко (Схатум, Дымченко 2003: 29—35). А в 2008 году Е.И. Нарожный вновь обратился к рассмотрению четырехчастных шлемов» (Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 10). На самом деле это не совсем так. Справедливости ради укажем на публикацию кочевнического захоронения из степного Прикубанья, в погребальном инвентаре которого был четырехчастный шлем. Этот погребальный комплекс был введен в научный оборот Ю.В. Зеленским. Судя по этой публикации, шлем был не только изготовлен из четырех подтреугольных секторов (т.е. был четырехчастным), но и имел дополнительные детали, отсутствующие на упомянутом выше шлеме из-под Анапы: на его лицевой стороне были неглубокие вырезы для глаз; купол этого шлема был увенчан наверху крестообразной формы (рис. 6: 8) (Зеленский 1997: 90). Получается, что Ю.В. Зеленский, а не Р.Б. Схатум и В.М. Дымченко, является одним из первых авторов, обратившим внимание на этот тип шлемов, отнеся данное боевое наголовье к разряду «половецких». Приведенные Ю.В. Зеленским аналогии этому боевому наголовью вызвали возражения, т.к. в качестве одной из прямых параллелей ему был указан шлем из известного погребения в Чингушском кургане на Украине. Не совсем сопоставимы с этим шлемом были и другие аналогии, указанные Ю.В. Зеленским. В 2003 г. появилась уже отмечавшаяся выше статья Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко. В ней была опубликована их совместная реконструкция четырехчастного шлема, происходившего из погребения кургана №24 Убинского могильника (Схатум, Дымченко 2003: 29—35). Приводя ему несколько аналогий из захоронений Цемдолинского могильника под Новороссийском, авторы максимально сблизжили и синхронизировали убинский шлем со шлемом, опубликованным Ю.В. Зеленским (т.е., со шлемом, имевшим вырезы для глаз и крестообразное навершие). Наряду

с этим, ссылаясь на текст «Задонщины», упоминавшей «шеломы черкасские», они высказались за возможность связать все известные им четырехчастные шлемы именно с теми самыми «черкесскими» шлемами русского источника. Отсутствие у Р.Б. Схатума и В.М. Дымченко более доказательной аргументации, при довольно неопределенной датировке и этнокультурной атрибуции погребенных Убинского могильника⁵, давали

⁵ Убинский курганный могильник, находившийся на притоке Кубани — р. Убина, исследовался с 14 апреля по 24 июня 1941 г. силами Шапсугской археологической экспедиции краевого бюро по охране памятников старины и Краснодарским краевым краеведческим музеем. Общее руководство экспедицией осуществлялось Н.Н. Анфимовой. В Краснодарском краевом музее материалы этих раскопок представлены в «дневниках, чертежах, планах курганов и могильника, рисунками предметов, фото погребений, фотодневником, ... таблицами с описаниями погребений и пр.» (Хачатурова 2012: 92). К сожалению, до сих пор материалы эти не опубликованы, несмотря на то, что работа с материалами проводилась даже при финансовой поддержке РГНФ. Отсутствие полной информации об Убинском могильнике по-прежнему не дает возможности для выработки единой точки зрения как по датировке и определению общей хронологии могильника, так и по этнокультурной атрибуции погребенных на нем. Тем не менее, таковые попытки уже предпринимались. А.П. Смирнов в свое время считал Убинский могильник связанным с славянами. А.Л. Монгайт справедливо считал этот некрополь вызывающим «большой интерес» и высказывал сожаление, что результаты его раскопок «до сих пор не опубликованы. Коллекции, находящиеся в Краснодарском музее, за истекшие годы с момента раскопок (1940—1941 гг.), пришли в беспорядок и изучение комплекса могильника с течением времени, все больше затрудняется». Исследователь сообщал, что на могильнике было вскрыто 300 могил, суммарно относимых к периоду «X—XIV вв.», из которых 30 — трупосожжения. При этом А.Л. Монгайт справедливо указал: в материалах могильника «нет ничего, связывающего Убинский могильник со славянской культурой» (Монгайт 1955: 331). Существование на могильнике и других, более поздних групп погребений, отмечают и другие авторы (Пьянков, Хачатурова 2010: 301—303). Среди погребений Убинского некрополя явно выделяется группа, относящаяся к золотоордынскому времени, нельзя игнорировать. На такую датировку указывают 7 джучидских монет, происходящих из одного погребения. По определению Г.А. Федорова-Давыдова, они относятся к началу второй пол. XIV в. (Виноградов, Нарожный, Нарожная 2001: 128). Монеты эти, вероятно, указывают и на относительную датировку интересующего нас шлема из Убинского могильника (Нарожный 2005: 83—100; 2008: 42—54). В отличие от предшественников, Е.П. Алексеева, опираясь на факт наличия на Убинском могильнике трупосожжений, рассматривала некрополь как один из памятников, оставленных здесь предками современных

⁴ Указанные авторы вполне справедливо выявили несколько неточностей в рассматриваемой ими нашей статье, но при этом они и сами допустили несколько подобных погрешностей и неточностей.

определенный повод для критического восприятия данной версии. На этом основании, сначала в 2005 году (а не в 2008 г., как пишут О. В. Двуреченский, А. В. Барышев и П. В. Бирюков), была высказана другая точка зрения. Подчеркну: она касалась не всего многообразия известных к тому времени четырехчастных шлемов, а только *двух из них* — шлема из публикации Ю. В. Зеленского, а также идентичного ему шлема из совместной статьи Р. Б. Схатума и В. М. Дымченко. В работе 2005 года Е. И. Нарожный не согласился с точкой зрения Ю. В. Зеленского в том, что четырехчастные шлемы с вырезами для глаз и крестовидным навершием — сугубо половецкие, т. к. они могли быть и золотоордынскими, поскольку известны в погребениях разноэтничных кочевников региона. Сомнению подверглась и идентификация этого типа шлемов с сугубо «черкесскими», в т. ч. теми из них, которые, якобы, подразумевались «Задонщиной». Этот тип шлемов, как представлялось тогда, мог сформироваться в Золотой Орде (Нарожный 2005: 93—100). Та же точка зрения была затем повторена в 2008 году (Нарожный 2008: 52—54) и в 2011 г., при публикации новых находок, в т. ч. включавших находку четырехчастного шлема с вырезами для глаз и крестовидно расположенным навершием (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 32, рис. 7: 2; 93, рис. 38: 1), комментируя их (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 90—95). Однако О. В. Двуреченский, А. В. Барышев и П. В. Бирюков указанной разницы не учитывают. Публикуя другой вариант четырехчастного шлема из-под Анапы (рис. 6: 3) — без вырез для глаз и без навершия, указанные авторы, фактически, разделили точку зрения Р. Б. Схатума не только в определении им

«черкесского» генезиса шлема, но и в отождествлении его с типом шлемов, подразумевавшимся «Задонщиной». Но при этом, завершая свои рассуждения, наши коллеги не исключили и «половецкого» его происхождения, указав на шлем, изображенный на одном из изваяний с территории Краснодарского края (рис. 6: 1). Несмотря на отмеченную противоречивость, версию Р. Б. Схатума, поддержанную О. В. Двуреченским, А. В. Барышевым и П. В. Бирюковым, недавно разделили А. В. Сальников (г. Армавир) и Л. А. Бобров (г. Новосибирск), хотя в приведенных ими аргументах легко заметить и некоторые противоречия «черкесской» атрибуции шлемов. В частности, авторы утверждают: «не гнушались черкесским защитным вооружением и представители российской знати. Так, например, на страницах пространной редакции “Задонщины” (написанной, предположительно, в 20—30-е гг. XVI в.), отборные русские воины вступают в бой, одетые в “золотые доспехи”, с “московскими” щитами, но имея на голове высокие “шоломы чиркаския”» (Bobrov, Salnikov 2017: 728). Однако четырехчастные шлемы, о которых идет речь, никак не назовешь высокими шлемами (рис. 6). Таким образом, разделяя идею «черкесского» генезиса четырехчастных шлемов по версии уже упоминавшихся предшественников, Л. А. Бобров и А. В. Сальников под упоминавшимися в «Задонщине» «шоломами черкесскими», видимо, справедливо ассоциируют с ними известные образцы «черкесских» шлемов других и более поздних по времени типов. Подобная характеристика к приземистым шлемам с четырехчастной структурой купола (рис. 3: 2; 6: 3—10) вряд ли приемлема.

Увеличение количества ныне известных шлемов, в числе которых и публикуемый нами образец, заставляет вновь вернуться к вопросу о генезисе четырехчастных шлемов.

К настоящему времени, помимо публикуемого нами шлема, появились и другие сведения о новых их находках. Помимо случайной находки шлема из-под Анапы (Схатум 2011: 189—201), год спустя детально изученного О. В. Двуреченским, А. В. Барышевым и П. В. Бирюковым, теми же авторами была опубликована фотография такого же шлема на голове половецкой статуи (рис. 6: 1), хранящейся в фондах Краснодарского историко-археологического музея-заповедника (Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 44—45, рис. 29; 30). Но эта аналогия с половецкой скульптуры далеко не единственная. Можно указать на еще одну скульптуру из станичного музея в Белоглинском районе Краснодарско-

абазинов (Алексеева 1980: 14—49). Другие авторы воспринимают этот могильник как некрополь средневековых «касогов-касаков-кашаков», упоминаемых письменными источниками (Пьянков 2001: 198—211; 2002: 67—69). Позднее, без каких-либо аргументов на этот счет, могильник стал атрибутироваться как «адыго-черкесский» (Схатум 2003: 223—234; 2011: 189—201). В последнее время появилась версия П. С. Успенского, который, по крайней мере, кремации данного объекта соотносит с «зихско-касожскими» захоронениями (Успенский 2012: 188—196; 2013: 86—98; 2015; Успенский и др. 2013: 141—153). Подобный разницей, как представляется, диктует первоначальную потребность в полной публикации всех сохранившихся материалов Убинского могильника, что, вероятно, в конечном итоге позволит выработать общую точку зрения относительно его этнокультурной принадлежности.

го края (рис. 6: 2) (Нарожный, Соков 2015: 123, рис. 12: а, б). Типологически близкие шлемы изображены и на многих других половецких каменных изваяниях, в свое время опубликованных С. А. Плетневой. Основная масса этих скульптур приходится на территорию современной Украины (Нарожный, Соков 2015: 108). Аналогии на статуях, вероятно, можно рассматривать в качестве одного из доказательств половецких (?) истоков шлемов этого типа, хотя не совсем понятна их датировка. С одной стороны, предложенная в свое время С. А. Плетневой домонгольская датировка изваяний как будто бы дает веские основания относить и изображенные на них четырехчастные шлемы к домонгольской поре. А их распространение на Северном Кавказе заманчиво связывать с расселением здесь половецких племен, судя по картографии их изваяний (Нарожный, Соков 2016: рис. 1), достаточно плотно освоивших степную и, отчасти, предгорные зоны региона. Как полагают многие авторы, время появления половецких на Кубани, с археологической точки зрения, относится к XII в. (Анфимов, Зеленский 1001: 145). С другой стороны, вряд ли можно исключать и значительно более позднее (золотоордынское?) время их появления, то — широкого расселения, на что указывают археологические находки.

Учитывая отмеченные аспекты проблемы, разделим известные нам четырехчастные шлемы на несколько вариантов.

Тип: шлемы четырехчастные.

Вариант 1. Шлемы полусферической формы, со слабовыраженным коническим выступом на макушке. Заметна широкая горизонтальная полоса-отпечаток вдоль нижнего края наголовья. Нижняя часть корпуса заметно сужается книзу, без вырезов для глаз и без навершия. Шлемы этого варианта известны по изображениям на половецких каменных статуях (рис. 6: 1, 2), а также по археологическим находкам изделий. Одна из них — уже упоминавшаяся случайная находка шлема из-под Анапы (рис. 6: 3) (Двуреченский, Барышев, Бирюков 2012: 18—30 и сл.). Другой такой же шлем происходит из закрытого археологического комплекса — погребения курганного могильника «Джубга-1» (рис. 6: 4) (Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 5). Это шлем золотоордынского времени, и по аналогии с ним, вероятно, можно к этому же периоду относить и шлем из-под Анапы.

Вариант 2. Полусферические шлемы со слабовыраженной конической вершиной. Тулья вертикально спускается книзу, без сужения, как на шлемах варианта 1. К это-

му варианту следует отнести публикуемый нами шлем из погребения Мцц-4, 7/3 (рис. 3: 2; 6: 5), датированный золотоордынским временем. Второй такой же и, вероятно, синхронный шлем — из кургана №35 раскопок В. В. Саханева под г. Геленджиком (рис. 6: 6) (Саханев 1914: 196, рис. 50: 13; 199). Третий шлем — случайная находка из пос. Головина под Сочи (рис. 6: 7) (Ильюков 2010: 15—18). Он, скорее всего, также синхронен вышеупомянутым шлемам этого варианта.

Вариант 3. Такие же, но с вырезами для глаз на лицевой стороне и с навершием крестообразной формы (рис. 6: 8—10) К ним относится уже упоминавшийся выше шлем (рис. 6: 8) из погребения в кургане у хут. Пролетарского в Кореновском районе Краснодарского края (Зеленский 1997: 90, рис. 2: 12). Второй шлем этого варианта происходит из подкурганного захоронения в Кавказском районе Краснодарского края (Блохин, Дьяченко, Скрипкин 2003: 208, рис. 9: 2; Нарожный 2005: 94—95, рис. 43: 2; 2008: 53, рис. 4: 2). К этому же варианту, судя по публикации Р. Б. Схатума и В. М. Дымченко (Схатум, Дымченко 2003: 29—35, рис. 1: 1—3), относятся и частично фрагментированные шлемы из Убинского могильника, как и упоминаемая ими аналогия из погребения №34 Цемдолинского некрополя под Новороссийском (Армарчук, Мальшев 1997: 104, рис. 13: 1). Еще один шлем этого же варианта происходит из кочевнического захоронения №8 кургана №1 могильника Лебеди VI (рис. 6: 8) в Краснодарском крае (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный 2011: 43, рис. 7: 2).

Находка тождественного боевого наголовья была отмечена и в инвентаре кочевнического захоронения №1 кургана №3 могильника Маяки II на Дону (рис. 6: 10) (Парусимов 2007: 322, рис. 4: 4)⁶.

⁶ Необходимо указать на еще один экземпляр четырехчастного «коническо-полусферического» боевого наголовья, с территории «Восточных Балкан», ныне хранящегося в частной коллекции. (D'Amato 2015: 51, 1: 1—6). Автор публикации предмета — Р. Д'Амато относит это боевое наголовье к «7 в. н.э.»; если принимать эту дату, данный экземпляр может рассматриваться как самый ранний из всех известных. В случае подтверждения этой датировки вполне может быть выстроена совершенно иная линия, определяющая как генезис таких шлемов, так и их эволюционно-хронологическое развитие. Однако, насколько можно судить по фотографии этого шлема, он четырехчастный, но отличается от наших тем, что имеет вершину конической формы. У наших образцов вершина почти плоская. На «балканском» образце имеется близкое по своему оформлению четырехлепестковое на-

Помимо указанных находок четырехчастных шлемов, включенных в вариант 3, нам известны еще, как минимум, до 15-ти других экземпляров. Это не только пока еще неопубликованные шлемы, но и те их образцы, которые будут введены в научный оборот в самое ближайшее время.

Все учтенные нами материалы, при существовании разных подходов к их оценке и датировке, так или иначе, связаны с погребальными памятниками, во-первых, *разноэтничного кочевого населения Северо-Западного Кавказа и Дона*. Во-вторых, все они — заведомо золотоордынского (XIV в.) времени, но и это не дает веских оснований считать их сугубо «адыго-черкесскими», которые, якобы, и подразумеваются в «Задонщине». Вполне вероятно, что своим происхождением изначально (вариант 1) они могли быть связаны с территорией Восточной Европы, в ранне-средневековье занятой разноэтничными тюркоязычными кочевниками. Возможно, что именно половцы или иные родственные и предшествовавшие им племенные объединения, включая и тюрков из приграничья с Южной Русью, привнесли этот тип боевых наголовий на Северо-Западный Кавказ. Здесь же шлемы не только «прижились», но и, как это демонстрируют варианты 2 и 3, сохранялись до золотоордынского времени, и при этом подвергались некоторой «модернизации». В ее рамках четырехчастные шлемы были несколько упрощены, что и привело к их производству в разных вариантах. Важно, что все варианты синхронно сосуществуют. Возможно, что в наиболее «полном» варианте (с вырезами для глаз) шлемы могли иметь и другие детали, например, накладные «брови» и наносник или невысокую полумаску. На макушке таких шлемов обязательно находилось навершие в виде крестообразной пластинки, в центре которой возвышалась полая трубка, округлое утолщение и пр., предназначенные для плюмажа. Конечно же, наличие всех перечисленных выше деталей, предположительно реконструируемых на шлемах этого варианта, пока не подкреплено «полным» их набором хотя бы на одном реальном экземпляре. Остается только надеяться на новые материалы, которые это

подтвердят или скорректируют, либо наоборот, полностью опровергнут. Важно другое: четырехчастные шлемы — не кавказского («адыго-черкесского») происхождения. Наиболее вероятно, что они являлись одним из наиболее широко распространенных типов боевых наголовий тюрков. В золотоордынское время они сохранились у представителей разноэтничного золотоордынского населения и стали вполне характерным типом шлемов в системе защитного вооружения Золотой Орды, по крайней мере, на территории ее владений на Западном Кавказе и на Дону.

Остатки щита. Данная категория воинского защитного вооружения, в принципе, не является хорошо изученной. Более известная по прорисовкам с изобразительных источников, эта категория археологически довольно представительна на территории Северо-Западного Кавказа. К сожалению, основная масса остатков таких щитов связана с разрушенными захоронениями, хотя к настоящему времени уже известно и несколько случаев их фиксации в закрытых погребальных комплексах, как и публикуемый нами щит из захоронения Мщ-4, 14/1.

Одним из первых авторов, обратившихся к изучению щитов, был М. Л. Стрельченко. Опираясь на раскопочные материалы уже упоминавшегося выше Убинского могильника, исследователь опубликовал реконструкцию одного такого щита из этого некрополя (Стрельченко 1960: 156, рис. 6: 1), позиционировав его как одну из разновидностей защитного вооружения средневековых «адыгских воинов». Позднее реконструкцию еще одного щита опубликовал В. А. Тарабанов. Остатки этого щита происходили из погребения могильника, исследованного близ аула Ленинохабль Теучежского района в Адыгее (Тарабанов 1984: 164—173). Очередные их находки, главным образом из разрушенных захоронений, эпизодически использовались другими авторами. В 2003 году появилась обобщающая статья Р. Б. Схатума, опубликовавшего практически исчерпывающую на то время сводку находок остатков щитов с территории Северо-Западного Кавказа. Все такие находки Р. Б. Схатум, исходя из территории распространения предметов, представил как традиционный защитный предмет вооружения «адыгских» воинов (Схатум 2003: 223—234); с некоторыми «косметическими» поправками основные выводы статьи были им продублированы в других работах (Схатум 2011: 189—201; 2012: 58—69). В 2004 г. вышла в свет статья

вершие, увенчанное округлым выступом. Неясно, были ли у этого шлема вырезы для глаз; фрагментарность нижнего края наголовья с одной из сторон, в принципе, не исключает того, что изначально и у этого шлема могли быть такие вырезы (D'Amato 2015: 51). Все это не исключает возможности и более поздней датировки данного шлема.

М. В. Горелика⁷, посвященная тем же самым предметам. В публикациях Р. Б. Схатума и М. В. Горелика заметна значительная текстовая и фактологическая схожесть. Оба автора высказали мысль о возможности распространения таких щитов с территории Северо-Западного Кавказа на территорию Южной Руси (рис. 13: 1—10), вместе с миграцией части населения. В качестве доказательства они указывают на погребение кургана № 69 Яблоновского могильника (рис. 13: 1—10), до этого связывавшееся не только с кочевниками (Орлов, Моця, Покас 1985: 50—52).

Еще позднее остатки интересующих нас щитов были выявлены при исследовании нескольких курганов под г. Сочи (Василиненко 2008: 276—278, рис. 10: 1; 11: 1; 12: 1; Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 1, 3, 4; Илюков 2010: 15—18) и в Апшеронском районе Краснодарского края (Голубев 2013: 34—36, рис. 1: 1). Несколько фрагментов щита было обнаружено и на территории поселения «Железнодорожное-1» в Крымском районе Краснодарского края (не опубликованы). Щит из погребения 1 кургана 2 могильника «Джугба-1» (рис. 14: 1) находился в одном комплексе с четырехчастным шлемом варианта 1 (Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 5). И вновь, следуя традиции, В. А. Тарабанов и Д. Э. Василиненко, Л. Э. Голубев, М. Ю. и Ю. Н. Федосовы презентуют интересующие нас предметы защитного вооружения традиционно, как сугубо «адыгские», никак уже это не аргументируя. Однако существуют аргументы, позволяющие истоки интересующих нас щитов (как и выше рассмотренных четырехчастных шлемов) связывать с другими регионами Восточной Европы, откуда они распространились в конкретных исторических условиях по Северному Кавказу (Нарожный 2010: 94—95). Как справедливо заметили Р. Б. Схатум и М. В. Горелик, помимо территории Северо-Западного Кавказа, погребение со щитом, внешне сильно схожим с кавказскими, было обнаружено в кургане № 69 Яблоновского курганного могильника (Южная Русь) близ исторического города Юрьева на Украине, исследованного и опубликованного украинскими коллегами

(Орлов, Моця, Покас 1985: 41—60). Несмотря на то, что, помимо указанной публикации украинских археологов, погребение кургана № 69 впоследствии воспроизводилось М. В. Гореликом (Горелик 2008: 158—189; 2014: 73—88), для удобства в сравнении рассматриваемых археологических материалов мы приводим описание и иллюстрацию интересующей нас части погребений Яблоновского курганного могильника (рис. 13).

Могильник этот, судя по его описаниям, занимал территорию общей площадью примерно 2 га на правом берегу р. Россь, с «169-ю курганами» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49). Сравнивая планиграфию его курганов с планиграфией известных «адыгских» курганных могильников и общим количеством курганных насыпей на них, следует отметить, что среди них, в принципе, можно найти некрополи с соответствующим Яблоновскому некрополю количеством курганов. В разные годы на курганном могильнике под Юрьевом силами Белоцерковской экспедиции АН УССР было исследовано 62 курганные насыпи с высотой курганов от «0,2 до 1,5 м» и диаметрами «от 4 до 12 м» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49). Указанные параметры, в принципе, также могут выступать в пользу предположения Р. Б. Схатума и М. В. Горелика об их «адыгской» этнокультурной атрибуции. Спецификой раскопанных на Яблоновском некрополе захоронений было то, что основная их масса содержала труположения, которые были выявлены «на уровне древнего горизонта» и, как подчеркивали украинские исследователи, обряд этот «не использовался автохтонным населением на территории Среднего Поднепровья, начиная с конца 1 тыс. н. э.» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49, 55). Погребения на древнем горизонте можно указать и на Северо-Западном Кавказе, что также «работает» на предположение Р. Б. Схатума и М. В. Горелика.

Продолжая рассматривать публикацию коллег из Украины, отметим: ссылаясь на «курган № 3» Яблоновского некрополя, они выделяют наличие в нем «остатков кремаций» (в единственном из 62 раскопанных там курганов). Применительно к другим курганам Поросья, указанные авторы отмечают наличие в них лишь «пережитков» отмеченного обряда, сохранившегося лишь в виде «наличия угольков и золы» (Орлов, Моця, Покас 1985: 52). Это не может быть определяющим в интересующем нас сопоставлении приднепровских и северокавказских погребальных обрядов.

⁷ Следует заметить, что статья эта была прислана в сборник еще в конце 2002 г., но из-за задержки с изданием, пролежав в издательстве почти год, она увидела свет лишь в 2004 г. Позднее основные выводы М. В. Горелик развил и в других своих публикациях (Горелик 2008: 158—189; 2014: 73—88 и др.).

Интерпретации

Приведенные Р. Б. Схатумом и М. В. Гореликом северокавказские параллели раскопанным в Поросье материалам, действительно, можно найти в подкурганых кремациях Северо-Западного Кавказа. Однако с этнокультурной точки зрения эти кремации трактуются различно. Как уже было сказано, предлагающиеся их определения разнятся между собой, иногда противоречивы. В одних случаях исследователи связывали такой погребальный обряд до со «славянами». Эта версия затем справедливо была отвергнута (Монгайт 1955: 331—338). Впоследствии те же самые кремации были соотнесены с погребальным обрядом «абазин» (Алексеева 1980: 14—49), потом со средневековыми «адыгами» (Саханев 1914: 75—218; Стрельченко 1960: 140—157; Схатум 2003: 223—234; 2011: 189—201 и др.). Сегодня же речь ведут о раннесредневековых предках адыгов — племенах «кашаков-касаков-касогов» (Пьянков 2001: 198—211; 2002: 67—69), либо о «зихо-касогах» (Успенский 2012: 188—196; 2015; Успенский и др. 2013: 141—153). Реконструируемая сегодня зона обитания указанных носителей кремационного обряда значительно расширяется, выходя за пределы Северо-Западного Кавказа эпохи средневековья (Бгажноков и др. 2016).

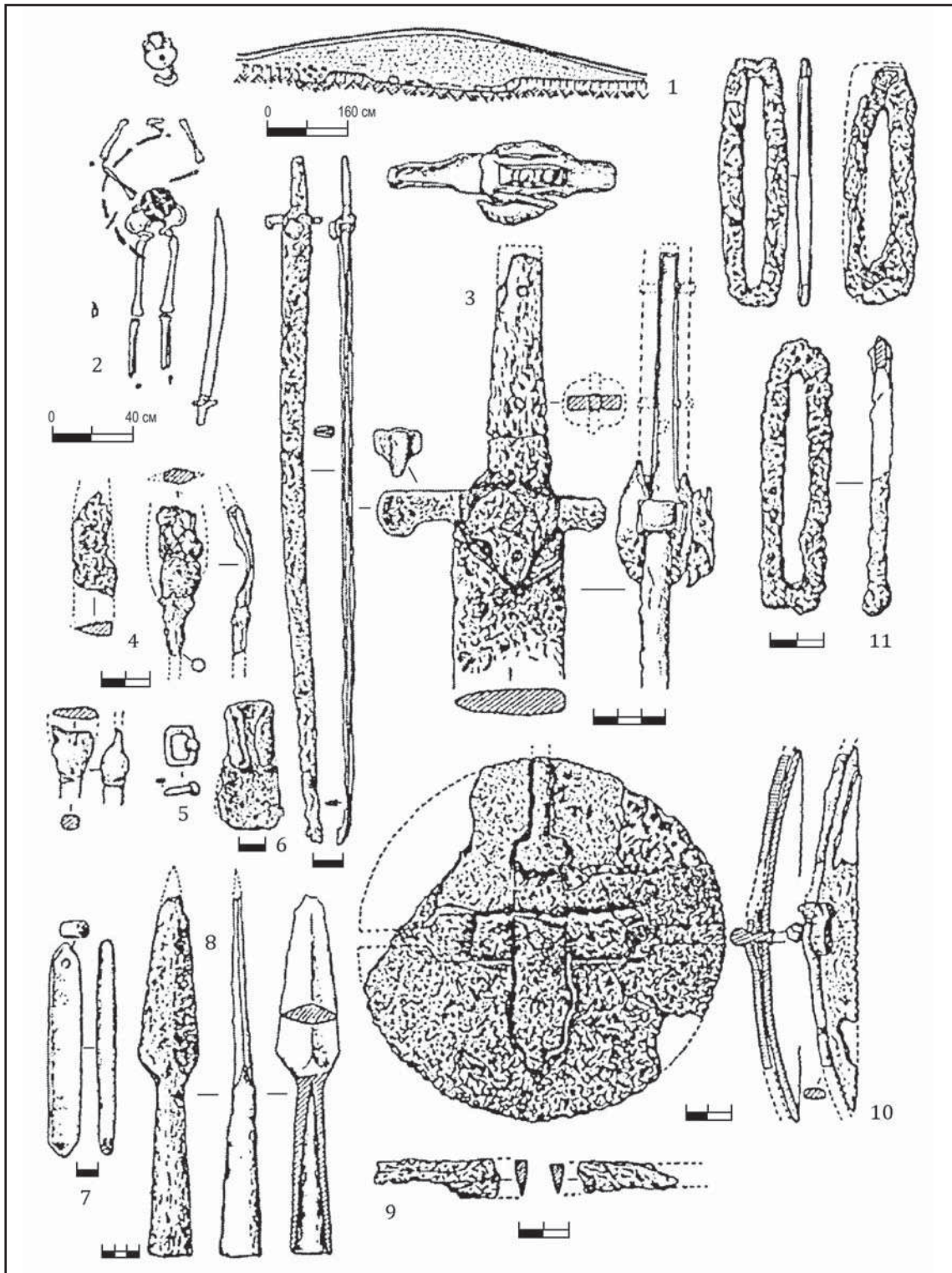
Продолжая рассматривать продекларированную идентичность захоронения кургана 69 Яблоновского некрополя на Украине с «адыгскими» погребальными комплексами Северо-Западного Кавказа, отметим, что и в других случаях, действительно, можно найти некоторые параллели. Так, находки кресал в интересующих нас курганах Поросья наши украинские коллеги, как и основную массу раскопанных ими курганов, датировали периодом «XI—XIII вв.». С этнокультурной точки зрения, исследованные ими захоронения были представлены невятно и противоречиво: сначала авторы указали на возможную их связь с потомками салтово-маяцкого населения. При этом не исключалась и возможность связи, например, с алано-яскими переселенцами с Северного Кавказа или с кочевниками, испытывавшими их влияние. Оговаривалась и возможность соотнесения этого кочевого населения с «бродниками», охранявшими здесь рубежи русских земель от половцев, и пр.

Р. Б. Схатум и, в особенности, М. В. Горелик, чья аргументация в пользу «адыгской» атрибуции погребения Яблоновского могильника выглядит более стройной и последовательной, сосредоточились на восприя-

тии интересующего нас населения на границах Южной Руси только как возможного «выплеска» в Поросье какой-то части северокавказского населения. Версия эта строилась, фактически, на основании сопоставления лишь одного захоронения (курган 69) Яблоновского могильника. Предпочтение в выборе возможной группы таких переселенцев было отдано средневековым «адыгам» и, в первую очередь, той их части, которая была связана с населением, оставившим знаменитые Белореченские курганы (Схатум 2003: 223—234; 2011: 189—201; 2012: 58—65 и ср.: Горелик 2004: 293—300; 2008: 158—189; 2014: 73—88).

Сопоставляя точки зрения исследователей между собой, мы видим, что версия о «выплеске» части северокавказского — «адыгского», и прежде всего «белореченского», населения в Поросье, все-таки, представляется не совсем убедительной. В этом случае в материалах Яблоновского курганного некрополя должны были бы присутствовать и другие характерные детали погребальных традиций, присущие для адыгской части северокавказского населения. Прежде всего, кроме кургана № 69, в материалах раскопанных 62 курганов Яблоновского могильника, наверное, должно было быть гораздо больше погребальных комплексов, дающих повод для интересующих нас сравнений. При наличии определенного сходства поросских и северокавказских захоронений во внешнем облике курганов, их размерах, а также в отдельных элементах обрядности и даже в инвентаре, заметна и значительная разница между ними. Это заметно при сравнении, к примеру, не только перекрестий на саблях из Яблоновского некрополя (рис. 13: 3), на чем акцентировал внимание М. В. Горелик. Прямое (горизонтальное) перекрестие сабли из погребения в кургане № 69 (рис. 13: 3), хотя и с опущенными вниз концами, при сравнении с близкими перекрестьями сабель Северного Кавказа выявляет, что оно, все-таки, для северокавказского региона не является характерным. На Северном Кавказе встречаются и кресала типов, присутствующих в погребениях Яблоновского могильника (рис. 13: 11), но здесь они редки и относятся к чуть более позднему времени. По крайней мере, «привнесениями» с Северного Кавказа их назвать сложно.

М. В. Горелик, в отличие от Р. Б. Схатума, более стройно и развернуто раскрыл свою систему аргументации. В частности, он отметил: к сожалению, авторы публикации погребения 69 Яблоновского некрополя «не смогли ни верно определить этнокультурную

Рис. 13. Курган №69 Яблоновского могильника (Поросье, Украина) и инвентарь его погребения (по Орлов, Моця, Покас 1985: 13—14). Компоновка и рисунок М.В. Горелика (по Горелик 2015: 77, рис. 1: 1—11). 1 — стратиграфический разрез кургана; 2 — план захоронения с остатками щита; 3 — сабля и ее детали; 4 — наконечники стрел; 5 — пряжка; 6 — тесло; 7 — оселок; 8 — наконечник копья; 9 — нож; 10 — умбон от щита; 11 — кресала (3—6, 8—11 — железо; 7 — камень).

Fig. 13. Barrow No. 69 of the Yablonovsky burial ground (Porosye, Ukraine) and the inventory of his burial (after Орлов, Моця, Покас 1985: 13—14). Composition and drawing by M.V. Gorelik (after Горелик 2015: 77, 1, 1—11). 1 — stratigraphic section of the barrow; 2 — plan of burial with the remains of the shield; 3 — saber and its details; 4 — arrowheads; 5 — buckle; 6 — adze; 7 — donkey; 8 — spearhead; 9 — knife; 10 — umbon from the shield; 11 — clasped rings (3—6, 8—11 — iron; 7 — stone).

принадлежность памятника, ни его датировку. Мелькнувшая у них догадка о связи погребенных с Северным Кавказом, привела их... к аланам X—XI вв. (судя по ссылке на Змейский могильник), чей погребальный обряд — захоронения в глубоких многометровых катакомбах, не имел ничего общего с тем, что было обнаружено по обряду ингушам на горизонте, что являлось традиционным способом погребения в материалах древнеадыгско-золотоордынской белореченской культуры XIV—XV вв.». Аналогичное сопоставление, как полагал М. В. Горелик, относится и к вооружению: «наиболее ярким, определяющим дату и происхождение покойника памятником являются остатки круглого щита⁸...» (Горелик 2014: 74). Однако и этот «констатирующий» аргумент также не представляется определяющим.

Сопоставительная характеристика захоронений Поросья и Яблоновского могильника в частности, включая и захоронения, совершенные на древнем горизонте, с захоронениями из знаменитых Белореченских курганов на р. Белой (раскопки Н. И. Веселовского) (Левашева 1953: 165—213), серьезных оснований для полной и прямой идентификации сравниваемых погребальных комплексов, если и дает, то совсем немного. В. П. Левашева, систематизируя сведения о раскопках Белореченских курганов, отметила: курганы эти округлые в плане с полушаровидной формой насыпей. В высоту они были от 0,7 до 7 м, диаметры их Н. И. Веселовским не указаны, хотя по ее расчетам, диаметры малых курганов были в пределах «6—8 м, больших — 15—20 м» (Левашева 1953: 166). Другими словами, они были несколько крупнее по своим размерам, нежели курганы Яблоновского могильника. Спецификой Белореченских курганов было и то, что каждый такой курган насыпался над одним погребенным. И только однажды — над двумя погребенными (Левашева 1953: 166), как и курган № 69 Яблоновского могильника, насыпанный над парным захоронением. В погребениях Яблоновского некрополя встречались, как отмечалось выше, «угольки и зола»; в Белореченских курганах уголь в виде тон-

кого слоя располагался по материке, или в качестве куполообразной насыпи над могилой или склепом (Левашева 1953: 166). Основная масса погребений в Белореченских курганах была совершена в грунтовых ямах и только в 4-х случаях — на древнем горизонте, как и захоронения в Яблоновском могильнике. В Белореченских курганах были также захоронения в склепах, поставленных на материке (Левашева 1953: 166). Другими словами, как правило, при сравнении Белореченских подкурганых захоронений с захоронениями Яблоновского могильника, речь можно вести лишь об отдельных и разрозненных материалах. Тем самым, сравнение дает некоторые основания для предложенных Р. Б. Схатумом и М. В. Гореликом сопоставлений, которые, впрочем, не имели системного характера. Преобладание захоронений на горизонте в Яблоновском некрополе и лишь эпизодичное их присутствие на р. Белой, как и отсутствие в Поросье других характерных для «адыгских» курганов признаков, например, склепов или медных погребальных гробов, хотя и редких, но все же встреченных в Белоречье (Горелик, Дружинина 2011: 39—63; Дружинина 2014: 263—276). Нет в Яблоновском могильнике и многих других характерных для северокавказских «адыго-черкесо-кабардинских» подкурганых захоронений черт (Березин, Березин, Нарожный 2007: 177—244). В Белореченских курганах нет интересующих нас щитов, якобы, затем привнесенных на территорию Поросья. Иные в белореченских погребениях сабли — с более изогнутыми клинками и с иным (режуще-колющим) окончанием сабельного полотна, с совершенно иными типами перекрестия и пр. Хотя некоторые из их перекрестий можно рассматривать как характерные для сабель из Поросья (Толочко 2003: 84, рис. 24). Отсутствуют в погребениях Яблоновского могильника и характерные для Белореченских курганов высокохудожественные изделия из металла (Левашева 1953: 201, рис. 11; Крамаровский 1985: 152—180), металлическая (золото, серебро, бронза) и поливная посуда (Армарчук 2015: 129—135) и пр. Все это заставляет склоняться к тому, что если и связывать захоронения Яблоновского могильника и, в особенности, погребения кургана № 69, с заведомо более поздними Белореченскими курганами на Северном Кавказе, то речь здесь логичнее вести о миграциях и привнесениях обратного порядка — из Поросья на Северный Кавказ. А среди них, чего нельзя исключать, были и интересующие нас щиты, и не только. Отдельные предметы

⁸ Исключительно «круглыми щитами» называют практически все ныне известные находки остатков щитов с территории Северо-Западного Кавказа Л. А. Бобров и А. В. Сальников (Bobrov, Salnikov 2017: 728). Судя по публикациям Р. Б. Схатума и М. В. Горелика, не все опубликованные ими остатки щитов были круглыми.

погребального инвентаря из кургана №69 Яблоновского могильника, такие как кресала (рис. 13: 3), значительно чаще встречаются в погребениях кочевников (Федоров-Давыдов 1966: 66, рис. 12: АI, АII; Плетнева 1973: 84, табл. 36: 4, 5; 90, табл. 42: 2; Шалобудов, Кудрявцева 1980: 97, рис. 4: 6; Березуцкий 1989: 152, рис. 1: 12). То же самое можно отнести и на счет находок каменных оселков (рис. 13: 7), имеющих аналогии преимущественно на Северном Кавказе, но и нередко встречающихся также и в кочевнических памятниках (Шалобудов, Кудрявцева 1980: 96, рис. 2). Ножницы для стрижки овец из кургана 69 Яблоновского курганного могильника (Орлов, Моця, Покас 1985: 51, рис. 14), помимо Белореченских курганов, хорошо известны и в материалах кочевнических захоронений Восточной Европы (Федоров-Давыдов 1966: 66, рис. 12: 3). Все это делает предпочтительным сопоставление погребений на Яблоновском могильнике с кочевническим населением Поросья. Рассматривая же возможность переселения части населения из Поросья на Северный Кавказ, необходимо обратить внимание на еще одну группу археологических находок, не учтенных Р.Б. Схатумом и М.В. Гореликом.

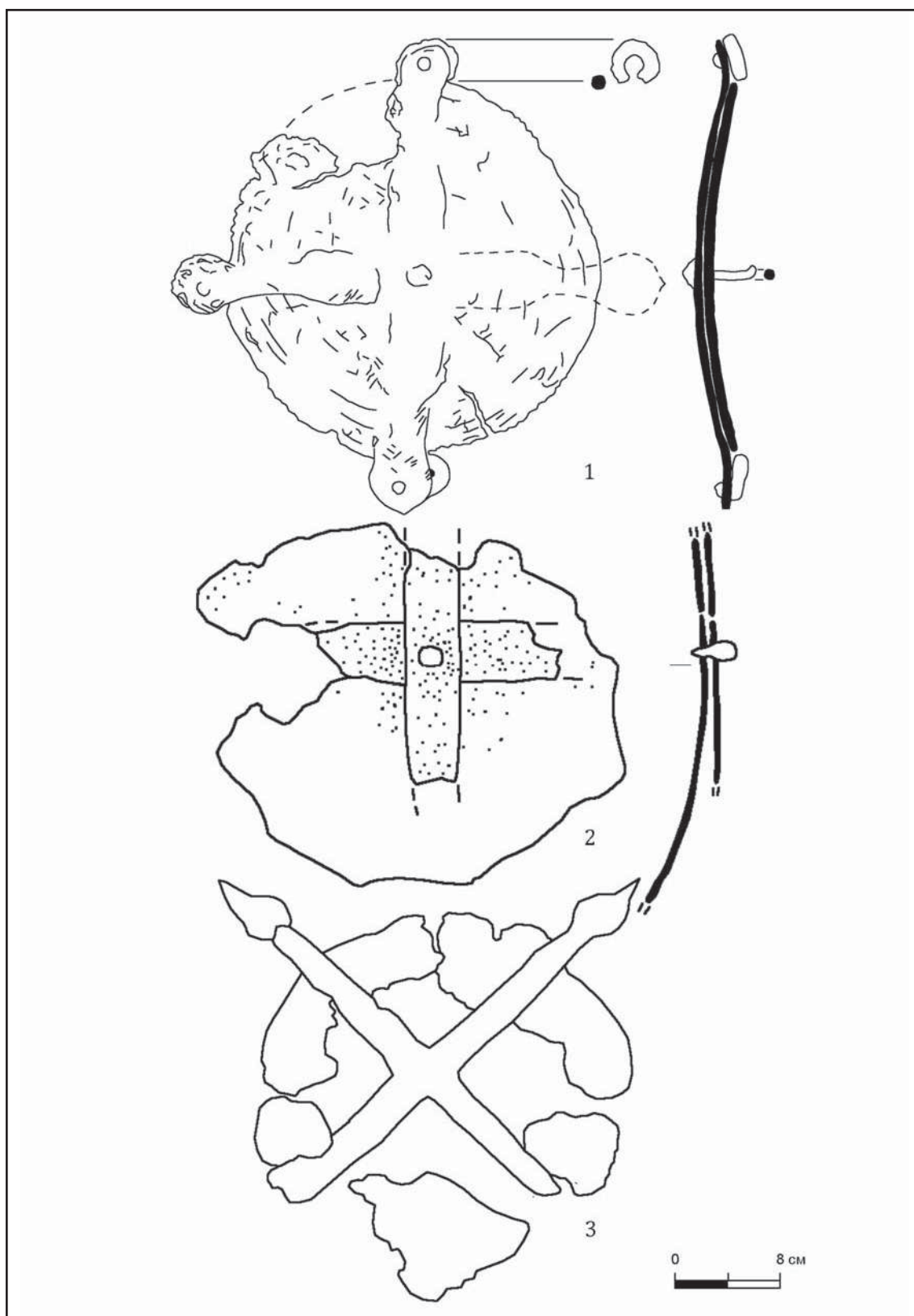
Совсем недавно Л.Э. Голубев, реагируя на публикацию Е.И. Нарожного о возможной «миграции» на Северо-Западный Кавказ интересующих нас щитов вместе с кочевниками, скорее всего, из Поросья (Нарожный 2010: 94—95) и не увидев в той версии «особых аргументов», предложил вновь обратить внимание на еще две находки остатков интересующих нас щитов. Первая из них — это «умбон из кургана 7 могильника “Rassawski” (Dąbrowska 1958: 164, tabl. V: 1) в Поднепровье (Польша)» (? — Е.Н.). Вторая находка — «из впускного погребения 2 кургана 1 группы “Дмитриевская-1” в Прикубанье (Блохин, Дьяченко, Скрипкин 2003: 203, рис. 31: 1)» (Голубев 2013: 34)⁹. Следует заметить, что упомянутые археологические материалы «из Польши» Л.Э. Голубевым почерпнуты из статьи, которую Э. Домбровская опубликовала под названием «Россовские курганы»¹⁰. Материалы эти, на момент публикации, действительно, длительное время хранились в «Археологическом музее Кракова». Однако

своим происхождением они были связаны с одним из нескольких разрушенных кочевнических погребений «курганного могильника в урочище «Лучки». Судя по лаконичной информации Э. Домбровской, указанная местность находилась в непосредственной близости от Канева, т.е. на р. Россь (Украина). Оттуда, еще в конце XIX в., эти материалы, на что уже обращалось внимание (Василенко, Нарожный, Соков 2017: 186) и были вывезены в Польшу. Э. Домбровская суммарно датировала опубликованные ею предметы, в т.ч. и интересующие нас остатки щита в рамках «XII — первой пол. XIII вв.» (Dąbrowska 1958: 158—159), хотя некоторые из них могут быть несколько позднее. Обращает на себя внимание то, что интересующие нас разрушенные захоронения, помимо умбона от этого щита (рис. 14: 3), содержали и другие предметы — гривна, наконечник копья, разнотипные украшения, детали «рогов»-очелья (Dąbrowska 1958: 165, tabl. VI: 1; Gołębiowska-Tobiasz 2014: 135, ill. 4) и пр. Эти наборы включают предметы материальной культуры, традиционно связываемые как с половцами, так и с черными клобуками, но отнюдь не с адыго-черкесами. Умбон этого щита (рис. 14: 3) тождественен умбону щита, к примеру, из кургана 69 Яблоновского могильника, отличаясь лишь «стрелковидными» пластинками, крест-накрест проходящими через центральную часть умбона.

Учитывая характеристики отмеченных предметов, включая остатки щита из округа Канева, находившегося, фактически, в пределах территории Поросья, можно предполагать, что оба интересующих нас щита (из погребения №69 Яблоновского могильника и из-под Канева) изначально входили в комплекс вооружения кочевников южнорусских степей. Как ранее считала С.А. Плетнева, указанная территория была занята черными клобуками. А это вновь делает актуальной давнюю версию Г.А. Федорова-Давыдова, позднее развитую другими авторами, о возможном переселении черных клобуков за пределы Поросья, включая и Северный Кавказ. По всей вероятности, в числе таких переселенцев были и сопутствовавшие им половцы, впрочем, как и иные кочевые группы населения (Нарожный 2000: 138—150; 2003б: 212—223; 2007б: 204—212; 2017а: 208—213), что эпизодически обсуждается специалистами. Версия, авторство которой не совсем справедливо приписывается одному из авторов данной статьи (Анфимов, Зеленский 2002: 144—146; Блохин, Петров 2013: 37—50 и др.), на что в литературе уже

⁹ Однако, интересующий нас предмет из погребения 2 кургана 1 группы «Дмитриевская-1» вряд ли является деталью щита.

¹⁰ По крайней мере, так это название статьи приводится в ее русскоязычном резюме.

Рис. 14. Умбоны щитов из погребений: 1 — умбон из кургана у пос. «Джубга» (по Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 1, 3, 4); 2 — пос. Головинка Краснодарского края (по Ильюков 2010: 17, рис. 1: в); 3 — из-под г. Канева (музей Кракова) (по Dąbrowska 1958: 164, tabl. V: 1).

Fig. 14. Umbons of shields from burials: 1 — umbron from the mound near the village "Dzhubga" (after Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 1, 3, 4); 2 — Golovinka of the Krasnodar Krai (after Ильюков 2010: 17, рис. 1: в); 3 — from under the town of Kanev (museum of Krakow) (after Dąbrowska 1958: 164, tabl. V: 1).

указывалось (Нарожный 2003б: 216—217), была, напомним еще один раз, обоснована в 1966 году Г.А. Федоровым-Давыдовым. Исследователь уже тогда предложил гипотезу, основная суть которой сводилась к тому, что именно «в IV (золотоордынский, по его хронологии — *Авт.*) период», черные клобуки переселяются из Поросья на территорию Поднестровья, на Северный Кавказ и в золотоордынское Поволжье (Федоров-Давыдов 1966: 153, 156, карта), подтвердив ее и позднее (Федоров-Давыдов 1968: 61—73). Е.И. Нарожный попытался конкретизировать эту версию, адаптировав ее к нескольким свидетельствам письменных источников начала второй пол. XIII в. и уточнениям А.О. Добролюбского, связав их с незначительным количеством археологического материала на Северном Кавказе черноклобуцкого происхождения (Нарожный 2000: 138—150; 2003б: 212—223 и др.). По ней, темник Ногай был отправлен в 1260-х годах к Дербенту для участия в военно-территориальных притязаниях и военных столкновениях Золотой Орды с Хулагуидами. Вероятно, именно тогда и произошло перемещение на Северный Кавказ значительной части черных клобуков, находившихся в составе возглавляемых Ногаем военных сил, среди которых были и подвластные ему кочевники с территории личного домена Ногая, находившегося в Побужье и Пруто-Поднестровье (Добролюбский 1990: 153—150). Переселение это, однако, вряд ли можно рассматривать только как перемещение «ограниченного воинского контингента» (Анфимов, Зеленский 2002: 144—145). Судя по известным ныне «черноклобуцким» женским украшениям на территории Северного Кавказа (украшения типов IV и V по Г.А. Федорову-Давыдову), такое переселение более реально рассматривать как процесс освоения пространства и новых территорий, когда подобные перемещения не только носили массовый характер, но и осуществлялись целыми «айлами, хогонами, ордами» (Жуковская 1988: 25—30). Черные клобуки и сопутствовавшие им разноэтничные кочевники были размещены не только в районе Дербента, но и в Восточном Придарьялье, а также и на территории Северо-Восточного Причерноморья. Черные клобуки, вероятно, достаточно быстро были втянуты в активные этномиксационные процессы и, скорее всего, были ассимилированы местными тюркско-кочевниками. На такую постановку вопроса указывает, к примеру, выявление в кочевнических памятниках на черноморском побережье

характерных для черных клобуков Поросья, типичных для них элементов погребальных обрядов и сооружений. Речь идет о погребениях типа Б-ХIII (в широкой яме, конь головой на запад, к северу от человека), выявленных в Цемдолинском могильнике (Армарчук, Мальшев 1997: 112; ср.: Федоров-Давыдов 1966: 142, 145). Наблюдение это усиливается уже отмечавшимся соответствием «по длине и кривизне» лезвий сабель из погребений того же Цемдолинского могильника, саблям черноклобуцких прототипов Поросья (Армарчук, Мальшев 1997: 95)¹¹. Заманчиво указать и на публикуемый нами наконечник копья из погребения Мщ-4, 7/3, а также на щит из захоронения Мщ-4, 14/1. Последний, наверное, наряду с остатками щитов, опубликованных М.Л. Стрельченко (1960: 150—151), В.А. Тарабановым, Л.С. Ильюковым (Ильюков 2010: 17, рис. 1: в), Д.Э. Василенко (2008: 276—278, рис. 10; 11: 1; 12: 1—3), Р.Б. Схатумом (Схатум 2003: 223—234, рис. 1—6), М.В. Гореликом (Горелик 2004: 298, рис. 1: 1—6), Л.Э. Голубевым, М.Ю. и Ю.Н. Федосовыми (Голубев 2013: 34—35, рис. 1; Голубев, Федосов, Федосова 2012: 168, рис. 8: 1), образуют звенья одной цепи. За редким исключением, находки таких щитов достаточно компактно локализируются вдоль прибрежной полосы Черного моря. По своим «конструктивным» особенностям и внешнему облику они вполне сопоставимы с несколько более ранними их прототипами из кургана 69 Яблоновского могильника и с остатками щита из-под Канева. К тому же, основная их часть связана с некрополями Северо-Восточного Причерноморья, для которых характерна биприальность. Под ней, на самом деле, следует рассматривать незавершенные процессы синтезных, миксационных этнокультурных явлений, включавших не только сосуществование, но и поэтапное смешение разных погребальных традиций и обрядов, мирно соседствующих друг с другом. Иными словами, эти этнообразующие процессы вполне могут объяснить наличие в Северо-Восточном

¹¹ Здесь мы вновь сошлемся на результаты статистической обработки кочевнических материалов из курганов Восточной Европы. Среди выводов есть и такие, которые вполне «согласуются с концепцией И.А. Дружининой, В.Н. Чахидзе и Е.И. Нарожного о переселении в середине XIII в. кочевников южнорусского пограничья — черных клобуков на Северный Кавказ». Их же потомки «и через сто лет продолжали составлять основную часть кочевого населения этого региона» (Иванов 2015: 61).

Причерноморье множества могильников, в составе которых под одной курганной насыпью совершались захоронения одной или нескольких лошадей, рядом с которыми находились впускные захоронения людей, совершенные как в грунтовых ямах, так и в каменных ящиках, а также и в виде кремаций в керамических сосудах (Нарожный 2012: 138—143).

Подобное многообразие погребальных обрядов, используемых на минимально коротком отрезке времени, явно указывает на прижизненное существование у их носителей близких, вероятно, кровнородственных связей и социальной однородности. В такой мешанине традиций, за редким исключением, сложно определить наиболее выраженные признаки конкретной этнокультурной принадлежности погребенных. Эти погребения, как правило, не имеют прямых аналогов в кочевнических памятниках Восточной Европы. Но здесь выделяются признаки и группы предметов материальной культуры, дающие определенный повод для трактовки тех или иных захоронений как погребений «местного (автохтонного) населения» или захоронений с ярко выраженными параллелями в погребальных традициях тюрок Евразии. Иногда речь можно вести и о возможной связи с половцами. Аналогичным образом следует указать на эпизодически выявляемые черты черноклобуцкого наследия — помимо уже упоминавшихся параллелей в вооружении (наконечники копий, сабли и щиты) у населения Северо-Восточного Причерноморья, можно указать и на часть украшений из причерноморских могильников. Прежде всего, это серьги или подвески типов IV и V по Г. А. Федорову-Давыдову. Единичные их образцы с территории Северного Кавказа (Нарожный 2000: 140, рис. 2: 1—4; 144, рис. 4; Армарчук, Мальшев 1997: 97—102 и сл.; Армарчук 2006: 216, рис. 1: 1, 2; Армарчук, Дмитриев 2014: 125, рис. 56: 2; 128, рис. 59: 27), весьма быстро вытесненные в новых (причерноморских) условиях заметно распространившимся новым их дериватом — вариантом украшения типа IV (по Г. А. Федорову-Давыдову) — серьги или подвески с дугой металлической бусиной асимметрично-биконической формы. Интересно, что находки таких украшений ныне известны из разных мест, географически тяготеющих только к береговой полосе Причерноморья-Приазовья (Сизов 1889: табл. XIII: 20; Армарчук 2006: 214—220 и сл.; Армарчук, Мальшев 1997: 106, 110, рис. 20:

1; Шишлов 2001: 154, табл. 4; Марченко, Пьянков 2002: 202, рис. 14: 2 и др.)¹². И эти артефакты, несмотря на их слабую статистику — еще одно свидетельство не только в пользу реальности интеграционных процессов, способствовавших медленному, но уверенному и окончательному «растворению» части кочевых переселенцев, вышедших из приграничья Южной Руси и обосновавшихся в регионе и в системе политико-экономического диктата Золотой Орды. В конечном итоге эти процессы полностью «поглотили» черных клобуков и перекочевавших вместе с ними представителей разных сопутствовавших им групп кочевников из Южной Руси. На этом фоне, как представляется, сегодня можно рассматривать и процессы перемещения вместе с указанными мигрантами тех или иных категорий, видов, типов и отдельных образцов вооружения, имевшегося у них еще за пределами Северного Кавказа и до их подчинения монголам. Привнесенные сюда, в Северо-Восточное Причерноморье и сопредельные регионы, такие предметы вооружения, вероятно, в силу целого ряда причин становятся востребованными не только у кочевников, но и у оседлых их соседей по региону, превратившись из специфики регионального масштаба в категории вооружения, заимствованные полиэтничными группами населения Золотой Орды. По крайней мере, это произошло с кочевническими щитами из Поросья, с четырехчастными шлемами и многими другими предметами защитного и наступательного вооружения, привнесенного сюда в рамках всё тех же миграционных и последовавших за ними интеграционных процессов.

¹² Кроме указанного микрорегиона, такие же украшения известны среди пока не опубликованных материалов из курганов «Молокановой щели» под Геленджиком. Есть они также и среди инвентаря неопубликованных погребений грунтового могильника поселения «Железнодорожное-2» эпохи Золотой Орды в Нижнем Закубанье, составляя здесь еще один компактный ареал. Эта категория археологического материала вполне может быть еще одним свидетельством в пользу предполагаемой связи населения Крымского района Краснодарского края с кочевниками Северо-Восточного Причерноморья (Мокрушин, Нарожный, Соков 2016: 221—224; Василенко, Нарожный, Соков 2017: 188).

Литература

- Алексеева Е. П. 1980. О происхождении абазин и расселении их в средние века В: Кобычев В. П. (отв. ред.). *Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии*. Черкесск: КЧНИИ, 14—49.
- Алмазов И. Г., Дзаријева З. В., Чахкиев Д. Ю. 1998. Новые материалы о культовых памятниках позднего средневековья горной Ингушетии и Чечни. В: Чахкиев Д. Ю. (отв. ред.). *Новое в археологии и этнографии Ингушетии*. Нальчик: Эль-фа, 28—45.
- Анфимов И. Н., Зеленский Ю. В. 2002. К вопросу о находках предметов из разрушенного позднечечевического захоронения у станицы Староминской. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *МИА Кубани 2*. Краснодар: КубГУ, 144—147.
- Армарчук Е. А. 2006. «Половецкие серьги». В: Зеленева Ю. А. (отв. ред.). *Средневековая археология евразийских степей*. Материалы и исследования по археологии Поволжья 3. Москва; Йошкар-Ола: МарГУ, 201—231.
- Армарчук Е. А. 2015. Поливная посуда из Белореченских курганов XIV—XV вв. (Северный Кавказ). *РА* (2), 120—135.
- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В. 2014. *Цемдолинский курганно-грунтовой могильник*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Армарчук Е. А., Мальшев А. А. 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине. В: Мунчаев Р. М. (отв. ред.). *Историко-археологический альманах 3*. Армавир: АКМ; Москва: ИА РАН, 92—114.
- Артюхин Ю. В. 2013. Проблема соотношения факторов, предопределявших возникновение и упадок итальянских колоний на побережье Азовского моря в XIII—XV вв. *Боспорские исследования XXVIII*, 347—362.
- Басов В. И., Нарожный Е. И., Тихонов М. П. 2003. О двух типах наконечников копий с территории Северного Кавказа. В: Нарожный Е. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 2*. Армавир: АГПУ, 105—111.
- Бгажноков и др. 2016: Бгажноков Б. Х., Фоменко В. А., Бубенок О. Б., Новичихин А. М. 2016. *Очерки древней и средневековой истории адыгов*. Нальчик: КБИГИ.
- Березин С. Я., Березин Я. Б., Нарожный Е. И. 2007. Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево-1» (публикация и интерпретация материала). В: Нарожный Е. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 8*. Армавир: АГПУ, 177—244.
- Березин С. Я., Нарожный Е. И. 2010. О северокавказских участниках Куликовской битвы и их вооружении. *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика* 14/7 (18), 195—207.
- Березуцкий В. Д. 1989. Новые данные о поздних кочевниках из левобережного Среднего Дона. В: Сивюк А. Т. (отв. ред.). *Исследование памятников археологии Восточной Европы*. Воронеж: ВГПИ, 152—162.
- Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. 2003. Средневековые рыцари Кубани. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *МИА Кубани 3*. Краснодар: КубГУ, 184—208.
- Блохин А. Г., Петров П. А. 2013. Средневековые комплексы с височными украшениями из Волгоградского Поволжья. *РА* (3), 37—50.
- Бочаров С. Г. 2017. Археология Лагинской Газарии: определение термина и научное содержание. В: Крадин Н. Н., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй*. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 57—63.
- Василиненко Д. Э. 2007. Средневековый курганный могильник «Носовцева Поляна-1» в долине р. Мачеста (г. Сочи). В: Белинский А. Б. (отв. ред.). *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа VII*. Москва: Памятники исторической мысли, 245—274.
- Василиненко Д. Э. 2008. Средневековый курганный могильник «Медовеевка» в долине р. Мзымта (г. Сочи). В: Нарожный Е. И., Цокур И. В. (отв. ред.). *Наследие Кубани 1*. Краснодар: Наследие Кубани, 268—279.
- Василиненко Д. Э. 2017. Газария за пределами Газарии: к вопросу о характере и интенсивности торговых контактов местного населения Северо-Восточного Причерноморья с итальянскими торговцами. В: Тишкин А. А. (ред.). *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. Сборник научных трудов. Барнаул: АлтГУ, 184—185.
- Василиненко Д. Э., Нарожный Е. И., Соков П. В. 2017а. Комплекс предметов вооружения из культурного слоя поселений «Железнодорожное», «Железнодорожное» №1 и №2 XIII—XV веков (Крымский район Краснодарский край). В: Тишкин А. А. (ред.). *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. Сборник научных трудов. Барнаул, 186—187.
- Василиненко Д. Э., Нарожный Е. И., Соков П. В. 2017б. Комплекс керамики XIII—XV вв. поселений и могильника в Крымском районе Краснодарского края. В: Тишкин А. А. (ред.). *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. Сборник научных трудов. Барнаул, 188—189.
- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. 1994. Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия). В: Кирей Н. И. (отв. ред.). *Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар: КубГУ, 68—91.
- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б. 2001. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Кубани 1*. Краснодар: КубГУ, 124—137.
- Гарустович Г. Н. 2012. *След Великой замятни. Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга*. Уфа: Гилем.
- Голубев Л. Э. 2013. Умбон щита из разрушенного погребения средневекового курганного могильника «Самурские озера-1». В: Улитин В. (отв. ред.). *III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа*. Краснодар: КГИИМЗ, 34—36.
- Голубев Л. Э., Федосов М. Ю., Федосова Ю. Н. 2012. Раскопки двух средневековых курганов группы «Джубга-1». В: Мунчаев Р. М. (отв. ред.). *Историко-археологический альманах 11*. Армавир: АКМ; Москва; Краснодар: ИА РАН, 154—174.
- Горелик М. В. 1990. Степной бой (из истории военного

- дела монголо-татар). В: Худяков Ю. С., Плотников Ю. А. (отв. ред.). *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 155—160.
- Горелик М. В. 2004. Адыги в Южном Поднепровье (2-й пол. XIII — 1-я пол. XIV вв.). В: Нарожный Е. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 4*. Армавир: АГПИ, 293—300.
- Горелик М. В. 2008. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным). *Вестник КБИГИ* 15. Нальчик, 158—189.
- Горелик М. В. 2014. Погребение черкесского воина 2-й пол. XIII — 1-й пол. XIV вв. в Поросье. В: Смолій В. А. (відп. ред.). *Історія давньої зброї. Дослідження (зб. наук. пр.)*. Київ: Інститут історії НАНУ, 73—88.
- Горелик М. В., Дружинина И. А. 2011. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на р. Белой. *Батыр. Традиционная военная культура населения Евразии 2* (1). Москва; Казань, 39—63.
- Деревянко Е. И. 1987. *Очерки военного дела племен Приамурья*. Новосибирск: Наука.
- Двуреченский О. В., Барышев А. В., Бирюков П. В. 2012. *Шелом черкаский*. Москва; Тула: ГВИПМЗ «Куликово поле».
- Дмитриев А. В., Нарожный Е. И., Соков П. В. 2008. Охранно-спасательные исследования в Молокановой щели. В: Нарожный Е. И. (отв. ред.). *Центр археологических исследований: отчет по итогам НИР за 2008*. Армавир: ЦАИ АГПИ, 13—21.
- Добролюбовский А. О. 1990. Черные клубки в Побужье и в Поднепровье. *ДСПК* 1, 153—159.
- Дружинина И. А. 2014. О группе погребений в «медных гробах» с территории Северо-Западного Кавказа. В: Токарева Е. П., Лушин В. Г. (отв. ред.). *Штрихи к портретам минувших эпох*. Археология, история, этнография 1. Зимовники: ЗКМ, 263—276.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И. 2011. *Средневековые кочевники в Восточном Приазовье*. Москва; Армавир: ООО «Славянка».
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н. 2013. О старых и новых находках предметов вооружения из североосетинского святилища Реком. В: Козенкова В. И. (отв. ред.). *Очерки средневековой археологии Кавказа*. Москва: ИА РАН, 73—84.
- Евглевский А. В. 2002. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы второй пол. IX — XIV вв.). В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии 1*. Донецк: ДГУ, 291—335.
- Евглевский А. В., Потемкина Т. М. 2000а. Восточноевропейские позднекочевнические сабли. В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 1*. Донецк: ДГУ, 117—180.
- Евглевский А. В., Потемкина Т. М. 2000б. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы. В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 1*. Донецк: ДГУ, 181—208.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. 2007. *Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и в эпоху Московского государства*. Москва: Знак.
- Зеленский Ю. В. 1997. Позднекочевническое захоронение со шлемом из степного Прикубанья. *Историко-археологический альманах* 3, 90—92.
- Жуковская Н. Л. 1988. *Категории и символика традиционной культуры монголов*. Москва: Наука.
- Иванов В. А. 1990. *Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII—XIV вв.* Автореф. дис... док. ист. наук. Москва.
- Иванов В. А. 2015. *Кочевники Золотой Орды. История. Культура. Религия*. Уфа: БашГПУ.
- Ильюков Л. С. 2010. Шлем и щит из окрестностей поселка Головинка. *Былые годы* 15 (1). Сочи, 15—18.
- История татар... 2009: Усманов М. (науч. ред.). 2009. *История татар с древнейших времен в 7 томах*. Т. 3. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ.
- Книга... 1956: *Книга Марко Поло*. 1956. Москва: Государственное издательство географической литературы.
- Козюменко Е. В., Раев Б. А. 2002. Курганы могильника Лобанова щель. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Кубани 2*. Краснодар: КубГУ, 214—256.
- Кравченко С. А. 2016. Посудное стекло из раскопок Азака. В: Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Материалы Первого Маджарского форума*. Пятигорск — Будённовск, 2012 год. Археология евразийских степей 23. Казань: ИА АН РТ, 39—44.
- Крамаровский М. Г. 1985. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII—XIV вв. (по материалам Крыма и Кавказа). В: Луконин В. Г. (науч. ред.). *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. Ленинград: ГЭ, 152—180.
- Круглов Е. В. 1990. Новые памятники средневековья в Нижнем Поволжье. В: Мамонтов В. И. (отв. ред.). *Древности Волго-Донских степей 1*. Волгоград: ВолГПИ, 57—64.
- Круглов Е. В. 2001. Поволжье в половецкое время, XI—XIII вв. В: Скрипкин А. С. (отв. ред.). *Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды*. Каталог. Волгоград: Панорама, 7.
- Кулешов Ю. А. 2010. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения. В: Миргалеев И. М. (отв. ред.). *Золотоордынская цивилизация 3*. Казань: ИИ АН РТ, 73—97.
- Кулешов Ю. А., Абызова Е. В. 2011. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения. В: Миргалеев И. М. (отв. ред.). *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения*. Материалы круглого стола, проведенного в рамках международного Золотоордынского форума. 30 марта 2011 г., г. Казань. Казань: Центр исследований истории Золотой Орды им. М. А. Усманова, 92—100.
- Левашева В. П. 1953. Белореченские курганы. *Тр. ГИМ* XXII, 165—213.
- Мамаев Р. Х. 2016. Об одном типе бронзовых булав, найденных на Северном Кавказе. В: Багаев М. Х., Мамаев Х. М. (отв. ред.). *Изучение и сохранение археологического наследия народов Северного Кавказа. XXIX Крупновские чтения*. Материалы международной научной конференции. Грозный, 18—21 апреля 2016 г. Грозный: ЧГУ, 229—230.
- Мамаев Р. Х. 2017. Из истории изучения булав, найденных на Центральном Кавказе. *Вестник АН ЧР* 36 (3), 53—59.
- Мамаев Х. М., Мамаева Р. А., Мамаев Р. Х. 2016. О новых находках сосудов с надписями из склепового мо-

- гильника «Цой-Пхеде» (Малхиста). В: Кутуев Р.А. (ред.). *Наука и молодежь*. Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов, г. Грозный, 27—28 октября 2016 г. Грозный: ЧГУ, 333—336.
- Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И. 2012. Археологические памятники Гудермесского района ЧР. *Вестник АН ЧР* 16 (1). Грозный, 121—130.
- Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. 1983. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. В: Виноградов В.Б. (отв. ред.). *Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии*. Грозный: ЧИНИИСФ, 44—80.
- Марченко И.И., Пьянков А.В. 2002. Курган №37 могильника Лобанова щель. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Кубани 2*. Краснодар: КубГУ, 168—213.
- Медведев А.Ф. 1966. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. *СА* (2), 55—60.
- Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В. 2016. О внутренней микротопографии поселения XIII—XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края). В: Бочаров С.Г., Ситдилов А.Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Ялта; Казань; Кишинев: Stratium Plus, 221—224.
- Монгайт А.Л. 1955. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. *СА XXIII*, 331—338.
- Нарожный Е.И. 2000. Черные клубуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения. В: Пряхин А.Д. (отв. ред.). *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья*. Археология восточноевропейской лесостепи 14. Воронеж: ВГУ, 138—150.
- Нарожный Е.И. 2003а. О половецких изваяниях и святилищах XIII—XIV вв. Северного Кавказа и Дона. В: Евглевский А.В. (отв. ред.). *Стены Европы в эпоху средневековья 3*. Донецк: ДГУ, 245—274.
- Нарожный Е.И. 2003б. Половцы или черные клубуки? (по поводу полемических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского). В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *МИА Северного Кавказа 2*. Армавир: АГПИ, 212—223.
- Нарожный Е.И. 2005. *Средневековые кочевники Северного Кавказа*. Армавир: Армавирское полиграфообъединение.
- Нарожный Е.И. 2007а. Чжурчженьские предметы эпохи средневековья на территории Северного Кавказа. *АЭАЕ* 32 (4), 60—64.
- Нарожный Е.И. 2007б. Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Археология евразийских степей*. Материалы Учредительного съезда международного конгресса. Казань: ИИ АН РТ, 204—212.
- Нарожный Е.И. 2010. К вопросу о происхождении позднесредневековых щитов Северо-Западного Кавказа. *Археологический журнал* III—IV, 94—95.
- Нарожный Е.И. 2012. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья. В: Дроздов Н.И. (отв. ред.). *Кочевье цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы*. Материалы III международной научно-практической конференции. Красноярск; Кызыл: КГПУ, 138—143.
- Нарожный Е.И. 2017а. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII—XV вв.). В: Крадин Н.Н. (отв. ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технология и империй*. III международный Конгресс средневековой археологии евразийских степей. Владивосток, май 2017 г. Владивосток: Дальнаука, 208—213.
- Нарожный Е.И. 2017б. Материалы Первого Маджарского археологического форума (часть 1). *Теория и практика актуальных исследований* 17, 8—17.
- Нарожный Е.И. 2008. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа. В: Двуреченский О.В. (отв. ред.). *Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ 1*. Москва: ГИМ, 42—54.
- Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII—XV вв.). В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 2*. Армавир: АГПИ, 126—153.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А. 2007. *Новопавловский могильник XIV в. в системе евразийских древностей*. МИА Северного Кавказа 7. Армавир: АГПУ; Ставрополь: СКМ.
- Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. 2010. Еще раз о комплексе вооружения из средневекового захоронения у селения Верхний Алкун в горной Ингушетии. В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 11*. Армавир, 237—239.
- Нарожный Е.И., Соков П.В. 2014. Могильник №1 золотоордынского поселения «Железнодорожное-1» (Предварительная публикация материалов). В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 14*. Армавир; Краснодар: ООО «Кубаньархеология», 138—177.
- Нарожный Е.И., Соков П.В. 2015а. Каменные изваяния из Белоглинского района Краснодарского края. В: Нарожный Е.И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 15*. Армавир; Краснодар: ООО «Кубаньархеология», 106—123.
- Нарожный Е.И., Соков П.В. 2015б. О колодцах поселения золотоордынского времени «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края). В: Улитин В. (отв. ред.). *V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа*. Материалы международной конференции. Краснодар: Традиция, 175—180.
- Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. 1985. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Земли Южной Руси IX—XIV вв.* Киев: Наукова думка, 41—60.
- Парусимов И.Н. 2007. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Средневековые древности Дона*. МИА Дона 2. Москва; Иерусалим: Мосты культуры, 312—324.
- Пьянков А.В. 2002. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III—XIII вв. В: Копылов В.П. (отв. ред.). *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Материалы X международной научной конференции. 29 мая — 3 июня 2001 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: РГУ, 67—69.

- Пьянков А. В., Хачатурова Е. А. 2010. К хронологии Убинского могильника. В: Мужухоев М. Б. (ред.). *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северо-Восточного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа*. Тезисы докладов международной научной конференции. Магас, 26—30 апреля 2010 г. Магас: Ингушский археологический центр им. Е. И. Крупнова, 301—303.
- Плетнева С. А. 1973. *Древности черных клобуков*. САИ Е1—19. Москва: Наука.
- Путешествия... 1957: Шастина Н. П. (ред.). 1957. *Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрика*. Москва: Государственное издательство географической литературы.
- Савенко С. Н. 2016. Погребение XIII—XIV с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации. В: Прокопенко Ю. А. (отв. ред.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 9. Ставрополь, 104—113.
- Сизов В. И. 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. В: Уварова П. С. (отв. ред.). МАК II. Москва.
- Стрельченко М. Л. 1960. Вооружение адыгских племен в X—XIV веках (по материалам Убинского могильника). В: Давиденко И. И. (отв. ред.). *Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края* 1. Краснодар, 140—157.
- Саханев В. В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК 56. Петроград: Типография Главного управления уделов, 75—219.
- Схатум Р. Б. 2003. Щит в системе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *МИА Кубани* 3. Краснодар: КубГУ, 223—234.
- Схатум Р. Б. 2011. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая пол. XIII — XIV вв.). В: Двуреченский О. В. (отв. ред.). *Военная археология* 2. Москва: ГИМ, 189—201.
- Схатум Р. Б. 2012. Предметы вооружения Убинского могильника (общая характеристика и датировка). В: Еременко А. (отв. ред.). *Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Северо-Западного Кавказа*. Краснодар: КГИАМЗ, 58—65.
- Схатум Р. Б., Дымченко В. М. 2003. Шлем из кургана №24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция. В: Берлизов Н. Е. (отв. ред.). *Магистеріум. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музеологии КГУКИ* 1. Краснодар: КГУКИ, 29—35.
- Сыгый Ю. Н., Скороход В. Н. 2014. Находки предметов вооружения как свидетельство погромов городищ в селах Выползов и Шестовица (к постановке проблемы). В: Бурцев И. Г. (сост.). *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья*. Тула: Куликово поле, 62—71.
- Тарабанов В. А. 1984. Средневековые погребения Ленинохавльского могильника (по раскопкам 1975 года). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 164—173.
- Тишкин А. А. 2009. *Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников)*. Барнаул: Азбука.
- Толочко П. П. 2003. *Кочевые народы степей и Киевская Русь*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Успенский П. С. 2013. Могильники с трупосожжениями VIII—XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда). *РА* (4), 86—98.
- Успенский П. С. 2012. Некоторые итоги и перспективы изучения кремационных погребений Северо-Западного Кавказа VIII—XIII вв. *КСИА* 226, 188—196.
- Успенский П. С. 2015. *Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII—XIII вв. как исторический источник*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Успенский и др. 2013: Успенский П. С., Добровольская М. В., Клещенко Е. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В. 2013. Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая роща. *КСИА* 231, 151—153.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1968. *Курганы, идолы, монеты*. Москва.
- Хачатурова Е. А. 2012. К истории исследования Убинского могильника по материалам архива Краснодарского музея-заповедника. В: Еременко А. Г. (отв. ред.). *Первые Анфимовские чтения. К 70-летию исследования Убинского могильника*. Материалы межрегионального круглого стола. Краснодар, 9 июня 2011 г. Краснодар: Вика-Принт, 92—97.
- Чахкиев Д. Ю. 1987. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов. В: Виноградов В. Б. (отв. ред.). *Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 67—78.
- Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. 1990. Погребение знатного горского воина нач. XV в. из сел. Верхний Алкун (Горная Ингушетия). В: Худяков Ю. С., Плотников В. А. (отв. ред.). *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 129—140.
- Черненко Е. Е. 2016. Чернигов и нашествие монголов в свете археологических исследований. *Stratum plus* (5), 83—98.
- Шалобудов В. Н., Кудрявцева И. В. 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Курганы степного Поднепровья*. Днепропетровск: ДнГУ, 90—97.
- Шишлов А. В. 2001. Раскопки средневекового кургана у горы Попова. В: Раев Б. А. (отв. ред.). *Археологические исследования на новостройках Краснодарского края* 1. Краснодар: Наследие Кубани, 149—154.
- Щербачков А., Дзысь И. 2001. *Куликовская битва. 1380 год*. Москва: Экспринт.
- Bobrov L. A., Salmikov A. V. 2017. "Circassian Armor" in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV — mid XIX centuries. *Bylye Gody* 45 (3), 727—753.
- D'Amato R. 2015. Old and new Evidence on the Radt-Roman Helmets from 9th to the 12th Centuries. *Acta Militaria Mediaevalia* XI, 27—157.
- Dąbrowska E. 1958. Kurhany Rassawskie. *Archeologia* VIII, Z.1. Warszawa, 122—167.
- Gołębiowska-Tobiasz A. 2014. Kontakty polowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych. In: Nagirny V. (ed.). *Contacts between the Polovtsian aristocracy and the Rurikids in the light of archaeological sources. Colloquia Russica. Series 1. Vol. 4. Rurikids in*

- Dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th—16th c.)*. Publication after 4th International Conference (Mogilno, 14—16th November 2013). Kraków, 116—135.
- Kaminska M. 2013. Archeologiczne świadectwa najazdów mongolskich na miasta ruskie w XIII—XIV w.: *zeczywistość a stereotypy historiograficzne*. In: Nagirny V. (ed.). *Colloquia Russica*. Series 1. Vol. 3. *Rus' during the epoch of mongol invasions (1223—1480)*. Publication after 3th International Conference (Warsaw, 15—17th November 2012). Kraków, 29—37.
- ## References
- Alekseeva, E.P. 1980. In Kobychiev, V.P. (ed.). *Problemy etnicheskoj istorii narodov Karachaev-Cherkessii (Issues of the Ethnic History of the Karachay-Circassian Peoples)*. Cherkessk: Karachay-Circassian Research Institute, 14—49 (in Russian).
- Almazov, I.G., Dzarieva, Z.V., Chakhkiev, D. Yu. 1998. In Chakhkiev, D. Yu. (ed.). *Novoe v arkheologii i etnografii Ingushetii (Recent Developments in Archaeology and Ethnography of Ingushetia)*. Nalchik: "El'-Fa" Publ., 28—45 (in Russian).
- Anfimov, I.N., Zelenskii, Yu.V. 2002. In Marchenko, I.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Studies in the Archaeology of Kuban) 2*. Krasnodar: Kuban State University, 144—147 (in Russian).
- Armarchuk, E.A. 2006. In Zeleneev, Yu.A. (ed.). *Srednevekovaiia arkheologia Evrazijskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia 3*. Moscow; Yoshkar-Ola: Mari State University, 201—231 (in Russian).
- Armarchuk, E.A. 2015. In Rossiiskaia Arkheologiia (*Russian Archaeology*) (2), 120—135 (in Russian).
- Armarchuk, E.A., Dmitriev, A.V. 2014. *Tsem dolinskii kurganogruntovyi mogil'nik (The Tsem dolina Barrow and Plain Necropolis)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Armarchuk, E.A., Malyshev, A.A. 1997. In Munchaev, R.M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii almanakh (Historical-Archaeological Almanac) 3*. Armavir: Armavir Regional Museum; Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 92—114 (in Russian).
- Artiukhin, Yu. V. 2013. In *Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies) XXVIII*, 347—362 (in Russian).
- Basov, V.I., Narozhnyi, E.I., Tikhonov, M.P. 2003. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus) 2*. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 105—111 (in Russian).
- Bgazhnokov, B. Kh., Fomenko, V.A., Bubenok, O.B., Novichikhin, A.M. 2016. *Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii adygov (Essays on the Ancient and Medieval History of Circassians)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Berezin, S. Ya., Berezin, Ya.B., Narozhnyi, E.I. 2007. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus) 8*. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 177—244 (in Russian).
- Berezin, S. Ya., Narozhnyi, E.I. 2010. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriya: istoriia, politologiia, ekonomika, informatika (Scientific Bulletin of the Belgorod State University. History, Political Sciences, Economics, Informatics Series) 14—7 (18)*, 195—207 (in Russian).
- Berezutskii, V.D. 1989. In Siniuk, A.T. (ed.). *Issledovanie pamiatnikov arkheologii Vostochnoi Evropy (Studying Archaeological Sites of Eastern Europe)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 152—162 (in Russian).
- Blokhin, V.G., D'iachenko, A.N., Skripkin, A.S. 2003. In Marchenko, I.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Studies in the Archaeology of Kuban) 3*. Krasnodar: Kuban State University, 184—208 (in Russian).
- Blokhin, A.G., Petrov, P.A. 2013. In Rossiiskaia Arkheologiia (*Russian Archaeology*) (3), 37—50 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In Kradin, N.N., Sitdikov, A.G. (eds.). *Mezhdū Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 57—63 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E. 2007. In Belinskii, A.B. (ed.). *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledia Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of the Northern Caucasus) VII*. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ., 245—274 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E. 2008. In Narozhnyi, E.I., Tsokur, I.V. (eds.). *Nasledie Kubani (Kuban Heritage) 1*. Krasnodar: "Nasledie Kubani" Publ., 268—279 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E. 2017. In Derevianko, A.P., Tishkin, A.A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe (Proceedings of 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul and Belokurikha)*. Barnaul: Altai State University, 184—185 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E., Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2017. In Derevianko, A.P., Tishkin, A.A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe (Proceedings of 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul and Belokurikha)*. Barnaul: Altai State University, 186—187 (in Russian).
- Vasilinenko, D.E., Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2017. In Derevianko, A.P., Tishkin, A.A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe (Proceedings of 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul and Belokurikha)*. Barnaul: Altai State University, 188—189 (in Russian).
- Vinogradov, V.B., Narozhnyi, E.I. 1994. In Kirei, N.I. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and Ethnographical Research in the Northern Caucasus)*. Krasnodar: Kuban State University, 68—91 (in Russian).
- Vinogradov, V.B., Narozhnyi, E.I., Narozhnaia, F.B. 2001. In Marchenko, I.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban) 1*. Krasnodar: Kuban State University, 124—137 (in Russian).
- Garustovich, G.N. 2012. *Sled «Velikoi zamiatni». Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brig-Alga (The Trace of the "Great Troubles": the 14th Century Site near the Brig-Alga Village)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Golubev, L.E. 2013. In Ulitin V. (ed.). *Pamiatniki rannego khristianstva na Zapadnom Kavkaze. III Anfimovskie chteniia po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. K 1025-letiiu kreshcheniia Rusi (Early Christian Sites in Western Caucasus. 3rd Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus. To the Anniversary of 1025 Years from the Christianization of Rus')*. Krasnodar: "Vika-Print" Publ., 34—36 (in Russian).
- Golubev, L.E., Fedosov, M. Yu., Fedosova, Yu.N. 2012. In Munchaev, R.M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii almanakh (Historical-Archaeological Almanac) 11*. Armavir: Armavir Regional Museum; Moscow; Krasnodar: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 154—174 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 1990. In Khudyakov, Yu.S., Plotnikov, Yu.A. (eds.). *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Warfare of Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 155—160 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2004. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus) 4*. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 293—300 (in Russian).

- Gorelik, M. V. 2008. In *Vestnik KBIGI (Bulletin of the Kabardino-Balkarian Research Institute for Humanities)* 15. Nalchik, 158—189 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2014. In Smolij, V. A. (ed.). *Istoriya davn'oi zbroi. Doslidzhenni (History of Ancient Weapons: Research)*. Kiev: Institute of History, National Academy of Sciences of Ukraine, 73—88 (in Russian).
- Gorelik, M. V., Druzhinina, I. A. 2011. In *Batyr: Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People)* 2 (1). Moscow; Kazan, 39—63 (in Russian).
- Derevianko, E. I. 1987. *Ocherki voennogo dela plemen Priamur'ia (Essays on Warfare of the Amur Basin Tribes)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Dvurechenskii, O. V., Baryshev, A. V., Biriukov, P. V. 2012. *Shelom cherkasskii (The Circassian Helmet)*. Moscow; Tula: State Museum-Reserve for Military History and Nature "Kulikovo Field" (in Russian).
- Dmitriev, A. V., Narozhnyi, E. I., Sokov, P. V. 2008. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Tsentr arkhеологических исследований: otchet po itogam NIR za 2008 g. (Center of Archaeological Studies: Report on Scientific and Research Works in 2008)*. Armavir: Center of Archaeological Studies, Armavir State Pedagogical Institute, 13—21 (in Russian).
- Dobroliubskii, A. O. 1990. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea)* 1, 153—159 (in Russian).
- Druzhinina, I. A. 2014. In Tokareva, E. P., Lushin, V. G. (eds.). *Shtrikhi k portretam minuvshikh epokh. Arkheologiya, istoriya, etnografiya (Strokes to Portraits of Past Eras: Archaeology, History, Ethnography)* 1. Zimovniki: Zimovniki Museum of Local Studies, 263—276 (in Russian).
- Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N., Narozhnyi, E. I. 2011. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e (Medieval Nomads on the Eastern Azov Sea Shore)*. Moscow; Armavir: "Slavianka" Ltd. Publ. (in Russian).
- Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N. 2013. In Kozenkova, V. I. (ed.). *Ocherki srednevekovoi arkheologii Kavkaza. K 85-letiiu so dnia rozhdeniia V. A. Kuznetsova (Essays on Medieval Archaeology of the Caucasus: for 85th Birthday of V. A. Kuznetsov)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 73—84 (in Russian).
- Evglevskii, A. V. 2002. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Research in Archaeology)* 1. Donetsk: Donetsk State University, 291—335 (in Russian).
- Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk State University, 117—180 (in Russian).
- Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk State University, 181—208 (in Russian).
- Zav'yalov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2007. *Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskii period i epokhu Moskovskogo gosudarstva (Russian Smithery in the Golden Horde and the Moscow State Periods)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).
- Zelenskii, Yu. V. 1997. In *Istoriiko-arkheologicheskii almanakh (Historical-Archaeological Almanac)* 3, 90—92 (in Russian).
- Zhukovskaia, N. L. 1988. *Kategorii i simbolika traditsionnoi kul'tury mongolov (Categories and Symbolism of Traditional Culture of Mongols)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Ivanov, V. A. 1990. *Etnicheskie protsessy v stepnoi i lesostepnoi polose Iuzhnogo Urala i Priural'ia v VII—XIV vv. (Ethnic Processes in the Steppe and Forest-Steppe Zone of the Southern Ural and Cis-Urals in 7th—14th Centuries)*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2015. *Kochevniki Zolotoi Ord. Istoriia. Kul'tura. Religiiia (Nomads of the Golden Horde: History, Religion, and Culture)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
- Il'iukov, L. S. 2010. In *Bylye gody (Bylye gody)* 15 (1). Sochi: Sochi State University, 15—18 (in Russian).
- Usmanov M. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7 tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes)* 3. Uls Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Uls (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries). Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Kniga Marko Polo (Book of the Marvels of the World by Marco Polo)*. 1956. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ. (in Russian).
- Koziumentko, E. V., Raev, B. A. 2002. In Marchenko, I. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 2. Krasnodar: Kuban State University, 214—256 (in Russian).
- Kravchenko, S. A. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Materialy Pervogo Madzharskogo foruma (Transactions of the 1st Major Forum)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 39—44 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 1985. In Lukonin, V. G. (ed.). *Khudozhestvennye pamiatniki i problemy kul'tury Vostoka (Art Monuments and Issues of Oriental Culture)*. Leningrad: State Hermitage Museum; "Iskusstvo" Publ., 152—180 (in Russian).
- Kruglov, E. V. 1990. In Mamontov, V. I. (ed.). *Drevnosti Volgodoonskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 1. Volgograd: Volgograd State Pedagogical Institute, 57—64 (in Russian).
- Kruglov, E. V. 2001. In Skripkin, A. S. (ed.). *Kul'tura srednevekovykh kochevnikov i gorodov Zolotoi Ord. Katalog (Culture of Medieval Nomads and Golden Horde Towns: Catalogue)*. Volgograd: "Panorama" Publ., 7 (in Russian).
- Kuleshov, Yu. A. 2010. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (Golden Horde Civilization)* 3. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 73—97 (in Russian).
- Kuleshov, Yu. A., Abyzova, E. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ord: problemy i perspektivy izucheniia (Golden Horde Warfare: Issues and Future Studies)*. Kazan: M. A. Usmanov Center for Golden Horde History Studies, 92—100 (in Russian).
- Levasheva, V. P. 1953. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XXII, 165—213 (in Russian).
- Mamaev, R. Kh. 2016. In Bagaev, M. Kh., Mamaev, Kh. M. (eds.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediiia narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie Chteniia (Studying and Conservation of Archaeological Heritage of the Caucasian Peoples: 29th Krupnov Readings)*. Grozny: The Chechen State University, 229—230 (in Russian).
- Mamaev, R. Kh. 2017. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 36 (3), 53—59 (in Russian).
- Mamaev, R. Kh., Mamaeva, R. A., Mamaev, R. Kh. 2016. In Kutuev, R. A. (ed.). *Nauka i molodezh' (Science and the Youth)*. Grozny: Chechen State University, 333—336 (in Russian).
- Mamaev, R. Kh., Mamaev, R. Kh., Narozhnyi, E. I. 2012. In *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic)* 16 (1). Grozny, 121—130 (in Russian).
- Mamaev, R. Kh., Chakhkiev, D. Yu., Dautova, R. A. 1983. In Vinogradov, V. B. (ed.). *Novye arkheologicheskie materialy po srednevekovoi istorii Checheno-Ingushetii (Recent Archaeological Studies on the Medieval History of Chechenia-Ingushetia Peoples)*. Grozny: Chechenia-Ingushetia Research Institute for Physics of Civil Engineering, 44—80 (in Russian).
- Marchenko, I. I., P'iankov, A. V. 2002. In Marchenko, I. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Research on the Archaeology of Kuban)* 2. Krasnodar: Kuban State University, 168—213 (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 55—60 (in Russian).
- Mokrushin, V. P., Narozhnyi, E. I., Sokov, P. V. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoriicheskaia geografiia Zolotoi Ord. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiatii G. A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden*

- Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 221—224 (in Russian).
- Mongait, A.L. 1955. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXIII, 331—338 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2000. In Priakhin, A.D. (ed.). *Evraziiskaia step' i lesostep' v epokhu rannego srednevekov'ia (Eurasian Steppe and Forest-Steppe in the Early Middle Ages)*. Series: Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe) 14. Voronezh: Voronezh State University, 138—150 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2003. In Evglevskii, A.V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk State University, 245—274 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2003. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 2. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 212—223 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2005. *Srednevekovye kochevniki Severnogo Kavkaza. (Nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimovozdeistviia epokhi Zolotoi Ordy) (Medieval Nomads of the Northern Caucasus: Some Discussion Problems of Ethnic and Cultural Interactions of the Golden Horde Epoch)*. Armavir: "Armavirskoe poligrafob"edinenie" Publ. (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2007. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 32 (4). Novosibirsk, 60—64 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 204—212 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2010. In *Arkheologicheskii zhurnal (Archaeological Journal)* III—IV, 94—95 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2012. In Drozdov, N.I. (ed.). *Kochevye tsivilizatsii narodov Tsentral'noi i Severnoi Azii: istoriia, sostoianie, problemy (Nomadic Civilizations of the Peoples of Central and Northern Asia: History, State, Issues)*. Krasnoyarsk; Kyzyl: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 138—143 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2017. In Kradin, N.N. (ed.). *Mezhdv Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 208—213 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2017. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia (Theory and Practice of Archaeological Research)* 17, 8—17 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 2008. In Dvurechenskii, O.V. (ed.). *Voennaia arkheologiya (Military Archaeology)* 1. Moscow: State Historical Museum, 42—54 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Chakhkiev, D. Yu. 2003. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 2. Armavir: Armavir State Pedagogical Institute, 126—153 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Okhon'ko, N.A. 2007. *Novopavlovskii mogil'nik XIV v. v sisteme evraziiskikh drevnostei (The Novopavlovsky Burial Ground of 14th Century in the System of Eurasian Antiquities)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies in the Archaeology of North Caucasus) 7. Armavir: Armavir State Pedagogical University; Stavropol: Stavropol Museum of Local Studies (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Chakhkiev, D. Yu. 2010. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 11. Armavir, 237—239 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2014. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 14. Armavir; Krasnodar: "Kuban'arkheologiya" Ltd. Publ., 138—177 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2015. In Narozhnyi, E.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 15. Armavir; Krasnodar: "Kuban'arkheologiya" Ltd. Publ., 106—123 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I., Sokov, P.V. 2015. In Ulitin V. (ed.). *V Anfimovskie chteniia po arkheologii Zapadnogo Kavkaza (5th Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus)*. Krasnodar: "Traditsiia" Publ., 175—180 (in Russian).
- Orlov, R.S., Motsia, A.P., Pokas, P.M. 1985. In Tolochko, P.P. (ed.). *Zemli Iuzhnoi Rusi v IX—XIV vv. (Southern Russian Lands in 9th—14th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 41—60 (in Russian).
- Parusimov, I.N. 2007. In Guguev, Yu.K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) 2. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 312—324 (in Russian).
- P'iankov, A.V. 2002. In Kopylov, V.P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka (International Relations in the Black Sea Basin in the Antiquity and in the Middle Ages)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 67—69 (in Russian).
- P'iankov, A.V., Khachaturova, E.A. 2010. In Muzhukhoev, M.B. (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza (Problems of Chronology and Periodization of the Archaeological Sites and Cultures of Northern Caucasus. The 26th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus)*. Magas: Ingush Archaeological Center named after E.I. Krupnov, 301—303 (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1973. *Drevnosti chernykh klobukov (Antiquities of the Chorni Klobuky)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—19. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shastina, N.P. (ed.). 1957. *Puteshestviia v vostochnnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ. (in Russian).
- Savenko, S.N. 2016. In Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the History of Culture of Peoples of the Northern Caucasus)* 9. Stavropol, 104—113 (in Russian).
- Sizov, V.I. 1889. In Uvarova, P.S. (ed.). *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the Archaeology of the Caucasus)* II. Moscow (in Russian).
- Strel'chenko, M.L. 1960. In Davidenko, I.I. (ed.). *Nash kraj. Materialy po izucheniiu Krasnodarskogo kraia (Our Country: Materials for Studying the Krasnodar Kray)* 1. Krasnodar: "Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 140—157 (in Russian).
- Sakhanev, V.V. 1914. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 56. Petrograd: Typography of the Chief Department of Appanages, 75—219 (in Russian).
- Skhatum, R.B. 2003. In Marchenko, I.I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and Studies in the Archaeology of Kuban)* 3. Krasnodar: Kuban State University, 223—234 (in Russian).
- Skhatum, R.B. 2011. In Dvurechenskii, O.V. (ed.). *Voennaia arkheologiya (Military Archaeology)* 2. Moscow: State Historical Museum, 189—201 (in Russian).
- Skhatum, R.B. 2012. In Eremenko, A. (ed.). *Vtorye «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Severo-Zapadnogo Kavkaza (2nd Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus)*. Krasnodar: Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, 58—65 (in Russian).
- Skhatum, R.B., Dymchenko, V.M. 2003. In Berlizov, N.E. (ed.). *Magisterium. Sbornik nauchnykh trudov aspirantov i studentov kafedry istorii i muzeovedeniia KGUKI (Magisterium: Collected Scientific Papers of PhD and Graduate Students, Chair of History and Museum Studies, Krasnodar State University for Humanities and Arts)* 1. Krasnodar: Krasnodar State University for Humanities and Arts, 29—35 (in Russian).
- Sytyi, Yu.N., Skorokhod, V.N. 2014. In Burtsev, I.G. (comp.). *Voinskie traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ia (Warrior Traditions in*

- the Archaeological Context: from Late La-Tène to the Late Middle Ages). Tula: State Museum-Reserve "Kulikovo Field", 62—71 (in Russian).
- Tarabanov, V.A. 1984. In *Voprosy arkhologii Adygei (Questions of Archaeology of Adygeya)*. Maykop, 164—173 (in Russian).
- Tishkin, A.A. 2009. *Altai v mongol'skoe vremia (po materialam arkhologicheskikh pamiatnikov) (Altai in the Mongol Time: on the Materials of Archaeological Sites)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- Tolochko, P.P. 2003. *Kochevye narody stepei i Kievskaja Rus' (Nomadic People of the Steppes and Kiev Rus')*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Uspenskii, P.S. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 86—98 (in Russian).
- Uspenskii, P.S. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226, 188—196 (in Russian).
- Uspenskii, P.S. 2015. *Krematsionnye pogrebeniia Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII—XIII vv. kak istoricheskii istochnik (Burials with Cremation in the Northwestern Caucasus, 8th—13th Centuries, as Historical Source)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Uspenskii, P.S., Dobrovol'skaia, M.V., Kleshchenko, E.A., Shishlov, A.V., Fedorenko, N.V. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 231, 151—153 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A. 1968. *Kurgany, idoly, monety (Barrows, Idols, Coins)*. Moscow (in Russian).
- Khachaturova, E.A. 2012. In Eremenko, A.G. (ed.). *Pervye Anfimovskie chteniia. K 70-letiiu issledovaniia Ubinskogo mogil'nika (1st Anfimov Readings: 70 Years of Studies on the Uba Burial Ground)*. Krasnodar: "Vika-Print" Publ., 92—97 (in Russian).
- Chakhkiev, D. Yu. 1987. In Vinogradov, V.B. (ed.). *Novye materialy po arkhologii i etnografii Checheno-Ingushetii (New Materials on the Archaeology and Ethnography of Chechnya-Ingushetia)*. Grozny: "Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 67—78 (in Russian).
- Chakhkiev, D. Yu., Narozhnyi, E. I. 1990. In Khudiakov, Yu. S., Plotnikov, V.A. (ed.). *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Warfare of Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 129—140 (in Russian).
- Chernenko, E.E. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 83—98 (in Russian).
- Shalobudov, V.N., Kudriavtseva, I.V. 1980. In Kovaleva, I.F. (ed.). *Kurgany stepnogo Podneprov'ia (Kurgans of Steppe Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 90—97 (in Russian).
- Shishlov, A.V. 2001. In Raev, B.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Krasnodarskogo kraia (Rescue Archaeological Investigations in the Krasnodar Krai)* 1. Krasnodar: "Nasledie Kubani" Publ., 149—154 (in Russian).
- Shcherbakov A., Dzys' I. 2001. *Kulikovskaia bitva. 1380 god (Kulikovo Battle: 1380)*. Moscow: "Eksprint" Publ. (in Russian).
- Bobrov, L.A., Salnikov, A.V. 2017. "Circassian Armor" in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV — mid XIX centuries. *Bylye Gody* 45 (3), 727—753.
- D'Amato, R. 2015. Old and new Evidence on the Radt-Roman Helms from 9th to the 12th Centuries. *Acta Militaria Mediaevalia* XI, 27—157.
- Dąbrowska, E. 1958. Kurhany Rassawskie. *Archeologia* VIII, Z.1. Warszawa, 122—167.
- Gołębiowska-Tobiasz, A. 2014. Kontakty połowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych. In Nagirny, V. (ed.). *Contacts between the Polovtsian aristocracy and the Rurikids in the light of archaeological sources. Solloquia Russica. Series 1. Vol. 4. Rurikids in Dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th—16th c.)*. Publication after 4th International Conference (Mogilno, 14—16th November 2013). Kraków, 116—135.
- Kaminska, M. 2013. Archeologiczne świadectwa najazdów mongolskich na miasta ruskie w XIII—XIV w.: rzeczywistość a stereotypy historiograficzne. In Nagirny, V. (ed.). *Solloquia Russica. Series 1. Vol. 3. Rus' during the epoch of mongol invasions (1223—1480)*. Publication after 3th International Conference (Warsaw, 15—17th November 2012). Kraków, 29—37.

А. Н. Масловский

Andrey Maslovskiy. Candidate of Historical Sciences. Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve¹.

Масловский Андрей Николаевич. Кандидат исторических наук. Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

E-mail: maslovskiazak@mail.ru

Address: ¹ Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation

Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку

Keywords: Lower Don, Golden Horde, Azak, burial site, topography, chronology

Ключевые слова: Нижний Дон, Золотая Орда, Азак, могильник, топография, хронология

A. N. Maslovskiy

The Topography of Necropolises in the Golden Horde Azak, and their Impact on the Urban Planning

Excavations of Azak are held in every district of the town. That is why now it is possible to study some questions of planigraphy of this Golden Horde town. The paper lists and locates 38 so far discovered necropolis sites of 13th—14th centuries. Briefly, the origin of these sites is also offered. Mapping of the objects shows a certain logic in their location. In fact, there are two chains of necropolises almost fully surrounding the town. The necropolises in each chain appeared almost simultaneously. Both arcs of necropolises, apparently, were a result of an administrative policy, which intended to move them outside of the habitable districts. But due to rapid growth of the town in the first half of the 14th century, the necropolises in the earlier internal arc got surrounded by residential estates. Thus, the second arc of necropolises was the result of this process.

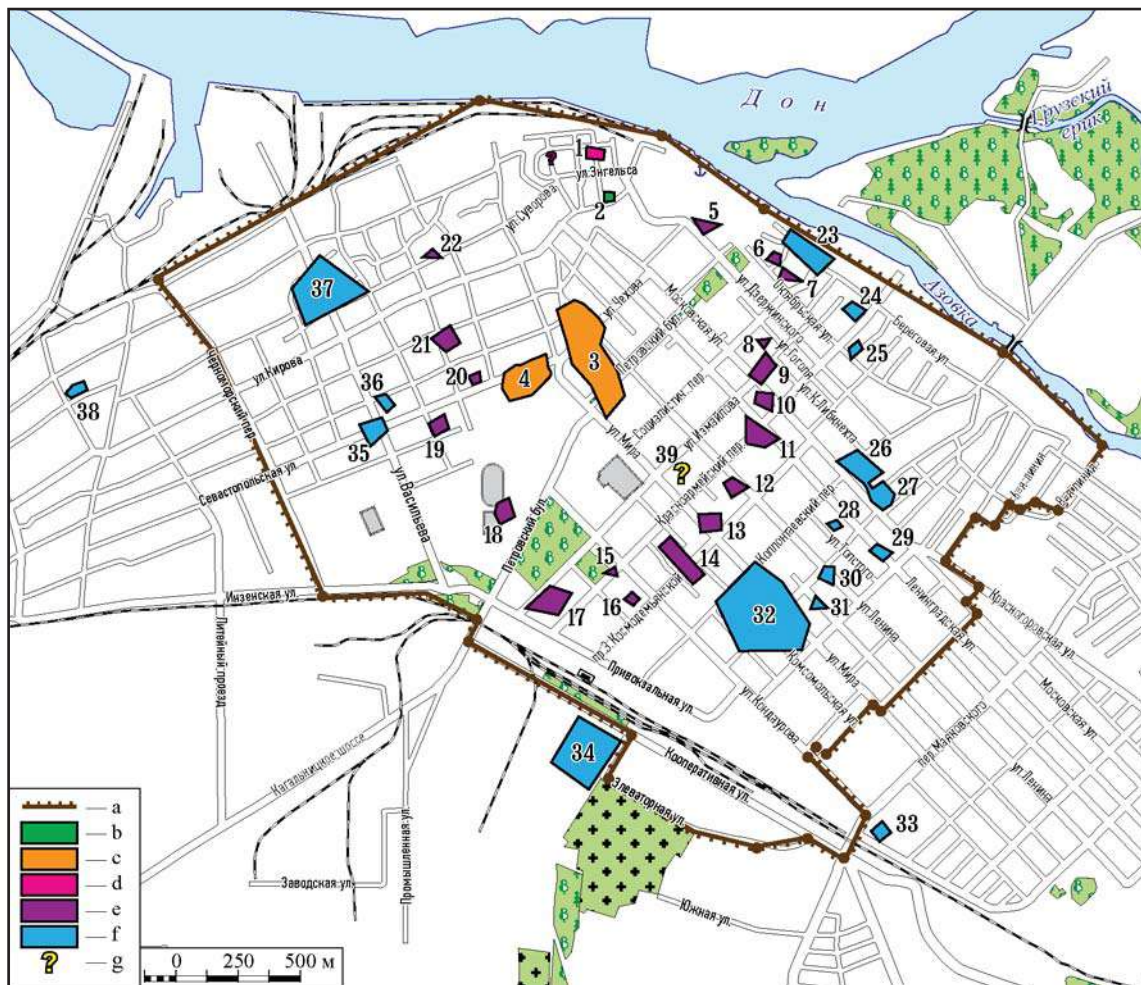
A. N. Масловский

Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку

Раскопки Азака, затронувшие все городские районы, предоставляют возможность детально рассмотреть вопросы планировочной структуры крупного золотоордынского города. И в частности, соотношения расположения городских могильников и жилых кварталов. В работе дается перечень 38 могильников XIII—XIV вв., выявленных на настоящий момент, с описанием их местоположения. Предлагается очерк истории их появления. Картографирование могильников позволяет выявить достаточно четкую систему в их размещении. Прослеживаются две цепочки могильников, окружающих город почти со всех сторон. Могильники в каждой из цепочек возникают примерно синхронно. Обе дуги могильников возникают, очевидно, как результат административного решения, предпринятого с целью вынесения могильников за пределы жилой застройки. При этом, из-за быстрого роста города в первой половине XIV в., могильники более ранней внутренней дуги оказались со временем в окружении жилых усадеб. Следствием этого и стало возникновение второй дуги.

На настоящий момент на территории золотоордынского Азака археологические исследования были проведены почти на 400 участках. Раскопками, хотя и неравномерно, затронуты все городские районы. Это позволяет рассмотреть многие вопросы планировки города с детальностью, недоступной для большинства памятников. Один из интереснейших вопросов — топография кладбищ. Могильники Азака, по сравнению с другими городами Золотой Орды, изучены наиболее полно. Число выявленных некрополей при-

ближается к сорока. Для многих из них установлены, хотя бы приблизительно, границы. Иногда даже удаётся установить какие-то временные ориентиры их истории, что для некрополей без инвентаря весьма затруднительно. По мере быстрого за последние десятилетия накопления информации, картина, ранее выглядевшая хаотичной (Фомичев 1990: 39; Масловский 2015: 392), вырисовывается в достаточно сложную систему распределения некрополей по территории города и их эволюции во времени.

Рис. 1. Схема размещения могильников золотоордынского Азака. Условные обозначения: а — граница охраняемой зоны «Городища Азака-Таны»; б — могильник, существовавший в сер. XIII в.; с — могильники, возникшие в 1270—1290 гг.; d — могильник венецианской Таны; e — могильники, возникшие в 1290—1310 гг. (внутренняя дуга); f — могильники, возникшие в 1310—1330-е гг. (внешняя дуга); g — могильник, существование которого точно не установлено.

Fig. 1. Scheme of localisation of the Golden Horde Azak burial grounds. Legend: a — protected area of "Azak-Tany Hillfort", boundaries; b — necropolis of middle 13th century; c — necropolises formed in 1270—1290; d — necropolis of the Venetian Tana; e — necropolises formed in 1290—1310 (internal circle); f — necropolises formed in 1310—1330s (external circle); g — necropolis without any supporting evidence.

Разумеется, рассмотрение всего объема информации, накопленной о некрополях Азака, в пределах одной статьи невозможно. Поэтому в данной работе мы ограничимся вопросами определения числа могильников, их размеров, границ, размещения в пределах средневекового города, влияния на общую структуру города, по возможности, выделим основные этапы истории.

Почти все могильники Азака располагались на территории, ранее не занятой жилыми постройками. В поздний период существования города некоторые из них, разрастаясь, занимали заброшенные жилые кварталы. В данной работе я не рассматриваю экстраординарные (санитарные) погребения, а также

погребения в заброшенных жилищах и одиночные погребения, совершенные на территории жилых усадеб, поскольку их размещение не было связано с городскими могильниками. Их совершали какие-то небольшие и достаточно обособленные группы населения. Приведенная в статье для удобства нумерация могильников не является окончательной и в дальнейшем неизбежно претерпит изменения.

Могильник №1 находится на достаточно крутом склоне коренного берега Дона, на трассе Петровского спуска, выше его перекрестка с улицей Ярославской (рис. 1), где стояла венецианская церковь, с которой и было связано кладбище. Оно обнаружено в 1890 г. при

раскопках В. Н. Ястребова (Раскопки... 1893: 40—42). С ним связана известная надгробная плита венецианского консула Якобо Корнаро (Скржинская 1973: 104—107). Могильник располагался на территории венецианской Таны и, очевидно, предназначался для её обитателей. В силу небольших размеров венецианского квартала, площадь могильника не могла превышать несколько сотен квадратных метров. Очевидно, могильник возник уже после постройки церкви. Нам не известна дата её постройки, но, учитывая размещение в пойме, можно предполагать, что кладбище возникает не ранее 1-й четверти XIV в. Существовало ли оно после гибели золотоордынского города в 1395 г., или венецианцы устроили новое кладбище вне пределов своего замка, также неизвестно.

Принимая во внимание особый статус итальянских кварталов, было бы неудивительно, что этот могильник занимает особое положение в системе городских кладбищ. Однако, как будет указано ниже, он всё-таки вписывается в общую схему их расположения. Генуэзская Тана должна была иметь своё кладбище. Учитывая характер местности и местоположение генуэзского квартала, следует искать его на береговом склоне между спуском Александра Невского и улицей Советской.

Могильник №2 располагался в районе участка по улице Лермонтова, 6 (рис. 1) и известен по одному уцелевшему на дне осадного сооружения XVIII в. погребению с инвентарем (Масловский 2008: 156). Если исходить из того, что могильники размещались на незастроенной до этого территории, и учесть местоположение наиболее ранних изученных комплексов, то появление этого некрополя можно отнести к сер. — 3-й чет. XIII в., возможно, ко времени непосредственно предшествующему созданию города. Это подтверждается сходством инвентаря с погребениями могильника середины XIII в. Мартышкина Балка, где одиночные сердоликовые бусины также находились в районе шеи. В погребениях других могильников Азака находки одиночных сердоликовых бус редки и их местоположение жестко не фиксировано. Размеры могильника вряд ли превышали 1 тыс. кв. м. Судя по датировке расчищенных на этом же участке хозяйственных ям, в XIV в. могильник уже не функционировал.

Естественно, единичность исследованного погребения делает все выводы достаточно гипотетичными.

Могильник №3 можно считать главным городским некрополем. Он занимал обширный участок, вытянутый с севера на юг, от пе-

ресечения улиц Чапаева и Щорса до Петровского бульвара (рис. 1). С юго-западной стороны некрополь ограничивал центральный, наиболее густозаселенный район города. Его границы были зафиксированы на целом ряде участков, что позволяет обрисовать контуры точнее, чем для большинства других могильников Азака. Протяженность с запада на восток составляла 150—200 м, а с севера на юг не менее 500 м. Юго-восточная граница прослеживается плохо. Самое удаленное погребение было найдено на небольшом раскопке по улице Мира, 17. К сожалению, квартал между Петровским бульваром и переулком Социалистическим, улицей Мира и улицей Ленина, является самым неприятным белым пятном на археологической карте Азова (поскольку квартал полностью занят многоэтажными зданиями, при строительстве которых археологических исследований не проводилось), и это делает невозможным дальнейшее уточнение границ данного могильника. Ориентировочно, площадь его составляла около 7—10 га. К северо-востоку от кладбища, у перекрестка улиц Толстого и Чехова, под зданием милиции, находилась одна из городских джума-мечетей, зафиксированная в ходе наблюдений за рытвем строительного котлована.

Возникает некрополь ещё в XIII в., на что указывают погребения с инвентарем, найденные у перекрестка улиц Ленина и Чехова (Бойко 1990: 4). На это же указывает картографирование комплексов XIII в. Ни один из них не встречен к югу или западу от могильника №3 (рис. 4). Дальнейшее уточнение времени появления могильника возможно после того, как нам удастся установить, когда начали функционировать другие городские могильники. Забегая несколько вперед, скажу, что, по моему мнению, могильник №3 возникает в 1270-е гг., вероятно, в период правления Менгу-Тимура (1266—1282 гг.), когда Азак сформировался как городской центр.

Ближе к концу XIV в. некрополь начинает разрастаться во всех направлениях, занимая заброшенные к этому времени кварталы. В частности, в северо-восточном направлении он увеличивается не менее чем на 100 м, не доходя до главной улицы города всего 20 м, и сливается с расположенным к юго-западу могильником №4. Размеры разросшегося некрополя составляют не менее 600×600 м. Здесь обнаружено значительное число фрагментов каменных надгробий, погребений в каменных и кирпичных склепах-мастабах (Волков 1989: 8, 10; Бойко 1990: 4).

Могильник №3 не прекращает функционировать и после гибели золотоордынского города. Исследователи говорят о существовании здесь погребений турецкого времени (Волков 1989: 10—11; Бойко 1990: 4). На основании существенно увеличившегося за последнюю четверть века объема данных можно говорить, что некрополь турецкого Азова располагался несколько севернее, простираясь от улицы Энгельса до улицы Калинина. На месте же старого золотоордынского кладбища находилась его южная периферия. Единичность турецких погребений отмечалась и ранее.

Могильник №4 находился к юго-западу от перекрестка улиц Мира и Чехова (рис. 1). Его первоначальная территория ограничивалась современным кварталом между улицами Севастопольской, Макаровского и переулка Ломоносовским, пустырем к югу от него и трассой самой улицы Севастопольской, включая её северо-западную сторону. В настоящее время невозможно уточнить его южную и юго-восточную границы. Приблизительно размеры могильника составляли 150 × 200 м.

Время его возникновения, как и само его местоположение, представляют собой загадку. Расположенный в непосредственной близости от центрального некрополя, он, тем не менее, отделен от него полосой жилых усадеб. Это позволяет предполагать близость, но не синхронность их возникновения. И главное, непонятно, почему в непосредственной близости друг от друга длительное время существуют два отдельных могильника. Прослеживается определенная разница в погребальном обряде. Например, на могильнике №4 отсутствуют кирпичные или каменные конструкции. Возможно, перед нами различные в социальном плане группы населения? До проведения сравнительного анализа антропологических материалов обоих могильников проверить эту гипотезу невозможно.

Некрополь со временем сильно разросся и к концу XIV в. слился с могильником №3, поглотив жилые кварталы, располагавшиеся между ними. Особенно сильный рост его территории происходил в юго-восточном направлении, где кладбище достигло трассы Петровского бульвара примерно в 300 м к югу от своей первоначальной границы.

Могильник №5 находился в районе участка по улице Дзержинского, 17 (рис. 1). Возможно, к нему следует отнести также погребения с участков по улице Дзержинского, 9 (Кияшко 2002: 210—211) и Дзержинского, 5,

если только это не несколько самостоятельных небольших могильников, каждый из которых занимал площадь в несколько сотен квадратных метров. Погребения расположены на краю плато коренного берега р. Дон на территории античного Крепостного городища, заселенного в XIV в. очень слабо.

Могильник №6 находился в районе участка по улице Октябрьской, 9 (рис. 1), как и предыдущий могильник, он расположен на краю плато коренного берега Дона. С юго-востока могильник ограничивался глубокой балкой, засыпанной в нач. XIX в., по которой в настоящее время проложен переулок Речной. Размеры кладбища, вероятно, не превышали 50 × 50 м.

Могильник №7 располагался в районе участка по переулку Социалистический, 12 (рис. 1), на расстоянии примерно 100 м к востоку от предыдущего, от которого он был при этом отделен глубокой балкой. Ещё одна балка ограничивала могильник с востока. Площадь могильника, вероятно, не превышала несколько сотен квадратных метров.

Могильник №8 был найден на улице К. Либкнехта на месте строительства школы №15, у дома №31 по переулку Социалистическому (рис. 1). В пределы раскопа попал небольшой участок его восточной границы. Поэтому определение его размеров и границ может быть только предположительным. Учитывая, что в раскопе по улице К. Либкнехта, 12, находившемся напротив школы №15, средневековые погребения не были зафиксированы (Гудименко, Дмитриенко 2004: 128), можно лишь сказать, что его площадь была невелика.

Могильник №9 располагался в районе участка по улице Измайлова, 22 в сторону перекрестка улиц Измайлова и Московской (рис. 1), в непосредственной близости от жилых усадеб, и в частности, от крупного земляночного жилища, в 100 м к югу от могильника №8. Достаточно точно удалось определить все границы некрополя, кроме южной. Его размеры составляют ориентировочно 50 × 50 м. Первоначально северной границей кладбища являлась городская улица. Могильник продолжал существовать, вероятно, до конца XIV в., когда он занял заброшенные усадьбы к северу от своей первоначальной территории.

Могильник №10 находился в районе участков №73/75 по улице Ленинградской, примерно в 100 м к югу от предыдущего могильника, от которого он отделен жилым кварталом (рис. 1). Это один из наиболее изученных городских некрополей (Гудименко, Масловский

1994; Гусач 2004: 160). Его северной границей являлась городская улица с ливнесточной траншеей, за которой начинались жилые усадьбы. К западу и югу от могильника находился пустырь. На восточной границе располагалась жилая усадьба, заброшенная в конце 1 чет. XIV в., занятая позднее могильником. Осталась неисследованной только северо-восточная часть кладбища, что не может серьезно изменить уже полученных данных. Размеры могильника составляли ориентировочно 80×50 м.

Могильник №11 располагался в районе перекрестка улицы Ленинградской и переуллка Красноармейского (рис. 1). От предыдущего кладбища он отделен пустырем шириной около 50 м. По своему погребальному обряду некрополь заметно отличается от могильника №10. Здесь зафиксирован максимальный среди городских некрополей Азака процент кирпичных конструкций. Часть из них имела облицовку из поливных кирпичей. В поздний период своего существования, во 2-й половине XIV в., он также занял ближайшие жилые усадьбы. При определении размеров затруднение вызывает его несколько неправильная форма, которая как бы обтекает группу жилых усадеб, но в целом они вряд ли превышали 70×70 м.

Могильник №12 располагался в районе участка по улице Ленина, 68 (рис. 1). Возможно, к нему следует отнести погребения на территории заброшенных усадеб на участке по улице Ленина, 77. От могильника №11 он расположен примерно в 200 м по направлению на юго-запад. Точно установлена западная граница, где кладбище граничит с жилой усадьбой с большим домом, от которого сохранился подвал с каменным пандусом. Также достаточно определенно можно провести северо-восточную границу. Южная, юго-западная, юго-восточные границы, к сожалению, могут быть проведены только гадательно, и уточнить их в будущем маловероятно, поскольку эти участки заняты многоэтажными домами, на месте строительства которых раскопки не проводились. Учитывая результаты работ на ближайших раскопах, максимально возможные размеры некрополя можно определить как 150×150 м.

Могильник №13 находился на улице Мира поблизости от её пересечения с проспектом 3. Космодемьянской, примерно в 100 м на юго-восток от могильника №12 (рис. 1). Центральная часть некрополя исследовалась на участке по улице Мира, 45А (Масловский 2010: 196). Зафиксированы все границы, кроме южной. От предыдущего он отделен жи-

лыми кварталами, располагавшимися вдоль одной из магистральных улиц города. К юго-западу и отчасти к северо-западу от могильника находился обширный пустырь. Размеры некрополя составляли приблизительно 100×100 м.

Могильник №14 находился поблизости от пересечения улицы Крымской и проспекта 3. Космодемьянской (рис. 1). Все исследованные погребения совершены на территории заброшенных жилых усадеб. Это ставит перед исследователем неразрешимую проблему определения первоначального местоположения. Вероятно, первоначальный некрополь находился юго-западнее, но соседние кварталы между улицами Крымской и Кондаурова уже застроены многоэтажными домами, и закладка новых раскопов здесь проблематична.

Могильник №15 исследовался на участке по переулку Красноармейский, 104 и улице Кондаурова, 10А (рис. 1). На первом участке зафиксирован единственный в Азаке случай, когда погребение было перекрыто золотоордынским жилищем. К северу от некрополя расположены кварталы с плотной застройкой. Вероятно, основная часть могильника расположена на территории двора пятиэтажного дома по улице Кондаурова, 10.

Могильник №16 исследовался на участке по улице Пирогова, 3 (рис. 1). Был зафиксирован лишь самый юго-западный край некрополя с двумя погребениями. Здесь было обнаружено одно из самых необычных для Азака погребение девочки, скорченной на боку, с крестом и шелковым платком на лице (Масловский 2008: 151, 153, рис. 7: 1). Возможно, это край могильника №14. К сожалению, проверить это предположение проблематично, поскольку всё пространство между ними уже застроено многоквартирными домами.

Возможно, могильники №14—16 являются краями одного некрополя, который занимал территорию нескольких современных кварталов. К сожалению, в настоящее время проверить это очень проблематично.

Могильник №17 находился вдоль улицы Измайлова к северо-востоку от её пересечения с улицей Привокзальной (рис. 1), его границы известны главным образом благодаря наблюдениям за земляными работами в 1960-е гг. Его размеры можно оценить примерно в 250×200 м.

Могильник №18 располагался в юго-восточной части стадиона им. Лакомова (рис. 1), примерно в 400 м на север от предыдущего. При этом следует учитывать, что эта территория изучена достаточно слабо. За-

фиксирована северная граница, а также факт разрастания могильника на территорию заброшенных усадеб. В погребальном обряде фиксируются следы кочевнических монгольских традиций. К северо-западу от него располагались крупные по площади аристократические усадьбы. Со всех других сторон могильник также окружен жилыми усадьбами. Территория могильника составляла, вероятно, несколько тысяч квадратных метров.

Могильник №19 располагался в районе участка по переулку Достоевского, 69 (рис. 1), в 500 м к северо-западу от предыдущего. Ни размеры, ни границы могильника не известны. В целом этот район города имел разреженную застройку и весьма слабо изучен. Можно только констатировать, что во всех направлениях от могильника зафиксированы жилые усадьбы.

Могильник №20 обнаружен в районе участка по улице Севастопольской, 34 (рис. 1), примерно в 200 м к северо-востоку от предыдущего. Более или менее установлена его восточная граница. Можно также примерно оценить его протяженность с востока на запад, которая не могла значительно превышать 100—120 м. К югу от некрополя проходила непрерывная полоса жилых усадеб.

Могильник №21 располагался в районе перекрестка улицы Мирошниченко и переулка Урицкого (рис. 1), в 200 м на северо-запад от предыдущего. Допустимо, что данные кладбища в реальности составляют одно целое, но в настоящее время подтвердить это или опровергнуть невозможно. В непосредственной близости к западу от него обнаружена гончарная мастерская. В северном и восточном направлениях зафиксированы жилые усадьбы.

Могильник №22 зафиксирован на участке по улице Андреевской, 42 (рис. 1), в 350 м на север от предыдущего, известен по единственному погребению, исследованному в шурфе. Поэтому достоверные данные о его размерах и границах отсутствуют. Можно только отметить, что к северу начинается достаточно крутой береговой склон с невысокими уступами.

Могильник №23 фиксируется вдоль трассы улицы Береговой от переулка Речной до переулка Красноармейский (рис. 1), на возвышенном участке надпойменной террасы речки Азовки, под береговым обрывом. В ходе археологических исследований не удалось расчистить ни одного погребения, но при наблюдениях за земляными работами и при опросах местных жителей удалось установить, что в полосе надпойменной терра-

сы от переулка Речной до пер. Красноармейский в разных местах фиксируются костяки, залегающие на небольшой глубине. Его протяженность вдоль берегового обрыва превышает 400 м, при этом ширина невелика, и, вероятно, составляет менее 40 м. Возможно, имеем дело не с одним, а с несколькими небольшими кладбищами.

Могильник №24 находится в районе участка по переулку Красноармейский, 34 (рис. 1). Зафиксирована его западная граница. В настоящее время рельеф этой части края коренного берега Дона сильно изменился, но всё же можно предполагать, что кладбище возникло на западном краю балки, по которой сейчас проложен переулок Красноармейский. С западной стороны в непосредственной близости от него расположена жилая усадьба, которую в поздний период заняло кладбище. Ещё одна жилая усадьба конца XIII в. исследовалась к северо-востоку от некрополя, над краем берегового обрыва. Размеры могильника устанавливаются достаточно умозрительно. Они не могли превышать в направлении с юго-запада на северо-восток 80 м. Протяжённость с запада на восток, вероятно, была ещё меньше.

Могильник №25 расположен в районе участка по улице Октябрьской, 64 (рис. 1), примерно в 100 м на юго-восток от предыдущего, от которого был отделен балкой. Ни его размеры, ни границы в настоящее время неясны. Можно только констатировать, что данный участок средневекового города, вероятно, не имел регулярной застройки, а сам могильник не имел правильной планировки и, видимо, состоял из отдельных групп захоронений. Достоверно известна жилая усадьба, расположенная к востоку от него.

Могильник №26 располагался в районе перекрестка улицы Московской и переулка Коллонтаевского на скате Кирсановой балки (рис. 1). Его размеры с запада на восток составляли порядка 120 м. Протяжённость вдоль балки может быть определена с меньшей уверенностью примерно в 100—150 м. Восточной границей могильника являлась Кирсанова балка, линия которой также ограничивала жилую застройку Азака. К западу и югу от могильника располагались жилые кварталы, правда, вероятно, не имевшие регулярной планировки. К северу от могильника вдоль балки простирались пустыри. Край могильника огибал верховья балки и соединялся с могильником №27, расположенным на другой ее стороне. Он отличается необычностью погребального обряда, имевшего значительную вариабельность. В частности, от-

сутствует регулярность в размещении могил. Большая часть погребений, несомненно, языческие.

Могильник №27 занимал участок от кургана №1 группы Азовская до восточного склона Кирсановой балки (рис. 1), огибая её верховья вдоль улицы Седошенко на северо-восток от её пересечения с улицей Московской. С запада на восток кладбище занимало участок протяженностью около 100 м. Протяженность могильника вдоль балки определить затруднительно, но, вероятно, она имела сопоставимые значения. Некрополь, как и предыдущий, не имел регулярной планировки и также был языческим, но, судя по инвентарю, здесь совершали захоронения выходцы из среды оседавших в городе кочевников.

Могильник №28 зафиксирован в районе участков по улице Толстого, 125 и 124 (рис. 1), в 200 м на юго-запад от двух предыдущих. Он расположен к востоку от жилой застройки Азака и отделен от неё пустырями. Определить его размеры в настоящее время затруднительно, но, видимо, он был невелик и имел низкую плотность захоронений. Здесь также отмечены погребения с инвентарем.

Могильник №29 находился на улице Ленинградской рядом со школой №2 (рис. 1) на расстоянии примерно 300 м к юго-востоку от границы жилой застройки Азака и примерно в 200 м к востоку от предыдущего. Он известен только по наблюдениям за прокладкой здесь траншей в 1990-е гг., поэтому определить его размеры сейчас невозможно.

Могильник №30 зафиксирован на перекрестке улицы Ленина и переулка Кошевого (рис. 1), в котловане под прокладку коммуникаций, по единственному погребению. В силу этого определить его размеры в настоящее время невозможно. Поскольку эта точка расположена в 100 м на юго-восток от границы жилой застройки Азака, маловероятно, что мы имеем дело с одиночным погребением, которые иногда совершались на территории жилых усадеб.

Могильник №31 обнаружен в районе участка по улице Пушкина, 62 (рис. 1), в 120 м на юго-запад от предыдущего, в 200 м на юго-восток от границы жилой застройки города. При этом его западной границей служила ливнесточная траншея, в которой был расчищен фрагментированный костяк. Поскольку вместе с найденными в заполнении различных комплексов фрагментированными костяками ранее встречены только монеты 1360-х гг., это дает основание говорить о су-

ществовании некрополя до времени «великой замятни». Размеры могильника определить затруднительно, но, вероятно, он относился к числу малых и имел площадь в несколько сотен квадратных метров.

Могильник №32 является, вероятно, самым большим по площади среди известных в настоящее время городских кладбищ. Его границы зафиксированы в нескольких точках и могут быть определены с высокой степенью достоверности. Он простирается от переулка Коллонтаевского в юго-восточном направлении, не доходя нескольких десятков метров до улицы Осипенко, и от перекрестка улицы Крымской и переулка Кошевого до северо-восточной стороны улицы Мира (рис. 1). Его размеры составляли примерно 350 × 300 м. От предыдущего могильника он достоверно отделен пустырем. С северо-западной стороны в непосредственной близости от него находятся жилые кварталы. К югу от него также известны одиночные жилые усадьбы. Известно о существовании на данном некрополе кирпичных мавзолеев. В большом числе зафиксированы внутримогильные деревянные конструкции.

Могильник №33 зафиксирован на участке по улице Маяковского, 79 (рис. 1) на расстоянии примерно 1 км от границ сплошной жилой застройки города и является наиболее удаленным среди известных городских кладбищ. Он известен по одному погребению из разведочного шурфа, что, естественно, делает выводы гипотетичными. К сожалению, получение дополнительной информации вряд ли возможно, поскольку участок был застроен без предписанного археологического надзора многоэтажными домами.

Могильник №34 располагался к югу от железной дороги, в районе пересечения переулков Парковый и улицы Кооперативной (рис. 1), на месте расположенных здесь элеватора и гаражей, неподалеку от современного кладбища (Фомичев 1990: 39). Некрополь ни разу не подвергался раскопкам и известен по рассказам азовчан о «сотнях» погребений в строительных котлованах и траншеях, некоторые из них содержали инвентарь. В музей поступил найденный в одном из погребений амулет с изображением магического квадрата. О размерах могильника достоверной информации нет. Можно только предполагать, что он имел площадь в несколько гектаров. С трех сторон от могильника зафиксированы жилые усадьбы и даже улица (Зенюк 2016: 204). О наличии или отсутствии жилой застройки к югу от могильника информации нет.

Могильник №35 находился у перекрестка улиц Севастопольской и Васильева (рис. 1). Достоверно зафиксирована только его южная граница, отмеченная траншеей. Ориентировочно его размеры можно оценить в 1 га (100×100 м). К югу и западу от могильника жилая застройка отсутствует. К северу зафиксированы гончарная мастерская и богатая жилая усадьба. На этом некрополе был изучен пока единственный в Азаке мавзолей (Гончарова, Гончаров 2014: 162). Известно также захоронение в склепе и каменное надгробие с эпитафией. Нельзя не отметить низкую плотность захоронений.

Могильник №36 обнаружен на участке по улице Луначарского, 67 (рис. 1) на расстоянии примерно 50 м к северу от предыдущего. О его размерах достоверной информации нет, но, вероятно, они были невелики. Можно допустить, что некрополи №35 и 36 — это части одного крупного могильника, различающиеся по планировке и социальному положению погребенных.

Могильник №37 расположен у перекрестка улиц Куйбышева и Васильева (рис. 1), на пологом склоне коренного берега Дона, примерно в 400 м к северо-западу от предыдущего. Его размеры составляли примерно 200×200 м, и это один из самых крупных, но при этом слабо изученных некрополей.

Могильник №38 зафиксирован в районе участка по улице Ростовской, 20 (рис. 1), недалеко от края коренного берега р. Дон, на расстоянии примерно 900 м к западу от границ жилой застройки Азака. Его размеры в настоящее время не могут быть определены, но, по словам местных жителей, погребения встречены на территории многих подворий в окрестностях. Нельзя исключать, что кладбище связано с каким-то нам ещё не известным золотоордынским поселением округа Азака.

Могильник №39. Ещё один некрополь может быть выделен лишь предположительно. Он исследовался на ул. 50 лет Октября (Измайлова) (рис. 1). Здесь встречено 3 погребения на территории жилых усадеб. Возможно, это единственный некрополь, без сомнения, возникший на территории заброшенного квартала. Однако погребения находятся на значительном расстоянии друг от друга. Может быть, это всё-таки единичные погребения на территории жилых усадеб, встречаемые в различных районах Азака.

Детальное картографирование известных на настоящий момент могильников позволило выявить достаточно четкую структуру в их распределении по территории города.

Во-первых, легко заметить, что ряд могильников (№5—22) выстраивается в цепочку и образует достаточно правильную кривую вокруг центра города, далеко вытянутую в южном направлении (рис. 1). На этой же кривой оказывается могильник №1 (венецианский) и ещё не выявленное кладбище генуэзского квартала. Думается, если бы нам были известны точные границы всех некрополей, этот контур имел бы ещё более правильную форму. То, что данная линия не является плодом нашего воображения, доказывается тем, что два могильника из данного списка (№18 и 20) были выявлены уже после картографирования, причем некрополь №20 — после публикации тезисов данной статьи (Масловский 2016: 291).

Следовательно, выявленная структура может использоваться в прогностических целях. Наиболее изученным кажется отрезок с могильниками №8—13. Кладбища здесь расположены на расстоянии 50—200 м друг от друга. Причем во всех случаях достоверно наличие промежутков между ними, занятых жилыми кварталами (в большинстве случаев) или пустырями (один случай). Существование промежутков в цепочке, значительно превышающих по протяженности 200 м, позволяет предполагать наличие здесь ещё не выявленных могильников. Так, вероятным представляется наличие небольшого некрополя между могильниками №7 и 8. Наверняка существуют могильники в промежутках между могильниками №17 и 18, №18 и 19, №21 и 22.

Крайне маловероятным представляется формирование такой структуры в результате спонтанного и хаотичного роста города. Практически наверняка перед нами результат административного решения по выносу могильников за пределы жилой застройки, с оставлением резервных незаселенных территорий для дальнейшего роста города, хотя это представляется не вполне последовательным, ведь могильники №3 и 4 продолжали функционировать в окружении жилых усадеб. Неясно, почему по этому «генеральному плану» роста города он должен был так расширяться в южном направлении, если первоначально город рос вдоль края коренного берега и уже в XIII в. в восточном направлении выходил за пределы выявленной дуги могильников. Сложно также представить, каким образом это решение реализовывалось, так сказать, на местности.

Если принять, что создание дуги могильников — результат административного решения, то их появление произошло одновре-

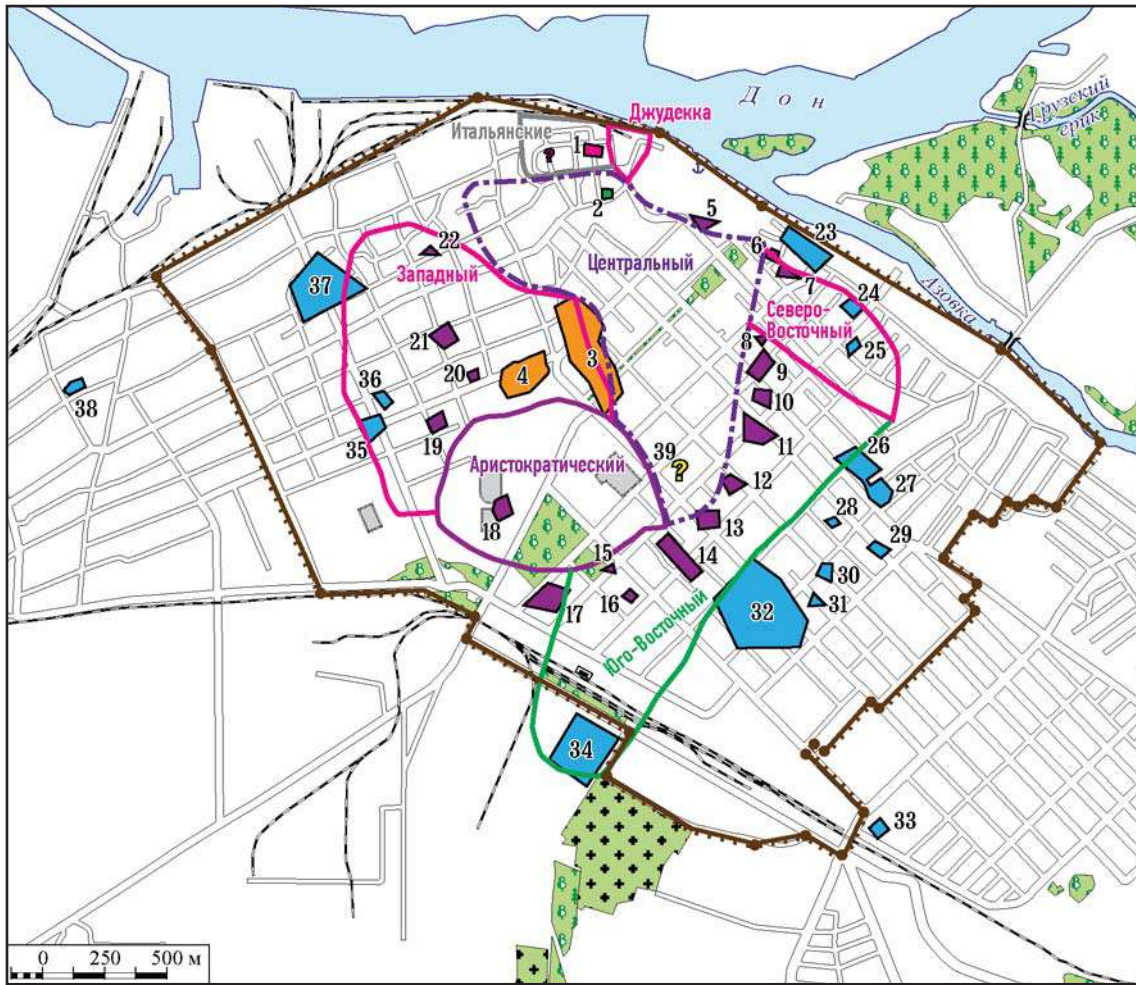

Рис. 2. Могильники Азака и границы городских районов.

Fig. 2. Burial grounds of Azak and borders of districts of the town.

менно или, по крайней мере, в короткий временной отрезок. Это, естественно, упрощает задачу их датировки.

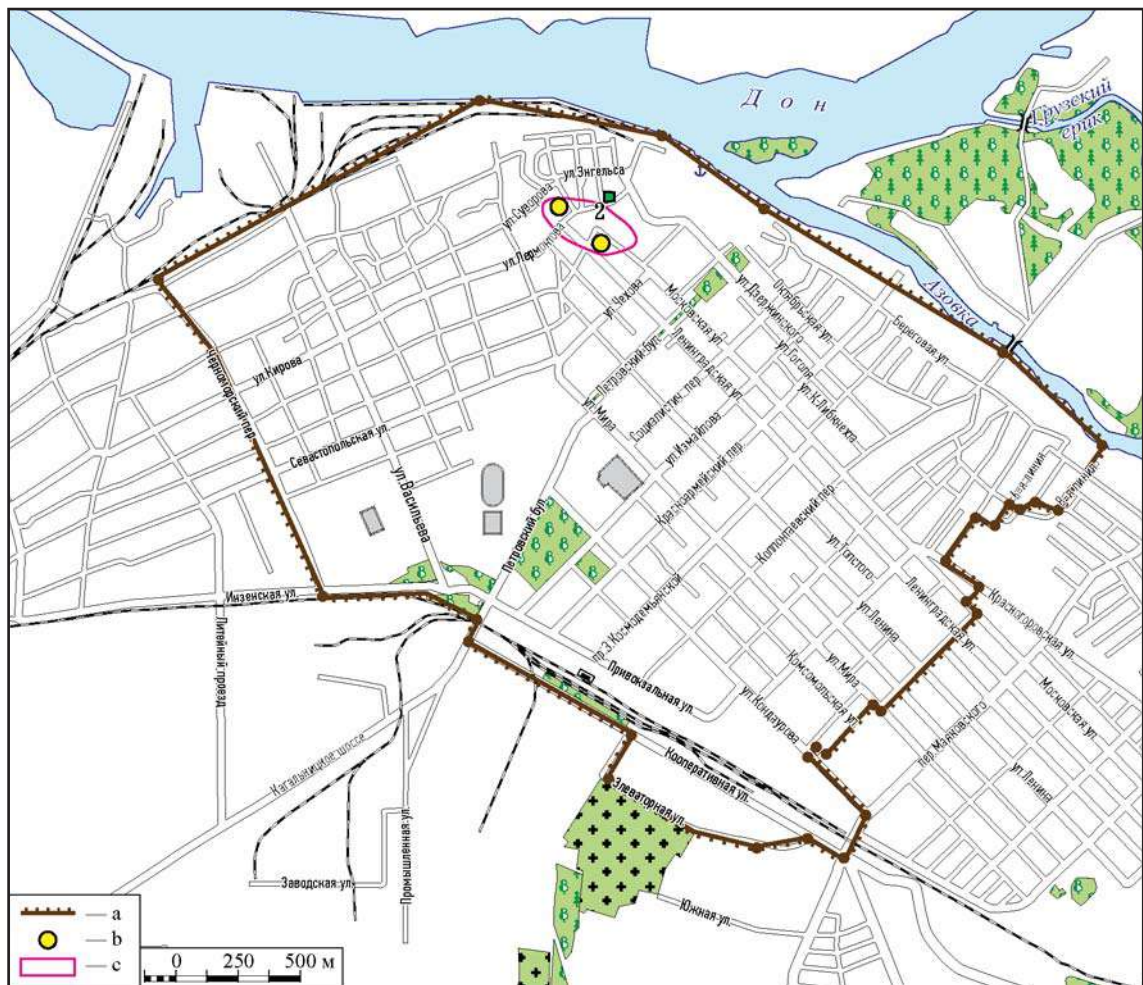
Интересно, что могильники этой дуги сопоставимы друг с другом по размерам. Здесь отсутствуют крупные некрополи. То есть, перед нами кладбища сопоставимых по численности общин городского населения.

Выделяется также вторая дуга, которую образуют могильники №23—32, 34—37, отделенные от первой дуги полосой жилой застройки. Эта цепочка, однако, кажется не столь правильной, как первая. Правда, это впечатление может быть следствием недостаточной исследованности этой зоны. Тем не менее, поскольку мы не видим никакого «шахматного» расположения могильников и жилых участков между двумя цепочками могильников, логично предположение, что вторая дуга могильников возникла также в результате административного решения. Это должно было произойти после того, как не осталось неза-

нятых участков для закладки новых некрополей во внутренней дуге, и необходимо было вновь выносить могильники за пределы городской застройки. Интересно, что расстояние между двумя дугами кладбищ примерно одинаковое по всему периметру города.

Город местами смог перерасти и внешнюю дугу могильников. Так, жилая застройка окружает полукольцом могильник №34. Отдельные усадьбы и жилые кварталы фиксируются на участках к северо-востоку от могильника №24, между могильниками №25 и 26, 28 и 32. При этом внутри второй дуги фиксируются участки с редкой застройкой или вовсе без застройки в западном и северо-восточном районах города.

Неясно, можно ли предсказывать обнаружение неизвестных пока могильников внешней дуги и главное их местоположение. Некрополи здесь не выстроены в единую цепочку. Обращает на себя внимание и то, что кладбища внешней дуги сильно варьиру-

Рис. 3. Могильники Азака в 1260-е гг. Условные обозначения: а — граница охранной зоны «Городища Азака-Таны»; б — комплексы сер. XIII в.; с — граница поселения в сер. XIII в.

Fig. 3. Burial grounds of the Azak town in 1260s. Legend: a — boundary of the protection zone of "Azak-Tana hillfort"; b — complexes of the mid. 13th cent.; c — boundary of the settlement in the mid. 13th cent.

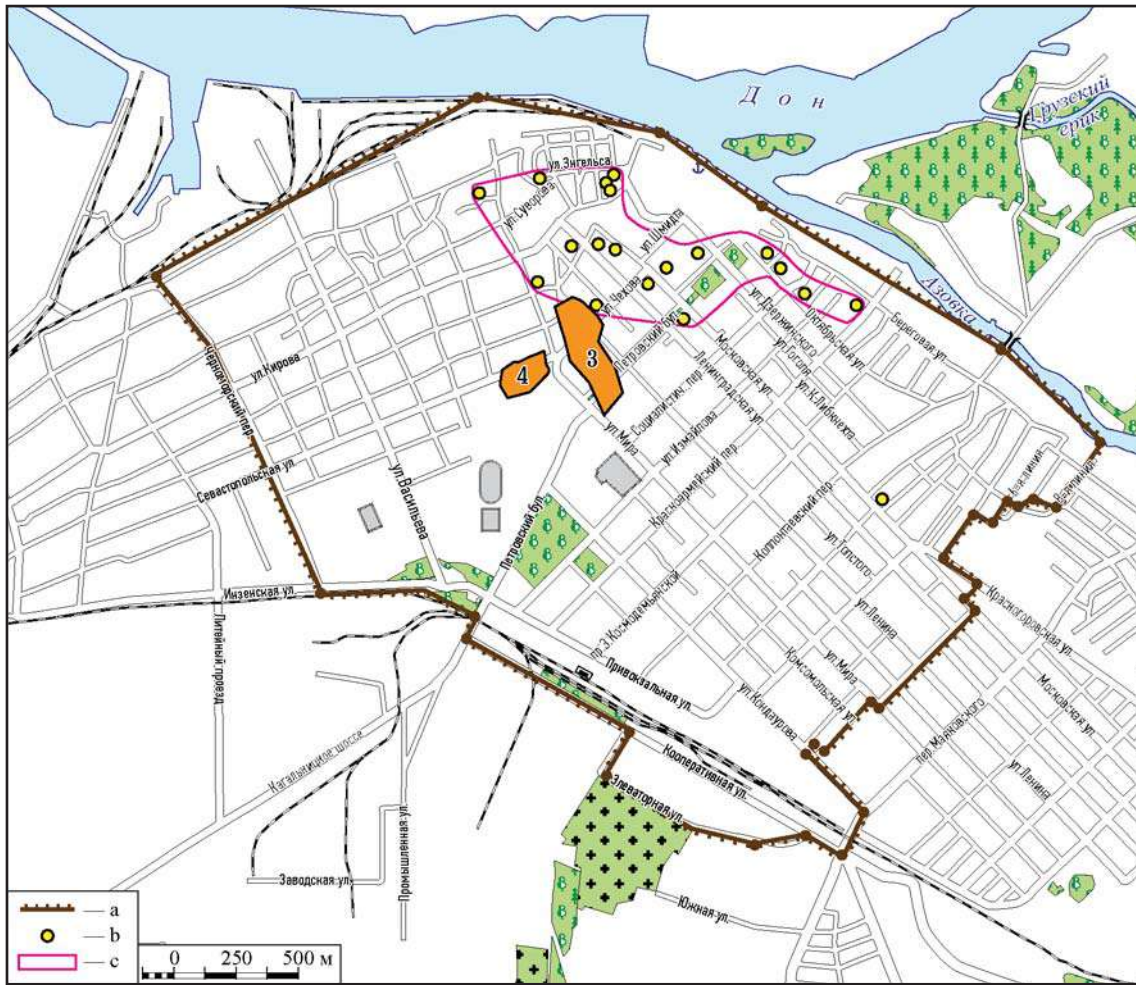
ют по размерам. Здесь есть как очень крупные могильники, превышающие по размерам даже центральный, так и сравнительно небольшие кладбища типа №24, 25, 28.

Наконец, особняком стоят могильники №33 и 38, которые просто недостаточно изучены, чтобы делать о них определенные выводы. Но, возможно, они указывают на то, что зона распространения некрополей Азака значительно шире, чем это представляется сейчас. В любом случае, поиск этих удаленных объектов в условиях сплошной застройки и, мягко говоря, недоброжелательного отношения жителей современного Азова, затруднен, и определенный ответ мы сможем получить очень нескоро.

Размещение могильников по территории города оказало значительное влияние на складывание его структуры. На период его расцвета в 1320—1340-х годах районирование горо-

да было примерно следующим (рис. 2). Все участки с плотной застройкой, большая часть улиц, ремесленных мастерских и домов крупных купцов ограничены с восточной стороны могильниками внутренней дуги. Второй границей городского центра стало центральное городское кладбище (могильник №3), которое ограничивает его с запада. Стройность картины нарушает только район к северо-западу от него, где, кажется, плотная городская застройка несколько не доходит до внутренней дуги некрополей. Но, возможно, мы просто недостаточно изучили этот район.

Район к югу от могильников №3 и 4 и до внутренней дуги могильников выделяется наличием здесь крупных усадеб с богатыми находками, среди которых отмечено повышенное количество архитектурного декора и редкой поливной керамики. При этом здесь также фиксируются магистральные улицы,

Рис. 4. Могильники Азака в 1270—1290-е гг. Условные обозначения: а — граница охранной зоны «Городища Азака-Таны»; б — раскопы с материалами XIII в.; с — граница города к 1300 г.

Fig. 4. Burial grounds of the Azak town in 1270s—1290s. Legend: a — boundary of the protection zone of “Azak-Tana hillfort”; b — digs with archaeological finds of 13th c.; c — boundary of the town by 1300.

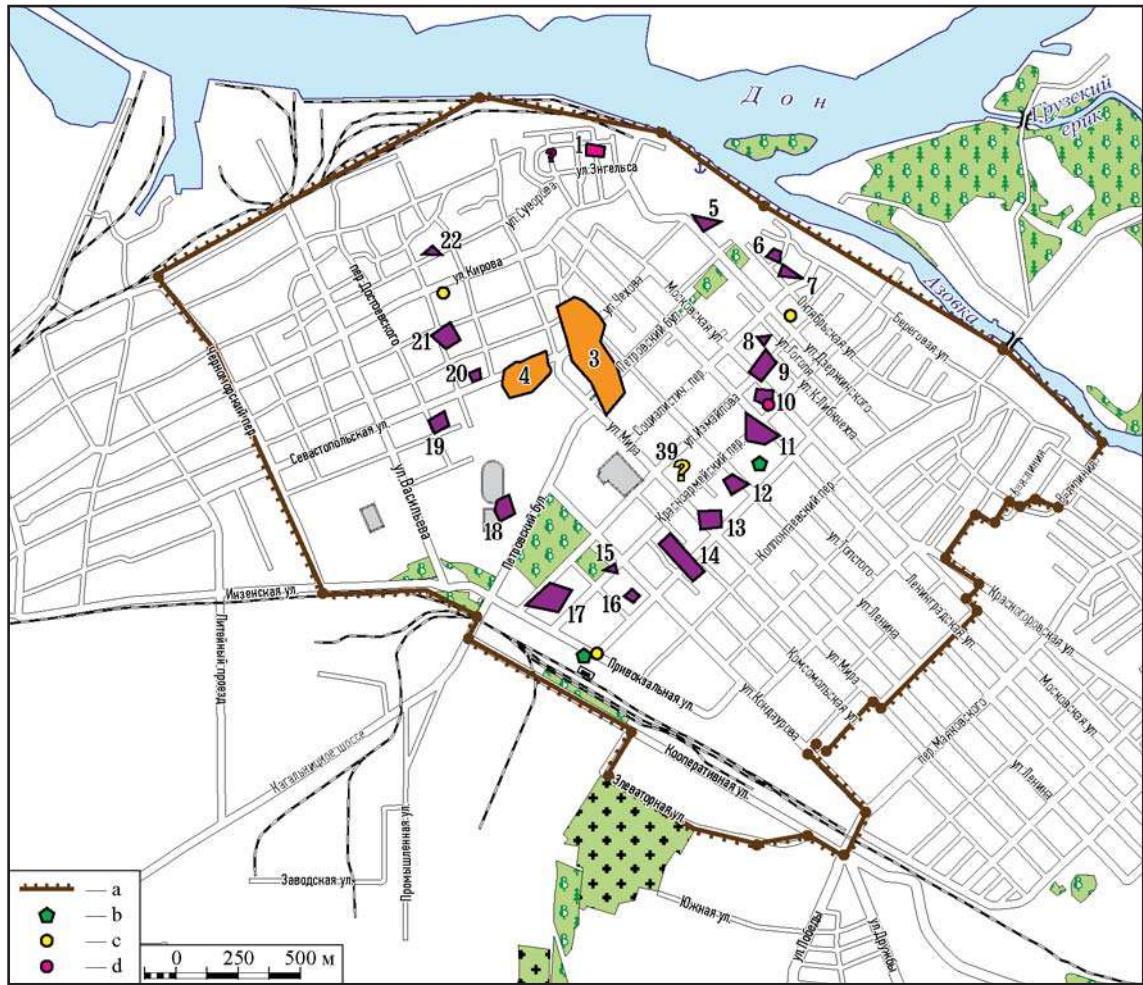
ремесленные мастерские и дома крупных купцов. Условно мы назовем его «аристократическим» (рис. 2).

Зона между двух дуг могильников образует городские окраинные районы, которые сильно различаются между собой по плотности застройки и характеру находок. Можно выделить три района: северо-восточный, юго-восточный и западный (рис. 2). За пределы внешней дуги некрополей город выходил только на отдельных участках и на небольшое расстояние.

Особняком, по понятным причинам, стоят только генуэзский и венецианский кварталы на берегу Дона и еврейская Джудекка (рис. 2). Разумеется, идеального совпадения границ городских районов и цепочек могильников ожидать не приходится, как не приходится, по-видимому, вообще рассчитывать на выявление четких контуров частей горо-

да. Тем не менее, их корреляция несомненна, и некрополи выступают надежными ориентирами.

Для изучения структуры Азака большое значение имеет сама по себе топография городских могильников как дискретных объектов. Подчеркну, что, несмотря на имеющиеся в некоторых случаях сомнения, большая часть перечисленных могильников однозначно является отдельными единицами. С учетом того, что часть кладбищ, несомненно, ещё не выявлена, общее их число, по-видимому, превышало 50. Следовательно, примерно таким было число отдельных общин, проживавших в городе. Каждый из некрополей принадлежал конкретной группе населения, которые могли резко отличаться друг от друга в различных отношениях, в т. ч. по религиозной и национальной принадлежности, происхождению, численности, социальному положе-

Рис. 5. Могильники Азака в 1310-е гг. Условные обозначения: а — граница охранной зоны «Городища Азака-Таны»; б — комплексы 1310-х гг.; с — комплексы 1320-х гг.; д — ямы заброшенных усадеб 1320-х гг.

Fig. 5. Burial grounds of the Azak town in 1310s. Legend: a — boundary of the protection zone of “Azak-Tana hillfort”; b — complexes of the 1310s; c — complexes of the 1320s; d — pits of abandoned manors of the 1320s.

нию, достатку, антропологическому облику. Отмечены случаи, когда могильники занимали заброшенные усадьбы, но не пустыри, разделявшие соседние кладбища (могильники №10 и 11, 11 и 12), т.е. представители общин не желали смешиваться друг с другом даже после смерти. Между тем, материальная культура жителей города выглядит куда более однородной. Выделить в ней такое число вариантов просто невозможно.

Историю могильников Азака можно реконструировать следующим образом.

Фаза 0 (рис. 3). Наиболее древним некрополем является могильник №2, относящийся ещё к середине XIII в., позднее заброшенный и застроенный. Он относится к периоду, когда город находился на стадии формирования.

Фаза 1 (рис. 4). Следующим по времени появления является могильник №3. Он, вероятно, стал первым некрополем нового города. Никакой оседлый населенный пункт

не мог существовать без кладбища. Исходя из данных письменных источников о времени появления Азака и того обстоятельства, что других некрополей, которые можно было бы считать синхронными дате основания города, нам пока неизвестно, могильник №3 должен был бы появиться уже в начале правления хана Менгу-Тимура на рубеже 1260—1270-х гг. Как уже было сказано, ни один комплекс XIII в. не встречен к западу или югу от могильника №3. Картографирование же находок амфор группы клейма SSS (за вычетом единичных фрагментов) показывает, что первоначальный город тяготеет к верхней кромке берегового склона, вытянувшись узкой полоской от улицы Фрунзе до переулка Красноармейского. Между первым городским кладбищем и жилыми кварталами простиралась обширная незастроенная территория. Время появления могильника №4 определить сложнее. Он изначально

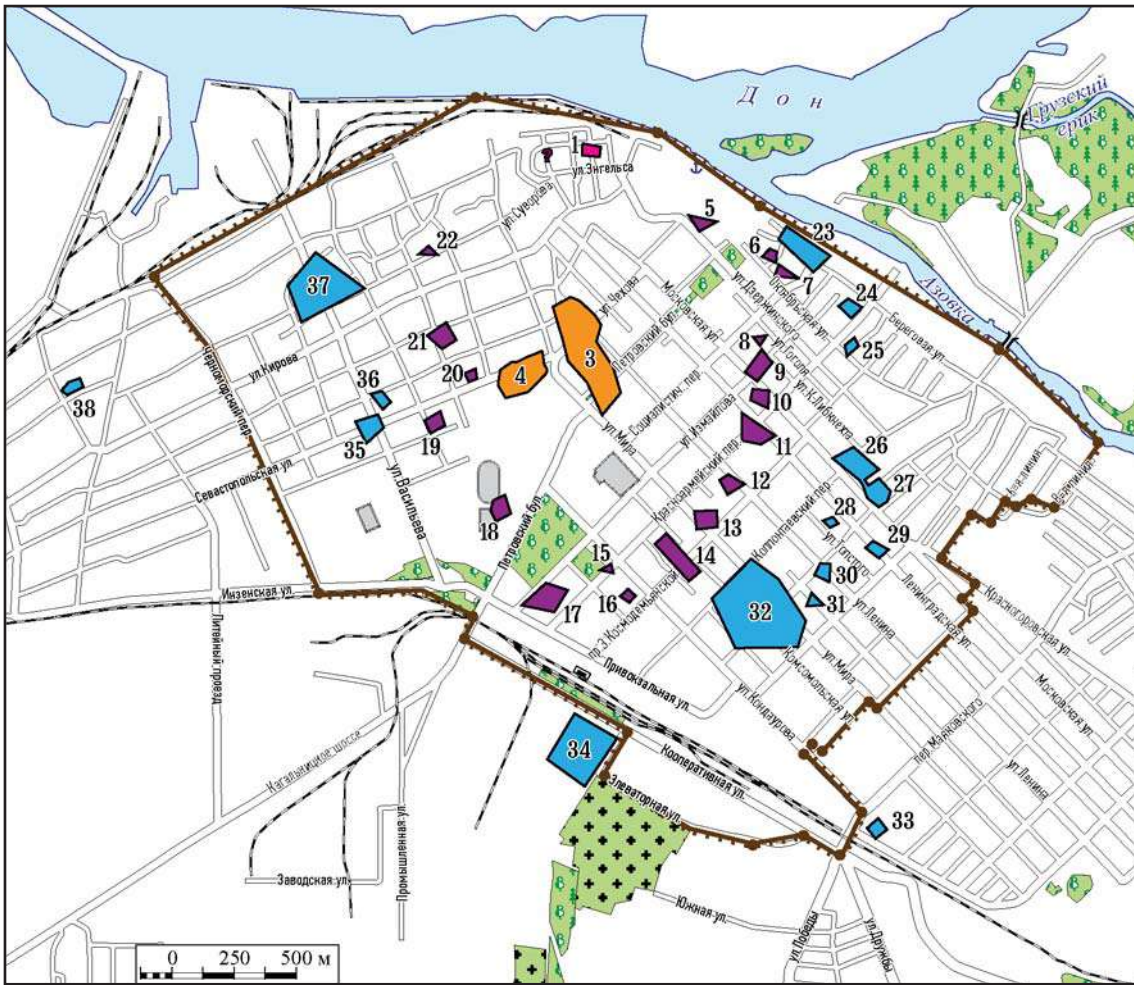

Рис. 6. Могильники Азака в 1330-е гг.

Fig. 6. Burial grounds of the Azak town in 1330s.

возник как отдельная единица и при этом до появления внутренней дуги некрополей, т.е. до формирования территории городского центра. У нас нет данных о том, являлось ли это следствием изначального разделения населения города на обособленные группы и могильники возникают синхронно, или причиной является разрыв во времени их появления.

Фаза 2 (рис. 5). Появление внутренней дуги могильников. При почти полном отсутствии инвентаря и единичности монет, материалы раскопок самих некрополей помочь нам определить время их появления не могут. Следовательно, его можно определить только по косвенным данным. В первоначальных тезисах этой работы время этого события было определено как «не позднее первого десятилетия XIV в.» (Масловский 2016: 292). Это основывается на том обстоятельстве, что в это время уже существовали жилые усадьбы с внешней стороны этой

дуги, в т.ч. достаточно далеко на юг в районе участка по улице Привокзальной, 12Б. За прошедшее время картина в целом не поменялась, а число подобных объектов только увеличилось. Однако здесь всё же имеется неопределенность. Если в нашем распоряжении есть комплекс, судя по монетам, заброшенный между 1315 и 1320 гг., мы получаем только время прекращения его существования. Но нам неизвестна продолжительность его существования. Когда он появился, мы можем только гадать. При оценке «не позднее первого десятилетия XIV в.» мы предполагаем, что жилище было заброшено через 10 лет после своей постройки, но, возможно, это произошло через 20 или 30 лет? К тому же пулы выпусков 1313, 1315 г. — это первые значительные по числу находок монетные выпуски, встреченные в Азаке, и комплексы, заброшенные ранее, монет просто не содержат или содержат монеты со спорной датировкой? Поэтому более осторожная

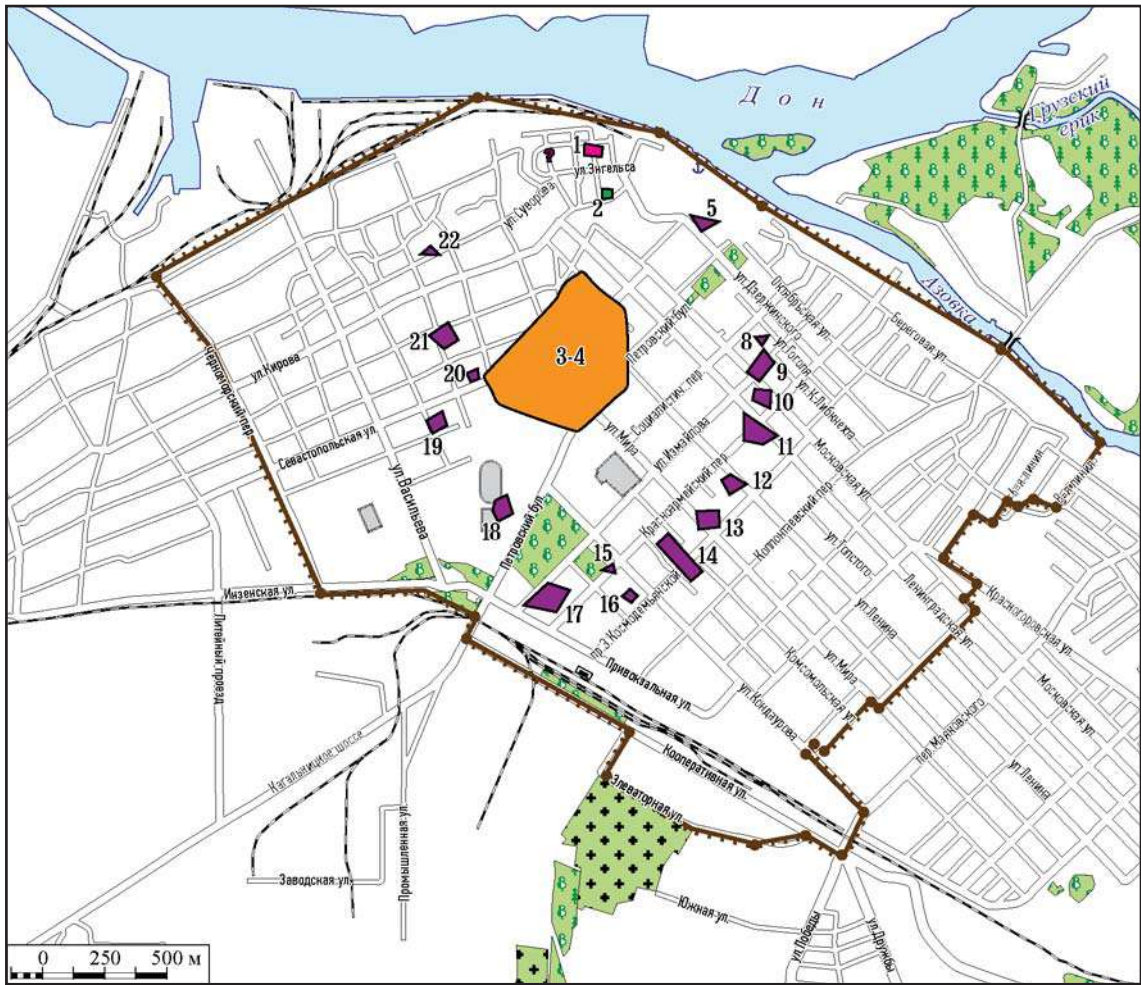

Рис. 7. Могильники Азака в 1390-е гг.

Fig. 7. Burial grounds of the Azak town in 1390s.

оценка появления внутренней дуги могильника будет в интервале 1290—1310 гг.

Фаза 3 (рис. 6). Появление внешней дуги могильников. Этот период может быть датирован ещё менее определённо — не позднее 1330-х гг., когда рост города остановился. Этим же временем, возможно, датируется появление могильника №1 и ещё не известного нам генуэзского кладбища, хотя равновероятна и более ранняя их датировка. Процесс формирования этой дуги мог при этом занять достаточно продолжительный отрезок времени.

Фаза 4 (рис. 7). Постепенное прекращение функционирования большинства могильников. Ещё меньше данных относительно времени, когда конкретные могильники прекратили существовать. Даже в период значительного сокращения площади городской застройки в середине — 2-й пол. XIV в., при сохранении общин, которым принадлежали даже наиболее удалённые кладбища, на них могли совершаться погребения, и выявить их нельзя.

Единственная возможность установить, существовал ли конкретный могильник в поздний период существования Азака, — это выявить случаи совершения погребений на территории заброшенных усадеб с датированными комплексами. Хотя и в этом случае продолжительность периода существования некрополя после прекращения жизни на конкретной усадьбе — величина неопределённая. К сожалению, для большинства могильников такие данные отсутствуют. Поэтому схему размещения городских некрополей в период правления Тохтамыша можно обрисовать достаточно гипотетически. Кладбища внешней дуги прекратили функционировать, по-видимому, полностью. Из внутренней дуги были, вероятно, заброшены небольшие могильники (№6, 7) и некоторые некрополи среднего размера, для которых не зафиксировано случаев совершения погребений на территории усадеб, заброшенных после сер. XIV в.

(№10, 13). Но во многих случаях информация просто отсутствует. Главным и очевидным изменением стало разрастание центрального могильника (№3), который слился с могильником №4. Можно сказать, что произошла некоторая консолидация уцелевшего населения. Погребения даже совершались всего в 20 м от главной улицы города, которая продолжала функционировать в этот период.

Фаза 5. Следует выделить ещё одну фазу развития могильников Азака — период после тимуровского погрома 1395 г., до окончательного угасания жизни золотоордынского

города. Несомненно, в это время продолжал функционировать центральный некрополь, который мог неограниченно расширяться в северном направлении, но вычленение этой группы погребений — задача практически неразрешимая.

В неясный отрезок на протяжении XV в. история золотоордынского Азака закончилась. Несомненно, существовала преемственность между центральным могильником №3 и некрополем турецкого Азова, но его рассмотрение не входит в задачу данной работы.

Литература

- Бойко А.Л. 1990. Спасательные раскопки в г. Азове в 1989 г. В: Максименко В.В. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 1989 г.* 9. Азов: Азовский краеведческий музей, 3—5.
- Волков И.В. 1989. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове. В: Максименко В.В. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 1988 году.* Тезисы докладов к семинару. Азов: Азовский краеведческий музей, 7—11.
- Гончарова и др. 2014: Гончарова С. М., Гончаров М. Ю., Ермолаенко М. В., Масловский А. Н., Минаев А. П. 2014. Археологические исследования в городе Азове в 2012 году. В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 2012 г.* 28. Азов: Азовский музей-заповедник, 142—162.
- Гудименко И. В., Дмитриенко М. В. 2004. Итоги археологических исследований по ул. К. Либкнехта, 12 в г. Азове в 2003 году. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 2003 г.* 20. Азов: Азовский музей-заповедник, 128—141.
- Гудименко И. В., Масловский А. Н. 1994. Новые данные о мусульманских городских могильниках золотоордынского Азака (по материалам раскопок 1992 г.). В: Кияшко В. Я. (ред.). *ИАИАИАНД в 1992 году.* 12. Азов: Азовский краеведческий музей, 162—177.
- Гусач И. Р. 2004. Раскопки могильника XIV в. в г. Азове в 2003 году. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 2003 г.* 20. Азов: Азовский музей-заповедник, 155—162.
- Зенюк Д. И. 2016. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2013—2014 гг. В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 2013—2014 г.* 29. Азов: Азовский музей-заповедник, 163—228.
- Кияшко В. Я. 2002. Работы на Крепостном городище в 2001 году. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 2001 г.* 18. Азов: Азовский краеведческий музей, 207—212.
- Масловский А. Н. 2008. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 2006 г.* 23. Азов: Азовский музей-заповедник, 144—188.
- Масловский А. Н. 2010. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007—2008 годах. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 2007—2008 гг.* 24. Азов: Азовский музей-заповедник, 182—242.
- Масловский А. Н. 2015. Заметки по топографии золотоордынского города Азака. В: Бочаров С. Г., Ситдиков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 383—409.
- Масловский А. Н. 2016. Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку В: Бочаров С. Г., Ситдиков А. Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды.* Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum Plus, 290—293.
- Скржинская Е. Ч. 1973. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.). *ВВ* 35, 103—118.
- Раскопки... 1893: Раскопки в Области Войска Донского. 1893. *ОАК за 1890 г.* Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 40—49.
- Фомичев Н. М. 1990. К вопросу о границах памятников археологии г. Азова. В: Максименко В. В. (отв. ред.). *ИАИАИАНД в 1989 г.* 9. Азов: Азовский краеведческий музей, 35—40.

References

- Boiko, A.L. 1990. In Maksimenko, V.V. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1989)* 9. Azov: Azov Museum of Local Studies, 3—5 (in Russian).
- Volkov, I.V. 1989. In Maksimenko, V.V. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1988 godu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1988)*. Azov: Azov Museum of Local Studies, 7—11 (in Russian).
- Goncharova, S.M., Goncharov, M. Yu., Ermolaenko, M.V., Maslovskiy, A.N., Minaev, A.P. 2014. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2012 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2012)* 28. Azov: Azov Museum-Reserve, 142—162 (in Russian).
- Gudimenko, I.V., Dmitrienko, M.V. 2004. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2003)* 20. Azov: Azov Museum-Reserve, 128—141 (in Russian).
- Gudimenko, I.V., Maslovskiy, A.N. 1994. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1992 godu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1992)* 12. Azov: Azov Museum-Reserve, 162—177 (in Russian).

- logical Research in Azov and Lower Don Region in 1992) 12. Azov: Azov Museum of Local Studies, 162—177 (in Russian).
- Gusach, I.R. 2004. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2003 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2003)* 20. Azov: Azov Museum-Reserve, 155—162 (in Russian).
- Zeniuk, D.I. 2016. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2013—2014 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013—2014)* 29. Azov: Azov Museum-Reserve, 163—228 (in Russian).
- Kiyashko, V. Ya. 2002. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2001)* 18. Azov: Azov Museum of Local Studies, 207—212 (in Russian).
- Maslovskiy, A. N. 2008. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2006)* 23. Azov: Azov Museum-Reserve, 144—188 (in Russian).
- Maslovskiy, A. N. 2010. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007—2008 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2007—2008)* 24. Azov: Azov Museum-Reserve, 182—242 (in Russian).
- Maslovskiy, A. N. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 383—409 (in Russian).
- Maslovskiy, A. N. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 290—293 (in Russian).
- Skrzhinskaia, E. Ch. 1973. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 35, 103—118 (in Russian).
- Raskopki v Oblasti Voiska Donskogo (Excavations in the Don Host Oblast), 1893. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1893)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 40—49 (in Russian).
- Fomichev, N. M. 1990. In Maksimenko, V. V. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1989)* 9. Azov: Azov Museum of Local Studies, 35—40 (in Russian).

**А. П. Минаев,
Н. И. Юдин**

Alexander Minaev. Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve¹.

Минаев Александр Павлович. Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

E-mail: alexminaev1987@gmail.com

Nikita Iudin.

Юдин Никита Игоревич.

E-mail: niarchaeologist@gmail.com

Address: ¹ Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation

Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья

Keywords: Don basin, Azov Sea region, Golden Horde, Azak, settlement, historical geography, trade relations

Ключевые слова: Подонье, Приазовье, Золотая Орда, Азак, поселение, историческая география, торговые связи

A. P. Minaev, N. I. Iudin

New Data on the Historical Geography of the Golden Horde Settlements of the Lower Don and the North-Eastern Azov Sea Region

Settlements located in the North-Eastern Azov and Lower Don basin are of great interest for the study of trade and economic relations in 13th—14th cc. both with the center of the region, which was the Azak, and between rural sites. During the analysis of the material obtained from the settlements, it is possible to determine the nature of the settlement: whether it was a small town or a rural center, as well as to imagine the degree of involvement of each settlement in trade activities, and to give an overall picture of the development of commodity relations in the region.

A. P. Minaev, N. I. Iudin

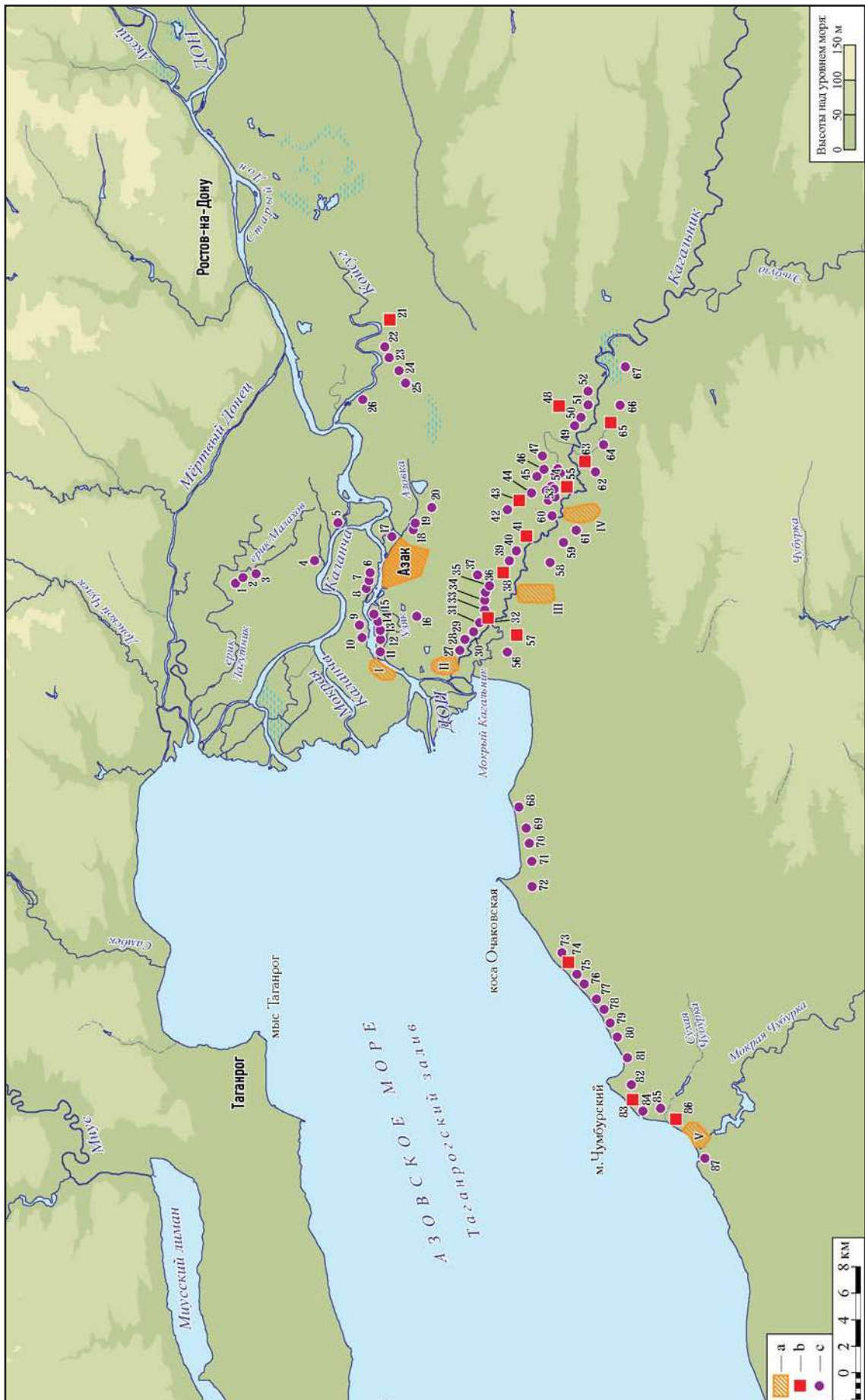
Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья

Поселения, расположенные в Северо-Восточном Приазовье и Нижнем Подонье, представляют большой интерес для исследования торгово-экономических связей в XIII—XIV вв. как с центром региона, которым являлся Азак, так и между сельскими памятниками. В ходе анализа материала, полученного с поселений, можно определить характер поселения: было ли оно небольшим городом либо сельским центром, а также представить степень вовлеченности каждого памятника в торговую деятельность и дать общую картину развития товарных отношений в данном регионе.

Тема исторической географии Нижнего Подонья не нова. На настоящий момент опубликовано несколько работ, затрагивающих вопросы, связанные с сельской округой Азака (Масловский 2009: 321—339; 2013: 110—121). В общей сложности в них содержатся данные о более чем семи десятках поселений. В ходе разведок выявляются новые поселенческие памятники, связанные с Азаком. Далеко не все сведения о них введены в научный оборот. В предлагаемой работе будут затрагиваться объекты, исследованные в последние годы и слабо представленные в научных отчетах и публикациях.

На памятниках рассматриваемого региона ведутся археологические исследования, включающие сбор подъемного материала и локальные земляные работы. Их итогом становится определение границ и мощности культурного слоя новых или уточнение границ уже выявленных поселений. Это позволяет обрисовать картину заселения Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья золотоордынского времени более подробно.

Большое количество материала, полученного с помощью визуального осмотра или при локальных земляных работах, данные о мощности культурного слоя — все это позволяет

Рис. 1. Карта Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья с местонахождением поселений сельской округи Азака: а — малые города; б — крупные сельские поселения; с — малые сельские поселения. I — Донской I; II — Кагальник I; III — Пешково I; IV — Платоно-Петровка I; V — Новомаргаритово I; 1 — Полушкин II; 2 — Бухтетевский Бугор; 3 — Малаховский Ерик XI; 4 — Цыганский Ерик I; 5 — Казачий Ерик; 6 — Задонье I; 7 — Задонье III; 8 — Задонье II; 9 — Петровский I; 10 — Петровский II; 11 — Узяк I; 12 — Узяк II; 13 — Узяк III; 14 — Узяк IV; 15 — Узяк V; 16 — Азовская свалка; 17 — Азовка I; 18 — Азовка II; 19 — Азовка V; 20 — Новоалександровка III; 21 — Мартышкина балка; 22 — Свиная озеро; 23 — Скопин Ерик I; II; 24 — Скопин курган I; II; 25 — Кулешовка II; 26 — Усть-Койсуг IV; 27 — Кагальник II; 28 — Кагальник III; 29 — Кагальник IV; 30 — Кагальник V; 31 — Кагальник VI; 32 — Зеленый I—II; 33 — Зеленый III—V; 34 — Ерик Попов I—II; 35 — СХУЧ III; 36 — Ерик Попов III—IV; 37 — СХУЧ IV; 38 — Павловка I; 39 — Павловка II; 40 — Павловка III; 41 — Павловка IV—V; 42 — Павловка VIII; 43 — Мило-Яковлевка VIII; 44 — Мило-Яковлевка IX; 45 — Мило-Яковлевка X; 46 — Мило-Яковлевка I—II; 47 — Мило-Яковлевка III—IV; 48 — Новониколаевка I; 49 — 1379 Дачи II; 50 — 1379 Дачи III; 51 — Новониколаевка-II—III; 52 — Новониколаевка IV; 53 — Платоно-Петровка-II—VIII; 54 — Платоно-Петровка IX—XVI; 55 — Калмыцкий Бугор; 56 — Займо-Обрыв I; 57 — Головатовка-Луговое; 58 — Пешково VIII; 59 — Петровка I; 60 — Солёное озеро; 61 — Петровка-VI; 62 — Васильево-Петровка-I; 63 — Зеленый Мыс I—III; 64 — Еремеевка-I; 65 — Еремеевка-II; 66 — Еремеевка-III; 67 — Песчаный I; 68 — Стефанидар IV; 69 — Стефанидар III; 70 — Стефанидар II; 71 — Стефанидар I; 72 — Павло-Очаково I; 73 — Глубокая Балка III; 74 — Глубокая Балка II; 75 — Семибалки XI; 76 — Семибалки X; 77 — Семибалки VIII; 78 — Семибалки VII; 79 — Семибалки VI; 80 — Семибалки V; 81 — Семибалки II; 82 — Чумбур-Коса III; 83 — Чумбур-Коса I; 84 — Чумбур-Коса V; 85 — Маргаритово II; 86 — Маргаритово I; 87 — Новомаргаритово II.

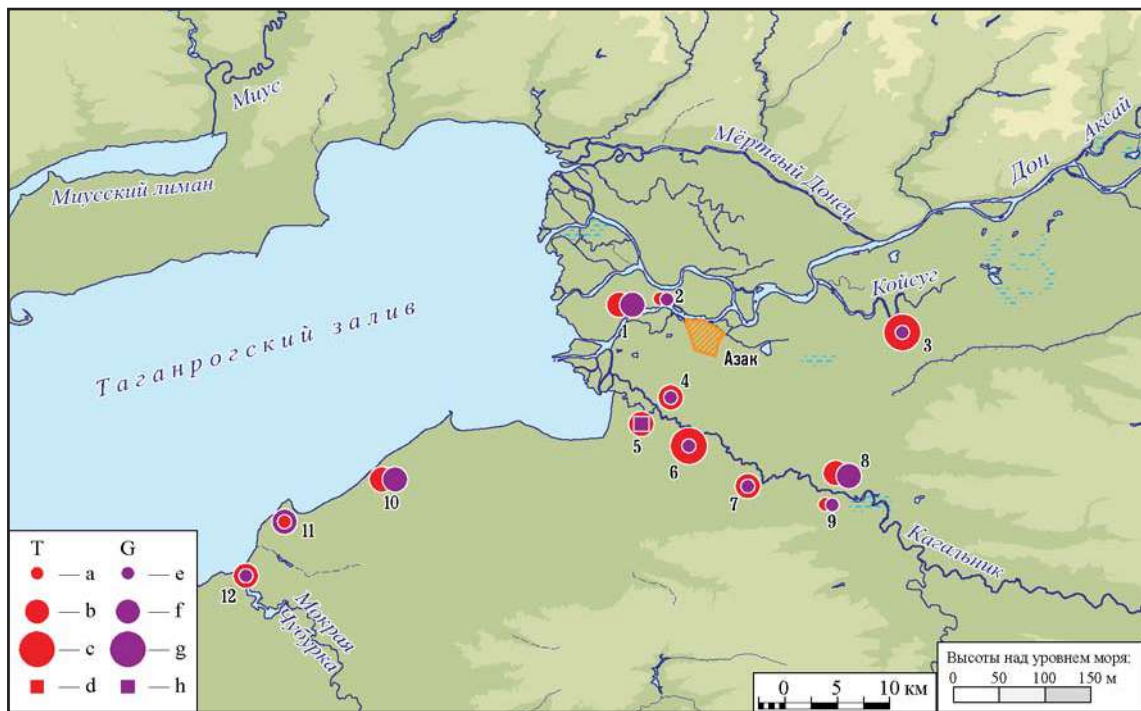
Fig. 1. Map of the Lower Don and North-Eastern Azov regions with settlements of rural environs of Azak: a — small towns; b — large rural settlements; c — small rural settlements. I — Donskoy I; II — Kagalnik I; III — Peshkovo I; IV — Platono-Petrovka I; V — Novomargaritovo I; 1 — Polushkin II; 2 — Bukhtetevsky Bugar; 3 — Malakhovskiy Yarik XI; 4 — Tsygansky Yarik I; 5 — Kazachy Yarik; 6 — Zadonye I; 7 — Zadonye III; 8 — Zadonye II; 9 — Petrovskiy I; 10 — Petrovskiy II; 11 — Uzyak I; 12 — Uzyak II; 13 — Uzyak III; 14 — Uzyak IV; 15 — Uzyak V; 16 — Azovskaya svalka; 17 — Azovka I; 18 — Azovka II; 19 — Azovka V; 20 — Novoaleksandrovska III; 21 — Martyshkina balka; 22 — Svinyachye ozero; 23 — Skopin Yarik I; II; 24 — Skopin kurgan I; II; 25 — Kuleshovka II; 26 — Ust-Koysug IV; 27 — Kagalnik II; 28 — Kagalnik III; 29 — Kagalnik IV; 30 — Kagalnik V; 31 — Kagalnik VI; 32 — Zeleny I—II; 33 — Zeleny III—V; 34 — Yarik Popov I—II; 35 — SKhUCH III; 36 — Yarik Popov III—IV; 37 — SKhUCH IV; 38 — Pavlovka I; 39 — Pavlovka II; 40 — Pavlovka III; 41 — Pavlovka IV—V; 42 — Pavlovka VIII; 43 — Milo-Yakovlevka VIII; 44 — Milo-Yakovlevka IX; 45 — Milo-Yakovlevka X; 46 — Milo-Yakovlevka I—II; 47 — Milo-Yakovlevka III—IV; 48 — Novonikolaevka I; 49—1379 Dachi II; 50—1379 Dachi III; 51 — Novonikolaevka-II—III; 52 — Novonikolaevka IV; 53 — Platono-Petrovka-II—VIII; 54 — Platono-Petrovka IX—XVI; 55 — Kalmytsky Bugar; 56 — Zaymo-Obryv I; 57 — Golovatovka-Lugovoye; 58 — Peshkovo VIII; 59 — Petrovka I; 60 — Solenoye ozero; 61 — Petrovka-VI; 62 — Vasilyevo-Petrovka-I; 63 — Zeleny Mys I—III; 64 — Yermeevka-I; 65 — Yermeevka-II; 66 — Yermeevka-III; 67 — Peschany I; 68 — Stefanidar IV; 69 — Stefanidar III; 70 — Stefanidar II; 71 — Stefanidar I; 72 — Pavlo-Ochakovo I; 73 — Glubokaya Balka III; 74 — Glubokaya Balka II; 75 — Semibalki XI; 76 — Semibalki X; 77 — Semibalki VIII; 78 — Semibalki VII; 79 — Semibalki VI; 80 — Semibalki V; 81 — Semibalki II; 82 — Chumbur-Kosa III; 83 — Chumbur-Kosa I; 84 — Chumbur-Kosa V; 85 — Margaritovo II; 86 — Margaritovo I; 87 — Novomargaritovo II.

поставить вопрос о статусе поселения — является ли оно малым городом или сельским поселением.

Г.Е. Афанасьев в своей работе (Афанасьев 1993) обозначил 21 ранг поселений от самого крупного (площадью 66 га) до самых маленьких (до 1 га). При составлении графиков теоретического и фактического распределения размеров поселения получилось, что «фактическое соотношение размеров порядка салтовских долговременных поселений... отличается от теоретического значительно более крупными размерами поселений на всех рангах...», и далее делает вывод о том, что «два крупнейших поселения региона доминируют над системой довольно крупных поселений значительно большего размера, чем должно быть при нормальном распределении» (Афанасьев 1993: 107). Г.Е. Афанасьев рассмотрел при помощи компьютерного моделирования 74 памятника VIII—X вв. Приосколья с точностью площади до 0,1 га. Мы считаем, что у нас недостаточно данных о размерах памятников, а так же то, что выявлены не все памятники золотоордынского периода на тер-

ритории Нижнего Подонья. Но у нас есть возможность привлечь другие методы анализа памятников, в первую очередь, керамический материал, собранный в ходе визуальных и земляных работ, и выяснить связи поселений как между собой, так и с центром округи — Азаком.

Малыми городами мы считаем поселения, где зафиксировано наличие развитой экономической жизни — организованного ремесла и торговли, подтверждающееся находками производственных комплексов, орудий труда, полуфабрикатов, привозных вещей, деталей весов, монет и денежных слитков; земледелия, скотоводства, промыслов; военного дела — находок оружия и доспехов. На данный момент к их числу можно уверенно отнести пять памятников — Платоно-Петровка-I, Донской-I, Новомаргаритово-I, Пешково-I, Кагальницкое поселение. В некоторых из них зафиксированы собственные центры производства, в первую очередь гончарного (Новомаргаритовка-I, Платоно-Петровка-I, Пешково-I). Здесь также есть следы металлообработки, остатки кожаных и прочих мастерских.

Рис. 2. Статистика соотношения поливной и тарной керамики на поселениях Северо-Восточного Приазовья. Условные обозначения: Т — тарная керамика: а — менее 10 %; б — 10—30 %; с — 30—50 %; д — не найдено; G — поливная керамика: е — менее 1 %; ф — 1—5 %; г — более 5 %; h — не найдено. 1 — Донской-I; 2 — Петровский-I; 3 — Мартышкина Балка; 4 — Зеленый I—III; 5 — Головатовка-Луговое; 6 — Пешково-I; 7 — Платоно-Петровка-I; 8 — Ново-Николаевка-I; 9 — Еремеевка-II; 10 — Глубокая Балка-II; 11 — Чумбур-Коса-I; 12 — Новомаргаритово-I.

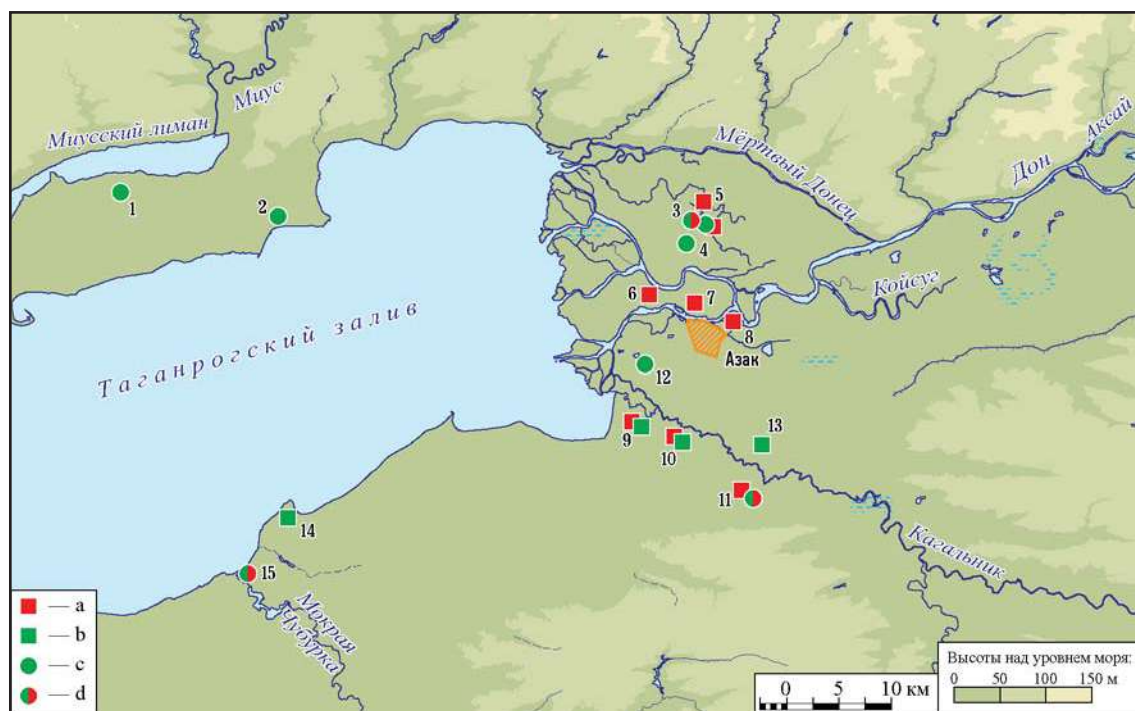
Fig. 2. Statistical correlation of glazed and houseware ceramics on settlements in North-Eastern Azov region. Legend: T — transport ware: a — less than 10 %; b — 10—30 %; c — 30—50 %; d — not found; G — glazed pottery: e — less than 1 %; f — 1—5 %; g — more than 5 %; h — not found. 1 — Donskoy-I; 2 — Petrovskiy-I; 3 — Martyshkina Balka; 4 — Zeleny I—III; 5 — Golovatovka-Lugovoye; 6 — Peshkovo-I; 7 — Platono-Petrovka-I; 8 — Novo-Nikolaevka-I; 9 — Yermeevka-II; 10 — Glubokaya Balka-II; 11 — Chumbur-Kosa-I; 12 — Novomargaritovo-I.

В связи с этим вышеупомянутые памятники мы относим к числу малых городов. Занимаемая ими площадь колеблется в пределах в 10—275 га. Следующим кластером являются крупные сельские поселения, площадь которых варьируется в пределах 10—30 га. Данные памятники отличаются от малых городов тем, что на них не зафиксированы следы развитой торгово-экономической деятельности. Вероятно, такие поселения являлись монопрофильными центрами производства. Например, они могли быть поставщиками только сельскохозяйственной продукции или рыбы.

Последним из кластеров являются мелкие сельские поселения площадью менее 10 га. Данный тип поселений наиболее многочисленный и представлен почти на всей территории Северо-Восточного Приазовья.

Данные разведок показывают, что большинство памятников располагается вблизи крупных водоемов — побережья Таганрогского залива, дельты р. Дон, бассейнов рек Кагальник, Койсуг, Мокрая и Сухая Чубурка,

а также по берегам балок. В долинах рек поселения тяготеют к пойменной части, в некоторых местах занимают мысовые выступы и крупные всхолмления, пойменные острова. Естественными границами таких памятников являются низины, овраги и балки. Нами был проведен анализ собранного на них керамического и монетного материала. Места, где были сделаны находки, отмечены на картах-схемах. Очертив границы по крайним точкам обнаружения находок, мы можем определить площадь поселений. В долине р. Кагальник сконцентрировано довольно большое количество памятников XIII—XIV вв. В данном регионе расстояние между двумя соседними объектами не превышает 5 км. В большинстве своем они расположены на береговых склонах шириной 100—300 м, вытянуты вдоль берега на длину до 1,5 км. Многие поселения занимают мысовые выступы, вдающиеся в пойму, или же находятся в местах, наиболее близких к воде. Например, это Павловка-IV, Мило-Яковлевка-VIII, Зеленый I, Еремеевка-II.

Рис. 3. Монетный материал из сборов на памятниках Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья. Условные обозначения: а — клады серебряных монет; б — медные монеты из сборов на поселениях; с — медные монеты из погребений; d — медные и серебряные монеты. 1 — Новозолотовское; 2 — Бессергеевка-III; 3 — Малаховский Ерик-VI; 4 — Дугино-X; 5 — Бухтелевский Бугор; 6 — Петровский-II; 7 — Задонье I; 8 — Азовка-I; 9 — Головатовка-Луговое; 10 — Пешково-I; 11 — Платоно-Петровка-I; 12 — Кагальницкий Карьер; 13 — Платоно-Петровка-II; 14 — Чумбур-Коса-I; 15 — Новомаргаритово-I.

Fig. 3. Coins collected on sites from the Lower Don and North-Eastern Azov regions. Legend: a — hoards of silver coins; b — copper coins collected on settlements; c — copper coins from graves; d — copper and silver coins. 1 — Novozolotovskoye; 2 — Bessergenevka-III; 3 — Malakhovsky Yerik-VI; 4 — Dugino-X; 5 — Bukhtelevisky Bugor; 6 — Petrovskiy-II; 7 — Zadonye I; 8 — Azovka-I; 9 — Golovotovka-Lugovoye; 10 — Peshkovo-I; 11 — Platono-Petrovka-I; 12 — Kagalnitky Karyer; 13 — Platono-Petrovka-II; 14 — Chumbur-Kosa-I; 15 — Novomargaritovo-I.

При определении характера поселения (малые города, крупные или мелкие сельские поселения) необходимо учитывать не только его площадь, но и состав керамического комплекса и монетного материала.

В качестве минимальной отметки для определения критерия поселения мы выбрали отметку в 200 единиц фрагментов керамики; но для некоторых рассмотренных коллекций (Ново-Николаевка-I, Зеленый I—III и Головатовка-Луговое) мы сделали исключение, так как эти памятники в настоящее время слабо изучены и может присутствовать фактор случайности.

В ряде случаев анализ данных позволяет предположить, что некоторые памятники, крупные по площади, в большинстве своем были сельскими поселениями со слабо развитой торговой деятельностью (Еремеевка-II, Зеленый Мыс-I и др.), поскольку импортная керамика составляет минимальный процент либо отсутствует вообще, а также на них не было найдено монет. И наоборот, на неко-

торых небольших по площади памятниках зафиксировано значительное количество керамических импортов и монетного материала.

Одной из задач нашей работы была попытка установить наличие торговых связей между поселениями.

Удалось проследить, что для ряда памятников (Пешково-I, Головатовка-Луговое) существовала связь не только с региональным центром (Азак), но и с другими малыми городами, например, с Платоно-Петровским поселением. Керамика, производившаяся на этом поселении, встречена практически на всех памятниках, как близких, так и отдаленных. Больше всего такой керамики происходит из сборов на территории поселений долины реки Кагальник.

Помимо продукции Азака и Платоно-Петровки-I, в керамическом комплексе рассматриваемых в работе поселений встречен материал из других регионов Золотой Орды — Крыма, Нижнего Поволжья, Мад-

Таблица 1.

Соотношение местной и привозной керамики на поселениях Северо-Восточного Приазовья

Центры производства керамики Памятник	Азак	МЕСТНАЯ			ЦЕНТРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ					ВНЕШНИЕ ИМПОРТЫ					Итого
		Всего	Платоно-Петровка I	Сельские центры	ЮВ Крым	ЮЗ Крым	Нижнее Поволжье	Маджар и Сев. Кавказ	Трапезунд	Северное Причерноморье	Византия	Хорезм	Хиос	SSS	
Донской I	754 64,4%	226 19,3%	—	226 19,3%	26 2,2%	1 0,08%	1 0,08%	2 0,2%	139 11,9%	3 0,3%	—	1 0,08%	2 0,2%	15 1,3%	1170
Петровский I	1 0,4%	29 12,2%	—	29 12,2%	1 0,4%	—	—	—	10 4,2%	—	—	—	—	1 0,4%	238
Мартышкина балка	66 6,5%	420 41,3%	—	420 41,3%	9 0,9%	—	—	—	107 10,5%	35 3,4%	—	—	—	369 36,3%	1017
Зеленый I—III	63 39,1%	46 28,6%	2 1,2%	44 27,4%	8 5%	1 0,6%	1 0,6%	—	32 20%	3 2%	—	—	1 0,6%	4 2,5%	161
Головатовка-Луговое	61 34,8%	73 41,9%	20 11,4%	53 30,3%	1 0,6%	6 3,4%	—	—	23 13,1%	—	—	—	2 1,1%	9 5,1%	175
Пешково-I	174 23,1%	230 30,6%	56 7,4%	174 23,2%	1 0,1%	6 0,8%	1 0,1%	2 0,3%	159 21,1%	5 0,7%	1 0,1%	—	1 0,1%	23 3%	752
Платоно-Петровка-I	64 14,8%	268 62%	211 49%	57 13,1%	1 0,2%	—	1 0,2%	8 1,9%	65 15%	—	2 0,5%	—	—	24 5,5%	434
Зеленый Мыс	14 26%	32 59,2%	2 3,7%	30 55,5%	1 1,8%	—	—	1 1,8%	3 5,5%	—	—	—	—	2 3,7%	54
Ново-Николаевка-I	59 43,7%	52 38,6%	7 5,2%	45 33,3%	6 4,4%	—	2 1,5%	1 0,7%	14 10,4%	—	—	—	—	1 0,7%	135
Еремеевка II	586 62,7%	293 31,3%	67 7,2%	226 24,2%	3 0,3%	—	—	30 3,2%	21 2,2%	1 0,1%	—	1 0,1%	—	—	935
Глубокая Балка-II	207 33%	229 36,4%	24 3,8%	205 32,5%	6 0,9%	7 1,1%	9 1,4%	11 1,7%	149 23,6%	2 0,3%	2 0,3%	—	4 0,6%	4 0,6%	630
Чумбур-Юса-I	100 43,1%	67 28,9%	10 4,3%	57 24,6%	6 2,6%	2 0,9%	22 9,5%	10 4,3%	21 9%	—	1 0,5%	—	1 0,5%	2 1%	232
Новомаргаритово I	557 28,8%	890 46%	66 3,4%	824 42,6%	31 1,6%	11 0,6%	4 0,2%	5 0,3%	323 16,8%	56 2,9%	4 0,2%	—	1 0,05%	50 2,6%	1932

Таблица 2.

Соотношение импортной тарной и поливной керамики на поселениях

Памятник	Всего фрагментов	Импортная тарная керамика (шт/%)	Поливная керамика		
			Всего поливной керамики	Азак (шт/%)	Импорт (шт/%)
Донской I	1170	160 (13,7%)	17 (1,5%)	2 (0,2%)	15 (1,3%)
Петровский I	238	11 (4,6%)	1 (0,4%)	—	1 (0,4%)
Мартышкина балка	1017	514 (50,5%)	1 (0,1%)	—	1 (0,1%)
Зеленый I-III	161	39 (24,2%)	2 (1,2%)	1 (0,6%)	1 (0,6%)
Головатовка-Луговое	175	30 (17,1%)	—	—	—
Пешково-I	752	294 (39%)	3 (0,4%)	1 (0,1%)	2 (0,3%)
Платоно-Петровка-I	434	89 (20,5%)	3 (0,7%)	—	3 (0,7%)
Зеленый Мыс	54	—	3 (5,5%)	—	—
Ново-Николаевка-I	135	15 (11,1%)	3 (2,2%)	1 (0,7%)	2 (1,5%)
Еремеевка II	935	22 (2,3%)	3 (0,3%)	1 (0,1%)	2 (0,2%)
Глубокая Балка-II	630	159 (25,2%)	11 (1,7%)	3 (0,5%)	8 (1,2%)
Чумбур-Коса-I	232	21 (9%)	4 (1,7%)	3 (1,3%)	1 (0,4%)
Новомаргаритово-I	1932	430 (22,3%)	10 (0,5%)	2 (0,1%)	8 (0,4%)

жара и Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Хиоса и Крита, Западной Грузии и Трапезунда (табл. 1).

Анализ изученного материала, собранного на поселениях, показывает наличие торговых связей с центром округа — Азаком, с другими городами Золотой Орды и дальними регионами. Из нее следует, что наибольшая в процентном соотношении концентрация керамики производства Азака фиксируется на поселениях Донской-I, Чумбур-Коса-I, Еремеевка-II, Новониколаевка-I. Керамика постсалтовской гончарной традиции фиксируется на большинстве поселений. На поселениях Платоно-Петровка-I и Зеленый Мыс она составляет не менее 50%. Среди группы постсалтовской гончарной традиции следует выделить Платоно-Петровский гончарный центр. Платоно-Петровское поселение было центром сельской округи, и материал, произведенный на этом поселении, встречен на многих других поселениях. Наибольший процент продукция данного производственного центра составляет в комплексе находок, сделанных на поселениях Головатовка-Луговое, Пешково-I и Еремеевка-II.

В заметном количестве на поселениях встречена керамика, изготовленная мастерами из Крыма, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Процент находок продукции этих центров примерно одинаков для всех рассматриваемых памятников, за исключением Чумбур-Косы-I, где он немного выше, чем на других поселениях.

Иные керамические импорты на сельских поселениях представлены слабо или отсутствуют. Дальние импорты представ-

лены продукцией производства Трапезунда, Северного Причерноморья, Крита и Хиоса, Западной Грузии. Среди перечисленных центров доминирует Трапезунд. Из числа поселений выделены Платоно-Петровка-I, Зеленый I—III, Пешково-I, Глубокая Балка-II, и Новомаргаритово-I, на которых сосуды из трапезундских мастерских составляют более 15% от всей керамики. Византийская керамика встречена на поселениях Пешково-I, Платоно-Петровка-I, Глубокая Балка-II, Чумбур-Коса-I, Новомаргаритово-I. Керамика группы клейма SSS найдена на большинстве поселений, однако на памятниках Головатовка-Луговое, Мартышкина Балка, Платоно-Петровка-I амфоры этой группы составляют более 5% от общего количества находок сосудов.

Отдельно стоит упомянуть о наличии на памятниках округи Азака местных амфор. До сих пор неизвестно предназначение данных сосудов на сельских памятниках. К примеру, И. Волков высказывает предположение о том, что амфоры служили для транспортировки икры (Волков 2002: 58). На поселениях побережья Таганрогского залива амфоры встречены в значительном количестве (Новомаргаритово I, Глубокая Балка II). Амфорная керамика встречена также на поселениях долины Кагальника (Головатовка-Луговое, Пешково I, Платоно-Петровка I, Еремеевка II).

Помимо выявления торговых связей как с Азаком, так и между сельскими памятниками, немаловажное значение имеет наличие импортной тарной, а также поливной керамики. Таблица 2 показывает соотношение этих видов керамической продукции. На та-

ких памятниках, как Мартышкина Балка, Зеленый I—III, Пешково-I, Платоно-Петровка-I, Глубокая Балка-II, Новомаргаритово-I доля импортной тарной керамики составляет более 20% от общего числа находок. Поливная керамика выявлена практически на всех поселениях, за исключением памятника Головатовка-Луговое. Больше всего материалов найдено в таких центрах, как Зеленый Мыс (5,5%), Новониколаевка-I (2,2%), Глубокая Балка Ши Чумбур-Коса-I (по 1,7%). Из общей массы находок поливы продукция Азака встречена на поселениях Чумбур-Коса-I (1,3%), Ново-Николаевка-I (0,7%), Зеленый I—III (0,6%) и др.

Помимо керамического материала, для определения статуса памятника и его роли в торгово-экономической деятельности нужно учитывать и нумизматические находки. Ведь само наличие и состав монетных находок позволяет говорить о вовлеченности в товарооборот с прочими пунктами округа.

В первую очередь внимания заслуживают клады серебряных монет, по которым можно судить о значимости данного поселения среди прочих. К настоящему времени они встречены на следующих памятниках: Бухтелевский Бугор, Петровский-I, Задонье-I, Азовка-I, Головатовка-Луговое, Пешково-I, Платоно-Петровка-I.

Помимо монет из кладов, монеты также встречаются и в погребениях, обнаруженных рядом с поселениями Новозолотовское, Бессергеневский, Дугино-X, Кагальницкий карьер. Это говорит не только о специфическом погребальном обряде, где погребенному клали мелкую монету «в дальний путь», но также и о денежном обращении.

На многих поселениях (Чумбур-Коса-I, Глубокая Балка-II, Новомаргаритово-I, Платоно-Петровка-II и др.) в заполнении культурного слоя были также встречены находки отдельных медных и серебряных монет. Однако говорить о том, насколько тот или иной памятник был вовлечен в экономические взаимоотношения с соседями, будет надежней, исходя из керамического комплекса.

Рассмотренные нами вопросы, связанные с топографией золотоордынских поселений, позволяют сделать вывод о том, что статус поселения в первую очередь определяется не его площадью, а наличием или отсутствием организованного ремесла и торговли. Такие данные, с большой долей вероятности, может представить статистика соотношения импортной и поливной керамики на поселениях, которая указывает на вовлеченность в торговлю как с ближней окру-

гой (Приазовьем), так и с дальними центрами (Черноморский и Средиземноморский регион). Ведь некоторые памятники, по площади являясь крупными сельскими центрами, по данным о наличии дальних импортов и поливной керамики, скорее всего, были малозначимыми в экономическом плане объектами.

К настоящему времени наиболее изученными памятниками являются поселения Новомаргаритово-I, Платоно-Петровка-I, Донской-I, Чумбур-Коса-I, Пешково-I, Маргаритово-I, где в ходе земляных работ фиксировался культурный слой и хозяйственные комплексы (ямы, траншеи). На остальных поселениях проводилось лишь визуальное обследование, поэтому определение их площадей довольно условное и нуждается в дальнейшей корректировке.

Стоит немного более подробно рассмотреть некоторые наиболее изученные памятники.

Поселение Платоно-Петровка I было выявлено в 1958 г. И.С. Каменецким в ходе разведок. На протяжении следующих лет памятник неоднократно обследовался: Л.М. Казаковой, И.С. Каменецким (1964 г.), С.В. Гуркиным и А.Л. Бойко (1989 г.), А.Н. Масловским (1994, 2003, 2006, 2007 гг.), С.М. Тарутиной (2008 г.), Э.Б. Широченко (2009 г.), Н.И. Юдиным (2012, 2013 гг.), М.В. Ермолаенко (Харенко), Д.И. Зенюком (2013 г.). Поселение находится в 11 км на ЮЮЗ от южной границы г. Азов, между с. Платоно-Петровка и с. Васильево-Петровское, занимая береговой склон долины Кагальника: от края поймы на левом берегу старицы р. Кагальник до шоссеной дороги, связывающей с. Платоно-Петровку и с. Васильево-Петровское. Небольшая часть поселения расположена к востоку от шоссе. Береговая терраса не выражена. Поселение пересекает примерно на две равные части широкая ложбина, протянувшаяся с запада на восток. В 2013 г. на поселении были проведены разведочные работы с осуществлением локальных земляных работ с целью уточнения границ поселения. В результате было установлено, что поселение Платоно-Петровка-II, расположенное к западу от шоссе Павловка-Васильево-Петровка, является ранней Северо-Восточной оконечностью Платоно-Петровки-I. Была также определена площадь поселения, составляющая 91,13 га, уточнены южная и восточная границы поселения. Одной из целей разведочных работ было выявление могильника в восточной части поселения. Однако шурфовочные работы

показали, что могильник в этой части памятника, по всей вероятности, отсутствует. Разбор керамического материала, собранного на поселениях, указывает на следующее. Высокий процент продукции местных мастеров (49%), относительно низкий процент керамики Азака (почти 15%) и импортных центров (20%) указывает на то, что Платоно-Петровское поселение обходилось продукцией собственных гончаров в достаточно полном объеме.

Поселение Новомаргаритовское I (Чумбурки-I) расположено в устье р. Мокрая Чумбурка, на правом ее берегу, к северо-востоку от с. Новомаргаритово, вытянуто вдоль побережья Таганрогского залива с северо-востока на юго-запад на 1,4 км, шириной от 100 до 360 м. Общая площадь поселения около 32 га. Поселение известно с 1960-х гг., со сборов Л. М. Казаковой и С. А. Казаковой. Памятник неоднократно исследовался, а в 2014 г. на нем были проведены шурфовочные работы с целью уточнения восточной и юго-восточной границы, которая расположена примерно в 500 м от юго-западной границы поселения Маргаритово-I. В ходе осмотра береговой части поселения были выявлены остатки траншеи XIV в., функциональное назначение которых не выяснено. Анализ керамического материала, собранного в разные годы, показывает, что продукция сельских центров Приазовья (42,6%) преобладает над керамикой Азака (28,8%) и дальними импортами (22,3%).

Поселение Пешково-I расположено в северной части с. Пешково, на левом берегу р. Кагальник, на береговом склоне. Пойма Кагальника в этой части наименьшая, расстояние от берега до русла реки не превышает 50 м. Памятник известен с 1979 г., открыт в ходе разведочных работ В. В. Чалым, в 1990—2000-е гг. неоднократно обследовался. Ранее в ходе разведочных работ было выделено пять золотоордынских поселений (Пешково I—V), но разведочные работы 2015 г. показали, что они представляют собой один большой сельский памятник площадью более 200 га. Разбор керамического материала показывает, что продукция мастеров Приазовья количественно представлена меньше, чем на предыдущем памятнике (30,6%), как и продукция азакских гончаров (23%). Зато импортная продукция существенно выше, чем на Новомаргаритовском и Платоно-Петровском поселениях (39%).

Поселение Донской-I расположено на правом берегу р. Дон, в Северо-Восточной части х. Донской, к востоку от пристани. Поселение

известно с 1980-х гг., неоднократно исследовалось сотрудниками Азовского музея. В настоящее время поселение активно размывается рекой Дон. Памятник по площади намного меньше предыдущих поселений (около 10 га), однако по количеству керамического и нумизматического материала существенно превосходит такие крупные по площади сельские поселения, как Еремеевка-II и Новониколаевка I. Керамика гончаров Азака составляет большинство (64,4%) по сравнению с продукцией сельских мастеров Приазовья (19,3%) и дальними импортами (13,7%). Примечательно также отсутствие керамики с Платоно-Петровского поселения. Эти данные говорят о тесной взаимосвязи поселения Донской I с центром округа (Азаком) и значительно меньшим влиянием прочих сельских центров Подонья.

Кроме малых городов, в последнее время проводилось обследование и крупных сельских поселений. Такие поселения, как правило, располагались вдоль берегового склона реки, образуя иногда целые цепочки поселений. Так, в бассейне р. Кагальник расположена целая россыпь крупных поселений как времен существования салтово-маяцкой культуры (VIII—X вв.), так и золотоордынского периода.

Как указывалось ранее, исследования этих памятников в большинстве своем носили эпизодический характер, земляных работ с целью определения наличия и мощности культурного слоя на них не проводилось, поэтому границы их условны и нуждаются в дальнейшей корректировке.

В группу крупных поселений входят Кагальник-II (7,5 га), Кагальник-III (16 га), Зеленый-I—II (30 га), Павловка-I (20 га), Павловка-IV (30 га), Мило-Яковлевка-VIII (30 га). Площадь и статус поселения Ново-Николаевка-I до настоящего времени не определены, так как сборы предыдущих лет не дают возможности установить точные размеры памятника.

К малым сельским поселениям правого берега Кагальника относятся Кагальник-IV (8 га), Кагальник-V (3,5 га), Кагальник-VI (5 га), Зеленый-III (1 га), Зеленый-IV (2,5 га), Зеленый-V (2 га), Ерик Попов-I (1,5 га), Ерик Попов-III (7,3 га), Ерик Попов-IV (5 га), СХУЧ-II (2 га), СХУЧ-III (4 га), СХУЧ-IV (2,6 га), Павловка-II (1 га), Павловка-III (3 га), Павловка-V (3,5 га), Павловка-VIII (8 га), Мило-Яковлевка-I (6 га), Мило-Яковлевка-II (3,7 га), Мило-Яковлевка-III (8 га), Мило-Яковлевка-IV (2,8 га), Мило-Яковлевка-IX (3 га), Мило-Яковлевка-X (5 га), Высочино-III

(6,5 га), 1379 км. Дачи-II (2,8 га), 1379 км. Дачи-III (0,8 га), Ново-Николаевка-II (1,9 га), Ново-Николаевка-III (1,8 га), Ново-Николаевка-IV (3 га).

К группе крупных поселений левого берега Кагальника относятся Головатовка-Луговое (17,6 га), Зеленый Мыс I (27,5 га), Еремеевка-II (30 га),

К малым поселениям левобережья Кагальника следует отнести Займо-Обрыв-I (2,5 га), Пешково-VIII (5,5 га), Петровка-V (1,7 га), Платоно-Петровка-II (8,7 га), Платоно-Петровка-III (1,2 га), Платоно-Петровка-VI (0,7 га), Платоно-Петровка-VII (4,6 га), Платоно-Петровка-IX (3,2 га), Платоно-Петровка-X (6,7 га), Платоно-Петровка-XI (1,1 га), Платоно-Петровка-XIII (4,5 га), Платоно-Петровка-XIV (3 га), Платоно-Петровка-XV (3 га), Платоно-Петровка-XVI (10 га), Васильево-Петровка-I (5 га), Зеленый Мыс-II (9,6 га), Зеленый Мыс-III (7,3 га), Зеленый Мыс-IV (3,8 га), Зеленый Мыс-V (2 га), Еремеевка-I (8,6 га), Еремеевка-III (4,3 га), Песчаный-I (2,5 га).

Дельта р. Дон является примечательным ландшафтным регионом Подонья. Осваиваться он начал еще с глубокой древности (эпохи неолита), наибольшего расцвета достиг в эпоху ранней античности (VI—III вв. до н.э.), затем наступил некоторый спад. Активное освоение региона продолжилось в золотоордынскую эпоху. В частности, появляются крупные поселения и могильники. Большинство памятников располагается на дюнах — песчаных всхолмлениях, идущих грядами. Высота дюн может варьировать от 1 м до 3—5 м, в среднем не более 3 м. В дельте Дона выделяются несколько участков, где расположено наибольшее скопление памятников разных эпох — это центральная часть острова, ограниченного ериком Лагутник с севера, ериком Малахов с востока, с юга — рукавом Каланча, с запада — гирлом Большая Кутерьма.

Основная масса поселений не превышает 10 га, за некоторым исключением. Связано это, как указывалось выше, с тем, что поселения располагались на возвышенных дюнах, не затопляемых во время нагона воды с Таганрогского залива. К этим поселениям относятся Казачий Ерик (ок. 10 га), Малаховский Ерик-XI (3,9 га), Бухтелевский Бугор (3,8 га), Полушкин-II (14 га), Узяк-I (2,5 га), Узяк-II (0,4 га), Узяк-III (2,7 га), Узяк-IV (13,3 га), Узяк-V (0,6 га), Задонье-I (0,9 га), Задонье-II

(0,4 га), Задонье-III (0,4 га), Петровский-I (0,7 га), Петровский-II (0,5 га).

Вдоль юго-восточного побережья расположено большое количество памятников, преимущественно эпохи средневековья (VIII—XIII—XIV вв.). Среди крупных золотоордынских памятников выделены следующие: Чумбур-Коса-I (24 га), Маргаритово-I (31 га), Глубокая Балка-II (15 га).

Мелкие памятники представлены поселениями Семибалки-II (3 га), Семибалки-V (2 га), Семибалки-VI (4,5 га), Семибалки-VII (2 га), Семибалки-VIII (5 га), Семибалки-X (1,5 га), Семибалки-XI (1 га), Волошкова Балка (1 га), Павло-Очаково-I (7,7 га), Стефанидар-I (3,2 га), Стефанидар-II (1 га), Стефанидар-IV (1,2 га), Глубокая Балка-III (3,2 га), Чумбур-Коса-II (4,5 га), Чумбур-Коса-III (7 га), Чумбур-Коса-V (1 га), Маргаритово-II (7,7 га), Новомаргаритово-II (8,2 га).

Окрестности г. Азова: Новоалександровка-III (7,6 га), Азовка-I (25 га), Азовка-II (1,8 га), Азовка-V (5 га), Азовская свалка-I (4,2 га).

Долина р. Койсуг: Койсугское поселение (Мартышкина балка) (40 га), Свинычье озеро (10 га), Скопин Ерик-I (1,7 га), Скопин Ерик-II (1,7 га), Скопин курган-I (8 га), Скопин курган-II (2 га), Кулешовка-II (9 га).

Таким образом, сказать о том, является ли или иное поселение сельским поселением или малым городом, только по его площади можно лишь с большими оговорками. Проанализировав керамический и нумизматический материал на некоторых памятниках (таблицы 1 и 2) следует опираться прежде всего на внутренние взаимосвязи между сельскими центрами и дальними территориями (такими, как Трапезунд, Крит, Хиос, Византия и др.). Немаловажную роль в определении статуса памятника играет и наличие поливной керамики. К примеру, на таком крупном поселении, как Еремеевка II, занимающем площадь около 30 га, доля поливной керамики от общей массы составляет всего 0,3%. На других же поселениях (например, Донской-I) доля поливной керамики составляет около 1,5% среди всего керамического материала, собранного на поселении. Поэтому при рассмотрении поселения, его ранга среди других памятников округа Азака, следует опираться, прежде всего, на соотношение поливной и тарной (местной или привозной) керамики, как на более надежные источники, чем данные нумизматики.

Литература

- Афанасьев Г.Е. 1993. *Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона*. Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья 1. Москва: Наука.
- Волков И.В. 2002. Местные амфоры Азака. В: Егоров В.Л., Зеленева Ю.А. (отв. ред.). *Поволжье и сопредельные территории в средние века*. Труды ГИМ 135. Москва, 55—63.
- Масловский А.Н. 2009. О сельской округе Азака (к постановке проблемы). В: Горбенко А.А. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве*. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Донские древности 10. Азов: АИАПМЗ, 321—339.
- Масловский А.Н. 2012. Золотоордынский Азак и его округа. Краткий очерк. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Средневековая Евразия: Симбиоз городов и степи*. Материалы II международного Болгарского форума. Археология евразийских степей 17. Казань: Отечество, 110—115.
- Недашковский Л.Ф. 2010. *Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа*. Москва: Восточная литература.

References

- Afanas'ev, G. E. 1993. *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniia basseina Srednego Dona (The Alans of the Don River: social structures of the Alans, Asi and Burtas from the Middle Don area)*. Series: Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Volkov, I. V. 2002. In Egorov, V.L., Zeleneva, Yu.A. (ed.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga Region and Neighbouring Territories in the Middle Ages)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 135. Moscow, 55—63 (in Russian).
- Maslovskii, A. N. 2009. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 321—339 (in Russian).
- Maslovskii, A. N. 2012. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Cities and Steppe)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 17. Kazan: "Otechestvo" Publ., 110—115 (in Russian).
- Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Regions)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Э. Е. Кравченко

Eduard Kravchenko. Donetsk Museum of Local History¹.

Кравченко Эдуард Евгеньевич. Донецкий республиканский краеведческий музей.

E-mail: sidae@mail.ru

Address:¹ Chelyuskintsev St, 189a, Donetsk, 283048, Ukraine

Средневековые поселения на территории Донецких степей

Keywords: Severskiy Donets river, Donetsk ridge, Azov Sea region, fortified settlements, settlements, roads, centers

Ключевые слова: Северский Донец, Донецкий край, Приазовье, городища, поселения, дороги, центры

E. E. Kravchenko

Medieval Settlements on the Territory of Donetsk Steppes

The work considers the history of medieval settlements in the steppe between the Dnieper and the Don. It includes the lands of the Donetsk Ridge, the Northern Azov Sea, and the buffer zone between the steppe and the forest-steppe in the middle reaches of the river Severskiy Donets. Steppe open spaces throughout the Middle Ages were the habitat of nomads. In periods of stability, when these lands were part of large state entities, settlements appeared on some of their plots near roads. These roads crossed the steppes in the latitudinal direction, which was connected with the cultural ties of the region, in which the Crimea, the Northern Caucasus and the Lower Dnieper Basin played a prominent role.

In the buffer zone, settlements existed during the entire Middle Ages. In the Khazar and Golden Horde times large trade and craft centers grew in the contact zone between the steppe and the forest-steppe. In these settlements, there was also an administration that led the life of the nomadic steppe. The defeat at the end of the 14th century led to the complete collapse of the settled way of life in the region, after which nomadic hordes dominated the lands for two centuries.

In this way, the natural factor, cultural and economic traditions, the existence of trade communications and the political situation played an important role in formation of medieval settlements in the Donetsk steppes. The most developed regions were those with long-standing traditions of settled life style.

Э. Е. Кравченко

Средневековые поселения на территории Донецких степей

В работе рассматривается история средневековых поселений на участке степей между Днепром и Доном. Он включает в себя степные территории Донецкого края, Северного Приазовья и буферную зону между степью и лесостепью в среднем течении р. Северский Донец. Степные просторы в течение всей эпохи средневековья были местом обитания кочевников. В периоды стабильности, когда эти земли входили в состав крупных государственных образований, на отдельных их участках, близ дорог появляются поселения. Эти дороги пересекали степи в широтном направлении, что отражало культурные связи региона, в которых видную роль играли Крым, Северный Кавказ и Нижнее Поднепровье.

В буферной зоне оседлые поселения существовали на протяжении всей эпохи средневековья. В хазарское и золотоордынское время в контактной зоне между степью и лесостепью выросли крупные торгово-ремесленные центры. На этих поселениях находилась и администрация, руководившая жизнью кочевой степи. Разгром их в конце XIV в. привел к полному разрушению оседлости на территории региона, после чего на этих землях в течение двух столетий господствовали кочевые орды.

Таким образом, в процессе формирования средневековых поселений в Донецких степях важную роль играли: природный фактор, культурно-хозяйственные традиции, наличие торговых коммуникаций и политическая обстановка. Наибольшее развитие получили области, имевшие долговременные традиции оседлости.

В эпоху средневековья восточноевропейские степи были, в основном, местом обитания кочевого населения. Этому способствовали природные условия, идеально отвечающие функционированию кочевого хозяйственного цикла, и многолетние традиции, выработав-

шиеся у степных nomadов, которые в большей своей части, относились к народам тюркской языковой семьи. Кроме них, в степи находилось достаточное количество оседлого населения, поселения которого были вытянуты вдоль рек. Особенно густо были заселены

берега таких крупных рек, как Днепр и Дон. Некоторые из расположенных здесь поселений выделялись из числа прочих, превращаясь в крупные центры, вокруг которых формировалась сельская округа. В отдельных регионах этот процесс приводил к зарождению оазисов оседлой жизни в кочевой степи. Появление их было связано с определенными историческими условиями и напрямую зависело от политической воли ханов и благополучия степных кочевых империй, на территории которых указанные зоны находились (Федоров-Давыдов 1981: 231—232). При этом в степи оседлое население проживало далеко не везде. На определенных ее участках в продолжение всей средневековой истории очагов оседлости не возникло, благодаря чему они так и остались кочевой степью.

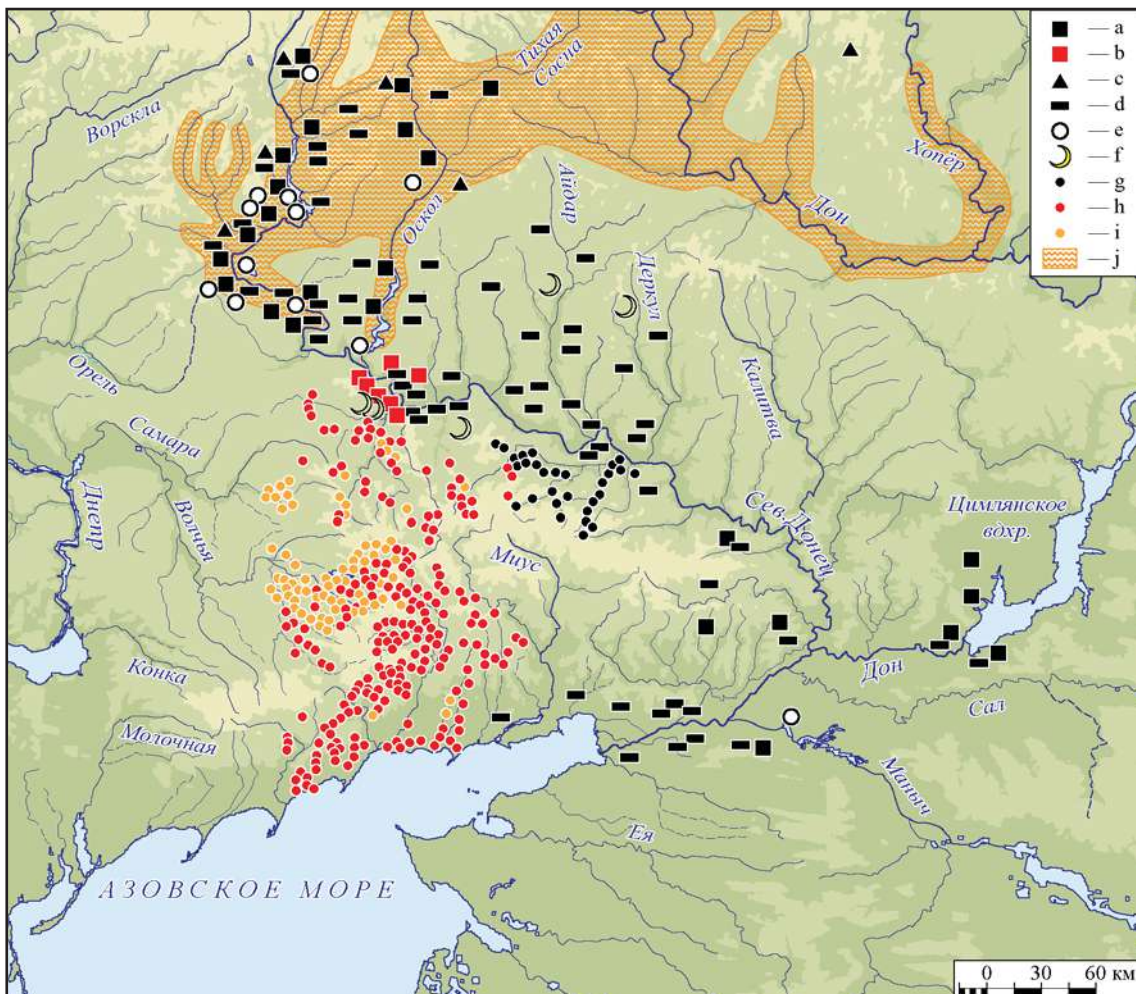
В данной работе рассматривается история формирования средневековых поселений на небольшом участке южнорусских степей, расположенном к востоку от Днепра и к западу от Дона. Указанный регион в этом плане представляет интерес, т. к. значительная его часть была исконным местом обитания кочевников. В пределах этой территории, к которой далее применяется название Донецкие степи, были и поселения, оставленные оседлым населением. Крупнейшей водной артерией здесь являлась относительно небольшая река — Северский Донец. Археологические исследования на этом участке степи начались с кон. XIX в., тем не менее, на средневековые памятники внимание обратили относительно недавно. В последней четверти XX — нач. XXI в., в результате целенаправленных раскопок, здесь были открыты многочисленные памятники археологии, относящиеся к эпохе средневековья. Благодаря этому появилась возможность получить общее представление об истории формирования и развития оседлой жизни в рассматриваемом нами регионе.

Указанный участок степи достаточно специфичен и включает в себя степные территории Донецкого края, Приазовской возвышенности, прилегающие к морю участки степей Приазовской низменности, а также среднее течение Северского Донца. Несмотря на то, что все эти территории расположены в одном регионе, они существенно отличаются по своим условиям. Так, Приазовская низменность, Приазовская возвышенность и Донецкий край представляют собой классические степные регионы, со свойственной степной зоне континентальным климатом. В то же время, среднее течение Северского Донца, являющееся южной окраиной

контактной зоны между степью и лесостепью, имеет климат более мягкий и по своим природным условиям приближается к лесостепным регионам. Имеют существенные отличия и памятники археологии, расположенные на каждой из этих территорий.

Северная часть региона включает в себя участок шириной до 20—25 км, прилегающий к среднему течению Северского Донца. Данная территория, граничащая с кочевой степью, издревле была заселена оседлым населением. Этому способствовало наличие глубоководной реки, верховья которой уходили в лесостепь, плодородных, легких для обработки супесчаных грунтов в речных долинах, присутствие достаточной широкой полосы приречных лесов. Источники XVII в. упоминают на правом берегу Северского Донца крупный лесной массив — Теплинский лес. Судя по месту его расположения — между городками Маяки, Тор и Царёв-Борисов (Кулжинский 2005: 153—154), можно предположить, что остатками этого древнего лесного массива являются нынешние Маяцкое, Теплинское и Краснопольское лесничества, расположенные в пределах Славянского р-на Донецкой области. Были леса и на левом берегу Северского Донца. Крупный лесной массив, произрастающий в настоящее время на этой территории, был насажен в XX в. на месте древнего соснового бора, о существовании которого упоминается в документах рубежа XVII—XVIII вв. (Кириков 1983: 32).

Благоприятные условия всегда привлекали сюда оседлое население. На берегах Северского Донца известно множество неукрепленных поселений разных исторических периодов. Во время, предвещающее эпоху Великого переселения народов, здесь появилась группа селищ и первые городища-убежища, которые функционируют, как минимум, до последней трети IV в. Указанные памятники изучены недостаточно хорошо, тем не менее, имеющиеся в распоряжении данные указывают на лесостепное происхождение проживавшего на них населения (Кравченко 2012: 146—147). Новое перемещение населения в среднее течение р. Северский Донец связано с носителями пеньковской культуры. В V—VII вв. здесь функционирует ряд поселений, вытянутых цепью вдоль реки. В степной части региона указанные поселения не известны. Юго-восточной границей продвижения пеньковцев, вероятно, был участок у места впадения в Северский Донец его крупнейшего притока — р. Казенный Торез (Кравченко 2012: 146). Имеются данные о находках пеньковской керамики и к востоку от ука-

Рис. 1. Схема расположения памятников хазарского времени в междуречье Дона и Днепра (по Михеев 1985; Красильников 1990; Кравченко 2013; Лаптев 2013; Свистун 2014). Условные обозначения: а — городища хазарского времени; b — донецкие городища; с — катакомбные могильники; d — ямные могильники; e — могильники с кремацией; f — мусульманские некрополи; g — неопределённые памятники, нанесённые по карте К.И. Красильникова; h — мысовые поселения (кочевья); i — единичные находки фрагментов керамики; j — зона распространения лесостепных памятников салтово-маяцкой культуры (по Свистун 2011: рис. 1).

Fig. 1. Scheme of the monuments' location of Khazar time in the interfluves of the Don and the Dnieper (after Михеев 1985; Красильников 1990; Кравченко 2013; Лаптев 2013; Свистун 2014). Legend: a — Khazar time fortified settlements; b — fortified settlements of the Donetsk area; c — burial grounds of the Catacomb culture; d — burial grounds of the Pit-Grave culture; e — burial grounds with cremation; f — Muslim necropolises; g — indetermined sites after the map by K.I. Krasilnikov; h — cape settlements (camps); i — stray finds of fragments of pottery; j — areal of forest-steppe sites of the Saltovo-Mayaki culture (after Свистун 2011: рис. 1).

занной территории (Красильников 2001: 317). Тем не менее, эти материалы невыразительны и немногочисленны, в связи с чем говорить о наличии там пеньковских поселений нельзя. Таким образом, ареалы распространения поселений гунно-сарматского времени и памятников пеньковской культуры в среднем течении Северского Донца совпадают, что, вероятно, свидетельствовало в пользу того, что и те, и другие носители оседлой традиции останавливались на южной окраине контактной зоны лесостепи со степью.

В хазарское время наблюдается мощный рост оседлого населения в рассматриваемом

нами регионе, связанный с тем фактором, что огромные территории были объединены в рамках крупного государственного образования. В это время вдоль Северского Донца и на левом его берегу вырастают десятки поселений. На отдельных участках ареал их распространения захватывает и достаточно широкую полосу вдоль правого берега реки. Только грунтовых могильников с ямным обрядом погребения (т.н. могильников «зливкинского» типа) на этой территории насчитано более сорока (Красильников 2010: 17). В среднем течении реки вырос ряд городищ, расположенных ком-

пактной группой, на расстоянии 5—10 км друг от друга (рис. 1). Большинство их представлено небольшими укрепленными поселениями. От ближайших лесостепных городищ они находятся на расстоянии 45—50 км (Лаптев 2013: илл. 1). Вполне вероятно, что в пределах этой полосы, пролегла граница между степными и лесостепными памятниками. С севера она отмечена группой лесостепных укрепленных поселений (Вербовское, Гороховатское, Пристин) (Свистун 2014: 79—80, 83—84, рис. 1). С юга же эту границу отбивает группа городищ в среднем течении Северского Донца и цепь раннемусульманских некрополей хазарского времени (Красильников, Красильникова 2005; Кравченко 2005; 2017), выявленных на реках Северский Донец, Айдар и Деркул (рис. 1). О существовании этой границы, по крайней мере, с сер. IX в., могут свидетельствовать некоторые наблюдения за материалами расположенных здесь археологических объектов. Так, на лесостепных памятниках крымская импортная керамика, представленная амфорами, ойнохоями, кувшинами, баклагами, относительно немногочисленна. Исключения составляют единичные некрополи (такие, как Червоная Гусаровка и Красная Горка), где ее много (Аксенов 2017: 74). По мнению В. С. Аксенова, появление большого количества крымских импортов на могильнике Червоная Гусаровка было связано с тем, что они были оставлены населением, пришедшим из Юго-Восточного Крыма (Аксенов 2017: 72—73). Поступление импортов сокращается, а затем и прекращается, во 2-й четверти IX в. (Аксенов 2017: 73—74). При этом, в это, как в более позднее время, импорт продолжает стабильно поступать, и в значительном количестве оседает, на лежащих южнее степных поселениях. В частности, крымской импортной керамики много на крупных городищах, расположенных в среднем течении Северского Донца, где наряду с вышеперечисленными формами, встречены и кувшины с плоскими ручками, которых нет в лесостепи (Лаптев 2013: 93). Близкая ситуация наблюдается и с находками монет. В среднем течении Северского Донца встречены восточные и византийские монеты. Абсолютное большинство находок представлено табаристанскими драхмами и дирхемами Арабского халифата (Омейядской династии и времени правления ранних Аббасидов). Самыми поздними восточными монетами являются дирхемы 212 (827/8) и 222 (837/8) гг. х., выявленные в погребениях Лысогоровского могильника

(Красильников 2001: 318) и дирхем 815/16 г., найденный в Райгородке (Спесивцев 1905: 155—156)¹. Из византийских монет присутствуют солиды императоров-иконоборцев. Наиболее поздней византийской монетой пока что является фоллис Льва V, найденный в заполнении ямы на Сидоровском городище. Обращает на себя внимание тот факт, что монеты, происходящие из лесостепных ямных могильников, относятся к этому же хронологическому периоду (Лаптев 2013: 93—94). То есть в обоих случаях мы имеем монеты, поступавшие из Крыма и Тамани (Semenov 1994: 83—85; Гурулева 2004: 438—439) и через Северный Кавказ (Кропоткин 1978: 113—114). В то же время в верховьях Северского Донца встречаются монеты Саманидов, которых в среднем течении этой реки вовсе нет. В несколько более поздний период в лесостепи имеются и подражания саманидским монетам, широко представленные в Безлюдовском кладе (Колода, Лебедев, Енуков 2014: 6—76). Создается впечатление, что товары, идущие по Волжскому торговому пути, на юг, в степную часть бассейна Северского Донца, не поступали. Не совсем понятно, поддерживались ли во 2-й пол. IX в. культурные связи между степными и лесостепными памятниками. Указанные наблюдения, вне сомнений, требуют как серьезного анализа имеющихся в распоряжении материалов, так и широкого привлечения новых данных.

Часть донецких городищ была жилыми, имела крупные размеры (60—120 га) и элементы внутренней планировки (Кравченко 2004: 249—260, 263—267). Как правило, такие укрепленные поселения появляются близ бродов на реке. Крупные городища на правом и левом берегах Северского Донца расположены по парам. В рассматриваемом нами регионе в хазарское время было четыре памятника этого типа. Два из них (у сел Маяки и Сидорово Славянского р-на) находились близ бродов на правом, высоком, берегу реки. На противоположной от Маяков, левой стороне, у пгт. Кировское Краснолиманского р-на имеется крупное (площадь 60 га) городище хазарского времени, которое занимает возвышающийся над поймой мыс коренного левого

¹ Сведения о находках в пределах рассматриваемого нами региона двух саманидских монет (Кравченко, Гусев, Давыденко 1998: 139) представляются крайне сомнительными. Данные экземпляры происходят из частного собрания и вполне могли быть приобретены на стороне (Кравченко, Давыденко 2001: 250).

берега р. Черный Жеребец, близ места впадения его в Северский Донец. Такая же картина наблюдается и на соседнем городище у с. Сидорово Славянского р-на. Этот памятник, крупнейший среди поселений хазарского времени в рассматриваемом нами регионе (площадь более 120 га), также находится неподалеку от брода. На противоположном берегу, у с. Новоселовка Краснолиманского р-на, на мысу коренного правого берега притока Донца — р. Нитриус, расположено крупное салтовское городище (площадью до 100 га).

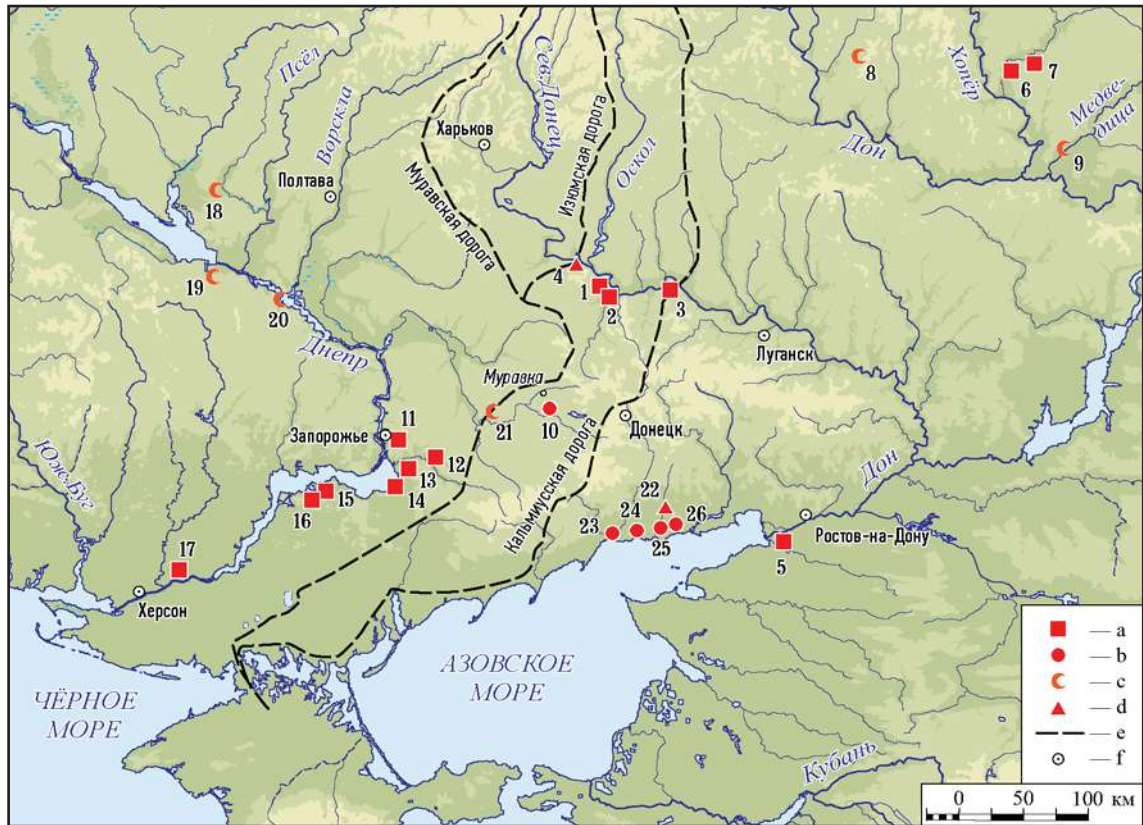
История формирования описанных выше памятников VIII—X вв. изучена недостаточно хорошо. Тем не менее, раскопки крупнейших городищ этого типа — археологических комплексов у сел Маяки и Сидорово Славянского р-на показали, что они формировались постепенно, вырастая из небольших поселений. Так, на месте археологического комплекса у с. Сидорово изначально существовало не менее трех малых селищ, которые в сер. IX в. были объединены в одно крупное поселение. Часть этого памятника, расположенную на холме, укрепили рвами, валами, эскарпами и деревянно-земляными стенами. На указанных поселениях процветали ремесла, торговля, шло распространение мировых религий — христианства и ислама (Кравченко 2017: 63). В прилегающей степи оседлое население занималось всевозможными промыслами. Наиболее вероятно, что поселения этого типа являлись торгово-ремесленными и административными центрами. Важнейшим направлением торговых связей этих населенных пунктов были владения Византийской империи на территории Крыма и Тамани. В пользу этого свидетельствуют находки на Сидоровском археологическом комплексе византийского стекла (Кравченко 2015а) и монет, а также тот факт, что до 40% керамики Сидорова составляет амфорная тара, произведенная в Крыму и на Тамани. На археологическом комплексе у с. Маяки этот процент намного ниже, однако также весьма значителен (Кравченко 2009а: 136—137). Собственно, он достаточно высок на всех поселениях рассматриваемого нами региона.

Расположение поселений хазарского времени в среднем течении Северского Донца позволяет сделать интересное наблюдение (рис. 1). Территории, прилегающие к его руслу, а также находящиеся к востоку от этой реки, заняты памятниками, которые были отнесены С. А. Плетневой к «болгарскому» варианту салтово-маяцкой культуры. Граница их четко очерчивается ареалом распространения ямных могильников «зливкинского» типа,

которые в степи к югу и западу от Северского Донца полностью исчезают. К востоку от этой границы присутствует огромное количество разнообразных памятников салтово-маяцкой культуры — городища, грунтовые могильники, большие и малые селища, расположенные на террасах вдоль рек или пойменных озер. Имеются и сезонные местонахождения, лишенные стационарных построек. Ярким примером такого памятника является Казачья Пристань у пгт. Райгородок Славянского р-на. Объект располагался посреди обширных заливных лугов у крупного брода. Не исключено, что памятники этого типа также не были связаны с кочевым населением, а представляли собой пастушеские сезонные стойбища, оставленные оседлыми жителями окрестных населенных пунктов. По крайней мере, керамический материал, выявленный на них, существенно отличается от керамики, встречаемой на степных кочевьях.

На правом берегу реки, практически в 10—15 км к югу и юго-западу от описанных выше памятников, начинают встречаться археологические объекты совершенно иного типа. Здесь появляются многочисленные памятники с достаточно бедным культурным слоем, расположенные на мысах, образованных в месте слияния двух балок, или на балочных террасах, у места впадения в балку ее отвершка. Они встречаются по всей степи, вплоть до побережья Азовского моря (рис. 1). Таким образом, картографирование поселений показывает, что по Северскому Донцу, в среднем его течении, в хазарское время пролегла граница, к югу от которой начинались памятники, связанные со степным кочевым населением (Кравченко 2013: 280—281).

После гибели Хазарского каганата в регионе, прилегающем к среднему течению Северского Донца, происходят существенные изменения. Укрепленные поселения, возникшие в хазарское время, прекращают свое существование. Исчезают и крупные центры, такие, как Сидоровское, Новоселовское и Кировское городища. Тем не менее, традиции оседлой жизни на этой территории не прервались. Некоторые поселения хазарского времени продолжают существовать, уменьшившись в размерах. Одно из них находилось на месте археологического комплекса у с. Маяки (Кравченко 2009: 242—263). Территория археологического комплекса у с. Сидорово запустела, однако, неподалеку от него, близ брода на Северском Донце, появилась группа из двух малых поселений. Еще одно такое поселение находилось у с. Пришиб Славянского р-на, выше по течению реки. В целом же

Рис. 2. Схема расположения крупных памятников эпохи Золотой Орды между реками Днепр и Дон (по Винников, Цыбин 2002; Супруненко, Приймак, Мироненко 2004; Кравец 2005; Ельников 2015). Пути, упоминаемые в Книге Большому чертежу, нанесены по реконструкции Н. Ломако (Хромов, Санжаров 2015: карта 2).
 1 — Маяки (Царино городище); 2 — Райгородок; 3 — Шепиловка; 4 — Изюм (гора Кремянец); 5 — Азак; 6 — Тишанское; 7 — Дурновское; 8 — Красный; 9 — Глазуновская; 10 — Зеленый Кут; 11 — Виноградный; 12 — Мечеть-Могила; 13 — Конские Воды; 14 — Большие Кучугуры; 15 — Каменское городище; 16 — Знаменское городище; 17 — Тягинское городище; 18 — Веселый Подол; 19 — Белецковские плавни; 20 — Правобережные Кишенки, урочище Мечеть; 21 — Мечетное; 22 — Гусельшиково; 23 — Ляпинская балка; 24 — Безыменное; 25 — Обрыв-2; 26 — Холодное. Условные обозначения: а — городище; b — поселение; с — мечеть, мазар; d — надгробная плита; e — степные дороги, упомянутые в «Книге большому чертежу»; f — современные населённые пункты.

Fig. 2. Scheme of the large monuments' location of the Golden Horde period between the Dnieper and Don rivers (after Винников, Цыбин 2002; Супруненко, Приймак, Мироненко 2004; Кравец 2005; Ельников 2015). The paths mentioned in the Book of the Big Drawing are plotted for the reconstruction by N. Lomako (Хромов, Санжаров 2015: map 2).
 1 — Mayaki (Tsarino hillfort); 2 — Raygorodok; 3 — Shepilovka; 4 — Iziyum (Mount Kremyanets); 5 — Azak; 6 — Tishanskoye; 7 — Durnovskoye; 8 — Krasnyi; 9 — Glazunovskaya; 10 — Zeleniy Kut; 11 — Vinogradnyi; 12 — The Mosque-Grave; 13 — Konskiye Vody; 14 — The Great Kuchugury; 15 — Kamenskoye settlement; 16 — Znamenskoe hillfort; 17 — Tyaginskoe settlement; 18 — Viselyi Podol; 19 — Beletskovskie Plavni; 20 — Right-bank Kishenky, natural boundary Mosque; 21 — Mechetnoye; 22 — Guselshchikovo; 23 — Lyapin's beam; 24 — Bezymenoye; 25 — Obryv-2; 26 — Holodnoye. Legend: a — hillfort; b — settlement; c — mosque, mazar; d — tombstone; e — steppe ways mentioned in the "Book of Great Sketch"; f — present-day towns and settlements

в XI—XIII вв. на Северском Донце существовала серия небольших селищ, вытянутых цепью вдоль Северского Донца. Обычным местом их строительства были береговые террасы. Большинство этих объектов появляется на месте старых поселений салтово-маяцкой культуры, что свидетельствовало об определенной культурной преемственности между ними. Показательно, что в рассматриваемом нами регионе указанные поселения присутствуют только на Северском Донце или территориях, непосредственно прилегающих к нему (на днах и террасах у старич-

ных озер, расположенных на левом берегу). В степи памятники этого типа не известны. Подобного рода поселения имеются на территории лесостепной Харьковщины, в Луганской обл. (Ключнев 1998) и в Ростовской обл. Российской Федерации (Масловский 1997: 146—147, 151). Все они несут на себе признаки влияния древнерусской культурной традиции, особенно четко прослеживающиеся в керамическом комплексе этих памятников. Тем не менее, анализ керамики, происходящей с данных поселений, равно как и расчищенные в их пределах жилище и хозяйственные

сооружения, свидетельствуют о многочисленных степных влияниях (Кравченко 2000: 77—96; 2009: 248—250, 256—261). В конфессиональном плане указанное население являлось христианами греческого обряда. В пользу этого свидетельствует христианский некрополь — Зливки-2. Среди прочих находок, в двух могилах этого кладбища были выявлены парчовые воротники византийского производства (Швецов 1991: 117, рис. VI: 6). Близкого типа некрополи известны и на Нижнем Дону (Масловский 1997: 143—152). В этническом плане это население было весьма пестрым. Указанные поселения функционируют и в продолжение всего золотоордынского периода, сосуществуя с памятниками, широко представленными на территории Золотой Орды. Более того, некоторые из этих селищ увеличиваются в размерах, а рядом с ними вырастают крупные золотоордынские центры.

Появление крупных поселений золотоордынского времени представляет особый интерес. Время, когда в среднем течении Северского Донца начинают формироваться памятники этого типа, по имеющимся в распоряжении данным установить сложно. Наиболее изученным является золотоордынский населенный пункт у с. Маяки (Царино городище) (рис. 2: 1), который вырос возле небольшого поселения, существовавшего на берегу Донца с позднекочевнического времени. В период максимального расцвета его площадь составляла не менее 70 га. По своим материалам это поселение резко выделяется среди прочих памятников края. В процессе разведок и раскопок на нем обнаружены следы кирпичного строительства (с употреблением кирпича-сырца и жженого кирпича) (Швецов 2012; Кравченко 2015: 461). Находки на поселении свидетельствуют о развитой торгово-ремесленной деятельности его жителей. Многочисленные фрагменты изделий из чугуна, иногда с необработанными швами и необрушенными литками, всплески металла, являются свидетельством того, что в XIV в. на данном памятнике могли заниматься выплавкой чугунных изделий.

Судя по данным нумизматики, золотоордынское Царино городище в 1-й пол. XIV в. уже существовало. Наиболее ранние серебряные монеты, встреченные на этом памятнике, датируются временем правления Токты. Чуть чаще встречаются монеты Узбек-хана. Большинство их несет следы обрезки по краю или имеет контрамарки 2-й пол. XIV в. Среди медных монет присутствуют пулы рубежа XIII—XIV вв., которые, тем не менее, весь-

ма немногочисленны. Показательно, что большинство ранних монет представлено пулами крымских типов, что, вероятно, свидетельствует о том, что уже в это время памятники данной территории тяготели к Крыму и Нижнеднепровскому региону. Достаточно часто встречаются монеты Джанибек-хана. Среди выпусков этого правителя присутствуют находки как медной, так и серебряной монеты. Судя по всему, в его правление населенный пункт не просто существовал, но уже имел достаточно большие размеры. И наконец, подавляющее количество нумизматического материала относится к периоду Смуты в Золотой Орде (60—80-е гг. XIV в.). Показательно, что выпусков Токтамыша также немного. Наиболее поздняя серебряная монета датируется 1392 г. (Кравченко 2015: рис. 19: 1). Некоторые авторы писали о присутствии на памятнике медных монет несколько более позднего времени (Евглевский 2012: 122—123), что мало меняет общую картину. Близкая ситуация наблюдается и на землях Нижнего Поднепровья, к западу от рассматриваемой нами территории (Ельников 2014: 90—91). Памятник был разгромлен в кон. XIV в. Сколь долго продолжалось затухание жизни на разоренном поселении, не ясно. В первые десятилетия XV в. здесь уже было нежилое городище. Вероятно, эти же этапы истории прошли и два других памятника — у пгт. Райгородок Славянского р-на Донецкой области (рис. 2: 2) и с. Шипиловка Попаснянского р-на Луганской области (рис. 2: 3).

Городок у пгт. Райгородок находился близ крупного брода, расположенного у места впадения р. Казенный Торец в Северский Донец. Памятник до наших дней не сохранился. Исследования на нем не проводились. Судя по описаниям, здесь присутствовали многочисленные остатки кирпичных построек и, вероятно, мечети, украшенной поливными изразцами маджарского производства (типа Волков 2016: 166, рис. 28—30). С территории городка происходят обломки стенок горнов (скорее всего, металлургических). В описаниях исследователей, осматривавших этот населенный пункт, упоминаются находки монет XIV в. (Городцов 1905: 263; Багалей 1905: 56). На медных монетах наиболее распространенным было изображение «птицы с крыльями довольно грубой работы», зверя «вроде оленя» или «ветки» (Спесивцев 1892: 190). Определение монет было произведено секретарем Московского Археологического Общества В.К. Трутовским: «Большая часть монет — 40 цельных и одна половина... без надписей, с одними лишь изо-

бражениями, но несомненно, золотоордынские; две серебряных — золотоордынские — Джанибека и Токтамышца, одна медная, золотоордынская — Черкес-бека...» (Послесловие Д. И. Багалея к статье: Спесивцев 1892: 193). Учитывая это, и характерный вид «монет без надписей», которые, наиболее вероятно, представляли собой хорошо известные на донецких памятниках анонимные анепиграфные пулы с птицевидной тамгой, можно предположить, что большинство монет, собранных на памятнике В. Ф. Спесивцевым, относилось ко времени Смуты 60—80-х гг. XIV в. в Золотой Орде. Размеры поселения были достаточно крупными. Согласно данным В. Ф. Спесивцева, оно занимало «пространство немного более одной квадратной версты и с востока на запад было значительно удлинено» (Спесивцев 1892: 188). Таким образом, площадь этого археологического объекта составляла более 100 га. Анализ картографического материала, на котором фигурирует первоначальный облик местности, не противоречит такому выводу. В целом же, по своему местоположению (на относительно низком, ранее не обжитом участке), указанный памятник близок некоторым центрам золотоордынского времени, расположенным на других территориях государства (Федоров-Давыдов 1981: 231—232).

Весьма мало данных имеется о местонахождении у с. Шипиловка Попаснянского р-на Луганской области (рис. 2: 3). Автору данной работы известна единственная публикация материалов этого археологического объекта, посвященная введению в оборот обнаруженного здесь комплекса монет (Хромов, Санжаров 2015). Судя по приведенным в статье данным, поселение занимало площадку мыса высокого правого берега Северского Донца и находилось «на гребне узкого водораздельного плато диаметром чуть меньше 1 км, ограниченного с севера и юга оврагами» (Хромов, Санжаров 2015: 299). Таким образом, памятник имел достаточно крупные размеры. Неподалеку от него располагалось несколько бродов на реке. Один из них неоднократно упоминается в документах XVII в. в связи с тем, что он располагался на Кальмиусской степной дороге.

В разные годы на поселении у с. Шипиловка было собрано около 3000 монет. Так как подавляющее большинство их относилось к достаточно узкому хронологическому отрезку (70-м гг. XIV в.), авторы статьи выдвинули предположение, что памятник существовал в пределах 10 лет (Хромов, Санжаров 2015: 300). По их мнению, насе-

ленный пункт у с. Шипиловка представлял собой одну из «кочевых ставок (Орду), существовавшую в западной части Улуса Джучи начала 70-х гг. XIV века» (Хромов, Санжаров 2015: 299). В работе делается вывод, что все крупные поселения в среднем течении р. Северский Донец (указанное местонахождение, Царино городище, да и, вероятно, Райгородский городок), «могли являться кочевьями, осевшими на ключевых точках зарождающихся военно-торговых путей на непродолжительный период. Целью этих орд могли быть как военный контроль за стратегическими пунктами, так и проведение сезонных ярмарок. Археологический памятник у с. Шипиловка был наиболее крупным в регионе и имел высокий социальный статус, выразившийся в праве эмиссии медной монеты и осуществления контрмаркирования и, возможно, чеканки монеты серебряной» (Хромов, Санжаров 2015: 316). В качестве доказательства того, что у с. Шипиловка находилось не стационарное поселение, а кочевая ставка, авторы статьи приводят данные о культурном слое памятника. Характерной особенностью его было то, что «культурный слой здесь оказался чрезвычайно слабо насыщен строительными остатками». По их мнению, это является характерным признаком «для месторасположения кочевий, практически не оставляющих исследователям следов пребывания» (Хромов, Санжаров 2015: 311).

С большинством этих предположений нельзя согласиться, т.к. они построены только на анализе происходящей с поселения нумизматической коллекции. Автору данной статьи приходилось видеть монеты, чеканенные в период правления ханов Токты, Узбека, Джанибека, Мюрида и Токтамышца, которые были найдены на этом же памятнике. В связи с этим, представляется, что датировка подавляющего большинства монет этого собрания свидетельствует не о времени функционирования поселения, а о периоде его максимального расцвета. Выше указывалось, что близкая ситуация наблюдается на Царином городище, где во время раскопок была прослежена стратиграфия между комплексами XIII—XIV вв., что свидетельствует в пользу достаточно продолжительного существования этого золотоордынского населенного пункта (Швецов 2012: 97—116). Археологические исследования на Шипиловском поселении, по словам авторов статьи, носили «разведочный характер» и, вероятно, ограничились шурфовкой и сбором подъемного материала. При этом было получено солидное

количество находок, представленных «медными и серебряными монетами, заготовками для их чеканки, свинцовыми гирьками, железным топором, кинжалом, удилами, стременами, деталями конской упряжи, медными и серебряными украшениями, фрагментами оловянных зеркал, бытовыми предметами и их обломками, а также фрагментами керамики» (Хромов, Санжаров 2015: 300). Большинство этих материалов, наиболее вероятно, было собрано на поверхности памятника. В принципе, на поверхности Царина городища был собран такой же подъемный материал, который отличался от выше описанного только количественными показателями, которые зависели от того, в течение скольких лет производились сборы, а также от степени поврежденности культурного слоя того или иного археологического объекта.

Вообще, исследование при помощи шурфовки крупных средневековых поселений, расположенных в рассматриваемом регионе, представляется неприемлемым даже для предварительного их изучения, т.к. оно не дает адекватного представления о характере указанных археологических объектов. Шурфовка золотоордынской части Царина городища показала практически полное отсутствие археологического материала в распаханном культурном слое памятника. В процессе нее не было выявлено ни единого комплекса. Тем не менее, при проведении раскопок близ этого участка, в заполнении хозяйственных ям были обнаружены многочисленные находки, представленные не только пищевыми отбросами, но и фрагментами сырцового и жженого кирпича, кусками извести, штукатурки и прочих стройматериалов. В раскопе 25 (1989 г.)², разбитом неподалеку от места, где были заложены шурфы, выявлена группа хозяйственных ям с большим количеством разнообразных находок, а также котлованы сооружений с кладками из сырцового и жженого кирпича (Швецов 2012: 97—116; Кравченко 2015: 461). Близкая ситуация прослежена и в раскопе 32 (2008 г.). Здесь в верхнем распаханном слое находки отсутствовали, а в самом раскопе была выявлена серия разновременных ком-

плексов, относящихся к хазарскому и золотоордынскому времени (Кравченко, Петренко, Шамрай 2008: 8—12). Следует сказать, что относительно небольшая мощность культурных напластований вообще является характерной особенностью крупных памятников хазарского и золотоордынского времени, расположенных на территории Донецких степей. Так, при раскопках Сидоровского археологического комплекса, в верхнем слое раскопов (№2, 7, 9, 14, 16, 18) археологический материал практически полностью отсутствовал. Тем не менее, вскрытие более или менее значительных площадей показало наличие на этих участках большого количества жилых и хозяйственных сооружений. Более того, данные стратиграфии (раскопы №16 и №18) свидетельствуют, что сооружения, расчищенные в этих раскопах, относились к нескольким периодам существования поселения, т.е. памятник функционировал достаточно продолжительный промежуток времени.

Нельзя согласиться и с выводом, что крупные поселения золотоордынского времени являлись «кочевыми» ставками золотоордынских ханов. Характерной особенностью памятников кочевого населения, сколь бы высокий статус они ни имели, является отсутствие долговременных хозяйственных и, особенно, жилых сооружений. В эту схему никак не вписываются ни городок у Райгородка, ни Царино городище, в пределах которых были зафиксированы остатки многочисленных построек со стенами, сделанными с употреблением кирпича, и, тем более, монументальное кирпичное сооружение, украшенное дорогими привозными поливными изразцами. Не увязываются с понятием «кочевье» или «кочевая ставка» следы ремесленного производства и развитой торговли, которые также являются характерными признаками оседлости населения, проживавшего в этих пунктах. В пользу прочной оседлости свидетельствует широкое распространение мировых религий среди жителей этих поселений, а также присутствие на Царином городище не характерных для кочевого населения грунтовых могильников золотоордынского времени (Ходжайов и др. 2012). Не противоречат этому находки заготовок для монет, известные на Шипиловском поселении, и медные кружки без оттиска штемпелей, найденные на Царином городище, где была подобрана и бракованная монета — медный анонимный анэпиграфный пул с птицевидной тамгой. Представляется, что в золотоордынское время (по крайней мере, до конца XIV в.) чеканка монеты, как медной, так и серебряной, была

² Место расположения раскопа в статье (Швецов 2012: рис. 1) указано неверно. Реально раскоп 1-Г (по общей нумерации, предлагаемой автором данной работы, — р. 25) располагался не менее, чем в 300 м к северо-западу (азимут 334°) от указанного на схеме места. Таким образом, он находился не в центральной части памятника, как обозначено на прилагаемом к статье плане, а тяготел к его северо-западной окраине.

прерогативой крупных центров, заселенных оседлым населением, а не «кочевых ставок». Обозначение места чекана (Орда) на монетах некоторых ханов периода Смуты, по нашему мнению, не являлось свидетельством того, что данная монета была выпущена в «кочевой ставке» хана. Место распространения монет, чеканенных в Орде, было локализовано в Приазовском регионе (Федоров-Давыдов 1962: 109—110). На граничащих с Приазовьем территориях (как на Нижнем Днепре, так и на Северском Донце) известно большое количество золотоордынских городищ, в том числе крупных, на которых могла чеканиться эта монета (рис. 2). Возможно, какой-то конкретный город носил название «Орда» (Григорьев 1983: 34—35; Ельников 2013: 28—32; Ельников 2014: 91). Тем не менее, могло быть и иначе. Вероятно, появление в период Смуты дангов, битых в «Орде», изначально указывало на то, что они чеканились во время нахождения данного хана вне основных городов государства, в пределах которых располагались монетные дворы. В более позднее время на монетах, чеканенных в этих же пунктах, продолжали писать, что они биты в «Орде». Иногда с прибавлением эпитетов («Новой», «Богохранимой» и проч.), свидетельствующих в пользу того, что таких пунктов (и, соответственно, дворов) было несколько.

Таким образом, крупные поселения, возникшие в золотоордынское время в среднем течении Северского Донца (Райгородок, Царино и, вероятно, Шипиловка), представляли собой ремесленные, торговые и административные центры.

Центральная часть региона представляет собой степную территорию, в которую входит Донецкий кряж, восточная часть Приазовской возвышенности и прилегающий к ним с запада относительно ровный участок, омываемый реками, входящими в бассейн Днепра. Эта территория представляет собой пересеченный многочисленными балками участок степи, рельеф которого к западу и юго-западу сглаживается, превращаясь в равнину. Она являлась исконным местом обитания кочевого населения, что обусловило характер расположенных здесь памятников, представленных курганными захоронениями и кочевьями. Основная часть их группируется близ северной и южной оконечностей кряжа. В последние годы единичные кочевья, как хазарского, так и золотоордынского времени, были выявлены в степи к западу от описанной территории. К числу таковых относятся пункты на территории Добропольского р-на Донецкой области. Стационарные средневе-

ковые поселения, связанные с оседлым населением, здесь пока не известны.

Как указывалось выше, уже в 10 км к югу и юго-западу от прилегающей к Северскому Донцу полосы начинают появляться мысовые поселения, характерные для кочевников (рис. 1). Как правило, эти памятники имеют небольшие размеры и относительно немногочисленный материал, что связано с их сезонным характером. Большая часть находок представлена привозной амфорной тарой, среди которой иногда встречаются обломки баклаг и кувшинов, количество которой составляет до 70—85% от общего количества керамики, фрагментами лепных горшков, и керамических котлов с внутренними ушками. Абсолютное большинство этих объектов не подвергалось археологическим раскопкам, благодаря чему до недавнего времени все они суммарно относились к хазарскому периоду. Тем не менее, ныне на некоторых из них были встречены и золотоордынские материалы, что позволяет предположить, что ряд таких кочевий функционировал в XIII—XIV вв. Показательно, что кочевья XI—XIII вв. на данной территории не выявлены, и наиболее вероятно, что их здесь нет. Древности позднекочевнического времени здесь представлены многочисленными каменными изваяниями, происходящими из половецких святилищ, да курганными захоронениями.

В центральной части Кряжа кочевья немногочисленны, имеют небольшие размеры и достаточно бедны материалом. Наиболее крупным из них, вероятно, являлся пункт хазарского времени, расположенный в Крутой балке близ г. Ясиноватая Донецкой области. Стационарных поселений, связанных с оседлым населением, на этой территории пока не выявлено. Основная часть находок представлена курганными захоронениями и небольшими скоплениями тарной керамики, маркирующими маршруты перекочевков. Показательно, что именно в этой части региона присутствуют находки элитных погребений XIII—XIV вв. (Донецкая фильтровальная станция, Новоивановка) (Привалова 1998: 163—166; Швецов 1997; 2013).

Через территорию Донецкого кряжа пролегла Кальмиусская дорога, неоднократно упоминаемая в источниках XVII века (рис. 2). Насколько интенсивно она использовалась в рассматриваемую нами эпоху, неизвестно. Тем не менее, в том, что данная дорога существовала уже в период раннего и развитого средневековья, сомнений нет. Вполне возможно, что именно с ее функционированием

связана находка фрагмента алтарного подсвечника у с. Новозарьевка Старобешевского р-на Донецкой области (Даркевич 1971: 278—283), а также группа находок, происходящих из окрестностей г. Енакиево, где мог находиться какой-то населенный пункт золотоордынского времени.

На равнине, расположенной к западу от края, кочевья также отсутствуют. Для этой территории, омываемой реками, входящими в бассейн Днепра, характерны не образующие компактных скоплений находки единичных фрагментов керамики, разбросанные вдоль русел степных рек. Они вытянуты вдоль речных долин или на склонах с водоразделов. В качестве примера можно привести пункт Константиновка I в Марьинском р-не Донецкой области, где на участке берега р. Сухие Ялы, протяженностью 1,2 км, было собрано около 40 амфорных фрагментов (Цимиданов, Полидович 1992: 28). Вне сомнений, такие местонахождения вряд ли можно отнести к категории поселений или кочевий. Наиболее вероятно, они маркируют места, которые посещало степное население во время выпаса скота (рис. 1).

Уникальным для этого региона является местонахождение у с. Зеленый Кут Великоновоселковского р-на Донецкой области (рис. 2: 10). Памятник был открыт сравнительно недавно и раскопки на нем не производились. Он занимает площадку на пологом склоне коренного правого берега р. Волчьей (приток р. Самары, бассейн р. Днепр). В 2012—2013 гг. здесь, на пахотном поле, площадью около 0,8 кв. км, было собрано около 130 золотоордынских монет. В дальнейшем, при помощи металлоискателя, сборы на памятнике продолжались разными лицами. Ныне, по имеющимся неполным данным, на этой территории обнаружено не менее 400 монет. Значительная часть собранных артефактов была продана находчиками, и их нынешнее местонахождение неизвестно. В фонды Донецкого республиканского краеведческого музея поступило 152 монеты. Среди них 6 серебряных дирхемов ханов Узбека, Абдаллаха, Мухаммед-Булака (Кравченко 2015: рис. 11: 1—6). Один из дирхемов Узбека несет на себе надчеканки 70-х гг. XIV в.³ Большая часть медных монет (более 80%) представлены анонимными анэпиграфными пулами с птицевидной тамгой (Лебедев,

Кравченко 2016). Довольно много медных пулов, выпущенных в правление Абдаллаха. Обращает на себя внимание и факт присутствия среди монет Зеленого Кута небольшой группы пулов с «очковидной» тамгой. Кроме монет, на памятнике была подобрана подвеска-лунница, которая осталась у находчика, а также деталь цилиндрической паянной амулетницы. Согласно сообщению местных жителей, на территории памятника во время земляных работ был выявлен участок каменной кладки. О наличии каких-либо иных находок сведений от информаторов получить не удалось⁴. Таким образом, без проведения археологических исследований определить характер данного памятника не представляется возможным. Изначально автором данной работы предполагалось, что на этом месте находилось торжище. Однако количество найденных монет, а также наличие кладки и бытовых предметов, более свидетельствует в пользу присутствия здесь какого-то населенного пункта. Интерес представляет тот факт, что это поселение располагалось в регионе, где ранее находилась Муравская дорога — крупная средневековая степная магистраль, пролежавшая из Крыма в сторону русских земель (рис. 2). В пользу ее близости к рассматриваемому нами памятнику свидетельствуют отдельные топонимы, встречающиеся неподалеку от него (напр. «Муравка») (рис. 2).

К югу от описанного участка количество кочевий существенно увеличивается (рис. 1). На южных склонах Донецкого края появляются долговременные балочные стойбища, которые, судя по всему, были зимовниками. Указанный тип памятников характерен именно для этой территории. В степи, прилегающей к среднему течению р. Северский Донец, они не известны. Для многолетних стойбищ использовались далеко не все балки, а лишь те, которые отвечали необходимым требованиям. Так, балка должна была иметь хорошо разветвленную систему отвершков и достаточное количество мысов, на которых сооружались кочевья. Не менее важную роль играло расположение балки относительно сторон света в сочетании с розой ветров в данном

⁴ В настоящее время местонахождение находится близ зоны боевых действий. Контроль состояния, охрана памятника, а также проведение каких-либо археологических исследований на нем невозможны. Данные, которые поступают о настоящем состоянии данного археологического объекта, были получены от местных жителей и краеведов, которые посещали памятник в период 2014—2017 гг.

³ Имеются сведения об еще, как минимум, трех серебряных дангах (2 монеты Абдаллаха и одна — Мухаммед-Булака), которые ныне находятся в частных собраниях.

регионе. Обычно для строительства сезонных кочевий выбирались глубокие балки, ориентированные поперек линии направления ветров, преобладающих на том или ином участке степи. Как и на территории Приазовья, на кочевьях встречаются материалы двух исторических периодов — хазарского и золотоордынского времени.

Группы мысовых кочевий были выявлены в крупных балках (Хантарама, Маньел, Холмуку). Так, в балке Хантарама (длина около 10 км) было зафиксировано 19 поселений, которые в шахматном порядке размещались по обоим ее берегам (Колесник и др. 1989: 58—61, план в приложении). Иногда цепочка кочевий была вытянута вдоль одного из берегов балки. Характерным примером является группа стойбищ в балке Маньел, где на расстоянии около 9 км было зафиксировано 14 местонахождений, вытянутых вдоль левого берега. Расположение неподалеку друг от друга большого количества поселений, относящихся к одному периоду, вполне объясняется сезонностью этих памятников. Т.е. указанные балки посещались степняками, которые останавливались там на некоторый промежуток времени. Места стоянок в пределах балки, по всей видимости, периодически менялись. Раскопки подобных местонахождений не производились, и тем не менее, вполне можно предположить, что они использовались в качестве зимовищ. В пользу такого предположения говорит наличие в балке Хантарама остатков углубленной в грунт постройки золотоордынского времени, а также характер расположения этих местонахождений (на южных склонах кряжа, в глубоких балках, защищенных от суровых зимних степных ветров).

Южная часть региона — Приазовская низменность, ограниченная с севера и северо-запада отрогами Донецкого кряжа и Приазовской возвышенностью. С юга она граничит с побережьем Азовского моря. Это пересеченный глубокими балками, практически полностью лишенный леса участок степи. В эпоху средневековья он был хорошо обводнен, чему способствовало наличие значительного количества родников, колодцев и мелких речушек, а также присутствие достаточно крупных степных рек, каковыми являются Кальмиус, Еланчик, Миус. Природные условия этой территории способствовали тому, что в эпоху средневековья она являлась местом обитания кочевников. Это обусловило характер значительной части ее памятников, представленных курганными захоронениями и небольшими мысовыми поселениями, часть которых

являлась сезонными объектами, связанными с кочевым населением. Как и на других территориях рассматриваемого нами региона, поселения здесь относятся к двум историческим периодам — хазарскому и золотоордынскому времени. В половецкое время этот регион был заселен исключительно кочевниками. Каких-либо поселений этого периода здесь (кроме низовьев Дона) выявлено не было. Неизвестны и остатки кочевий (как и на прочей территории рассматриваемого нами региона). Тем не менее, именно отсюда происходит большое количество находок половецких каменных изваяний и курганных захоронений кочевников. Наличие их является археологическим подтверждением исторических данных, повествующих о том, что в XI—XIII вв. эта территория представляла собой густо заселенный участок Половецкой степи.

Где-то здесь вдоль моря пролегал важный степной путь, соединяющий Крым и низовья Днепра с низовьями Дона и направляющийся далее, в сторону Северного Кавказа. Вероятно, именно на этом пути произошли известные события эпохи развитого средневековья, такие, как битва на р. Калка (1223 г.) и встреча войск Мамаю и Токтамышу (1380 г.). С наличием здесь этой крупной степной магистрали был связан ряд находок типа головы каменной скульптуры европейского облика и надгробной плиты нойона Али-бек-Тимур-Булака, сына Али-Той-Тимура (рис. 2: 22), находящей параллели в древностях золотоордынского Крыма. Показательно, что указанная плита была найдена на небольшой курганный насыпи, которая входила в состав могильника, состоящего из таких же малых курганов (Волков 2008: 484—495, рис. 2—4). Точное место расположения этой дороги не известно. Вряд ли путь пролегал у самого морского побережья. Этому мешала сильная изрезанность прибрежной линии глубокими балками, а также сложные погодные условия (сильные туманы в зимнее время года и связанные с ними гололеды), которые делали пролегавшие вдоль берега моря дороги непроезжими. По нашему мнению, данный путь располагался ближе к южной границе Донецкого кряжа, на значительном расстоянии от берега моря. Поселения, находящиеся на морском побережье, вероятно, соединялись с ним дорогами.

Наличие моря и древнего пути стимулировало появление на этой территории памятников оседлого населения. Так, следы какого-то укрепления находились в районе нынешнего г. Мариуполь (Макаренко 1933: 7). В Мариупольском краеведческом музее хранится коллекция материалов, собранная в окрест-

ностях города. Керамика салтово-маяцкой культуры из этих сборов имеет существенные отличия от посуды, встречаемой на кочевьях (Кучугура 1998: 41—59). У пос. Ильичевское Мангушского р-на был найден целый красноглиняный пифос крымского производства (Привалова, Привалов 1988: 79). Во время раскопок слоя хазарского времени на поселении Ляпинская балка (рис. 2: 23) было обнаружено углубленное в землю сооружение с очагом, на котором лежали остатки лощеного пифоса салтово-маяцкой культуры. Сосуды этого типа характерны для оседлых поселений и на кочевьях обычно не встречаются (Кравченко 2003: 348, рис. 6). На поселении Обрыв-2 (рис. 2: 25) в остатках постройки золотоордынского времени находились фрагменты жернова от ручной мельницы. Судя по всему, жернов относился к хазарскому периоду существования памятника, а фрагмент верхней его части — бегунка был использован вторично, в качестве точильного камня⁵.

На поселении Ляпинская балка, раскопки которого производились в 1992 г., были обнаружены культурные напластования хазарского и золотоордынского времени (Полидович, Цимиданов, Кузин 1992). В пользу оседлости жителей золотоордынского поселения свидетельствует грунтовый инвентарный могильник, найденный неподалеку от памятника. Характер некрополя, на котором преобладали инвентарные языческие захоронения, близкие курганным погребениям этого периода, свидетельствует в пользу того, что традиции оседлости у этого населения не были долговременными (Евглевский, Кульбака 2003: 400).

Особый интерес представляют крупные памятники, расположенные близ Таганрогского залива. Ярким примером такого объекта является группа поселений у села Обрыв Новоазовского р-на (рис. 2: 25), вытянутая более чем на три километра вдоль побережья Кривокосского лимана. На одном из участков этого памятника (Обрыв-2) был выявлен средне-

вековый культурный слой мощностью 0,4 м, содержащий материалы хазарского и золотоордынского времени. В 2017 г. на поселении расширена группа золотоордынских комплексов — хозяйственные ямы и остатки наземной постройки, в конструкции стен которой был использован сырцовый кирпич и, возможно, саман. Вероятно, подобного рода наземные сооружения были и на селище Ляпинская балка, где проследить их не удалось в связи с сильной поврежденностью верхней части культурного слоя этого памятника.

В хозяйственной деятельности жителей рассматриваемых поселений видную роль играли скотоводство, промыслы и земледелие, в пользу чего свидетельствует большое количество костей животных и крупной рыбы, а также присутствие фрагментов жерновов и зерновых ям колоколовидной формы. Собственно, роль рыбного промысла была велика уже потому, что все эти памятники тяготеют к морскому побережью и прилегающим к нему лиманам. Интерес представляет наличие в золотоордынских слоях поселения Обрыв-2 значительного количества шлаков, металлических всплесков, а также фрагментов чугунных котлов. Вполне возможно, что жители этого населенного пункта могли заниматься и ремесленной деятельностью.

В целом, разведками последних лет на Азовском побережье выявлен ряд местонахождений, где встречаются материалы золотоордынского времени. Как представляется, здесь существовала группа стационарных поселений, вытянутых вдоль берега моря (рис. 2: 23—26). Время расцвета этих памятников, вероятно, укладывается во 2-ю пол. XIV в., в пользу чего свидетельствуют находки на их территории золотоордынских монет, подавляющая часть которых относится ко времени Смуты 60—80-х гг. XIV в. К этому же времени относятся и монеты, найденные в отдельных захоронениях могильника Ляпинская балка.

Таким образом, следует сказать, что формирование поселений оседлого населения на различных участках Донецких степей имело свои особенности. На Донецком крае же они пока не известны и, вероятно, отсутствовали. Эти территории были заняты кочевниками, о чем свидетельствуют многочисленные мысовые поселения на его южных склонах, представляющие собой остатки сезонных стойбищ. Показательно, что кочевья XIII—XIV вв. по своей топографии практически не отличаются от кочевий хазарского времени. Более того, они, в большинстве случаев, располагаются на местах кочевий,

⁵ Показательно, что могильников хазарского времени на этой территории пока не выявлено. Погребения Ждановского могильника, без проведения дальнейших исследований на этом объекте, пока что остаются группой из двух (максимум — трех) захоронений (Гриб, Швецов 2016: 150—170). Кроме всего прочего, они относятся к достаточно раннему периоду, т. е. ко времени, предшествующему появлению средневековых оседлых поселений в рассматриваемом нами регионе. Тем не менее, на участках, граничащих с морским побережьем, грунтовые могильники должны быть. Вероятно, их обнаружение является делом будущего.

существовавших в VIII—X вв. Подобная ситуация, вероятно, была связана с близкими условиями ведения хозяйства населением, которое проживало на данной территории в разные исторические периоды.

Процесс формирования поселений особенно четко прослеживается в северной части рассматриваемого нами региона. Здесь, на прилегающих к Северскому Донцу землях, традиции оседлости имели достаточно прочную и долговременную основу. Благодаря этому данная территория представляла собой оплот оседлой жизни даже в III—IV вв., эпоху Великого переселения народов и в XI—XIII вв., то есть в то время, когда на других участках Донецких степей она отсутствовала. Резкий расцвет оседлой жизни наблюдается в период, когда рассматриваемые нами территории входят в состав государственных образований, т.е. в хазарское и золотоордынское время. На Северском Донце он сопровождается появлением крупных центров, в формировании которых большую роль играло пришлое население. В хазарское время прослеживается перемещение каких-то групп населения с востока, с которым связано распространение на этой территории ислама (Красильников 2005: 213—215; Кравченко 2005: 168—170; 2017: 63—64). Играли роль и торгово-культурные связи с населенными пунктами, находящимися на территории Крыма и Тамани, которые четко прослеживаются по находкам предметов импорта. Благодаря этим связям, в среде населения, проживающего на Северском Донце, наблюдается распространение христианства (Аксенов, Михеев 1997: 352, рис. 4: 17, 18; Аксенов 2013: 15—20; 2017: 65—66; Кравченко 2017: 66—67, рис. 2: 5—7). В XI—XIII вв. в связи с изменением политической обстановки зона распространения оседлых поселений сокращается до узкой полосы, идущей вдоль течения Северского Донца. Население поддерживало связи с русскими землями и, вероятно, сохраняло старые контакты с Крымом и Таманью. В связи с активными контактами с Русью и Византией наблюдается распространение среди степного оседлого населения христианства греческого обряда (Ключнев 1998; Швецов 1991; Кравченко 2009).

В золотоордынское время ведущую роль в развитии оседлой жизни вновь играет среднее течение р. Северский Донец, где, наряду с поселениями предшествующего периода, возникает ряд новых памятников, в числе которых появляется несколько крупных центров, связывающих между собой цепь поселений городского типа, расположенных на Ниж-

нем Днепре (рис. 2: 11—17) и на Дону. Вероятно, какую-то роль в этой цепи могло играть и местонахождение у с. Зеленый Кут (рис. 2: 10), выросшее в XIV в. на степном пути, как раз между группой крупных золотоордынских поселений на Северском Донце (рис. 2: 1—3) и центрами, расположенными в Нижнем Поднепровье (рис. 2: 11—17). О возможности существования еще каких-то пунктов на территории между реками Конка и Волчьей, т.е. к западу от указанного поселения, свидетельствуют сообщения «Книги Большому чертежу» (рис. 2: 21) и данные топоимики. Детальные разведки на этой территории не проводились (Ельников 2015: 500).

Резкий рост памятников рассматриваемого нами региона во 2-й пол. XIV в. также был связан с притоком населения извне. По мнению А.В. Пачкалова, эти переселенцы пришли из Нижнего Поволжья (Пачкалов, Санжаров 2014: 421). Авторы публикации нумизматических материалов Шипиловки предполагают, что переселение шло из Приднестровского региона (Хромов, Санжаров 2015: 310—311). Археологические материалы, выявленные на Царином городище, показывают, что общий процент восточного импорта, представленного керамикой повожского и северокавказского производства (типа Волков 2002: 106—108) и единичными металлическими предметами (типа Даркевич 1976: 132, табл. 47; Руденко 1992: 79—80) на этом памятнике относительно невелик. Основная часть встреченной на нем поливной посуды была изготовлена в Крыму, откуда она попала на данный памятник в результате торговых и культурных связей проживающего на нем населения (Кравченко 2010: 23; 2015: 455—459). Выше писалось о присутствии в материалах Зеленого Кута группы монет с «очковидной тамгой», часто встречающихся в бассейне Нижнего Днепра и крайне редких в рассматриваемом нами регионе. Таким образом, контакты данной территории с Крымом и, вероятно, Нижнеднепровским регионом были весьма тесными как в хазарское, так и в золотоордынское время. Вне сомнений, были связи и с Азаком, в пользу чего свидетельствуют немногочисленные находки монет азакского чекана, однако, сколь они были интенсивными, еще предстоит выяснить. Вероятно, с Азаком контактировала группа небольших поселений, появившихся в южной, приморской, части региона (рис. 2: 23—26).

Практически все описанные выше памятники были привязаны к степным дорогам. С крупной степной магистралью, соединя-

ющей низовья Днепра и Нижний Дон, была связана цепь поселений, идущих вдоль азовского побережья. Как указывалось выше, памятник у с. Зеленый Кут располагался близ Муравского шляха или какой-то иной дороги, которая шла с низовьев Днепра к среднему течению Северского Донца. Кроме описанных выше крупных степных путей, существовал ряд дорог, пересекающих степь в различных направлениях. Трассы их не известны, однако все эти дороги, вне сомнений, проходили через речные переправы, которых на Северском Донце, до искусственного поднятия уровня реки в сер. XX в., имелось много. Это хорошо видно по карте 1738 г., составленной геодезистами Иваном Шишовым и Петром Лупандиным, на которой только в пределах участка между городками Изюм и Старый Айдар указано не менее 13 бродов (Карта 1738). Все эти переправы, несомненно, использовались средневековым населением. В пользу такого вывода свидетельствуют городища и крупные поселения, расположенные рядом с некоторыми из них. К бродам на Северском Донце были привязаны не только городища VIII—X вв., но и все крупные поселения золотоордынского времени. Так, Царино городище располагалось в 2 км к северо-западу от брода, на котором в 1663 г. был построен Маяцкий городок (Давыденко, Пирко 2007: 85; Давыденко, Гаврилова, Зоря 2013: 22—23). В 3 км к юго-западу от крупного брода на Северском Донце был построен золотоордынский пункт у пгт. Райгородок. На противоположной стороне реки, у этого же брода, и ныне находится село с характерным названием — Старый Караван. То, что все эти «перелазы» не имели никакого отношения к Изюмской дороге, пролежавшей западнее от рассматриваемого нами участка, видно при рассмотрении расположения упомянутых нами памятников археологии по отношению к ближайшим точкам на степных дорогах XVI—XVII вв., упоминаемых в «Книге Большому чертежу» (Книга... 1950: 63—77). Так, расстояние от Царино городища до ближайшего пункта на Изюмской дороге (в том виде, как она обычно изображается согласно данным «Книги Большому чертежу») (рис. 2), т. е. до Изюм-кургана, составляет не менее 40 км. В пределах рассматриваемой нами территории находилась еще одна степная дорога, также носящая у местного населения название «Изюмский шлях»⁶. Тем

не менее, и она отстоит от населенного пункта золотоордынского времени на расстоянии не менее 10 км.

С большой осторожностью следует привязывать к Кальмиусской дороге и Шипиловское поселение. В «Книге Большому чертежу» в качестве брода на этой дороге упоминается Боровской перелаз. Он находился ниже места впадения в Северский Донец его левого притока — р. Боровой. В Книге Большому чертежу место его нахождения описывается так: «...а Донец перевезтися ниже Боровой версты з 2...» (Книга 1950: 68). Таким образом, брод, о котором повествуется в «Книге Большому чертежу», находится достаточно далеко (в 9,5 км) от памятника. Более того, он располагается за водоразделом и условия рельефа не позволяют его контролировать с золотоордынского поселения (Кравченко 2017: 82—83). На карте геодезистов И. Шишова и П. Лупандина близ места расположения золотоордынского населенного пункта показаны еще два брода, дорога к которым пролегла мимо поселения. Один из них располагался неподалеку от места впадения р. Красной в Донец. Второй — находился на Донце, к юго-западу от первого. Тем не менее, в «Книге Большому чертежу» об этих бродах упоминаний нет. Поэтому возникает вопрос, имели ли указанные перелазы какое-то отношение к Кальмиусской сакме, или относились к какой-то иной дороге более раннего времени.

двух крупных путей. Место, где начиналась Новая Посольская дорога, определяется по топонимам и результатам осмотра участка. Следы дороги фиксируются на пахотных полях близ места соединения с Изюмским шляхом в виде канавообразного углубления (шириной до 30—35 м) с плоским дном, которое было выбито в грунте, до плотного материкового суглинка (рис. 3). По всей длине в этом углублении встречались находки подков, гвоздей, пряжек и прочих сломанных или утерянных металлических предметов, датирующихся временем как минимум от нач. XVIII в. до XIX в. Далее Новая Посольская дорога совпадает с современной дорогой, возле которой присутствуют топонимы, связанные с некогда пролежавшей здесь крупной средневековой трассой. С левой стороны от нее имеется байрачный лес, носящий название «Шляховое». Далее дорога шла у с. Богородичное Славянского р-на, вдоль холмов. Эта местность до сих пор носит у населения название «Шлях». Завершается она бродом на р. Северский Донец, который неоднократно упоминается в документах XVII в. как перелаз на Новой Посольской дороге. Таким образом, Новая Посольская дорога, как и прилегающий к ней участок Изюмского шляха, представляла собой реальную, набитую грунтовую дорогу, пролегающую через степь. Вероятно, такой вид имели и прочие степные пути.

⁶ Название нынешнего села Хрестыще (на картах часто встречается его русскоязычный вариант — Крестище), вероятно, происходит от большого креста, некогда стоявшего у места соединения

Рис. 3. Вид Новой Посольской дороги XVII в. на картах Google — Планета Земля.

Fig. 3. View of the New Ambassadorial road of the 17th century (after Google Earth).

Учитывая вышесказанное, следует признать, что попытки привязать крупные населенные пункты золотоордынского времени, расположенные в среднем течении Северского Донца, к степным путям более позднего периода, упоминаемым в «Книге Большому чертежу» (Книга... 1950: 63—77) являются не совсем удачными. Вероятно, броды, у которых располагались описанные выше населенные пункты эпохи раннего и развитого средневековья, находились на иных дорогах, которых на рассматриваемом нами участке степи было множество. Просторы Донецких степей в эпоху средневековья были пересечены сетью дорог, трассы которых формировались в течение многих столетий. В выборе их ведущую роль играли рельеф местности, наличие источников пригодной для питья воды, присутствие переправ на крупных реках. Трассы большинства этих степных путей ныне не известны. Однако их маркерами являются многочисленные броды, пересекающие Северский Донец и другие степные реки. Именно рядом с этими бродами-перелазами находятся средневековые укрепления хазарского и золотоордынского времени. Вполне вероятно, что в различные периоды истории края те или иные пути в силу различных (политических, экономических, военных) причин приобре-

тали главенствующее значение. Остальные играли второстепенную роль. В целом же, наблюдение за местами расположения крупных поселений свидетельствует, что в эпоху раннего и развитого средневековья такие степные пути, как Изюмский и Кальмиусский, идущие с юга на север (рис. 2), вероятно, не играли столь важной роли, какую они имели в более позднее время (XVI—XVII вв.). Характер размещения поселений на степных просторах между Днепром и Северским Донцом может свидетельствовать в пользу того, что в XIII—XIV вв. вполне могли функционировать Муравская дорога и ряд иных дорог, идущих в широтном направлении (юг-юго-запад — восток-северо-восток).

События кон. XIV — нач. XV вв. привели к глубокому упадку оседлой жизни в Донецких степях. В 1395 г. были разгромлены поселения на Северском Донце. Постепенное загущение жизни на них привело к полному крушению оседлости на территории Донецких степей, после чего на два столетия, вплоть до начала освоения Русским государством своих южных степных окраин, эти земли превратились в территорию, на которой господствовали кочевые орды.

Таким образом, в процессе формирования средневековых поселений в Донецких сте-

пях важную роль играли: природный фактор, культурно-хозяйственные традиции, наличие торговых коммуникаций и политическая обстановка. При этом наиболее развитыми были те области, где ранее имелись долговременные традиции оседлости. Расцвет оседлой жизни наблюдается в хазарское и золотоордынское время. В эти периоды истории в контактной области между степью и лесостепью появляются крупные населенные пункты, и расцветает оседлая жизнь. Вероятно, именно на этих крупных поселениях и на-

ходила администрация, которая руководила жизнью кочевой степи. Обширные степные просторы продолжали оставаться местом обитания кочевников. И лишь на отдельных участках, близ крупных степных дорог, которые являлись важными военными и торговыми коммуникациями, вырастают поселения, характерные для населения оседлого. Временем их появления обычно были периоды стабильности, когда степные просторы входили в состав крупных государственных образований.

Литература

- Аксенов В. С. 2013. Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины. В: Свистун Г. Е. (відп. ред.). *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження* 3. Харків: Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини, 15—20.
- Аксенов В. С. 2017. *Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Червоня Гусаровка на Северском Донце*. Харьков: Издатель Рожко С. Г.
- Аксенов В. С., Михеев В. К. 1998. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верхний Северского Донца. В: Сташенков Д. А. (ред.). *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии)*. Самара: СОИКМ, 344—357.
- Багалец Д. И. 1905. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. В: Уварова П. С. (ред.). *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва: Типография А. И. Мамонтова, 1—94.
- Винников А. З., Цыбин М. В. 2002. Материалы Новохарьковского могильника. В: Пряхин А. Д. (ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 14—105.
- Волков И. В. 2002. Золотоордынские браслеты с надписями. В: Пряхин А. Д. (ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды*. Воронеж: ВГУ, 106—110.
- Волков И. В. 2008. Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея. *ИАИАНД в 2006 г.* 23. Азов: АИАПМЗ, 478—496.
- Волков И. В. 2016. Керамика золотоордынского города Маджара. Материалы первого Маджарского археологического форума. *Археология Евразийских степей* 23. Казань: ИИ АН РТ, 139—220.
- Городцов В. А. 1905. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда, Харьковской губернии. В: Уварова П. С. (ред.). *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва: Типография А. И. Мамонтова, 226—340.
- Гриб В. К., Швецов М. Л. 2016. Грунтовый могильник Ждановский — памятник раннесредневекового времени в Северном Приазовье. В: Кызласов И. Л. (ред.). *Степи Восточной Европы в средние века*. Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. Москва: Авторская книга, 150—170.
- Григорьев А. П. 1983. Золотоордынские ханы 60—70-х гг. XIV в.: хронология правлений. В: Смолин Г. Я. (отв. ред.). *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки VII*. Ленинград: ЛГУ, 9—54.
- Гурулева В. В. 2004. Золотые монеты Константина V (741—775), найденные в Судак. В: Куковальская Н. М. (гл. ред.). *Сугдейский сборник I*. Киев: Судак: Академперіодика, 430—441.
- Давыденко В. В., Пирко В. А. 2007. Маяцкая крепость — первый укрепленный погранично-сторожевой пункт XVII в. (фортификация и планировка). *Святогірський альманах 2007*. Донецьк: Журнал «Донбас»; ООО «РА Ваш імідж», 76—95.
- Давыденко В. В., Гаврилова А. Н., Зоря А. Н. 2013. Торский и Маяцкий острожки середины XVII века (документальные свидетельства и археологические реалии). *Святогірський альманах 2013*. Донецьк: Східний видавничий дім; ООО «РА Ваш імідж», 20—28.
- Даркевич В. П. 1971. Редкий памятник романской металлопластики. *СА* (2), 278—283.
- Даркевич В. П. 1976. *Художественный металл Востока VIII—XIII вв.* Москва: Наука.
- Евглевский А. В. 2012. Определение джучидских монет с городища Царино (из раскопок М. Л. Швецова в 1988—1989 гг.). В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 11. Золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 117—124.
- Евглевский А. В., Кульбака В. К. 2003. Грунтовой могильник золотоордынского времени Ляпинская Балка из Северо-Восточного Приазовья. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 3. Половецко-золотоордынское время*. Донецк: ДонНУ, 363—406.
- Ельников М. В. 2013. Резиденция беклярбека Мамая і місто Орду (до 60-річчя дослідження Кучугурського городища). *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету XXXVI*. Запоріжжя, 28—32.
- Ельников М. В. 2014. Клад дирхемов из окрестностей городища Большие Кучугуры. В: Супруненко О. Б. (відп. ред.). *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК, 79—93.
- Ельников М. В. 2015. Памятники золотоордынского времени в Нижнем Поднепровье. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 479—508.
- Карта 1738: Карта 1738 г., составленная геодезистами Иваном Шишовым и Петром Лупандиным. [Электронный ресурс]. *VnF Gallica*. Partie du Severski Donetz vers Bakhmut par les géodésistes

- tes Ivan Chichkov et Petre Loupandin. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550031522/f1.zoom.r=donets.langEN> (дата обращения 27.11.2018).
- Кириков С.В. 1983. *Человек и природа степной зоны: конец X — середина XIX в. (Европейская часть СССР)*. Москва: Наука.
- Ключнев М.Г. 1998. Поселение периода развитого средневековья у с. Нижнетеплое Луганской области. В: Кияшко В.Я., Ларенок В.А., Потапов В.В. (отв. ред.). *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы*. Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 123—124.
- Книга 1950: Сербина К.Н. (подг. и ред.). 1950. *Книга Большому чертежу*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Колесник и др. 1989: Колесник А.В., Подобед В.А., Дедов В.Н., Литвиненко Р.А. 1989. *О работах археологической экспедиции экспериментального творческого объединения «Фонд» при Донецком отделении Украинского фонда культуры в 1989 г.* НА ИА НАНУ. №1989/239.
- Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. 2014. Безлюдский клад и его место в денежной системе Северной земли. В: Петров П.Н. (гл. ред.). *Безлюдский клад X в.: материалы и исследования*. К 125-летию со дня рождения Р.Р. Фасмера. АЕС 18. Казань: ИИ АН РТ; Отечество, 6—160.
- Кравец В.В. 2005. *Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды*. Воронеж: ВГПУ.
- Кравченко Э.Е. 2000. Памятники оседлого населения XI—XIV вв. в среднем течении Северского Донца. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 1*. Донецк: ДонНУ, 75—100.
- Кравченко Э.Е. 2003. Средневековый комплекс поселения Ляпинская Балка в Северо-Восточном Приазовье. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 3*. Донецк: ДонНУ, 348—362.
- Кравченко Э.Е. 2004. Городища среднего течения Северского Донца. *Хазарский альманах 3*. Киев; Харьков: Институт сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 242—276.
- Кравченко Э.Е. 2005. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Европе в хазарское время. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 4*. Донецк: ДонНУ, 153—186.
- Кравченко Э.Е. 2009. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца. В: Горбенко А.А. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV международной конф. посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Азов: АИАПМЗ, 242—262.
- Кравченко Э.Е. 2009а. Два археологических комплекса в среднем течении Северского Донца (сравнительная характеристика). В: Руденко К.А. (отв. ред.). *Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы*. Казань: Школа, 136—143.
- Кравченко Э.Е. 2012. Памятники начала нашей эры в среднем течении р. Северский Донец. В: Руденко К.А. (отв. ред.). *Исследования по средневековой археологии Евразии*. Казань: Школа, 142—153.
- Кравченко Э.Е. 2013. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий край, степное Подонцовье). *Археологический альманах 30*. Донецк, 278—302.
- Кравченко Э.Е. 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном. В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 407—474.
- Кравченко Э.Е. 2015а. Стекланные изделия IX—X вв. из археологического комплекса у с. Сидорово. В: Дедов В.Н. (гл. ред.). *Святогірський історико-архітектурний заповідник. Збереження, дослідження, реставрація культурної спадщини. 1980—2015*. Матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 35-й річниці створення державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську. 27—28 травня 2015 р. Донецьк: Донбас, 135—143.
- Кравченко Э.Е. 2016. Северо-Восточное Приазовье и среднее течение Северского Донца в XIII—XIV вв. (влияние природно-географического фактора на заселение территории). В: Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus, 287—290.
- Кравченко Э.Е. 2017. Распространение христианства и ислама в Хазарии: исторические свидетельства и археологические реалии. В: Васильев Д.В. (отв. ред.). *Вопросы интеграции археологических и исторических исследований*. Материалы Всероссийской археологической конференции. (Астрахань, 29 сентября — 1 октября 2017 г.). Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 61—68.
- Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. 1998. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца. *Археологический альманах 7*. Донецк, 113—140.
- Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. 2001. Сидоровское городище. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 2*. Донецк: ДонНУ, 233—302.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. 2008. *Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 г.* НА ИА НАНУ. №204/2008.
- Красильников К.И. 2001. Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья в VIII — нач. X в. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 2*. Донецк: ДонНУ, 303—322.
- Красильников К.И., Красильникова Л.И. 2005. Могильник у с. Лысогоровка — новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 4*. Донецк: ДонНУ, 187—244.
- Красильников К.И. 2010. Этнокультурные признаки населения степей Хазарской периферии (к вопросу об идентификации). В: *Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике II*. Москва: Сэфер, 16—32.
- Кропоткин В.В. 1978. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе. В: Николаева Т.В. (ред.). *Древняя Русь и славяне*. Москва: Наука, 111—117.
- Кулжинский Г. 2005. Святогорская Успенская общежи-

- тельная пустынь в Харьковской епархии. В: *Святые горы в исторических описаниях прошлых веков*. Святогорск: Свято-Успенская Святогорская Лавра, 105—246.
- Кучугура Л. И. 1998. Памятники салтово-маяцкой культуры в устье р. Кальмиус (по материалам П. М. Пиневица и Н. Е. Макаренко). *ДАС* 8. Донецк, 41—58.
- Лаптев А. А. 2013. Ямные ингумационные могильники в салтовской лесостепи. В: Свистун Г. Е. (в. ред.). *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження* 3. Харків: Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини, 88—96.
- Лебедев В. П., Кравченко Э. Е. 2016. Джучидский анэпиграфный пул с птицевидной тамгой на памятниках с Днепро-Донского междуречья. *Нумизматика Золотой Орды* 6. Казань: ИИ АН РТ, 81—86.
- Ломако Н. 2013. Реконструкция маршрута Муравского шляха в XVII веке. *Папакома. Забытые страницы истории Северного Приазовья. Карты-реконструкции*. [Электронный ресурс]. URL: <http://papacoma.narod.ru/maps-reconstruction-index.htm> (дата обращения 27.11.2018).
- Макаренко М. О. 1933. *Маріупольський могильник*. Київ: Видавництво Всеукраїнської академії наук.
- Масловский А. Н. 1997. Грунтовый могильник «Марьтшикина балка» и его место среди памятников предмонгольского времени Нижнего Подонья (к постановке проблемы). *ИАИАНД в 1994 г.* 14. Азов: АИАПМЗ, 143—152.
- Михеев В. К. 1985. *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков: Харьковский государственный университет.
- Пачкалов А. В., Санжаров С. Н. 2014. Золотоордынская кочевая ставка в Луганской области по данным нумизматики. В: Ситдииков А. Г., Макаров Н. А., Деревянко А. П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани* III. Казань: Отечество, 420—421.
- Полидович Ю. Б., Цимиданов В. В., Кузин В. И. 1992. *Отчет об археологических разведках новострочной экспедиции отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея в 1992 г.* НА ИА НАНУ 1992/84.
- Привалова О. Я., Привалов А. И. 1988. *Список памятников археологии Украины. Донецкая область*. Киев: Укрвузполиграф.
- Привалова О. Я. 1998. Богатые кочевнические погребения из Донбасса. *Археологический альманах* 7. Донецк, 157—167.
- Руденко К. А. 1992. Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья. В: Халиков А. Х. (ред.). *Путь из Булгара в Киев*. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 78—86.
- Свистун Г. Е. 2011. Трансформація поглядів на соціальну та стратегічну роль лісостепових городищ салтово-маяцкої культури. Проблеми та можливі шляхи їх вирішення. В: Свистун Г. Е. (в. ред.). *Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині*. Харків: Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини, 62—74.
- Свистун Г. Е. 2014. Типология лесостепных городищ на современном этапе. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 12. Донецк: ДонНУ, 51—102.
- Спесивцев В. Ф. 1892. Случайная археологическая находка. Послесловие Д. И. Багаля. В: Иванов В. В. (ред.). *Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю» на 1892 г.* 6. Харьков: Типография губернского правления, 186—194.
- Спесивцев В. Ф. 1905. Находки в Райгородке. В: Уварова П. С. (ред.). *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва: Типография А. И. Мамонтова, 153—157.
- Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М. 2004. *Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового лівобережжя*. Київ; Полтава: Археологія.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1960. Клады джучидских монет. *НЭ И*, 94—192.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 229—236.
- Ходжайов и др. 2012: Ходжайов Т. К., Швецов М. Л., Ходжайова Г. К., Фризен С. Ю. 2012. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 11. Донецк: ДонНУ, 125—192.
- Хромов К. К., Санжаров С. Н. 2015. Монетный комплекс времени Улуса Джучи, собранный в Луганской области. *Эпиграфика Востока XXXI*. Москва: Институт востоковедения РАН, 299—317.
- Цимиданов В. В., Полидович Ю. Б. 1992. *Разведки на территории Марьинского района Донецкой области в 1992 г.* Научный архив Донецкого республиканского краеведческого музея. 1992/3.
- Швецов М. Л. 1974. Багате кочівницьке поховання з Донбасу. *Археологія* 13, 93—98.
- Швецов М. Л. 1991. Могильник «Зливки». В: Рашев Р. (отв. ред.). *Проблеми на прабългарската история и култура* 2. София: Аргес, 109—123.
- Швецов М. Л. 2012. О комплексе жилых построек эпохи Золотой Орды на Царином городище. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 11. Донецк: ДонНУ, 97—116.
- Швецов М. Л. 2013. Погребение знатной половчанки. *Археологический альманах* 30. Донецк, 307—318.
- Krasilnikov K. 1990. Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur am nordlichen Mittel auf des Donec. In: Bálint Cs. (Hrsg.). *Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten*. Varia Archaeologica Hungarica III, 193—244.
- Semenov A. I. 1994. New evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) hoard of the century ad Byzantine and Arab gold coins. In: Mfsson V. M. (ed.). *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg: Institute of the History of Material Culture RAS, 83—85.

References

- Aksenov, V. S. 2013. In Svistun, G. Ye. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Problems and Research)* 3. Kharkiv: Kharkiv Scientific-Methodical Center for Protection of Cultural Heritage, 15—20 (in Russian).
- Aksenov, V. S. 2017. *Mogil'nik saltovo-maiatskoi kul'tury u s. Chervonaia Gusarovka na Severskom Dontse (The Saltovo-Mayaki Culture Burial Ground near the Chervonaya Husarovka Village on the Seversky Donets River)*. Kharkov: "Rozhko S. G." Publ. (in Russian).

- Aksenov, V.S., Mikheev, V.K. 1998. In Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P.V. Alabin, 344—357 (in Russian).
- Bagalei, D.I. 1905. In Uvarova, P.S. (ed.). *Trudy XII arkhеologicheskogo s'ezda (Proceedings of the XII Archaeological Congress) 1*. Moscow: Typography of A.I. Mamontov, 1—94 (in Russian).
- Vinnikov, A.Z., Tsybin, M.V. 2002. In Priakhin, A.D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovsky Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 14—105 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2002. In Priakhin, A.D. (ed.). *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovsky Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 106—110 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2008. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2006) 23*. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 478—496 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2016. In *Arkhеologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 23*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 139—220 (in Russian).
- Gorodtsov, V.A. 1905. In Uvarova, P.S. (ed.). *Trudy XII arkhеologicheskogo s'ezda (Proceedings of the XII Archaeological Congress) 1*. Moscow: Typography of A.I. Mamontov, 226—340 (in Russian).
- Grib, V.K., Shvetsov, M.L. 2016. In Kyzlasov, I.L. (ed.). *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka (East European Steppes in Middle Ages)*. Moscow: "Avtorskaia kniga" Publ., 150—170 (in Russian).
- Grigor'ev, A.P. 1983. In Smolin, G. Ya. (ed.). *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Historical Sources for Asia and Africa Countries) VII*. Leningrad: Leningrad State University, 9—54 (in Russian).
- Guruleva, V.V. 2004. In Kukoval'skaia, N.M. (ed.-in-chief). *Sugdeskii sbornik (Sugdaia Collected Papers) I*. Kiev; Sudak: "Akadempriodika" Publ., 430—441 (in Russian).
- Davydenko, V.V., Pirko, V.A. 2007. In *Svyatohirs'kyj al'manakh 2007 (Svyatohirs'k Yearbook 2007)*. Donetsk: "Donbas" Journal; "RA Vash imidzh" Publ., 76—95 (in Russian).
- Davydenko, V.V., Gavrilova, A.N., Zoria, A.N. 2013. In *Svyatohirs'kyj al'manakh 2013 (Svyatohirs'k Yearbook 2013)*. Donetsk: "Skhidnyj vydavnychyj dim" Publ.; "RA Vash imidzh" Publ., 20—28 (in Russian).
- Darkevich, V.P. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology) (2)*, 278—283 (in Russian).
- Darkevich, V.P. 1976. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th — 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Evglevskii, A.V. 2012. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) (Steppes of Europe in the Middle Ages) 11. Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 117—124 (in Russian).
- Evglevskii, A.V., Kul'baka, V.K. 2003. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) (Steppes of Europe in the Middle Ages) 3. Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (Cuman and Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 363—406 (in Russian).
- Yel'nykov, M.V. 2013. In *Naukovi pratsi istorichnoho fakul'tetu Zaporiz'koho natsional'noho universytetu (Scientific Works of the Historical Department of the Zaporizhia National University) XXXVI*. Zaporizhzhya, 28—32 (in Ukrainian).
- El'nikov, M.V. 2014. In Suprunenko, O.B. (ed.). *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprova (Antiquities of the Dnieper Left Bank Regions)*. Kiev; Poltava: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 79—93 (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 479—508 (in Russian).
- Karta 1738 g., sostavlennaia geodezistami Ivanom Shishovym i Petrom Lupandynym (Map of 1738 compiled by Geodesists Ivan Shishov and Petr Lupandin). [Electronic resource]. *BnF Gallica*. Partie du Severski Donetz vers Bakhmut par les géodésistes Ivan Chichkov et Petre Loupandin. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550031522/f1.zoom.r=donets.langEN> (accessed 27.11.2018) (in Russian).
- Kirikov, S.V. 1983. *Chelovek i priroda stepnoi zony (konets X — seredina XIX v.): Evropeiskaia chast' SSSR (Man and Nature of the Steppe Zone (End of 10th — the Middle of 19th Cent.): European Part of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kliuchnev, M.G. 1998. In Kiyashko, V. Ya., Larenok, V.A., Potapov, V.V. (eds.). *Problemy arkheologii Iugo-Vostochnoi Evropy (Problems of Archaeology of South-Eastern Europe)*. Rostov-on-Don, 123—124 (in Russian).
- Serbina, K.N. (ed.). 1950. *Kniga Bol'shomu Chertezhu (Book of Great Sketch)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kolesnik, A.V., Podobed, V.A., Dedov, V.N., Litvinenko, R.A. 1989. *O rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii eksperimental'nogo tvorcheskogo ob'edineniia «Fond» pri Donetskom otdelenii Ukrainского fonda kul'tury v 1989 g. (On the Activity of the Archaeological Expedition of the Experimental Creative Association "Fund" by the Donetsk Branch of the Ukrainian Culture Fund in 1989)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1989/239 (in Russian).
- Koloda, V.V., Lebedev, V.P., Enukov, V.V. 2014. In Petrov, P.N. (ed.-in-chief). *Bezludovskii klad X v.: materialy i issledovaniia (Bezludovsky Hoard of 10th Century: Materials and Studies)*. Series: Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 18. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ., 6—160 (in Russian).
- Kravets, V.V. 2005. *Kocheviki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Middle Don Nomads in the Golden Horde Age)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2000. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 1*. Donetsk: Donetsk National University, 75—100 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2003. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 3*. Donetsk: Donetsk National University, 348—362 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2004. In *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac) 3*. Kiev; Kharkov: A. Yu. Krymskii Oriental Studies Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, 242—276 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2005. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 4*. Donetsk: Donetsk National University, 153—186 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2009. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Series: Antiquities of the Don 10. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 242—262 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2009. In Rudenko, K.A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Proceedings and Studies on the Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Kazan: "Shkola" Publ., 136—143 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2012. In Rudenko, K.A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: "Shkola" Publ., 142—153 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2013. In *Arkhеologicheskii al'manakh (Archaeo-*

- logical Almanac) 30. Donetsk, 278—302 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 407—474 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2015. In Dedov, V. N. (ed.-in-chief). *Svyatohir's'kyj istoryko-arkhitekturnyj zapovidnyk. Zberezhennya, doslidzhennya, restavratsiya kul'turnoi spadshchyny. 1980—2015 (Svyatohirsk Historical and Cultural Museum-Reserve: Preservation, Research, Restoration of Cultural Heritage. 1980—2015)*. Donetsk: "Donbas" Publ., 135—143 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchenoj pamiatii G. A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 287—290 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2017. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Voprosy integratsii arkhelogicheskikh i istoricheskikh issledovanii (Issues of Integration of Archaeological and Historical Research)*. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 61—68 (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Gusev, O. A., Davydenko, V. V. 1998. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac) 7*. Donetsk, 113—140 (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Davydenko, V. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2*. Donetsk: Donetsk National University, 233—302 (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Shamrai, A. V. 2008. *Otchet ob issledovaniakh na arkhelogicheskom komplekse Maiaki v 2008 godu (Report on the Archaeological Investigations on the Mayaki Archaeological Complex in 2008)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no. 204/2008 (in Russian).
- Krasil'nikov, K. I. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2*. Donetsk: Donetsk National University, 303—322 (in Russian).
- Krasil'nikov, K. I., Krasil'nikova, L. I. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 4*. Donetsk: Donetsk National University, 187—244 (in Russian).
- Krasil'nikov, K. I. 2010. In *Nauchnye trudy po iudaike. Materialy XVII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaike (Scientific Papers on Judaic Studies: Proceedings of the 17th International Conference on Judaic Studies) II*. Moscow: "Sefer" Publ., 16—32 (in Russian).
- Kropotkin, V. V. 1978. In Nikolaeva, T. V. (ed.). *Drevniaia Rus' i slaviane (Ancient Rus' and Slavs)*. Moscow: "Nauka" Publ., 111—117 (in Russian).
- Kulzhinskii, G. 2005. In *Sviatye gory v istoricheskikh opisaniikh proshlykh vekov (Svyatye Gory (Holy Mountains) in Historical Descriptions from the Past Centuries)*. Sviatogorsk: Holy Assumption Holy Mountains Lavra, 105—246 (in Russian).
- Kuchugura, L. I. 1998. In *Donetskii arkhelogicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collected Works) 8*. Donetsk, 41—58 (in Russian).
- Laptev, A. A. 2013. In Svistun, G. Ye. (ed.). *Saltovo-maiats'ka arkhelogichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Problems and Research) 3*. Kharkiv: Kharkiv Scientific-Methodical Center for Protection of Cultural Heritage, 88—96 (in Russian).
- Lebedev, V. P., Kravchenko, E. E. 2016. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 6*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 81—86 (in Russian).
- Lomako, N. 2013. In *Papakoma. Zabytye stranitsy istorii Severnogo Priazov'ia. Karty-rekonstruktsii (Papacoma: Forgotten Pages from History of the Northern Azov Sea Region: Maps-Reconstructions)*. [Electronic resource]. URL: <http://papacoma.narod.ru/maps-reconstruction-index.htm> (accessed 27.11.2018) (in Russian).
- Makarenko, M. O. 1933. *Mariyupil's'kyj mohyl'nyk (Mariupol Burial Ground)*. Kiev: Ukrainian Academy of Sciences (in Ukrainian).
- Maslovskii, A. N. 1997. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region) v 1994 g.* 14. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 143—152 (in Russian).
- Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (Don Basin as Part of Khazarian Khaganate)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
- Pachkalov, A. V., Sanzharov, S. N. 2014. In Sitdikov, A. G., Makarov, N. A., Derevianko, A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Meeting in Kazan) III*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 420—421 (in Russian).
- Polidovich, Yu. B., Tsimidanov, V. V., Kuzin, V. I. 1992. *Otchet ob arkhelogicheskikh razvedkakh novostrochnoi ekspeditsii otdela okhrany pamiatnikov arkhologii Donetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia v 1992 g. (Report on Archaeological Surveys of the Rescue Expedition, Department for Protection of Archaeological Sites, Donetsk Regional Museum of Local Studies, in 1992)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine 1992/84 (in Russian).
- Privalova, O. Ya., Privalov, A. I. 1988. *Spisok pamiatnikov arkhologii Ukrainy. Donetskia oblast' (List of Archaeological Sites of Ukraine. Donetsk Oblast)*. Kiev: "Ukrvuzpoligraf" Publ. (in Russian).
- Privalova, O. Ya. 1998. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac) 7*. Donetsk, 157—167 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 1992. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Put' iz Bulgara v Kiev (The Way from Bulgar to Kiev)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 78—86 (in Russian).
- Svistun, G. Ye. 2011. In Svistun, G. Ye. (ed.). *Saltovo-mayats'ka arkhelohychna kul'tura: 110 rokiv vid pochatku vyvchennya na Kharkivshchyni (The Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: 110 Years from the Start of its Research in Kharkov Region)*. Kharkiv: Kharkiv Scientific-Methodical Center for Protection of Cultural Heritage; "Savchuk O. O." Publ., 62—74 (in Ukrainian).
- Svistun, G. E. 2014. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 12*. Donetsk: Donetsk National University, 51—102 (in Russian).
- Spesivtsev, V. F. 1892. In Ivanov, V. V. (ed.). *Khar'kovskii sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k «Khar'kovskomu kalendariu» na 1892 g. (Kharkov Collection: Literary and Scientific Application to the "Kharkov Calendar" for 1892) 6*. Kharkov: Typography of Provincial Administration, 186—194 (in Russian).
- Spesivtsev, V. F. 1905. In Uvarova, P. S. (ed.). *Trudy XII arkhelogicheskogo s'ezda (Proceedings of the XII Archaeological Congress) 1*. Moscow: Typography of A. I. Mamontov, 153—157 (in Russian).
- Suprunenko, O. B., Prijmak, V. V., Mironenko, K. M. 2004. *Starozhytnosti zolotoordyn's'koho chasu Dniprov's'koho lisostepovoho Livoberezhzhya (Antiquities of Golden Horde Period in the Forest-Steppe Zone of the Left Bank of the Dnieper)*. Kiev; Poltava: "Arkheolohiya" Publ. (in Ukrainian).
- Fyodorov-Davydov, G. A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy) I*, 94—192 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 229—236 (in Russian).
- Khodzhaiov, T. K., Shvetsov, M. L., Khodzhaiov, G. K., Frizen, S. Yu. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the*

- Middle Ages* 11. Donetsk: Donetsk National University, 125—192 (in Russian).
- Khromov, K. K., Sanzharov, S. N. 2015. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* XXXI. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 299—317 (in Russian).
- Tsimidanov, V. V., Polidovich, Yu. B. 1992. *Razvedki na territorii Mar'inskogo raiona Donetskoï oblasti v 1992 g. (Field Surveys on the Territory of the Maryinka District, Donetsk Oblast, in 1992)*. Scientific Archive of the Donetsk Republican Museum of Local Studies. 1992/3 (in Russian).
- Shvetsov, M. L. 1974. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 13, 93—98 (in Ukrainian).
- Shvetsov, M. L. 1991. In Rashev R. (ed.). *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* 2. Sofia: "Arges" Publ., 109—123 (in Russian).
- Shvetsov, M. L. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. Donetsk: Donetsk National University, 97—116 (in Russian).
- Shvetsov, M. L. 2013. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 30. Donetsk, 307—318 (in Russian).
- Krasilnikov, K. 1990. Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur am nordlichen Mittel auf des Donec. In: Bălint Cs. (Hrsg.). *Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten*. *Varia Archaeologica Hungarica* III, 193—244.
- Semenov, A. I. 1994. New evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) hoard of the century ad Byzantine and Arab gold coins. In: Mfsson, V. M. (ed.). *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg: Institute of the History of Material Culture RAS, 83—85.

В. П. Кирилко

Vladimir Kirilko. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences¹.

Кирилко Владимир Петрович. Кандидат исторических наук. Институт археологии Крыма Российской Академии наук.

E-mail: kir.vlad33@gmail.com

Address: ¹Academician Vernadsky St., 2, Simferopol, 295007, Crimea

Культурная архитектура золотоордынского Крыма: версия Э. Д. Зиливинской

Keywords: Crimea, Golden Horde architecture, cult architecture, mosque, minaret, madrasah, dürbe, Christian church, E. D. Zilivinskaya

Ключевые слова: Крым, золотоордынская архитектура, культовое зодчество, мечеть, минарет, медресе, дюрбе, христианский храм, Э. Д. Зиливинская

V. P. Kirilko

Cult Architecture of the Crimea in the Golden Horde Epoch: E. D. Zilivinskaya's Version

In her monograph *Golden Horde Architecture. Part I. Cult Architecture* (Kazan: Otechestvo, 2014), E. D. Zilivinskaya focuses on the Crimean sites. Along with a presentation of buildings from the main regions of Jochi's Ulus, there searcher also communicates some separate data about mosques, minarets, madrasah, mausoleums and Christian churches on the peninsula, which are often obsolete, distorted or unreliable. The Crimean content of the monograph is based on some scarce sources, while numerous relevant archival materials and publications seem to be unknown to the author. Frequent mistakes in comments to illustrations and an attempt to offer for scientific discussion some blueprints with false graphic information about plans and orientation of the buildings should be treated as some serious shortcomings of this work. In spite of the obvious relevance of this research, an overview of the cult architecture of the Golden Horde Crimea, which is offered in this monograph, should be examined rather critically and requires a review of almost all published data.

V. P. Kirilko

Культурная архитектура золотоордынского Крыма: версия Э. Д. Зиливинской

В монографии Э. Д. Зиливинской «Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культурное зодчество» (Казань: Отечество, 2014) особое внимание автором уделено памятникам, которые находятся в Крыму. Наряду с представлением построек основных регионов Улуса Джучи, исследовательница сообщает также разрозненные сведения о мечетях, минаретах, медресе, мавзолеях и христианских храмах на территории полуострова, которые нередко являются устаревшими, искажёнными или недостоверными. Источниковая база крымского контента монографии скудная, многие архивные материалы и публикации по теме Э. Д. Зиливинской остались неизвестными. К числу серьёзных недостатков работы следует отнести частые ошибки в аннотациях к иллюстрациям, равно как введение в научный оборот чертежей с ложной графической информацией о планах и ориентации зданий. Несмотря на несомненную актуальность самого исследования, обзор культурной архитектуры золотоордынского Крыма, который представлен в монографии, должен восприниматься предельно критически и сопровождаться проверкой почти всех опубликованных данных.

Монография Э. Д. Зиливинской «Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культурное зодчество». Казань: Отечество, 2014. (228 с. + 220 с. иллюстраций) — знаменательное событие в российской медиевистике, которое не могло не остаться незамеченным (Кирилко

2016б: 280). Наиболее весомым подтверждением этому является обстоятельная рецензия видного специалиста Ф. Ш. Хузина, давшего в целом положительную оценку научному труду исследовательницы (Хузин 2016: 270—277). Среди обозначенных им относи-

■ The research is prepared under the “Interaction of Cultures and Civilizations in the Medieval Crimea”, Project of the Medieval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences ■ Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии Института археологии Крыма Российской Академии наук «Взаимодействие культур и цивилизаций в средневековом Крыму».

© В. П. Кирилко, 2019.

тельно малочисленных, но весьма важных, критических замечаний, пожалуй, самым актуальным видится следующий посыл учёного:

«На мой взгляд, несколько схематичными, поверхностными выглядят характеристика источников, привлекаемых для исследования, и состояния изученности памятников по региону: нет анализа взглядов, концепции отдельных авторов, особенно той части «библиографического массива», которая посвящена изучению архитектуры не отдельных объектов, а целого региона». При этом сам рецензент отмеченную проблему не считает «серьёзным недостатком работы» (выделено мной. — В.К.), ибо в основном текст книги Эмма Давыдовна эти концепции анализирует, соглашается с их авторами, уточняет некоторые положения или же аргументированно опровергает их» (Хузин 2016: 271). С последним выводом согласиться трудно, равно как и с тем, что значительную часть книги занимают «качественно выполненные иллюстрации, в том числе и цветные фотографии, **которые помогают** (выделено мной. — В.К.) наглядно представить важные детали и общий облик исследуемых объектов» (Хузин 2016: 275).

Крымский компонент является важной составной частью изысканий, предпринятых Э.Д. Зиливинской, занимая значительное место в сочинении. Итак, как, судя по представленным в монографии материалам — тексту и различного рода изображениям, видится её автору культовое зодчество золотоордынского Крыма и насколько оно соответствует реалиям? Следующей рубрикации, принятой исследовательницей.

Введение

Вступление состоит из двух самостоятельных частей. В первой, получившей заглавие «Вместо предисловия», в немного беллетризованной форме представлен жизненный путь исследовательницы, приведший к появлению данного научного труда, и выражена благодарность всем, кто этому содействовал. Вторая часть, собственно «Введение», даёт общее представление о содержании и главных характеристиках самой работы, затрагивая такие важные составляющие книги, как краткий исторический экскурс, определение хронологических и территориальных рамок исследования, беглый историографический обзор, представление источников и использованной литературы.

Хронологические и территориальные рамки исследования

Хронологические рамки работы автором монографии ограничены концом XIII — началом XV вв. (Зиливинская 2014а: 10—11), почему-то исключившей при этом время правления хана Берке (1257—1266), когда, согласно выводам самой же исследовательницы, собственно зарождается мусульманское религиозное зодчество в Улусе Джучи (Зиливинская 1998: 18). Как следствие, за пределами изысканий осталась самая ранняя, из числа известных сейчас, крымская монументальная постройка золотоордынского времени — мечеть в столице юрта, которая является ключевым объектом для понимания начального этапа культурной архитектуры региона и её эволюции. По свидетельству турецкого путешественника Эвлии Челеби, она находилась в центральной части города, рядом с рынком, и была сооружена по приказанию Бея-Хаджи Умара эль-Бухари в месяце зюль-када 661 г. х. (= 1262/63 гг.) (Челеби 2008: 168). Справедливости ради следует отметить, что беглое упоминание этой постройки в книге всё-таки имеется. Правда, Э.Д. Зиливинская сообщает о ней вскользь, с опосредованной ссылкой на М.Г. Крамаровского — «первая квартальная мечеть в Солхате появляется в 1263 г.», причём трактуя её исключительно как объект благочестия и без какого-либо анализа исходной информации (Зиливинская 2014а: 61).

Географические рамки крымской части исследования автором монографии чётко не обозначены (Зиливинская 2014а: 11). Данное обстоятельство, в свою очередь, не позволяет получить цельное и полноценное представление о культовой архитектуре этой окраины Улуса Джучи, соседствовавшей здесь, в замкнутом пространстве, с государственными структурами христиан разных конфессий, принадлежавших к православной, католической и армянской апостольской церквям. Граница между собственно золотоордынскими землями, располагавшимися преимущественно в степных районах полуострова, и в той или иной степени подвластной им территорией, принадлежавшей Генуэзской Газарии и Феодоро, условно проходила по горным хребтам и р. Кача, которые естественным образом отделяли южное побережье и нагорье от равнинной зоны (Егоров 1985: 46, 56, 87—88; Крамаровский 2009в: 436—448). Как следствие, формирование архитектурной среды крымского юрта происте-

кало в тесном взаимодействии всех, обуславливающих его характер, природных, этнических, политических и культурных факторов, что, к сожалению, не нашло должного отражения в монографии. В частности, вне исследования осталось культовое зодчество иудейских общин, одна из которых, например, занимала отдельный квартал в Солхате и имела там капитальное молитвенное здание, сохранившееся до наших дней в виде руин (Крамаровский 1989: 147—148, рис. 2; Кирилко 2016а: 484, рис. 407).

Источники и историография исследования

Основным, причём единственным, где упомянут Крым, источником для написания данной работы, по утверждению Э. Д. Зиливинской, «явились результаты археологических раскопок, большая часть которых опубликована» (Зиливинская 2014а: 12). Последнее не бесспорно (Кирилко 2016б: 279). Что касается самих изысканий на территории региона, автором монографии особо выделяются исследования Солхата, начало которым, с её слов, было положено в 20-е годы XX в., одновременно с активным изучением других архитектурных и археологических памятников, в частности, Чуфут-Кале и Бахчисарая, затем в 1978 г. работы в Старом Крыму продолжила экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского, действующая до настоящего времени (Зиливинская 2014а: 12, 14). На самом деле, не всё столь однозначно (Кирилко 2016б: 279—282).

История изучения золотоордынской архитектуры Крыма насчитывает почти два с половиной века и, будучи неотъемлемой составной частью всей совокупности знаний, накопленных в результате исследования местного культурного наследия, имеет периодизацию во многом тождественную той, что получила своё отражение и научное обоснование в многочисленных специальных изысканиях на примере старокрымских древностей (Ломакін 2014: 14—16), которые для региона являются ключевыми, но почему-то Э. Д. Зиливинскую не заинтересовавшие.

Хронологические рамки первого этапа охватывают последнюю четверть XVIII — начало XX вв. В это время предпринимаются небезуспешные попытки идентификации и описания уцелевших памятников мусульманской архитектуры (труды В. Д. Смирнова, А. И. Маркевича, А. Л. Бертье-Делагарда и др.), которые, увы, Э. Д. Зиливинской остались неизвестными, по крайней мере, в мо-

нографии они не упоминаются (Зиливинская 2014а: 193—211); осуществляется графическая фиксация отдельных сооружений (рисунки М. М. Иванова, Жака Бальгазара де Траверса и В. Руссена, запечатлевшие руины солхатского медресе, а также вычерченный И. Лютовым план, на котором обозначены все постройки г. Старый Крым; снимки А. Л. Бертье-Делагарда, И. Ф. Барцевского) — исследовательницей в книге использован только один из упомянутых иконографических источников, представленный ею в виде репродукции с вымышленной аннотацией (Зиливинская 2014а: рис. 70: 2).

Второй этап приходится на 20-е годы XX в. Начато повсеместное архитектурно-археологическое изучение основных памятников региона, сопровождаемое тщательными обмерами, зарисовками и фотосъёмкой (раскопки И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова, П. И. Голландского, О. А. Акчокраклы, У. А. Боданинского, Б. Н. Засыпкина, Н. Л. Эрнста). Графические материалы экспедиций 1924—1928 гг., до недавнего времени считавшиеся утраченными, в большинстве своём удалось разыскать и издать, хотя местонахождение ряда документов пока ещё не установлено (Кирилко 2005—2009: рис. 3—11; 2011; Ломакін 2015: 524—525; Мирас-Наследие 2016). Наряду с публикацией отдельных сведений информационного и искусствоведческого характера о самих сооружениях, в научный оборот впервые был введён обобщающий, частично затрагивающий также постройки XIV—XV вв., обзор архитектуры крымских татар (Засыпкин 1927), который не утратил свою значимость до сих пор.

Третий этап начинается во второй половине 40-х годов XX в. и продолжается до настоящего времени: происходит постепенное возрождение интереса к золотоордынским памятникам региона и становление отрасли, в 1978 г. возобновляются археологические раскопки (экспедиции О. И. Домбровского, М. Г. Крамаровского, М. А. Фронджуло, В. В. Майко), осуществляется целенаправленное архитектурное изучение строительных остатков отдельных сооружений (реставрационные проекты В. Ф. Маркузона, В. П. Кирилко), выборочно публикуются полученные результаты. Материалы полевых исследований в большинстве своём в научный оборот не введены, а доступ специалистов к ним ограничен.

Наряду с единичными изданиями, посвящёнными непосредственно архитектуре Крыма, в которых золотоордынская составляю-

щая обычно рассматривается фрагментарно и с использованием устаревшей, нередко ошибочной, информации (Крикун 1998; Кирилло 2001: 1088—1090; Годованюк, Трегубова 2010: 51—52, 71—81), появляются также обобщающие труды, где этот компонент, отличаясь разной степенью проработки, присутствует уже в качестве неотъемлемой части строительной культуры всего Улуса Джучи, — в их числе теперь и монография Э.Д. Зиливинской (Измайлов, Саттарова 2009; Кирилло 2013; 2016а; Зиливинская 2014а).

Основной научный источник, непосредственно связанный с археологическим изучением памятников золотоордынского Крыма, на самом деле, Э.Д. Зиливинской при написании книги напрямую почти не используется. Ей действительно удалось поработать с несколькими научными отчётами М.Г. Крамаровского о раскопках Солхата, но, судя по отсутствию в тексте монографии конкретной информации, почерпнутой оттуда, и подробных ссылок на них, а также по представленным в списке архивных материалов сведениям, надо полагать, это ознакомление было исключительно поверхностным. По крайней мере, в трёх последних позициях перечня вообще не указан инвентарный номер хранения документов, как, впрочем, вызывают недоумение сами их, немного замысловатые и явно вымышленные, названия — «Отчет о полевых исследованиях 1991 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году» и т.п. Более того, при перечислении архивных материалов данные по отчёту за 1980 г. ею упомянуты дважды, но под разными наименованиями, одно из которых почему-то совмещено с позицией другого автора — А.А. Глухова (Зиливинская 2014а: 209).

Остальные, достаточно многочисленные и на законном основании доступные (Від редакції 2006: 106), научные отчёты об археологических раскопках других культовых сооружений золотоордынского Крыма, как мусульманских, так и построек иных вероисповеданий, Э.Д. Зиливинской для изучения темы не привлекаются и даже не упоминаются.

В целом, источниковая база крымского компонента монографии скудная, образована преимущественно материалом, основной частью которого автора, следуя весьма выразительной лексике самой исследовательницы, «снабдил» М.Г. Крамаровский, а также «помогли со сбором» В.Е. Науменко и В.В. Май-

ко (Зиливинская 2014а: 8). При этом, судя по содержанию работы и списку использованной литературы, создаётся впечатление, что Э.Д. Зиливинской в большинстве своём остались неизвестными не только редкие издания, но даже легкодоступные ключевые публикации непосредственных исследователей памятников (Крамаровский 1990; 1997; 2012; Кирилло 2008; 2009; 2011), причём одну из них, посвящённую как раз золотоордынской архитектуре Крыма (Кирилло 2013), и о существовании которой автор не могла не знать (поскольку в том же сборнике находится и её статья), она, видимо, попросту проигнорировала. Более того, в историографическом обзоре результаты многолетних работ ведущего специалиста по золотоордынскому Крыму М.Г. Крамаровского, как ни странно, автором книги представлены всего тремя публикациями (Зиливинская 2014а: 14), что никак не соответствует реальному, достаточно весомому, вкладу этого учёного в изучение архитектурных древностей Солхата (Список трудов 2013: 548—567). В самом же перечне литературы, прилагаемом к монографии, упоминаний его научных трудов не намного больше — всего пять позиций (Зиливинская 2014а: 200). При этом ряд немаловажных работ учёного, посвящённых исследованию непосредственно культовых объектов Солхата (православного храма, мавзолеев, зиаретов и др.), а также предметному рассмотрению проблем зодчества в золотоордынском Крыму (Крамаровский 1995; 2004; 2012), похоже, Э.Д. Зиливинской остались неизвестными.

Использованная литература

Поскольку, по мнению автора книги, в этом разделе невозможно дать «полную характеристику всей использованной при написании данной работы литературы», Э.Д. Зиливинской выделены лишь «основополагающие работы». Крымский контекст ею представлен всего-навсего одним автором — А.Л. Якобсоном, который «большое внимание уделял архитектуре средневекового Крыма» (Зиливинская 2014а: 15), что бесспорно, однако, по меньшей мере, две из восьми упомянутых при этом его публикаций (одна — по истории зодчества Армении V—XVII вв., вторая — о раннесредневековом Херсонесе) непосредственного отношения к теме монографии не имеют, причастность остальных, исключая единичные издания, довольно относительная, а ещё одна, обозначенная ею как «Якобсон 1959б», вообще отсутству-

ет в перечне литературы и источников (Зиливинская 2014а: 207).

Вместе с тем, даже беглое ознакомление со списком литературы, использованной исследовательницей в работе над сочинением (Зиливинская 2014а: 193—209), даёт основание для вывода о значительных библиографических лакунах. Не менее странной является также сама манера представления ряда публикаций. Например, недоумение вызывает трижды предпринятое ею выделение в качестве источника коллективной монографии целиком — 3, 4 и 8 томов «Всеобщей истории архитектуры» (Зиливинская 2014а: 197), в создание которых вложен труд многих специалистов, и, как следствие, обычная ссылка на данную позицию (Зиливинская 2014а: 70—72, 83, 147, 152, 156, 157, 306) не позволяет получить достоверную информацию о том, какой именно автор и какое исследование конкретно имеются в виду¹. Подобная ситуация складывается также и по отношению к другим коллективным научным трудам, как то: «Искусство Азербайджана» и «История татар с древнейших времен», причём третий том последней в списке литературы представлен с существенно искажёнными сведениями о самом источнике, ибо, на самом деле, он посвящён Улусу Джучи (Золотой Орде) XIII—XV вв., но никак не Волжской Булгарии и Великой Степи (Зиливинская 2014а: 199).

Письменный источник XVII в. — «Книга путешествия» Эвлии Челеби с рассказом о посещении Крыма, где содержатся уникальные сведения о золотоордынских постройках региона, претерпел несколько переизданий на русском языке (Книга путешествия 1999; Челеби 2008; и др.), однако при этом Э. Д. Зиливинской он почему-то остался недоступен и применяется ею исключительно опосредованно — в интерпретации А. П. Григорьева (Зиливинская 2014а: 197) и в виде беглых упоминаний М. Г. Крамаровского (Зиливинская 2014а: 61).

Публикации многих авторов, исследования которых являются важными для изучения культурной архитектуры золотоордынского Крыма, Э. Д. Зиливинской не используются. Достаточно назвать несколько специальных, как относительно новых, так и давно вве-

дённых в научный оборот работ. Например, к их числу принадлежит брошюра архитектора Е. В. Крикуна «Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII—XX вв.)», которая была напечатана ещё в 1998 г. и выдержала несколько переизданий (Крикун 1998). К содержанию самого исследования можно относиться по-разному, но игнорировать его никоим образом нельзя (Кирилко 2016б: 281, рис. 1). Историко-теоретические аспекты типологии общественных зданий мусульманской архитектуры Крыма XIII—XVIII вв. рассмотрел в своей диссертации Ю. Г. Сющук, защиту которой в 2002 г. предваряла публикация целой серии его работ, в частности, посвящённых изучению крымских медресе, караван-сараяв, мавзолеев и т. д. (Сющук 2002: 15—16). В 2007 г. появилось квалификационное исследование М. Ю. Сапуновой, также представленное на соискание учёной степени кандидата архитектуры и определённым образом дополненное предыдущее — «Архитектурно-композиционные приемы мусульманских общественных зданий Крыма XIII—XVIII вв.», отдельные положения которого автором давно введены в научный оборот (Сапунова 2007: 18). Необходимо отметить ещё одну диссертацию, оставшуюся невостребованной Э. Д. Зиливинской при подготовке монографии, что заметно сказалось на качестве последней. Имеется в виду научная работа Д. А. Ломакина, ставшая первым комплексным исследованием истории изучения мусульманских памятников Старого Крыма периода Золотой Орды, успешная защита которой, правда, состоялась лишь в 2014 г., однако ей предшествовали многочисленные публикации по теме, всего четырнадцать наименований, изданные в период с 2010 по 2013 гг. (Ломакин 2014: 16—18).

Пожалуй, стоит обратить внимание ещё на две работы, посвящённые изучению мечети в Судакской крепости и также оставшиеся неизвестными Э. Д. Зиливинской. Одна из них принадлежит архитектору Е. И. Лопушинской, которая осуществила исследование строения перед реставрацией 1962—1968 гг., позволившее ей «установить очерёдность строительства отдельных элементов здания и определить истинную атрибуцию сооружения» (Лопушинская 1991: 63—69). Большую ценность имеют введённые в научный оборот наблюдения А. И. Опочинской и обмеры мечети 1946 г., выполненные ею и студентками МАРХИ во время работы экспедиции под руководством В. Ф. Маркузона, в частности, хотя бы потому, что оба упомянутых спе-

¹ Пределом безответственности автора монографии, пожалуй, является ссылка в подписи к одной из иллюстраций, которая содержит 13 пронумерованных самостоятельных изображений — «(по ВИА, О. И. Ионяну, А. Л. Якобсону)» (Зиливинская 2014а: 306, рис. 79).

циалиста были архитекторами (Опочинская 1986: 261—264).

Не менее зияющая библиографическая лакуна в монографии образовалась также при представлении христианских культовых построек золотоордынского Крыма, но её рассмотрение уместно соотносить с самими памятниками, которые выделены в самостоятельный раздел.

Не избежала Э.Д. Зиливинская соблазна, обычно свойственного нерадивым студентам — использования чужих, непроверенных, ссылок на литературные источники, которые заимствуются у других авторов, но при этом выдаются за свои собственные. Показателен пример с публикацией, представленной в списке литературы как «Артеменко А. А. Крымская область // Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 2. (Ред. Игнаткин И. А.). Киев, 1985» (Зиливинская 2014а: 34, 193). Признаю — *mea culpa!* Ошибка в своё время была допущена мной (Кирилко 2012: 261, 276, 295), а Э.Д. Зиливинская всего-навсего лишь старательно её повторила, даже не удосужившись заглянуть в первоисточник. На самом деле автором данной статьи является А. А. Артёмов (Артемов 1985: 260—333). Возможно, подобными причинами вызваны неточности, ошибки и искажение сведений в наименованиях некоторых других публикаций, представленных в списке литературы, — например, У. А. Боданинского (Зиливинская 2014а: 195), где явно перепутаны даты и номера сборников.

Слабая обеспеченность монографии полноценной научной информацией, прежде всего, из-за отсутствия непосредственной работы со многими публикациями по теме, в сочетании с довольно поверхностным, не без предвзятости, отношением её автора к достоверным свидетельствам и несколько бесцеремонным обращением с источниками, в конечном итоге обусловили появление в книге многочисленных лакун, как, впрочем, искажённых сведений и ложных выводов, способствуя, в частности, распространению чужих ошибок, что при ознакомлении с содержанием данного научного труда, к сожалению, наблюдается довольно часто. Ощутимо усугубляют впечатление от монографии многочисленные грамматические ошибки, нередко не только искажающие смысл слов — «фортификация», «метрополия» (Зиливинская 2014а: 65, 195), но также, что особенно печально, уродующие инициалы и фамилии отдельных авторов — «О. И. Ионесян», «В. П. Кирилло», «Т. F. Riabaia» (Зиливинская 2014а: 71, 306, 319, 389).

Культовые здания

Глава 1. Мечети

Представление мусульманских культовых сооружений региона исследовательницей начинается с фрагментарно уцелевшей мечети Узбека в главном населенном пункте юрта — городе Крым (Солхат), тогда как, согласно письменным источникам, известно, по меньшей мере, ещё три, предшествовавших той, местные постройки, которые хотя до сих пор не локализованы, но в документах содержатся отдельные небезынтересные сведения об их архитектурно-конструктивных особенностях и датах.

Прежде всего, это мечеть Бея-Хаджи Умара эль-Бухари, сооружённая рядом с рынком в месяце зю-ль-када 661 г. х. (= 1262/63 гг.) (Челеби 2008: 168). Есть основание предполагать, что её возведение было осуществлено при непосредственном участии мастеров из Средней Азии и, возможно, с использованием характерных для зодчества той архитектурных форм и конструкций (Кирилко 2013: 84).

О второй мечети известно, что для её постройки египетским султаном Эльмелик-Эльмансуром (1280—1290) в 687 г. х. (= 1287/88 гг.) были посланы в Крым более 2000 динаров, множество разных припасов, а также каменотёс, чтобы иссечь и расписать красками титулы заказчика на здании (Золотая Орда 2003: 167—168, 194). Помимо упомянутого мастера, достаточно большой представляется вероятность участия в строительных работах и других иноземных специалистов. Имеются неподтверждённые сведения о том, что сооружение данной мечети могло быть начато египетским султаном Бейбарсом (1260—1277), а в её убранстве якобы применялись мрамор и порфир (Кирилко 2013: 84—85).

О существовании ещё одной культовой постройки свидетельствует найденная на территории г. Старый Крым плита неправильной формы из чисто белого мрамора, на лицевую поверхность которой нанесена арабская надпись. Эпиграфический источник сообщает о восстановлении какой-то мечети в 709 г. х. (= 1309 г.), связывая его с именем Шемс-эддина, сына Рамана (Рамаза?) (Маркевич 1892: 128—129). И. Ю. Крачковский, сравнив находку с надписью мечети Узбека, относящейся приблизительно к тому же времени, сомневается в выводах А. И. Маркевича и считает: «Самая форма надписи позволяет думать, что она является или простым упражнени-

ем мастера или была забракована заказчиком и никогда не служила в качестве строительной» (Крачковский 1924: 667). Даже если это и так, то содержание надписи в любом случае свидетельствует о намерении запечатлеть конкретное событие — ремонт некоей мечети в 1309 г.

Нарративные источники сообщают ещё об одной мечети средневекового Солхата, возможно, того же времени — Муск-Джами, которая точно не датирована и до сих пор не локализована, хотя известно, что она находилась «у внутренней стороны Кефенских ворот Крымской крепости» (Книга путешествия 1999: 84)². Согласно легенде в изложении Эвлии Челеби, её распорядился построить некий очень богатый местный купец, пожертвовавший для подтверждения своего имущественного статуса десятью кантарами пряностей. Легенда интересна технологическими деталями, как то: упоминанием рытья фундамента и использования при возведении стен известкового раствора и глины, а также грязевого замеса с мускусом и амброй (Книга путешествия 1999: 84). Немного иную интерпретацию данная история получила у Сейид Мухаммед Риза, но и она подтверждает применение глины в качестве вяжущего раствора для кладки (Смирнов 2005: 98).

Самая известная мечеть Солхата, соотносимая с именем золотоордынского хана Узбека (1313—1342), сохранилась частично и в настоящий момент представлена фрагментарно — порталом с датированной надписью и отдельными, предположительно, первоначально принадлежавшими ей архитектурными деталями, прежде всего, михрабом и шерфе от минарета, а также, возможно, аркадой, которые были вторично использованы при восстановлении здания на новом месте в конце XV — начале XVI вв. (рис. 1—5) (Крамаровский 1980: 290; 2012: рис. 50, 51; Кирилко 1991; 2009: 192—196; рис. 2; 2011: рис. 55, 70; 2013: 85—88; 2015а; 2015б: 524—550, рис. 14; 2016а: 425—432). При этом она является неотъемлемой составной частью исторически сложившегося комплекса из двух разновременных сооружений с общей стеной — медресе Инджи-бей Хагун 733 г.х. (= 1332/33 гг.) и пристроенной к нему позд-

нее, собственно, этой мечети, при возведении которой в качестве споллий применены архитектурные детали от первоначального строения 714 г.х. (= 1314 г.), до сих пор не найденного (Кирилко 2016г: 161—164).

Представление памятника Э. Д. Зиливинская начинает с ошибки, сообщая, что здание мечети примыкает к медресе «с южной стороны» (Зиливинская 2014а: 30), тогда как оно пристроено с севера. Некорректным является её утверждение со ссылкой на публикацию О. Акчокраклы: «мечеть построена по велению Узбека в 1314 г.» (Зиливинская 2014а: 30), ибо содержание надписи на портале, согласно переводу упомянутого исследователя, несколько иное, и там речь идёт лишь о том, что произошло это «в дни царствования великого хана Мухаммеда Узбек хана», но без указания на то, кем именно было повелено (Акчокраклы 1927: 16). Причём нельзя исключать вероятности того, что на самом деле возведение этой мечети здесь, на окраине Золотой Орды, было заслугой, видимо, не так хана Узбека (1313—1342), как, прежде всего, главного инициатора его восшествия на престол и обращения в ислам, а также наиболее преданного из эмиров — Кутлук-Тимура, бывшего тогда наместником «в землях Румских», откуда тот вполне мог направить для участия в работах опытного архитектора, а само строительство обеспечить необходимыми мастерами и материалами (Кирилко 2013: 85).

Невзирая на позднюю дату сооружения — «рубеж XV—XVI вв.», исследовательница считает, что данную мечеть «вполне можно рассматривать как произведение золотоордынского зодчества», поскольку, по мнению М. Г. Крамаровского, «она не была отстроена заново, а только перенесена на новое место у северной стены медресе» (Зиливинская 2014а: 30), но это, по меньшей мере, некорректно, а по сути, неверно, ибо возведение той приходится на начало османского периода мусульманской архитектуры Крыма. Несмотря на отдельные характерные черты сельджукского стиля, которые обусловлены, в частности, объёмно-плановой структурой первоначального строения, а также использованием архитектурных споллий (михраб, портал, опоры аркады) из более ранних золотоордынских построек города, мечеть в целом и некоторых деталях (арка портала, завершение минарета) уже демонстрирует влияние новых архитектурных тенденций, хотя и представленных в несколько адаптированном виде (Кирилко 2009: 198). Вторичное использование в постройке конца XV — начала XVI вв. отдельных, перемещённых, фраг-

² Обычно с Мускусной мечетью отождествляются руины неизвестной средневековой постройки, расположенной на смежной территории нескольких частных домовладений по ул. Садовой и Котовского (Гаврилов, Майко 2014: 140—143), что ошибочно, ибо они находятся в центральной части города и имеют иные конструктивные особенности.

ментов XIV в. не даёт основания считать т.н. мечеть Узбека произведением золотоордынского зодчества, с чем, надо полагать, автор монографии не согласна (Зиливинская 2014а: 41, 43).

Не меньшее возражение вызывают также иные свидетельства, постулаты и характеристики, употреблённые Э.Д. Зиливинской при описании мечети:

«В 1980—1983 гг. на памятнике были проведены раскопки экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского» (Зиливинская 2014а: 30). Археологическое изучение мечети осуществлялось в 1978—1980 гг. и 1987—1988 гг. (Крамаровский 1980: 290—291; 1981: 265; 2014: 144—145; Ломакин 2015: 139—142).

«Здание мечети, как и остальные постройки Солхата, сложено из отесанных каменных блоков и рваного камня. Южной его стеной является северная стена медресе: восточная и западная стены не имеют с ней перевязки» (Зиливинская 2014а: 30). Здание имеет три чётко выраженных строительных периода (конец XV в., 918 г.х. = 1512/13 гг., рубеж XIX—XX вв.), каждый из которых отличается присущими только ему конструктивными и технологическими особенностями. При возведении мечети на участке сооружения между собой соединялись, северная стена медресе подверглась почти полной разборке, а взамен здесь появилась новая кладка — собственная, южная стена мечети (рис. 1). Она на 0,15 м толще первоначальной конструкции и составляет в сечении около 1 м. Данное увеличение было вызвано необходимостью включения в стену михраба, вторично используемого изделия с заданными габаритами. В первом и втором строительных периодах кладки обеих продольных и южной стен между собой были перевязаны, в третьем — они действительно соединены встык (Кирилко 2009: 190, рис. 2).

«Капители колонн украшены резьбой по камню в виде пальметок и растительных побегов, а две колонны перед михрабом стоят на богато украшенных базах» (Зиливинская 2014а: 31). Колонны имели кубовидные базы и капители, украшенные сталактитами разной формы (рис. 4; 5). Что касается растительных побегов, то их там нет и в помине, если, конечно, таковыми не считать нанесённые краской декоративные мотивы на стволах колонн, появившиеся с ремонтом мечети в 1512/13 гг. (Кирилко 2009: 195; 2015б: 538, рис. 33; 34).

«Колонны поддерживают стропильное перекрытие и двускатную черепичную крышу»

(Зиливинская 2014а: 31). Колонны являются промежуточными опорами двух внутренних аркад, и перекрытие, которое было балочным (стропильную конструкцию имела крыша), они непосредственно не поддерживают (рис. 4; 5).

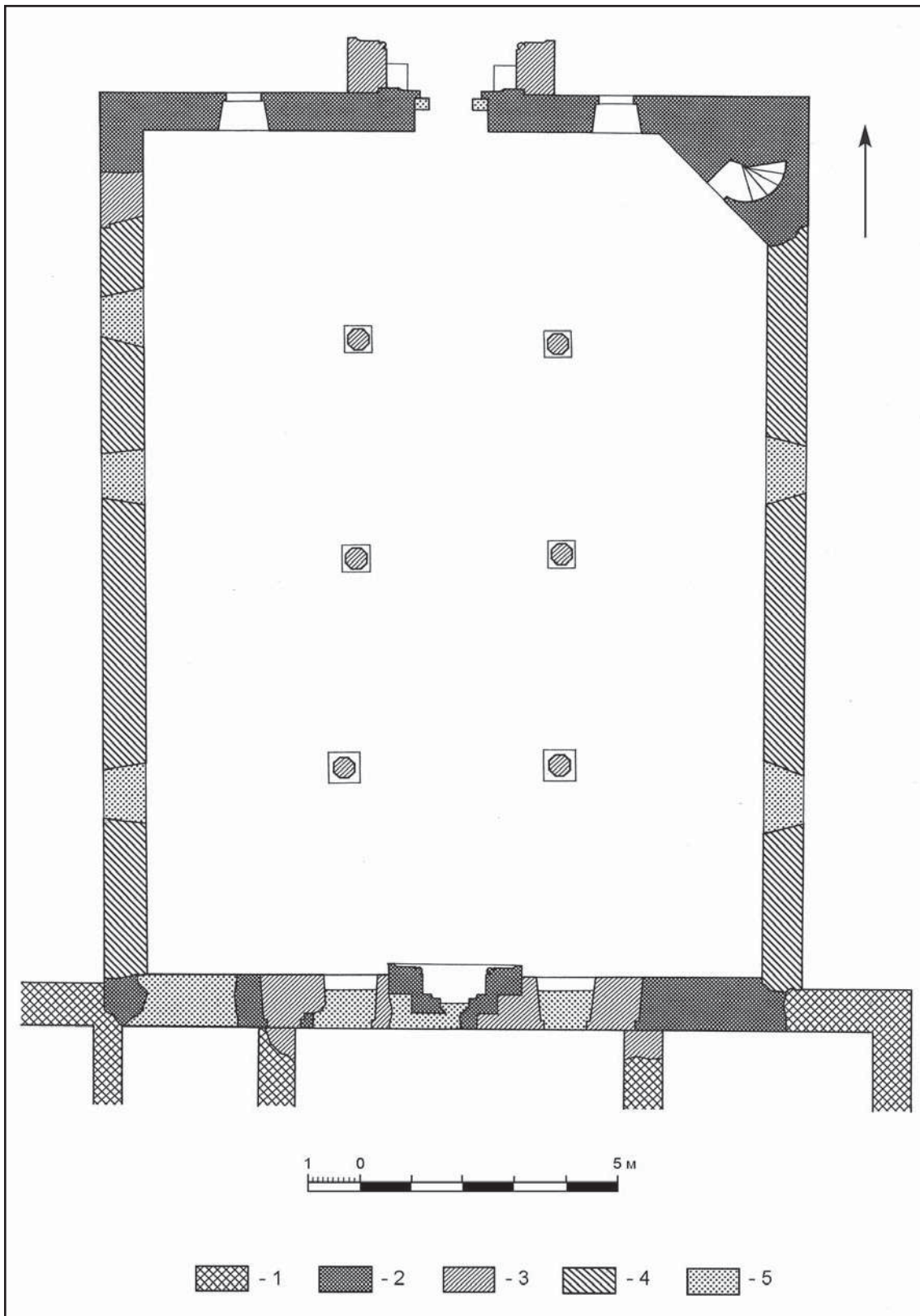
«К южной стене мечети приставлен роскошный резной портал прямоугольной формы» (Зиливинская 2014а: 31). Портал никак не мог быть приставлен к южной стене, поскольку вход в мечеть расположен с северной стороны здания (рис. 1—3).

«Верхняя часть портала оформлена нишей подтреугольной формы, заполненной сталактитами из ганчевых элементов» (Зиливинская 2014а: 31). Данная информация не соответствует действительности, ибо все детали сталактитовой конхи портала каменные, выполнены из тщательно обработанного известняка (рис. 2).

«По сторонам от входа на базах в виде ламп стоят полуколонны с двухъярусными капителями, украшенными растительными побегими» (Зиливинская 2014а: 31). На самом деле, упомянутые опоры трёхчетвертные и имеют основание в виде усечённого конуса, украшенного растительным декором (рис. 2).

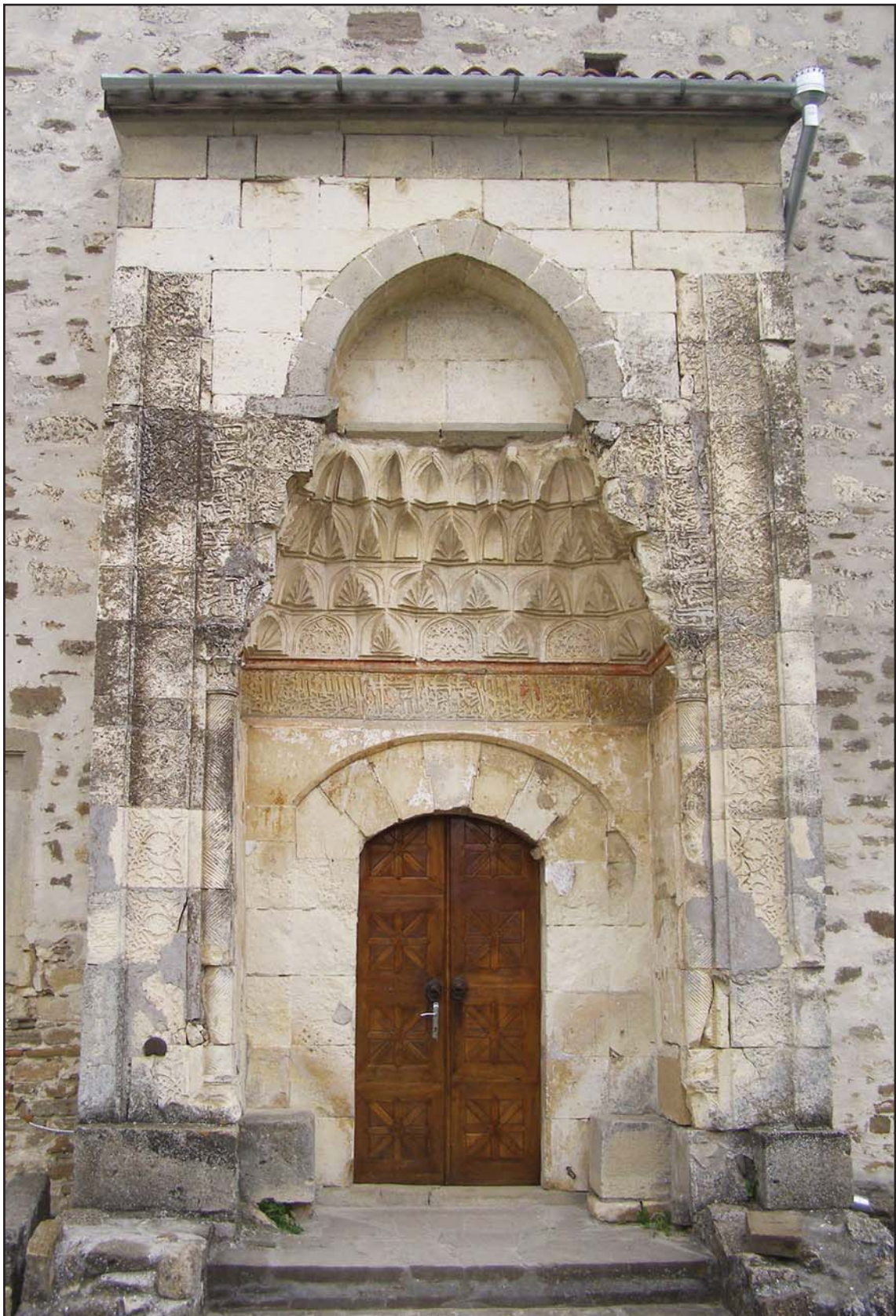
«Портал обрамлён широким резным фризом, а над полуаркой входа расположена надпись, в которой кроме года постройки и прославления Узбека упоминается имя строителя или архитектора Ибрагима аль-Ирбили, выходца из Ирака» (Зиливинская 2014а: 31). Во-первых, использованная здесь перемычка дверного проёма является полноценной аркой, которая обычно называется сегментивной, сегментной или лучковой (Башкиров 1926: 112; Уайт, Робертсон 2003: табл. 2: 13). Во-вторых, Ибрагим аль-Ирбили никак не мог быть строителем или архитектором этой мечети, ибо в надписи указано имя его сына — Абдул-Азис ибн Ибрагим аль-Ирбили (Кемаль 1927: 203).

«Михраб мечети имеет ту же структуру, что и портал, но украшен богаче» (Зиливинская 2014а: 31). Архитектоника упомянутых сооружений была различной, так как обуславливалась их назначением. В отличие от сильно вынесенного наружу портала с двумя массивными пилонами и проходом между ними, михраб лишь немного выступает из плоскости стены и представляет собой двойную нишу с прямоугольным наличником, каждый из уступов которой завершался сталактитовой конхой (рис. 1). Оба сооружения имели изысканную резную отделку, поэтому вывод о том, что михраб «украшен богаче», несколько некорректен, ибо первоначальный портал

Рис. 1. План т.н. мечети Узбека. Картограмма строительных периодов. Условные обозначения кладок: 1 — медресе; 2 — первого строительного периода; 3 — второго строительного периода; 4 — третьего строительного периода; 5 — современных ремонтных дополнений (по Кирилло 2009: рис. 2).

Fig. 1. Plan of the so-called Uzbek's mosque. Period of construction cartogram. Legend for masonry: 1 — madrasah; 2 — first period of construction; 3 — second period of construction; 4 — third period of construction; 5 — modern additions after renovation (after Кирилло 2009: рис. 2).

Рис. 2. Северный фасад портала т.н. мечети Узбека. Общий вид с севера. 2012 г. (по Кирилко 2015б: рис. 2).

Fig. 2. Northern façade of the portal of the so-called Uzbek's mosque. General view from the north. 2012 (after Кирилко 2015б: рис. 2).

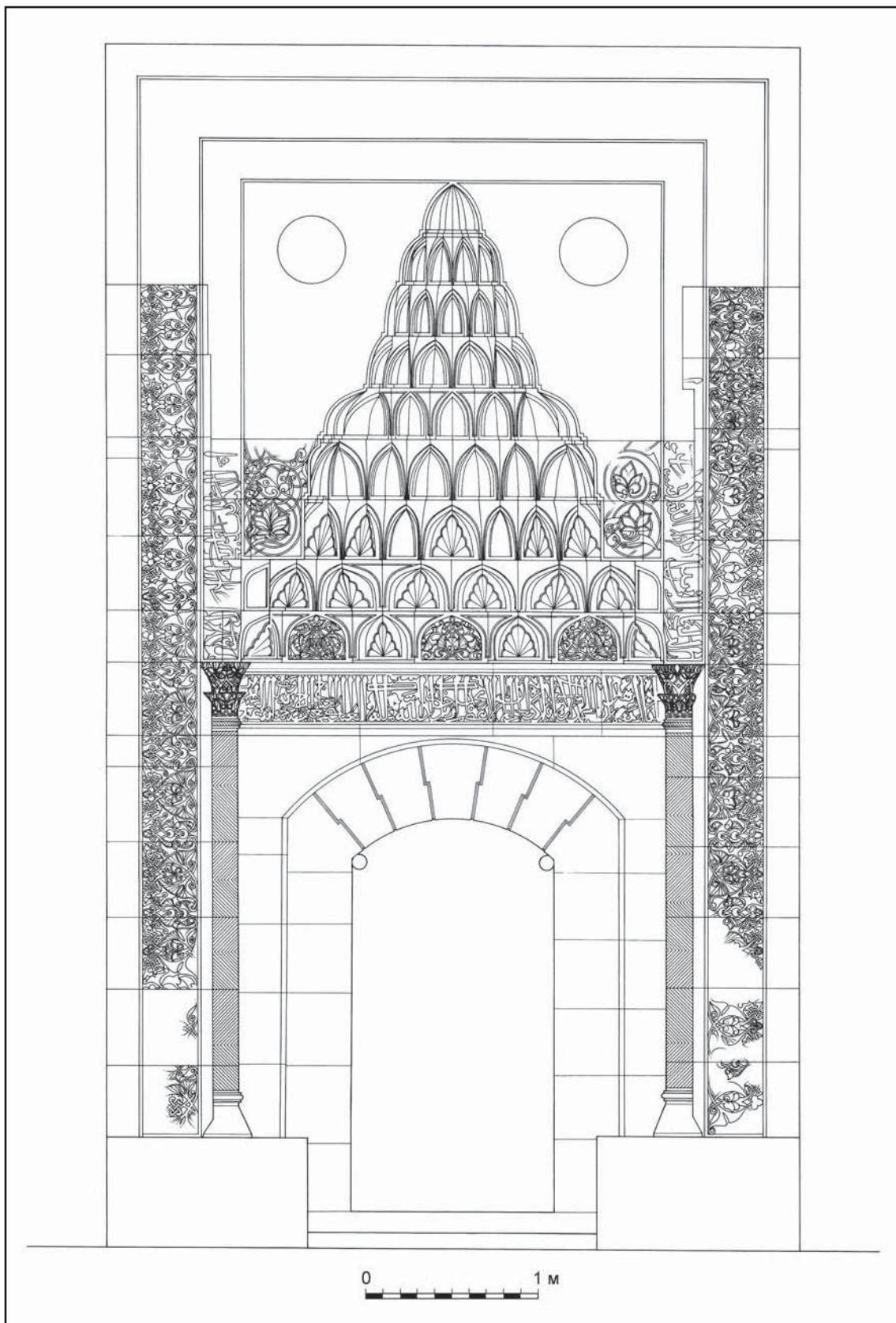

Рис. 3. Северный фасад портала мечети Узбека. Реконструкция (по Кирилло 2015б: рис. 13).

Fig. 3. Northern façade of the portal of the Uzbek's mosque. Reconstruction (after Кирилло 2015б: рис. 13).

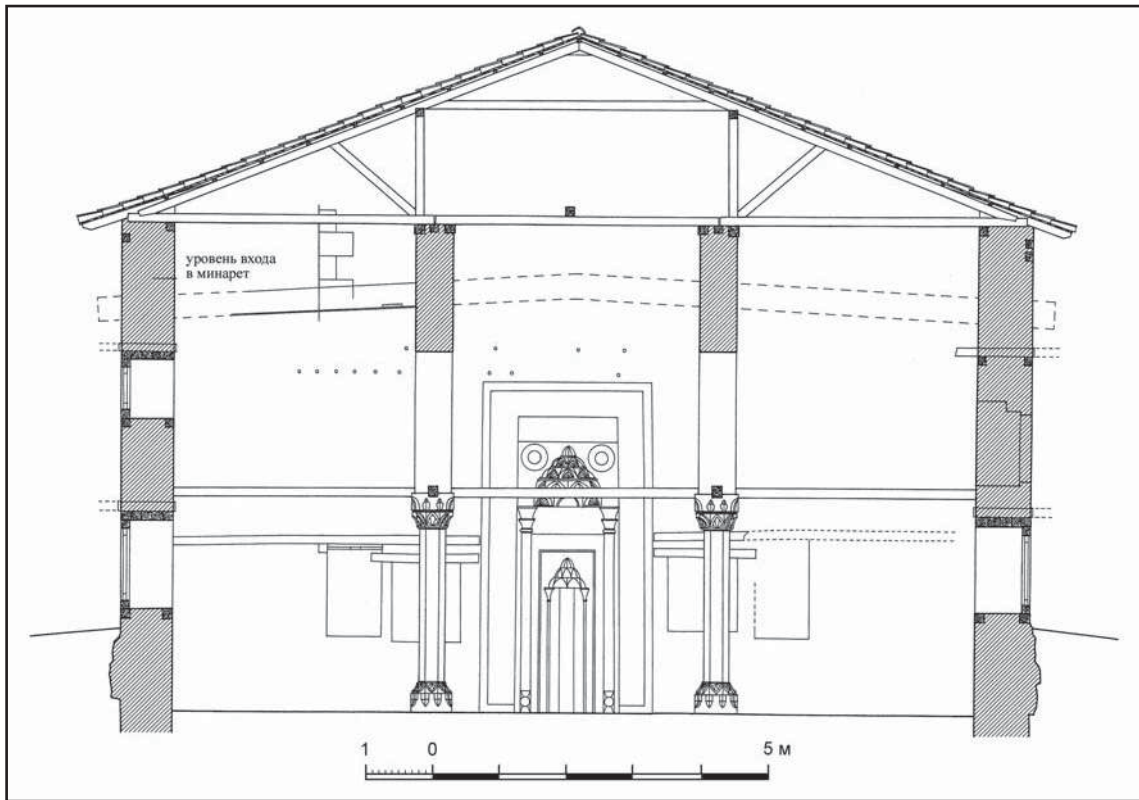

Рис. 4. Поперечный разрез т.н. мечети Узбека. Вид с севера (по Кирилло 2015в: рис. 18).

Fig. 4. Cross-cut of the so-called Uzbek's mosque. View from the north (after Кирилло 2015в: рис. 18).

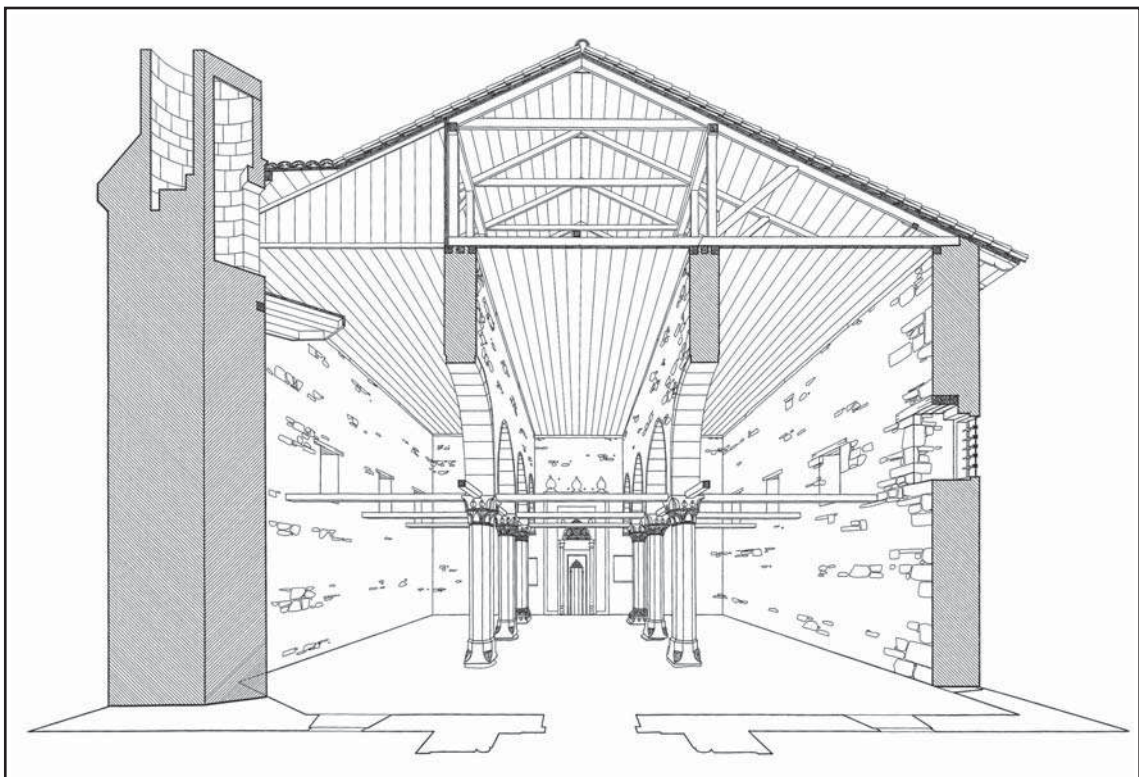

Рис. 5. Внутреннее пространство т.н. мечети Узбека во втором строительном периоде. Реконструкция (по Кирилло 2015в: рис. 46).

Fig. 5. Interiors of the so-called Uzbek's mosque in the second period of construction. Reconstruction (after Кирилло 2015в: рис. 46).

в настоящее время почти на треть утрачен (рис. 2; 3).

«Сталактитовая ниша (михраба. — В. К.), как бы поддерживаемая витыми полуколоннами с двухъярусными капителями и базами в виде ламп, повторяются здесь дважды» (Зиливинская 2014а: 31). Наружные края обоеих сводов на углах поддерживались трёхчетвертными колонками с рифлёной наискось, под жгут, поверхностью. Передние опоры действительно имели двухъярусные капители и базы в виде ламп, которые являются характерными для архитектурного декора золотоордынского Крыма, при этом несколько упрощённые формы дальних деталей сильно повреждены и однозначному определению не поддаются (Кирилко 2013: 86, рис. 3).

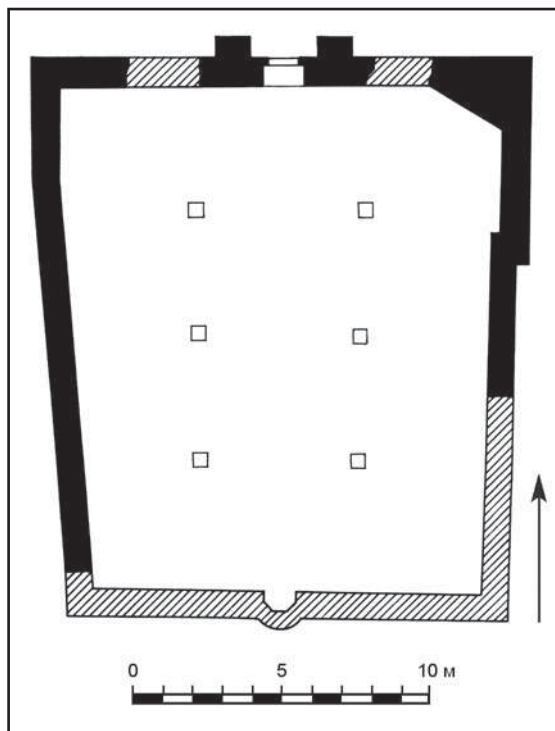
Отмеченные недостатки в большинстве своём имеют давнюю историю, и свойственны они не только представленному Э. Д. Зиливинской описанию памятника, но присутствию также остальным её работам о других, причём не только мусульманских, постройках региона, на которые та обратила своё внимание. В этом плане особенно показательна серия из целых шести научных трудов исследовательницы, посвящённых рассмотрению одной и той же темы — культурной архитектуры Золотой Орды, в которых отдельным блоком представлены мечети Крыма (Зиливинская 1998: 27—29; 2009: 364—370; 2011: 23—25; 2014а: 30—35; 2014б: 54—61; 2014в: 175—193). Как ни парадоксально, но содержание упомянутого контента за прошедшее, весьма продолжительное, время существования данных публикаций особых изменений почти не претерпело, характерными являются и многочисленные ошибки, которые с завидным постоянством кочуют из одного её сочинения в другое (Кирилко 2014: 222—223; 2015а: 259—250). Более того, ряд из них, связанных с собственно мечетью Узбека, а именно, описание ниши портала со сталактитами из ганчевых элементов, полуколонны с базами в виде ламп и трактовку Ибрагима аль-Арбели как строителя или архитектора она позаимствовала непосредственно у М. Г. Крамаровского (кстати, одного из рецензентов монографии), не удосужившись при этом уточнить сведения, тем самым содействуя распространению дезинформации (Зиливинская 2009: 366; 2011: 23—24; 2014а: 31; 2014б: 55; 2014в: 177).

Следующая мечеть, условно соотносимая с именем египетского султана Бейбарса, Э. Д. Зиливинской в монографии представлена довольно поверхностно, со ссылками на публикации И. Н. Бороздина и М. Г. Кра-

маровского. По планировке исследовательница считает её тождественной мечети Узбека и трактует постройку как «трёхнефную базилику с тремя парами колонн, поставленных на восьмигранные базы» (Зиливинская 2014а: 31), что не совсем верно³. Во-первых, опоры располагались не парами, а по три в каждой из двух аркад, продольно разделённых внутреннее пространство здания на отдельные части. Во-вторых, ни сами колонны, ни их базы не сохранились, причём последние вряд ли были полностью восьмигранными, хотя таковые иногда действительно применялись, а, вероятнее всего, имели обычную кубовидную форму с квадратным низом и октагональным верхом, переход между которыми обеспечивали сталактитовые срезы вертикальных рёбер, украшенные рельефной пальметтой (стилизованным листом аканта). Свидетельство Э. Д. Зиливинской о том, что в южной стене «прослеживалась полукруглая ниша михраба», ошибочно, поскольку на месте полностью утраченного михраба образовался вывал кладки, не позволяющий судить, как выглядело сооружение до разборки. Вне внимания исследовательницы остались некоторые существенные архитектурно-конструктивные особенности строения, например, то, что окна северного фасада располагались в два яруса, боковые стены были глухими, а вход в мечеть обрамлял монументальный портал с небольшим окошком над дверным проёмом. Не отмечено ею также важное наблюдение М. Г. Крамаровского, согласно которому объём мечети оказался «буквально втиснутым в уже сложившуюся застройку» (Крамаровский 1987: 132), что, в свою очередь, вполне могло обусловить определённое усложнение конфигурации сооружения в плане — излом западной стены и уступчатое сужение помещения с восточной стороны в южном направлении (рис. 6). Ссылаясь на публикацию М. Г. Крамаровского, возведение здания исследовательница относит ко времени Тохтамышша (1376—1395) (Зиливинская 2014а: 31), хотя сам автор раскопок сообщает о начальном периоде прав-

³ Впрочем, по сравнению с первой попыткой исследовательницы дать характеристику зданию мечети, прогресс налицо: «Она представляла собой трёхнефную базилику длиной 7,7 м и шириной 3,7 м в михрабной части и 4,2 м у порталной стены. Внутри сохранились остатки аркады в виде трех пар фундаментов под базы колонн. В южной стене сохранились остатки полукруглой ниши михраба, а в северо-западном углу постройки — фундамент обрамляют два прямоугольных пилона» (Зиливинская 1998: 28).

Рис. 6. План т.н. мечети Бейбарса (по Кирилко 2013: рис. 1: 4).

Fig. 6. Plan of the so-called Beybars's mosque (after Кирилко 2013: рис. 1: 4).

ления хана и указывает дату 1382—1385 гг. (Крамаровский 1989: 149; 2005: 116).

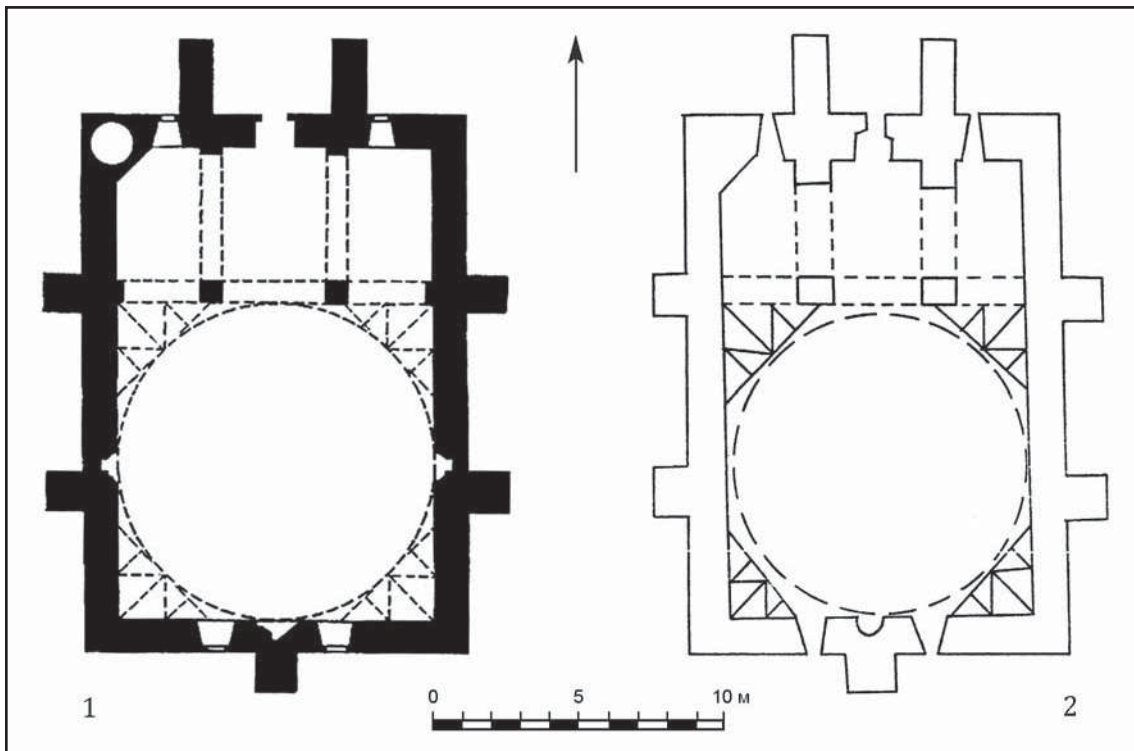
Описание Э.Д. Зиливинской следующей мечети г. Крым, сейчас известной как Куршум-Джами, в монографии слабо структурировано и непоследовательно, что вербально, без графического сопровождения, не позволяет получить цельное представление об архитектонике здания. В свою очередь, используемый исследовательницей в качестве иллюстрации план постройки (Зиливинская 2014а: рис. 32: 1), выполненный и опубликованный в своё время Б.Н. Засыпкиным (Засыпкин 1927: черт. 8; Бороздин 1927: 267), сразу обнаруживает две ошибки. Во-первых, указанная в ссылке к подписи информация «по А.С. Башкирову» ложная, ибо в упомянутом Э.Д. Зиливинской литературном источнике этого изображения нет (Башкиров 1927: 132—133). Во-вторых, вопреки свидетельству автора монографии о том, что «в северо-восточном углу сохранились остатки основания минарета» (Зиливинская 2014а: 31), согласно чертежу, кстаги, обмерному, минарет находился над северо-западным углом здания, т.е. с противоположной стороны. Впрочем, эта ошибка появилась достаточно давно, ещё в далёком 1998 г., но не исправлена до сих пор и продолжает кочевать из одно-

го труда исследовательницы в другой (Зиливинская 1998: 28; 2013: 115, рис. 10; 2014б: 56; 2014в: 177). Тогда же Э.Д. Зиливинской был введен в научный оборот и совершенно безобразный план Куршум-Джами неизвестного происхождения (рис. 7: 2), и, как следствие, за истекшее время до новой, но без ревизии предыдущей, публикации (Зиливинская 2009: рис. 4: 3) успело вырасти целое поколение её читателей, так и не узнавших, что мечеть выглядит иначе.

Недоумение возникает по поводу «михрабной ниши, сильно выдающейся в толщу стены» и того, что она «первоначально имела подпрямоугольные очертания, а впоследствии была облицована заново и стала многоугольной», о чём сообщает автор монографии со ссылкой на публикацию М.Г. Крамаровского (Зиливинская 2014а: 31). Разумеется, ниша в толщу стены не выдавалась, поскольку могла быть в ту лишь заглублена. Более того, судя по обмерному чертежу Б.Н. Засыпкина (рис. 7: 1), в молитвенном зале она была не одна и первоначально имела уступчатую в плане форму (возможно, вследствие утраты наличника), причём возвышалась над уровнем пола на 1,20 м и вряд ли сразу сооружалась в качестве михраба, который, на самом деле, появился позднее и представлял собой массивный, пристроенный к ней спереди, без перевязки кладок, каменный выступ с пятигранной выемкой посередине (рис. 8).

Сведения о конструктивных особенностях мечети, сообщаемые автором монографии — основное помещение «было увенчано куполом на пирамидальных парусах» и передняя часть здания «имела перекрытие в виде трёх полукруглых в сечении сводов», несколько не точны. В первом случае, однозначно, использовались тромпы, пирамидальные или складчатые (Засыпкин 1927: 133—134, черт. 10), во втором речь может идти о коробовых либо, вероятнее всего, стрельчатых сводах.

Представляя строительную историю мечети, Э.Д. Зиливинская следует реконструкции событий, осуществлённой А.П. Григорьевым и М.Г. Крамаровским (Григорьев 1974: 27; Крамаровский 1989: 149; 2005: 116). При этом её сообщение о том, что «по сведениям Эвлии Челеби, Куршун-Джами первоначально являлась дервишской обителью (текие)» (Зиливинская 2014а: 31), некорректно, ибо турецким путешественником постройка под таким именем не упоминается вообще, а лишь описывается возведённая шейхом Али эль-Бекри «большая мечеть» с «огромным куполом» и черепичной кровлей (Кни-

Рис. 7. План Куршум-Джами в научных трудах исследователей памятника (1 — по Засыпкин 1927: черт. 8; 2 — по Зиливинская 1998: рис. 10).

Fig. 7. Kurshum-Jami mosque, plan, as appeared in archaeological research papers (1 — after Засыпкин 1927: черт. 8; 2 — after Зиливинская 1998: рис. 10).

га путешествия 1999: 83), предположительно отождествляемая с ней современными исследователями (Кирилко 2013: 91—92).

В целом и в деталях информация о Куршум-Джами, которую можно почерпнуть из монографии Э. Д. Зиливинской, заметно уступает по качеству тем сведениям, что содержатся в трудах других авторов, уже введенных в научный оборот (Засыпкин 1927: 132—134; Башкиров 1927: 132—133; Кирилко 2013: 91—92).

Ближайшей аналогией Куршум-Джами является мечеть в Судакской крепости. Свидетельства о ней в монографии представлены достаточно большим по объёму блоком, содержание которого исследовательница, немного адаптировав, почерпнула из специализированного сборника, удачно собранного в одном месте, в рубрике «Научное наследие», основные материалы по изучению памятника — неопубликованные работы О. И. Домбровского, М. А. Фронджуло, И. А. Баранова и современный взгляд на состояние проблемы, выдвинутый А. В. Джановым (Куковальская 2005: 610—611; Домбровский 2005: 612—620; Фронджуло 2005: 621—631; Баранов 2005: 632—653; Джанов 2005: 654—669; Зиливинская 2014а:

32—34). Её обзор получился компилятивным и, по сути, отражает уровень нынешних знаний о постройке, который по-прежнему остаётся неудовлетворительным (Кирилко 2016а: 441—443; 2016г: 166—167).

Остатки мечети на Чуфут-Кале, основательно изученные У. Боданинским, О. Акчокраклы и Б. Н. Засыпкиным в 1927—1929 гг., Э. Д. Зиливинская представила в общих чертах со ссылкой на опубликованные материалы раскопок, а саму постройку определила как «мечеть базиличного плана» (Зиливинская 2014а: 34, рис. 36). При этом она уверенно считает, что переход к прямоугольному основанию арок, разделявших внутреннее пространство здания и поддерживавших перекрытие, «осуществлялся при помощи ранневизантийских капителей V—VI вв., у которых были стесаны две грани для придания квадратному сечению прямоугольной формы» (Зиливинская 2014а: 34), хотя упомянутые ею архитектурные детали, на самом деле, были найдены в совершенно другом месте, далеко за пределами плато — «в кладке позднейшего фонтана у могилы “Газы-Мансур”», а с мечетью её исследователями соотнесены предположительно (Боданинский, Засыпкин 1929: 173—175). К тому же, по свидетельству

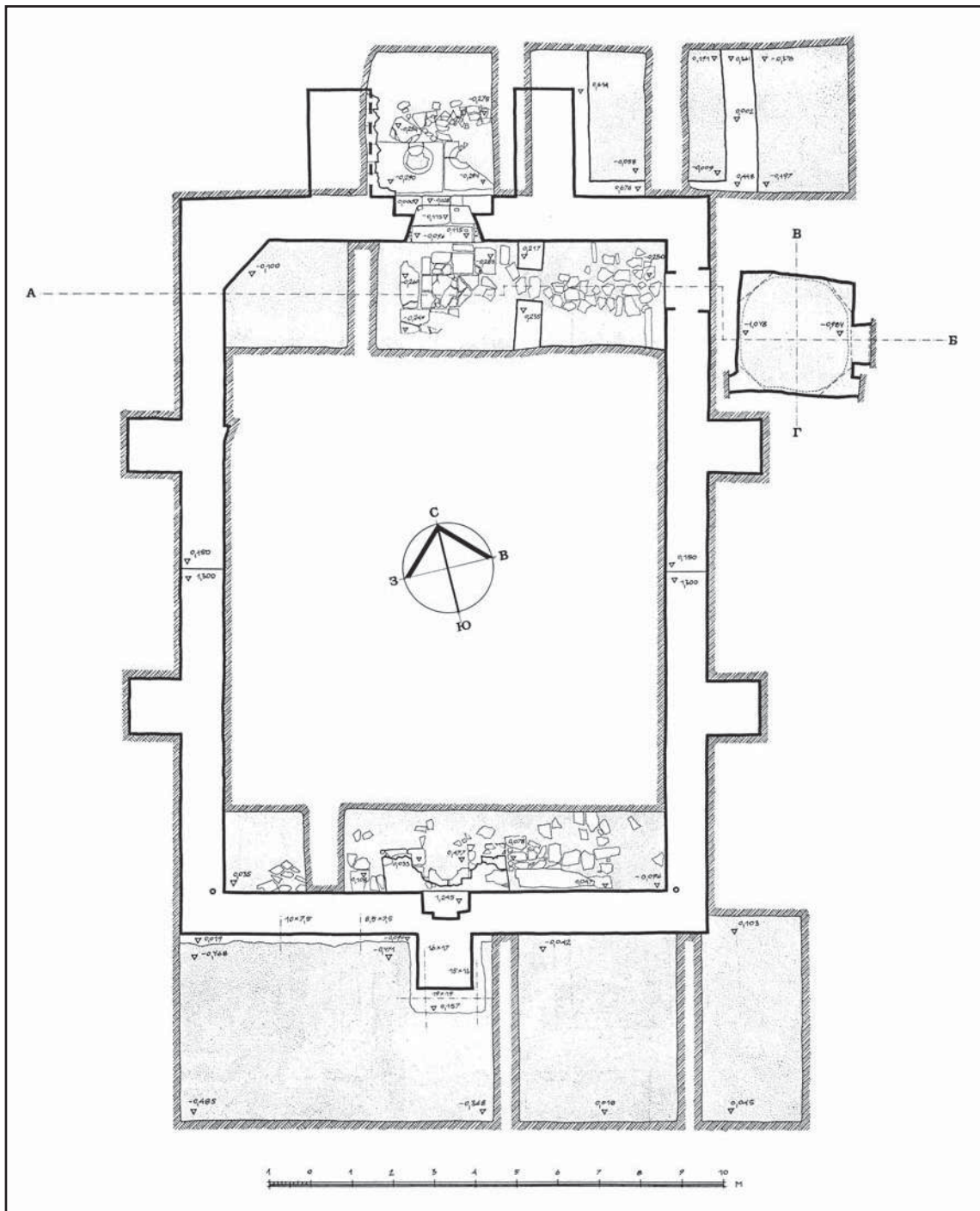

Рис. 8. План Куршум-Джами. Обмерный чертёж автора. 1984 г.

Fig. 8. Kurshum-Jami mosque, plan. Plan with measurements, made by the author. 1984.

А.Л. Бертье-Делагарда, капители опор мечети были сталактитовыми (Бертье-Делагард 1920: 112).

Э.Д. Зиливинская сообщает, что «камень с высеченной датой 746 г.х.», который, вероятно, мог принадлежать порталу, «точно указывает на время возведения мечети» (Зиливинская 2014а: 34). Однако при этом она не считает необходимым отметить, что сама

по себе, в известном нам виде, постройка принадлежит к более поздней эпохе — возможно, периоду Крымского ханства, и появилась, скорее всего, в 859 г.х. (= 1454/55 гг.) при Хаджи Гирае в качестве соборной мечети, была «старинной архитектуры» (Челеби 2008: 83; Кирилко 2013: 91). Вторично использованные при строительстве многочисленные архитектурные и декоративные

детали от шерфе минарета, михраба и орнаментальной порезки соотносимы с традициями сельджукской художественной культуры (Айбабина 2001: 176).

Автору монографии не удалось избежать отдельных ошибок и неточностей, главным образом терминологических, как то: «пилястры с капителями в виде карнизов» или «аркатура, опирающаяся на столбы» (Зиливинская 2014а: 34), правда, позаимствованных у предшественников (Боданинский, Засыпкин 1929: 171, 172). В первом случае речь идёт об импосте лопатки, поддерживавшем арку, во втором — об аркаде с опорами в виде пилястр и, предположительно, круглых колонн вторичного использования. Самой досадной из допущенных исследовательницей оплошностей, пожалуй, является неправильная ориентация плана здания на чертеже (Зиливинская 2014а: рис. 36: 1), в результате чего михраб оказался с северной стороны, противоположной Каабе.

Обзор мусульманских культовых сооружений золотоордынского Крыма Э. Д. Зиливинская неожиданно завершает довольно пространном описанием мечети в Эски-Сарае (совр. с. Пионерское), которая не имеет непосредственного отношения ни к теме монографии, ни, собственно, к зодчеству Улуса Джучи, так как принадлежит к совершенно иной эпохе — времени заката Крымского ханства, и демонстрирует строгие традиции, характерные для архитектуры Османской Порты XVII—XVIII вв. Однако, поскольку при этом исследовательница не сомневается в том, что сама по себе постройка достаточно поздняя (Зиливинская 2014а: 35), и, более того, прежде, до появления моей публикации (Кирилко 2012), та ею нигде даже не упоминалась (Зиливинская 1998; 2009; 2011), весьма неуместное здесь рассмотрение инородного, по сути, памятника, видимо, обусловлено желанием автора монографии подискутировать со мной, в чём отказать ей не смею.

Мечеть в Эски-Сарае (с. Пионерское Симферопольского района), которая «традиционно датируется XIV в., как указано, в частности, на охранной табличке, висящей на здании» (Зиливинская 2014а: 35), в 1991 г. была тщательно изучена архитектурно-археологической экспедицией КФ ИА НАНУ. Результаты раскопок, впоследствии полностью изданные, позволили получить практически исчерпывающую характеристику архитектурной постройки и прийти к выводу, что здание было возведено в конце второй четверти XVIII в., незадолго до 1751 г. (Кирилко 2012: 261—297).

Несмотря на то, что Э. Д. Зиливинской была доступна подробная вербальная и графическая информация о памятнике, представленная в моей публикации (причём получившей довольно высокую оценку у самой исследовательницы — «в основательной статье»), тем не менее, описание мечети в её монографии изобилует досадными неточностями и ошибками. Здание она размещает почему-то «близ Бахчисарая», а пятигранную в сечении нишу его михраба считает полукруглой. Пристройку к мечети Э. Д. Зиливинская наделяет двумя входами, тогда как та имела всего лишь один дверной проём, напротив которого, точно на продольной оси помещения, находится михрабная ниша, кстати, определённая исследовательницей как «сдвинутая к востоку, относительно центральной оси» (Зиливинская 2014а: 34—35). При этом она утверждает: «Оформление всех трех михрабов сходно», что не бесспорно. Подобный вывод, в определённой мере, приемлем для михрабных ниш северного фасада и малого помещения, но никак не главного михраба, отличавшегося необычной архитектурной и уникальным декоративным убранством (рис. 9). Запечатлённый на фотографии осколок стекла в кладочном растворе южной стены основного объёма мечети находится на высоте человеческого роста (Кирилко 2012: 292, рис. 48), однако в интерпретации Э. Д. Зиливинской он почему-то оказался «в фундаменте здания» (Зиливинская 2014а: 35).

Имеются и другие недостатки. Выбор ею в качестве аналогии мечети султана Баязида II в Эдирне (1481—1512 гг.) крайне неудачен, поскольку эски-сарайская постройка была ощутимо скромнее, существенно отличалась количеством, расположением и формой окон, более того, завершалась куполом с глухим восьмигранным барабаном. Также вряд ли корректно считать симферопольскую мечеть Крымского конного Её Величества государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка, возведённую в 1909 г. при личном покровительстве и на пожертвования русского царя Николая II, османской постройкой. Именно так она трактована автором монографии (Зиливинская 2014а: 35), хотя не меньшее недоумение вызывает отнесение той и «ко времени Гиреев» (Зиливинская 2014б: 59; 2014в: 182).

Определённый резон имеет лишь несколько идеализированное замечание Э. Д. Зиливинской относительно ковров на глинобитном полу и постоянных уборок в мечети, несомненно, препятствовавших накоплению мусора внутри здания. Однако

Рис. 9. Михраб основного помещения мечети в с. Пионерское. Общий вид с севера. 2008 г. (по Кирилко 2012: рис. 21).

Fig. 9. Mihrab in the main hall of the mosque in Pionerskoe village. Overview from the north. 2008 (after Кирилко 2012: рис. 21).

в подвергнувшемся ревизии пассаже моей публикации речь идёт немного о другом — о динамике отложения седиментов, неизбежном при продолжительном функционировании сооружения, и сравнении культурного слоя обоих помещений, оказавшегося наи-

более насыщенным в пристройке, которая, согласно версии исследовательницы, предназначалась для женщин и, разумеется, не могла не содержаться в чистоте (Зиливинская 2014а: 35; Кирилко 2012: 292—293, рис. 4).

Рис. 10. Михраб мечети в Шейх-Кой. Вид с севера. 2012 г. (по Бочаров, Кирилло 2016: рис. 8).

Fig. 10. Mihrab of the mosque in Sheikh-Koy. View from the north. 2012 (after Бочаров, Кирилло 2016: рис. 8).

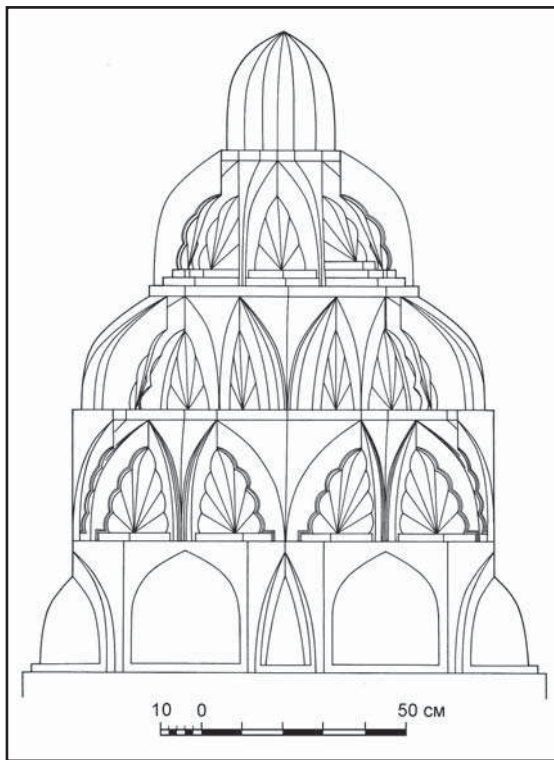
Вне внимания автора монографии осталось ещё одно, достаточно неординарное, культовое сооружение золотоордынского Крыма эпохи расцвета, уцелевшее фрагментарно — в виде относительно хорошо сохранившегося михраба средневековой мечети, руины которой находятся на левом берегу р. Бештерек у с. Давыдово (бывш. Шейх-Кой) Симферопольского района, в равнинной части полуострова (рис. 10).

Первые сведения о памятнике в научном обороте появились в 1928 г. Они опубликованы О. Акчокраклы, заставшим строение ещё до разрушения. Исследователь скопировал и перевёл надписи над северным и западным входами в мечеть, из которых следует, что та была возведена для хафизов 15-го дня благословенного месяца Шаабана 760 г. х. (= 1358 г.), во время правления великого эмира Кутлуг-Темур-бека, сына Тюлек-Тимур-Бека, сына Хаджи... (Акчокьраклы 2006: 253—254).

Мечеть, уже разрушенная, вновь привлекла внимание специалистов лишь спустя почти век после первой публикации. В связи с изучением начального этапа распространения ислама в Крыму Н. Абдульвапов пришёл к выводу о том, что в своё время здесь существовал крупный религиозно-суфийский

центр, в который, помимо Шейх-Кой, входило несколько населённых пунктов, располагавшихся в непосредственной близости, возможно, Барак-Эли и Чоюнджи, один из «четырёх очагов» («дёрт-оджак») — известных мусульманских религиозно-духовных центров Крыма. По его мнению, свидетельством этому, в частности, является уцелевший фрагмент прекрасного михраба «местной мечети-обители золотоордынского периода (конца XIV в.)» (Абдульвапов 2006: 144).

Судя по материалам археографических источников и натурного изучения строительных остатков памятника, мечеть в Шейх-Кой представляет собой постройку османского времени, при возведении которой вторично использовались архитектурные детали от более раннего, золотоордынского, строения, пока не поддающегося точной локализации. Михраб является спolieй. Он имеет характерные для сельджукской декоративной пластики черты и уверенно может быть датирован 1358 г. Его первоначальные формы сильно искажены вследствие небрежной и неумелой перекладки конхи, которой данное сооружение подверглось непосредственно при возведении стены (рис. 11). К числу вторично использованных в новом здании архитектурных деталей золотоордынского времени относят-

Рис. 11. Конха михраба мечети в Шейх-Кой. Вид спереди. Реконструкция. Чертёж В.П. Кирилко (по Бочаров, Кирилко 2016: рис. 19).

Fig. 11. Conch of the mihrab in the mosque in Sheikh-Koy. Front view. Reconstruction. Drawing by V.P. Kirilko (after Бочаров, Кирилко 2016: рис. 19).

ся строительная надпись, наличник дверного проёма и отдельные сталактитовые консоли, прежде принадлежавшие portalу, и, возможно, ранний минарет. Ближайшие аналогии самой мечети датируются XVI—XVII вв. (Кирилко, Бочаров 2015; Кирилко 2016в; 2016г: 166; Бочаров, Кирилко 2016; 2017а).

Завершая рассмотрение материалов, представленных исследовательницами в данной главе, с сожалением приходится констатировать, что их достаточно высокая оценка, введённая в научный оборот одним из рецензентов монографии: «Мечети всех регионов Золотой Орды описаны профессионально, с собственной интерпретацией опубликованных материалов» (Хузин 2016: 272), выглядит несколько преувеличенной, по крайней мере, в той части, что касается крымских построек.

Глава 2. Минареты

По мнению Э.Д. Зиливинской, «все известные на нынешний момент золотоордынские мечети Крыма имели минареты, которые были встроены в угол здания с восточной или западной стороны от портала». В настоящее

время они представлены массивными, треугольными в плане подножиями с остатками внутренних винтовых лестниц и большим фрагментом «сталактитового фриза, поддерживающего шарэфэ» из Чуфут-Кале (Зиливинская 2014а: 53). На самом деле, находок отдельных архитектурных деталей, принадлежащих утраченному сейчас минаретам золотоордынского Крыма, гораздо больше, чем то упомянуто исследовательницей. Одни из них были обнаружены ещё в 1920-х гг. (Башкиров 1927: 135; Кирилко 2011: рис. 44; Ломакин 2015: 132), другие получены в результате археологических раскопок конца прошлого века, однако в большинстве своём эти артефакты, особенно последние, до сих пор не введены в научный оборот и недоступны для изучения.

Как следствие, недостаток информации обуславливает априорность выводов, к которым пришла автор монографии: «Происхождение минарета мечети Узбека в Солхате не вызывает ни у кого из исследователей сомнений: он однозначно повторяет минареты Малой Азии сельджукского периода. Другие минареты Крыма, скорее всего, имели такую же форму» (Зиливинская 2014а: 55). Тем не менее, восстановленный недавно минарет т.н. мечети Узбека хронологически и стилистически соотносим с постройкой, появившейся лишь в конце XV в. и подвергнувшейся капитальному ремонту в 1512—1513 гг. Был ли он таким до перемещения, в настоящий момент однозначно судить сложно, но, видимо, нет, поскольку в верхней части отложений культурного слоя, представлявших собой скопление строительного мусора, у его подножия при археологических раскопках и реставрационных работах были найдены многочисленные детали от другого шерфе — остатки сталактитового карниза и резного парапета с надписью. Стилиевые характеристики обнаруженных фрагментов завершения минарета и портала между собой соотносимы, следовательно, ранее оба они вполне могли принадлежать одному строению — собственно первоначальной мечети Узбека 1314 г. Ещё более близкой аналогией им являются детали декоративного оформления внешних поверхностей монументального обрамления входа в расположенное по соседству медресе Инджи-бей Хатун 733 г.х. (= 1332/33 гг.) (Кирилко 2009: 192; 2013: 86; 2014: 221, рис. 7—12; 2015б: 524—550).

Дополнительно к информации, опубликованной Э.Д. Зиливинской в этой главе, следует отметить характерную особенность минаретов, свойственную всем известным золото-

ордынским мечетям Солхата, которая осталась вне внимания исследовательницы. Вход в минарет всегда устраивался в скошенной части основания, со стороны помещения, на значительной высоте от пола, под самым перекрытием. Данное архитектурное решение имело, прежде всего, конструктивные предпосылки, поскольку позволяло обеспечить подножию, равно как углу здания, необходимую массивность и прочность, не ослабляя его пустотами, что, в свою очередь, было немаловажным при ограниченной мощности фундаментов (Кирилко 2013: 87).

Глава 3. Заведения благочестия

Рассмотрению конкретных построек золотоордынского Крыма предшествуют обзор известных видов мусульманских учреждений и их происхождение, а также представление сведений письменных источников о медресе и ханака в Золотой Орде, где почему-то отсутствует информация, и не только первичная, о заведениях благочестия Солхата, которую достоверно сообщают авторы XVII в. — Эмиддио Дортелли д'Асколи (Описание 1892: 105—106) и Эвлия Челеби (Книга путешествия 1999: 83). Свидетельства последнего, причём в адаптированном виде, в интерпретации А. П. Григорьева и М. Г. Крамаровского, появляются лишь в разделе «Археологические данные». Там же исследовательницей приводится краткая история изучения уникального памятника, отнесённого ею к заведениям благочестия — медресе Инджи-бей Хатун 733 г. х. (= 1332/33 гг.) в г. Крым (Солхат). Саму историографическую справку, предельно поверхностную, она завершает небесспорным выводом: «Основные результаты раскопок в настоящее время опубликованы автором (Крамаровский 2005: 113—116), поэтому имеет смысл дать лишь краткое описание этого объекта» (Зиливинская 2014а: 61—62).

К сожалению, Э. Д. Зиливинской осталась неизвестной наиболее полная и до настоящего времени единственная такого рода публикация материалов архитектурного изучения солхатского медресе, где наряду с детальным представлением научного наследия всех без исключения исследователей памятника содержатся также многочисленные сведения об объёмно-планировочной структуре, конструктивных особенностях и декоративном убранстве здания (Кирилко 2011). Как следствие, её «краткое описание» превратилось в несвязную сводку априорных и нередко ошибочных утверждений, в основном по-

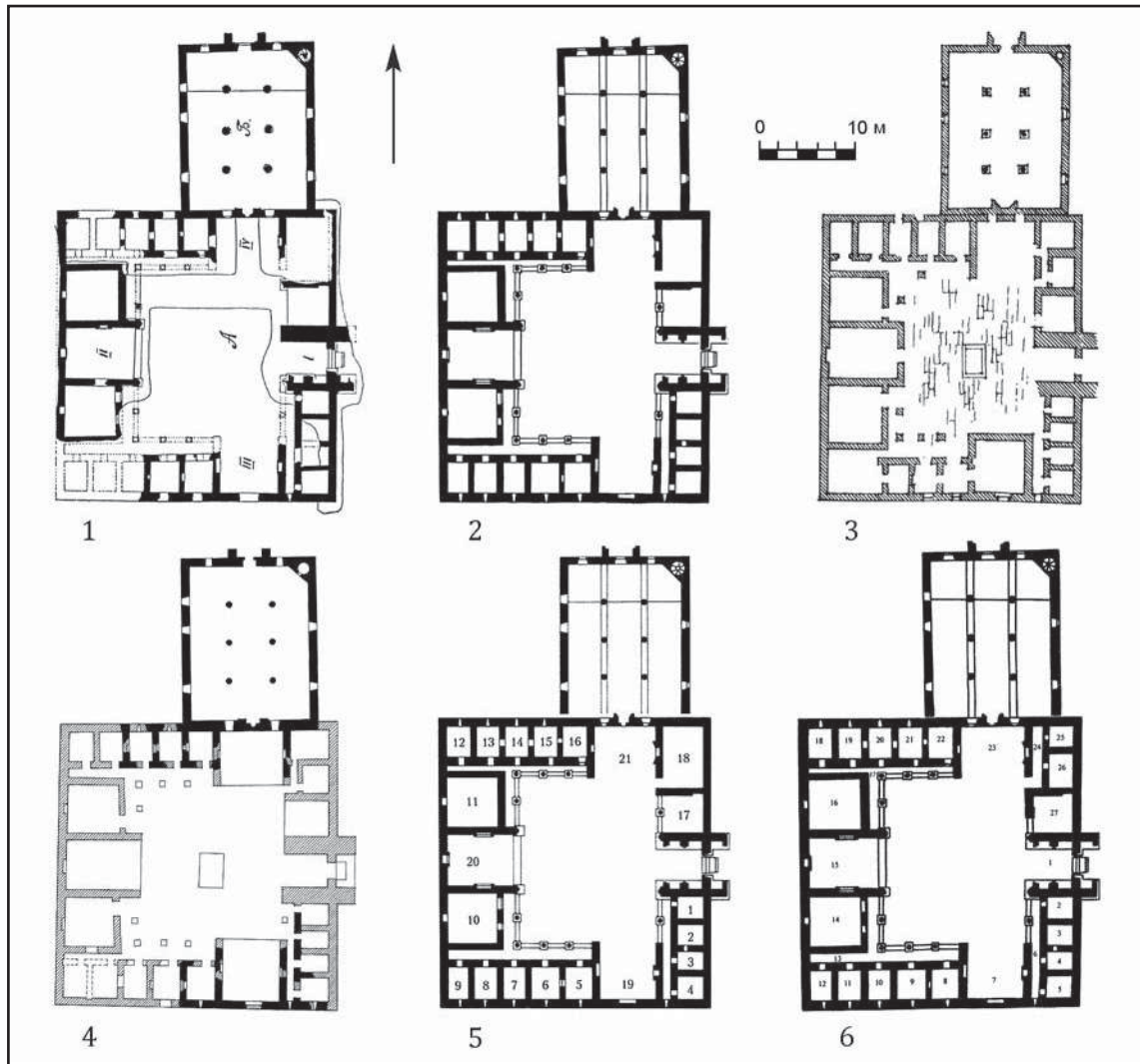
черпнутых у предшественников (Зиливинская 2014а: 62—63; Кирилко 2011: 126—156).

Впрочем, собственный вклад Э. Д. Зиливинской в изучение солхатского медресе особо высоким качеством также не отличается, наглядным свидетельством чему является используемый исследовательницей иллюстративный материал и содержание его аннотаций. Показателен пример двух таблиц, занимающих две страницы монографии (Зиливинская 2014а: 297—298, рис. 70; 71). На первой из них, «Рис. 70», в нижней части помещено изображение общего вида руин строения, в подписи к которому значится: «3 — медресе, фотография 20-х годов», а на самом деле, снимок сделан в начале 80-х гг. прошлого века, во время раскопок памятника, осуществлённых М. Г. Крамаровским. На следующей странице из четырёх подписей аннотации к таблице «Рис. 71» без ошибки указана только одна, последняя, с видом базы от колонны. В первой и второй — дана ошибочная ориентация: «1 — южная часть» и «2 — северный айван», тогда как на снимках представлены, соответственно, остатки северных помещений медресе и южный айван. Подпись к третьей иллюстрации таблицы грешит ложной интерпретацией изображения, ибо на снимке запечатлён вовсе не «пилон портала», а фрагмент наличника восточного (малого) айвана, причём находится он явно не на своём месте (Кирилко 2011: рис. 38).

Не меньше нареканий вызывает план медресе, дважды использованный Э. Д. Зиливинской в своей монографии (Зиливинская 2014а: 297—298, рис. 29: 1; 70: 1). Его недостатки особенно наглядно проявляются в контексте эволюции самой иллюстрации (рис. 12).

Наиболее раннее опубликованное изображение плана этой постройки датировано 1926 г. и принадлежит А. Л. Якобсону, в то время студенту, проходившему практику в археологической экспедиции (Бороздин 1927: рис. 1). Параллельно тот создал ещё одну версию иллюстрации (рис. 12: 1), предположительно обозначив на первоначальном чертеже скрытые культурным слоем кладки (Башкиров 1927: рис. 1). Позднее — в 1964 г., уже став маститым учёным, А. Л. Якобсон, теперь самостоятельно, ввёл в научный оборот уточнённый план сооружения (рис. 12: 2), который представляет собой, не оговоренную в аннотации, авторскую реконструкцию, причём местами не имеющую соответствующего подтверждения — в частности, малый айван наделяется вымышленной колонной и искажается конфигурация северо-

Рис. 12. План солхатского медресе в научных трудах исследователей памятника (1 — по Башкиров 1927: рис. 1; 2 — по Якобсон 1964: рис. 40; 3 — по Крикун 1998: рис. 1; 4 — по Кирилко 2011: рис. 50; 5 — по Крамаровский 2012: рис. 53; 6 — по Зиливинская 2014а: рис. 70: 1).

Fig. 12. Plan of the madrasah in Solkhat, as appeared in archaeological research papers (1 — after Башкиров 1927: рис. 1; 2 — after Якобсон 1964: рис. 40; 3 — after Крикун 1998: рис. 1; 4 — after Кирилко 2011: рис. 50; 5 — after Крамаровский 2012: рис. 53; 6 — after Зиливинская 2014: рис. 70: 1).

восточной худжры (Якобсон 1964: рис. 40). Дальнейшая судьба данной иллюстрации, которая без особых изменений, более того, без ссылки на источник, используется до настоящего времени практически всеми специалистами, в том числе и автором последних раскопок М.Г. Крамаровским, не поддаётся никакому логическому объяснению (Кирилко 2011: 135, 151, рис. 49).

Парадоксально, но результаты архитектурно-археологического изучения памятника в 70—80-х годах прошлого века, почти полностью выяснившего архитектуру здания, по сути, остались невостребованными. Определённым прорывом можно считать лишь публикацию Е.В. Крикуна, в 1998 г. издавшие

го собственный план медресе (Крикун 1998: рис. 1), относительно соответствующий реальным остаткам сооружения, хотя при этом ощутимо искажается информация о трёх айванах, особенно южном, изображённом в виде целиком ограждённого стенами помещения с боковым входом, а одна из худжр показана без дверного проёма (рис. 12: 3).

В 2009 г. в научный оборот мной был введён наиболее точный в настоящее время схематичный план комплекса (рис. 12: 4), разработанный на основе обмерных чертежей 1985 г., а спустя два года стали общедоступными и сами материалы графической фиксации руин здания (Кирилко 2011: рис. 50—54). Но даже после этого проблем,

связанных с достоверностью и качеством публикуемой научной информации, не поубавилось. Так, по состоянию изучения памятника на 2010 г. Е. М. Годованюк и Т. А. Трегубова отдали предпочтение плану Е. В. Крикуна, происхождение которого в подписи не указали (Годованюк, Трегубова 2010: 79). В 2012 г. М. Г. Крамаровский проиллюстрировал результаты своих археологических исследований весьма неточным планом (рис. 12: 5), который, по сути, в первоначальном виде позаимствован (без соответствующего пояснения) у А. Л. Якобсона, и разнится лишь одной деталью — швом между сооружениями комплекса (Крамаровский 2012: 210—213, рис. 53). Примечательно, что данная иллюстрация им уже использовалась прежде, в 2005 г., а обусловленные ею тогда серьезные ошибки в тексте научного труда беспрестанно переключались и в новую публикацию (Кирилло 2011: прим. 17).

По прошествии ещё двух лет А. В. Гаврилов и В. В. Майко репродуцируют план 2009 г., причём без ссылки на источник и, более того, трактуют его как «чертёж 70-х гг. XX века» (Гаврилов, Майко 2014: 127). В том же 2014 г. отличилась и Э. Д. Зиливинская, поместив в настоящей монографии два разных плана, оба устаревших, но со ссылкой на одного и того же исследователя — «по М. Г. Крамаровскому» (Зиливинская 2014а: рис. 29: 1; 70: 1). Однако первый публикуемый ею чертёж был выполнен А. Л. Якобсоном, а никак не М. Г. Крамаровским (Якобсон 1964: рис. 40). Второй из них действительно мог принадлежать М. Г. Крамаровскому, поскольку там показан характерный для его работ шов между стенами мечети и медресе. При этом на самой иллюстрации абсолютно неверно изображены пом. 24—27 (рис. 12: 6), чего не наблюдается на других опубликованных планах М. Г. Крамаровского, что, в свою очередь, из-за отсутствия полноценной ссылки на источник, вызывает недоумение по поводу происхождения данной, ложной, информации.

Практически одновременно с монографией, в том числе и после выхода той, упомянутые планы медресе, сопровождаемые идентичными подписями, исследовательницей публикуются также в целом ряде других научных изданий (Зиливинская 2013: рис. 8; 2014в: рис. 2: 1⁴; 2016: рис. 1: 8).

⁴ Иллюстрация репродуцирована с сильным искажением пропорций первоначального изображения.

Описание второго заведения благочестия в Солхате — дервишской обители (текие), связанной с Куршум-Джами, дословно, со всеми ошибками, повторяет информацию о мечети, уже представленную в первой главе монографии (Зиливинская 2014а: 31—32, 63), и лишь в конце оно дополнено тремя новыми предложениями с мыслями о возможных истоках архитектурной формы здания и его функционального назначения.

Рассматривая напоследок принципы планировки и атрибуцию всех известных сейчас золотоордынских заведений благочестия, автор книги особо выделяет только «медресе Узбека (sic! — В. К.) в Солхате» и соглашается с выводами остальных исследователей о том, что этот памятник «является характерным образцом малоазиатского зодчества» (Зиливинская 2014а: 67).

Глава 4. Христианские храмы

Вводная часть главы, посвящённая возникновению и основным линиям развития церковного зодчества на золотоордынских землях, содержит общий, крайне поверхностный, обзор основных архитектурных форм христианских храмов, сложившихся к XIII—XIV вв. (Зиливинская 2014а: 70—72). Само по себе столь глубокое, практически до истоков, погружение в эволюцию этого явления мировой культуры, движимое желанием объять необъятное в пределах двух с половиной страниц книжного текста, представляется, по меньшей мере, авантюрным.

Рассмотрение непосредственно христианских памятников Крыма исследовательница предваряет небольшим экскурсом в историю культового зодчества региона, возводя появление первых миссионеров к началу IV в., а зарождение христианской культовой архитектуры — к V—VI вв., связывая её с массовым строительством храмов в виде базилик (Зиливинская 2014а: 74). Перечисление основных событий, сопровождавших развитие и становление церковной архитектуры полуострова, как, впрочем, и соотносимых с ними сооружений, Э. Д. Зиливинская предпринимает, прибегая лишь к одному-единственному научному источнику — трудам А. Л. Якобсона, многие выводы которого, несмотря на непреходящую значимость его работ, либо устарели и существенно уточнены, либо полностью опровергнуты современными специалистами (Бармина 2005: 313—314). Так, в частности, вопреки мнению последнего и согласной с ним автором монографии (Зиливинская 2014а: 75), в VIII—IX вв. Крым не стал основ-

ным прибежищем для иконопочитателей (Герцен, Могаричев 1992). Помимо А.Л. Якобсона, крымскими базиликами не менее продуктивно сейчас занимается целая плеяда других исследователей (Бармина 1983; Паршина 1988; Лосицкий 1991; Завадская 2000; Ранневизантийские сакральные постройки... 2004; Адаксина, Мыц 2013; Хрушкова 2017; и др.). Храм св. Иоанна Предтечи в Керчи, якобы «возведенный в VIII в.» (Зиливинская 2014а: 75), не является самым ранним памятником переходного периода, а был построен после X в., возможно, даже в XIV в. (Романчук, Лосицкий 1985: 122, прим. 67; Комеч 1992: 28—41).

Весьма априорным выглядит её уверенный расклад политической, исторической и конфессиональной ситуации на территории Крыма в XI—XIII вв., которые до сих пор являются слабо изученными. Как ни странно, но при этом автор монографии, похоже, не различает понятия «митрополия» и «метрополия», поскольку отдает предпочтение второму из них при упоминании церковно-административных округов, подчинявшихся митрополиту (Зиливинская 2014а: 75).

Э.Д. Зиливинская считает: «Вторжение монголов в Восточную Европу и возникновение улуса Джучи в XIII в. мало повлияли на жизнь крымских городов» (Зиливинская 2014а: 75), что не бесспорно. Особенно если учесть, что те неоднократно подвергались разграблению, после чего отдельные из них пришли в упадок или вообще прекратили своё существование (Смирнов 2005: 69—73; Мыц 2015). По крайней мере, об этом свидетельствует даже основной для исследовательницы источник: «В самом конце XIII в. Эски-Кермен, просуществовавший с перерывами почти тысячелетие, был разгромлен и сожжен нахлынувшими в Крым полчищами татар» (Якобсон 1964: 100—101).

Приступая к рассмотрению конкретных крымских построек, Э.Д. Зиливинская неожиданно дистанцируется от основной цели своего научного труда, предназначенного показать всё многообразие культовой архитектуры Золотой Орды. Создаётся впечатление, что исследовательница не видит разницы между христианским зодчеством Крыма времени Золотой Орды, равно, христианскими храмами Крыма золотоордынского периода и, собственно, христианским зодчеством золотоордынского Крыма — понятиями отнюдь не тождественными (тем более, не взаимозаменяемыми), так как дальше она начинает совершенно сумбурно представлять церковные памятники различного происхождения, мно-

гие из которых вовсе находились вне крымского юрта Улуса Джучи и непосредственного отношения к теме монографии, посвящённой изучению культового зодчества именно Золотой Орды, не имеют.

Выбор объектов, удостоенных чести быть упомянутыми Э.Д. Зиливинской, более чем странен, ибо случаен, хотя вполне объясним — почти все они фигурируют в тех немногих публикациях, которые ей смогли предоставить для ознакомления крымские информаторы, отмеченные благодарностью в предисловии к монографии. При этом, видимо, по той же причине многие другие, также введённые в научный оборот, рядовые и ключевые памятники для неё остались неизвестными, а рассмотренные ею храмы абсолютно не отражают реальное состояние и особенности христианской культовой архитектуры на золотоордынских землях Крыма, поскольку в большинстве своём расположены внутри генуэзских владений полуострова, на южнобережье и в поздневизантийском Херсоне — на территории с иными культурными традициями.

Первыми Э.Д. Зиливинская рассматривает четыре церкви (два крестово-купольных строения со свободно стоящими устоями и две однефных часовни) средневекового Херсонеса, которые она, со ссылкой на А.Л. Якобсона, датирует концом XIII в. (Зиливинская 2014а: 76). Правда, сам исследователь в упомянутых его научных трудах (Якобсон 1950: 237—248; 1964: 96—97) хронологические рамки построек определяет более широко — XI—XIII вв. либо (в первоначальном варианте) «самое раннее XII, вероятнее — XIII в.»), отмечая главным образом лишь особенности кладок, характерные для XII—XIII вв., и близость с архитектурными традициями не только Византии и двух балканских стран — Болгарии и Сербии, но также Закавказья, Малой Азии и, в частности, Трапезунта. На основании этого Э.Д. Зиливинская приходит к выводу о том, что «в постройках Херсонеса сочетаются архитектурно-конструктивные решения константинопольской школы с закавказско-малоазийской строительной техникой» (Зиливинская 2014а: 76). Однако каким образом и как перечисленные храмы поздневизантийского Херсона повлияли на христианское зодчество золотоордынского Крыма, автор монографии не сообщает.

С выделенными Э.Д. Зиливинской четырьмя херсонскими храмами, пожалуй, сопоставим только один памятник региона, более того, имеющий определённое отношение к теме сочинения, поскольку находился

Рис. 13. Храм Св. Троицы в с. Лаки. Вид с северо-запада (по Кирилло 2016а: рис. 402).

Fig. 13. St. Trinity Church in Laki village. View from the north-west (after Кирилло 2016а: рис. 402).

на землях, номинально принадлежавших Улусу Джучи. Им является церковь в селении Лаки, которая в общих чертах, со ссылкой на труды А. Л. Якобсона, также представлена исследовательницей и датируется концом XIII — началом XIV вв. При этом автор монографии почему-то утверждает: «Крестово-купольные храмы Херсонеса стилистически близки с храмом Троицы в селе Лака (sic! — В. К.) возле Бахчисарая» (Зиливинская 2014а: 76), и тем самым нарушает причинно-следственную связь, ибо единичный и, по сути, единственный в своём роде храм в Лаки всё-таки вторичен по отношению к первым, представленным несколькими выразительными постройками, а все они, в свою очередь, демонстрируют влияние архитектурных традиций Малой Азии.

В связи с предпринятым исследованием и попытками выяснить культурные истоки зодчества золотоордынского Крыма существенное значение приобретают отдельные детали лакской церкви, не имеющие параллелей в соседнем византийском Херсоне, изначально бывшем законодателем архитектурной моды в регионе, и оставшиеся незамеченными Э. Д. Зиливинской. Особую ценность дан-

ному памятнику придаёт то, что он является самым ранним крымским строением, в котором применены восьмигранные колонны с кубовидными сталактитовыми базами и капителями (рис. 13), вскоре ставшими обычными в юго-восточной части полуострова, прежде всего, непосредственно на землях, принадлежавших Солхату, причём в постройках разных конфессий (Кирилло 2016а: 478—480).

Далее в монографии следует беглое упоминание монастырского комплекса XIII—XIV вв. на мысе Виноградный (Зиливинская 2014а: 77), но какое значение для темы сочинения он имеет, из содержания пассажа непонятно.

Столь же случайным выглядит и предельно поверхностный обзор церковной архитектуры генуэзской крепости Чембало, связь которой с целью исследования никак не улавливается, ибо эта территория однозначно не золотоордынская, а её храмы особого влияния на зодчество других регионов Крыма не оказали. Историю памятника Э. Д. Зиливинская излагает кратко, двумя предложениями, со ссылкой на одну-единственную, непрофильную, статью и путеводитель, несмотря на то, что та относительно неплохо изучена

и представлена многочисленными публикациями (детальнее см.: Адаксина, Мыц 2004: 82—93), в том числе и целой серией полных отчётов о раскопках фортификационных и культовых сооружений комплекса, ежегодно, начиная с 2002 г., вводимых в научный оборот ведущими специалистами (Адаксина, Мыц, Ушаков 2012: 58—98). Это при том, что один из упомянутых комплексов изданных археологических материалов автору монографии известен и даже был использован ею при описании храма в северо-западной части крепости, датированного первыми десятилетиями XIV в. (Адаксина, Мыц, Ушаков 2010: 46—60; Зиливинская 2014а: 77).

Констатируя наличие в пределах крепости нескольких храмов, Э.Д. Зиливинская выделяет церковь, которая «является частью комплекса сооружений консульского замка» и относится к «более позднему времени». Общие, разрозненные, сведения о самой постройке и её план, вместе с присущими им ошибками, она почерпнула из введённых в научный оборот материалов раскопок, опубликованных одним из исследователей объекта, дополнив их двумя современными фотоснимками руин (Зиливинская 2014а: 77, рис. 82).

Наибольшая нарекания вызывает репродуцируемая автором монографии иллюстрация (Зиливинская 2014а: рис. 82: 1). Чертёж, декларируемый как обмер в масштабе 1:20, выполнен в предельно упрощённом виде и не только не позволяет получить реальное представление о храме, но более того, искажает информацию об архитектонике здания. Судя по опубликованному плану, все кладки строения между собой перевязаны, тогда как, на самом деле, массивные лопатки к продольным стенам наоса пристыкованы и по отношению к первоначальной конструкции вторичны. Соприкасаясь, к основному объёму примыкает также и могила 2. Согласно опубликованному плану, толщина апсиды по направлению к плечам увеличивается, однако в действительности на всём протяжении она была постоянной, а алтарное полукружие и снаружи имело циркульные очертания. Помещение, трактуемое как дарохранилище, на чертеже представлено фрагментарно, без изображения северо-восточной и северо-западной кладок сооружения.

Очевидной ошибкой является также вывод о том, что церковь имела притвор и наос, ибо «пилоны», находившиеся практически посередине боковых стен, никоим образом не «делят прямоугольный объём здания» (т. е. внутреннее пространство храма) на обособленные компартименты. Остаётся только

сожалеть, что вне внимания Э.Д. Зиливинской остался опубликованный отчёт о раскопках Чембало в 2004 г., где содержится критический анализ введённых в научный оборот сведений по этому храму (Адаксина, Кирилко, Мыц 2005: 36—37), ознакомление с которым позволило бы ей избежать тиражирования нелепостей, сотворённых в своё время авторами раскопок строения и до сих пор ими не устранённых (Дьячков, Алексеенко 2002: 28—27; Дьячков 2004: 247—255).

Далее в своей монографии Э.Д. Зиливинская, со ссылками на публикации непосредственных исследователей памятников, приводит краткое описание нескольких храмов южнобережного Крыма: одного якобы XIII—XIV вв.⁵, находившегося «недалеко от Ореанды», двух на Аю-Даге, датированных XIV в., и ещё двух, «конца XIV — начала XV вв.», выявленных на склонах г. Ай-Тодор, позабыв, правда, указать, откуда почерпнуты сведения о последней церкви или хотя бы то, кем она была изучена⁶ (Зиливинская 2014а: 77—78). Сводка имеет исключительно информативный характер, анализ архитектоники и сопоставление сооружений между собой отсутствуют. Текст иллюстрирован планами трёх из пяти выделенных строений, причём ссылку на источники заимствования Э.Д. Зиливинская обобщает — «по Е. А. Паршиной, И. Б. Тесленко, А. В. Лысенко» (Зиливинская 2014а: рис. 83). Подобное представление авторов скопом несколько некорректно, прежде всего, по отношению к ним самим, ибо не позволяет справедливо оценить реальный вклад каждого, так как первому принадлежит только одно изображение, маркированное циф-

⁵ На самом деле автор раскопок памятника в упомянутом ссылкой источнике сообщает иную информацию: «Ореандовский комплекс — храм и могильник — по всей совокупности данных можно датировать XIII—XV вв.» (Паршина 1968: 70). Характеризуя строение, Е. А. Паршина особо отметила то, что дверной проём «находился в южной стене храма, у юго-восточного угла», тогда как Э.Д. Зиливинская данное уточнение почему-то сочла несущественным и в своём описании церкви его опустила (Паршина 1968: 65; Зиливинская 2014а: 77). В южнобережных однефных храмах с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой боковой вход мог располагаться либо по центру, либо был смещён к западу, либо примыкал непосредственно к передней стене, причём последний вариант является важным хронологическим признаком (Кирилко 2016а: 477—478).

⁶ Археологическое исследование памятника осуществила О. А. Паршина в 1969 г., а отдельные материалы раскопок, в частности, план храма, введены в научный оборот (Паршина 1972: 253—257).

рой 1, а остальные две позиции таблицы почерпнуты из нескольких публикаций, в которых фамилии исполнителей, надо полагать, не случайно расположены в разной последовательности (Лысенко, Тесленко 2002: рис. 2; Тесленко, Лысенко 2004: рис. 3). Более того, план храма, находившегося на южной окраине с. Малый Маяк, при репродуцировании неожиданно подвергся облагораживающей, нигде не оговоренной, корректировке (Зиливинская 2014а: рис. 83: 3), в результате кладка северной стены церкви с внешней стороны приобрела несвойственные ей прямые очертания.

Возвращаясь вновь к вопросу о соответствии содержания главы теме монографии, предпринятое Э. Д. Зиливинской беглое описание нескольких христианских храмов южнобережного Крыма выглядит немного неуместным, так как эта территория Улусу Джучи фактически не принадлежала и, более того, была практически недоступной для кочевников, а поскольку впоследствии к представленным постройкам автор больше не обращается, необходимость рассмотрения здесь церквей Аю-Дага, Ай-Тодора и Ореанды из контекста сочинения непонятна. Впрочем, не объясняется также и то, чем руководствовалась исследовательница при выборе самих объектов, ибо сейчас на ЮБК известно, как минимум, 115 разнообразных средневековых храмов, каждый из которых достоин особого внимания (Бочаров, Кирилко 2017б). В этой связи остаётся лишь сожалеть о том, что Э. Д. Зиливинская не заметила ценное наблюдение В. Л. Мыца, имеющее непосредственное отношение к цели её исследования. Согласно его выводам, достаточно большой представляется вероятность того, что появление в Крыму летом 1365 г. орды Мамайя сопровождалось насильственной мобилизацией в войско хана Абдуллаха и погромами, а это, в свою очередь, вполне могло вызвать массовое бегство жителей Херсона и его окрестностей в труднодоступные горные районы над морем, где беженцами затем были основаны монастыри и возведены новые храмы (Лысенко, Тесленко 2002: 71; Мыц 2009: 42).

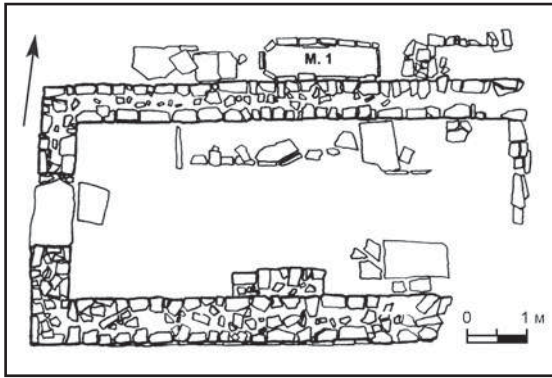
Далее Э. Д. Зиливинская перемещается на другой конец Крыма и обращается к рассмотрению христианских памятников Сугдеи, для которой «золотоордынский период был тяжёлым временем», и кратко, привлекая в качестве библиографического, причём единственного, источника научно-популярный путеводитель, представляет её историю, полную перипетий и конфликтов, особо выделяя следующие события: «в кон-

це XIII — начале XIV вв. город неоднократно захватывался монголами», «в 1322 г., во время правления Узбека, здесь начались гонения на христиан» и «воспользовавшись смутой 60—80-х гг. в Золотой Орде, генуэзцы присоединяют Сугдею к своим владениям» (Зиливинская 2014а: 78).

Для более полного восприятия условий, в которых формировалась архитектурная среда, предложенную исследовательницей хронологическую сводку стоит дополнить деталями. Судя по греческим документам, верующим Сугдеи действительно неоднократно пришлось познать произвол солхатских правителей. 8 августа 1322 г., захватив город, Талактемир и гонец золотоордынского хана Узбека по имени Караболат «спустили все колокола и сняли иконы и кресты и отомкнули ворота» (Могаричев и др. 2009: 290, №147), а один из храмов обратили в мечеть (Юргевич 1863: 831, прим. 118). Спустя полгода, 26 января 1323 г., там произошло новое уничтожение православных святынь — «безбожные агаряне скрыли божественную и священную икону Спасителя нашего Иисуса Христа, которая на царских воротах богоспасаемого города Сугдаи» (Могаричев и др. 2009: 290, №148). 25 апреля 1327 г. Сугдея подверглась очередному нападению татар, которые «захватили крепость, святую Софию Сугдаи и Святого Стефана и Святую Варвару по имени Агачбашлы» (Могаричев и др. 2009: 291, №153). Известно также, что по приказанию Талактемира тогда были сожжены девять икон из числа чтимых (Могаричев и др. 2009: 292, №165).

Э. Д. Зиливинская выделяет всего четыре (из около двадцати ей известных в городе и ближайшей округе) церкви Сугдеи — далеко не самых показательных, сведения о которых она почерпнула главным образом из краткого, к тому же не иллюстрированного, обзора культовых построек города (Джанов, Майко, Фарбей 2004: 86—91; Зиливинская 2014а: 78), хотя упомянутые ею храмы в научном обороте представлены более полноценными и содержательными исследованиями с чертежами, крайне необходимыми для объективного восприятия архитектоники сооружений.

Первая церковь находилась в западном секторе портовой части города, была одноапсидной, её стены сложены из бута, имела вход с западной стороны, «датируется предположительно XIII—XV вв.». Наряду с этой, довольно поверхностной, информацией о храме, Э. Д. Зиливинская сообщает также неправильные размеры здания — «7,8×6,7 м»,

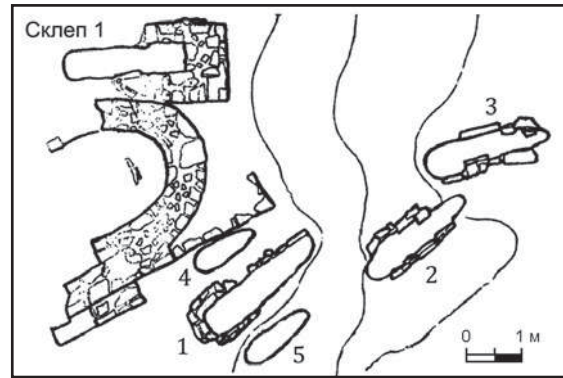

Рис. 14. Храм 1995 г. в портовой части Сугдеи. План (по Майко, Джанов 2015: рис. 134: 1).

Fig. 14. Church of 1995 in the docks of Sugdeya. Plan (after Майко, Джанов 2015: рис. 134: 1).

и тем самым почти в два раза завышает его ширину. По сути, она повторяет чужую ошибку — «7,8×6,65 м», допущенную авторами публикации (Джанов, Майко, Фарбей 2004: 87), на которую ссылается, даже не усомнившись в достоверности сведений. В действительности же археологическим изучением памятника было установлено, что площадь нефа составляла 3,0×7,5 м (рис. 14), а упомянутые метрические характеристики имели совсем иное значение: «Длина северной стены, сложенной из блоков сланца на известковом растворе, 7,8 м. Её толщина 0,7 м при максимальной высоте 0,65—0,70 м. Противоположная стена прослежена в длину на 6,65 м» (Баранов, Майко, Кузьминов 2007: 22). Впрочем, нынешние исследователи Сугдеи, издавая научные материалы покойного автора раскопок, сами по поводу подобных неточностей особо не переживают и продолжают их множить, сообщая, в частности: «Сохранились три стены наоса храма размерами 7,8×3,50 м». При этом опубликованный ими план и линейный масштаб чертежа между собой не совпадают (Майко, Джанов 2015: 242, рис. 134: 1).

Следующая, «сильно разрушенная церковь», также находившаяся в портовом районе Сугдеи, Э.Д. Зиливинской представлена всего двумя предложениями и трактована как постройка «такого же плана» (Зиливинская 2014а: 78). Вывод не совсем корректный, поскольку у первого храма апсида полностью утрачена, тогда как от этой, наоборот, уцелела только алтарная часть сооружения, да и то фрагментарно, а всё прочее лишь предположительно восстанавливается по вырубкам в скальной поверхности, причём не получившим абсолютно никакого документального подтверждения в графических материалах

Рис. 15. Храм 1993 г. в портовой части Сугдеи. План (по Майко, Джанов 2015: рис. 133: 1).

Fig. 15. Church of 1993 in the docks of Sugdeya. Plan (after Майко, Джанов 2015: рис. 133: 1).

раскопок (рис. 15). Вне внимания исследовательницы осталась весьма важная и характерная особенность здания — прямоугольное подножие полукруглой апсиды, которое известно ещё на нескольких местных церквях и, возможно, связано с архитектурными традициями Армении (Кирилко 2016а: 472). По крайней мере, сам автор археологического изучения памятника уверенно считал, что данная постройка была «типичной однефной часовней, возведенной армянскими зодчими в XIV в.» (Баранов, Майко 1994: 14).

Третий храм был монастырским, находился недалеко от крепости на южном склоне г. Перчем. Э.Д. Зиливинской он определён как «зальный», что из-за отсутствия в книге иллюстрации не даёт реального представления об его архитектонике, и датирован XIV—XV вв. Эта церковь, пожалуй, единственное из всех упомянутых исследовательницей культовых зданий Судака, которое соотносимо с темой монографии, поскольку, принимая во внимание наличие явных признаков (Кирилко 2016а: 475—476), есть основание считать, что окончательный вид комплекса (рис. 16), вероятнее всего, сформировался в золотоордынское, либо предельно близкое к нему, время. Несмотря на то, что материалы, в том числе и графические, археологического изучения монастыря неоднократно публиковались (Баранов, Тур, 1997: 46—50; Тур 1997: 117—125), Э.Д. Зиливинской они остались неизвестными, а используемый ею один-единственный, да и то опосредованный, источник позволяет ей сообщить только об отдельных архитектурно-конструктивных характеристиках строения — храм сложен из песчаниковых плит на глиняном растворе, «что предполагает наличие стропильного

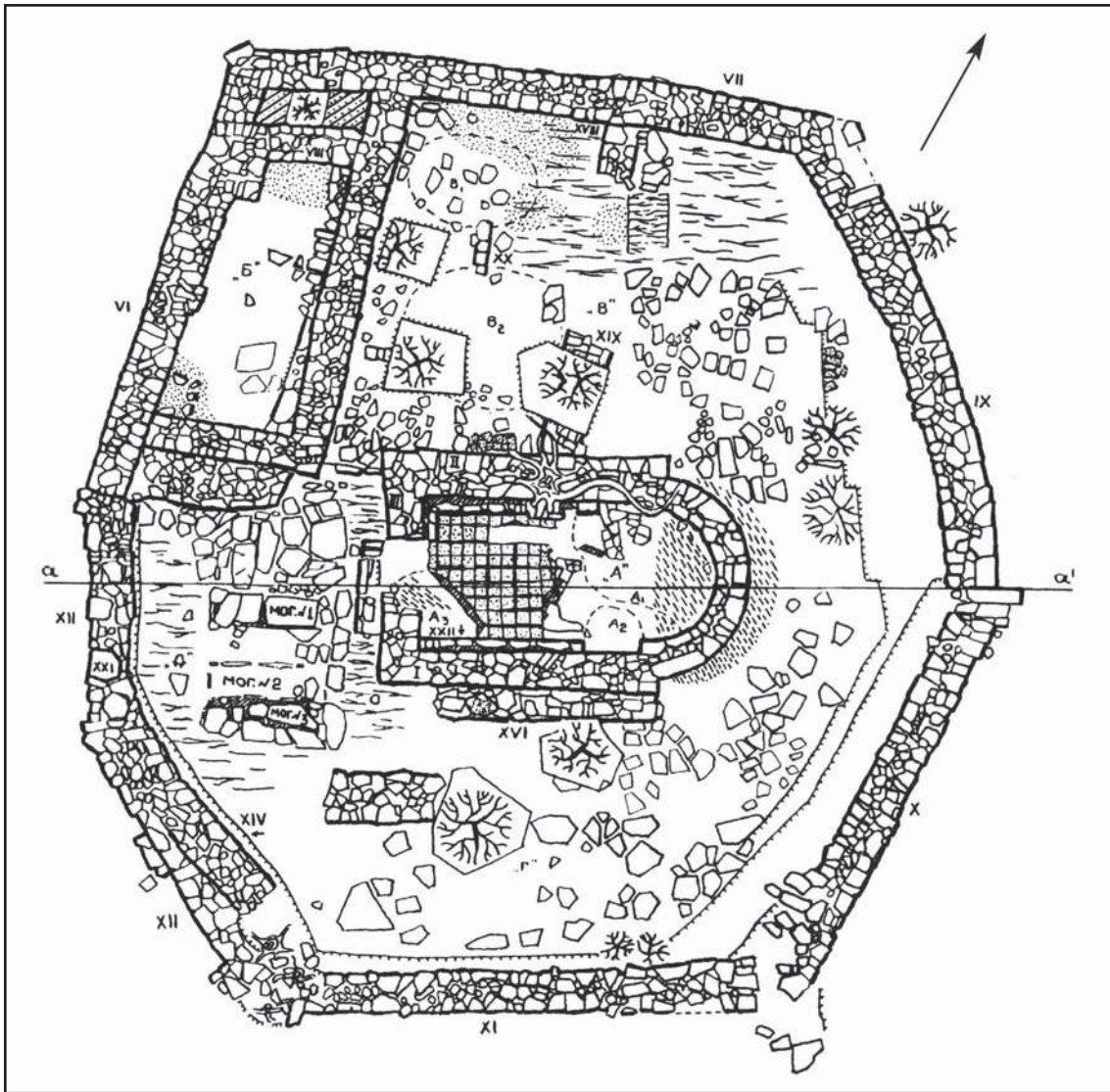

Рис. 16. Христианский монастырь на южном склоне г. Перчем вблизи Судака. План (по Баранов, Тур 1997: рис. 31).

Fig. 16. Christian monastery on the southern slope of Perchem Mount near Sudak. Plan (after Баранов, Тур 1997: рис. 31).

перекрытия», пол имел покрытие из плитки, а алтарная часть была оштукатурена и расписана (Джанов, Майко, Фарбей 2004: 86—91; Зиливинская 2014а: 78). Однако не всё столь однозначно, по крайней мере, автор раскопок считает иначе: «Судя по обнаруженным в центре обработанным камням из ракушечника, храм был перекрыт коробовым сводом с подпружной аркой в центре нефа» (Баранов, Тур 1997: 46), но его вывод исследовательницей не учитывается.

Четвёртый из выделенных Э. Д. Зиливинской христианских объектов Сугдеи — «Храм на консолях», непосредственного отношения к теме монографии не имеет, поскольку принадлежит к генуэзскому периоду города, уже утраченного властями Солхата, и более того, следует совершенно иной,

западноевропейской, культурной традиции, получившей отражение в использовании характерных архитектурных форм. По мнению О. М. Иоаннисяна, истоки этого типа церковных сооружений, отличавшихся наличием двух апсид, необходимо искать в итальянском зодчестве эпохи средневековья, особенности которого, вместе с торговым присутствием, распространяются в Причерноморье (Иоаннисян 2013: 98; Мусин 2015: 281).

Следующая, достаточно объёмная, часть главы о христианских храмах посвящена важнейшему политическому, административному и культурному центру Крыма, а также столице Генуэзской Газарии — Каффе, которая с конца XIII в. по 1475 г. принадлежала лигурийцам, но как она соотносится с темой монографии, автор сочинения не объясняет.

Э. Д. Зиливинская пересказывает впечатления Ибн Баттуты, посетившего город в 1334 г., далее сообщает сведения из Устава Каффы 1449 г. о населении и названиях отдельных римско-католических церквей, дополняет их перечнем латинских храмов по данным массарий 1381 и 1386 гг. со ссылкой на книгу Е. А. Айбабиной, упоминает о существовании греческих и русских церквей, затем переходит к относительно подробному описанию армянских храмов, основная информация о которых старательно почерпнута из публикации А. Л. Якобсона (Зиливинская 2014а: 78—79).

Первой рассматривается церковь Иоанна Предтечи, построенная в 1348 г. за пределами цитадели, возможно, на территории старого армянского посада. Характеристика строения иллюстрирована чертежами плана и продольного разреза (оба они даны в зеркальном изображении, что ощутимо искажает информацию, в частности, сообщает им неправильную ориентацию по сторонам света), а также современными фотоснимками внешнего и внутренних видов сооружения (Зиливинская 2014а: 79—80, рис. 85). При разъяснении использованных терминов исследовательницей не учтена оставшаяся ей неизвестной публикация о крымских гавитах, в которой представлены местные особенности этих сооружений (Халпачьян 1991).

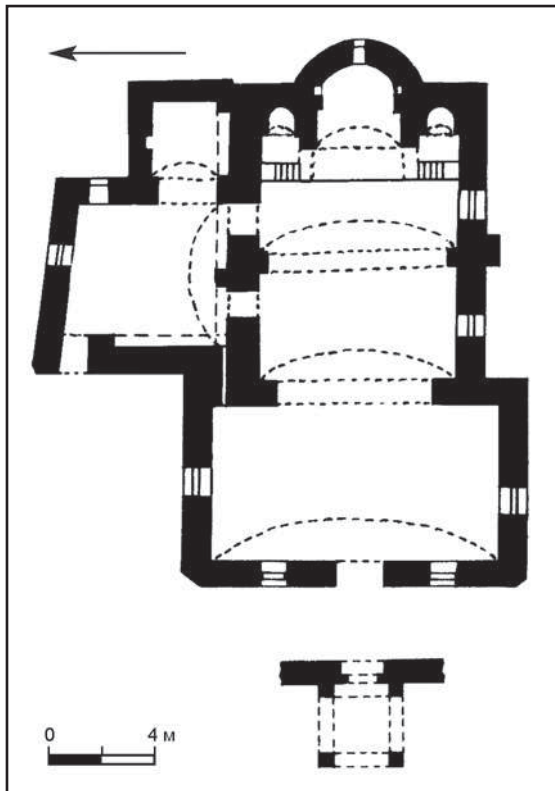
Далее следует описание храма 1408 г., который находится внутри крепости, был построен во имя небесных воинов Гавриила и Михаила, принадлежал армянской общине. Здание церкви воспроизводит архитектуру генуэзцев, используя типичные формы западноевропейского, в частности, итальянского зодчества того времени. От себя исследовательница добавила приблизительные размеры сооружения (13 × 12 м), высчитанные ею по плану, справедливо сетуя на то, что «В публикациях (А. Л. Якобсона. — В. К.) размеры в тексте и на плане не совпадают. В тексте они сильно (ровно в два раза. — В. К.) уменьшены» (Зиливинская 2014а: 80—81). Описание постройки и свои выводы по поводу отмеченного несоответствия она иллюстрирует чертежами А. Л. Якобсона, дополнив их новой, собственной, масштабной линейкой, которая, по сравнению с использовавшейся прежде, причём относительно точной, почему-то стала короче на одну шестую часть первоначальной длины. Более того, само графическое изображение ею неправильно ориентировано по сторонам света и репродуцируется в искажённом виде — план и продольный разрез зеркально отражены по горизонта-

ли, как следствие, южный придел превратился в северный (Зиливинская 2014а: 80—81, рис. 86: 1).

Третья церковь — Св. Сергия (Сурб Саркис), несмотря на свою редкую сохранность, принадлежит к числу слабо изученных армянских построек, обычно датируется XIV в., хотя отдельные специалисты считают возможным связать её появление с концом XII — началом XIII вв. (Якобсон 1964: 116; Якобсон, Таманян 1990: 36—37). Выражая сожаление, что «архитектура этого храма пока не стала предметом специального исследования»⁷, Э. Д. Зиливинская предлагает собственное описание строения, иллюстрируемое семью современными фотоснимками. Характеристика сооружения у неё получилась невнятной, и без плана, отсутствующего в монографии, практически не воспринимается. Северную часть церкви исследовательница считает более древней, хотя та явно пристроена к основному объёму (рис. 17), причём, по мнению автора проекта реставрации памятника — Е. И. Лопушинской, произошло это в XVI в. (Лапушинская 1984: 58, рис. 1: б). Архитектурный декор интерьера ею соотнесён с сельджукскими традициями (Зиливинская 2014а: 81—82, рис. 87—88).

Своё описание храма Св. Сергия Э. Д. Зиливинская завершает, выделяя в отдельный абзац, упоминанием разнообразных хачкаров, украшавших переднюю стену здания, среди которых исследовательницей особо отмечена «мраморная плита с гербом Генуи». Поскольку здесь речь идёт о неоднократно обновлявшемся гавите второй половины XIX в. (Лапушинская 1984: 59, рис. 1: г), дополнительно облагороженном современными реставраторами, то вряд ли можно считать правомерным последовавший затем вывод: «Таким образом, в этом храме одновременно прослеживаются черты армянской, западной романской (sic! — В. К.) и восточной сельджукской архитектурных традиций» (Зиливинская 2014а: 81—82, рис. 87: 2). Дело в том, что в декоративном убранстве западного фасада притвора упомянутый ею герб используется вторично, причём не как геральдический символ, но исключительно в качестве самобытного

⁷ В свою очередь, также приходится сожалеть о том, что Э. Д. Зиливинской остались неизвестными давно опубликованные материалы специального исследования памятника архитектором-реставратором Е. И. Лопушинской (Лапушинская 1984), ознакомление с которыми, несомненно, позволили бы ей избежать целого ряда ошибок, особенно в части строительной периодизации здания.

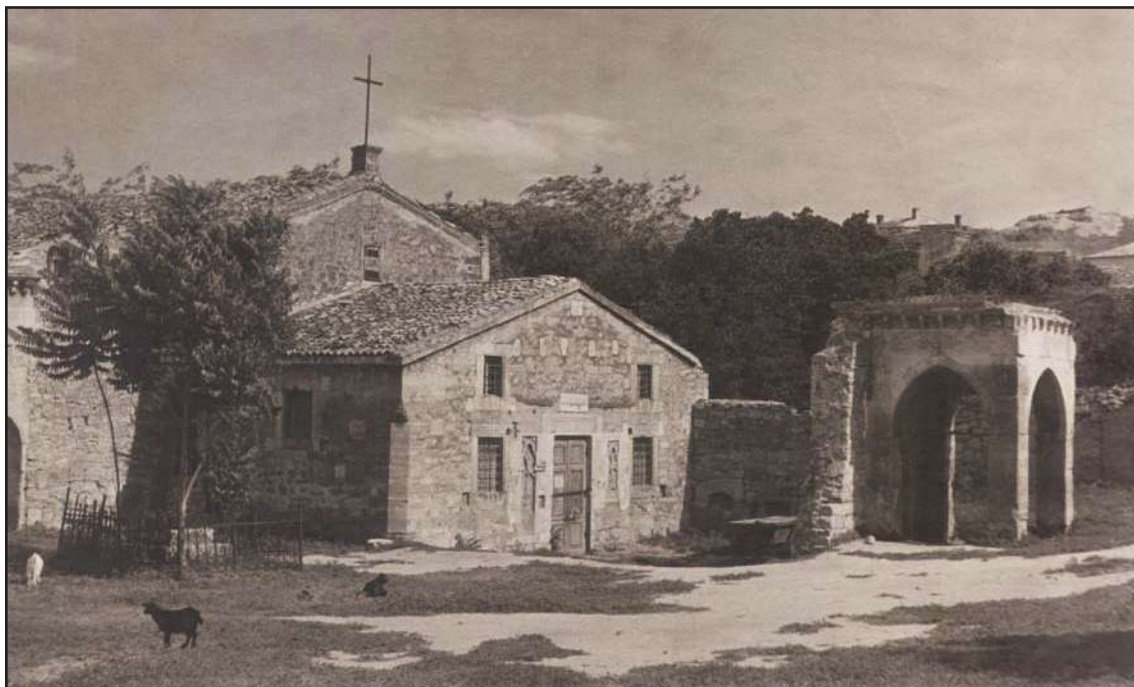
Рис. 17. Церковь Св. Сергия (Сурб Саркис) в Каффе. План (по Артемов 1985: 286).

Fig. 17. St. Sergius Church (Surb Sarkis) in Caffa. Plan (Артемов 1985: 286).

хачкара. Более того, изначально, до исправления нынешними умельцами «ошибки» мастеров прошлого и придания рельефу «правильного» положения, он был установлен в перевернутом виде (рис. 18), что в соответствии с законами геральдики сродни публичному уничтожению, разумеется, совершенно недопустимому при геноуэзцах.

Согласно утверждению Э. Д. Зиливинской, остальные храмы Каффы и её окрестностей «имеют более простую планировку» и представляют собой «зальные постройки с апсидой в восточной части». Исследовательницей приводится краткое описание четырёх церквей, сопровождаемое современными фотографиями и планами: двух армянских — Иоанна Богослова, датируемой XIV в., и Св. Стефана, без указания времени возведения, одной греческой — св. Георгия Победоносца, которая в XIV в. принадлежала православному монастырю, упомянутому в грамоте Константинопольского патриарха 1395 г. (ссылка на источник и обоснование отсутствуют), и сооружения неясного происхождения, идентифицируемого разными исследователями как армянская церковь Св. Стефана XIII в. либо греческая церковь Св. Дмитрия Солунского (Зиливинская 2014а: 82, рис. 87—91).

Не обошлось без досадных ошибок. Представляя армянский храм, выявленный раскоп-

Рис. 18. Церковь Св. Сергия (Сурб Саркис) в Каффе. Вид с северо-запада (Научный архив ИАК РАН. Личный фонд Ю. С. Воронина. Папка №164. Л. 16).

Fig. 18. St. Sergius Church (Surb Sarkis) in Caffa. View from the north-west (Scientific archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Science. Yu.S. Voronin Personal Fund. Folder no.164. Sheet 16).

ками в юго-восточной части города и соотносимый с именем св. Стефана, автор монографии сообщает: «Два входа в здание сделаны в южной стене», что, прежде всего, противоречит прилагаемому в качестве иллюстрации плану постройки (Зиливинская 2014а: 82, рис. 91: 3). На самом деле, дверные проёмы располагались по одному с западной и южной сторон церкви, по крайней мере, так указано в публикации материалов археологического изучения памятника, на которую ссылается исследовательница (Айбабина, Бочаров 1997: 213, табл. 3). Недоумение вызывает также неоднократно предпринимаемое ею ничем не обоснованное округление отдельных размеров, за счёт их увеличения на 5 см по сравнению с введёнными в научный оборот точными результатами обмеров. При этом содержание источника Э.Д. Зиливинской не было должным образом проработано и, как следствие, недочёт авторов раскопок — уменьшенный в два раза линейный масштаб чертежа беспрепятственно переключался в её монографию (Айбабина, Бочаров 1997: 213, табл. 3; Зиливинская 2014а: 82, рис. 91: 3).

При воспроизведении плана церкви Св. Иоанна Богослова также искажаются первоначальные сведения (Зиливинская 2014а: 82, рис. 89: 1). Используя в качестве иллюстрации опубликованный чертёж Ю.А. Таманяна, Э.Д. Зиливинская дополняет оригинальное изображение собственной, несоизмеримой с ним, масштабной линейкой, как следствие, в описании сооружения появляются вымышленные размеры храма — 4,5×4 м и гавита — 5,8×5,2 м, которые разительно отличаются от реальных, составлявших, соответственно, 6,60×10,60 м и 9,70×10,60 м (Якобсон, Таманян 1992: рис. 6).

После описания построек генуэзской Каффы Э.Д. Зиливинская в своих изысканиях неожиданно перемещается на противоположную сторону Крыма и приступает к рассмотрению культовой архитектуры т.н. княжества Феодоро, которое располагалось в юго-западной части полуострова и даже соотносимо с темой монографии, поскольку «также формально находилось на территории Золотой Орды, но при этом сохраняло значительную автономию» (Зиливинская 2014а: 82).

Вкратце, причём с большим количеством ошибок, исследовательницей представлена строительная деятельность правителя Феодоро — Алексея Старшего. Прежде всего, она сообщает о том, что им восстанавливается «культовый комплекс храма Константина и Елены (Большой базилики) в Мангупе,

построенной в VI—IX вв. (Якобсон, 1964а. С. 126; Мыц, 2009. С. 141-142)» (Зиливинская 2014а: 82—83), и приводит разрозненные сведения о строении. Упомянутое посвящение базилики является историографическим мифом, по крайней мере, документального подтверждения этому нет. Вероятнее всего, такое имя носил октагональный храм, находившийся в цитадели крепости, который был возведён Алексеем в 1427 г. (Кирилко, Мыц 2001: 374—375). По мнению других исследователей, церковь Св. Константина следует считать постройку, сейчас известную под условным названием «Храм Богородицы» (Герцен 2006: 32—33, 34—35). Огромное недоумение вызывает то, что, судя по ссылке на использованные источники, в работе над книгой Э.Д. Зиливинская не только не привлекает более информативные, монографического характера, публикации (Якобсон 1940; Тиханова 1953), но вне её внимания неожиданно остались многочисленные труды Н.И. Барминой, посвятившей всю свою жизнь изучению этого неординарного памятника христианского зодчества Крыма (Бармина 1983). Подобным образом, сообщая о богато декорированном резьбой наличнике южного входа в базилику (рис. 19), она напрочь игнорирует статью, основным объектом исследования которой является именно это сооружение (Кирилко 2005), либо, что также вполне возможно, не знает о её существовании.

Следующее утверждение Э.Д. Зиливинской: «В.Л. Мыц связывает реконструкцию базилики VIII в. в Партенитах (Мыц, 2009. С. 147)» (Зиливинская 2014а: 83) — является бесцеремонным искажением источника, ибо в указанном месте публикации упомянутая дата представлена совершенно иначе: «время возведения базилики следовало отнести только ко второй половине — последней трети X в., а не к VIII и уж, тем более, не к VI вв., как это считалось долгое время» и «наличие в базилике X в. столь богато оформленной в 1427 г. могилы-кенотафа» (Мыц 2009: 147).

Не меньшее удивление вызывает ещё одно свидетельство исследовательницы: «По мнению В.Л. Мыца, в 1427 г. в Мангупе был построен центрический храм, так называемый “октагон” (Мыц, 2009. С. 134-140)» (Зиливинская 2014а: 83), тогда как в своей монографии В.Л. Мыц лишь представляет историографический обзор и подробно, с соответствующими ссылками, пересказывает содержание более ранней, выполненной им совместно с другим автором, статьи, где впервые появилось обоснование точной даты и интерпретации строения (Кирилко, Мыц 2001). При этом

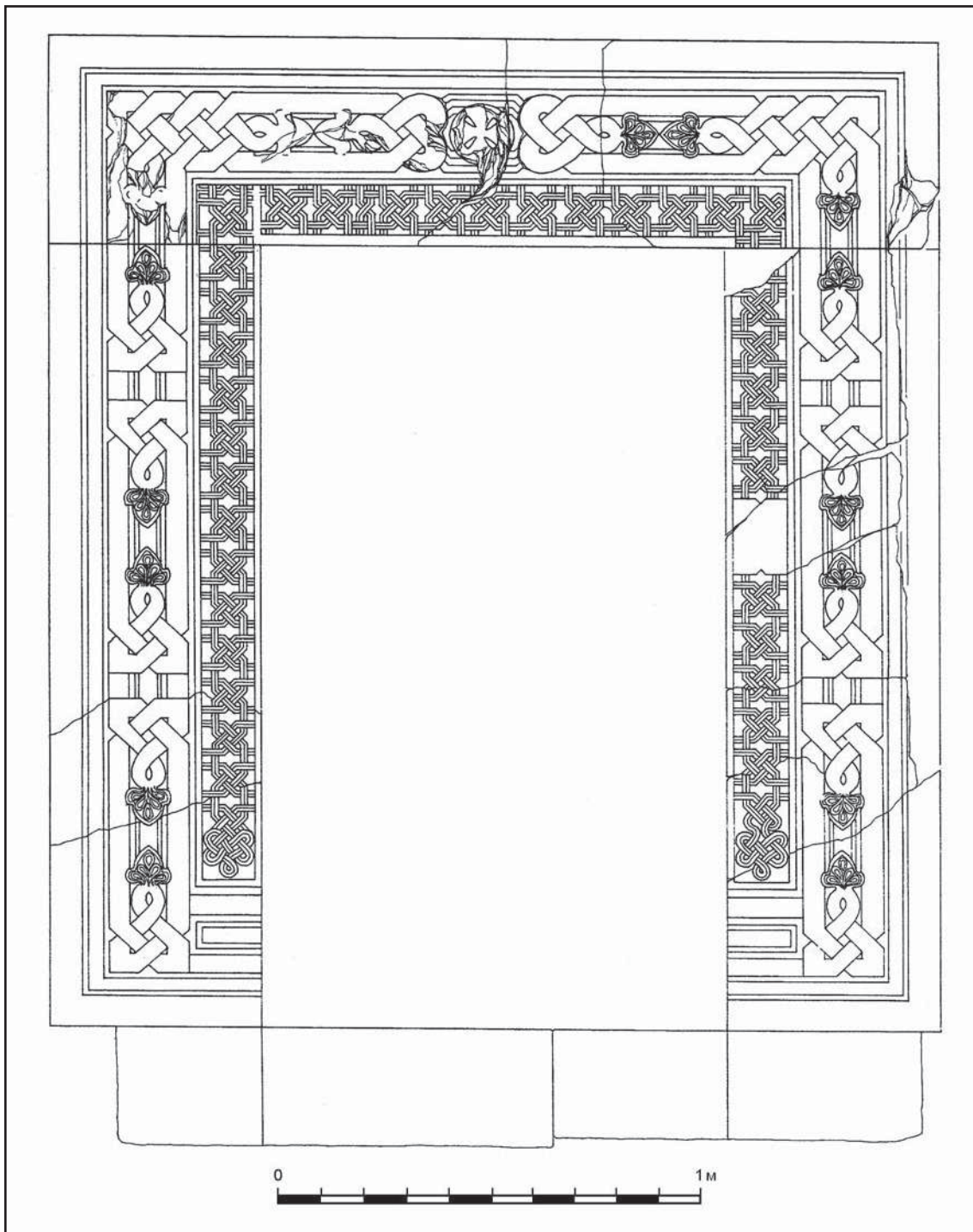

Рис. 19. Южный вход в Большую базилику Мангупа. Реконструкция наличника (по Кирилло 2005: рис. 1).

Fig. 19. Southern entrance into the Grand Basilica of Mangup. A platband of doorway, reconstruction (after Кирилло 2005: рис. 1).

использованный ею в качестве иллюстрации план церкви сопровождается подписью «план по В.Л. Мыщу» (Зиливинская 2014а: рис. 92: 1), несмотря на то, что в публикации, откуда тот заимствован, указана совсем иная информация — «по Ф.А. Брауну, с дополнениями авторов» (Кирилло, Мыщ 2001: рис. 2). Само здание на чертеже ориентировано неверно.

Существенные нарекания вызывает также описание сооружения, которому, по сравнению с остальными постройками Мангупа, Э.Д. Зиливинская уделила довольно-таки много внимания. По крайней мере, её попытка трактовать крестообразный план внутреннего пространства здания как «квадрат с открытыми на четыре стороны широкими лоджиями»,

из которых «восточная лоджия заканчивалась апсидой» (Зиливинская 2014а: 83), выглядит алогичной и неверной по сути, хотя бы потому, что лоджия (итал. *loggia*, от древневерхненем. *laudja* — беседка) является внешней архитектурно-конструктивной деталью строения.

Повышенный интерес исследовательницы к данному памятнику, надо полагать, обусловлен скандальностью дискуссии, возникшей между двумя группами специалистов в связи с установлением приоритета в части датировки и интерпретации строения. Однако при этом Э.Д. Зиливинская использует только две первые работы (Кирилко, Мыц 2001; Герцен, Науменко 2009) из всего появившихся пяти, что представляется довольно странным, учитывая солидный статус её научного труда. По крайней мере, ей остались неизвестными ещё одна статья по теме, опубликованная А.Г. Герценом и В.Е. Науменко (Герцен, Науменко 2010), мой ответ на претензии предыдущих авторов (Кирилко 2010) и робкая невыразительная попытка Д.В. Корзюк, аспирантки второго из оппонентов, внести свою лепту в возникшее противостояние (Корзюк 2012).

Как следствие, Э.Д. Зиливинская, не став сама разбираться в архитектонике здания, просто-напросто повторила ряд несостоятельных выводов А.Г. Герцена и В.Е. Науменко, в том числе и тот, согласно которому «церковь имела притвор прямоугольной формы (3,4×4,0 м) с четырьмя колоннами, поддерживающими перекрытие» (Зиливинская 2014а: 83). Последнее маловероятно, поскольку, судя по подрубкам поверхности основания, размерам и плановой схеме строения, данная часть храма представляла собой четырёхстолпный портик и могла использоваться исключительно в качестве паперти либо колокольни (Кирилко 2010: 115).

Упомянув вскользь «другие церкви, более скромные», Э.Д. Зиливинская сообщает, что три были «высечены в скале», одна из которых, «относящаяся, вероятно, к XIII в., имела фресковую роспись, выполненную художником-греком» (Зиливинская 2014а: 83). Вывод о столь малом количестве пещерных храмов Мангупа является довольно странным, поскольку даже в известных исследовательнице трудах их указано гораздо больше, а пресловутая фреска в Южном монастыре относительно хорошо изучена и может быть датирована XIV—XV вв. (Могаричев 1997: 54—76; Домбровский 1966: 78—89).

Подобным образом сведения о наземной и скальной архитектуре одной из окраин кня-

жества — Каламиты, несмотря на наличие специальных публикаций (Бертье-Делагард 1886; 1918; Могаричев 1997: 6—30), Э.Д. Зиливинской бегло представлены в виде предельно поверхностной информации общего характера, почерпнутой из немного устаревшего источника (Зиливинская 2014а: 84).

Чести быть рассмотренными отдельно удостоились два храма, находившиеся на некрополе средневековой Фуны. Один из них обычного типа — одноапсидный с прямоугольным в плане наосом, второй имел два алтарных полукружия. Характеристики обеих построек составлены на основании публикаций материалов их археологического изучения (Зиливинская 2014а: 84).

Затем, в конце концов, Э.Д. Зиливинская приступает к описанию церковной архитектуры золотоордынского центра региона — города Солхат, население которого было полиэтничным и принадлежало к разным конфессиям, что, по сути, позволяет получить наиболее объективное представление о состоянии культового строительства немусульман на крымских землях Улуса Джучи и максимально отвечает теме монографии. Со ссылкой на одну из работ М.Г. Крамаровского она перечисляет, кто здесь жил и какую веру исповедовал, а также бегло сообщает о существовании в Солхате католической церкви и имевшем место конфликте францисканцев с золотоордынским наместником (Зиливинская 2014а: 84).

Собственно христианским (надо полагать, имеется в виду — православным) Э.Д. Зиливинская считает только один храм, единственный из всех известных, который исследован археологически. По её мнению, данная церковь была часовней и в своё время находилась «в греческом квартале». При этом она ссылается на работы М.Г. Крамаровского (Зиливинская 2014а: 85), хотя тот нигде, ни в одном из своих научных трудов, подобным образом этническую принадлежность района не трактует, но определяет его исключительно как «место расселения христианской общины» (Крамаровский 1989: рис. 2). Подменив понятия, исследовательница тем самым исказила локализацию строения и храм, который мог быть армянским по многим признакам (Кирилко 2008: 41—43), в сущности, относит к числу православных. Э.Д. Зиливинская также допускает ошибку, утверждая, что к основному объёму строения «примыкала полукруглая апсида, диаметр которой равен ширине здания» (Зиливинская 2014а: 85), поскольку, на самом деле, подобное здесь невозможно, ибо алтар-

ный выступ с обоих боков выделен плечами, каждое шириной около 1 м. Свою информацию о постройке, в конечном итоге идентифицированной ею как «греческая церковь», она иллюстрирует уточнённой реконструкцией южного фасада авторства М. Г. Крамаровского, после корректировки (не указано чьей) утратившей барабан с пирамидальным завершением (Зиливинская 2014а: рис. 94). Как ни парадоксально, но сама работа (Крамаровский 2004), в которой детально анализируется этот храм, исследовательнице почему-то осталась неизвестной, а обращается она исключительно к опосредованным источникам (Зиливинская 2014а: 200).

Затем, даже не колеблясь, Э. Д. Зиливинская утверждает: «Без сомнения, в Солхате было «несколько (возможно, несколько десятков) христианских храмов» (Зиливинская 2014а: 85), однако обе обозначенные ею крайности маловероятны. Количество армянских культовых сооружений, известных в XIV—XV вв., более или менее точно определимо — четыре монастыря и девять церквей (Микаелян 1971: 109; Корхмазян 1978: 96; Кирилко 2008: 38)⁸, о постройках иных конфессий приходится судить лишь предположительно. Вероятнее всего, греческая община золотоордынской столицы Крыма была малочисленной армянской и, в отличие от той, вряд ли могла рассчитывать на благожелательное отношение к ней со стороны местной власти, неоднократно подвергавшей сугдейских христиан притеснениям на религиозной почве. Следовательно, нет особых оснований предполагать появление в Солхате и его ближайших окрестностях крупных православных храмов с усложненной архитектурой, а городской пастве для удовлетворения духовных потребностей вполне хватило бы нескольких относительно невзрачных церквей обычного облика — в виде прямоугольной в плане типовой постройки с выступавшей полукруглой апсидой. Видимо, особой выразительностью не отличалась и культовая архитектура латинской общины города, также не испытывавшей явной благосклонности власть имущих, известно только о существовании здесь францисканского монастыря и скриптория при нём (Крамаровский 1989: 147; 2012: 70).

⁸ Упомянутые в ссылке публикации Э. Д. Зиливинской неизвестны, по крайней мере, в списке использованной ею литературы они отсутствуют, хотя одну из работ В. А. Микаеляна, 1964 г. издания, исследовательница всё-таки привлекает, но при этом умудряется исказить фамилию автора (Зиливинская 2014а: 202).

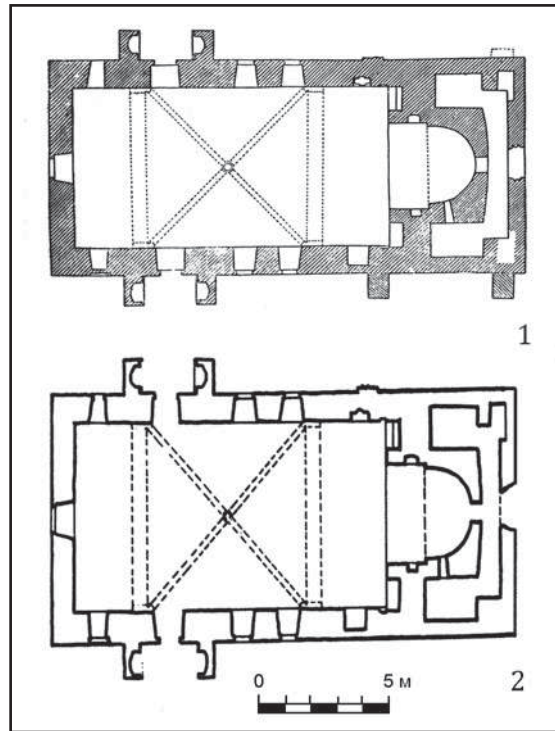

Рис. 20. План храма Св. Ильи близ с. Богатое в научных трудах исследователей памятника (1 — по Якобсон 1964а: рис. 1; 2 — по Зиливинская 2014а: рис. 97: 1).

Fig. 20. Plan of St. Elijah's Church near Bogatoo village, as appeared in archaeological research papers (1 — after Якобсон 1964а: рис. 1; 2 — after Зиливинская 2014а: рис. 97: 1).

Самой представительной была армянская община Солхата, хотя, по мнению Э. Д. Зиливинской, «армянские церкви на территории города не найдены» (Зиливинская 2014а: 85), что, по меньшей мере, является странным (Кирилко 2008). Она выделяет два монастыря — Сурб Хач и Сурб Степанос, которые располагались неподалёку от города, и приводит относительно подробное их описание, почерпнув основные сведения из публикаций А. Л. Якобсона (Зиливинская 2014а: 85—87). Новые, причём монографического характера, исследования по теме (Бабаян, Корхмазян 2000; Байбуртский, Тимиргазин 2008; Саргсян, Петросян 2008) ей неизвестны.

Подобным образом несколько архаичными выглядят и сообщаемые Э. Д. Зиливинской, со ссылкой на статью А. Л. Якобсона, свидетельства о храме св. Ильи у с. Богатое (Бахчи-Ели), якобы возведённом в XIV в., в любом случае, достаточно большая вероятность поздней даты строения — XVI—XVII вв. (Сидоренко 1988: 122; Айбанина 2004: 6—7) исследовательницей даже не оговаривается. Качество самого описания ощутимо усугубляется иллюстративным материалом (рис. 20), исходное изображение ко-

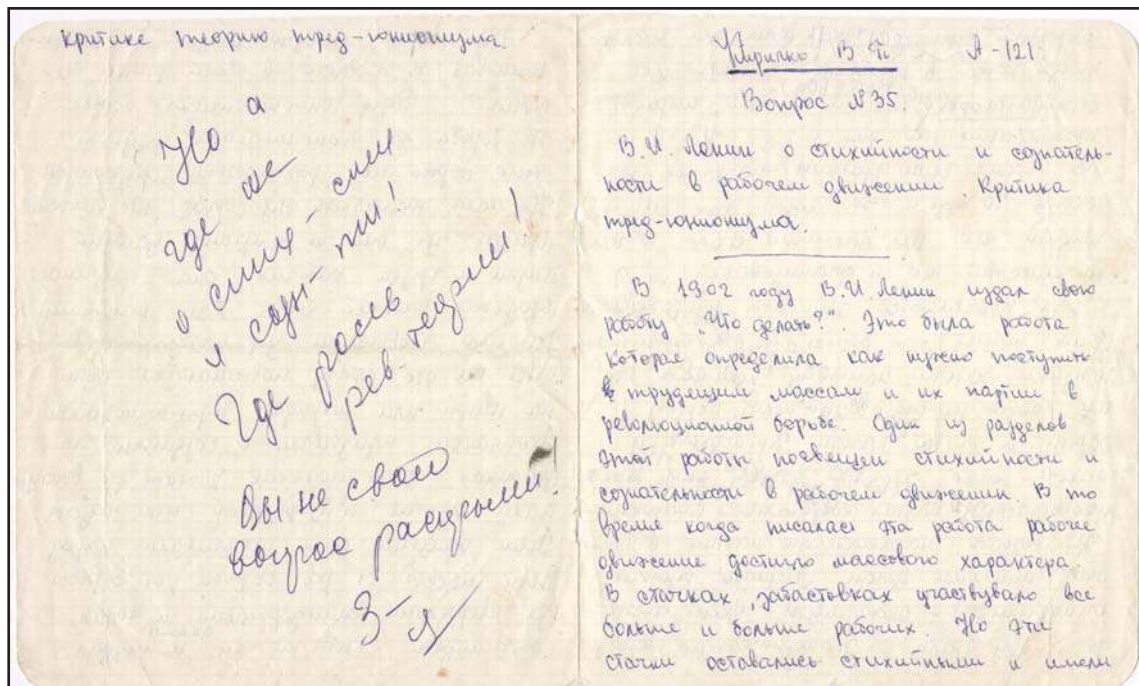

Рис. 21. Контрольная работа В.П. Кирилло по истории КПСС. 1974 г. Из личного архива автора.

Fig. 21. V.P. Kirilko's test paper on the history of the CPSU. 1974. From the author's personal archive.

торого репродуцируется ею со значительными искажениями пропорций (Зиливинская 2014а: 87—88, рис. 97: 1).

Обзор христианских храмов региона завершается неожиданно. Ни с того ни с сего Э.Д. Зиливинская вновь возвращается к пещерным церквям, которые в основном находятся на противоположной от Солхата стороне полуострова — в Юго-Западном Крыму, и декларирует принадлежность большей их части к золотоордынскому периоду (Зиливинская 2014а: 88).

Вторая часть главы, выделенная в самостоятельную рубрику с заголовком «Основные типы церквей и их генезис», начинается с констатации того, что «практически ничего не известно об архитектуре церквей центральной части Золотой Орды», тогда как «можно сделать некоторые выводы о генезисе и традициях церковного зодчества только для двух регионов — Крыма и Кавказа». При этом вновь, вопреки чётко обозначенной теме монографии, происходит подмена понятий, ибо речь идёт о христианской архитектуре Крыма в золотоордынское время, а вовсе не о её составляющем и более специфическом явлении — христианской архитектуре золотоордынского Крыма. В качестве основных типов культовых строений региона исследовательницей в общих чертах отмечены малые одноапсидные храмы с прямоугольным в плане наосом, двухапсидные церкви

и крестово-купольные композиции (Зиливинская 2014а: 92—93). Вне её внимания остались базилики и церковные здания многогранной формы.

Подводя итоги ознакомлению с представленными материалами о христианских сооружениях полуострова, позволю себе небольшое лирическое отступление, появление которого, наряду с содержанием книги, отчасти, обусловили также весьма эмоциональные экскурсии самой исследовательницы, ощутимо разнообразившие её введение к монографии. Крымский контекст главы неожиданно навеял мне воспоминания о замечательном студенческом прошлом. 1974 г. Одесский инженерно-строительный институт. Архитектурный факультет. 1 курс. Первая контрольная работа по самому главному для будущих зодчих предмету «История КПСС». Как обычно бывает у студентов, к поставленному преподавателем вопросу я оказался немного не готов, но с заданием справился! В конечном итоге работа получилась однозначно не двоячная, поскольку хоть ни о чём, но что-то да есть, более того, несколько раз был упомянут сам вождь пролетариата. Как и следовало ожидать, получил заслуженную оценку, причём с весьма красноречивым вердиктом (рис. 21). Потом, правда, я всё наверстал и даже стал отличником. Сейчас же, спустя годы, неожиданно для себя оказавшись на месте нашей незабвенной исторички Марии Ивановны, воисти-

ну великого педагога, и пытаюсь воспринять содержание рассмотренной главы, понимаю, что оценка напрашивается сама по себе: «Три балла, с минусом. Вы не свой вопрос раскрыли!»

Мемориальные постройки

Глава 5. Мавзолеи

Обзор мусульманских мемориальных сооружений золотоордынского Крыма в монографии начинается с дюрбе, находившегося у т.н. мечети Узбека (с северной стороны здания, см.: Кирилко 2013: рис. 1—3), хотя Э. Д. Зиливинская ошибочно размещает его почему-то, более того, со ссылкой на отчёт М. Г. Крамаровского, «на площади перед медресе». Сам по себе этот пример вряд ли можно считать удачным, ибо, несмотря на утверждение исследовательницы: «По монетному материалу мавзолей датируется концом XIV — началом XV вв.» (Зиливинская 2014а: 132—133), автор раскопок считает совершенно иначе: «мавзолей... датирован концом XV — нач. XVI вв.» (Крамаровский 1990: 125)⁹, а следовательно, строение принадлежит уже к совершенно иной эпохе — времени Крымского ханства. Не меньшее удивление вызывает также описание постройки, расположение которой относительно сторон света уже традиционно представлено с искажением информации. По свидетельству Э. Д. Зиливинской, дюрбе ориентировано «по оси запад-восток», тогда как, наоборот, оно вытянуто меридионально и имело чётко обозначенный вход с юга. В свою очередь, последнему противоречит ещё одно утверждение исследовательницы: «Северная и южная стены продолжались к западу примерно на 2,25 м, образуя пилоны портала». На прилагаемой к тексту иллюстрации отсутствует масштаб, а стрелка, указывающая направление на север, изображена неверно и должна быть повёрнута на 90° вправо (Зиливинская 2014а: 132—133, рис. 167: 1).

Далее Э. Д. Зиливинская относительно подробно представила остатки мавзолея №2, расположенного на гребне юго-восточного

отрога г. Малый Агармыш, недалеко от крепостной стены Солхата. Всю информацию о руинах строения она могла почерпнуть непосредственно из отчётов о раскопках М. Г. Крамаровского за 1991—1993 гг., которые упоминаются в ссылке, но отсутствие там указания конкретных страниц, использованных ею, равно как и достаточно невнятная библиографическая характеристика самого источника в списке архивных материалов (Зиливинская 2014а: 133, 209, рис. 167: 2), вызывает определённое недоверие к отдельным сведениям. В частности, размеры основного объёма здания — «10,7 × 10,0 м», сообщаемые Э. Д. Зиливинской при описании объекта, не совпадают с теми, что введены в научный оборот автором раскопок памятника — «10,7 × 10,7 м» (Крамаровский 1994: 163—164), но эта разница ею никак не оговаривается и поэтому, кто из них прав, непонятно. Отличается также дата строения, которую исследовательница уверенно относит к 50—60 гг. XIV вв. (Зиливинская 2014а: 133). При этом сам М. Г. Крамаровский, непосредственно изучавший археологические остатки сооружения, в своих выводах более осторожен: «Можно предположить, что мавзолей построен около середины XIV вв. и в 1346/47 гг., когда в городе свирепствовала чумная пандемия, мавзолей стал последним прибежищем для наиболее почтенных граждан мусульманской общины» (Крамаровский 1994: 164).

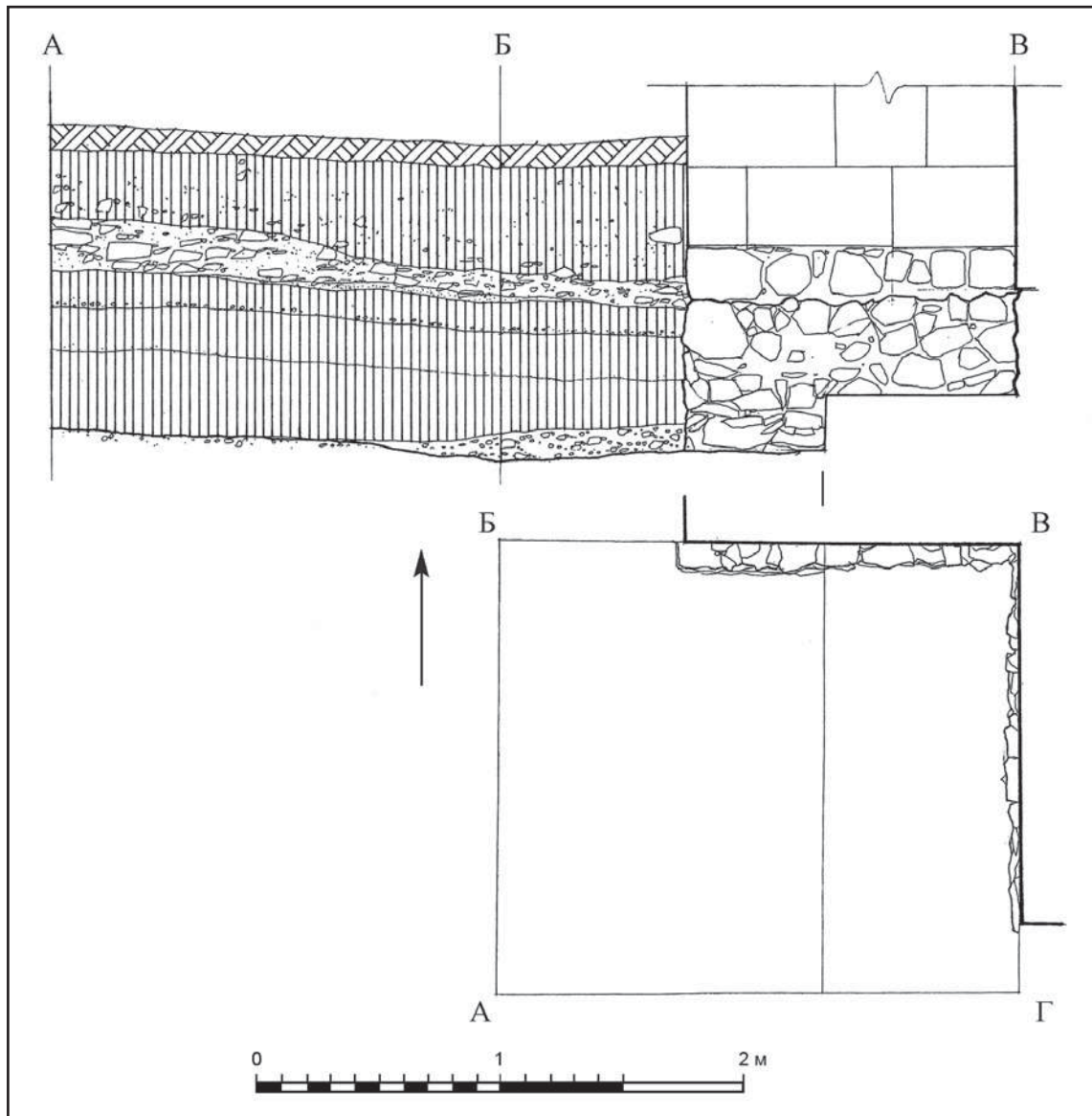
По мнению Э. Д. Зиливинской, в других частях Крымского полуострова «известно довольно много мавзолеев, называемых по-тюркски дюрбе»¹⁰, имеющих различную степень сохранности, но не все они поддаются достоверной датировке. Поэтому исследовательница считает необходимым рассмотреть лишь те памятники, «которые либо построены в золотоордынское время, либо соответствуют золотоордынским мавзолеям по планировке и внешнему облику» (Зиливинская 2014а: 133).

Первым следует описание одного из самых известных мемориальных памятников Крыма — Эски-дюрбе в Бахчисарае, составленное на основании публикаций У. А. Боданинского и Б. Н. Засыпкина (Зиливинская 2014а: 133—134, рис. 168—169). Строение выделяется неординарной архитектуроникой и своим расположением относительно сторон света: оно имело обрамлённый порталом вход с востока и примыкавший к зданию с юга неболь-

⁹ Впрочем, в своих выводах М. Г. Крамаровский, надо полагать, не очень уверен, ибо спустя несколько лет утверждает совсем уже иное: «Мавзолей датируется монетами Баязида I и Тохтамыша временем начала XV в.» (Крамаровский 1994: 164), впоследствии неоднократно их корректирует, но в конце концов вновь возвращается к первоначальной дате (Крамаровский 2014: рис. 11).

¹⁰ К сожалению, не столько много, как того хотелось бы (Боданинский 1927).

Рис. 22. Дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Бахчисарае. Шурф у южного фасада строения. План и стратиграфия, совмещённая с видом кладок фундамента и стены (по Кирилко 2005—2009: рис. 26).

Fig. 22. Mohammad-Shah-Bey's dürbe in Bakhchisaray. Test pit at the southern façade of the building. Plan and stratigraphy superposed with types of masonry of the foundation and the wall (after Кирилко 2005—2009: рис. 26).

шой ограждённый аркадой дворик, с которым мавзолей сообщался дверным проёмом. Точная дата дюрбе неизвестна. Б.Н. Засыпкин считает, что по стилистическому анализу время его возведения нужно отнести к XV в. (Засыпкин 1927: 124). У.А. Боданинский повествует о местных устных преданиях, связывающих появление сооружения с догираевской эпохой (Боданинский 1927: 197), причём эта версия оказалась единственной, получившей отражение в монографии (Зиливинская 2014а: 134). Археологические же исследования памятника, осуществлённые в 2013 г. Э.И. Сейдалиевым, по мнению автора рас-

копок, «дают возможность предварительной датировки времени строительства гробницы Эски Дюрбе — XVII—XVIII вв.» (Сейдалиев 2014: 69).

Не менее дискуссионным является ещё одно погребальное сооружение Бахчисарая — дюрбе Мухаммед-Шах-бея, в котором архитектурные традиции золотоордынского времени выражены наиболее ярко, а само оно обычно датируется концом XIV — началом XV вв. (Зиливинская 2014а: 134—135, рис. 170—172).

В 1991 г. Горно-Крымская археологическая экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством

В. Л. Мыца провела раскопки и обмер руины. В результате архитектурно-археологического изучения строительных остатков удалось получить практически исчерпывающую характеристику архитектоники здания и установить, что мавзолеев был возведен в последней четверти XVIII в., около 1778 г. (Кирилло 2005—2009: 451—464). Столь точное определение даты стало возможно благодаря обнаружению в нижней части отложений строительного горизонта двух бронзовых монет, одна из которых имела исключительную сохранность, была чеканена Шахин-Гиреем (1746—1787) и относилась ко второму году его правления — 1192 г. х. (= 1778 г.).

Материалы исследований 1991 г. полностью опубликованы и Э. Д. Зиливинской известны, при этом обусловленные ими выводы она считает несколько поспешными, а почерпнутую отсюда информацию при описании мавзолея излагает довольно своеобразно, местами с искажением содержания. Представление постройки исследовательница традиционно начинает с ошибки, на этот раз — грамматической, допущенной ею в одном из имён, названных строительной надписью. Причём это не банальная опечатка, ибо она повторяется и в следующем абзаце. Более того, саму трактовку посвящения вряд ли можно считать корректной. Автор монографии сообщает, что над дверью сохранилась «плита с арабской надписью с именем строителя» (Зиливинская 2014а: 134), тогда как упомянутый там Мухаммед-Шах-бей был заказчиком, поскольку, согласно эпиграфическому источнику, он лишь «приказал построить» гробницу для своей матери (Засыпкин 1927: 117). Неверно также её свидетельство о том, что боковые пятигранные ниши портала в плане полукруглые (Зиливинская 2014а: 134). Справедливости ради следует отметить, что первым подобную оплошность в своё время допустил У. Э. Боданинский (Боданинский 1927: 199), и Э. Д. Зиливинская ошибку лишь повторила, хотя среди используемых исследовательницей библиографических источников имеется публикация с более достоверными сведениями о памятнике (Засыпкин 1927: черт. 1). К тому же, позднее данная неточность мной была исправлена, а сведения об этом и качественные обмерные чертежи сооружения введены в научный оборот (Кирилло 2005—2009: 463, прим. 3, рис. 10, 14), но, по сути, они остались не востребуемыми, хотя и репродуцируются автором монографии в виде иллюстраций (Зиливинская 2014а: рис. 170—171).

Достаточно своеобразно Э. Д. Зиливинская трактует опубликованную информацию о слое, подстилавшем строительный горизонт, и трёх (!) находках в нём — «получен керамический материал, часть которого определена и может быть датирована XIV в.: два фрагмента золотоордынских поливных красноглиняных чаш с подглазурной росписью белым ангобом, один обломок тонкостенного поливного кувшина с тонким врезным растительным орнаментом» (Кирилло 2005—2009: 462), неожиданно ставшем в её интерпретации «почвой, насыщенной (sic! — В. К.) золотоордынской керамикой» (Зиливинская 2009: 134). Необоснованному сомнению ею подвергается непотревоженность культурных отложений в месте обнаружения монеты — «она могла попасть в слой случайным образом (например, закатилась в ямку или нору)» (Зиливинская 2014: 134). Чего не было, того не было — каких-либо повреждений культурного слоя грызунами в месте обнаружения нумизматического материала во время раскопок не отмечалось.

При этом Э. Д. Зиливинская постаралась не заметить важной особенности слоя с монетами (рис. 22), обозначенной в публикации: «Она состоит в том, что отложения деструктурированного известкового раствора с отёсом камня, разномерным бутом и отдельными архитектурными деталями залежали непосредственно поверх натёков извести на дневной поверхности, являясь, по сути, составной частью строительного горизонта. При этом их толщина увеличивается с удалением от строения и уменьшается у стен, способствуя таким образом созданию у входа относительно ровной площадки. Т. е. речь должна идти не о слое разрушения (который имеет свойство больше накапливаться ближе к сооружению и уменьшаться по удалению от него. — В. К.), но о вертикальной планировке и приведению территории строительства после завершения работ в порядок, а следовательно, найденные в нём монеты свидетельствуют о времени возведения здания — последняя четверть XVIII в. (около 1778 г.)» (Кирилло 2005—2009: 463). Даже если предположить, что выравниванию подвергся слой, который образовался в результате частичного разрушения дюрбе, то он не мог не появиться сразу после завершения строительных работ, ибо между ним и известковыми натёками на земле не было никакой разделяющей прослойки или инородных включений.

Стремление Э. Д. Зиливинской, во что бы то ни стало, отнести возведение дюрбе Мухаммед-Шах-бея непременно к золотоор-

дынскому времени, вполне объяснимо и обуславливается не только желанием установить истину. Поскольку данную постройку она считает одной из основных аналогий для Восточного мавзолея Болгара (по крайней мере, такая параллель исследовательницей была оглашена на Болгарском Форуме 2011 г. в Казани)¹¹, а использование в этом качестве поздних сооружений ей представляется некорректным, за что даже досталось отдельным коллегам, например, Л.Ю. Маньковской за сравнение разновременных мечетей (Зиливинская 2014а: 42), то, следовательно, для бесспорных выводов нужна правильная дата, которая не противоречила бы логике рассуждений о генезисе мемориальных построек. Поэтому заключение Э.Д. Зиливинской предельно категорично: «Архитектура здания является типично сельджукской и совершенно не соответствует XVIII в.» (Зиливинская 2014а: 134). Парадоксально, но при этом она старательно не замечает такой выразительной детали здания, как сталактитовый свод боковой ниши портала, мукарны которого имеют специфическую форму — характерную для османской декоративной пластики, а ближайшая им аналогия представлена на четко датированном Северном дюрбе (Девлет-Герая, XVII в.) в Бахчисарае (Кирилко 2005—2009: прим. 4, рис. 10).

Не менее важно и другое — в отличие от Восточного мавзолея Болгара, где переход к куполу обеспечивают трюмпы, действительно характерные для сельджукской строительной традиции, в мавзолее Мухаммед-Шахбея купол поддерживается парусами, более свойственными для построек османской архитектуры.

К числу погребальных строений, которые по своему внешнему облику «соответствуют крымским мавзолеям золотоордынского времени», Э.Д. Зиливинская относит ещё два сооружения, находившиеся на окраине Бахчисарае в местности Азис — дюрбе №4 и «Малый восьмигранник». Точная дата обеих построек неизвестна. Разрозненные сведения о самих зданиях исследовательница иллюстрирует чертежами планов и фотоснимками общих видов, а также фрагментом графической работы художника Г. Гейслера, здесь представленной некорректно — без упоминания фамилии её автора, как некий «рисунок из сочинений П.С. Палласа», на-

учные труды которого, в свою очередь, достаточно многочисленны, а значит, источник должен быть назван конкретно (Зиливинская 2014а: 135, рис. 173).

Последним рассматривается дюрбе в Чуфут-Кале, «надгробная плита» (точнее, надгробие) из которого принадлежала Джанике Ханым, дочери Тохтамыш-хана, умершей в 841 г. х. (= 1437 г.). Само строение обычно датируется началом XVI в. (Герцен, Могаричев 1993: 58—65), хотя бытуют и иные, столь же априорные, версии относительно времени его возведения, с хронологическими рамками в пределах XIV—XV вв. (Боданинский 1927: 197—198; Засыпкин 1927: 125—126; Волошинов, Волошинова 2014: 66—73). Э.Д. Зиливинская излагает точки зрения только двух авторов — У.А. Боданинского и Б.Н. Засыпкина, у них же она почерпнула отдельные, приводимые ею, сведения о сооружении, в том числе и ошибочные. В частности, повторяя свидетельства первого, она сообщает о том, что ниши в пилонах портала были «полукруглого плана», тогда как те, на самом деле, в сечении прямоугольные. Как ни парадоксально, но именно такую форму они имеют на фотографии, используемой самой исследовательницей в качестве иллюстрации (Зиливинская 2014а: 135, рис. 174: 3). Не обошлось без казуса и с изображением резного декора портала на снимке, запечатлевшем в нижней части пилона явный новодел (подлинник, послуживший для него образцом, находится с противоположной стороны), что никак не оговаривается автором монографии ни в аннотации, ни в описании строения (Зиливинская 2014а: 135, рис. 175: 2).

Глава 6. Склепы-мавзолеи

Каких-либо сведений о крымских погребальных строениях, определяемых этим термином, Э.Д. Зиливинская в своей монографии не приводит (Зиливинская 2014а: 169—179), хотя к их числу вполне могут быть отнесены отдельные купольные гробницы, обнаруженные при раскопках Кырк-Азизлера в 1924 г. (Башкиров, Боданинский 1925: 309—311).

Глава 7. Подкурганые сырцовые оградки

При рассмотрении сооружений, известных под вынесенным в заголовок названием, Крым не фигурирует, а сами они, по мнению исследовательницы, являются археологическим мифом, «от которого следует отказаться» (Зиливинская 2014а: 180—188).

¹¹ В любом случае, в разработанной Э.Д. Зиливинской типологии обе постройки уже отнесены к одному типу и трактуются как золотоордынские сооружения (Зиливинская 2014а: 152).

Заключение

Подводятся общие итоги монографическому исследованию, в которых Крым упоминается неоднократно. Особо выделены следующие положения. Небольшие купольные мечети, известные в основном на крымских землях, копируют аналогичные постройки сельджукского и раннеосманского периодов. Архитектурные детали, украшенные искусной резьбой, которые присутствуют в мечетях и минаретах, определённо указывают на связь с Анатолией, имеют параллели в Болгаре и Старом Орхее. В Крыму в золотоордынское время существовало огромное количество храмов, возведённых для адептов различных ветвей христианской религии, а их архитектура является отражением полиэтничного состава населения региона. Греческие церкви продолжают многовековые традиции, сложившиеся на полуострове, представлены крестово-купольными и небольшими сооружениями. В большинстве своём они построены не столько под влиянием Византии, сколько Малой Азии и Балкан. Большой процент среди сохранившихся зданий составляют армянские церкви. Планировка их разнообразна и находит аналогии на территории Армении. Католические храмы до нашего времени почти не сохранились, однако архитектурные формы романского стиля прослеживаются в некоторых армянских церквях. В архитектуре мемориальных памятников Волжской Болгарии и Крыма наиболее выраженным было армяно-малоазийское влияние, а обе отмеченные области являлись наиболее развитыми в культурном отношении. В Крыму были сильны традиции каменного строительства, а архитектурный декор здесь представлен резьбой по камню (Зиливинская 2014а: 189—192).

Подведение итогов автор монографии завершает несколько идеализированным выводом: «несмотря на присутствие различных строительных традиций и творческие новации, принципы планировки общественных зданий были общими для всей Золотой Орды, что свидетельствует о выработке единого, пусть и эклектичного в деталях, архитектурного стиля» (Зиливинская 2014а: 192). При выяснении соотношения общего и особенного в архитектуре разных мест Улуса Джучи исключительно важным является то обстоятельство, что огромные масштабы империи в совокупности с разнообразием ландшафтных, исторических и цивилизационных особенностей предшествующих (надо полагать, и не только) эпох не могли не повлиять на формирование ощутимых различий в облике городов и культурных провинций, складывающихся вокруг них, придавая архитектурному стилю неоднородность и региональную самобытность. Крым в этом плане предельно показателен (Кирилко 2013: 93—94).

Закрыв книгу, понимаю, что испытываю смешанные чувства по отношению к содержащимся в ней результатам исследования. Тема актуальна, а сам научный труд предельно своевременен. Монография получилась объёмной и красочной. Однако крымская составляющая культового зодчества Золотой Орды в публикации представлена довольно поверхностно, с многочисленными недочётами и ошибками. Остаётся надеяться, что в дальнейшем исследовательница более ответственно отнесётся к продолжению начатой работы. Оно неизбежно, а поскольку в научный оборот введена далеко не безупречная первая часть сочинения, невольно приходится ожидать появления новых откровений.

Литература

- Абдульвапов Н. 2006. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму. В: Катунин Ю. А. (отв. ред.). *Культура народов Причерноморья* 79. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 140—149.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. 2004. Крепость Чембало в историографии последней трети XVIII — первой половины XIX вв. В: Мыц В. Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических»*: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеплена). Киев: Стило, 82—93.
- Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. 2005. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году*. Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. 2010. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008—2009 гг.* Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. 2012. *Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г.* Санкт-Петербург; Симферополь: ГЭ.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. 2013. Партенитская базилика в X—XI вв. (первый этап существования памятника). *Христианский Восток* XII (6). Санкт-Петербург: ГЭ; Москва: Индрик, 401—503.
- Айбабина Е. А. 2001. *Декоративная каменная резьба Каффы XIV—XVIII вв.* Симферополь: Сонат.
- Айбабина Е. А. 2004. Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма. *ИНК* 5, 6—16.
- Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. 1997. Новые материалы

- по истории средневековой армянской колонии Каффы. *ВВ* 57 (82), 211—233.
- Акчокраклы О. 1927. Старокрымские и отузские надписи XIII—XV вв. *ИТОИАЭ* 58 (1), 5—18.
- Акчочкыраклы О.Н. 2006. 1928 сенеси ичинде кырымда фенний ве тарихий экспедициялар. В: Керимов И. (отв. ред.). *Эсерлер топلامы*. Акмесджит: Таврия, 252—256.
- Артемов А.А. 1985. Крымская область. В: Игнаткин И.А. (отв. ред.). *Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог*. Т. 2. Киев: Будівельник, 260—333.
- Бабаян Ф.С., Корхмязян Э.М. 2000. *Армянские монастыри Сурб Хач и Св. Степаноса близ города Старый Крым*. Ереван: Гитутюн.
- Байбуртский А.М., Тимиргазин А.Д. 2008. *Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму*. Симферополь: Феникс.
- Баранов И.А. 2005. Зальное купольное здание Судакской крепости. В: Куковальская Н.М. (предс. ред. сов.). *Сугдейский сборник* II. Киев; Судак: Академперіодика, 632—653.
- Баранов И.А., Тур В.Г. 1997. Средневековый монастырь на г. Перчем. В: Кутайсов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь: Сонат, 46—50.
- Баранов И.А., Майко В.В. 1994. *Ито́чет об археологических исследованиях в Судакской крепости, портовой части Сугдеи, и на южных склонах г. Перчем в 1993 году*. Научный архив ИАК РАН. Личный фонд И.А. Баранова. Симферополь.
- Баранов И.А., Майко В.В., Кузьминов А.В. 2007. Археологические исследования на территории средневековой Сугдеи и её посада. В: Мыц В.Л. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1995 год*. Симферополь: Сонат, 21—23.
- Бармина Н.И. 1983. *Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.
- Бармина Н.И. 2005. Хронология Мангупской базилики (опыт изучения). *АДСВ* 36. Екатеринбург: УрГУ, 307—318.
- Башкиров А., Боданинский У. 1925. Памятники Крымско-Татарской старины. Эски-Юрт. *Новый Восток* 8—9. Москва, 295—311.
- Башкиров А.С. 1926. Сельджукизм в древнем татарском искусстве. *Крым* 2. Москва: Работник просвещения, 108—125.
- Башкиров А.С. 1927. Художественные памятники Солхата. *Крым* 3 (1). Москва: Госиздат, 122—144.
- Бертъе-Делагард А.Л. 1886. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. *ЗООИД* 14, 166—279.
- Бертъе-Делагард А.Л. 1918. Каламита и Феодоро. *ИТУАК* 55, 1—44.
- Бертъе-Делагард А.Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК* 57, 1—135.
- Боданинский У. 1927. Татарские «Дурбе»-мавзолей в Крыму (Из истории искусства крымских татар). *ИТОИАЭ* 58 (1), 185—191.
- Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. 1929. Чуфут-Кале (По материалам раскопок 1928—29 гг.). *ИТОИАЭ* 60 (3). Симферополь, 170—178.
- Бороздин И.Н. 1927. Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 года). *Новый Восток* 16—17. Москва, 256—274.
- Бочаров С.Г., Кирилко В.П. 2016. Исторические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя. *Stratum plus* (6), 371—392.
- Бочаров С.Г., Кирилко В.П. 2017а. Мечеть в Шейх-Кой: интерпретационные возможности научных источников в исследовании памятника. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология* 15 (264). Вып. 43. Белгород: БелГУ; Издательский дом «Белгород», 64—69.
- Бочаров С.Г., Кирилко В.П. 2017б. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте). В: *Добруджа* 32. Силистра: Регионален исторически музей, 278—304.
- Від редколегії 2006: Від редколегії журналу «Археологія». *Археологія* (4). Київ: ІА НАНУ, 95—107.
- Волошинов А., Волошинова Т. 2014. Мавзолей прекрасной Джанике. В: Полещук А. (гл. ред.). *Восточная коллекция* 59 (4). Москва: Российская государственная библиотека, 66—73.
- Гаврилов А.В., Майко В.В. 2014. *Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым)*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Герцен А.Г. 2006. Христианская община Мангупа под властью турок. В: Ясельская Л. (отв. ред.). *Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. 7—10 июля 2005 г., пос. Партенит*. Симферополь: Издательство Симферопольской и Крымской епархии, 22—40.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1992. Иконоборческая Таврика. В: Поляковская М.А. (отв. ред.). *АДСВ* 26. *Византия и средневековый Крым*. Барнаул: День, 180—190.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. 1993. *Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале*. Симферополь: Таврия.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2009. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997—1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология. *АДСВ* 39. Екатеринбург: УрГУ, 423—466.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. 2010. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции. В: Адаменко Е.А. (ред.). *Архитектура Византии и Древней Руси IX—XII веков*. Материалы международного семинара 17—21 ноября 2009 года. ТГЭ ЛП. Санкт-Петербург: ГЭ, 227—253.
- Годованок О., Трегубова Т. 2010. Містобудування та архітектура (XIII — перша половина XVI ст.). В: Ганзенко Л., Забашта Р., Трегубова Т., Коренюк Ю. (ред.). *Історія українського мистецтва: у 5 т. Т. 2. Мистецтво середніх віків*. Київ: НАНУ; ІМФЕ, 44—86.
- Григорьев А.П. 1974. «Книга путешествия Эвлии Челеби» — источник по истории Крыма XIII—XVII вв.». *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки* III. Ленинград: ЛГУ, 19—28.
- Джанов А.В. 2005. «Храм с аркадой» в Судак. В: Куковальская Н.М. (предс. ред. сов.). *Сугдейский сборник* II. Киев; Судак: Академперіодика, 654—669.
- Джанов А., Майко В., Фарбей А. 2004. Христианские храмы Сугдеи. В: Нікітенко Н.М. (наук. ред.). *Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення*. Матеріали Другої міжнародної

- науково-практичної конференції «Софійські читання». Київ, 27—28 листопада 2003 р. Київ: Фенікс, 86—91.
- Домбровский О. И. 1966. *Фрески средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка.
- Домбровский О. И. 2005. Средневековое купольное здание Судакской крепости. В: Куковальская Н. М. (предс. ред. сов.). *Сугдейский сборник* II. Киев; Судак: Академперіодика, 612—620.
- Дьячков С. В. 2004. «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV—XV вв.). В: Мыц В. Л. (гл. ред.). «О древностях Южного берега и гор Таврических»: Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: Стилюс, 246—255.
- Дьячков С. В., Алексеенко Н. А. 2002. Начало археологических исследований генуэзской крепости Чембало. *Universitates* 4. Харьков, 26—37.
- Завадская И. А. 2000. *Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Засыпкин Б. Н. 1927. Памятники архитектуры крымских татар. *Крым* 4 (2). Москва; Ленинград: Госиздат, 113—168.
- Зиливинская Э. Д. 1998. Мечети Золотой Орды (Общие принципы планировки). В: Зеленев Ю. А. (ред.). *МИАП 1*. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 16—37.
- Зиливинская Э. Д. 2009. Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма. В: Беляев Л. А. (ред.-сост.). *Archeologia abrahamica: исследование в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама*. Москва: Индрик, 343—384.
- Зиливинская Э. Д. 2011. *Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды*. Астрахань: Астраханский государственный университет.
- Зиливинская Э. Д. 2013. Архитектура благочестия в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным). В: Степаненко В. П., Юрченко А. Г. (ред.-сост.). *От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского*. Москва: Издательский дом Марджани, 95—133.
- Зиливинская Э. Д. 2014а. *Архитектура Золотой Орды*. Ч. I. *Культовое зодчество*. Казань: Отечество.
- Зиливинская Э. Д. 2014б. Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды. В: Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С. (ред.). *Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма*. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека, Симферополь, 14—18 октября 2014 г. Симферополь: СПД Музафаров Г. Н., 54—61.
- Зиливинская Э. Д. 2014в. Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды. В: Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С., Абдульвапов Н. (ред.). *Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма*. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека. Симферополь, 14—18 октября 2014 г. Симферополь: Тарпан, 175—193.
- Зиливинская Э. Д. 2016. Культурная архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции. *ПА* 16 (2). Казань: Фэн, 44—67.
- Золотая Орда 2003: Храпачевский Р. П. (сост.). 2003. *Золотая Орда в источниках (материалы для истории Золотой Орды или Улуса Джучи)* 1. *Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена*. 1884. Т. 1. Москва: Наука.
- Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Измайлов И., Саттарова Л. 2009. Архитектура и декоративно-прикладное искусство. В: Усманов М. (науч. ред.). *История татар с древнейших времен в семи томах*. Т. III. *Улус Джучи (Золотая Орда)*. XIII — середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 618—643.
- Иоаннисян О. М. 2013. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология. В: Залеская В. Н. (науч. ред.). *Византия в контексте мировой культуры*. Сборник научных трудов, посвященный памяти Алисы Владимировны Банк (1906—1984). ТГЭ LXIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 64—116.
- Кемаль Я. 1927. Надписи на портале «Мечети Узбека» в гор. Старый Крым. *ИТОИАЭ* 1, 202—205.
- Кирилко В. П. 1991. К вопросу о времени строительства так называемой мечети Узбека в г. Старом Крыму. В: Миронец Л. Н. (ред.). *Проблемы истории Крыма* 2. Тезисы докладов научной конференции. Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати, 32—34.
- Кирилко В. П. 2001. Архитектура, мозаики та монументальный живопис. В: Толочко П. П. (гол. ред.). *Історія української культури у п'яти томах*. Т. 1. *Історія культури давнього населення України*. Київ: Наукова думка, 1078—1099.
- Кирилко В. П. 2005. Южный вход большой Мангупской базилики. В: Степаненко В. П. (отв. ред.). *АДСВ* 36. Екатеринбург: УрГУ, 260—272.
- Кирилко В. П. 2005—2009. Археологическое изучение мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая. *Stratum plus* (6), 439—466.
- Кирилко В. П. 2008. Памятники армянской архитектуры Солхата. В: Байбуртский А. М. (отв. ред.). *Исследования по арменистике в Украине* 1. Симферополь: Фенікс, 37—43.
- Кирилко В. П. 2009. Строительная история крымской мечети Узбека (по материалам реставрационных исследований). В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова. 30 сентября — 3 октября 2008 года. Азов: Азовский музей-заповедник, 187—200.
- Кирилко В. П. 2010. О времени строительства мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источников). *Stratum plus* (6), 103—120.
- Кирилко В. П. 2011. Солхатское медресе. *Stratum plus* (6), 125—210.
- Кирилко В. П. 2012. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское). *Stratum plus* (6), 261—297.
- Кирилко В. П. 2013. Золотоордынская архитектура Крыма (общее и особенное). В: Хузин Ф. Ш. (отв. ред.). *Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи*. Материалы II Международного Болгарского форума. Казань: Отечество, 84—99.
- Кирилко В. П. 2014. Реставрация мечети Узбека в Старом Крыму (заметки на полях тезисов). В: Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С., Абдульвапов Н. (ред.). *Актуальные проблемы изучения*

- и сохранения исламского наследия Крыма. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 700-летию Мечети Хана Узбека. Симферополь, 14—18 октября 2014 г. Симферополь: Тарпан, 214—233.
- Кирилло В. П. 2015а. Портал крымской мечети Узбека. *Stratum plus* (6), 253—274.
- Кирилло В. П. 2015б. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинёв: Stratum Plus, 509—558.
- Кирилло В. П. 2016а. Архитектура Золотоордынского Крыма. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (сост. и отв. ред.). *Мирас — Наследие. Татарстан — Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923—1929 годах*. В 3 т. Т. 1. Казань: Астер Плюс, 420—297.
- Кирилло В. П. 2016б. Крымский контекст золотоордынской архитектуры в научных трудах современных исследователей. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum plus, 279—283.
- Кирилло В. П. 2016в. Михраб мечети в Шейх-Кой. *ПА 16* (2), 138—150.
- Кирилло В. П. 2016г. Сплоши в архитектуре Крымского ханства. В: Абдуллин Х. М., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ*. Казань: ИА АН РТ, 160—170.
- Кирилло В. П., Мьц В. Л. 2001. Октагональный храм Мангупа. *АДСВ 32*. Екатеринбург, 354—375.
- Кирилло В. П., Бочаров С. Г. 2015. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-Кой). *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств* 4 (2). Казань, 111—116.
- Книга путешествия 1999: Бахревский Е. В. (ред.). 1999. *Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666—1667 гг.)*. Симферополь: Дар.
- Комеч А. И. 1992. Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи. *Зограф* 22. Београд, 28—41.
- Корзюк Д. В. 2012. Октагональный храм Мангупского городища: анализ архитектурно-планировочного решения. В: Науменко В. Е. (ред.-сост.). *I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна*. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 5—7 сентября 2012 г.). Бахчисарай: Предприятие Феникс, 33—36.
- Корхмазян Э. М. 1978. *Армянская миниатюра Крыма (XIV—XVII вв.)*. Ереван: АН Армянской ССР.
- Крамаровский М. Г. 1980. Работы на городище Солхат. *АО 1979 года*, 290—291.
- Крамаровский М. Г. 1989. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII—XIV вв. В: Смирнова Г. И. (науч. ред.). *Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград: ГЭ, 141—157.
- Крамаровский М. Г. 1990. Солхат и Амасть в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым). В: *Проблемы истории архитектуры*. Всесоюзная научная конференция, Суздаль, 1987. Тезисы докладов. Москва, 124—127.
- Крамаровский М. Г. 1994. Исследование средневекового Солхата. В: Кутайсов В. А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. Симферополь: Таврия, 163—166.
- Крамаровский М. Г. 1995. Мавзолеи и зияреты средневекового Солхата. В: *Византия и Крым. Проблемы городской культуры*. VIII научные Сюзюмовские чтения, 25 августа — 3 сентября 1995 г., Севастополь. Тезисы докладов. Екатеринбург: УрГУ, 28—30.
- Крамаровский М. Г. 1997. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы). *Татарская археология* 1. Казань, 101—106.
- Крамаровский М. Г. 2004. Средневековая базилика на городище Солхата. В: Залеская В. Н. (науч. ред.). *Византия в контексте мировой истории*. Санкт-Петербург: ГЭ, 68—76.
- Крамаровский М. Г. 2005. Золотая Орда как цивилизация. В: Пиотровский М. Б. (общ. ред.). *Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Славия, 13—172.
- Крамаровский М. Г. 2009. Крым в системе административного устройства Золотой Орды. В: Хамидуллин Б., Измайлов И. (ред.). *История татар с древнейших времен*. Т. III. *Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в.* Казань: ИИ АН РТ, 436—448.
- Крамаровский М. Г. 2012. *Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Крамаровский М. Г. 2014. Золотоордынская (Старокрымская) экспедиция. В: Алексеев А. Ю., Бутиягин А. М. (науч. ред.). *Экспедиции. Археология в Эрмитаже*. Санкт-Петербург: Славия, 138—153.
- Крачковский И. Ю. 1924. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года. *Известия Российской Академии наук*. Серия 6. Т. 18. Москва, 662—670.
- Крикун Е. В. 1998. *Памятники крымскотатарской архитектуры (XIII—XX вв.)*. Симферополь: Крымучпедгиз.
- Куковальская Н. М. 2005. Храм с аркадой в Судаке (современное состояние дискуссии о памятнике). В: Куковальская Н. М. (предс. ред. сов.). *Сугдейский сборник II*. Киев; Судак: Академперіодика, 610—611.
- Ломакин Д. А. 2014. *Мусульманські пам'ятки Старого Криму XIII—XV століття: історія вивчення, сучасний стан, перспективи дослідження*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Луцьк.
- Ломакин Д. А. 2015. *Мусульманские памятники Старого Крыма XIII—XV вв.: история изучения, современное состояние*. Биобиблиография крымоведения 23. Симферополь: Соло-Рич.
- Лапушинская Е. 1984. Армянская церковь св. Саркиса (Сергия) в Феодосии. *Вестник общественных наук* (5). Ереван: АН Армянской ССР, 58—63.
- Лопушинская Е. И. 1991. *Крепость в Судак*. Киев: Будівельник.
- Лосицкий Ю. Г. 1991. Візантійські базилики Херсонеса. *Археологія* (2). Київ: ІА АН УРСР, 83—98.
- Лысенко А. В., Тесленко И. Б. 2002. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг. В: Рудницкая В. Г., Тесленко И. Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стило, 59—88.
- Майко В. В., Джанов А. В. 2015. *Археологические памятники Судакского региона Республики Крым*. Симферополь: Ариал.
- Маркевич А. И. 1892. Старо-Крымские древности.

- ИТУАК 17, 124—129.
- Микаелян В. 1971. Средневековый Крым и армяне. *Литературная Армения* 10. Ереван, 106—117.
- Мирас-Наследие 2016: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (сост. и отв. ред.). *Мирас — Наследие. Татарстан — Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923—1929 годах*. В 3 т. Казань: Астер Плюс.
- Могаричев Ю. М. 1997. *Пещерные церкви Таврики*. Симферополь: Таврия.
- Могаричев и др. 2009: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. 2009. *Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени*. Симферополь: АнтикВА.
- Мыц В. Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- Мыц В. Л. 2015. Время и причины гибели в XIII веке городов византийской Таврики (историографический аспект проблемы). В: Залеская В. Н., Степанова Е. В. (науч. ред.). *ТГЭ 74. Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвящённой памяти А. В. Банк (1906—1984)*. Санкт-Петербург: ГЭ, 392—394.
- Описание 1892: Описание Черного моря и Таврии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Таврии и проч. 1634 г. Пименов Н. Н. (пер.), Бертье-Делагард А. Л. (прим.). *ЗООИД* 24, 89—180.
- Опочинская А. И. 1986. Судакская крепость. В: Халпахчян О. Х. (гл. ред.). *Архитектурное наследие* 34. Москва: Стройиздат, 255—265.
- Паршина Е. А. 1968. Средневековый храм в Ореанде. В: Толочко П. П. (отв. ред.). *Археологические исследования на Украине в 1967 г.* Киев: Наукова думка, 65—70.
- Паршина О. О. 1972. Середньовічне укріплення на горі Ай-Тодор. *АДУ в 1969 р.* IV, 253—257.
- Паршина Е. А. 1988. Эски-Керменская базилика. В: Бибииков С. Н. (отв. ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, 36—59.
- Ранневизантийские сакральные постройки 2004: Бернацки А. Б., Кленина Е. Ю., Рыжов С. Г. (ред.). *Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического*. Т. I. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Романчук А. И., Лосицкий Ю. Г. 1985. Квартал XIII—XVIII Северного района Херсонеса в XII—XIV вв. (опыт социальной реконструкции). В: Поляковская М. А. (отв. ред.). *Античная древность и средние века: Проблемы социального развития*. Свердловск: УрГУ, 102—122.
- Сапунова М. Ю. 2007. *Архітектурно-композиційні прийоми мусульманських громадських будівель Криму XII—XVIII ст.* Автореф. дис. ... канд. архітектури. Львів.
- Саргсян Т., Петросян М. 2008. *Крым: Монастырь Сурб Хач*. Симферополь: Предприятие Феникс.
- Сейдалиев Э. И. 2014. Культурные памятники Крыма золотоордынского периода. Современное состояние проблемы. В: Исмаилов И., Муратова Э., Эминова С. (ред.). *Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма*. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 700-летию Мечети Хана Узбека. Симферополь, 14—18 октября 2014 г. Симферополь: СПД Музафаров Г. Н., 65—71.
- Сидоренко В. А. 1988. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма. В: Бибииков С. Н. (отв. ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова думка, 115—128.
- Смирнов В. Д. 2005. *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*. Т. I. Москва: Рубежи XXI.
- Список трудов 2013: Список трудов М. Г. Крамаровского. В: Степаненко В. П., Юрченко А. Г. (ред.-сост.). *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского*. Москва: Издательский дом Марджани, 547—567.
- Сющук Ю. Г. 2002. *Історико-теоретичні аспекти типології громадських будівель мусульманської архітектури Криму XIII—XVIII ст.* Автореф. дис. ... канд. архітектури. Київ.
- Тесленко И. Б., Лысенко А. В. 2004. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение. В: Мыц В. Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега и гор Таврических»*. Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев: СтилоС, 260—296.
- Тиханова М. А. 1953. Базилика. *Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп)*. МИА 34. Москва; Ленинград: АН СССР, 334—389.
- Тур В. Г. 1997. Монастырь на горе Перчем. В: Мыц В. Л. (гл. ред.). *Археология Крыма I (1)*. Симферополь: Южногородские ведомости, 117—125.
- Уайт Э., Робертсон Б. 2003. *Архитектура. Формы, конструкции, детали. Иллюстрированный справочник*. Москва: АСТ; Астрель.
- Фронджуло М. А. 2005. Раскопки «Храма с аркадой» Судакской крепости (1969—1975 гг.). В: Куковальская Н. М. (ред.). *Сугдейский сборник II*. Киев; Судак: Академперіодика, 621—631.
- Халпахчян О. Х. 1991. Архитектура притворов армянских храмов Крыма. В: Миронец Л. Н. (ред.). *Проблемы истории Крыма 2*. Тезисы докл. науч. конф. Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати, 50—52.
- Хрушкова Л. Г. 2017. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики. *МАИЭТ XXII*, 107—138.
- Хузин Ф. Ш. 2016. Рецензия на книгу: Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культурное зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. 228 с., + 220 с., илл. *ПА* 16 (2), 270—277.
- Челеби Э. 2008. *Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Бахревский Е. В. (пер., вступ. статья и ком.). Симферополь: Доля.
- Юргевич В. Н. 1863. Устав для генуэзских колоний на Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. *ЗООИД* 5, 629—837.
- Яacobson А. Л. 1940. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика. *СА* VI, 205—226.
- Яacobson А. Л. 1950. *Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)*. МИА 17. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Яacobson А. Л. 1956. Армянская средневековая архитектура в Крыму. *ВВ* VIII, 166—191.
- Яacobson А. Л. 1964а. Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму. *ИФЖ* (4). Ереван, 230—235.
- Яacobson А. Л. 1964б. *Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры*. Москва; Ленинград: Наука.
- Яacobson А. Л., Таманян Ю. А. 1990. *Армянская архитектура в Крыму*. Ереван: Айастан.

References

- Abdulvapov, N. 2006. In Katunin, Yu.A. (ed.). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia (Culture of the People of the Pontic Region)* 79. Simferopol: "Crimea" Interuniversity Center, 140—149 (in Russian).
- Adaksina, S.B., Myts, V.L. 2004. In Myts, V.L. (ed.-in-chief). «O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: *Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letii so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica")*: Proceedings (of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen). Kiev: "Stilos" Publ., 82—93 (in Russian).
- Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2005. *Otchet ob arkeologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 godu (Report on Archaeological Research on the Medieval Fortress Cembalo (Balaklava) in 2004)*. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Adaksina, S.B., Myts, V.L., Ushakov, S.V. 2010. *Otchet ob arkeologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2008—2009 gg. (Report on Archaeological Research on the Medieval Fortress Cembalo (Balaklava) in 2008—2009)*. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Adaksina, S.B., Myts, V.L., Ushakov, S.V. 2012. *Otchet ob arkeologicheskikh issledovaniakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 godu (Report on Archaeological Research on the Medieval Fortress Cembalo (Balaklava) in 2011)*. Saint Petersburg; Simferopol: State Hermitage Museum (in Russian).
- Adaksina, S.B., Myts, V.L. 2013. In *Khristianskii Vostok (Christian Orient)* XII (6). Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Moscow: "Indrik" Publ., 401—503 (in Russian).
- Aibabina, E.A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffa (XIV—XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th—18th Centuries)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).
- Aibabina, E.A. 2004. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (Historical Legacy of the Crimea)* 5, 6—16 (in Russian).
- Aibabina, E.A., Bocharov, S.G. 1997. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* 57 (82), 211—233 (in Russian).
- Akchokrakly, O. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 58 (1), 5—18 (in Russian).
- Aqçoqraqlı, O.N. 2006. In Kerimov, I. (ed.). *Osman Aqçoqraqlı. Eserler toplami (Osman Aqçoqraqlı. Collected Works)*. Aqmescit (Simferopol): "Tavriia" Publ., 252—256 (in Crimean-Tatar).
- Artemov, A.A. 1985. In Ignatkin, I.A. (ed.). *Pamiatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoi SSR. Illiustrirovannyi spravochnik-katalog (Landmarks of Town Planning and Architecture of the Ukrainian SSR: Illustrated Guidebook and Catalogue)* 2. Kiev: "Budivel'nyk" Publ., 260—333 (in Russian).
- Babayan, F.S., Korkhmazyan, E.M. 2000. *Armianskie monastiri Surb Khach i Sv. Stepanosa bliz goroda Staryi Krym (Armenian Monasteries of Surb Khach and St. Stepanos near the Stary Krym Town)*. Yerevan: "Gitutyun" Publ. (in Russian).
- Baiburtskii, A.M., Timirgazin, A.D. 2008. *Armianskie drevnosti gornyykh massivov Sviatogo Kresta i Machuk v Vostochnom Krymu (Armenian Antiquities of the Mountain Ranges of Holy Cross and Machuk in the Eastern Crimea)*. Simferopol: "Feniks" Publ. (in Russian).
- Baranov, I.A. 2005. In Kukoval'skaia, N.M. (ed.-in-chief). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)* II. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 632—653 (in Russian).
- Baranov, I.A., Tur, V.G. 1997. In Kutaisov, V.A. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god (Archaeological Research in the Crimea in 1994)*. Simferopol: "Sonat" Publ., 46—50 (in Russian).
- Baranov, I.A., Maiko, V.V. 1994. *Otchet ob arkeologicheskikh issledovaniakh v Sudaksoi kreposti, portovoi chasti Sugdei, i na iuzhnykh sklonakh g. Perchem v 1993 godu (Report on Archaeological Research in the Sudak Fortress, Port Area of Sugdaia, and on the Southern Slopes of the Perchem Mountain in 1993)*. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences. Personal fund of I.A. Baranov. Simferopol (in Russian).
- Baranov, I.A., Maiko, V.V., Kuz'minov, A.V. 2007. In Myts, V.L. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Krymu. 1995 god (Archaeological Research in the Crimea in 1995)*. Simferopol: "Sonat" Publ., 21—23 (in Russian).
- Barmina, N.I. 1983. *Istoricheskoe mesto Mangupskoi baziliki v khristianskoi arkhitekture Tavriki (Historical Role of the Basilica of Mangup in the Christian Architecture of Taurica)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Barmina, N.I. 2005. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 36. Yekaterinburg: Ural State University, 307—318 (in Russian).
- Bashkirov, A., Bodaninskii, U. 1925. In *Novyi Vostok (New Orient)* 8—9. Moscow, 295—311 (in Russian).
- Bashkirov, A.S. 1926. In *Krym (Crimea)* 2. Moscow: "Rabotnik prosveshcheniia" Publ., 108—125 (in Russian).
- Bashkirov, A.S. 1927. In *Krym (Crimea)* 3 (1). Moscow: "Gosizdat" Publ., 122—144 (in Russian).
- Bertier de la Garde, A.L. 1886. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 14, 166—279 (in Russian).
- Bertier de la Garde, A.L. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 55, 1—44 (in Russian).
- Bertier de la Garde, A.L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 57, 1—135 (in Russian).
- Bodaninskii, U. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 58 (1), 185—191 (in Russian).
- Bodaninskii, U.A., Zasyupkin, B.N. 1929. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 60 (3). Simferopol, 170—178 (in Russian).
- Borozdin, I.N. 1927. In *Novyi Vostok (New Orient)* 16—17. Moscow, 256—274 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Kirilko, V.P. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 371—392 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Kirilko, V.P. 2017. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. Politologiya (Scientific Reports of Belgorod State University: History, Political Studies)* 15 (264). Vyp. 43. Belgorod: Belgorod State University; "Belgorod" Publ. House, 64—69 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Kirilko, V.P. 2017. In *Dobrudzha (Dobruja)* 32. Silistra: Regional Historical Museum, 278—304 (in Russian).
- Vid redkolehii zhmalu «Arkheolohiya» (Editorial). 2006. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4). Kiev: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 95—107 (in Ukrainian).
- Voloshinov, A., Voloshinova, T. 2014. In *Poleshchuk A. (ed.-in-chief). Vostochnaia kolleksiia (Oriental Collection)* 59 (4). Moscow: Russian State Library, 66—73 (in Russian).
- Gavrilov, A.V., Maiko, V.V. 2014. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (Materialy k arkeologicheskoi karte goroda Staryi Krym) (Medieval Fortified Site of Solkhat-Krym: Materials to the Archaeological Map of the Stary Krym Town)*. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ. (in Russian).
- Gertsen, A.G. 2006. In *Iasel'skaia, L. (ed.). Materialy Mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii «Dukhovnoe nasledie Kryma» pamiati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotskogo (Proceedings of the International Ecclesiastic Historical Conference on the Spiritual Legacy of the*

- Crimea dedicated to the Memory of the Rev. John the Bishop of Gothia*. Simferopol: "Izdatel'stvo Simferopol'skoi i Krymskoi eparkhii" Publ., 22—40 (in Russian).
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Yu. M. 1992. In Poliakovskaia, M.A. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 26. *Vizantiia i srednevekovyi Krym (Byzantium and the Medieval Crimea)*. Barnaul: "Den" Publ., 180—190 (in Russian).
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Yu. M. 1993. *Krepost' dragotsennosti. Kyrk-or. Chufut-kale (The Fortress of the Valuables. Qrk-Or. Çufut-Kale)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
- Gertsen, A.G., Naumenko, V.E. 2009. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 39. Yekaterinburg: Ural State University, 423—466 (in Russian).
- Gertsen, A.G., Naumenko, V.E. 2010. In Adamenko, E.A. (ed.). *Arkhitektura Vizantii i Drevnei Rusi IX—XII vekov (Architecture of Byzantium and Ancient Rus', 9th—12th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) LIII. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 227—253 (in Russian).
- Hodovanyuk, O., Trehubova, T. 2010. In Hanzenko, L., Zabashta, R., Trehubova, T., Korenyuk, Yu. (eds.). *Istoriya ukrains'koho mystetstva (History of Ukrainian Art)* 2. *Mystetstvo serednikh vikiv (Medieval Art)*. Kiev: National Academy of Sciences of Ukraine; Institute of Art Studies, Folklore Studies and Ethnology named after M.T. Rylsky, 44—86 (in Ukrainian).
- Grigor'ev, A.P. 1974. In *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Historical Sources for Asia and Africa Countries)* III. Leningrad: Leningrad State University, 19—28 (in Russian).
- Dzhanov, A.V. 2005. In Kukoval'skaia, N.M. (ed.-in-chief). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)* II. Kiev; Sudak: "Akadempriodika" Publ., 654—669 (in Russian).
- Dzhanov, A., Maiko, V., Farbei, A. 2004. In Nikitenko, N.M. (ed.). *Sakral'ni sporudy u zhytti suspil'stva: istoriia i s'ohodennia (Sacral Buildings in Society Life: Past and Present)*. Kiev: "Feniks" Publ., 86—91 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 1966. *Freski srednevekovogo Kryma (Frescoes of the Medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 2005. In Kukoval'skaia, N.M. (ed.-in-chief). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)* II. Kiev; Sudak: "Akadempriodika" Publ., 612—620 (in Russian).
- D'iachkov, S.V. 2004. In Myts, V.L. (ed.-in-chief). «*O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh*»: *Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letia so dnia rozhdenniia Petra Ivanovicha Keppena)* ("On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica": *Proceedings (of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen)*). Kiev: "Stilos" Publ., 246—255 (in Russian).
- D'iachkov, S.V., Alekseenko, N.A. 2002. In *Universitates* 4. Kharkov, 26—37 (in Russian).
- Zavadskaia, I.A. 2000. *Khristianstvo v rannevizantiiskom Khersonese (po kul'tovym pamiatnikam) (Christianity in Early Medieval Chersonesos: by Cult Sources)*. PhD Thesis. Kiev (in Russian).
- Zasyupkin, B.N. 1927. In *Krym (Crimea)* 4 (2). Moscow; Leningrad: "Gosizdat" Publ., 113—168 (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 1998. In Zelenev, Yu. A. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University, 16—37 (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2009. In Beliaev, L.A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 343—384 (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2011. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoi Ordy (Sketches on the Golden Horde Ritual and Civil Architecture)*. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2013. In Stepanenko, V.P., Yurchenko, A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye soseidi (From the Onon to the Thames: Genghisids and their Western Neighbours)*. Moscow: "Marjani" Publ. House, 95—133 (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde)* I. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2014. In Ismailov, I., Muratova, E., Eminova, S. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo nasledia Kryma (Current Problems of the Study and Conservation of the Islamic Cultural Heritage of Crimea)*. Simferopol: "SPD Muzafarov G.N." Publ., 54—61 (in Russian).
- Zilivinskaya E. 2014. In Ismailov, I., Muratova, E., Eminova, S., Abdul'vapov, N. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo nasledia Kryma (Current Problems of the Study and Conservation of the Islamic Cultural Heritage of Crimea)*. Simferopol: "Tarpan" Publ., 175—193 (in Russian).
- Zilivinskaya, E.D. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2). Kazan: "Fan" Publ., 44—67 (in Russian).
- Khrapachevskii, R.P. (comp.). 2003. *Zolotaia Orda v istochnikakh (materialy dlia istorii Zolotoi Ordy ili Ulusa Dzhuchi) (The Golden Horde in the Sources (materials for the history of the Golden Horde or Jochi's Ulus))* 1. *Arabskie i persidskie sochineniia (Arab and Persian Writings)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Izmailov, I., Sattarova, L. 2009. In Usmanov M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes)* III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 618—643 (in Russian).
- Ioannisyan, O.M. 2013. In Zalesskaia, V.N. (ed.). *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the Context of the World Culture)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 52. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 64—116 (in Russian).
- Kemal', Ya. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 1, 202—205 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 1991. In Mironets, L.N. (ed.). *Problemy istorii Kryma (Problems of History of Crimea)* 2. Simferopol: "Redotdel Krymskogo upravleniia po pečati" Publ., 32—34 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2001. In Tolochko, P.P. (ed.-in-chief). *Istoriya ukrains'koi kul'tury (History of Ukrainian Culture)* 1. *Istoriya kul'tury davn'oho naselennia Ukrainy (History of Culture of Ancient Population of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 1078—1099 (in Ukrainian).
- Kirilko, V.P. 2005. In Stepanenko, V.P. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 36. Yekaterinburg: Ural State University, 260—272 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2005—2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 439—466 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2008. In Baiburtskii, A.M. (ed.). *Issledovaniia po armenistike v Ukraine (Armenian Studies in Ukraine)* 1. Simferopol: "Feniks" Publ., 37—43 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2009. In Gorbenko, A.A. (ed.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 187—200 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 103—120 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 125—210 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 261—297.
- Kirilko, V.P. 2013. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaiia Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Cities and Steppe)*. Series: Archaeology of the Eurasian

- Steppes 17. Kazan: "Otechestvo" Publ., 84—99 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2014. In Ismailov, I., Muratova, E., Eminova, S., Abdul'vapov, N. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo nasledia Kryma (Current Problems of the Study and Conservation of the Islamic Cultural Heritage of Crimea)*. Simferopol: "Tarpan" Publ., 214—233 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 253—274 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 509—558 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds., comp.). *Miras — Nasledie. Tatarstan — Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923—1929 godakh (Miras — the Heritage. Tatarstan — the Crimea. Bolgar Town and Studies on the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923—1929)* 1. Kazan: "Aster Plus" Publ., 420—297 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 279—283 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 138—150 (in Russian).
- Kirilko, V.P. 2016. In Abdullin, Kh.M., Sitdikov, A.G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoi arkheologii Rossii i stran SNG (Proceedings of the Congress for Islamic Archaeology of the Russian Federation and the Countries of CIS)*. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 160—170 (in Russian).
- Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2001. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 32. Yekaterinburg, 354—375 (in Russian).
- Kirilko, V.P., Bocharov, S.G. 2015. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts)* 4 (2). Kazan, 111—116 (in Russian).
- Bakhrevskii, E.V. (ed.). 1999. *Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme (1666—1667 gg.) (The Book of Travels. Turkish Writer Evliya Çelebi on Crimea (1666—1667))*. Simferopol: "Dar" Publ. (in Russian).
- Komech, A.I. 1992. In *Zograf (Zograph)* 22. Belgrade, 28—41 (in Russian).
- Korziuk, D.V. 2012. In Naumenko, V.E. (ed., comp.). *I Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E.V. Veimarna (First Bakhchisaray Scientific Readings in Memory of E.V. Weimarn)*. Bakhchisaray: "Feniks" Publ., 33—36 (in Russian).
- Korkhmazyan, E.M. 1978. *Armianskaia miniatura Kryma (XIV—XVII vv.) (Armenian Miniature in the Crimea: 14th—17th Centuries)*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1980. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1979 goda (Archaeological Discoveries in 1979)*, 290—291 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1989. In Smirnova, G.I. (ed.). *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Findings of Archaeological Expeditions of the State Hermitage)*. Leningrad: State Hermitage Museum, 141—157 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1990. In *Problemy istorii arkhitektury (Problems of History of Architecture)*. Moscow, 124—127 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1994. In Kutaisov, V.A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1993 god (Archaeological Research in the Crimea: 1993)*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 163—166 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1995. In *Vizantiia i Krym. Problemy gorodskoi kul'tury (Byzantine Empire and Crimea. Problems of Urban Culture)*. Yekaterinburg: Ural State University, 28—30 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 1997. In *Tatarskaia arkheologiiia (Tatar Archaeology)* (1). Kazan, 101—106 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2004. In Zaleskaia, V.N. (ed.). *Vizantiia v kontekste mirovoi istorii (Byzantium in the Context of the World History)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 68—76 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2005. In Piotrovskii, M.B. (ed.). *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 13—172 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2009. In Khamidullin, B., Izmailov, I. (eds.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (Tatar History Since the Earliest Times in Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochi Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 436—448 (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2012. *Chelovek srednevekovoi ulitsy. Zolotaia Orda. Vizantiia. Italiia (Man in the Medieval Street. Golden Horde, Byzantium, Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M.G. 2014. In Alekseev, A. Yu., Butiagin, A.M. (eds.). *Ekspeditsii. Arkheologiiia v Ermitazhe (Expeditions: Archaeology in the State Hermitage Museum)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 138—153 (in Russian).
- Krachkovskii, I. Yu. 1924. In *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of Russian Academy of Sciences)*. Series 6. Vol. 18. Moscow, 662—670 (in Russian).
- Krikun, E.V. 1998. *Pamiatniki krymskotatarskoi arkhitektury (XIII—XX vv.) (Monuments of Crimean Tatar Architecture (13th—20th Centuries))*. Simferopol: "Krymchpedgiz" Publ. (in Russian).
- Kukoval'skaia, N.M. 2005. In Kukoval'skaia, N.M. (ed.-in-chief). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers) II*. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 610—611 (in Russian).
- Lomakin, D.A. 2014. *Musul'mans'ki pam'yatky Staroho Krymu XIII—XV stolit'ia: istoriia vvychemyia, suchasnyj stan, perspektivy doslidzhennya (Muslim Monuments of 13th—15th Centuries in the Starý Krym Town: History of Study, Current Situation, Research Perspectives)*. PhD Thesis. Luts'k (in Ukrainian).
- Lomakin, D.A. 2015. *Musul'manskie pamiatniki Starogo Kryma XIII—XV vv.: istoriia izucheniia, sovremennoe sostoianie (Muslim Monuments of 13th—15th Centuries in the Starý Krym Town: History of Study, Current Situation, Research Perspectives)*. Series: Biobibliografiia krymovedeniia (Bio-Bibliography of Crimean Studies) 23. Simferopol: "Solo-Rich" Publ. (in Russian).
- Lapushinskaia, E. 1984. In *Vestnik obshchestvennykh nauk (Bulletin of Social Sciences)* (5). Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 58—63 (in Russian).
- Lopushinskaia, E.I. 1991. *Krepost' v Sudake (The Fortress in Sudak)*. Kiev: "Budivelnik" Publ. (in Russian).
- Losyts'kyj, Yu.H. 1991. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2). Kiev: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 83—98 (in Ukrainian).
- Lysenko, A.V., Teslenko, I.B. 2002. In Rudnitskaia, V.G., Teslenko, I.B. (comp.). *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present)*. Kiev: "Stilos" Publ., 59—88 (in Russian).
- Maiko, V.V., Dzhanov, A.V. 2015. *Arkheologicheskie pamiatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym (Archaeological Sites of the Sudak District, Republic of the Crimea)*. Simferopol: "Ariial" Publ. (in Russian).
- Markevich, A.I. 1892. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 17, 124—129 (in Russian).
- Mikaelyan, V. 1971. In *Literaturnaia Armeniia (Literary Armenia)* (10). Yerevan, 106—117 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). 2016. *Miras — Nasledie. Tatarstan — Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923—1929 godakh (Miras — the Heritage. Tatarstan — the Crimea. Bolgar*

- Town and Studies on the Tatar Culture in Tatarstan and the Crimea in 1923—1929). Kazan: "Aster Plus" Publ. (in Russian).
- Mogarichev, Yu.M. 1997. *Peshchernye tserkvi Tavriki (Cave Churches of Taurica)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
- Mogarichev, Yu.M., Sazanov, A.V., Stepanova, E.V., Shaposhnikov, A.K. 2009. *Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni (The Life of Stephan of Surozh in the Context of the Iconoclastic Time in the Crimean History)*. Simferopol: "AntikvA" Publ. (in Russian).
- Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
- Myts, V.L. 2015. In Zaleskaia, V.N., Stepanova, E.V. (ed.). *TGE 74. Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the Context of the World Culture)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 52. Saint Petersburg: State Hermitage Museum. 392—394 (in Russian).
- Opisanie Chernogo moria i Tatarii, sostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634 g. (Descrizione Del Mar Nero & della Tartaria per il D. Emiddio Dortelli d'Ascoli, Zett. Dom.: Prefetto del Caffa, Tartaria &c.). 1892. Pimenov, N.N. (trad.), Bertier de la Garde, A.L. (comments). In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 24, 89—180 (in Russian).
- Opochnskaia, A.I. 1986. In Khalpakhch'yan, O. Kh. (ed.-in-chief). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* 34. Moscow: "Stroiizdat" Publ., 255—265 (in Russian).
- Parshina, E.A. 1968. In Tolochko, P.P. (ed.). *Arkhelogicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 g. (Archaeological Research in Ukraine in 1967)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 65—70 (in Russian).
- Parshina, O.O. 1972. In *Arkhelogichni doslidzhennia v Ukraini v 1969 r. (Archaeological Investigations in Ukraine in 1969)* IV, 253—257 (in Ukrainian).
- Parshina, E.A. 1988. In Bibikov, S.N. (ed.). *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural and Archaeological Investigations in Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 36—59 (in Russian).
- Bernacki, A.B., Klenina, E. Yu., Ryzhov, S.G. (eds.). 2004. *Rannevizantiiskie sakral'nye postroiki Khersonesa Tavricheskogo (Early Byzantine Sacral Buildings of Tauric Chersonese)*. Vol. I. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie (in Russian).
- Romanchuk, A.I., Lositskii, Yu.G. 1985. In Poliakovskaia, M.A. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka: Problemy sotsial'nogo razvitiia (Antiquity and Middle Ages: Problems of Social Evolution)*. Sverdlovsk: Ural State University, 102—122 (in Russian).
- Sapunova, M. Yu. 2007. *Arkhitekturno-kompozitsijni pryjomy musul'mans'kykh hromads'kykh budivel' Krymu XII—XVIII st. (Architectural and Compositional Techniques of Muslim Public Buildings in Crimea in 12th—18th Centuries)*. PhD Thesis. Lviv (in Ukrainian).
- Sargsyan, T., Petrosyan, M. 2008. *Krym: Monastyr' Surb Khach (Crimea: Surb Khach Monastery)*. Simferopol: "Feniks" Publ. (in Russian).
- Seydaliyev, E.I. 2014. In Ismailov, I., Muratova, E., Eminova, S. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo naslediia Kryma (Current Problems of the Study and Conservation of the Islamic Cultural Heritage of Crimea)*. Simferopol: "SPD Muzafarov G.N." Publ., 65—71 (in Russian).
- Sidorenko, V.A. 1988. In Bibikov, S.N. (ed.). *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural and Archaeological Investigations in Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 115—128 (in Russian).
- Smirnov, V.D. 2005. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Otomanskoi Porty (The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Empire)* I. Moscow: "Rubezhi XXI" Publ. (in Russian).
- Spisok trudov M.G. Kramarovskogo (List of Scientific Works by M.G. Kramarovsky). 2013. In Stepanenko, V.P., Yurchenko, A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosedi (From the Onon to the Thames: Genghisids and their Western Neighbours)*. Moscow: "Marjani" Publ. House, 547—567 (in Russian).
- Syushchuk, Yu.H. 2002. *Istoryko-teoretychni aspekty typolohii hromads'kykh budivel' musul'mans'koi arkhitektury Krymu XIII—XVIII st. (Historical-Theoretical Aspects of Typology of Public Buildings of the Muslim Architecture in Crimea in 13th—18th Centuries)*. PhD Thesis. Kiev (in Ukrainian).
- Teslenko, I.B., Lysenko, A.V. 2004. In Myts, V.L. (ed.-in-chief). *«O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) («On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica»: Proceedings of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen)*. Kiev: "Stilos" Publ., 260—296 (in Russian).
- Tikhonova, M.A. 1953. In Jakobson, A.L. *Materialy po arkheologii Iugo-Zapadnogo Kryma (Material on Archaeology of South-Western Crimea (Chersoneses, Mangup))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 34. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 334—389 (in Russian).
- Tur, V.G. 1997. In Myts, V.L. (ed.-in-chief). *Arkheologiiia Kryma (Archaeology of Crimea)* I (1). Simferopol: "Iuzhno gorodskie vedomosti" Publ., 117—125 (in Russian).
- White, E., Robertson, B. 2003. *Arkhitektura. Formy, konstruktivnyye detali. Illiustrirovannyi spravochnik (Architecture and Ornament: a Visual Guide)*. Moscow: "AST" Publ.; "Astell" Publ. (in Russian).
- Fronzhulo, M.A. 2005. In Kukoval'skaia, N.M. (ed.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)* II. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 621—631 (in Russian).
- Khalpakhch'yan, O. Kh. 1991. In Mironets, L.N. (ed.). *Problemy istorii Kryma (Problems of History of Crimea)* 2. Simferopol: "Redotdel Krymskogo upravleniia po pechatii" Publ., 50—52 (in Russian).
- Khrushkova, L.G. 2017. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XXII, 107—138 (in Russian).
- Khuzin, F. Sh. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 270—277 (in Russian).
- Evliya Çelebi. 2008. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka) (The Book of Travels: Crimea and Neighbouring Lands: Extracts from the Writing of the 17th Century Turkish Traveler)*. Simferopol: "Dolya" Publ. (in Russian).
- Yurjevich, V.N. 1863. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 5, 629—837 (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* VI, 205—226 (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1950. *Srednevekovi Khersones (XII—XIV vv.) (The Medieval Chersonese (12th—14th Centuries))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 17. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1956. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook)* VIII, 166—191 (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1964. In *Istoriko-filologicheskii zhurnal (Journal of History and Philology)* (4). Yerevan, 230—235 (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1964. *Srednevekovi Krym. Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury (Medieval Crimea. Essays on History and History of Material Culture)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Jakobson, A.L., Tamanyan, Yu.A. 1990. *Armenianskaia arkhitektura v Krymu (Armenian Architecture in the Crimea)*. Yerevan: "Aiastan" Publ. (in Russian).

С. Г. Бочаров

Sergei Bocharov. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences¹; Kazan (Volga Region) Federal University².

Бочаров Сергей Геннадиевич. Кандидат исторических наук. Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: sgbotcharov@mail.ru

Addresses: ¹ Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Russian Federation; ² Kremlevskaya St., 18, Kazan, 420008, Russian Federation

Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275—1475 гг.)

Keywords: Crimea, Genoese Gazaria, Caffa, Campania of Caffa, Soldaia, Cembalo, Consulate, historical geography, historical topography, archaeology

Ключевые слова: Крым, Генуэзская Газария, Каффа, кампания Каффы, Солдайя, Чембало, консульство, историческая география, историческая топография, археология

S. G. Bocharov

Historical Geography of the Crimean Territories of the Genoese Gazaria (1275—1475)

The article primarily focuses on the historical geography of the Crimean territories of the Genoese Gazaria. The Genoese Gazaria is the totality of the Genoese possessions on the lands of the Golden Horde, especially in the coastal areas of the Northern Black Sea, where the medieval toponym "Gazaria" was used to embrace the whole state of the Golden Horde. In general, there were no clear state borders in the Genoese Gazaria: those were coastal zones under the rule of the khans of the Golden Horde, where the Genoese would be given separate quarters in the cities and would enjoy autonomous rights, or would establish their settlements on the coast. The Crimean peninsula was an exception in this system, there the Genoese settled a whole system of cities and rural districts, with clear political and administrative borders. The domain of the Genoese on the Crimean peninsula developed into independent political and administrative system during a long and gradual process, which took a hundred years: from the origin of the main regional center in Caffa (around 1275) to 1387. The author addresses historical geography of the various administrative parts of the Genoese Gazaria on the Crimean peninsula: the rural district of Caffa, Consulates of Soldaia, Cembalo and Vosporo, and possessions on the Southern Coast of the Crimea, the Kerch Peninsula and the Tarkhankut Peninsula. He also analyzes findings of a study into the historical topography of the four fortified Genoese cities — Caffa, Soldaia, Cembalo and Vosporo.

S. G. Bocharov

Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275—1475 гг.)

В статье рассматриваются вопросы изучения исторической географии крымских территорий Генуэзской Газарии. Генуэзская Газария — это вся совокупность генуэзских владений на землях Золотой Орды, в особенности на прибрежных северопричерноморских территориях, где под средневековым топонимом «Газария» понимается государство Золотая Орда. Чётких государственных границ в прямом смысле у Генуэзской Газарии в целом не было — это прибрежные зоны, находившиеся под властью ханов Золотой Орды, где в городах генуэзцы получали отдельные кварталы и пользовались автономными правами или основывали на побережье свои поселения. Крымский полуостров был исключением в этой системе: там генуэзцы обустроили целую систему городов с сельскими округами, с чёткими политическими и административными границами. Владения генуэзцев на Крымском полуострове сложились в единую политико-административную систему в ходе длительного и многоэтапного процесса, занявшего период более ста лет от возникновения основного центра региона — Каффы около 1275 г. до 1387 г. Рассматривается историческая география различных административных единиц Генуэзской Газарии на Крымском полуострове, таких как сельская округа Каффы, консульства Солдайское, Чембальское, Воспорское, владения на Южном берегу Крыма, Керченском и Тарханкутском полуостровах. Представлены результаты изучения исторической топографии четырёх укрепленных генуэзских городов: Каффы, Солдайи, Чембало и Воспоро.

Под термином «Генуэзская Газария» в статье понимается вся совокупность генуэзских владений на землях Золотой Орды, в особенности на прибрежных северопричерноморских ордынских территориях, где под средневековым топонимом «Газария» понимает-

ся государство Золотая Орда (Bocharov 2018: 447). В географическом выражении это территория северного побережья Чёрного моря (включая крымское) и всё побережье Азовского моря, с близлежащими территориями от устья Дуная с городами Килия и Ликосто-

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья с городами, селениями и гаванями Генуэзской Газарии в XIII—XV вв.

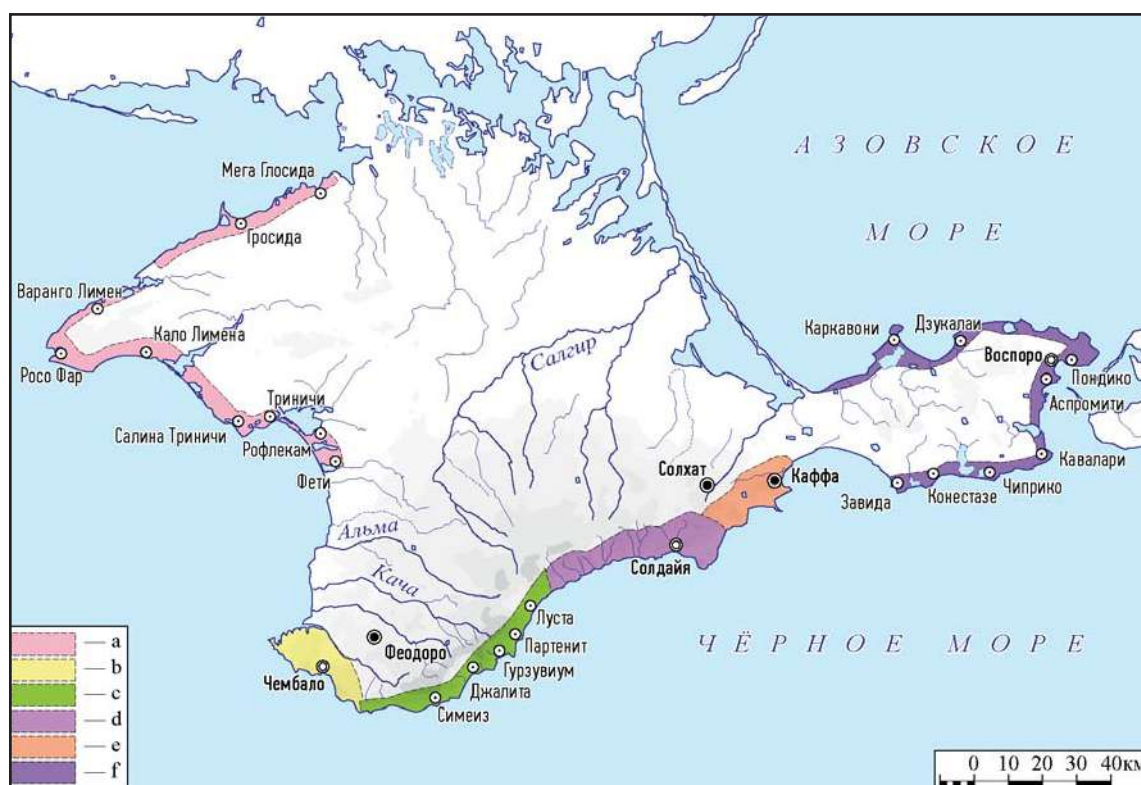
Fig. 1. Map of the Northern Black Sea region with towns, rural settlements and harbors of Genoese Gazaria in 13th—15th Centuries.

мо до Геленджикской бухты (пункт Мавро Лако) (рис. 1) (Bocharov 2017: 199—207). Чётких государственных границ в прямом смысле у этой территории не было: это прибрежные зоны, находившиеся под властью ханов Золотой Орды, а после середины XV в. — под властью их преемников, правителей Крымского ханства, где в золотоордынских городах генуэзцы получали отдельные кварталы и пользовались автономными правами или основывали на побережье свои поселения. В политическом отношении это были автономные образования в Северном Причерноморье, подчинённые Генуэзской республике, которые по способу управления были определены М. Баларом как латинократии (Balard 1998: 17—18). Предметом археологического изучения Генуэзской Газарии является вся совокупность материальных свидетельств генуэзского присутствия на очерченной территории: культурные напластования и различные виды древностей в городах, селениях, некрополях, якорных стоянках, на других памятниках, в хронологических рамках от первого появления в третьей четверти XIII в. до 1475 г. (Bocharov 2018a: 71—72). Древности Генуэзской Газарии являются составной частью Латинской Газарии и возникли в результате процесса появления выходцев из Западной Европы на землях Золотой Орды. Новые поселения располагались на землях золотоордынского государства и на тех условиях, которые выдвигали правители этой страны (Bocharov 2017a: 57—58).

Крымский полуостров был исключением в этой системе: там генуэзцы обустроили

целую систему городов с сельскими округами, с чёткими политическими и административными границами (рис. 2) (Bocharov 2016a: 263). В статье будут рассмотрены вопросы исторической географии одной из частей Генуэзской Газарии, а именно владений Генуэзской республики на Крымском полуострове.

Владения генуэзцев на Крымском полуострове сложились в единую политико-административную систему в ходе длительного и многоэтапного процесса, занявшего период более ста лет от возникновения основного центра региона — Каффы около 1275 г. (Balard 1978: 116) до 1387 г., когда все территориальные приобретения Генуи в Крыму были окончательно признаны правителем Золотой Орды (Basso 1991: 25—26). Стадии процесса становления торгового города в Причерноморье выделены С.П. Карповым на примере венецианской Таны (Карпов 1997: 12). Для крымской части Генуэзской Газарии основных этапов становления было несколько, выделим здесь только основные из них. Первый этап — развитие Каффы в 1275—1308 гг. Второй — возрождение и развитие города с 1312 по 1364 гг., в итоге которого удалось отразить несколько нападений хана Джанибека в 40-х гг. XIV в. Генуэзские торговцы, затем нотариусы и католические церковные иерархи проникают в города и сельские округа Чамбалло, Солдайи и Воспоро, завершается это проникновение учреждением консульств. В это время венецианцы пытаются укрепиться в гаванях Восточного Крыма — Провато, Калиере и Солдаие, ответными действиями генуэзцы занимают

Рис. 2. Карта части Генуэзской Газарии — владений Генуэзской республики на Крымском полуострове в последней четверти XIV в. Условные обозначения: а — генуэзские селения на территории Тарханкутского полуострова; б — консульство Чембальское; с — генуэзские владения на Южном берегу Крыма; д — консульство Солдайское; е — кампания Каффы; ф — консульство Веспорское.

Fig. 2. Map of a part of Genoese Gazaria: possessions of the Genoese Republic in the Crimean peninsula in the late quarter of the 14th century. Legend: a — Genoese settlements on the territory of Tarkhankut peninsula; b — Consulate of Cembalo; c — Genoese possessions on the Southern shore of the Crimea; d — Consulate of Soldaia; e — Campania of Caffa; f — Consulate of Vosporo.

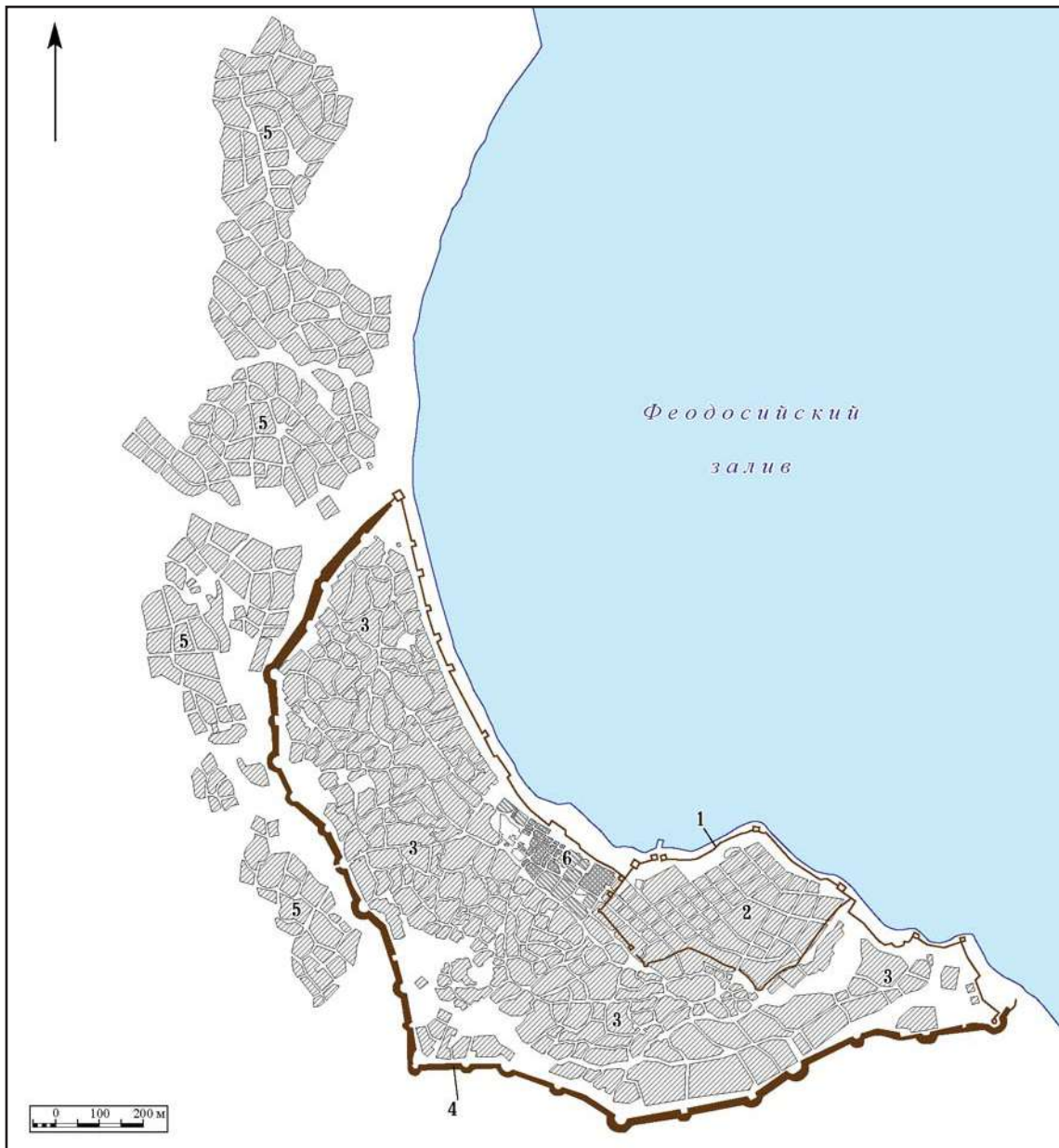
эти прибрежные территории. Финал процесса приходится на период с 1365 г., времени захвата Солдайи и ее сельской округи и прибрежной Готии, до 1387 г. — окончательного признания всех приобретений Республики св. Георгия в Крыму по договору от 12 августа 1387 г. с властями Золотой Орды. Этот финальный период после присоединения новых земель был наполнен событиями, связанными с постоянной конфронтацией с правителями Золотой Орды, которая то затихала, то вспыхивала вновь, а также включением всех новых территорий и их населения в административную и налоговую системы коммуны Каффы. В своём завершённом виде к концу XIV в. эти владения состояли из четырёх укрепленных городов (Каффы, Солдайи, Чембало, Веспоро) и их сельских округ, селений и замков Южного берега Крыма, приморских территорий Тарханкутского и Керченского полуостровов с поселениями и соляными разработками (рис. 2) (Бочаров 2016а: 263). Столицей Генуэзской Газарии был город Каффа, глава которого — консул — являлся

верховным правителем для всей этой территории (Карпов 2000: 12).

Каффа и сельская округа города (campania)

Каффа (совр. Феодосия, Юго-Восточный Крым; 1275—1475 гг.) — административный и экономический центр генуэзского присутствия в Северном Причерноморье (рис 1; 2). В «Византийской хронике» Никифора Григоры приводится дата возникновения генуэзской Каффы — 1266 г. (Gregorae 1830: 684). Однако французский историк Мишель Балар считает эту дату неверной и относит основание города ко времени между 1268 и 1275 гг., причём более вероятным, по его мнению, выглядит именно 1275 г. Постепенно фактория разрастается, оформляется административно, и в 1281 г. впервые упоминается консул — глава городского управления. После 1285 г. упоминание Каффы в нотариальных генуэзских актах становится частым (Balard 1978: 116). О раннем периоде городской жизни из-

Рис. 3. План Каффы XV в.: 1 — крепостная стена цитадели; 2 — цивитас; 3 — бург; 4 — крепостные стены внешнего оборонительного кольца; 5 — антибург; 6 — центральная рыночная площадь.

Fig. 3. Plan of Caffa in the 15th century: 1 — fortress wall of the citadel; 2 — civitas; 3 — burg; 4 — fortress walls of the outer defensive ring; 5 — antiburg; 6 — central market square.

вестно из документов каффинского нотариуса Ламберто ди Самбучето (1289—1290 гг.). В текстах описывается разделённый на кварталы (контрадо) небольшой город, обнесённый рвом и валом с деревянным частоколом. Несколько домов располагалось и за пределами изгороди (Balard 1973: 45).

После осады города войсками золотоордынского хана Тохты в 1308 г. Каффа была оставлена жителями. После смерти хана коммуна Генуи 9 августа 1312 г. направляет посольство к его преемнику — хану Узбеку (Balard 1989: 110). Посланцам удалось до-

биться разрешения на восстановление города, и 18 марта 1316 г. принимается план восстановления фактории (Ordo de Caffa). В соответствии с этим планом начинается строительство каменной оборонительной стены, которое значительно изменило внешний облик и статус города (Balard 1979: 200). Со времени её возведения в средневековой Каффе появляются две основных градообразующих части: городские кварталы, располагавшиеся внутри цитадели, и городские кварталы, расположенные за её пределами — бург (burg) (Balard 1978: 118). Площадь укреплённой го-

Рис. 4. Сельская округа Каффы. Условные обозначения: а — границы кампани Каффы; b — столица; с — города; d — селения; e — монастыри; f — замок; g — якорная стоянка (по Бочаров 2011a: рис. 1).

Fig. 4. Rural county of Caffa. Legend: a — boundaries of the Campania (rural district) of Caffa; b — the capital; c — towns; d — rural settlements; e — monastery; f — castle; g — anchorage (after Бочаров 2011a: рис. 1).

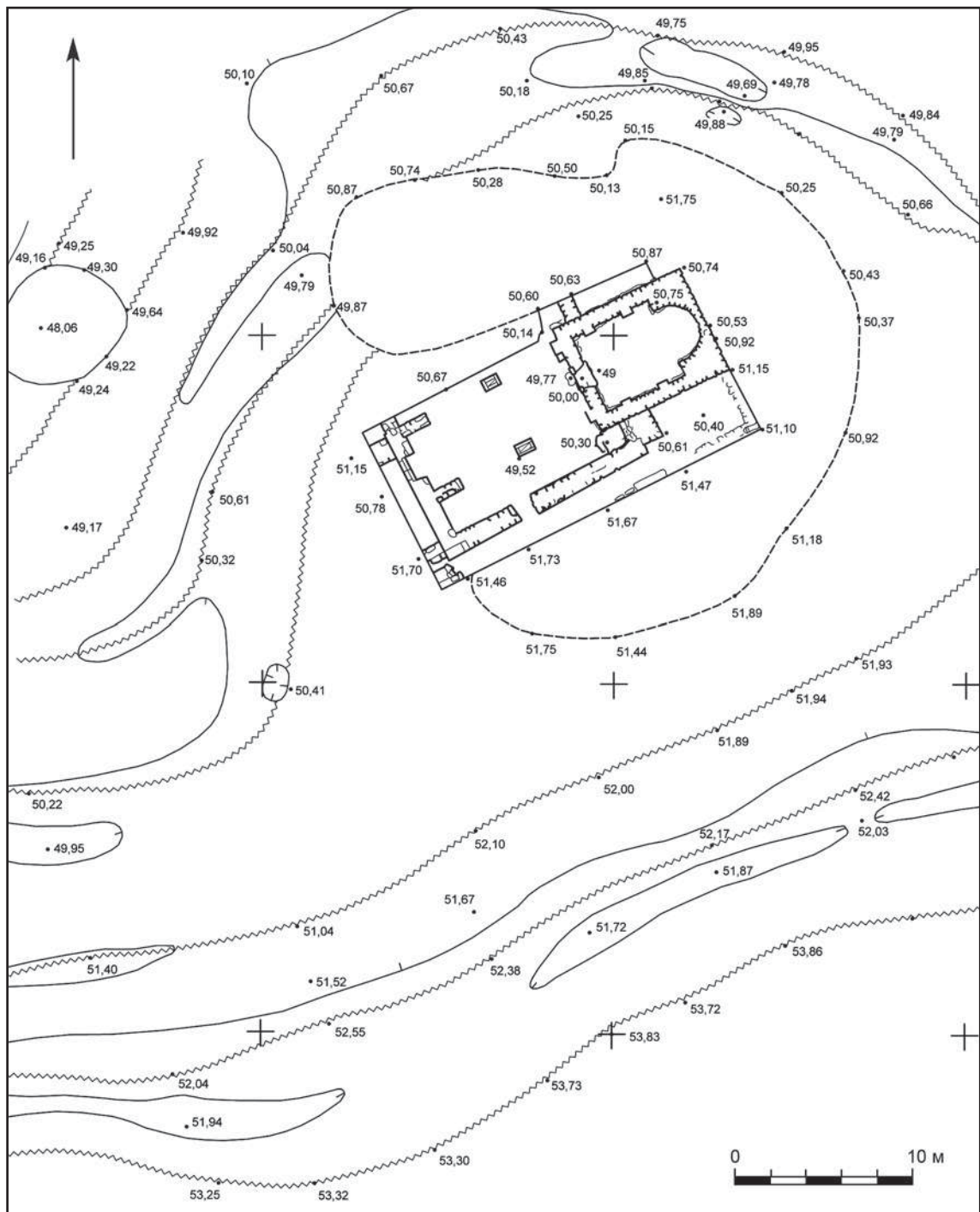
родской территории составила 11,3 гектаров (Бочаров 1998: 87). Фортификационные работы были продолжены в 1383—1389 гг. строительством внешнего оборонительного кольца вокруг бурга (площадь вновь укрепленной территории 82,0 га) (Бочаров 2012a: 115; Vocharov, Sitdikov 2014: 418). После этого городской пейзаж Каффы приобрёл свой законченный вид: квартальная застройка внутри цитадели, кварталы внутри оборонительного кольца (бург) и неукрепленное предместье — антибург (antiburg) (рис. 3) (Бочаров 2006: 114; 2015a: 182).

В Каффе XIV в. в городских кварталах проживали представители разных народов и нескольких религиозных групп. В этот период в городском пейзаже доминировали христианские храмы трёх основных конфессий — католической (Бочаров 2015б: 815), православной (византийской) (Айбабина, Бочаров 2002: 160) и армянской (Бочаров 1996: 220; Айбабина, Бочаров 1997: 211—212). Имелись также два иудаистских храма (Бочаров 2000: 12) и одна мечеть (Бочаров 2016б: 121).

К концу XIV в. город достиг наивысшего расцвета, его общая площадь к этому времени составляла около 120 га (рис. 3) (Бочаров 2014a: 453). На протяжении второй поло-

вины XIV — первой половины XV вв. Каффа играла ведущую роль не только в торговой, но и в политической жизни Черноморского региона.

Во второй половине XIV в. складывается сельская округа города (campania) (рис. 2; 4). Присоединение генуэзцами обширных прибрежных территорий к Каффе было вызвано активностью в регионе их основных противников — венецианцев. Так, в 1356 г. золотоордынский хан Джанибек разрешает венецианцам устроить корабельную пристань в бухте Провато (Diplomatarium 1899: 24, № 14; Григорьев, Григорьев 1997: 156—157). Через два года, в 1358 г., новый хан Бердибек подтвердил права венецианцев на Провато и разрешил использование гаваней Калитра (Калиера) и Солдайя для создания торговых поселений — факторий (Diplomatarium 1899: 51, № 25; Григорьев 1994: 30; Григорьев, Григорьев 2002: 181—182). С целью не допустить своих главных торговых конкурентов на ближайшие к Каффе земли Восточного Крыма, воспользовавшись «замытней» в Золотоордынском государстве, генуэзцы в 1365 г. захватывают Солдайю и её сельскую округу (Balard 1978: 161). Тогда же были аннексированы земли по побережью от Сол-

Рис. 5. Топографическая съемка армянского монастыря св. Иоанна Предтечи, археологические исследования 1998 и 2000 гг. (по Бочаров 2015в: рис. 3).

Fig. 5. Topographical survey of the Armenian monastery of St. John the Baptist, archaeological research 1998 and 2000 (after Бочаров 2015в: рис. 3).

дайки до Каффы, на которых расположены гавани Провато (Бочаров 2015в: 316) и Калиера (Bocharov 2018: 448), ранее использовавшиеся венецианцами. За время этого затяжного конфликта сельские территории неоднократно переходили из рук в руки и были окончательно закреплены за коммуной Каффы по-

сле окончания Солхатской войны в 1387 г. (Basso 1991: 15).

Кампания Каффы занимала территорию вдоль восточного побережья Крыма, 30 км в длину и 3,0—9,0 км в ширину (рис. 2; 4). В современном географическом описании эта территория представляет собой восточную

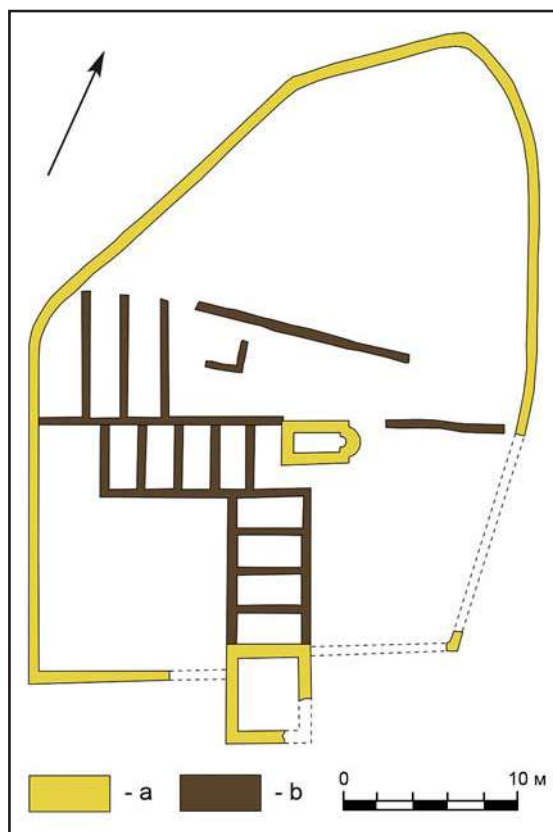
оконечность Главной гряды Крымских гор с тремя основными долинами: Двужорной, Коктебельской и Отузской (первую и вторую разделяет хребет Биюк-Яньшар, вторую и третью — горный массив Карадаг) и бухтами: Двужорной, Провато, Тихой (Ениширской), Коктебельской и Отузской. Кампания состояла из шести селений, на этой территории располагались также два греческих монастыря, один армянский монастырь и один генуэзский замок (Бочаров 2011а: 144).

Селения Калиера и Посидима возникли еще в предшествующий византийский период (рис. 4). Калиера располагалась в южной части Отузской долины у морского берега. В настоящее время вся территория средневекового селения находится под современными строениями пос. Курортное, где при земляных работах были выявлены участки культурного слоя с керамикой XIII—XV вв. (Бочаров 2011б: 254). Селение Калиера отмечено на средневековых морских компасных картах-портланах (Бочаров 2015г: 92). Поселение Посидима расположено на юго-восточном прибрежном склоне холма Тепсень, большая часть его попала под современную жилую застройку населенного пункта Коктебель (Бочаров 2015д: 124; 2016в: 655; 2017б: 411). Археологические находки XIV в., вероятно, связанные с якорной стоянкой Провато, были зафиксированы в западной части побережья Двужорной бухты (Бочаров 2015д: 309; 2017в: 241).

Селение Отуз, находившееся в северо-западной части одноименной долины, в 6 км от моря и греческой Калиеры, было основано в период доминирования Золотой Орды (Бочаров 2011б: 255). Археологические культурные слои, связанные с остатками этого средневекового поселения, фиксируются в южной части современного поселка Щебетовка. В пользу нерадового статуса этого населенного пункта относительно других ордынских селений свидетельствует участие в его основании, а затем присутствие среди жителей шейхов и переселенцев из сельджукской Малой Азии (Башкиров 1926: 109; Акчокраклы 1927: 17; Бороздин 1927: 25).

Селение Тепе-Оба открыто в 2004 года в ходе археологических разведок. Находится на северном склоне горного массива Тепе-Оба, восточнее асфальтовой дороги Насыпное — Виноградное, в 450 м северо-восточнее с. Виноградного. В настоящее время территория памятника занята виноградником (Бочаров 2011а: 140).

Селение в Тихой бухте, обнаруженное В.И. Веселовым в 1957 году, располагалось

Рис. 6. План замка Калиера (по Бочаров 2015г: рис. 7). Условные обозначения: а — кладки на известковом растворе; б — кладки на глиняном растворе.

Fig. 6. Plan of the castle of Caliera (after Бочаров 2015г: рис. 7). Legend: a — masonry on lime mortar; b — masonry on clay mortar.

в Кучук-Яньшарской долине, вблизи береговой линии бухты у северного склона прибрежного безымянного холма. Разведочные раскопки проведены в 2000 г. (Бочаров 2011а: 141). Возможно, поселение известно по венецианским письменным источникам как стоянка у мыса св. Иоанна (Бочаров 2015е: 707), где галей линии Таны совершали краткие 1—3-дневные стоянки с целью пополнения запасов воды и провизии в 1396, 1397, 1399, 1433 гг. (Карпов 1994: 65).

Селение Падилкой располагается у подножия скалы Сююрю-Кая горного массива Карадаг, в 450 м западнее окраины пос. Коктебель (Бочаров 2011а: 142). На территории селения сохранились руины армянской церкви Св. Георгия (Гавриил 1844: 327). Из храма происходят две надписи, первая датирована 1401 годом, вторая — 1487 (Айвазовский 1867: 330—331). Восточная часть храма была частично раскопана в 1998 г. (Тур 1999: 235—236).

Кроме того, в сельской округе Каффы находились монастыри: два греческих и один

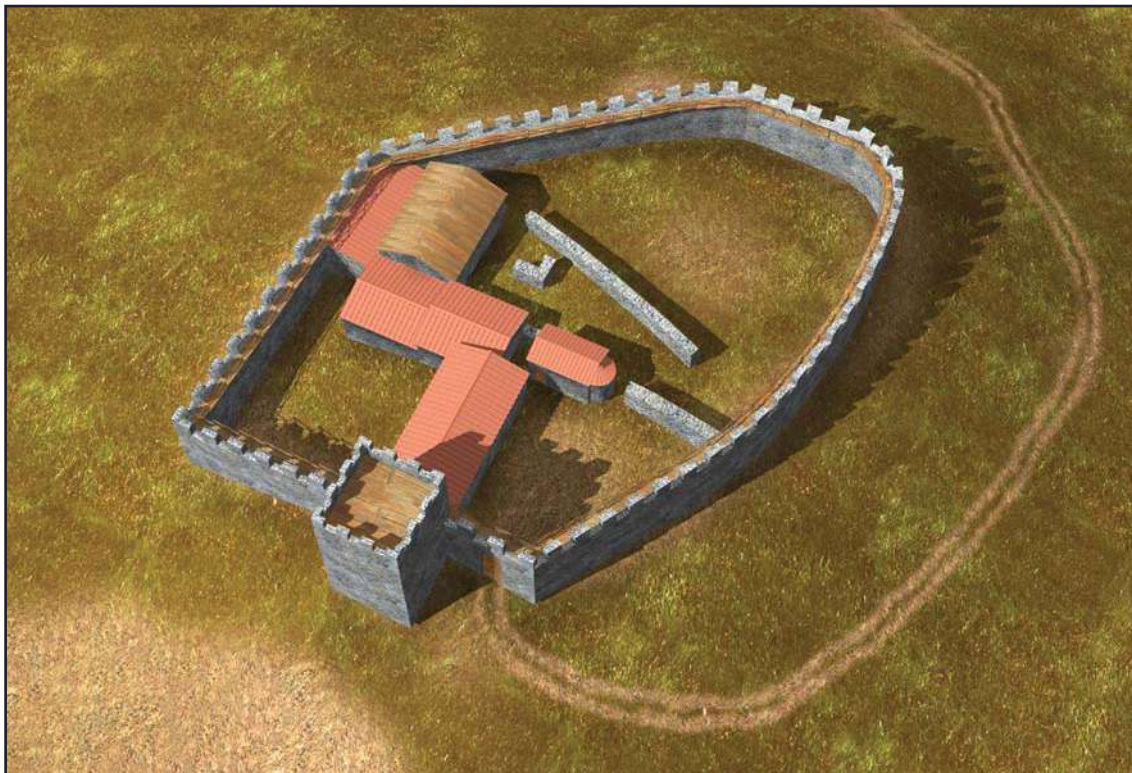
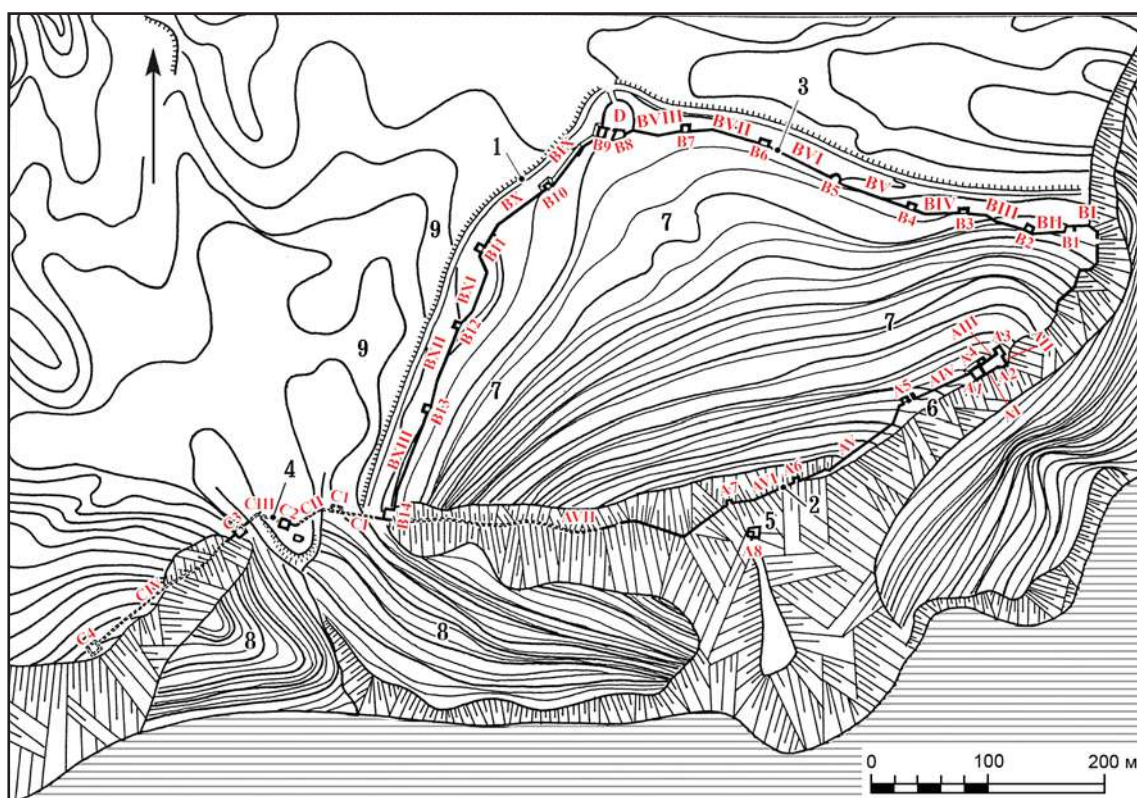

Рис. 7. Реконструкция замка Калиера. Вид с юго-востока (по Бочаров 2015г: рис. 63).

Fig. 7. Caliera castle, reconstruction. View from the south-east (after Бочаров 2015г: рис. 63).

армянский (Бочаров 2001а: 10). Греческий монастырь Св. Петра располагался в трех с половиной километрах северо-восточнее селения Калиера у подножия горного массива Кара-Даг в низовьях ущелья Гяур-Бах (Бочаров 2011а: 140). Разрушенные остатки греческого монастыря Св. Георгия расположены на западном склоне горы Килисе-Каясы массива Карадаг, в верховьях урочища Монастырчик (Бочаров 2011а: 140). Фундаменты армянского монастыря Св. Иоанна Предтечи располагаются на восточном склоне хребта Биюк-Яньшар (Гавриил 1844: 323). Единственная известная надпись из монастыря датирована 1405 г. (Марр 1898: 7). Археологическое изучение объекта проведено в 1998 и 2000 гг. Раскопками открыта центральная часть монастыря: монастырская церковь (размеры по внешнему контуру $8,20 \times 6,40$ м), имевшая один вход в западной стене и гавит (притвор) (длина — 11,16 м, ширина — 11,06 м), а также участок двора (рис. 5). Стены строений толщиной 1,00—1,08 м сохранились на высоту от 1,05 до 2,10 м. Центральный вход в притвор, сохранившийся на высоту около 1 м, был украшен резным каменным наличником с орнаментальным мотивом «сельджукская цепь» (Бочаров 2011а: 142; 2015в: 311).

На территории кампании Каффы был возведён один замок — Калиера (рис. 4). Он занимал вершину приморского холма Кордон-Оба и имел полный периметр крепостных стен и одну башню (рис. 6). Площадь замка 0,074 га. Наибольшие размеры крепостной площадки около $28,0 \times 35,0$ м. Длина крепостных стен около 107,0 м, при толщине 0,85—1,10 м. Характерной чертой этого замка является разное начертание передней и задней частей крепостного полигона. Удалось проследить внутреннюю планировку объекта, разделенного поперечной стеной (длина 27,0 м) на две части. Южная часть в плане близка к форме прямоугольной трапеции и включала в себя крепостную церковь (сложена на песчано-известковом растворе, размер $8,4 \times 5,0$ м, стены толщиной 0,8 м внутри были оштукатурены и покрыты фресковой росписью), восемь жилых помещений гарнизона (сложены на глиняном растворе). Два крепостных двора: восточный двор ($10,50 \times 12,40$ м), расположенный за воротами в замок, и западный внутренний двор, ограниченный с севера и востока жилыми строениями ($10,70 \times 13,90$ м). В южной части находилась единственная башня-донжон (размером $8,35 \times 10,5$ м, толщина стен 1,00—1,15 м, вынесенная за линию стен на 4,8 и 5,0 м), которая

Рис. 8. План Солдаи 1365—1475 гг. 1 — предполагаемые земляные укрепления; 2 — крепостная стена цитадели; 3 — крепостная стена внешней оборонительной линии; 4 — крепостная стена портового района; 5 — башня Св. Ильи; 6 — застроенные территории внутри цитадели; 7 — территория городской застройки, защищённая крепостными стенами; 8 — территория портового района; 9 — территория неукрепленного городского пригорода (по Бочаров 2017г: рис. 4).

Рис. 8. Plan of Soldaia, 1365—1475. 1 — supposed earthworks fortification; 2 — fortress wall of the citadel; 3 — fortress wall of the outside defensive line; 4 — fortress wall of the port area; 5 — St. Elijah tower; 6 — built-up areas inside the citadel; 7 — urban area protected by fortress walls; 8 — port area; 9 — unfortified suburb territory (after Бочаров 2017г: рис. 4).

занимала господствующее положение во всем комплексе крепостных строений. Ворота в замок, видимо, находились в разрушенной части юго-восточной куртины (рис. 7) (Бочаров 2015г: 73). С возведением замка Калиера генуэзская администрация Каффы окончательно закрепляет свой контроль над Отузской долиной и побережьем и лишает как крымские владения Золотой Орды, так и Венецианскую республику возможности использовать эту гавань в торговых операциях.

Солдаия и консульство Солдайское

Солдаия (совр. Судак, Юго-Восточный Крым; 1365—1475 гг.) — второй по величине и значению генуэзский город на Крымском полуострове (рис. 1; 2). С конца XIII в. до третьей четверти XIV в. этот город был главным торговым конкурентом Каффы в Северном Причерноморье (Balard 1992: 21; Νισταζολουλου 1965: 49). Ликвидировать про-

тивостояние удалось в результате столкновения с Золотой Ордой в 1365 г., когда генуэзцами была захвачена Солдаия и 18 селений её округа (Pistarino 1988: 214). Этот инцидент в течение двадцати последующих лет осложнял их отношения с золотоордынскими властями, которые на Крымском полуострове располагались в городе Солхат (совр. Старый Крым) (Бочаров 2012а: 114). В 1375 г. эмир Мамай вернул 18 селений дистрикта Солдаий под протекторат золотоордынских властей полуострова, но захватить сам город не смог (Balard 1978: 161). После этого между Мамаем и генуэзской администрацией был заключён договор, признающий права Республики Св. Георгия на Солдаию. Текст этого договора не сохранился, но о его существовании свидетельствуют отсылки более позднего договора от 24 февраля 1381 г., четко фиксирующие, что права на Солдаию были переданы лигурийцам именно Мамаем и что впоследствии эти права не оспаривались и не подвергались пересмотру (Desimoni 1887: 163).

Рис. 9. Цитадель и внешняя оборонительная линия Солдайи. Вид с северо-запада (по Бочаров 2017г: рис. 5).

Fig. 9. The Citadel and the outer defensive line of Soldaia. View from the northwest (after Бочаров 2017г: рис. 5).

Администрация Каффы после захвата не использовала Солдайю в качестве международного морского порта, напротив, роль города была сведена к региональному центру значительной сельскохозяйственной территории (Устав 1865: 781).

Разделение генуэзской Солдайи на основные градообразующие части в первую очередь было обусловлено преемственностью от старого византийского, впоследствии золотоордынского города и, во вторую, новыми фортификационными сооружениями, возведёнными генуэзцами (рис. 8). Основная часть города располагалась на северном склоне горы Дженевет-Кая (другое название — Крепостная гора) (рис. 9). Сразу после захвата города в 1365 г. генуэзцы начали строительство земляных укреплений в Солдаёе (Бочаров 2012а: 114), под прикрытием которых в 1371 г. (Skrzinska 1928: 107) началось возведение каменных стен внешней оборонительной линии — в генуэзских документах «castrum Sancti Cristi» (Устав 1865: 770), различные фортификационные работы на которой продолжались и в первой четверти XV века (Skrzinska 1928: 110). Укреплённая территория имела плотную застройку, обусловленную рельефом скалы Дженевет-Кая — горным на склоне и равнинным у подножия горы. Площадь этой части города составляла около 12,9 га. (Бочаров 2016а: 265). Портный район Солдайи находился в пространстве между морем, юго-восточным склоном горы Дженевет-Кая и юго-западным склоном горы Палвани-Оба. Он также был защищён каменными крепостными сооружениями. Оборонительная линия порта проходила в самой узкой части ущелья между двумя этими горами. На востоке она сопри-

касалась с крепостными стенами цитадели и внешней линией обороны. Протяжённость линии крепостных стен порта около 254,5 м (Бочаров 2017г: 109). Оборонительная линия порта, вероятно, была возведена в 80-е гг. XIV в. (Skrzinska 1928: 112). Этот район города, площадью около 5,7 га, с горным рельефом имел плотную застройку (Бочаров 2016а: 265). Несколько городских строений находилось под защитой цитадели на площади 0,21 га (Лопушинская 1991: 25—27; Бочаров 2016а: 265). Узкая ровная полоска земли, занятая постройками, находилась на ровном пространстве, ограниченном стеной цитадели и южными обрывами горы Дженевет-Кая. В целом цитадель Солдайи, именуемая в генуэзских источниках «castrum Sancti Elie» (Устав 1865: 770), располагалась вдоль хребта Крепостной скалы. Как и все крепостные сооружения Солдайи, цитадель не имела полного замкнутого периметра стен. Она состояла из линии каменных крепостных стен с тремя башнями и четырьмя куртинами, резиденции правителя города — комплекса консульского замка, и отдельно стоящей башни (Санта-Элиа) на самой верхней точке Крепостной горы. Боевая сторона оборонительной системы цитадели Солдайи обращена на север. С юга цитадель защищена неприступными обрывами и не была укреплена. Общая длина линии крепостных стен цитадели составляла около 593 м (Бочаров, Масловский 2015: 43). Неукреплённый пригород находился севернее внешней оборонительной линии и занимал площадь примерно 3,6 га (Бочаров 2016а: 265).

В своем завершённом виде к первой половине XV в. городская территория Солдайи состояла из жилой застройки цитадели (castrum

Рис. 10. Карта территории консульства Солдайского. Условные обозначения: а — границы территории консульства; б — города; с — селения; d — замки.

Fig. 10. Map of the Consulate of Soldaia. Условные обозначения: а — boundaries of the territory of the consulate; б — towns; с — rural settlements; d — castles.

Sancti Elie) площадью около 0,21 га; основных городских кварталов площадью 12,9 га, защищённых внешней оборонительной линией (castrum Sancti Cristi); портового района площадью 5,7 га и неукрепленного городского предместья площадью 3,6 га. В целом площадь городской территории составляла около 22,4 гектаров (рис. 8) (Бочаров 2018а: 34).

Сельская округа города формируется ещё в византийский период (XI—XIII вв.) и переходит к генуэзцам уже в сложившемся виде (рис. 2; 10). При том, что Солдайя после её захвата в 1365 г. постоянно оставалась у итальянцев, её сельскохозяйственная округа переходила из рук в руки. Окончательно за генуэзцами она была закреплена договорами 27 ноября 1380 г. и 24 февраля 1381 г. (Desimoni 1887: 162—167) и подтверждена договором 12 августа 1387 г. (Basso 1991: 25—26). В соответствии с данными письменных источников сельская округа или территория консульства Солдайского насчитывала восемнадцать селений, как в начале перехода под контроль генуэзцев в 1381 г. (Desimoni, Belgrano 1867: 255), так и в финале их господства в 1474 г. (cazalibus decem et octo, qui cazales sunt sub jurisdictione consulates Soldaie) (Vigna 1871: 318, 321; Милицин 1955: 91). Списки этих селений приведены в двух бухгалтерских книгах — массариях Каффы за 1381 г. (Caffa

Massaria 1381: 27r, 103v) и 1386 г. (Caffa Massaria 1386: 51r, 317r): Coxii (Lo Cozo), Sancti Johannis (St Iuani), Tarataxii, Lo Volli, Sille (Lo Gille), Sdaffo (Lo Sdaffo, Sdaffum), La Canecha (Cavecha), Carpati (La Parti), Lo Scuto, Bazalega (Bezelega), Buzult, Cara Ihoclac (Cara Koklac), Diauollo (Lo Diavollo), Carlo (Lo Carlo), Sancti Erigni, Saragaihi (Caragaki), Paradixii, Cheder (Lo Cheder) (Бертье-Деллард 1920: 23—30).

Локализация восьми селений (cazales) — Coxii, Tarataxii, Louolli, Sille, Canecha, Carpati, Scuto, Saragaihi — в исторической литературе ни у кого из авторов ни споров, ни затруднений не вызывает (рис. 10). Часть этих топонимов с небольшими изменениями сохранилась к XIX в. в названиях существующих населённых пунктов: Козы, Таракташ, Ворон, Шелень, Ускут, Арпат. В части случаев, если такого населённого пункта уже не существовало, топоним сохранялся в связи с географическими объектами, такими, как Канакская балка или Карагачская долина. В отношении локализации остальных десяти казалий — Sancti Johannis, Sdaffo, Bazalega, Buzult, Cara Koclac, Diauollo, Carlo, Sancti Erigni, Paradixii, Cheder, — в связи с отсутствием этих названий в дошедшей до наших дней топонимике, мнения исследователей разделились. Относительно географических границ консуль-

ства Солдайского есть две основных точки зрения.

Первый вариант локализации десяти селений предложен А. Л. Бертъе-Делагардом — это территория южного и северного склона восточной части Главной гряды Крымских гор. В современной географической номенклатуре это участок от г. Белогорска до г. Старый Крым на северном склоне и участок от Канакской балки до села Солнечная Долина (Козы) — на южном склоне. Sancti Johannis — долина Ай-Ван у деревни Таракташ, Sdaffo — урочище Ставлухар в пяти верстах севернее деревни Ускут, Bazalega — деревня Бешев юго-восточнее Карасубазара (Белогорска), Vuzult — деревня Эль-Бузлы, Cara Koclac — деревня Каргалык севернее деревни Эль-Бузлы, Diauolo — Деве-эли в районе лесной дачи Деве-Таш вблизи деревни Эль-Бузлы, Carlo — деревня Юкары-Тайган, Sancti Erigni — деревня Сартана, Paradixii — деревня Орталан, Cheder — деревня Чердаклы в бассейне реки Карасу (Бертъе-Делагард 1920: 23—30).

Второй вариант локализации селений консульства Солдайского предложен А. А. Васильева, по мнению которого, все селения расположены вдоль южного, приморского склона Главной гряды Крымских гор. Полный вариант такого размещения — от местности Эди-Эвлер в четырех милях восточнее Алушты (совр. Семидворье) до села Солнечная Долина (Vasiliev 1936: 181). Десять сел автор локализирует таким образом: Sancti Johannis — долина реки Куру-Узень, Sdaffo — руины поселения в долине Эди-Эвлер восточнее Алушты, Bazalega — не определена, Vuzult — деревня Эль-Бузлы (?), Cara Koclac — деревня Токлук или деревня Кутлак, Diauolo — Туак (?), Carlo — возвышенность Кеарли-Бурун в окрестностях деревни Кутлак, Sancti Erigni — не определена, Paradixii — руины поселения в гавани в окрестностях Судака (?), Cheder — не определена (Vasiliev 1936: 181).

В 2004 г. автор этой статьи попытался рассмотреть вопрос о границах Солдайского консульства и спорной локализации десяти селений, в него входящих, привлекая более поздние сведения османских переписей населения этого региона (Бочаров 2004а: 150; 2005а: 282). После турецкого завоевания 1475 г. генуэзские владения в окрестностях Судака были преобразованы в судебно-административный округ (qazā), в котором, помимо города, насчитывалось 20 селений (Veinstein 1986: 223—224). Локализация селений, отмеченных в османских документах, особого труда не составляет, большинство

названий фактически не изменилось до переименования в 40-х гг. XX в. Важно, что ни одно из селений не находилось на территории северных предгорий Восточного Крыма, все они расположены на приморском южном склоне Главной гряды Крымских гор (Бочаров 2005а: 282). Более того, к судебно-административному округу Судака были присоединены четыре селения Алуштинской долины (Алушта, Шума, Демерджи, Корбеклы), при генуэзцах входивших в приморскую Готию (Veinstein 1980: 244; Fisher 1981: 149).

По нашему мнению, те редкие упоминания о деревнях Судакской округи, которые имеются в генуэзских и османских источниках, указывают на расположение этих пунктов на юго-восточном побережье Крыма. В то же время средневековые поселения, расположенные на северо-восточном склоне Главной гряды, никогда не входили ни в Солдайское консульство, ни в генуэзские владения вообще, а находились на землях, контролируемых наместником Крымского улуса Золотой Орды, а с 30-х гг. XV в. — принадлежащих крымским ханам из династии Гиреев (Бочаров 2002: 59; 2005а: 294). Локализовать селения консульства возможно таким образом: Coxii — Козы (Солнечная Долина), Sancti Johannis — Куру-Узень (Солнечногорское), Tarataxii — долина Ай-Ван, Louolli — Ворон, Sille — Шелень (Громовка), Sdaffo — Сотера, Canecha — Канака, Carpati — Арпат (Зеленогорье), Scuto — Ускут (Приветное), Bazalega — Кучук-Узень (Малореченское), Vuzult — Туак (Рыбачье), Cara Ihoclac — Кутлак (Веселое), Diauolo — Копсель, Carlo — Капсихор (Морское), Sancti Erigni — Улу-Узень (Генеральское), Saragaihi — Карагач, Paradixii — Токлук (Богатовка), Cheder — Ай-Серез (Междуречье). Солдайское консульство занимало приморскую территорию южного склона восточной части Главной гряды Крымских гор на протяжении 50 км (рис. 10), то есть полосу земли «от Козио до Сдафума», граничившую на севере с землями Золотой Орды, на северо-востоке, в окрестностях села Солнечная Долина (Cosio), — с кампанией Каффы, и на юго-западе, за территорией урочища Сотера (Sdafo), — с генуэзским Алуштинским консульством (Бочаров 2005а: 282—294)¹.

¹ В последнее время вновь появился интерес к вопросу локализации селений округи Солдаи и вопросу определения территории, этой округой занимаемой. В этих публикациях есть отличия в определении границ от предложенных в этой статье, кратко рассмотрим их. Опять ни у кого

Рис. 11. Карта генуэзских владений на Южном берегу Крыма. Условные обозначения: а — граница в конце XIV в.; б — возможное изменение границы в XV в.; с — города; d — селения; e — замки.

Fig. 11. Map of Genoese possessions on the Southern shore of the Crimea. Legend: a — border at the end of the 14th century; b — possible change of the border in the 15th century; c — towns; d — rural settlements; e — castles.

Генуэзские владения на Южном берегу Крыма

Одновременно с захватом в 1365 г. Солдайи и её сельской округи из 18 деревень (Бочаров 2012б: 109), видимо, были присоединены к генуэзскому домену и селения Южного бережья (Бочаров 2012б: 109) (рис. 2; 11). *De facto* чиновники, направленные из Каффы, уже в 1374 г. проводят инспекцию селений Готии с целью ревизии населения и определения всего спектра пунктов налогообложе-

из авторов не вызывает сомнения местонахождение восьми селений, названия которых узнаваемы. Э.А. Черновым размещение Солдайского консульства на южном склоне восточной части Главной гряды Крымских гор воспринимается уже как данность, его крайними западными пунктами объявляются Сдафо-Туак-Рыбачье и Базалега-Магапотамогенеральское (Чернов 2017: 147). А.В. Джанов также располагает Сдафо в долине, где позднее существовало селение Туак, в связи с тем, что селение Магапотамо он выносит за пределы Солдайской территории в генуэзские владения на Южном берегу Крыма (Джанов 2017: 302; 2018: 89; 130).

ния для побережья (Balard 1978: 160). *De jure* это положение было закреплено договором от 27 ноября 1380 г., которым территории Южного берега Крыма (*girparia marina Gotia*) были выведены из-под протектората Золотой Орды и официально перешли под власть коммуны Каффы (Бочаров 2004б: 186). Этот статус подтвердил и договор 24 февраля 1381 г. (Бочаров 2009: 109). Список этих селений приведен в бухгалтерской книге — массарии Каффы за 1381 г. (*Caffa Massaria 1381*: 27r, 103v). Властям Каффы были переданы селения прибрежной Готии (*sazallis Gotia*): Fori (Форос), Chinicheo (Кикенеиз), Symeo (Симеиз), Lupico (Алупка), Muzacori (Мисхор), Orianda (Ореанда), Jallita (Ялта), Sikita (Никита), Gorzouium (Гурзуф), Partenite (Партенит), Lambadie (Кучук-Ламбаг), Lusta (Алушта), Fomia (Фуна-Демерджи-Лучистое) (Бочаров 2017д: 49, рис. 1).

Локализация этих средневековых пунктов особого труда не представляет, все эти селения находятся на Южном берегу Крыма и сохранили свои названия до переименования в конце 40-х гг. XX в. (рис. 11).

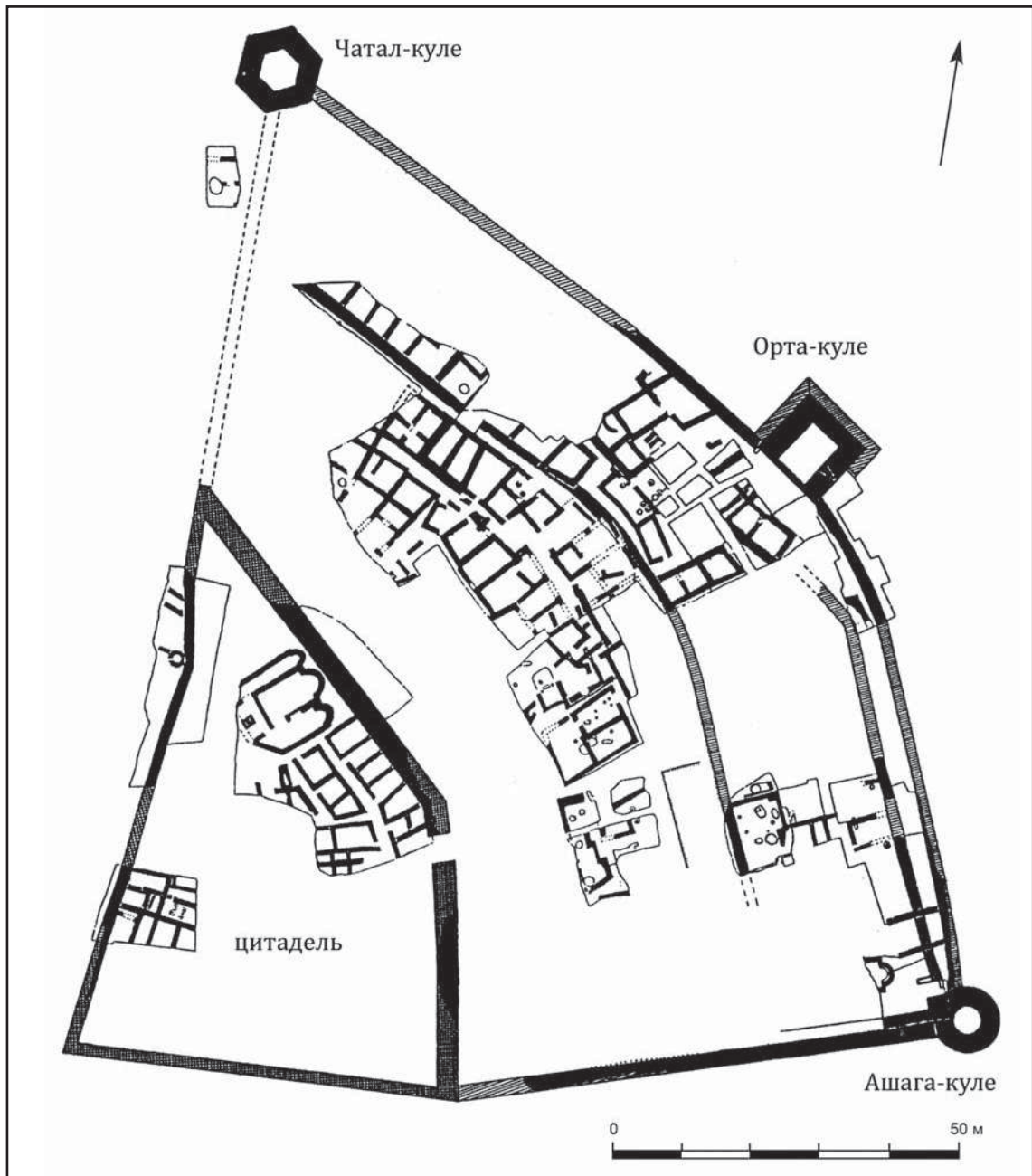

Рис. 12. План генуэзской крепости Луста (Алушта) (по Мыц 2009: рис. 172).

Fig. 12. Plan of the Genoese castle Lusta (Alushta) (after Мыц 2009: рис. 172).

Из Статута Каффы 1449 года известно, что Алушта, Партенит, Гурзуф и Ялта были центрами генуэзских консульств. До вступления в должность консулы Партенита и Гурзуфа были обязаны внести по четыре соммо, а консулы Алушты и Ялты — по два серебряных слитка в Оффицию Попечения на фортификационные нужды Каффы (Устав 1863: 675). Приморские крепости XIV—XV веков в Алуште (рис. 12; 13), Партените и Гурзуфе интерпретируются как места резиденций латинских консулов (Мыц

1991: 146, 147, 152). К этому списку можно добавить ещё два замка в Ялте (Бочаров 2011в: 11; 2013б: 32) и Симеизе (рис. 14; 15) (Бочаров 2004б: 149).

Административное деление Южного берега непонятно. По нашему мнению, оно состояло из пяти консульств с центрами в Алуште, Партените, Гурзуфе, Ялте и Симеизе (рис. 11) (Бочаров 2004: 204). Количество поселений XIV—XV вв. на Южном берегу Крыма значительно больше числа упомянутых в генуэзских источниках селений,

Рис. 13. Реконструкция генуэзской крепости Луста (Алушта) (по Бочаров 2004б: рис. 5).

Fig. 13. Reconstruction of the Genoese castle of Lusta (Alushta) (after Бочаров 2004б: рис. 5).

а состояние их изученности таково, что точно определить административную принадлежность каждого из этих пунктов в средние века в настоящее время просто невозможно. Быть может, ответ следует искать в структуре так называемых обществ (общин) — объединения нескольких деревень вокруг одного селения (Мыц 1991: 118—119). Так, в Статуте Каффы 1449 г. в качестве «юридического лица» в случае займа и других обязательств выступают именно общины селений Готии, видимо, через своего представителя — протоса (*comunitatibus locorum et casaliium Gottie*) (Устав 1863: 726). Система обществ-общин просуществовала в населенных пунктах горного Крыма до конца XVIII в. (Домбровский 1986: 534). Так, например, селения Массандра, Дереккой, Аутка могли входить в общину Ялты (Бочаров 2004б: 191—192). Возможно, что ко второй половине XV в. часть территории Южного берега Крыма, в особенности его северная часть, перешла от генуэзцев во владения княжества Феодоро (Секиринский 1955: 54; Веймарн 1968: 80).

На востоке генуэзские владения на Южном берегу Крыма граничили с Солдайским консульством, на западе — с консульством Чембальским (рис. 11). Крайний восточный пункт Южного берега — Алушта (Lusta), самое западное селение Солдайской округи — Сдафо (Sdaffo), современное урочище Сотера (Бочаров 2004а: 149). Самый западный пункт Южного берега — Форос (Foro), восточный пункт Чембальского консульства — селение Кайту (*loco Caiton*) (Устав 1863: 791) и Ласпинская долина. В целом, генуэзские владения на Южном берегу Крыма охватывали прибрежную территорию, протянувшуюся примерно на 100 км с запада на восток от мыса Сарыч до долины реки Сотера (Бочаров 2004б: 204).

Чембало и консульство Чембальское

В 1344 г. в административном центре Готии (*caput Gotie*) городе Чембало (совр. Балаклава, Юго-Западный Крым; 40-е гг. XIV в. — 1475 г.; рис. 2; 18) упоминается генуэзский нотариус Роландо Саличето (Rolando Saliceto), что свидетельствует о наличии здесь небольшого торгового поселения — фактории (Balard 1978: 157). Первое упоминание о генуэзском официале-консule в Чембало относится к 1347—1349 гг. (Карпов 2015: 39). В 40-х гг. XIV в. город был укреплен земляными рвом и валом с деревянным палисадом (Адаксина, Мыц 2015: 14; 2017а: 112—113; Бочаров 2017г: 110), а в 1357 г. началось строительство каменной цитадели на горе Кастрон консулом Симоне дель Орто (площадь 0,16 га) (Heyd 1886: 210; Skrzinska 1928: 129—130; Balard 1978: 157). В 1386—1388 гг. у входа в бухту генуэзцы возвели вторую цитадель площадью 0,18 га (замок Св. Николая) (Адаксина, Мыц 2017б: 292—293). Во время войны с крымской поствизантийской сеньорией Феодоро в 20—30-х гг. XV в. (Paracostea 2006: 259—276) городской пейзаж претерпел значительные изменения: земляные оборонительные сооружения были заменены каменной крепостной стеной (*castrum Sancti Cristi*) протяженностью 1080 м (Адаксина, Мыц 2017б: 295), а общая площадь укрепленной городской территории с плотной жилой застройкой увеличилась до 3,3 га (рис. 16) (Бочаров 2018а: 39). На восточном берегу бухты находился неукрепленный пригород площадью 2,8 га (рис. 17) (Бочаров 2018а: 39).

Около середины XIV века под контроль генуэзских официалов вместе с городом переходит и его сельская округа, что типично для всех крымских территорий, присоединяемых

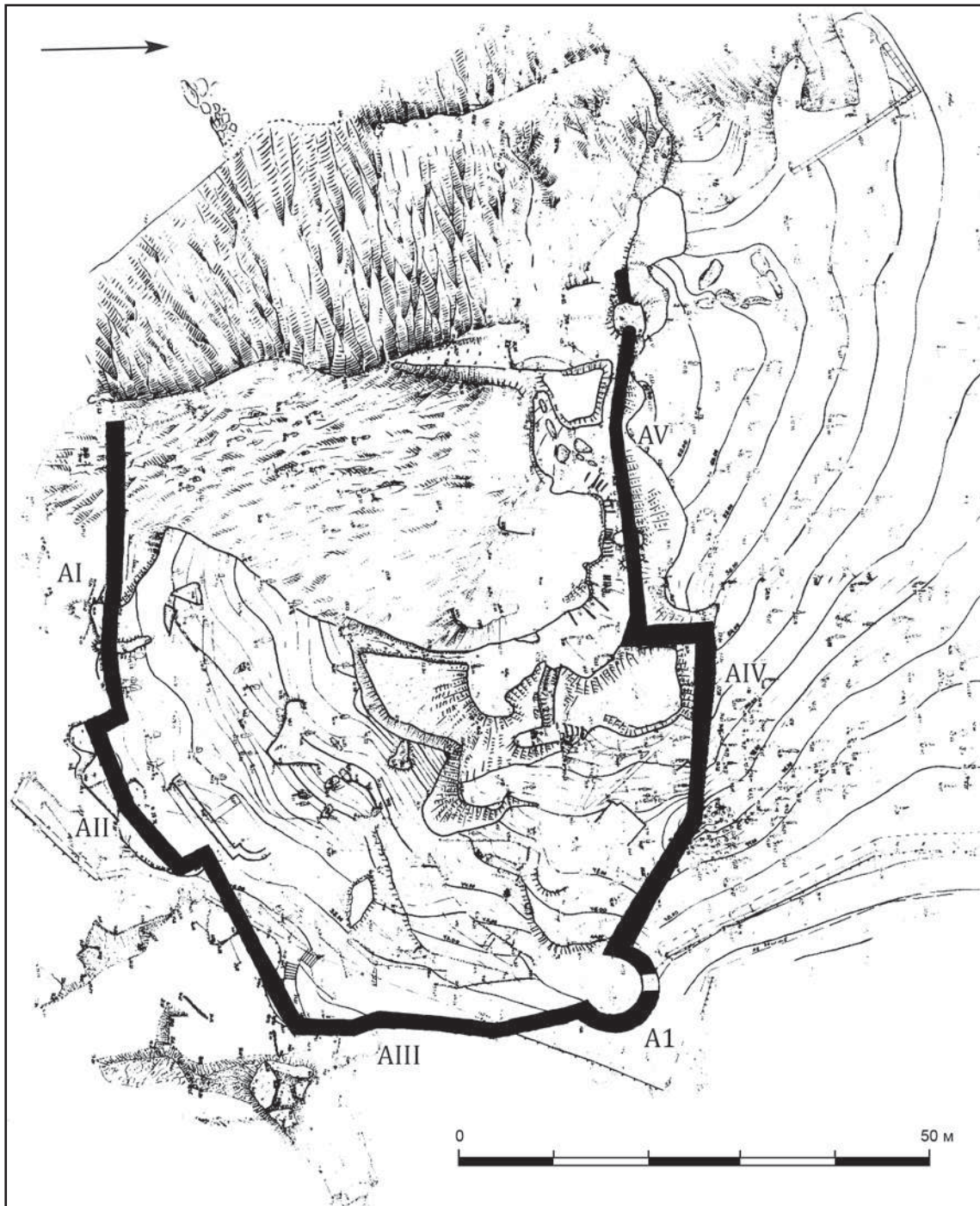

Рис. 14. План генуэзского замка Симео (Симеиз) (по Бочаров 2004б: рис. 12).

Fig. 14. Plan of the Genoese castle of Simeo (Simeiz) (after Бочаров 2004б: рис. 12).

коммуной Каффы (рис. 18). Причем сеть поселений складывается в более ранний византийский период, и генуэзцы получают ее целиком и в завершенном виде (Бочаров 2017е: 226—227). В нашем распоряжении нет точной даты перехода ни для города Чембало, ни для его сельской округи, не сохранился и документ, юридически закрепивший эти события, но, исходя из общей исторической

ситуации, можно предположить, что окончательно этот процесс был завершён в правление золотоордынского хана Джанибека, между 1344 и 1357 гг. (Бочаров 2017е: 209).

Границы сельской округи Чембало, как и других административных единиц, таких как кампания Каффы (Бочаров 2011а: 138), консульство Солдайское (Бочаров 2005а: 288—292) и приморская Готия (Боча-

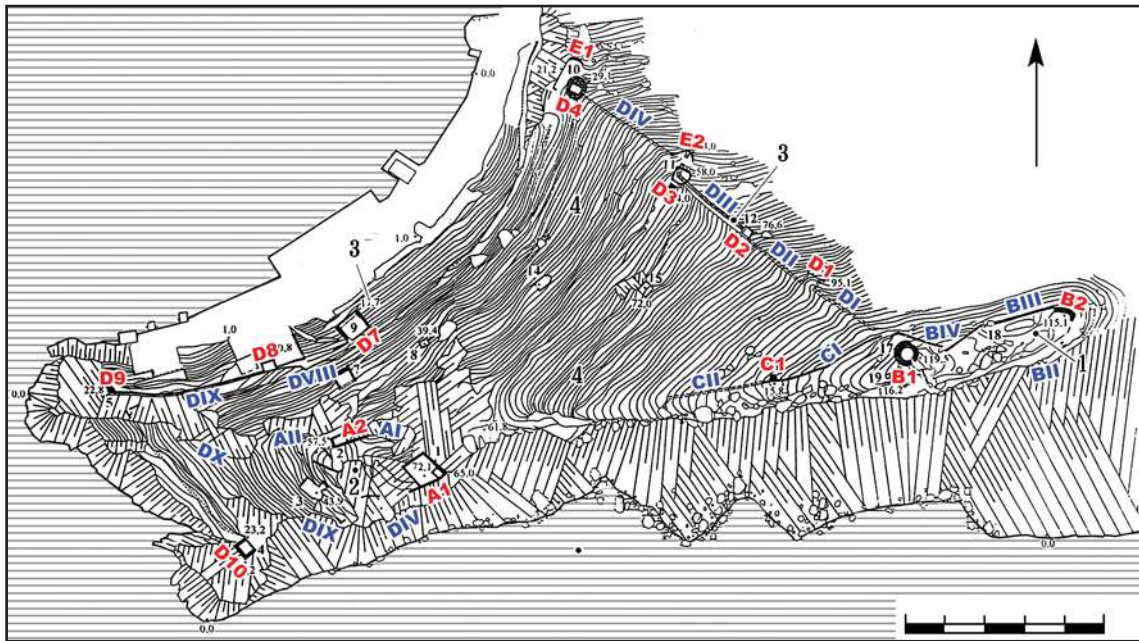
Рис. 15. Реконструкция генуэзского замка Симео (Симеиз) (по Бочаров 2004б: рис. 13).

Fig. 15. Reconstruction of the Genoese castle of Simeo (Simeiz) (по Бочаров 2004б: рис. 13).

ров 2004б: 190—191), были естественными и имели четкие географические ориентиры — горные хребты, ущелья, реки. Территория, полученная генуэзцами вместе с Чембалом, также имела четкие границы и проходила на северо-востоке по реке Чёрной (Мыц 2009: 149). Косвенным подтверждением этого является строительство основного порта княжества Феодоро в 20-х гг. XV в. не в историческом центре региона с греческим населением — Херсонесе, а в Каламите — на правом берегу устья реки Чёрной (Мыц 2009: 112). Видимо, Херсонес с территорией Гераклейского полуострова также вошел в состав генуэзских владений. На юго-западе граница между консульством Чембальским и приморской Готией была верно определена нашими предшественниками и проходила по хребту Чабан-Таш, разделяющему крайний западный пункт генуэзской Готии — Форос — и Ласпинскую долину (Бертъе-Делагард 1920: 19; Мыц 2009: 149). Самый трудный вопрос, на который пока нет ответа, — входила ли самая большая и плодородная Байдарская долина Горного Крыма в Чембальское консульство. Тут возможны три варианта. Первый — вся до-

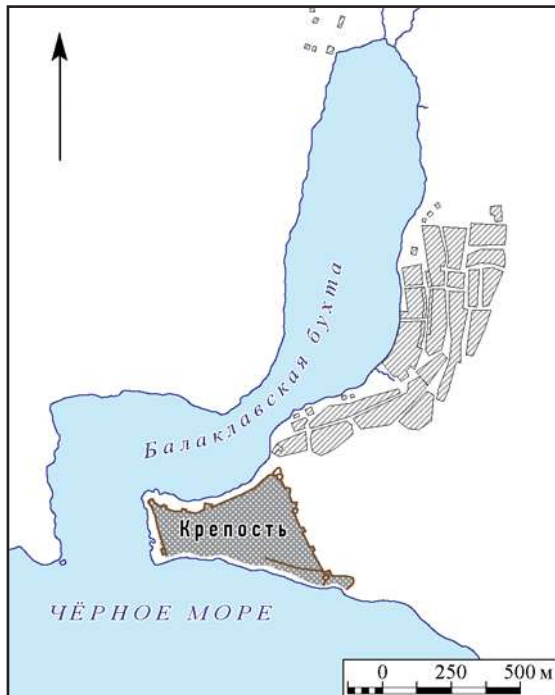
лина с восемью селениями (Байдары, Биок-Мускомья, Сахтлик, Келенджи, Скеля, Уркуста, Бага и Саватка) вошла в сельскую округу Чембалло. Вторым вариантом — долина вообще не вошла в его сельскую округу; и третий, как предположил А. Л. Бертъе-Делагард, — «часть Байдарской долины» (Бертъе-Делагард 1920: 19), с уточнением В. Л. Мыца, что вошла часть долины с левым берегом реки Чёрной и селениями Байдары, Биок-Мускомья и Кайту (Мыц 2009: 149). Правда, непонятно, почему В. Л. Мыц не упомянул о Скеле, Келенджи и Сахтике, также расположенных на левобережье реки Чёрной (рис. 18). Какой из предложенных вариантов правилен — покажут дальнейшие исследования (Бочаров, Неделькин 2017: 39).

Итак, на момент присоединения в 40—50-е гг. XIV в. границы сельской округи Чембалло в современной географической номенклатуре можно представить таким образом: в нее входит вся территория Гераклейского полуострова с южной скальной частью побережья Севастопольской бухты, Чернореченская долина по левому берегу реки, левобережье каньона реки Чёрная, часть Байдар-

Рис. 16. План крепостных сооружений Чембало (по Адаксина, Мыц 2015: рис. 1, с дополнениями автора). 1 — цитадель; 2 — вторая цитадель (замок Св. Николая); 3 — крепостные стены внешней оборонительной линии; 4 — территории укреплённые крепостными стенами городской застройки.

Fig. 16. Plan of fortifications of Cembalo (after Адаксина, Мыц 2015: рис. 1, with author's additions). 1 — citadel; 2 — the second citadel (Saint Nicholas castle); 3 — fortress walls of the outside defensive line; 4 — urban areas fortified by fortress walls.

Рис. 17. План застройки неукреплённой части Чембало.

Fig. 17. The development plan for the unfortified part of Cembalo.

ской долины юго-западнее реки (или вся Байдарская долина целиком), Байдарская яйла и скалы Чабан-Таш (рис. 18). Сельская округа города занимала территорию с северо-запада

на юго-восток, протянувшуюся на 30 км от Севастольской бухты до мыса Сарыч и вглубь полуострова на 12—16 км от морского берега. На севере и востоке округа Чембало граничила с бывшими византийскими территориями, подчинёнными Крымскому улусу Золотой Орды (позднее с княжеством Феодоро), на юге — с южнобережными владениями генуэзцев, крайним западным пунктом которых был Форос (Foro) (Бочаров 2004б: 191).

Границы претерпели изменения во второй четверти XV в. после генуэзско-феодоритской войны 1433—1434 г. Правитель Феодоро Алексей захватил Чембало в феврале 1433 г., вся территория консульства перешла под его контроль более чем на год (Мыц 2009: 150). Ответом Республики Св. Георгия была военная экспедиция под руководством Карло Ломеллини, в ходе которой был возвращен город Чембало и территория его консульства, а также захвачен главный феодоритский форпост в Юго-Западном Крыму и единственный морской порт — город Каламита (Инкерман) (Мыц 2009: 162). В 1434 г. генуэзцы вернули себе не только всю территорию сельской округа Чембало, но и вторглись на земли Феодоро на правом берегу реки Чёрной. Затем в 1434—1441 гг. они значительно усилили каменные крепостные стены Каламиты (Мыц 2009: 180). По нашему мнению, помимо укрепления Каламиты, генуэзскими вла-

Рис. 18. Карта консульства Чембальского во второй половине XIV — XV вв. Условные обозначения: а — границы территории консульства во второй половине XIV в.; б — возможные границы территории консульства; с — границы консульства в 1441—1475 гг.; d — города; e — селения; f — монастыри; g — Чоргуньская башня; h — мыс Фонарь (по Бочаров 2017e: рис. 2; 3).

Fig. 18. Map of the Consulate of Cembalo in the second half of the 14th — 15th centuries. Legend: a — the boundaries of the territory of the consulate in the second half of the 14th century; b — the possible boundaries of the territory of the consulate; c — boundaries of the consulate in 1441—1475; d — towns; e — rural settlements; f — monasteries; g — Chorgun tower; h — Fanari cape (after Бочаров 2017e: рис. 2; 3).

стями была построена башня на правом берегу реки Чёрная в селении Чёргунь (вся архитектурная схема башни полностью повторяет генуэзские донжоны Солдайи и Чембало), которая контролировала основную дорогу между Чембало и Феодоро и должна была стать первым пограничным пунктом в случае нового нападения феодоритов на территорию консульства Чембальского (Мыц 2009: 203).

В 1441 г. официалы коммуны Каффы, пытаясь превратить Алексея из врага в союзника, заключают с ним мирный договор и возвращают княжеству Феодоро Каламиту (Мыц 2009: 180), а также значительную часть территории Гераклеяского полуострова вместе с Херсонесом (рис. 18). Пока нет точного ответа, были ли тогда же переданы феодоритам Чергуньская башня и восемь селений Байдарской долины или они так и остались под генуэзским контролем. Переходом Херсонеса под управление династов поствизантийского княжества можно объяснить появление на его территории замка, от которого сохранились две закладных плиты 1446—1459 и 1462 или 1472 гг. с греческими надписями (Виноградов 2010: 220—222), на одной из которых нанесе-

на монограмма феодоритского князя Исаака (Мыц 2009: 361). Эта ситуация с изменением границ Чембальского консульства нашла отражение в одной из норм параграфа 1 главы 8 «Об устройстве мест, подчиненных Каффе» Статута Каффы, где устанавливаются нормы доходов, которые рыночный пристав города может брать в свою пользу с рыбаков, если их улов был сделан в пределах границ консульства, на севере между мысом Фонарь (Херсонес) до Чембало и на юге между пунктом Кайту (бухта Ласпи) до города («a Fanario usque ad dictum locum Cimbali, et similiter a loco Caiton usque ad dictum locum Cimbali») (Устав 1865: 791). При этом ловлю рыбы за пределами границ консульства рыночные приставы налогами не облагали (Устав 1865: 792). Как видим, новые пределы сельской округи Чембало по побережью были указаны очень точно: от мыса Фонарь (Херсонес) до селения Кайту (бухты Ласпи). Территория консульства уменьшилась почти на треть, и северная граница между консульством и Феодоро прошла в современном описании от Камышовой бухты по Юхариной балке, затем по южным склонам высот Карагач и Федюхи-

ных высот до реки Чёрной (рис. 18) (Бочаров 2017е: 2014).

Воспоро и селения Керченского полуострова

Точная дата основания генуэзского консульства в Воспоро (совр. Керчь, Восточный Крым; 1365 (?) — 1475 гг.) (рис. 2; 21) неизвестна. Письменные источники не сообщают ни о дате возведения крепости в целом, ни о появлении её отдельных оборонительных и городских составляющих. Средневековый город состоял из трех частей: застройки внутри цитадели, города, укрепленного внешним оборонительным кольцом, и неукрепленного предместья (рис. 19) (Бочаров 2016а: 165—166). Он располагался в пределах центральной площади (бывшая Привозная) современного города Керчь — в пространстве между улицами Адмиралтейский проезд, Димитрова и Театральная, на выдающемся в море небольшом мысу и равнинном прибрежном участке, под восточным склоном горы Митридат. Рельеф крепостной площадки практически ровный, перепад высот между северной и южной частями крепостного полигона — максимум 3,0 м (Бочаров 2015ж: 132). На основании аналогий из генуэзской фортификации других

крымских городов и анализа крепостного ансамбля самого Воспоро можно заключить, что крепостные сооружения этого города возводились в два этапа. Цитадель была построена во второй половине 60-х гг. XIV в., а в середине 1380 — 1390-х гг. она была усилена оборонительной линией и рвом (Bocharov 2015: 444). Одновременно возводятся внешнее оборонительное кольцо, внешняя крепостная линия и городской ров (Бочаров 2017г: 109). В результате площадь укрепленной городской территории составила 3,52 га (Бочаров 2018а: 44). Западнее крепости располагался неукрепленный пригород (площадь 2,4 га) (рис. 19) (Бочаров 2016а: 166). Необходимость строительства беспрецедентно мощного крепостного ансамбля для защиты столь малого города можно объяснить его стратегическим положением на берегу Керченского пролива. Крепость Воспоро контролировала основную морскую торговую магистраль в Азовское море и Тану на Нижнем Дону, а также все торговые пути с полуострова на Северный Кавказ (Бочаров 2005б: 146).

Сельскую округу единственного крупного генуэзского города региона — Воспоро составляли поселения, располагавшиеся на побережье Керченского полуострова (рис. 2; 20) (Бочаров 2001б: 157). Эти поселения, помимо производства сельскохозяйственной продук-

Рис. 19. Город Воспоро в XV в. (по Bocharov 2015: fig. 5).

Fig. 19. Vostporo town in the 15th century (after Bocharov 2015: fig. 5)

Рис. 20. Карта консульства Воспорского. Условные обозначения: а — столица генуэзских владений в Крыму; б — город; с — селения.

Fig. 20. Map of the Consulate of Vosporo. Legend: a — capital of the Genoese possessions in the Crimea; b — town; c — rural settlements.

ции, были составным звеном в системе обеспечения безопасного плавания вдоль берегов Чёрного и Азовского морей (Бочаров 2013а: 38). На картах-портоланах отмечены восемь пунктов: Zavida, Conestaxe, Ciprico, Cavalari, Aspromiti, Pondico, Zucolai, Carcavoni (Бочаров 2016г: 263; 2017ж: 82). В результате археологических разведок на Керченском полуострове удалось выяснить, что на портоланах отмечены поселения XIII—XV вв., в определённой степени зависимые от города Воспоро.

Завида отождествляется с поселением, расположенным на юго-западной оконечности мыса Чауда, у колодца Таш Качик (рис. 20) (Бочаров 2013а: 38). Конестаке размещался в 11 км к востоку от мыса Чауда, на приморской террасе западной части мыса Карангат, в 700 м к востоку от солёного озера Качик, юго-восточнее горы Дюрмень (Бочаров 2013а: 38). Чиприко — пристань, соотносимая с мысом Опук. На западном склоне горы выявлено поселение, связанное с соледобычей на озере Кояш и торговлей солью (Бочаров 2013а: 39). Топоним Кавалари принадлежал поселению, расположенному между селами Заветное, Набережное и берегом небольшого солёного озера, отделявшего поселение от берега Керченского пролива (Бочаров 2017ж: 95). Аспромити соотносится с мысом Ак-Бурун,

где в XIX—XX вв. культурные напластования предыдущих эпох были полностью уничтожены строениями Керченской крепости (Бочаров 2013а: 39). Пондино размещается в северной части городища античного Мирмекия, на небольшом мысу, выступающем в Керченский пролив (Бочаров 2013а: 40). При работах Боспорской экспедиции ИИМК РАН и Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1934—2003 гг. здесь были исследованы остатки домов и хозяйственные ямы с материалами конца XIII — XV вв. Возвышенная часть городища в конце XIII — XV вв. была превращена в кладбище, где вскрыто три десятка могил (Бутягин, Виноградов 2006: 43). Дзукалаи располагались на северной окраине с. Золотое, где в 1969—1973 гг. был исследован культурный слой XIII—XIV вв., могильник (143 могилы) и фундамент христианского храма (Орлов 1979: 117—126). К югу от могильника нашими разведками 2008 г. обнаружен еще один участок поселения XIV—XV вв. (Бочаров 2016г: 100). Селение Каркавони размещалось на северной окраине современного села Мысовое, на юго-западном берегу мыса Казантип (Бочаров 2013а: 40).

К восьми пунктам, отмеченным на средневековых морских картах, в ходе археологических разведок 2018 г. удалось добавить

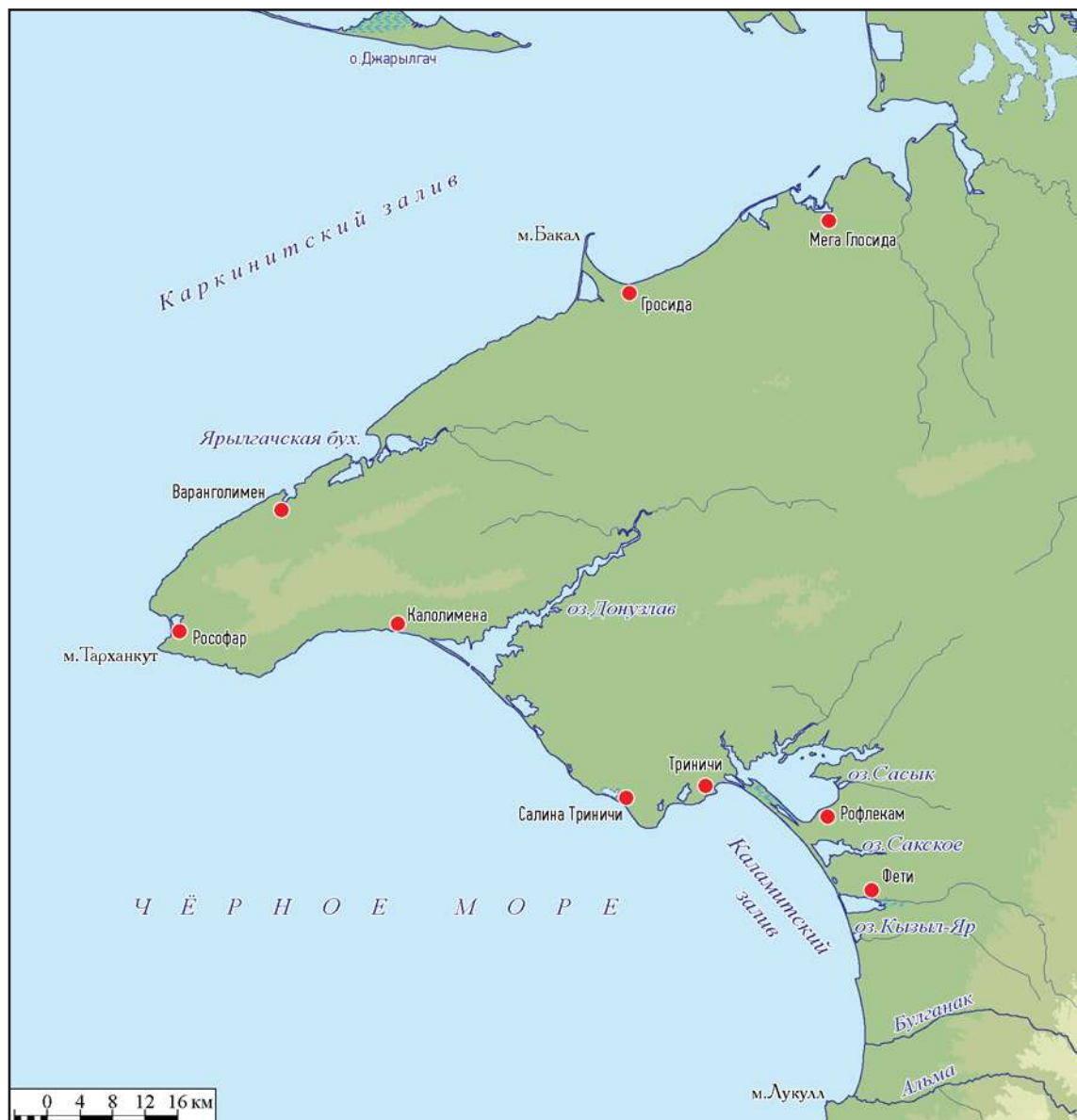

Рис. 21. Карта сельских поселений Западного Крыма.

Fig. 21. Map of rural settlements in the Northwestern Crimea.

ещё одно поселение XIII—XV вв. Осовины-Восточное (рис. 20) (Бочаров 2018б: 72). Попробуем ответить на вопрос, каково могло быть средневековое название этого селения. 26-м марта 1393 года датирован один важный для темы нашего исследования документ. Это договор между дожем Генуи Антонио ди Монтальдо, при участии совета старейшин Генуи и оффиции Монеты, с патроном и совладельцем корабля (навы), жителем Каффы Джованни ди Сан Донато. В соответствии с этим договором в портах Матрега, Воспоро, Кавалари, Кубатуба (Subatuba), Каффа, Чембало, Леффети в течении ноября 1393 г. на это судно должно быть погружено зерно и доставлено в Геную (Balard 1978: 754; Карпов 1998:

10). Первые три пункта в этом перечне относятся к побережью Керченского пролива. Матрега находится в его восточной части, на Таманском полуострове, Воспоро — в центральной части западного берега пролива, селение Кавалари маркирует южное завершение этого пролива. Если предположить, что для погрузки на корабль зерно собиралось со всех обитаемых берегов Керченского пролива, то селение Кубатуба должно находиться в северной части этой территории, именно там, где зафиксированы культурные напластования поселения Осовины-Восточное (Бочаров 2018: 39—40).

Изучение поселений, расположенных на побережье Керченского полуострова, по-

казало (рис. 20), что международная торговля в этом регионе была прекрасно организована и ее бесперебойность обеспечивалась целой сетью прибрежных поселений, административно и экономически инкорпорированных в итальянские владения в Северном Причерноморье (Бочаров 2013а: 37—40).

Селения Тарханкутского полуострова

С генуэзскими владениями в Крыму были связаны селения, располагавшиеся на черноморском побережье Западного Крыма (рис. 2; 21) (Бочаров 2018а: 45). Они отмечены на компасных картах-портоланах (Бочаров 2008: 12). Навигация и, как следствие, морская торговля вдоль берегов Западного Крыма обеспечивалась этой сетью прибрежных поселений (Бочаров, Коваль 2009: 45—46). В ходе археологических разведок удалось локализовать десять селений: Мега Глосида (Mega Glosida), Гросида (Grosida), Варанголимен (Varangolimen), Рософар (Rosofar), Калолимена (Calolimena), Салине Триничи (Saline Trinici), Триничи (Trinici), Салине (Saline), Рофлекам (Roflecam), Фети (Feti) (Бочаров 2016а: 266). Первые три из них размещались на северном берегу Тарханкута, Рософар располагался на западной оконечности полуострова, Калолимену можно отождествлять с поселением на месте античного городища Кульчук (Бочаров, Коваль 2011а: 47), Салина Триничи — с поселением на месте античного городища «Чайка» (Бочаров 2016д: 196), Триничи находился на месте современной Евпатории, пункты Салине, Рофлекам и Фети размещались близ соленых озер Сасык и Сакское (рис. 21) (Бочаров, Коваль 2011б: 127).

Заключение

В середине XV в., с усилением османской экспансии, политическая ситуация складывается неблагоприятно для Генуи. После захва-

та турками Константинополя в 1453 г. морское сообщение между колониями и Лигурией стало затруднительным, в связи с чем начинается постепенный спад городской жизни в Крыму и отток населения. В ноябре 1453 г. коммуна Генуи за сумму в 5500 ливров передала свои владения в Северном Причерноморье Банку св. Георгия (Данилова 1974: 200). А уже в следующем 1454 г. турецкий флот подошёл к стенам Каффы, но военного столкновения удалось избежать — город признал свою зависимость от османского султана и обязался ежегодно выплачивать дань (Данилова 1974: 211; Мыц 2009: 237—238).

В заключение отметим, что к последней четверти XIV в. в Северном Причерноморье Генуэзской республикой было создано новое государственное образование — Генуэзская Газария, с центром на Крымском полуострове в городе Каффа (рис. 1). Это государственное образование, наряду с Золотой Ордой (позднее Крымским ханством), Византийской империей и отделившийся от неё империей Трапезундской (позднее — империей Османской) определяло политическую ситуацию в регионе и влияло на все исторические события (Бочаров 2018а: 40).

Конец генуэзскому присутствию на Крымском полуострове положили события 1475 года, когда армия и флот османского султана Мехмета II под руководством великого визиря Гедик Ахмед-паши при поддержке татар захватили Каффу и все владения Банка св. Георгия на Крымском полуострове, в Приазовье и на Кавказском побережье (Olgiati 1991: 389; Мыц 2009: 419). Этим событием заканчивается эпоха генуэзского присутствия в Северном Причерноморье, и политическое образование Генуэзская Газария исчезает с исторической арены. Все генуэзские владения на Крымском полуострове, за исключением поселений побережья Тарханкутского и Керченского полуостровов, вплоть до 1774 г. (Veinstein 1986: 223) вошли в состав провинции Османской империи.

Литература

- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. 2015. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345—1476 гг.). *Таврические Студии. Исторические науки* 7. Симферополь, 12—18.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. 2017а. Генуэзская крепость Чембало: основные этапы формирования оборонительной системы и инфраструктуры города в XIV—XV вв. В: Залеская В. Р., Степанова Е. В. (науч. ред.). *Византия в контексте мировой культуры*. Труды ГЭ LXXXIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 103—139.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. 2017б. Основные этапы формирования оборонительной системы генуэзского города Чембало (1345—1475). В: Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д. (науч. ред.). *Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья*. Труды ГЭ LXXXVI. Санкт-Петербург: ГЭ, 289—297.
- Акчокраклы О. 1927. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII—XV вв. *ИТОИАЭ* 58 (1), 5—18.
- Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. 1997. Новые материалы к истории армянской колонии Каффы. *Византийский временник* 57, 211—234.
- Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. 2002. Греческие православные церкви средневековой Каффы. В:

- Юрочкин В.Ю. (отв. ред.). *Православные древности Таврики*. Киев: Стилос, 159—169.
- Айвазовский Г. 1867. Армянские надписи, находящиеся на юге России. *ЗООИД* VI, 330—331.
- Башкиров А.С. 1926. Сельджукизм в древнем татарском искусстве. *Крым* 2, 108—125.
- Бертье-Делагард А.Л. 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *ИТУАК* 57, 1—136.
- Бороздин И.Н. 1927. Из Отузской старины (Надгробие шейха Якуба из Коньи 729 г. хиджры). *ИТОИАЭ* 58 (1), 24—26.
- Бочаров С.Г. 1996. Армянские церкви и проблемы исторической топографии Каффы (XIV—XVIII вв.). В: *Тезисы докладов IV Международной конференции студентов и молодых ученых*. Киев: Киево-Могилянская академия, 220—221.
- Бочаров С.Г. 1998. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII — вторая половина XV вв.). В: Карпов С.П. (гл. ред.). *Причерноморье в средние века* 3. Санкт-Петербург: Алетей, 82—117.
- Бочаров С.Г. 2000. *Историческая топография Каффы: конец XIII в. — 1774 г. (фортификация, культовые памятники, система водоснабжения)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва: МГУ.
- Бочаров С.Г. 2001а. Монастыри Кампании Каффы. В: Бабинов Ю.А. (гл. ред.). *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность*. Тезисы докладов III Международной конференции по религиоведению. Севастополь: Херсонес Таврический, 9—10.
- Бочаров С.Г. 2001б. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV—XV веков II. В: Иваненко П.И. (ред.). *175 лет Керченскому музею древностей*. Материалы международной конференции. Керчь: Керченский историко-культурный заповедник; Деметра, 157—161.
- Бочаров С.Г. 2002. Храмы юго-восточного Крыма и вопрос о границах Солдайского консульства в XIV—XV вв. В: *VIII Донская международная археологическая конференция «Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа»*. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону: ДАО, 58—59.
- Бочаров С.Г. 2004а. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV вв. Консульство Солдайское. В: Степаненко В.П. и др. (ред.). *Россия — Крым — Балканы: диалог культур*. Научные доклады международной конференции. Екатеринбург: УрГУ; Волот, 146—152.
- Бочаров С.Г. 2004б. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV—XV вв. Южный берег Крыма. В: Мыц В.Л. (гл. ред.). *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»*. Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. Киев: Стилос, 186—205.
- Бочаров С.Г. 2005а. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV—XV. Консульство Солдайское. В: *Античная древность и средние века* 36. Екатеринбург, 282—294.
- Бочаров С.Г. 2005б. Топография османской Керчи XVI—XVIII вв. В: *Археологические записки* 4. Ростов-на-Дону: ДАО, 145—151.
- Бочаров С.Г. 2006. Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV века. В: Мурашева В.В. (ред.). *Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне*. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. Москва: ГИМ, 112—115.
- Бочаров С.Г. 2008. Поселения Крымского побережья XIII—XV вв. Данные карт-портолоанов и археологическая ситуация. В: Бочаров С.Г., Кожокару В. (ред.). *Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье*. 11 заседание Совместной комиссии по исследованиям в области истории, археологии, этнографии и фольклора НАНУ и Румынской АН. Тезисы докладов. Симферополь: КФ ИА НАНУ, 12—14.
- Бочаров С.Г. 2009. Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар. В: Бочаров С.Г., Кожокару В. (ред.). *Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и средневековье*. Симферополь: Издательство А.Э. Барановского, 108—114.
- Бочаров С.Г. 2011а. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV веков (Кампания Каффы). В: Васильев Д.В., Зеленева Ю.А., Ситдиков А.Г. (ред. колл.). *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве*. Материалы IV Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Казань: ИИ АН РТ, 137—145.
- Бочаров С.Г. 2011б. Отузы и Калиера. В: Миргалеев И.М. (отв. ред.). *Золотоордынское наследие* 2. Казань: ИИ АН РТ, 252—263.
- Бочаров С.Г. 2011в. Первые археологические исследования на территории средневекового селения Джалита (Ялта) в 2010 г. В: Глузман А.В. (ред.). *Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме*. Тезисы докладов научно-практической конференции. Ялта: Крымский гуманитарный университет, 10—13.
- Бочаров С.Г. 2012а. Солхатская война и ее отражение в фортификации Каффы. В: Тишкин А.А. (отв. ред.). *История и культура средневековых народов Степной Евразии*. Материалы II Международного конгресса археологии Евразийских степей. Барнаул: АлтГУ, 113—116.
- Бочаров С.Г. 2012б. Археологические исследования средневекового замка Гелин-Кая в 2006 году. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Актуальные вопросы археологии Поволжья*. К 65-летию студенческого археологического кружка Казанского университета. Казань: ИИ АН РТ; Яз, 109—121.
- Бочаров С.Г. 2013а. Поселения XIII—XV вв. на побережье Керченского полуострова — связи с регионом Кубани. В: Марченко И.И. (гл. ред.). *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Экоинвест, 37—40.
- Бочаров С.Г. 2013б. Археологические исследования средневекового селения Джалита (Ялта) в 2010 году. В: Хузин Ф.Ш. (отв. ред.). *Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи*. Материалы II Международного Болгарского форума. Археология Евразийских степей 17. Казань: ИА АН РТ, 30—43.
- Бочаров С.Г. 2014. Причерноморский город Каффа в XIV—XV вв. Между Востоком и Западом. В: Ситдиков А.Г., Макаров Н.А., Деревянко А.П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г.* Казань: Отече-

- ство, 450—454.
- Бочаров С. Г. 2015а. Заметки путешественников XIV—XV веков о городе Каффа. *ПА* (4), 172—189.
- Бочаров С. Г. 2015б. Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. *Былые годы (Булые Годы)* 38 (1), 808—824.
- Бочаров С. Г. 2015в. Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато в 1356—1382 гг. *Stratum plus* (6), 305—319.
- Бочаров С. Г. 2015г. Генуэзский замок Калиера. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 47—99.
- Бочаров С. Г. 2015д. Средневековое селение Посидима. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств* 3, 123—127.
- Бочаров С. Г. 2015е. Венецианская якорная стоянка у мыса Св. Иоанна в восточном Крыму (конец XIV — первая половина XV вв.). *Исторический журнал: научные исследования* 30 (6). Москва, 700—708. Doi: 10.7256/2222-1972.2025.6.17435.
- Бочаров С. Г. 2015ж. Фортификационные сооружения генуэзского Воспора. В: Карпов С. П. (гл. ред.). *Причерноморье в средние века* 9. Санкт-Петербург: Алетейя, 127—148.
- Бочаров С. Г. 2016а. Историческая география Генуэзской Газарии. В: Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдоровой-Давыдовой. Казань; Ялта; Кишинёв: Stratum Plus, 263—269.
- Бочаров С. Г. 2016б. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340—1774 гг. *ПА* (2), 120—137.
- Бочаров С. Г. 2016в. Поливная керамика рубежа XIII—XIV вв. По материалам археологических исследований поселения Посидима (Юго-Восточный Крым). В: *ВГУ и Българията археология. Борис Борисов — студенти и приятели* II. Велико Търново: Университетско издательство “Св. св. Кирил и Методий”, 655—669.
- Бочаров С. Г. 2016г. Средневековое сеение Дзукалай на Керченском полуострове. *ПА* (4), 88—103.
- Бочаров С. Г. 2016д. Позднесредневековый могильник у античного городища Чайка в Западном Крыму. В: Попова Е. А. (ред.). *Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное)*. Москва: МГУ, 42—121.
- Бочаров С. Г. 2017а. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание. В: Крадин Н. Н., Ситдииков А. Г. (ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй*. Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 57—63.
- Бочаров С. Г. 2017б. Селение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII—XIV вв.). В: Бочаров С. Г., Франсуа В., Ситдииков А. Г. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* II. Казань; Кишинёв: Stratum plus P.P.; Университет «Высшая антропологическая школа», 409—447.
- Бочаров С. Г. 2017в. Археология Венецианской Газарии XIII—XV вв. Определение термина и научное содержание. *ПИФК* 4, 233—249.
- Бочаров С. Г. 2017г. Фортификация генуэзских городов Крыма. В: Носов К. С. (ред.). *Вопросы истории фортификации* 6. Москва: Остров, 106—111.
- Бочаров С. Г. 2017д. О причине конфликта между иерархами Херсонской, Сутдейско-Фульской и Готской митрополий за приходы Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.). *Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения* 22 (5), 46—55. Doi: 10.15688/jvolsu4.2017.5.5.
- Бочаров С. Г. 2017е. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV. Консульство Чембальское. *ПА* (2), 204—223.
- Бочаров С. Г. 2017ж. Средневековое сеение Кавалари на Керченском полуострове. *ПА* (4), 81—98.
- Бочаров С. Г. 2018а. Археология Генуэзской Газарии XIII—XV вв. Определение термина. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология* 15 (264). Вып. 43, 35—48.
- Бочаров С. Г. 2018б. Нововыявленное селение XIII—XV вв. Керченского полуострова (предварительное сообщение по материалам исследований 2018 г.). *ПА* (4), 71—83. Doi: 10.24852/2018.4.26.71.83.
- Бочаров С. Г., Коваль В. Ю. 2009. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV вв. (Западный Крым). В: Ситдииков А. Г. (отв. ред.). *Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей*. Казань: ИИ АН РТ, 45—46.
- Бочаров С. Г., Коваль В. Ю. 2011а. Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли. В: Карпов С. П. (ред.). *Российское византиноведение: традиции и перспективы*. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва: МГУ, 46—49.
- Бочаров С. Г., Коваль В. Ю. 2011б. Поселения крымского побережья в системе международной торговли Руси и Средиземноморья. Археологические свидетельства. В: Макаров Н. А., Носов Е. И. (отв. ред.). *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса* 2. Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород: ИИМК РАН, 127.
- Бочаров С. Г., Масловский А. Н. 2015. Солхатская война и её отражение в генуэзской фортификации Восточного Крыма. В: Матишов Г. Г. (отв. ред.). *Крым в войнах России*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 38—45.
- Бочаров С. Г., Неделькин Е. В. 2017. Селения Чембальского консульства в XIV—XV вв. Материалы к археологической карте. *Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*. Серия: *Исторические науки* 3 (1), 16—41.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. 2006. *Мирмекий в свете новых археологических открытий*. Санкт-Петербург: ГЭ.
- Веймарн Е. В. 1968. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма. В: Домбровский О. И. (отв. ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 45—83.
- Виноградов А. Ю. 2010. Строительные надписи византийского Крыма. В: *Вопросы эпиграфики* IV. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 217—253.
- Гавриил 1844: Гавриил, архиепископ Херсонский и Тав-

- рический. 1844. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский. *ЗООИД* 1, 320—329.
- Григорьев А. П. 1994. Золотоордынский город Янгишехр. *Вестник ЛГУ* 2 (2), 28—38.
- Григорьев А. П., Григорьев В. П. 1997. Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам в Янгишехре (1356 г.). В: Искоз-Долинина А. А., Касевич В. В. (отв. ред.). *Востоковедение* 20. *Филологические исследования. Серия востоковедческих наук* 36. Санкт-Петербург: СПбГУ, 155—159.
- Григорьев А. П., Григорьев В. П. 2002. *Коллекция золотоордынских документов из Венеции*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Данилова Э. Б. 1974. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам “Codice”). В: Бибииков С. Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма*. Киев: Наукова думка, 189—215.
- Джанов А. В. 2017. Казалии Солдайи и Готии по данным книг Массарии Каффы. В: Майко В. В. (ред.). *История и археология Крыма V*. Симферополь: ИП Бровко А. А., 286—339.
- Джанов А. В. 2018. Каффа и Крым во второй половине XIV в. (преимущественно по данным книг массарии Каффы). В: *Сугдейський збірник VII* (1). Київ: Горобець, 44—303.
- Домбровский О. И. 1986. Средневековый Крым X—XV вв. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР 3. Раннеславянский и древнерусский периоды*. Киев: Наукова думка, 531—540.
- Карпов С. П. 1994. *Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII—XV вв.* Москва: МГУ.
- Карпов С. П. 1997. Когда и как возникла Тана (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине). *Византийский временник* 57 (82), 5—18.
- Карпов С. П. 1998. Регесты документов Фонда Diversorium Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья. В: Карпов С. П. (гл. ред.). *Причерноморье в средние века* 3. Санкт-Петербург: Алетейя, 9—81.
- Карпов С. П. 2000. *Латинская Романия*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Карпов С. П. 2015. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343—1349 гг. В: Карпов С. П. (гл. ред.). *Причерноморье в средние века* 9. Москва: МГУ, 7—142.
- Лопушинская Е. И. 1991. *Крепость в Судак*. Киев: Будивельник.
- Марр Н. Я. 1898. *Перевод армянской надписи из монастыря у Двукорной бухты*. Санкт-Петербург: Научный архив ИИМК. Ф. 1. Д. 26. Л. 7.
- Милицын С. А. 1955. Дело братьев Гуаско. В: Секиринский С. А. *Очерки истории Сурожя*. Симферополь: Крымиздат, 80—92.
- Мыщ В. Л. 1991. *Укрепления Таврики X—XV вв.* Киев: Наукова думка.
- Мыщ В. Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV веке*. Симферополь: Универсум.
- Орлов Р. С. 1979. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII—XIV вв. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 114—129.
- Секиринский С. А. 1955. *Очерки истории Сурожя*. Симферополь: Крымиздат.
- Тур В. Г. 1999. Археологические исследования средневекового христианского храма на горе Сююрю-Кая (Карадаг). *Vita Antiqua* 2. Киев: Стилос, 231—239.
- Устав 1865: Юргевич В. Н. (пер., вступит. статья, примеч.). 1865. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. *ЗООИД* V, 629—857.
- Чернов Э. А. 2017. Солдайское консульство и Судакский кадылык: преемственность границ и населённых пунктов. В: Ушаков С. В., Хапаев В. В. (ред.). *Причерноморье. История, политика, культура XXII (VII)*. Серия А. Севастополь: Филиал МГУ, 136—153.
- Balard M. 1973. *Gênes et l’Ostre-Mer*. T. 1. *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290*. Paris: La Haye.
- Balard M. 1978. *La Romanie Génoise (XIIIe — début du XVe siècle)* I. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.
- Balard M. 1979. Les Génois en Crimée aux XII—XV siècles. In: *Αρχαιον Ποντου* X. Αθηναι, 201—217.
- Balard M. 1989. Habitat, ethnies et métiers dans les comptoirs Génois d’Orient (XIII—XV siècles). In: *D’une ville à l’autre: structures matérielles et organisation de l’espace dans les villes Européennes (XIII—XVI siècle)*. Rome: École Française de Rome, 107—131.
- Balard M. 1992. Byzance et les régions septentrionales de la mer Noire (XIIIe — XVe siècles). *Revue Historique* CCLXXXVIII (1), 19—38.
- Basso E. 1991. Il “bellum de Sorchati” ed i trattati del 1380—1387 tra Genova e l’Ordo d’Oro. *Studi genovesi*. N. S. VIII. Genova, 11—26.
- Bocharov S., Sitdikov A. 2014. Solkhat’s war and its reflection in the fortification of Caffa. In: Zugravu N. (fond.). *Classica et Christiana* 8. Iași: Universitatea Alexandru Ioan Cuza, 413—427.
- Bocharov S. 2015. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th — 15th centuries. In: Zugravu N. (fond.). *Classica et Christiana* 10. Iași: Universitatea Alexandru Ioan Cuza, 443—459.
- Bocharov S. 2017. Ancient Economic and Social concept in the Genoese Gazaria Region. *European Research Studies Journal* 209 (5), 199—207.
- Bocharov S. 2018. Archaeology of Venetian Gazaria, 13th—15th Centuries. Definition of Terms and Scientific Sources. In: Bilavski G., Aparaschivei D. (eds.). *Studia mediaevalia Europaea et orientalia: miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei oblata*. București: Editura Academiei Române, 439—454.
- Caffa Massaria*. 1381. Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Salle 34.
- Caffa Massaria*. 1386. Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Salle 34.
- Desimoni C. 1887. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380—1381 scritto in lingua volgare. *Archivio Storico Italiano* XX, 161—165.
- Desimoni C., Belgrano L. T. 1867. *L’atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro*. Vol. V. Genova: Atti della Società Ligure di Storia Patria.
- Diplomatarium 1899: Predelli R. (ed.). 1899. *Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*. A. 1351—1454. P. 2. Venetiis: Sumptibus Societatis.
- Fisher A. 1981. The Ottoman Crimea in Sixteenth Century. *Harvard Ukrainian Studies* V (2), 135—170.

- Gregorae Nicephori. 1830. *Historiae Byzantinae. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Pars XIX. Vol. II. Bonnae: Weberi.
- Heyd W. 1886. *Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age* 2. Leipzig: Harrassowitz.
- Olgıati G. 1991. The Genoese Colonies in Front of the Turkish Advance (1453—1475). *Tarih Arařtırmaları Dergisi*. Cilt. 15. Sayı 26, 381—389.
- Papacostea Ş. 2006. *La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204—1453*. Bucureşti: Biblioteca de istorie, Institutul Cultural Roman.
- Pistarino G. 1988. *I Gin dell'Oltremare*. Studi e Testi — Serie Storica 11. Genova: Civico Istituto Colombiano.
- Skrzinska E. 1928. *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée*. Atti della Società Ligure di Storia Patria LV1. Genova.
- Vasiliev A.A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Cambridge: American Medieval Academy.
- Veinstein G. 1980. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane. *Bulletin d'Institut Français d'Etudes Anatoliennes. Mémorial Ömer Lütfi Barkan XXVIII*, 227—249.
- Veinstein G. 1986. From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century. *MHR* 1 (2), 221—237.
- Vigna A. 1871. *Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri 1453—1475*. Atti della Società Ligure di Storia Patria VII (II). Genova.
- Νισταζοπουλου Μ. 1965. *Ηεν τη Ταυρικη Χερσονησωπολις Σουγδαα*. Αθηνα.

References

- Adaksina, S.B., Myts, V.L. 2015. In *Tavrisheskie Studii. Istoricheskie nauki (Tauric Studies: Historical Sciences)* 7. Simferopol, 12—18 (in Russian).
- Adaksina, S.B., Myts, V.L. 2017. In Zaleskaia, V.R., Stepanova, E.V. (eds.). *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the Context of the World Culture)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum LXXXIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 103—139 (in Russian).
- Adaksina, S.B., Myts, V.L. 2017. In Ioannisian, O.M., Elshin, D.D. (eds.). *Monumental'noe zodchestvo Drevnei Rusi i Vostochnoi Evropy epokhi srednevekov'ia (Monumental Architecture of Ancient Rus and Eastern Europe in Medieval Times)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum LXXXVI. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 289—297 (in Russian).
- Aqçoqraqlı, O. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 58 (1), 5—18 (in Russian).
- Aibabina, E.A., Bocharov, S.G. 1997. In *Vizantiiskii vremenik (Byzantine Yearbook, BYZANTINA XPONIKA)* 57, 211—234 (in Russian).
- Aibabina, E.A., Bocharov, S.G. 2002. In Yurochkin, V. Yu. (ed., comp.). *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Sbornik materialov po tserkovnoi arkhologii) (Orthodox Antiquities of Taurica (Collected Papers on Church Archaeology))*. Kiev: "Stilos" Publ., 159—169 (in Russian).
- Aivazovskii, G. 1867. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* VI, 330—331.
- Bashkirov, A.S. 1926. In *Krym (The Crimea)* 2, 108—125 (in Russian).
- Bertier de la Garde, A.L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)* 57, 1—136.
- Borozdin, I.N. 1927. In *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 58 (1), 24—26.
- Bocharov, S.G. 1996. In *Tezisy dokladov IV Mezhdunarodnoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Abstracts of the 4th International Conference of Students and Young Scholars)*. Kiev: National University of "Kyiv-Mohyla Academy", 220—221 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 1998. In Karpov, S.P. (ed.-in-chief). *Prichernomor'ev srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 3. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ., 82—117 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2000. *Istoricheskaia topografiia Kaffy: konets XIII v. — 1774 g. (fortifikatsiia, kul'tovye pamiatniki, sistema vodosnabzheniia) (Historical Topography of Kaffa in Late 13th Century — 1774 (Fortification, Cult Sites, Water-Supply System))*. PhD Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2001. In Babinov, Yu.A. (ed.-in-chief). *Vzaimootnosheniia religioznykh konfessii v mnogonatsional'nom regione (Interconfessional Interactions in a Multiethnic Region)*. Sevastopol: "Khersones Tavricheskii" Publ., 9—10 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2001. In Ivanenko, P.I. (ed.). *175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei (175th Anniversary of the Kerch Museum of Antiquities)*. Kerch: Kerch Historical and Cultural Reserve; "Demetra" Publ., 157—161 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2002. In *VIII Donskaia mezhdunarodnaia arkhologicheskaiia konferentsiia «Problemy arkhologii i etnicheskoi istorii Dona i Severnogo Kavkaza» (Issues of Archaeology and Ethnic History of the Don Basin and the Northern Caucasus: 8th Don International Archaeological Conference)*. Rostov-on-Don: Don Archaeological Society, 58—59 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2004. In Stepanenko, V.P., et al. (eds.). *Rossiiia — Krym — Balkany: dialog kul'tur (Russia — Crimea — Balkans: Dialogue of Cultures)*. Yekaterinburg: Ural State University; "Volot" Publ., 146—152 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2004. In Mytz, V.L. (ed.-in-chief). *«O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh»: Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiiia so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) („On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica“: Proceedings (of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen))*. Kiev: "Stilos" Publ., 186—205 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2005. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 36. Yekaterinburg, 282—294 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2005. In *Arkhologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 4. Rostov-on-Don: Don Archaeological Society, 145—151 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2006. In Murasheva, V.V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evro-aziatskoi zone: Tezisy dokladov III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu so dnia rozhdeniia G.A. Fedorova-Davydova (Town and the Steppe in the Europe-Asia Contact Zone: Abstracts for the 3rd International Conference in Honor in the 75th Anniversary of G.A. Fyodorov-Davydov)*. Moscow: State Historical Museum, 112—115 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2008. In Bocharov, S.G., Cojocar, V. (eds.). *Eticheskie, demograficheskie i dukhovnye vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu, vizantiiskii period i srednevekov'e (Ethnic, Demographic and Spiritual Relations in the Northern and Western Black Sea Region in the Antiquity, Byzantine Period and the Middle Ages)*. Simferopol: Crimea Branch of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 12—14 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2009. In Bocharov, S.G., Cojocar, V. (eds.). *Vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v period antichnosti i srednie veka (Interrelations between Northern and Western Pontic Areas in Antiquity and Middle Ages)*. Simferopol: "A.E. Baranovskii" Publ., 108—114 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2011. In Vasil'ev, D.V., Zelenev, Yu.A., Sitdikov,

- A.G. (ed. board). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)* IV. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 137—145 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2011. In Mirgaleev, I.M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 252—263 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2011. In Gluzman, A.V. (ed.). *III mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia: «Istoriko-kul'turnoe nasledie Prichernomor'ia: izuchenie i ispol'zovanie v obrazovanii i turizme» (Historical and Cultural Heritage of the Black Sea Area: Studying and Use in Education and Tourism. 3rd International Scientific-Practical Conference)*. Yalta: Crimean University for the Humanities, 10—13 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2012. In Tishkin, A.A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 113—116 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2012. In Stashenkov, D.A. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences; "Yaz" Publ., 109—121 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2013. In Marchenko, I.I. (ed.-in-chief). *Shestaiia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia (Materials of the Sixth International Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: "Ekoinvest" Publ., 37—40 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2013. In Khuzin, F.Sh. (ed.). *Srednevekovaiia Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Cities and Steppe)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 17. Kazan: Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 30—43 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevianko, A.P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Meeting at Kazan)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 450—454 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 172—189 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2015. In *Bylye gody (Bylye Gody)* 38 (1), 808—824 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 305—319 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europeiu Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 47—99 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2015. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts)* 3, 123—127 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2015. In *Istoricheskii zhurnal. Nauchnye issledovaniia (Historical Journal: Scientific Studies)* 30 (6). Moscow, 700—708. Doi: 10.7256/2222—1972.2025.6.17435 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2015. In Karpov, S.P. (ed.-in-chief). *Prichernomor'ev srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 9. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 127—148 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2016. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ord. Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G.A. Fedorova-Davydova (Dialogue of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory. Historical Geography of Golden Horde. Proceedings of the VII International-Scientific Conference in memoriam German Fyodorov-Davydov)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 263—269 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 120—137 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2016. In *VTU i Bǎlgarskata arkheologiya. Boris Borisov — studenti i priyateli (University of Veliko Tarnovo and the Bulgarian Archaeology. Boris Borisov — Students and Friends)* II. Veliko Tarnovo: "Sv. sv. Kiril i Metodii" Publ., 655—669 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 88—103 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2016. In Popova, E.A. (ed.). *Ocherki arkheologii Severo-Zapadnogo Kryma (po materialam gorodishcha «Chaika» i nekropolia u poselka Zaozernoe) (Essays on Archaeology of the North-Western Crimea: by Materials from the "Chaika" Hillfort and Necropolis near the Zaozernoye Town)*. Moscow: Moscow State University, 42—121 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In Kradin, N.N., Sitdikov, A.G. (eds.). *Mezhdz Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 57—63 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In Bocharov, S.G., François, V., Sitdikov, A.G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)* II. Kazan; Kishinev: Stratum plus P.P.; "High Anthropological School" University, 409—447 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Issues of History, Philology, and Culture)* 4, 233—249 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In Nosov, K.S. (ed.). *Voprosy istorii fortifikatsii (Issues of the History of Fortification)* 6. Moscow: "Ostrov" Publ., 106—111 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, and International Relations)* 22 (5), 46—55. Doi: 10.15688/jvolsu4.2017.5.5 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 204—223 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 81—98 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2018. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia. Politologiiia (Scientific Reports of Belgorod State University. History and Political Studies Series)* 15 (264). Issue 43, 35—48 (in Russian).
- Bocharov, S.G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 71—83. Doi: 10.24852/2018.4.26.71.83 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Koval', V. Yu. 2009. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa po arkheologii Evraziiskikh stepi (Proceedings of the 1st International Congress on the Archaeology of Eurasian Steppes)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, 45—46 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Koval', V. Yu. 2011. In Karpov, S.P. (ed.). *Rossiiskoe vizantinovedenie: traditsii i perspektivy (Russian Byzantine Studies: Traditions and Perspectives)*. Moscow: Moscow State University, 46—49 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Koval', V. Yu. 2011. In Makarov, N.A., Nosov, E.I. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod — Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod — Staraya Russa)* 2. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 127 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Maslovskii, A.N. 2015. In Matiashov, G.G. (ed.). *Krym v voynakh Rossii (Crimea in the Wars of Russia)*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 38—45 (in Russian).
- Bocharov, S.G., Nedel'kin, E.V. 2017. In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serii: Istoricheskie nauki (Scientific Bulletin of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. History Series)*

- 3 (1), 16—41 (in Russian).
- Butiagin, A.M., Vinogradov, Yu.A. 2006. *Mirmekii v svete novykh arkhеologicheskikh otkrytii* (Myrmekion in the Light of Recent Archaeological Discoveries). Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
- Veimam, E.V. 1968. In Dombrovskii, O.I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma* (Archaeological Investigations of Medieval Crimea). Kiev: "Naukova dumka" Publ., 45—83 (in Russian).
- Vinogradov, A. Yu. 2010. In *Voprosy epigrafiki* (Issues of Epigraphy) IV. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 217—253 (in Russian).
- Gabriel, Archbishop of Kherson and Taurida. 1844. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities) 1, 320—329 (in Russian).
- Grigor'ev, A.P. 1994. In *Vestnik Leningradskogo Gosuderstvennogo Universiteta* (Bulletin of the Leningrad State University) 2 (2), 28—38 (in Russian).
- Grigor'ev, A.P., Grigor'ev, V.P. 1997. In Iskoz-Dolinina, A.A., Kasevich, V.V. (eds.). *Vostokovedenie* (Oriental Studies) 20. *Filologicheskie issledovaniia. Seriya vostokovedcheskikh nauk* (Philological Studies: Oriental Series) 36. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 155—159 (in Russian).
- Grigor'ev, A.P., Grigor'ev, V.P. 2002. *Kolleksiia zolotoordynskikh dokumentov iz Venetsii* (Collection of the Golden Horde Documents from Venice). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Danilova, E.B. 1974. In Bibikov, S.N. (ed.). *Feodal'naiia Tavrika. Materialy po istorii i arkhеologii Kryma*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 189—215 (in Russian).
- Dzhanov, A.V. 2017. In Maiko, V.V. (ed.). *Istoriia i arkhеologiiia Kryma* (History & Archaeology of Crimea) V. Simferopol: "Brovko A.A." Publ., 286—339 (in Russian).
- Dzhanov, A.V. 2018. In *Sugdeis'kii zbirnik* (Sugdaia Collected Papers) VII (1). Kiev: "Gorobets'" Publ., 44—303 (in Russian).
- Dombrovskii, O.I. 1986. In Baran, V.D. (ed.). *Arkheologiiia Ukrain'skoi SSR* (Archaeology of the Ukrainian SSR) 3. *Ranneslavianskii i drevnerusskii periody* (Early Slavic and Old Russian Periods). Kiev: "Naukova dumka" Publ., 531—540 (in Russian).
- Karpov, S.P. 1994. *Putiami srednekovykh morekhodov: Chernomorskaia navigatsiia Venetsianskoi respubliki v XIII—XV vv.* (Following the Itineraries of the Medieval Sailors: Black Sea Navigation of the Venice Republic in 13th — 15th Centuries). Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Karpov, S.P. 1997. In *Vizantiiskii vremennik* (Byzantine Yearbook, BYZANTINA XPONIKA) 57 (82), 5—18 (in Russian).
- Karpov, S.P. 1998. In Karpov, S.P. (ed.-in-chief). *Prichernomor'e v srednie veka* (Black Sea Region in the Middle Ages) 3. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 9—81 (in Russian).
- Karpov, S.P. 2000. *Latinskaia Romaniia* (Latin Empire). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
- Karpov, S.P. 2015. In Karpov, S.P. (ed.-in-chief). *Prichernomor'e v srednie veka* (Black Sea Region in the Middle Ages) 9. Moscow: Moscow State University, 7—142 (in Russian).
- Lopushinskaia, E.I. 1991. *Krepost' v Sudake* (The Fortress in Sudak). Kiev: "Budivelnik" Publ. (in Russian).
- Marr, N. Ya. 1898. *Perevod armianskoi nadpisi iz monastyrnia u Dvuyakornoi bukhty* (Translation of Armenian Inscription from the Monastery at Dvuyakornaya Bay). Saint Petersburg. Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1, dossier 26, sheet 7 (in Russian).
- Militsyn, S.A. 1955. In Sekirinskii, S.A. *Ocherki istorii Surozha IX—XV vekov* (Essays on the History of Surozh in 9th—15th Centuries). Simferopol: "Krymizdat" Publ., 80—92 (in Russian).
- Myts, V.L. 1991. *Ukrepneniia Tavriki X—XV vv.* (Fortifications of Taurica in the 10th—15th Centuries). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty* (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts). Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
- Orlov, R.S. 1979. In Baran, V.D. (ed.). *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia* (Monuments of Ancient Cultures of Northern Pontic Region). Kiev: "Naukova dumka" Publ., 114—129 (in Russian).
- Sekirinskii, S.A. 1955. *Ocherki istorii Surozha IX—XV vekov* (Essays on the History of Surozh in 9th—15th Centuries). Simferopol: "Krymizdat" Publ. (in Russian).
- Tur, V.G. 1999. In *Vita Antiqua* 2. Kiev: "Stilos" Publ., 231—239 (in Russian).
- Iurgevich, V.N. (transl.). 1865. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities) V, 629—857 (in Russian).
- Chernov, E.A. 2017. In Ushakov, S.V., Khapaev, V.V. (ed.). *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura* (The Pontic Region. History, Politics, Culture) XXII (VII). Series A. Sevastopol: Moscow State University, Sevastopol Branch, 136—153 (in Russian).
- Balard, M. 1973. *Gènes et l'Outre-Mer*. T. 1. *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290*. Paris: La Haye.
- Balard, M. 1978. *La Romanie Génoise (XIIIe — début du XVe siècle)* I. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.
- Balard, M. 1979. Les Génois en Crimée aux XII—XV siècles. In *Αρχαιολογία* 10. Αθήνα, 201—217.
- Balard, M. 1989. Habitat, ethnies et métiers dans les comptoirs Génois d'Orient (XIII—XV siècles). In *D'une ville à l'autre: structures matérielles et organisation de l'espace dans les villes Européennes (XIII—XVI siècle)*. Rome: École Française de Rome, 107—131.
- Balard, M. 1992. Byzance et les régions septentrionales de la mer Noire (XIIIe — XVe siècles). *Revue Historique* CCLXXXVIII (1), 19—38.
- Basso, E. 1991. Il "bellum de Sorchat" ed i trattati del 1380—1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro. *Studi genuensi.*, N. S. VIII. Genova, 11—26.
- Bocharov, S., Sitdikov, A. 2014. Solkhat's war and its reflection in the fortification of Caffa. In Zugravu, N. (fond.). *Classica et Christiana* 8. Iași: Universitatea Alexandru Ioan Cuza, 413—427.
- Bocharov, S. 2015. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th — 15th centuries. In Zugravu, N. (fond.). *Classica et Christiana* 10. Iași: Universitatea Alexandru Ioan Cuza, 443—459.
- Bocharov, S. 2017. Ancient Economic and Social concept in the Genoese Gazaria Region. *European Research Studies Journal* 209 (5), 199—207.
- Bocharov, S. 2018. Archaeology of Venetian Gazaria, 13th—15th Centuries. Definition of Terms and Scientific Sources. In Bilavski, G., Aparaschivei, D. (eds.). *Studia mediaevalia Europaea et orientalia: miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei oblata*. București: Editura Academiei Române, 439—454.
- Caffa Massaria*. 1381. Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Salle 34.
- Caffa Massaria*. 1386. Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. Salle 34.
- Desimoni, C. 1887. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380—1381 scritto in lingua volgare. *Archivio Storico Italiano* XX, 161—165.
- Desimoni, C., Belgrano, L.T. 1867. *L'atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro*. Vol. V. Genova: Atti della Società Ligure di Storia Patria.
- Diplomatarium 1899: Predelli, R. (ed.). 1899. *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*. A. 1351—1454. P. 2. Venetiis: Sumptibus Societatis.
- Fisher, A. 1981. The Ottoman Crimea in Sixteenth Century. *Harvard Ukrainian Studies* V (2), 135—170.
- Gregorae Nicephori. 1830. *Historiae Byzantinae. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Pars XIX. Vol. II. Bonnae: Weberi.
- Heyd, W. 1886. *Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age* 2. Leipzig: Harrassowitz.
- Olgati, G. 1991. The Genoese Colonies in Front of the Turkish Ad-

- vance (1453—1475). *Tarih Araştırmaları Dergisi*. Cilt. 15. Sayı 26, 381—389.
- Papacostea, Ş. 2006. *La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204—1453*. Bucureşti: Biblioteca de istorie, Institutul Cultural Roman.
- Pistarino, G. 1988. *I Gin dell'Oltremare*. Studi e Testi — Serie Storica 11. Genova: Civico Istituto Colombiano.
- Skzinska, E. 1928. *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée*. Atti della Società Ligure di Storia Patria LV1. Genova.
- Vasiliev, A.A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Cambridge: American Medieval Academy.
- Veinstein, G. 1980. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane. *Bulletin d'Institut Français d'Etudes Anatoliennes. Mémorial Ömer Lütfi Barkan XXVIII*, 227—249.
- Veinstein, G. 1986. From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century. *MHR* 1 (2), 221—237.
- Vigna, A. 1871. *Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri 1453—1475*. Atti della Società Ligure di Storia Patria VII (II). Genova.
- Νισταζοπουλου, Μ. 1965. *Ηεν τη Ταυρικη Χερσονησωπολις Σουγδαα*. Αθηνα.

С. В. Дьячков

Serhiy Dyachkov. Candidate of Historical Sciences. V.N. Karazin Kharkiv National University¹.

Дьячков Сергей Владимирович. Кандидат исторических наук. Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина.

E-mail: dyachkovst@gmail.com

Address: ¹ Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine

Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999—2008 гг.)

Keywords: Genoese Gazaria, Cembalo, consul's residence, consul's church, burials, tower, shells, trebuchet, brigandine

Ключевые слова: Генуэзская Газария, Чембало, консульский замок, консульская церковь, погребения, башня, ядра, требюше, бригадинна

S. V. Dyachkov

The Consul's Residence of Genoese Fortress Cembalo of 14th—15th Centuries (by archaeological excavations in 1999—2008)

In 1999—2008, the joint expedition of "Tauric Chersonesos" National Reserve and by "V.N. Karazin" National University in Kharkiv investigated the area of the consul's residence (castle) of the Genoese fortress Cembalo (14th—15th centuries) in Balaklava was located. Excavations on the so-called "consul's church" found on the territory of the consul's residence discovered that the church was used by inhabitants as a burial vault. Excavations of tower no.8 and in the adjacent area give some reasons to believe that the tower was part of the fortress's defensive structures. While digging on site B situated near tower no. 8 we found chamber 3 (constructed in late 15th—16th centuries). The walls of chamber 3 were made of stone shells of predominantly spherical shape. This 'arsenal' included 208 shells that weighed 20—104 kg each, which were meant to be used by trebuchet machines against enemy ships. A special platform for trebuchet was constructed on consul's residence territory. During the excavations of 2007—2008, remains of iron lamellar armor were discovered on the platform. Some peculiarities and circumstances of the find allow us to suppose that the discovered details were fragments of a brigandine, an armor widely spread in the 14th—15th centuries. The armor could belong to an arbalester of the local garrison. So, the Consul's Castle was the residence of some Genoese official and an important element of the defensive system of the fortress Cembalo.

С. В. Дьячков

Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999—2008 гг.)

В 1999—2008 гг. объединенная экспедиция Национального заповедника Херсонес Таврический и Харьковско-го национального университета им. В.Н. Каразина изучала территорию консульского замка генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. в Балаклаве. На территории замка находилась консульская церковь. Раскопками установлено, что церковь использовали для погребения жителей замка. Раскопки башни №8 и прилегающей территории дают основание полагать, что башня входила в состав оборонительных сооружений замка. В ходе раскопок участка Б, расположенного у башни №8, было обнаружено помещение 3, сооруженное в конце XV — XVI вв. Стены помещения были сооружены из каменных ядер преимущественно сферической формы. «Арсенал» каменных ядер состоял из 208 снарядов весом от 20 до 104 кг и предназначался для использования метательной машины типа требюше для борьбы с кораблями противника. Для установки требюше была оборудована специальная площадка на территории консульского замка. В 2007—2008 гг. во время изучения боевой площадки для требюше были обнаружены остатки железного пластинчатого доспеха. Характер и обстоятельства находки позволяют полагать, что обнаруженные пластины и другие детали были частью бригадинны — доспеха, широко распространенного в XIV—XV вв. Вероятно, доспех принадлежал арбалетчику местного гарнизона. Таким образом, консульский замок был резиденцией генуэзского должностного лица и важным элементом оборонительной системы крепости Чембало.

В постсоветское время Балаклава утратила статус закрытой военно-морской базы Черноморского флота СССР, поэтому появилась возможность планомерного археологического исследования территории и руин генуэзской крепости Чембало, расположенной на двух вершинах и на внутреннем (северном) склоне горы Кастрон. Крепость, город, порт Чембало занимали важное место среди владений Генуэзской Газарии, контролируя участок побережья от мыса Сарыч до залива Каламиты и далее вверх по течению реки Черной до Крымских гор. Источники позволяют выделить два периода в истории крепости: «генуэзский» (середина XIV — третья четверть XV вв.) и «османский» (последняя четверть XV — конец XVIII вв.). После аннексии Крыма Российской империей в 1783 г. на территории собственно крепости жизнь постепенно угасла, наступило полное запустение.

В 1999—2008 гг. объединенная археологическая экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (руководители экспедиции Н. А. Алексеев и С. В. Дьячков) проводила раскопки территории консульского замка Чембало и т. н. «города св. Николая» (рис. 1). Результаты раскопок позволили уточнить размеры и функциональное назначение сохранившихся сооружений консульского замка крепости, нанесенных на топографические карты XIX и XX вв.

Консульский замок расположен на нижней вершине г. Кастрон, у входа в Балаклавскую бухту (отм. 72.8). К началу XX в. сооружения собственно консульской резиденции (ратуша, донжон и другие постройки) были изрядно руинированы, но сохранили свои очертания и были хорошо видны на поверхности (рис. 2). Во второй половине века на месте донжона консульского замка был размещен рейдовый пункт наблюдения погранвойск, для сооружения которого были частично использованы стены средневековых построек. К исходу XX столетия на вершине консульского замка можно было визуально наблюдать лишь кладку нижней части донжона, где была сооружена водосборная цистерна, засыпанная во время строительства пограничного поста (рис. 3). Территорию консульского замка с востока, юга и запада ограждали стены и башни, ныне сохранившиеся лишь фрагментарно. С южной стороны консульский замок защищен отвесной, неприступной скалой. Местоположение замка позволяло контролировать значительную акваторию вплоть до мыса Айя.

Как известно, военно-административную и судебную власть в крепости и колонии осуществлял консул, назначаемый из Генуи. Консульская служба на задворках христианской средневековой цивилизации была трудной, но, вероятно, вполне доходной. В секретном архиве Генуи сохранилась петиция, датированная 1437 г., в которой некая благородная матрона утверждает, что ее многодетный сын Баттиста Имперьяле отправился консулом в Чембало только из-за бедности и ради поддержания дома и семьи, хотя эта должность не соответствует его положению (Карпов 1998: 15, AS 3024 DF 4, №241/29). Жизнь среди православных греков и армян, а также иудеев и татар была сопряжена с определенным риском. Возможно, этими обстоятельствами, а также борьбой с коррупцией, процветавшей в колониальной администрации, объясняется ежегодная ротация консулов.

Консульская церковь была возведена непосредственно над входом в бухту, к северо-востоку от мыса Балаклавский, на высоте 45 м над уровнем моря. Храм был составной частью комплекса сооружений консульского замка. Местоположение позволяет полагать, что храм был посвящен св. Николаю — покровителю и защитнику мореходов (рис. 3).

Консульская церковь крепости Чембало — это зальная церковь: прямоугольный в плане храм с алтарной частью в виде полукруглой апсиды. Церковь ориентирована апсидой на юго-восток. Размеры церкви по ее внутренней части без учета толщины стен — 6,1 × 11,5 м. Сохранившаяся высота стен — от 0,3 до 2,8 м, толщина — 0,65—0,75 м. При этом северо-восточная стена пристроена к естественному скальному выступу, а противоположная, юго-западная стена храма являлась своеобразным продолжением оборонительных сооружений консульского замка. С внешней стороны северо-восточной стены примыкает пристройка из двух помещений (рис. 4). Церкви аналогичной архитектуры относятся к весьма распространенному типу провинциального византийского храма, столь характерного для Таврики XII—XVI вв.

Анализ архитектурных особенностей, археологических напластований и находок позволяет полагать, что храм функционировал в генуэзский период истории Чембало (XIV—XV вв.), а также продолжительное время после захвата крепости турками-османами в 1475 г. Церковь неоднократно перестраивалась. В частности, к северо-восточной стене церкви были пристроены помещения 1 и 2 (рис. 4), между которыми некоторое вре-

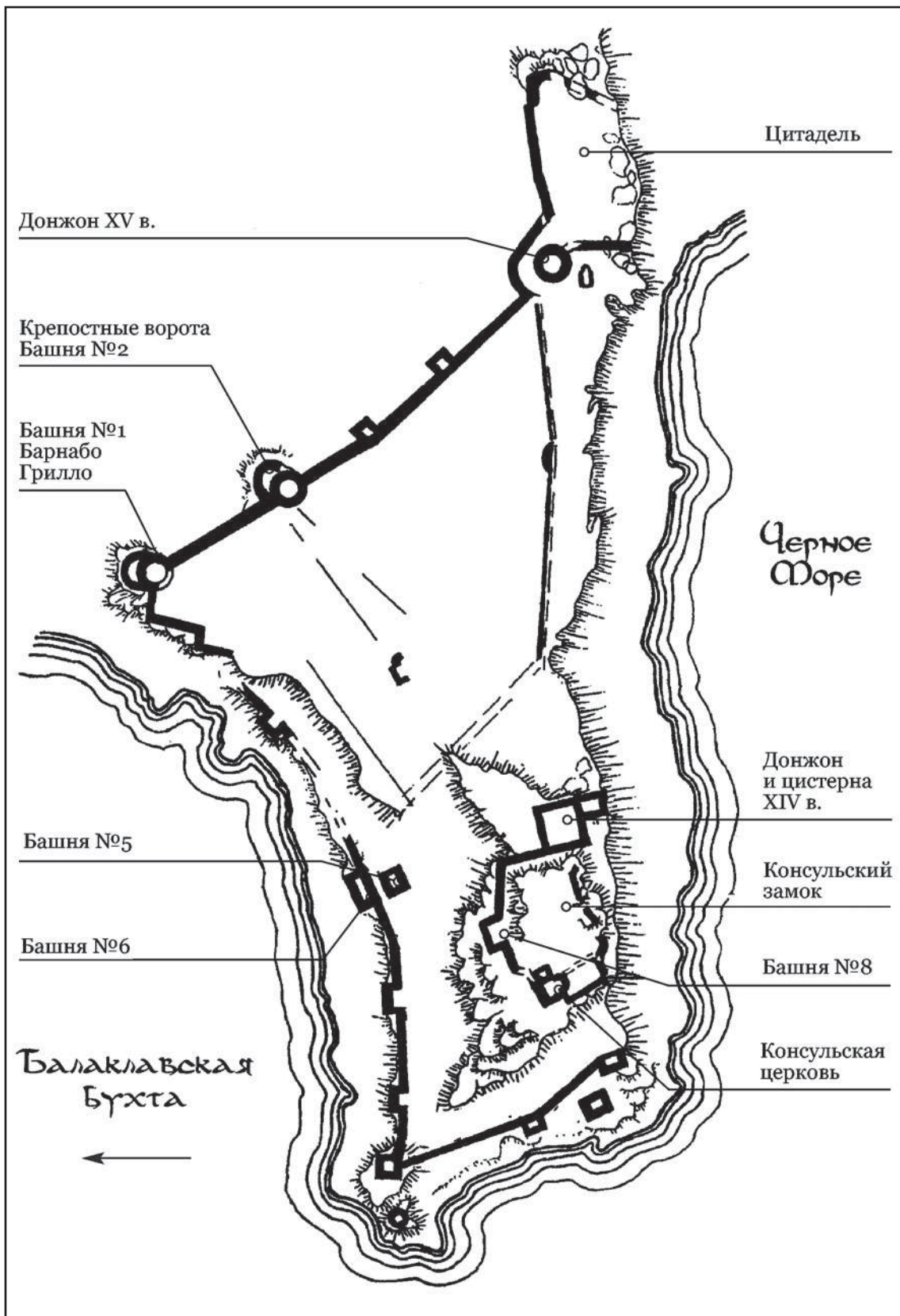

Рис 1. Генуэзская крепость Чембало XIV—XV вв. (план-схема) (по Алексеенко и др. 2015: 151, рис. 1).

Fig. 1. Genoese fortress of Cembalo, 14th—15th centuries (plan-scheme) (after Алексеенко и др. 2015: 151, рис. 1).

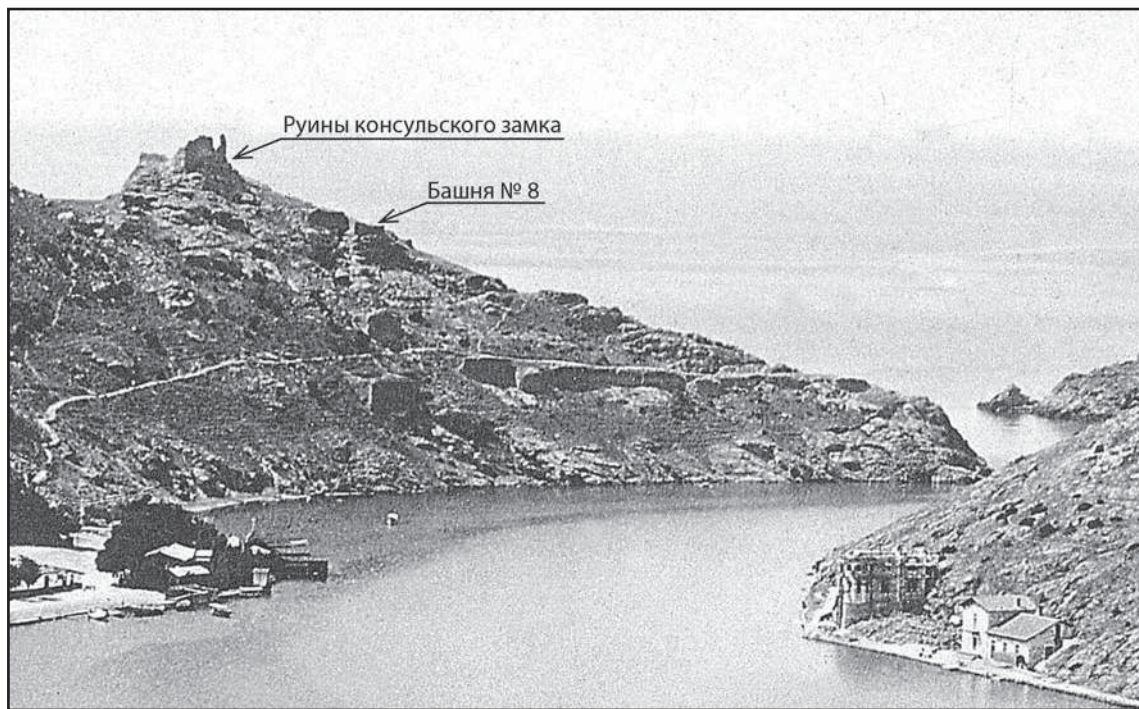

Рис. 2. Гора Кастрон (Балаклава) в 1890 г. Почтовая открытка (личный архив автора).

Fig. 2. Mountain Kastron (Balaklava) in 1890. Postcard (personal archive of the author).

мя существовал проход, позднее заложенный. Северо-восточная и юго-западная стены были укреплены пилонами, что, возможно, связано с сейсмической активностью в регионе, либо с бурными событиями восстания жителей города против генуэзских властей, спровоцированного правителями Феодоро (Мыц 2009: 156—165). После завоевания Чембало турками-османами над первоначальным известняковым полом церкви соорудили каменную вымостку.

Стены церкви сложены из разномерно-го местного, плотного, трудно поддающегося обработке камня с грубой подтеской лицевых граней. Камень для строительства замка и церкви добывался, вероятно, на территории крепости, в седловине между двумя вершинами горы (Адаксина и др. 2005: 37). Каменоломня в седле г. Кастрон создавала дополнительные фортификационные возможности консульской резиденции с восточной стороны. Камни кладки стен церкви скреплены известковым раствором, который замешан на крупном морском песке. В углах кладки, а также при сооружении пилонов широко применяли известняковые блоки правильной формы явно вторичного использования. Камень правильной формы из построек предшествующих периодов добавлял прочности сооружению (Альберти 1935: 83—84). Внешний и внутренний фасады стен были покры-

ты прочным слоем штукатурки, во многих местах сохранившейся до сих пор.

Важной частью интерьера были фресковые росписи, украшавшие, вероятно, внутренний объем здания. Многочисленные измельченные фрагменты фресок обнаружены в ходе раскопок различных участков храма. Использовались белая, черная, желтая, красная, бежевая, реже голубая и зеленая краски. Остатки росписи позволяют полагать, что стены церкви были украшены растительно-геометрическим орнаментом, а также сюжетной росписью.

Раскопки в консульской церкви начались с удаления остатков каменной вымостки, частично перекрывавшей площадь внутреннего пространства храма (рис. 5). Все 167 плит, сохранившиеся на полу, были хорошего качества: камень пиленный, тесаный, обработанный скarpелем. Характер и особенности камней не оставляют сомнения в том, что это строительный материал вторичного использования, изъятый из кладок больших сооружений, вероятно, общественного или культового назначения. Первоначально этот привозной известняковый камень предназначался для правильной, и достаточно сложной кладки. Большинство камней пола не содержали следов извести или другого связующего раствора. Не исключено, что некоторая часть строительного материала была изъята из по-

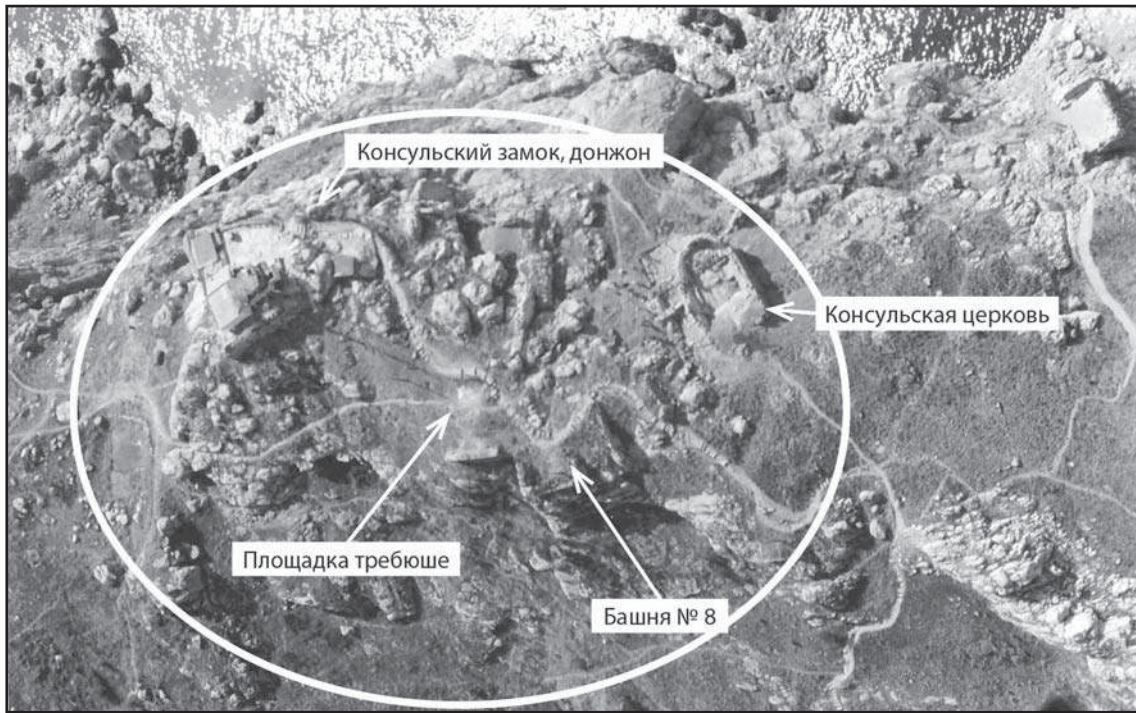

Рис. 3. Консульский замок Чембало. Аэрофотосъемка, 2002 г.

Fig. 3. Consul's residence of Genoese fortress of Cembalo. Aerial photography, 2002.

стройки античного или ранневизантийского времени.

Среди камней вымостки необходимо выделить обломки четырех колонн, выполненных из мягкого инкерманского камня (сохранившиеся размеры: 0,750 × 0,415 × 0,225 м). Восьмигранные в плане стволы колонн имеют плоские боковые стороны и две выпуклых трехгранных стороны. Плоские стороны колонн гладкие, хорошо обработаны. Три грани выпуклых сторон украшены врезным, рельефным, геометрическим орнаментом в виде зигзага, а углы основания колонн — врезными листьями аканфа. Из каменного пола церкви извлечены также четыре фрагмента каменной обкладки ланцевидного окна, которые позволили установить ширину оконного проема — 0,55 м. Очевидно, что эти архитектурные детали носили исключительно декоративный характер. Обычно их использовали для оформления фасадов зданий, порталов, трифориев готических соборов. Этот прием применялся в декоративном убранстве дворцовых и храмовых сооружений в странах византийской и западноевропейской средневековых цивилизаций (Дьячков 2005: 216).

Генуэзская геральдика из Крыма известна преимущественно изображениями на надгробных плитах, закладных, строительных надписях, вмурованных в крепостные и храмовые стены, а также украшавших обрамле-

ния колодцев и водосборов (Яровая 2004: 3). Среди известняковых плит вымостки пола консульской церкви обнаружены две архитектурные детали с рельефным изображением герба, высеченного на их лицевых сторонах. Это треугольный остроконечный герб, который по своему типу относится к числу старофранцузских гербов (рис. 6). Во главе щита вырезан генуэзский крест, что не оставляет сомнений в принадлежности владельца герба к государственной номенклатуре Генуи. Геральдические щиты с изображением в верхней части герба Генуэзской республики использовали многие генуэзские фамилии. В частности, на закладных плитах в Амастрии высечены родовые гербы генуэзских семейств Бокканегра, Поджио, Маласпина (Hasluck 1910—1911: 135, fig. 2; Яровая 2003: 123—131).

Генуэзские лапидарные надписи из Солхата, Каффы, а также из Малой Азии сохранили изображения гербов, на щитах которых вырезаны стоящие львы. По мнению Е. Скржинской, лев, аналогичный балаклавским находкам, был родовым знаком генуэзского клана Газано. Он высечен на плитах строительных надписей из Каффы и Амастрии (Hasluck 1910—1911: 136; Skrzinska 1928: 135, fig. 2; Яровая 2003: № 8, 10, 11). Ведущие позиции генуэзской администрации в Газарии удерживали за собой представители нобилей. Из-

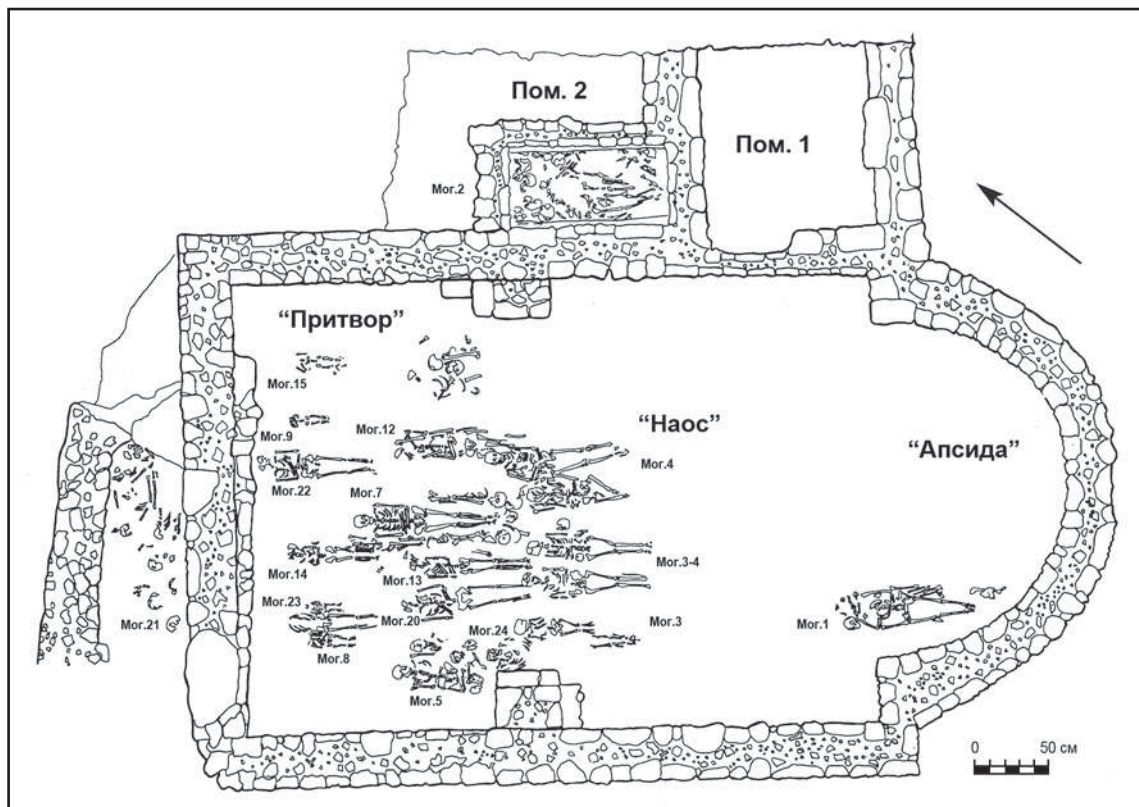

Рис. 4. Консульская церковь в Чембало (план) (по Дьячков 2005: 215, рис. 2).

Fig. 4. Consul's church in Cembalo (plan) (after Дьячков 2005: 215, рис. 2).

вестно, что семья Газано играла заметную роль в жизни колоний. Не исключено, что кто-либо из этой семьи получил должность консула Чембало и на этом основании дополнил свой фамильный герб изображением креста — герба генуэзской коммуны. Такие случаи имели место в геральдической практике средневековья (Черных 2001: 116). Впрочем, стоящие на задних лапах свирепые львы были весьма популярным геральдическим персонажем многих знатных фамилий средневековой Генуи и Западной Европы в целом.

Следует отметить еще одну интересную деталь, связанную с находкой геральдического материала. По правилам геральдики, все движение на гербе и в его композиции должно быть устремлено вправо, и изображение обращено в правую сторону (т.е. от зрителя влево). Среди наших находок на одной архитектурной детали лев повернут влево, а на другой зверь — вправо, что требует пояснения. В труде Бартоло ди Сассоферато утверждается: «§ 33. Иногда же он [герб] изображается либо рисуется на стенах или других неподвижных предметах, и тогда... изображение либо более благородная часть герба должны быть на ней справа. Вышесказанное верно, если нет причины сделать ина-

че. Что же, если посередине стены находится статуя государя, либо другого выдающегося лица, либо королевский герб? Тогда те гербы, которые рисуются с обеих сторон, должны быть обращены к этой статуе либо гербу, как справа, так и слева, подобно тому, как три стоящих вокруг властелина человека обращены к нему» (Черных 1989: 321). Например, аналогичным образом размещен орел (герб генуэзского рода Дория) на мраморной плите из Амастры, поскольку центральную часть плиты занимает герб Генуи (Hasluck 1910—1911: 140, fig. 4). Аналогичным образом размещены гербы на закладных плитах 1394 г. и 1404 г. крепостных стен Судака (Скржинская 2006: 214, 217). Это же правило применялось при оформлении церковных алтарей и парадных входов. В нашем случае очевидно, что архитектурные детали с гербами Генуи и семьи лигурийских нобилей украшали парадный вход (портал) на территорию консульского замка. Данные наблюдения позволяют, с известной долей осторожности, отнести чембальские находки, скорее всего, к периоду до 1396 г., когда Генуя на некоторое время (до 1409 г.) утратила самостоятельность, оказавшись под властью французского короля Карла VI.

Рис. 5. Консульская церковь. Фрагмент каменной вымостки (вид с севера).

Fig. 5. Consul's church. Fragment of a stone ground (view from the north).

Таким образом, обнаруженные нами архитектурные детали (колонны, обкладка оконного проема, гербы), являлись, вероятно, частями декоративного оформления консульского замка.

Как показывает стратиграфия раскопок внутренних помещений церкви, каменная вымостка пола была сооружена уже в «османский период» жизни Чембало. Как известно, во владениях Блистательной Порты запрещалось строить новые христианские храмы, но ремонтировать старые разрешалось. По всей видимости, христианская община Чембало после завоевания города турками восстановила церковь для своих нужд. Именно поэтому среди камней вымостки и стены, соединявшей пилоны, оказались строительные детали из заброшенного консульского замка и других сооружений.

В археологических напластованиях внутренних помещений консульской церкви были вскрыты многочисленные погребения (рис. 4). Предварительные результаты изучения антропологического материала позволяют выделить наиболее важные особенности погребений.

С внешней стороны к северо-восточной стене церкви примыкают два помещения.

Одно из них (помещение №1) со скромными размерами (2,1 × 1,5 м), сооруженное впритык к левому плечу апсиды, вероятно, было местом хранения даров. В примыкающем к нему помещении №2 обнаружена могила №2. Это каменный прямоугольный в плане ящик (2,13 × 1,03 × 1,04 м), перекрывавшийся каменными плитами. Здесь выявлено три яруса захоронений без домовин. Если судить по черепам, здесь было погребено около 30 человек. Скелеты верхнего яруса сохранили относительный анатомический порядок. Костяки нижнего яруса разложились в прах. Костница использовалась на протяжении довольно продолжительного времени. Во время погребения останки предыдущих усопших складывались в углах могилы, затем она пополнялась новым покойным. Не исключено, что помещение №2 являлось фамильной погребальной капеллой для покровителей церкви (донаторов) и членов их семей. В пользу этого предположения свидетельствует предварительный анализ костей погребенных. Среди них выявлены болезни и аномалии, которые передаются по наследству. Следовательно, они могли принадлежать родственникам.

Многочисленные захоронения (могилы 3—24) обнаружены во время изучения архео-

Рис. 6. Архитектурная деталь с изображением герба.

Fig. 6. Architectural detail and with the image of the coat of arms.

логических напластований в центральной части храма и под порогом. По сути, в храме выявлено «поле погребений» в грунтовых могилах, в домовинах и без них, причем с многократными впускными погребениями. В нескольких местах найдены скопления человеческих костей. Они возникли в результате очередного дозахоронения, когда кости предыдущего покойника сдвигались в сторону, для того чтобы положить очередного усопшего. Часть захоронений изрядно пострадала во время перестройки церкви и возведения пилонов стен. Археологические слои 2 и 3 были насыщены человеческими костями, которые преобладали над другими категориями находок. Например, в могиле 7 было погребение мужчины 40—50 лет (рис. 7). Однако в заполнении могилы обнаружены отдельные кости еще четырех мужчин и трех женщин зрелого возраста, а также 14 детей (один новорожденный, пять детей в возрасте 1—7 лет? остальные дети старше 7 лет). Похожие ситуации зафиксированы и во время раскопок других захоронений. Во внутреннем пространстве церкви были обнаружены кости скелета 88 индивидов, но только 11 скелетов сохранились в относительном анатомическом порядке.

Среди останков людей, погребенных в церкви, преобладали кости детей (до 14 лет) — 72,7% от исследованных индивидов. Трижды зафиксированы случаи, когда останки ребенка лежали на женском скелете в положении «таз в таз». Например, в основном погребении могилы №8 в верхнем ярусе был погребен ребенок 3—6 месяцев, в нижнем ярусе — ребенок 1,5—2,5 лет, а в запол-

нении могилы обнаружены останки ребенка 12—14 лет. Не исключено, что эти дети были из одной семьи (?). В могиле №9 найдены останки ребенка 6—9 месяцев, а в грунте, ее заполнявшем, — кости двух новорожденных, а также останки двух детей до года и ребенка 6—7 лет. Выявлено несколько захоронений человеческого плода 6—7 лунных месяцев. Следует также отметить, что детские захоронения располагались по периферии площади церкви, ближе к стенам и в углах помещения.

Центральное положение в храме занимали могилы взрослых мужчин и женщин 30—50 лет. Антропометрия людей, погребенных в консульской церкви, достаточно обычна для средневековья: рост женщин составил 154—156 см, а мужчин — 162—167 см. Однако в этом случае имеем яркие исключения. В центральной части храма обнаружены останки «трех богатырей» — мужчин 30—35 лет, рост которых достигал двух метров. По мнению специалистов, эти люди обладали большой мышечной массой и хорошо развитой мускулатурой.

Обычно христианские захоронения XIII—XV вв. не отличались богатством и разнообразием погребального инвентаря. Однако, при общей относительной скромности погребального инвентаря, среди костяков в центральной части храма обнаружены находки, требующие особого внимания. Например, большой интерес представляет медицинский крючок из высокопробного серебра (длина — 5,8 см, толщина — 0,3 см). Сечение инструмента квадратное, на конце утолщение и сквозная дырочка для продевания нити. Нижняя рабочая часть расплющена. В средней части стержня — цилиндрическое рифленое утолщение для упора пальца. Крючок очень похож на римские хирургические инструменты. В этом плане уместно вспомнить, что в Уставе для генуэзских колоний в Черном море 1449 г. среди служащих крепости упоминается цирюльник, вероятно, способный оказывать хирургическую помощь (Юргевич 1863: 786). Не исключено, что врач-цирюльник, обслуживавший консульскую службу, был похоронен в церкви.

Среди костей одного из детей найдены четыре раковины каури (*Monetaria moneta*; район обитания — Индийский океан). Они были продольно распилены и носились в качестве своеобразных бус, видимо, выполняя функцию оберега. Судя по степени потертости, раковины использовались в качестве амулета довольно долго. Возможно, в качестве амулета использовался V-образной формы фрагмент благородного красного коралла (*Corallium*

rubrum; регион распространения — Средиземное море; до 50 м).

Среди разнообразных находок, обнаруженных во время раскопок консульской церкви, решительно преобладают измельченные фрагменты амфор, столовой и кухонной керамики XIV—XV вв. Среди находок — бронзовые и серебряные пуговицы (в некоторых случаях с золотым напылением) (Столяренко 2010: 297—300), нательные кресты, стеклянная иконка, браслеты, остатки золотого и серебряного шитья, серьги, кольца и перстни из меди, а также из белого и желтого металлов. Более 60 серебряных и бронзовых монет из заморских центров и далеких ордынских поселений Поволжья свидетельствуют о контактах обитателей Чембало с Византией, Трапезундом, Золотой Ордой, странами Европы и Средней Азии (Дьячков 2005: 219—222).

Таким образом, есть основания полагать, что уже в конце XIV в. консульская церковь («церковь св. Николая») являлась составной частью комплекса сооружений консульского замка и служила усыпальницей для его обитателей — представителей привилегированных слоев генуэзской колониальной администрации. После османского завоевания церковь была перестроена, и для ее ремонта использовали строительный материал из построек предшествующего периода.

Башня №8 расположена к северу от консульской церкви на высоте 57 м над уровнем моря. Башня №8 возведена непосредственно на скальных выступах северного склона г. Кастрон. Она являлась важным составным элементом оборонительных сооружений консульского замка и города св. Николая. Стены башни сложены из грубо обработанного, преимущественно местного камня прямоугольной и квадратной формы средних размеров (0,3×0,2; 0,4×0,25 м и т.п.). Камни кладки скреплены с помощью густого известкового раствора, основу которого составляли известь, крупный песок и мелкие морские камушки. Северный угол башни — острый, что придало башне форму прямоугольной трапеции. Толщина стен — 0,9—1,1 м. Толщина юго-восточной стены башни, обращенной вовнутрь крепости, составляет 0,6 м (рис. 8). Длина внутреннего помещения башни — 6,4 м, ширина — 3,5 м. Площадь основания башни №8 с учетом толщины стен составила 45 кв. м. Стены сооружения местами (в северном углу) сохранились на высоту до двух метров. Пол внутреннего помещения башни был покрыт плотным известковым раствором.

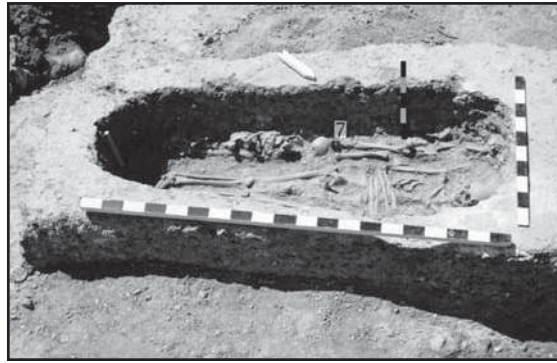

Рис. 7. Консульская церковь. Могила №7.

Fig. 7. Consul's church. Burial no 7.

Анализ внутренних напластований и строительных остатков сооружения не позволяет пока говорить о существовании в башне второго этажа. Для оборудования второго этажа, вероятно, не было объективной необходимости, поскольку башня располагается на весьма крутом северном склоне, а массивный скальный выступ, нависающий над тропой, проходящей внизу, является своеобразным продолжением стен башни. Стратиграфия и материалы раскопок башни и прилегающего к ней пространства позволяют выделить два условных строительных периода: «генуэзский» и «османский».

Результаты раскопок показывают, что в XIV—XV вв. башня выполняла исключительно оборонительные функции, являясь частью комплекса фортификационных сооружений консульского замка. Очевидно, что башня №8 контролировала излучину бухты, а также сухопутные подходы к главному входу в замок, находившемуся с внутренней стороны Балаклавской бухты. К этому периоду истории башни относится фрагментарно сохранившийся плотный известковый пол мощностью до 5 см. В северном углу башни выявлена нижняя часть большого плоскодонного пифоса, датируемого XIII—XIV вв. Этот сосуд, вероятно, использовался для хранения запаса жидких продуктов или горючих материалов (рис. 9).

Раскопки выявили фрагмент канала водостока открытого типа, который был проложен вдоль юго-восточной стены башни №8 и самотеком отводил грязную воду за пределы замка. Водосток оборудовали в каменном желобе. С внешней стороны восточного угла башни был сооружен туалет, снабженный сливом и сифоном для сброса воды в канал водостока.

После захвата Чембало турками-османами функциональное назначение башни №8 су-

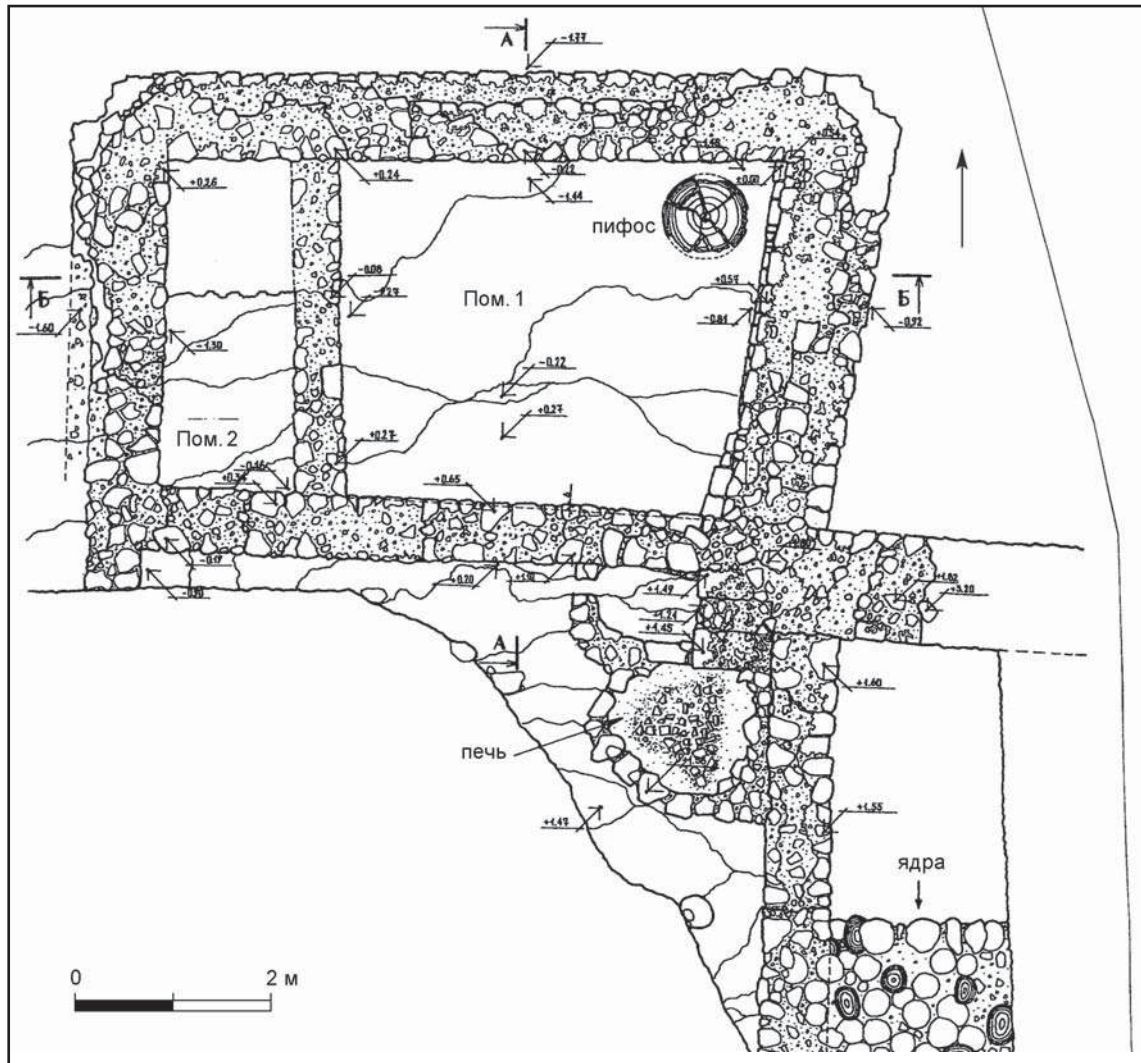

Рис. 8. Крепость Чембало. Башня №8 (план) (по Алексеенко и др. 2004: рис. 1).

Fig. 8. Fortress of Cembalo. Tower No 8 (plan) (after Алексеенко и др. 2004: рис. 1).

щественно изменилось. Башня подверглась перестройке. Внутри башни была сооружена каменная поперечная стена, разделившая помещение на две неравных части. Эта стена сохранилась на высоту до одного метра. В средней части стены сохранились следы порога. Вероятно, в это время башня стала использоваться как жилое или хозяйственное помещение. В пользу этого предположения указывает тот факт, что на площадке вблизи башни была обнаружена достаточно большая печь, сложенная из необработанного мелкого и среднего камня. Внутренний диаметр печи составил около 1,3 м. Под печи был выложен обломками стенок сосудов XIV—XV вв. Вероятно, печь использовалась для бытовых нужд людей, живших на территории крепости после турецкого завоевания, когда консульский замок утратил военное значение. О постройках такого рода на территории крепости сообщают

турецкий путешественник Эвлия Челеби в XVII в. (Эвлия Челеби 2008: 70—73).

Куртина оборонительной стены консульского замка. В ходе работ 2005 г. на участке Б была изучена куртина (стена 6), соединявшая, видимо, две башни, прикрывавшие подходы к замку с севера. Стена ориентирована по оси восток — запад. С запада стена 6 под прямым углом примыкает к восточному углу башни №8, соединение башни и стены осуществлялось кладкой впереплет. Длина стены составила 9,2 м (из них 5,1 м в пределах помещения 3), ширина стены — 1 м, сохранившаяся высота стены колеблется от 1,2 до 2,6 м. С восточной стороны стена 6 разрушена. Техника кладки стены 6 рядовая, трехслойная, двухлицевая, постелистая. В кладку уложены грубо обработанные камни из местного мраморовидного известняка, скрепленные известняковым

Рис. 9. Крепость Чембало. Башня №8. Северный угол.

Fig. 9. Fortress of Cembalo. Tower No 8. Norther corner.

раствором. Для выравнивания рядов использовались небольшие плоские камни. В лицевые фасы уложены достаточно большие, грубо обработанные камни, преимущественно прямоугольной формы: $0,28 \times 0,33 \times 0,24$; $0,34 \times 0,31 \times 0,23$ м и др. Наиболее крупные камни уложены на внешний фас стены. Внутренний фас стены оштукатурен. Штукатурка сохранилась на значительной площади стены.

После удаления слоев 1 и 2 на участке Б (к югу от стены 6) выявлены стены 7 и 8, которые вместе со стенами 6 и 9 образовали помещение 3 (ок. 25 кв. м). Это помещение было сооружено в «османский» период истории Чембало (конец XV — XVI вв.). На участке помещения 3 обнаружены остатки опорных деревянных конструкций, которые указывают, что помещение перекрывалось легким навесом.

Площадь помещения 3 перекрывал плотный, хорошо утоптаный глиняный пол. Впритык к стене №8, в двух метрах от восточного угла помещения 3, был сооружен очаг (рис. 10). Он имел округлую форму, около одного метра в диаметре, и был обложен

мелким и средним необработанным камнем. Камень обкладки был уложен в виде квадратной рамки вокруг очага. Высота каменной обкладки очага достигала 0,15 м над уровнем пола. Камни обкладки скреплялись глиной зеленого цвета. Нижние камни обкладки запущены в пол помещения. Основание очага толщиной до 5 см было выложено мелким морским камнем, смешанным с зеленой глиной. Как показали раскопки 2006 г., внутреннее пространство очага было заполнено плотно уложенными обломками чугунных пушечных ядер. Обломки ядер перекрывались слоем (2—3 см) плотной глины (рис. 11). Такая конструкция очага, вероятно, обеспечивала весьма высокую теплоотдачу. Возле очага была обнаружена медная золотоордынская монета времен хана Джанибека (середина XIV в.) (Алексеенко и др. 2006: 53, №33).

Очевидно также, что помещения 1 и 2 башни №8, печь на участке А (Дьячков 2005: 224) и помещение 3 с очагом, а также остатки двух тандыров, найденные на участке Б, входили в некий хозяйственный комплекс, возникший здесь после османского завоевания. Использование в хозяйстве тандыров дает

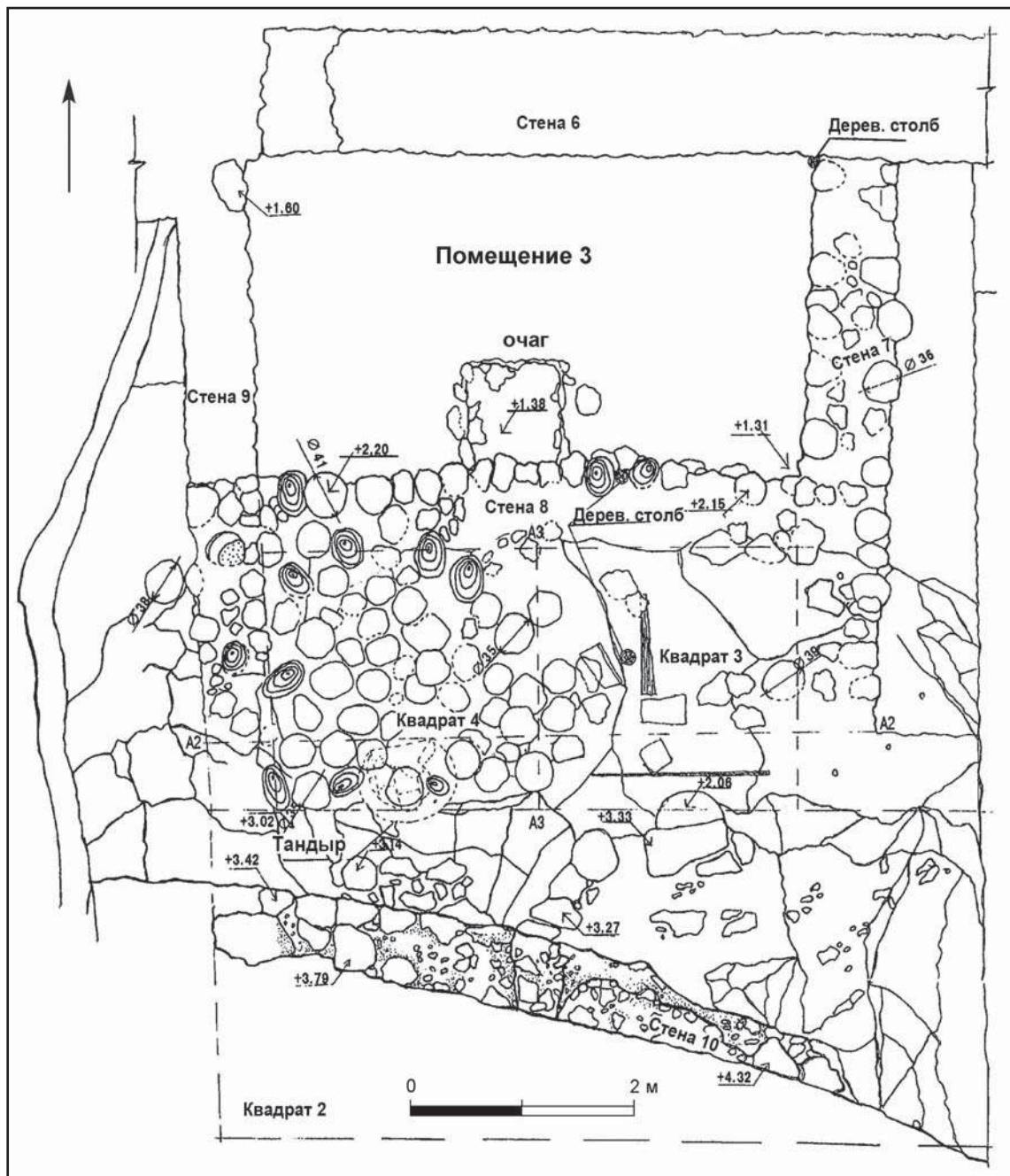

Рис. 10. Участок Б. Помещение 3 (план) (по Алексеенко и др. 2006: рис. 5).

Fig. 10. Site B. Room 3 (plan) (after Алексеенко и др. 2006: рис. 5).

основание предположить, что среди местных жителей были, очевидно, татары — носители золотоордынской городской культуры (Адаксина и др. 2014: 51).

Основная особенность стен 7, 8 и 9 помещения 3 заключается в том, что они были сложены на глинистом растворе преимущественно из каменных ядер для большой метательной машины. В результате демонтажа указанных стен и раскопок квадратов 2, 3, 4 участка Б было выявлено 208 метательных снарядов (табл. 1). Таким образом, здесь был

обнаружен внушительный запас ядер, предназначенный для использования в случае осады крепости Чембало (рис. 12). В ходе раскопок средневековых памятников Крыма каменные ядра для баллист встречаются достаточно часто (Карлов 1997: 341—358; Мыц 2002: 157). Однако снаряды для мощных метательных машин в таком количестве обнаружены впервые (Дьячков 2008: 96—112).

Очевидно, что вблизи башни №8, за куртиной 6 была оборудована площадка, на которой была установлена метательная машина

Рис. 11. Помещение 3. Очаг.

Fig. 11. Room 3. The fireplace.

Рис. 12. Помещение 3. Стена 8 (вид с запада).

Fig. 12. Room 3. The wall 8 (view from the west).

типа требюше (trebuchet), способная доставлять ядра как раз в те места акватории бухты, где парусным и гребным судам приходилось выполнять сложные маневры, значительно замедляя ход. Машины этого типа повсеместно применялись, по меньшей мере, до середины XVI века включительно (Chevedden 2000: 72—116). Рядом с машиной, очевидно, находился необходимый запас метательных снарядов. Общий вес снарядов превысил 7,5 тонн. Снаряды, видимо, неоднократно перемещались, на поверхности снарядов имеются повреждения, многочисленные сколы, следы горения, 18 снарядов сохранились в крупных фрагментах.

Большинству снарядов была придана сферическая форма, которая была идеальной для метательных машин, стрелявших по навесной траектории. Именно такие снаряды для метательных машин использовались в средневековых армиях от Франции до Китая. Наиболее многочисленными были снаряды, изготовленные из местного камня — мраморовидного известняка розового цвета (табл. 1). Этот необычайно плотный камень крайне плохо

поддается обработке. Каменотес обрабатывал камень мелкими небрежными сколами, придавая ему грубую сферическую форму.

В качестве метательных снарядов использовался также «морской камень» — диорит, идеально заглаженный и отполированный морем (табл. 1). Большинство камней-снарядов из диорита имеют яйцевидную, а также шаровидную форму и не нуждались в дополнительной обработке. Диоритовые камни, обнаруженные среди «ядерного арсенала», хорошо известны по каменным пляжам Восточного Крыма (район Судака и Феодосии). Не исключено, что эти камни генуэзские мореходы использовали в качестве балласта. После полной погрузки судна в Чембало балластный камень оставался в порту, и ему находили другое применение.

Правильную форму шара имеют ядра, изготовленные из мягкого известняка белого цвета (табл. 1). Этот камень иногда называют «инкерманским». В целом, выходы плиты алевритового известняка на Гераклеюском полуострове хорошо известны с античной древности. Этот камень широко применялся

Таблица 1.

Метательные снаряды крепости Чембало (консульский замок, башня №8, участок Б)

Камень	до 20 кг	до 30 кг	до 40 кг	до 50 кг	до 60 кг	до 70 кг	до 80 кг	свыше 100 кг	Всего
Мраморовидный известняк	25	38	46	16	12	8	5	1	151
Диорит (морской камень)	3		6	6	6	5			26
Известняк	6	8	6	3	1				24
Мрамор		1	1		1	4			7
Всего	34	47	59	25	20	17	5	1	208

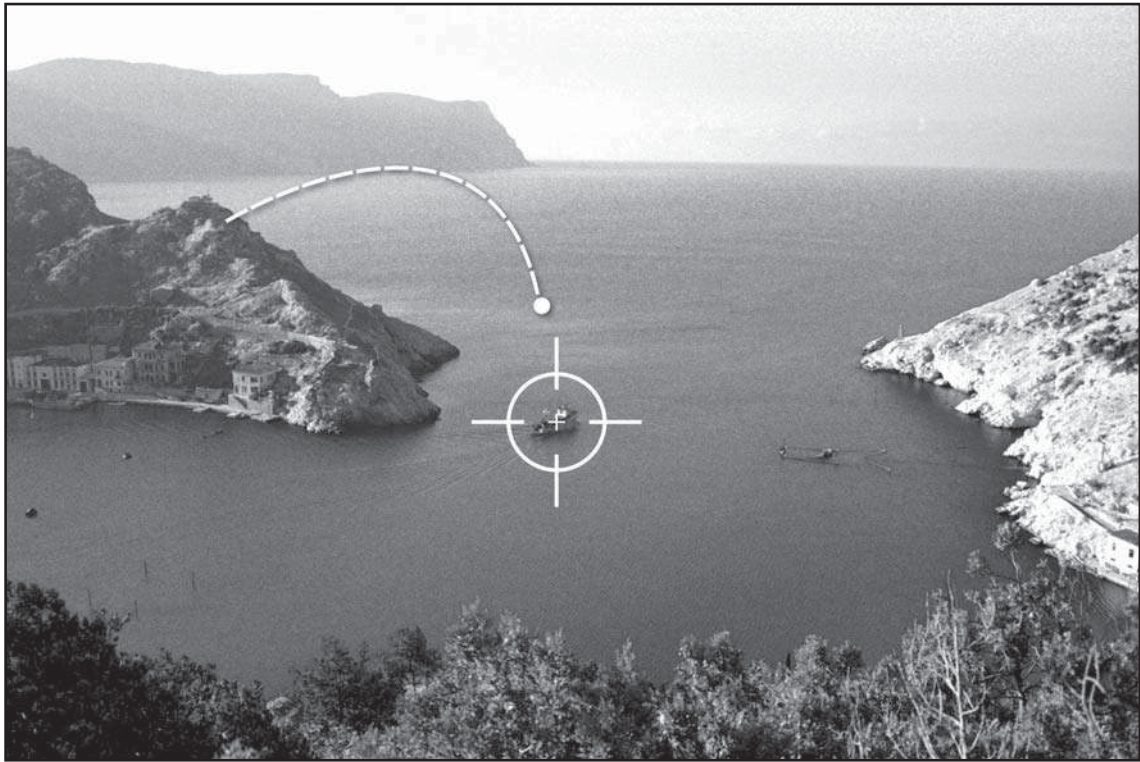

Рис. 13. Реконструкция применения требюше крепости Чембало.

Fig. 13. Trebuchet's action of the Cembalo Fortress (reconstruction).

в строительном деле. Известняковые ядра хорошо обработаны, поверхность камня заглажена, на ней сохранились следы скапеля.

Особый интерес представляют снаряды, вытесанные из барабанов мраморных колонн. Обтеска барабана колонны производилась с плоских сторон, поэтому сохранились полированные ободки колонн, не тронутые каменотесом, что позволило достаточно точно установить их диаметр. Большинство снарядов вытесаны из колонн, изготовленных из крупнозернистого мрамора серого цвета. Вероятно, генуэзцы использовали руины большого сооружения античного или ранневизантийского времени, которое располагалось неподалеку (вероятно, на месте нынешней Балаклавы), в качестве даровой каменоломни, добывая здесь подходящие камни из мрамора и известняка.

Основную массу составляли снаряды весом от 20 до 70 кг, диаметром 25—40 см. Заметным исключением является ядро №199, вес которого составил 104,7 кг. По мнению специалистов, достоинствами требюше были высокая точность и кучность в стрельбе снарядами 20—90 кг (Кирпичников 1976: 76). Обычно дальность «выстрела» составляла около 150 м (Кирпичников 1958: 39; Рабовянов 2003: 275). На этом участке кре-

пости Чембало машина была установлена на высоте 57 метров над уровнем моря, поэтому 50-килограммовый снаряд, пущенный по навесной траектории, обладал, безусловно, огромной разрушительной силой, способной вывести из строя корабль противника (рис. 13).

Боевая площадка для требюше открыта под остатками построек османского периода. В 2007 г. после удаления стен 7, 8 и 9 на месте пом. 3 на участке Б выявлена хорошо оборудованная и добросовестно сооруженная площадка, предназначенная для установки большого камнемета (рис. 14).

Покидая крепость в 1475 г., генуэзцы не имели возможности разобрать требюше, поэтому машина, сооруженная из ценных пород дерева, была, вероятно, сожжена. На расстоянии одного метра от куртины 6 в слоях 4 и 5 обнаружены следы интенсивного горения, а также несколько больших железных гвоздей. У основания оборонительной куртины обнаружен крупный фрагмент деревянной конструкции камнемета: доска (1,67 × 0,21 м) и вертикально прикрепленный к ней квадратный в сечении брус со стороной 0,15 м. Обломок конструкции не сторел, поскольку был углублен в грунт (Дьячков 2008: 84—85).

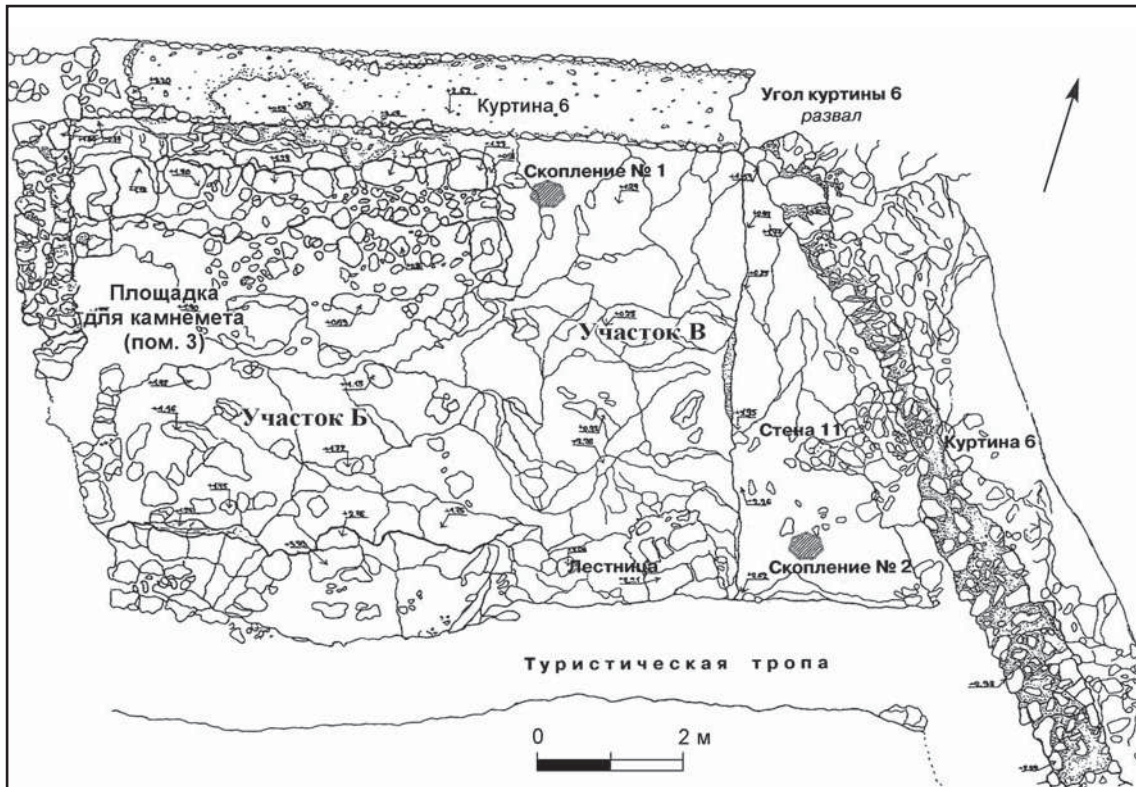

Рис. 14. Боевая площадка трёбуше (участки Б и В), куртина 6 (план) (по Дьячков 2010: 275, рис. 2).

Fig. 14. Trebuchet's place (site Б and В), wall 6 (plan) (after Дьячков 2010: 275, рис. 2).

Рис. 15. Площадка для трёбуше (вид с востока).

Fig. 15. Trebuchet's place (view from the east).

Рис. 16. Трапециевидные пластины бригадины после реставрации.

Fig. 16. Trapezoidal plates of brigandine after reconstruction.

Раскопками установлены размеры площадки камнемета: $5,6 \times 5,05$ м (ок. 28 кв.м). Эти параметры в полной мере соответствуют рекомендациям средневековых военных инженеров и современным реконструкциям требюше. Обычно площадь основания камнемета составляла около 15 кв. м. Площадку соорудили на крутом склоне горы с внутренней стороны куртины 6 к востоку от башни №8. Для устройства горизонтальной поверхности строители удалили значительную часть скального выступа. Большие необработанные камни, появившиеся в результате скола скалы, были уложены в основание площадки. Максимальная мощность основания боевой площадки составила 0,7 м. Поверхность площадки была перекрыта плотным слоем зеленой глины (0,05—0,08 м), которую, как показали предшествующие раскопки строений консульского замка, генуэзцы широко использовали в качестве нивелирующего, гидроизолирующего и связующего материала. Приблизительно 2—3 см поверхности площадки составлял «натоптыш».

Следует подчеркнуть, что площадку для мощной метательной машины, которая в момент выстрела подвергалась изрядному сотрясению, не стали сооружать вплотную к оборонительной куртине (стена 6). Между основанием площадки требюше и нижними рядами кладки куртины оборудовали своеобразную подушку — траншею шириной 0,45—0,5 м, заполненную сухим грун-

том и мелким камнем. Таким образом, гасилась вибрация, и не оказывалось разрушительное воздействие на оборонительную стену (рис. 15).

В ходе раскопок 2007—2008 гг. на периферии площадки для метательной машины, на расстоянии почти 6 м друг от друга, были обнаружены два скопления пластин железного доспеха, лежавших плашмя в несколько слоев. По всей видимости, во время строительства помещения 3 вместе с мусором и остатками камнемета, сожженного генуэзцами в 1475 г., остатки пластинчатого доспеха были сдвинуты на край площадки. Случилось это через некоторое время после османского завоевания Чембало. Расколотые чугунные ядра, обнаруженные в основании очага помещения 3, указывают на XVI в. (Алексеевко, Дьячков 2007: 127).

Пластины средневекового доспеха лежали на склоне горы, вблизи остатков оборудованной минометной позиции времен Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), и обнаружены рядом с саперной лопаткой тех лет. Очевидно, что эти фрагменты пластинчатого доспеха неоднократно перемещались, как в османский период истории Чембало, так и в новейшее время. Состояние многих пластин доспеха оказалось плохим. Практически целых предметов сохранилось немного, пластины доспеха разъедены коррозией и расколоты. Впрочем, на многих пластинах уцелели бронзовые и железные заклепки (рис. 16).

Рис. 17. Бригандина из Чембало (реконструкция).

Fig. 17. Brigandine from the Cembalo Fortress (reconstruction).

Обнаруженные пластины доспехов и их фрагменты по своей форме являются остатками бригандины. В эпоху «цветущего» средневековья (XII—XIV вв.) этот пластинчатый доспех, как доминирующий вид защитного снаряжения воина, переживал новое возрождение. Использование разнообразных пластинчатых доспехов нашло отражение в письменных, иконографических и сфрагматических источниках средневековья. Они представлены среди материалов археологических исследований на огромных просторах Евразии от Атлантического до Тихого океанов. Обстоятельства находки и фрагменты бригандины, обнаруженной в Чембало, позволяют предположить, что эта броня принадлежала наемному генуэзскому арбалетчику из числа воинов гарнизона крепости второй половины XV в. (рис. 17). Вместе с пластинами панциря были найдены элементы крепления доспеха — бронзовая и серебряная застёжки. Среди железных предметов находились также массивное, круглое в сечении бронзовое кольцо (диаметр 4,1 см) и причудливо изогнутые железные крюки («коготь»?) — по всей видимости, детали приспособления для натягивания тетивы ар-

балета. Здесь же найдены фрагменты арбалетных болтов и наконечников стрел и дротиков (Дьячков 2010: 273—286; Dyachkov 2011: 175—190).

Известно, что в соответствии с «Уставом генуэзским колониям» 1449 г., основу гарнизона крепости Чембало составляли «40 солдат стрелков хороших и надежных со своим оружием и двумя баллистами у каждого» («*balistarii quadraginta numero boni et sufficientes cum suis armis et balistris duobus pro quolibet*») (Юргевич 1863: 785). Под «двумя баллистами», вероятно, следует понимать арбалеты (лат. *arcus* — лук; дуга и *ballista* — метательный снаряд). Наличие двух арбалетов и помощника (заряжающего) позволяло значительно увеличить скорострельность. Впрочем, арбалеты могли также отличаться мощностью, дальностью стрельбы и т. п.

Логично предположить, что генуэзские арбалетчики в причерноморских колониях, как, впрочем, и в других местах лигурийских владений, в качестве защитной брони использовали пластинчатый панцирь. Различные виды бригандин обычно составляли защитное снаряжение знаменитых генуэзских арбалетчи-

ков. Прекрасной иллюстрацией этому может служить миниатюра из «Хроник» Жана Фруассара, на которой изображены генуэзские арбалетчики и английские лучники, защищенные бригандинами и простыми пластинчатыми куртками типа жилетов. Впрочем, обслуживающий персонал метательных машин типа требюше на миниатюрах XIV—XV вв., как правило, также изображен в пластинчатых доспехах типа бригандина (Дьячков 2010: 287, рис. 11; 12).

Раскопки главной оборонительной линии и консульского замка Чембало показывают,

что в 1475 г. крепость, так же как и Солдайя, оказала сопротивление войскам Гедик Ахмет-паши и была взята штурмом (Мыц 2009: 479—480). Вероятно, в ходе этих драматических событий и были утрачены доспехи одного из защитников крепости.

Таким образом, раскопки на территории консульского замка генуэзской крепости Чембало в 1999—2008 гг. позволили раскрыть некоторые особенности фортификации и организации обороны и жизни в замке в генуэзское время, а также после захвата крепости турками-османами.

Литература

- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2005. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году*. МЮКАЭ IV. Санкт-Петербург; Симферополь.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. 2014. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012—2013 гг.* МЮКАЭ XI. Санкт-Петербург; Симферополь.
- Алексеенко Н.А. 2004. Монетный комплекс «консульской церкви» генуэзской крепости Чембало. В: Мельникова А.С. (отв. ред.). *XII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений*. Москва: ГИМ, 110—111.
- Алексеенко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В. 2004. *Отчет о раскопках баши №8 консульского замка генуэзской крепости Чембало в 2004 году*. НА НЗХТ. Д. 3650.
- Алексеенко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В. 2006. *Отчет о раскопках площадки у баши №8 (участок Б) «консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2005 году*. НА НЗХТ. Д.3793.
- Алексеенко Н.А., Дьячков С.В. 2007. Требуше генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.). В: *LAUREA. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева*. Харьков: Константа, 124—135.
- Алексеенко и др. 2015: Алексеенко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В., Столяренко Е.Н. 2015. Археологической экспедиции Чембало 15 лет. В: Посохов С.И., Сорочан С.Б. (ред.). *LAUREA I. Античный мир и Средние века. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева*. Харьков: ООО «НТМТ», 150—162.
- Альберти Л.-Б. 1935. *Десять книг о зодчестве*. Т. 1. Москва: Всесоюзная академия архитектуры.
- Дьячков С.В. 2005. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000—2005 гг. *Древности-2005. Харьковский историко-археологический ежегодник* 6. Харьков: НМЦ «МД», 212—227.
- Дьячков С.В. 2008. «Арсенал» метательных снарядов генуэзской крепости Чембало в Крыму. *РА* (2), 96—112.
- Дьячков С.В. 2008а. Площадка для метательной машины генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.). В: *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула* (Харьков, 10—11 октября 2008 г.). Харьков: ООО «НТМТ», 81—82.
- Дьячков С.В. 2010. Бригандина арбалетчика из Чембало. *Древности-2010. Харьковский историко-археологический ежегодник*. Харьков: ООО «НТМТ», 273—289.
- Дьячков С.В. 2014. Арбалет, баллиста, требюше на вооружении гарнизона генуэзской крепости Чембало XIV—XV вв. (по материалам раскопок 1999—2013 гг.). В: Ситдинов А.Г., Макаров Н.А., Деревянко А.П. (ред.). *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани III*. Казань: Отечество, 246—250.
- Карлов С.В. 1997. Средневековая метательная артиллерия на Мангуп-Кале. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Бахчисарайский историко-археологический сборник* 1. Симферополь: Таврия, 341—359.
- Карпов С.П. 1998. Регесты документов фонда *Diversorum Filze* Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в средние века* 3. Москва; Санкт-Петербург: Алетейя, 9—81.
- Кирпичников А.Н. 1958. Метательная артиллерия Древней Руси. *МИА* 77, 7—51.
- Кирпичников А.Н. 1976. *Военное дело на Руси в XIII—XV вв.* Ленинград: Наука.
- Мыц В.Л. 2002. Генуэзская Луста и Капитанство Готии. В: Рудницкая В.Г., Тесленко И.Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней*. Киев: Стило, 139—189.
- Мыц В.Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты*. Симферополь: Универсум.
- Рабовянов Д. 2003. Каменные ядра от Червен, извор за военната история България през средните векове. В: Харитонов Хр.Д. (ред.). *Юбилеен сборник в чест на проф. Йордан Йорданов*. Велико Търново: Абагар, 273—278.
- Скржинская Е.Ч. 2006. Надписи на плитах. Судак. В: Скржинская Е.Ч. *Судакская крепость. История — археология — эпиграфика*. Киев; Судак; Санкт-Петербург: Академперіодика, 191—244.
- Столяренко Е.Н. 2010. Пуговицы из захоронений «Консульской церкви» крепости Чембало (XIV—XV вв.). *Древности-2010. Харьковский историко-археологический ежегодник*. Харьков: ООО «НТМТ», 273—289.
- Черных А.П. 1989. Трактат Бартоло ди Сассоферато «О знаках и гербах». *СВ* 52. Москва: Наука, 307—322.
- Черных А.П. 2001. «Древо битв» как источник по истории геральдики. *Труды ГИМ* 125. Москва, 108—122.
- Эвлия Челеби. 2008. *Книга путешествия. Крым и сопредельные области*. Симферополь: Доля.

- Юргевич В. 1863. Устав для генуэзских колоний на Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. *ЗООИД* 5, 629—837.
- Яровая Е. А. 2003. Строительная плита 1407 года из Салмастро: к вопросу о геральдике. *Нумизматический сборник 2003*. Санкт-Петербург: ГЭ, 123—131.
- Яровая Е. А. 2004. *Геральдика генуэзского нобилитета по каменным плитам Кафы, Солдаи и Чембало (XIV — I треть XVI в.)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Dyachkov S.V. 2011. The 15th Century Brigandine of a

Crossbowman from the Genoese Fortress of Cembalo. *Acta Militaria Mediaevalia* VII. Kraków; Rzeszów; Sanok, 175—190.

- Chevedden P.E. 2000. The Invention of the Counterweight Trebuchet: A Study in Cultural Diffusion. *Dumbarton Oaks Paper* 54, 72—116.
- Hasluck F.M. 1910—1911. Genoese Heraldry and Inscription at Amastra. *The Annual of the British School at Athens* XVII, 128—149.
- Skrzinska E. 1928. *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava)*. Genova: Società Ligure di Storia Patria.

References

- Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Mytz, V.L. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2004 godu*. Series: Proceedings of the Southern Crimean Archaeological Expedition IV. Saint Petersburg; Simferopol (in Russian).
- Adaksina, S.B., Mytz, V.L., Ushakov, S.V. 2014. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2012—2013 gg. (Report on Archaeological Research on the Medieval Fortress Cembalo (Balaklava) in 2012—2013)*. Proceedings of the Southern Crimean Archaeological Expedition XI. Saint Petersburg; Simferopol (in Russian).
- Alekseenko, N.A. 2004. In Mel'nikova, A.S. (ed.). *XII Vserossiiskaya numizmaticheskaya konferentsiya (12th All-Russian Numismatic Conference)*. Moscow: State Historical Museum, 110—111 (in Russian).
- Alekseenko, N.A., Gin'kut, N.V., Dyachkov, S.V. 2004. *Otchet o raskopkakh bashni № 8 konsul'skogo zamka genuezskoi kreposti Chembalo v 2004 godu (Report on Excavations of Tower no. 8 in the Consuls Castle of the Genoese Cembalo Fortress in 2004)*. Scientific Archive of the National Preserve of Tauric Chersonesos, dossier 3650 (in Russian).
- Alekseenko, N.A., Gin'kut, N.V., Dyachkov, S.V. 2006. *Otchet o raskopkakh ploshchadki u bashni №8 (uchastok B) «konsul'skogo zamka» genuezskoi kreposti Chembalo v 2005 godu (Report on Excavations of the Court near Tower no. 8 (sector B) of the «Consuls Castle» of the Genoese Cembalo Fortress in 2004)*. Scientific Archive of the National Preserve of Tauric Chersonesos, dossier 3793 (in Russian).
- Alekseenko, N.A., Dyachkov, S.V. 2007. In LAUREA. *K 80-letiiu professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva (LAUREA. On the 80th Birth Anniversary of Professor Vladimir Kadeev)*. Kharkov: «Konstanta» Publ., 124—135 (in Russian).
- Alekseenko, N.A., Ginkut, N.V., Dyachkov, S.V., Stoliarenko, E.N. 2015. In Posokhov, S.I., Sorochan, S.B. (ed.). *Laurea I. Antichnyi mir i Srednie veka: Chteniya pamiati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva (Laurea I: Classical World and the Middle Ages: Readings in memoriam Professor Vladimir Kadeev)*. Kharkov: «NTMT» Publ., 150—162 (in Russian).
- Alberti, L.-B. 1935. *Desiat' knig o zodchestve (Ten Books on Architecture)* 1. Moscow: All-Union Academy of Architecture (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2005. In *Drevnosti-2005. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities-2005. Khar'kov Historical and Archaeological Annual)* 6. Kharkov: «NMTs «MD»» Publ., 212—227 (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 96—112 (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2008. In *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkov: «NTMT» Ltd. Publ., 81—82 (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2010. In *Drevnosti-2010. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities-2010. Khar'kov Historical and Archaeological Annual)*. Kharkov: «NTMT» Ltd. Publ., 273—289 (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2014. In Sitdikov, A.G., Makarov, N.A., Derevianko, A.P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Meeting in Kazan)* III. Kazan: «Otechestvo» Publ., 246—250 (in Russian).
- Karlov, S.V. 1997. In Khrapunov, I.N. (ed.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Papers)* 1. Simferopol: «Tavriia» Publ., 341—359 (in Russian).
- Karpov, S.P. 1998. In Karpov, S.P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 3. Moscow; Saint Petersburg: «Aleteia» Publ., 9—81 (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N. 1958. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 77, 7—51 (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII—XV vv. (Russian Warfare in 13th—15th Centuries)*. Leningrad: «Nauka» Publ. (in Russian).
- Mytz, V.L. 2002. In Rudnitskaia, V.G., Teslenko, I.B. (comp.). *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present)*. Kiev: «Stilos» Publ., 139—189 (in Russian).
- Mytz, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: «Universum» Publ. (in Russian).
- Rabovyanov, D. 2003. In Kharitonov, Khr.D. (ed.). *Yubilein sbornik v chest na prof. Jordan Jordanov (Jubilee Collected Papers ad gloriam Professor Jordan Jordanov)*. Veliko Tarnovo: «Abagar» Publ., 273—278 (in Bulgarian).
- Skrzhinskaia, E. Ch. 2006. In Skrzhinskaia, E. Ch. *Sudakskaya krepost'. Istoriya — arkheologiya — epigrafika (Sudak Fortress: History, Archaeology, Epigraphy)*. Kiev; Sudak; Saint Petersburg: «Akadempriodika» Publ., 191—244 (in Russian).
- Stoliarenko, E.N. 2010. In *Drevnosti-2010. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities-2010. Khar'kov Historical and Archaeological Annual)*. Kharkov: «NTMT» Ltd. Publ., 273—289 (in Russian).
- Chernykh, A.P. 1989. In *Srednie veka (Middle Ages)* 52. Moscow: «Nauka» Publ., 307—322 (in Russian).
- Chernykh, A.P. 2001. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 125. Moscow, 108—122 (in Russian).
- Evliya Çelebi. 2008. *Kniga putestestviya. Krym i sopredel'nye oblasti (The Book of Travels: Crimea and Neighbouring Lands)*. Simferopol: «Dolya» Publ. (in Russian).
- Yurgevich, V. 1863. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* 5, 629—837 (in Russian).
- Yarovaya, E.A. 2003. In *Numizmaticheskii sbornik 2003 (Numismatic Collected Papers for 2003)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 123—131 (in Russian).
- Yarovaya, E.A. 2004. *Geral'dika genuezskogo nobileta po kamennym plitam Kafy, Soldai i Chembalo (XIV — I tret' XVI v.) (Heraldry of the Genoese Nobility after Stone Slabs from Caffa, Soldaia and Cembalo: 14th — 1st Third of 15th Centuries)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
- Dyachkov, S.V. 2011. The 15th Century Brigandine of a Crossbowman from the Genoese Fortress of Cembalo. *Acta Militaria Mediaevalia* VII. Kraków; Rzeszów; Sanok, 175—190.
- Chevedden, P.E. 2000. The Invention of the Counterweight Trebuchet: A Study in Cultural Diffusion. *Dumbarton Oaks Paper* 54, 72—116.
- Hasluck, F.M. 1910—1911. Genoese Heraldry and Inscription at Amastra. *The Annual of the British School at Athens* XVII, 128—149.
- Skrzinska, E. 1928. *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava)*. Genova: Società Ligure di Storia Patria.

**L. Vacumenco-Pîrnău,
L. Bejenaru,
S. Rafailă-Stanc**

Ludmila Vacumenco-Pîrnău. Doctor of Historical Sciences, PhD. Institute of Archaeology, Romanian Academy, Iasi Branch¹; Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova².

Бакуменко-Пырнэу Людмила Викторовна. Доктор исторических наук, PhD. Институт археологии Ясского филиала Румынской Академии; Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: ludmila.pirnaeu@gmail.com

Luminița Bejenaru. Doctor of Biological Sciences, PhD. Alexandru Ioan Cuza University of Iași³; "Olga Necrasov" Centre of Anthropological Research, Romanian Academy, Iasi Branch⁴.

Беженару Луминица. Доктор биологических наук, PhD. Ясский университет «Александру Иоан Куза»; Центр антропологических исследований им. Ольги Некрасовой Ясского филиала Румынской Академии.

E-mail: lumib@uaic.ro

Simina Rafailă-Stanc. Doctor of Biological Sciences, PhD. Alexandru Ioan Cuza University of Iași⁵.

Рафаилэ-Станк Сими́на. Доктор биологических наук, PhD. Ясский университет «Александру Иоан Куза».

E-mail: simina.stanc@uaic.ro

Addresses: ¹ Str. Codrescu 6, Pavilion H, Iași, 700479, Romania; ² Ștefan cel Mare Bd., 1, Chișinău, MD 2001, Moldova; ^{3,5} Carol I Bd., 11, Iași, 700506, Romania; ⁴ Codrescu St., 2, Iași, 700481, Romania

Animal Food Resources in the Golden Horde Period. Case Study: Old Orhei (Republic of Moldova)

Keywords: Golden Horde, Old Orhei, food, topography, archaeozoology

Ключевые слова: Золотая Орда, Старый Орхей, пища, топография, археозоология

L. Vacumenco-Pîrnău, L. Bejenaru, S. Rafailă-Stanc

Animal Food Resources in the Golden Horde Period. Case Study: Old Orhei (Republic of Moldova)

The archaeological level of the Golden Horde period is analyzed, and this assemblage is compared to the level of the 15th—17th centuries in order to account for a diachronical variability of food resources of animal origin on the Old Orhei site.

The study of medieval Old Orhei is mainly focused on the diversity of food resources as reflected by the archaeozoological analysis. Previous archaeozoological studies of the medieval period in Old Orhei discussed aspects related to animal species identified on the site and the proportion of wild and domestic species. The consumers of animal products especially differed by their ethnic belonging. Thus, in the period of Mongol (the Golden Horde) occupation, the main domestic species used in alimentation were the sheep/goat (*Ovis aries/Capra hircus*), the cattle (*Bos taurus*) and the horse (*Equus caballus*), while later — after Mongol retreat, the livestock of the local economy was mainly represented by the cattle (*Bos taurus*) and the pig (*Sus domesticus*).

The hunting records a very low rate (0.24% NISP) during the Golden Horde period; the low occurrence frequency of wild animals' remains in this cultural level is quite surprising, since the documents of the time contain information emphasizing that the Mongols used to greatly rely on hunting, which was practiced for different purposes: to compensate a food shortage, to secure furs and hides, to keep fit for future battles, etc.

Л. Бакуменко-Пырнэу, Л. Беженару, С. Рафаилэ-Станк

Пищевые ресурсы животного происхождения в золотоордынский период на примере Старого Орхей (Республика Молдова)

В статье рассматривается золотоордынский археологический слой, и этот комплекс сравнивается со слоем XV—XVII вв. с целью изучения диахронического изменения в составе пищевых ресурсов животного происхождения на памятнике Старый Орхей.

Основной задачей исследования, посвященного средневековому памятнику Старый Орхей, было изучить разнообразие пищевых ресурсов с помощью археозоологического анализа. Предыдущие археозоологические исследования средневековой эпохи в Старом Орхее касались обнаруженных на памятнике видов животных и соотношения диких и домашних

■ Grant of the Romanian Ministry of Research and Innovation, CNCS-UEFISCDI, project number PN-III-P4-ID-PCE-2016-0852, within PNCDI III (by L. Bejenaru and S. Rafailă-Stanc) ■ Грант Министерства науки и инноваций Румынии, CNCS-UEFISCDI, проект № PN-III-P4-ID-PCE-2016-0852, в рамках PNCDI III (исполнители — Л. Беженару и С. Рафаилэ-Станк).

© L. Vacumenco-Pîrnău, L. Bejenaru, S. Rafailă-Stanc, 2019.

видов. Выявлены различия между потребителями животных продуктов, особенно по их этнической принадлежности. Так, в период монгольского (золотоордынского) завоевания в пищу, в основном, употреблялись следующие домашние виды: овца/коза (*Ovis aries/Capra hircus*), крупный рогатый скот (*Bos taurus*) и лошадь (*Equus caballus*), а после ухода монголов в местном хозяйстве стали доминировать коровы (*Bos taurus*) и свиньи (*Sus domesticus*).

Остатки промысловых видов крайне редки (0,24% всех найденных образцов) в золотоордынский период; столь редкая встречаемость костей диких животных в этом культурном слое не может не вызывать удивления, тем более что в документах того времени не раз подчеркивается, что охота занимала важное место у монголов и ею занимались по разным причинам: чтобы компенсировать недостаток питания, добыть мех и шкуры, поддержать физическую форму между сражениями, и т.д.

Introduction

The period of the Golden Horde domination in the area east from the Carpathians — included within the borders of the Mongol Empire at its peak — is identified by important vestiges discovered in the southern part of this space (Полевой 1969; Полевой, Бырня 1974: 5—42; Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Fedorov-Davydov 1984: 29; Spinei 1994; 2006; Postică 2006, etc). It represents the western periphery of the empire and it benefited from the implementation “of the Mongol peace” (Brătianu 1999: 273—276) starting with the first quarter of the fourteenth century, until the seventh decade of the same century. From the Pacific to the Black Sea, in the areas subjected to the khan of Sarai that had a developed urban life, situated in the region of Lower Volga, in Crimea, Horezm and north of the Caucasus, as well as in the areas east of the Carpathians (Fig. 1), a particular syncretic civilization emerged (Федоров-Давыдов 1966: 209—212). The markers of the material culture specific to the domination period of the Golden Horde, which made the mark in the East-Carpathian settlements, are the vessels modelled from a high-quality clay paste, with a reddish-yellowish or reddish hue with enamelled walls; the cast iron vessels, the silver and copper Juchid coins, the typical fire installations for the Oriental habitat, etc. Due to religious tolerance and to the protection ensured for the commerce, merchandise circulation intensifies and the monetary system is regulated; cities develop, the living standard improves and beautiful items from far away are purchased.

The topography of the settlements with archaeological vestiges from the period of the Golden Horde

The field surveys and the archaeological research conducted thus far in the East-Carpathian space — especially in those within the space between the rivers of Prut and Dniestr — led to the identification of vestiges typical for the period of domination of the Golden Horde in around

40 settlements with an urban and a rural character.

At the beginning of the 70s, an archaeological map of the sites ascribed to the period of the Golden Horde within the interfluvium between the Prut and the Dniestr was elaborated, on which two cities, a funerary complex from the first half of the fourteenth century and 35 settlements with a rural character were placed (Полевой, Бырня 1974). After three decades, an archaeological piece of evidence elaborated by the colleague Sergiu Tabuncic listed 48 settlements with pottery typical for the centres of the Golden Horde, also associated with other records of the material culture specific to the period of Mongol domination; the points identified come from 30 modern localities (Tabuncic 2006: 36). Most of the settlements attributed to this period are placed in the central area of the Prut-Dniestr interfluvium, grouped in the upper and middle basin of the Botna River, in the lower valley of the Răut River and in the valley of the Bâcovăț River. Furthermore, some settlements were identified in the area of middle and lower Bâc and in the basin of the Ișnovăț, Lăpușna and Ichel rivers (Tabuncic 2006: 36). Such sites are not known in the steppe areas in the south of Moldavia, but there is a consistent level from the period of the Golden Horde at Monkastro/Cetatea Albă — Belgorod-Dnestrovski (Кравченко 1986; Căndea 2016). In the space west from the Prut towards the Carpathians, records of the material culture specific to the period of the Mongol political domination were discovered at Hlincea (county of Iași) and at Bîrlad-Prodana (county of Bîrlad) (Spinei 1970; 1979; 1994). We also mention here the monetary vestiges belonging to the Mongol khans, such as those of Părtăștii de Jos (county of Suceava), Hlincea, Bosia (county of Iași), Oancea (county of Galați) and Oțeleni (county of Vaslui). Hence, the area subjected to the administrative control of the Golden Horde did not exceed: to the north — the lower basin of the Răut and Bahlui, to the south — the basin of Botna, and to the west — the Siret valley, and sporadically in Dobrudja (Fig. 2).

For this territory, the characteristic feature is the dissemination of vessels made of reddish-yel-

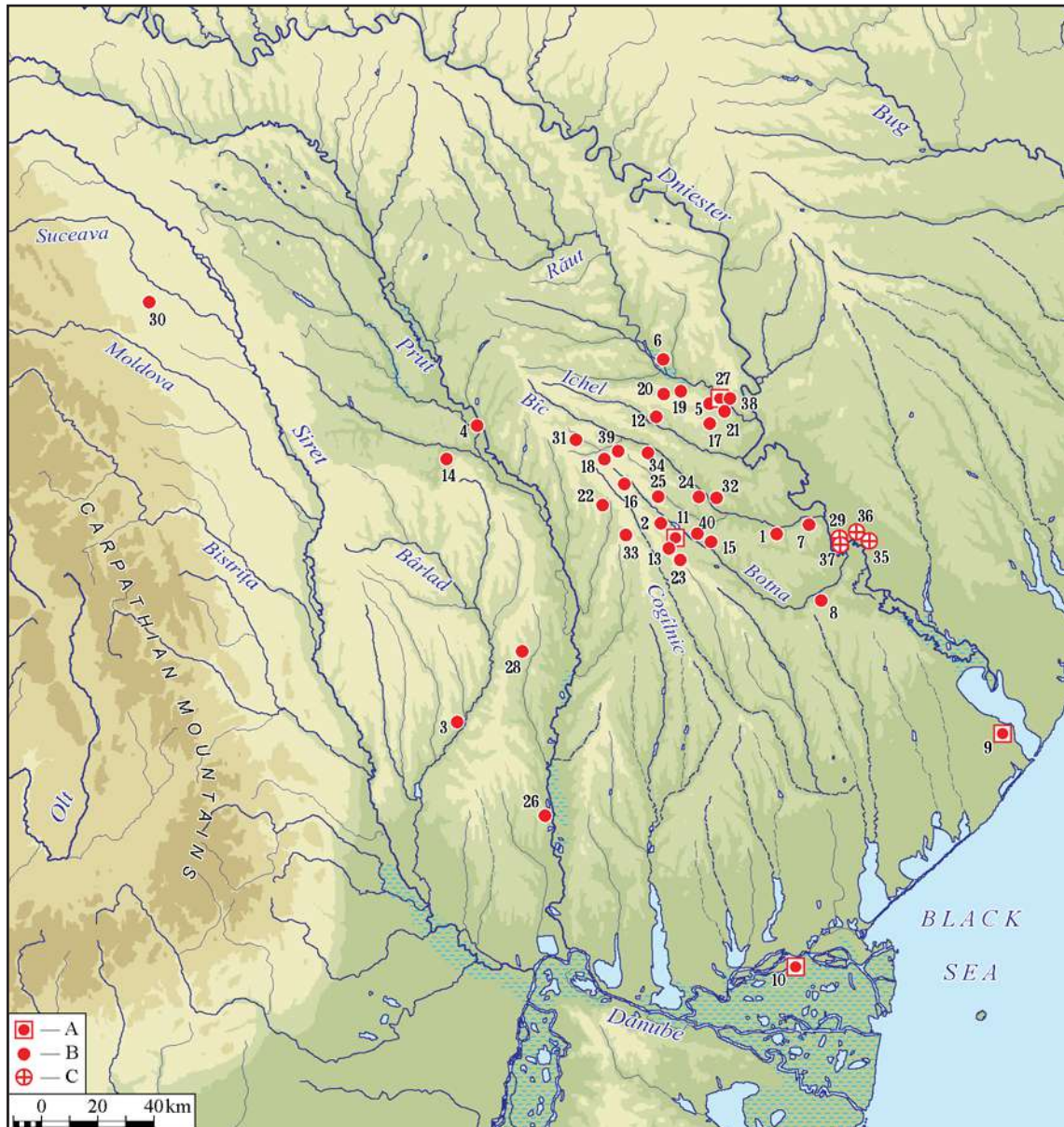
Fig. 1. Map of settlements under the domination of the Golden Horde (after Fedorov-Davydov 1984: fig. 1): 1 — Selitrennoe; 2 — Tsarev; 3 — Vodjanskoe; 4 — Mechetnoe; 5 — Shishkin Bugor; 6 — Podstepnoe; 7 — Ukek; 8 — Kvasnikovka; 9 — Kolobovka; 10 — Lapas; 11 — Dosang; 12 — Bezrodnoe; 13 — Zaplavnoe; 14 — Bakhtijarovka; 15 — Astrakhan; 16 — Sharenyi Bugor; 17 — Khan-Tjube and Tomak-Tjube; 18 — Samosdelskoe, Novorychanskoe, Dmitrievka; 19 — Ilovlja; 20 — Krasnyj Khutor; 21 — Rajgorodok; 22 — Saraichik; 23 — Tendyk; 24 — Sukhorechenskoe; 25 — Itakovo; 26 — Mokhsa; 27 — Madzhar; 28 — Sunzha; 29 — Verkhnij Dzhulat; 30 — Nizhnij Dzhulat; 31 — Pjatigorsk; 32 — Azak; 33 — Staryj Krym; 34 — Kerch; 35 — Kaffa; 36 — Sudak; 37 — Kherson; 38 — Monkastro/Cetatea Albă; 39 — Lozova; 40 — Shekhr al-Zhedid/Old Orhei; 41 — Costești; 42 — Zaporozhie; 43 — Bolgar; 44 — Isker; 45 — Urgench.

Рис. 1. Карта поселений под властью Золотой Орды (по Fedorov-Davydov 1984: fig. 1): 1 — Селитренное; 2 — Царев; 3 — Водянский; 4 — Мечетное; 5 — Шишкин Бугор; 6 — Подstepное; 7 — Укек; 8 — Квасниковка; 9 — Колобовка; 10 — Лапас; 11 — Досанг; 12 — Безродное; 13 — Заплавное; 14 — Бахтияровка; 15 — Астрахань; 16 — Шареный Бугор; 17 — Хан-Тюбе и Томак-Тюбе; 18 — Самосдельское; Новорычанское, Дмитриевка; 19 — Иловля; 20 — Красный хутор; 21 — Райгородок; 22 — Сарайчик; 23 — Тендык; 24 — Сухореченское; 25 — Итаково; 26 — Мохша; 27 — Маджар; 28 — Сунжа; 29 — Верхний Джулат; 30 — Нижний Джулат; 31 — Пятигорск; 32 — Азак; 33 — Старый Крым; 34 — Керчь; 35 — Каффа; 36 — Судак; 37 — Херсон; 38 — Монакстро/Четата Албă; 39 — Лозова; 40 — Шехр-ал-Джедид/Старый Орхей; 41 — Костешть; 42 — Запорожье; 43 — Болгар; 44 — Искер; 45 — Ургенч.

lowish, enamelled paste (Polevoi 1969; Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Кравченко 1986) and it corresponds to the area where we have concluded an intense circulation of the coins issued by the khans of the Golden Horde (Polevoi 1969a; Spinei 1994: 238).

Besides the rural settlements with ceramic vestiges typical for the centres of the Golden Horde in the east of Moldavia, other settlements from the fourteenth century were identified, where records of the material culture pertaining to local tradition were discovered, such as the sites of Hansca, Hlincea (Spinei 1994: 238).

The open rural settlements with vestiges of the material culture specific to Mongol civilization constituted within the borders of the Golden Horde were largely placed on low terraces, in the river floodplains and to a smaller extent on dominant promontories. Among the rural settlements, we mention the one at *Lozova-Oașta* (dep. of Strășeni), placed in the valley of the Bâcovăț River, where two pottery hearths were studied (Рафалович, Полевой 1964), a dwelling with a pit for grain supplies (Полевой, Бырня 1974: 11, 33). The treasury of Juchid coins discovered at Lozova comprises 30 items, most of

Fig. 2. Map of the settlements with archaeological vestiges from the period of the Golden Horde in Moldova (A — cities; B — rural settlements; C — funerary complexes): 1 — Anenii; 2 — Bardar; 3 — Bârlad; 4 — Bosia; 5 — Brănești; 6 — Brăviceni; 7 — Calfa; 8 — Căușenii Vechi; 9 — Monkastru/Cetatea Albă; 10 — Chilia; 11 — Costești; 12 — Greblești; 13 — Hansca; 14 — Hlincea; 15 — Horești; 16 — Horodca; 17 — Ivancea; 18 — Lozova; 19 — Lucașeuca; 20 — Mana; 21 — Mășcăuți; 22 — Mlădinești; 23 — Molești; 24 — Muncești (Chișinău); 25 — Nimoreni; 26 — Oancea; 27 — Shekhr al Dzhedid/Old Orkhei; 28 — Oțeleni; 29 — Parcani; 30 — Părtăștii de Jos; 31 — Pîrjolteni; 32 — Revaca; 33 — Rusca; 34 — Strășeni; 35 — Sucleia; 36 — Tiraspol; 37 — Tîrnăuca; 38 — Trebujeni; 39 — Vorniceni; 40 — Zîmbreni.

Fig. 2. Карта поселений с археологическими материалами эпохи Золотой Орды в Молдове (A — города; B — сельские поселения; C — погребальные комплексы): 1 — Анений; 2 — Бардар; 3 — Бырлад; 4 — Босия; 5 — Брэнешть; 6 — Брэвичень; 7 — Калфа; 8 — Кэушений Векь; 9 — Монкастро/Четатя Албэ; 10 — Килия; 11 — Костешть; 12 — Греблешть; 13 — Ханска; 14 — Хлинча; 15 — Хорешть; 16 — Хородка; 17 — Иванча; 18 — Лозова; 19 — Лукашеука; 20 — Мана; 21 — Мэшкэуцэ; 22 — Млэдинешть; 23 — Молешть; 24 — Мунчешть (Кишинев); 25 — Ниморень; 26 — Оанча; 27 — Шехр-ал-Джедид/Старый Орхей; 28 — Оцелень; 29 — Паркань; 30 — Пэртэштій де Жос; 31 — Пыржолтень; 32 — Ревака; 33 — Руска; 34 — Стрэшень; 35 — Суклея; 36 — Тирасполь; 37 — Тырнэука; 38 — Требужень; 39 — Ворничень; 40 — Зымбрень.

them silver monetary emissions attributed to khan Abdallah (1362—1369) and certain countermarked items ascribed to the khans Djanibek (1339—1357) and Berdibek (1357—1360). This reflects certain realities related to the com-

mercial activities in this area, but mostly the political situation following the defeat of the three emirs (princes) from the western zones of the Golden Horde at Blue Waters (Sinie Vody), near the Bug, in 1362/1363, provoked by the coal-

tion led by the Lithuanian grand duke Algirdas (Nicolae 2015a; 2015b: 128, 130).

In the period 2013—2014, at Vorniceni-Gura Văii (dep. of Strășeni), two pottery hearths with grate dated to the fourteenth century were excavated. This find is significant for reconstructing the image of an artisan workshop that functioned in a rural settlement and for understanding aspects of the pottery practiced outside the existing urban centres throughout the Mongol domination at Costești, Old Orhei/Orheiul Vechi and Cetatea Albă. Furthermore, this find is important mostly for clarifying the issue of the continuity of the native population in this space and of the coexistence of local communities along with the native ethnic groups (Vornic, Tabuncic, Ursu 2015).

A significant discovery for reconstructing the spiritual life of the communities that lived in this space in the first half of the fourteenth century is represented by the funerary complex of Brăviceni (Orhei), studied through archaeological excavations in 1956 (Чеботаренко, Бырня 1960; Полевой, Бырня 1974: 35—36). The simple and ornamental enamelled graves made of bricks constituted veritable vaults and they showed similarities with some funerary complexes discovered at Orheiul Vechi.

The urban settlements identified at Costești, Old Orhei and Cetatea Albă represent important economic and political centres at the western borders of the Mongol empire, where local copper coin minting workshops were constituted. These three cities also had workshops that produced enamelled pottery, luxury pottery disseminated mainly in the urban setting (Spinei 1994: 255), as well as goldsmith workshops that executed various jewellery items of glass paste, silver and copper (Полевой 1969; Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Кравченко 1986). The development of the three urban centres in the east of Moldavia was ensured by the direct support of local Mongol leaders, who made efforts to encourage trade and crafts by bringing artisans from the Oriental countries and by having their own coins minted (Spinei 1994).

The first archaeological vestiges within this space pertaining to the period of the Golden Horde were pointed out by the historian Ștefan Ciobanu in 1924 (Ciobanu 1924) at Costești-Gârlea (dep. of Ialoveni). Ten years later, Teodor Porucic conducted the first archaeological excavations in the area of the site (Porucic 1934). The vestiges of the city at Costești-Gârlea with a surface estimated at around 400 ha — placed on the middle course of the Botna River — were further studied by field surveys and archaeological research in the post-war period by

G. D. Smirnov (1946), G. B. Fedorov (1950) and Em. Rikman (1954). Archaeological researches with significant results for the chronology and the material culture of the urban community at Costești-Gârlea were conducted by L. L. Polevoi (1957; 1959), E. N. Abyzova, P. P. Byrnia (1978; 1979), N. Telnov, T. Reaboi (1993), N. Russev and A. Gorodenco (2005). However, many of the materials discovered have not been used for their real value thus far. Moreover, in the year 2016, rescue archaeological researches in the “potter quarter” by Vl. Vornic — the manager of the National Archaeology Agency — led to important discoveries for reconstructing the history of the medieval city on Botna (Vornic 2017). The archaeological researches conducted thus far have brought to light the vestiges of an important urban centre with its own monetary emission (Полевой 1969a; Абызова, Травкин 2000; Nicolae 2005). It comprised several quarters, with houses made of stone and bricks, with various heating and cooking facilities and a system of water adduction using ceramic tubes, as well as dwellings buried in the ground or various artisan workshops, as well as facilities for obtaining certain construction materials, such as the limestone hearths. The archaeological excavations have revealed clear records of a material culture specific to the territories controlled by the khans of the Golden Horde, represented by various household items, common glass or clay vessels, as well as luxury vessels, jewellery and clothing items, a rich collection of coins, etc (Рикман 1955; Полевой 1969; Абызова 1982; Telnov, Reaboi 1997; Тельнов 1998; Тельнов, Рябой 2000; Vornic 2017).

Another city with characteristics typical to the material civilization of the Golden Horde — which towards the end of the fourteenth century became “the city from the seaside” of the future Country of Moldavia — is Cetatea Albă (modern-day Belgorod Dnestrovski, the region of Odesa). Placed on the Black Sea coast, at the mouth of the Dniestr River, the city had a substantial role for the transit commerce of the merchandises within the empire. Vestiges retrieved from the archaeological excavations starting mostly with the systematic researches in 1967—1984 and subsequently date the existence of the Mongol settlement at the end of the thirteenth century — the 60s—70s of the fourteenth century (Кравченко 1986: 4). Within the limits of the city, numerous archaeological excavations conducted as early as the beginning of the twentieth century by E. R. Stern revealed the vestiges of constructions typical for the Mongol civilization. Traces were found of a stone house, with one or more chambers, endowed with a system of water ad-

duction, heated using fire facilities made of stone or with tiles placed under the floor of the house, with hearths for cooking food, with production workshops for common and luxury cookware, for clothing and jewellery items, etc. (Кравченко 1986).

The urban settlement founded during the Mongol domination at Old Orhei, known in the literature as the Shekhr al-Dzhedid City (= *New Town*) (Янина 1977; Fedorov-Davydov, Абызова, Бырня, Нудельман 1981) is situated in the Răut River Valley (a tributary of the Dniester River), in the district of Orhei, 60 km North-East of Chişinău (the Republic of Moldova); it includes many cultural levels, from Prehistory to the late Middle Ages (15th—17th centuries) (Postică 2006, 2009).

The Shekhr al-Dzhedid City, placed on a dominant height and surrounded on three sides by the meandering Răut River, was an important political and economic centre in the region in mid 14th century, especially during the period 1363—1365, when it was the residence of Abdallah, Khan of the Golden Horde (Spinei 1994; 2006; Постикэ 2005). According to the researchers interested in the history of the cities founded by the Mongol khans, Shekhr al-Dzhedid (=Yangi Shekhr) was one of the 17 administrative and artisan centres within the Golden Horde with the right to mint coins bearing the name of the city (Егоров 1977: 124). The artisans brought from the empire came with architectural canons, with construction techniques and materials assessed for centuries, which they used masterfully when they edified the settlements within the Răut valley.

The topography of the city was determined by the influence of Mongol civilization, the central perimeter of the settlement being dominated by three monumental buildings: a mosque and two Caravanserais (Fig. 3). Commercial areas, workshops, three oriental bathrooms, the district of the urban patriciate, homes of simple city residents, two cemeteries, etc, were identified in the archaeological campaigns (Смирнов 1960; Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Бырня 1991; 1997; Рябой 1991; Gorodenco 2000; Postică 2006). The three monumental stone baths were built on the bank of the Răut River, two of them (no. 1 and 2) with a similar planimetry to Oriental baths and with elements of Roman tradition (Бырня, Зиливинская 1988). The artisans' quarter was placed in the eastern part of the city and it comprised workshops of potters, jewellery makers, blacksmiths, etc, surrounded by diverse annex structures, cisterns/tanks for water preservation, as well as dwellings, hearths, etc (Абызова, Бырня, Нудельман 1981). The cemeteries

were placed at the western periphery of the city (Великанова 1993).

A testimony of the intense circulation of merchandises from the Crimea, from the region of Lower Volga or from more remote areas of the Mongol empire was the discovery of a rich collection of luxury clay vessels, coins and other payment methods, such as the treasury of 65 silver ingots recently found at Old Orhei in 2007 (Boldureanu 2007; Kuroda 2017).

* * *

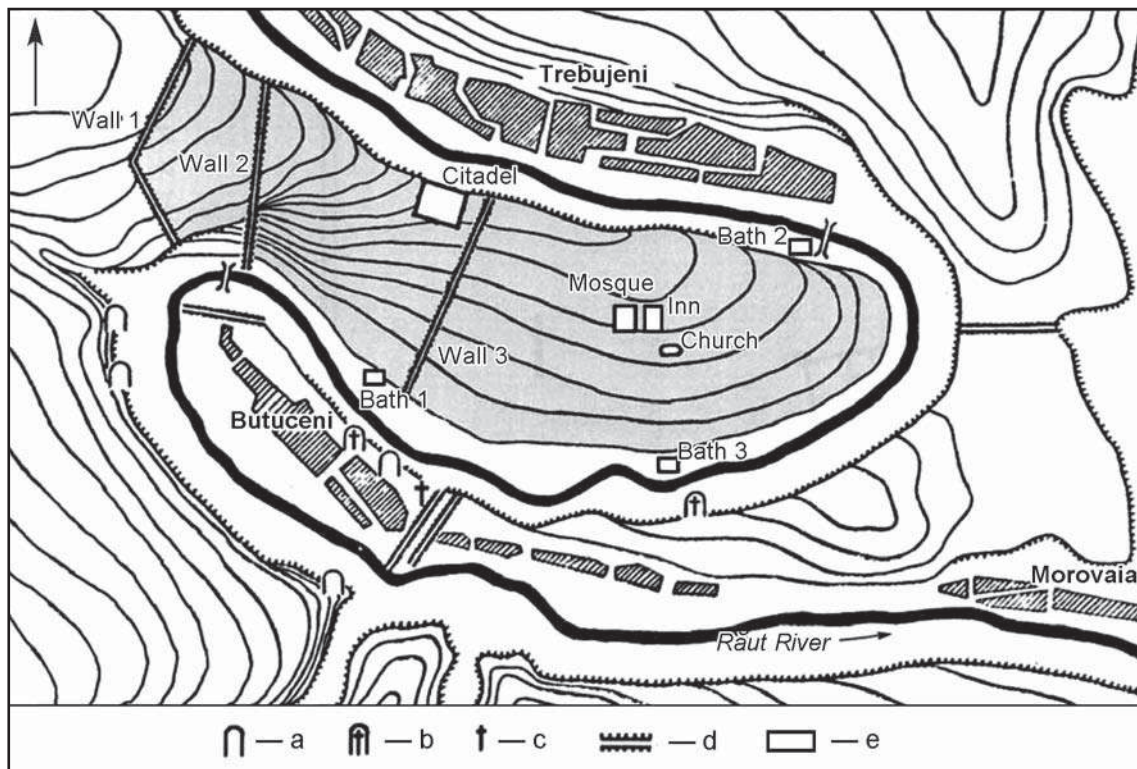
During the Middle Ages, food practices were different in cultural and religious dimensions, according to some mechanisms especially applied to meat consumption (Flandrin, Montanari 1996: 321). Based on these realities, in this paper we propose discerning some issues of food history and culture, to what extent emerge the influences of the ethnic/religious factor, in the Old Orhei urban settlement founded during the Mongol domination (Fedorov-Davydov 1984; Абызова, Бырня, Нудельман 1981).

In the present paper, the archaeological level of the Golden Horde period is analysed, and this assemblage is compared to level of 15th—17th centuries in order to account for a diachronic variability among the food resources of animal origin in the site of Old Orhei. This study, concerning the Old medieval Orhei, is mainly focused on the diversity of the food resources as reflected by the archaeozoological analyses. Previous archaeozoological studies for the medieval period in Old Orhei (e.g. Давид 1982; Bejenaru et al. 2003) discussed aspects related to animal species identified in the site, the proportion of wild and domestic species.

Archaeozoological results

The current stage of archaeozoological research is marked by the results obtained by several authors (e.g. V.I. Tsalkin, A.I. David, L. Bejenaru, and S. Stanc).

Tsalkin (1972) studied a sample of 615 faunal remains, but the published data are rather incomplete, the author referring only to the number of the estimated individuals for the identified species: 16 for cattle (*Bos taurus*), 12 for sheep/goat (*Ovis aries/Capra hircus*), 11 for pig (*Sus domesticus*), 3 for horse (*Equus caballus*), 3 for red deer (*Cervus elaphus*) and 2 for roe deer (*Capreolus capreolus*). It should also be mentioned that the author does not specify anything about the archaeological context and chronology of the complexes to which the skeletal remains belong. However, we notice the domina-

Fig. 3. General plan of the Old Orhei/Orheiul Vechi town (after Postică 2006). Legend: a — monastic cells; b — rupestral monastery; c — St. Maria Church; d — wall of soil; e — medieval stone buildings.

Fig. 3. Общий план городища Старый Орхей (по Postică 2006). Условные обозначения: а — монастырские кельи; б — разрушенный монастырь; с — церковь Св. Марии; d — земляные стены; e — средневековые каменные постройки.

tion of domestic species (represented by a total of 42 individuals), while wild ones are much less represented (only 5 individuals). Upon analyzing the faunal remains from the sites of Moldova and those located on the middle course of Volga, Tsalkin found great resemblance in the size of domestic animals, that were larger than those from the Russian settlements (Tsalkin 1972: 40). Tsalkin identified remains of red deer and roe deer in the archaeozoological sample from Old Orhei.

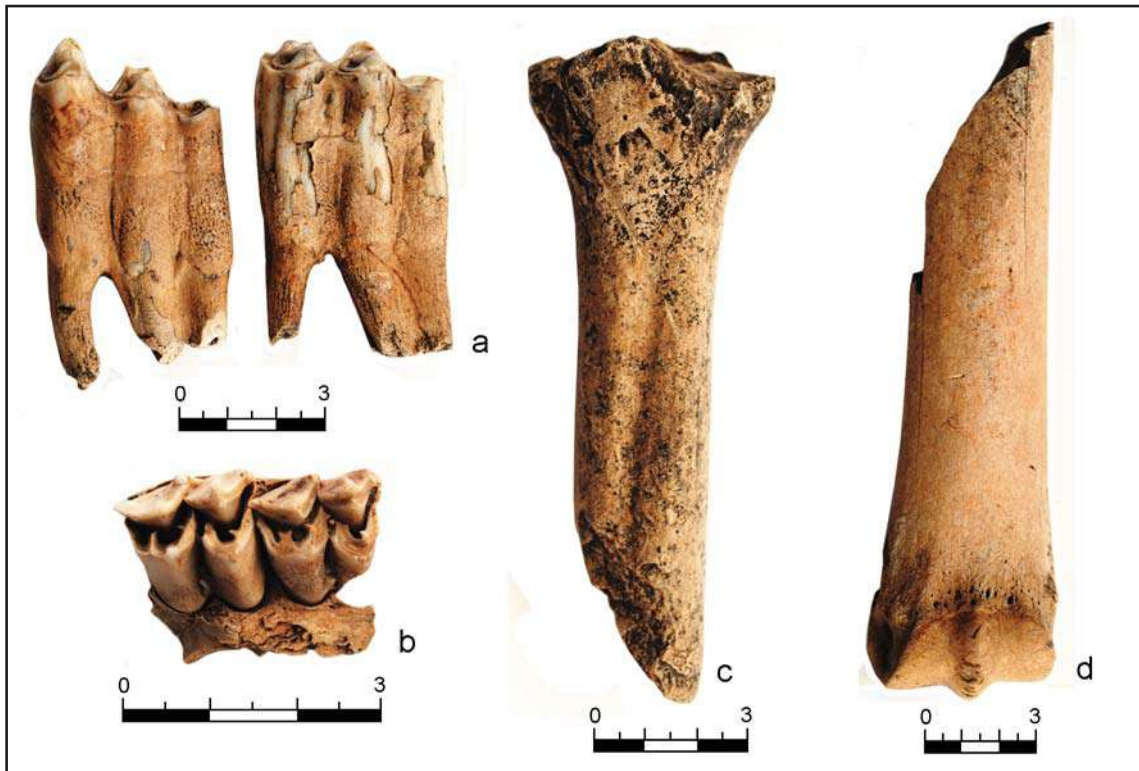
The study by David (1982) is more elaborate, using methods of quantifying animal species, both the number of remains (NR) and the minimum number of individuals (MNI). Unfortunately, as in the previous study, the author ignores any context or chronology of the archaeological complexes to which skeletal remains belong. Cattle has the highest frequency, followed by sheep/goat and then by pig. We also notice the remains of horse that probably was consumed, as it was shown by further studies. Of the wild species, the red deer prevails, followed by the roe deer.

Archaeozoological studies were continued after 2000 by L. Bejenaru and S. Stanc. The results concerning the archaeozoological assemblage

collected in the 1997—2001 campaigns brought more attention to the consumer diversity issue (Bejenaru et al. 2003). The medieval archaeozoological material is largely of domestic origin, as evidenced by numerous traces of butchery, identified on remains. The influence of the ethnic factor on the livestock structure is evident in this case. Among the fauna remains discovered in the 2010 archaeological campaign, only part of them has been studied, and preliminary results show the different animal food resources used by the native population¹. In the 2017 archaeological campaign, many fauna remains were discovered and recovered² (Fig. 4). Among these, skeletal remains belonging to complex 11 (house pit) (Golden Horde, 14th century) and complex 15 (house) (post-Mongol period, 15th century) were preliminarily analyzed. The same difference appears under the influence of the ethnic factor: sheep/goat and cattle are the main animal food

¹ Bejenaru L., Bacumenco-Pîrnău L., Stanc S. 2010. Unpublished data on the fauna remains from Old Orhei, discovered in the archaeological campaign of 2010.

² Bejenaru L., Bacumenco-Pîrnău L., Stanc S. 2017. Unpublished data on the fauna remains from Old Orhei, discovered in the archaeological campaign of 2017.

Fig. 4. Animal remains identified in the 2017 archaeological campaign at Old Orhei/Orheiul Vechi: a — teeth of sheep/goat; b — teeth of red deer; c — metatarsus fragment of cattle; d — metapodium fragment of horse.

Fig. 4. Остатки животных, определенные в полевой сезон 2017 года в Старом Орхее: а — зуб овцы/козы; б — зуб благородного оленя; с — фрагмент плюсны КРС; д — фрагмент метаподия лошади.

resources during the Mongol period; diversification of meat resources (pig and deer) in the post-Mongol period.

For the archaeozoological characterization of the Mongol period at Old Orhei, we have accumulated the results of the latest studies, which took into account the archaeological context and the chronology of the complexes from which the fauna remains come.

Animal husbandry, as mentioned above, has been the most important source of meat, both for the Mongol and post-Mongol period. From the list of the 7 domestic species identified, there is clear evidence of consumption (butchery marks) only for 5: cattle, sheep, goat, pig and horse. There is a clear difference with regard to the preferred type of meat: sheep/goat and cattle in the Mongol period; cattle, pig and sheep/goat in the post-Mongol period. In both periods, horse meat was also consumed (Table 1).

The hunting of mammals is better represented in the post-Mongol period. In the Mongol period hunting is sporadic, being almost unimportant as source of food (Table 2). The infrequent wildlife recorded for the Mongol period surprises, whereas it is known from contemporary documents that hunting was quite significant for

these people — hunting was practiced for food needs, procurement of fur and leather, and as a way of training for battle (Spinei 2015; 2015a). Furthermore, the Orhei region was well forested and rich in game.

Hunting was quite diversified during the post-Mongol period (7 species of identified mammals), but it appears focused on large species (red deer, roe deer, wild boar). Two other wild species must be noted: aurochs (*Bos primigenius*), a species extinguished from the present fauna, still hunted in Orheiul Vechi during the 15th—17th centuries; fallow deer (*Dama dama*), a species of Mediterranean origin, probably acclimated to a hunting reserve in forests of the Old Orhei area.

Fishing and harvesting molluscs are very poorly represented (Table 3). Only a few fish skeletal remains have been identified in the context of the Golden Horde period (Table 3). The low percentage of these remains must be considered undervalued given the recovery technique without sieving of the sediments. However, we can assume that the hydrological regime of the Orhei region — represented by rivers, lakes, ponds — was better exploited by fishing in the medieval period. We have to mention that in the 2017 ar-

Table 1.

**Cumulating quantification of domestic mammal assemblages
(1997—2001, 2010, 2017)**

Taxon		14 th Century (Golden Horde)	15 th —17 th Centuries (Post-Mongol Period)
		NISP	NISP
<i>Bos taurus</i>	Cattle	337	1418
<i>Ovis aries/Capra hircus</i>	Sheep/Goat	706	254
<i>Sus domesticus</i>	Pig	3	394
<i>Equus caballus</i>	Horse	71	56
<i>Canis familiaris</i>	Dog	56	25
<i>Felis domesticus</i>	Cat	1	3

(NISP = number of identified specimens).

Table 2.

**Cumulating quantification of wild mammal assemblages
(1997—2001, 2010, 2017)**

Taxon		14 th Century (Golden Horde)	15 th —17 th Centuries (Post-Mongol Period)
		NISP	NISP
<i>Cervus elaphus</i>	Red deer	0	81
<i>Capreolus capreolus</i>	Roe deer	1	16
<i>Dama dama</i>	Fallow deer	0	3
<i>Sus scrofa</i>	Wild boar	0	12
<i>Bos primigenius</i>	Aurochs	0	3
<i>Ursus arctos</i>	Bear	0	1
<i>Lepus europaeus</i>	Hare	6	2

Table 3.

**Cumulating quantification of fish and mollusk assemblages
(1997—2001, 2010, 2017)**

Taxon		14 th Century (Golden Horde)	15 th —17 th Centuries (Post-Mongol Period)
		NISP	NISP
<i>Acipenser</i> sp.	Sturgeon	9	4
Unidentified fish	Fish	63	4
Unidentified shell	Shell	4	0

chaeological campaign a special attention was paid to the recovery of fauna remains, with more fish remains recovered. In the current state of research, fishing appears better represented during the Mongol period. Some of the fish remains belong to sturgeon (*Acipenser* sp.), which has a special nutritional value (probably caught in the Dniester).

Meat consumption varied over time in the Mongol cities situated on the Volga River, as it is proven by the studies on the Bolgar city. Thus, Yavorskaya (2013) indicates for this settlement a decline in beef and horse consumption in 13th—14th centuries compared to the previous period. During the domination of the Golden Horde, within the Bolgar city, inhabitants consumed

more sheep/goat meat supplied from the steppes by nomads (Яворская 2013; 2015). Also, from the Mongol city of Costești (the Republic of Moldova), a preliminary archaeozoological analysis indicates a predominant consumption of sheep/goat, with a very standardized butchery technique³.

In the same context, the analysis of archaeozoological material found on Dzhuketau settlement indicates preferences of Tatar-Mongol people, of Golden Horde period, for beef cattle, horse and sheep/goat meat (Петренко

³ Bejenaru L., 2017. Unpublished data on the fauna remains from Costești, discovered in the archaeological campaign of 2016—2017.

2007; Петренко, Асылгараева, Набиуллин 2012). Considering the quantity of meat used in the food of the people from Dzhuketau, cattle is dominant, followed by horse and then by sheep/goat; but according to the minimum number of individuals, sheep/goat exceed horse, as common situation in all stages of the city development of the city (during pre-Mongol period and Golden Horde domination). Estimating the age at death (Петренко 2007), cattle bred for meat were slaughtered until two years old, and others surpassing this age (but very old individuals were not identified) were bred especially for milk; sheep/goat show the same pattern — the individuals bred for meat were slaughtered until one-year-old or around one-two years old, and others surpassing two years old were bred for wool and maybe milk. The horse bones belonged to young individuals, as the city was supplied with meat of superior quality; the meat of older horses was consumed in rural settlements.

In the capital of the Golden Horde, Sarai Berke city, the archaeozoological assemblage is dominated by domestic species, whereas wild animals account for only 0.2% of wild animals. Among domestic animals, two-thirds belong to sheep/goat; cattle were second place, followed by horse, while pig is almost absent (Петренко 2007).

Conclusions

Old Orhei represents one of the important economic and political centres at the western borders of the Golden Horde in mid 14th century. Its systematic study through archaeological excavations has led to the discovery of sig-

nificant vestiges for reconstructing the history of the city in general, the urban topography, the material culture and the aspects of the spiritual life of the communities living during those times. The osteological material has not been thoroughly studied throughout the numerous archaeological campaigns. However, the rich collection of osteological remains — gathered within the perimeter of this settlement — has enabled the outline of a general picture concerning the food resources of animal origin used by the communities within this area. Moreover, the outcomes of the analysis of archaeozoological data indicate certain connections with the realities identified in what concerns meat intake in other urban settlements of the Mongol empire.

The archaeological and archaeozoological studies concerning the medieval levels of Old Orhei show a diversity of animal resources exploited there mainly through animal husbandry and hunting. The archaeozoological samples pertaining to the 14th—17th centuries comprise about 90% NISP (number of identified specimens) of domestic animal remains. The consumers of animal products varied especially by their ethnicity. Thus, in the period of Mongol occupation (Golden Horde), the main domestic species used for nutrition were sheep/goat (*Ovis aries/Capra hircus*), cattle (*Bos taurus*) and horse (*Equus caballus*), similar to other contemporary Mongol settlements. Later, after the Mongol retreat, the livestock of the local economy changed, being mainly represented by cattle (*Bos taurus*) and pig (*Sus domesticus*).

The hunting records a very low rate during the Golden Horde period; it may be characteristic of the big Mongol cities.

Bibliography

- Bejenaru L., Bacumenco L., Stanc S. 2003. Date arheozoologice privind complexul Orheiul Vechi. *Tyragetia* XII, 85—91.
- Boldureanu A. 2007. Some Remarks on the Metrology of the Golden Horde Silver Ingots in the Light of a Hoard Found at the Orheiul Vechi. URL: <http://www.arheomet.ro/ro/evenimente/simpozion2007/rezumat/boldureanu.html> (accessed 20.12.2017).
- Brătianu Gh. 1999. *Marea Neagră de la origini până la cucerirea otomană*. Ed. a II-a, revăzută. Iași: Editiie îngrijită de V. Spinei.
- Cândea I. 2016. Cercetările arheologice din anii 1997—1998 de la Belgorod-Dnestrovsk (Cetatea Albă). In: Cândea I. (coord.). *Cetatea Albă: cercetări arheologice și istorice*. Brăila: Editura Istros, 61—150.
- Fedorov-Davydov G.A. 1984. *Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga*. München: Verlag C.N. Beck.
- Flandrin J.-L., Montanari M. (eds.). 1996. *Histoire de l'alimentation*. Paris: Fayard.
- Gorodenco A. 2000. *Ceramica locală de la Orheiul Vechi*. Brăila: Muzeul Brăilei.
- Kuroda A. 2017. Why and How Did Silver Dominate across Eurasia Late-13th through Mid-14th Century? Historical Backgrounds of the Silver Bars Unearthed from Orheiul Vechi. *Tyragetia* XI [XXVI] (1), 23—34.
- Nicolae E. 2005. Monedele de tip Costești-Gârlea. In: *Simpozion de Numismatică dedicat centenarului Societății Numismatice Române (1903—2003)*. Chișinău, 89—104.
- Nicolae E. 2015a. Monedele Hoardei de Aur. In: Boldureanu A., Nicolae E. (coord.). *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău: Biblioteca Științifică Centrală „Andrei Lupan”, 119—126.
- Nicolae E. 2015b. Monedele locale din perioada războiului civil din Hoarda de Aur: 1359—1369. In: Boldureanu A., Nicolae E. (coord.). *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău: Biblioteca Științifică Centrală „Andrei Lupan”, 126—131.
- Porucic T. 1934. Câteva cuvinte asupra stațiunilor preistorice dintre Prut și Nistru. *Arhivele Basarabiei* VI (1), 63—64.
- Postică Gh. 2006. *Orheiul Vechi. Cercetări arheologice*

- (1996—2001). Iași.
- Postică Gh. 2009. Istoricul cercetării arheologice în zona Orheiului Vechi. In: Sîrbu V., Luca Cr. (eds.). *Miscellanea Historica et Archaeologica in Honorem Professoris Ionel Cîndea*. Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros, 209—247.
- Spinei V. 1970. Unele considerații cu privire la descoperirile arheologice din Moldova din secolul al XII-lea pînă în prima jumătate a secolului al XIV-lea. *Studii și cercetări de istorie veche* 21 (4), 595—617.
- Spinei V. 1979. Începuturile vieții urbane la Bîrlad și problema berladnicilor. *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie „A. D. Xenopol”* XVI. Iași, 271—293.
- Spinei V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universităţii.
- Spinei V. 2006. Comerțul și geneza orașelor din sud-estul Moldovei (secolele XIII—XIV). In: Spinei V. *Universa Valachica: Români în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*. Chișinău: Cartdidact, 693—780.
- Spinei V. 2015. Hunting in the Mongol Society During The Great Expansion Age in Eurasia. In: Golden P. B., Kovalev R. K., Martinez A. P., Skaff J., Zimonyi A. (eds.). *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 21 (2014—2015). Festschrift for Thomas T. Allsen in Celebration of His 75th Birthday, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 215—276.
- Spinei V. 2015a. Vânătoarea la mongoli în epoca marii expansiuni în Eurasia. *Studii și Materiale de Istorie Medie* XXXIII, 9—84.
- Tabuncic S. 2006. Habitatul rural din răsăritul Țării Moldovei în secolele XIV—XVI, oglindit de izvoarele arheologice. In: *Civilizația medievală și modernă în Moldova. Studii în onoare Demir Dragnev*. Chișinău: Civitas, 34—45.
- Telnoy N., Reaboi T. 1997. Cercetarea orașului Hoardei de Aur Costești-Gârlea. *Tyragetia* IV—V (1994—1995), 139—146.
- Vornic V. 2017. Istoricul cercetării arheologice a orașului medieval de la Costești-Gârlea. *Revista Arheologică* XIII, 76—85.
- Vornic V., Tabuncic S., Ursu I. 2015. Noi descoperiri în situl arheologic medieval de la Vorniceni-Gura Văii In: Vornic V. (red. -șef). *Arheologia preventivă în Republica Moldova* II. Chișinău: Agenția Națională Arheologică, 95—104.
- Абызова Е. Н. 1982. Гончарная мастерская на поселении XIV в. у с. Костешты. *АИМ в 1977—1978 гг.*, 160—171.
- Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. 1981. *Древности Старого Орхей (золотоордынский период)*. Кишинев: Штиинца.
- Абызова Е. Н., Травкин С. Н. 2000. Некоторые особенности медных джучидских монет с поселения Костешты (Бессарабия). В: Евлевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья 1*. Донецк: ИА НАНУ; ДонНУ, 351—359.
- Бырня П. П. 1991. Из истории исследования Старого Орхей (1946—1958). В: *Археологические исследования в Старом Орхее*. Кишинев, 5—43.
- Бырня П. П. 1997. Топография золотоордынского города в Старом Орхее. В: *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău: AȘ RM, 267—282.
- Бырня П. П., Зиливинская Э. Д. 1988. Бани из Старого Орхей. В: Бырня П. П. (отв. ред.). *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 4—27.
- Великанова М. С. 1993. *Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам средневекового памятника Старый Орхей)*. Москва: Наука.
- Давид А. 1982. *Формирование териофауны Молдавии в антропогене*. Кишинев: Штиинца.
- Егоров В. Л. 1977. География городов Золотой Орды. СА (1), 114—125.
- Клейман И. Б. 2000. В начале славных дел... (М. Ф. Болтенко и раскопки в Аккермане в 1912 г.). *Stratum plus* (3), 85—87.
- Кравченко А. А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV в.)*. Киев: Наукова думка.
- Петренко А. Г. 2007. *Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам)*. Казань: ИИ АН РТ.
- Петренко А. Г., Асылгараева Г. Ш., Набиуллин Н. Г. 2012. Хозяйственная деятельность населения города Джукетау по данным археозоологических материалов. *Филология и культура* 28 (2), 274—281.
- Полевой Л. Л. 1969. *Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.* Кишинев: АН МССР.
- Полевой Л. Л. 1969a. Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля. В: Кетрару Н. А., Маркевич В. И. (ред.). *Далекое прошлое Молдавии*. Кишинев: АН МССР, 146—161.
- Полевой Л. Л. 1974. Памятники золотоордынского времени (XIV в.). В: *Древняя культура Молдавии*. Кишинев: Штиинца, 151—168.
- Полевой Л. Л., Бырня П. П. 1974. *Средневековые памятники XIV—XVII вв.* Археологическая карта Молдавской ССР 7. Кишинев: Штиинца.
- Постикэ Г. 2005. Цитадель золотоордынского города Шехр ал-Джедид (Старый Орхей, Молдова). РА (2), 151—155.
- Рафалович И. А., Полевой Л. Л. 1964. Раскопки гончарных горнов на поселении Лозово I. В: *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*. Кишинев, 241—247.
- Рикман Э. А. 1955. Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты. *Известия МФ АН СССР* 25 (5), 95—112.
- Рябой Т. Ф. 1991. Жилища золотоордынского времени из Старого Орхей. В: *Археологические исследования в Старом Орхее*. Кишинев, 72—91.
- Рябой Т. Ф., Тельнов Н. П. 1998. Костешты — золотоордынский центр XIV в. по производству поливной керамики в Днестровско-Прутском междуречье. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики*. Симферополь, 177—179.
- Смирнов Г. Д. 1954. Археологические исследования Старого Орхей. *КСИИМК* 56, 24—39.
- Смирнов Г. Д. 1960. Из истории Старого Орхей. *Известия МФ АН СССР* 70 (4), 77—87.
- Тельнов Н. П., Рябой Т. Ф. 2000. Золотоордынский город у с. Костешты в Молдавии. *Stratum plus* (5), 108—118.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.
- Цалкин В. И. 1972. Фауна из раскопок славянских памятников Молдавии. *Труды Московского общества испытателей природы* XLVIII, 38—65.
- Чеботаренко Г. Ф., Бырня П. П. 1960. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г. *Известия МФ АН СССР* 70 (4). Кишинев, 45—52.
- Яворская Л. В. 2013. Специфика заполнения культурных слоев и динамика мясного потребления в городе Болгар (по археозоологическим материалам раскопа CLXXIX). ПА 5 (3), 91—97.

Яворская Л. В. 2015. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам). В: Бочаров С. Г., Ситдиков А. Г. (отв. ред.). *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань; Симфе-

рополь; Кишинев: Stratum Plus, 197—206.

Янина С. А. 1977. «Новый город» (Янги-шехр=Шехр ал-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местонахождение. *Труды ГИМ* 49. Нумизматический сборник ГИМ V, 193—213.

References

- Bejenaru, L., Bacumenco, L., Stanc, S. 2003. Date arheozoologice privind complexul Orheiul Vechi. *Tyragetia* XII, 85—91.
- Boldureanu, A. 2007. Some Remarks on the Metrology of the Golden Horde Silver Ingots in the Light of a Hoard Found at the Orheiul Vechi. URL: <http://www.arheomet.ro/oro/evenimente/simpozion2007/rezumat/boldureanu.html> (accessed 20.12.2017).
- Brătianu, Gh. 1999. *Marea Neagră de la origini până la cucerirea otomană*. Ed. a II-a, revăzută. Iași: Editie îngrijită de V. Spinei.
- Cândea, I. 2016. Cercetările arheologice din anii 1997—1998 de la Belgorod-Dnestrovsk (Cetea Albă). In Cândea, I. (coord.). *Cetea Albă: cercetări arheologice și istorice*. Brăila: Editura Istros, 61—150.
- Fedorov-Davydov, G.A. 1984. *Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga*. München: Verlag, C.N. Beck.
- Flandrin, J.-L., Montanari, M. (eds.). 1996. *Histoire de l'alimentation*. Paris: Fayard.
- Gorodenco, A. 2000. *Ceramica locală de la Orheiul Vechi*. Brăila: Muzeul Brăilei.
- Kuroda, A. 2017. Why and How Did Silver Dominate across Eurasia Late-13th through Mid-14th Century? Historical Backgrounds of the Silver Bars Unearthed from Orheiul Vechi. *Tyragetia* XI [XXVI], 1, 23—34.
- Nicolae, E. 2005. Monedele de tip Costești-Gârlea. In *Simpozion de Numismatică dedicat centenarului Societății Numismatice Române (1903—2003)*. Chișinău, 89—104.
- Nicolae, E. 2015. Monedele Hoardei de Aur. In Boldureanu, A., Nicolae, E. (coord.). *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău: Biblioteca Științifică Centrală „Andrei Lupan”, 119—126.
- Nicolae, E. 2015. Monedele locale din perioada războiului civil din Hoarda de Aur: 1359—1369. In Boldureanu, A., Nicolae, E. (coord.). *Moneda în Republica Moldova*. Chișinău: Biblioteca Științifică Centrală „Andrei Lupan”, 126—131.
- Porucic, T. 1934. Câteva cuvinte asupra stațiilor preistorice dintre Prut și Nistru. *Arhivele Basarabiei* VI (1), 63—64.
- Postică, Gh. 2006. *Orheiul Vechi. Cercetări arheologice (1996—2001)*. Iași.
- Postică, Gh. 2009. Istoricul cercetării arheologice în zona Orheiului Vechi. In Sîrbu, V., Luca, Cr. (eds.). *Miscellanea Historica et Archaeologica in Honorem Professoris Ionel Căndea*. Brăila: Muzeul Brăilei; Editura Istros, 209—247.
- Spinei, V. 1979. Unele considerații cu privire la descoperirile arheologice din Moldova din secolul al XII-lea până în prima jumătate a secolului al XIV-lea. *Studii și cercetări de istorie veche* 21 (4), 595—617.
- Spinei, V. 1979. Începuturile vieții urbane la Bîrlad și problema berladnicilor. *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie „A.D. Xenopol”* XVI. Iași, 271—293.
- Spinei, V. 1994. *Moldova în secolele XI—XIV*. Chișinău: Universitas.
- Spinei, V. 2006. Comerțul și geneza orașelor din sud-estul Moldovei (secolele XIII—XIV). In Spinei, V. *Universa Vâlchica: România în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea*. Chișinău: Cartdidact, 693—780.
- Spinei, V. 2015. Hunting in the Mongol Society During The Great Expansion Age in Eurasia. In Golden, P.B., Kovalev, R.K., Martinez, A.P., Skaff, J., Zimonyi, A. (eds.). *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 21 (2014—2015). Festschrift for Thomas T. Allsen in Celebration of His 75th Birthday, Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 215—276.
- Spinei, V. 2015. Vânătoarea la mongoli în epoca mării expansiuni în Eurasia. *Studii și Materiale de Istorie Medie* XXXIII, 9—84.
- Tabuncic, S. 2006. Habitatul rural din răsăritul Țării Moldovei în secolele XIV—XVI, oglindit de izvoarele arheologice. In *Civilizația medievală și modernă în Moldova. Studii în onoare demir Dragnev*. Chișinău: Civitas, 34—45.
- Telnov, N., Reaboi, T. 1997. Cercetarea orașului Hoardei de Aur Costești-Gârlea. *Tyragetia* IV—V (1994—1995), 139—146.
- Vornic, Vl. 2017. Istoricul cercetării arheologice a orașului medieval de la Costești-Gârlea. *Revista Arheologică* XIII, 76—85.
- Vornic, Vl., Tabuncic, S., Ursu, I. 2015. Noi descoperiri în situl arheologic medieval de la Vorniceni-Gura Văii. In Vornic, V. (red.-șef). *Arheologia preventivă în Republica Moldova II*. Chișinău: Agenția Națională Arheologică, 95—104.
- Abyzova, E.N. 1982. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1977—1978 gg. (Archaeological Investigations in Moldova in 1977—1978)*, 160—171 (in Russian).
- Abyzova, E.N., Bîrnea, P.P., Nudel'man, A.A. 1981. *Drevnosti Starogo Orheia. Zolotoordynski period (Antiquities of Old Orhei (Golden Horde Period))*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Abyzova, E.N., Travkin, S.N. 2000. In Evglevskii, A.V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; Donetsk National University, 351—359 (in Russian).
- Bîrnea, P.P. 1991. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Starom Orkhee (Archaeological Investigations in the Old Orhei)*. Kishinev, 5—43 (in Russian).
- Bîrnea, P.P. 1997. In *Vestigii arheologice din Moldova*. Chișinău: AȘ RM, 267—282 (in Russian).
- Velikanova, M.S. 1993. *Antropologia srednevekovogo nasele-niia Moldavii (po materialam srednevekovogo pamiatnika Saryi Orkhei) (Anthropology of the Medieval Populations of Moldova: by Materials from the Medieval Site of Old Orhei)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- David, A.I. 1982. *Formirovanie teriofauny Moldavii v antropogene (Forming of the Theriofauna of Moldova in the Anthropogene)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
- Egorov, V.L. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 114—125 (in Russian).
- Bîrnea, P.P., Zilivinskaya, E. D. 1988. In Bîrnea, P.P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Dniester-Prut Interfluvie)*. Kishinev: “Știința” Publ., 4—27 (in Russian).
- Kleiman, I.B. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 85—87 (in Russian).
- Kravchenko, A.A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV vv.) (Medieval Belgorod on Dniester (Late 13th — 14th Centuries))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Petrenko, A.G. 2007. *Stanovlenie i razvitie osnov zhivotnovodcheskoi deiatel'nosti v istorii narodov Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (po arheozoologicheskim materialam) (Formation and Development of Animal Husbandry in History of Peoples of the Middle Volga Area and Cis-Urals (by archaeozoological materials))*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 3. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
- Petrenko, A.G., Asylgaraeva, G. Sh., Nabiullin, N.G. 2012. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 28 (2), 274—281 (in Russian).
- Polevoy, L.L. 1969. *Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV veke. Po materialam raskopok goncharnogo kvartala na poselenii Koseshty (The Urban Pottery-Making in the Prut and Dniester Area in the 14th Century: by materials of excavations of the potters' quarters on the Costești settlement)*. Kishinev: Institute of History, Academy of Sciences of the Moldavian SSR (in Russian).
- Polevoy, L.L. 1969. In Chetruar, N.A., Markevich, V.I. (eds.). *Dale-*

- koe proshloe Moldavii (*The Remote Past of Moldavia*). Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ., 146—161 (in Russian).
- Polevoy, L.L. 1974. In Zelenchuk, V.S. (ed.). *Drevniaia kul'tura Moldavii (Ancient Culture of Moldavia)*. Kishinev: "Știința" Publ., 151—168 (in Russian).
- Polevoy, L.L., Bîrnea, P.P. 1974. *Srednevekovye pamiatniki XIV—XVII vv. (Medieval Sites of 14th—17th Centuries)*. Series: Archaeological Map of the Moldavian SSR 7. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Postică, G. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (2), 151—155 (in Russian).
- Rafalovich, I.A., Polevoy, L.L. 1964. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldavskoi SSR (Materials and Investigations on the Archaeology and Ethnography of Moldavian SSR)*. Kishinev, 241—247 (in Russian).
- Rikman, E.A. 1955. In *Izvestiia Moldavskogo filiala Akademii nauk SSSR (Bulletin of the Moldovan Branch, Academy of Sciences of the USSR)* 25 (5), 95—112 (in Russian).
- Reaboi, T.F. 1991. In Bîrnea, P.P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Starom Orkhee (Archaeological Investigations in the Old Orhei)*. Kishinev: "Știința" Publ., 72—91 (in Russian).
- Reaboi, T.F., Tel'nov, N.P. 1998. In Solodovnikova, S.N., Kuznetsova, V.K., Nevedrova, R.G. (eds.). *Istoriko-kul'turnye sviazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X—XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki (The Historical and Cultural Connections of the Black Sea Region and the Mediterranean Area in 10th — 18th Centuries on the Basis of Glazed Pottery)*. Simferopol: "EKOSI-Gidrofizika" Publ., 177—179 (in Russian).
- Smimov, G.D. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 56, 24—39 (in Russian).
- Smimov, G.D. 1960. In *Izvestiia Moldavskogo filiala Akademii nauk SSSR (Bulletin of the Moldovan Branch, Academy of Sciences of the USSR)* 70 (4), 77—87 (in Russian).
- Tel'nov, N.P., Reaboi, T.F. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 108—118 (in Russian).
- Fyodorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Tsalkin, V.I. 1972. In *Trudy Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody (Bulletin of the Moscow Society of Naturalists)* XLVIII, 38—65 (in Russian).
- Chebotarenko, G.F., Bîrnea, P.P. 1960. In *Izvestiia Moldavskogo filiala Akademii nauk SSSR (Bulletin of the Moldovan Branch, Academy of Sciences of the USSR)* 70 (4). Kishinev, 45—52 (in Russian).
- Yavorskaya, L.V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 5 (3), 91—97 (in Russian).
- Yavorskaya, L.V. 2015. In Bocharov, S.G., Sitdikov, A.G. (eds.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 197—206 (in Russian).
- Yanina, S.A. 1977. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 49. Series: Numismatic Collected Papers of the State Historical Museum V, 193—213 (in Russian).

Список сокращений

- ААМ КГУ — Архив Археологического музея Казанского государственного университета. Казань.
 АВЕС — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
 АГПА — Армавирская государственная педагогическая академия. Армавир.
 АГПИ — Армавирский государственный педагогический институт. Армавир.
 АГПИ — Астраханский государственный педагогический институт. Астрахань.
 АГПУ — Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
 АГУ — Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова. Актюбе.
 АГУ — Астраханский государственный университет. Астрахань.
 АДЭСВ — Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
 АДУ — Археологічні дослідження в Україні. Київ.
 АЕС — Археология евразийских степей. Казань.
 АИАПМЗ — Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
 АИК — Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
 АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
 АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Москва; Псков.
 АКМ — Армавирский краеведческий музей. Армавир.
 АлГУ — Алтайский государственный университет. Барнаул.
 АмГУ — Амурский государственный университет. Благовещенск.
 АН — Академия наук.
 АН КазССР — Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата.
 АН РБ — Академия наук Республики Башкортостан. Уфа.
 АН РТ — Академия наук Республики Татарстан. Казань.
 АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Москва.
 АН ЧР — Академия наук Чеченской республики. Грозный.
 АНИИЭЯЛИ — Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории. Майкоп.
 АНСК — Археологическое наследие Саратовского края. Саратов.
 АО — Археологические открытия. Москва.
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
 АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
 АЭМК — Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
 БашГПУ — Башкирский государственный педагогический университет. Уфа.
 БГИАМЗ — Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Болгар.
 БГУ — Бурятский государственный университет. Улан-Удэ.
 БелГУ — Белгородский государственный университет. Белгород.
 БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
 БНЦ УрО АН СССР — Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук СССР. Уфа.
 БФ СО АН СССР — Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР. Улан-Удэ.
 БФАН СССР — Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа.
 ВА — Вестник антропологии. Москва.
 ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
 ВАГС — Волгоградский филиал Академии государственной службы. Волгоград.
 ВВ — Византийский временник. Москва.
 ВГПИ — Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
 ВГПУ — Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
 ВГУ — Воронежский государственный университет. Воронеж.
 ВДИ — Вестник древней истории. Москва.
 ВолГПИ — Волгоградский государственный педагогический институт. Волгоград.
 ВолГУ — Волгоградский государственный университет. Волгоград.
 ВСКИ — Вопросы северокавказской истории. Армавир.
 ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия.
 ВУАЭ — Волго-Уральская археологическая экспедиция АН СССР.
 ВФ РАНХиГС — Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Волгоград.
 ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
 ГАСК — Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь.
 ГАСО — Государственный архив Саратовской области. Саратов.
 ГВИПМЗ — Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник.
 ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
 ГМВ / ГМИНВ — Государственный музей искусств народов Востока. Москва.
 ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
 ГУП — Государственное унитарное предприятие.

ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДАС	— Донецкий археологический сборник. Донецк.
ДБ	— Древности Биляра. Казань.
ДВНЦ АН СССР	— Дальневосточный научный центр Академии наук СССР. Владивосток.
ДВО РАН	— Дальневосточное отделение Российской Академии наук. Владивосток.
ДГУ / ДонГУ	— Донецкий государственный университет. Донецк.
ДнГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК / ДСПиК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕНУ	— Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Астана.
ЗабГУ	— Забайкальский государственный университет. Чита.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ЗИАН	— Записки Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.
ЗКАЭ	— Западно-Казахстанская археологическая экспедиция.
ЗКМ	— Зимовниковский краеведческий музей. Зимовники.
ЗНУ	— Запорожский национальный университет. Запорожье.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА КН МОН РК	— Институт археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАИ	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК	— Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург.
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь.
ИАИ	— Известия Императорской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИГ СО РАН	— Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук. Иркутск.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИАЭ ДВО РАН	— Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Владивосток.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИФФ СО АН СССР	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск.
ИМБТ СО РАН	— Институт буддологии, тибетологии и монголоведения Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ.
ИМФ АН СССР	— Известия Молдавского филиала Академии наук СССР. Кишинев.
ИНК	— Историческое наследие Крыма. Симферополь.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
ИФЖ	— Историко-филологический журнал. Ереван.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Москва.
ИЯЛИ КНЦ РАН	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, Казанский научный центр Российской Академии наук. Казань.
ИЯЛИ КФАН СССР	— Институт языка, литературы и истории, Казанский филиал Академии наук СССР. Казань.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІМФЕ	— Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського Національної Академії наук України. Київ.
КалмГУ	— Калмыцкий государственный университет. Элиста.
КАЭ	— Кавказская археологическая экспедиция.
КАЭЭ	— Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КБИГИ	— Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Нальчик.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Краснодар.
КГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт. Куйбышев.
КГПУ	— Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск.
КГУ	— Куйбышевский государственный университет. Куйбышев.
КГУКИ	— Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Краснодар.
КИУ	— Казанский Императорский университет. Казань.

ККАЭЭ	— Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей. Красноярск.
КНИИ ИФЭ	— Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики. Элиста.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСКДА	— Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КузГТУ	— Кузбасский государственный технический университет. Кемерово.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины. Симферополь.
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск.
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Москва.
МАО	— Императорское Московское археологическое общество. Москва.
МарГУ	— Марийский государственный университет. Йошкар-Ола.
МарНИИЯЛИ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
МАРХИ	— Московский архитектурный институт. Москва.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГИКЗ	— Мангистауский государственный историко-культурный заповедник. Актау.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАП	— Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МИИКН СК	— Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении. Москва; Ленинград.
МИЦАИ	— Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд.
МНК	— Международная нумизматическая конференция.
МНПК	— Международная научно-практическая конференция.
МОН РК РК	— Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана / Нур-Султан.
МЮКАЭ	— Материалы Южно-крымской археологической экспедиции. Санкт-Петербург; Симферополь.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИИМК	— Научный архив Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
НА НЗХТ	— Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИИГН	— Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск.
НИИЯЛИ ЯАССР	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Якутской АССР. Якутск.
НМ РТ	— Национальный музей Республики Татарстан. Казань.
ННГУ	— Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород.
НОА ИА РАН	— Научно-отраслевой архив Института археологии Российской Академии наук. Москва.
НФ МА РТ	— Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан. Казань.
НЭ / НиЭ	— Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОмГПУ	— Омский государственный педагогический университет. Омск.
ОмГУ	— Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАЭ ИА АН СССР	— Поволжская археологическая экспедиция Института археологии Академии наук СССР.
ПАЭ МарГУ	— Поволжская археологическая экспедиция Марийского государственного университета.
ПГГПУ	— Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Пермь.
ПГПУ	— Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. Пенза.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РГУ	— Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону.
РИО	— редакционно-издательский отдел.
РМСАЭ	— Российско-монгольская совместная археологическая экспедиция.

РО НА ИИМК РАН	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
РЦСЭ МЮ РФ	— региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СамГПУ	— Самарский государственный педагогический университет. Самара.
СВ	— Средние века. Москва.
СВКНИИ ДВО РАН	— Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Магадан.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГУ	— Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
СЕЭС	— Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
СКФУ	— Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
СМИЗО	— Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Москва; Санкт-Петербург / Ленинград.
СМОПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СО	— Сибирское отделение.
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск.
СОИМК	— Самарский областной историко-краеведческий музей. Самара.
СОМК / СМК	— Саратовский областной музей краеведения. Саратов.
СОРГО	— Сибирский отдел Русского географического общества. Иркутск.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАК	— Саратовская [губернская] учёная архивная комиссия. Саратов.
СФУ	— Сибирский федеральный университет. Красноярск.
ТашГУ	— Ташкентский государственный университет. Ташкент.
ТБАЭ	— Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск.
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва.
ТКГПИ	— Труды Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев.
ТОКМ	— Тамбовский областной краеведческий музей. Тамбов.
ТомГУ	— Томский государственный университет. Томск.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТувГУ	— Тувинский государственный университет. Кызыл.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УдНИИ	— Удмуртский научно-исследовательский институт. Ижевск.
УЗ ХакНИИЯЛИ	— Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан.
УзЧНИИ	— Учёные записки Чувашского научно-исследовательского института. Чебоксары.
УИИЯЛ УрО РАН	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск.
УТОПК	— Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ФБУ	— Федеральное бюджетное учреждение.
ХакНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХАЭЭ АН СССР	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР.
ЦАИ АГПА	— Центр археологических исследований Армавирской государственной педагогической академии. Армавир.
ЦАИ АГПИ	— Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического института. Армавир.
ЧГИГН	— Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары.
ЧГКМ	— Челябинский государственный краеведческий музей. Челябинск.
ЧГУ	— Чеченский государственный университет. Грозный.
ЧГУ	— Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. Чебоксары.
ЧИНИИСФ	— Чечено-Ингушский государственный научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Грозный.
ЭКМ	— Энгельский краеведческий музей. Энгельс.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
ВНАМР	— Bolgar Historical and Architectural Museum-Reserve. Bolgar.
IEA RAS	— Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences. Moscow.
IPOS / IPND SB RAS	— Institute for Problems of Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Tyumen.
NM RT	— National Museum of the Republic of Tatarstan. Kazan.
RAS	— Russian Academy of Sciences. Moscow.
RMN	— Réunion des musées nationaux. Paris.
SMOA	— The State Museum of Oriental Art. Moscow.

Герман Алексеевич Фёдоров-Давыдов

(17 июля 1931 — 23 апреля 2000)

Российский историк и археолог, специалист по археологии, истории, нумизматике Золотой Орды и средневековой Восточной Европы, один из основателей и руководитель Поволжской археологической экспедиции. Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета, член-корреспондент Германского археологического общества с 1983 года, действительный член РАЕН, лауреат Ломоносовской премии I степени (1998 г.), координатор секции археологии Экспертного совета по истории, археологии, этнографии Российского гуманитарного научного фонда

stratum

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ARCHAEOLOGICAL RECORDS
OF EASTERN EUROPE

9 789975 319881 >